ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

А.Т. СИНЮК

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

ВОРОНЕЖ
Воронежский государственный педагогический университет
2014

УДК 930.26
ББК 63.4 (2)
Ф 35

Исследование выполнено при финансовой поддержке ВГПУ,
научный проект № 34

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук И.В. Федюнин

Научный редактор:
кандидат исторических наук С.Н. Гапочка

Составители:
кандидат исторических наук В.Д. Березуцкий
кандидат исторических наук Ю.Д. Разуваев
младший научный сотрудник А.Н. Меркулов

Рецензенты:
доктор исторических наук Платонова Н.И. (ИИМК РАН)
доктор исторических наук Ставицкий В.В. (ПГПУ)

А.Т. Синюк. Избранные труды / ред. Гапочка С.Н.,
Федюнин И.В. - Воронеж: ВГПУ, 2014. - 765 с.

ISBN

Настоящее издание является данью памяти выдающегося российского археолога и историка профессора Арсена Тиграновича Синюка. В нём собраны избранные статьи учёного, касающиеся проблематики археологии каменного и бронзового веков лесостепного Подонья. В приложении публикуются работы коллег-соратников и учеников А.Т. Синюка, даётся оценка его вклада в развитие Восточноевропейской археологии.

УДК 930.26
ББК 63.4 (2)

© Синюк А.Т., 2014
© Авторы статей, 2014
© Воронежский государственный
педагогический университет, 2014
© Изготовление оригинал-макета И.В. Федюнин

АРСЕН ТИГРАНОВИЧ СИНЮК

1939-2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник включает в себя работы разных лет известного российского ученого – Арсена Тиграновича Синюка. Выход в свет его избранных трудов обусловлен необходимостью переиздания статей, вышедших в свое время малым тиражом и представляющих собой в настоящее время библиографическую редкость.

А.Т. Синюк родился 22 ноября 1939 г. в Ленинграде. После службы в рядах вооруженных сил вернулся в Воронеж, куда к этому времени переехала его семья. Здесь он поступил на исторический факультет воронежского государственного университета. Здесь с первого курса он связал свою жизнь с археологией.

После окончания университета в 1966 г. Арсен Тигранович работал учителем в школе, научным консультантом Воронежского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, старшим научным сотрудником Воронежского областного краеведческого музея. В эти годы начинает оттачиваться мастерство археолога-профессионала.

В 1971 г. Арсен Тигранович заканчивает работу над кандидатской диссертацией по неолиту лесостепного Дона, в этом же году его приглашают на работу в Воронежский государственный педагогический институт, где он работал до своей смерти в 2012 г.

Молодой, красивый, талантливый преподаватель более сорока лет являлся любимцем студентов и надежной опорой молодых преподавателей факультета, со временем став легендой. К нему выпускники посылали учиться своих детей. Но главным делом его жизни стала наука. Десятки исследованных поселений и стоянок, сотни курганов стали тем камнем, на котором не только оттачивалось собственное мастерство, но и базировалась уже сложившаяся к тому времени научная школа.

Вклад в науку Арсена Тиграновича не ограничивался разработкой региональных проблем археологии: выделением рядя культур неолита, энеолита, бронзы, своим подходом к проблемам изучения древностей лесостепи. Им было положено начало выделения неолитических культур в лесостепи, энеолитических культур в условиях отсутствия металла, доказано сосуществование в определенных хронологических рамках в донской лесостепи культур эпохи бронзы – катакомбной, абашевской, ранней срубной, впервые было обосновано положение о жреческой принадлежности лиц, погребенных под курганами.

Итоги многолетних исследований изданы в десяти монографиях, полторы сотни статей, научных отчетах о полевых исследованиях, уникальном в своем роде каталоге стоимостной оценки археологических находок, сводах археологических источников. Под научным руководством А.Т. Синюка защищены семь кандидатских диссертаций, в Воронежском педуниверситете открыта аспирантура по специальности 07.00.06 «Археология». Сборник научных трудов «Археологические памятники Восточной Европы», выходящий в свет с 1978 г. по настоящее время по инициативе Арсена Тиграновича – по сути, единственное в Воронеже издание, на страницах которого ведется разработка проблем всех без исключения эпох донской археологии и сопредельных территорий – от палеолита до средневековья.

Оставаясь талантливым ученым, А.Т. Синюк немало времени уделял популяризации археологического наследия лесостепного Подонья. В результате работы студенческого кружка созрело детское археологическое движение, в настоящее время охватывающее фактически всю географию районов Воронежской области. Совместно с

А.З. Винниковым были изданы научно-популярные книги, рассматривавшие археологию донской лесостепи в контексте мировых древностей «По дорогам минувших столетий» (1990) и «Дорогами тысячелетий» (2003). Арсеном Тиграновичем сделано так много, что порой, кажется, сделать не в человеческих силах.

Авторство идеи издания избранных трудов А.Т. Синюка, представленных ниже, принадлежит его другу А.З. Винникову.

Коллектив авторов, работавших над этим сборником, посвящает его светлой памяти своего учителя.

1966

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ НЕОЛИТА У СТАНЦИИ ОТРОЖКА

Труды ВГУ, т. 64. Воронеж, 1966. С. 107-114.

Неолитическое поселение у станции Отрожка (в черте г. Воронежа) расположено на невысоком левом берегу р. Воронеж, по обе стороны от железнодорожного моста.

О существовании этого поселения стало известно с середины 20-х годов в результате разведок, проведенных сотрудниками Воронежского областного краеведческого музея С.Н. Замятиным и Д.Д. Леоновым[1]. В 1927 г. С. Н. Замятнин и Л. Динцес предприняли здесь раскопки[2]. В последующее предвоенное время сборы материалов с поселения проводились С.Н. Замятниным, Д.Д. Леоновым, Н.В. Валукинским и др., в результате чего была составлена интересная коллекция вещей неолитической эпохи[3]. В последние годы здесь вновь были предприняты сборы материалов сотрудником Воронежского областного краеведческого музея А.С. Демидовой и другими лицами.

В археологической литературе есть ссылки на материалы Отрожского поселения, но нигде не давалась их полная публикация.

Настоящая работа посвящена характеристике коллекции вещей с этого поселения[4], хранящихся в настоящее время в Воронежском областном краеведческом музее[5].

Керамику Отрожской коллекции по видам орнаментики и формам можно разде-

---

[1] Еще раньше С.Н. Замятнин отметил случайную находку неолитического молота из района Отрожки. (См.: «Очерки по доистории Воронежского края». Воронеж, 1922, стр. 8).

[2] По мнению Н.В. Валукинского (сотрудника того же музея), раскоп был заложен вне пределов культурного слоя поселения, «т. е. там. где находились древние остатки, снесенные с бугорка, тогда как весь основной материал стоянки сосредоточен значительно ближе к берегу». (См.: «Материалы к археологической карте г. Воронежа». СА, X, 1948, стр. 294). Однако при дальнейших обследованиях этого места аналогичные находки встречались не только у воды, по и на возвышенной части берега.

[3] Большая часть этих материалов погибла в период Отечественной войны, и только незначительная их часть хранится в МАЭ.

[4] См.: Д.Д. Леонов. Доисторические времена. Сб. «По нашему краю», Воронеж, 1928, стр. 26; Н.В. Валукинский. Разведки в Воронеже. СА, IV, 1937; Его же. По следам древних предков. Воронеж, 1940, стр. 22-23, рис. 3; Его же. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа. СА, X, 1948, стр. 293-294, рис. 3; П.П. Ефименко. Жилище времени бронзы, открытое на пойме Дона в окрестностях Костенок. ПИДО, 1934, № 5, стр. 47; М.Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, т. 29, 1952, стр. 169, рис, 89, 1-4; Ее же. Неолитическая стоянка Бисерево Озеро. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 32; Ее же. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 году. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 25; А.А. Формозов. О времени возникновения различий между северными и южными культурами каменного века. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр, 6; Его же. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 101; А.Ф. Шоков. Неолитические находки на Дону. «Известия ВГПИ», т. 26, 1958, стр. 181; В.П. Левенок. К характеристике культур мезолита, неолита и бронзы в Воронежском Подонье. «Изв. ВГПИ», т. 45, 1964, стр. 144 и след.; Его же. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону. МИА, т. 131, 1965, стр. 244 и след.

[5] Опись хранения № ВОМ-4650.

лить на четыре группы[1].

К первой группе относится керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом (рис. 1, 1-14). Она сравнительно тонкостенна (5-7 мм), в тесте — незначительная примесь мелкого песка. Обжиг хороший, обе стороны черепков имеют серо-желтый или коричневый цвет с красноватым оттенком. На внутренней, а иногда и на внешней стороне следы тщательного заглаживания. Сосуды были средних размеров, остродонны (рис. 1, 5) и сплошь покрывались зонным орнаментом.

В украшении сосудов господствует круглоямочный элемент (рис. 1, 1-5). Глубокие конические ямки располагаются в строго шахматном порядке, образуя на внутренней стороне сосудов бугорки — «негативы». На ряде фрагментов встречены маленькие неглубокие ямки (рис. 1, 5), иногда в сочетании с более крупными (рис. 1, 4). Другие сосуды украшены полукруглыми ямками, наносившимися, видимо, расщепленным вдоль белемнитом. В небольшом количестве встречены ямки иных очертаний: длинноовальные, квадратные и др., сделанные также специально отточенными стилями.

На других неолитических памятниках Верхнего и Среднего Подонья орнаментация сосудов квадратными ямками не встречена, но в области распространения льяловской культуры подобная форма ямок в украшении посуды известна[2].

Гребенчатый элемент в этой группе керамики играет подчиненную роль. Штамп гребенки всегда мелкий, опоясывает сосуды четко выраженными горизонтальными рядами из коротких наклонных насечек.

Преобладание ямочного элемента над гребенчатым, зональность, тщательное выполнение орнамента, шахматное расположение ямок — все эти детали свидетельствуют об относительной древности керамики[3]. По мнению В.П. Левенка, она близка керамике верхнего яруса среднего горизонта Долговской стоянки[4]. Однако наличие полукруглых ямок на ряде фрагментов отрожской керамики дает повод искать их связь и с более ранними комплексами той же стоянки[5].

Ко второй группе керамики мы относим сосуды также ямочно-гребенчатого типа. Однако, в отличие от первой группы, круглоямочный элемент здесь уже не играет столь большой роли (рис. 1, 15-19), зато увеличивается значение орнаментации зубчатым штампом. В большинстве случаев он наносился «отступающим» приемом. Различного вида зубчатые штампы образуют «елочку», строчечные линии, ряды из коротких насечек, идущих горизонтально или под углом относительно поверхности сосуда. Встречены сочетания различных видов штампа (рис. 1, 19). В эту группу включена керамика, орнаментированная ямочными вдавлениями разнообразных форм: ромбоидальных (рис. 1, 21, 22), подпрямоугольных (рис. 1, 23), трапециевидных (рис. 1, 24) и т. д. Все они, как правило, наносились «отступающей» техникой. Подобная керамика известна по материалам позднеолитических поселений с ямочно-гребенчатой кера-

[1] Стратиграфические наблюдения отсутствуют. В.П. Левенок считает, что культурный слой поселения к настоящему времени полностью уничтожен. (См.: «К характеристике культур мезолита, неолита и бронзы в Воронежском Подонье», стр. 144).

[2] См.: А.В. Успенская и Ю.А. Краснов. Новая неолитическая стоянка в Подмосковье. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 91, рис. 28, 4.

[3] См.: М.Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР, стр. 154; А.Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 47; А.А. Формозов. Этнокультурные области.., стр. 98.

[4] См.: В.П. Левенок. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону, стр. 244.

[5] Там же, стр. 237.

микой на территории лесостепи, население которых, по мнению ряда исследователей, развивалось под воздействием племен днепро-донецкой культуры[1]. Такие материалы датируются серединой - второй половиной III тыс. до н.э[2]. К этому времени может быть отнесена и отрожская керамика второй группы.

В материалах Отрожского поселения есть керамика и собственно днепро-донецкого типа, выделенная нами в третью группу (рис. 2, 1-11). Керамика этой группы хорошо обожжена, в. тесте — примесь мелкого песка. Горшки были округлотелыми, со слабо развитым венчиком (рис. 2, 1, 2, 4). Подобная форма сосудов находит аналогии среди материалов заключительного этапа днепро-донецкой культуры[3]. Этому времени соответствует также и хороший обжиг и примесь в глине песка[4]. Орнаментация состоит из гребенчатых и накольчатых элементов. Наколы, обычно подтреугольные, скомпанованы в строчки и опоясывают сосуд горизонтальными линиями (рис. 2, 6, 7, 9, 11). Реже они образуют более сложные угловые композиции (рис. 2, 8, 10). Под краем венчика сосудов идет ряд глубоких цилиндрических ямок (рис. 2, 1-3) — один из признаков орнаментики посуды днепро-донецкой культуры[5]. Такая орнаментация присутствует на сосудах этой культуры как на ранних, так и на поздних ее стадиях. Интересно отметить один венчик, по форме напоминающий венчик сосуда с позднеолитической стоянки Устье Оскола-1[6], но своеобразно украшенный вертикальными рядами из насечек зубчатого штампа (рис. 2, 3). Среди керамики третьей группы есть несколько фрагментов, украшенных отпечатками мелкого зубчатого штампа в виде наклонных и пересекающихся линий и имеющих в тесте растительную примесь (рис. 2, 1). По формам и степени обжига они не выделяются из остальной керамики этой группы. Что же касается растительной примеси, то она применялась и на ранних, и на поздних стадиях существования днепро-донецкой культуры[7].

В целом керамику рассмотренной группы можно считать наиболее близкой материалам из поселений днепро-донецкой культуры типа Устья Оскола-I и нижнего слоя Александрии.

Керамика четвертой группы может быть отнесена к энеолитической эпохе (рис. 2, 12, 16). Здесь прежде всего нужно отметить фрагмент сосуда раннеямного типа (рис. 2, 12), аналогии формы которому можно найти среди материалов верхнего энеолитического слоя Александрии[8] и других мест Северного Донца[9]. Фрагмент хорошо обожжен, в тесте — большая примесь ракушки. Характерной деталью его орнаментации являются ямки под венчиком, нанесенные с внешней и внутренней стороны. Такая деталь встречена на сосудах древнеямной культурной общности Приднепровья,

[1] См.: Д.Я. Телегин. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре. СА, № 4, 1961, стр. 38; Его же. О хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины. СА, № 4, 1962, стр. 36; М.Е. Фосс. Исследования неолитических стоянок.., стр. 25.

[2] См.: Д.Я. Телегин. О хронологии.., стр. 36.

[3] См.: Д.Я. Телегин. Энеолитическое поселение и могильник у хутора Александрия. КСИА, № 9, 1960, стр. 13, рис. 2, 6, 7.

[4] Там же, стр. 14, 15.

[5] См.: Д. Я. Телегин. К вопросу.., стр. 36.

[6] См.: Д.Я. Телегин. Раскопки неолитических стоянок в устье р. Оскола. МИА, т. 79, 1960, стр. 181, рис. 6

[7] См.: Д.Я. Телегин. Неолитические памятники среднего течения Северного Донца. СА, XXIX-XXX, 1959, стр. 170.

[8] См.: Д.Я. Телегин. Энеолитическое поселение.., стр. 16.

[9] Там же, стр. 17, рис. 3, 6.

а также на Дону, с поселения у хут. Репина[1]. Близкий по форме первому — другой фрагмент венчика (рис. 2, 13), но иначе орнаментированный, и с пористой структурой теста. К более позднему периоду бытования ямных культур могут быть отнесены еще два фрагмента венчиков (рис. 2, 14, 15). Первый из них имеет в тесте ракушечную примесь.

Часть керамики с Отрожского поселения относится к многоваликовому этапу катакомбной культуры (рис. 2, 17, 18). С эпохой бронзы связывается и обломок глиняной литейной формочки (рис. 2, 19).

Кремневый материал коллекции состоит из наконечника копья (рис. 2, 20), обломка стрелы (рис. 2, 21), скребков (рис. 2, 24, 25, 27-31), ножевидных пластин (рис. 2, 22, 26), резцов (рис. 2, 23, 33) и проколки (рис. 2, 32). Все орудия сделаны из серого мелового кремня, за исключением одной ножевидной пластины, имеющей оранжевый цвет (рис. 2, 22).

Наконечник копья сделан на отщепе, имеет правильную листовидную форму. По обеим поверхностям он обработан сколами, а по краям — отжимной ретушью.

Стрелка имеет одностороннюю обработку с подправкой краев более мелкой ретушью. На спинке она имеет грань, образованную на стыке отжимов.

Скребки представлены на пластинах (рис. 2, 24, 25, 30) и на отщепах (рис. 2, 27-29). Все они небольших размеров, обработаны по одной стороне крутой краевой ретушью. Форма скребков полукруглая, лишь у одного на лезвии выделен уголок (рис. 2, 29).

Имеется скребок, сделанный на продольной стороне обломка пластины, у которого подретуширован противоположный лезвию край (рис. 2, 30).

Интересен небольшой отщеп, выполнявший, видимо, функции скребка, проколки и режущего инструмента (рис. 2, 31).

К типам режущих орудий относятся два резца и две ножевидные пластинки.

Один из резцов сделан на отщепе, имеет маленький закругленный ретушью рабочий край (рис. 2, 33). Второй образован на краю обработанной стороны ножевидной пластинки (рис. 2, 23).

Пластины небольших размеров обработаны по краю отжимной ретушью (рис. 2, 22, 26). На последней следы обработки имеются и по краям другой стороны. Мелкий отщеп с частичной ретушью служил, надо полагать, в качестве проколки (рис. 2, 32).

У нас складывается мнение о близости кремневых орудий Отрожской коллекции с неолитическими материалами Волго-Окской культурной области.

Неолитическая эпоха представляет собой наименее изученный период древнейшей истории Верхнего и Среднего Подонья, и поэтому каждый новый, даже незначительный археологический материал приобретает определенный интерес в плане дальнейшего изучения указанного периода.

[1] См.: И.В. Синицын. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Приднепровьем. КСИА, вып. 7, 1957, стр. 34, рис. 2.

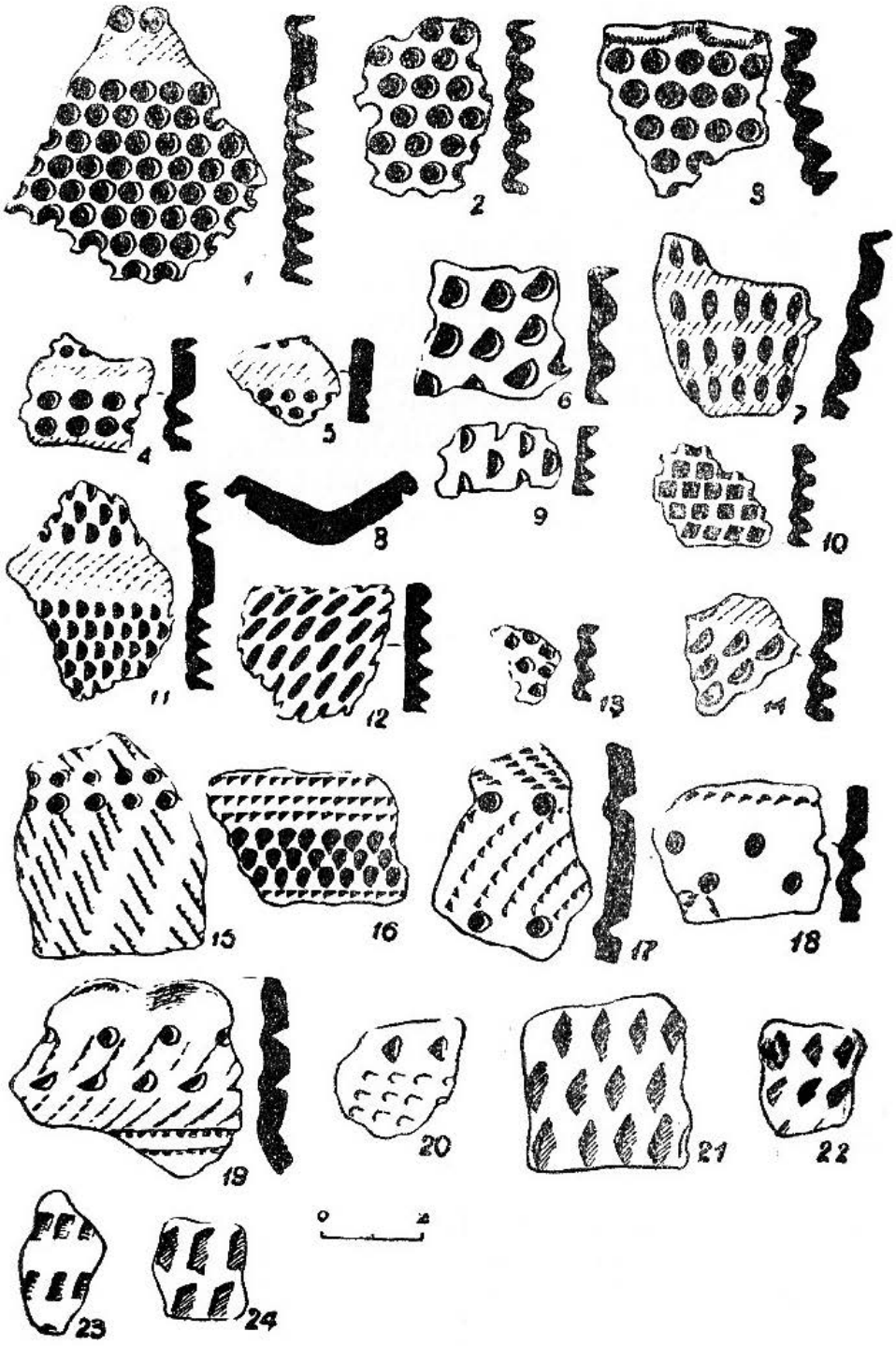


Рис. 1

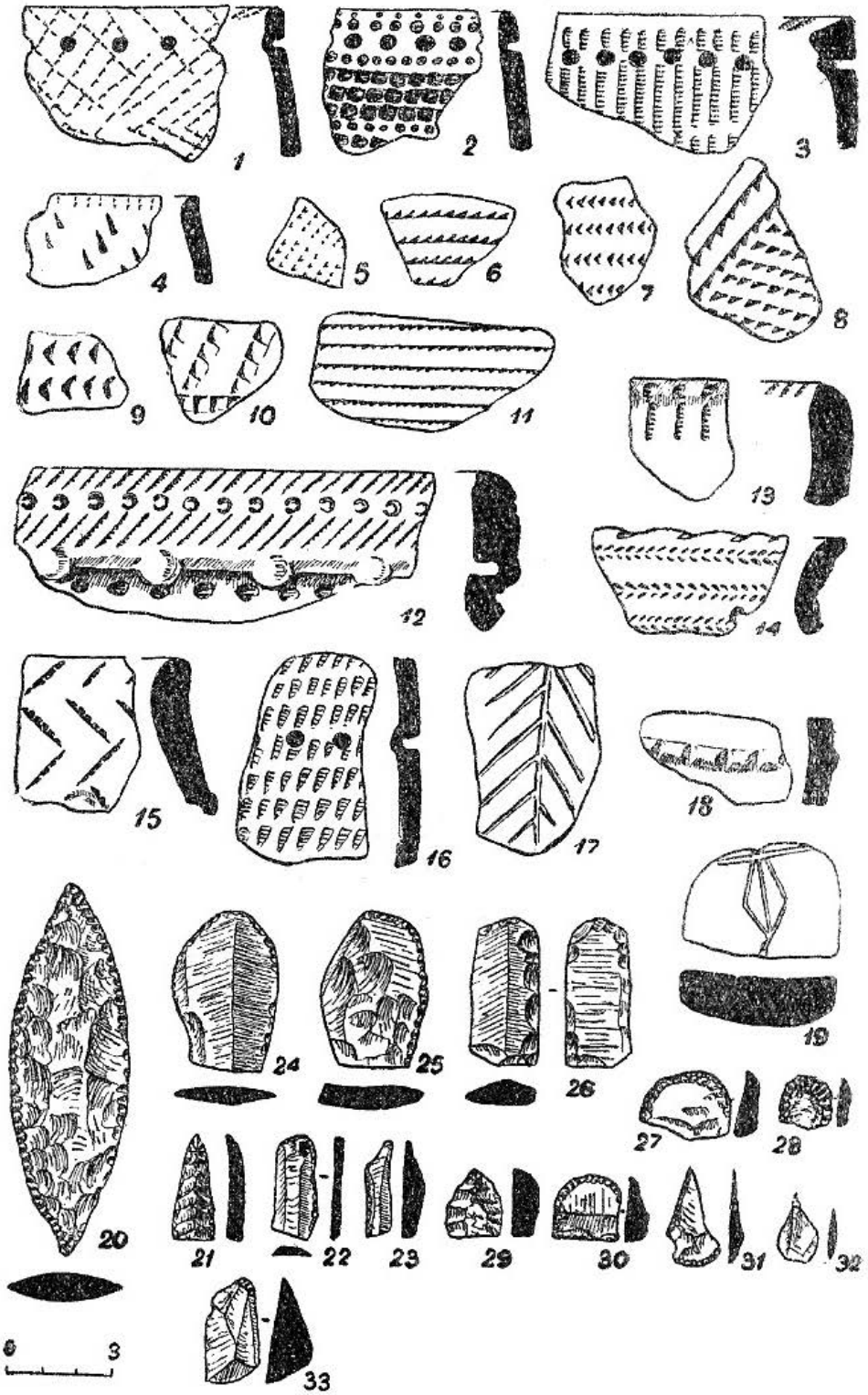

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
24
25
26
27
28
21
22
23
29
30
31
32
33
0
3

Рис. 2

ЛЮБОР НИДЕРЛЕ
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Вопросы истории славян. Вып. 2. Воронеж: ВГУ, 1966. С. 289-291.

Имя Любора Нидерле, выдающегося чешского историка и археолога, посвятившего свою жизнь изучению древней истории славян, пользуется заслуженным признанием не только в Чехословакии, но и далеко за ее пределами.

Л. Нидерле родился 20 сентября 1865 г. в чешском городе Клатови. После окончания гимназии он поступил на философский факультет Пражского университета. Еще в студенческие годы молодой Любор Нидерле обнаружил незаурядные исследовательские данные, занимаясь классической археологией и античным искусством под руководством проф. Мирослава Тиржа.

По окончании университета Нидерле был оставлен при кафедре классической археологии; в 1889 г. он становится профессором, а спустя 2 года — доцентом Пражского университета, где преподает археологию и антропологию. Однако в дальнейшем Нидерле не специализируется в области античности. Обладая большой эрудицией и глубокими знаниями по многим разделам археологии, а также антропологии, этнографии и другим наукам, он работает над воссозданием широкого полотна истории человечества. Его труд завершился изданием в 1893 г. в Праге книги «Человечество в доисторические времена», посвященной археологии Европы от палеолита до средневековья. Уже в этой книге поражает колоссальный объем фактического материала, собранный и обобщенный исследователем. Нидерле первым из славянских ученых дал широкое описание древностей славянских стран, рассматривая их на общем фоне европейской археологии. Для освещения в этой работе русских древностей Нидерле не ограничился изучением всех имевшихся письменных источников и литературы, но и сам приезжал в Россию, где знакомился с коллекциями ряда музеев. Не случайно поэтому, в 1898 г. книга Нидерле была переведена на русский язык и имела большой успех. Сам автор принял непосредственное участие в подготовке русского издания своего труда, тщательно проверяя перевод, внося в него дополнения на основании новейших археологических открытий. Появление книги Нидерле в русском переводе положило начало знакомству русских читателей с работами чешского археолога.

Диапазон научных интересов Нидерле был очень широк. В 90-е годы он много сделал для развития тогда еще молодых наук антропологии и этнографии, опубликовав ряд специальных статей. В то же время Л. Нидерле интересовался и проблемами современного развития славянства. Наиболее значительной .его работой в этой области явилось «Обозрение современного славянства» (Прага, 1909), написанное для «Энциклопедии славянской филологии».

В годы первой мировой войны усилившийся подъем национального самосознания славянских народов придал особую актуальность этой работе, а объективность изложенных в ней проблем сделали «Обозрение» надежным пособием для изучения современного славянского мира. Вот почему, эта работа, вскоре после ее издания в Праге, вышла на русском, а зам на словацком, французском и английском языках.

С 1901 г. в Чехии начал выходить в свет основной капитальный труд Л. Нидерле «Славянские древности».

Уже появление первых его частей вызвало в кругах русской научной общественности живой интерес к этому исследованию. Русский лингвист Л.И. Соболевский в рецензии на книгу Нидерле писал: «Следует воздать должное учености и трудолюбию автора. Едва ли найдется у нас другой ученый, который был бы столь хорошо знаком с разновременной и разнообразной литературой предмета, разбросанной по специальным журналам и далеко не всегда вознаграждающей читателя за труд чтения; разве не многие ученые могут так хорошо разобраться в противоречивых мнении которыми изобилует наука славянских древностей. Вообще следует сказать, что проф. Нидерле сделал все, что можно сделать в данной области и на стоящее время и при настоящем положении науки»[1]. В 1904 г. первая часть «Славянских древностей» вышла в русском переводе в виде приложении к киевскому журналу «Археологическая летопись Южной России»

По выходе в свет в 1925 г. последней части «Славянских древностей» завершился

[1] «Журнал Министерства народного просвещения», 1902 г., июнь, стр. 388.

огромный труд — «подлинная энциклопедия истории и культуры древних славян»[1], до настоящего времени не имеющий себе равного. Обобщив огромный фактический материал, опираясь на данные археологии, этнографии, лингвистики и других наук, Нидерле представил миру яркую и самобытную культуру славянских народов, проследил их общность в раннем средневековье. Нидерле выступил против попыток со стороны реакционных историков принизить древнюю культуру славян, оставаясь тем не менее в своих выводах далеким от каких-либо националистических преувеличений.

Для широкого круга читателей Нидерле написал сжатое изложение своих «Славянских древностей» в двух томах, изданных впервые на французском языке в 1923 и 1926 гг. под названием «Руководство по славянским древностям»[2]. В то же время, как отметил сам автор, эта работа может считаться самостоятельным исследованием, ввиду расширения и изменения части материала[3]. В 1953 г. «Руководство» было переведено в Праге на чешский язык, а в 1956 г. в СССР вышел русский перевод с чешского издания. Эта книга является настольной у всех советских исследователей, занимающихся изучением жизни древних славян. Ее многочисленные достоинства, а также некоторые устаревшие положения отмечены в предисловии П.Н. Третьякова.

В 1931 г. в Праге вышла последняя крупная работа Л. Нидерле «Руководство по славянской археологии»[4], в которой автор, обобщив основные итоги своих многолетних исследований, дал программу дальнейшего изучения славянских древностей.

Многогранная научная деятельность Л. Нидерле получила широкое признание при жизни ученого, о чем свидетельствует избрание его членом ряда Академий европейских стран. В 1906 г. Нидерле был избран член-корреспондентом Петербургской Академии наук, Второе отделение которой являлось к тому времени признанным центром славяноведения, и это избрание было особенно дорого Нидерле.

Параллельно с научной деятельностью Л. Нидерле вел и обширную редакторскую работу. С 1891 по 1928 г. он вместе с другим чешским ученым Ченеком Зибртом являлся редактором этнографического журнала «Чешский народ»[5]. В 1898 г. Нидерле предпринял издание журнала «Вестник славянских древностей»[6], который представлял обзор новых трудов по древней истории славян. С 1901 г. этот журнал был расширен и выходил под названием «Вестник славянской филологии и древностей»[7], где печатался обзор трудов не только по славянским древностям, но также и по славянскому языкознанию, этнографии, истории литератур. Появление в свет «Вестника» приветствовали многие славянские ученые. Как отмечалось в русской печати, этот журнал стоял выше специального библиографического указателя, издававшегося тогда Петербургской Академией наук, и более чем вдвое превышал последнего по объему[8].

Неутомимый энтузиаст и патриот, Нидерле много сделал для того, чтобы памятники истории прошлого были доступны широким слоям народа. В 1896 г. по его инициативе был создан Пражский народный музей, первым директором которого явился сам Нидерле. Он принимал активное участие в организации Славянского института. И наконец, в 1919 г. по представлению Нидерле в Праге был открыт Институт археологии.

До последних дней своей жизни Нидерле отдавал знания, талант и энергию служению горячо любимой им Родине. Этому не могла помешать даже тяжелая болезнь, которая на протяжении многих лет подтачивала силы ученого. Умер он 14 июля 1944 г., немного не дожив до дня освобождения своей страны от фашизма.

Трудно переоценить всю многогранную деятельность Любора Нидерле. Его научные труды, и в первую очередь «Славянские древности», сохраняют свое выдающееся значение и поныне.

О самом Нидерле можно сказать его же словами, обращенными к П. Шафарику: «Его имя всегда будет сиять среди имен корифеев славянских народов»[9].

---

[1] П.Н. Третьяков. Предисловие к книге Л. Нидерле «Славянские древности», М., 1956, стр. 6.
[2] Manuel de l'antiquite slave.
[3] Л. Нидерле. Славянские древности, М., 1956, стр. 15.
[4] Rukovét slovanské archeologie.
[5] Česky lid.
[6] Vestnik Slovanských Starožitnosti.
[7] Vestnik Slovanske filologie a starozitnosti.
[8] А.Л. Погодин. Vestnik slovanské filologie a starozitnosti, vydavaji L. Niederle, F. Pasternek, J.J. Polivka, J. Zubaty. Ročnik I, Praha, 1991. «Журнал Министерства народного просвещения», 1902, май, стр. 220.
[9] Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 16.

1968

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ НЕОЛИТА В СРЕДНЕМ ПОДОНЬЕ

Сборник научных студенческих работ.
Вып. 1 (гуманитарные науки). Воронеж, 1968. С. 27-33.

В 1967 году в результате обследования поймы реки Тихая Сосна (в пределах Острогожского района Воронежской области) нами обнаружена новая стоянка времени неолита – энеолита.

Стоянка расположена в толще поймы правого берега реки, примерно в 3-х км выше по течению от Дармодехинской стоянки[1] и в 2-х км к северо-западу от станции Копанище. Срез поймы сравнительно пологий, высотой 2-2,5 м. Несколько лет назад здесь производили чистку дна реки, в результате чего прибрежная часть слоя стоянки была разрушена. На месте стоянки, на поверхности собраны фрагменты лепной керамики и кремневые орудия. Судя по их распространению, протяженность стоянки вдоль берега не превышала ста метров. Находки прослеживаются вплоть до впадения в р. Тихую Сосну искусственного канала.

В центре распространения находок у кромки воды был заложен шурф (6 м^2). Толщина культурного слоя - 0,5 - 0,6 м. Стратиграфические наблюдения позволяют расчленить его на две частя. Верхняя часть слоя (толщина - 0,2 м) представляет собой слабо гумусированный ил. В нем содержался незначительный материал эпохи бронзы. Нижняя часть (толщина - 0,35 м) - более темная масса ила, подстилаемая разреженным слоем ракушечника. Ниже на этом участке идет чистый ил. Эта часть культурного слоя интенсивно насыщена более ранним материалом, представленным обломками глиняной посуды, кремневыми орудиями и отцепами, а также костными остатками.

Керамика нижнего слоя типологически делится на две группы: неолитическую и энеолитическую. Первую группу составляет керамика ямочно-гребенчатого (рис. 1, 1-10) и накольчатого (рис. 1, 2-17) типов.

Ямочно-гребенчатая керамика сравнительно тонкостенна, в ее тесте примесь песка. Внешняя в внутренняя поверхности - серого или серо-желтого цвета, иногда с красноватым оттенком. На внутренней ее стороне часто наблюдаются следы заглаживания. Судя по ряду фрагментов, сосуды были остродонными (рис. 1, 10). Основным элементом орнаментации этих сосудов явились ямки различных видов. Это округлые (рис. 1, 1-3, 8, 9), полулунные (рис. 1, 4, 5), треугольные (рис. 1, 6) ямки, угловатые вдавления с рубчиком в основании (рис. 1, 7) и другие. Встречены мелкие парные ямки (рис. 1, 10). Ямочный элемент или полностью заполняет орнаментальное поле, или находится в сочетании с горизонтальными рядами из косых насечек гребенчатого штампа и оттисками веревки.

Из мотивов орнамента можно отметить горизонтальную зональность. Однако в ряде случаев ямки нанесены разреженно и без видимой системы. Характерно, что глубоких, так называемых «белемнитных» так здесь не встречено. Ямки в основном мелкие и выпуклин на внутренней стороне сосудов не образуют. Все эти моменты, включая разнообразие форм ямок, иногда наносившихся косо, и наличие в орнаментике оттисков

[1] См: А.Д. Пряхин. Отчет за 1965 год. Архив ИА АН СССР. Краткое упоминание о Дармодехинской стоянке сделано в работе В.П. Левенка «Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону». МИА 131, стр. 244.

веревочки, свидетельствуют о сравнительно позднем происхождении данной керамики. Аналогичная ей керамика широко известна по поздненеолитическим материалам стоянок Подонья, северо-восточной Украины и других мест.

Керамика накольчатого типа (рис. 1, 2-17), как и ямочно-гребенчатая, в тесте имеет примесь мелкого песка. Однако у ряда фрагментов отмечена примесь ракушки и какого-то органического вещества, а в одном случае — растительная примесь. Сосуды, видимо, имели форму округлотелых горшков о невыраженным венчиком и острым дном (рис. 1, 17).

Основным элементом орнамента служили подтреугольные наколы, скомпанованные в горизонтальные (рис. 1, 1, 14) и вертикальные (рис. 1, 16) строчки или образующие треугольные композиции (рис. 1, 12, 13, 15). Иногда наколы наносились на поверхность сосудов беспорядочно. Из других элементов встречены гребенчатый штамп (рис. 1, 17), горизонтальные и вертикальные прочерченные линии. В ряде случае сосуды украшены под венчиком или по тулову горизонтальным рядом цилиндрических ямок, образующих на внутренней стороне бугорки (рис. 1, 11, 15). Некоторые фрагменты вообще лишены украшения. Рассмотренная керамика аналогична материалам днепро-донецкой неолитической культуры лесостепной Украины и Подонья на ее заключительном этапе, где данный тип посуды сосуществует с поздней ямочно-гребенчатой керамикой.

Вторая группа керамики из нижнего слоя имеет яркий энеолитический облик (рис. 2, 1-14). Следует выделить часть этой керамики, имеющей в тесте примесь органической массы или толченой ракушки (рис. 2, 1-6). Она пористая, легкая, желтоватого цвета, венчики прямые, слегка закругленные. Из орнаментальных элементов встречен гребенчатый (рис. 2, 3), личиночный (рис. 2, 4) штампы, оттиски веревочки и круглые ямки (рис. 2, 5). Иногда составляются в треугольные композиции. Чаще же орнамент на керамике вообще отсутствует. Другая часть энеолитической керамики имеет в тесте примесь мелкого песка (рис. 2, 7-14). Отличается она от пористой керамики и по ряду других признаков. Формы венчиков таких сосудов более разнообразны: помимо прямых, выделяющихся от тулова венчиков, есть и венчики с утолщением на внешней стороне (рис. 2, 9, 10), некоторые из них резко отгибаются наружу (рис. 2, 2, 12). Украшена эта керамика оттисками гребенки, составленной в ряды, идущие горизонтально, вертикально или под углом относительно поверхности сосуда. Гребенчатый орнамент сочетается с прочерченными линиями, образующими зигзаг по венчику (рис. 2, 8, 10, 11). Прочерченные линии иногда составляют кососеточный узор. В одном случае венчик украшен рядом выпуклин от нанесения с внутренней стороны цилиндрических ямок (рис. 2, 7). Нужно отметить, что признаков наличия плоских днищ среди второй группы керамики не встречено. Сосуды, видимо, были остродонными или круглодонными.

Полную аналогию эта керамика находит среди материалов энеолитических поселений типа Александрии на Осколе. Кремневые орудия (рис. 2, 15, 22) встречены при шурфовке только в нижнем слое. Это наконечник стрелки со слабо выраженным шипом, обработанный по обеим поверхностям отжимной техникой (рис. 2, 16), обломок подобной стрелки (рис. 2, 17) и сделанные на отщепах скребки (рис. 2, 18, 22). Они образованы путем односторонней обработки краев крутыми сколами или отжимной ретушью (рис. 1, 22). В слое найдено также несколько ножевидных пластин и нуклевидный обломок (рис. 2, 15).

Керамика верхнего слоя резко отличается от керамики времени позднего неолита — энеолита. В тесте ее — примесь песка, цвет внешней стороны красноватый, внутренней — черный. Орнаментирована керамика прочерченными линиями, составленными в треугольники или елочку, защипами и др. Данный тип керамики тождествен материалам периода развитой бронзы с поселений и могильников лесостепного Подонья.

Дальнейшее исследование Копанищенской стоянки может дать перспективы для разрешения ряда вопросов, касающихся эпохи неолита - энеолита Среднего Подонья, в настоящее время еще слабо изученных.

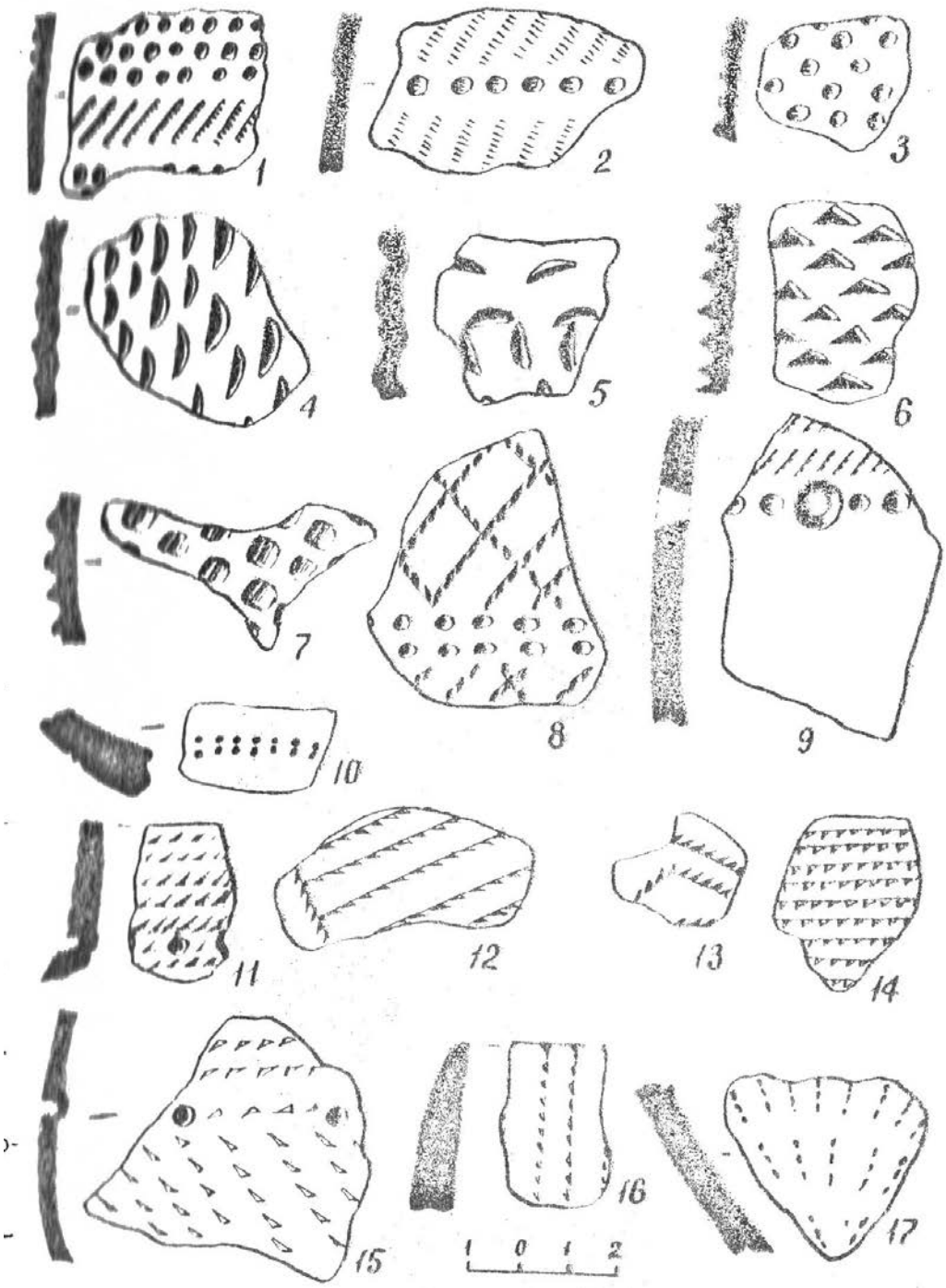


Рис. 1

Типы позднеэолитической керамики со стоянки

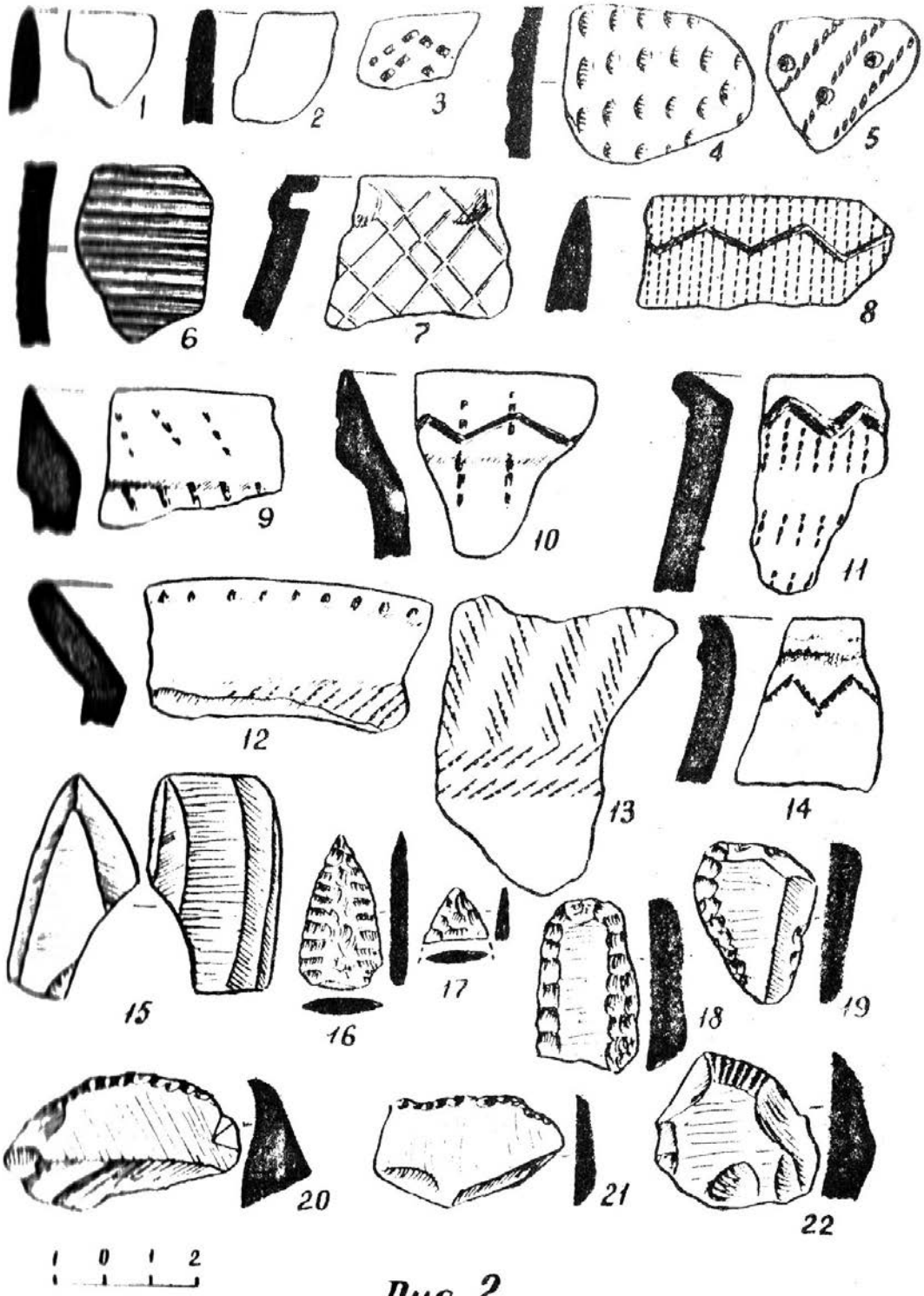


Рис. 2

Энеолитическая керамика и кремень Копанищенской стоянки

1969

ШЕЛАЕВСКИЕ СТОЯНКИ НА СРЕДНЕМ ОСКОЛЕ

Научные труды Воронежского государственного университета. Т. 87. Из истории Воронежского края. Вып. 3. Воронеж: ВГУ, 1969. С. 147-168. В соавт. с А.Д. Пряхиным, Г.Ф. Денисенко.

Среди памятников времени неолита — бронзы лесостепи Восточной Европы важное место занимают стоянки в районе с. Шелаево Валуйского района Белгородской области. О них было известно еще в начале нашего столетия[1]. Позднее на стоянках сборы материалов проводили сотрудники Воронежского краеведческого музея С.Н. Замятнин и Д.Д. Леонов[2]. В 1935 г. здесь производились раскопки стоянок Шелаево I и Шелаево II под рук. М.Е. Фосс. Результаты раскопок были опубликованы исследовательницей[3] и затем неоднократно упоминались ею и другими археологами в ряде работ[4]. В последующие годы на Шелаевских стоянках сборы материалов проводили валуйские краеведы Г.Ф. Денисенко[5] и М.И. Карагодин[6]. В 1967 г. в этом районе была организована разведка экспедиции Воронежского университета[7].

В предлагаемой статье основное внимание уделено рассмотрению ранее неизвестных материалов.

Стоянка Шелаево 1[8] занимает небольшую останцовую дюну округлой формы, отделившуюся от надпойменной террасы левого берега р. Оскола. Высота дюны не превышает 5 м над уровнем поймы. Культурный слой стоянки сохранился к настоящему времени лишь небольшими участками. На обнаженной песчаной поверхности дюны собрано значительное количество кремневых изделий и фрагментов лепной керамики.

Орудия сделаны из качественного мелового кремня черного цвета, реже — серых оттенков, вплоть до прозрачного. Из целых изделий найден наконечник копья листовид-

---

[1] А. Орлов. Стоянки каменного века на р. Осколе. Тр. ВУАК, вып. II. Воронеж, 1904.

[2] Прорисовки большинства кремневых орудий, собранных ими и не сохранившихся в настоящее время, есть в архиве С.Н. Замятнина (Архив ЛОИА АН СССР). Следует также отметить, что не вся коллекция из довоенных сборов погибла: часть ее хранится в Воронежском областном краеведческом музее (инв. № 1).

[3] М.Е. Фосс. Разведки на р. Осколе. Тр. ГИМ. Вып. XII, М., 1941, стр. 71-84; она же. Валуйский район. Сб. «Археологические открытия в РСФСР 1934-1936 гг.», М.-Л., 1941, стр. 164-169.

[4] М.Е. Фосс. Новые памятники в районе Галичской культуры. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 67; она же. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, Вып. 29, М., 1952, стр. 14; Т.Б. Попова. Этапы развития и локальные варианты катакомбной культуры. СА, XXII, 1955, стр. 52; она же. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, вып. 24, М., 1955, стр. 13; Д.Я. Телегин. Неолитические памятники среднего течения Северного Донца. СА. XXIX-XXX. 1959, стр. 166.

[5] Коллекция находится на хранении у Г.Ф. Денисенко.

[6] Материалы хранятся в музее Валуйского педучилища.

[7] А.Д. Пряхин. Отчет о работе археологической экспедиции Воронежского госуниверситета за 1967 год. Архив ИА АН СССР, р-1, 3249, стр. 43-46.

[8] Сначала рассматриваются расчлененные по стоянкам Шелаево I и Шелаево II коллекции из сборов разных лет, а затем — материалы Г.Ф. Денисенко с обеих стоянок, которые во время сборов не были разделены.

ной формы, линзовидный в сечении (рис. 1, 1). Он сформирован на отщепе техникой двустороннего отжима. Отжимные фасетки широкие и плоские. По краям наконечник дополнительно подработай мелкой ретушью. Однако верхний конец и пяточка остались без подработки. Возможно, что наконечник применялся в качестве ножа.

На стоянке найден также обломок подобного орудия (рис. 1, 2). На нем прослеживаются два технических приема обработки: заготовка была оформлена двусторонней оббивкой, а затем отжимом, но лишь частично, так как, вероятно, сломалась и была выброшена.

К орудиям рубяще-режущего типа относится предмет на крупном отщепе, выполненный двусторонней оббивкой (рис. 1, 3). Форма его неправильно-треугольная, несколько напоминающая формы треугольных наконечников-копий. Наличие хорошо оформленных острых краев предполагает применение этого орудия в качестве топорика-резака.

Скребки представлены тремя экземплярами. Два из них сделаны на отщепах с обработкой лезвий крутой ретушью (рис. 1, 4, 5). Третий сделан тоже на отщепе, но рабочий край сформирован на тонкой части, где ударная волна при отделении отщепа повернула к его спинке. В связи с этим данный скребок мог нести режущие функции (рис. 1, 6).

Из других орудий макролитоидного облика отметим находку сверла с характерной сработанностью удлиненного трехгранного конца (рис. 1, 7).

На стоянке собрано 132 ножевидных пластины средних и крупных размеров. Из них 22 пластины обработаны ретушью, а 57 — без обработки, но со следами употребления.

В одном экземпляре найдена микролитическая трапеция (рис. 1, 5) высокой формы с ровнымй боками, подработанными крутой краевой ретушью.

Помимо перечисленных предметов с поверхности дюны собрано несколько обломков заготовок, оформленных сколами и, вероятно, применявшихся в качестве режущих орудий; обломки сравнительно крупных пластин и др.

Изделия из глины представлены небольшим количеством венчиков (рис. 1, 13-15), фрагментами плоских днищ (рис. 1, 16-19), стенками сосудов и обломком округло-биконического пряслица (рис. 1, 20). Формы сосудов не дают большого разнообразия. Все они баночные. Большинство керамики не орнаментировано. Из немногочисленных украшений можно отметить боковые насечки, пальцевые защипы, ямочные вдавления неправильных очертаний, прочерченные линии. Данный керамический материал принадлежит к поздней бронзовой эпохе и оставлен населением срубной культуры.

Стоянка Шелаево II находится вблизи стоянки Шелаево 1, ниже по течению р. Оскола, на надлуговой террасе левого берега, имеющей высоту 10-13 м. Территория стоянки ограничена с боковых сторон небольшими овражками. Поверхность свободна от растительности, и лишь склоны террасы поросли ивняком. Протяженность стоянки по течению реки — около 70 м. На ее поверхности имеется большое скопление отходов кремневой индустрии. Среди них найдено несколько древних орудий: угловой резец на отщепе (рис. 2, 1); режущее орудие, у которого рабочая часть расположена на тонкой стороне желвачного отщепа с подправкой несколькими отжимными фасетками (рис. 2, 2); широкая неровная пластина с ретушью на конце (рис. 2, 3); концевой скребок на сломанной миниатюрной пластинке (рис. 2, 4); пластинка-вкладыш (рис. 2, 6); сечения пластин со следами применения, по форме близкие к трапециям (рис. 2, 7, 8) и др.

Керамический материал разведки 1967 г. составляют десять венчиков (рис. 2, 13-16), фрагменты днищ (рис. 2, 17), а также обломки орнаментированных и неорнаментированных стенок сосудов. Большинство венчиков представляют сосуды, близкие по форме срубным сосудам из Шелаево I. Следует отметить высокий, расширяющийся кверху венчик от горшка катакомбной культуры. Он украшен отписками шнура, идущими двумя параллельными линиями под самым верхом сосуда, а ниже — треуголь-

никами основаниями вниз (рис. 2, 13). К катакомбной культуре относятся еще один венчик и несколько фрагментов стенок, украшенных ямками неправильных очертаний, оттисками перевитой веревки, налепными валиками и т.д.

Найдена также керамика неолитического облика. Это фрагмент с глубокими «белемнитными» ямками, дающими выпуклины на внутренней стороне (рис. 2, 9); фрагмент, украшенный небольшими подквадратными ямками (рис. 2, 11); обломок сосуда с подтреугольными отступающими вдавлениями (рис. 2, 10).

Обратимся к коллекции из сборов Г.Ф. Денисенко. Кремневый материал коллекции состоит более чем из 150 орудий и их обломков. Нуклеусы представлены двумя экземплярами. Один из них миниатюрный; конической формы, с неровной сбитой ударной площадкой, хорошо огранен (рис. 3, 1). От него получали узкие микролитические пластинки. Второй нуклеус несколько больших размеров и с более широкими гранями (рис. 3, 2). Имеется боковой резец на пластинке с двумя краевыми сколами. Он комбинирован со скребком (рис. 3, 3). Наконечники копий представлены только обломками в количестве 12 экземпляров (рис. 3, 9, 11-13). Десять из них имели, видимо, листовидную форму; остальные два — намечающийся шиповидный переход от лезвия к насадочной части (рис. 3, 13). В сечении все они имеют более или менее правильную линзу. Обработаны наконечники техникой двусторонней оббивки, с частичной подправкой, по краям ретушью. Некоторые экземпляры наконечников обработаны отжимной ретушью по всей поверхности (рис. 3, 9, 10). К типу остроконечников относятся еще три орудия, сформированные двусторонней оббивкой. Возможно, они являлись заготовками наконечников копий, так как следов применения их в качестве рабочих инструментов нет. Из орудий, оформленных двусторонней оббивкой, можно отметить небольшой топорик-резак (рис. 3, 8), рабочая часть которого дополнительно подретуширована. Имеется также несколько обломков двусторонне оббитых топоров; один из них — прямоугольнолезвийный.

Значительную часть коллекций составляют скребки. 33 скребка сделаны на отщепах средних размеров; 12 из них круговые; у 9 рабочий край оформлен на концах продолговатых отщепов. Другие скребки имеют различную степень величины лезвия. В двух случаях на лезвии выделен уголок. Все скребки, обработаны по краю характерной крутой ретушью. Выделяется скребок-резак на крупном отщепе, лезвие которого сформировано продолговатой струйчатой ретушью (рис. 3, 7). Скребки на пластинах представлены шестью экземплярами. Сделаны они на концах широких обломанных пластин крутой ретушью. Есть скребок на пластине с двумя противолежащими лезвиями (рис. 3, 5). Один концевой скребок вытянутой формы, на боковых сторонах его имеются фасетки сколов от употребления в качестве режущего инструмента (рис. 3, 6).

К орудиям комбинированного типа принадлежит и предмет на отщепе подтреугольной формы, у которого боковые стороны подработаны плоской ретушью, а противолежащая острию утолщенная сторона сделана скребком. Так что этот предмет мог выполнять не менее трех функций (рис. 3, 4). Есть орудие на продолговатом отщепе, обработанное по всем краям отжимом, но один из краев сформирован крутой скребковой ретушью. Видимо, орудие применялось и как нож, и как скребок.

В коллекции имеется несколько десятков ножей на пластинах. 19 ножей обработаны по краям отжимной ретушью; 55 — со следами употребления. Все они средних и сравнительно крупных размеров.

Из других орудий можно отметить проколки, представленные четырьмя экземплярами (рис. 3, 14-15), и три наконечника стрел (рис. 3, 16-18). Последние имеют удлиненно-треугольную форму с глубокими выемками в основании. Один из наконечников обработан струйчатой ретушью (рис. 3, 18). Имеются также несколько орудий неопределенного назначения и более 100 необработанных ножевидных пластин.

Единственной находкой из других пород камня является обломок молота с перехватом архаичного типа. Сделан он из светло-коричневого песчаника.

Керамический материал из коллекций типологически делится на несколько групп. Первую группу составляет неолитическая керамика ямочно-гребенчатого и накольчатого типов. Фрагментов ямочно-гребенчатой керамики всего 10. Три из них сравнительно тонкостенные, хорошо обожжены, имеют красновато-коричневую поверхность с горизонтальной штриховкой по внутренней стороне. Тесто с незначительной примесью песка. Один из фрагментов сплошь орнаментирован ямками (рис. 4, 8); на другом идет чередование ряда ямок с двумя рядами косых насечек из гребенки (рис. 4, 2); на третьем — также зональное чередование, но уже трех рядов из насечек гребенки с несколькими рядами ямок (рис. 4, 1). Ямки сравнительно глубокие, наносились круглыми предметами не прямо а несколько вверх.

Более поздний вариант ямочно-гребенчатого типа представляют два фрагмента. Они несколько отличаются по цвету и облику от предыдущих: имеют серовато-желтый оттенок. Орнамент одного состоит из круглых неглубоких ямок; у другого фрагмента мелкие ямки чередуются с насечками гребенки, составленными «елочкой». Четыре остальных фрагмента имеют серо-желтый цвет и украшены ямками ромбической формы. В одном случае ямки сочетаются с оттисками веревочки (рис. 4, 7). В основании ромбов двух других черепков имеются точечные углубления (рис. 4, 5). В этой связи интересно отметить еще два фрагмента, у которых ямки в основании имеют такие же углубления, но формы самих ямок подтреугольные (рис. 4, 4).

К типу гребенчато-накольчатой керамики принадлежат 10 обломков сосудов. Они хорошо обожжены, имеют коричневатый цвет поверхности. В тесте — небольшая примесь песка. Один из обломков является частью острого днища (рис. 4, 3). Все фрагменты орнаментированы подтреугольными наколами, составленными в строчки или треугольники. В одном случае наколы сочетаются с оттисками гребенчатого штампа, в другом — с вдавлениями «личинки».

Вторую группу керамики из коллекции составляют обломки сосудов энеолитического облика. Один из венчиков высокий, с намечающейся желобчатостью, украшенный под краем рядом выпуклин (рис. 4, 10). Другой венчик принадлежит сосуду с округлым туловом и слегка отогнутым наружу небольшим закругленным верхом (рис. 4, 11). В тесте имеется значительная примесь толченой ракушки. Орнаментирован сосуд по верху насечками гребенчатого штампа, а ниже этот же штамп составлял, видимо, какие-то треугольные композиции. На шейке сосуда имеются маленькие сквозные отверстия. Следующий сосуд представлен венчиком с утолщением, который украшен по верху рядом косых насечек подверевочного штампа, а ближе к тулову — оттисками гребенки (рис. 4, 12). Имеется часть плоскодонного сосуда с примесью ракушки в тесте, орнаментированного вдавлениями «личинок», составленными в «елочку». К этому же типу можно отнести еще два обломка сосудов, украшенных поясами из парных строчек гребенчатого штампа и оттисками веревочного штампа, составленными в «елочку». Найден один обломок сосуда, орнаментированный горизонтальными рядами штампа, нанесенного «отступающим» приемом. Штамп состоит из тройных вдавлений; среднее имеет прямоугольную форму, а верхнее и нижнее — форму небольших подтреугольных наколов (рис. 4, 9).

Третья группа — это, керамика эпохи бронзы. Значительная часть керамики связана с населением катакомбной культуры. Это — керамика собственно катакомбная в ее среднедонском варианте (рис. 4, 14) и керамика с налепными валиками (рис. 4, 15-16).

Кроме того, в коллекции имеется значительное количество керамики срубной культуры. Помимо обычных срубных форм здесь представлены и обломки своеобразных сосудов. Один сосуд миниатюрный, с пухлым туловом в нижней части и с маленьким дном. Верх его не сохранился. На Сосуде есть украшения из прочерченных линий, образующих треугольники, горизонтальные полосы и насечки между ними. По наиболее широкой части тулова идет горизонтальный ряд насечек (рис. 4, 17). Другой сосуд баночной формы, на тулове имел несколько рядов сквозных отверстий (рис. 4, 19). На-

личие таких отверстий указывает на специализированное назначение сосуда. Третий сосуд чашевидный (рис. 4, 18). Он украшен композицией, образованной из линий зубчатого штампа.

Из других глиняных изделий, которые по составу теста близки материалам поздней бронзы, отметим тигилек (рис. 4, 20) и обломок плоского пряслица из черепка (рис. 4, 21).

Рассмотренные нами материалы в совокупности с известными материалами из расковок позволяют иначе, чем это сделала М.Е. Фосс, подойти к вопросу хронологической и культурной интерпретации двух Шелаевских стоянок.

Если М.Е. Фосс отнесла обе стоянки к катакомбной культуре[1], то сейчас, при наличии неолитической керамики, можно ранние границы бытования стоянок отодвинуть, по меньшей мере, в III тысячелетие до н. э. К тому же и стратиграфические наблюдения М.Е. Фосс требуют поправки, на что указывалось еще ранее[2]. Ею на стоянке Шелаево II был выявлен однородный культурный слой в 30-40 см, залегавший под слоем песка. Во время разведки 1967 г. нам удалось здесь проследить также второй культурный слой, залегавший на глубине около двух метров от современной поверхности. Он состоит из светлого песка, мало отличающегося по цвету от песка подстилающего. В этом слое и найдены материалы раннего облика (рис. 2, 1-11). Интересно отметить, что и среди материалов стоянок Шелаево I и Шелаево II из раскопок М.Е. Фосс есть неолитическая керамика, оставшаяся не отмеченной в публикациях (рис. 1, 9-11).

Таким образом, со стоянок имеется уже целая группа древней керамики, представленной двумя типами — ямочно-гребенчатой и гребенчато-накольчатой. Совместное нахождение ямочно-гребенчатой и гребенчато-накольчатой керамики зафиксировано на многих неолитических стоянках северо-восточной Украины[3], в частности в бассейне Северного Донца[4], а также на Среднем[5] и Верхнем Дону[6]. Комплексы этих материалов отражают во многом еще не решенный сложный процесс взаимоотношений двух этнически неоднородных групп населения. Наличие же ромбоямочной керамики в материалах Шелаевских стоянок свидетельствует о контактах местного неолитического населения с жителями Подесенья[7] и Верхней Оки.

Оба типа керамики представляют, на наш взгляд, единый хронологический комплекс (наличие взаимосочетаний в орнаментике). По ряду признаков (таких, как сочетание наколов с «личиночным» штампом, нанесение ямок «отступающей» техникой и т. д.) они могут быть сопоставлены с материалами поздненеолитических стоянок типа

[1] М.Е. Фосс. Раскопки стоянок на р. Осколе.., стр. 83.

[2] Д.Я. Телегин. Неолитические памятники среднего течения Северного Донца.., стр. 166.

[3] Д.Я. Телегин. О хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины. СА, № 4, 1964, стр. 28-36; он же. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре. СА, № 4, 1961, стр. 37, и др.

[4] Д.Я. Телегин. Неолитические памятники среднего течения Северного Донца.., стр. 160 и сл.; стр. 170, рис. 6; он же. Раскопки неолитических стоянок в устье р. Оскола. МИА, № 79, 1960, стр. 160, рис. 5; стр. 181, 182. Б.А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 70, рис. 20; стр. 71, рис. 21, и др.

[5] А.Т. Синюк. Поселение эпохи неолита у ст. Отрожка. Сб. «Из истории Воронежского края», Воронеж, 1960, стр. 109, рис. 1; А.Д. Пряхин, А.Т. Синюк. Древности из зоны Воронежского моря. Воронеж, 1968, стр. 13, рис. 3.

[6] М.Е. Фосс. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области, в 1953 году. КСИИМК, вып. 75, стр. 21, рис. 8, 6, 7, 11; В.П. Левенок. Неолитические поселения на р. Матыре под Липецком. КСИА, вып. 111, 1967, стр. 118, рис. 41, и др.

[7] М.В. Воеводовский. Памятники каменного века на Десне. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 25, рис. 7, 7; И.Г. Розенфельдт. Стоянка Мыс Очкинский, КСИИМК, вып. XXX, 1951, стр. 139, рис. 48, он же. К вопросу о связях древнего населения бассейнов рек Десны и Оки в конце III — начале II тыс. до н. э. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 98, рис. 30.

Волынцевской, Комсомольской и др., датирующихся примерно серединой III тысячелетия до н. э[1].

Вероятнее, всего, с поздненеолитическим временем может быть увязана значительная часть кремневых орудий с Шелаевских стоянок: наконечники копий, оформленные техникой двустороннего отжима; ножи на средних и крупных пластинах, скребки-резаки, часть скребков и рубящих орудий и т. д.

Другая отмеченная группа ранней керамики с Шелаевских стоянок относится к энеолитическому времени. Есть такая керамика и в материалах из раскопок М.Е. Фосс[2]. Она легкая и пористая от выгоревшей органической примеси. Цвет внешней и внутренней поверхностей ее желтый или серо-желтый. Сосуды имели высокий с намечающейся желобчатостью венчик, острое или круглое дно. Есть слабо выраженные небольшие, несколько отогнутые наружу венчики. Основной элемент орнамента — мелкий и сравнительно крупный гребенчатый штамп, составленный в пояски или «елочку». Поверхность сосудов покрывалась орнаментом, видимо, частично. Отмечено оформление венчика «гофрировкой» (рис. 1, 12)[3]. Данная группа керамики примыкает к кругу материалов среднестоговского типа. Ближайшей аналогией ей может служить пористая керамика из нижнего слоя поселения у хут. Александрия на р. Осколе[4], а также сосуд из Миньевского Яра[5]. Время появления этой керамики в северо-восточных районах Украины сопоставляется с заключительным периодом бытования неолитических культур данной территории[6]. Вероятно, такое же явление мы имеем и на Шелаевских стоянках.

В группу энеолитической керамики входят фрагменты древнеямного типа, украшенные-вдавлениями зубчатых штампов и рядами «жемчужин» под срезом венчика, имеющие в тесте примесь ракушки. Подобные фрагменты присутствуют и в материалах раскопок (рис. 2, 12). Близкие аналогии им есть в керамике из среднего слоя Михайловского поселения, на Днепре[7], поселения у хут. Репина на Нижнем Дону[8], из верхнего слоя поселения Александрия на Осколе[9]. Многочисленные находки древнеямнэй керамики с отмеченными чертами зафиксированы за последнее время также и на стоянках Среднего и Верхнего Подонья. Время появления ее в указанных районах приблизительно датируется второй половиной III тысячелетия до н. э., т. е. она непосредственно следует за материалами поздненеолитическими и энеолитическими среднестроговского типа[10].

К материалам энеолитического времени относятся некоторые ножи на крупных пластинах, в частности и нож из раскопок стоянки Шелаево I, тщательно обработанный по краям ретушью[11]. Подобные ножи известны из энеолитического слоя Александрии[12] и ряда других мест. К этому же времени могли относиться и другие типы кремневых

[1] Д.Я. Телегин. О хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины.., стр. 36.

[2] Материалы хранятся в ГИМ, инв. №77978.

[3] ГИМ, инв. 77879.

[4] Д.Я. Телегин. Энеолитическое поселение и могильник у хутора Александрия. КСИА, Киев, № 9, 1960, стр. 15-16.

[5] Там же, стр. 20, рис. 4.

[6] Там же, стр. 14.

[7] О.Ф. Лагодовська, О.Г. Шапошникова, М.А. Макаревич. Михайлівське поселения. Київ, 1962, стр. 19, рис. 5, II; стр. 89, табл. VIII; стр. 91, табл. IX.

[8] И.В. Синицын. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Приднепровьем. КСИА, вып. 7, 1967, стр. 34, рис. 2, 1-3.

[9] Д.Я. Телегин. Энеолитическое поселение и могильник у хутора Александрия... стр. 16, 17, рис. 3, 1, 2.

[10] Там же, стр. 20.

[11] М.Е. Фосс. Раскопки стоянок на р. Осколе.., стр. 77, табл. 1.

[12] Д.Я. Телегин. Энеолитическое поселение и могильник у хутора Александрия.., стр. 13, рис. 2, 1, 2.

орудий: проколки, небольшие круговые скребки и т. д. С материалами древнеямной культуры связаны, очевидно, прекрасно выполненные наконечники стрел с выемкой в основании (рис. 3, 16, 17). Стрелка, обработанная струйчатой ретушью, датируется уже, более поздним временем (рис. 3, 18).

Что же касается материалов катакомбной и срубной культур с обеих стоянок, то они достаточно хорошо интерпретированы в уже имеющейся литературе.

Заканчивая характеристику стоянок Шелаево I и Шелаево II, нам бы хотелось обратить внимание еще на одно обстоятельство. Среди кремневого материала стоянок, в частности Шелаево II, встречены орудия мезолитического характера. Это прежде всего фрагменты наконечников стрел позднесвидерского типа на пластинках с выделенным черешком и с подработкой брюшка у основания, стрелки типа «мелое транше», микролитические угловые резцы[1]. Из шелаевских материалов, находившихся до войны в Воронежском краеведческом музее, имелись пластинки со скошенным концом (рис. 2, 18, 19), пластинки-вкладыши с притупленным ретушью краем (рис. 2, 20, 22), трапеции удлиненных форм (рис. 2, 24, 25), сегмент (рис. 2, 26), высокая трапеция (рис. 2, 27), а также концевые скребки на удлиненных пластинах (рис. 2, 28-30), срединный резец (рис. 2, 23) и боковой резец, комбинированный со скребком (рис. 2, 31). Все они сильно патинированы[2].

Такие орудия, как пластины со скошенным концом, пластинки с притупленным ретушью краем, низкие трапеции, характерны для большинства мезолитических памятников волынско-донецкой группы[3]. Другие же типы орудий, как, например, наконечники стрел на ножевидных пластинах (в целом характерные для мезолита северных и западных районов европейской части СССР), высокие трапеции, малые транше, получили широкое распространение в позднемезолитических материалах бассейна Средней Десны[4], но в единичных экземплярах встречены и на Северном Донце[5]. На Северном Донце известны также находки сегментовидных орудий[6], типичных для крымского мезолита[7].

Все вышеизложенное дает основание предполагать, что на Шелаевских стоянках, и главным образом на Шелаево II, еще в мезолитическую эпоху пребывали люди.

Стоянка Шелаево III занимает невысокую дюну левого берега р. Оскола, примерно в одном километре вверх по течению от стоянки Шелаево I. Высота дюны — 2-3 м, примерные размеры 70×100 м. Дюна лишена растительности. Культурный слой на большей площади стоянки развеян. На одном из участков дюны обнаружена обнаженная выдувом глинобитная площадка. Размеры ее — 6×9 м, толщина — 2-3 см. Длинной осью площадка ориентирована по линии З-В. На поверхности площадки собрана керамика срубной культуры.

В выдувах дюны собрана керамика срубной культуры (рис. 5, 10-14) и кремневые изделия. Из последних можно отметить скребок на конце длинной ножевидной пластины (рис. 5, 1), концевой скребок (рис. 5, 6), скребок-резак, со скоблевидной выемкой на противолежащей лезвию стороне (рис. 5, 4), острие-проколку (рис. 5, 5), рабочую

[1] М.Е. Фосс. Раскопки стоянок на р. Осколе.., стр. 82, табл. II, 30, 32, 3, 21, 22, 26, 19, 33.

[2] Даются по прорисовкам С.Н. Замятина из Архива ЛОИА АН СССР.

[3] Д.Я. Телегин. Мезолит Левобережной Украины и его место в сложении днепровско-донецкой неолитической культуры. МИА, № 126, 1966, стр. 99 и сл.

[4] В.П. Левенок. Мезолит среднерусского Днепровско-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры. - МИА, № 126, 1966, стр. 95, рис. 4, 1-25.

[5] Б.А. Шрамко. Указ, соч., стр. 54, рис. 16, 5, 6, 14. Д.Я. Телегин. Мезолит Лево бережной Украины.., стр. 100, рис. 1, 43, 45, 57-60.

[6] Д.Я. Телегин. Мезолит Левобережной Украины.., стр. 100, рис. 1, 33; Б.А. Шрамко. Указ, соч., стр. 54, рис. 16, 7, 8.

[7] А.А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 72, рис. 12, 4-7.

ножевидную пластину (рис. 5, 7). Из грубо оббитых орудий найдены клинья со следами ударов на утолщенном верхнем срезе (рис. 5, 2, 3). Кроме того, на площади стоянки найдены фрагменты гончарной керамики и бронзовая фибула (рис. 5, 18).

Стоянка Шелаево IV занимает удлиненную дюну в пойме правого берега р. Оскола. Дюна распахивается. Материалы встречаются на сравнительно небольшой площади. Здесь найдены фрагменты от сосудов срубной культуры (рис. 5, 15, 16), отдельные кремневые изделия, в том числе два скребка на отщепах (рис. 5, 5-9) и небольшой каменный сверленый молоток со слабо выраженным обушком (рис. 5, 17).

Стоянка Шелаево V занимает длинную пойменную дюну правого берега Оскола вниз по течению реки в непосредственной близости от стоянки Шелаево IV. Общая протяженность дюны около 1 км. На ее площади заметно три возвышенных участка. В выдувах этих всхолмлений и между ними собран разнообразный материал.

Среди имеющейся коллекции керамики есть три фрагмента энеолитичееког времени. Один из них орнаментирован вдавлениями зубчатого штампа, расположенными в «елочку», и рядом полых выпуклин. Тремя же фрагментами представлены сосуды с налепными расчлененными валиками заключительного этапа катакомбной культуры. Подавляющее, большинство керамики относится к заключительной стадии эпохи бронзы и связывается с населением бондарихинской культуры (рис. 7, 12-15). Это — банки и горшки, часть которых имеет колоколовидную форму (рис. 7, 13). Основной орнаментальный прием — боковые вдавления палочкой. Они чаще составлены поясками. Есть и округлоямочные вдавления.

Кремневый материал, собранный на дюне, представлен 20 нуклеусами, 14 отбойниками, 170 различными изделиями и их обломками.

Нуклеусы небольших размеров (рис. 6, 1), имеют коническую, и реже призматическую форму. От них откалывались узкие пластинки микролитоидного характера. Ширина граней пластин не превышает 1,5 см. Отбойники ядровидной формы, диаметр их 8-10 см. Они легко определяются по сработанным участкам.

Значительным количеством представлены орудия рубящего типа, обработанные двусторонней оббивкой (рис. 6, 4-7; рис. 7, 1); у некоторых орудий имеется подправка лезвия ретушированием. Одни могли служить топорами. Другие же, у которых лезвие оформлено широким поперечным сколом (рис. 6, 6, 7), напоминают долота. Среди топоров можно отметить один, имеющий траншевидную форму (рис. 6, 3).

Наконечники копий и дротиков представлены только обломками (рис. 6, 8-10). Сделаны они на крупных отщепах двусторонними сколами и по краям подправлены отжимной ретушью.

В одном экземпляре имеется боковой резец на удлиненной пластинке. Режущий уголок его оживлен ретушью (рис. 6, 2).

Собранные на дюне ножи на крупных и средних пластинах обработаны по краям мелкой ретушью (рис. 6, 11-13). У некоторых концы оформлены крутой скребковой ретушью или заострены. Из других орудий на ножевидных пластинах найдены две проколки (рис. 6, 14).

Скребки собраны в количестве 108 экземпляров. Из них 83 скребка сделаны на отщепах средних и сравнительно крупных размеров (рис. 6, 16-17; рис. 7, 2-6). Их можно подразделить на три типа: концевые на удлиненных отщепах (26 экз.), полукруглые (29 экз.) и круговые (22 экз.). Выделяются несколько скребков на отщепах, которые имеют или скоблевидную выемку или заостренный противолежащий лезвию конец. Скребки на пластинах представлены 24 экземплярами: 13 концевых скребков, 2 скребка, сделанных на боку сломанных пластин, и 9 с двумя противолежащими лезвиями (рис. 6, 18).

Среди других орудий можно отметить сверло со скоблевидной выемкой (рис. 7, 7) и отщеп с закругленным лезвием (рис. 7, 8).

Кроме того, на дюне собрано большое количество ножевидных пластин и их об-

ломков (рис. 7, 9). Микролитических пластинок мало (рис. 6, 15; рис. 7, 10). Пластинка, близкая по форме к геометрическим орудиям, найдена в одном экземпляре (рис. 7, 11).

Интересно отметить, что в материале стоянки при наличии большого количества микролитических нуклеусов отсутствуют производные от них микропластины и микроорудия. Учитывая, что площадь дюны насыщена кремневыми сколами, отщепами и желваками, можно предполагать, что здесь существовала древняя кремневая мастерская, как и на стоянке Шелаево II[1]. Данному предположению соответствует и наличие сравнительно большого количества крупных двустороннеоббитых орудий, часть которых представляла собою заготовки. Этим, вероятно, и может объясняться отсутствие микролитической продукции, которая выносилась за пределы мастерской.

Нам думается, что кремневая мастерская возникла в раннее время, может быть, в мезолитическую эпоху. Позднее, в эпоху бронзы, дюна была освоена как поселение. С этим временем, видимо, связано большинство орудий, таких как ножи, скребки на средних и крупных отщепах и др. и основная масса керамического материала. Следует также иметь в виду, что площадь дюны велика и отдельные ее всхолмления могли осваиваться в различное время.

Стоянка Шелаево VI расположена на дюне правого берега р. Оскола, почти напротив стоянки Шелаево I. Здесь нами собраны только фрагменты керамики салтовской культуры. Еще М.Е. Фосс, касаясь этой стоянки, писала, что культурный слой более ранней стоянки перекопан. Она же предполагала существование здесь могильника салтовской культуры[2].

Стоянка Шелаево VII обнаружена в срезе правого берега Оскола, в 0,6-0,7 км от стоянки Шелаево VI вниз по течению реки. Толщина культурного слоя — 30-35 см. Залегает он под наслоениями ила. Здесь найдены отдельные неорнаментированные фрагменты от сосудов эпохи бронзы и два кремневых отщепа со следами употребления.

Рассмотренными Шелаевскими стоянками не ограничивается круг археологических памятников Среднего Поосколья. Сейчас на Среднем Осколе и его притоках известно несколько десятков разнообразных памятников. Плотная заселенность данной территории на протяжении многих исторических эпох объясняется наличием весьма благоприятных условий обитания и богатейших источников качественного кремня. В этом районе сложились прочные традиции кремневой индустрии, получившие начало еще в эпоху палеолита, раскрывшие себя в эпоху неолита, а в определенном смысле и в эпоху бронзы.

[1] М.Е. Фосс. Раскопки стоянок на р. Осколе.., стр. 80-81.

[2] Там же, стр. 71-72.

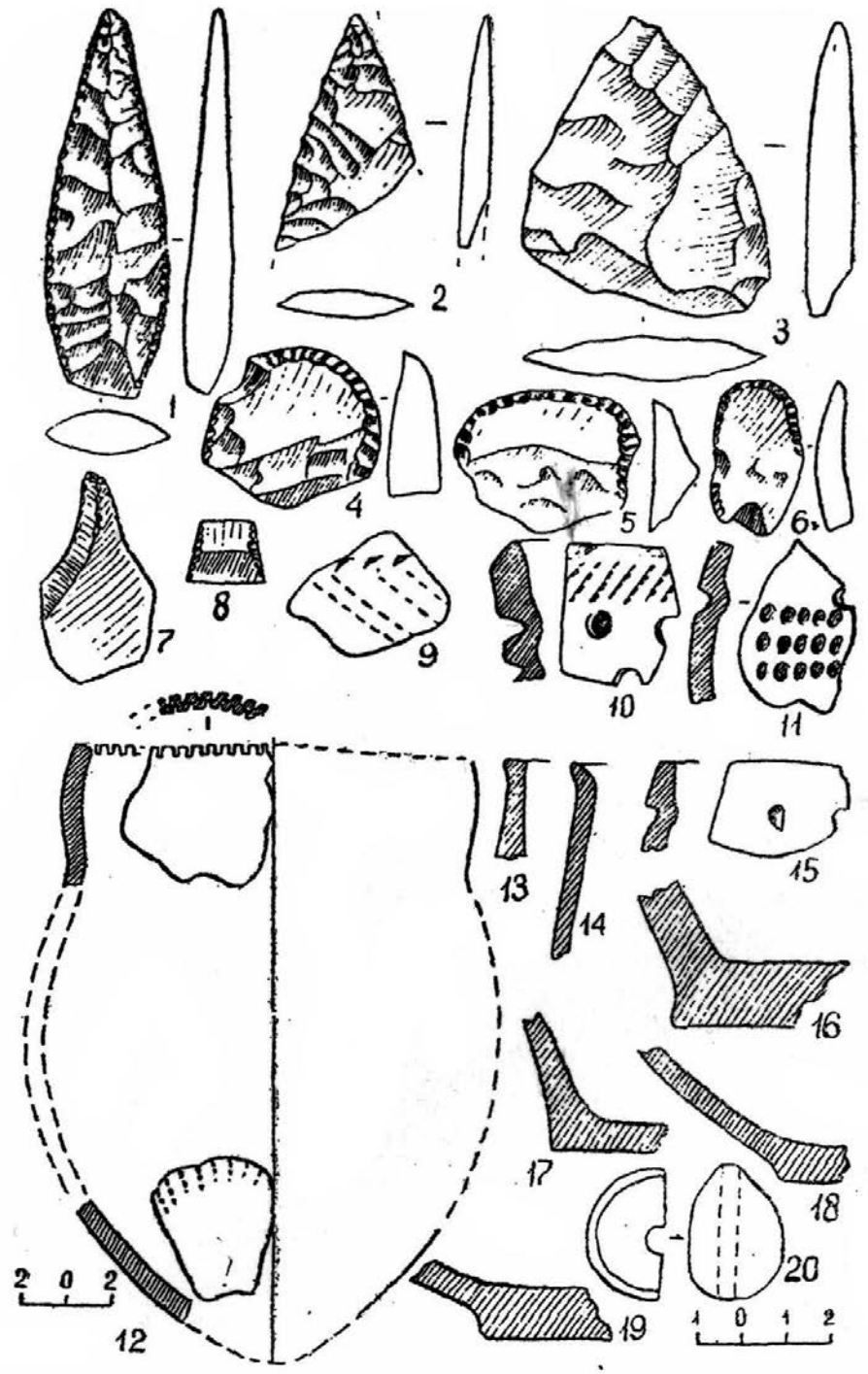


Рис. 1. Материалы стоянки Шелаево I:
1—5, 19 — сборы Г. Ф. Денисенко; 6—8, 13—20 — материалы археологической экспедиции ВГУ; 9—12 — раскопки М. Е. Фосс

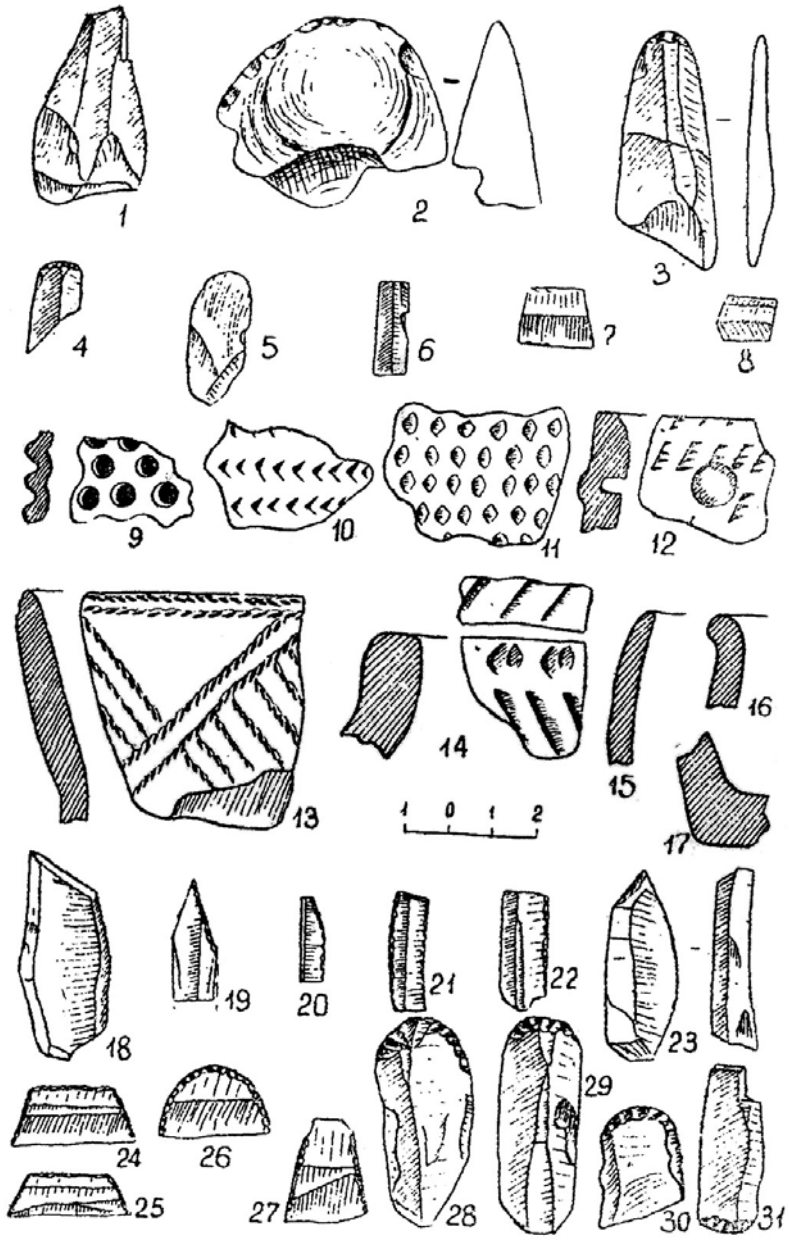


Рис. 2. Материалы стоянки Шелаево II:
1—11, 13—16 — материалы археологической экспедиции ВГУ; 12 — раскопки М. Е. Фосс; 17—31 — сборы С. Н. Замятина и Д. Д. Леонова

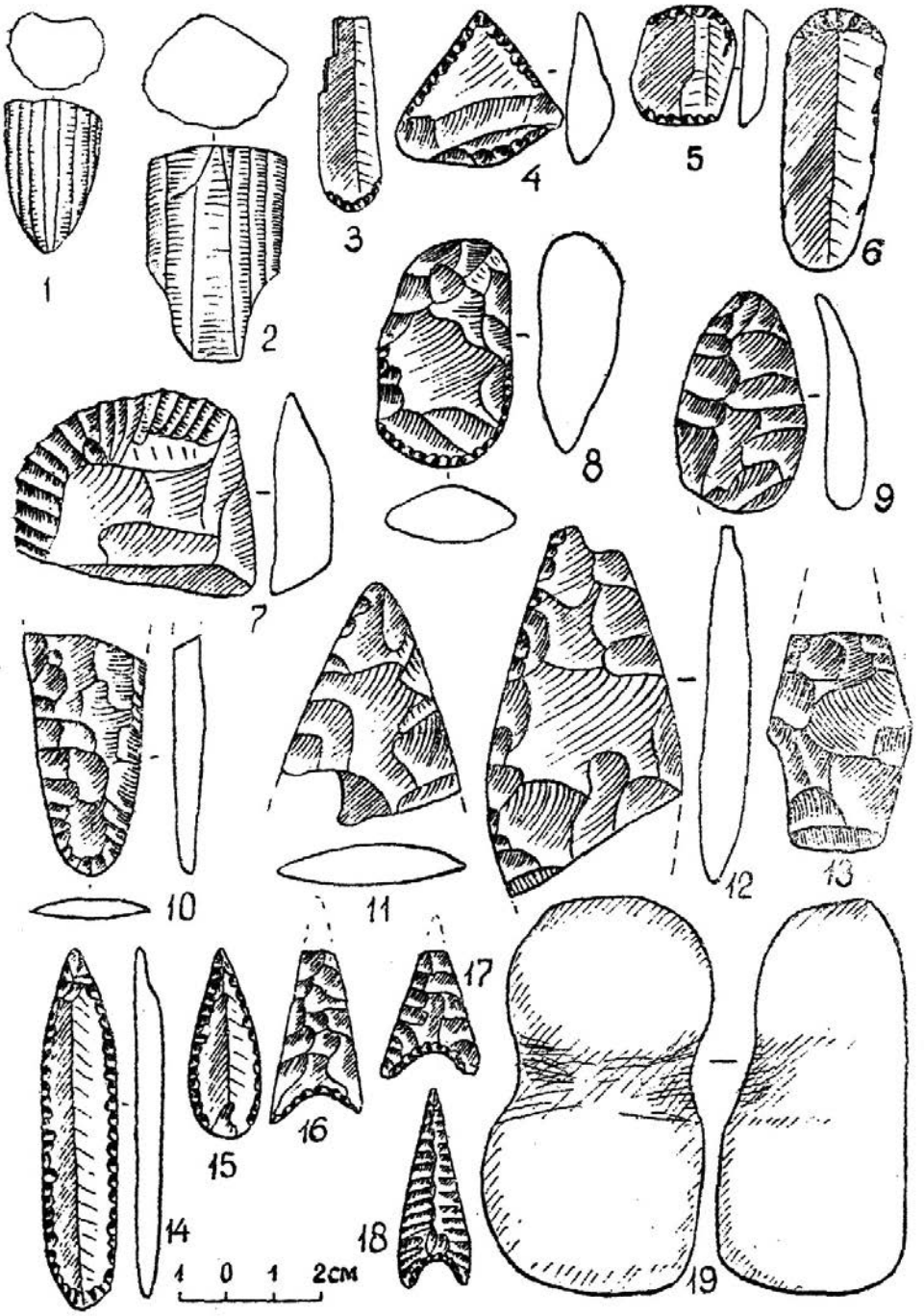


Рис. 3. Кремневые изделия стоянок Шелаево I и Шелаево II (сборы Г. Ф. Денисенко)

Рис. 4. Керамика стоянок Шелаево I и Шелаево II (сборы Г. Ф. Денисенко)

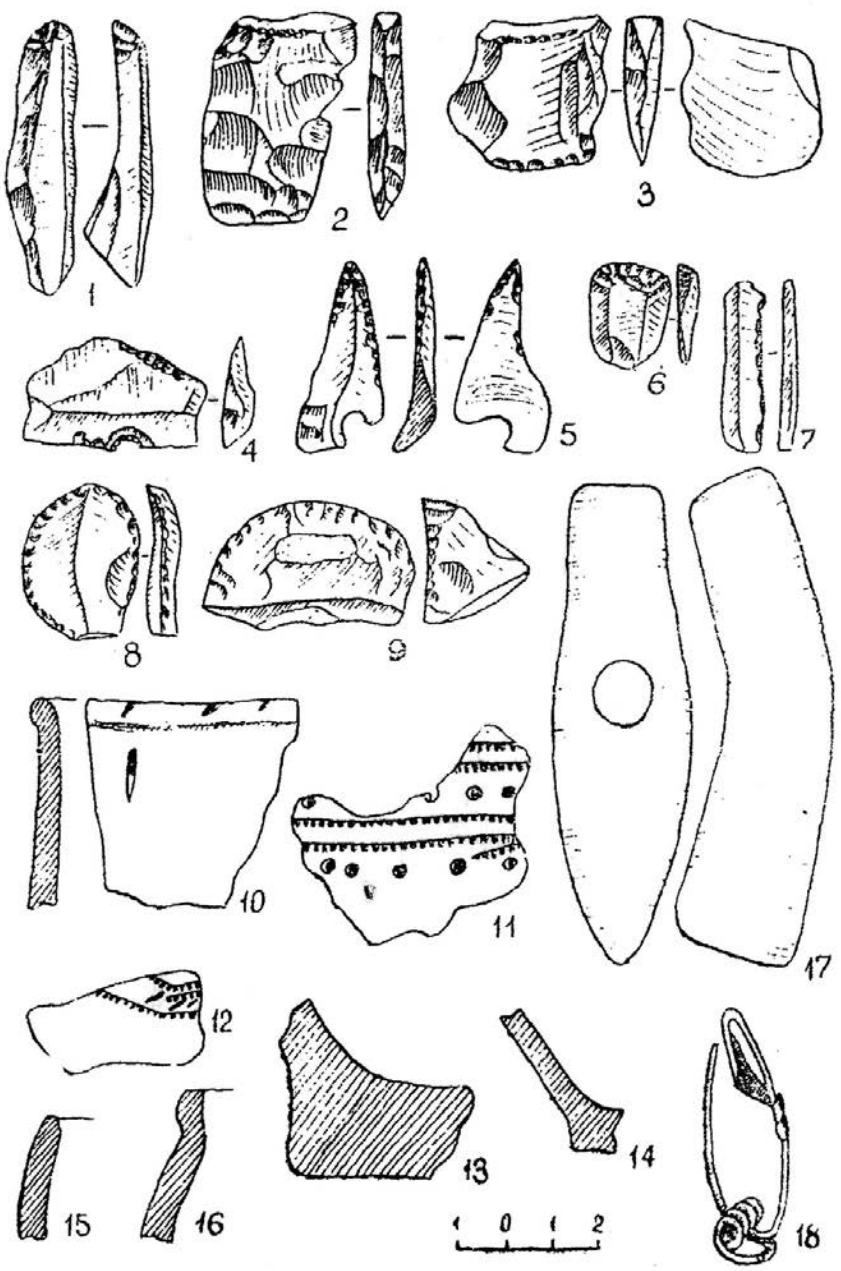


Рис. 5. Материалы стоянки Шелаево III и Шелаево IV: 1—7, 10—14, 18 — стоянка Шелаево III; 8—9, 15—17 — стоянка Шелаево IV (сборы археологической экспедиции ВГУ)

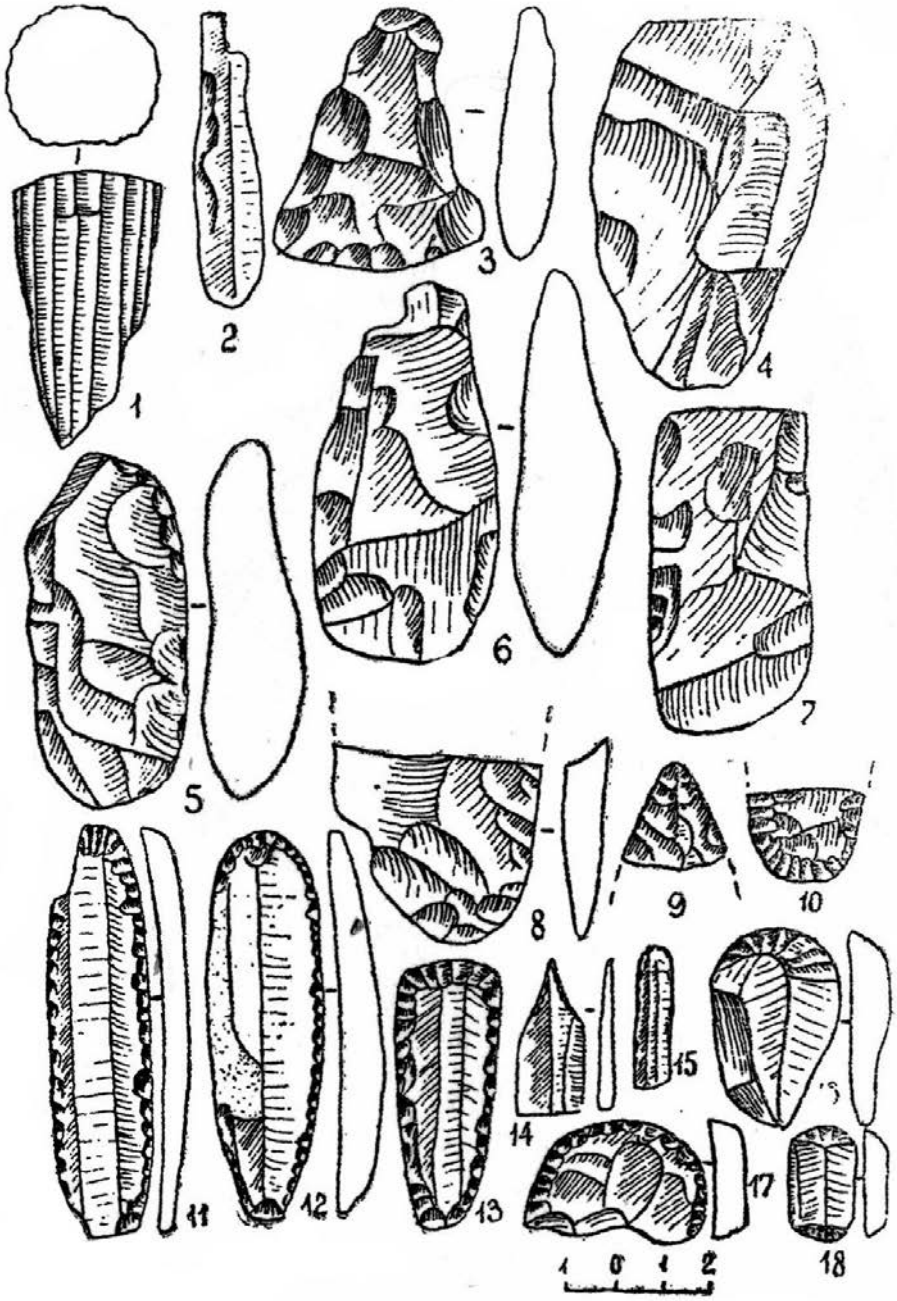


Рис. 6. Кремневые орудия стоянки Шелаево V (сборы Г. Ф. Денисенко)

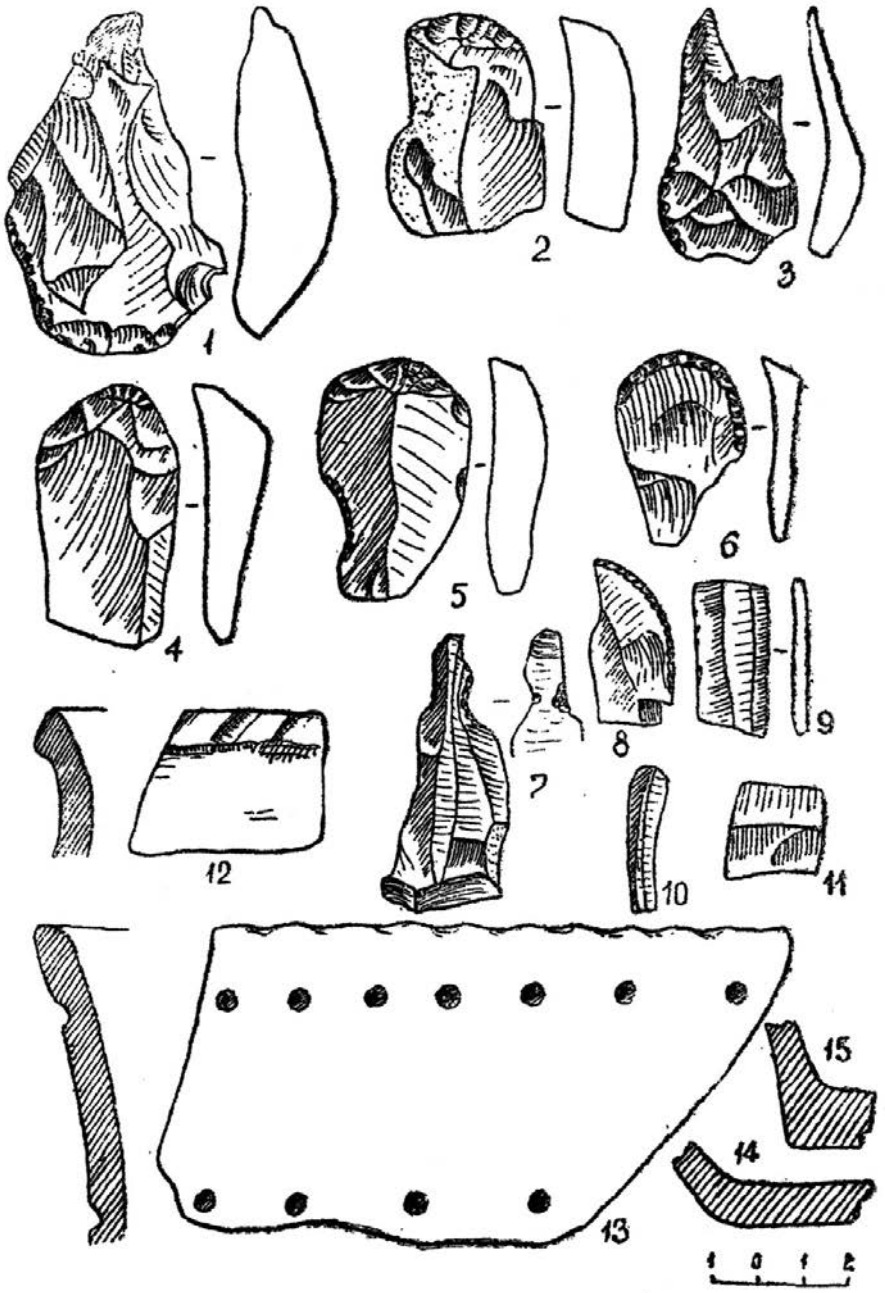


Рис. 7. Материалы стоянки Шелаево V (сборы археологической экспедиции ВГУ)

1975

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СРЕДНЕГО ДОНА В IV-II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ ДО Н. Э.

Из истории Воронежского края. Вып. 5. Воронеж, 1975. С. 141-153.

Следы материальной культуры эпохи неолита на среднем Дону свидетельствуют о наличии чрезвычайно сложного комплекса протекавших здесь исторических процессов. Данное обстоятельство в значительной степени обусловлено географическими особенностями среднего Подонья, ибо лесостепь предполагала широкие возможности для развития не только присваивающих форм хозяйства охоты, рыболовства, собирательства, но и более прогрессивных форм — скотоводства и земледелия. Естественно, что именно в районах лесостепи сталкивались различные этнокультурные группировки, как северного происхождения, так и южного.

Археологический материал, и прежде всего остатки керамического производства с его традициями в орнаментации, формах, технологии, отражающими родоплеменную культовую специфику, дают возможность выявлять территории размещения таких этнокультурных группировок, пути их передвижений, следы контактов между ними.

В эпоху раннего и развитого неолита на Дону существовала своеобразная среднедонская культура, племена которой были родственны носителям днепро-донецкой и, вероятно, волго-камской культур, объединяющихся в рамках единой лесостепной историко-культурной области. В этот период средний Дон еще не подвергался экспансии со стороны инокультурного населения: местные племена в относительной[1] обособленности продолжали развиваться на базе охотничье-рыболовческого хозяйства. Сложные этнические и социально хозяйственные переплетения наметились лишь и позднем неолите, особенно с приходом южных скотоводческих групп населения. Но, как показывают последние исследовании, и это же время на Дону существенную роль играли и выходцы из северных областей — носители культур ямочно-гребенчатой керамики.

В предлагаемой статье мы не ставим задачей рассмотрение всех поддающихся реконструкции признаков взаимоотношений местных племен с пришлыми группами, а ограничимся лишь выявлением тех изменений, какие возникали на Дону под влиянием северного импульса.

В специальной литературе получил широкое освещение вопрос о расселении волго-окских неолитических племен в северные и северо-западные районы Европейской территории СССР[2]. Побудительной причиной этой диффузии явилась, главным

[1] Синюк А.Т. Памятники неолита и энеолита на среднем Дону. Автореф. Канд. дисс. М., 1971, с. 16.

[2] См. Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952; Фосс М.Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. — «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее — МИА), № 29, 1952; Гурина Н.Н. Древняя история северо-запада Европейской части СССР.— МИА, № 87, 1961.

образом, сегментация родовых общин[1]; определенную роль сыграл также натиск со стороны инокультурных племен, проникавших сюда с востока и юга[2].

Исследования в среднем течении Десны и в районах северо-восточной Украины дали основание ряду археологов говорить еще об одном направлении продвижений волго-окского населения — юго-западном[3]. Однако в решении таких вопросов, как время появления волго-окских племен в лесостепных районах, признание процесса их заселения единовременным или многократным и даже определение территории формирования этих племен, единства мнений не наблюдается. Так, например, Д.Я. Телегин датирует первоначальное проникновение их в лесостепь серединой — второй половиной IV тысячелетия до н. э., выделяя в самой культуре северных племен (для Украины) два хронологических этапа[4]. Близкой датировки придерживается и В.Н. Даниленко, считая в то же время возможным формирование ранней культуры ямочно-гребенчатой керамики в пределах Днепровского лесостепного левобережья[5], что позволяет говорить не о юго-западной экспансии племен этой культуры с территории Волго-Окского междуречья, а наоборот. В.П. Третьяков, вслед за большинством археологов, в качестве исходной области становления культуры ямочно-гребенчатой керамики рассматривает междуречье Волга и Оки, а время проникновения носителей этой культуры определяет концом неолита[6], что значительно расходится с датировкой, предложенной Д.Я. Телегиным. Думается, что материалы лесостепного Дона могут в какой-то степени прояснить затронутые вопросы.

На неолитических стоянках Подонья, наряду с материалами среднедонской культуры, почти повсеместно встречается ямочно-гребенчатая керамика. Она, судя по наблюдениям, хронологически выступает как вторичная но отношению к местной ранненакольчатой керамике[7]. Нельзя рассматривать ее присутствие и как признак смены населения в лесостепном Подонье, о чем будет сказано ниже.

Для большего понимания происходивших здесь процессов следует, видимо, наметить южную границу собственно территории племен культуры ямочно-гребенчатой керамики. На верхнем Дону известна Долговская стоянка, представившая в своей основе ямочную керамику, аналогичную материалам древнейших волго-окских стоянок[8]. Керамика, близкая долговской, содержалась на Подзоровской стоянке (бассейн

[1] См. Брюсов А.Я. Указ. соч., с. 9-11.

[2] См. Фосс М.Е. Указ. соч., с. 57; Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л., 1966, с. 42; Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л., 1972, с. 119-121.

[3] См. Розенфельдт И.Г. К вопросу о связях древнего населения бассейна рек Десны и Оки в конце III — начале II тысячелетий до н. э. — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР» (далее — КСИИМК), вып. 75, 1959, с. 100; Гурина Н.Н. Неолит лесной и лесостепной зон Европейской части СССР. — МИА, № 161 1970, с. 153; Третьяков В.П. Указ. соч., с. 121-123.

[4] См. Телегин Д.Я. О хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины — «Советская археология» (далее — СА), 1962, №4, с. 28-36.

[5] См. Даниленко В.Н. Неолит Украины. Киев, 1969, с. 37-45; 193-194.

[6] См. Третьяков В.П. Указ. соч., с. 122-123.

[7] См. Синюк А.Т. Указ. соч., с. 19.

[8] См. Левенок В.П. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону.— МИА, № 131, 1965, с. 223-251.

верхнего Дона)[1], но уже с рядом признаков, возникших под влиянием среднедонской культуры. Ниже по Дону, как мы уже отметили, нет «чистых» памятиков с ранней ямочной керамикой, а выше (севернее) Долговской стоянки не встречено ранней керамики среднедонской культуры, хотя следы ее влияния прослеживаются далеко на севере[2]. Все отмеченное дает право проводить южную границу волго-окского культурного ареала на верхнем Дону примерно по линии Долгое — Подзорово. Отодвигать же границу южнее, как это предлагают некоторые исследователи[3], представляется не совсем обоснованным.

Появление ямочной керамики на Среднем Дону было вызвано проникновением племен с северных территорий. О том, что это был сравнительно сильный миграционный поток (или единовременный, или широкий хронологически и сейчас, не поддается дешифровке), свидетельствуют повсеместность и массовость нахождения ямочной керамики. Наибольшее количество ее встречено на нижневоронежских стоянках; есть она на берегах Битюга, Оскола и в других местах. Южным пунктом нахождения ранней керамики долговского типа пока является Черкасская стоянка в устье р. Битюга (рис. 1). Факты показывают, что с приходом северных групп смены населения на среднем Дону не произошло. Это положение лучше всего иллюстрируется появлением смешанного тина керамики, включающего как местные традиции, так и северные, но при явном преобладании первых (рис. 1, 9-12). Надо полагать, пришлые группы людей были мирно приняты в среду местных племен — таких же охотников и рыболовов. Включение нового этнического компонента наложило свой отпечаток на среднедонскую культуру, придав ей тем самым глубокую специфику.

Анализ материалов среднедонских стоянок, их сопоставление с материалами Долговской и других стоянок более северных территорий, а также полученная радиокарбоном дата 5080±125 (стоянка Университетская — III)[4], позволяют датировать появление этих этнокультурных взаимодействий второй половиной IV тысячелетия до н. э., что вполне согласуется с датировкой Д.Я. Телегиным ранних комплексов ямочно-гребенчатой керамики северо-восточной Украины. В этом можно усматривать следствие единовременного передвижения северных неолитических племен, широкой волной шедшей не только на юго-западном направлении, но и в южном — на средний Дон.

Вторая волна проникновения на Дон племен с культурой северного облика выявляется по распространению керамики гребенчато- и зубчато-ямочного типа, где ямочный элемент в орнаментации играет уже подчиненную роль. В тесте таких сосудов

[1] См. Фосс М.Е. Исследования неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 году. — КСИИМК, вып. 75, 1959, с. 17. См. Третьяков В.П. Указ. соч., с. 55-61. Не исключено, что отдельные группы носителей среднедонской культуры еще на ранних со стадиях могли проникать в северные районы, когда традиция изготовления ямочно-гребенчатой керамики еще не сложилась.

[2] См. Третьяков В.П. Указ. соч., с. 55-61. Не исключено, что отдельные группы носителей среднедонской культуры еще на ранних со стадиях могли проникать в северные районы, когда традиция изготовления ямочно-гребенчатой керамики еще не сложилась.

[3] См. Формозов А.А. О времени возникновения различий между северными и южными культурами каменного века. — КСИИМК, вып. 59, 1955, с. 4, рис. 1; его же. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М 1959, с. 105, рис. 21; Третьяков П.Н. Указ. соч., с. 32-33, рис. 7.

[4] Анализ проведен в Радиоуглеродной лаборатории Ленинградским Отделением Института археологии АН СССР.

обычна примесь крупного песка или толченого кварца, а вариации форм значительно разнообразнее по сравнению с формами предшествующих сосудов ямочного типа (рис. 2). Совершенно очевидно, что традиции среднедонской культуры в них отсутствуют, тогда как аналогичная керамика бытует в неолитических культурах севера и северо- запада Европейской территории СССР, в среде которых в III тысячелетии до н. э. процесс диффузии шел наиболее активно[1]. Со временем, правда, в орнаментации этих сосудов вырабатываются некоторые специфические признаки, как, например, «клинчатый» элемент (рис. 2, 7), получивший распространение на стоянках северной части лесостепного Подонья. Скорее всего «клинчатые» вдавления трансформировались из насечек зубчатого штампа. В связи с этим представляется безосновательным выдвигать положение о возникновении данной керамики на базе смешивания традиций местной накольчатой керамики и керамики долговского типа, хотя сама постановка вопроса о выделении ее в самостоятельную «рыбноозерскую» культуру[2], думается, верна.

По ряду признаков можно считать, что новые группы северного населения стали проникать на Дон, когда здесь уже расселились первые группы южных скотоводческих племен с культурой энеолитического облика. Поэтому правильнее будет характеризовать рыбноозерскую культуру как пережиточно-неолитический этап в истории рыбноозерских племен Подонья.

Судить о взаимоотношениях между северными и южными пришельцами пока можно лишь предположительно. Сосуществование этих различающихся этнически и по роду хозяйственной деятельности групп обусловливалось, вероятно, установлением контактов на основе обмена, браков, а также и тем, что группы эти первоначально были немногочисленными и пока не испытывали территориальных стеснений.

По-иному складывалась судьба автохтонного населения, часть которого подверглась ассимиляции со стороны более жизнеспособных энеолитических групп, а часть ушла в другие районы, возможно, в западном направлении. О потере ведущих позиций в III тысячелетии до н. э. собственно среднедонской культуры красноречиво свидетельствуют археологические материалы, отражающие угасание местных неолитических признаков. Все это говорит о том, что этническая карта лесостепного Подонья в позднем неолите подверглась кардинальным изменениям.

Экспансия племен с культурами северного облика на Дон не была приостановлена и позднее, когда здесь уже преобладал южный этнокультурный компонент. Очередная волна такого передвижения фиксируется по находкам ромбо-ямочной керамики (рис. 3). Можно, видимо, более конкретно определить исходную территорию ее сложения — верховья Оки и Среднее течение Десны, где получил развитие ромбоямочный орнаментальный элемент[3]. Касаясь находок ромбоямочной керамики на Дону, одни исследователи видят в этом приход деснинских групп населения[4], другие — бе-

[1] См. Гурина Н.Н. Неолит лесной и лесостепной зон Европейской части СССР. — МИА, № 166, 1970, с. 151, рис. 7.

[2] Левенок В.П. Неолит Верхнего Дона. Автореф. канд. дисс. М., 1969. с. 17.

[3] Брюсов А.Я. Белевская неолитическая культура. — КСИИМК, Вып. XXVI, 1947, с. 15-21; Воеводский М.В. Памятники каменного века на Десне.— КСИИМК, вып. XXVI, 1949, с. 22-26.

[4] См. Гурина Н.Н. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. — МИА, № 87, 1961, с. 59, рис. 12; Левенок В.П. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону. — МИА, № 131, 1965, с. 244.

левских[1]. Мы не отстаиваем какую-либо из этих точек зрения: вое же представляется, что постановка вопроса о юго-восточной экспансии белевской культуры не лишена оснований: керамика с рубчатыми ромбическими ямками, характерными только для данной культуры[2], встречена на верхнем Дону близ г. Ефремова и на Лобовской стоянке (Долгоруковский район Липецкой области).

Лобовская стоянка интересна тем, что в своей основе представила сравнительно однородный материал северного облика. Стоянка расположена на правом берегу Быстрой Сосны при впадении в нее р. Олым. Впервые она была обследована нами в 1964 г. в связи с сообщением местных жителей о находке здесь человеческого черепа, костяного гарпуна и фрагментов керамики[3].

Берег в этом месте подвержен разрушению, сравнительно крутой, высотой до 10-12 м над летним ординаром реки. Немногочисленные фрагменты керамики, несколько кремневых отщепав и кости животных были взяты из обнаженных участков культурного слоя, а также при зачистке небольшой его площади (около 5,5 м^2) на месте, указанном жителями, где ранее были найдены гарпун и череп. Слой задернован, состоит из однородной массы чернозема толщиной в 55-65см; подстилается плотным песчанисто-суглинистым материком.

В процессе зачистки слоя обнаружены остатки погребения (рис. 3, 12). Это была яма почти овальной формы, углубленная в материк на 12-15 см. Вокруг нее хорошо прослеживалась обкладка из небольших песчаниковых камней. На дне ямы в беспорядке лежали кости погребенного и среди них — невыразительные обломки от двух сосудов. Принадлежность последних к погребению не бесспорна, так как они могли попасть сюда при засыпке, хотя на одном из фрагментов имеются следы охры. С определенной долей вероятности можно отнести к погребению и гарпун. В плане реконструкции обряда погребения, учитывая на ходку черепа, определенно можно лишь оказать, что умерший был положен половой к реке по линии Запад-Восток. Интересно, что погребальная яма как бы «вписана» в систему небольших ямок, выявленных на данном участке. Если их признать за столбовые, то создается впечатление о захоронении умершего в углу какой-то прямоугольной постройки.

В пределах верхнего Дона известно еще только одно погребение, обнаруженное М.Е. Фосс в слое позднеолитической стоянки «Глинище» близ г. Мичуринска. Скелет также был ориентирован головой к реке, но ввиду отсутствия контуров могильной ямы, исследовательница воздержалась от утверждения о синхронности погребения культурному слою, хотя и отметила, что кости скелета по степени сохранности и цвету не отличались от костей животных из слоя стоянки[4]. Для более широких территорий, занятых племенами культуры ямочно-гребенчатой керамики, находки погребений единичны[5] и не дают возможности проводить какие-либо параллели.

Керамический материал Лобовской стоянки представлен стенками и всего двумя венчиками от сосудов. В тесте их содержится небольшая примесь песка; толщина

[1] См. Третьяков В.П. К вопросу о каменных орудиях Волго-Окского междуречья.— МИА, № 131, 1965, с. 214.

[2] См. Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, с. 51.

[3] Материал хранится в кабинете археологии ВГУ.

[4] См. Фосс М.Е. Исследования неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 году.— КСИИМК, вып. 75, 1959, с. 24.

[5] См. Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л., 1972. с. 19.

стенок — 0,5-0,7 см. Орнамент состоит из глубоких конических ямок, разделенных на зоны оттисками гребенчатого (рис. 3, 6, 9) или лунчатого (рис. 3, 10) штампов, а также из ромбических (рис. 3, 1-3), ромбоидальных (рис. 3, 4, 8) и длинновальных (рис. 3, 5) вдавлений, имеющих в отдельных случаях рубчатые основания. Данный признак, а также глубина ямок, строгий шахматный порядок их размещения сближают лобовские материалы с верхнеокскими. Кроме того, здесь же наблюдаются и некоторые признаки, как например, «отступающий» штамп, говорящие о южном влиянии, подобно тому, что было отмечено в материалах Подзоровской стоянки[1]. Кремневые находки состоят всего из восьми отщепав, из которых только два могли нести функции скребков. Гарпун сделан из расщепленной вдоль кости крупного животного. Он имеет четыре крупных зубца клювовидной формы и нарезки в основании для крепления. Острая часть сильно заполирована (рис. 3, 11).

Говоря о слабой насыщенности материалами культурного слоя стоянки, мы отмечаем и ее слабую изученность, в связи с чем сделанные выше наблюдения носят предварительный характер.

Ромбоямочная керамика позднего облика встречена на широкой территории лесостепного Подонья, от верховий рек Дона и Воронежа (Долгое, Подзорово), до устья Битюга (Черкасское), включая и среднее течение р. Оскола (рис. 3, 13-23). Интересно, что в ряде случаев находки ромбоямочной керамики зафиксированы на высоких мысах — у с. Архангельского (Воронежская обл.), около Каменки (Липецкая обл.) и на Воргольском городище близ г. Ельца. Ромбоямочная керамика с высоким местоположением была найдена еще восточнее, — на р. Мокше, что и послужило в свое время П.Д. Степанову одним из оснований усомниться в ее принадлежности к неолиту[2]. Материалы эти были затем передатированы и отнесены к неолитической культуре[3].

Вопрос о взаимоотношении на Дону носителей белевско-деснинских культур с другими племенами представляется чрезвычайно сложным. Если для предшествующего времени можно говорить о некотором симбиозе пережиточно-неолитической и энеолитических культур, то на данном этапе отношения сложились иначе. Прежде всего, при находках ромбоямочной керамики на широкой территории, сами пункты этих находок довольно малочисленны, а содержание в них ромбической керамики — единично. Кроме того, нахождение ее на высоких мысовых участках может рассматриваться как желание людей найти естественно защищенные места, что отражает далеко не мирный характер отношений, сложившихся с окружающей средой. Судя по всему, проникновение их на Дон имело эпизодический характер и каких-либо серьезных изменений в этническую карту Подонья не внесло. Об этом же говорят и местные материалы более позднего времени, в которых почти не отмечаются белевско-деснинские гончарные традиции. Не исключено, что упомянутые выше материалы из бассейна р. Мокши как раз показывают то направление, по которому были вынуждены уйти остатки белевско-деснинских групп, теснимые с Дона энеолитическими племенами. Распространение ромбоямочной керамики на Десне датируется серединой III[4] и второй половиной III тысячелетия до н. э[5]. На Дону она могла появиться и несколько

[1] См. Фосс М.Е. Исследования неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 году.— КСИИМК, вып. 75, 1959, с. 20.
[2] См. Степанов П.Д. Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокши.— КСИИМК, вып. 59, 1955, с. 67-73.
[3] См. Попова Т.Б. Эпоха бронзы на Тамбовщине — СА, 1961, № 3, с. 146-147.
[4] См. Телегин Д.Я. О хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины. — СА, 1962, № 4, с. 36.
[5] См. Кропоткин В.В. Белынецкие курганы и стоянка.— КСИИМК, вып. XLVII, 1952, с. 64.

позднее — в конце III — начале II тысячелетий до и. э.[1]

Таким образом, среднедонские материалы позволяют высказать по интересующему нас вопросу некоторые соображения.

Культура ямочно-гребенчатой керамики, видимо, не имеет генетических корней в местной ранненеолитической среде, т.е. формирование ее проходило вне пределов среднего Дона. Появление ее на Дону отражает процесс передвижения более северных племен.

Начальные передвижения этих племен относится к IV тысячелетию до н. э.

Процесс расселения волго-окских племен был длительным и многократным; во всяком случае для среднего Подонья археологически фиксируются три волны таких передвижений.

Южная экспансия волго-окских этнокультурных группировок сыграла значительную роль в сложении этнического состава населения среднего Дона в эпоху позднего неолита.

[1] См. Левенок В.П. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону.— МИА, № 131, 1965, с. 245.

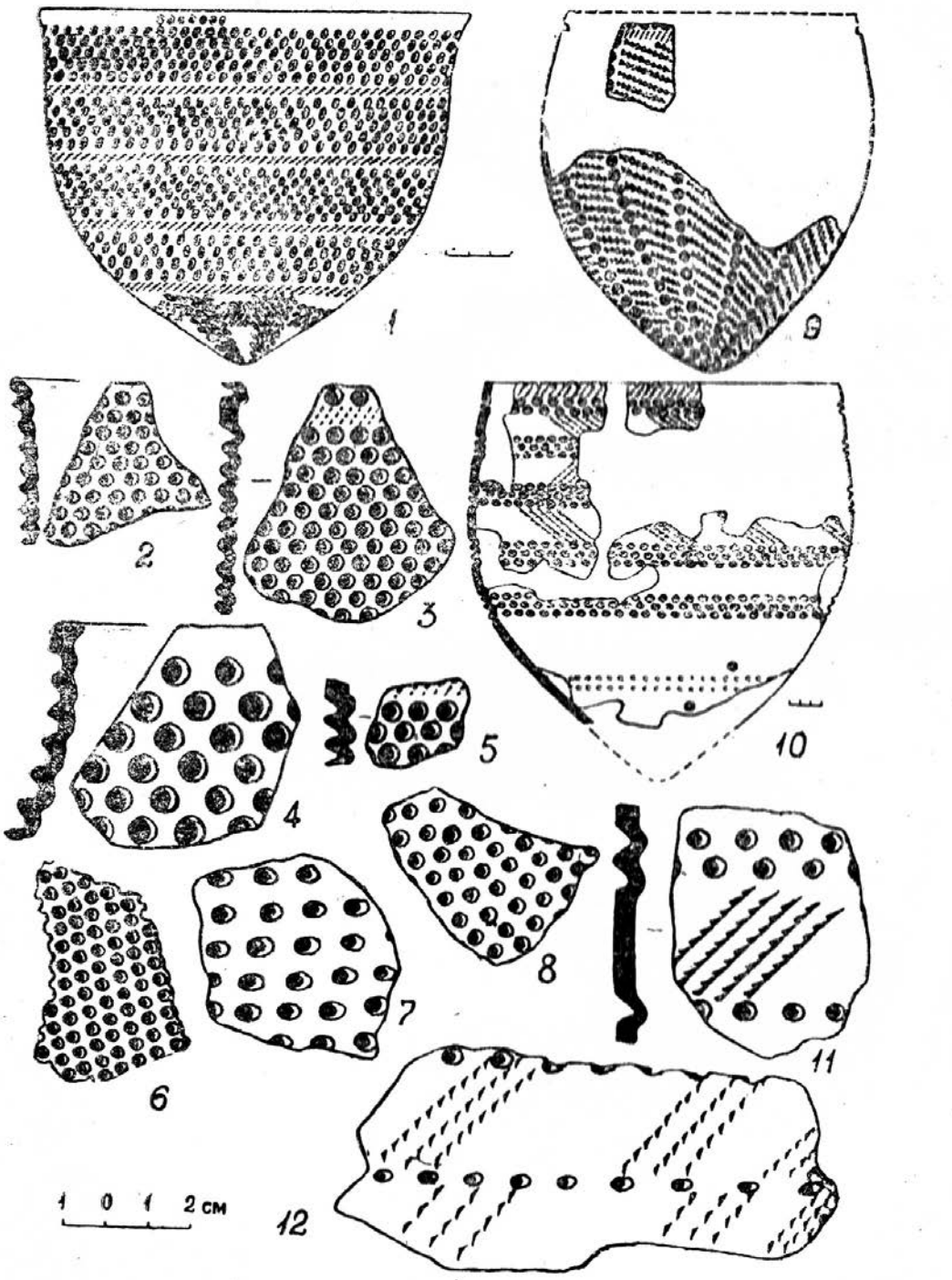


Рис. 1. 1—4, 9, 10 — со стоянок р. Воронежа (*1, 2, 9, 10* — Университетская — III; *3* — Отрожская; *4* — Северо-восточная — I); *5, 8, 11* — со стоянок р. Битюга (*5* — Борщево — I; *8* — Черкасская; *11* — Кушелево); *6, 7, 12* — Дармодехинская стоянка (р. Тихая Сосна).

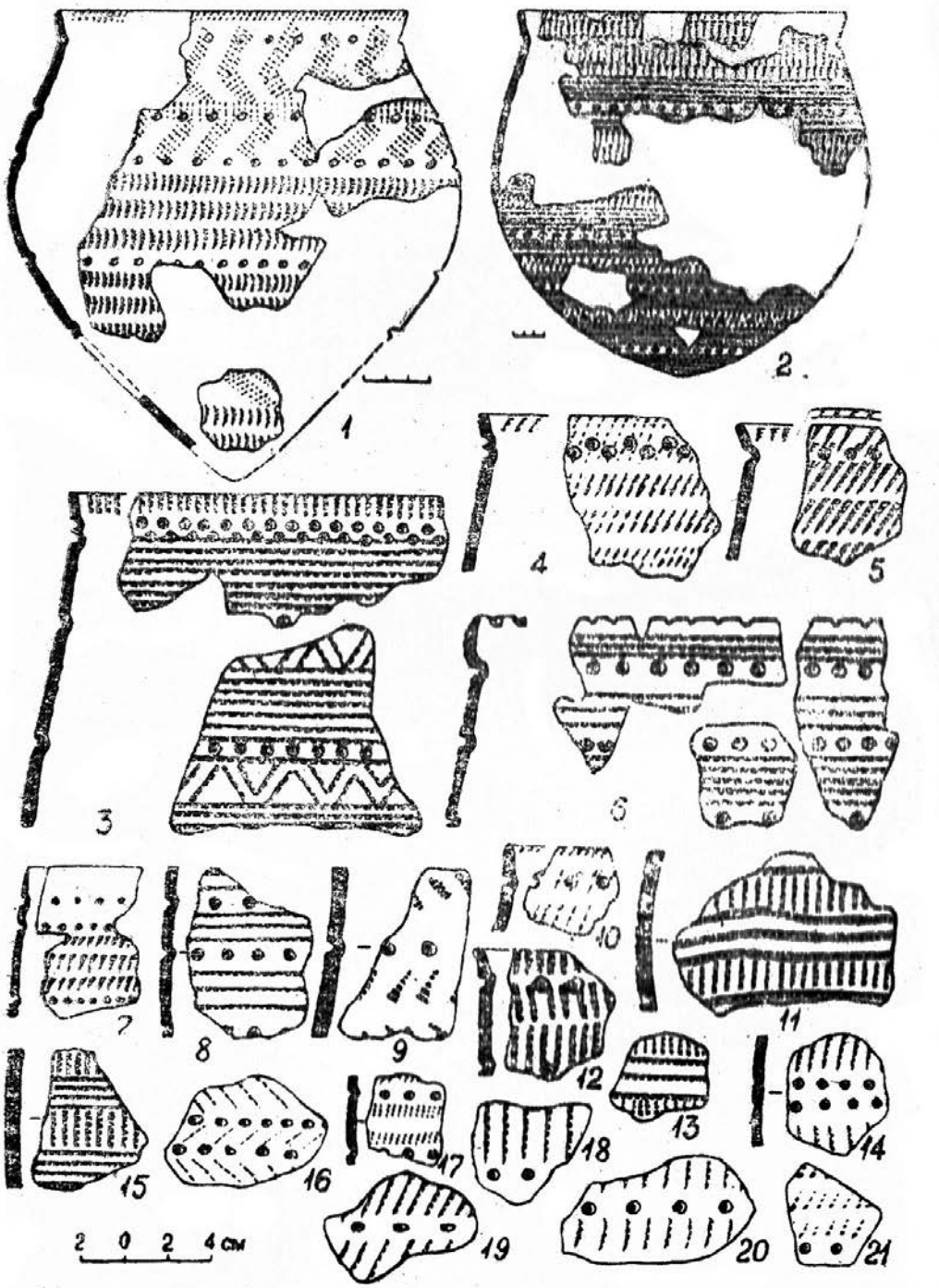


Рис. 2. 1—7, 10—12 — со стоянок р. Воронежа (*1—6* — Университетская — III; *7* — Чертовицкая; *10* — Отрожская; *11* — Кировская — II; *12* — Скотный Двор); *8, 9* — пункт № 242 на р. Матыре (из раскопок Б. Г. Тихонова в 1968 г.); *13—16* — со стоянок р. Тихой Сосны (*13, 14* — Дармодехинская; *15, 16* — Копанищенская); *17—21* — со стоянок р. Битюга (*17* — Дрониха; *18* — Борщево — I; *19* — Бродовое; *20, 21* — Черкасская).

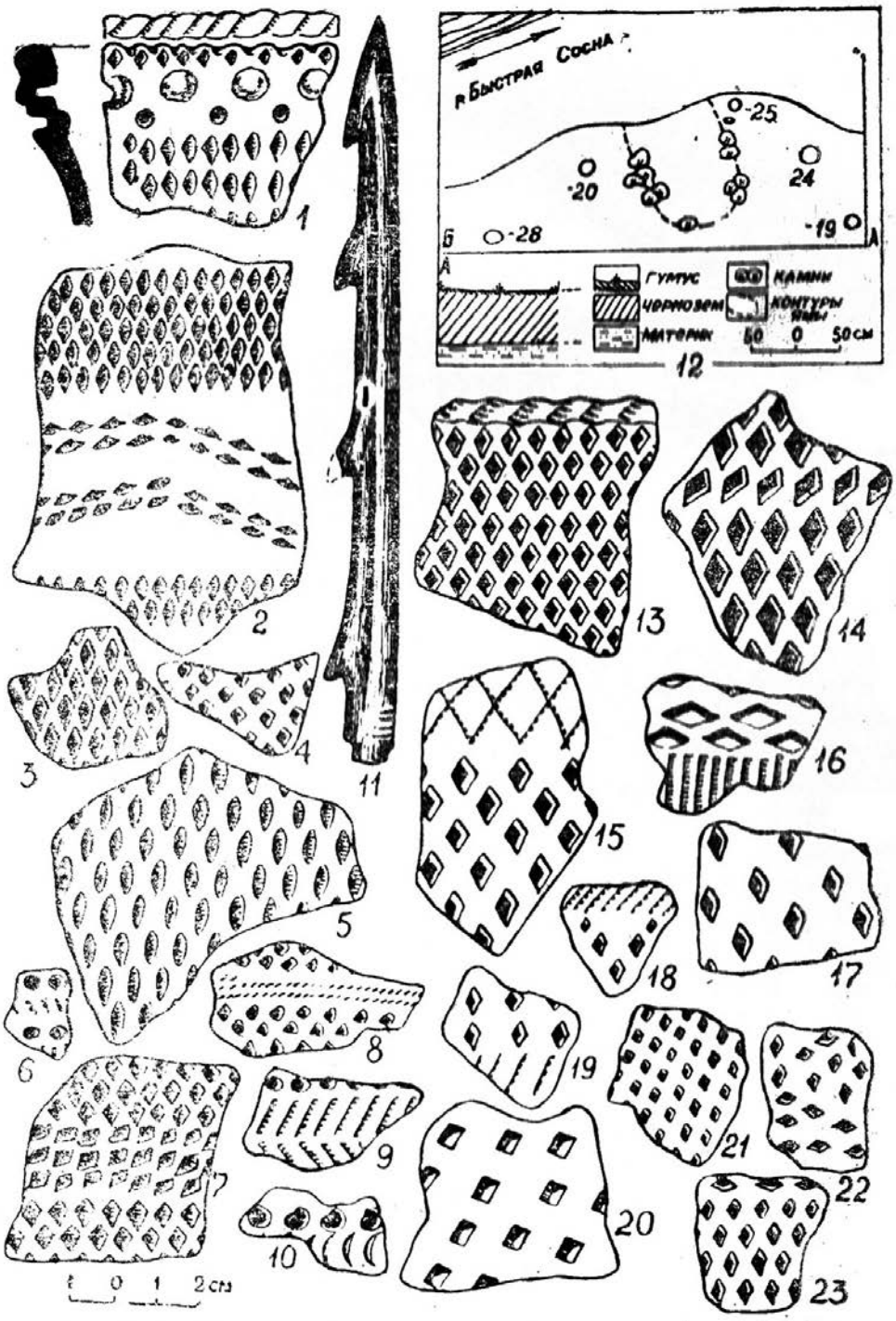


Рис. 3. 1—12 — Лобовская стоянка; *13—15* — р. Воронеж (*13* — Отрожка; *14* — Северо-восточная — I; *15* — Скотный Двор); *16* — р. Матыра, пункт № 242 (раскопки Б. Г. Тихонова в 1968 г.); *17* — р. Битюг, Черкасское; *18—20* — р. Тихая Сосна, Копанище; *21 — 23* — р. Оскол, Раздолье.

1976

КОЛЛЕКЦИЯ КАМЕННЫХ ШЛИФОВАЛЬНЫХ ОРУДИЙ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Известия Воронежского государственного педагогического института. Том 157. Из истории Центрально-черноземного края. Воронеж: ВГПУ, 1976. С. 83-94. В соавт. с А.Д. Пряхиным.

На протяжении многих лет с территории Верхнего и Среднего Подонья в Воронежский краеведческий музей поступают находки древних каменных шлифовальных орудий. К настоящему времени составилась интересная по разнообразию их видов коллекция, на анализе которой мы и останавливаемся в данной статье[1].

Подавляющее большинство орудий не получило еще специального рассмотрения. Об отдельных находках сообщает С.Н. Замятнин[2]. Рисунки двух каменных топоров, найденных у сел Вербилово и Малинино, и фотография каменного топора из села Костенки приводятся в работах А.Н. Москаленко[3]. О находке каменного песта в кургане № 14 могильника «Частые курганы» пишет П.Д. Либеров[4]. Отдельные топоры из собрания музея упоминаются А.Я. Брюсовым и М.П. Зиминой[5].

Основу рассматриваемой коллекции составляют каменные топоры-молоты. В археологической литературе предложено много классификаций топоров. Наиболее ранняя из них и в то же время основополагающая дана В.А. Городцовым[6]. Позднее топоры классифицировали П. Глоб[7], А. Олдеберг[8], М. Мальмер[9], Д.А. Крайнов[10], А.Я. Брюсов и М.П. Зимина[11], А.Х. Халиков[12] и др. В работах советских исследователей наметились

[1] О сохранившихся каменных изделиях довоенной коллекции музея есть сведения в архиве Г.В. Подгаецкого (фотоархив Ленинградск. отд. ин-та археологии АН СССР), они в статье не рассматриваются.

[2] С.Н. Замятнин. Очерки по доистории Воронежского края. Воронеж, 1922, стр. 15 (рис. 7).

[3] А.Н. Москаленко. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону. В сб.: Краткие сообщения института истории материальной культуры, вып. XLIII, 1952, стр. 102 (рис. 32, 1-2). Ее же. Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона. Воронеж, 1955, стр. 32 (рис. 4).

[4] П.Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964,стр. 12 (рис. 3, 3).

[5] А.Я. Брюсов, М.П. Зимина. Каменные сверленые боевые топоры на территории Европейской части СССР. Свод археологических источников, В4-4. М 1966, стр. 30, 33, 36, 38, 39, 55 (табл. 1), 57 (табл. 2), 59 (табл. 3), 63 (табл. 5),

[6] В.А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Государственного исторического музея за 1914 г. М., 1916, стр. 129-142 (табл. VIII).

[7] P.V. G1ob. Studier over der jyske Enkeltsqravskultur. ANOH, 1944, Kopenhavn. 1945.

[8] A. O1deberg. Studien liber die schwedlsche Bootaxtkultur, Stockholm, 1952.

[9] M. Maimer, Jüngneollthlsche Studien. AAL, 2, Bonn-Lund, 1956.

[10] Д.А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. Свод археологических источников, ВІ-19, М., 1963, стр. 27-33.

[11] А.Я. Брюсов, М.П. 3имина. Указ. раб., стр. 23-28.

[12] А.Х. Халиков. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы. Докт. дисс. Архив Ин-та археологии АН СССР, табл. XXXIII-XXXVII.

два основных направления в классификации каменных попоров. Одни из них стремятся к обобщенной типизации (А.Я Брюсов и М.П. Зимина), что необходимо при широких исторических построениях, другие (Д.А. Крайнов, А.Х. Халиков) выделяют более мелкие типы, что дает преимущество при решении конкретно-исторических вопросов для сравнительно ограниченных территорий.

На материалах фондов только Воронежского музея вряд ли целесообразно предлагать исчерпывающую типологию топоров-молотов для лесостепного Подонья в целом. При описании каменных топоров мы взяли за основу большие основополагающие типы, выделяемые по форме топора в плане. Внутри этих типов вполне возможно членение (по различию профиля и т. д.), обуславливаемое и спецификой культуры отдельных групп населения и отсутствием «стандартизации» при изготовлении топоров в эпоху неолита-бронзы.

Топоры-молоты коллекции музея делятся на три типа: клиновидные, обушковые, ромбовидные.

Клиновидные топоры (рис. I). В рассматриваемой коллекции топоры этого типа представлены девятью экземплярами. Все они происходят из случайных сборов. По мнению большинства исследователей, это самый древний, широко распространенный в Восточной Европе тип топоров[1]. Клиновидные топоры подразделяются на две разновидности.

Одни из них подтреугольно-клиновидные (рис. 1, 1-6)[2]. Эти топоры сделаны из песчаника и сланца. Обушок у них не выделен, в срезе — прямой или выпуклый. В сечении топоры массивные, прямоугольные и округлые. Лицевая и тыльная стороны топоров плоские, боковые стороны прямые и слегка выпуклые. Сверлины расположены по центру топора или несколько смещены к обушковой части. Форма сверлин цилиндрическая, гладкая, иногда с нарезками. Своеобразны отверстия топоров, найденных у сел Костенки и Шубное. Внутри их имеются неровные углубления, которые можно объяснить примитивностью техники сверления. Один из обломков топора (село Терновка) после дополнительной подправки места излома продолжал служить, видимо, в качестве клина. Топор из г. Воронежа со стороны обушка и со стороны лезвия сильно сработан.

Другие топоры этого типа — округло-клиновидные (рис. 1, 7-9)[3]. Сделаны из диорита (табл. 1, 8, 9) и сланца. Лобная и тыльная стороны таких топоров плоские. Срез обушка прямой или округлый. В профиле они прямоугольные, один трапециевидный. Сверлины расположены ближе к обушковой части. У одного из топоров сверлина только намечена. Интересно то, что эта сверлина находится под самой обушковой частью. Такая разновидность топоров является переходной к треугольному типу[4].

Клиновидные топоры, судя по незаконченным экземплярам, изготовлены на месте. Своеобразен сделанный из серого диорита топор клиновидной формы (табл. 2, 12), имеющий втульчатый выступ у сверлины и четкое огранение лобной и тыльной сторон. Точное его местонахождение не установлено.

[1] В.А. Городцов. Указ. раб., стр. 9-10. Д.А. Крайнов. Указ. раб., стр. 27 и др.

[2] Табл. I, I — с. Костенки, инв. № 4582/19; табл. I, 2 — с. Расказань на Хопре, инв: № 17; табл. I, 3 — Воронеж, з-д им. Ленина, инв. № 3147; табл. I, 4 — с. Шубное, инв. № 4594/13; табл. I, 5 — с. Терновка, инв. № 4607/8; табл. I, 6 - б. Воронежская губ., инв. № 4597/4.

[3] Табл. I, 7 — б. Задонский уезд, инв. Ле 4583/21; табл. I, 8 — г. Воронеж, Новая Дамба, инв. № 4593/2; табл. I, 9 — г. Семилуки, б/н.

[4] Мы не согласны с отнесением некоторых топоров Воронежского музея к собственно треугольным топорам, как это делают А.Я. Брюсов и М.П. Зимина (см. указ. раб., стр. 30).

Обушковые топоры (рис. II) представлены четырнадцатью экземплярами. Для всех них характерно наличие четко выраженного обушка. Отдельные исследователи подразделяют эти топоры на несколько типов. Так, например, В.А. Городцов выделил типы: обушковый, обушковый хордовый, длиннообушковый, длиннообушковый хордовый; Д.А. Крайнов: короткообушковый, обушковый, длиннообушковый, обушковый усеченно-конический, обушковый грибовидный, обушковый изогнутый; А.Х. Халиков: короткообушковый, обушковый- обушковый усеченно-конический, длиннообушковый, обушково-втульчатый. А.Я. Брюсов и М.П. Зимина обушковый тип топоров подразделяют на короткообушковые, софиевские, длиннообушковые, длиннообушковые с удлиненной втулкой.

Разноообразие и определенная специфика топоров из коллекции Воронежского музея также позволяют подразделить обушковые топоры на отдельные разновидности.

Одна из них — собственно обушковые (рис. II, 1-5)[1]. Сделаны собственно обушковые топоры из сланца и один (табл. II, 4) из шокшинского песчаника. Они выделяются своими размерами и массивностью. Обушок у них четко отделяется от довольно крутых плечиков Боковые стороны в плане слегка выпуклые. В то же время эти стороны подтесаны и образуют грани. Лобная и тыльная стороны плоские. Иногда лобная сторона к обушку имеет закругление. Края лезвий закруглены. Сверлины цилиндрической формы, расположены или по центру, или ближе к обушковой части. Часто такие топоры имеют хорды по всей длине и боковые грани. Топор, найденный у села Ивановки, канеллирован и с тыльной стороны. О местном производстве собственно обушковых топоров свидетельствует находка заготовки топора из села Таврово. Топоры этой разновидности условно можно назвать топорами степной (катакомбной) разновидности. Таковыми их считают Т.Б. Попова[2], В.И. Марковин[3], Е.И. Пузаков[4]. В связи с постановкой вопроса об их культурной принадлежности следует отметить, что один из топоров (села Малинино) обнаружен в том месте, где впоследствии была собрана керамика раннекатакомбного облика.

Другая разновидность обушковых топоров — обушковые изогнутые (рис. II, 6-7)[5]. Они изготовлены из сланца. Спецификой данных топоров является изогнутость профиля. Топоры небольших размеров. Один из них имеет четко выраженные грани. Сверлины цилиндрической формы. У другого топора ранее была обломана часть лезвия, и после дополнительной подправки оба конца топора продолжали служить как обушки (двуобушковость). Формы обушковых топоров известны в более южных районах нашей страны.

Третья разновидность топоров данного типа — коротко-обушковые (табл. II,

[1] Табл. II, 1 — г. Семилуки, б/н; табл. II, 2 — с. Малинино, инв. № 4595/1; табл. II, 3 — с. Ивановка, инв. № 4601 /Г8: табл. II, 4 — с. Таврово, инв. № 4599/5; табл. II, 5 — с. Белый Колодезь, инв. № 32.

[2] Т.Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Труды Государственного исторического музея, вып. 24. М., 1955, стр. 96 (табл. III).

[3] В.И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа…; 13 — с. Костенки, инв. № 4681/31; табл. III, 14 — с. Принцевка, инв. бронзы (II тыс. до н. э.). Материалы и исследования по археологии СССР, 93, 1960, стр. 72 (табл. 31), 74, 100.

[4] Е.И. Пузаков. Каменные сверленые топоры-молоты в верхнем течении р. Северского Донца. «Советская археология», 1962, 1, стр. 271.

[5] Табл II, 6 — с. Шашинка, б/н; табл. II, 7 — с. Ездочное, инв.№ 4592/36.

8-9)[1]. Топоры сделаны из кремнистого сланца. Они имеют небольшой в сечении круглый обушок, плавно переходящий к выпуклым плечикам. Лобная (широкая) сторона топоров слегка выпуклая, тыльная — плоская. У одного из топоров на тыльной стороне, начиная от обушка, — выступ. Боковые стороны их слегка выпуклые, лезвия закруглены. Сверлины несколько смещены от центра к обушку. Размеры этих топоров различны. Своеобразием рассмотренных топоров из фондов Воронежского музея следует считать намечающуюся изогнутость профиля. Короткообушковые топоры широко распространены в областях, занимаемых фатьяновской и среднеднепровской культурами, и в меньшей степени — в соседних с ними районах Восточной Европы.

Четвертая разновидность топоров данного типа—длиннообушковые втульчатые (рис. II, 10-11)[2]. Они изготовлены из сланца. Характерным признаком их является наличие выступов на лобной стороне вокруг сверлин. По форме данные топоры близки к длиннообушковым без резкого выделения обушка. Тыльные стороны этих топоров плоские. У одного топора лобная и боковая стороны ограненные. Сверлины цилиндрические, они расположены от центра ближе к лезвию. Профиль топоров прямой, лезвия по краям закругляются. Эта форма топоров не характерна для лесостепных районов Подонья. Интересно, что помимо двух втульчатых топоров длиннообушковых топоров без втулки в собрании музея нет.

Пятая разновидность обушковых топоров — обушковые грибовидные (рис. II, 13-14)[3]. Они сделаны из сланца. Обушки у них заканчиваются утолщением в виде «грибной шляпки». Наиболее широкая часть топоров в центре. Оба они относительно небольших размеров. Профили топоров различные. У одного из них клиновидное основание. Другой имеет изогнутый профиль. Этот топор сделан несравненно более тщательно, огранен. Происхождение его следует связывать с территорией Северного Кавказа, где подобные топоры датируются концом эпохи бронзы[4].

Ромбовидные топоры (рис. III). Их в коллекции музея девятнадцать экземпляров, включая два обломка. В основе выделения их лежит более или менее приближающаяся к ромбу в плане форма. Отдельные исследователи разделяют ромбовидные топоры на несколько типов: В.А. Городцов — на ромбические, ромбические хордовые; Д.А. Крайнов, А.Х. Халиков — на ромбические, молотковидные ромбические усеченные, ромбические узкообушковые, ромбические лопастные; А.Я. Брюсов и М.П. Зимина, выделяя ромбовидный (ромбический) тип, делят его на следующие разновидности: топоры ромбовидные, ромбические, усеченно-ромбические, ромбические обушковые.

Ромбовидные топоры из фондов Воронежского музея, на наш взгляд, можно подразделить несколько по-иному. Первая разновидность ромбовидных топоров — ромбовидно-усеченные с прямым профилем (рис. III, 1-6, 9)[5]. Сделаны они из сланца и диорита (рис. III, 1, 3), Эти топоры имеют усеченно-ромбовидную в плане форму и прямой профиль. Лобная и тыльная стороны или плоские, или слегка выпуклые.

[1] Табл. II, 8 — с. Вербилово, инв. № 4581/31; табл. II, 9 — место находки неизвестно, инв. № 4957.

[2] Табл. II, 10 — б. Землянский уезд, инв. № 4588/29; табл. II, 11 — с. Б. Полянка, инв. № 4591/9.

[3] Табл. II, 13 – с. Н. Турово, б.н.; табл. II, 14 – с. Ситное, инв. № 4598.

[4] В.И. Марковин. Указ. раб., стр. 100.

[5] Табл. III, 1 — Воронежская обл., инв. № 4600/9; табл. III, 2 — Воронежская обл., б/н; табл. III, 3 — сл. Марченкова, инв, №4601/18; табл. III, 4 —место неизвестно, инв. № 34; табл. III, 5 — с. Ерышовка, инв. № 4579/10; табл. III, 6 — б. Воронежская губ., инв. №4906/27; табл. III., 9 — Воронежская обл.

Некоторые топоры на лобной стороне имеют грани. Боковые грани не у всех топоров четко выражены. Срез обушковой части или плоский, или выпуклый. Края лезвий закруглены. Сверлины всех топоров цилиндрические, гладкие, расположены ближе к обушковой части. Размеры топоров различны. Топоры данной разновидности характерны для лесостепного Подонья. Они изготовлены на месте, на что указывает находка одной заготовки для топора. По заготовке можно определить технику двустороннего сплошного сверления. О применении этих топоров в хозяйстве свидетельствует сработанность их обушковой части и лезвий. Подобная разновидность топоров распространена в районах Поволжья, Поднепровья и Поднестровья[1].

Вторая разновидность топоров — ромбовидно-усеченные изогнутые (рис. III, 7, 8, 10, II)[2]. Они сделаны из сланца. Профиль этих топоров, в отличие от профиля топоров предыдущей разновидности, изогнутый. Срез обушковой части плоский или выпуклый. Края лезвий в разной степени закруглены. Один из топоров имеет как бы перехват в средней части. У двух топоров слегка намечена хорда. Сверлины всех топоров цилиндрические. В большинстве случаев они располагаются по центру. Размеры топоров сравнительно небольшие. В оформлении профиля топоров обеих разновидностей есть переходные моменты.

Третья разновидность данных топоров — прямые ромбовидно-усеченные топоры с лопастью (рис. III, 12-14)[3]. Сделаны они из шокшинского песчаника и сланца. Эта разновидность топоров, в отличие от топоров первой разновидности, имеет лопасть. Срез обушковой части прямой или закругленный. Сверлины цилиндрические, несколько смещены от центра. Топоры делались на месте, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что из трех топоров один представлен заготовкой (рис. III, 12).

Четвертая разновидность ромбовидных топоров — изогнутые ромбовидные топоры с лопастью (рис. III, 15—18)[4]. Топоры изготовлены из диорита (рис. III, 15, 16) и сланца. Они отличаются от топоров второй разновидности наличием лопасти. Срез обушковой части прямой или округлый. Сверлины цилиндрические, располагаются ближе к центру. Все они имеют в середине ярко выраженную поперечную грань. Топор с территории б. Воронежской губернии представлен обломком. Наличие заготовок топоров этой разновидности не исключает возможности их местного производства, хотя форма этих топоров тяготеет к Кавказу. В целом же топоры с лопастью широко встречаются в материалах культур боевых топоров[5].

Разновидности каменных топоров-молотов из фондов краеведческого музея г. Воронежа не исчерпывают всего разнообразия типов топоров с территории лесостепного Подонья. На основе только их крайне трудно наметить и хронологические и территориальные различия между ними.

Кроме топоров-молотов, игравших роль рубящих орудий, в коллекции музея представлен ряд каменных шлифованных изделий иного назначения (рис. IV).

---

[1] А.Я. Брюсов, М.П. Зимина. Указ. раб., стр. 63, табл.5.

[2] Табл. III, 7 — ст. Терновка, инв. № 4580/28; табл. III, 8 — Бутурлиновка, инв № 4604/7; табл. III, 10 — с. Борщево, инв. № 4589/27; табл. III, 11 — с. Никольское, б/н.

[3] Табл. III, 12 — г. Воронеж, Новая Дамба, инв. № 4603/63: табл. III, №4584/35, 13 — с. Костенки, инв. № 4681/31; табл. III, 14 — с. Принцевка, инв.

[4] Табл. III ,15 — Воронежская обл., инв. № 4605/32; табл. III, — г. Воронеж, инв. № 4602/3; табл. III, 17 — г. Бабки, инв. № 4585/33, табл. III, 18 — место находки неизвестно, инв. № 4597/26.

[5] Д.А. Крайнов. Указ. раб., стр. 31-82; А.Я. Брюсов, М.П. Зимина. Указ. раб., стр. 61, табл. 4.

Одни из них служили как терочники или песты (табл. IV, 1, 2, 9, 10)[1]. Назначением других может быть обработка земли (табл. IV, 6, 7, 11, 12)[2]. Сделаны они из песчаника и сланца (табл. IV, 6). Из орудий труда земледельческого назначения только обломок клиновидной мотыги найден в комплексе (поселение с многоваликовой керамикой у ст. Графская), см (табл. IV, 11). Третий тип орудий — тесла (табл. IV, 3-5).

В собрании музея есть и своеобразное шлифованное орудие труда с огранением по корпусу (табл. IV, 8), сделанное из шокшинского песчаника, о назначении которого говорить довольно трудно. Последнее изделие из рассматриваемой коллекции — булава (табл. IV, 13)[3]. Она небольших размеров, симметрична. Отверстие сужается к центру. Сделана из серого кремнистого сланца.

Коллекция каменных шлифованных орудий Воронежского краеведческого музея — самая крупная из местных коллекций территории лесостепного Подонья. Она представляет интерес не только при воссоздании судеб племен эпохи неолита-бронзы сравнительно ограниченной территории Верхнего и Среднего Подонья, но и лесостепи Восточной Европы в целом.

Литература

Синюк А.Т., Килейников В.В. Курган у села Введенки на Дону. — СА, 1976, № 1. С. 159-169.

[1] Табл. IV, 1 — «Частые курганы», б/н; табл. IV, 2 — ст. Графская, инв. № 4598/16; табл. IV, 9 — с. Ершовка; табл. IV, 10 — с. Колодежное.

[2] Табл. IV, 3 — г. Воронеж, Новая Дамба, инв. № 4703/11; табл. IV, 4 — с. Мисево; табл. IV, 5 — г. Воронеж, инв. № 1522/1; табл. IV, 7 — с. Таврово, инв. № 4596/14; табл. IV, 6 — ст. Терновка, инв. № 4586/22; табл. IV, 8 — Калачеевский р-н; табл. IV, 11 — ст. Графская, инв. № 4597/25; табл. IV, 12 — г. Россошь, б/н.

[3] Табл. IV, 13 — ст. Терновка, инв. № 4587/24.

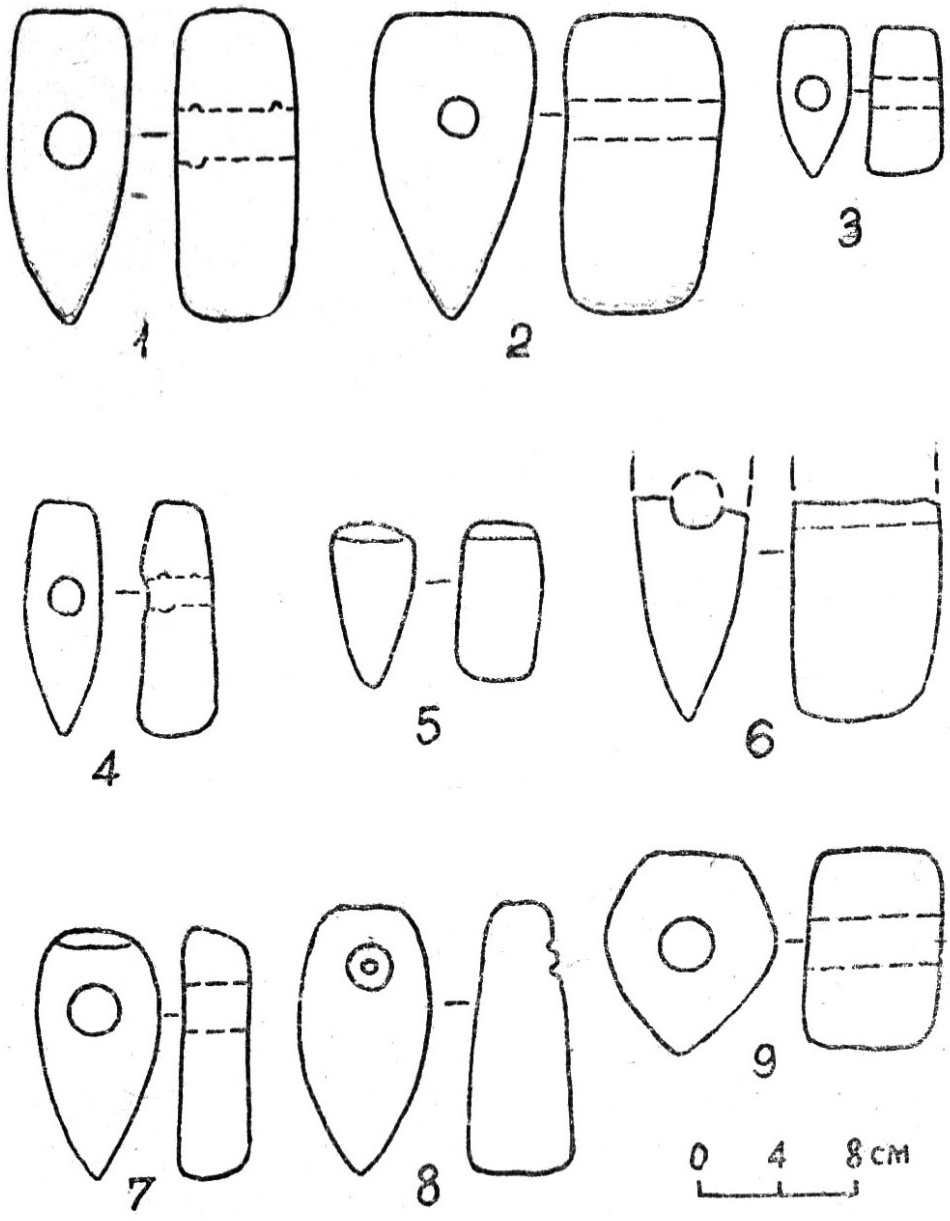


Рис. I.

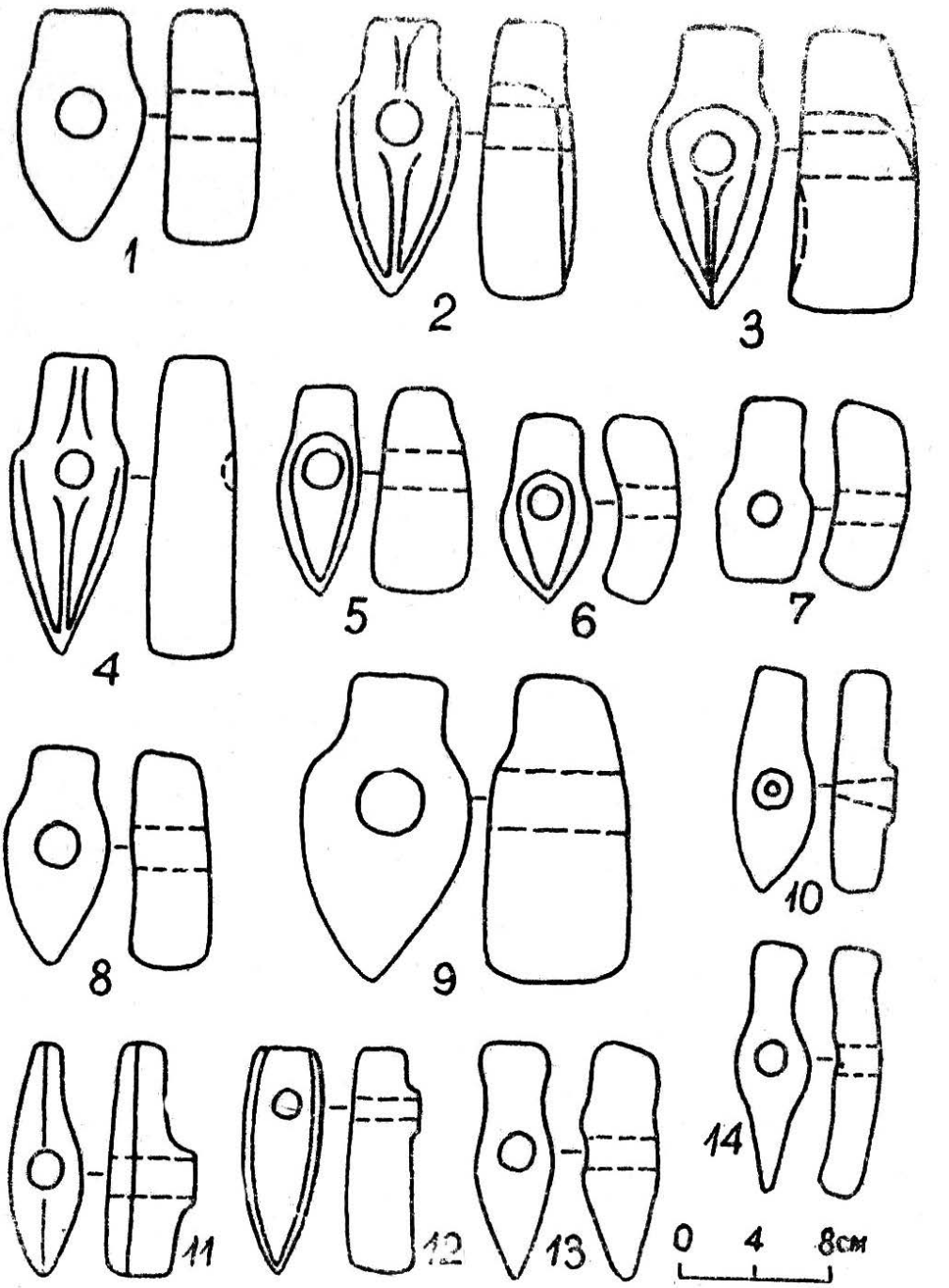


Рис. II.

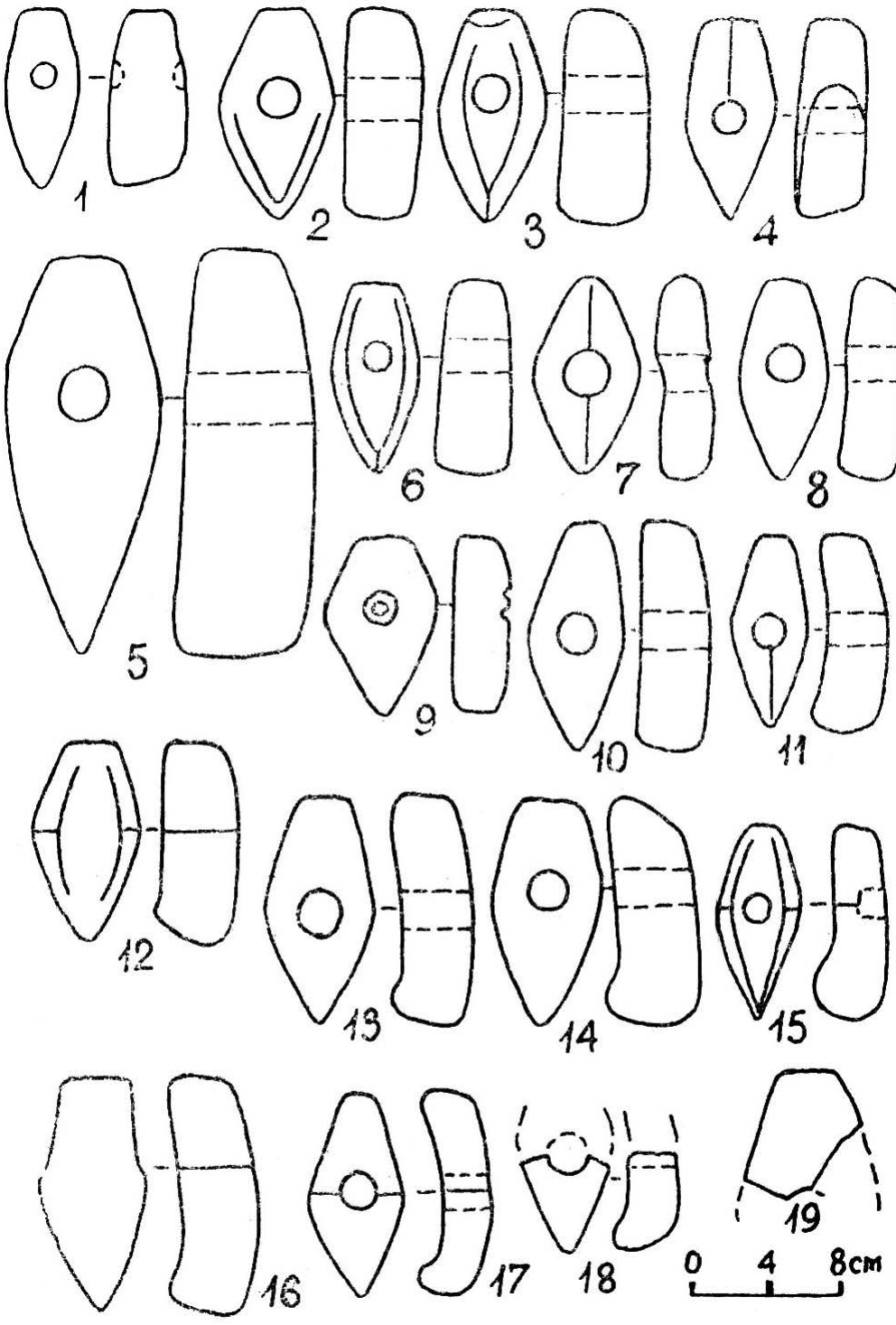


Рис. III.

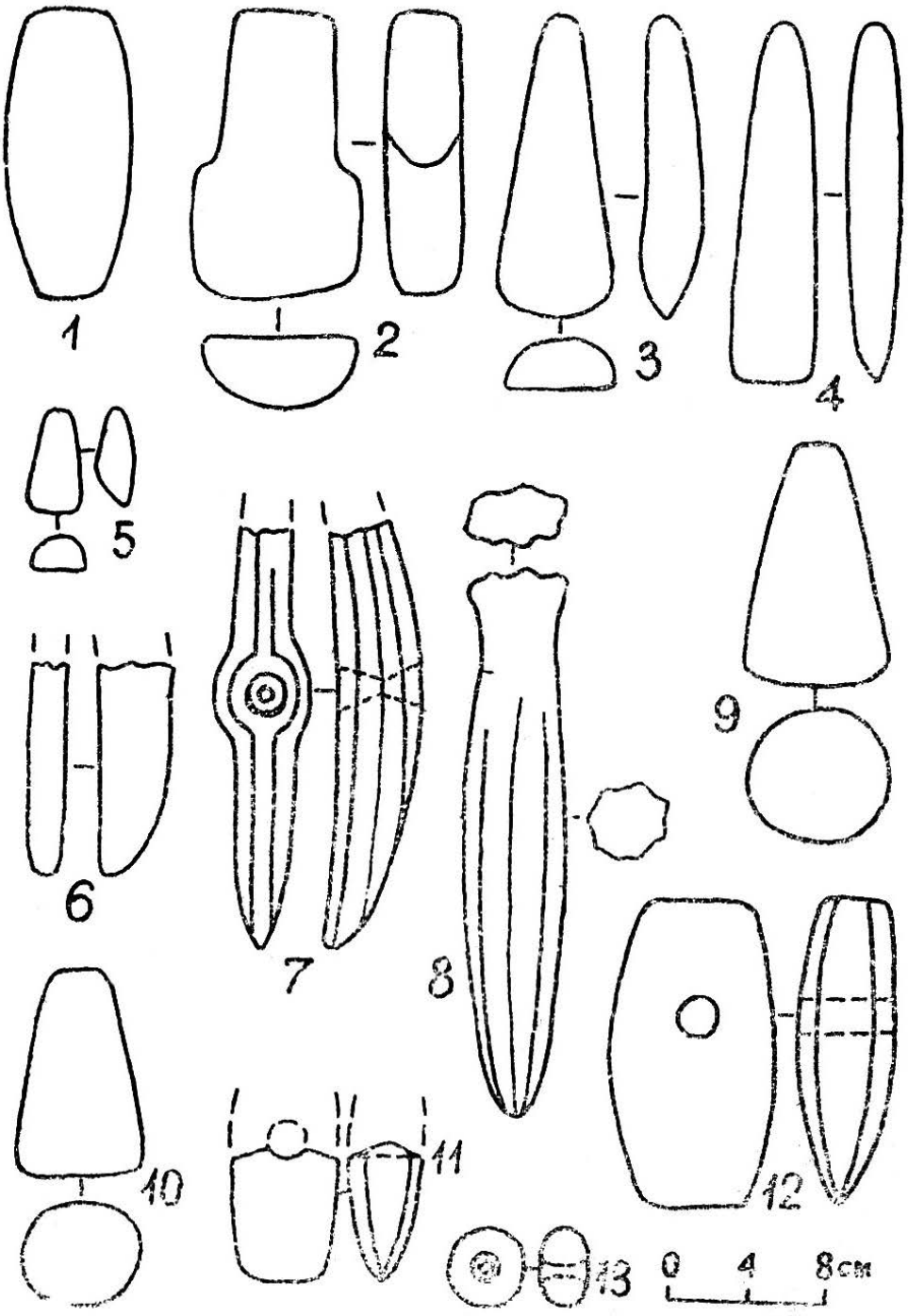


Рис. IV.

КУРГАН У СЕЛА ВВЕДЕНКИ НА ДОНУ

СА. 1976. № 1. С. 159-169. В соавт. с В.В. Килейниковым.

В 1974 г. был исследован одиночный курган, располагавшийся на первой надпойменной террасе левого берега Дона, в 3 км к западу от с. Введении Хлевенского района Липецкой области[1]. Высота насыпи от современной поверхности 1,5 м, диаметр 24 м. В центре ее находилась округлая западина до 4 м, в поперечнике — след любительского раскопа[2]. Частично разрушена и южная пола кургана, через которую проходила грунтовая дорога. Курган раскопан с помощью бульдозера послойно на снос, с оставлением центральной бровки по линии запад — восток. Нулевая точка, откуда велись все замеры, взята по центру кургана на месте старого шурфа.

Поверхность кургана задернована. Под дерном залегал однородный насыпной слой чернозема, местами прорезанный песчанистыми кротовинами. В южной половине кургана на глубине 105-110 см отмечено кольцо материкового выброса. Аналогичное кольцо выброса, только меньшего размера, находилось и в северо-западном секторе кургана. Под ними достаточно четко фиксировалась погребенная почва толщиной до 25 см. Материк под насыпью — уплотненный желтый песок. В целом мощность наслоений от репера до уровня материка составила 180 см (рис. 1, 6).

В заполнении насыпи, в юго-западном секторе, на глубине 118 см встречены зубы и фрагменты челюсти животного, не связанные с каким-либо погребением; однако само их присутствие косвенным образом позволяет предполагать периодичность в возведении кургана. На различной глубине в насыпи встречены также отдельные угольки. В профиле центральной бровки ясно прослеживались контуры любительского шурфа. В его заполнении на глубине 135-150 см встречены обломки лепного плоскодонного сосуда кувшинообразной формы (рис. 2, 3). Поверхность кувшина сглажена, темно-коричневого цвета; тесто грубо промешано. У днища с внешней стороны имеются следы пальцевых вдавлений и ангобные наплывы. Сосуд относится к эпохе раннего железа.

Здесь же, в заполнении шурфа, найден в обломках еще один сосуд (рис. 2, 2). Высота его около 17, диаметр верха 16, диаметр дна 9 см. Сосуд горшковидной формы со слабо профилированным венчиком. Поверхности темно-коричневого цвета, со следами беспорядочной штриховки; промес теста грубоватый, с песком. Под срезом венчика сосуда располагается орнаментальный пояс, составленный из оттисков среднего зубчатого штампа и сегментовидных вдавлений. В целом орнамент нанесен довольно небрежно. Не вызывает сомнения принадлежность данного сосуда срубной культуре.

Остается лишь предполагать, что в насыпи кургана шурфом уничтожены два разновременных погребения.

После снятия насыпи в материке выявлено семь могильных ям. Примечательно, что прослеживается стратиграфическая цепочка последовательности произведенных захоронений. Так, два кольца материкового выброса, единые структурно и залегавшие на одном уровне, принадлежали ямам 1 и 2, несомненно синхронным. Выброс ямы 1 частично перекрывал пятно ямы 3, в связи с чем последнюю следует признать наиболее ранней, сооруженной в виде грунтовой могилы еще до возведения насыпи. Выброс же ямы 2 прорезан ямой 7; впускная яма 5 в свою очередь частично перекрывалась ямой 6 (рис. 1, а).

---

[1] Работы проведены отрядом № 1 (руководитель А.Т. Синюк) Воронежской лесостепной скифской археологической экспедиции ИА АН СССР.

[2] По сообщению старожилов, курган копал в 30-е годы местный житель Павлов.

Погребение 1 располагалось в юго-восточном секторе кургана. Большая прямоугольная яма (6×3 м) ориентировалась длинными сторонами по линии ССВ-ЮЮВ. Как было отмечено, ее окружал материковый выброс. Стенки ямы слегка пологи, дно ровное; глубина от уровня материка 115 см (от уровня погребенной почвы – 140 см). Верхняя часть ее заполнения включала органические остатки от сгнившего деревянного перекрытия. Отдельные фрагменты деревянных плах встречены у северной стенки ямы на глубине 210-220 см. Здесь же находились кости животного, положенного, видимо, с ритуальными целями на могильный настил. На полу ямы на частично сохранившейся берестяной подстилке лежали в ряд три мужских костяка вытянуто на спине, головой на северо-восток. Сохранность погребенных плохая. У двух из них зафиксирована легкая согнутость рук в локтях и расположение кистей в области таза. Видимо, такое же расположение рук было и у третьего, лежавшего ближе к северной стенке костяка. У ног с правой стороны стояли два сосуда; здесь же, у голени, лежало медное изделие плохой сохранности, вероятно, плоский листовидный ножичек (рис. 3, 5). Длина его 5,5, наибольшая ширина 2 см. В области правого предплечья среднего костяка найден кварцитовый двусторонне обработанный наконечник стрелы с выделенным черешком (рис. 3,10), а с правой стороны у тазовых костей — две костяные пряжки с большими по центру и маленькими боковыми отверстиями (рис. 3, 12). Какой-то медный предмет был положен близ локтя левой руки третьего погребенного, на что указывало характерное окисление костей. С левой стороны у ног лежали кости животного.

Большой интерес представляют найденные здесь сосуды. Один из них (рис. 4, 5) горшковидной формы, с отогнутым венчиком, верх которого косо срезан во внешнюю сторону. Раздутое тулово с едва намеченной ребристостью резко переходит в небольшое плоское дно. С внутренней стороны венчик имеет два проглаженных горизонтальных желобка и ребро при переходе к тулову. Высота сосуда 16, диаметр верха 20, диаметр дна 9 см, толщина стенок около 0,5 см. Поверхности серо-желтого цвета, пористые от выгоревшей ракушечной примеси, но хорошо сглажены. Сосуд имеет довольно сложную орнаментацию. Выделяются три горизонтальные зоны орнамента, разграниченные поясами из тройных проглаженных бороздок: под венчиком широких, а ниже середины тулова узких и менее глубоких. Верхняя орнаментальная зона — наклонные гладкие насечки под срезом венчика, сгруппированные по пяти. Средняя зона состоит из трех опоясывающих зигзагов, каждый из которых составлен тройными нарезными линиями. Углы верхнего зигзага подчеркиваются налепными шишечками. Кроме того, над ним расположены уголки вершинами вниз из тех же тройных нарезок, а между нижними зигзагами подобные «плавающие уголки» обращены вершинами вверх. Нижняя зона орнамента составлена из узких равнобедренных треугольников основаниями вниз, заполненных горизонтальными линиями гребенчатого штампа. Вершины треугольников венчаются налепными шишечками с мелкими каплевидными вдавлениями — лучиками вокруг них.

Второй сосуд (рис. 4, 2; 5, 2) круглодонный, с едва выделенным, благодаря широкой бороздке, проделанной пальцами, венчиком. С внутренней стороны намечено ребро при переходе венчика к тулову. Высота сосуда 14, диаметр верха 16, толщина стенок 0,5-0,7 см. Поверхности желтого цвета, пористые от выгоревшей ракушечной примеси. На внешней стороне имеются бессистемные следы крупных расчесов. Такие же расчесы покрывают и внутреннюю сторону венчика, но в горизонтальном направлении. Под венчиком, близ старого излома имеется сквозное отверстие для скрепления. Сосуд не орнаментирован.

Инвентарь и некоторые конструктивные признаки погребения в целом имеют абашевский облик. Однако наличие ряда черт указывает на определенную зависимость всего комплекса от традиций местной позднекатакомбной культуры.

Погребение 2 выявлено в северо-западном секторе кургана. Могильная яма (350×260 см) прямоугольной формы с закругленными углами ориентировалась длинными сторонами с ЗЮЗ на ВСВ. Вокруг нее также располагался материковый выброс. Заполнение ямы аналогично рассмотренному погребению: в верхней части встречались отдельные кусочки дерева от перекрытия. Стенки ямы отвесные, пол ровный; глубина от уровня материка 60 см (от уровня погребенной почвы — 85 см). Могила содержала парное захоронение мужчин. Умершие были положены на расстоянии 80 см друг от друга вытянуто на спине, с кистями рук в области таза. Оба ориентированы на восток-северо-восток. Под костяками прослежены остатки берестяной подстилки. Около головы скелета, лежавшего ближе к северной стенке, стояли в ряд два сосуда; под черепом найден медный нож плохой сохранности (рис. 3, 7) и фрагмент деревянной обкладки — ножен (рис. 3, 8). Длина ножа 9 см, ширина при переходе черенка к лезвию 2 см. У локтя левой руки обнаружен второй медный нож (рис. 3, 6), тоже с деревянной обкладкой. Лезвие удлиненно-листовидной формы, обоюдоострое, со слабо намеченным ребром и перехватом. На конце черенка имеется треугольное расширение в виде «змеиной головки». Длина ножа 17, ширина лезвия 3 см. С левой стороны под тазом умершего лежала костяная пряжка (рис. 3, 3), совершенно аналогичная пряжкам из погр. 1. Близ черепа найден фрагмент костяной поделки (псалия?) — круглый ступенчатый стерженек с боковым отверстием (рис. 3, 4). У правого плеча второго скелета лежал медный нож с широким черенком и плоским лезвием (рис. 3, 9). Длина сохранившейся части ножа 6,5 см, ширина при переходе черенка к лезвию 1,8 см. В самом черепе погребенного находился кремневый двусторонне обработанный наконечник стрелы с черешком и слегка намеченными шипами (рис. 3, 11), повторяющий форму наконечника из предыдущего погребения. В ногах погребенного лежали кости животного.

Сосуд, стоявший ближе к голове первого скелета, имеет удлиненные пропорции, слегка выделенный желобчатый венчик и небольшое уплощенное дно (рис. 4, 3; 5, 4). Высота сосуда 14, диаметр верха 17, диаметр дна около 7, толщина стенок 0,4-0,6 см. В тесте имеется ракушечная примесь. Внешняя поверхность светло-коричневого цвета, хорошо сглажена. Сосуд не орнаментирован.

Второй сосуд (рис. 4, 4; 5, 3) имеет форму горшка со сравнительно высоким раструбовидным горлом, плавно переходящим в биконическое тулово. Верх сосуда косо срезан наружу. С внутренней стороны горловины пальцами выдавлены три желобка. Высота и диаметр верха сосуда 19, диаметр плоского дна 7, толщина стенок — 0,5-0,7 см. В тесте наблюдается незначительная примесь толченой раковины. Внешняя поверхность коричневого цвета, сглажена до лощения. Косой срез венчика украшен перекрещивающимися или расположенными под углом двойными насечками, а от линии перегиба венчика и до ребра расположен орнамент из рядов наклонных клиновидных насечек в «елочку».

Рассмотренные два погребения по всем признакам безусловно составляют единый культурно-хронологический комплекс.

Погребение 3 располагалось под центром кургана, между погребениями 1 и 2. Прямоугольная могильная яма (400×190 см) ориентирована длинными сторонами с ЗЮЗ на ВСВ. Стенки могилы отвесные, глубина от уровня материка 28-30 см (от уровня погребенной почвы — 55 см). Мы уже отмечали, что яма частично перекрывалась выкидом ямы 1. Погребение деревянного настила, видимо, не имело, признаков дерева здесь не обнаружено. Косвенно говорит об этом и характер заполнения ямы — смесь чернозема с материковым песком, в связи с чем и само могильное пятно едва выделялось на фоне материка. Не обнаружено и каких-либо других признаков надмогильного сооружения, хотя внешний ориентир должен был в древности существовать, так как трудно объяснить случайностью выбор центра кургана над ранней грунтовой могилой. Северо-вос-

точная часть погребения оказалась разрушенной при шурфовке. Но благодаря тому что шурф в глубину не достиг 5-6 см до уровня пола могилы, удалось выявить реальные ее контуры и сделать зачистку пола по всей площади. Ближе к северо-западной стенке ямы лежал скелет очень плохой сохранности. Выявлены лишь кости ног, а общее положение определяется по следам костного тлена. Не исключено, что череп и, возможно, другие предметы, возвышавшиеся над уровнем пола, были извлечены во время любительских раскопок. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на восток-северо-восток. При зачистке дна ямы примерно в области головы найден кремневый наконечник стрелы подтреугольной формы (рис. 3, 12) и фрагменты сосуда, позволяющие графически восстановить его верхнюю часть (рис. 2, 7). Надо полагать, что сосуд был удлиненные пропорций с выпуклым туловом. Верх желобчатого венчика оформлен идущими под углом скосами. Сосуд тонкостенный, с обильной ракушечной примесью в тесте. Внешняя поверхность серо-желтого цвета, покрыта крупными расчесами. Ребристый срез венчика орнаментирован вдавлениями.

Рассмотренное погребение, как и предыдущие, имеет черты, характерные для абашевской культуры.

Погребение 4 (впускное) выявлено в северо-восточном секторе кургана. Яма (250×90 см) прямоугольной формы с отвесными стенками, глубиной от материка на 40 см. Ориентирована длинными сторонами но линии СЗ-ЮВ. На глубине 185 см у юго-западной стенки обнаружено компактное скопление обгоревшей соломы. Скелет и вещи отсутствовали.

Погребение 5 находилось в непосредственной близости от предыдущего. Ввиду специфики заполнения и отсутствия материкового выброса, погребение является впускным. Яма (165×60 см) прямоугольной формы, углублена в материк на 10 см, ориентирована длинными сторонами с ЮЗ на СВ. На полу у юго-западной стенки стоял сосуд (рис. 4, 5; 5, 5) с резко отогнутым наружу венчиком и уплощенным дном. В тесте его имеется незначительная примесь толченой ракушки. Высота сосуда 12, диаметр верха 15,5, диаметр округлого дна около 7, толщина стенок 0,4-0,5 см. Верхняя поверхность коричневого цвета, гладкая, и лишь на венчике имеются следы горизонтальных расчесов. Под венчиком сосуда расположен поясок из углублений, нанесенных архаичным приемом «отступающей лопаточки». К пояску примыкает зигзаг из тонкой нарезной линии, в связи с чем орнамент образует пустые треугольники вершинами вниз. Скелета в погребении не обнаружено. Сосуд указывает на принадлежность погребения абашевской культуре.

Погребение 6 (впускное) представляло собой подпрямоугольной формы яму (170×100 см), углубленную в материк на 45 см. Ориентирована яма с СЗ на ЮВ. Яма прорезала край погр. 5. На глубине 210 см находился глиняный сосуд (рис. 4, 6; 5, 6). В тесте его имеется ракушечная примесь, цвет поверхностей темно-коричневый; па внешней стороне бессистемные крупные расчесы. Срез венчика украшен насечками. Высота сосуда 13, диаметр верха 18, диаметр дна 8, толщина стенок 0,4-0,5 см. Погребение абашевское. Важно отметить находки костей животного в нижней части заполнения могилы. Следовательно, условия ее заполнения не исключают сохранение органических остатков, в связи с чем небезосновательно предполагать символический характер сооружения ямы. Кенотафами могли быть и две предыдущие ямы.

Погребение 7 (впускное) прослежено в северо-западном секторе кургана, где оно прорезало материковый выброс погребения № 2. Могильная яма овальной формы (220×120 см), углублена в материк на 4-50 см, длинными сторонами ориентирована с СВ на ЮЗ. Стенки ямы отвесные.

Погребенный, если судить по сохранившимся частям скелета, был положен на спину в вытянутом положении, головой на юго-запад. В головах был поставлен сосуд (рис.

2, 4) с профилированным венчиком, раздутым туловом и широким плоским днищем с закраинами, близкий морфологически сосуду из заполнения шурфа. Погребение относится к раннему железному веку.

Таким образом, раскопками кургана получен новый материал, расширяющий источниковедческую базу для изучения прежде всего донской абашевской культуры, в частности для решения вопросов ее хронологии, происхождения и этапов развития.

Отправной точкой для датировки абашевских материалов кургана может служить инвентарь погребений 1 и 2. Как отмечалось выше, в его составе помимо абашевских проявляются и элементы катакомбной культуры[1], что дает основание провести их хронологическое коррелирование. Абашевский компонент в комплексе бесспорно доминирует, о чем говорят формы трех сосудов (рис. 5, 2, 4, 6), некоторые композиции орнамента, ракушечная примесь в тесте, а также типы наконечников стрел и медных ножей (рис. 3, 5-11). К этому следует добавить наличие берестяных подстилок и некоторые конструктивные данные о могильных сооружениях (неглубокие прямоугольной формы ямы с деревянным перекрытием) — признаки, соответствующие основным показателям абашевского погребального обряда[2].

С другой стороны, сосуд из погр. 1 (рис. 4, 1; 5, 1) по пропорциям и намечающейся ребристости может быть сопоставлен с некоторыми многоваликовыми сосудами катакомбной культуры донской территории. Сходство усиливается присутствием налепных шишечек, столь характерных для последних. Еще большее сходство обнаруживается в форме (вытянутое биконическое тулово) и орнаментации (елочная композиция, украшение среза венчика) сосуда из погр. 2 (рис. 4, 4; 5, 5). Лишь такие детали, как оформление бороздками внутренней поверхности венчика и ракушечная примесь в тесте, не позволяют интерпретировать его как собственно катакомбный. Видимо, с влиянием данной культуры можно связывать и более общие признаки отмеченных сосудов — плоскодонность и сглаженность поверхности.

Важное значение для хронологической взаимосвязи двух культур имеют и костяные пряжки так называемого срубного типа. Думается, такое наименование их не совсем верно, если учесть, что в Нижнем Поволжье — центре срубного мира — находки пряжек этого типа единичны и к тому же в комплексах не бесспорно срубных[3]. С другой стороны, пряжки неоднократно встречались в комплексах с многоваликовой керамикой на широкой территории[4], включая и Средний Дон[5]. Надо полагать, они вошли в обиход только у тех групп населения, которые непосредственно соприкасались с племенами катакомбной культуры. Ярким примером тому служит нахождение их в погребениях смешанного катакомбно-срубного типа в Северном Причерноморье[6].

---

[1] Говоря о катакомбной культуре, мы имеем в виду памятники с многоваликовой керамикой, которые на Среднем Дону не могут рассматриваться вне рамок катакомбной культурной общности (см. П.Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, стр. 82-110).

[2] О.Н. Евтюхова. К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры. МИА, 97, 1961, стр. 35-40 (табл. 1).

[3] К.Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатки и Политотдельское. МИА, 60, 1959. стр. 239, рис. 15, 2.

[4] С.Н. Братченко. Пям'ятки богатовалпкової кераміки. «Археологія Української РСР». І, Київ, 1971, стр. 340, рис. 96, 2, стр. 341.

[5] А.Д. Пряхин. Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971, стр. 179, рис. 41, 9.

[6] В.В. Дворниченко. Погребения с подбоями эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье. «Сб. докладов на IX и X Всесоюзных археологических студенческих конференциях». М., 1968, стр. 8. рис. 2. Именно такие смешанные памятники в свое время были привлечены Б.А. Латыниным для обоснования «срубного» происхождения материалов с многоваликовой керамикой, в том числе и рассматриваемых пряжек (Б.А. Латынин. К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой. АСб. ГЭ, 6, 1964, стр. 65, рис. 2).

На Среднем Дону помимо анализируемого памятника пряжки встречены в абашевских погребениях из курганов у с. Платавы[1] и с. Нижней Ведуги[2]. В срубных же памятниках они отсутствуют. Учитывая при этом целый ряд стратиграфических наблюдений[3], сейчас можно с уверенностью говорить о том, что на Дону в непосредственный контакт с катакомбными вступили не срубные, а абашевские племена. Они же и заимствовали пряжки — специфический атрибут катакомбной культуры.

Диапазон бытования пряжек определяется довольно широко, в пределах XVI-XII вв. до н.э.[4], и, таким образом, время их начального распространения вполне сопоставимо с датировкой, принятой для памятников с многоваликовой керамикой — XVI-XV вв. до н.э.[5]

Архаичен рассматриваемый комплекс и в остальной своей части. Медный нож с расширенным концом черенка (рис. 3, 6) сближается с абашевскими ножами Средней Волги[6] и Урала[7], где их датируют XVI в. до н. э.[8] Примерно такое же время устанавливается и для наконечников стрел[9], представленных в абашевских памятниках Поволжья[10] и Подонья[11].

Следовательно, ни один из компонентов комплекса не противоречит принятию для него даты не позднее середины II тысячелетия до н. э.

Погребение 3 кургана по стратиграфическим признакам самое раннее. Древность его доказывается и обликом инвентаря — фрагментами сосуда и наконечником стрелы. Последний, например, морфологически сближается с энеолитическими материалами степи и лесостепи[12]. В то же время само присутствие грунтового погребения на площади, занятой курганом, а также сходство его с погребениями 1 и 2 по форме и ориентировке ям, способу положения умерших и т. д. указывают на отсутствие большого хронологического интервала в их сооружении. Все это позволяет относить время сооружения погр. 3 к первой половине II тысячелетия до н. э.

Ранние погребения кургана могут быть привлечены и для решения вопроса о генезисе абашевской культуры Подонья. Не затрагивая всех сторон этой сложной проблемы, отметим некоторые аналогии только для тех признаков, которые не получили широкого распространения в абашевских памятниках других территорий. К ним относятся прежде всего обряд грунтового захоронения, северо-восточная ориентировка и положение умерших вытянуто на спине. Эти признаки имеют параллели в памятниках доно-дне-

[1] А.Д. Пряхин. Ук. соч., стр. 179, рис. 41, 18.

[2] Б.А. Латынин. Ук. соч., стр. 66. Исследователь интерпретирует материал этого погребения как смешанный срубно-катакомбный на основании все той же посылки о «срубной» принадлежности пряжки и якобы срубных признаках в сосуде. В действительности же сосуд лишен черт этой культуры. Он почти аналогичен нашему сосуду из погр. 1 (см. Б.А. Латынин. Ук. соч., стр. 67, рис. 4, 3).

[3] А. Д. Пряхин. Ук. соч., стр. 186-189.

[4] В.В. Дворниченко. Ук. соч., стр. 14, 15.

[5] С.И. Братченко. Ук. соч., стр. 342.

[6] П.П. Ефименко, П.Н. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, 97, 1961, стр. 58, рис. 9, 9.

[7] К.В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 28, рис. 4, 10.

[8] М.М. Чередниченко. Питания хронолигіі абашівсвкоі культури Середнього Дону // Археологія, 1972, 6, стр. 28.

[9] А.П. Смирнов. К вопросу о формировании абашевской культуры. МИА, 97, 1961, стр. 24.

[10] П. Рыков. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье. ИСНИК, 11, Саратов, 1927, стр. 20, рис. 22; П.П. Ефименко, П.Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 57, рис. 8; Н.Я. Мерперт. Абашевские курганы северной Чувашии. МИА. 97, 1961, стр. 138, рис. 16, 3.

[11] В.И. Сизов. Скорняковские курганы в Воронежской губернии, Задонского уезда. ТМАО, XII, вып. 11, М., 1888, табл. А, 7.

[12] Д.Я. Телегин. Середньо-стогівська культура епохи міді. Київ, 1973, стор. 66, рис. 39.

провских энеолитических культур[1]. Интересно отметить, что и на Среднем Дону сейчас уже имеется серия энеолитических погребений, с аналогичными чертами обряда (за исключением грунтовых захоронений)[2]. Для собственно древнеямных памятников они как будто не характерны. Однако еще раз[3] необходимо обратить внимание на сходство между раннеабашевскими сосудами (особенно из погр. 3) и сосудами типа поселения у хут. Репина па Дону, включаемыми в круг материалов древнеямной общности. Близость прослеживается в форме (желобчатый венчик, круглодонность, вытянутость пропорции), технологии (ракушечная примесь, крупные расчесы поверхностей) и даже в некоторых приемах орнаментации. Как известно, сосуды из поселения у хут. Репин широко представлены на донских и нижнеднепровских поселениях, а в подкурганных погребениях они почти отсутствуют[4]. Такое обстоятельство вряд ли объясняется только тем, что они не входили в набор древнеямного погребального инвентаря. Но это же не исключает предположения о принадлежности сосудов группе населения, придерживавшегося бескурганного обряда захоронений, что имело место и в среде абашевских племен[5]. К сказанному можно добавить, что в Подонье, при сравнительно малом количестве выявленных абашевских погребений, положение умерших вытянуто па спине фиксировалось неоднократно[6]. Возможно, что названные признаки рассматриваемого памятника являются типичными для местной абашевской культуры.

Сопоставление ранних абашевских материалов Подонья с энеолитическими может вызвать основное возражение ввиду якобы значительного хронологического разрыва между ними. С одной стороны, преемственность эта обусловливалась несомненно сложными процессами, включавшими консервативность традиций, реминесцентные проявления и т. д. С другой стороны, хронологический разрыв мог быть и не таким существенным. Как уже отмечалось, абашевские материалы типа погр. 3 скорее всего должны датироваться первой половиной II тысячелетия до н. э. Элементы же энеолитических культур фиксируются на Среднем Дону в смешанных ямно-катакомбных комплексах, примером чему служат материалы кургана 2 Сасовской группы[7], для которых наиболее реальная дата — рубеж III — начало II тысячелетия до н. э.

Введенский курган впервые для донской территории фиксирует соотношение абашевских погребений, где выделяются четыре стратиграфических горизонта. Этот факт имеет прямое отношение к вопросу о периодизации донской абашевской культуры. Естественно, что материал одного кургана не решает всей проблемы. Однако он показывает, что постановка такого вопроса имеет под собой реальную основу и что к абашевским памятникам Подонья правильнее подходить с позиции признания относительно широкого их бытования во времени.

---

[1] Д.Я. Телегин. Ук. соч., стор. 102-118; В.Я. Кияшко. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф. канд. дисс., М., 1974, стр. 12.

[2] А.Т. Синюк. Павловский курганный могильник древнеямного времени на Среднем Дону. АО 1970, М., 1974, стр. 57-58.

[3] А.Д. Пряхин. Абашевская культура, стр. 173.

[4] Б.А. Латынин. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка. АСб. ГЭ, 1967, 9, стр. 66, рис. 65, 3; К.Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, 18, 1960, стр. 200, рис. 13, 3а, 36; стр. 227, рис. 22, 3. Примечательно, что в Поволжье в обоих случаях сосуды связываются с вытянутыми на спине захоронениями.

[5] О.Н. Евтюхова. Ук. соч., стр. 33.

[6] П.Д. Либеров. Ук. соч., стр. 136, 137; А.Т. Синюк, А.Д. Пряхин. Курган у пос. Хохольский // АО 1968, М., 1969, стр. 39.

[7] П.Д. Либеров. Отчет о работе Воронежской лесостепной скифской археологи ческой экспедиции за 1972 год. Архив ИА АН СССР, р-1, 4809 (раскопки отряда А.Т. Синюка).

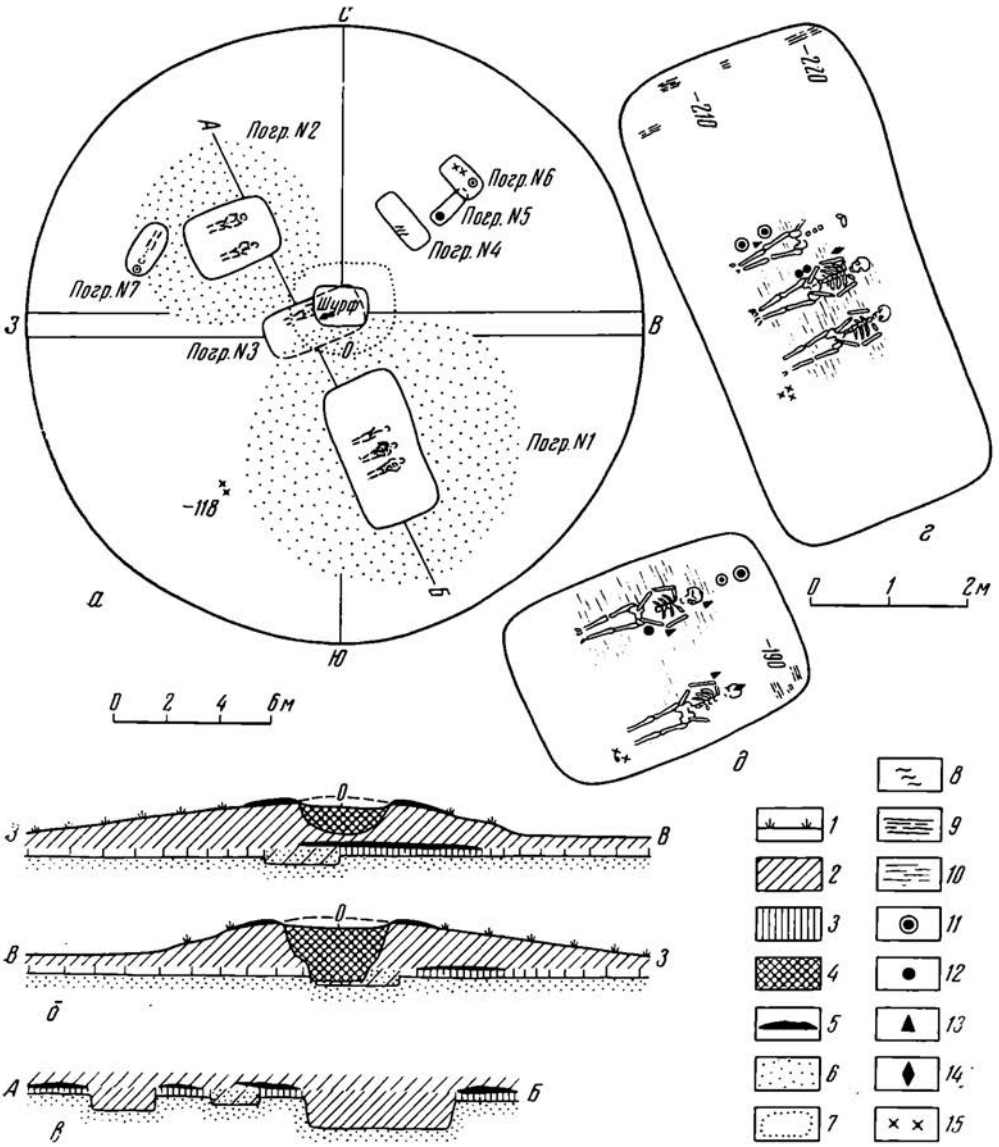


Рис. 1. План и профили кургана у с. Введенки.

а – план кургана; *б* – профили кургана; *в* – разрез по линии А – Б; *г* – план погр. 1; *д* – план погребения 2 (*1* – дерновый слой; *2* – чернозем; *3* – погребенная почва; *4* – заполнение шурфа; *5* – материковый выброс; *6* – песок; *7* – внешний контур шурфа; *8* – обгоревшая солома; *9* – дерево; *10* – берестяная подстилка; *11* – сосуды; *12* – костяные пряжки; *13* – медные изделия; *14* – наконечники стрел; *15* – кости животных)

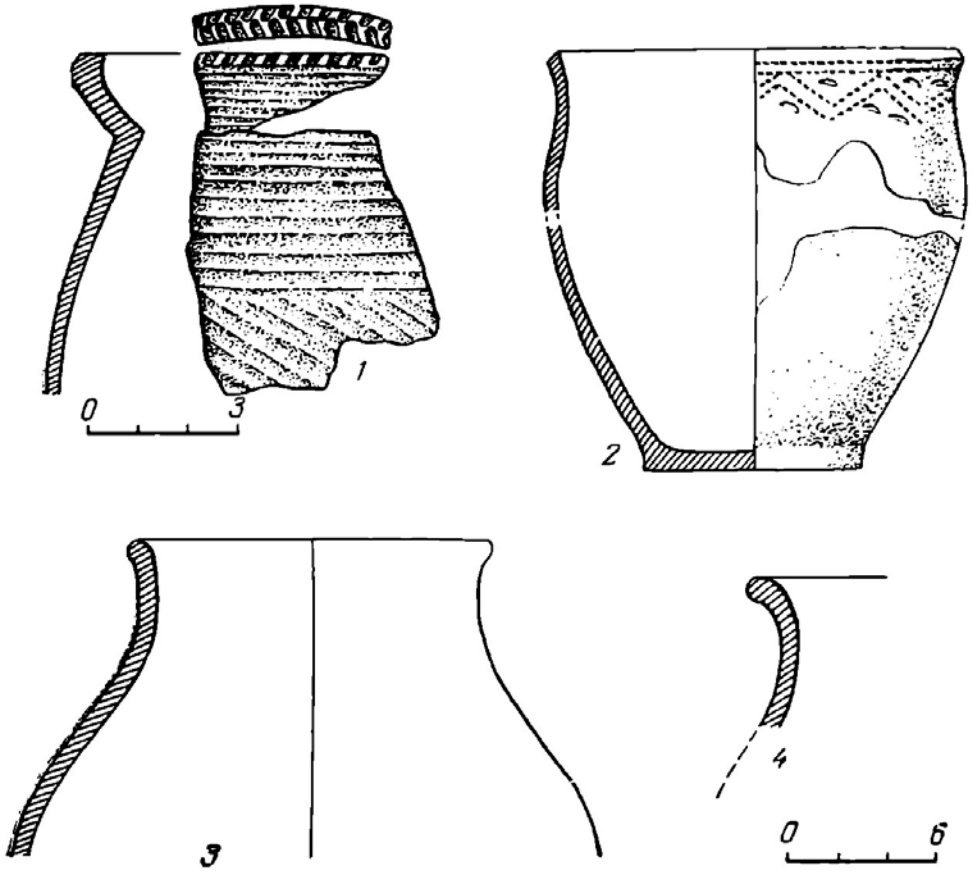


Рис. 2. Сосуды из кургана у с. Введенки.
1 – из погр. 3; *2–3* – из заполнения шурфа; *4* – из погр. 7

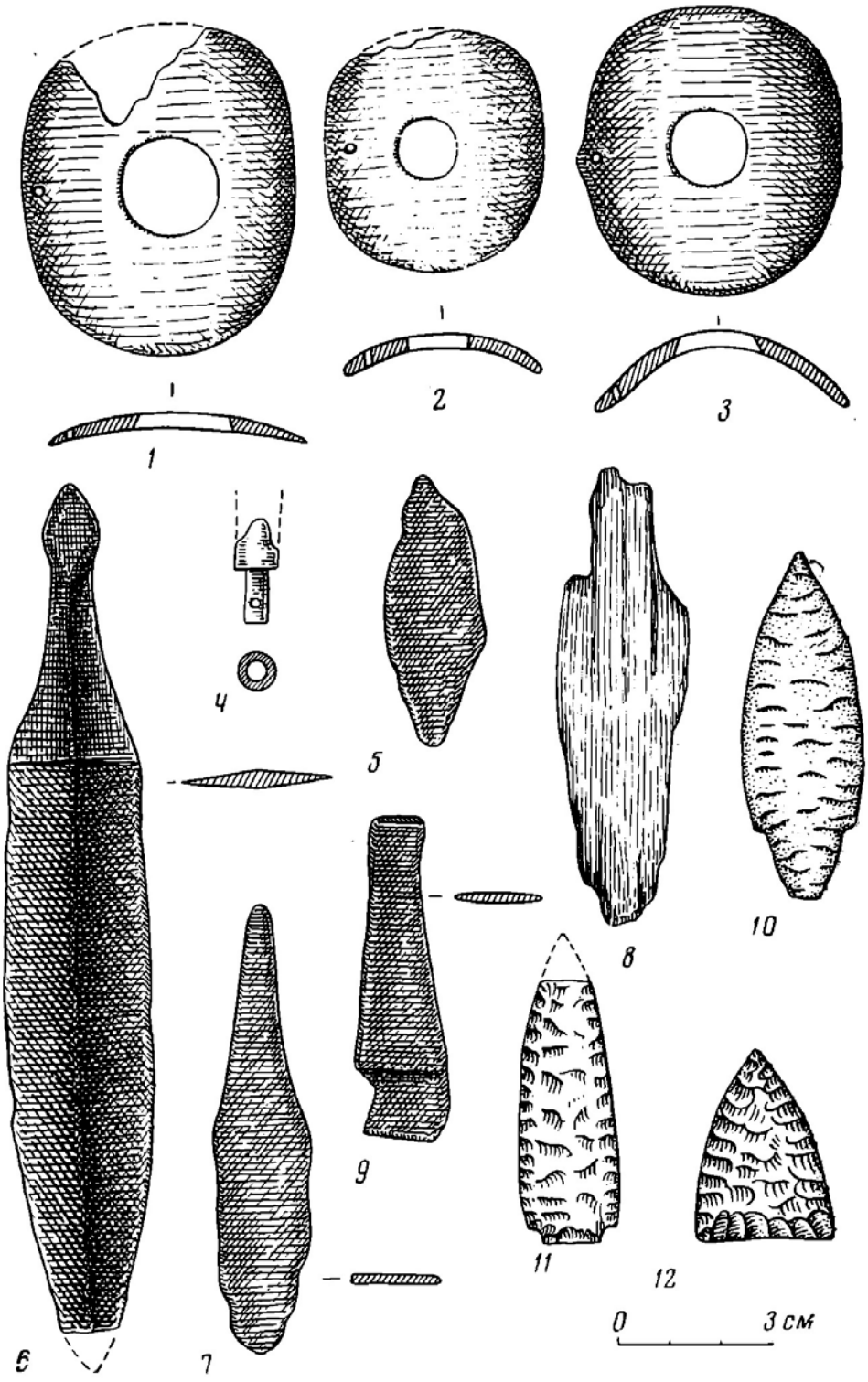


Рис. 3. Материалы из погребений кургана у с. Введенки.

1, *2*, *4*, *5*, *10* – из погр. 1; *3*, *6–9*, *11* – из погр. 2; *12* – из погр. 3 (*1–4* – кость; *5–7*, *9* – медь; *8* – дерево; *10–12* – камень)

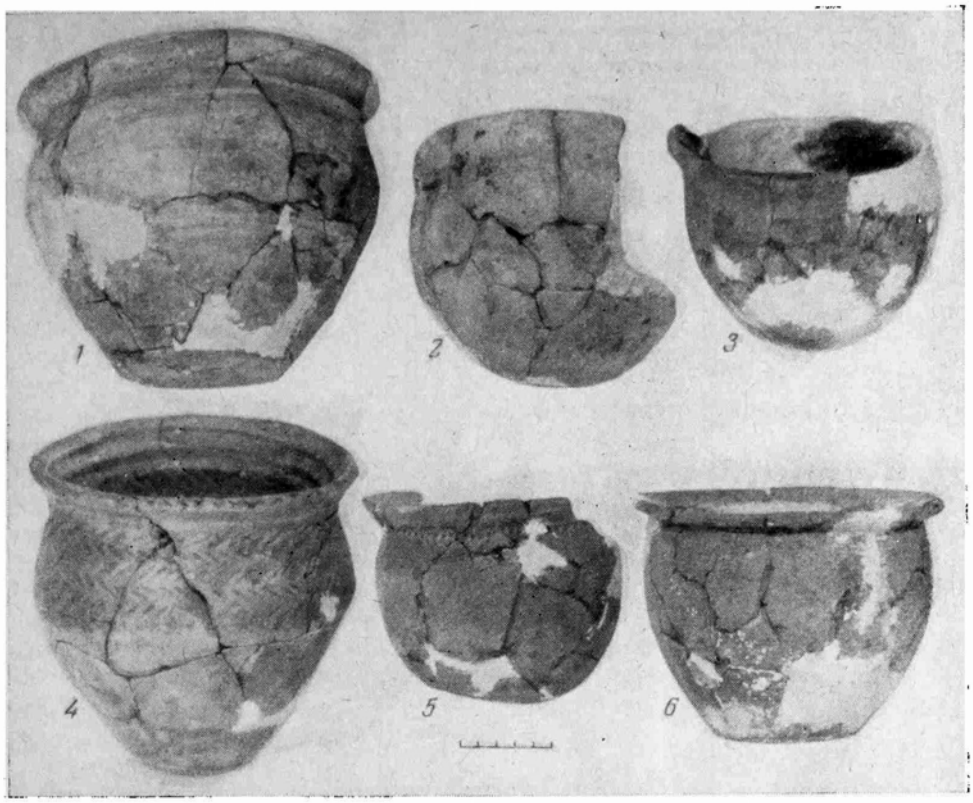


Рис. 4. Сосуды из погребений кургана с. Введенки.
1, *2* – из погр. 1; *3*, *4* – из погр. 2; *5* – из погр. 5; *6* – из погр. 6

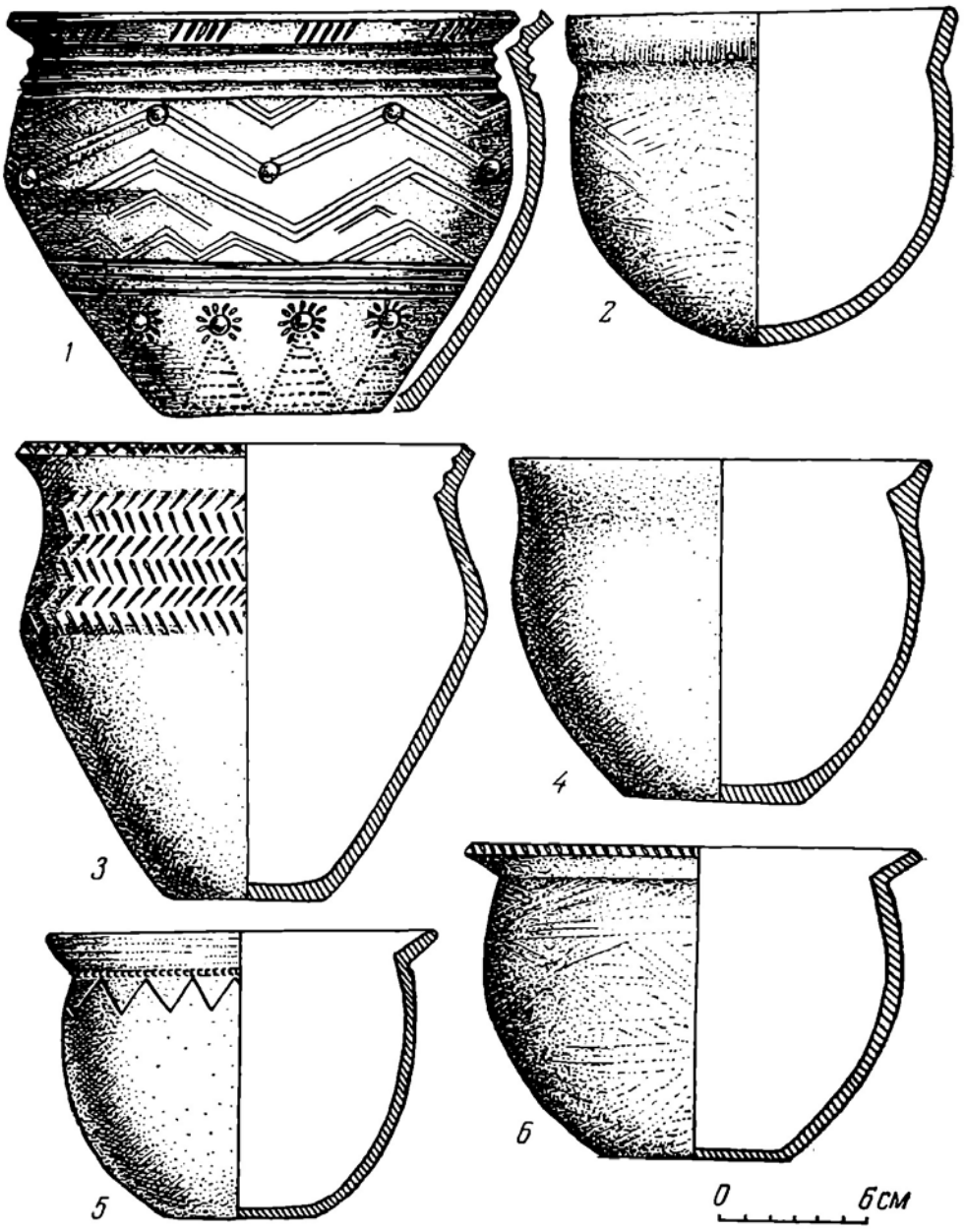


Рис. 5. Сосуды из погребений кургана у с. Введенки.
1, *2* – из погр. 1; *3*, *4* – из погр. 2; *5* – из погр. 5; *6* – из погр. 6

1978

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕГО ДОНА

Известия Воронежского государственного педагогического института. Том 198. Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе (по материалам восточно-европейской лесостепи). Воронеж: ВГПУ, 1978. С. 63-100.

Первые упоминания о находках неолитической эпохи на Среднем Дону[1] относятся к 80-м годам прошлого века и связаны с именем И.С. Полякова, проводившего обследование донских берегов в окрестностях с. Костенки (XXX, с. 17, 18, 42). Сколько-нибудь серьезного внимания эти находки тогда не привлекли, хотя делалась попытка подвергнуть сомнению их принадлежность к неолиту (XIII, с. 178, 179). Лишь спустя полвека в указанном И.С. Поляковым месте П.П. Ефименко собрал фрагменты ямочно-гребенчатой керамики (X, с. 46), чем и была подтверждена точка зрения первооткрывателя пункта находок (рис. 1, 37).

В начале нашего столетия остатки неолитической стоянки найдены у с. Подклетного близ г. Воронежа (XXVI, с. 20-22). Позднее на этом месте С.Н. Замятнин (XI, с. 8) собрал коллекцию кремневых орудий (рис. 1, 25). В 1917 году им было открыто местонахождение неолитической керамики (XI, с. 8; XII, с. 20) близ Павловска Воронежской области, в местности «Перебой» (рис. 1, 59).

Определенный историографический интерес представляют сведения, содержащиеся в отчетах Воронежского музея и местной историко-архивной комиссии[2], а также в рукописном архиве С.Н. Замятнина[3].

1. Хохольский район, бассейн Дона[4]. Членом статистического комитета Л.Б. Вайнбергом доставлены три кремневым орудия и фрагменты глиняного сосуда, добытые им при раскопке на правом берегу р. Дон, против Червленого яра.

2. Новоусманский район, с. Забужское (рис. 1, 35), К.П. Афониным собрана коллекция первобытных древностей, включающая черепки, кремневые орудия, осколки и пр.

3. Новоусманский район, с. Углянец (рис. 1, 28), К.П. Афониным собрана небольшая коллекция вещей в окрестностям села, куда входят черепки, кремневые орудия и осколки и пр.

4. Семилукский район, с. Подгорное (рис. 1, 26). К западу от села в оврагах встречены черепки от каменного века и до современных.

5. Семилукский район, бассейн Дона (рис. 1, 24). В семи верстах от Воронежа, на противоположном от дачи Тимофеева на (левом) берегу р. Дона, напротив устья р. Де-

[1] Имеется в виду участок донского бассейна от низовой р. Воронеж до устья р. Хопер (с севера на юг) и от среднего Поосколья до среднего Похоперья (с запада на восток), в пределах которого велись поиски неолитических памятников.

[2] Отчеты хранятся в архиве ГИМа. Копии отчетов хранятся в архиве Воронежского областного краеведческого музея.

[3] Архив С.Н. Замятнина хранится в ЛОИА АН СССР. Большинство сведений помечены С.Н. Замятниным 1917 годом. Содержатся в папках с номерами XXXV, XXXVI, XXXVII.

[4] Дается современное название районов.

вицы С.Н. Замятниным собрана коллекция черепков неолитической и медной эпохи.

6. Павловский район, хутор Желдаков (рис. 1, 62). В одной версте к северу от хутора, в урочище Орлиный лог С.Н. Замятниным собраны орнаментированные черепки и несколько осколков кремня со следами отбоя. Раньше здесь местные жители находили наконечники стрел.

7. Павловский район, урочище Ольхи, между селами Нижним Мамоном и Журавкой (рис. 1, 67). Краеведом Д. Поповым были приобретены у местного жителя каменные наконечники копий, ножи и скребки, найденные в этом урочище.

8. Павловский район. Д. Поповым были переданы в губернский музей кремневый нож, часть кремневой стрелы и костяной гарпун.

9. Павловский район, с. Гороховка (рис. 1, 65). Священником Суриновым были переданы в губернский музей часть каменного орудия; наконечники стрел, мелкие кремневые орудия и осколки, глиняный сосуд, кремневый нож, черепки, костяные предметы и другие предметы собранные крестьянами в окрестностях села[1].

10. Острогожский район. В музей передано кремневое копье.

11. Богучарский район, слобода Березняги (рис. 1, 71). В музей переданы часть каменного топора и четыре кремневые стрелы, найдены у слободы.

12. Богучарский район, сл. Тулучеевка (рис. 1, 70). П. Марковым собрана в окрестностях слободы значительная коллекция первобытных древностей.

Можно лишь предполагать, что некоторые предметы из отмеченных пунктов имели неолитический возраст.

Имеются отдельные сведения и о неолитических местонахождениях в районе среднего течения р. Оскол, где Д.А. Орловым на песчаных дюнах близ с. Шелаево (Валуйский район Белгородской области) собраны кремневые наконечники копий, большие кремневые ножи и т. д. (XXVII, с. 31). Подобные же предметы им были найдены у д. Ново-Изрожной (рис. 1, 97). Различные орудия из кремня были собраны Н.Е. Макаренко в Валуйском районе, близ сел Герасимовкй (рис. 1, 92) и Колоскова (рис. 1, 98). Кроме кремневых предметов он нашел в урочище Ярок (с. Герасимовка) клин и тесло из черного камня (XXV, с. III). Известны находки скребков и кремневых наконечников стрел близ с. Уразово того же района (рис. 1, 94) и каменных орудий из «пещеры» близ г. Нового Оскола (рис. 1,100)[2].

Интересные сведения получены С.Н. Замятниным во время археологической экскурсии в 1925 году по центральным п южным районам Воронежской области. Между сс. Селявным и Урывом (рис. 1, 42) им собрана керамика неолитического облика; у с. Сторожевого найден многозубый костяной гарпун (рис. 1, 40); у хут. Аверина, в устье р. Потудани — кремневый наконечник копья (рис. 1, 45); у сс. Нижний Карабут (рис. 1, 63) и Кулаковки (рис. 1, 64) — кремневые пластины и т. д. В середине 20-х годов начали поступать материалы (рис. 1, 2) с Острогожской стоянки (у станции Отрожка в черте г. Воронежа). В 1927 году С.Н. Замятнин совместно с Л.Н. Динцесом, а позднее и Н.В. Валукинский предприняли здесь раскопки[3]. Другая неолитическая стоянка (рис. 1, 5) выявлена в конце улицы Коммунаров г. Воронежа (IV, с. 26). В те же годы С.Н. Замятнин не раз проводил разведки среднем Поосколье, где особенно

[1] Об этой коллекции было помещено сообщение в журнале «Воронежская старина» 1906, вып. VI.

[2] Архив С.Н. Замятнина. Папки №№ XXXV и XXXVI.

[3] Материалы из раскопок С.Н. Замятнина и Л.Н. Динцеса хранятся в МАЭ (инв. № 5203).

большой материал давали песчаные дюны близ с. Шелаево[1]. В 1935 г. на Шелаевских стоянках провела раскопки М.Е. Фосс. Результаты этих раскопок нашли освещение в ряде работ (XLV, с. 71-84; XLVI, с. 164-169).

Из довоенных открытий неолита на Среднем Дону можно еще отметить находки В.П. Левенком керамики раннего облика и кремневых изделий в долине р. Девицы близ с. Платавы Репьевского района (рис. 1, 43) и в старице Дона (рис. 1, 44) у с. Троицкое Острогожского района Воронежской области (XXI, с. 190), а также находки кремневых наконечников копий (рис. 1, 20, 21) и большого кремневого нуклеуса (рис. 1, 22) в черте г. Воронежа (V , с. 291-301). Кроме того, есть упоминания о стоянках с кремневым инвентарем в рукописи Н.В. Валукинского «Материалы к археологической карте Дона, Воронежа, Ведуги, Девицы, Тавровки и Усманки»[2], однако их координаты в более подробном описаний отсутствуют.

Таким образом, к концу 30-годов на Среднем Дону стало известно свыше трех десятков неолитических местонахождений, а на основе их изучения делались и некоторые исторические выводы. Так, еще в 1928 году была опубликована большая статья Д.Д. Леонова (XXIII, с. 25-28), где автор, отмечая значение природных условий лесостепной полосы, высказывает мысль о появлении здесь первых домашних животных, культурных растений и меновой торговли в неолитическую эпоху.

Несколько иного мнения придерживался Н.В. Валукинский, видя в неолитическом населении Подонья коллективы охотников-рыболовов (IV, с. 26).

В рукописном архиве С.Н. Замятнина имеется краткий текст его доклада «Донской неолит»[3], построенного на материалах Воронежского и Новочеркасского музеев, Отрожской стоянки, с широким привлечением материалов Донеччины и других территорий. С.Н. Замятнин пришел к выводу о существовании на Дону двух типов микролитических индустрий — южной (донецко-изюмской) и индустрии, приближающейся по облику «к ранним рязанским и самарским стоянкам». Границу между ними, а следовательно, и между двумя разнокультурными группами населения С.Н. Замятнин условно проводит по центральной части Воронежской области. Данный анализ был применен к материалу, который, по мнению исследователя, типологически относился к мезолитической эпохе. Что же касается керамического неолита, то здесь С.Н. Замятнин не видит раннего и развитого периодов, а все известные местонахождения, включая Отрожку, Перебой, Подклетное и т. п., относит к поздненеолитическому времени. Сейчас, имея в распоряжении массу новых источников, нам нетрудно придти к заключению, что С.Н. Замятнин допускал методическую ошибку в походе к материалам. Типологическому анализу им был подвергнут только кремневый инвентарь; керамику же он рассматривал как однородную по времени массу, к тому же датировав ее на основании самых поздних образцов. В итоге такого анализа появился сомнительный мезолит и исчезли ранние стадии неолита. Справедливости ради следует оговориться, что в то время еще не имелось четких критериев для проведения типологической и хронологической классификации керамики и совсем отсутствовали стратиграфические данные. Отметим далее, что исследователь, как бы предугадывая уязвимое место в своих выводах, оговорился в докладе: «Со временем, надо думать,

[1] Прорисовки кремневых орудий находятся в архиве С.Н. Замятнина. Следует сказать, что погибла не вся коллекция из довоенных сборов: часть ее находится в Воронежском краеведческом музее (инв. № 1).

[2] Рукопись находится в архиве С.Н. Замятнина, папка № XXXV.

[3] Текст доклада не опубликован. Хранится в папке XXXV.

найдутся стоянки с более ранней керамикой, с которой можно связать и инвентарь развитого неолита». Если схему С.Н. Замятнина применить к неолиту, устранив искусственно созданный хронологический разрыв между кремневым и керамическим инвентарем, то отчетливо выступает мысль о наличии инородных этно-культурных компонентов (южного и северного), составляющих местный неолит.

Если С.Н. Замятнин подоснову северного «окского» происхождения усматривал в памятниках только северной части Воронежской области, то другой исследователь, Г.В. Подгаецкий, считал эту подоснову единственной для памятников всего Среднего Дона. Он писал; «Судя по известным немногочисленным данным, культура среднедонского населения... по своему облику, а вероятно и по существу, была более родственна не той, которой обладали в то время (неолитическое — А.С.) степные племена, а той, которой характеризовалось население расположенных к северу лесных областей». И далее: «...бывшие обитатели... были рыболовами, охотниками и собирателями» (XXIX, с. 135-136).

Как видим, еще в довоенное время появились противоречивые суждения о происхождении и хозяйственной деятельности среднедонского неолитического населения. Единство мнений наблюдалось лишь относительно датировки местного неолита II тысячелетием до нашей эры, что находилось в соответствии с общепринятой тогда хронологией для лесного неолита с ямочно-гребенчатой керамикой.

После Великой Отечественной войны ввиду гибели большинства археологических коллекций, находившихся в. Воронежском краеведческом музее, изучение неолитической эпохи Среднего Дона должно было по сути дела начинаться заново. Но, к сожалению, целенаправленные поиски здесь не велись еще долгое время, а незначительные поступления материалов отражали случайные находки или сборы с уже известных пунктов. Правда, в 1958 году В.П. Левенок провел разведку по рекам Воронеж и Дон, в ходе которой неолитические местонахождения зафиксированы в устье р. Воронеж на левом берегу (рис. 1, 19), у Погонова озера (рис. 1, 36), у с. Каменки (рис. 1, 38), с. Таврово (рис. 1, 18), Троицкого, Урыв-Покровки (XVII, с. 244-245).

Из других поступлений тех лет можно отметить костяные гарпуны из сс. Щучье (рис. 1, 53) и Гороховки (рис. 1, 66), кремневый наконечник копья (рис. 1, 58) из с. Верхний Карабут (L1, с. 183, 184, 186, рис. 2-4), сборы материалов в окрестностях р.п. Анны (рис. 1, 83), проведенные А.А. Формозовым (XLIV, с. 101), а также керамику и несколько прекрасных орудий из кремня и кости с Чернавской стоянки (рис. 1, 6) в центре г. Воронежа, уничтоженной при чистке реки[1]. Важным событием в археологической жизни края явились находки дубовых долбленых челнов близ с. Шучье (рис. 1, 54). Первый был найден в 1954 (XXVIII, с. 97), а второй — в 1956 году (II, с. 134-143; 1, с. 81-89). К сожалению, сопутствующих челнам археологических материалов не оказалось, но древность была установлена на основе геологического залегания (VI, с. 53-60).

Планомерное изучение памятников неолита на среднем Дону стало осуществляться с 1965 года Воронежским госуниверситетом, а позднее экспедициями Воронежского музея краеведения, педагогического института и Института археологии АН СССР. Особенно широкий размах работ был вызван началом строительства Воронежского водохранилища, в результате чего с 1967 по 1970 годы только в низовьях р. Воронеж были изучены неолитические стоянки Чертовицкая (рис. 1, 1), Северо-Восточная (рис. 1, 3), Кировская (рис. 1, 12), Шиловская (рис. 1, 15), Скотный Двор

[1] Материал хранится в Воронежском краеведческом музее, инв. № 4.

(рис. 1, 17), Университетские 1-4 (рис. 1, 9-12) и т. д. (XXX с. 10-19; XXXIV, с. 45, 46; XXIV, с. 50). Одновременно велось обследование на других территориях лесостепного Дона. В среднем течении р. Битюг (левый донской приток), благодаря многолетним работам краеведа из р.п. Анны Г.И. Корнюшина, стало известно 15 неолитических местонахождений: два пункта — в Эртильском районе близ с. Боршево (рис. 1, 74, 75); в Аннинском районе — у сс. Малые Ясырки (рис. 1, 76) и Мосоловки (рис. 1, 77, 78), в урочище Сухое Веретье (рис. 1, 79), у с Бредового (рис. 1, 80), у Попова озера (рис. 1, 81), у сс. Гороховки (рис. 1, 82) и Новый Курлак (рис. 1, 84), у Черного озера (рис. 1, 85), у с. Кушлев (рис. 1-87); в Таловском районе — у с. Старая Тишакка в урочище Дрониха (рис. 1, 88) и два пункта у с. Новая Чигла (рис. 1, 89, 90)[1].

Из числа названных памятников позднее были подвергнуты раскопкам Мосоловка (руководители — В.И. Сагайдак, А.Д. Пряхин) и Дрониха (руководитель — А.Т. Синюк)[2].

Яркий неолитический материал собран автором на Черкасской стоянке в низовьях р. Битюга (рис. 1, 56).

В нижнем течении р. Тихая Сосна (правый донской приток) обнаружены стоянки Дармодехинская (рис. 1, 48), Копанищенская 1 и 2 (рис. 4, 50), а также находки в устье реки, на ее правом берегу (рис. 1, 47).

Еще несколько местонахождений на Среднем Дону зафиксировано в разное время: стоянки Стрельбище 1 и 2 (рис. 1, 13, 14), Северо-восточная-2 (рис, 1, 4), у бывш. Яхтклуба (рис. 1, 7) в нижнем течении р. Воронежа; у с. Подклетного, напротив с. Орловки (рис. 1, 23), напротив устья Битюга (рис. 1, 57), у с. Колодяжное (рис. 1, 55), у северного конца г. Павловска (рис. 1, 60) — по берегам р. Дона; в центре с. Борового у церкви (рис. 1, 33) и у железнодорожного моста (рис. 1, 34) на р. Усманке.

Интересна находка клада из нескольких больших кремневых нуклеусов близ с. Филоново Богучарского района Воронежской области (рис. 1, 68), относящегося, вероятно, ко времени позднего неолита — энеолита. Аналогичный нуклеус был найден у с. Титаревки Кантемировского района (рис. 1, 69). Эти находки, как показало предпринятое автором обследование, не связаны с местами стоянок.

Можно еще отметить коллекцию вещей из краеведческого музея г. Острогожска, в которую входят кремневые наконечники стрел, тесла, скребки, обработанные отщепы и т. д. К сожалению, все эти вещи не имеют точного паспорта, за исключением наконечников стрел, найденных еще до войны в окрестностях с. Шубного (рис. 1, 52).

Самый пока восточный на Среднем Дону пункт находок неолитического материала выявлен в 1970 году Хоперским отрядом лесостепной экспедиции ИА АН СССР (руководителя В.И. Гуляев) на берегу р. Хопра близ хутора Ендовское (рис. 1, 73).

На стоянках Среднего Поосколья (Белгородская область) после войны в течение многих лет проводили сборы материалов краеведы из г. Валуйки Г.Ф. Денисенко и М.И. Карагодин. Неолитический материал из их коллекций собран, помимо Шелаевских стоянок, у сс. Уразово (рис. 1, 94), Изрожное (рис. 1, 97), Пески (рис. 1, 91), Принцевка (рис. 1, 99), Раздолье (рис. 1, 119), Подмонастырка (рис. 1, 120), Новосимоновка (рис. 1, 121), Терехово (рис. 1, 122), Масловка (рис. 1, 123), Лавы (рис. 1, 124) и т. д.

Таким образом, к настоящему времени в разных районах Среднего Дона уже вы-

[1] Г.И. Корнюшин ошибочно отнес неолитический материал с этих пунктов к эпохе бронзы (см. XIV, с 183, 185, 187).

[2] Материалы раскопок находятся в стадии обработки.

явлено свыше сотни местонахождений неолитических материалов. В их исследовании приняли участие воронежские археологи А.Д. Пряхин, А.З. Винников, Ю.П. Матвеев, В.В. Попов, В.И. Сагайдак, а также сотрудники Института археологии АН СССР В.И. Гуляев, Б.Г. Тихонов и другие. Раскопки ряда памятников осуществляли под руководством автора.

До недавнего времени исследователи, при выяснении, например, южной границы распространения ямочно-гребенчатой керамики, опирались преимущественно на данные Отроженской стоянки, хотя из-за отсутствия стратиграфии этот памятник не может играть той роли, какую ему отводили до сих пор. До Отрожек южную границу лесного неолита провел А.А. Формозов (XLIV, с. 105, рис. 21), а затем и П.Н. Третьяков (XLI, с. 32-33, рис. 7). Очень важно отметить, что А.А. Формозов, в отличие от С.Н. Замятнина и других исследователей, впервые на основе типологии дал хронологическую дифференциацию керамическому материалу Отроженской стоянки, выделив в качестве ранней хрупкую керамику с растительной примесью, украшенную треугольными наколами и отпечатками мелкозубого штампа, и связав ее происхождение с южными территориями (XLIV, с. 101).

Следует отметить и вывод М.Е. Фосс, сделанный на основе исследования верхнедонских стоянок Старое Тарбеево и Глинище (Мичуринский район Тамбовской области) о связи донского неолита с материалами стоянок северо-восточной Украины (XLVII, с. 20-26). Еще раньше она говорила о закономерности отсутствия на Дону ямочной керамики южнее Тарбеевской стоянки (XLVIII, с. 168, рис. 88).

Эти мысли затем нашли отражение на схеме, приведенной в одной из работ Н.Н. Гуриной, где в южную окраину волго-окского неолита вошел самый верхний участок Дона, а ниже распространены культуры деснинского типа, причем оба участка разделены узкой полосой распространения гребенчатой керамики (VII, с. 59, рис. 12).

Интересно отметить и предположение Д.Я. Телегина о возможности включения Среднего Дона в район формирования днепро-донецкой культуры (XL, с. 40). Последнее, думается, сыграло определенную роль во взглядах В.П. Левенка, одного из ведущих исследователей донского неолита. Им были пересмотрены ранее высказанные положения, смыкавшиеся с точкой зрения Г.В. Подгаецкого (XVI, с. 145), и донской неолит он стал рассматривать в качестве варианта днепро-донецкой культуры, датируя его начало второй половиной IV — началом III тысячелетия до н. э. (XVII, с. 244, XXI, с. 264). Далее В.П. Левенок отмечает, что на средней хронологической ступени неолита культура накольчатой керамики сперва смешивается, а затем вытесняется культурой ямочно-гребенчатого лесного неолита, проникавшей на территорию Дона из бассейна Оки (XXI, с. 145). На базе этого взаимодействия возникает гибридная культура, названная исследователем «рыбно-озерской», время бытования которой определяется концом средней поры неолита, поздним неолитом и переходом в энеолит (XXI, с. 139; XXII, с. 17). Выдвинутые В.П. Левенком положения были затем приняты другими исследователями (VIII, с. 134-156 и др.).

В нашу задачу входит освещение нового материала, а также диктуемая этим материалом необходимость пересмотра ряда утвердившихся в литературе взглядов на среднедонской неолит.

Неолитические памятники Среднего Дона наиболее концентрированно группируются в низовьях рек Воронежа, Тихой Сосны, а также в среднем течении Битюга и Оскола (см. рис. 1).

Нижнее течение р. Воронеж

Ярким памятником является стоянка Университетская-3, материалы которой последовательно отражают четыре этапа развития неолита[1]. Каждый из этапов характеризуется преобладанием того или иного типа изделий, а также специфическими материальными проявлениями. Напомним очень кратко лишь основные характеристики. Первые два этапа (конец — последняя четверть IV тысячелетия до н. э.) представлены горшками и конусовидными мисками с накольчатым орнаментом (первая керамическая группа). Сосуды отличаются прямостенностью (1-й тип), с растительной примесью (первый этап) и примесью песка (второй этап). Со временем как местное развитие возникают новые формы сосудов: с маленьким прямым венчиком (4-й тип), с S-видным профилем (5-й тип). Типичны производство кремневых орудий на пластинах, микролитоидность орудий при наличии вкладышей геометрических форм.

Третий этап (последняя четверть IV — первые века III тысячелетия до н. э.) наряду с отмеченными материалами включает материалы с признаками лесных культур: колоколовидные (2-й тип) с ямочно-гребенчатым орнаментом сосуды (вторая керамическая группа), орудия охотничье-рыболовческого хозяйства, делавшиеся на отщепах, а также смешанную накольчато-ямочную керамику (третья группа).

Четвертый этап (пережиточный неолит — до рубежа III и II тысячелетия до н. э.) определяется по распространению сосудов с зубчато-ямочным орнаментом, с примесью в тесте дресвы (четвертая керамическая группа). Кремневый микролитический инвентарь изживается.

Стоянка Университетская-1 занимает возвышенный участок правого берега старицы, в 200 метрах к востоку от стоянки Университетской-3. Площадь стоянки была занята пойменной растительностью и только по склону в сторону старицы, наблюдались небольшие выдувы. При раскопках (всего вскрыто 1014 кв. метров[2] выявлена следующая стратиграфия: под дерновым покровом (толщиной 7-10 см) залегал слой поздних илистых наносов, на отдельных участках достигающий мощности 35 см; ниже располагался темный супесчаный слой (толщина около 40 см), который по цвету плавно переходил в нижний слой, подстилаемый мелкозернистым аллювиальным песком. На некоторых участках раскопа отмечена прослойка черного цвета, залегавшая между верхним и средним слоями. В целом характер наслоений аналогичен стратиграфии стоянки Университетской-3. В южной части раскопа в 1968 году было выявлено небольшое округлое углубление со следами очага внутри близ пологой стенки — остатки временного жилища, совершенно аналогичного жилищам со стоянки Университетской-3.

Неолитическая керамика стоянки представлена несколькими сотнями фрагментов стенок и венчиками от 102 сосудов. Часть этих венчиков слишком фрагментарна и не поддается анализу по формам. Среди остальной части преобладают прямостенные сосуды с накольчатым орнаментом, идентичные сосудам 1-го типа первой группы стоянки Университетской-3. Абсолютное их большинство залегало в нижней части культурного слоя. Важно также отметить находки в 4-м (нижнем) штыке венчиков от трех сосудов этого же типа, но в тесте имеющих растительную примесь; в вышележащих штыках такой керамики нет. С нижней же частью слоя связываются широко открытые

[1] Подробный анализ материалов стоянки содержится в статье автора «Неолитический материал нижневоронежской многослойной стоянки Университетская-3» (см. настоящий сборник).

[2] Раскопки в 1967 г. велись под руководством А.Д. Пряхина; в 1968 — автора и в 1969 году — Б.Г. Тихонова.

сосуды колоколовидной формы (2-й тип) и сосуды со стянутыми вовнутрь краями (3-й тип) первой (рис. 2, 1-6) и второй группы (с ямочно-гребенчатым орнаментом), отражающие собой уже третий неолитический этап (рис. 2, 7, 8).

Сосуды, отражающие пережиточный этап неолита (5-7 типы с зубчато-гребенчато-ямочным орнаментом), представлены на стоянке единичными экземплярами.

Кремневый инвентарь стоянки состоит из нескольких десятков отщепов и 28 изделий и их обломков. Орудия, сделанные из отщепов и пластин, находятся примерно в равном отношении. Можно отметить микролитоидный характер некоторых изделий, например, двух круговых скребочков овальной и квадратной формы (рис. 2, 16, 17), миниатюрного концевого скребка на пластине (рис. 2, 18), пластинки с обработанным ретушью краем, вероятно, вкладыша (рис. 2, 20). Их залегание приурочено к нижним горизонтам слоя стоянки. О наличии микролитического производства могут свидетельствовать также находки двух сколов с микронуклесов (рис. 2, 14, 15). Интересно изделие с обработанными ретушью краям, морфологически близкое пластинам со скошенным концом (рис. 2, 19). Из других орудий следует отметить две проколки на пластинах (рис. 2, 24), нож-скребок, скребок-резак и два обломка наконечников или дротиков (рис, 2, 26, 27). Следы употребления несет и большинство отщепов.

Стоянка Университетская-2 расположена на небольшом всхолмлении левого берега старицы, напротив выше рассмотренной стоянки. Культурный слой состоял из сильно гумусированной супеси, кое-где расчленявшейся черноземными прослойками; слой подстилался мелкозернистым песком. Вскрытая цлощадь составила 716 м^2 (раскопками, проводившимися 1969 году, руководили П.Д. Либеров и Б.Г. Тихонов). Основное содержание стоянки характеризуется, как и содержание стоянки Университетская-1, материалами катакомбного времени, лишь в основании слоя встречено небольшое количество изделий раннего облика.

Неолитические фрагменты принадлежат, судя по венчикам, 12 сосудам (рис. 2, 9-13). Следует подчеркнуть сравнительно поздние орнаментальные традиции (личиночный штамп, крупные отступающие вдавления и т. д., дающие возможность отнести эти сосуды к поздним этапам неолита, по крайней мере не ранее третьего. Кремневых и каменных изделий, которые с определенным основанием можно было бы увязать с неолитической керамикой, на стоянке практически нет.

Стоянка Университетская-4 расположена на правой стороне от современного течения реки, на пониженном участи коренного берега. Специального исследования здесь не проводилось. Собранный нами на поверхности керамический материал типологически сопоставляется с третьим-четвертым этапами неолита. Кремневый инвентарь представлен крупными отщепами и ядрищами, в ряде случаев несущими следы употребления. Сделаны они из местного валунного кремня желтого цвета, который был в обиходе и у обитателей других Университетских стоянок.

Чертовицкая стоянка расположена на дюнном всхолмлении правого берега р. Воронеж, в 1,5 км ниже церкви с. Чертовицкого Рамонского района Воронежской области. Дюна вытянута вдоль течения реки по линии С-Ю; длина ее 240 м, высота — 2-2,5 м. Ко времени раскопок дюна разрушалась в связи с прокладкой шоссейной дороги и удалось лишь исследовать площадь в 347 м^2 (раскопки автора). Материалы содержались в супесчаных наслоениях мощностью до 0,4 м. В верхней части слоя найдены отдельные изделия и гончарная керамика славяно-русского времени, а также лепная керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа; ниже встречена катакомбная керамика, обломки посуды, украшенные треугольными наколами позднего типа и

«клинчато-ямочным» орнаментом (рис. 3, 2). Здесь же отмечены единичные находки энеолитической керамики. При зачистке основания раскопа выявлена неглубокая (12 см) округлая в плане яма, в заполнении и на дне которой найден развал неолитического сосуда. Изготовлен сосуд (рис. 3, 1) ленточным способом (ширина лент 4-6 см), при накладке лент края их заострялись и заходили друг на друга. Тесто с обильной растительной примесью, рыхлое; толщина стенок — до 1 см. Поверхности сосуда коричневого цвета, со следами штриховки, внешняя поверхность, кроме того, хорошо сглажена. Сосуд прямостенный с невыделенным венчиком и коническим дном. Орнамент расположен только в верхней части: строчки и наклонные колонки из треугольных раздельных наколов. По срезу венчика нанесены отпечатки мелкогребенчатого штампа, а под краем сосуда — один ряд глубоких круглых ямок. Типологически этот сосуд соотносится с наиболее ранней группой керамики стоянки Университетской-3. В основании слоя найдены также кремневые изделия, и среди них — микронуклеус (рис. 3, 3) и вкладышевое орудие (рис. 3, 4).

В настоящее время Чертовицкая стоянка уничтожена, как и другие дюнные стоянки, находившиеся в границах Воронежского водохранилища.

Стоянка Северовосточная-1 располагалась на склоне надпойменной террасы левого берега р. Воронеж в Северо-Восточном районе г. Воронежа. В 1969 и 1970 гг. А.Д. Пряхиным и автором здесь были проведены раскопки на площади 262 м^2. Культурный слой мощностью в 60-70 см состоял из супесчаных отложений. Верхняя, более светлая часть содержала смешанный материал эпохи бронзы (абашевская культура) и неолита-энеолита. Нижняя часть слоя была менее насыщена материалами. Ранних строительных остатков на площади раскопа не выявлено. Неолитический материал состоит из нескольких десятков фрагментов керамики и ряда кремневых отщепов. Графически удалось реконструировать два сосуда. Один из них имеет широкое открытое горло, плавно переходящее в стенки. Тесто сосуда плотное, без видимых примесей. Поверхность сплошь украшена оттисками подтреугольных отступающих наколов, скомпанованных в «плетеную» композицию (рис. 3, 6). Второй сосуд (рис. 3, 10) имеет аналогичную форму, но значительно больших размеров. Орнамент состоит из круглых ямок, оттисков зубчатого и отступающего штампа, составленных в колонки зигзаг и горизонтальные пояса. Срез венчика гофрирован, под ним расположен ряд жемчужин.

Встречены здесь также фрагменты с круглоямочным белемнитным, ромбоямочным орнаментом (рис. 3, 14-16) и т.д.

Чернавская стоянка была уничтожена при чистке дна р. Воронеж. Отсюда имеется коллекция орудий, куда входят два костяных рыболовных крючка, костяной листовидный наконечник дротика, гарпун, два кремневых наконечника стрел поздних форм, обработанных струйчатой ретушью, скребки, проколки и т.д. Отсюда же происходят около двухсот фрагментов керамики, большая часть которых относится ко времени неолита. К сожалению, мы не имеем стратиграфии стоянки, но типологический анализ позволяет отождествить их с материалами стоянки Университеская-3 второго — четвертого этапов неолита.

Стоянка Скотный Двор располагалась на берегу старицы р. Воронеж, примерно в 1,5 км ниже известного Шиловского поселения. Территория стоянки занималась под летний выгон для скота. В обнажении берега (высота 2-2,5 м) прослежен культурный слой из супеси мощностью 60-70 см. В 1970 г. автором был заложен небольшой раскоп (28 м^2), в результате чего получено несколько десятков фрагментов керамики

поздненеолитического облика, среди которых есть и ромбоямочная керамика (рис. 3, 26). Найдено также небольшое количество маловыразительных каменных изделий.

Стоянка Северо-Восточная-2 располагалась на мысу боровой террасы левого берега р. Воронеж, в 0,5 км ниже стоянки Северо-Восточной-1. Высота террасы достигает 10-12 м. Площадь стоянки перерыта траншеями военного времени, в связи с чем культурный слой на большей части ее оказался разрушенным. Он состоял из темной супеси толщиной до 50 см и подстилался материковым песком. В обнажениях и при шурфовке стоянки (работы А.Д. Пряхина и автора) собрано небольшое количество керамики, часть которой относится к эпохе бронзы, а другая часть представлена фрагментами от сосудов с круглоямочным и ромбическим орнаментом.

Стоянка Яхтклубная расположена в пойме левого берега р. Воронеж, на месте слияния старицы с современным руслом, примерно в 1,5 км севернее Университетских стоянок. По сообщению Д.Д. Леонова, здесь еще до войны, встречались кремневые орудия микролитического облика. На выбросе из траншей военного времени нами собрано несколько фрагментов накольчатой керамики.

Стоянка Кировская-2 расположена на надпойменной террасе левого берега р. Воронеж, примерно в 150 м от Дворца культуры им. С.М. Кирова. Культурный слой стоянки почти полностью был уничтожен работами по прокладке газопровода. Он сохранился лишь на небольшом участке, где нами и был заложен шурф (8 м^2). Толщина культурного слоя не превышала 40 см. Он сравнительно четко делился на две части: верхний, более темный прослой супеси (25 см) и нижний прослой светлого цвета; в основе залегал материковый песок. Верхний прослой представил керамику эпохи поздней бронзы срубно-абашевского типа. В нижней части культурного слоя найдено несколько десятков фрагментов керамики неолитического облика. Некоторые из них принадлежали сосуду с прямыми стенками, орнаментированному в верхней части рядом «жемчужин» и горизонтальными поясами насечек, ниже которых идут наклонные колонки из тех же насечек.

Стоянка Стрельбище-2 расположена на дюне в правобережной пойме р. Воронеж напротив Шиловского леса. Дюна сравнительно обширная, длиной более 150 м. Высота ее — около 2 м. Вся площадь дюны изрезана траншеями военного времени. Здесь нами собрано несколько фрагментов неолитической керамики, в том числе имеющей в тесте растительную примесь. Шурфовка стоянки не производилась.

Стоянка Шиловская-1 расположена на площади, позднее занятой под поселение абашевской культуры. Она занимает полого спускающуюся в пойму оконечность мыса боровой террасы левого берега р. Воронеж. В 1 км южнее находится стоянка Скотный Двор. Культурный слой раннего поселка определить не удалось: он полностью был разрушен многочисленными котлованами от хозяйственных построек абашевского времени, в связи с чем материал находился в переотложенном состоянии и встречался во всех штыках обширного раскопа (вскрыто более 3000 м^2, исследования А.Д. Пряхина). Ранние материалы представлены фрагментами сосудов неолитического облика (рис. 2, 19-23). Кроме того, раскопками выявлено несколько десятков кремневых орудий — наконечником стрел, ножевидных пластин, скребков и т. д.. часть который несомненно может синхронизироваться с ранним керамическим комплексом стоянки.

Шилово-2 — пункт находок нескольких фрагментов поздненеолитической керамики, залегавшей в толще левого берегу современного русла р. Воронеж напротив стоянки Шиловской-1. Устье Воронежа — местонахождение отдельных фрагментов

поздненеолитической керамики, залегавшей в толще левого берега реки при впадении ее в Дон. Культурный слой выявить не удалось.

Остальные местонахождения неолитических материалом низовья р. Воронеж менее выразительны. О некоторых из них, как, например, о Коммунарской стоянке, имеются лишь письменные свидетельства. Другие представляют собой места находок единичных предметов — нуклеусов, наконечников копий и т. д. Такие пункты нами уже отмечены ранее[1].

К низовьям р. Воронежа близко примыкает среднее течение р. Усманки, где в настоящее время известно два пункта неолитических находок.

Поселение Боровое занимает возвышенный участок левого берега р Усманки рядом с автодорожным мостом и шоссе Воронеж — Графская. В 1967 году здесь были проведены раскопки (вскрыто 460 м. кв.). Культурный слой представлял собой однородную массу темной супеси, подстилаемой материковым песком. В слое содержались материалы эпохи развитой и поздней бронзы. В самом его основании на отдельных участках его раскопа встречены фрагменты ямочной керамики позднего облика.

Боровое II — пункт находок нескольких фрагментов керамики с круглоямочным орнаментом и нескольких кремневых изделий. Расположен на мысу левого берега р. Усманки в центре села Борового, рядом с церковью. Специальному обследованию данное место не подвергалось.

В нижнем течении р. Тихой Сосны известно, как уже отмечалось, несколько пунктов неолитических находок. Наиболее важным из них является Копанищенская стоянка. Раскопки ее только начаты, поэтому мы ограничиваемся лишь предварительными замечаниями.

Стоянка расположена в 2 км к северо-западу от ст. Копанище Острогожского района в толще высокой поймы р. Тихой Сосны. Раскоп (48 м^2, раскопки автора) был заложен у самой воды, вдоль берега (XXXV, с. 27-30). Культурный слой (толщина 80-90 см) — илистый суглинок — подстилается зеленовато-серой материковой глиной. Он перекрыт более чем полутораметровой толщей пойменных отложений. Стратиграфического членения слоя на данном участке определить не удалось, однако разновременный материал обнаруживает последовательность залегания: в верхней части содержатся материалы катакомбного времени, в средней — энеолитические материалы Репинского и нижнедонского типов, а в основании — неолитические материалы. На уровне залегания неолитических и энеолитических остатков в слое отмечено присутствие массы ракушника.

Неолит представлен большим количеством обломков сосудов, а также — кремневыми и костяными изделиями.

Керамика обнаруживает много общего с материалами низовий р. Воронеж, представляя все этапы развития: от ранней накольчатой керамики до ромбоямочной пережиточного неолита (рис. 4). Несколько специфичной выглядит группа накольчато-гребенчатой керамики с массой ракушки в тесте, что, видимо, следует объяснить южным влиянием.

Кремневые орудия, залегавшие с ранним керамическим материалом в нижней части слоя (8-7-й штыки), представлены ножами на пластинах (рис. 5, 12-14), ножом с боковым резцовым сколом (рис. 5, 11), сечениями пластин с ретушированными краями (рис. 5, 3), вкладышами (рис. 5, 5-7), микропластинами (рис. 5, 2, 4), концевыми

[1] Нами опускается и рассмотрение материалов Отроженской стоянки, которые были опубликованы ранее (XXXIII, с. 107-114).

скребками на пластинах и отщепах (рис. 5, 9, 10, 16, 17), наконечниками стрел (рис. 5, 20-23), дротиков (рис. 5, 19) и целым рядом аморфных изделий (рис. 5, 8). Многие из перечисленных орудий сделаны из некачественных пород кремня.

Из костяных предметов встречены обломки проколок (рис. 5, 25, 26), полированного ножа (рис. 5, 27) и лощило, сделанное из рога (рис. 5, 28).

Кроме того, здесь впервые для среднедонских стоянок времен неолита-энеолита путем раскопок получен яркий остеологический материал.

Разнообразны по своему содержанию и находки с Дармодехинской стоянки, расположенной в 3 км ниже по течению реки. Геологические условия ее залегания аналогичны вышеотмеченной стоянке.

Ранние материалы здесь собраны в отвалах с массой ракушечника (выброс после чистки дна реки).

Керамика, как и с Копанищенской стоянки, отражает все этапы развития местного неолита (рис. 6, 1-13). Кремневые орудия изготавливались на отщепах и пластинах. О существовании микролитической техники можно судить по находке типичного микролитического нуклеуса (рис. 7, 11), а также ножевидной пластины (рис. 7, 17). Основную группу орудий составляют скребки, три из которых — концевые на пластинах, остальные — круговые отщепах (рис. 7, 12). Из орудий для обработки дерева имеется небольшое кремневое долотце с заполированным лезвием. Встречено также несколько небольших массивных отщепов с двусторонней оббивкой.

Наконечников копий, стрел и их обломков найдено 12 экземпляров (рис. 6, 14-20; 7, 13-16). Большинство их имеет удлиненно-овальную и листовидную форму, с обработкой поверхностей техникой двусторонней оббивки и отжимной ретуши.

Орудия, сделанные из мягких пород камня, представлены тремя экземплярами тесел (рис. 7, 8-10), Орудия такого типа не имели распространения в неолитических культурах лесной полосы. Аналогии им скорее всего следует искать в неолитических памятниках Поднепровья; где подобные тесла получили известное распространение.

Из костяных предметов на стоянке найдены мелкозубый гарпун (рис. 7, 1), обломок полированного ножа (рис. 7, 7), обломки от двух однозубых гарпунов (рис. 7, 2, 3), полированное острие с косыми насечками (рис. 7, 4), фрагмент острия (рис. 7, 5) и две роговые поделки (рис. 7, 6). Очень интересна находка роговой мотыги с пазами для крепления с основой (рис. 5, 29). Отмеченные изделия обнаруживают, как это видно, неоднородность. Некоторые из них типологически могут быть связаны с ранним керамическим материалом стоянки (миниатюрные скребки, микронуклеус, гарпуны); другие же изделия, как например, двусторонне обработанные наконечники стрел, часть скребков и т. д. связываются с поздненеолитической керамикой, а возможно, и с еще более поздними керамическими комплексами.

Остальные пункты низовья р. Тихой Сосны специальному обследованию не подвергались. Собранные на поверхности материалы говорят об их многослойном характере, отражая периоды от неолита до славяно-русского времени.

В среднем течении р. Битюг специальные исследования неолитических памятников только начинаются. У сс. Малые Ясырки и Мосоловки в обнажении берега найдено несколько фрагментов от прямостенных сосудов, орнаментированных крупными треугольниками, «отступающими» наколами и рядами ямок под венчиком. Они аналогичны сосудам второго этапа неолита с нижневоронежских стоянок, но в то же время имеют «пачкающую» поверхность.

На стоянке Сухое Веретье (расположена на отделившейся гряде боровой трассы

правого берега р. Битюг, примерно в 1,5 км выше автодорожного моста р. п. Анны) шурфовкой нами выявлен слой темной супеси мощностью до 75 см, в верхней части которого содержалась керамика поздненеолитического облика, а в нижней — более ранняя накольчато-ямочная.

Проводилась нами шурфовка и на поселении Попово озеро (расположено в пойме левого берега р. Битюг, у нижнего конца р. п. Анны). В основании культурного слоя залегали фрагменты остродонного сосуда, украшенного рядами насечек в виде запятых, и фрагмент с накольчатым орнаментом.

Таким образом, керамика, близкая группе материалов нижневоронежских стоянок второго этапа неолита, встречена у Черного озера, сс. Малые Ясырки, Мосоловка; третьего этапа у Новой Чиглы, Бродового, Кушелева; пережиточно-неолитического этапа — у с. Борщево Эртильского района.

Черкасская стоянка (Сосновый Бор) стала известна в результате чистки старого русла р. Битюг в его нижнем течении. На поверхности нами собрано несколько сот фрагментов керамики времени неолита-энеолита, каменные и кремневые орудия. Кроме того, собрано большое количество обломков панцыря черепахи. Ранний материал залегал в слое с ракушечником и под ним. Неолитическая керамика в целом близка нижневоронежской: накольчатая керамика с растительной примесью в тесте (1-й этап), развитая накольчатая (2-й этап) со сложным геометрическим орнаментом (рис. 8, 2-5), а также ямочная керамика (рис. 8, 12, 13) и зубчато-гребенчато-ямочная пережиточного неолита (рис. 8, 14, 15). Здесь же найдены фрагменты с ромбоямочным орнаментом (рис. 8, 18). Сравнительно большую серию составляют обломки сосудов с «ямчатыми» вдавлениями, часто нанесенными «отступающей» техникой (рис. 8, 16, 17).

Кремневые орудия со стоянки, как орудия и с других стоянок Среднего Дона, немногочисленны и не несут ярких специфических отличий. Среди них имеются ножи на пластинах, скребки и микроскребки, микропластины и их сечения, вкладыши, проколки, обломок двухстороннеобработанного наконечника стрелы, скол с микронуклеуса и т. д. (рис. 9). Выделяется хорошо обработанное плоской отжимной ретушью по лезвию тесло из черного мелового кремня (рис. 9, 26). Среди изделий из других пород камня следует отметить три целых тесла и одно в обломке (рис. 9, 27-30), а также треугольный предмет с просверленным отверстием (рис. 9, 31).

Стоянки среднего Поосколья расположены на песчаных дюнах. Подавляющее большинство неолитического материала собрано на поверхности и в небольшом количестве путем раскопок (Шелаевские стоянки). Весь керамический материал несет черты близости с донскими комплексами, разделяясь по группам от ранненакольчатой до ромбоямочной. Кремневый материал классифицировать значительно труднее. Типологически же он отражает все этапы развития неолита до эпохи бронзы включительно[1].

В процессе анализа среднедонских материалов выявляется их культурное единство, в связи с чем и этапы развития неолита, выделенные по материалам стоянки Университетской-3, могут в определенной степени быть применены ко всей очерченной нами территории Среднего Дона.

Если для раннего неолита (первый этап) при наличии ряда своеобразных черт отмечается несомненная близость с днепро-донецкими материалами, то для развитого

[1] Мы не имеем возможности здесь детально рассмотреть материалы и с других неолитических пунктов среднего Подонья; сведения же справочного характера о них приводились выше.

периода (второй этап) местные специфические признаки оформляются более четко. Они отражены главным образом в орнаментации, формах и технологии сосудов, что позволяет ставить вопрос о выделении среднедонской неолитической культуры. Рассматривать же ее в качестве варианта днепро-донецкой культуры (XXI, с. 264; VIII, с. 134-156), представляется не совсем обоснованным. Во-первых, можно говорить о близости местной керамики только с северо-восточными материалами днепро-донецкой культуры, но не с южными (надпорожско-приазовский вариант, по Д.Я. Телегину), где эта близость теряется. Такой же признак, как орнаментальный накол, не может, на наш взгляд, определять подобную взаимосвязь, ибо распространение его отмечается на широкой полосе от Днепровского правобережья до Зауралья. Во-вторых, различия в керамических комплексах Среднего Дона и Поднепровья не менее существенны, чем между последними и средневолжскими. Включение донских памятников в круг днепро-донецкой культуры невольно влечет за собой еще большее расширение ее территории. Такой подход растворяет содержание понятия культуры и днепро-донецкой культуры в частности. Видимо, есть больше оснований говорить о культурной общности, куда наряду с памятниками других лесостепных районов, несомненно, должна входить и среднедонская культура.

Для нее, как уже отмечалось, характерны прямостенные, вытянутых пропорций горшки с «незаполненными» острыми днищами и миски, имеющие в тесте растительную примесь (для раннего этапа) или примесь песка (для развитого этапа). Как правило, ранние сосуды покрывались ангобом. Основным элементом орнамента служил накол различных видов, чаще подтреугольной формы, который на ранних стадиях наносился раздельно, на развитых компоновался в строчки. В меньшей степени характерен гребенчатый штамп и совсем не характерен прочерченный орнамент. Для начальных периодов присущи неустоявшиеся, нечеткие композиционные построения в виде горизонтальных линий и асимметрических колонок, располагавшихся только в верхней части сосудов. Для последующего времени типичны сложные геометрические композиции, заполняющие всю поверхность сосудов. Специфична орнаментация верха сосудов одним или двумя рядами разнообразных по форме вдавлений а для более поздних этапов — рядами «жемчужин».

Другим показателем раннего среднедонского неолита служит кремневый инвентарь микролитического облика. Вопрос о его хронологической и территориальной локализации выглядит сейчас почти неразрешимым, так как, сохраняя мезолитические черты, он доживает до третьего этапа развития неолита, а пространственно аналогичный материал распространен от Закаспия и Нижнего Поволжья до районов лесного При- уралья (III, с. 197), включая Левобережное Поднепровье (XXXVIII, с. 99-107), Подонье и Среднее Поволжье (XLIX, с. 185-193). Пока лишь улавливается односторонняя связь: ранней керамике всегда сопутствует кремневый микролитический инвентарь, но распространение последнего намного шире. В пределах рассматриваемой территории находки микролитических орудий, включающие орудия геометрических форм, отмечены на ряде пунктов по течению Дона (напротив устья р. Девицы, у Погонова озера, близ г. Павловска, у сс. Буйловки и Гороховки), в низовьях р. Тихой Сосны (Дармодехинская и Копанищенская стоянки), в Среднем Поосколье (стоянки Шелаевские 1-я, 2-я и др), в низовьях и среднем течении Воронежа (стоянки Университетская 1 и 3-я, Яхтклубная, Отрожская, Чертовицкая, Савицкая), а также в низовьях р. Матыры (стоянки Рыбное Озеро 1 и II, Ярлуковская Протока) (XIX, с. 116-120).

Вопрос о генезисе среднедонской культуры находится в тесной взаимосвязи с

вопросом о мезолите Среднего Подонья. К собственно мезолитическим памятникам здесь относят пока всего два — Погоново озеро (близ г. Воронежа, на Дону) и Подпешное озеро на р. Хопер (XXI, с. 43-56). Они характеризуются микролитическими традициями и геометрическими формами некоторых орудий. Круг бытования таких памятников за пределами Среднего Дона очень широк, но наибольшую близость с донскими обнаруживают материалы лесостепной Донеччины, Киевского Поднепровья, а также восточной части Волыни. В их комплексах представлены трапеции, пластины с притупленной спинкой, пластины со скошенным концом, иволистые наконечники стрел (XXXVIII, с. 104). Тяготеют к этим комплексам и позднемезолитические материалы Среднего Поволжья (XLIX, с. 193). В связи с этим вполне обоснованным представляется высказанное еще С.Н. Замятниным мнение, позднее поддержанное В.П. Левенком, о вырастании местного неолита на базе мезолитических традиций пришлых южных культур (XVIII, с. 97-98). Те же традиции послужили одной из подоснов сложения неолита левобережного Днепра (днепро-донецкая культура) и Средней Волги (волго-камская культура). В этом смысле можно говорить вслед за другими исследователями об общем субстрате всех трех неолитических культур. В то же время в сложении как днепро-донецкой, таки волго-камской культуры приняли участие группы населения автохтонного мезолита микролитического облика, чего мы не можем пока сказать о Среднем Подонье, где такие материалы неизвестны. Не исключено, что при возможной культурной и этнической общности населения раннего неолита Левобережного Днепра, Среднего Дона и Средней Волги еще в позднемезолитическую эпоху наметилось некоторое своеобразие в их развитии, более четко проявившееся позднее.

Границы распространения среднедонской культуры на первом этапе можно наметить пока условно. На западе и юго-западе граница, возможно, проходила по течению р. Оскол, исходя из того, что в низовьях его (устье Оскола-2, нижний слой) найдены материалы ранней днепро-донецкой культуры (XXXVI, с. 176-187). На севере граница определяется по нижнему течению р. Воронеж, так как севернее, например, на матырских стоянках (район Липецкого водохранилища), керамики ранненакольчатого типа не обнаружено. Такая керамика пока не встречена и к востоку от прибрежной полосы рек Дона и Воронежа. Вопрос о южной границе сейчас остается открытым.

Первый этап среднедонской культуры хронологически не выходит за рамки первого периода днепро-донецкой культуры, что может соответствовать рубежу V и IV тысячелетий до н. э. (XXXIX, с. 196; IX, с. 191).

Материалы второго этапа представлены на всех нижневоронежских стоянках (за исключением Чертовицкой), а также на Копанищенской, Дармодехинской, Черкасской, близ с. Оселки, в ряде пунктов по р. Дону — у сс. Урыв-Покровки, Подклетного, напротив устья р. Девицы. К этим материалам близко примыкают фрагменты сосудов с прямыми стенками, примесью в тесте песка и накольчатым орнаментом из нижних слоев стоянок на р. Матыре и ряда других пунктов среднего течения р. Воронеж. Интересно отметить на некоторых матырских сосудах (Рыбное озеро-2, Ярлуковская протока)[1] ряды «жемчужин» под краем, что говорит о сравнительно раннем происхождении этого элемента орнамента.

Несмотря на единство керамического материала второго этапа неолита Среднего Дона и наиболее раннего верхнедонского (кремневый инвентарь тождественен полностью), в последнем наблюдаются некоторые своеобразные черты: более миниа-

[1] Материалы хранятся в фондах Липецкого областного краеведческого музея (пп. 202, 222).

тюрные и всегда круглые ямки под венчиком, наличие фрагментов с «пачкающейся» поверхностью. Эти черты, однако, не дают оснований рассматривать ранние верхнедонские материалы вне рамок среднедонской культуры на ее втором этапе.

К концу второго этапа население среднедонской культуры освоило большую часть бассейна р. Воронеж, войдя в соприкосновение с племенами ранненеолитической культуры долговского типа (стоянка Подзоровская близ г. Мичуринска). В это же время местным населением было освоено и среднее течение р. Битюг, где сейчас известно несколько пунктов находок накольчатой керамики, характеризующей второй этап (Дрониха, Черное озеро, Мосоловка, Новая Чигла). Здесь как и на Верхнем Дону, отмечена «пачкающая» керамика. Восточнее материалы среднедонской культуры пока не встречены. На основании аналогий с материалами днепро-донецкой культуры хронологический охват второго этапа донского неолита может определяться от начала и примерно до последней четверти IV тысячелетия до н. э.

Третий этап (поздний неолит) характеризуется не только развитием местных культурных традиций, но и появлением новых черт, связанных с подключением в автохтонную среду пришлых групп населения с культурой долговского типа. Микролитический инвентарь изживается, зато получают распространение наконечники стрел, дротиков и копий, сделанные двусторонним ретушированием, орудия для обработки кости и дерева, а также костяные орудия рыболовства. Значительное разнообразие приобретает керамический материал: появляются новые формы сосудов, изменяются орнаментальные построения. В связи с приходом северного населения этническое единство местных племен нарушается, хотя явно преобладает местный этнический субстрат. Это наиболее четко прослеживается на смешанном керамическом материале накольчато-ямочного типа (послужившим критерием для выделения этапа), у которого накольчатый элемент композиции узоров, способы нанесения орнамента, некоторые технологические приемы сохранили ведущее положение. На основании этого третий этап неолита можно рассматривать как прямое продолжение развития среднедонской культуры, вобравшей в себя некоторые черты более северной долговской культуры, что придало ей исключительное своеобразие. Все сказанное дает основание усомниться в правильности выделения этих материалов в новую, так называемую рыбноозерскую культуру (XXII, с. 13).

Материалы третьего этапа широко представлены на стоянках Среднего и Верхнего Дона. Они встречены также почти на всех стоянках Среднего Побитюжья. Вероятно, с концом этапа связывается проникновение некоторых традиций среднедонской культуры в круг обитателей среднего течения Оки (XLII, с. 20; XLIII, с. 55-60). Несмотря на некоторую расплывчатость северной границы среднедонской культуры, можно считать, что она проходила примерно в том же районе, что и на втором этапе, поскольку севернее линии Подзорово — Долгое пока неизвестны выдержанные комплексы названной культуры.

Третий этап культуры охватывает последние столетия IV тысячелетия до н. э. вплоть до появления ранних энеолитических материалов, открывающих новую эпоху на Среднем Дону.

Четвертый этап (пережиточный неолит) определяется появлением керамики гребенчато-зубчато-ямочного типа (четвертая группа), что связано с приходом представителей культуры волго-окского неолита. Материалы некоторых стоянок (Университетская, Копанищенская) свидетельствуют о совместном бытовании пришлых групп с северных территорий и неолитических племен, проникавших с юга. В связи с этим

возникает весьма сложная проблема взаимоотношений групп населения, различавшихся и этнически, и по хозяйственному укладу. Наметившиеся существенные изменения положили начало процессу этнокультурной ассимиляции автохтонного населения, где, если иметь в виду только неолитические традиции, решающую роль стали играть уже традиции северного происхождения. В орнаментации керамики зубчатые насечки Позднее трансформируются в «клинья» — насечки клиновидной формы, часто с гладким основанием. К такой керамике был применен термин «клинчато-ямочная». Можно легко увидеть, что в ее оформлении орнаментальные традиции среднедонской культуры сыграли минимальную роль. Надо полагать, что материальные комплексы пережиточного неолита принадлежав носителям новой культуры, сменившей среднедонскую. По-иному рассматривавший происхождение этих материалов В.П. Левенок предложил в свое время объединить их в «рыбноозерскую» культуру. Такого названия культуры будем придерживаться и мы. В целом, для рыбноозерской культуры характерны два типа керамики: ямчатая (орнаментированная крупными неровными ямками, часто поверхностно или «отступающим» приемом) и зубчато-ямочно-гребенчатая, включающая и клинчато-ямочную керамику. Если первый тип широко распространен на всей территории Лесостепного Подонья, то собственно клинчато-ямочная керамика (с гладким основанием клиньев) представлена только в материалах верхнедонских стоянок; южным путем ее нахождения является Чертовицкая стоянка.

Рамки бытования пережиточного неолита соответствует энеолитическому времени, т. е. появление групп населения с культурой северного типа должно относиться к начальным векам III тысячелетия, что отражало общий процесс диффузии племен с ямочно-гребенчатой керамикой, проходившей в этом тысячелетии (VIII, с. 153; XLIII, с. 121). Заключительный этап пережиточного неолита определяется временем распространения ромбоямочной керамики, датируемой на Десне серединой (XXXVII, с. 36) и второй половиной (XV, с. 64) III тысячелетия до н. э. Основную часть местной керамики этого типа следует, видимо, датировать концом III — началом II тысячелетия до н. э: (XVII, с. 245).

* * *

Хозяйство первых этапов среднедонской неолитической культуры базировалось на присваивающих формах — охоте и рыболовстве, причем, если опираться на фаунистические данные других районов лесостепи, основными объектами охоты в начальный период являлись мелкие животные и лишь позднее крупные: лось, «лень, кабан, медведь и др. (XXXIX, с. 205, табл. IX). На третьем неолитическом этапе охота достигает определенных успехов, на что могут указывать многочисленные и разнообразные орудия: наконечники стрел и копий, скребки, ножи, проколки и т. д., совершенные по технике изготовления.

С приходом на Дон групп населения энеолитических культур вступили в действие более сложные социально-экономические процессы. В хозяйстве пришлых групп со сложившимся патриархальным укладом значительную роль уже играло животноводство и в определенной степени земледелие. Тем не менее, трудно говорить о внедрении прогрессивных форм в производственную деятельность всех групп населения Лесостепного Подонья. Этнокультурная неоднородность, надо полагать, предопределяла и неоднороднсть хозяйственных отношений. В пережиточном неолите у населения рыбноозерской культуры ведущей отраслью являлось рыболовство. К этому времени могут быть отнесены многочисленные находки рыболовных грузил,

гарпунов, костяных крючков, а также челны и находки (Подзорово) крыла рыболовецкого закола (XX, с. 86-87, рис. 32). Находки же костей быка с признаками одомашения (Рыбное озеро-2), является пока единичными и не дают основания говорить о выделении скотоводства в самостоятельную производственную отрасль в среде пережиточно-неолитического населения (XXII, с. 16). Этот факт скорее всего отражает наличие контактов со скотоводческими племенами, обитавшими по соседству, а охота, и особенно рыболовство, в хозяйстве вселения рыбноозерской культуры не только не изжили себя, но и поднялись на еще более высокий уровень за счет развития старых производственных традиций и использования богатейших природных ресурсов лесостепи.

Хронологический диапазон неолита на Среднем Дону охватывает не менее двух тысячелетий, в течение которых действовали многообразные процессы, вызванные как внутренним развитием экономики местного населения, так и действием внешних импульсов.

Если в раннем и развитом неолите лесостепь представляла собой район обитания устойчивых групп населения, то позднее она явилась ареной сложных взаимодействий различных этнокультурных группировок, что составляет ее глубокую специфику.

Думается, что предпринятое нами освещение среднедонского неолита может рассматриваться в качестве рабочей схемы для дальнейшей разработки затронутой темы.

Литература

I. — Афонюшкин В.А. Древний челн из села Щучье Воронежской области. Труды Воронежского гос. ун-та, т. 51, Воронеж 1958.
II. — Афонюшкин В.А. Новая находка древнего челна у села Щучье Воронежской области. — Труды ВОКМ, вып. I. Воронеж; 1960.
III. — Бадер О.Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита. — МИА, 1966, № 126.
IV. — Валукинский Н.В. По следам древних предков. Воронеж, 1940.
V. — Валукинский Н.В. Материалы к археологической карге территории г. Воронежа, СА, X, 1948.
VI. — Грищенко М.Н. О геологических условиях залегания древнего челна в районе с. Щучье Воронежской области. — Труды Воронеж. гос. ун-та; т. 51. Воронеж, 1958.
VII. — Гурина Н.Н. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. — МИА, 1966, № 87.
VIII. — Гурина Н.Н. Неолит лесной и лесостепной зон Европейской части СССР. — МИА, 1970, № 166.
IX. — Даниленко В.Н. Неолит Украины. Киев, 1969.
X. — Ефименко П.П. Жилище времени бронзы, открытое на пойме Дона в окрестностях Костенок. — ПИДО, 1934, № 5.
XI. — Замятнин С.Н. Очерки по доистории Воронежского края. Воронеж, 1922.
XII. — Замятнин С.Н. Археологические исследования в Острогожском и Россошанском уездах в июне — июле 1925 года. Известия краеведч. об-ва, № 2. Воронеж, 1925.
XIII. — Кельсиев А.И. Палеолитические кухонные остатки в Костенках. Древности. — ТМАО, т. IX, вып. I, М., 1881.
XIV. — Корнюшин Г.И. Археологические памятники в Аннинском районе Воронежской области (материалы к археологической карте). Прилож. к кн.: Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964.
XV. — Кропоткин В.В. Белынецкие курганы и стоянка. КСИИМ, вып. XVII. 1952.
XVI. — Левенок В.П. К характеристике культур мезолита, неолита и бронзы в Воронежском Подонье. Известия Воронеж. гос. пед. ин-та, т. 45. Воронеж, 1964.
XVII. — Левенок В.П. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону. — МИА, 1965, № 131.

XVIII. — Левенок В.П. Мезолит среднерусского днепровско-донецкого междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры. - МИА, 1966, № 126.
XIX. — Левенок В.П. Неолитические поселения на р. Матыре под Липецком. — КСИА, вып. III. 1968.
XX. — Левенок В.П. Новые раскопки стоянки Подзорово. — КСИА, вып. 117, 1968.
XXI. — Левенок В.П. Неолит Верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны Европейской части СССР. Л. Канд. дисс., Л., 1969.
XXII. — Левенок В.П. Неолит Верхнего Дона. Автореферат канд. дисс. Л., 1969.
XXIII. — Леонов Д.Д. Доисторические времена. — В кн.: По нашему краю. Воронеж, 1928.
XXIV. — Либеров П.Д., Пряхин А.Д., Синюк А.Т., Тихонов Б.Г. Археологические исследования на Воронежском водохранилище. — В сб.: Археологические открытия 1969 года М., 1970.
XXV. — Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1905 года. — ИИАК, вып. 19, 1906.
XXVI. — Милютин А.И. Следы древнего поселения вблизи с. Подклетного Воронежского уезда. — Труды ВУАК, вып. II, 1904.
XXVII. — Орлов А. Стоянка каменного века на р. Осколе. — Труды ВУАК, вып. II, 1904.
XXVIII. — Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956.
XXIX. — Подгаецкий Г.В. Предскифский период на Среднем Дону. - КСИИМК, вып. XIII, М.-Л., 1946.
XXX. — Поляков И.С. Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию. — Записки Императорской Академии наук т. XXXVII, кн. I, прилож. I. СПб., 1880.
XXXI. — Пряхин А.Д., Синюк А.Т. Древности из зоны Воронежского моря. Воронеж, 1968.
XXXII. — Пряхин А.Д., Синюк А.Т., Денисенко Г.Ф. Шелаевские стоянки на Среднем Осколе. — В кн.: Из истории Воронежского края, Воронеж, 1969.
XXXIII. — Синюк А.Т. Поселение эпохи неолита у станции Отрожка. Труды ВГУ, т. 64. Воронеж, 1966.
XXXIV. — Синюк А.Т., Пряхин А.Д. Памятники неолита-энеолита в нижнем течении р. Воронеж. — В сб.: Археологические открытия 1968 года. М., 1969.
XXXV. — Синюк А.Т. Новые материалы к изучению неолита в Среднем Подонье. — Сб. научных студенческих работ, вып. 1. Воронеж, 1968.
XXXVI. — Телегин Д.Я. Раскопки неолитических стоянок в устье р. Оскол. — МИА, 1969, № 79.
XXXVII. — Телегин Д.Я. О хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины. — СА, 1962, № 4.
XXXVIII. — Телегин Д.Я. Мезолит Левобережной Украины и его место в сложении Днепре-донецкой неолитической культуры МИА, 1966, № 126.
XXXIX. Телегін Д.Я. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968.
XL. — Телегин Д.Я. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре. — СА, 1961, № 4.
XLI. — Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л., 1966.
XLII. — Третьяков В.П. О юго-западных связях рязанского неолита. — СА, 1964, № 4.
XLIII. — Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в весной полосе Европейской части СССР. Л., 1972.
XLIV. — Формозов А.А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
XLV. — Фосс М.Е. Валуйский район. — В кн.: Археологические открытия в РСФСР. 1934-1936 гг. М.-Л., 1941.
XLVI. — Фосс М.Е. Разведки на р. Осколе. — Труды ГИМ, вып. 4. М. 1941.
XLVII. — Фосс М.Е. Исследования неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 году. — КСИИМК, № 75. 1959.
XLVIII. — Фосс М.Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. — МИА, 1952, № 29.
XLIX. — Халиков А.Х. Мезолит Среднего Поволжья — МИА. № 126.
L. — Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
LI. — Шоков А.Ф. Неолитические находки на Дону. — Известия Воронеж, гос. пед. инта, т. 26. Воронеж, 1958.

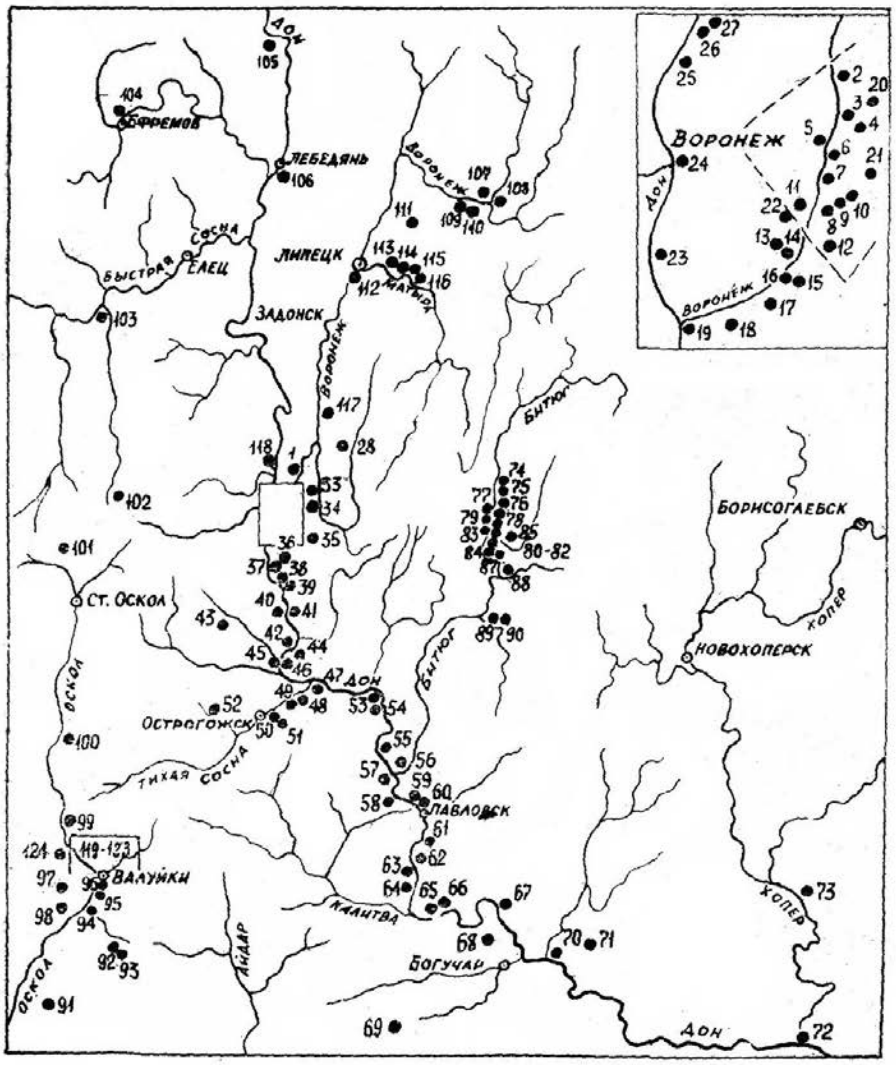


Рис. 1. Схема распространения неолитических памятников в лесостепном Подонье. (На верхнем Дону отмечены лишь наиболее важные памятники, выявленные в последние годы, а также дореволюционные и довоенные местонахождения).

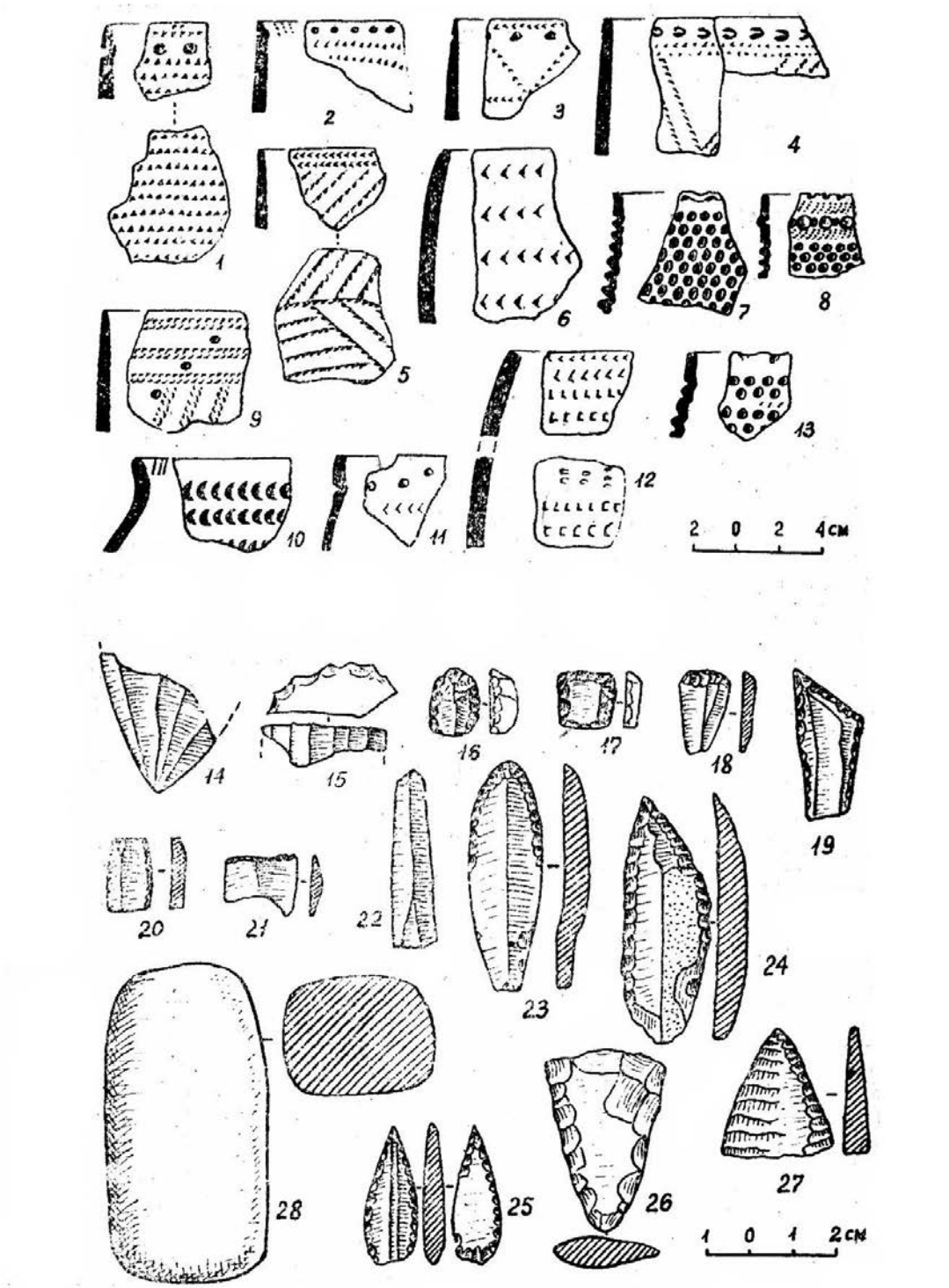


Рис. 2. Керамика и каменные изделия (1—7, 14—27 — стоянка Университетская-1; 8—13—стоянка Университетская-2).

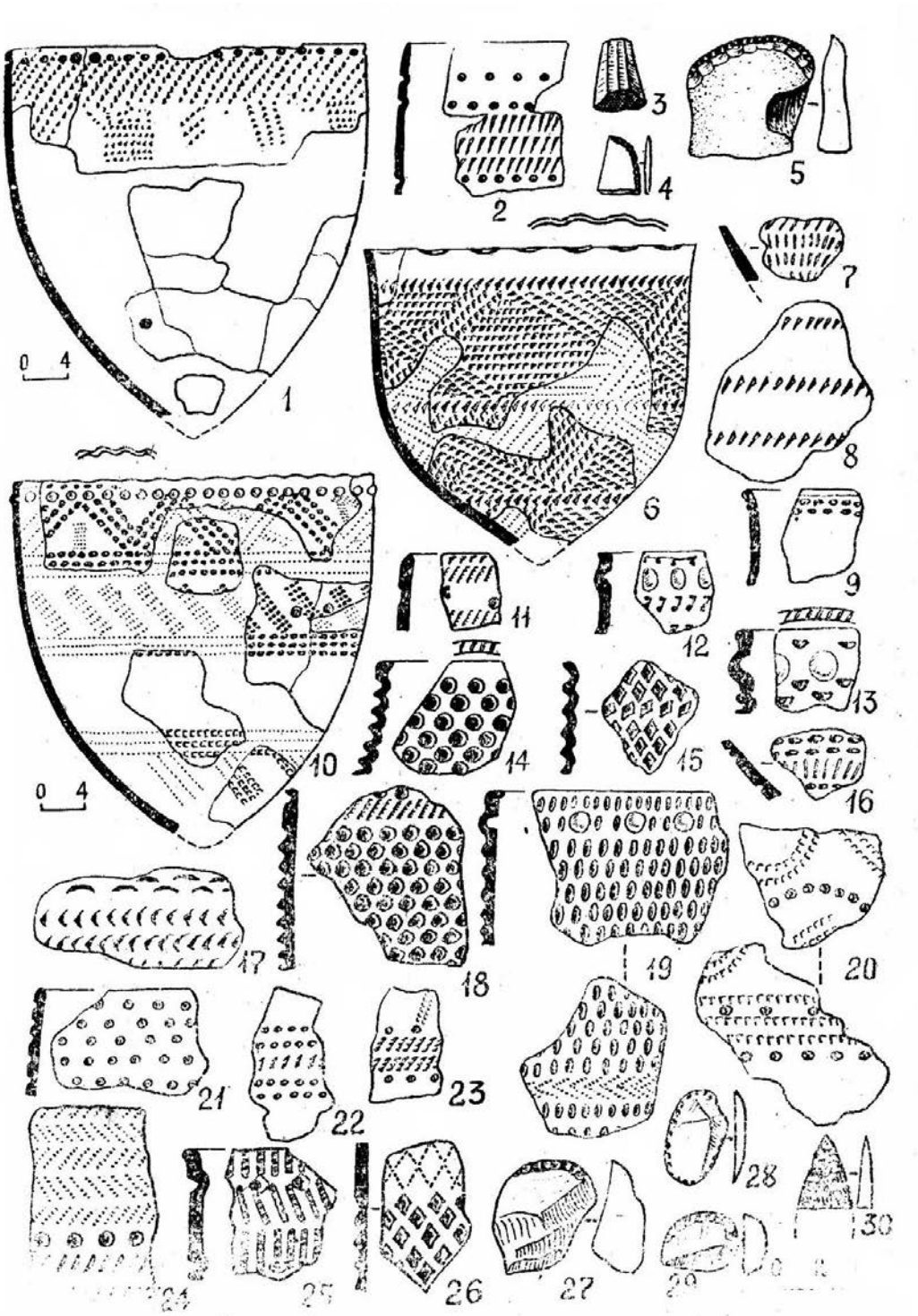


Рис. 3. Керамика и кремневые изделия (1—5 — Чертовицкая стоянка 6—18 — стоянка Северовосточная-1; 19—23 — Шиловское поселение;

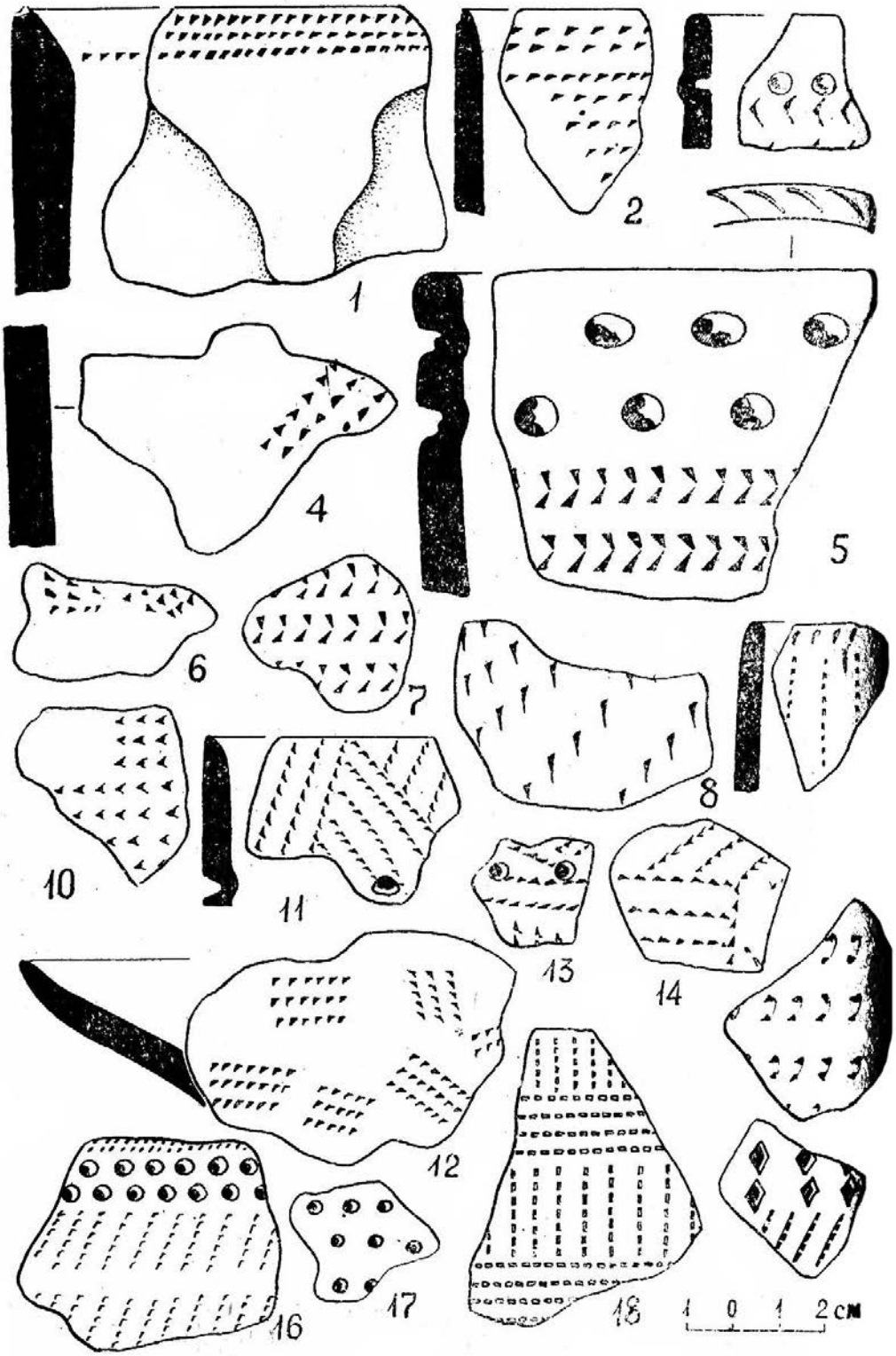


Рис. 4. Копанищенская стоянка. Фрагменты керамики.

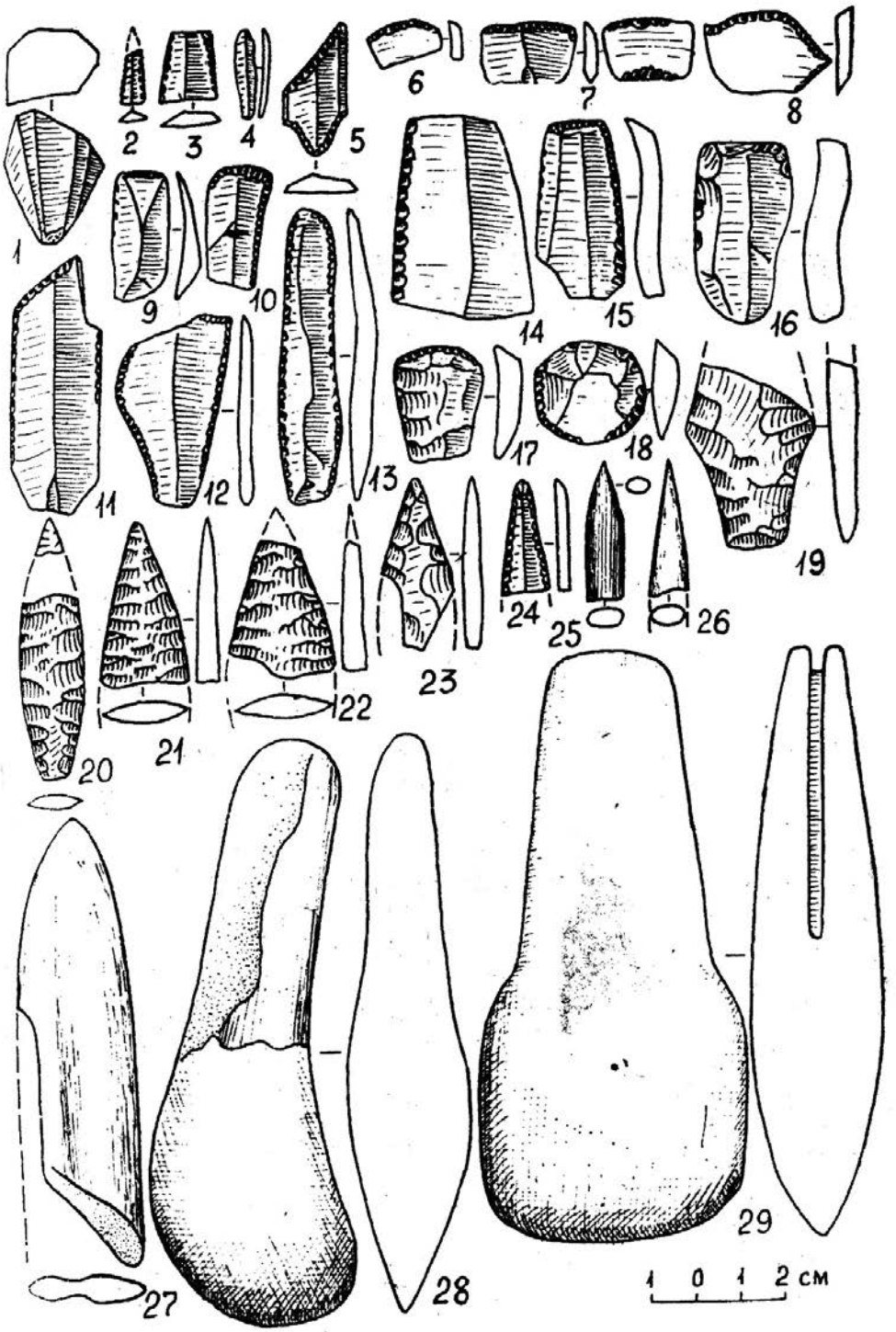


Рис. 5. Кремневые и костяные изделия (1—28 — Копанищенская стоянка; 29 — Дармолехинская стоянка).

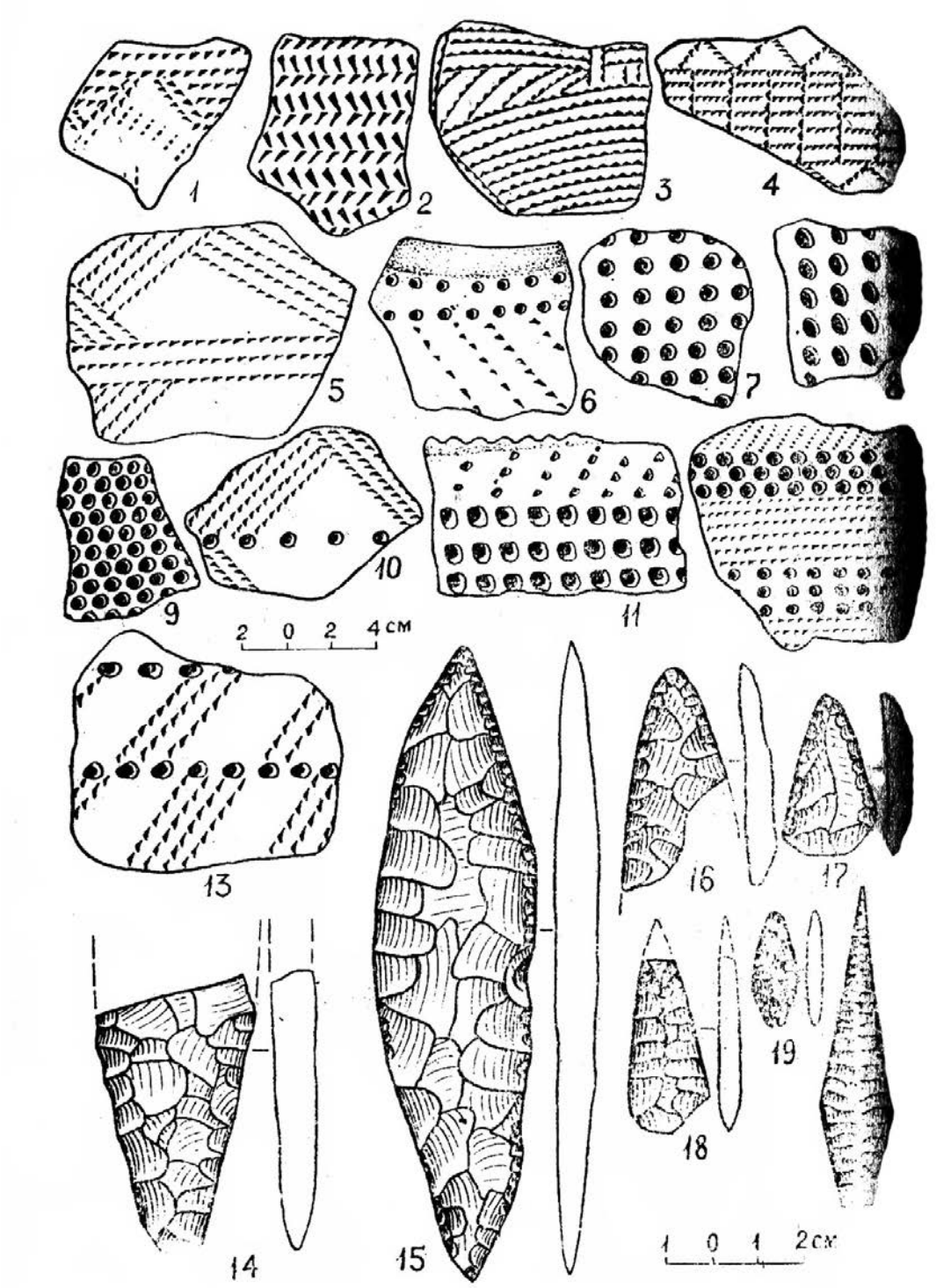


Рис. 6. Дармодехинская стоянка. Фрагменты керамики, кремневые конечники стрел и копий.

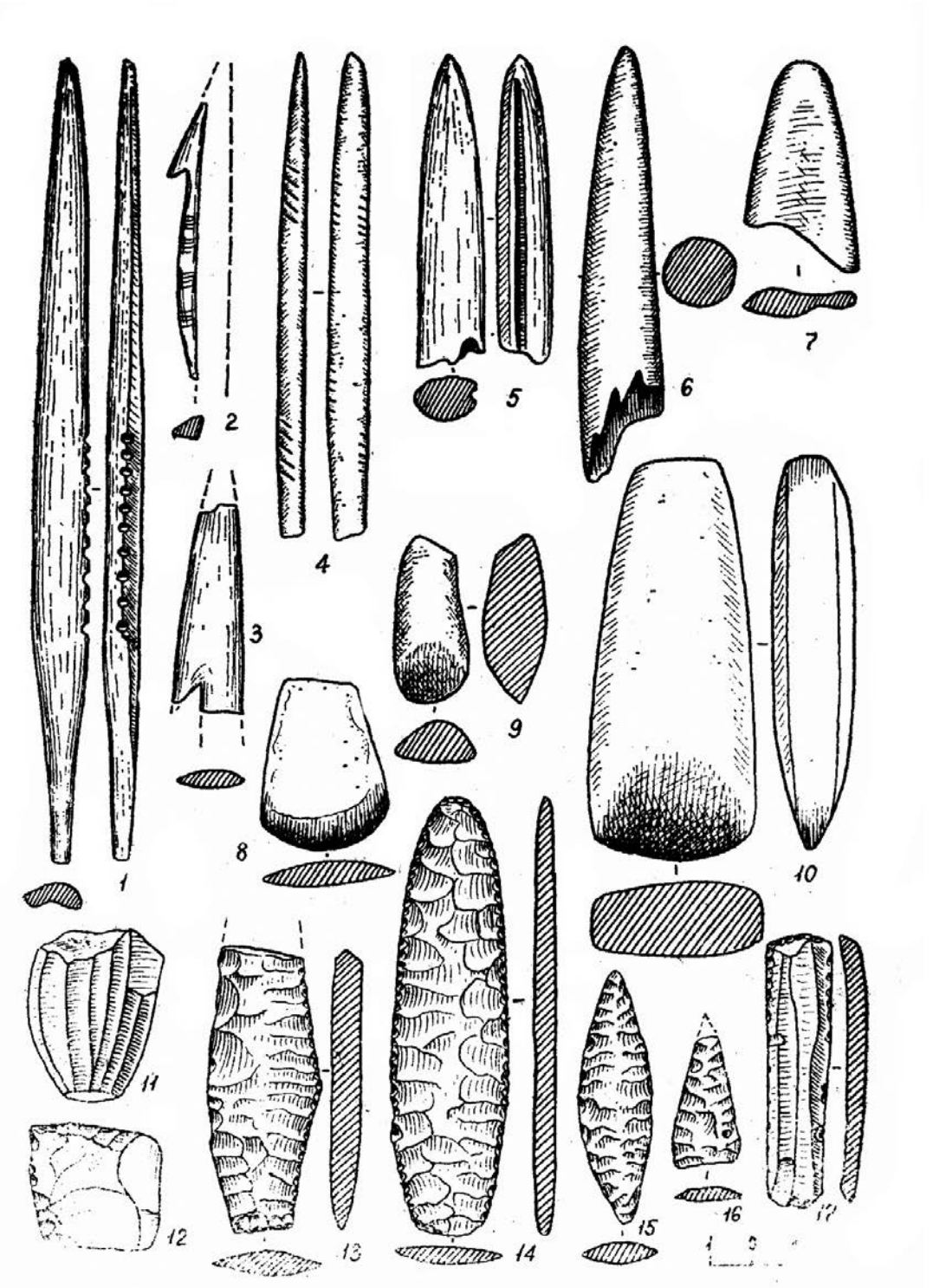


Рис. 7. Дармодехинская стоянка. Костяные (1—7) и каменые (8—17) изделия.

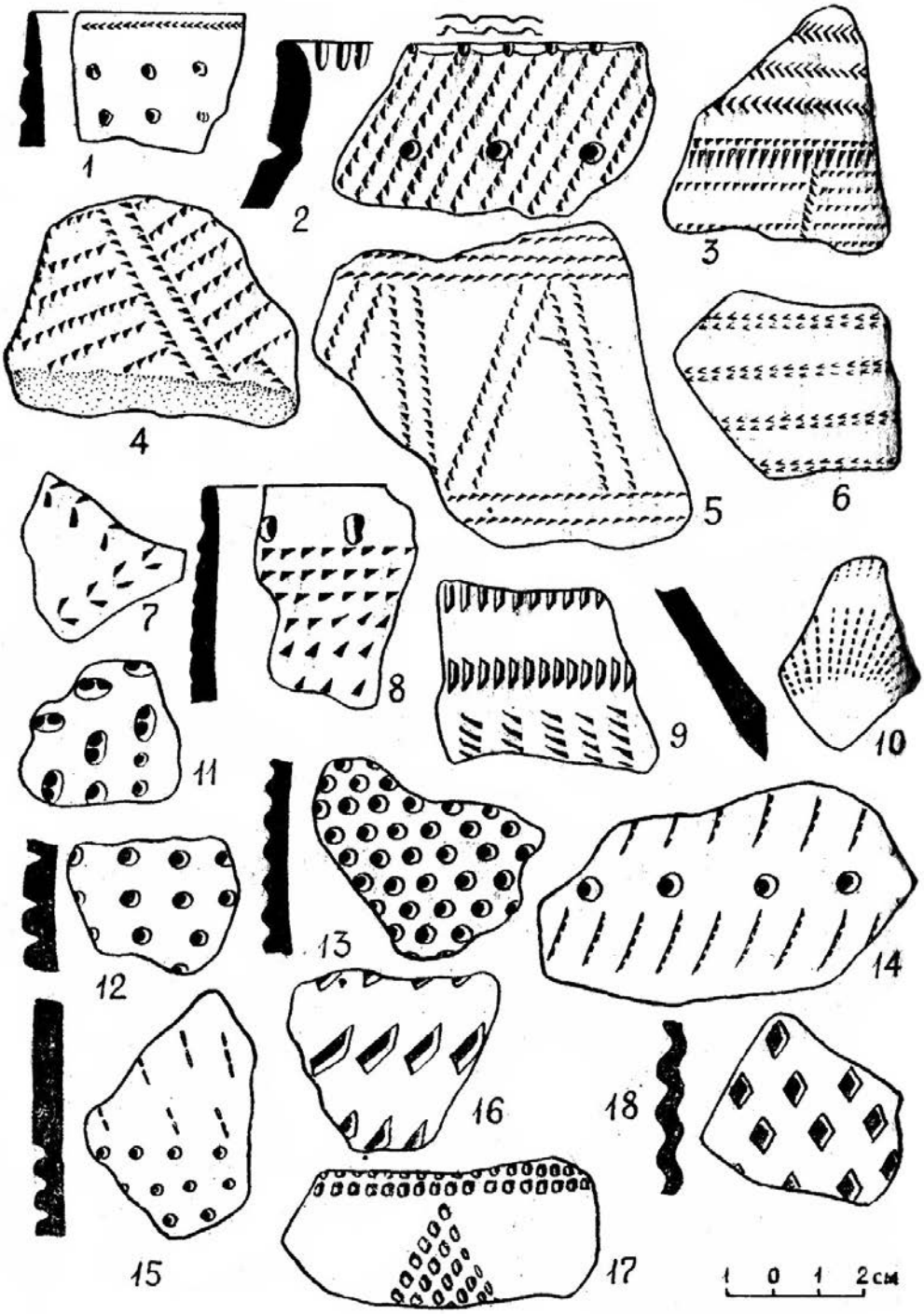


Рис. 8. Неркасская стоянка. Фрагменты керамики.

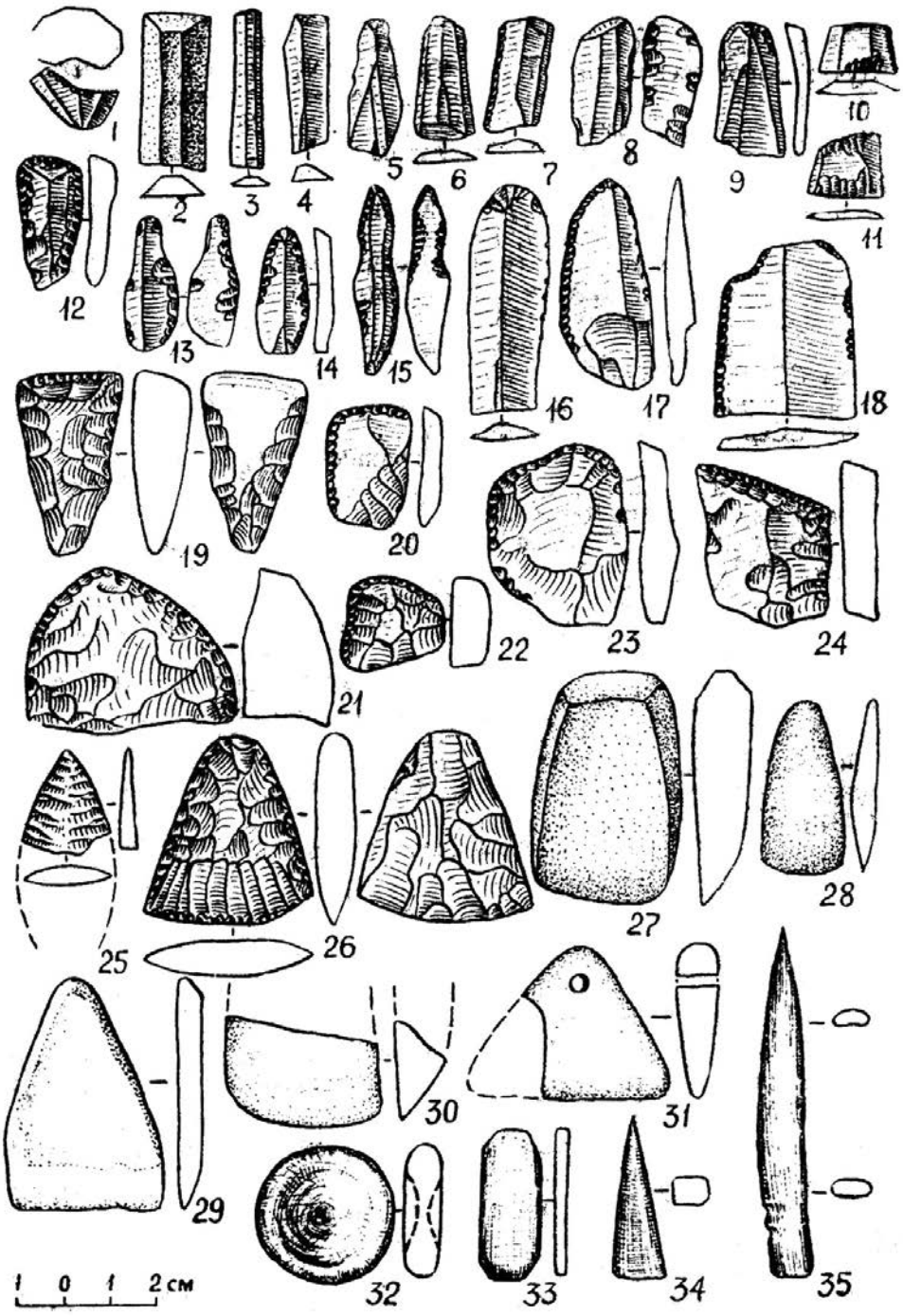


Рис. 9. Черкасская стоянка. Каменные (1—31) и костяные (32—35) изделия.

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ НИЖНЕВОРОНЕЖСКОЙ МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ-3

Известия Воронежского государственного педагогического института. Том 198. Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе (по материалам восточно-европейской лесостепи). Воронеж: ВГПУ, 1978. С. 26-62.

Стоянка располагалась на небольшой и невысокой (1,5-1,8 м) дюне в пойме левого берега реки Воронеж в пределах г. Воронежа близ главного корпуса университета (отчего стоянка и получила свое название). Дюна органически связана со старым руслом реки, огибающим ее с южной стороны (рис. 1). В настоящее время эта территория находится под водой Воронежского водохранилища. Стоянка открыта автором в 1968 году и исследовалась в течение трех сезонов (1968-1970 гг.). Общая площадь раскопок составила 1576 м^2,чем и была исчерпана основная часть древнего поселка.

Толщина дернового покрова на всей площади стоянки составляла 3-5 см. Под дерном залегал довольно плотный слой белесо-серого цвета (верхний слой), образованный поздними аллювиальными наносами. Толщина его варьирует от 10 до 20 см. Время образования слоя определяется содержанием в нем материалов начала нашего тысячелетия.

На северном и юго-восточном участках дюны верхний слой подстилался слоем сильно гумусированной супеси темного цвета (слой поздней бронзы), толщиной около 10 см, а в средней части раскопа зафиксированы лишь три его линзы неправильных очертаний. Хронологически образование данного слоя определяется содержанием в нем материалов времени поздней бронзы — раннего железа.

Ниже слоя поздней бронзы, а в центральной части раскопа непосредственно под верхним слоем, залегала серая супесь рыхлой структуры, мощностью от 50 до 60 см, подстилаемая мелкозернистым материковым песком светло-серого цвета. В супеси содержались материалы времени неолита и энеолита, а также эпохи ранней бронзы.

Следовательно, толщина культурных наслоений стоянки достигает 60-80 см, где статиграфически членились верхний слой, слой поздней бронзы и нижние супесчаные отложения. Последние нами разделены на нижний слой (более светлая супесь, по уровню залегания соответствует 4 штыку) и средний слой (нижний и верхний горизонты соответствуют 3 и 2 штыкам).

Несомненный интерес представляют прослои стерильного песка, залегавшие на разной глубине в системе заполнений двух ям (рис. 3, а, б). Наличие стерильных образований дает возможность говорить о перерывах в жизни стоянки.

В процессе раскопок выявлены ямы — остатки сооружений хозяйственно-бытового назначения. Лишь две из них (отмеченные выше) стратегически соответствуют концу сложения нижнего слоя. Яма-конструкция № 1 (рис. 3, а) врезана в материковый песок на 120-140 см. Пол неровный, имеет понижение к юго-западной стенке. Здесь выявлены остатки вертикальных столбов и плах в виде прямоугольника размерами 230×120 см. Вертикальные столбы были плотно подогнаны друг к другу и образовали стены конструкции. Плахами был выложен пол и, вероятно, перекрытие Остатки совершенно аналогичной конструкции залегали в основании другой ямы (рис. 3, б). Она углублена в материк на 138-140 см. Размеры конструкции — 200×110 см. Назначение

данных сооружений можно интерпретировать скорее всего в качестве продуктовых хранилищ. Сохранение дерева в условиях дюнной стоянки — явление чрезвычайно редкое, связанное с особенностями режима грунтовых вод в древности. Ранний возраст конструкций, наряду с данными стратиграфии, а также нахождением в их основании ямочной керамики долговского типа, подтвержден и результатами радиоуглеродного анализа, установившего дату — 5080±125 лет[1].

Большинство же выявленных ям стратиграфически соответствует среднему слою (рис. 2; 3, в). В заполнении и основании некоторых из них встречены фрагменты от сосудов позднеенеолитического облика — ямы №№ 4, 8, 12, а в яме № 11 — кремневый микронуклеус. Ряд ям имеет ступеньки или пологую стенку — указание на место входа (ямы № 5, 8, 12, 14, 25), а иногда — углубления от опорных столбиков, некогда поддерживавших перекрытия (ямы № 4, 10, 11, 12, 18) и зольные линзы толщиной от 8 до 20 см с бурым прокалом песка под ними (ямы № 8, 12, 18, 25, 26). Следы очагов выявлены также в основании сильно гумусированных линз, лежавших на стерильных песчаных прослоях, в свою очередь перекрывших остатки рассмотренных нами деревянных конструкций. Края линз выклинивались в толще среднего слоя (рис. 3 а, б). Все эти признаки позволяют отнести некоторые из перечисленных ям к остаткам жилищ. Стратиграфически они тяготеют к стыку нижнего и верхнего горизонтов среднего слоя, что должно соответствовать времени позднего неолита-энеолита. Основное возражение против интерпретации этих ям как остатков жилищ вызывают их кажущиеся на первый взгляд несообразно малые размеры. Однако необходимо учесть следующее: нижний и средний слои стоянки представили огромный керамический материал с многочисленными типологическими группами от неолита и до ранней бронзы. Здесь, например, найдено развалов и фрагментов более чем от тысячи сосудов, но и хронологический диапазон их бытования определяется не менее чем в два тысячелетия. Это обстоятельство не позволяет видеть в данном памятнике стационарное поселение (что подтверждается и местоположением — низкая пойменная дюна, малая по площади). Очевидно, стоянка Университетская-3 должна рассматриваться как группа широко бытовавших во времени сезонных промысловых стойбищ, в связи с чем более понятным становится и характер жилищ. Ими могли быть маленькие шалаши или ямы-лежанки с легкими навесами, размеры которых лимитировались не количеством членов общины, а одним-тремя рыболовами-охотниками или древними пастухами для временного укрытия. Размеры выявленных на стоянке ям вполне соответствуют такому назначению (в среднем их площадь около 3 м^2). К тому же, если за основу взять внешний диаметр ям (углубление могло быть занято, за исключением места под очаг, подстилкой из травы, камыша и т. п. свидетельством[2] чему служат сильно гумусированные заполнения в основании ряда ям), то полезная их площадь увеличится в среднем до 4 м^2, а некоторых (ямы № 5, 12) — почти до 5 м^2. По поводу размеров и форм древних жилищ интересные сведения приведены Г. Кларком. Так, в Греции на ранненеолитическом поселении Орхомена найдены остатки нескольких круглых жилищ диаметром от 2,1 до 6 м ((VI, с. 144); близкие по формам и размерам (диаметры 2,5-3 м) жилища, но значительно более позднего времени встречены при раскопках в Фонбюиссе — департамент Тар, Франция (VI, с. 148); коническая хижина

[1] Анализ произведен в Радиоуглеродной лаборатории ЛОИА, Л Е-1013.

[2] При вычислении взята средняя цифра от внешних и внутренних диаметров ям с учетом того, что органические останки могли гумуссировать какую-либо часть материкового песка, выбранного нами при зачистке. Ввиду этого и первоначальные углубления ям в материке могли быть на 10-15 см мельче.

«совсем небольших размеров» была выявлена в Фрауэнберге близ Марбурга — Германия (VI, с. 153). Дома поздненеолитической альтгеймской культуры (Германия) имели площадь не более 4-5 м^2 (VI, с. 168). Наконец, можно указать на жилища Гримспаунда, диаметр жилой площади которых колеблется от 1,95 до 4,65 м, причем предположительно они могли быть оставлены племенами, практиковавшими сезонный выпас скота (VI, с 168). Все отмеченные жилища носили временный, сезонный характер, и если их на стоянке встречалось несколько, то «трудно предполагать, что все они были заселены одновременно, имея в виду обычай охотников возвращаться в течение нескольких лет подряд на одну и ту же стоянку» (VI, с. 142). Остатки жилых сооружений, аналогичные университетским, встречаются и на восточноевропейской территории, в частности, при раскопках Н.Н. Гуриной неолитических стоянок Усть-Рыбежна-2 в Ленинградской области (II, с. 459, рис. 181) и Курмойла-1 в Карелии (II, с. 243, рис. 62). Следует, правда, заметить, что против жилого характера этих остатков категорически возражал, аппеллируя к их малым размерам, А.Я. Брюсов (I, с. 319). В качестве этнографической параллели таким жилищам, хотя и весьма отдаленной по времени, можно привести саамские вежи (иногда округлой формы, площадь которых в среднем составляла 9 м^2) и особенно круглые саамские рыбачьи куваксы, еще меньших размеров, служившие главным образом жилищами на местах рыболовного промысла (X, с. 88-108). В более же широком плане сам принцип устройства небольших временных жилищ на промысловых местах мы обнаруживаем у многих современных народов северной лесной полосы Европы и Азии (V, с.132-163). Таким образом, даже немногие приведенные нами примеры говорят о правомерности отнесения ряда ям на стоянке Университетская-3 к остаткам временных жилищ. Некоторые же ямы нижнего и среднего слоев стоянки имели скорее всего хозяйственное значение (ямы №№ 8, 17, 23, 14).

Совсем иное назначение ямы № 22. Форма ее — продолговато-овальная. Длина — 175, ширина — 80 см. Заполнение ямы имело характерную красноватую окраску благодаря содержанию охры. Окрашенная земля прослежена и выше основания, примерно до середины среднего слоя. Общая глубина ямы, таким образом, около 60 см. За исключением фрагмента человеческого зуба, здесь ничего не найдено. Надо полагать, что яма эта представляет собой остатки погребения, совершенного в слое стоянки в поздненеолитическое время

Основное достоинство стоянки выразилось в содержании большого количества керамического материала: три слоя представили развалы и фрагменты от 1154 сосудов, большинство из которых относится ко времени неолита и энеолита[1]. При работе с керамикой у нас появилась возможность оперировать не отдельными фрагментами, как единицей анализа, а сосудами, восстановленными графически или представленными венчиками, дающими понятие о формах. В то же время ними привлекается и фрагментарный материал для корректирования выводов по общей статистике, как стратиграфический, так и типологической.

Керамика неолитического облика представлена в большинстве своем горшками, в меньшем количестве — мисками и единичными экземплярами миниатюрных сосудиков.

По преобладанию тех или иных элементов орнамента и специфики их взаимосочетания выделяются четыре большие группы керамики: накольчато-гребенчатая (первая группа), ямочная (вторая группа), накольчато-ямочная или синкретическая

[1] В данной статье мы ограничиваемся рассмотрением только неолитического материала.

(третья группа), зубчато-гребенчато-ямочная (четвертая группа). Эти группы большей частью несут и своеобразные технологические признаки.

Первая группа. В орнаментации сосудов характерно преобладание накольчатого элемента в сочетании с одним или двумя рядами ямчатых вдавлений под краем венчика, реже встречается гребенчатый элемент, очень редко — прочерченный. Распространены сложно геометрические композиции орнамента. В тесте сосудов чаще имеется примесь песка, значительно реже — растительная примесь и шамот. Внешние поверхности сглажены до лощения. Распространен прием покрытия их ангобом. На внутренних сторонах — следы мелкой штриховки.

Вторая группа. Сосуды покрыты ямочным белемнитным орнаментом, изредка включающим ряды оттисков гребенчатого штампа, играющего подчиненную роль. Преобладают ямки «отступающим» приемом. В тесте сосудов — примесь мелко-крупного песка или толченого кварца (дресвы); поверхности, как правило, несут мелкую штриховку от заглаживания.

Третья группа. Специфическим признаком сосудов является накольчато-ямочный орнамент. В тесте их отмечается примесь мелкого песка, поверхности сглаживались до лощения.

Четвертая группа. Сосуды орнаментированы сочетанием зубчато-ямочного или гребенчато-ямочного элемента при подчиненной роли ямок. Сосуды, как правило, содержат примесь крупного песка или толченого кварца (дресвы).

Наряду с выделением больших групп, неолитические горшки по морфологическим признакам подразделяются на семь типов:

1-й тип — сосуды удлиненных пропорций с прямыми цилиндрическими стенками, сравнительно плавно переходящими в остроконическое дно.

2-й тип — сосуды колоколовидной формы с широко открытым верхом, плавно переходящим к острому или округлому днищу.

3-й тип — сосуды в. виде глубоких мисок, с несколько стянутыми во внутрь краями и выпуклым туловом, переходящим в острое дно.

4-й тип — сосуды с раздутым корпусом. сужающимся кверху и плавно переходящим в маленький прямой венчик. Остродонны. Иногда у сосудов выше средней части намечена ребристость.

5-й тип — сосуды с профилированным венчиком, отгибающимся наружу и плавно переходящим в несколько раздутое тулово. Степень отгиба венчика варьирует от едва намеченного до S-видного. Более характерна остродонность, но встречены и округловидные сосуды.

6-й тип — сосуды со средней высоты венчиком, прямым или идущим раструбом. Дно округло-коническое.

7-й тип — сосуды со сравнительно высоким желобчатым венчиком. Отмечена округло-коническая форма днищ.

Кроме того, нами выделены два типа мисок:

1-й тип (М-1) — сравнительно глубокие сосуды с раструбовидными стенками. Вероятнее всего — остродонны.

2-й тип (М-2) — приземистые сосуды со стянутыми вовнутрь краями и несколько раздутым яйцевидным туловом. Днища острые. Эти миски морфологически близки горшкам 3 типа: различия наблюдаются только в пропорциях.

В нижнем слое зафиксированы фрагменты от 204 сосудов, 141 из которых сравнительно четко классифицируется по форме. Они представлены всеми группами и 1,

2,4, 5-м типами горшков, а также 1-м типом мисок.

Из верхнего горизонта среднего слоя подвергнуты анализу 95 сосудов 1-5-го, 7-го типов и мисок 1-го типа.

Сосуды первой группы представлены 286 экземплярами, что составляет более чем половину от всего количества классифицируемых сосудов. Из них 86 — из нижнего слоя; 161 — из нижнего горизонта и 36 — из верхнего горизонта среднего слоя. Наиболее характерная форма для этих сосудов — I-й тип (166 экземпляров). Они изготавливались ленточным способом; ширина лент — 5-6 см. Края их при лепке приобретали косые срезы Сосуды средних размеров, с диаметром верха от 16 до 32 см, при толщине стенок — 0,4-0,7 см и реже — до 1 см Края без утолщений, заострены или скруглены и только в единичных случаях — прямо срезаны. Примешивание в тесто песка придавало сосудам значительную плотность. Поверхности имеют светло-коричневый и коричневый цвет. Внешние поверхности, как правило, залащивались; на внутренних — часто имеется мелкая горизонтальная штриховка. Следы штриховки прослеживаются и на внешних сторонах, «сквозь» лощение (поверхность предварительно обрабатывалась штампом, затем покрывалась слоем жидкого глиняного раствора и уже после этого подвергалалась лощению). Орнаментировались сосуды по всей поверхности, но в ряде случаев отмечаются свободные от орнамента зоны в средней или придонной части (рис. 5, 1).

Основным элементом орнамента служили наколы, имеющие широкие вариации форм, величины и методов нанесения. Чаще всего наколы имеют подтреугольную форму, но встречены также наколы округлые, каплевидные, «звездчатые» (т. е. образованные оттисками расщепленного торца штампа), спаренные подтреугольные наколы, наколы с уступчиками в углублениях и т. д. (рис. 4, 11, 13). Иногда наколы различных видов сочетаются в украшении одного сосуда (рис. 4, 13). Компоновались они или разреженно, или строчками в «отступающей технике». Следует отметить, что нанесение наколов отступающим приемом очень характерно для данных сосудов. Другие элементы орнамента немногочисленны. Среди них можно отметить оттиски мелкой гребенки, ямчатые вдавления, прочерченные линии. Очень важный признак сосудов — присутствие одного или двух рядов ямочных вдавлений под краем. Преобладают глубокие круглые ямки, затем угловатые, подтреугольные ямки, вдавления «подковкой» и т. д. Часто они наносились с наклоном по отношению к поверхности сосуда. Лишь у одного из сосудов (нижний горизонт среднего слоя) под краем расположен ряд «жемчужин», образованных вдавлениями с внутренней стороны. Украшение среза венчиков не характерно для этих сосудов.

Композиционные построения орнамента весьма многообразны. Прежде всего следует отметить треугольные фигуры, обычно сочетающиеся с горизонтально-строчечными рядами орнамента (рис. 5, 1, 4). Последние сами очень часто являются единственным построением узора на сосуде (рис. 5, 3), угольных фигур (рис. 4, 12), кососеточная композиция (рис. 4, 16). Определенную роль играет вертикально-диагональное расположение орнаментальных зон. В целом же ярко выступает геометризация стиля орнамента и его горизонтальная зональность. Сосуды эти аналогичны между собой на всех уровнях залегания, хотя можно отметить некоторое ослабление традиции лощения поверхностей в вышележащих слоях. Вместе с тем среди них необходимо отметить небольшое количество сосудов, имеющих в тесте растительную примесь. Найдены они только в нижнем слое. Орнамент, судя по ряду фрагментов, наносился по верхней части сосудов, иногда с заходом на внутреннюю сторону венчиков (рис. 4, 1-9).

Сосуды 2-го типа первой группы представлены всего двенадцатью экземплярами (3 — в нижнем слое. 7 — в нижнем горизонте и 2 — в верхнем горизонте среднего слоя) Технологические и орнаментальные признаки их идентичны сосудам вышерассмотренным (рис. 6, 7, 8; 7, 9).

Сосуды 3-го типа также единичны и встречены в среднем слое (7 — в нижнем и 2 — в верхнем горизонте). В тесте их, наряду с песком, встречается незначительная растительная примесь. Форма одного из этих сосудов графически восстанавливается (рис. 7, 4). Орнаментирован сосуд по всей поверхности отступающими наколами, образующими зональные треугольные композиции. Интересно отметить в орнаменте другого сосуда сочетание парных наколов с линиями из треугольных наколов и короткими гладкими насечками (рис. 8, 3).

Сосуды 4-го типа в основном тяготеют к нижнему горизонту среднего слоя — 20 экземпляров (в нижнем слое их найдено 3 и в верхнем горизонте среднего слоя — 1 экземпляр). В тесте сосудов примесь песка, и лишь у одного (рис. 6, 18) — растительная примесь. Для них характерен орнамент из наколов разнообразных форм, компонующихся очень густо и сплошь по всей поверхности. У десяти сосудов под краем имеются ямки. Распространено украшение среза венчиков (рис. 6, 9, 11-17).

Сосуды 5-го типа включают фрагменты от 39 сосудов (7 из нижнего слоя, 28 — из нижнего горизонта и 4 из верхнего горизонта среднего слоя). Некоторые сосуды графически реконструированы (рис. 8, 6; 10, 2-6, 8). В тесте их примесь песка, реже — шамота; поверхности коричневого цвета, со следами штриховки. Характерно тщательное их сглаживание до лощения. Срез венчиков закруглен или приострен. Орнаментировались сосуды от края и до дна накольчатым элементом (86%), обычно треугольной формы. Орнаментальные элементы составлены в строчки, реже «елочкой». В ряде случаев орнамент имеет сложные «плетеные» композиции. Часто украшался и срез венчика (61%). У многих сосудов под краем размещены ряды ямочных вдавлений (около 54%). Как было отмечено, сосуды данного типа наиболее характерны для нижнего горизонта среднего слоя.

Несколько особняком стоит сосуд с S-видным профилем, украшенный по верхней части прочерченными линиями и рядом маленьких неровных ямок, ниже которых расположены треугольники вершинами вниз, заполненные треугольными наколами. По срезу венчика нанесены углубления; остальная поверхность сосуда покрыта «плетеной» штриховкой (рис. 11, 5).

К первой группе керамики относятся и все найденные миски (за исключением двух экземпляров, имеющих признаки второй группы).

Миски 1-го типа тяготеют к нижней части слоя (8 найдены в нижнем слое, 10 — в нижнем горизонте и 1 — в верхнем горизонте среднего слоя). Они различной величины, с диаметром верха от 11 до 30 см. Технологические и орнаментальные признаки мисок полностью соответствуют сосудам 1-го типа этой же группы (рис. 6, 22-24). В частности, надо отметить, что в тесте трех мисок, найденных в нижнем слое, имеется растительная примесь.

Миски 2-го типа в количестве 13 экземпляров встречены только в нижнем горизонте среднего слоя. За исключением формы, они ничем не отличаются от мисок 1-го типа.

Сосуды второй группы (рис. 7, 1-3, 5, 8; 9, 11, 12) представлены фрагментами и развалами в количестве 122 экземпляров, из них 24 — из нижнего слоя; 77 — из нижнего горизонта и 21 — из верхнего горизонта среднего слоя. Для данной группы наиболее характерны сосуды 2-го (48 экземпляров), 1-го (32 экземпляра) и 4-го (22 эк-

земпляра) типов. Сосуды же других типов единичны. По технологическим признакам все они в целом близки сосудам первой группы. Однако здесь больше тонкостенных (0,4-0,5 см) с темно-серыми поверхностями горшков, диаметры устья некоторых не превышают 20 см. В тесте всех сосудов наблюдается примесь мелкого песка. В орнаментации преобладает ямочный элемент; значительно реже он сочетается с отпечатками гребенчатого штампа. Для сосудов типичны «жемчужины» под краем, а также украшение среза венчика. Если 2-й тип сосудов вообще характерен для неолита ямочно-гребенчатой керамики более северных территорий, то такие признаки, как разнообразие форм ямок, нанесение их нередко поверхностно и в «отступающей» технике, прямостенная форма сосудов (1-й тип), заставляют предполагать зависимость данной группы от традиций изготовления сосудов первой группы.

Третья группа сравнительно малочисленна (34 экземпляра сосудов), но чрезвычайно интересна по своему синкретическому облику, впитавшему признаки двух предшествующих групп. Основное залегание сосудов приурочено к среднему слою (3 — из нижнего слоя, 24 — из нижнего горизонта и 7 — из верхнего горизонта среднего слоя). Для них более характерен 5-й (12 экземпляров), 3-й (8 экземпляров) и 4-й (7 экземпляров) типы. В тесте сосудов примесь мелкого песка, цвет поверхностей темно-коричневый. Поверхности несут следы штриховки, но некоторые хорошо сглажены, края ровно срезаны В орнаменте сочетаются накольчатые и круглоямочные элементы, образующие пышные композиционные построения геометрического стиля (рис. 7, 5, 7; 8, 4; 10, 7, 9).

Четвертая группа представлена развалами и фрагментами от 53 сосудов (4 — из нижнего слоя, 28 — из нижнего горизонта и 21 — из верхнего горизонта среднего слоя). Наиболее характерен для них 5-й тип (31 экземпляр), затем — 7-й (10 экземпляров) и 2-й (6 экземпляров). Остальные типы сосудов представлены единичными экземплярами. Примесь толченого кварца и крупного песка в тесте этих сосудов столь значительна, что выступает на поверхности. В то же время они хорошо сглажены, до лощения. Цвет сосудов коричневый, иногда с красноватым оттенком. Некоторые сосуды графически реконструированы (рис. 11, 3, 4; 12, 1-9). В орнаменте преобладает поверхностный крупнозубчатый штамп; ямки и мелкогребенчатый штамп играют явно подчиненную роль.

Сопоставляя керамический материал стоянки по уровням залегания, можно наблюдать определенные изменения процентного содержания выделенных нами типов и групп, а также качественные их изменения, что служит важнейшим условием для выделения хронологических этапов неолита стоянки и реконструкции проходивших здесь этнокультурных процессов.

Как вытекает из анализа, нижний слой представлен абсолютным большинством сосудов 1-го типа группы накольчатой керамики, из которых сосуды с растительной примесью в последующих слоях не встречаются совсем. Видимо, их следует признать наиболее ранними, соответствующими первому неолитическому этапу. К этому же времени можно отнести и миски с растительной примесью, найденные только в нижнем слое стоянки.

Аналогичные сосуды, но с плотным тестом по уровню залегания тоже тяготеют к нижнему слою стоянки, по крайней мере, они не составляют абсолютного большинства в последующих слоях (38% для верхнего горизонта среднего слоя). Их безусловно можно рассматривать как результат прямого развития местного неолита, а вместе с тем и как основополагающий признак для выделения второго его этапа. Видимо,

одновременно с названными горшками на стоянке появляются миски 1-го типа. Дальнейшее развитие неолита отражается в появлении новых групп и типов керамики, главным образом сосудов 2-го типа второй группы, а также сосудов 4-го и 5-го типов. Абсолютное их большинство приходится уже на нижний горизонт среднего слоя. С появлением на стоянке ранней ямочно-гребенчатой керамики происходит процесс взаимовлияния местных традиций и традиций культур более северных территорий, что наглядно иллюстрируется спецификой сосудов третьей группы. Интересно отметить, что эта группа включает сосуды пятого типа, ни разу не давшие в «чистом» виде ямочно-гребенчатой орнаментации. Данный факт — прямое свидетельство развития их на базе прямостенных сосудов с накольчатым орнаментом. Вероятно, эту же основу имеют и сосуды 4-го типа.

Последовательность в появлении на стоянке посуды отмеченных трех типов не поддается определению, но все они по статистико-сгратиграфическим данным следуют за сосудами 1-го типа первой группы и тем самым могут отражать третий этап развития неолита. Вероятно на этом этапе появляются и сосуды со стянутым верхом (горшки 3-го и миски 2-го типов).

Начиная с нижнего горизонта среднего слоя стоянки, фиксировались группы керамики, которые связаны уже с энеолитическими культурами — «воротничковые» сосуды приазовского типа, сосуды среднестоговского, репинского и позднеямного облика. Судя по всему, с этими материалами, по крайней мере частично, синхронизируется и неолитическая керамика, главным образом сосуды четвертой группы 4-7-го типов, основная территория распространения которых лежит на севере и северо-западе от Среднего Подонья. Таким образом, данная керамика на стоянке должна рассматриваться уже как явление пережиточного неолита и определять собой следующий, четвертый неолитический этап.

Каменный инвентарь стоянки весьма малочислен: найдено всего 265 кремневых и кварцитовых орудий и их обломков и примерно столько же ощепов и сколов. Данное обстоятельство еще раз свидетельствует в пользу того, что мы имеем дело с группой сезонных стойбищ, а не со стационарным поселком. Материалом для изготовления орудий, наряду с кварцитом, служил низкопробный плитчатый и валунный кремень, обработка которого связана с довольно трудоемкими технологическими процессами. Это в значительной степени обусловлено отсутствием на донской территории месторождений качественного кремня. В прямом отношении к названной причине находится и многократно встреченный на стоянке прием реутилизации каменных изделий. В то же время на стоянке найдена группа орудий, сделанных из качественного мелового кремня, ближайшие месторождения которого отмечены лишь в районе Среднего Поосколья, у г. Валуйки.

Нижний слой содержал 54 изделия. Наибольшее количество из них (22 экземпляра) составляют скребки. Сделаны они на небольших отщепах путем крутого ретуширования краев. Найдено также 5 микроскребков (рис. 13, 22-24). Типичные концевые скребки на пластинах представлены всего тремя экземплярами, остальные скребки — круговые. Среди круговых скребков морфологически выделяются несколько типов: круглые, удлиненно-овальные, прямоугольные, прямолезвийные. Часть скребков атипична. Помимо собственно скребков имеются скребки, комбинированные с ножами (рис. 16, 6-8).

Другую группу орудий составляют наконечники стрел и дротиков. Один из них сделан на пластине с подправкой отжимной двустворчатой ретушью (рис. 14, 10). Второй наконечник сделан на кремневой плитке (рис. 14, 5). Остальные - на отщепах

техникой двустороннего отжима с предварительной обработкой заготовок техникой оббивки (рис. 14, 2, 3, 8).

Другие изделия из нижнего слоя немногочисленны. Среди них можно отметить проколки (рис. 13, 35), резцы (рис. 13, 25), нож на пластине (рис. 15, 9), пилку (рис. 15, 15), острие. Вкладышевые орудия представлены трапецией, пластиной с притупленным краем (рис. 13, 15), пластиной со скошенным концом (рис. 13, 10), сегментом (рис. 13, 20), а также двумя микропластинами и сечением пластины (рис. 13, 16, 19).

Помимо отмеченных изделий в слое найдены два микронуклеуса для скалывания пластин (один из них — кварцитовый) и три нуклеуса для производства отщепов.

Находки отщепов и сколов немногочисленны.

Нижний горизонт среднего слоя содержал 102 каменных изделия. Как и в нижнем слое, здесь наиболее многочисленны скребки — 37 экземпляров. Из них только 3 скребка концевые (рис. 16, 13), остальные отнесены к круговым. Размеры и формы их аналогичны скребкам из нижнего слоя (рис. 16, 12, 14, 16, 19, 22), дополнительно к выделенным типам можно отнести еще лишь тип полукруглых скребков, не встреченных ранее. Найдены здесь и миниатюрные скребки (рис. 13, 21).

Сравнительно устойчивую группу составляют скребки, комбинирующиеся с ножами. Сделаны они на ножевидных пластинах и удлиненных отщепах.

Небольшую группу (в количестве 5 экземпляров) составляют скребки-резаки, у которых ретушь нанесена по противоположному от ударного бугорка тонкому краю (рис. 13, 30, 31).

Наконечники стрел и дротиков представлены 14 экземплярами. Два из них позднемезолитического типа, сделаны на пластинах с выделением черешка ретушью (рис. 14, 11, 12). Остальные сделаны на отщепах двусторонней оббивкой с последующим ретушированием краев (рис. 14, 1, 9, 15). По формам эти наконечники можно разделить на несколько типов: листовидные, треугольные, подромбические. Один из наконечников имеет выделенный черешок, а другой — слегка намеченный шип. Своеобразен наконечник копья из желтого плитчатого кремня, который функционально мог служить и кинжалом (рис. 14, 9).

Из других изделий здесь найдены сверла-развертки (рис. 13, 39), проколки (рис. 13, 38), острия, ножи на пластиках (рис. 15, 4, 5), пилки (рис. 15, 13), топорик (рис. 16, 2), резец. Из вкладышевых орудий можно выделить трапецию (рис. 13, 18), пластину со скошенным концом, пластину с притупленным краем и геометрический вкладыш в виде параллелограмма (рис. 13, 13). В небольшом количестве найдены микропластины и их сечения.

Нуклеусы представлены 4 экземплярами. Один из них конусовидный с миниатюрным огранением (рис. 13, 3), остальные — ядрища для производства отщепов. Находки отщепов и сколов немногочисленны.

Верхний горизонт среднего слоя представил 62 кремневых и кварцевых орудия. Скребки найдены в количестве 18 экземпляров (рис, 16, 17, 18). Все они средних размеров, сделаны на отщепах, и лишь в двух случаях — на пластинах. Последние являются концевыми, а все остальные скребки — круговые. Большинство их атипичны. Лишь единичными экземплярами представлены круглый, удлиненно-овальный, прямолезвийный и полукруглый типы скребков. В небольшом количестве встречены скребки-ножи и скребки-резаки (рис. 13, 29, 32).

Наконечники стрел найдены в количестве 6 экземпляров — листовидной, треугольной и черешковой форм. Два наконечника имеют в основании выемку (рис. 14,

23, 25). В слое найдены также проколки (рис. 13, 26), пилки (рис. 15, 12, 14), острия (рис. 13, 33), ножи на пластинах (рис 15, 11), топорик (рис. 16, 1), два кремневых тесла (рис. 16, 4), сверло.

В верхнем горизонте больше, чем в предыдущих слоях, представлены микронуклеусы для производства пластин и отщепов (рис. 13, 6-9), но в то же время количество отщепов, сколов и микропластин остается ничтожно малым.

Небольшой процент кремневых и кварцитовых орудий содержался в слое поздней бронзы и в верхнем слое, а также и заполнениях некоторых ям Часть из этих орудий, вероятно, могла попасть сюда случайно, как, например, микронуклеус из верхних слоев (рис. 13, 5), а также обломок пластины со скошенным концом (рис. 13, 11), которые типологически увязываются с нижележащими слоями; другие же изделия — скребки (рис. 16, 20, 21), проколки, пилки — нередко встречаются на стоянках эпохи бронзы и более позднего времени. В заполнении ямы № 2 (с деревянной конструкцией), в линзе с остатками очага найдена небольшая стрелка с глубокой выемкой в основании (рис. 14, 24). В заполнении другой ямы-жилища находилась заполированная пяточка, вероятно, от наконечника копья. В целом немногочисленность кремневых изделий стоянки, особенно орудий средств производства, позволяет нам только в общих чертах проследить культурные и хронологические явления, имевшие место в истории стоянки.

Одним из объединяющих признаков кремневого материала из разных слоев стоянки является значительный процент орудий, сделанных на пластинах, хотя количество их и сокращается в каждом из вышележащих слоев. Так, в нижнем слое орудия на пластинах составляют 35% от общего числа орудий, в нижнем горизонте среднего слоя — около 25%, а в верхнем горизонте — около 16%. Из этого следует, что традиция изготовления орудий на пластинах более характерна для ранних этапов неолита.

Некоторые из орудий имеют микролитический облик. К ним относятся миниатюрные скребочки, круговые и концевые. Встречены они только в нижнем слое и нижнем горизонте среднего слоя.

С нижними же слоями связаны находки микроорудий- вкладышей геометрических форм-трапеций, сегментовидного вкладыша-скребка, параллелограммов, пластин со скошенным концом, пластинок с притупленным краем. К ним можно отнести и сечения пластин со следами употребления. Послойное соотношение этих изделий, включая и микронуклеусы, выглядит следующим образом: 50% в нижнем слое, 36% — в нижнем горизонте среднего слоя, и 14% — в верхнем. Если же взять их в отношении к находкам внутри каждого слоя, то процент еще более изменится в пользу нижнего слоя, где он составит 26%, в нижнем горизонте всего около 10%, а в верхнем горизонте около 6,5%. Из этого можно сделать вывод, что вкладышевые орудия (рис. 17, 16), три «выпрямителя»-абразива с желобками геометрических форм, как и в целом микролитический инвентарь, соответствовали ранним этапам неолита, выделенным нами на основании накольчатой керамики 1-го типа.

Раний облик имеют и другие типы орудий, такие, как боковой резец на пластине, концевые скребки на грубоватых пластинах, округлые скребки на небольших отщепах и т. д.

Из относительно больших серий орудий к нижнему слою тяготеют скребки круглые, прямоугольные, прямолезвийные; наконечники стрел двух типов — иволистые на пластине и листовидные, двусторонне обработанные.

Со средним слоем связаны полукруглые, атипичные и концевые скребки; листо-

видно-черешковые, ромбические и ромбовидно-черешковые наконечники стрел (треугольные наконечники стрел, в том числе с выемкой в основании тяготеют к верхнему горизонту этого слоя); ножи на пластинах средних и крупных размеров; сверла-развертки, пилки из плитчатого кремня, кремневые топорики и тесла.

Некоторые типы орудий равномерно распределены по слоям, такие, как например, скребки-ножи; другие же вообще единичны, ввиду чего ими можно оперировать лишь с точки зрения типологической.

Орудия из мягких пород камня на стоянке очень малочисленны. В нижнем слое найдены терочник (рис. 17, 14), обломок грузила (рис. 17, 6), обломки сланцевого желобчатого тесла (рис. 17, 1) и кайловидного орудия из песчаника (рис. 17, 19). Принадлежность тесла к нижнему слою типологически не бесспорна. На поселениях других территорий появление желобчатых тесел соответствует уже заключительным фазам неолита и энеолита и переходу к эпохе бронзы. Грузило имеет неправильную усеченно-коническую форму и узкое отверстие, в котором сохранился кусочек окаменевшего волокна.

В нижнем горизонте среднего слоя найдено семь предметов: два терочника (рис. 17, 11, 13), плитка-наковальня (рис. 7, 22), два обломка полированных сланцевых тесел (рис. 7, 2, 3), обломок сверленого топора (рис. 17, 18) и плоский полированный камень своеобразной формы (рис. 17, 5). Аналогичный по форме предмет, только более массивный, найден в верхнем горизонте слоя (рис. 17, 4). Кроме того, в верхнем горизонте залегали обломок сверленого топора с каннелюрами катакомбного типа (рис. 17, 17), бусина из зеленоватого камня (рис. 17, 7), грубо оббитый остроконечник (рис. 17, 16), три «выпрямителя»-абразива с желобками (рис. 17, 8-10) и пест (рис. 17, 12).

Отдельные типы перечисленных орудий вполне могут увязываться с керамическими и кремневыми комплексами стоянки, относящимися к поздненеолитическому времени.

Глиняные поделки со стоянки единичны. В нижнем слое их вообще нет. В нижнем горизонте среднего слоя найдены небольшое шариковидное грузило (рис. 17, 20) и, возможно, «стиль» для нанесения орнаментальных ямок на сосуды (рис. 17, 21). В верхнем горизонте найдено четыре пряслица. Одно из них имеет усеченно-биконическую форму, другое — неправильно шаровидную, и два плоских пряслица.

Установление культурно-хронологических критериев для рассмотренных материалов стоянки возможно при сопоставлении с материалами неолитических культур сопредельных территорий, главным образом лесостепных.

Для первых двух этапов местного неолита, как было отмечено, ведущими признаками являются прямостенные сосуды с накольчатым орнаментом, растительной примесью, а затем без нее, техника изготовления кремневых орудий из пластин, микролитоидность орудий при наличии геометрических форм. Сосуды, характеризуемые прямостенностью, с близкими технологическими и орнаментальными признаками встречены в днепро-донецкой культуре: первый период — по Д.Я. Телегину, или II-III фазы — по В.Н. Даниленко (XVII, 17, 48, рис. 132; IV, с. 31, 33, рис. 5). Туда же ведут и аналогии формам мисок (IV, с. 333; рис. 5). Можно найти общие признаки и с неолитически материалами лесостепного Поволжья, где отступающие накольчатые вдавления в орнаментации сосудов составляют примерно такой же процент, как и у местной посуды на втором этапе (свыше 70%, XXII, с. 41, 52). Близки и некоторые композиционные построения орнамента, в частности, так называемая «плетенка» (XXII, с. 52, 53, рис. 12).

В то же время керамический материал двух названных территорий несет ряд су-

щественных отличий. Днепро-донецкие сосуды имеют массивные «заполненные» днища, крупные расчесы на поверхностях от заглаживания, а в орнаментации — преобладание гребенчатого и прочерченного элементов, что совершенно не типично для ранней местной посуды как не типичны срезанные вовнутрь края, вогнутые донца, «пачкающиеся» поверхности среднеповолжских сосудов. Местной спецификой можно считать разнообразие вдавлений под краем сосудов и в целом — видов наколов.

Выше говорилось, что одним из ведущих признаков кремневого материала Университетской стоянки является большой процент орудий, сделанных на пластинах. На территории лесной зоны в эпоху неолита орудия в подавляющем большинстве делались на отщепах (XXI, с. 159; III, с. 110). Отдельные же их типы, сделанные на пластинах, скорее могут рассматриваться как явление переживания мезолитических традиций. В неолите лесостепи наоборот, техника расщепления кремня на пластины играла очень большую роль. Так, если в культуре Предуралья она являлась подавляющей (VII, с. 72), то на Средней Волге на ранних этапах неолита она составляла значительный процент, близкий к нашему (XXII, с. 50, 51, таблица А). Примерно такое же соотношение орудий на пластинах и отщепах наблюдается в материалах украинских стоянок днепро-донецкой культуры (XIII, с. 126). Весьма показательно и сопоставление микролитичных орудий, включающих геометрические формы. О значительной древности некоторых из них, помимо статистико-статиграфических данных, свидетельствует и их архаичный облик. Так, например, пластины со скошенным концом, пластинки с притупленным ретушью краем характерны для большинства мезолитических памятников волынско-подольской группы на Украине (XVI, с. 99 и след.). Другие орудия, как, например, высокие трапеции, получили широкое распространение в позднемезолитических материалах бассейна Средней Десны (IX, с. 95, рис. 4), а в единичных экземплярах встречены и на Северском Донце (XXIII, с. 54, рис. XVI, с. 100, рис. 1). На Северском Донце известны также находки сегментовидных орудий (XVI, с 100, рис. 1; XXIII, рис. 16), в целом типичных для более южных районов. Многие из перечисленных орудий найдены и в Среднем Поосколье (XI, с. 11, рис. 2). Вместе с тем, все эти орудия доживают до ранних и даже развитых стадий неолита днепро-донецкой культуры. Например, микрофасеточный нуклеус, пластина со скошенным концом, пластина с притупленным краем найдены в нижнем горизонте стоянки Устье Оскола-2 (XV, с. 185), пластины со скошенным концом и притупленным краем содержались в материалах стоянки Бондариха-2 (XVII, с. 531, XIII) и ряда других стоянок Левобережной Украины. Ранний облик имеют и другие орудия Университетской стоянки, такие, как боковой резец на пластине, концевые скребки на грубоватых пластинах и т. п.

Большинство из перечисленных изделий, как мы видим, характерно для ранних этапов днепро-донецкой культуры. В более восточных районах лесостепи (в ранних комплексах волго-камской культуры) они неизвестны. Другие типы орудий, общие для названных культур, — скребки-ножи, проколки на пластинах, сверла, атипичные резцы на отщепах, концевые скребки, округлые двусторонне ретушированные ножи на пластинах, и т. д. — имеют широкий территориальный и хронологический охват и не всегда могут служить показателями конкретной культуры. Приведенная параллель отнюдь не снимает вопроса об отнесении неолитических материалов Университетской стоянки к своеобразной культуре, характеризуемой прежде всего спецификой керамических признаков Она скорее указывает на общность только одного из генетических компонентов этих культур — мезолитической традиции пришлых южных

культур (XVI, с. 97, 98), поскольку следов второго компонента, слагающего днепро-донецкую культуру (традиции автохтонного мезолита макролитического облика) в университетских материалах не прослеживается. Вместе с тем имеющиеся черты сходства дают надежную опору для синхронизации неолита лесостепных территорий.

Материалы первого этапа неолита Университетской III стоянки находят аналогии в ранних комплексах стоянок Грини, Никольская Слободка-2 и т. д., относимых к первому периоду днепро-донецкой культуры (XVII, с. 48), т. е. могут датироваться рубежом V-IV тысячелетий до нашей эры (XVII, с 198; XVIII, с. 127).

Начало второго этапа местного неолита предположительно можно отнести к первым векам IV тысячелетия, а верхний его хронологический рубеж достаточно четко фиксируется появлением ранней керамики долговского типа (2-й тип второй группы) и целого ряда кремневых орудий, в частночти, листовидных и ромбовидных наконечников стрел, дротиков и копий, происхождение которых из среды культур лесной полосы не вызывает сомнений. Керамика долговского типа в свое время датирована второй половиной IV — началом III тысячелетия до н. э. (VIII, с. 247). Близкая дата предложена и для ямочной керамики северо-восточной Украины (XV, с. 32, XVII, с. 193; IV, с. 37-45). Думается, что местная керамика такого же типа, с учетом полученной абсолютной даты (5080±125), должна определяться третьей четвертью - концом IV тысячелетия. Вместе с появлением северных материалов начинает складываться смешанный тип посуды (третья группа) — новое качественное проявление местного неолита и ведущий признак для выделения его третьего этапа. Четвертый (пережиточный) этап по своему содержанию представлен чужеродными материалами, происходящими из среды развитых и поздних культур Волго-Окского неолита (четвертая керамическая группа, часть каменных изделий позднего облика — наконечник стрелы с пильчатой ретушью беломорского типа, ножи на средних и крупных пластинах, скребки, пилки и др.). Начало его, судя по аналогиям, следует датировать первыми веками III тысячелетия (III, с. 153; XIX, с. 121), а заключительные фазы — концом этого же тысячелетия.

Предложенный к освещению материал стоянки Университетская-3 отражает, как убеждают нас исследования других среднедонских памятников, общие тенденции протекавших здесь событий, в связи с чем он может служить важным источником для изучения неолита Восточноевропейской лесостепи.

Литература

LII. — Брюсов А.Я. Рец. на кн. Н.Н. Гуриной «Древняя история северо-запада европейской части СССР». — СА, 1963, № 1.

LIII. — Гурина Н.Н. Древняя история северо-запада европейской части СССР. — МИА. 1966. № 87.

LIV.— Гурина Н.Н. Неолит лесной и лесостепной зон европейской части СССР. — МИА. 1970. № 166.

LV. — Даниленко В.Н. Неолит Украины. Киев, 1969.

LVI. — Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л., 1961.

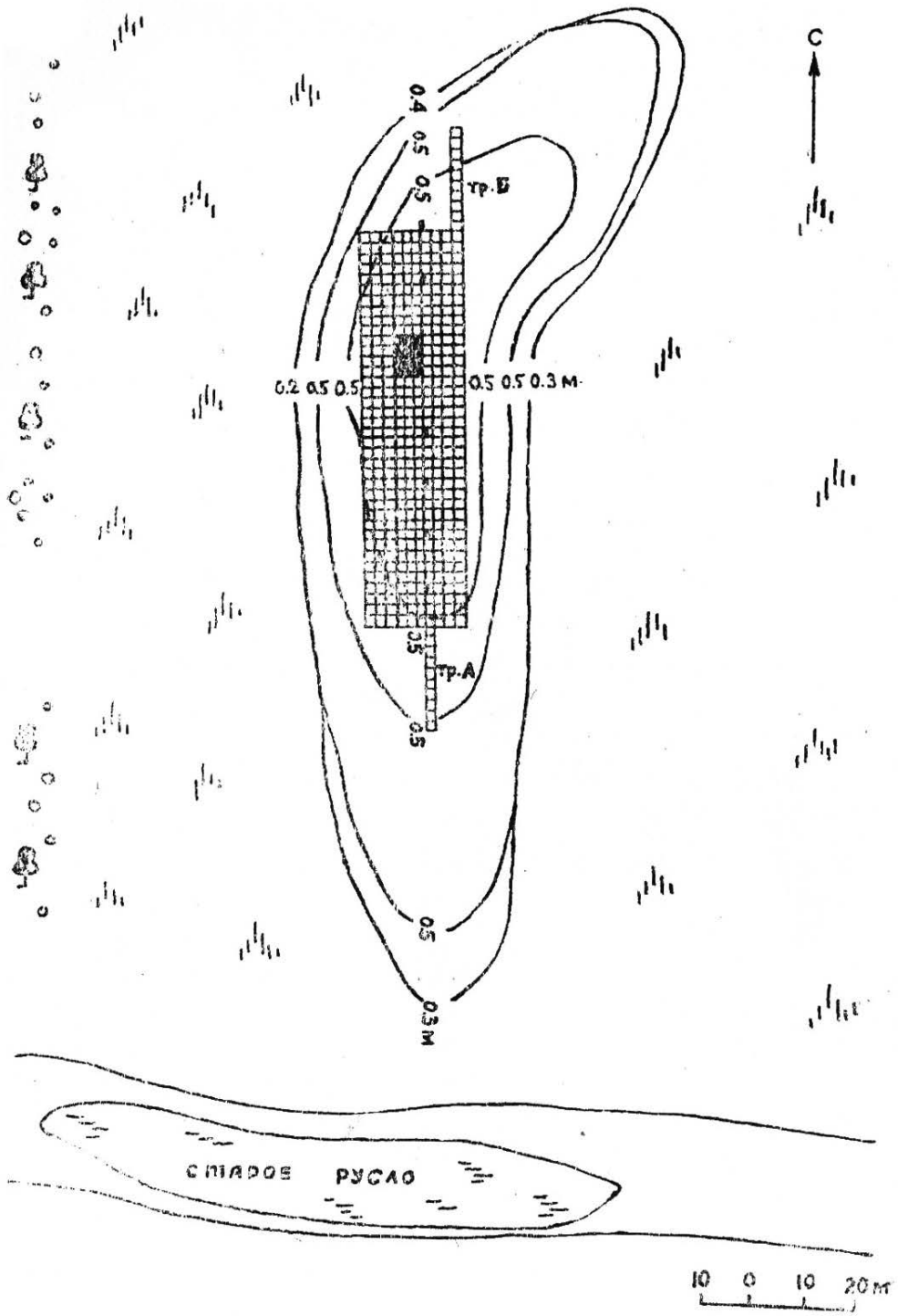
LVII. — Кларк Г. Доисторическая Европа. М., 1953.

LVIII. — Крижевская Л.Я. Неолит Южного Урала. — МИА, 1968, № 141.

LIX. — Левенок В.П. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону. — МИА, 1965, № 131.

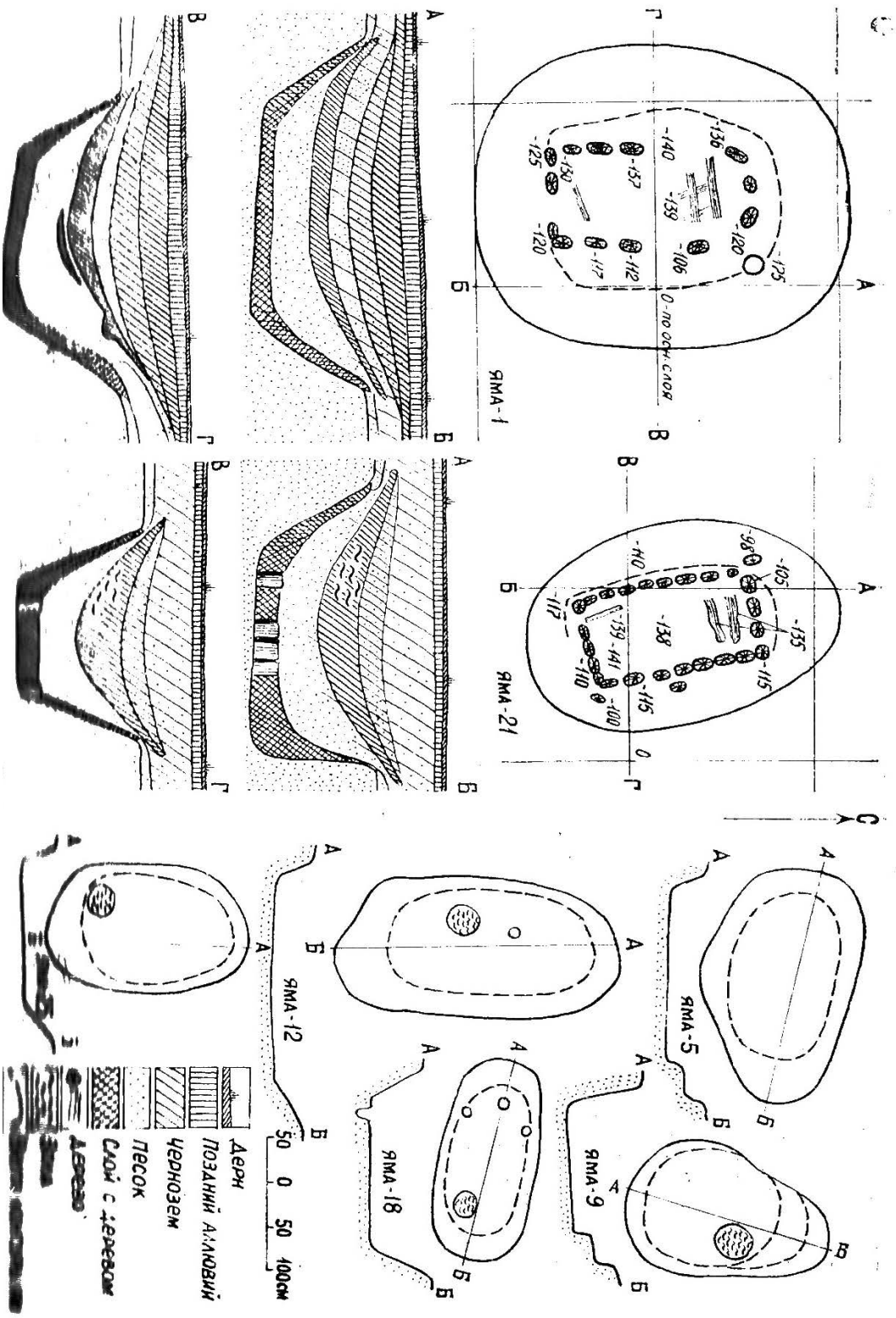
LX. — Левенок В.П. Мезолит среднерусского Днепровско-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры. — МИА. 1966. № 126.

LXI. — Лукьянченко Т.В. Материальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX—XX вв. М., 1971.
LXII. — Пряхин А.Д., Синюк А.Т., Денисенко Г.Ф. Шелаевские стоянки на Среднем Осколе. — В кн.: Из истории Воронежского края. Воронеж, 1969.
LXIII. — Синицын И.В. Археологические памятники северо-западного Прикаспия. — Труды Саратовского музея, вып. 3. Саратов, 1960.
LXIV. — Телегін Д.Я. Неолітічна стоянка в ур. Бондариха. Археологія, т. IX, Київ, 1954.
LXV. — Телегин Д.Я. Раскопки неолитических стоянок в устье р. Оскол. — МИА, 1960, № 79.
LXVI. — Телегин Д.Я. О хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины. — СА, 1962, № 4.
LXVII. — Телегин Д.Я. Мезолит Левобережной Украины и его место в сложении днепровско-донецкой неолитической культуры. — МИА. 1966, № 126.
LXVIII. — Телегін Д.Я. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968.
LXIX. — Телегін Д.Я Дніпро-донецька культура. В кн.: Археолгія Української РСР, т. I, Київ, 1971.
LXX. — Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР, Л., 1972.
LXXI. — Формозов А.А. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
LXXII. — Фосс М.Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. — МИА, 1952, № 29.
LXXIII. — Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
LXXIV.— Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1964.



Общий план раскопа

Рис. 1. Глазомерный план стоянки Университетская-3.


ЯМА-1
ЯМА-21
ЯМА-5
ЯМА-9
ЯМА-12
ЯМА-18
Дерн
Поздний аллювий
Чернозем
Песок
Слой с деревом
50 0 50 100см

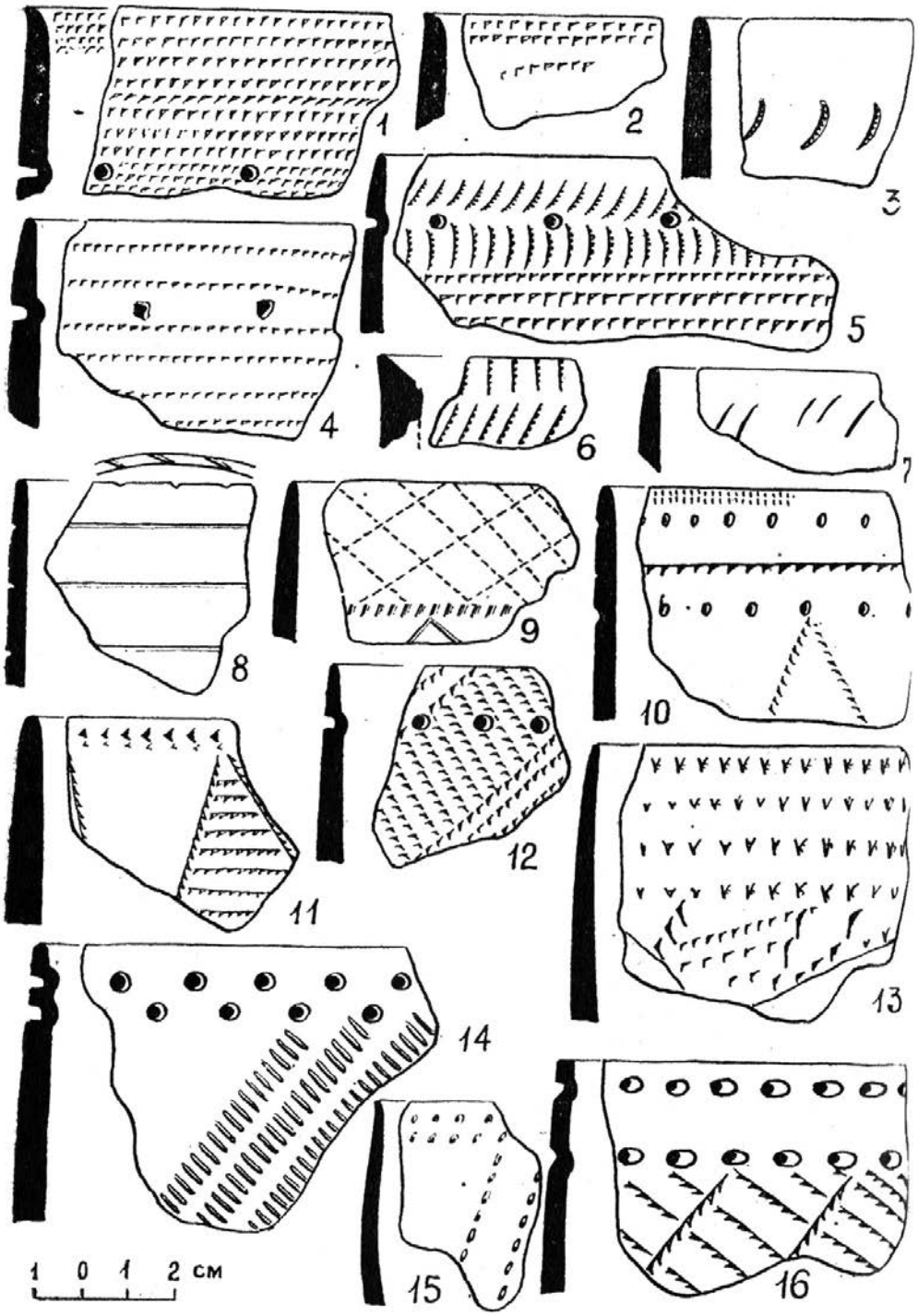


Рис. 4. Стоянка Университетская-3. Фрагменты сосудов из нижн слоя.

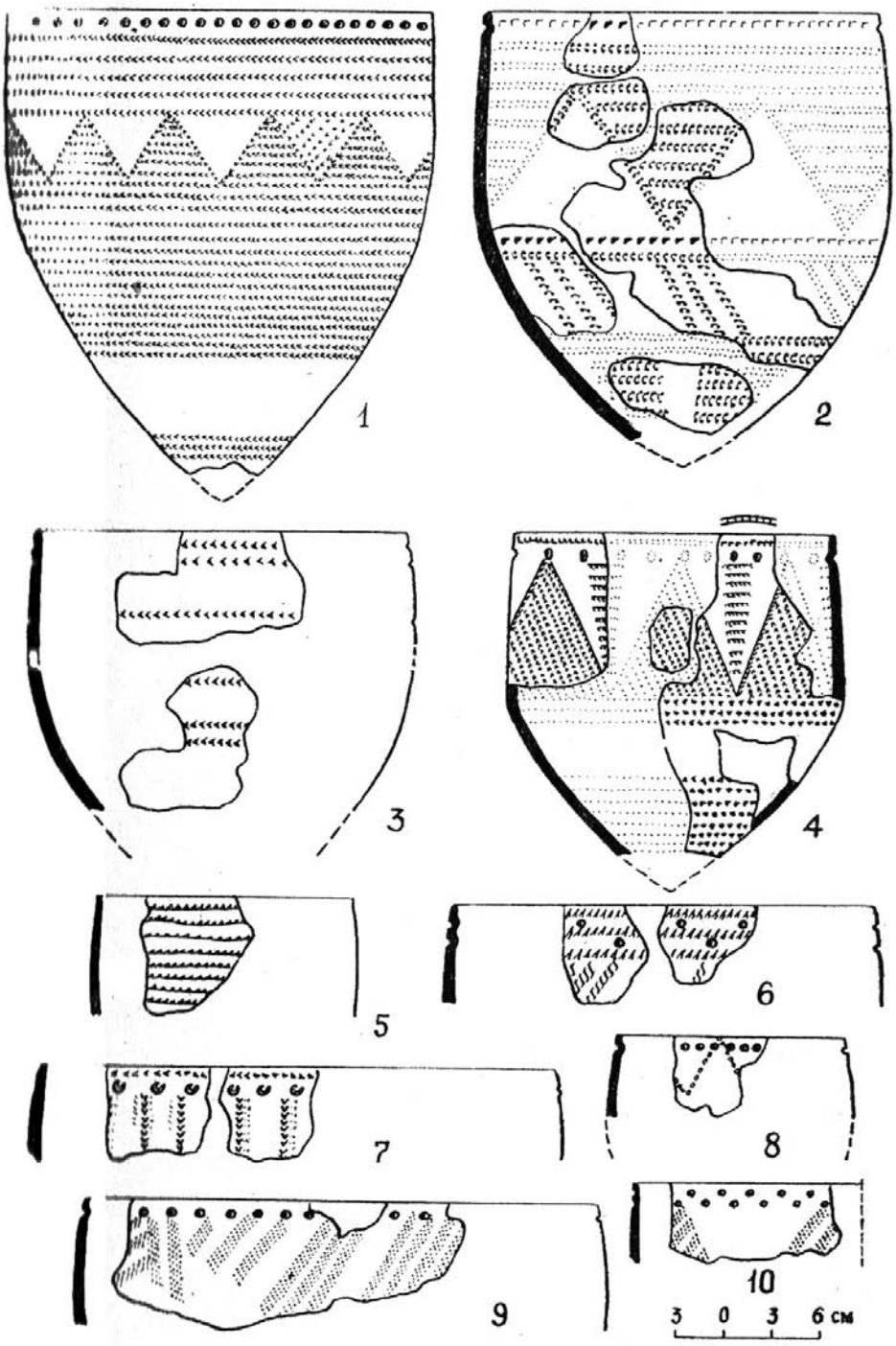


Рис. 5. Стоянка Университетская-3. 1, 2 — сосуды из нижнего слоя; 10 — сосуды из нижнего горизонта среднего слоя.

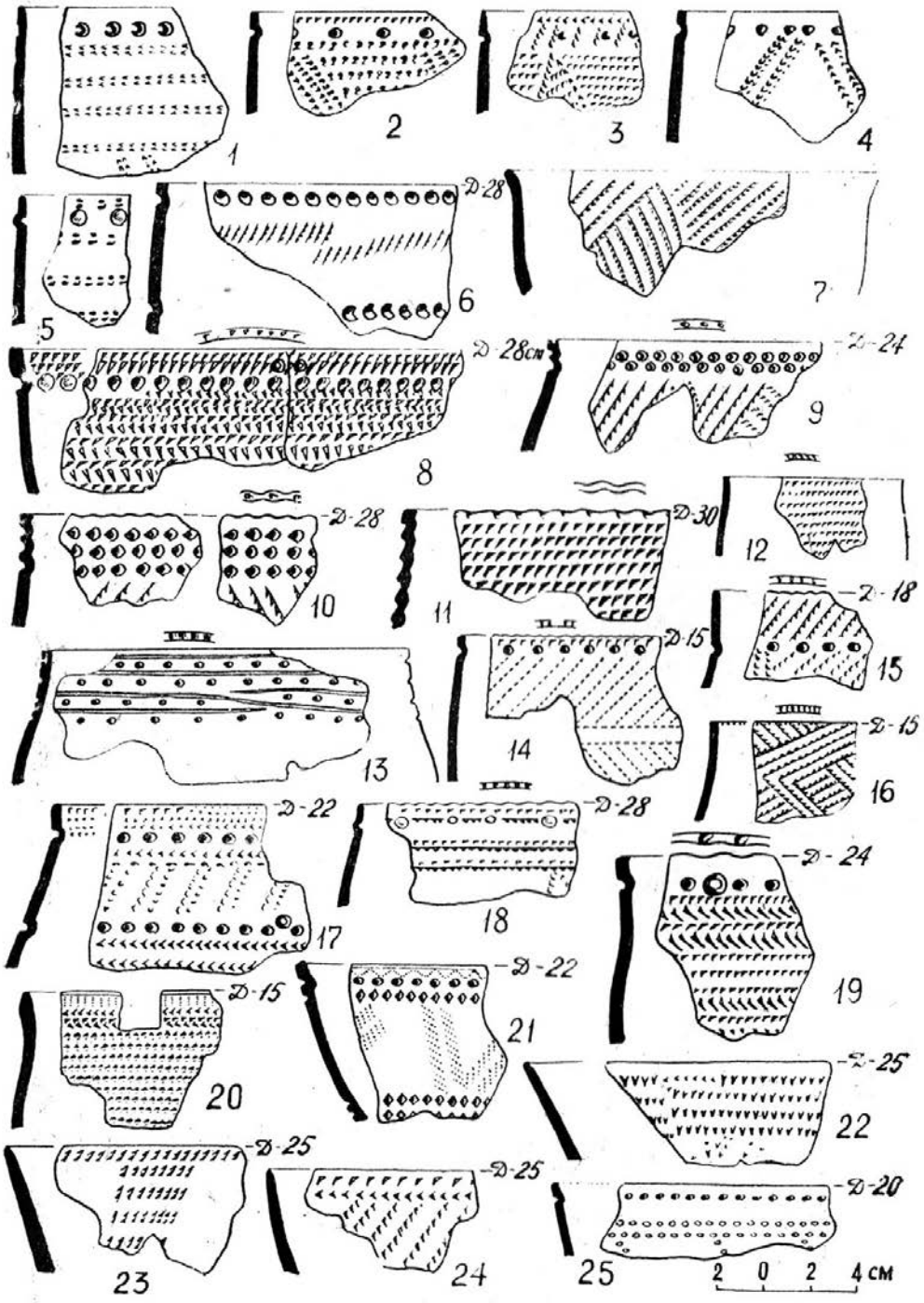


Рис. 6.Стоянка Университетская-3. Фрагменты сосудов (1, 13, 19, 21 — нижний слой; 2—8, 10, 11, 16—18, 22—25 — нижний горизонт среднего слоя; 9, 12 14, 15 — верхний горизонт среднего слоя).

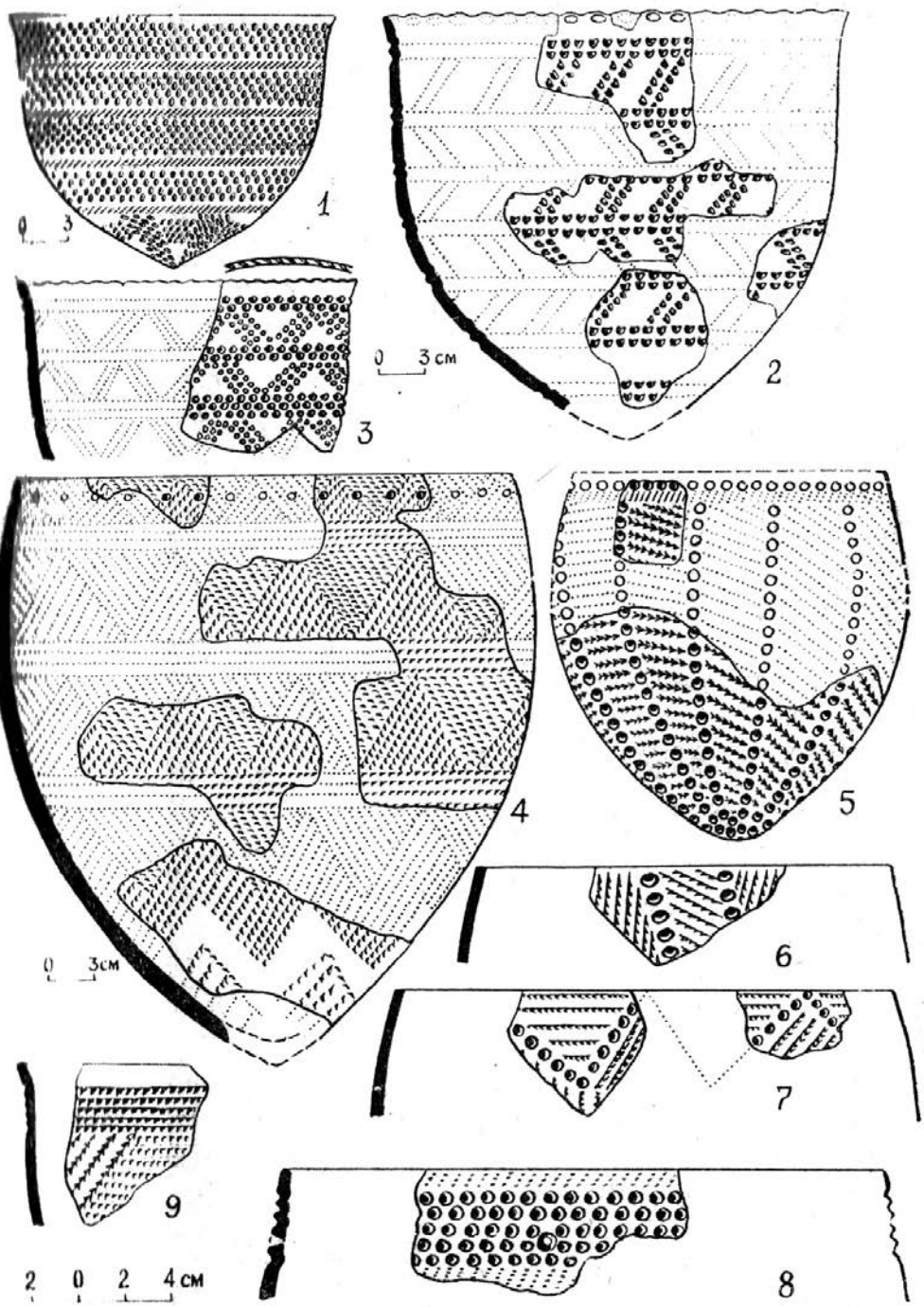


Рис. 7. Стоянка Университетская-3. Фрагменты сосудов (1, 2, 4—7, 9 нижний горизонт среднего слоя; 3, 8— верхний горизонт среднего слоя).

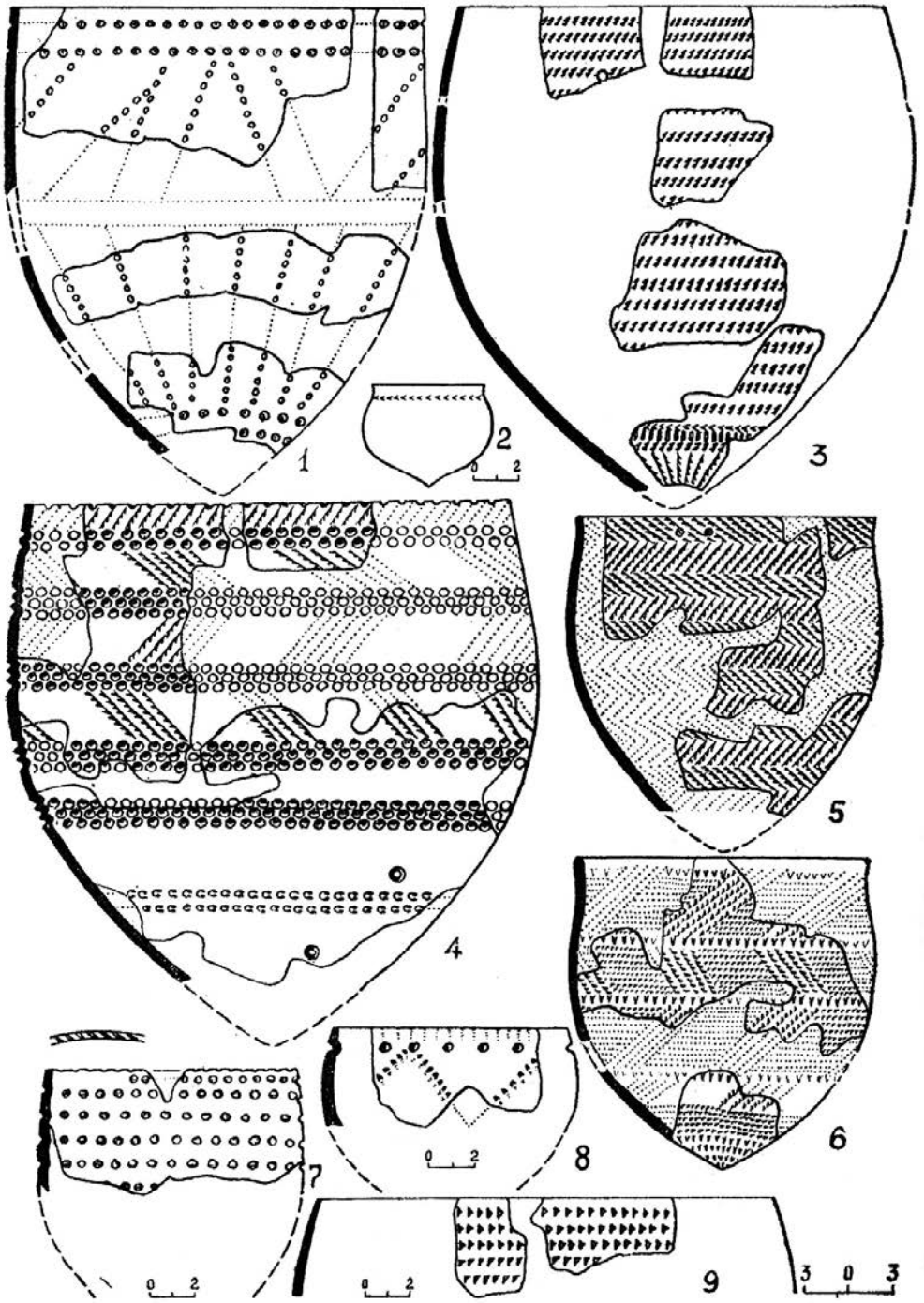


Рис. 8. Стоянка Университетская-3. Фрагменты сосудов (3 — нижний слой; 1, 2, 5, 9-нижний горизонт среднего слоя; 4, 6—8—верхний горизонт среднего слоя).

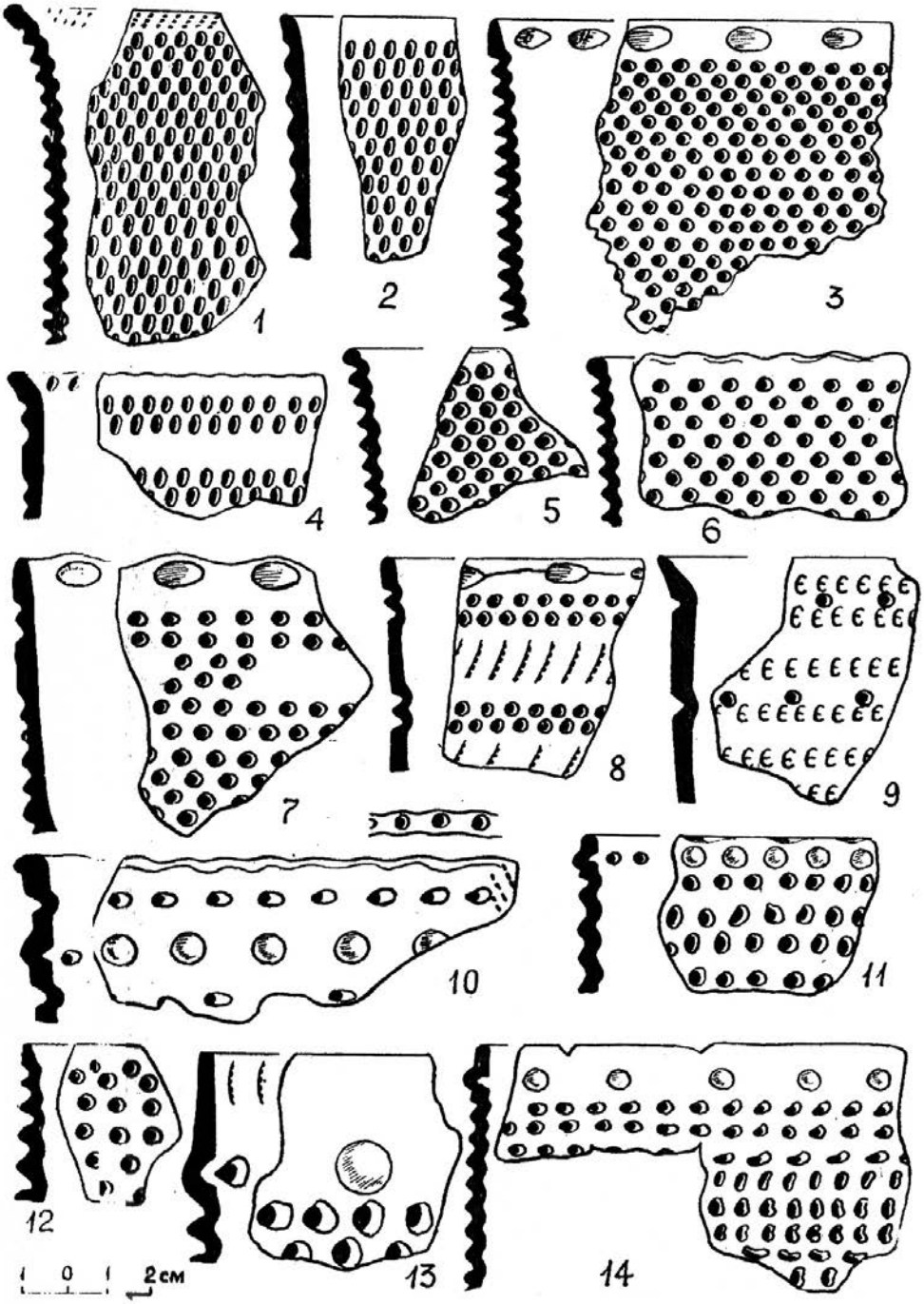


Рис. 9. Стоянка Университетская-3. Фрагменты сосудов (2, 8, 11, 12-нижний слой; 4, 6, 13, 14-нижний горизонт среднего слоя; 1, 3, 5, 7, 9,10-верхний горизонт среднего слоя).

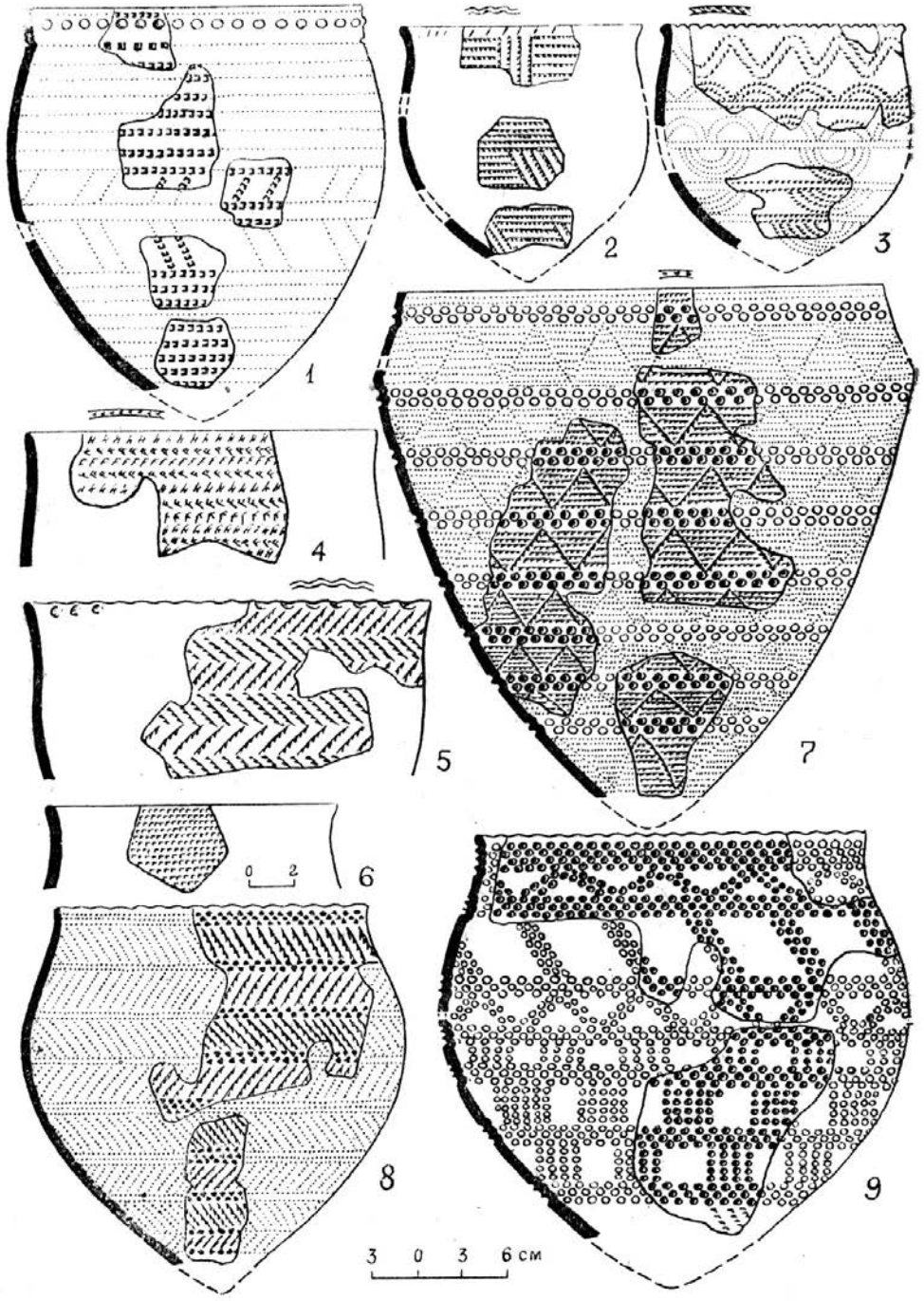


Рис. 10. Стоянка Университетская-3. Сосуды из нижнего горизонта среднего слоя.

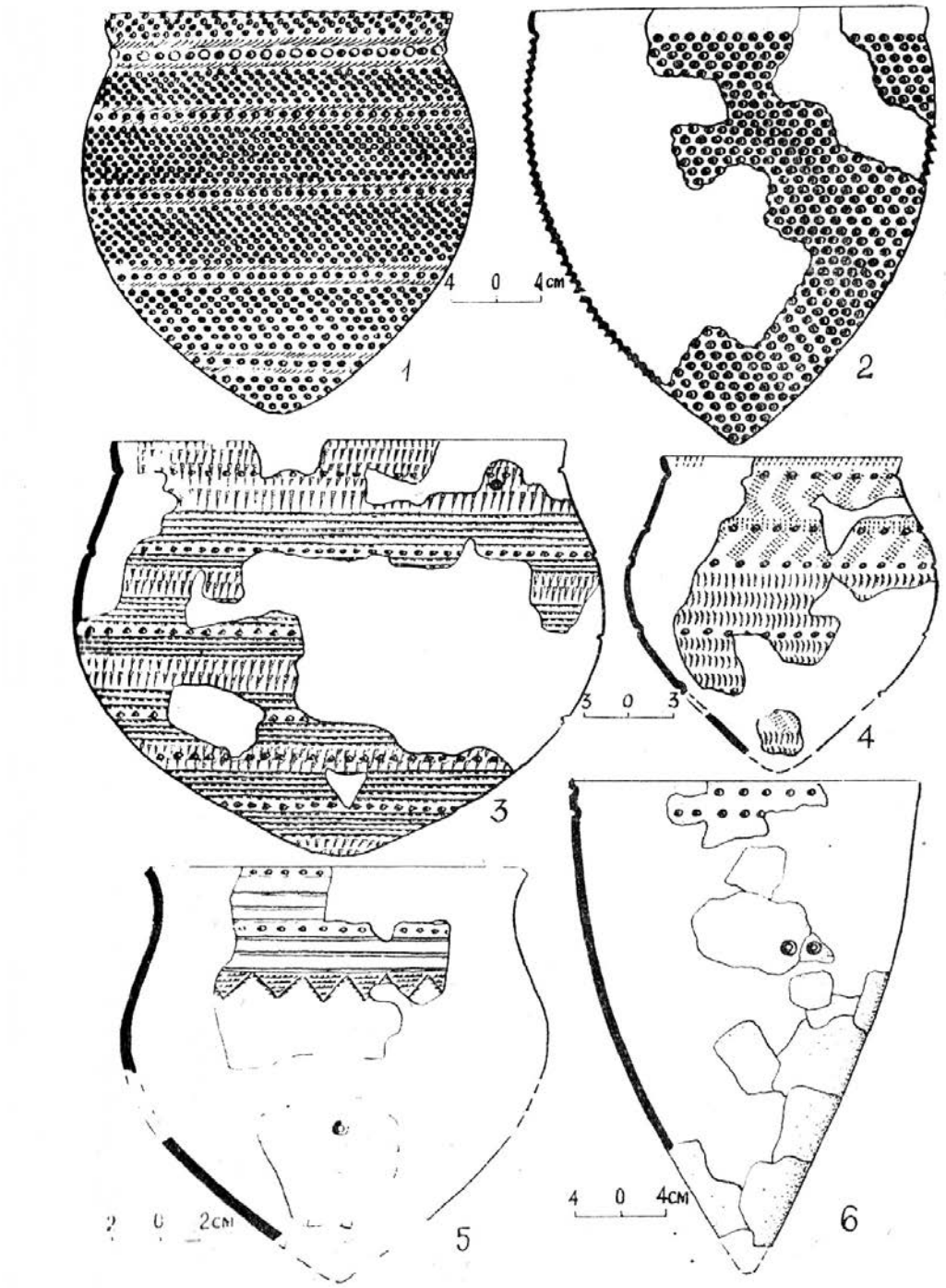


Рис. 11. Стоянка Университетская-3. Сосуды (1—нижний слой; 2—6—нижний горизонт среднего слоя).

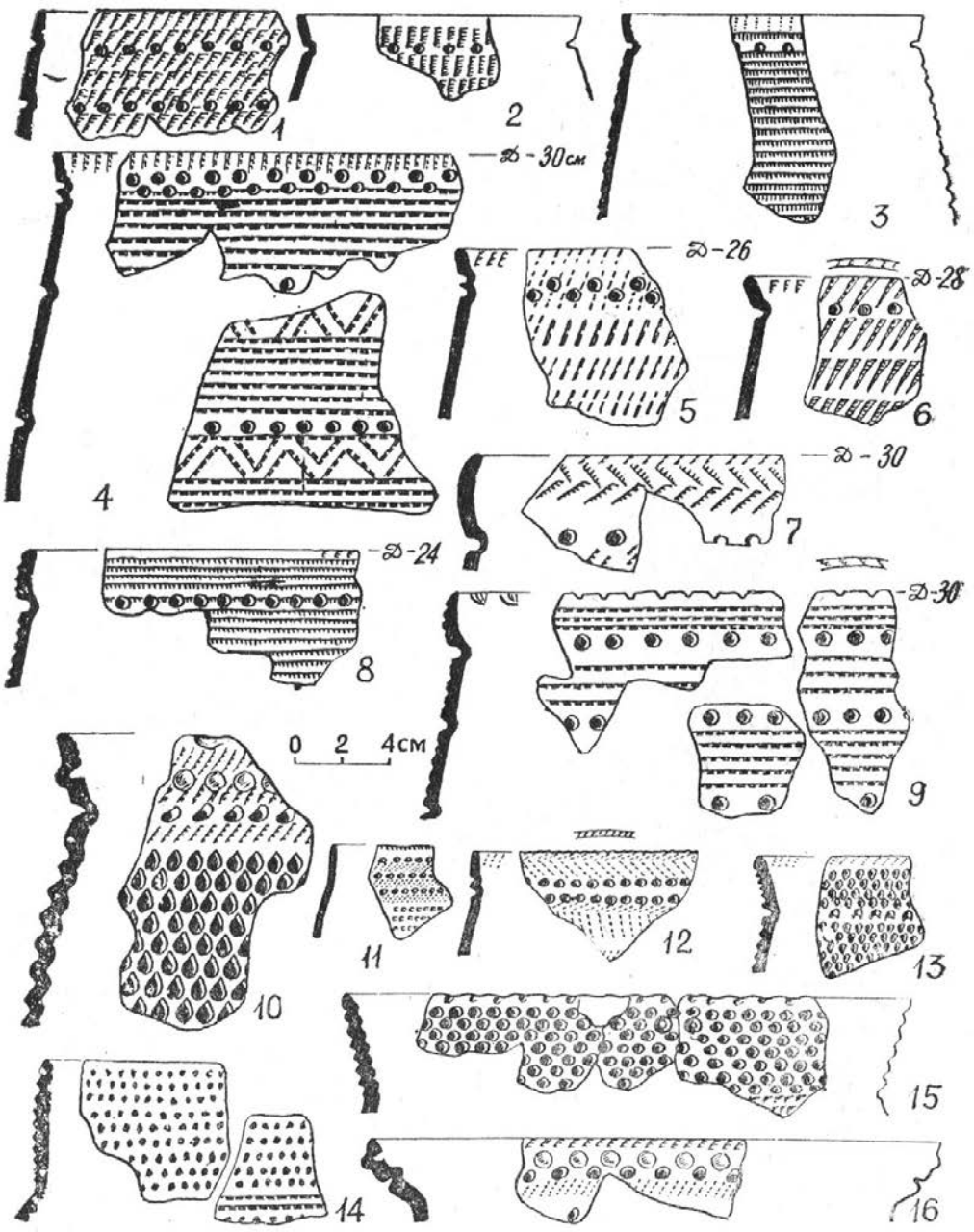


Рис. 12. Стоянка Университетская-3. Фрагменты сосудов (1, 4, 6—15— нижний горизонт среднего слоя; 2, 3, 5, 16-нижний горизонт среднего слоя; 2, 3, 5, 16-верхний горизонт среднего слоя).

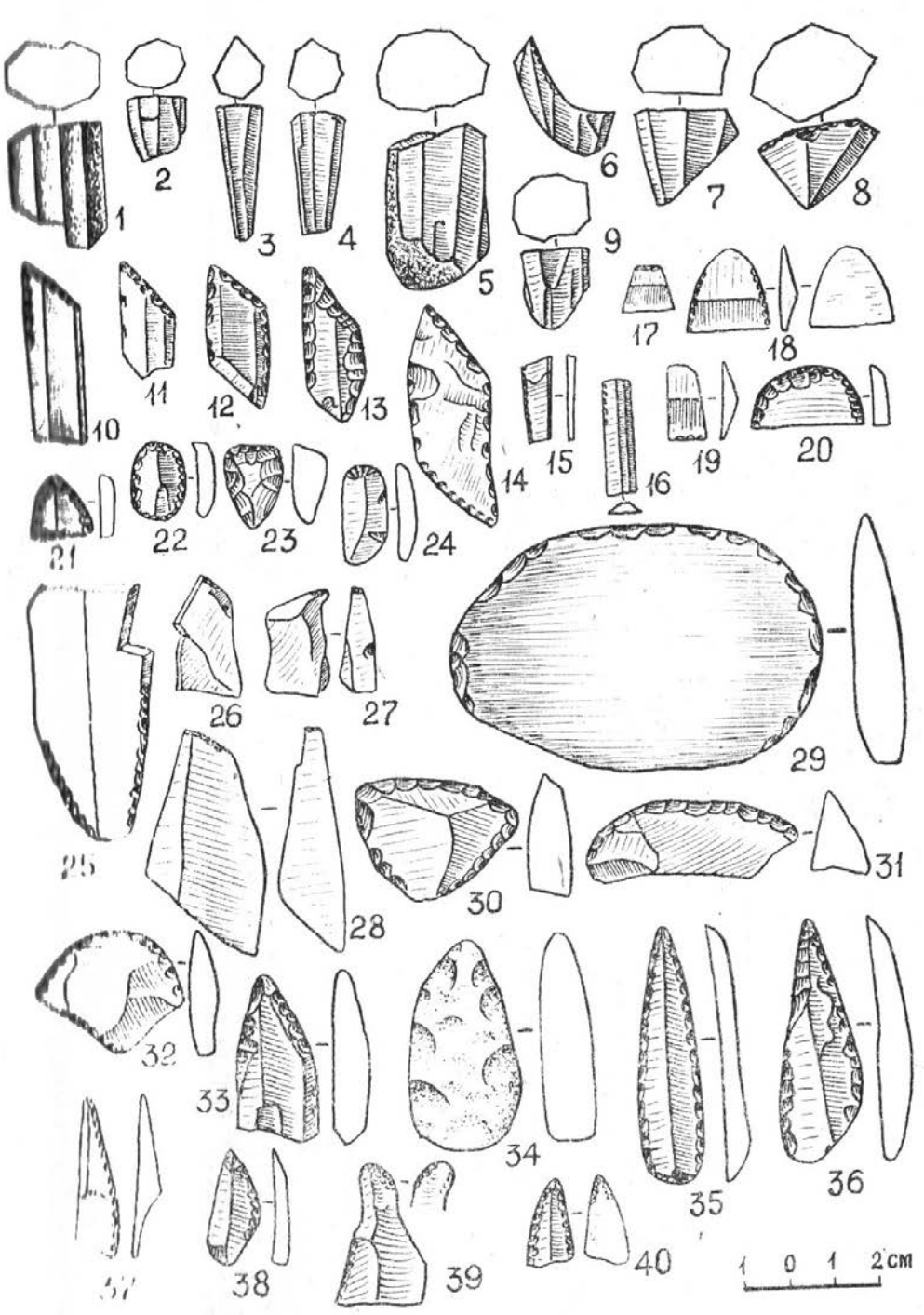


Рис. 13. Стоянка Университетская-3. Кремневые изделия.

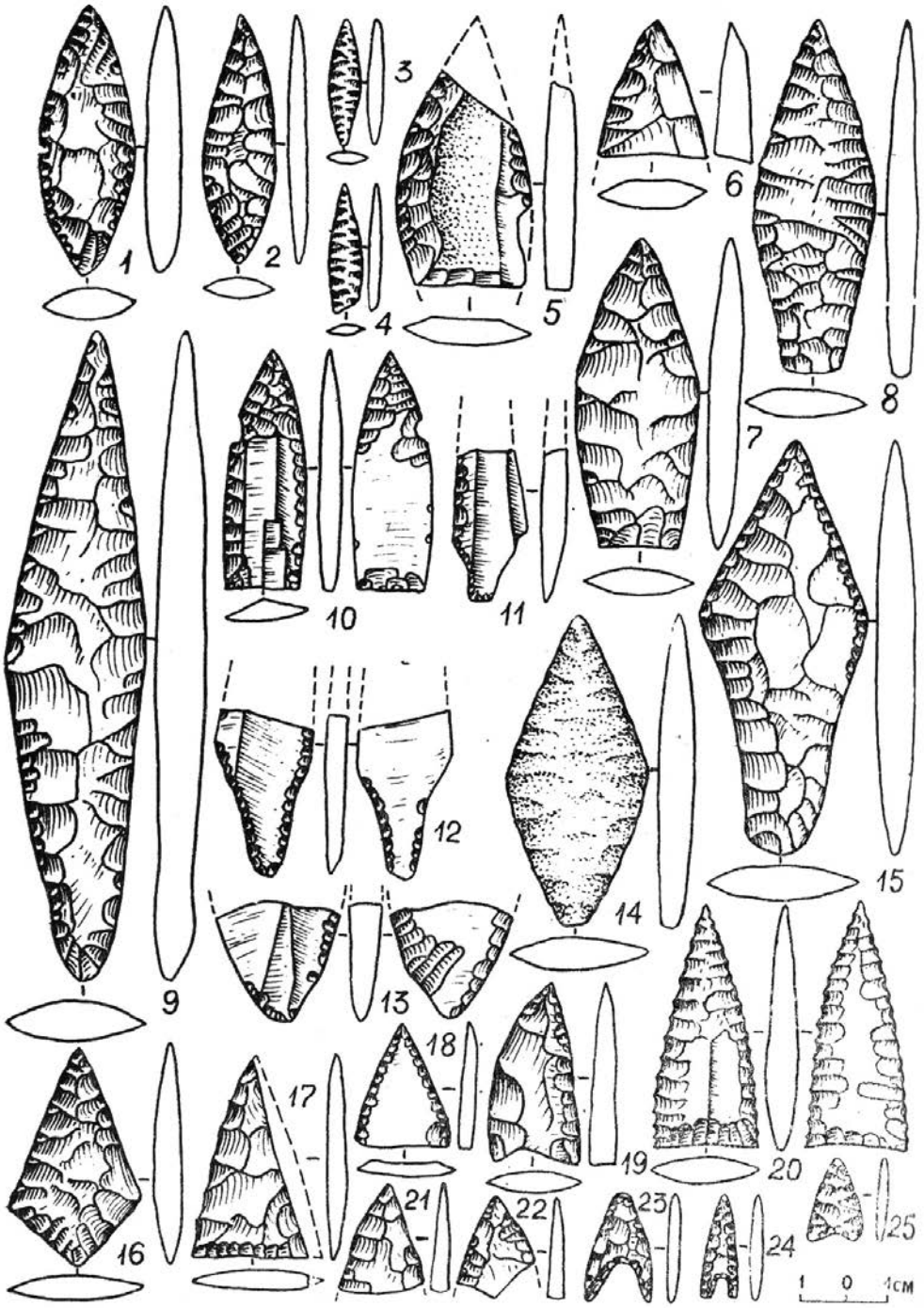


Рис. 14. Стоянка Университетская-3. Кремневые наконечники стрел и копий.

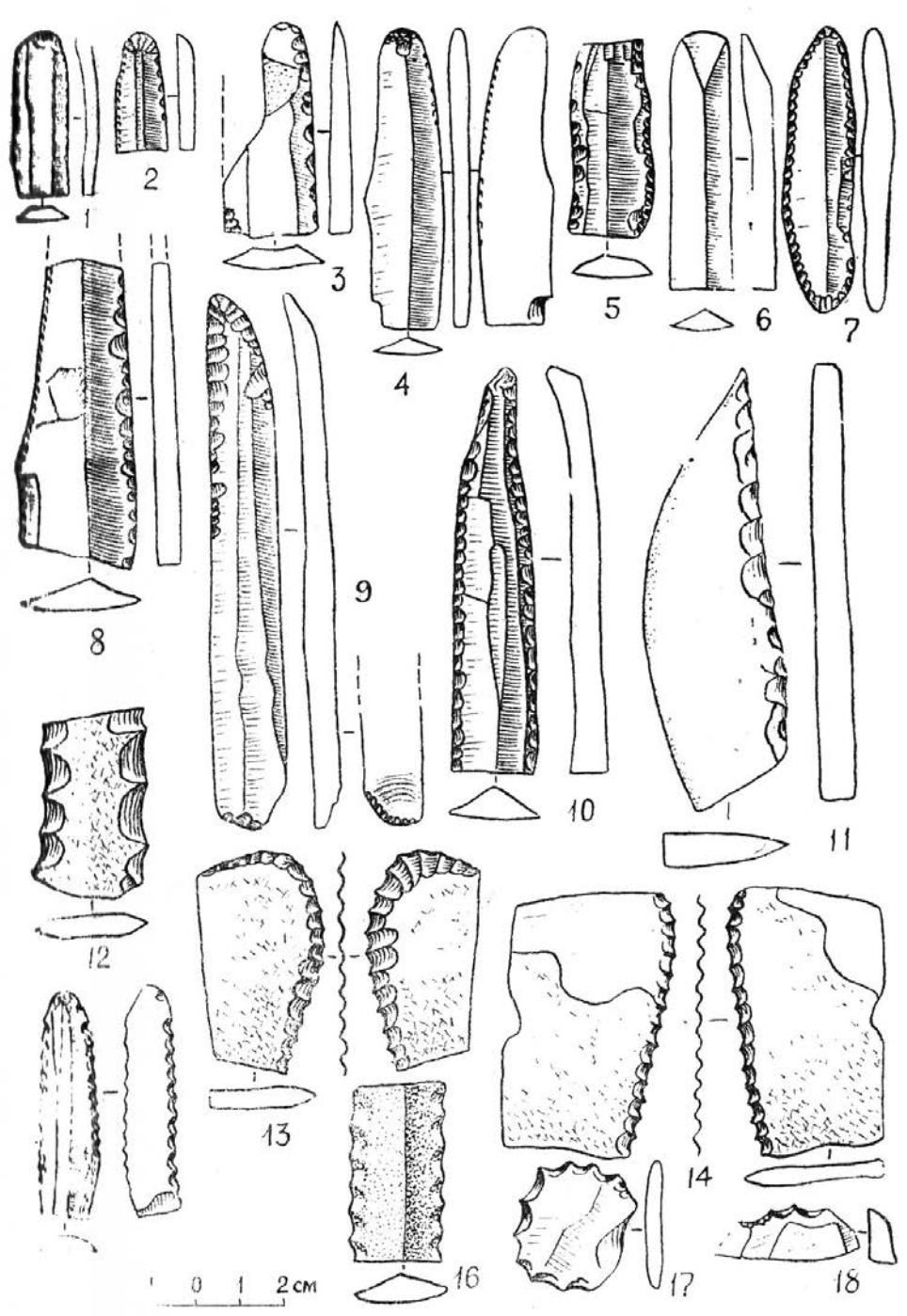


Рис. 15. Стоянка Университетская-3. Кремневые и кварцитовые (16). изделия.

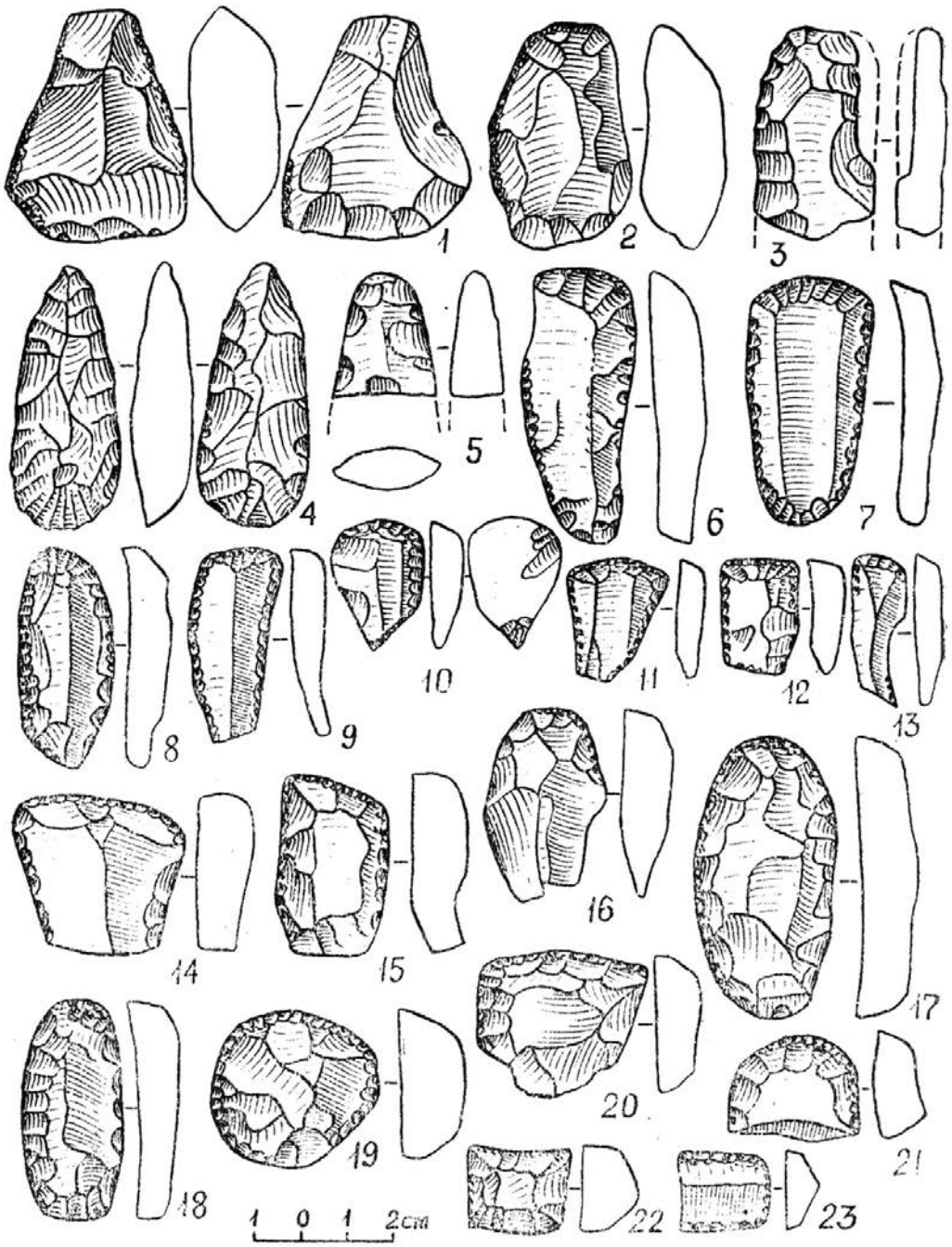


Рис. 16. Стоянка Университетская-3. Кремневые изделия

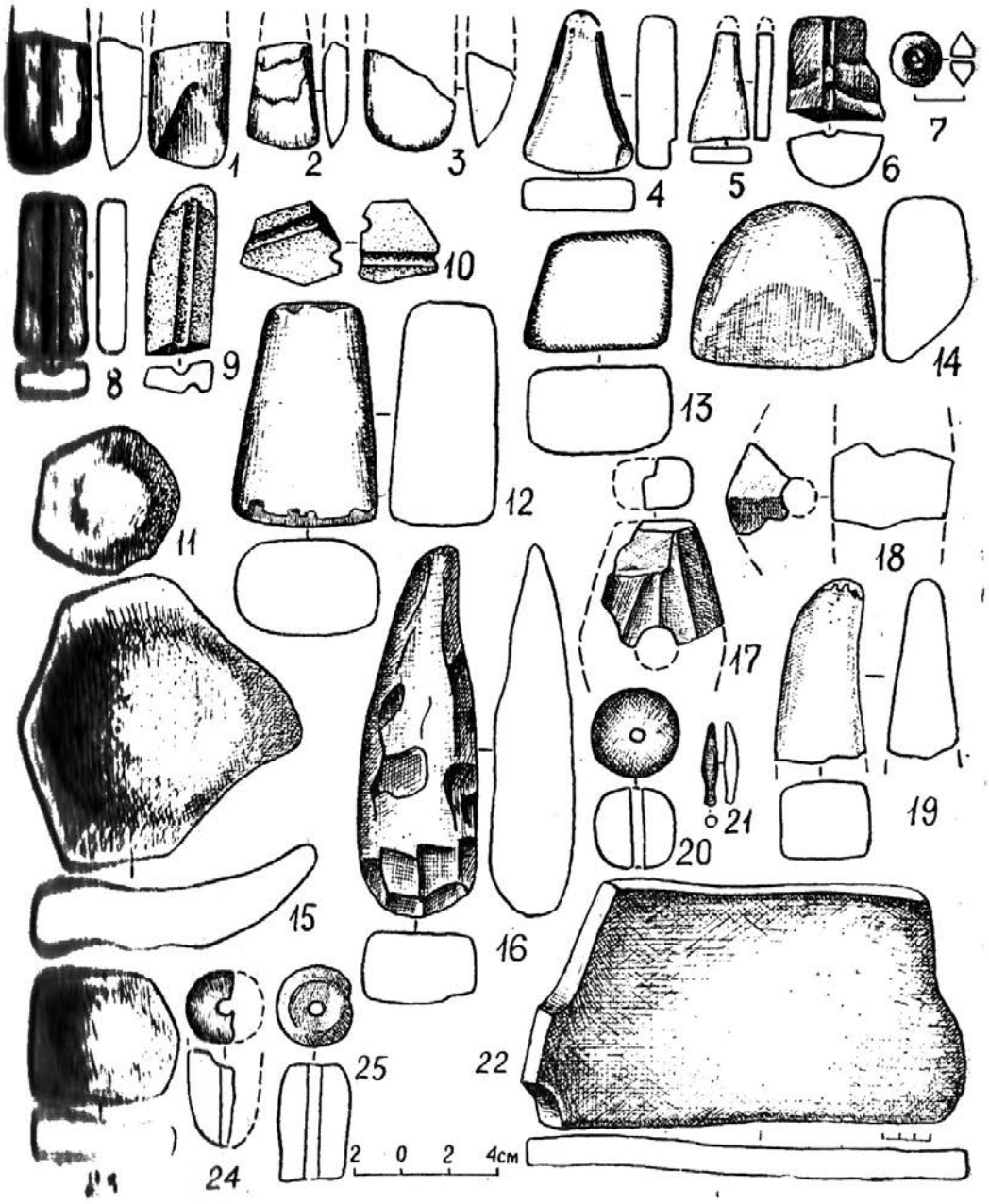


Рис. 17. Стоянка Университетская-3. Каменные и глиняные изделия.

1979

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЯМНОГО ВРЕМЕНИ НА ВЕРХНЕМ И СРЕДНЕМ ДОНУ

Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции 5-6 декабря 1979 г. Донецк, 1979. С. 29-30.

1. Не так давно вопрос о существовании в донской лесостепи памятников древнеямного облика даже не ставился. Как исключение рассматривались и не изменили сути дела находки по берегам Дона небольшого количества энеолитической керамики (разведки Левенка В.П.), а также нашедшее отражение в литературе суждение А.Х. Халикова о ямной принадлежности одного из погребений Тюкинского курганного могильника (Верхний Дон). Лишь позднее, с середины 60-х годов на основе археологических изысканий В.П. Левенка в Липецком Подонье (Долгое, Рыбное Озеро, Ярлуковская Протока, Большой Липяг) стало возможным говорить о наличии в указанном районе остатков стойбищ скотоводов ямного времени. Еще более убедительный материал такого рода был получен в Воронежском Подонье раскопками автора, В.И. Гуляева, А.Д. Пряхина и др. (стоянки Университетские, Шиловская, Дармодехинская, Копанищенская, Черкасская и т.д.). Однако целенаправленный характер изучение древнеямных памятников в донской лесостепи получило только в 70-е годы, после открытия Сасовского и Павловского курганных могильников (раскопки автора).

2. В настоящее время в лесостепи Подонья известны как бытовые памятники древнеямного облика, так и памятники погребальные. Они распространены на широкой территории от рек Оскола до Хопра с запада на восток и от верховьев Дона до южной границы Воронежской области с севера на юг (очерченныи регион в основном совпадает с зоной лесостепи).

3. По своему содержанию местный материал представляет несколько типологических групп: среднестоговского, репинского, а также «классического» древнеямного облика. Вместе с тем целый ряд признаков дает основание говорить о взаимосвязанности всех названных групп, базирующейся на определенной генетической общности.

4. Наибольшее количество имеющихся источников принадлежит собственно ямной культуре, имеющей аналогии в памятниках этой же культуры Северского Донца и Нижнего Дона. На материалах Павловского могильника можно выделить периоды ее бытования: ранний (восточная ориентировка, сосуды с высокой шейкой, орнамент в виде наколов и прочерченного зигзага, архаичные типы медных изделий) и поздний (появление ям с уступами, преимущественно западная ориентировка умерших, наличие яйцевидных сосудов с гребенчатым и шнуровым орнаментом.)

5. Определяется последовательность только в появлении среднестоговских, репинских и ямных памятников; строгой сменяемости их друг другом на территории донской лесостепи не наблюдается. Более того, имеются факты, позволяющие гово-

рить о том, что все названные памятники развивались параллельно вплоть до начала функционирования катакомбной культуры.

6. Следы энеолитических культур достаточно четко фиксируются при анализе материалов, относимых к периоду формирования местной катакомбной культуры, причем прослеживаются две линии в процессе этого формирования: первая взаимодействие поздних среднестоговско-репинских традиций и донецких катакомбных; вторая - взаимодействие последних с традициями ямной культуры (Кондрашовка, Павловск, Пасеково и др.)

7. Отмеченные наблюдения позволяют несколько по-иному подходить к вопросам датировки лесостенных энеолитических культур — среднестоговской и репинской, поднимая их хронологические рамки до рубежа III и II тысячелетий до н.э. Традиции ямной культуры легли одним из основных компонентов в содержание местной катакомбной культуры, и в этом смысле можно говорить о продолжении развития первых вплоть до середины II тыс. до н.э.

Литература

Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж: ВГУ, 1979. С. 63-72.

У ИСТОКОВ ДРЕВНЕЙШИХ СКОТОВОДЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА

Археология Восточно-Европейской Лесостепи. Воронеж, 1979. С. 63-72.

Процесс формирования энеолитических культур Восточной Европы, начавшись в глубинах IV тыс. до н. э.[1], предполагал охват территорий, где практически имелись условия для ведения раннего земледельческого и скотоводческого хозяйства. В границы таких территорий, помимо степных пространств, входила и лесостепь, что доказано, в частности, исследованиями бассейнов Северского Донца и Средней Волги, являвшихся составной частью ареалов распространения среднестоговской и древнеямной культур с ярко выраженным скотоводческим характером экономики[2]. Аналогичными природно-климатическими условиями располагал и лесостепной Дон. Однако он до последнего времени выпадал из поля зрения археологов, занимавшихся изучением энеолитических культур сопредельных районов. Подобное «невнимание» объясняется одной причиной: почти полным отсутствием публикаций донских энеолитических материалов. Такие материалы сейчас имеются в значительном количестве, причем по своему характеру они принадлежат нескольким культурно-хронологическим группам[3].

В данной статье мы ограничимся анализом только одной из таких групп, отражающей, на наш взгляд, наиболее раннее звено в развитии новых исторических тенденций. Она представлена керамическим материалом — фрагментами и развалами сосудов, выявленными при раскопках многослойных стоянок Университетских 1 и 3 (низовья р. Воронежа), Копанишенской и Дармодехинской (низовья р. Тихой Сосны), Дронихи и Черкасской (среднее течение и низовье р. Битюга).

В тесто таких сосудов вводилась обильная органическая примесь (трава или толченая раковина), в связи о чем глиняная масса приобретала слоистую структуру. Цвет поверхностей желтовато-коричневый и серо-желтый. На внутренних, а нередко и на внешних сторонах сосудов имеются крупные расчесы. Иногда поверхности несут и следы лощения. Обжиг костровой, слабый, на что указывает черный цвет излома черепков и их относительная рыхлость.

Общее представление о размерах и форме сосудов дает графическая реконструкция некоторых из них, а также выразительные фрагменты венчиков и днищ. Преобладают сосуды вытянутых пропорций, средних размеров, с диаметрами верха до 30 см при толщине стенок 0,5-0,8 см, а в отдельных случаях — до 1 см. Господствует форма остродонных сосудов с яйцевидным туловом, плавно выходящим на прямой или слегка отогнутый наружу венчик (рис. 1, 2; 3, 2). Единичными экземплярами представлены прямостенные сосуды (рис. 2, 6, 3, 1). Наряду с коническими (рис. 1, 3), округлыми (рис. 1, 4) и массивными шиловидными днищами

[1] Даниленко В.Н. Неолит Украины. Киев. 1969. с. 219-238. Телегін Д.Я. Середньо-стогівська культура епохи міді. Київ, 1973. С. 118-130.

[2] Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974, с. 98-122; Даниленко В.Н. Указ. соч., с. 224-228; Телегін Д. Я. Указ. соч., с. 131-139.

[3] Левенок В.П. Исследования в зоне Липецкого моря. АО 1967 года. М., 1968, с. 33-34; Синюк А.Т. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону. Автореф. канд. дисс. М., 1971, с. 12.

(рис. 1, 7) найдено несколько миниатюрных плоских донышек, принадлежащих сосудам этой же группы (рис. 1, 5, 6, 8, 9). Характерной особенностью большинства сосудов являются «воротничковые» утолщения под верхом, от небольших, треугольных в сечении (рис. 1, 1, 2; 2, 2, 3) до широких плоских (рис. 3, 7, 8, 10). Иногда воротнички оформлялись путем проглаживания под верхом сосуда широкого опоясывающего желобка (рис. 3, 4). Края венчиков заострены, реже (с широкими воротничками) — закруглены или срезаны прямо (рис. 2; 3).

В орнаментации сосудов доминирует мелкий гребенчатый штамп, нередко наносившийся в «отступающей» манере. Отмечено применение в качестве штампа створок раковины Unio (рис. 3, 5). Как правило, штампу сопутствует прочерченный элемент, образующий одну (рис. 2, 4, 7) или несколько волнистых линий (рис. 2, 1; 3, 6, 10), выступающий в роли делителя орнаментального поля на зоны. Реже встречены прямые прочерченные линии (рис. 2, 3, 6). Еще более редки другие элементы — отступающий накол (рис. 1, 1, 2; 3, 12), мелкие круглые и овальные вдавления (рис. 2, 2). Самостоятельного значения эти элементы не имеют (за исключеннием накола) и лишь подчеркивают рисунок, выполненный гребенчатым штампом. Композиционные построения довольно однообразны и в то же время специфичны: большое значение имело горизонтальное расположение одинарных или нескольких поясков из наклонных насечек штампа, где наклоны последовательно идут или в одну сторону (рис. 1, 4, 5, 8, 9) или «елочкой» (рис. 1, 4; 2, 4). Иногда оттиски гребенки образуют угловые композиции (рис. 2, 2; 3, 4). Можно отметить и компоновку оттисков гребенки в зигзаг (рис. 1, 4; 2, 3). Интересен орнамент из волнообразных лент, образованных параллельно идущими прочерченными линиями и насечками гребенки между ними (рис. 2, 5). Венчики сосудов украшались всегда, но ни в одном случае орнамент не заходит на их внутреннюю сторону. Плоские донышки орнаментировались насечками штампа, составленными в концентрический поясок по краю и прямые колонки внутри круга (рис. 1, 5, 6, 8, 9). В мотивах украшений сосудов преобладает горизонтальная зональность. Большое значение для понимания характера орнаментальных построений имеют графически восстановленные сосуды. Один из таких сосудов (рис. 1, 1) украшен по треугольному воротничку насечками мелкого гребенчатого штампа; ниже расположено несколько рядов штампа, нанесенного отступающим приемом. В нижней части сосуда ряды того же штампа образуют сходящиеся к острому днищу вертикальные колонки-лопасти. Композиционно аналогичен орнамент на нижней части другого сосуда (рис. 1, 3).

У третьего сосуда под венчиком расположена прочерченная волнистая линия, ниже которой идет крупная зигзагообразная полоса из спаренных отступающих наколов. У острого днища наколы составлены в строчки и волнистую линию над ними (рис. 1, 2). Таким образом, для этих сосудов, как, вероятно, и для многих других, характерно двухзонное размещение орнамента: в верхней и нижней частях, при отсутствии его на среднем участке поверхности. Следует отметить, что отступающие наколы встречены только на остродонных сосудах с треугольными воротничками. Плоские донышки, вероятнее всего, принадлежали сосудам со слабо намеченными плоскими воротничками. У таких сосудов орнамент мог занимать и всю поверхность.

Рассматриваемая группа керамики сравнительно немногочисленна (на стоянке Университетская-1 найдены фрагменты от 47 сосудов, на Университетской-3 —

от 26, а на других памятниках — от еще меньшего количества сосудов). В целом отмечается компактность ее поглубинного залегания. Так, на стоянке Университетская-3 такого рода керамика залегала в нижнем горизонте среднего (второго) слоя и всего лишь фрагменты от пяти сосудов найдены на других уровнях. На стоянке Университетская-1 свыше 76% ее залегало в 3-4 штыках, что соответствует нижнему горизонту среднего слоя отмеченного выше памятника. Аналогичную картину дают другие стоянки лесостепного Подонья. Все это пока не позволяет провести статистико-стратиграфическую классификации внутри группы. Но вместе с тем данное обстоятельство может указывать на сравнительно узкие хронологические рамки бытования рассматриваемой керамики на Среднем Дону. Признание относительной одновременности ее при некоторых вариациях формы и ряда других признаков не несет больших противоречий, ибо черты ее единства по важнейшим показателям выступают слишком ярко.

По стратиграфическим условиям залегания в слоях стоянки, воротничковая керамика синхронна материалам третьего этапа среднедонской неолитической культуры, т. е. время ее появления приблизительно может быть отнесено ко второй половине — концу IV тысячелетия до н. э[1]. Но она столь резко отличается от местной неолитической керамики, что не оставляет сомнений относительно своего происхождения за пределами лесостепного Дона. Аналогии этому типу керамики обнаруживаются прежде всего в нижнем Подонье, в материалах из зоны Цимлянского водохранилища[2]. Здесь имеются фрагменты сосудов с теми же воротничками и сходным орнаментом. Особенно близки материалы Среднего Дона и нижне-донского поселения Ракушечный Яр, где есть сосуды с растительной и раковинной примесью, остродонные и с уплощенным дном, с отпечатками гребенчатого штампа и с прочерченным зигзагом в орнаментации[3]. В этом отношении несомненный интерес представляет могильник у с. Съезжее в Куйбышевском Заволжье, исследованный И.Б. Васильевым и Г.И. Матвеевой[4]. Керамика названного памятника — сосуды первого комплекса (по классификации авторов) — несмотря на влияние местных неолитических традиций (вогнутые днища небольшого диаметра, зубчатый орнамент, нанесенным способом «шагающей гребенки»), обнаруживают удивительное сходство с донской керамикой. Единство таких признаков, как яйцевидная форма, воротнички на венчике, органическая примесь в тесте, орнаментальный зигзаг, волнообразные нарезные линии и т. д.[5] — достаточно красноречиво указывает на генетическое родство и хронологическую близость этих

[1] Синюк А.Т. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону, с. 19; Он же. Некоторые вопросы истории Среднего Дона в IV — II тысячелетиях до н. э. — В кн.: Из истории Воронежского края, вып. 5. Воронеж, 1975, с. 146.

[2] Горецкий Г.И. О возможностях применения археологического метода при изучении молодых антропогеновых осадков — В кн.: Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, № 20. М., 1955, с. 27, табл. VII, 1-4; табл. V и др.; Формозов А.А. Неолитическая керамика Нижнего Подонья. — КСИИМК, 1954, № 53, с. 135, рис. 60; с. 136, рис. 61.

[3] Белановская Т.Д. Отчет о работе Нижнедонской археологической экспедиции в 1969 году. — Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2139.

[4] Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Поселение и могильник у села Съезжее (предварительная публикация). - В кн.: Очерки истории и культуры Поволжья, вып. 2. Куйбышев, 1976, с. 73-96.

[5] Там же, с. 92, рис. 9; с. 93; рис. 10, 11.

материалов. Следует отметить, что похожая керамика встречена на нижней Волге[1] и еще дальше, в Западном Казахстане[2]. Наконец, необходимо указать и на область распространения азово-днепровской энеолитической культуры (по В.Н. Даниленко)[3] или надпорожско-приазовского варианта днепро-донецкой культуры (по Д.Я. Телегину)[4] с воротничковыми сосудами, часто имеющими в орнаментации зигзагообразные или волнистые прочерченные линии. В то же время азово-днепровские сосуды несут серьезные отличия: в тесте их примесь песка и только в ряде случаев — ракушки; края воротничков косо срезаны вовнутрь и, как правило, украшены, в орнаментации преобладает подтреугольный накол. Такие признаки не позволяют объединять их с более восточными материалами в рамках единой культуры. Имеющиеся черты сходства, скорее, указывают на культурно-хронологические контакты двух групп памятников[5], что исключительно важно для корреляции их датировок.

Естественно, что оперирование только керамическим материалом в известной степени ограничивает возможности для широких обобщений. Но тем не менее, на основании проведенных сопоставлений можно сделать вывод, что в какой-то период времени в пределы лесостепного Подонья началось продвижение племен с юга, а именно из среды носителей культуры типа поселения Ракушечный Яр (соответствующих слоев). Вероятно, тогда же отдельные группы этого населении стали проникать и в более восточные районы — на Нижнюю Волгу и в Заволжье[6]. Причины данного расселения следует искать в сфере экономики, вызвавшей к активной деятельности ранние скотоводческие племена древнеямного культурного ареала[7]. В этой связи интересно вспомнить сосуд из раннего ямного погребения Бережновского могильника, имеющий близкую нижнедонским сосудам орнаментацию[8], что в какой-то степени указывает на хронологическое соприкосновение носителей данных культур. Аналогичные процессы протекали и в среде надпорожско-приазовских племен[9]. Именно развитие скотоводческого хозяйства в отме-

[1] Находки у с. Болхуны Астраханской области. Разведки П.С. Рыкова 1928 года. Хранятся в Саратовском областном краеведческом музее, инв. № 1117. Керамика, имеющая в орнаментации такие признаки, как струйчатые прочерченные линии, зигзаг из оттисков гребенчатого штампа в сочетании с поясками из насечек того же штампа, встречена В.Д. Белецким при разведках у Досанга и Исекея (Астраханская область). Хранится в Гос. Эрмитаже.

[2] Материалы разведки И.В. Синицына у с. Новая Казанка. Хранятся в Саратовском краеведческом музее, инв. № 1117.

[3] Даниленко В.Н. Неолит Украины, с. 12-18, 37.

[4] Телегин Д.Я. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968, с. 63-83.

[5] О возможности выделения памятников Нижнего Дона типа Ракушечный Яр в самостоятельную культуру писал Н.Я. Мерперт (см. Мерперт Н.Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тыс. до н. э.). Докт. дисс. М., 1967. с. 352.

[6] На ранние исторические связи Нижнего Дона с востоком и юго-востоком могут указывать некоторые черты, общие с кельтеминарской культурой: волнисто-прочерченный орнамент, своеобразный накол. В том же плане интересно отметить и нахождение обломка венчика с воротничковым утолщением в IV слое Джебела (см. Окладников А.П. Пещера Джебел — памятник древней культуры Прикаспийских племен Туркменистана. - В кн.: Труды Южно-туркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад, 1956, т. VII, с. 104, рис. 61).

[7] Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья, с. 126-146.

[8] Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда. — МИЛ, 1959, 60, с. 71, рис. 17, 8.

[9] Даниленко В.Н. Неолит Украины, с. 224.

ченных районах, создавшее давление избыточного населения на производительные силы, обусловило появление на Среднем Дону групп южного населения. Тем самым здесь было положено начало действию новых тенденций, имеющих аналогии в истории энеолитических племен более южных территорий.

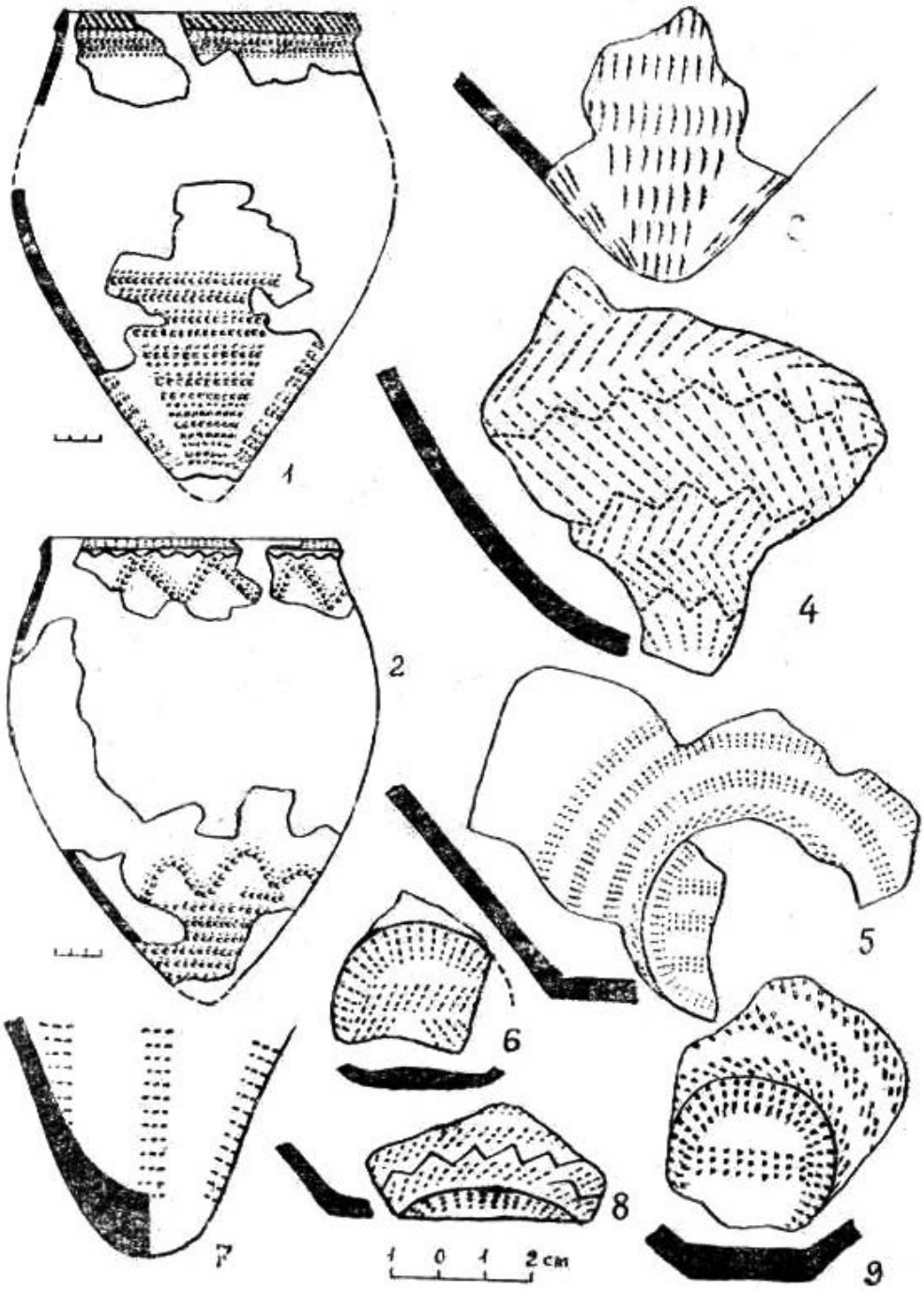


Рис. 1. Образцы керамики (*1—6* — стоянка Университетская-3; *7—8* — стоянка Университетская-1; *9* — Копанищенская стоянка)

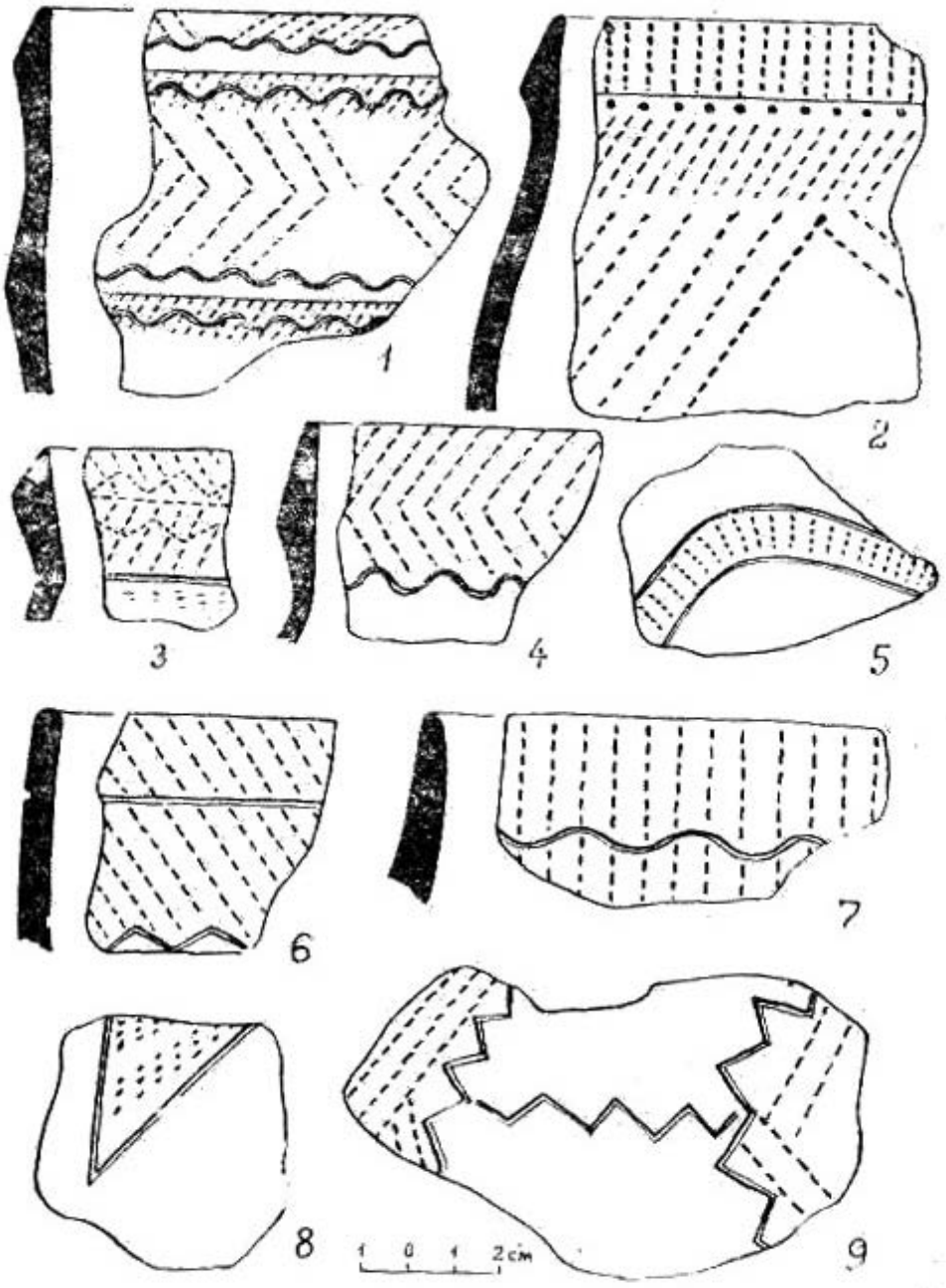


Рис. 2. Образцы керамики со стоянки Университетская-1

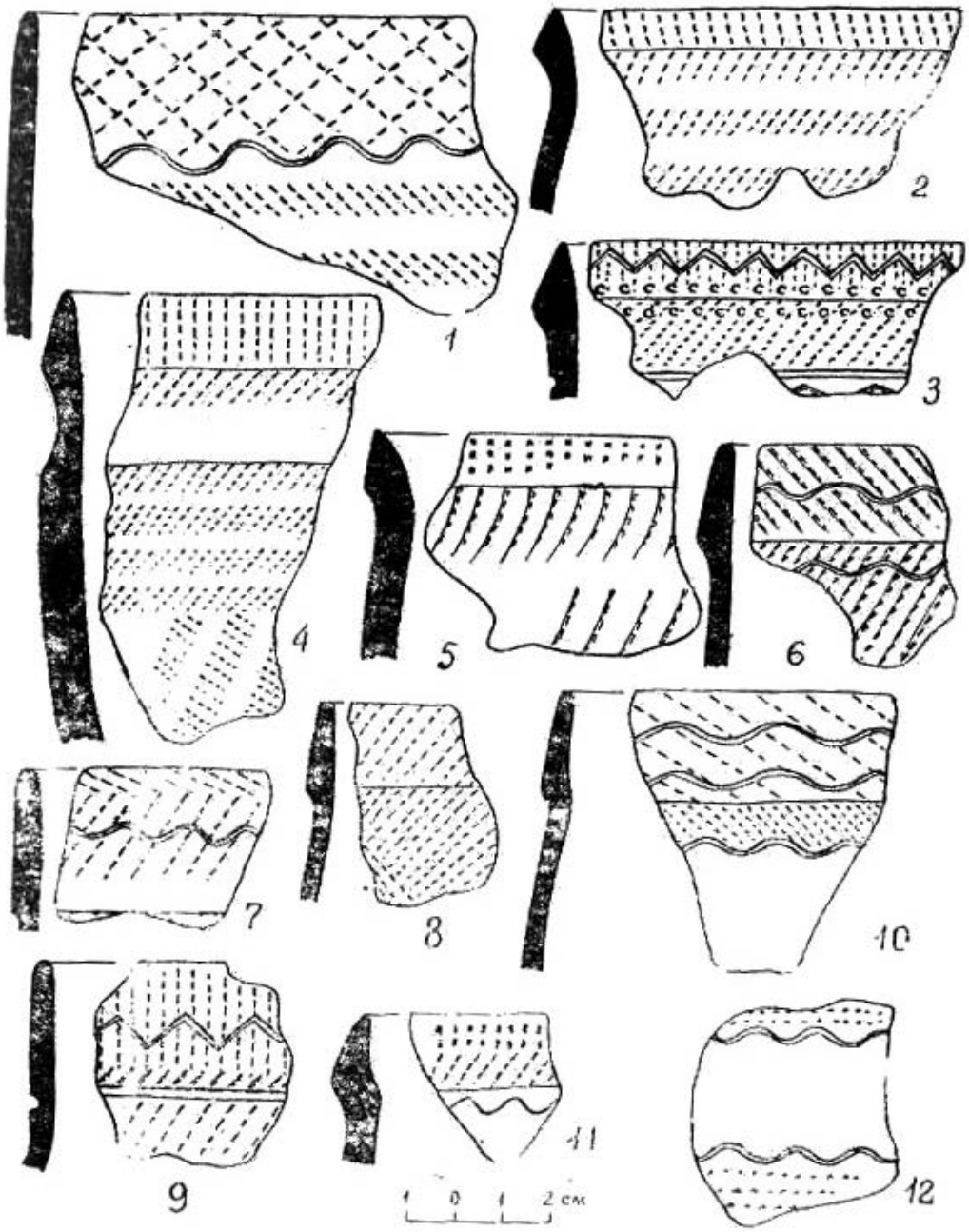


Рис. 3. Образцы керамики (*1—9* — стоянка Университетская-3; *10* — Дармодехинская стоянка; *11, 12* — Копанищенская стоянка)

1980

ЭНЕОЛИТ ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА

Энеолит Восточной Европы. Межвузовский сборник научных статей. Том. 235. С. 53-72.

Еще недавно вопрос о существовании в донской лесостепи энеолитических культур даже не ставился. Отсутствие целенаправленных полевых исследований на долгое время вывело ее из круга тех территорий (в том числе и сопредельных), где предполагались процессы формирования и функционирования целого ряда энеолитических образований. Искусственность такого исключения стала особенно очевидной в результате раскопок, проведенных в 60-е годы на Верхнем Дону В.П. Левенком, а на Среднем Дону[1] — автором, А.Д. Пряхиным, Б.Г. Тихоновым и другими исследователями.

Начало изучения энеолита лесостепного Дона было положено раскопками поселения Большой Липяг на р. Воронеж близ с. Крутогорье. Анализ материала привел автора раскопок В.П. Левенка к выводу о проникновении на Верхний Дон не ранее второй половины III тыс. до н.э.[2] племен среднестоговской культуры. Одновременно он предлагает выделять «репинский этап» в среднестоговской культуре Подонья, указывая в качестве ближайших аналогий Большому Липягу на поселения у хутора Репин (Средний Дон) и Михайловское (Нижнее Поднепровье)[3].

Раскопки в Воронежском Подонье многослойных стоянок Университетских 1 и 3, Шиловской (низовья р. Воронеж), Дармодехинской, Копанищевских 1 и 2 (низовья р. Тихой Сосны), Черкасской (низовья р. Битюга), а также Сасовского и Павловского курганных могильников, позволяют в общих чертах понять содержание энеолита лесостепного Дона и поставить вопрос о его периодизации. В частности, автором было предложено членение энеолита на четыре этапа (нижнедонской, среднестоговский, репинский, городцовский), причем два последних этапа рассматривались в рамках действия на Дону древнеямной культурной общности[4]. Такое членение основывалось на изучении культурно-хронологических групп керамики и их поглубинного размещения в слоях стоянки Университетской-3.

Как показывают результаты исследований последних лет, многие ранее высказанные положения остаются в силе, а некоторые требуют пересмотра или уточнения. Следует оговориться, что и сейчас, при наличии сравнительно большого количества материалов, но ввиду их информативной неравнозначности, решение некоторых во-

[1] Понятия «лесостепной Дон» и «Средний Дон» не совсем равнозначны. Лесостепной Дон включает Верхнее Подонье (к северу от низовий р. Воронеж), но на юг простирается только примерно до устья р. Битюг. Средний же Дон охватывает территорию и южнее, до устья р. Иловли (Давыдов Л.К. Гидрография СССР. ч. II. Л., 1955).

[2] Левенок В.П. Неолит Верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны Европейской части СССР: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1969.

[3] Там же, с. 280.

[4] Синюк А.Т. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону. Автореф. дисс.... канд. ист. наук, М, 1971, с. 9-20.

просов остается открытым Мы, например, до сих пор не располагаем сведениями о раннеэнеолитических могильниках, и погребальный обряд в отдельных случаях реконструируется по аналогиям или ретроспективно. Нет в нашем распоряжении и эпонимных памятников для каждой из раннеэнеолитических культур; большинство же донских материалов происходит с памятников многослойных.

В связи с этим первостепенное значение при выделении культурно-хронологических групп материалов имеет их типологический анализ, а также выявление их статистико-стратиграфических величин. Следует также отметить, что для характеристики первых двух этапов донского энеолита почти единственным источником служит керамический материал.

Первую культурно-хронологическую группу составляет «воротничковая керамика» — сосуды с утолщениями по верху, от небольших треугольных в сечении до широких плоских. Чаще сосуды остродонны, реже с небольшим плоским дном. В тесте их имеется обильная органика и примесь (трава или толченая ракушка). Цвет поверхностей желтовато-коричневый и серо-желтый; на внутренних, а нередко и на внешних сторонах сосудов имеются крупные расчесы. Иногда поверхности несут и следы лощения. Господствует форма остродонных сосудов с яйцевидным туловом, плавно выходящим на прямой или слегка отогнутый наружу венчик. Прямостенные сосуды без воротничков единичны. В орнаментации доминирует мелкий гребенчатый штамп, нередко наносившийся в «отступающей» манере. Отмечено применение в качестве штампа створок раковины Unio.

Как правило, штампу соответствует прочерченный орнамент, образующий одну или несколько волнистых линий. Реже встречены прямые линии. Еще более редки такие элементы как накол, мелкие круглые и овальные вдавления. Композиционные построения однообразны и в то же время специфичны: горизонтальное расположение поясков из наклонных отрезков-вдавлений штампа, лишь иногда образующих «елочку» и угловые композиции. Можно отметить и компоновку оттисков гребенки в виде зигзага. Венчики украшались всегда, но ни в одном случае орнамент не заходит на внутреннюю сторону. Обязательно орнаментировались и плоские донца. Для многих сосудов характерно двухзонное размещение орнамента при отсутствии его на среднем участке поверхности. Следует отметить, что отступающие наколы встречены только на остродонных сосудах.

Рассмотренная группа керамики сравнительно немногочисленна. Так, на стоянке Университетская-1, найдены фрагменты от 47 сосудов, на Университетской-3 - от 26, а на других памятниках - от меньшего количества сосудов. В целом отмечается компактность поглубинного залегания. На стоянке Университетская-3 эта керамика залегала в нижнем горизонте среднего (второго) слоя и всего лишь фрагменты от пяти сосудов найдены на других уровнях[1]. На стоянке Университетская-1 свыше 76% ее залегало в 3-4 штыках (что соответствует нижнему горизонту среднего слоя вышеназванного памятника). Аналогичную картину дают и другие стоянки лесостепного Подонья. Всё это пока не позволяет провести статистико-стратиграфическую классификацию внутри группы, но вместе с тем данное обстоятельство может указывать на сравнительно узкие хронологически рамки бытования этой керамики на Среднем

[1] О стратиграфии стоянки см.: Синюк А.Т. Неолитический материал Нижневоронежской многослойной стоянки Университетская-3. - В кн.: Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе (по материалам Востчноевропейской лесостепи). Воронеж, 1978, с. 21.

Дону. Признание относительной единовременностн ее при некоторых вариациях формы и ряда других признаков не несет больших противоречий, поскольку черты единства по важнейшим показателям выступают достаточно ярко.

Воротничковая керамика столь резко отличается от местной неолитической, что не оставляет сомнений относительного своего происхождения за пределами лесостепного Дона. Аналогии ей обнаруживаются прежде всего в Нижнем Подонье, в материалах из зоны Цимлянского водохранилища[1], из соответственных слоев поселения Ракушечный Яр[2], где есть сосуды с растительной и раковинной примесью, остродонные и с уплощенным дном, с отпечатками гребенчатого штампа и с прочерченным зигзагом в орнаментации. Однако такие признаки, как струйчатые прочерченные линии, наколы, зигзаг из оттисков гребенчатого штампа, и т.д. — известны и за пределами Нижнего Дона – в Поволжье (Досанг, Исекей), а отдельные композиции из отмеченных элементов имеются в орнаментации псоуды приазовских и надпорожских памятников типа Никольского могильника[3].

Керамика трех названных районов (Нижний Дон, Нижняя Волга, Надпорожье - Приазовье) имеет и отличительные признаки. У надпорожско-приазовских сосудов, например накольчатый элемент не тождественен восточному и находит прямые аналогии в днепро-донецкой культуре. К тому же, на сосудах восточных районов более распространен зубчатый штамп, а не накол. Надпорожско-приазовские сосуды, как правило, имеют широкие воротнички и плоские днища, а в их тесте примесь песка, края воротничков косо срезаны внутрь и срезы почти всегда украшались[4]. Сосуды же из Нижнего Подонья, при наличии своеобразных, но с преобладанием треугольных в сечении воротничков (их, правда, нет у сосудов из Ракушечного Яра), чаще остродонные, с органической примесью, венчик не имеет косого среза. Нижневолжская керамика, для которой тоже характерна растительная или ракушечная примесь, близка донской.

Приведенное сопоставление не позволяет объединять западную и восточную группы памятников в одну культуру. Но в это же время общие признаки, которые в определенной своей части могли быть приобретены под воздействием кельтеминарской культуры (волнисто-прочерченный орнамент и др.), указывают на культурно-хронологические контакты двух групп памятников, что исключительно важно для корреляции датировок. Большой интерес в этом отношении представляет памятник у с. Съезжее в Куйбышевском Заволжье[5]. Керамика могильника — сосуды первого комплекса (по классификации авторов), несмотря на влияние местных неолитических традиций (вогнутые донца, гребенчатый орнамент, нанесенный способом «шагающей гребенки»), обнаруживает удивительное сходство с донской керамикой. Единство таких признаков, как яйцевидная форма, воротнички на венчике, органическая примесь

[1] Горецкий Г.И. О возможностях применения археологического метода при изучении молодых антропогенных осадков. - В кн.: Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, № 20, М., 1955, с. 27, табл. VII, 1-4, табл. V и др.; Формозов А.А. Неолитическая керамика Нижнего Подонья. - В кн.: КСИИМК, 1954, № 53, с. 135, рис. 60, с. 136, рис, 61.

[2] Белановская Т.Д. Отчет о работе Нижнедонской археологической экспедиции в 1969 г. - Архив ИА АН СССР, Р-I, № 2139.

[3] Телегин Д.Я. Никольский могильник эпохи неолита — меди в Надпорожье. - В кн.: КСИА, Киев, 1961, вып. 11.

[4] Телегин Д.Я. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968, с. 63-83.

[5] Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Поселение и могильник у села Съезжее (предварительная публикация)/ - В кн.: Очерки истории и культуры Поволжья, Куйбышев, 1976, вып. 2, с. 73-96.

в тесте, орнаментальный зигзаг, волнообразные нарезные линии и т.д. — достаточно красноречиво указывают на генетическое единство и хронологическую близость этих материалов. Памятники объединяются исследователями в самарскую культуру[1]. Таким образом, в настоящее время выявляется несколько археологических культур, занимающих обширные территории Европейской степи и лесостепи и связанных целым рядом общих признаков. В связи с этим можно согласиться с предложением куйбышевских исследователей о включении самарской, нижнедонской культур, а также могильников мариупольского типа Приазовья и Поднепровья в мариупольскую историко-культурную область[2].

Синхронность всех этих групп памятников не вызывает сомнений. На основании трипольских импортов памятники типа Никольского и Мариупольского могильников сопоставляются с ранним Трипольем (стадия А), что по времени соответствует первой половине IV тыс. до н. э[3]. Однако такая датировка вызывает у ряда исследователей небезосновательные возражения. Так, например, А.А. Формозов, привлекая кавказские аналогии, считает возможным относить Мариупольский могильник к более позднему времени[4]. Материалы Среднего Дона тоже показывают, что ограничивать бытование нижнедонской культуры серединой IV тыс. до н. э. не следует. Стратиграфические данные стоянки Университетская-3 позволяют установить время появления нижнедонской керамики после ранней ямочной керамики долговского типа[5], которая датируется второй половиной IV тыс. до н. э[6]. Следовательно, проникновение нижнедонской керамики в лесостепное Подонье можно связывать по времени со второй половиной — концом этого тысячелетия. Такое заключение находится в соответствии с датировкой, предложенной Н.Я. Мерпертом для подкурганных погребений с признаками нижнедонской культуры (сосуд из погр. 22 кург. 5 I Бережновского могильника)[7].

Стоянки низовий р. Воронежа (Отрожкинская, Университетские) являются северным рубежом распространения на Дону воротничковой керамики: выше по Воронежу, а также и по Дону, она неизвестна. Не встречена она пока и к востоку от Среднего Побитюжья (восточнее стоянки Дрониха). На юго-западе небольшая группа такой керамики выявлена во 2-м энеолитическом слое поселения Александрия (р. Оскол)[8], но

[1] Васильев И.Б. Южные районы лесостепного Поволжья в волосовское время. - В кн.: Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола, 1978, с. 12.

[2] Васильев И.Б. Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1979, с. 9.

[3] Телегін Д.Я. Дніпро-донецъка культура. Київ, 1968, с. 192 - 198; Даниленко В.Н. Неолит Украины, Киев, с. 216-217, рис. 154.

[4] Формозов А.А. Об историческом месте неолитической культуры Левобережной Украины (в связи с выходом в свет книги Д.Я. Телегина «Днепро-донецкая культура»). СА, № 4, 1970, с. 283.

[5] Синюк А.Т. Некоторые вопросы истории Среднего Подонья в IV-II тысячелетиях до н.э. - В кн.: Из истории Воронежского края. - Воронеж, 1975, вып. 5, с. 146.

[6] Левенок В.П. Долговская стоянка и её значение для периодизации неолита на Верхнем Дону. - В кн.: МИА, № 131, М., 1965, с. 247; он же. Неолит Верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны Европейской части СССР. Автореф. канд. ... канд. ист. наук. - Л., 1969, с. 18.

[7] Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. - В кн.: МИА, № 61, М., 1958, т. II, с. 58; он же. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974, с. 59 - 60.

[8] Телегін Д.Я. Энеолитическое поселение и могильник у хутора Александрия. - В кн.: КСИА, Киев, 1960, № 9.

здесь она не имеет органической примеси. Южнее низовий р. Тихой Сосны (стоянки Дармодехинская, Копанищенская) воротничковой керамики тоже пока не выявлено, хотя поиски ее здесь, а также в степных районах Дона должны дать положительный результат. Для оценки содержания нижнедонской культуры местных материалов пока недостаточно, но в этом аспекте особое значение приобретают результаты исследований культурно близких памятников, и прежде всего Съезжинского могильника, по аналогии с которым и у донского населения можно предполагать развитое скотоводческое хозяйство с преобладанием коневодства[1], обряд захоронений в грунтовых могильниках вытянуто на спине[2] и традиции микролитической техники в кремневом производстве[3], Приход населения нижнедонской культуры открывает первый (нижнедонской) этап в энеолите лесостепного Подонья.

Следующая группа керамики выделена на основании общих признаков среднестоговскими материалами территории Украины. Стратиграфическое ее залегание в культурных слоях стоянок говорит о появлении её после материалов нижнедонской культуры. Так, на стоянке Университетская-3, из 33-х среднестоговских сосудов (найдены во фрагментах и развалах) уже третья часть залегала в верхнем горизонте среднего слоя, а остальные - в нижнем горизонте. Сосуды эти остродонные, средних размеров, сравнительно тонкостенные и легкие, с ракушечной примесью. Высокие венчики четко отделены от тулова и нередко имеют следы лощения. Орнаментировались они главным образом в верхней части тулова и по верху венчика. Преобладает мелкая гребенка; прочерченный, накольчатый и шнуровой элементы немногочисленны. У ряда сосудов в основании венчика имеются вдавления, а в нескольких случаях фиксируется орнаментальный зигзаг.

Этот материал находит аналогии прежде всего в памятниках раннего, дошнурового периода среднестоговской культуры Поднепровья тина Квитяной Балки, Игрень-8 и др. Для степных территорий устанавливается непосредственная смена днепро-донецкой культуры среднестоговской, происшедшая в середине IV тыс. до н.э. Время бытования последней по трипольским аналогиям определяется второй половиной IV – серединой III тыс. до н.э[4]. Учитывая довольно ранний облик части среднестоговских материалов лесостепного Подонья, можно полагать, что они появились здесь вслед за нижнедонскими, т.е. где-то на рубеже IV и III тысячелетий до н.э. О хронологическом смыкании и культурном взаимодействии групп населения нижнедонской и среднестоговской культур свидетельствует появление смешанного типа керамики. Процесс такого взаимодействия протекал, видимо, не только в Среднем Подонье, но и в других районах, где могли соприкасаться две названные группировки, в частности на Нижнем Дону и на Волге. Ярким примером сказанному может служить материал Хвалынского могильника в Саратовском Поволжье[5].

Местные материалы показывают, что не все среднестоговское население участвовало в таком процессе, некоторые его группы с относительно «чистой» культурой

[1] Васильев И.Б. Лесостепное Поволжье..., с. 15.

[2] Там же, с. 7.

[3] Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Указ. соч., с. 80.

[4] Мовша Т.О. О связях племен трипольской культуры степными племенами медного века. - СА, 1961, № 2, с. 196 и др.; Телегин Д.Я. Основі риси та хронологія середньо-стогівськоі культурі. - В кн.: Археология, Киев, 1970, т. XXIII, с. 19.

[5] Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский могильник и его место в энеолите Восточной Европы. - В кн.: Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1979, с. 36-63.

продолжали здесь обитать (или проникать) позднее. Например, встречается керамика, украшавшаяся по всей поверхности оттисками шнура, «личинками» и другого вида вдавлениями и очень напоминающая материалы позднего, дереивского этапа среднестоговской культуры. В этом плане особенно интересно сопоставление сосуда со стоянки Копанище-2 с сосудами из ямно-катакомбных погребений кургана 2 Сасовского могильника.

Среднестоговские материалы распространены в Подонье более широко, чем нижнедонские (от Среднего Поосколья на западе (Александрия, Шелаевские стоянки) до р. Хопра на востоке (хут. Ендовский), от р. Воронежа на севере (Большой Липяг) и до р. Гаврилы на юге (Павловский могильник)

К сожалению, степная часть Среднего Дона систематическим исследованиям пока пока не подвергалась, но, думается, очерченная территория распространения среднестоговских материалов составляет единый масив с Нижним Доном.

Как известно, каменные орудия среднестоговской культуры делались на крупных пластинах и на отщепах преимущественно техникой двухсторонней оббивки и ретуширования[1], а погребальный обряд наделен такими признаками, как положение умерших на спине с подогнутыми в коленях ногами в ямах удлиненно-округлой формы, применение камней в качестве закладов, и т.д[2]. Все эти признаки резко отличают среднестоговскую культуру от нижнедонской и не позволяют видеть в них близкое родство.

На памятниках лесостепного Подонья, как уже отмечалось пока не вычленяются, за исключением керамики, иные категории материалов. Следует отметить лишь нахождение клада из пяти кремневых нуклеусов для производства крупных ножевидных пластин у с. Филоново и иного аналогичного нуклеуса из с. Титаревка (оба пункта расположит на юге Воронежской области), которые по всем признакам соответствуют среднестоговским древностям.

Появление рассмотренной группы материалов открывает второй (среднестоговский) этап в энеолите лесостепного Дона.

Следующая из имеющихся культурно-хронологических групп сопоставляется с материалами поселения у хут. Репин, исследовавшегося И.В. Синицыным[3]. Керамика представлена главным образом типом круглодонных горшков с высоким желобчатым или утолщенным в средней части венчиком, четко отделенным от яйцевидного тулова. В тесте ракушечная примесь, на поверхностях имеются крупные косо-вертикальные расчесы. На венчике обязателен ряд ямок или жемчужин.

Встречаются сосуды со слабо выраженным венчиком, а также банкообразные сосуды и миски. Украшались сосуды в верхней половине. В орнаментации господствует гребенчатый штамп, составленный в горизонтальные пояски[4]. Обычен орнаментальный зигзаг. Распространен также шнуровой элемент, реже встречается прочерченный элемент и отступающий штамп. Редки сосуды с ямчатыми вдавлениями и защипами, и также с елочными и более сложными орнаментальными композициями.

В вопросе о том, принадлежат ли все репинские материалы к узкому отрезку времени, или же они имеют широкий диапазон бытования большое значение получают

[1] Телегін Д.Я. Середньо-стогівська культура эпохи міді. Киев, 1973, с. 60.

[2] Там же, с. 102-115.

[3] Синицын И.В. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Приднепровьем. - В кн.: КСИА, Киев, 1957, № 7, с. 32-35.

[4] Обоснованию выделения репинской культуры посвящена статья автора «Репинская культура в бассейне Дона» (в печати).

данные стоянки Университетская-3, где такие материалы сопоставляются по уровню залегания. Располагаясь в среднем слое стоянки, репинские сосуды в большей степени приурочены (в отличие от среднестоговских) к верхнему горизонту этого слоя. Вышележащие сосуды отличаются преобладанием жемчужин под верхом, более широким распространением шнурового украшения, ослаблением роли отступающего штампа и наколов в орнаментации. Хронологический характер этих изменений подкрепляется и появлением в верхнем горизонте сосудов со слабо выделенным венчиком; скупо орнаментированных лишь жемчужинами и насечками по срезу венчика, а также сосудов яйцевидной формы с прямым или несколько стянутым внутрь верхом, во всем остальном сохраняющих признаки репинских горшков. В этом же горизонте найдены и мелкие миски, выполнен в «репинской» манере. Таким образом, изменения, фиксируемые и по глубине залегания, позволяют утверждать, что репинские материалы хронологически неоднородны.

Критерием хронологического членения пока служит количественный приоритет тех или иных признаков и их сочетаний, но не каждый из них в отдельности. Поэтому для периодизации репинской культуры могут быть привлечены пока только памятники с большими группами материалов. В частности, на Среднем Дону, наряду со стоянкой Университетская-3, ранние и поздние признаки фиксируются в материалах таких стоянок, как Дармодехинская, Копанищевская-1, Черкасская. В материалах поселения у хут. Репин ранние признаки явно преобладают, но и здесь имеется группа более поздней керамики. На Нижнем Дону ранних репинских памятников пока не обнаружено. Материалы же Ливенцовки (2-й слой) в основном отражают поздний хронологический период, поскольку у сосудов редко встречается ракушечная примесь, венчики невысокие, иногда слабо профилированы и, как правило, украшались жемчужинами[1]. В западном (днепровском) регионе выделяется известное Михайловское поселение, где в орнаментации сосудов (группа «А» из 2-го слоя) господствуют шнур и жемчужины[2] - признаки, объединяющие эти сосуды с поздними донскими материалами.

На Репинском поселении, помимо керамики, найдено небольшое количество кварцитовых изделий из отщепов, мало что дающих для характеристики каменного производства. Зато весьма красноречивы происходящие отсюда остеологические материалы, свидетельствующие о скотоводческом характере хозяйства жителей поселка, с преобладанием в стаде лошади (80 % всех костей домашних животных). Долговременность этого поселка, а, следовательно, оседлость его обитателей устанавливается и по находкам костей свиньи[3]. На поселении Большой Липяг оседлый скотоводческий характер жизни населения подтверждается остатками стационарных жилищ, находками костей, коровы, свиньи[4]. Раскопками этого памятника выявлены даже остатки микролитической кремневой индустрии: пластинки, их сечения, трапеции, микронуклеусы и т.п.[5] Исходя из всего этого, можно сделать вывод об оседлости репинских племен, о скотоводческом характере их хозяйства и о сохранении микролитической техники в кремневом производстве. Выше уже говорилось о хронологическом смыка-

[1] Братченко С.Н. Богатошарове поселенняя Лівенцівка на Дону. - В кн.: Археология, Киев, 1969, XXII, с. 214-215, рис. 4, 1-5.

[2] Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л. Михайлівське поселения. Киев, 1962, с. 81-88.

[3] Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л, 1975, с. 88.

[4] Левенок В.П. Исследования в зоне Липецкого моря. - В кн.: АО 1967 года, М., 1968, с. 34.

[5] Там же.

нии и культурном взаимодействии на Дону среднестоговской и нижнедонской культур, что отражено в материалах со взаимосочетающимися признаками. Но именно такие материалы могут рассматриваться как переходные к репинским. И, видимо, не случайно обнаруживается совпадение районов нахождения таких материалов и репинских. Отметим, что на Среднем Дону «проторепинской» керамики выявлено больше, чем где-либо в другом месте. В связи с этим вполне определенно говорить о значительной роли традиций среднестоговской и нижнедонской культур в становлении репинской культуры. Важно отметить, что только ранняя дошнуровая среднестоговская керамика содержит ряд признаков, которые затем станут характерными и для донских репинских сосудов (высокий венчик и прием его лощения, система орнаментального построения, ракушечная примесь и т.д.). На хронологическое смыкание репинских и ранних среднестоговских материалов указывают и данные Дармодехинской стоянки, где сосуды обеих групп объединены довольно своеобразным признаком: поверхности их серого и черного цвета, «скользкие» от ракушечной примеси. Таким же признаком обладали материалы из района Цимлянского водохранилища, безусловно ранние, интерпретированные в свое время как доямные[1]. Интересно также, что поздние поднепровские и донецкие материалы типа поселений Молюхов Бугор, Александрия и особенно Дереивка (рассматриваемые как прямое развитие среднестоговской культуры) сходства с репинскими материалами не содержат совсем, из чего следует, что культуры длительное время развивались параллельно. Именно поэтому нельзя согласиться с предложением В.П. Левенка выделять «репинский этап» в среднестоговской культуре. Правда, он фиксирует как местную особенность наличие в тесте растительной примеси у донских сосудов. Но этот признак, как многие другие (обработка поверхностей сосудов расчесами, составление насечек мелкого гребенчатого штампа в пояски, зигзаг, волнисто-прочерченный элемент и др.), появляется на основе традиций именно нижнедонской культуры, сыгравшей едва ли не главную роль в формировании репинской культуры. Помимо керамики, близость двух культур фиксируется общи ми традициями кремневого производства (микролитическая техника представлена на поселении Большой Липяг и Съезжинском могильнике самарской культуры — ближайшего аналога нижнедонской культуры).

Не исключено также, что именно «Съезжинские» традиции лежат в основе погребального обряда репинских племен, поскольку вообще немногочисленные пока случаи обнаружения репинских сосудов в курганах доно-волжского региона связаны с вытянутыми погребениями[2]. Объединяющим признаком служит и тип хозяйства, обнаружение жертвенного места с черепами лошадей на Съезжинском могильнике[3] объясняет истоки утверждения коневодства как ведущей отрасли хозяйства у репинских племен.

В целом же процесс оформления репинской культуры протекал не только во взаимодействиях нижнедонских и среднестоговских традиций, он был значительно более сложным. Так, например, отражением среднедонской неолитической культуры являются наколы, ямки, и, вероятно, жемчужины на венчике; распространение шнурового орнамента — следствие контактов уже с поздней среднестоговской культурой; появление яйцевидных сосудов без выделенного верха, и т.д. — результат взаимодействия

[1] Формозов А.А. Неолитическая керамика Нижнего Подонья. с. 138.

[2] Смирнов К.Ф. Быковские курганы. - В кн.: МИА № 78. М., 1960, с. 227, рис. 22, с. 200, рис. 13, 3а, 3б.

[3] Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Указ. соч., с. 74.

с собственно ямными традициями на поздних этапах развития. Как специфика местных условий, так и разная степень участия даже одних и тех же генетических компонентов в сложении новых культурных образований, не предполагает тождественности этих образований. В этом случае ярким примером может служить Хвалынский могильник — весьма своеобразный по своему облику, но вобравший в себя традиции культур[1], на которых выросла и репинская культура.

Для определения хронологических рамок репинской культуры важное значение имеет установление факта смыкания её со средвестоговской культурой на первом этапе развития, который датируется временем от третьей четверти IV тыс. до н.э. до конца этого тысячелетия[2]. Но, учитывая в целом хронологический приоритет последней (по данным стоянки Университетская-3), формирование репинской культуры следует вероятнее всего относить к концу первого периода среднестоговской культуры, т.е. к рубежу IV и III тыс. до н.э. С середины III тыс. или несколько позднее, репинские материалы начинают приобретать поздний облик. Пока трудно назвать конечную дату их формирования, но по аналогии с Михайловским поселением[3] они могут существовать до рубежа III и II тыс. до н.э.

В начальный период своего развития репинская культура занимала в основном лесостепные, а также северные степные районы Дона, именно здесь наблюдается концентрация репинских памятников. В позднем периоде часть племен репинской культуры испытала ассимилирующее воздействие со стороны продвинувшихся сюда древнеямных группировок, а другая часть была вынуждена искать новые жизненные пространства. Поиски эти имели разные направления. Одно из них - западное, в Поднепровье (Михайловское поселение и др.), а второе — северное, в ходе которого осваивался Верхний Дон (Долговская стоянка)[4] и, возможно, отдельные районы Средней Оки (стоянка Засеченская-III)[5]. Какие-то группы продвинулись и на юг, в Нижнее Подонье (Ливенцовское поселение), где они быстро смешались с местным населением.

Таким образом, появление ранних материалов репинской культуры выделяет начало третьего (репинского) этапа в энеолите лесостепного Подонья.

Последняя четвертая культурно-хронологическая группа энеолитических материалов рассматриваемой территории сопоставляется с древнеямной (городцовской) культурой. В настоящее время здесь насчитывается свыше 60 погребений и небольшие керамические комплексы с культовых памятников.

Все погребения выявлены под курганными насыпями, первоначальный диаметр которых в среднем составлял 16-18 метров. Погребения не дают устойчивого стратиграфического соотношения между собой, однако типологически они подразделяются на несколько обрядовых и хронологических групп.

Наиболее ранними можно считать погребения, совершенные в прямоугольных ямах скорченно на спине с восточной ориентировкой погребенных. Для этих погребений обязательна органическая подстилка, подсыпка охрой и мелом. Они безынвентарны, за исключением двух (погребения 4 и 5 кургана № 31 Павловского могильника), которые сопровождались прекрасными комплексами вещей.

[1] Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Указ. соч.

[2] Телегін Д.Я. Середньо-стогівська культура, с. 124-125.

[3] Шапошникова О.Г. Ямна культура. - В кн.: Археология Украинської РСР. Киев, 1971, с. 280-281.

[4] Левенок В.П. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону, с. 245.

[5] Сборы В.П. Челяпова. Материал не опубликован.

В первом из них (захоронение девочки) находились медный клиновидный проушной топор на каменной наковалекке, медное тесло и долото — типичный набор орудий плотника, а также височная подвеска в полтора оборота из серебряной проволоки и круглодонный сосуд со слабо выделенным высоким горлом, с органической примесью в тесте, орнаментированный по всей поверхности глубоким отступающим штампом в местной неолитической манере. В другом погребении (захоронение мужчины) находился набор орудий кожевенного производства: медный нож с широким прямоугольным лезвием, крупное медное шило, кремневые и кварцитовые скребки, скребла, ножи-резаки, серповидные изделия. Здесь же выявлен круглодонный сосудик с хорошо профилированным верхом. Металлические комплексы отмеченных погребений сближаются с майкопскими древностями, в связи с чем и вся выделенная группа погребений может датироваться первыми веками второй половины III тыс. до н.э[1].

Другую группу составляют погребения в прямоугольных ямах, скорчено на спине, с ориентировкой в западном секторе. Для них также характерна подсыпка охры и мела и деревянные накатники. Насыпи, возводившиеся над этими погребениями, окружались в ряде случаев кольцевыми ровиками. Инвентарь в погребениях беден, он включает перстень из трубчатой кости, два медных листовидных ножа (один находится во фрагментарном состоянии), обломки от нескольких яйцевидных, сосудов с ракушечной примесью в тесте, орнаментированных наколами, гребенчатым штампом и шнуром, и ножевидное орудие на кремневом отщепе. Эта группа погребений находит ближайшие аналогии среди ямных памятников Нижнего Дона, отнесенных Н.Я. Мерпертом к третьей хронологической группе (третья — начало четвертой четверти III тыс. до н.э.)[2].

Видимо, более поздними являются захоронения скорченные на спине или на правом боку в ямах с уступами. Стратиграфически зафиксирована их вторичность по отношению к погребениям выше рассмотренной группы. Здесь встречаются охра и мел, а также остатки деревянных перекрытий. Сопровождающий инвентарь по-прежнему беден. Это небольшие яйцевидные сосуды с округлым или уплощенным дном, с ракушечной примесью в тесте. В орнаментации встречаются оттиски шнура, мелкой гребенки, пальцевые защипы. Единичны другие находки: кремневая и кварцитовая ножевидные пластины, кремневый вкладыш. Для данной группы погребений отмечаются признаки воздействия со стороны донецкой катакомбной культуры — положение умерших на правом боку, появление плоскодонных сосудов и т.д. Хронологически они соответствуют четвертой группе погребений Нижнего Дона и могут датироваться концом III - первой четвертью II тыс. до н.э[3].

Выделяется и еще одна группа погребений, несущих смешанные ямно-катакомбные признаки. Это небольшие прямоугольные, с сильно скругленными углами ямы, в которых умершие лежали скорченно на правом боку головой на юг или юго-восток. Погребения безынвентарны, отмечается лишь незначительная посыпка охрой. По всей вероятности, эта группа синхронна вышерассмотренной и отличается определенным своеобразием сложившегося погребального обряда.

По имеющимся данным можно предполагать, что племена древнеямной культуры составляли иной мир в сравнении с местными репинскими племенами, отличаясь и в

[1] Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, с. 145.

[2] Мерперт Н.Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тыс. до н.э.). Дисс. ... докт. ист. наук. - Архив ИА, Р-2, № 2010, с. 397.

[3] Там же, с. 400.

хозяйственном отношении (преимущественное разведение мелкого рогатого скота), и в идеологии (подкурганный погребальный обряд), и, вероятно, этнически. Появление и дальнейшее пребывание их на Среднем Дону сопоставляется с поздним периодом развития репинской культуры. С этого времени, на основе взаимных контактов разнородных групп населения, начинает распространяться смешанная, ямно-репинская керамика, которая наиболее ярко представлена на бытовых памятниках (стоянки Университетская-3, Копанищевская-1, Дармодехинская и др).

Появление первых древнеямных погребений открывает четвертый (древнеямный или городцовский) этап в энеолите лесостепного Подонья.

Таким образом, на основании анализа имеющихся материалов, стало возможным наметить периодизацию местного энеолита, включающую четыре хронологических этапа, причем в рамках последнего этапа выделяются три ступени — в соответствии с типологией древнеямных погребений. Нужно сказать, что продолжительность этапов не совпадает со временем бытования определяющих их групп материалов, поскольку, появившись в свое время, эти группы продолжают параллельно развиваться. Следовательно критерием в определении этапов местного энеолита прежде всего служит появление культурно-хронологических групп материалов. Сейчас пока можно лишь приблизительно датировать границы каждого из этапов (что всецело зависит от общей разработки хронологии неолита — энеолита — бронзы: первый (нижнедонской) этап — вторая половина — конец IV тыс. до н.э.; второй (среднестоговский) этап — рубеж IV и III тыс. до н.э.; третий (репинский) этап (начало III тыс. до н.э.; четвертый (городцовский) этап — середина — третья четверть III тыс. до н.э.

В целом же донской энеолит хронологически охватывает около полутора тысячелетия — от второй половины IV и до начала II тысячелетия до н.э.

Исторический процесс, протекавший в это время в лесостепном Подонье, был усложнен этнической многоликостью обитавших здесь племен. Приход с юга группировок — носителей нижнедонской культуры, а затем и среднестоговской, не вызвал значительных перемен в быту местного неолитического населения: материалы показывают, что они все время развивались параллельно при сохранении своих особенностей. Более того, фиксируется ещё колонизационная волна (в первой половине III тыс. до н.э.) с севера, из среды племен с культурой льяловского типа[1], хотя в это время здесь нашли силу племена репинской культуры. Наметился симбиоз разноэтнических племен, чему способствовали условия лесостепи, открывшие широкие возможности для развития как присваивающих, так и производящих форм хозяйства. Именно различия в хозяйственной жизни стали определяющими для развития взаимного обмена продуктами[2], а, следовательно (при отсутствии избытка населения на данной территории) и для поддержания мирных взаимоотношений. Подобного рода контакты хорошо иллюстрируются находками костей быка с признаками одомашнения в материалах пережиточного неолита стоянок Рыбное Озеро-II, Ярлуковская Протока и др[3].

Основу экономики энеолитического населения первых трех этапов составляло скотоводство с преобладанием в стаде лошади, а у пережиточного неолитического

[1] Синюк А.Т. Некоторые вопросы истории Среднего Дона в IV-II тысячелетиях до н.э., с. 146, 148.

[2] Маркс К. Капитал. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 365.

[3] Левенок В.П. Неолит Верхнего Дона. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1969, архив ИА, Р-I, № 2057, с. 16. Видимо, свидетельства такого обмена нельзя подменять суждением о развитии животноводства у всех неолитических племен лесостепного Дона (см. там же, с. 17).

населения — рыболовство и охота. Сосуществование различных этнокультурных группировок людей с различным хозяйственным укладом как раз определяет глубокую специфику лесостепи, отличающую её от других природно-климатических зон. Лишь в цельнейшем, на базе взаимодействия этих группировок (обмен, ассимиляция, вытеснение), наметился процесс нивелирования хозяйства под эгидой более жизнеспособных производящих форм, но, надо полагать, полное оформление единой хозяйственной зоны в лесостепи завершилось не ранее конца III или начала II тыс. до н.э., в связи с максимальным расширением сферы действия населения древнеямной культурной общности, а также с активизацией племен катакомбной культуры, появление которых открывает в лесостепном Подонье эпоху бронзы.

К сожалению, пока нет сколько-нибудь существенных данных для широкой реконструкции общественных отношений и идеологии донских энеолитических племен. Решение этого вопроса — задача предстоящих исследований.

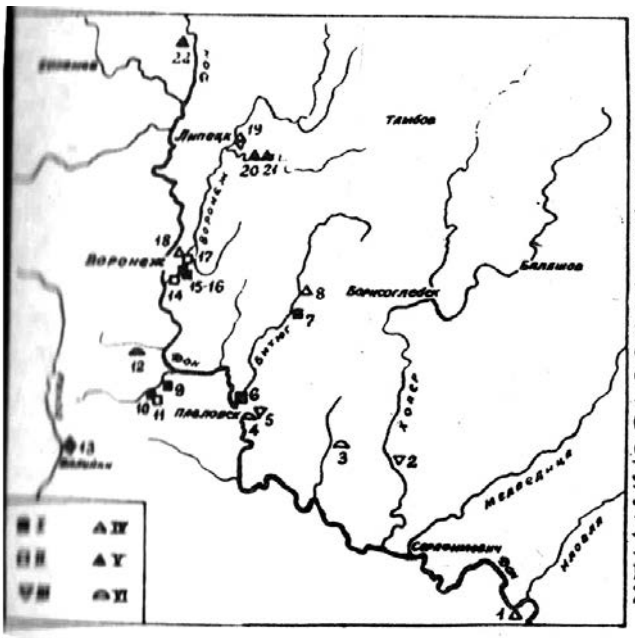


Рис. I. Основные энеолитические памятники на Среднем Дону.
I–памятники I–4 этапов; II–памятники 2–4 этапов; III–памятники 2 этапа; IУ–памятники 3 этапа; У–памятники 3–4 этапов; УI–памятники 4 этапа; /I–Репинское поселение; 2–хут. Ендовский; 3–Ширяево; 4–5 – Павловск; 6–Черкасская стоянка; 7–Дрониха; 8–Мосоловка; 9–Дармодехинская стоянка; I0–Копанище –I; II– Копанище–2; I2–Сасовка; I3–Шелаевские стоянки; I4–Шилово; I5–Университетская–3; I6–Университетская–I; I7–Отрожка; I8–Чертовицкое; I9–Большой Липяг; 20–Рыбное Озеро; 2I–Ярлуково; 22 – Долгое./

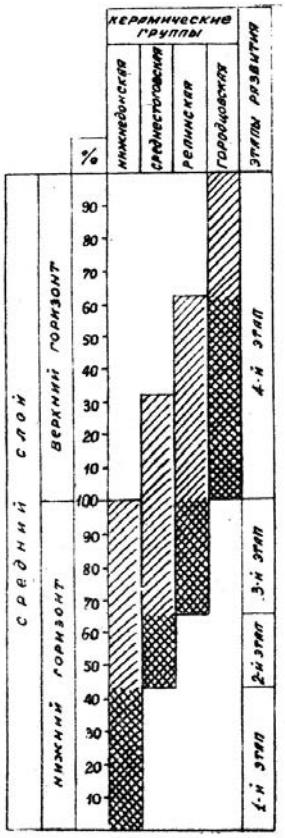


Рис. 2. Процентное соотношение групп энеолитической керамики в среднем слое стоянки Университетская – 3.

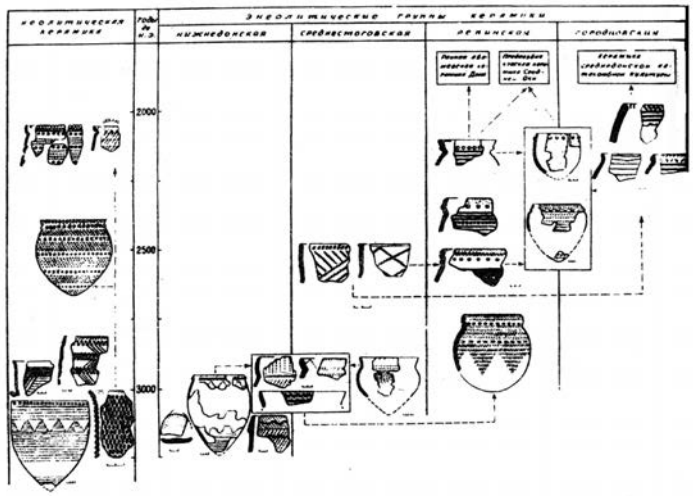


Рис. 3. Хронология и культурное соотношение групп энеолитической керамики и синхронных им типов керамики неолитического облика по данным стоянки Университетская–3

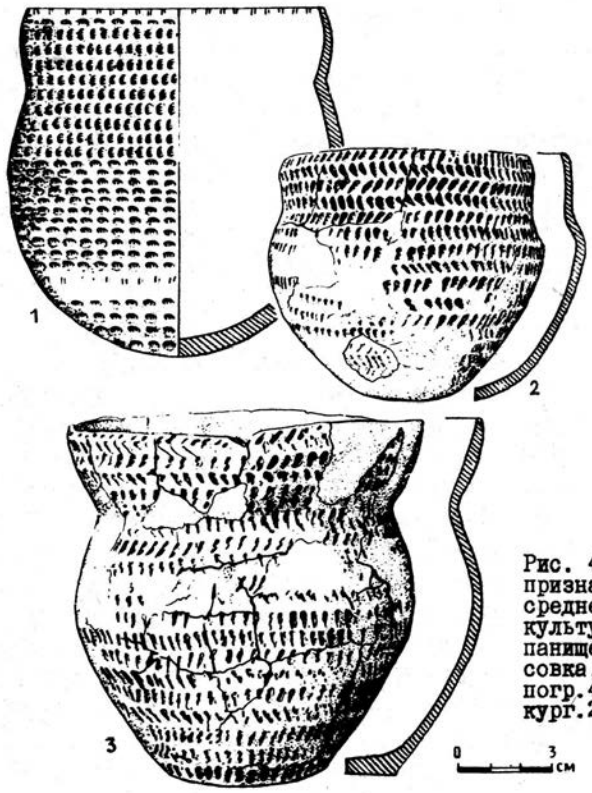


Рис. 4. Сосуды признаками поздней среднестоговской культуры / I - К панище-2; 2 - Са совка, кург.2, погр.4;3-Сасовка кург.2, погр.3/.

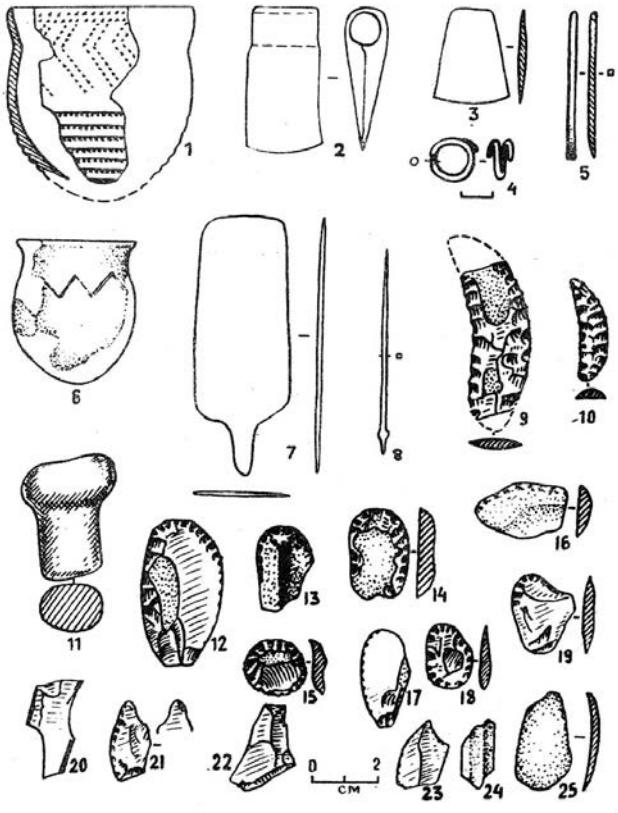


Рис. 5. Комплексы вещей погребения 4 / I- 5/ и погребения 5 /6 - 25/ кургана № 3I Павловского могильника /I-I /I, 6 - глина; 2, 3, 5, 7, 8 - медь; 4 - серебро 9, I0, I2, I4, I5 I7 - 23 - кремень I3, I6, 23, 24 - кварцит; II - пес чаник/.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО НЕОЛИТУ И ЭНЕОЛИТУ СРЕДНЕГО ДОНА С ШИЛОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Энеолит Восточной Европы. Межвузовский сборник научных статей. Том. 235. С. 73-92. В соавт. с А.Д. Пряхиным.

Шиловское поселение близ г. Воронежа[1] получило известность прежде всего как яркий памятник абашевской культуры Подонья[2]. Вместе с тем, здесь выявлены материалы и иного облика, указывающие на то, что местоположение памятника на мысе боровой террасы левого берега р. Воронеж, органически связанное с обширной поймой и плодородной низменностью лесостепного левобережья Псдонья, привлекало к себе внимание как охотников-рыболовов, так и скотоводов-земледельцев от неолитической эпохи до славянорусского времени включительно.

В задачу статьи входит рассмотрение только ранних, докатакомбных групп материалов, о которых прежде давалась лишь краткая информация[3].

Культурные наслоения памятника подверглись значительным нарушениям, особенно в период функционирования долговременного абашевского поселка, с которым связывается активная строительная деятельность. Данное обстоятельство практически исключает возможность обращения к стратиграфии для поглубинного анализа материалов доабашевского времени. Следует также принять по внимание и специфику структуры слоя, состоящего из рыхлых супесчаных отложений (мощность их в среднем составляет 120 см). Однако ранние материалы, главным образом керамические группы, достаточно четко вычленяются типологически. В целом же они, при учете почти полной исследованности площади мыса, составляют весьма незначительный процент от общего количества находок. К этому можно добавить, что с ними определенно нельзя связать и какие-либо остатки строительных сооружений. Все сказанное, а также данные планиграфии, фиксирующие распространение ранних материалов по всей площади памятника (что до известной степени отражает, несмотря на сильные нарушения слоя, реально имевшую место систему их размещения), позволяет сделать вывод об отсутствий здесь в доабашевское время стационарных поселков (см. рис. 1). Принимая во внимание и большую типологическую разнородность интересующих нас материалов, правильнее будет предполагать многократное устройство на этом месте сезонных стойбищ, не требовавших сложных строительных сооружений и собственно сопровождавшихся ограниченным кругом хозяйственно-бытового инвентаря. Подобная же картина выявляется при раскопках и других многослойных памятников лесостепного Подонья, в частности, стоянки Университетская-3, где тоже фиксируется для раннего времени толь-

[1] Раскопки велись в 1967-73 гг. под руководством А.Д. Пряхина. Исследованная площадь составила 4584 кв.м.

[2] Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976, с. 11-47.

[3] Пряхин А.Д. Указ. соч. с. II; с. 42, рис. 9; Синюк А.Т. Неолитические памятники Среднего Дона. - В кн.: Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. - Воронеж, 1978, с. 78, с. 91, рис. 3, 19-23.

ко сезонные промысловые стойбища[1].

Неолитический материал Шиловского поселения — керамика и каменные изделия — невелик. Среди общего количества фрагментов керамики (275 единиц) содержатся венчики от 24 сосудов. По форме преобладают прямостенные сосуды с острыми днищами. Единичны сосуды с легкой профилировкой верха. Преобладает орнамент из накольчатых и гребенчатых элементов, покрывающий сосуды до дна и лишь иногда только верхнюю часть. Под венчиком располагается ряд или несколько рядов ямок различных очертаний, а также наколов (рис. 2-6), встречены и жемчужины (рис. 2; 7, 8). Интересно, что для сосудов с жемчужным орнаментом характерна органическая примесь. В тесте других накольчатых сосудов имеется, наряду с растительной примесью, и песок. Наколы, обычно треугольной формы, наносились «отступающим» приемом раздельно (рис. 2, 6) или в строчку (рис. 2, 4).

Отмечено построение наколов в угловые композиции. Накольчатый и гребенчатый элементы часто находятся во взаимосочетании (рис. 2; 5, 6). Типологически ранние признаки имеет фрагмент прямостенного сосуда с обильной растительной примесью со слоистым тестом, орнаментированный колонками из оттисков гребенки, нанесенной концом створки раковины (рис. 2; 10). Интересен сосуд со слегка раструбовидными стенками, орнаментированный мелко-ямочными вдавлениями и раздельными треугольными наколами, образующими довольно «примитивную» композицию из прямых и зигзагообразных линий. С внутренней стороны под срезом венчика имеются наколы и оттиски мелкой гребенки. Украшен наколами и срез венчика (рис. 3; 1). Весь облик этого сосуда довольно архаичен и заставляет думать, что вдавления ямок, а главное, их нанесение, связаны с традициями накольчатой орнаментации. Близкие по форме и орнаменту сосуды[2] из стоянки Университетская-3 рассматриваются нами в рамках второго этапа среднедонской неолитической культуры, до начала проникновения в Подонье групп неолитического населения из области культур с ямочно-гребенчатой керамикой. Вероятно, к этой же поре относится и большинство отмеченной выше керамики, что по аналогии с датировкой родственной среднедонской днепро-донецкой культуры, будет соответствовать концу V — последней четверти IV тыс. до н.э.[3] В неолитической группе керамики с Шиловского поселения есть и несколько фрагментов, имеющих более поздний облик, отмеченный влиянием культурных традиций северного ямочно-гребенчатого неолита. К их числу принадлежит сосуд с утолщением среза верха, пояском жемчужин под ним и рядами овальноямочных вдавлений (рис 2; 1). Сосуд найден в развале и на некоторых его фрагментах отмечаются также ряды насечек гребенчатого штампа, составленные в елочку[4].

Кремневый и кварцитовый материал поселения, включающий около 60 изделий и до сотни отщепов (иногда со следами употребления), характеризуется почти полным отсутствием следов микролитической техники. Преобладают орудия на отще-

[1] Синюк А.Т. Неолитический материал нижневоронежской многослойной стоянки Университетская 3. - В кн: Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. - Воронеж, 1978, с. 26-62.

[2] Он же. Неолитический материал..., с. 48, рис. 6, 25; с. 50, рис. 8, 1.

[3] Он же. Неолитические памятники..., с. 86; с. 100, рис. 10.

[4] Синюк А.Т. Неолитические памятники Среднего Дона. - В кн.: Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. - Воронеж, 1979, с. 91, рис. 3, 19.

пах, но имеются и орудия на средних и крупных пластинах неправильного огранения с частичной подправкой краевой ретушью. Типологически ранними, связывающимися с неолитическим временем, являются миниатюрные концевые (рис. 4; 1, 2) и круговые (рис. 4; 3, 4) скребки на отщепах, орудие сегментовидной формы (рис. 4, 5), нож-про- колка на средней пластине (рис. 4, 6), пластина с боковым резцовым сколом и плоской ретушью по краю (рис. 4; 7), орудие, морфологически близкое пластинам со скошенным концом (рис. 4; 8), некоторые ножи на крупных пластинах (рис. 4; 9-11), сверло (рис. 4; 12), нож со скоблевидной выемкой на одной из сторон (рис. 4; 14), а возможно, и другие орудия. В этом плане интересно упомянуть ножи на кремневых плитках[1]. На поселении их найдено пять, и один из них оказался в заполнении абашевского жилища. Думается, что отнесение подобных изделий и абашевской культуре далеко не бесспорно и вызвано случайностью (они найдены в заполнении котлованов построек абашевского времени)[2]. Они в нескольких экземплярах представлены в кремневом комплексе стоянки Университетская-3[3], на которой вообще отсутствуют следы пребывания абашевского населения. Видимо, следует пересмотреть абашевскую принадлежность и некоторых наконечников стрел (рис. 4; 15-19), а также кремневого тесла (рис. 4; 20), явно тяготеющих к более раннему времени (рис. 4; 20). И в целом следует предполагать, что в абашевское время пользование кремневыми орудиями было предельно ограниченным, поскольку в рамках крупного долговременного поселка не выявлено каких-либо участков, связанных с обработкой камня (количество отщепов относительно готовых орудий — крайне ничтожно), а сами орудия и отщепы широко рассредоточены по площади мыса. С другой стороны, полностью исключать связь абашевских комплексов с кремневыми изделиями тоже нельзя, хотя бы потому, что некоторые из них как, например, две крупные неровные пластины, нож на округлом отщепе или тесло подпрямоугольной формы найдены на полу абашевских жилищ. К сожалению, рассмотрение нами кремневого материала опирается только на сравнительную типологию, что, безусловно, нуждается в дальнейших проверках. К этому можно добавить, что для более определенных суждений по культурно-хронологической привязке кремневых орудий ничего не дает и планиграфия памятника, тогда как неолитическая керамика имеет некоторую концентрацию в центре раскопа, вокруг котлована от абашевского жилища № 7, видимо, разрушившего место неолитического стойбища.

Другая часть докатакомбного керамического материала с Шиловского поселения по особенностям технологии изготовления, формам и орнаментации резко отличается от неолитической керамики. Объединяясь таким характерным признаком, как наличие в тесте ракушечной примеси, она вместе с тем не представляет типологического единства. Выделяются группы керамики среднестоговского, репинского и ямно-репинского типов.

Сосуды среднестоговского типа единичны. Их отличает тонкостенность и легкость от частичного выгорания при обжиге раковинной примеси. Один из сосудов (рис. 5; 1) имеет высокое прямое горло, резко отделенное от корпуса. Край венчика слегка оттянут наружу. Внешняя поверхность горла гладкая, внутренняя имеет

[1] Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. - Воронеж, 1976, с. 43, рис. 9, 21-24.

[2] Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. - Воронеж, 1976, с. 40.

[3] Синюк А.Т. Неолитический материал нижневоронежской многослойной стоянке Университетская-3. - В кн.: Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. - Воронеж, 1978, с. 26-62.

расчесы. На сохранившейся части верха сосуда орнамент отсутствует. Горло второго сосуда также высокое и прямое, но верх его заметно утолщен. Поверхность его гладкая, орнаментирована гребенчатыми насечками, расположенными горизонтальным пояском под срезом, наклонными колонками ниже, а также на внутренней стороне под срезом венчика (рис. 5; 2). Третий сосуд, судя по сохранившейся части, имел слегка раструбовидное горло (рис. 5; 3). Срез его приобрел волнистость от последовательно нанесенных изнутри и снаружи вдавлений («гусенички»). Поверхность фрагмента желтая, пористая, без следов штриховки, Несколько отличаются от рассмотренных венчики двух других сосудов (рис. 5; 4, 5), имеющих косую штриховку по внешним поверхностям и орнаментированных насечками гребенчатого штампа. У одного из них штампом украшен и срез верха. Отнесение их к сосудам среднестоговского типа условно, но следует заметить, что они, как и рассмотренные выше среднестоговские сосуды (за исключением лишь одного), планиграфически составляют одно скопление, размещаясь в иго-западной части раскопа.

В целом эта керамика аналогична среднестоговским материалам других памятников лесостепного Подонья. В определенной степени она имеет сходство и с материалами Днепровского региона, относимыми к первому периоду среднестоговской культуры (этап I-В, волошский тип керамики по Д.Я. Телегину), которые датируются этим исследователем концом IV тыс. до н.э.[1]

К сожалению, планиграфической связки кремневых и каменных изделий с такой керамикой на Шиловском поселении провести невозможно. Однако не исключено, что именно с этим временем могут соотноситься некоторые из ножей на крупных пластинах из дымчатого и черного мелового кремня (рис. 4, 9, 11), столь характерных для сред- нестоговских памятников Украины[2], а возможно, и некоторые другие изделия. Совершенно исключается такого рода привязка с ниже рассматриваемыми керамическими группами, поскольку пока ещё не выяснена типологическая и функциональная специфика сопровождающего их кремневого и каменного инвентаря.

Керамика репинского типа представлена развалами к фрагментами венчиков от 38 сосудов. На плане раскопа можно выделить, несмотря на общую рассредоточенность, пять скоплений, располагающихся в центральной части и на оконечности мыса. Вероятнее всего, что именно такие скопления указывают на местоположение одного или нескольких небольших временных жилых укрытий наземного типа. Репинские сосуды характеризуются формой круглодонного горшка с четко выделенным высоким желобчатым горлом и раздутым корпусом. Верх венчиков, как правило, заострен, срезан во внутрь, в обе стороны, или реже — наружу. Очень немного сосудов имеет прямой ровный срез верха и лишь в двух случаях отмечен округлый верх венчиков. Размеры и пропорции сосудов довольно стандартны: обычный диаметр верха равен 22-24 см, при высоте горла 3,5-4 см. Графическая реконструкция некоторых сосудов дает основание считать, что высота их немного превышала диаметр верха, а наибольший диаметр приходится на середину высоты сосудов. Лишь отдельные из экземпляров имеют отклонения от названных размеров и пропорций. Все сосуды отличаются сравнительной толстостенностью, в среднем — 0,8 см. Венчики массивные, нередко толщина их превышает 1 см. В глиняное тесто сосудов добавлялась примесь толченой раковины. Цвет поверхностей темно-серый,

[1] Телегін Д.Я. Середньо-стогівська культура епохи міді. - Киев, 1973, с. 123, табл. V.

[2] Телегін Д.Я. Середньо-стогівська культура епохи міді. - Киев, 1973, рис. 36, с. 61; с. 109, рис. 57.

серо-желтый или красноватый. Обе поверхности заглаживались с помощью штампа, оставлявшего на них косо-вертикальные расчесы. В то же время венчики многих сосудов подверглись дополнительной обработке, уничтожавшей следы этих расчесов, создавая гладкую до лощения поверхность. Орнаментировались сосуды только до половины или верхней трети. Элементы орнамента — гребенчатый штамп (около 60%)[1] отступающие вдавления и наколы (около 53%), простой перевитый шнур, «личинки» (около 37%), нарезные и прочерченные линии отмечены в орнаментации 5 сосудов (13%) и в одном случае имеют место защипы. Распространено украшение в средней части горла или под ним в виде пояска из жемчужин (42%) или ямок (21%). Однако такое украшение для сосудов Шиловского поселения не является обязательным в отличие от репинских комплексов с других памятников Среднего Дона. Большинство перечисленных элементов находятся во взаимосочетании по два, три, а иногда и более. Самые распространенные сочетания (без учета ямок по венчику и жемчужин: гребенка — отступающие вдавления; гребенка — шнур; отступающие вдавления (наколы) — шнур; гребенка — отступающие вдавления — шнур. Следует отметить, что названные элементы орнамента имеют вариации по своему виду. Гребенчатый штамп, к примеру, применялся как мелкий многозубый, так и короткий, в три-четыре зубца, наносившийся краем створки раковины; отступающие вдавления встречаются раздельные и бороздчатые — в виде глубоких линий из вдавлений («отступающей лопаточкой»). Форма вдавлений также неодинакова: от треугольных наколов до ямок аморфных очертаний. Орнаментальные композиции характеризуются горизонтально-линейными чередованиями одного или нескольких видов элементов. Встречаются пояски в виде зигзагов из гребенчатых насечек (около 24%), реже зигзаг составлен из оттисков «личинок» (около 8%), а у двух сосудов орнаментальный пояс завершается несколькими волнистыми линиями — оттисками перевитого шнура, с окаймлением из ямочных вдавлений (рис. 7; 3, 4). Лишь однажды встречена композиция из двух рядов — треугольников вершинами вниз (рис. 6, 6). Треугольники «заполнены» оттисками шнура, а в нижнем ряду ограничены нарезными линиями.

Рассматриваемая керамика, несмотря на безусловное сходство, предполагающее культурное единство, не исключает вероятности их хронологического различия, как это удалось установить при работе с аналогичным материалом стоянки Университетская-3, где были использованы данные стратиграфии[2]. Из признаков, более характерных для раннего времени, отмечается прием тщательного сглаживания венчиков сосудов, обильная ракушечная примесь, преобладание рядов ямок над жемчужинами по горлу, незначительная роль шнурового элемента в орнаментации, частая встречаемость орнаментального зигзага. К признакам, возникающим позднее, относятся белее небрежно обработанные венчики, как правило сохраняющие косо-вертикальные расчесы, уменьшение ракушечной примеси, появление сосудов со слабой профилировкой венчика, преобладание жемчужного орнамента и оттисков шнура при обеднении, в целом, самой орнаментальной традиции. Необходимо, правда, учитывать, что все названные признаки, как ранее возникшие, так и появившиеся позже, часто взаимосвязаны и проводить по ним хронологические членение можно, при отсутствии стратиграфии, только располагая большими сери-

[1] Сосуды, имеющие несколько орнаментальных элементов, учитывались для количественного определения каждого из этих элементов.

[2] Синюк А.Т. Репинская культура в бассейне Дона (в печати).

ями материалов. Такой анализ затруднен и ввиду отсутствия комплекса репинских материалов, который бы являлся достоверно единовременным.

В этом аспекте попытаемся рассмотреть все репинские сосуды Шиловского поселения по их зафиксированным скоплениям.

Скопление 1 — включает фрагменты от восьми сосудов. Весьма выразителен один из сосудов типичной формы и размеров (рис. 6; 1). Диаметр его верха 22-24 см при высоте желобчатого венчика 4,5 см. Венчик гладкий. В его средней части нанесен ряд круглых ямочных вдавлений. Выше, под срезом, расположен ряд косых насечек мелкого гребенчатого штампа, а под ним — составленные в зигзаг оттиски личиночного штампа. Такой же зигзаг имеется и по верху среза венчика. Ниже, по тулову, расположены два пояса по пять бороздчатых линий из вдавлений отступающего штампа, разделенных двойным зигзагом из личинок, внутри которого расположены косые насечки гребенчатого штампа. Точно такой же зигзаг на средней части сосуда завершает орнаментальную композицию. Данный сосуд хорошо иллюстрирует взаимосочетаемость целого ряда признаков. Но в целом его принадлежность к раннему (или первому) периоду репинской культуры несомненна. На это указывает прежде всего общий стиль орнаментации, несущий отголоски традиций культуры нижнедонской[1] и других, входящих в мариупольскую историко-культурную область[2]. Архаичны и элементы орнамента, в том числе и короткие оттиски перевитого шнура — «личинки», появляющиеся ещё в первом периоде среднестоговской культуры[3]. Заметим, что этот сосуд имеет гладкий венчик и ряд ямок по нему. Другой сосуд (рис. 7, 1) с диаметром верха 20-22 см и высотой желобчатого венчика около 4 см имеет косо срезанный вовнутрь край, украшенный насечками гребенчатого штампа. На внутренней стороне венчика оттиски гребенки образуют косую сетку, на внешней — три горизонтальных ромба. Далее расположены горизонтальные прочерченные линии, на которые «наложены» пересекающиеся линии из подпрямоугольных ямочных вдавлений, создающие ромбическую композицию. На этом сосуде отсутствует типичный для репинской орнаментации прием украшения венчика рядом ямок или жемчужин, что усиливает линию его типологического сопоставления со среднестоговскими материалами. Такой же спецификой отмечены ещё три сосуда из рассматриваемого скопления. Один из них (рис. 6, 3) с гладким венчиком орнаментирован насечками мелкой гребенки под краем изнутри, а по внешней стороне — рядами подпрямоугольных ямок (что тоже сближает его с сосудом вышерассмотренным) и поясками из вдавлений перевитого шнура, из которых два нижних, завершающих орнаментальное поле, нанесены в виде волнистой линии, в изгибах которых размещены те же ямки. В целом орнамент занимает не более трети поверхности сосуда.

Венчик следующего сосуда высокий, желобчатый, ровно срезан (рис. 7, 5). Поверхность его гладкая. Срез украшен насечками гребенчатого штампа, а венчик — рядами отступающих вдавлений, поставленных последовательно через ряд прямо и с небольшим наклоном. Эти ряды опускаются и на тулово, но едва заполняют треть поверхности. Интересен другой сосуд, венчик которого (рис. 5, 7) относительно

[1] Синюк А.Т. У истоков древнейших скотоводческих культур лесостепного Дона. - В кн.: Археология Восточноевропейской лесостепи. - Воронеж, 1979, с. 63-73.

[2] Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Поселение и могильник у с. Съезжее. - В кн.: Очерки истории и культуры Поволжья. - Куйбышев, 1976, вып. 2, с. 73-96.

[3] Телегін Д.Я. Середньо-стогівська культура епохи міді. - Киев, 1973, с. 122.

ровный, раструбовидный, со срезанным во внешнюю сторону краем, украшенный по срезу и начиная с середины высоты венчика рядами из насечек мелкогребенчатого штампа. Он очень близок среднестоговской керамике, хотя имеет по верху следы вертикальных расчесов. Наконец, ещё один сосуд без ямочно-жемчужного оформления характеризуется раструбовидным слегка желобчатым венчиком с орнаментом из линейных оттисков крупного шнура от среза венчика до трети высоты сосуда. Орнаментальная зона подчеркивается зигзагом, поставленным из насечек мелкого гребенчатого штампа. Следующий суд из скопления (рис. 8, 3) имел высокий желобчатый венчик со срезанным пвовнутрь краем, орнаментированным наколами. На поверхности венчика расположены три зигзага из оттисков «личинки»; от основания венчика начинаются горизонтальные рады оттисков перевитого шнура. Здесь же проходит ряд круглых ямок. Поверхность венчика гладкая. И лишь один из найденных венчиков имеет жемчужный орнамент (рис. 8, 9). Он высокий (4,5 см), слегка желобчатый и гладкий.

Верх ровно срезан. По срезу и ниже расположены ряды из двойных отступающих вдавлений — «парных» наколов, часто встречающихся на среднедонских неолитических сосудах. Жемчужины располагаются у основания венчика и несут следы ногтевых защипов.

Скопление 2 включает фрагменты от пяти сосудов. Один из них почти повторяет признаки первого сосуда из рассмотренного выше скопления (рис. 6, 2), что свидетельствует об их бесспорном культурно-хронологическом единстве. Другой сосуд (рис.6, 4) тоже аналогичен ранним сосудам из первого скопления. В его орнаментации сочетаются личиночные вдавления, гребенка, составленная в зигзаг и борозды отступающего штампа в виде прямых и волнистых линий. Венчик третьего сосуда украшен только под срезом оттисками мелкой гребенки (рис. 8, 4). Ещё один сосуд имеет ровный раструбовидный высокий венчик, несущий следы вертикальных расчесов. Вверху он украшен личинками, а от основания и ниже идут горизонтальные ряды глубокого отступавшего штампа (рис. 5, 9). Последний из сосудов представлен высоким венчиком с косо-вертикальными расчесами, украшенный по внешнему срезу оттисками гребенчатого штампа; в средней части — рядами ямок, а от основания и ниже — рядами из вдавлений крупного шнура (рис. 8, 2).

Скопление 3 включает фрагменты от трех сосудов. Все они по венчику имеют жемчужный орнамент. Один из сосудов (рис. 9, 1), помимо жемчужин, украшен оттисками мелкого шнура, вдавлениями «отступающей лопаточки», и гребенчатого штампа. Кроме того, на орнаментальное поле «наложены» мелкие отступающие ямки, составленные в парные диагональные линии. Такая композиция сближает этот сосуд с одним из сосудов из предыдущего скопления. Венчик другого сосуда фрагментарен (рис. 9, 11). Он отличается плотным тестом из-за песчаной примеси. Выше жемчужин имеются ряды угловых отступающих вдавлений. Третий сосуд имеет очень слабо профилирующийся «деградированный» венчик, покрытый, как и тулово, диагональной штриховкой (рис. 9, 5). Выделяется этот сосуд и размерами (диаметр верха 32 см). По внешнему срезу верха он украшен насечками среднего гребенчатого штампа; ниже жемчужин расположен ещё один ряд гребенчатых вдавлений и зигзаг, составленный из того же штампа.

Скопление 4 включает фрагменты от пяти сосудов. Один из них, при сохранении обычных репинских пропорций (диаметр верха 24 см, высота венчика

— 4 см), имеет раструбовидный венчик без обычной желобчатости (рис. 7, 6). Поверхность его покрыта косо-вертикальными расчесами. Ближе к его основанию расположен ряд ямок; а орнамент из оттисков мелкого шкура образует треугольную композицию. Второй сосуд (рис. 8, 5) имеет аналогичный венчик, те же ямки в его основании и ряда оттисков шнура, идущие по венчику горизонтально, а ниже образующие треугольные композиции. Третий сосуд (рис. 7, 5) имеет четкий желобчатый венчик и обычное соотношение его высоты к диаметру верха. Орнаментирован сосуд от самого среза оттисками гребенки, составленными в зигзаг, ниже которого идет ряд личиночных вдавлений, а затем две бороздки, личиночного штампа, нанесенного в манере отступающей лопаточки, и далее это чередование повторяется. «Личинками» украшен и внутренний срез венчика. Желобчатые венчики двух других сосудов тоже лишены ямок или жемчужин. Украшены они оттисками гребенки и шнура (рис. 7, 4) и нарезными линиями (рис. 8, 7). Последний из них имеет плотное, без ракушечной примеси тесто.

Скопление 5 включает обломки от четырех желобчатых сосудов. Все они фрагментарны и не дают полной характеристики сосудам.

Один из них (рис. 8, 6) имел ряд ямок по венчику, отступающие вдавления и перекрещивающиеся насечки гребенчатого штампа под срезом верха. Три других несут жемчужный орнамент, сочетающийся с рядами из спаренных наколов (рис. 8, 12), подтреугольных наколов, вдавлений отступающей лопаточкой (рис. 8, 11; 5, 9) и оттисками гребенки на внутреннем срезе (рис. 9, 10).

Анализ сосудов с учетом планиграфии их размещения, несмотря на известную условность, позволяет все же отметить и некоторую закономерность в сочетании признаков по скоплениям. В первых двух скоплениях концентрированнее выступают отмеченные нами выше ранние признаки. В трех последующих, наоборот, наблюдается преобладание признаков поздних. Неясным остается пока вопрос о том, является ли хронологическим признаком отсутствие по венчику ямок или жемчужин. Не исключено, что он в первом периоде имеет место как пережиточный, а на втором возникает вновь под воздействием орнаментальной специфики собственно древнеямных сосудов.

Остальная репинская керамика вне пределов скоплений по большей части представлена венчиками с жемчужным орнаментом (8 экземпляров). Среди них есть слабопрофилированные (рис. 6, 8, 9), со слабо выраженной желобчатостью, покрытые расчесами, с менее насыщенной орнаментацией. Типичны ряды из оттисков гребенки (рис. 9, 2-6), имеются ямчатые вдавления (рис. 9, 4) и насечки (рис. 9). Отмечено украшение среза венчиков (рис. 9, 1-4; 8-11).

Сосуды без ямочно-жемчужного орнамента представлены тремя экземплярами. Два из них по венчику несут следы косо-вертикальных расчесов; сами венчики раструбовидные, лишены желобчатости.

Один из них с внешней и внутренней стороны украшен оттисками длинной гребенки (рис. 5, 8), другой имеет орнамент из шнуровых вдавлений на внутреннем срезе венчика, начиная от его основания (рис. 5, 10); венчик третьего сосуда желобчатый, сплошь украшен рядами отступающей лопаточки, включая внутренний срез (рис. 7, 2). Тесто сосуда плотное, с очень небольшим добавлением ракушечной примеси. Кроме отмеченных, есть и ещё несколько венчиков сосудов, но они невыразительны, фрагментарны, за исключением лишь одного, с ямками у основания, с

шнуровыми оттисками по внутреннему срезу и с крупногребенчатыми насечками под верхом с внешней стороны (рис. 8, 8). Многие из перечисленных сосудов носят поздний облик. Таким образом, рассмотренную нами репинскую керамику можно считать хронологически неоднородной. Известная её часть относится к первому периоду репинской культуры, который по ряду аналогий датируется от начала и до середины III тыс. до н.э., а другая часть — ко второму периоду, завершение которого приходится на конец этого тысячелетия. Если ранний рубеж донской репинской культуры достаточно твердо определяется смыканием её с концом первого периода среднестоговской и с нижнедонской энеолитическими культурами[1], то верхняя ее граница требует дополнительной аргументации. В этом плане особое значение приобретает рассмотрение ещё одной группы керамики с Шиловского поселения — ямно-репинской, связывающей репинские традиции с эпохой бронзы Донской территории.

На поселении она представлена развалами и фрагментами венчиков от 36 сосудов. В тесте их имеется примесь толченой раковины, но в довольно ограниченном количестве. Есть отдельные сосуды только с примесью песка (рис. 10). Некоторые особенности в формах сосудов, прежде всего в оформлении венчиков, позволяют подразделить их на два типа. К первому типу нами отнесено 27 сосудов, имеющих стянутый верх. Края их или совсем не выделяются (рис. 10, 12-16), или едва оттянуты прямо или наружу (рис. 10, 1-11). В первом случае верх закруглен; во-втором — или закруглен, или плавно приострен. Они, вероятно, имели яйцевидную форму, более всего характерную для ямных подкурганных сосудов. Экземпляры со слегка оттянутым верхом, как правило, массивные, с толщиной стенок до 1,2-1,5 см. Диаметры верха колеблются от 16-18 см до 26-28 см, а наибольшая ширина приходится на верхнюю треть высоты сосуда. Внешние поверхности в меньшей степени, чем у репинских сосудов, несут следы расчесов, вертикальное же их расположение вообще не характерно. Отметим также, что далеко не все сосуды оформлены под верхом рядом ямок или жемчужин. В орнаментации большую роль играет гребенчатый штамп, но теперь он чаще составляется в елочную композицию (рис. 10, 1, 9, 13, 17, 13, 23). В елочку составляются и другие элементы орнамента (рис. 10, 11, 15). Шнур, как простой, так и перевитый, в основном выступает как ведущий, а нередко единственный элемент. Все названные признаки заставляют считать, что рассматриваемые сосуды входят в круг воздействия «городцовской» древнеямной культуры, причем не ранних её стадий. С другой стороны, эти же сосуды включают и целый ряд репинских признаков: ряды ямок и жемчужины под венчиком и специфические композиционные построения как например, «наложенные» диагональные ряды ямочных вдавлений (рис. 10, 14). Встречаются и совершенно идентичные элементы орнамента, в частности, составленные в горизонтальные ряды оперенные треугольные наколы (рис. 10, 4) и др.

Ко второму типу нами отнесено 9 сосудов (рис. 11). Они имеют сравнительно высокий венчик, плавно отделяющийся от яйцевидного тулова благодаря уступу, выраженному в большей или меньшей степени. Несомненна типологическая связь таких сосудов с рассмотренными выше. Сама форма (имеется в виду яйцевидность), наибольший диаметр в верхней трети высоты, сходство орнаментации — красноречиво говорят об этом. Профилировка же верха, на наш взгляд, появляется под

[1] Синюк А.Т. Энеолит лесостепного Дона. См. наст. сборник.

воздействием ранних катакомбных традиций. На правомерность хронологической стыковки названных традиций, помимо формы, указывает и орнамент на одном из сосудов в виде концентрических кругов из оттисков перевитого шнура (рис. 10, 2). Для данного типа сосудов в целом характерно нанесение близ уступа ряда ямочных вдавлений как круглых, так и неровных. Из элементов орнамента преобладает шнур, а затем гребенчатый штамп, образующий елочку. По вопросу о том, составляют ли сосуда обоих типов хронологическое единство или они разновременны, сказать что-либо определенное пока трудно из-за отсутствия стратиграфических данных. На плане поселения ямно-репинские сосуды частично группируются двумя скоплениями. Скопление I — располагается в северной части раскопа. Оно включает фрагменты от 12 сосудов. Из них 9 сосудов первого и 3 - второго типов. Среди первых интересен сосуд, орнаментированный рядом жемчужин и оттисками перевитого шнура в виде подковок и угловых отрезков (рис. 10, 3). Три других украшены горизонтальными рядами оттисков простого шнура (рис. 10, 5, 8, 16). Интересно, что под верхом одного из них расположен ряд из последовательно чередующихся ямок и жемчужин (рис. 10, 16). Такой прием часто применялся и на донских сосудах эпохи бронзы. Следующий сосуд орнаментирован рядом гребенчатых насечек, отступающим штампом и диагональными рядами ямок (рис. 10, 14). Другие фрагменты менее выразительны.

Из сосудов второго типа выделяется довольно крупный толстостенный сосуд, орнаментированный наклонными отрезками из оттисков простого шнура под срезом, ниже которых этот шнур составлен в горизонтальные линии. Наклонные вдавления заключены между двумя линиями и в завершении орнаментального пояса, а под уступом располагается ряд круглых ямок (рис. 11, 1). Венчики двух других сосудов свободны от орнамента, который в виде насечек гребенчатого штампа располагается ниже уступа, под ямками.

Скопление 2 — фиксируется в южной части раскопа и включает венчики от четырех сосудов — по два первого и второго типов. К первому типу принадлежит сосуд, украшенный по внешнему срезу оттисками мелкогребенчатого штампа, под которыми расположен ряд жемчужин и ногтевых вдавлений, а ниже ряды гребенчатого штампа составляют елочную композицию (рис. 10, 1). Второй сосуд орнаментирован оттисками мелкой гребенки по срезу и ниже, где они также составлены в елочку (рис. 10, 9). Сосуды второго типа из скопления наиболее ярко иллюстрируют включение катакомбных элементов в местную гончарную традицию. Один из них массивный, с толщиной венчика около 2 см, имеет четко выраженный уступ. В тесте — примесь ракушки. Оттиски перевитого шнура составляют сложную композицию из концентрических кругов, прямых и наклонных линий, а между кругами нанесен ряд крупных круглых ямок (рис. 11, 2). Второй сосуд сравнительно тонкостенный с менее выраженным уступом и слабо выпуклым туловом. В тесте имеется ракушечная примесь. Венчик его свободен от орнамента. Зона из рядов насечек мелкой гребенки, составленная в елочку, опускается от ямочных вдавлений примерно до половины высоты сосуда (рис. 11, 6).

Как видно из рассмотренного, мы не имеем достаточных оснований для широкого хронологического членения данной группы материалов. Более четко просматривается культурно-хронологическая её стыковка с одной стороны с позднерепинскими материалами, а с другой — с катакомбными.

В связи с этим она может датироваться не ранее второй половины III и вплоть до начала II тыс. до н. э. Говоря о синкретическом характере данной керамики мы не ставим задачей выяснение того, следует ли её относить к репинской или городцовской ямной культуре или же она отражает новое культурное явление. Материалы Шиловского поселения такой вопрос не решат. Вместе с тем, динамика исторического процесса не исключает, на наш взгляд, этнокультурной полилинейности в рамках определенной территории, а соответственно многократного и протяженного во времени взаимодействия.

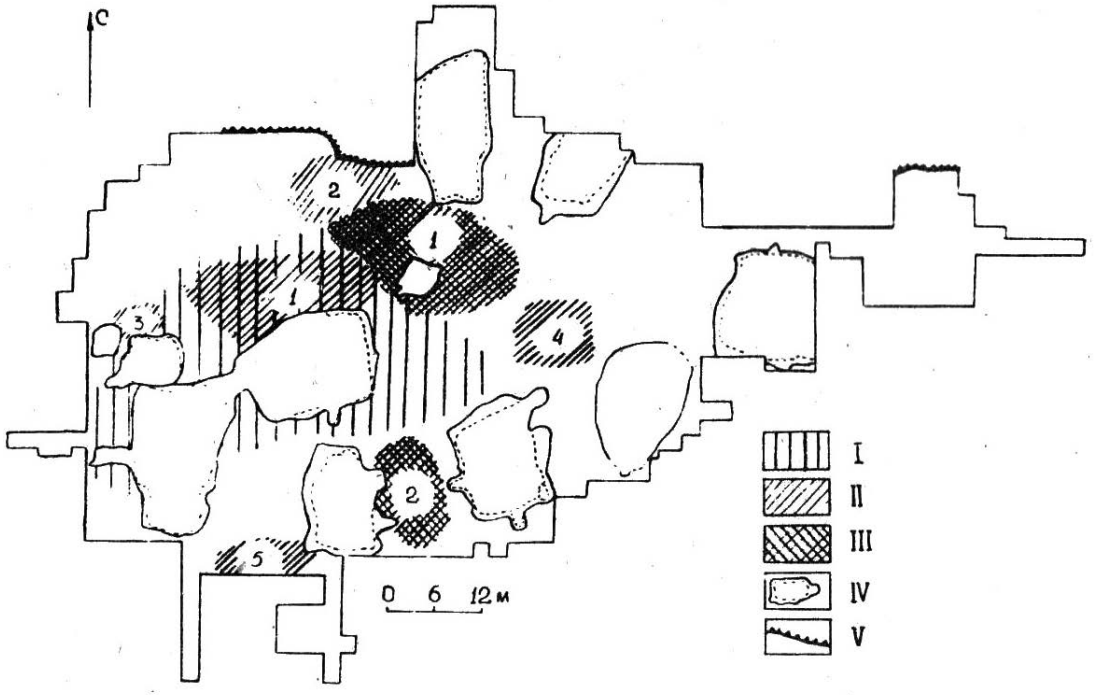


Рис. I. План Шиловского поселения.
I- место наибольшей концентрации неолитической керамики; II - скопление керамики репинского типа; III - скопление керамики ямно-репинского типа; IУ - котлован построек абашевского времени; У - обнажение.

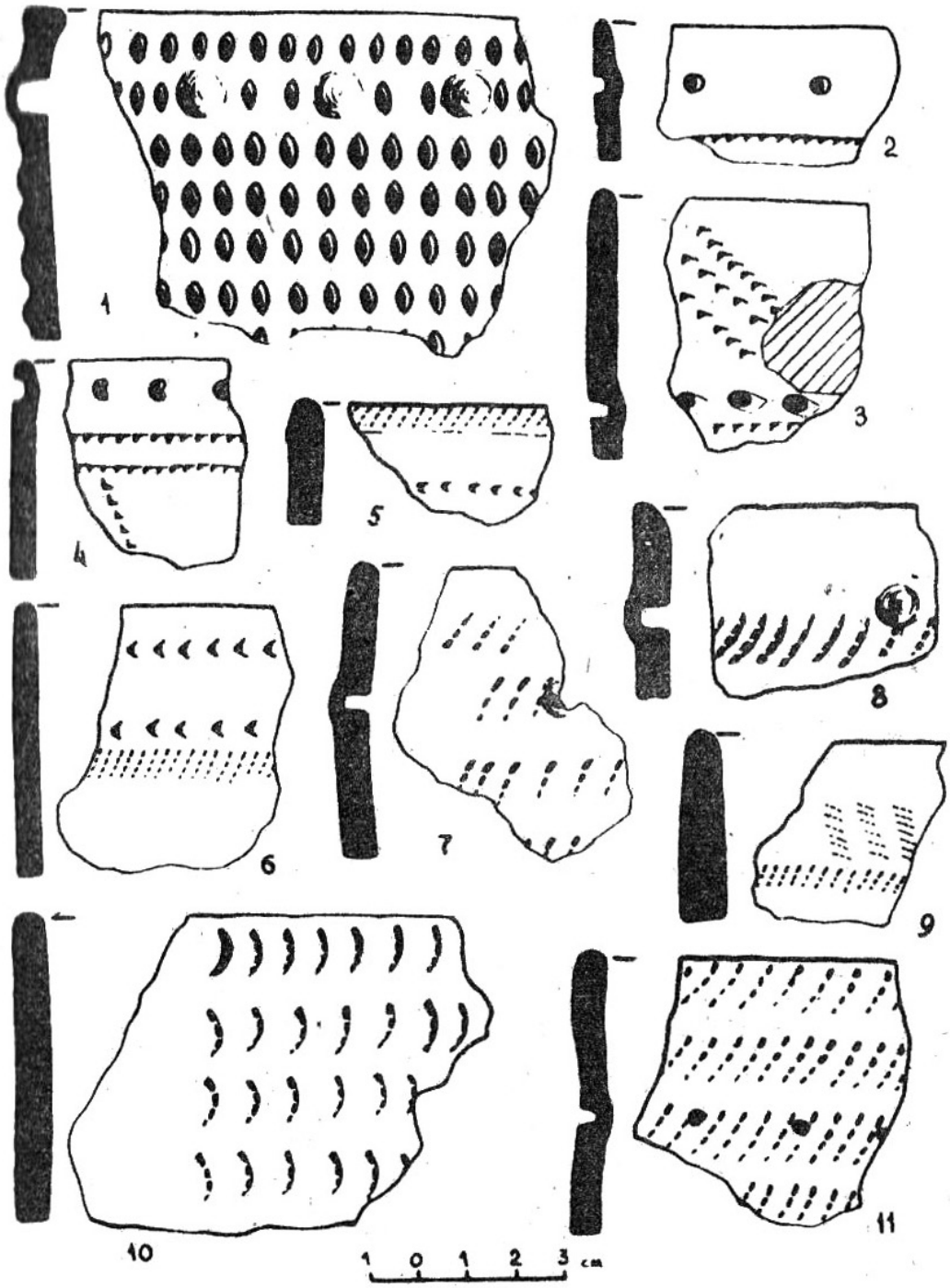


Рис. 2. Неолитическая керамика Шиловского поселения

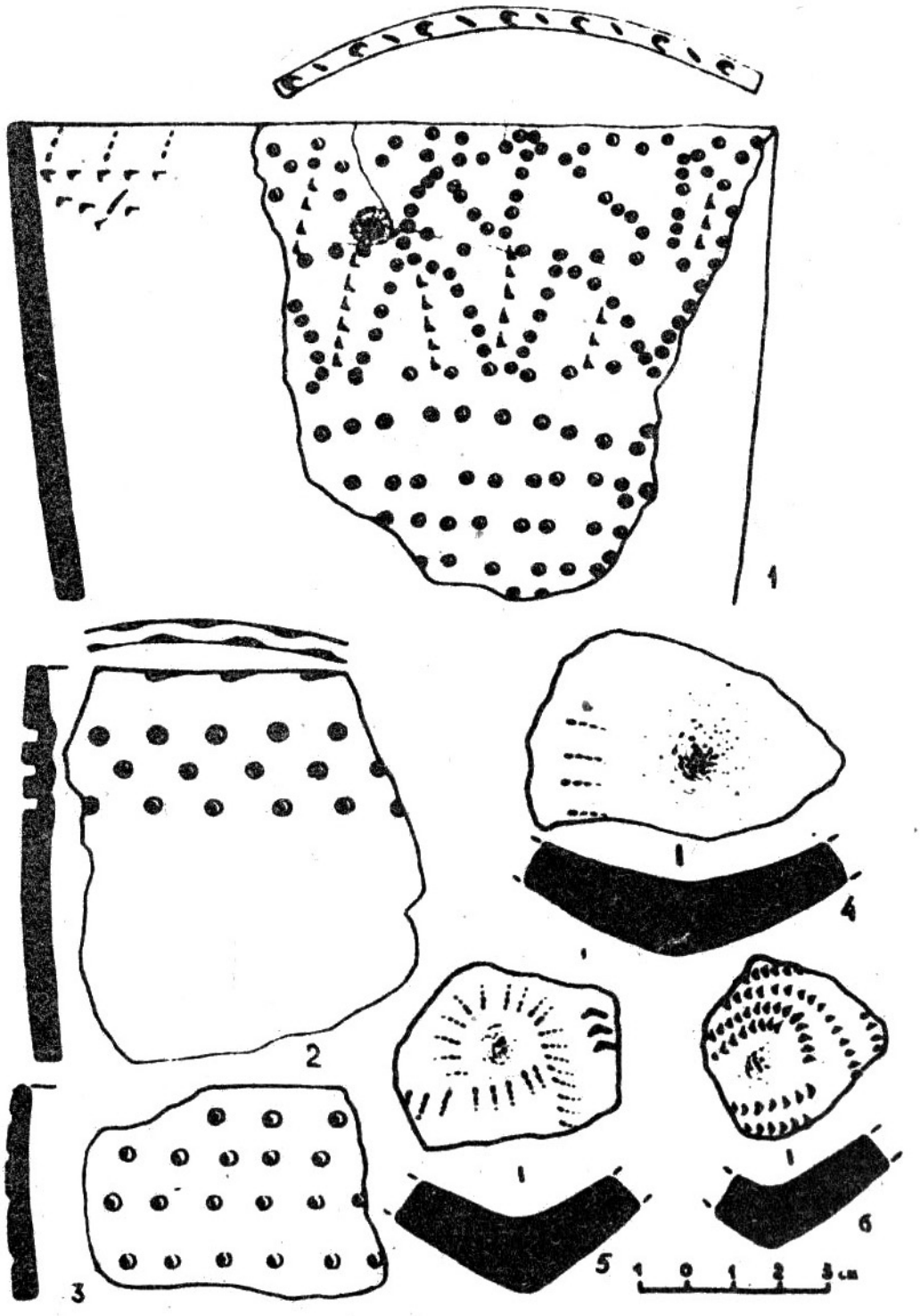


Рис. 3. Неолитическая керамика Шиловского поселения.

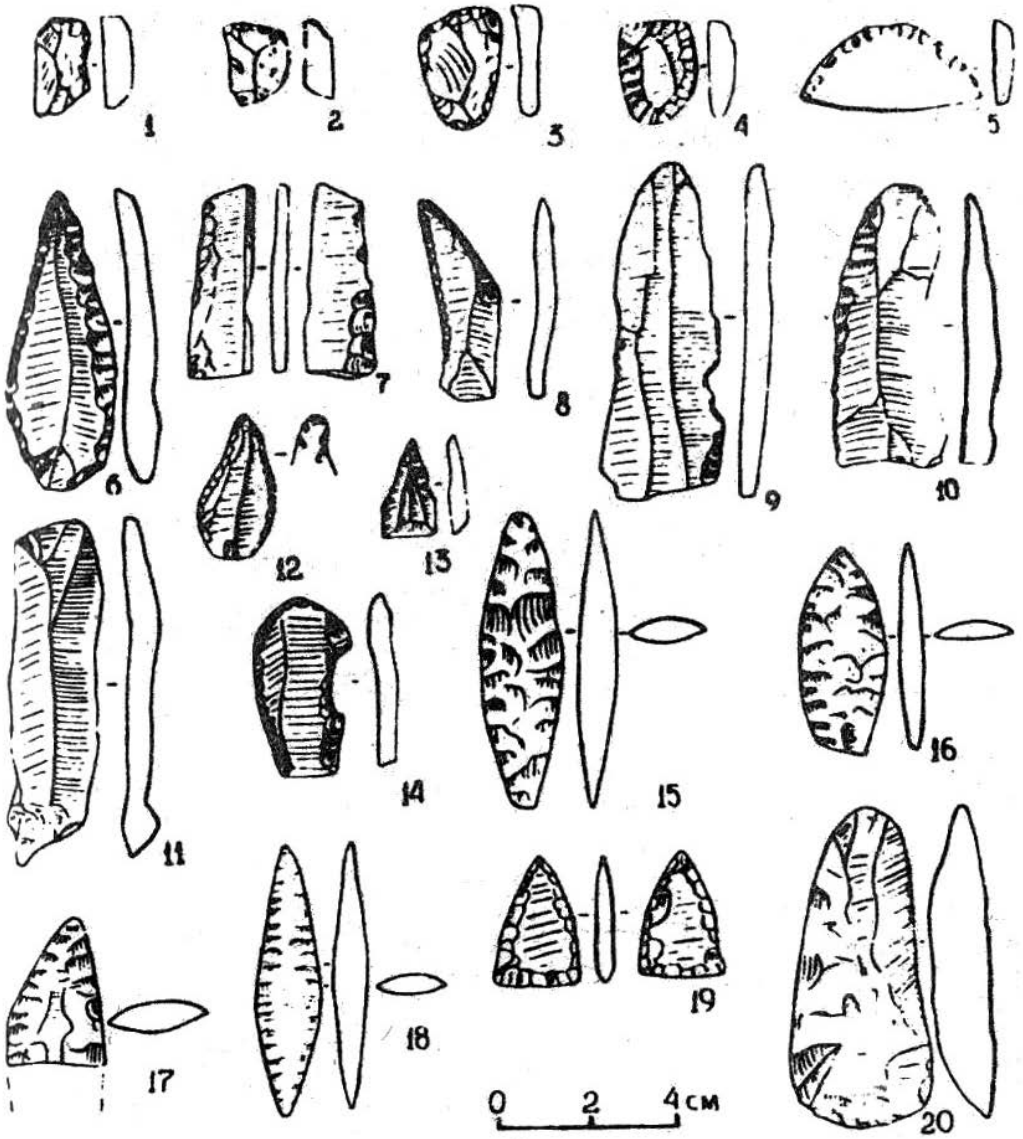


Рис. 4. Кремневые изделия неолитического времени с Шиловского поселения.

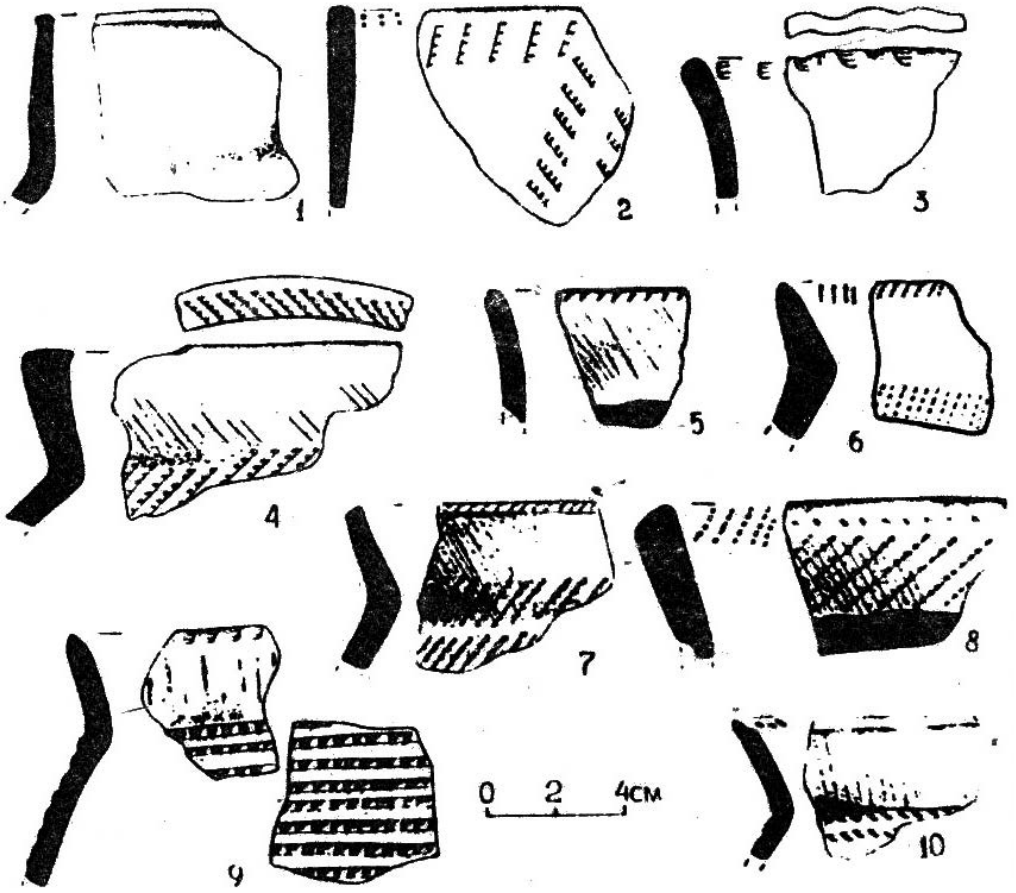


Рис. 5. Шиловское поселение. Фрагменты сосудов энеолитического облика.

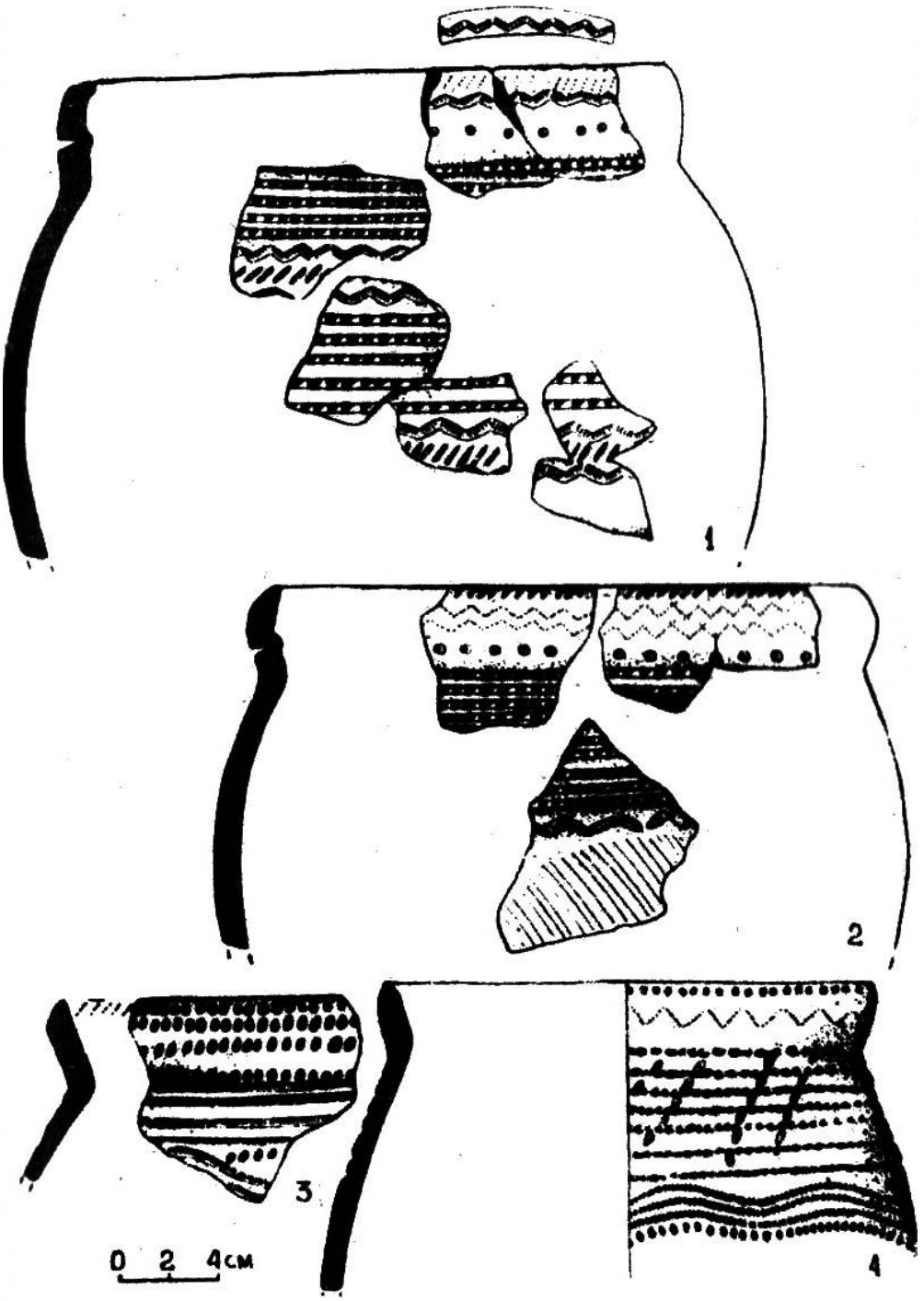


Рис. 6. Шиловское поселение. Керамика репинского типа.

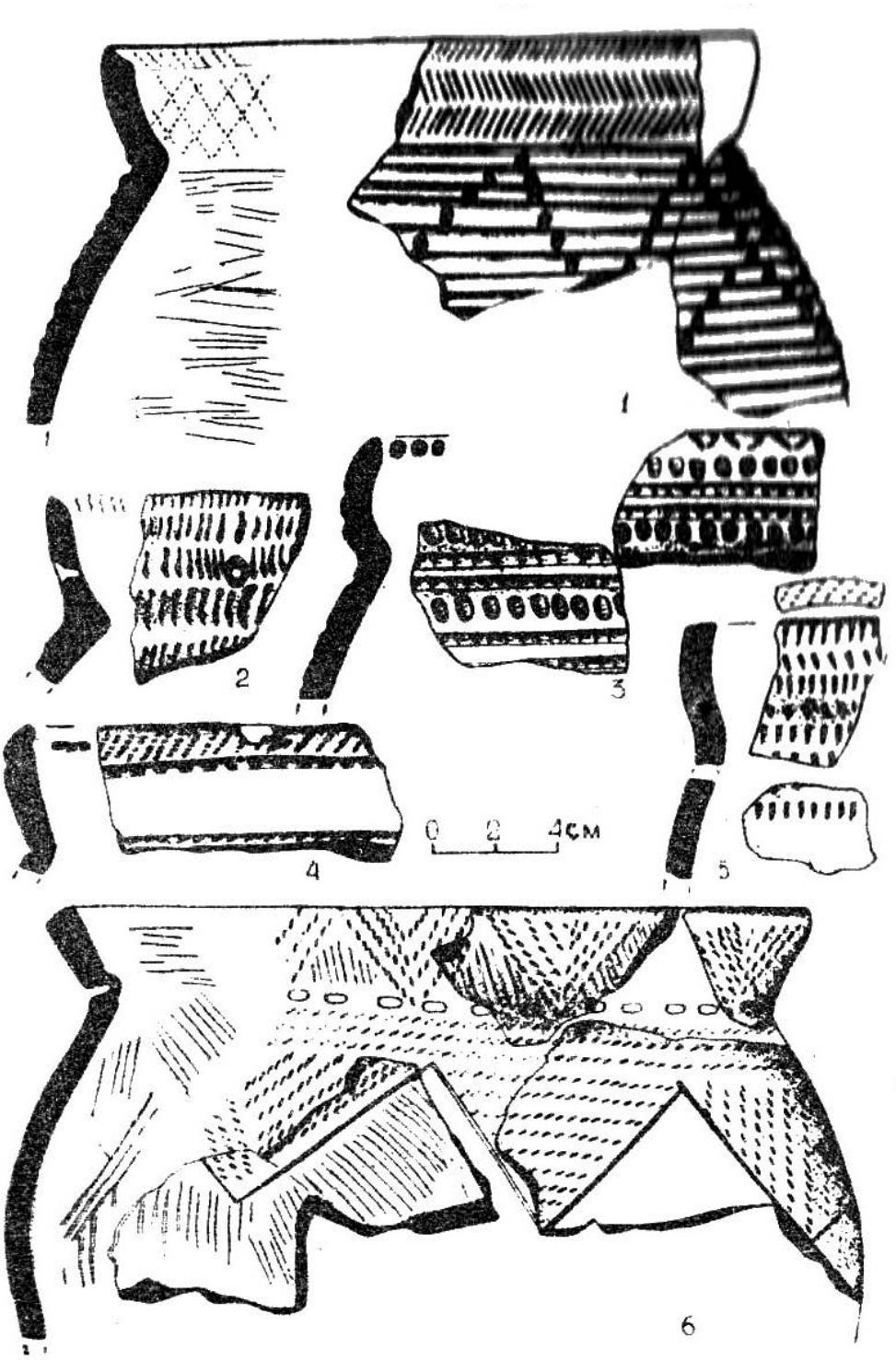


Рис. 7. Шиловское поселение. Керамика репинского типа.

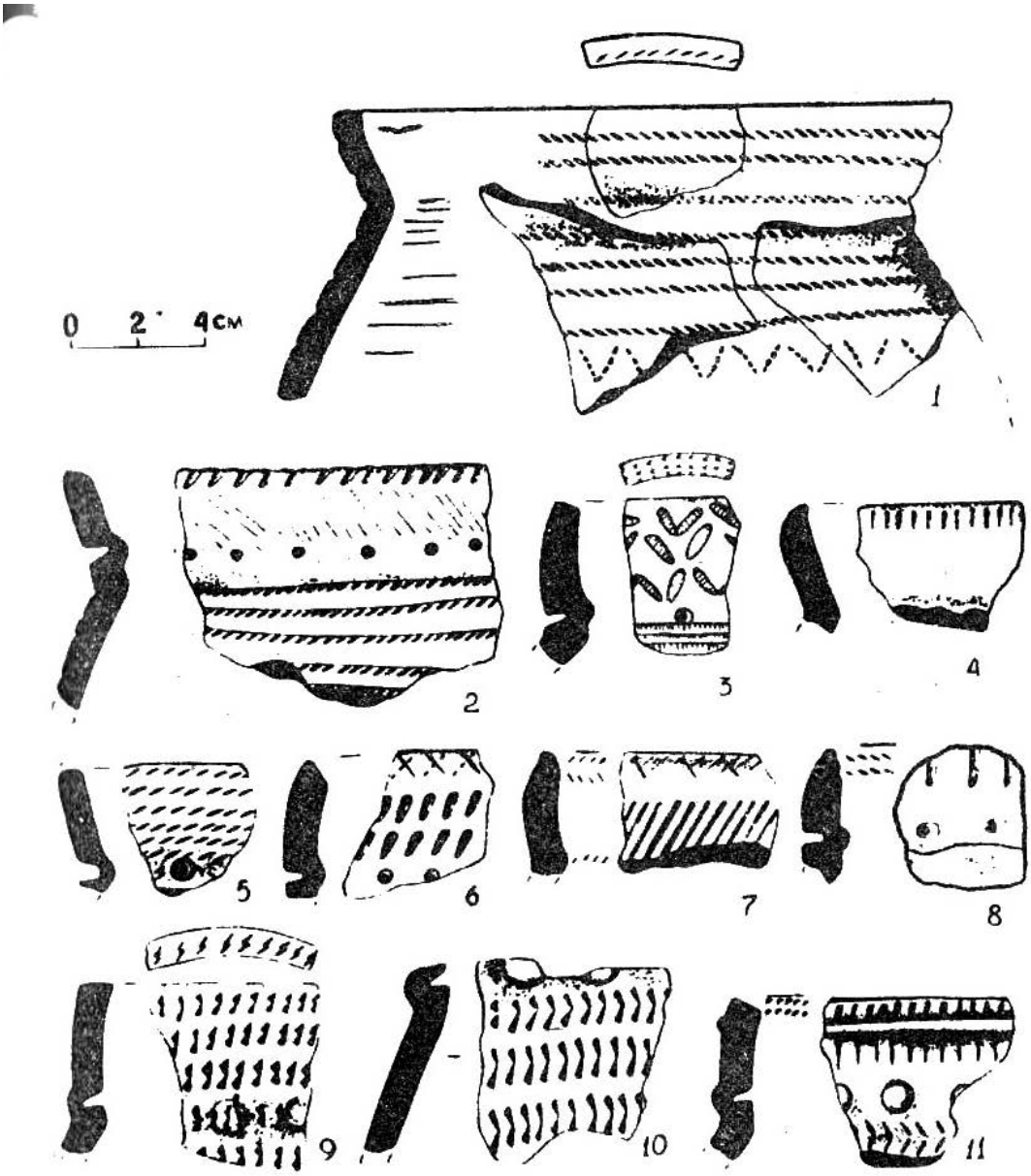


Рис. 8. Керамика репинского типа.

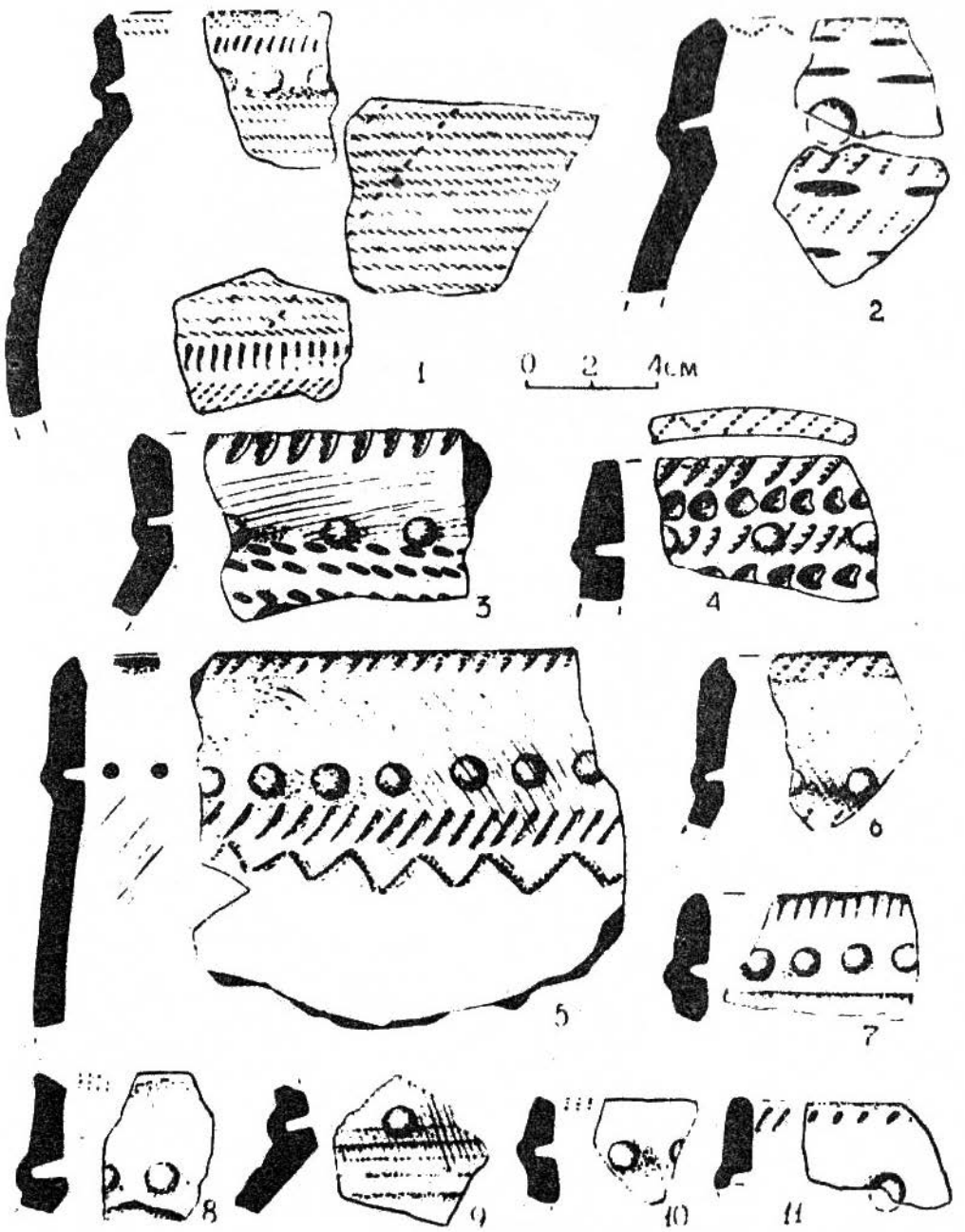


Рис. 9 Шиловское поселение. Керамика репинского типа.

Рис. 10. Шиловское поселение.
Керамика ямно-репинского типа.

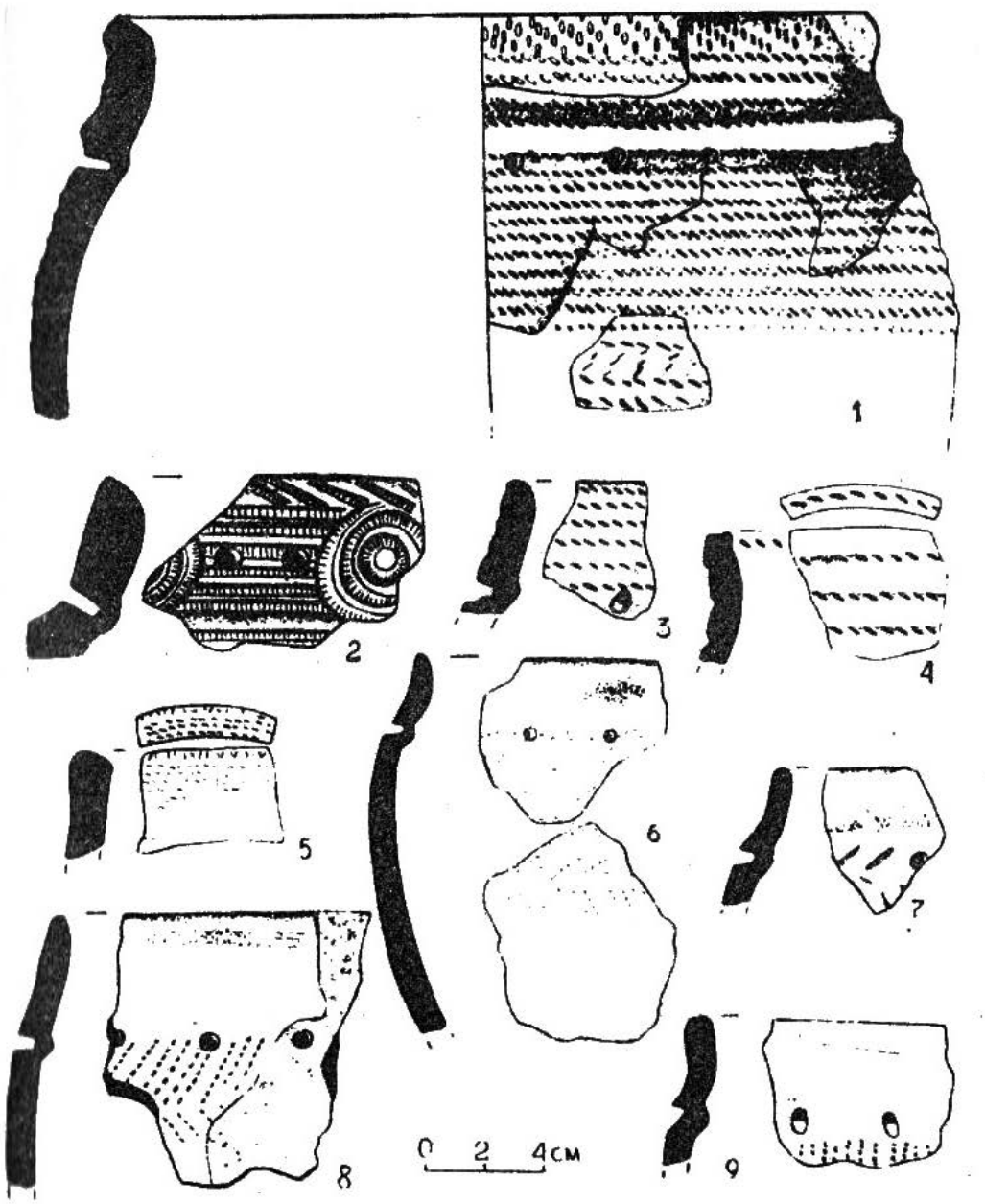


Рис. II. Керамика ямно-репинского типа.

1981

СТОЯНКА КОПАНИЩЕ 2

Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж: ВГУ, 1981. С. 104-114.

Стоянка Копанище 2 относится к кругу типичных многослойных памятников лесостепного Подонья. Обнаружена она нами в 1973 г. в 1,5 км к северо-западу от станции Копанище Острогожского района Воронежской области на оконечности надпойменной террасы правого берега р. Тихой Сосны (правый приток Среднего Дона). Проведенные в 1976 г. раскопки стоянки ограничились площадью в 264 м^2, поскольку поверхность стоянки была сильно попорчена перекопами позднего времени. Несмотря на небольшой объем раскопок, памятник представил весьма интересные данные для изучения неолита-энеолита и эпохи бронзы донской территории.

Мощность наслоений стоянки варьировала от 0,8 м до 1,1 м. Стратиграфически четко фиксировался лишь перекрывавшийся дерном верхний слой — плотная белесая супесь толщиной в 0,15-0,2 м. Ниже его шли более темные и рыхлые супесчаные отложения с максимальной мощностью в центральной части раскопа до 1 м, а на периферии — до 0,6 м. Можно было наблюдать некоторые изменения супеси по цвету, где нижняя часть — нижний слой — заметно светлее (толщина от 0,1 до 0,25 м). Здесь встречены материалы времени неолита и энеолита. Более темная супесь — средний слой — содержал остатки эпохи бронзы, сопоставимые с материалами катакомбной, марьяновско-бондарихинской, а также срубной культуры на ее поздних стадиях. Со средним слоем стратиграфически связаны остатки жилой конструкции и нескольких сооружений хозяйственного назначения (рис. 1).

Материал нижнего слоя стоянки представлен фрагментами сосудов и небольшим количеством изделий из кремня и кварцита. Основная часть неолитических фрагментов принадлежала остродонным прямостенным сосудам из плотного глиняного теста, орнаментированным треугольными наколами, которые образуют композиции в виде геометрических фигур (рис. 2, 4, 6, 10). Единичными экземплярами представлены фрагменты с мелкогребенчатым орнаментом (рис. 2, 8) и только в одном случае встречено сочетание накольчатого и гребенчатого орнаментальных элементов (рис. 2, 9). Вся перечисленная керамика характерна для второго и третьего этапов среднедонской неолитической культуры, датируемых IV тысячелетием до н. э[1]. Встречена на стоянке неолитическая керамика и северного облика с круглоямочным орнаментом (рис. 2, 11-13). Появление ее связано уже с третьим этапом местного неолита. К тому же времени относится и керамика смешанного накольчато-ямочного типа (рис. 2, 14, 15).

Находки энеолитической керамики очень немногочисленны. Это фрагменты сосудов с органической примесью в тесте, типологически близкие материалам нижнедон-

[1] Синюк А.Т. Неолитические памятники Среднего Дона. – В кн.: Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. Воронеж, 1978, с. 35-36.

ской (рис. 2, 17)[1], среднестоговской (рис. 2, 18, 19)[2] и репинской (рис. 2, 20, 21)[3] культур.

В орнаментации первых преобладает гребенчатый элемент, составленный в горизонтальные пояски; для вторых характерны насечки и вдавления, а для третьих — «жемчужины» на желобчатых венчиках. Интересен один из сосудов, имеющий высокий, слегка желобчатый венчик, раздутое тулово и острое днище. По всей поверхности он украшен «личиночными» вдавлениями (рис. 2, 22). Данный сосуд типологически близок керамике среднестоговской культуры на ее дереивском хронологическом этапе. Бытование всех указанных групп энеолитического материала последовательно укладывается в рамках III тысячелетия до н. э.

Среди каменных изделий из нижнего слоя можно отметить ножи (рис. 2, 24, 25), микропластины (рис. 2, 26-28), нож-резак на отщепе (рис. 2, 29), концевой скребок (рис. 2, 32) и несколько аморфных орудий. Обращает на себя внимание скопление кремневого сырья из четырех массивных отщепов, на которых имеются и следы использования.

В основании слоя стоянки найдены остатки от четырех захоронений. Одно из них сохранилось достаточно хорошо (погребение 4). Костяк лежал вытянуто на спине головой в западном направлении. Рядом с черепом умершего находился нож из кремневой пластины (рис. 2, 23), а у локтя правой руки — фрагмент неолитического сосуда с накольчатым орнаментом (рис. 2, 7). В области голенных костей погребение было прорезано котлованом жилища эпохи бронзы. Другие захоронения сильно разрушены, безынвентарны, и можно лишь предполагать их западную ориентировку (см. рис. 1). Принадлежность выявленных погребений ко времени позднего неолита и энеолита, думается, наиболее вероятна.

Как видим, материалы одного только нижнего слоя стоянки дают большое разнообразие по культурно-хронологическим признакам, причем насыщенность слоя оставалась слабой, а следы стационарных построек отсутствовали. Это доказывает, что перед нами несколько сезонных стойбищ, функционировавших в разное время. В пользу такого заключения говорит и малое количество содержавшихся в слое орудий труда, и почти полное отсутствие следов их производства, и наличие погребений, совершенных в силу каких-то причин явно наспех и, видимо, вдали от родового могильника.

Если неолитический материал не содержит внутренних четких критериев хронологического порядка, в связи с чем трудно даже предположительно определить количество сезонных стойбищ этой эпохи, то для энеолита их фиксируется не менее трех — по количеству культурно-хронологических групп материалов. Но в действительности их, надо полагать, было больше, если учесть, что одна и та же группа охотников-рыболовов или скотоводов-земледельцев могла возвращаться на старое место несколько сезонов подряд или же спустя какое-то время[4].

Вещевой материал среднего слоя стоянки не имеет стратиграфического деления, но керамическая его часть так же, как и в нижнем слое, дает несколько относительно устойчивых типологических групп.

Из серии керамики катакомбного типа можно отметить фрагменты с орнаментом

[1] Синюк А.Т. У истоков древнейших скотоводческих культур лесостепного Дона. — В кн.: Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1979, с. 63-72.

[2] Телегін Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973, с. 81-101.

[3] Синицын И.В. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Приднепровьем. — КСИА. Киев, 1957, № 7, с. 32-35.

[4] Кларк Г. Доисторическая Европа. М, 1953, с. 146.

в виде шнура (рис. 3, 3), тесьмы (рис. 3, 2), личинок (рис. 3, 4), гребенчатого штампа (рис. 3, 6), прочерченных линий (рис. 3, 7-11), составленных в треугольник, а также в горизонтальную и вертикальную «елочку». Большой процент керамики несет многоваликовую орнаментацию. Причем валики нередко расчленены насечками или ногтевыми вдавлениями (рис. 3, 12-22). Вся приведенная керамика имеет единые технологические признаки: плотное, хорошо промешанное глиняное тесто, сглаженные поверхности серо-желтого и коричневого цвета, изредка покрытые орнаментальными расчесами по ангобу, а также общую форму — горшки с высоким прямым или раструбовидным венчиком и устойчивым плоским днищем. В целом относясь к одной археологической культуре, эта керамика представляет разные ее хронологические этапы. С катакомбной керамикой можно увязать находку обломка каменного топора (рис. 2, 43) и бронзовую круглую подвеску в полтора оборота с расширенными концами (рис. 2, 45). Из остатков сооружений к катакомбной культуре относится одна из ям (яма № 1), в заполнении которой находилось несколько фрагментов многоваликовой керамики, а также небольшая прямоугольная (3×1 м) глинобитная площадка. Под площадкой (толщина ее в среднем до 5 см) залегал слой угольков и золы от сгоревшего хвороста и соломы. Исходя из общепринятого мнения, катакомбные материалы стоянки могут датироваться первой половиной — серединой II тысячелетия до н. э.

Со средним слоем стратиграфически связаны остатки уже упоминавшейся выше жилой конструкции (см. рис. 1). Она имела квадратную форму со сторонами по 4,75 м. Глубина котлована составляла 0,5 м (начиная с середины среднего слоя). При вскрытии котлована встречено большое количество мелких угольков, золы и пепла от сгоревших стен и кровли, которые состояли, судя по выявленным остаткам, из тонких жердей, прутьев, камыша. Крыша была односкатной, на что указывает система столбовых ямок вдоль двух противолежащих сторон жилища. На полу, близ юго-восточного угла, выявлены остатки открытого очага в виде круглой линзы прокаленного песка с золой и кусочками глиняной обмазки, а близ северной стены обнаружен слой сгоревшего дерева толщиной в 0,1 м размерами 4×2 м — по всей видимости, остатки нар. Вход в жилище располагался с южной стороны. Все имеющиеся признаки позволяют видеть в жилище временное сооружение, а его гибель связывать с пожаром.

Над заполнением котлована в процессе раскопок жилища фиксировалась стерильная прослойка светлой супеси. Ее присутствие говорит, во-первых, о перерыве в использовании данного места под стойбища, а во-вторых, позволяет считать весь материал из заполнения жилища единым культурно-хронологическим комплексом. На полу жилища и под нарами найдены целыми и в обломках шесть кремневых серпов, сделанных на отщепах техникой двусторонней оббивки и ретуши (рис. 4, 11-16), два обломка кремневых наконечников копий листовидной формы (рис. 4, 17, 18), кремневый скребок (рис. 4, 19), глиняное грузило усеченно-конической формы (рис. 4, 20), точильный камень (рис. 4, 10), заготовка топора из серого песчаника, имеющего огранение с лицевой стороны и четко выделенный обушок (рис. 4, 9), бронзовая спиральная пронизка в четыре витка (рис. 4, 21), а также развалы от восьми сосудов (рис. 4, 1-8). Сосуды однотипны. Это горшки с небольшими слабо отогнутыми венчиками, плавно переходящими в раздутые тулова. Сделаны они из плотного «теста, тонкостенны, со сглаженными или со следами штриховки внешними поверхностями. Орнамент нанесен только на верхней части. Он состоит из гладких и зубчатых клиновидных насечек и круглоямочных вдавлений. Выделяется один из сосудов (рис. 4, 5), имеющий близкую к колоколовидной форму и тщательно обработанную «плете-

ной» штриховкой поверхность. Облик материалов из жилища позволяет относить их к кругу памятников марьяновско-бондарихинского типа, причем не к самым поздним этапам, на что указывают некоторые композиционные построения орнамента сосудов («елочка», украшение среза венчика), а также спиральная пронизка и топор, более характерные для катакомбных комплексов. Ввиду этого рассматриваемые материалы ориентировочно могут предварительно датироваться серединой — третьей четвертью II тысячелетия до н. э. Другие же материалы марьяновско-бондарихинского типа из среднего слоя имеют, вероятно, и более молодой возраст.

Недалеко от входа в жилище обнаружен жертвенник в виде круглой мелкой ямы, фиксировавшейся по лежавшим в определенной системе костям животных, в частности, нижним челюстям коров. Здесь же находилась коровья лопатка со сверленым отверстием.

На площади раскопа выявлены остатки еще одного сооружения одновременного рассмотренному выше жилищу. Сооружение прямоугольной формы размерами 2,5×2,25 м. Его заполнение включало угольки и золу — свидетельство гибели его от пожара. В одном из углов меньшей постройки находилась массивная каменная наковальня. Не исключено, что постройка эта имела хозяйственное назначение. Обе постройки составляли единый строительный комплекс.

Самые поздние стадии эпохи бронзы в среднем слое стоянки представлены группой керамики с очень скупым украшением или вообще без него (см. рис. 3, 23-29). Данную группу хорошо иллюстрирует сосуд баночной формы со стянутым верхом (см. рис. 3, 30).

В среднем же слое на разных глубинах встречены глиняные пряслица (см. рис. 2, 36-40), глиняная бусина в виде кубика (см. рис. 2, 44), грузило (см. рис. 2, 41), абразивы (см. рис. 2, 42), каменный курант, обломки наковален и зернотерок.

Происходящие из среднего слоя материалы тоже дают основание говорить лишь о сезонном использовании стоянки. Здесь налицо и некоторая специфика, связанная с ведением комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства[1].

Проведенный анализ данных по двум нижним слоям стоянки позволяет видеть в ней место функционирования разновременных сезонных стойбищ. В неолите здесь велся охотничий и рыболовный промысел, чаще сопряженный с весенними и осенними периодами. Местоположение стоянки вполне отвечало такому роду деятельности. Для жилья скорее всего использовались легкие наземные конструкции в виде навесов и шалашей. Данное место устраивало и пастухов энеолитического времени, ибо окружающие просторы высокой поймы представляли собой прекрасные пастбища. Позднее, в эпоху бронзы, характер хозяйства усложнился. Он предполагал пребывание здесь групп скотоводов-земледельцев в течение всего сезона вплоть до уборки урожая (о занятии земледелием говорят находки соломы, серпов, куранта, зернотерок). В прямой связи с удлинившимся сроком пребывания на стоянке возникала необходимость сооружать хотя и временные, но более прочные, чем в предшествующее время, жилые помещения. Преобладание же в стаде крупного рогатого скота (судя по остаткам жертвоприношений) позволяет говорить о придомном пастушеском скотоводстве, практиковавшемся обитателями стоянки. В связи с этим не исключено, что основные родовые поселки в это время находились где-то поблизости.

[1] Наконец, время сложения верхнего слоя памятника определяется содержавшимися в нем материалами славяно-русского и более позднего облика, среди которых имеются гончарная керамика и железные изделия.

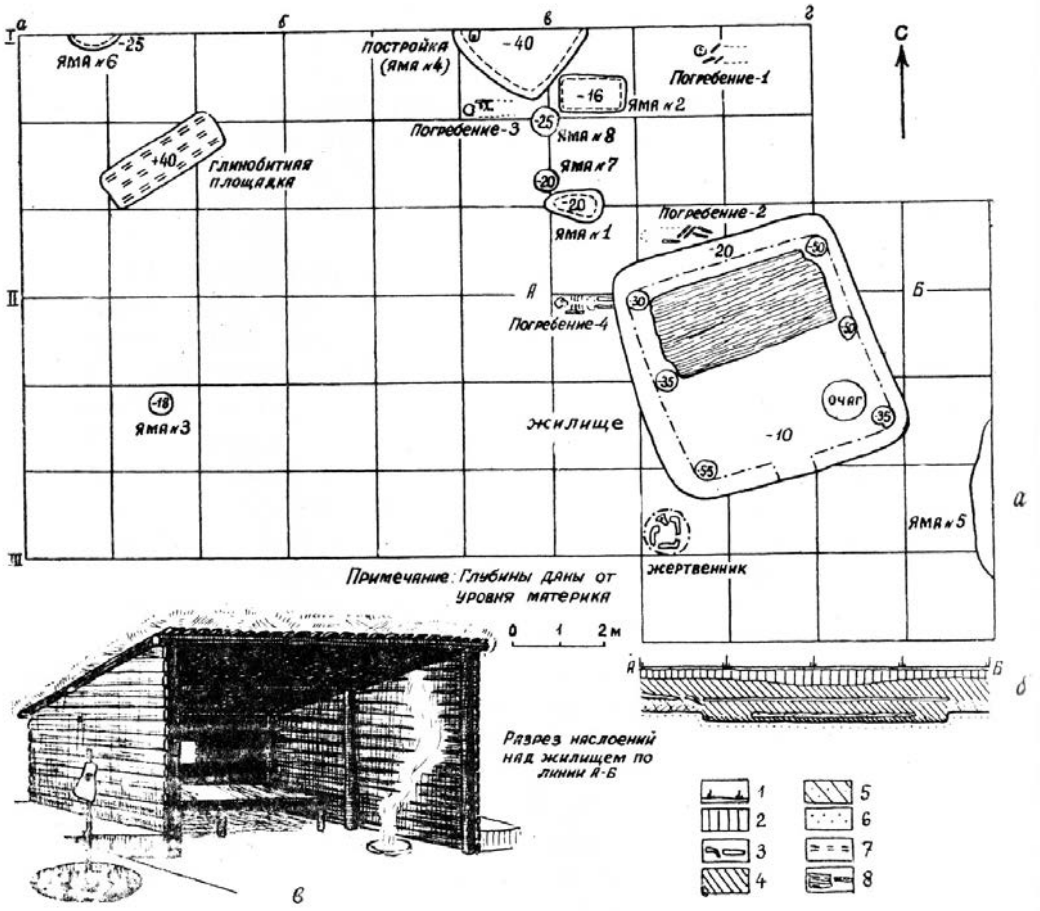


Рис. 1. Стоянка Копанище 2: *а* — план раскопа; *б* — разрез наслоений над жилищем; *в* — реконструкция жилища. *1* — дерновый слой; *2* — поздний аллювий; *3* — стерильная прослойка; *4* — темная супесь; *5* — светлая супесь; *6* — песок; *7* — обожженная глина; *8* — остатки дерева

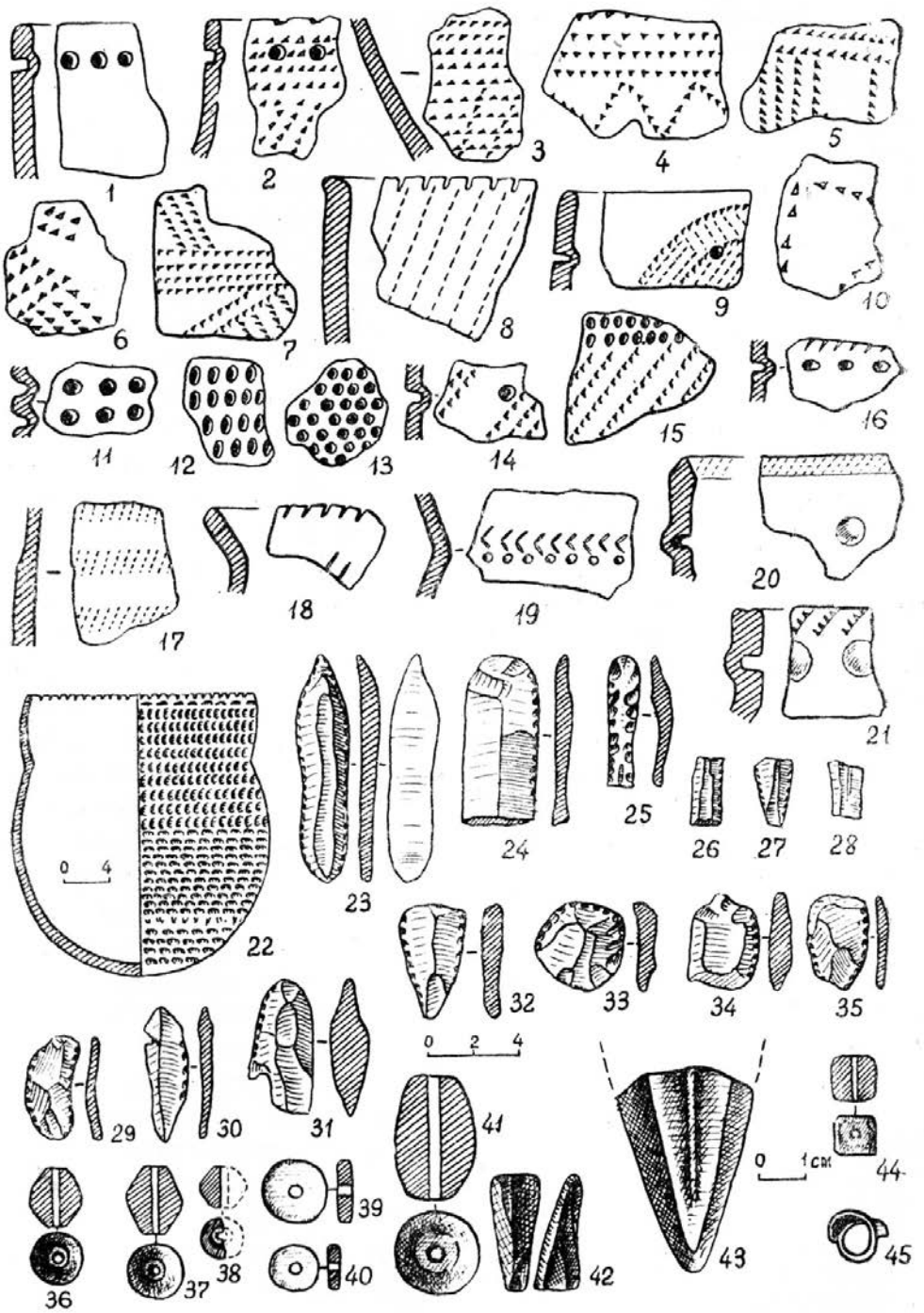


Рис. 2. Разновременные материалы из нижнего и среднего слоев стоянки Копанище 2

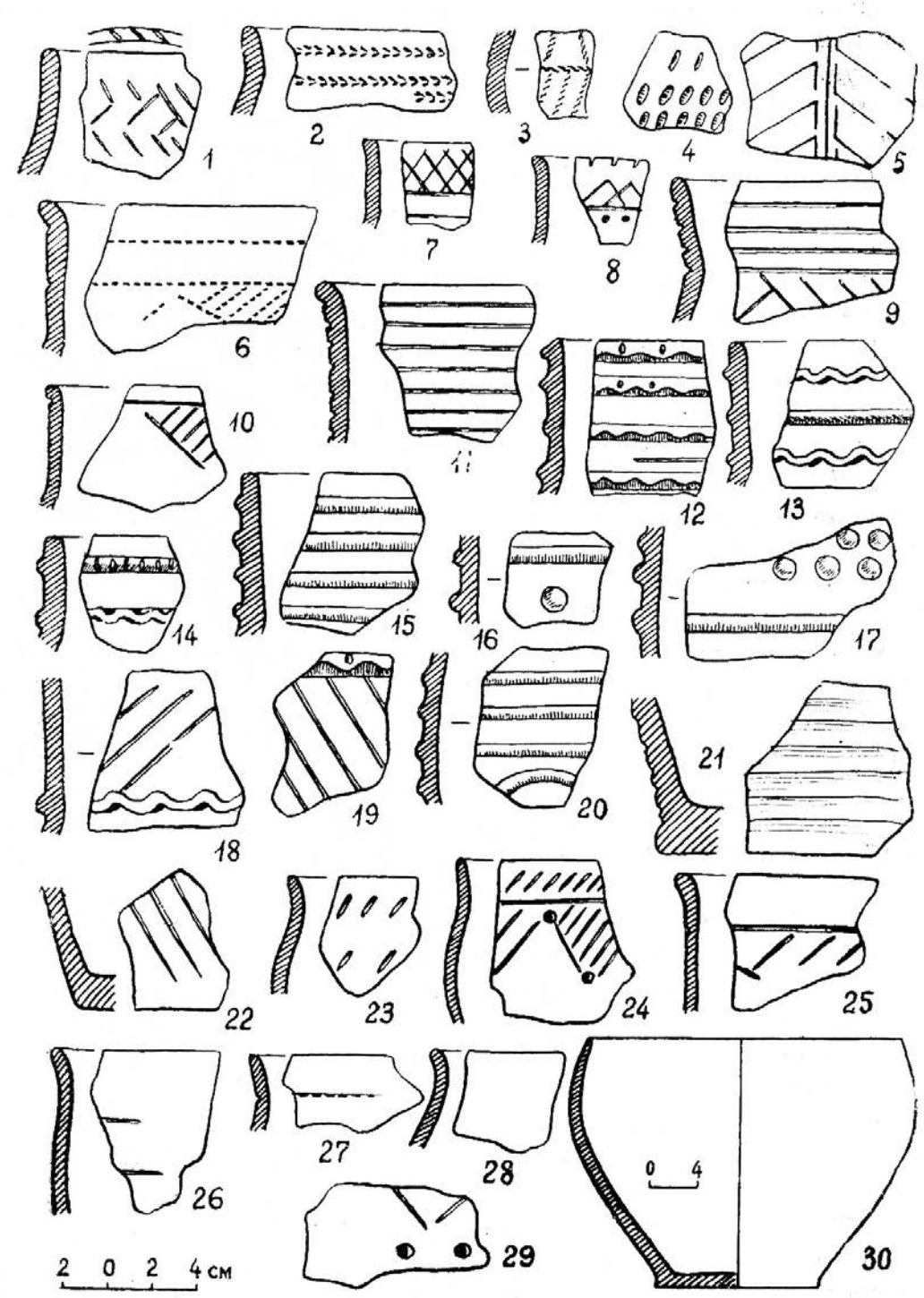


Рис. 3. Керамика разных периодов эпохи бронзы со стоянки Копанище 2

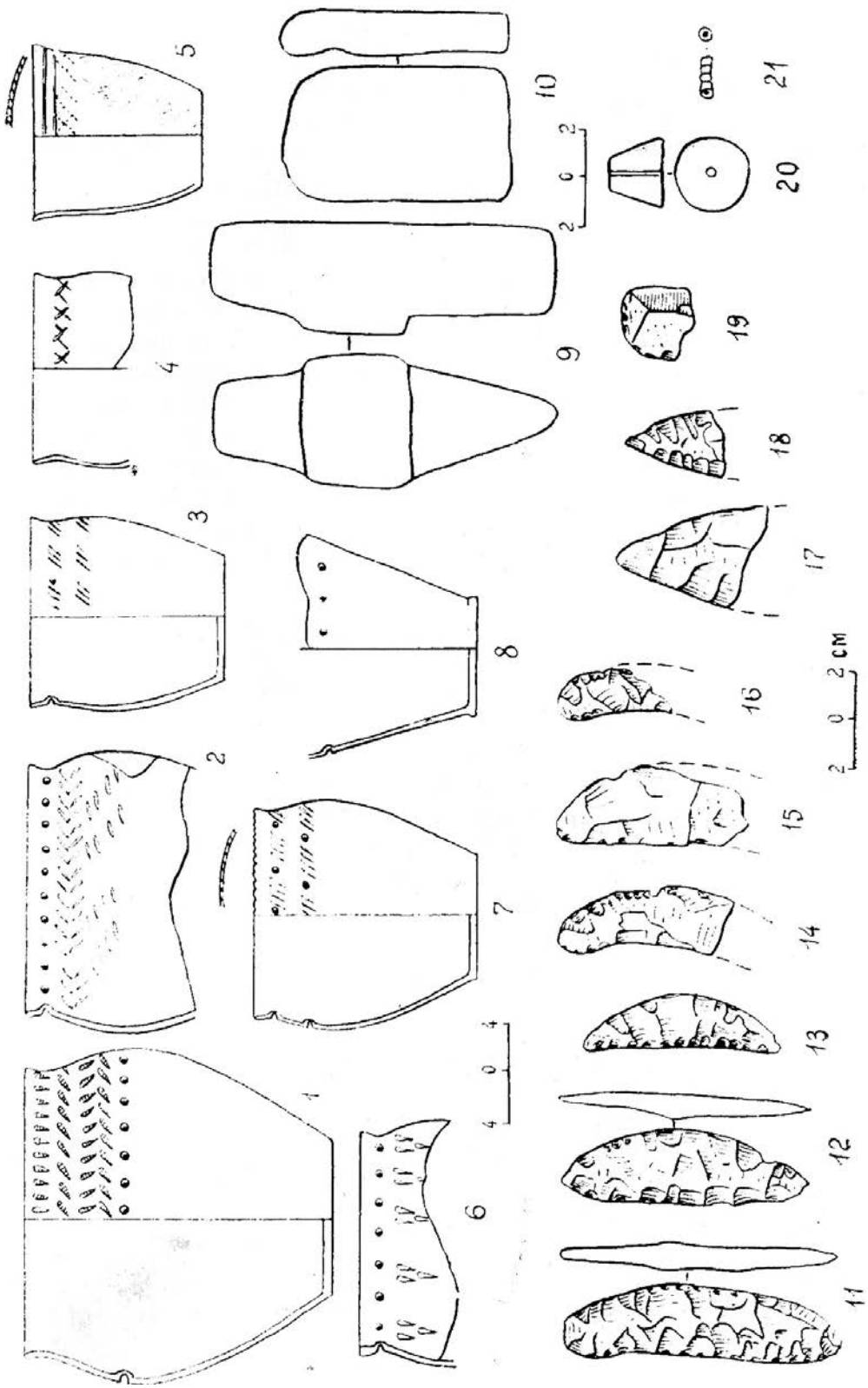


Рис. 1. Комплекс вещей из жилища

РЕПИНСКАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА — БРОНЗЫ В БАССЕЙНЕ ДОНА

Российская археология. № 4. 1981. С. 8-19.

Поселение у хут. Репина неизменно находится в поле зрения исследователей, занимающихся проблемами древнеямной общности, хотя материалы его и остаются в значительной степени неопубликованными. Вместе с тем в бассейне Дона сейчас известна группа памятников, являющихся ближайшими аналогами Репинскому поселению, в связи с чем рассмотрение их приобретает важность для конкретизации культурно-хронологических характеристик памятников так называемого репинского типа в восточном (Доно-Волжском) регионе их распространения.

Прежде всего напомним признаки главного источника — глиняной посуды самого Репинского поселения[1]. Это круглодонные горшки с высоким желобчатым или утолщенным в средней части венчиком, четко отделенным от яйцевидного тулова (рис. 1; 2). В тесте их — ракушечная примесь, на поверхности имеются крупные косовертикальные расчесы; венчики некоторых сосудов несут следы лощения. На венчике, чаще в его средней части, обязателен ряд ямок или жемчужин (выпуклости от вдавлений с внутренней стороны), причем ряды из ямок преобладают (около 74%). В орнаментации господствует гребенчатый штамп (свыше 70%), насечки которого обычно составляют горизонтальные пояски. У 70% сосудов имеется горизонтальный зигзаг. Другие элементы орнамента не составляют абсолютного преобладания, но при сравнительном анализе дают важные результаты. Среди них необходимо назвать шнуровой элемент, присутствующий в орнаментации трети сосудов (шнур, как правило, сочетается с другими элементами). Прочерченный орнамент составляет 15% от всех других, и примерно столько же — отступающий штамп. Известен прием украшения косого среза венчика. Единичны сосуды с ямчатыми вдавлениями и защипами, а также с елочным и другими, более сложными орнаментальными композициями. Большинство названных орнаментов выступает во взаимосвязи, однако улавливаются и некоторые устойчивые их комбинации. Например, прочерченный орнамент встречен главным образом на сосудах с ямками по венчику. На сосудах с жемчужинами чаще присутствует шнуровой элемент. Важно отметить наличие сосудов со слабо выраженным венчиком, а также фрагментов от баночного сосуда и двух мисок, у которых нет под верхом ямок или жемчужин, но другие признаки репинских сосудов сохранены. В коллекции имеются также два миниатюрных сосудика яйцевидной формы с непрофилированным верхом.

Для определения хронологического соотношения материалов Репинского поселения большое значение имеют данные другого среднедонского памятника — стоянки Университетской-3, — которые позволяют сопоставить аналогичные сосуды[2] по уровню залегания (репинский материал располагался в нижнем и верхнем гори-

[1] Материал хранится в Саратовском областном краеведческом музее, инв. № 2458-2464. Он включает развалы (частично восстановленные) и фрагменты горшковидных сосудов в количестве 34 экз. С любезного согласия И.С. Синицына автор в свое время работал с коллекцией, и некоторые сведения о ней приводятся в данной статье.

[2] Стоянка исследовалась автором в 1968-1970 гг. Здесь выявлены развалы и фрагменты от 85 горшков репинского типа.

зонтах среднего слоя стоянки) [1, с. 18-21]. Общая их характеристика отличается от сосудов из Репинского поселения лишь иным процентным соотношением тех же признаков. Например, здесь следует отметить преобладание жемчужного орнамента (на 80% сосудов), иногда образующего двойные, тройные ряды и больше (рис. 3; 4). Орнаментальный зигзаг имеется только у 22% сосудов. Преобладает мелкий гребенчатый штамп (около 63%), затем идут отступающий штамп и наколы (более 20%), простой и перевитый шнур (15%), а прочерченный, защипной и прочие элементы орнамента единичны. Как и в материалах Репинского поселения, здесь обнаруживается устойчивое сочетание шнура и жемчужин. На Университетской стоянке значительно больше репинских сосудов располагалось в верхнем горизонте. Они отличаются от нижележащих преобладанием жемчужного орнамента, чаще встречаемым шнуровым элементом, уменьшением применения отступающего штампа и наколов. Хронологический характер этих отличий подкрепляется и преобладанием в верхнем горизонте сосудов со слабо выделенным желобчатым венчиком, орнаментированных только жемчужинами и насечками по срезу, а также сосудов яйцевидной формы с прямым или несколько стянутым вовнутрь верхом, но во всем остальном сохраняющих признаки репинских горшков. В этом же горизонте найдена округлодонная мелкая миска, выполненная в «репинской» манере (рис. 4, 12).

Приведенные статистико-стратиграфические данные стоянки позволяют, таким образом, более определенно говорить о хронологической неоднородности репинских материалов. Очевидно, критерием хронологического членения пока служит преобладание тех или иных признаков и сочетаний, а не каждый из них в отдельности. Поэтому установление периодизации пока возможно лишь применительно к памятникам с большими группами материалов. В частности, на Среднем Дону наряду со стоянкой Университетской-3 ранние и поздние признаки репинской керамики фиксируются в материалах таких стоянок, как Дармодехинская, Копанищенская, Черкасская. То же можно сказать и о материалах Репинского поселения, хотя там ранние признаки, как показывает анализ, явно преобладают. На Нижнем Дону ранних памятников репинского типа пока не обнаружено, материалы же поселения Ливенцовка (2-й слой) в основном отражают поздний хронологический этап, поскольку сосуды редко содержат ракушечную примесь, венчики их невысокие, иногда слабо профилированы и, как правило, украшались жемчужинами [2, с. 214, 215, рис. 4, 1-5]. В западном (Днепровском) регионе выделяется Михайловское поселение, где в орнаментации сосудов (группа «а» из 2-го слоя) господствуют шнур и жемчужины [3, с. 81-88] — признаки, объединяющие эти сосуды с поздними донскими материалами. Для последних в целом отмечается меньшая роль шнурового орнамента и одновременно широкое распространение баночных сосудов — свидетельство преимущественного взаимодействия на Дону репинских традиций с позднеямными.

Типологические сопоставления репинских сосудов обнаруживают общие черты с материалами нескольких культур, среди которых важное место занимает среднестоговская энеолитическая культура. Отметим, что на Среднем Дону репинские и среднестоговские материалы, как правило, встречаются на одних памятниках. В частности, на стоянке Университетская-3 выявлены фрагменты от 33 среднестоговских сосудов (в отличие от репинских их больше в нижнем горизонте среднего слоя стоянки). Сосуды эти (рис. 5, 1-12) остродонные, средних размеров, сравнительно тонкостенные и легкие, с ракушечной примесью. Высокие венчики четко отделены от тулова и нередко имеют следы лощения. Орнамент наносился только в верхней части

тулова и по верху венчика. Преобладает мелкая гребенка, а прочерченный, накольчатый и шнуровой элементы немногочисленны. У ряда сосудов в основании венчика имеются ямочные вдавления. Иногда встречается орнаментальный зигзаг (рис. 5, 10). Такой материал находит аналогии прежде всего в памятниках раннего, дошнурового периода среднестоговской культуры Поднепровья типа Квитяной, Игрень-8 и др. [4, с. 81-101], но в то же время именно он несет на себе ряд признаков, присущих и донским репинским сосудам (раковинная примесь, высокий венчик и прием его лощения, система построения орнамента и т. д.). Интересно, что поздние приднепровские и донецкие материалы среднестоговской культуры (Молюхов Бугор, Александрия) такого рода сходства совсем не имеют. О хронологическом (и в определенной степени культурном) смыкании ранних среднестоговских и репинских материалов красноречиво свидетельствуют и данные еще одного донского памятника — Дармодехинской стоянки [5, с. 146-155]. Здесь оба типа сосудов объединены довольно своеобразным признаком: поверхности их серого и черного цвета, «скользкие» от обилия ракушечной примеси. Такие же технологические показатели были зафиксированы в материалах из района Цимлянского водохранилища, безусловно, ранних, интерпретированных в свое время как доямные [6, с. 138].

Некоторые другие признаки репинских сосудов (обработка поверхности расчесами, составление насечек гребенчатого штампа в пояски, зигзаг, волнисто-прочерченный орнамент и т. д.) находят аналогии в памятниках типа Ракушечный Яр (соответствующие слои) [7] и др., в широком смысле вырастающих на базе нижнедонской неолитической культуры. Такого рода памятники сейчас известны не только на Нижнем Дону и Волге, но и в районах среднего течения этих рек [8, с. 73-96; 9, с. 63-72]. Характерно, что на Среднем Дону встречены материалы смешанного, среднестоговского-нижнедонского типа (рис. 5, 18-28), который может одновременно рассматриваться и как переходный к репинскому. Этот материал весьма красноречиво свидетельствует, во-первых, о существенной роли двух названных культур в формировании репинской, во-вторых, об их хронологическом смыкании и, в-третьих, позволяет считать Средний Дон основной областью формирования репинской культуры. Не исключено также, что процесс этого формирования мог протекать более широко, с подключением тех сопредельных территорий, где была вероятность взаимодействия нижнедонских и ранних среднестоговских традиций. В частности, смешанный, или «проторепинский», тип керамики встречен на Нижней Волге в уроч. Мартышкино (сборы С.А. Щеглова в 1912 г., материалы хранятся в Саратовском краеведческом музее, инв. № 441), в насыпи кургана № 9 2-го Бережновского могильника (раскопки И.В. Синицына, хранятся там же, инв. № 2109) и восточнее, у сёл Болхуны (сборы П.С. Рыкова в 1928 г., хранятся там же, инв. № 1117), Досанга, Исекея (сборы В.Д. Белецкого) [10] и в ряде других мест. Не менее показательны и материалы Нижнего Дона — сосуды из курганов у хут. Мокрый Чалтырь [11, рис. XXIV, 2], у хут. Попова [12, с. 387, рис. 27, 6] и др. Область распространения репинских памятников в основном совпадает с указанными районами, что, видимо, не является случайным. В целом же процесс формирования репинской культуры протекал не только во взаимоотношениях нижнедонских и среднестоговских традиций — он был значительно более сложен. Так, например, отражением специфики днепродонецкой и среднедонской неолитических культур можно считать наколы и ямки по венчику; распространение шнура — следствие контактов уже с поздней среднестоговской культурой; появление яйцевидных сосудов баночной формы — результат взаимодействия с собственно ямными традициями на поздних этапах развития и т. д.

Большинством исследователей, начиная с И.В. Синицына [13, с. 31-35], репинский материал рассматривался как собственно ямный. Вместе с тем ряд исследователей, отдавая должное специфике репинских сосудов, объединяют сходные материалы (не выводя, правда, их за рамки ямной общности) в самостоятельные группу [14, с. 18], тип [15, с. 44-51], этап культуры [16, с. 280] и даже культуру [17, с. 56]. Напомним, что Н.Я. Мерперт не отождествляет с ямными материалы, названные нами в качестве основных, слагающих репинскую культуру. Среднестоговские материалы он, как и Д.Я. Телегин [18], склонен рассматривать в рамках самостоятельной культуры [19, с. 839-844; 20, с. 105]; типологически увязав сосуд из Бережновки с нижнедонским неолитическим материалом (Ракушечный Яр) [20, с. 55, 56], Н.Я. Мерперт говорит об экстраординарном для подкурганных погребений характере признаков этого сосуда, а сам нижнедонской неолит и его традиции, в том числе традиции вытянутых погребений, считает чуждыми культуре древнеямных племен [19, с. 353]. Но немногочисленные пока случаи обнаружения репинских сосудов в курганах Доно-Волжского региона связаны именно с вытянутыми погребениями [21, с. 227, рис. 22, 3, с. 200, рис. 13, 3а, 3б]. Можно присовокупить и сведения о находках сосудов, аналогичных и бережновскому, и репинским, в подкурганных погребениях с вытянутыми костяками у станиц Кубанская и Усть-Лабинская в Предкавказье (раскопки Н.И. Веселовского в 1902-1903 гг. [17, с. 68, 69, рис. 42; 22, с. 66, рис. 65]). Создается впечатление, что племена, оставившие памятники репинского типа, в основном придерживались бескурганного обряда захоронения, с положением умерших вытянуто на спине. Если это так, то племена эти составляли особый этнокультурный мир, со специфичными культовыми представлениями, бытом и хозяйствованием. Специфика последнего особенно рельефно выступает в связи с данными могильника у с. Съезжее в Среднем Поволжье, в котором наряду с керамикой нижнедонского типа выявлена жертвенная площадка с черепами лошадей [8, с. 74, 75], что перекликается с находкой из среднестоговского поселения Дереивки [4, с. 44-47], а все вместе взятое объясняет истоки утверждения коневодства как ведущей отрасли хозяйства жителей Репинского поселения [4, с. 173] (в отличие от ямных племен Доно-Волжского региона, специализировавшихся на овцеводстве и оставивших многочисленные подкурганные скорченные захоронения). Важно отметить, что грунтовой могильник у с. Съезжее содержал вытянутые погребения [8, с. 87, рис. 3]. Все сказанное выше убеждает нас в правомерности объединения репинских памятников в особую археологическую культуру. Следует ли ее рассматривать в рампах древнеямной общности или нет — вопрос этот находится в тесной связи со сложной проблемой происхождения и конкретного содержания самой древнеямной культуры. Сложность этой проблемы отражена и в позиции В.Н. Даниленко, включающего среднестоговские материалы, как и материалы бережновского типа, в один из периодов формирования древнеямной культуры. Бережновские материалы, по мнению этого исследователя, послужили основой для появления памятников репинского типа, включенных им в следующий период развития ямной культуры [17, с. 66-79]. Не затрагивая всех сторон этой концепции, отметим, что признание генетической связи репинских и бережновских материалов верно, на наш взгляд, лишь в той части, где сравнивается керамический материал. Определенно пока можно говорить лишь о тесных контактах, возникших еще на ранних стадиях развития репинской и нижневолжской ямных культур, что иллюстрируется памятниками смешанного типа как в Доно-Волжском регионе (Бережновка, Быково и др.), как и в Днепровском [23, с. 59, 60]. Такого рода взаимодействия особенно широко стали

осуществляться на позднем этапе репинской культуры, но, как вытекает из рассмотренных данных, полного культурного слияния не произошло (рис. 6).

Для определения хронологических рамок репинской культуры важное значение имеет установление факта смыкания ее с первым периодом среднестоговской культуры, который датируется временем от третьей четверти IV тысячелетия до н. э. до конца этого тысячелетия [4, с. 124, 125]. Но, учитывая в целом хронологический приоритет последней (данные стоянки Университетская-3), формирование репинской культуры следует относить, видимо, к концу первого периода среднестоговской культуры, т. е. к рубежу IV-III тысячелетия до и. э. Такая дата находится в соответствии и с хронологией древнейших подкурганных погребений (в том числе и Быково-1), предложенной Н.Я. Мерпертом [20, с. 59, 60]. В противоречии со сказанным находится предложенная им же датировка Репинского поселения не ранее чем серединой III тысячелетия до н. э. [20, с. 63]. Хронологическое единство основной (большей) части материалов Репинского поселения и Быкова-1 представляется нам вслед за К.Ф. Смирновым [21, с. 235] более доказательным, поскольку Н.Я. Мерперт при сопоставлении этих материалов привел лишь поздние аналогии общим признакам, взятым к тому же по отдельности [20, с. 49], тогда как важно сопоставление их взаимосочетаний. Отдельные же признаки, включая и ямки под верхом сосудов, действительно, распространены во времени, но не исключено, что даже в позднем проявлении они представляют собой отголосок гончарной традиции репинской культуры. Видимо, с середины III тысячелетия до н. э. или несколько позднее начинают распространяться репинские материалы позднего этапа. Трудно пока наметить верхнюю хронологическую границу репинской культуры, но по аналогии с Михайловским поселением [24, с. 280, 281] она может лежать в пределах рубежа III — II тысячелетий до н. э. Репинские традиции находят продолжение и во II тысячелетии до н. э., в материалах донской абашевской культуры. Интересно, что наряду с поразительным сходством керамических признаков (ракушечная примесь в тесте, крупные косовертикальные расчесы на поверхностях, желобчатые венчики, орнаментальные композиции и т. д.) в абашевском погребальном обряде фиксируется положение умерших вытянуто па спине, а в отдельных случаях прослежен и бескурганный обряд захоронений [25, с. 165]. Надо полагать, что и эти черты являются отражением репинских погребальных традиций [25, с. 168, 169; 26, с. 38-40; 27, с. 124-127]. Приведенное сопоставление — не единственный мостик, соединяющий репинскую культуру со II тысячелетием до н. э. Можно, например, увидеть сочетание катакомбных и репинских элементов на сосуде из с. Желдаковки (Павловский р-н Воронежской обл.) [28, с. 19] и в катакомбной керамике архангельского типа с донских поселений [29, с. 154, табл. II, 5, 10, 11 и др.]. Наконец, интересно обратиться к материалам раннего периода поздняковской культуры на средней Оке. Среди специфических «поздняковских» признаков называются округлодонность сосудов, орнаментация жемчужинами и ямками, завершение орнаментального пояса «бахромой», широкое применение шнурового элемента и т.д. [30, с. 169], а их появление связывается с приходом срубного населения из Донского бассейна [30, с. 171]. Но эти признаки как раз нехарактерны для срубной керамики, а если и встречаются в ней, то рассматриваются как привнесенные. Вместе с тем указание Т. Б. Поповой на аналогии отмеченным признакам в области Подонья вполне справедливо и, с нашей точки зрения, показательно. Добавим, что в поздняковских могильниках имеются и вытянутые захоронения. Т.Б. Попова увязывает их с абашевскими традициями [30, с. 175]. Но, как было сказано выше, сам абашевский обряд складывался в значительной степени па репинской основе.

Рассмотренные линии поздних проявлений репинской культуры еще раз указывают на возможность определения ее верхнего хронологического рубежа концом III — началом II тысячелетия до н. э. Репинская культура в своем развитии предполагает не только качественные изменения, но и изменения границ распространения. В начальный период своего бытования она занимала в основном среднее течение Дона. Именно здесь наблюдается наибольшая концентрация репинских памятников: по берегам Дона и его притоков — Тихой Сосны, низовьев Воронежа, Битюга, а также по течению р. Матыры. Исследователь матырских стоянок В.П. Левенок считал возможным говорить о раннем появлении репинских памятников в бассейне этой реки, с чем нельзя не согласиться [31, с. 34]. Несколько местонахождений репинской керамики известно к востоку от названного района, в частности в Поволжье: у сел Куриловка и Елховка бывш. Вольского уезда Саратовской обл. (сборы С.А. Щеглова в 1914 г., материалы хранятся в Саратовском краеведческом музее); из кургана № 29 I Бережновского могильника (раскопки И.В. Синицына в 1952 г., хранятся там же, инв. № 2012), а также в уже упоминавшемся уроч. Мартышкино (хранятся там же, инв. № 441). В зону формирования репинской культуры предположительно можно включить и Нижний Дон, хотя ранних материалов там пока не известно. На втором (позднем) этапе развития племена репинской культуры начали продвижение на другие, иногда значительно удаленные от первоначального центра территории. Одной из важнейших побудительных причин этого процесса явилась активность древнеямных группировок. На Дону часть репинского населения испытала ассимилирующее воздействие со стороны этих группировок, а другая часть была вынуждена искать новые жизненные пространства. Материалы показывают, что поиски эти имели несколько направлений. Одно из них — юго-западное, в Поднепровье (Михайловское поселение и др.), а второе — северное, в ходе которого осваивался Верхний Дон (Долговская стоянка) [32, с. 245] и даже отдельные районы средней Оки. В этой связи можно указать на материалы стоянки Засеченской-III и некоторых других пунктов под Рязанью[1], подтверждающие высказанную мысль о возможности связи репинской и поздняковской культур, опосредованных через «предпоздняковские» материалы.

Распространение репинской культуры на значительно удаленные друг от друга территории проходило под сильным воздействием тех синхронных культур, которые являлись господствующими на данных территориях: в Поднепровье (как, возможно, и на Северном Донце) — поздней среднестоговской и древнеямной культур, в ряде районов Поволжья — древнеямной, в верховьях Дона и на средней Оке — местных поздненеолитических культурных групп.

В заключение еще раз отметим основные положения статьи. 1. Памятники репинского типа должны рассматриваться в рамках особой репинской культуры, отличной от культур древнеямных. 2. В процессе ее формирования приняли участие племена энеолитической нижнедонской (Ракушечный Яр — Съезжее) и ранней среднестоговской культур. 4. Намечается возможность выделения двух этапов в периодизации репинской культуры: первый этап (рубеж IV-III тысячелетий до н. э. до середины III тысячелетия до н. э.) определяется ранними материалами типа Репина и Университетской-3, распространенными главным образом в Доно-Волжском регионе. Синхронизируется с концом первого этапа среднестоговской культуры и древнейшими па-

[1] Пользуясь случаем, приношу благодарность сотруднику Рязанского краеведческого музея В.П. Челяпову за предоставленную возможность использовать в этой статье образцы керамики со стоянки Засеченской-III.

мятниками ямной культурной общности. Второй этап (середина III — рубеж III и II тысячелетий до н. э.) представлен поздними группами материалов Доно-Волжского региона, а также Поднепровья (поселение Михайловское и др.). 4. На протяжении своего существования репинская культура имела разные территориальные рубежи. Наибольшие изменения их, связанные с передвижением репинских племен, наметились на втором этапе развития культуры. 5. Репинская культура приобретает важное значение в связи с вопросами формирования и взаимоотношений донской абашевской, катакомбной, а также поздняковской культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Синюк А.Т. Неолитический материал многослойной нижневоронежской стоянки Университетской-III. — В кн.: Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. Воронеж, 1978.
2. Братченко С.Н. Богатошарове поселення Лівенцівка на Дону. — Археологія, 1969, т. XXII.
3. Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Д. Михайлівське поселення. Київ, 1962.
4. Телегін Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973.
5. Синюк А.Т. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1972. Архив ИА АН СССР, р-2, № 2100.
6. Формозов А.А. Неолитическая керамика Нижнего Подонъя. — КСИИМК, 1954, № 53.
7. Белановская Т.Д. Отчет за 1969 год. Архив ИА АН СССР, р-1, № 2139.
8. Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Поселение и могильник у с. Съезжее. — В кн.: Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 2. Куйбышев, 1976.
9. Синюк А.Т. У истоков древнейших скотоводческих культур лесостепного Дона. — В кн.: Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1979.
10. Белецкий В.Д. Отчет за 1957 год. Архив ИА АН СССР, р-1, № 2536.
11. Жибура В.М. Отчет о раскопках в 1961 году. Архив ИА АН СССР, р-1, № 2276-а.
12. Столяр А.Д. Раскопки курганов у хут. Попова в 1950-1951 гг. — МИА, 1958, № 62.
13. Синицын И.В. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Поднепровьем. — КСИА АН УССР, 1957, № 7.
14. Синюк А.Т. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1971.
15. Ковалева И.Ф., Марина З.П. Раннеямные погребения «репинского» типа в степном Поднепровье. — В кн.: Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1976.
16. Левенок В.П. Неолит Верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны европейской части СССР: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1969. Архив ИА АН СССР, р-2, № 2057.
17. Даниленко В.Н. Энеолит Украины. Киев, 1973.
18. Телегин Д.Я. Основні риси та хронологія середньостогівскоі культури. — Археологія, 1970, т. XXIII.
19. Мерперт Н.Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тысячелетия до н. э.). Докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1968. Архив ИА АН СССР, р-2, № 2010-2012.
20. Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
21. Смирнов К.Ф. Быковские курганы. — МИА, 1960, № 78.
22. Латынин Б.А. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка. — АСб. ГЭ, 1967, № 9.
23. Марина З.П. Периодизация и хронология погребений ямной культуры в междуречье Орели и Самары. — В кн.: Курганные древности степного Поднепровья III-I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1978.

24. Шапошникова О.Г. Ямна культура. — В кн.: Археологія Української РСР. Київ, 1971.
25. Синюк А.Т., Килейников В.В. Курган у села Введенки на Дону. — СА, 1976, № 1.
26. Пряхин А.Д. История древних скотоводов II тысячелетия до н. э. лесостепных районов Подонья, Поволжья и Южного Урала (абашевская культурно-историческая общность). Докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1976. Архив ИА АН СССР, р-2, № 2223.
27. Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977.
28. Афонюшкин В.А. Сосуд из села Желдаковки. — Тр. Воронежского областного краеведческого музея, 1960, вып. 1.
29. Пряхин А.Д. К вопросу о памятниках раннекатакомбного типа на Верхнем Дону. — В кн.: Вопросы истории славян. Вып. 2. Воронеж, 1966.
30. Попова Т.Б. Племена поздняковской культуры. — Тр. ГИМ, 1970, вып. 44.
31. Левенок В.П. Исследования в зоне Липецкого моря. — АО — 1967. М., 1968.
32. Левенок В.П. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону. — МИА, 1965, № 131.

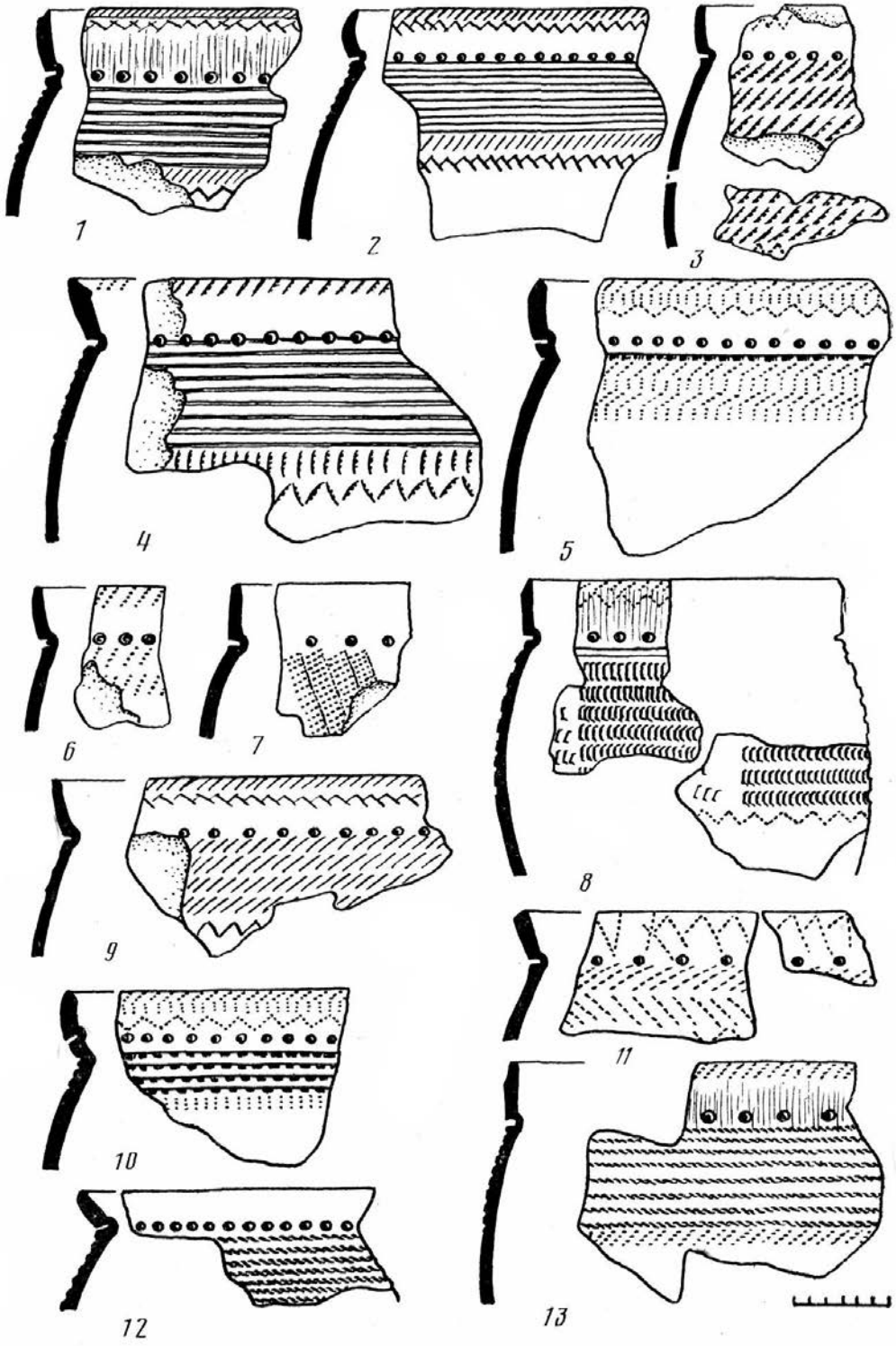


Рис. 1. Керамика Репинского поселения

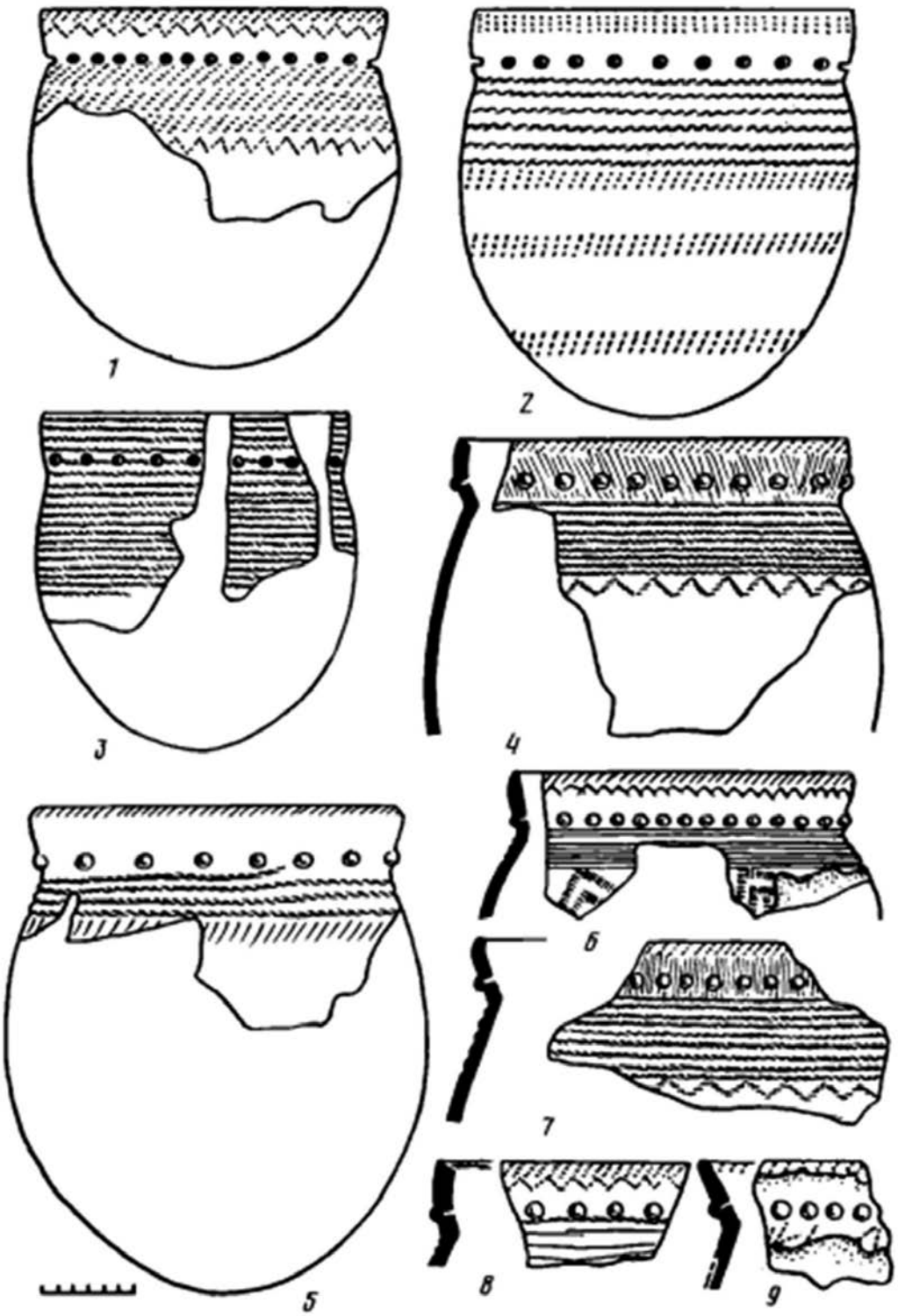


Рис. 2. Керамика Репинского поселения

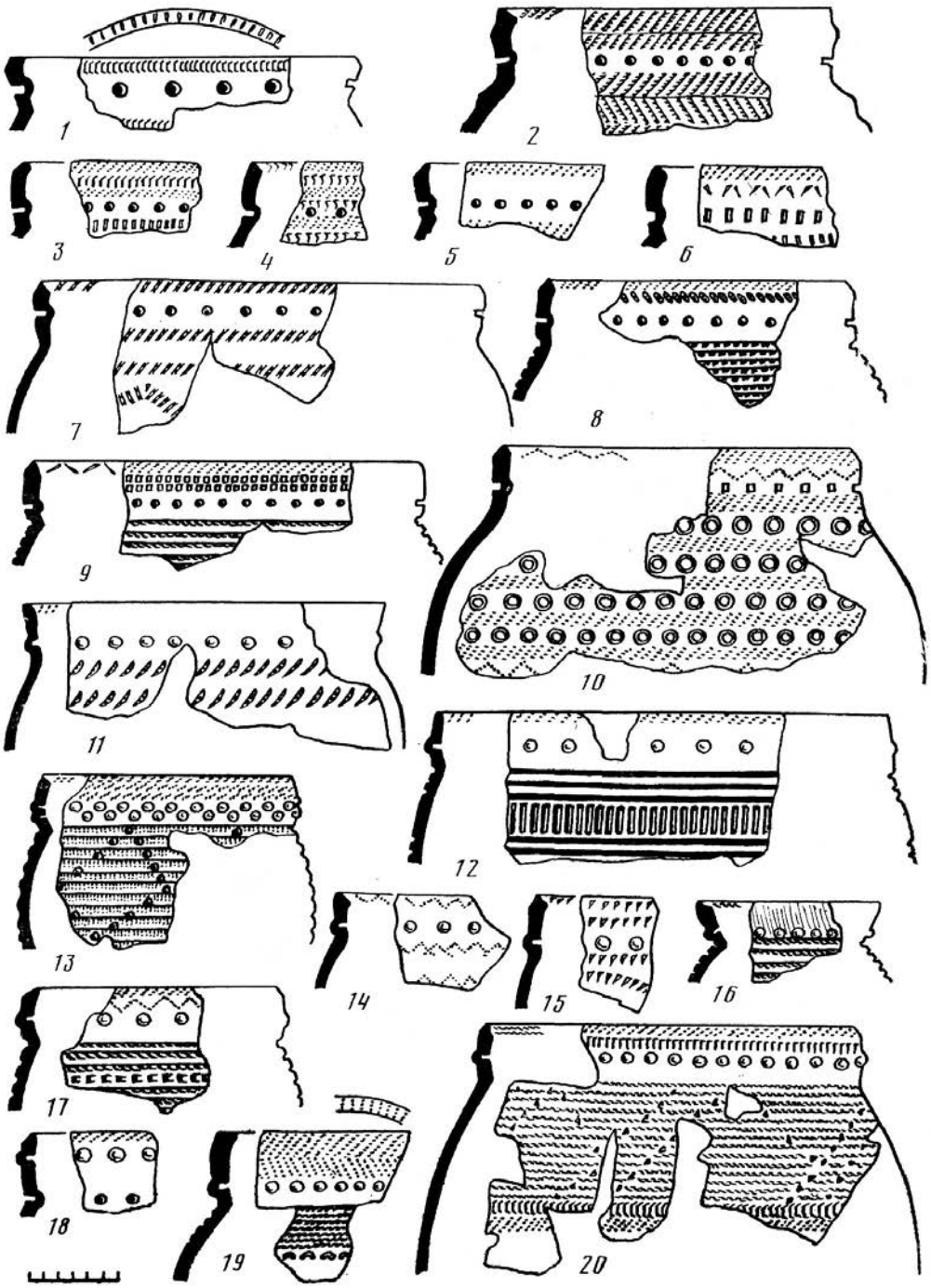


Рис. 3. Репинская керамика из низовий р. Воронежа (*1—18* — стоянка Университетская-3; *19* — стоянка Северо-восточная-1; *20* — Шиловское поселение)

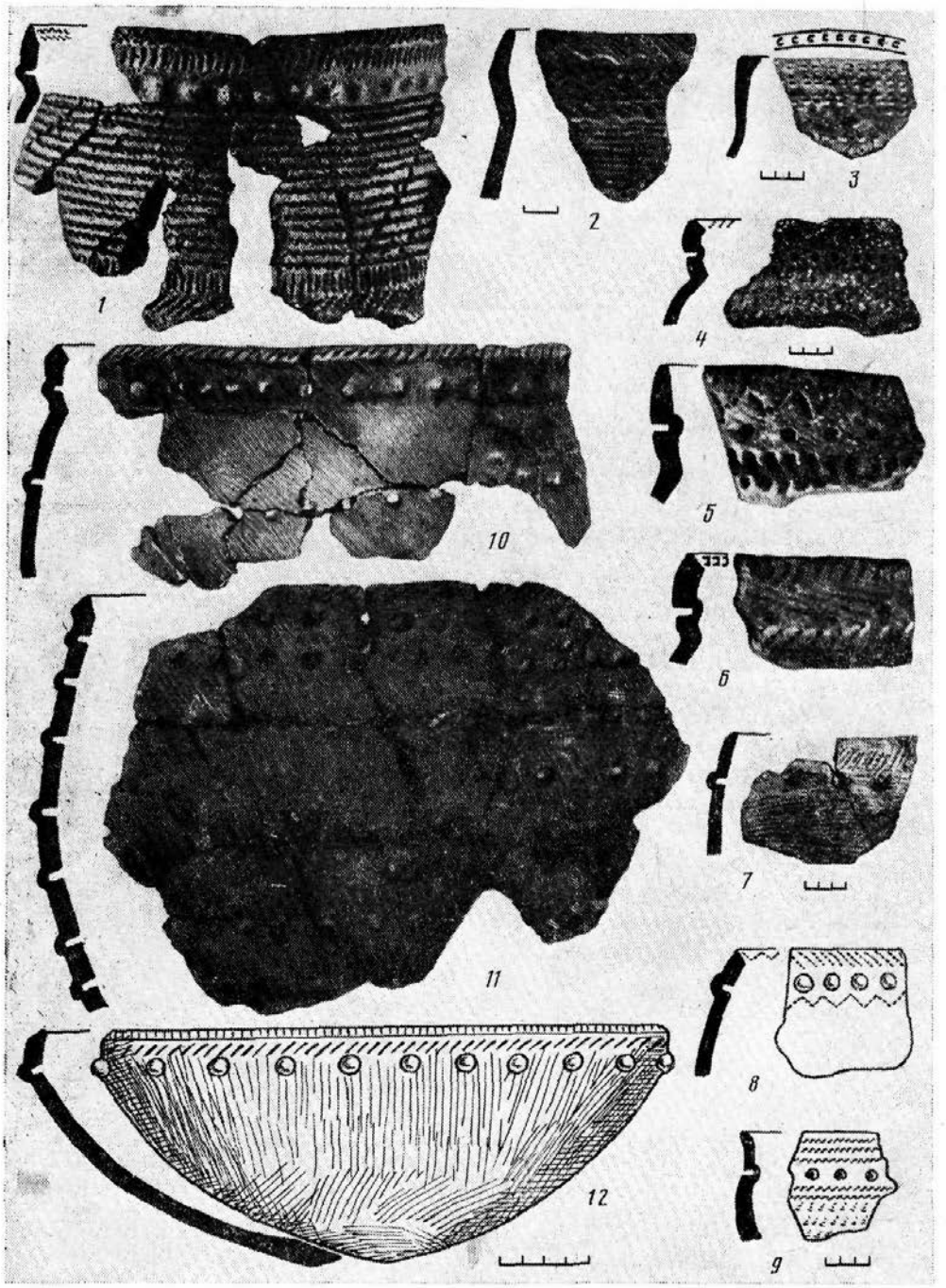


Рис. 4. Керамика нижнедонской (*2*), среднестоговской (*3*), репинской (*4—6, 10*) культур и ямно-репинского типа (*7—9, 11, 12*). *1* — Шиловское поселение; *2—9* — Дармодехинская стоянка; *10—12* — стоянка Университетская-3

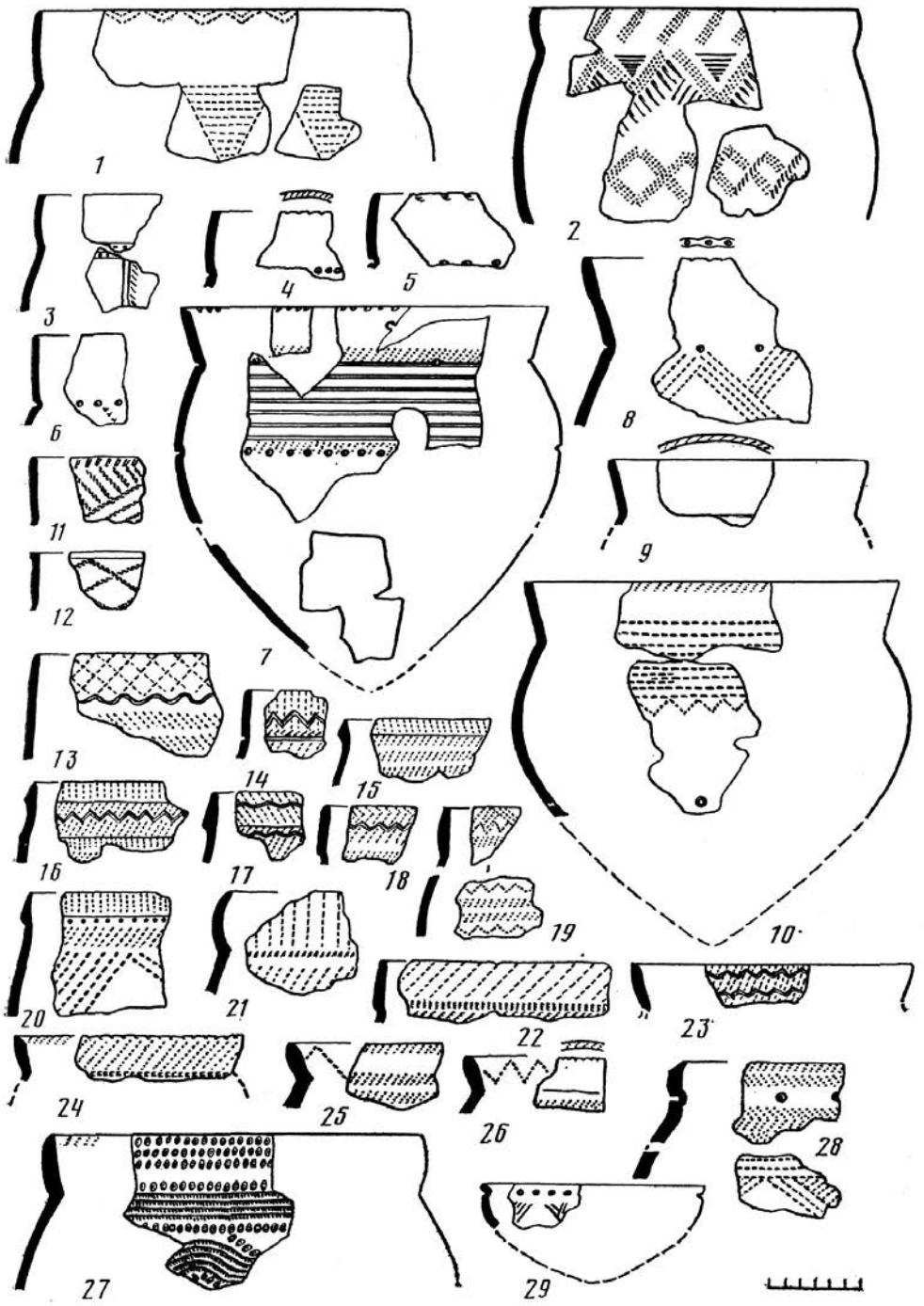


Рис. 5. Керамика среднестоговской (*1—12*), нижнедонской (*13—20*) культур и смешанного «проторепинского» типа (*21—28*). *1—18, 21—26, 28* — стоянка Университетская-3; *19, 20* — стоянка Университетская-1; *27* — Шиловское поселение; *29* — Дармодехинская стоянка

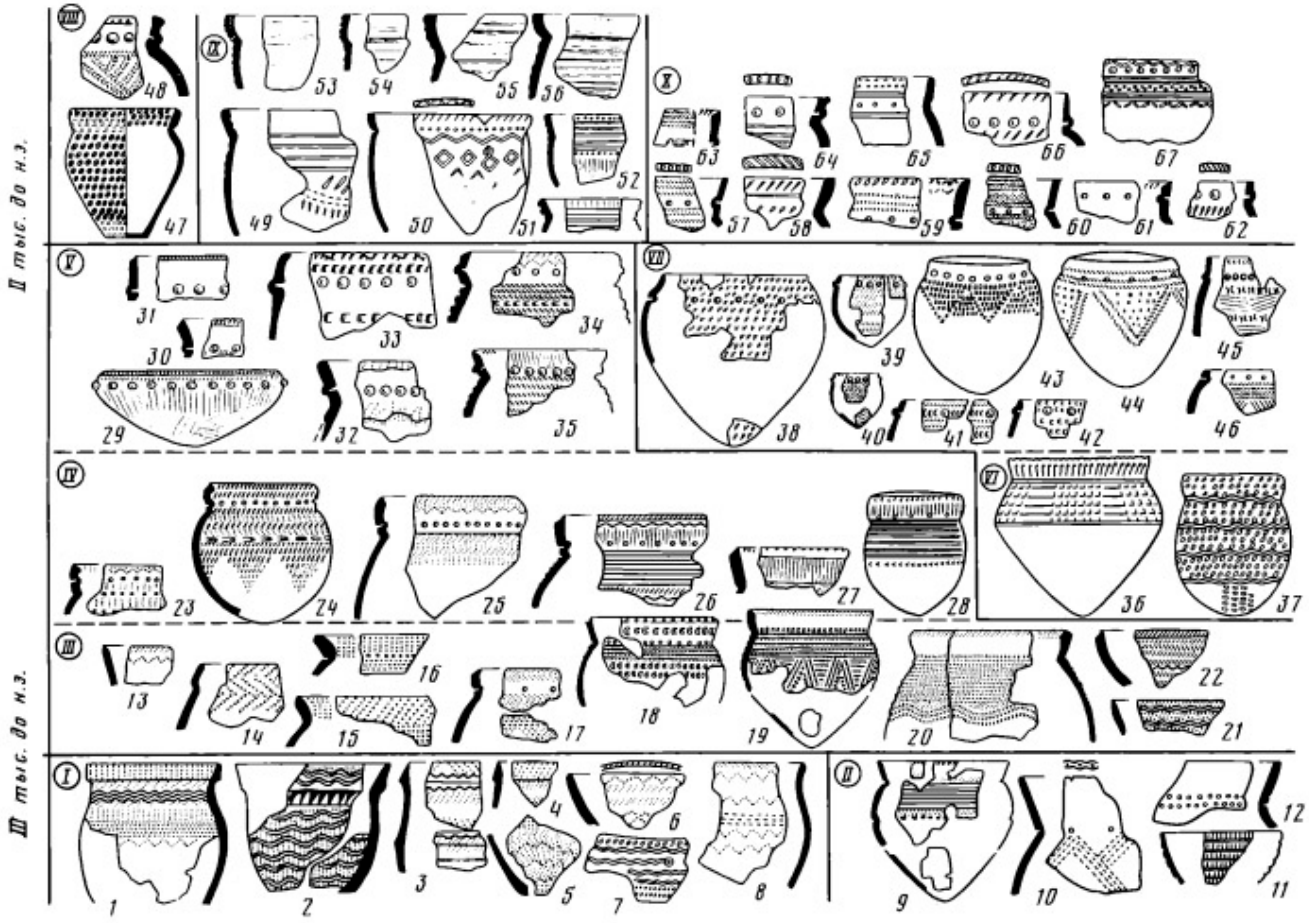


Рис. 6. Развитие репинской керамики и отражение ее признаков в материалах синхронных и более поздних культур Доно-Волжского региона. I — нижнедонская культура; II — среднестоговская культура; III — «проторепинский» этап; IV — 1-й период репинской культуры; V — 2-й период репинской культуры; VI — сосуды с «проторепинскими» признаками из древнейших подкурганных погребений; VII — ямпо-репинская керамика; VIII — катакомбная культура; IX — абашевская культура; X — поздняковская культура. *1, 2* — Съезжее; *3* — Университетская-1; *4—6, 9—11, 17—19, 21, 24, 29, 33—35, 38—42* — Университетская-3; *7, 8, 12, 30, 45, 46* — Рын-Пески; *13, 14* — Мартышкино; *15* — Болхуны; *16, 37* — Бережновка; *20* — Большой Липяг; *22, 25, 26, 32* — хут. Репин; *23* — Дармодехинская; *27* — Новая Казанка; *28* — Быково; *31* — Куриловка — Ерховка; *36* — хут. Попов; *43* — Верхнепогромное; *44* — Новочеркасск; *47* — Желдаковка; *48* — Рыбное Озеро-2; *49—52* — Шилово; *53, 54* — Сокольское; *55—56* — Барковское; *57, 64* — Засеченская-III; *65, 66* — Коренец-2; *67* — Погостище (использованы публикации В. А. Афонюшкина, И. Б. Васильева и Г. И. Матвеевой, В. Н. Даниленко, В. П. Левенка, Н. Я. Мерперта, Т. Б. Поповой, А. Д. Пряхина, Д. Я. Телегина

1983

А.Н. МОСКАЛЕНКО И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ

Археологические памятники Лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж: ВГУ, 1983. с. 3-8.

Археологические исследования в лесостепном Подонье в целом имеют давние традиции. Достаточно сказать, что в 1979 г. был проведен Международный симпозиум, посвященный 100-летию раскопок всемирно известных Костенковских палеолитических стоянок. В дореволюционные и предвоенные годы здесь изучались и памятники других археологических периодов, в частности эпохи бронзы, раннего железного века, славянского времени. Многие из них приобрели широкую известность. Особенно следует отметить успехи археологов-славистов. Работы Юго-восточной экспедиции ГАИМК (руководитель П.П. Ефименко) в конце 20-х гг. на Большом и Малом Боршевских городищах, Борщевском могильнике, а также на памятниках, расположенных на р. Воронеж, открыли неизвестную картину жизни и культуры восточной периферии славянского мира. В этой связи можно вполне определенно говорить, что советская славянская археология рождалась на Среднем Дону.

Раскопки славянских памятников в Подонье заложили прочный фундамент для последующих исследований восточнославянского мира вообще и его донского региона в частности.

По-другому обстояло дело с изучением памятников более раннего времени. Разрозненные сведения исключали возможность иметь хотя бы приближенное представление о целых археологических эпохах. Необходим был совершенно новый уровень источниковедческой базы. Это прекрасно понимала А.Н. Москаленко, которая успешно защитила в 1945 г. диссертацию по археологии северян и с 1947 г. работала в Воронежском университете. Она стремилась расширить источниковедческую базу по разным археологическим эпохам, в частности эпохе бронзы и раннего железного века. С этой целью проводятся разведки, раскопки ряда новых и известных ранее памятников, результаты которых затем нашли освещение в печати. Особо следует отметить ее целенаправленные усилия на исследование поселений — первое обследование ныне широко известных Волошинских городищ скифского времени и ряда других памятников эпохи бронзы и раннего железного века.

В 1955 г. вышла ее небольшая, рассчитанная на широкого читателя и получившая положительную оценку научной общественности книга «Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона». В ней дан анализ немногочисленных материалов различных исторических эпох, предполагавший необходимость их дальнейшего систематического пополнения и научной интерпретации.

В 50 и 60-е гг. основные работы археологической экспедиции ВГУ, которую возглавляла А.Н. Москаленко, сосредоточиваются на славянских памятниках по берегам Дона. Исследования, как правило, ведутся большими площадями, что оказало реша-

ющее воздействие на более глубокое проникновение в суть исторических процессов, протекавших в лесостепном Подонье в конце I тыс. н. э. Начало было положено раскопками Архангельского (Голышевского) городища. За два сезона (1952-1953 гг.) здесь вскрыто 1212 м^2, получена довольно интересная коллекция славянских древностей и установлено, что данное славянское поселение возникло на месте городища раннего железного века. Результаты раскопок были обобщены А.Н. Москаленко в ряде статей. Но в центре внимания в те годы находилось городище на горе «Трудень» у хут. Титчиха Лискинского района Воронежской области. Городище раскапывалось в течение девяти сезонов (1954-1962 гг.). На раскопанной площади (7188 м^2) выявлено 46 жилых построек, большое количество ям-погребов. Трудно переоценить значение этого памятника для характеристики славянской культуры не только Подонья, но и в целом славянского мира. Городище, имея хорошие условия для сохранения материальных остатков, не потревоженное поздними перекопами, дало ключ к решению ряда конкретных вопросов истории конца I тыс. н. э. Многое прояснилось в изучении хозяйственной деятельности славян, в датировке славянских памятников Подонья, в характеристике жилых построек, оборонительных сооружений и т. д. Титчихинское городище, как и Новотроицкое в Днепровском левобережье (раскопки И.И. Ляпушкина), до сих пор остается одним из выдающихся славянских памятников как по масштабу проведенных полевых исследований, так и по сумме решенных вопросов и проблем на базе полученных материалов. В эти же годы исследовались славянские Большое и Малое Борщевские городища, было раскопано 23 кургана на Борщевском могильнике. На этой основе А.Н. Москаленко удалось более детально рассмотреть такие вопросы, как происхождение, племенная принадлежность, религиозно-культовые представления донских славян.

Одним из важных и интереснейших направлений археологических исследований, проводимых А.Н. Москаленко в этот период, является целенаправленное изучение оборонительных сооружений славянских городищ Подонья. Изучались укрепления Титчихинского, Малого и Большого Борщевских, Архангельского, Белогорского, Воргольского городищ, что, в свою очередь, дало важный материал для характеристики восточнославянского оборонительного зодчества. Таким образом, к середине 60-х гг. был накоплен обширный материал, на основе которого появился ряд работ, в том числе и обобщающего характера. К ним прежде всего относится книга А.Н. Москаленко «Городище Титчиха». В ней полностью опровергнут тезис (сейчас почти никем не вспоминаемый) об архаичности материальной и духовной культуры донских славян. Развитое земледелие, высокий уровень металлургии, активные внешние связи — вот что определяло хозяйственную деятельность славянского населения Подонья в конце I тыс. н. э. Хорошо организованные формы охоты и рыболовства дополняли эту деятельность, показывая в то же время умелое использование славянами богатств окружающей природы. А.Н. Москаленко конкретизировала дату донских славянских памятников, отнеся их к IX-X вв. Несколько по-иному предложено ею и решение вопроса о происхождении донских славян. В процессе колонизации Подонья основную роль играли переселенцы с Верхней Оки (об этом ранее писал и П.Н. Третьяков), но сюда же, по ее мнению, проникали отдельные группы населения и из других районов славянского мира.

Необходимо отметить и еще один едва ли не главный аспект деятельности А.Н. Москаленко. С самого начала работы в Воронежском университете раскрылся ее удивительный педагогический талант. А.Н. Москаленко умела ненавязчиво привить

своим ученикам вкус к самостоятельным научным изысканиям. Организованный ею в 1948 г. научный студенческий кружок на долгие годы стал костяком археологической экспедиции университета. В нем выросла целая группа археологов, ныне работающих в ЛОИА АН СССР, в Институте археологии АН УССР, в Воронежском университете, в ряде педагогических вузов и музеев нашей страны. А.Н. Москаленко неоднократно выступала в печати с проблемными статьями об изучении археологии в высшей школе, об организации учебных археологических практик, об опыте работы археологического кружка, что в целом способствовало более качественной подготовке учителей истории для школы и росту профессиональных археологов.

Около 20 лет А.Н. Москаленко посвятила исследованию различных проблем донских славян. Итогом ее научной деятельности стала книга «Славяне на Дону», вышедшая в 1981 г. Исследованию А.Н. Москаленко предпослано предисловие известного советского ученого, доктора исторических наук С.А. Плетневой, в котором есть следующие слова: «За эти годы А.Н. Москаленко не только стала серьезным, хорошо известным в СССР и за рубежом археологом-славистом, но и вырастила большую группу учеников, т. е. по существу создала воронежскую археологическую школу. И в этом неоспоримая и незабываемая заслуга А.Н. Москаленко как перед университетом, так и перед археологической наукой в целом».

Список работ А.Н. Москаленко:

Москаленко А.Н. К вопросу об изучении Голышевского городища (Из археологических разведок 1949 г.). — В кн.: Воронежский государственный университет. Научная конференция. 1950 год. Секция историко-филологическая. Воронеж, 1950, с. 23-26.

Москаленко А.Н. [Рец.] Археология. Киев, 1948, т. II; 1950, т. III; 1950, т. IV — ВДИ, 1951, 3, с. 122-129.

Москаленко А.Н. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону (Материалы к археологической карте Воронежской области). — КСИИМК, 1952, XLIII, с. 99-107.

Москаленко А.Н. Архангельское (Голышевское) городище. — КСИИМК, 1952, 42, с. 103-106.

Москаленко А.Н. [Рец.] Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1949, т. I-II. — ВДИ, 1952, 1, с. 147-156.

Москаленко А.Н. [Рец.] Тургиев Т.Б. Краеведение на уроках истории в V-VIII классах в школах Северной Осетии. Дзауджикау, 1950, вып. 1. — Преподавание истории в школе, 1952, 5, с. 117-119.

Москаленко А.Н. К вопросу о преподавании курса «Основы археологии». — ВДИ, 1953, 3, с. 191-196.

Москаленко А.Н. Из древнейшего прошлого Гремяченского района (по археологическим данным). — В кн.: Природа и хозяйство Гремяченского района Воронежской области. Воронеж, 1953, с. 15-37.

Москаленко А.Н. Археологические памятники. — В кн.: Воронеж. Справочник-путеводитель. Воронеж, 1953, с. 214-219.

Москаленко А.Н. Некоторые итоги работ на Архангельском городище Воронежской области в 1952-1953 гг. (К вопросу об изучении культуры раннего железного века в бассейне Верхнего и Среднего Дона). — В кн.: Из истории Воронежской области. Воронеж, 1954, с. 62-70.

Москаленко А.Н. [Рец.] Шоков А.Ф. Скифы на Среднем Дону. Воронеж, 1952. — СА, 1954, XIX, с. 344-347.

Москаленко А.Н. Раскопки городища у хутора Титчиха Воронежской области в 1954 г. (Предварительные сообщения). — Тр. Воронеж. ун-та, 1955, вып. 3, т. 42, с. 31-34.

Москаленко А.Н. Памятники скифского времени на Среднем Дону. — КСИА АН УССР. Киев, 1955, вып. 4, с. 99-100. Переведена на немецкий язык и напечатана в «Bibliotheca classica Orientalis», 1957, Heft 4, s. 243-246.

Москаленко А.Н. Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона. Воронеж, 1955.

Москаленко А.Н. Об одной несообразности в учебном плане исторических факультетов университетов. Письмо в редакцию. — СЭ, 1955, 3, с. 199.

Москаленко А.Н. [Рец.] Арциховский А.В. Основы археологии. М. 1954. — ВИ, 1955, 3, с. 155-159.

Москаленко А.Н. Раскопки на Архангельском городище в 1952-1953 гг. — КСИИМК, 1956, 62, с. 84-94.

Москаленко А.Н. Сорок лет советской археологии. — Тр. Воронеж. ун-та. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революю-

ции. Воронеж, 1957, с. 90-92.
Лысцов В.П., Москаленко А.Н., Талова А.Г. Учебник проходит проверку. — Преподавание истории в школе, 1957, 1, с. 45-49.
Москаленко А.Н. Изучение славянских археологических памятников в бассейне Верхнего и Среднего Дона. — В кн.: Славянский сборник. Воронеж, 1958, с. 137-145.
Москаленко А.Н. Тысячу лет назад. — Подъем (Воронеж), 1958, 4, с. 161-165.
Москаленко А.Н. Курган эпохи бронзы близ с. Платава Воронежской области. — Тр. Воронеж. обл. краев. музея. Воронеж, 1960, вып. 1, с. 87-93.
Москаленко А.Н. С.Н. Замятнин и археологическое изучение Воронежского края. — В кн.: Проблемы историографии (Тезисы и авторефераты докладов и сообщений на межвузовской конференции). Воронеж, 1960, с. 60-63.
Москаленко А.Н. О работе студенческих археологических кружков. — СА, 1960, 4, с. 215-217.
Москаленко А.Н., Попов Д.А. Волошинское городище Воронежской области. — В кн.: Из истории Воронежского края. Воронеж, 1961, вып. 1, с. 167-171.
Москаленко А.Н. Воронежский край в эпоху первобытнообщинного строя и становления феодализма. — В кн.: Очерки истории Воронежского края. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Воронеж, 1961, с. 9-27.
Москаленко А.Н. Об уровне развития хозяйства борщевской культуры. — В кн.: Совет по координации и планированию научно-исследовательских работ по гуманитарным наукам Центрально-Черноземного экономического района. Первая научная сессия (Тезисы докладов и сообщений). Воронеж, 1962, с. 120-121.
Москаленко А.Н. Новые материалы о хозяйстве и домостроительстве борщевцев. — В кн.: Вопросы истории славян. Воронеж, 1963, вып. 1; с. 93-114.
Москаленко А.Н. О проведении археологической практики. — В кн.: Тезисы второй научно-методической конференции. Воронеж, 1963, с. 102-104.
Москаленко А.Н. Воронежские «Частые курганы». — СИЭ, 1963, т. 3, с. 706-707.
Москаленко А.Н., Пряхин А.Д. Новые данные о поселениях эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону. — В кн.: Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, с. 189-205.
Москаленко А.Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965.
Москаленко А.Н. Святилище на р. Воргол. — СА, 1966, 2, с. 203-209.
Москаленко А.Н. О возникновении древнерусских поселений на Дону. — В кн.: Вопросы истории славян. Воронеж, 1966, вып. 2, с. 114-144.
Москаленко А.Н., Винников А.З. Древнерусские археологические памятники на Верхнем и Среднем Дону (Материалы к археологической карте). — В кн.: Из истории Воронежского края. Воронеж, 1966, с. 53-76.
Москаленко А.Н., Винников А.З. Городище и курганный могильник на Белой Горе под Воронежем. — АО 1967 года. М., 1968, с. 61-62.
Москаленко А.Н., Пряхин А.Д. Поселение раннего железного века у хутора Титчиха. - В кн.: Население Среднего Дона в скифское время. М., 1969, с. 96-104.
Москаленко А.Н., Винников А.З. Раскопки Лысогорского могильника. — АО 1968 года. М., 1969, с. 60-61.
Москаленко А.Н. Студенческий археологический кружок ВГУ. — В кн.: Из истории Воронежского края. Воронеж, 1969, вып. 3, с. 169-176.
Москаленко А.Н. К вопросу о погребальном обряде древнерусского населения Среднего и Верхнего Дона. — В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 108-110.
Москаленко А.Н. Воронежские «Частые курганы» — БСЭ, 1971, т. 5, с. 1077-1078.
Москаленко А.Н. Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население Среднего и Верхнего Дона. — В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 189-196.
Москаленко А.Н. К вопросу о роменско-борщевской культуре. — В кн.: Тезисы пленарних і секційних доповідней. Одесса, 1972.
Москаленко А.Н. Славяне на Дону (Борщевская культура). Воронеж, 1981.

САСОВСКИЕ КУРГАНЫ НА РЕКЕ ПОТУДАНИ

Древние памятники на территории Восточной Европы.
Воронеж, 1983. С. 91-111.

В 1972-73 гг. отрядом Воронежского педагогического института в составе Воронежской лесостепной скифской экспедиции (начальник П.Д. Либеров) под руководством автора проведены раскопки семи курганов в группе из восьми насыпей[1] близ хутора Сасовки Репьевского района Воронежской области.

Курганы располагались на западном краю высокого плато, круто обрывающемся к пойме ручья Сасовки. Северный, тоже крутой склон плато, обращенный к долине р. Потудани (правого притока Дона), тоже начинается в 250 м от могильника. Пять курганов были выстроены тесной цепочкой по линии 3-В, а остальные три находились в 150 м к северу. Все насыпи круглые в плане, небольших размеров, от едва фиксируемых — до 1,5 м высоты, с задернованными поверхностями. Насыпи состояли из красновато-желтого суглинка и чернозема с незначительными включениями мелового и валунного щебня.

Курган № 2. Диаметр — 19 м при высоте от современной поверхности — 0,5 м. Исследовался вручную кольцевыми траншеями двухметровой ширины. Насыпь однородна, слой погребенной почвы не выделялся, но, судя по уровню залегания материкового выкида, толщина его едва ли превышала 0,2 м. В кургане открыто пять погребений. Все они находились в юго-западном секторе и в разной степени углублялись в материк в границах выкида из основной могилы, причем, что особенно важно, фиксируется последовательность в их сооружении стратиграфически (рис, 1, 1, 2).

Погребение I (впускное) — парное захоронение в обширной (4×2,5 м) яме неровно-прямоугольной форме о сильно заоваленными углами. Пол могилы сравнительно ровный на всей площади. Глубина ее — 1,25 м от вершины кургана (0,4 м от уровня материка), длинными стенками ориентирована по направлению ЗСЗ — ВЮВ. Сохранность костяков плохая. Первый из них, лежавший ближе к западному краю могилы, представлен раздавленным черепом, фрагментами длинных костей рук и ног, а также отдельными позвонками. Умерший лежал на спине головой на юго-запад. Можно предполагать скорченность ног. Рядом с ним и на нем встречались отдельные кусочки истлевшего дерева и обуглившегося плетеного изделия. Второй костяк находился на расстоянии около 0,8 м от первого. Сохранились раздавленный череп, плечевые кости и несколько позвонков. Судя по положению костей рук, умерший лежал на спине головой на ЗЮЗ. Справа от головы стоял сосуд серо-желтого цвета с гладкой поверхностью, с небольшим, плавно отгибающимся наружу венчиком и округлыми боками, сходящимися к небольшому плоскому дну (рис. 2, 1). Высота сосуда — 21,3 см, диаметр верха — 19,6 см, диаметр дна — 12,5 см. По венчику снаружи нанесены вдавления ногтем или острым концом палочки; верхняя выпуклая часть сосуда лишена орнамента, а ниже половины высоты сосуда и до днища идут пояски из насечек гребенчатого штампа, составленные в елочку, причем штамп двух видов: верхние три пояска нанесены изогнутым краем створки раковины Unio, насечки же нижних поясков — прямые, нанесены поверхностно.

[1] Один курган из группы был исследован той же экспедицией в 1961 году. Раскопками руководил В.И. Гуляев. Нами курган не рассматривается, но, соблюдая систему нумерации насыпей в могильнике, за ним оставляется № 1.

По углам восточной стенки ямы на полу лежали в кучке бараньи кости и череп лошади (рис. 1, 2).

Погребение-2 (впускное) выявлено при зачистке пола рассмотренной выше могильной ямы. Умерший был положен в яму овальной формы (1,4 × 0,9 м), направленной по линии ЮЮЗ-ССВ, углубленную в материк на 0,65 м. Плохо сохранившийся костяк взрослого человека лежал скорченно на правом боку головой на ЮЮЗ. Дно могилы и сами кости интенсивно окрашены желто-красной охрой. В заполнении ямы встречались отдельные угольки. Перед грудью умершего находилась Жаровня из верхней части лепного сосуда с диаметром горла около 33 см (рис. 2, 2). Венчик сосуда невысокий, плавно отогнут наружу, в верхней части тулова едва намечена ребристость. Поверхность сосуда грубо заглажена, серо-желтого цвета. Под самым верхом расположены три пояска из гребенчатых насечек, сделанных изогнутой створкой раковины Unio. Такие же насечки в три ряда образуют прерывистую зону на плечиках сосуда.

Погребение-3 (впускное) совершено в близкой к квадрату яме (1,1 × 1,05 м) о закругленными углами. Яма хорошо прослеживалась в профиле бровки кургана, прорезая край материкового выкида погребения-4. Стенки ямы отвесные, глубина от уровня материка — 0,55 м. Скелет мужчины среднего возраста лежал вдоль юго-восточной стенки скорченно на правом боку с руками между колен, головой на северо-восток. Перед лицом умершего в углу ямы находился сосуд (рис. 2, 4), Высота его — 22,5 см, диаметр горла — 21 см, диаметр дна — 10,5 см. Раструбовидное горло высотой около 4 см имеет снаружи легкое утолщение. Диаметр тулова несколько меньше диаметра верха, что придает сосуду форму колоколовидности. Вся поверхность сосуда орнаментирована густыми поясками из коротких оттисков шнура. Эти оттиски в целом составляют елочную композицию, но некоторые оттиски смежных поясков наклонены в одну сторону.

Под костяком в области ног выявлен слой красной охры, а вблизи сосуда и у груди умершего встречены отдельные угольки.

Погребение 4 (основное) совершено в окруженной могильным выкидом яме прямоугольной формы (2,7×1,55 м) со слегка закругленными углами. Длинные стороны ямы ориентированы по линии ЮЗ-СВ, глубина от вершины кургана — 1,8 м (от уровня материка — 0,95 м). На уровне 0,4 м от материка по всему периметру ямы идет уступ. На полу, ближе к юго-западной стенке, лежали плохо сохранившиеся два детских костяка скорченно на правом боку, головами на СВ. Руки их находились между колен. В ногах детей отмечена слабая посыпка красной охры. Около головы большего ребенка, лежавшего ближе к центру ямы, находился округлодонный сосуд (рис. 2, 3) высотой 17 см и с диаметром горла — 16,5 см. Несколько выше половины сосуда намечены округлые плечики, без резкого перегиба переходящие в высокий, почти прямостоящий, с четко выраженной желобчатостью венчик. Поверхность сосуда темно-желтая, сплошь покрыта орнаментом, аналогичным орнаменту сосуда из погребения 3. Первичность сооружения в кургане данного захоронения хорошо подтверждается и стратиграфически: при накладке его в плане с погребениями 1 и 2, обнаружилось «нависание» над ним одного из костяков погребения 1 и ямы погребения 2, заполнение которой четко выделялось благодаря содержанию охры и угольков.

Погребение 5 (впускное) выявлено под центром насыпи в виде прямоугольной ямы (1,75×1,3 м), углубленной в материк на 0,2 м, с ориентировкой длинных сторон по линии С-Ю. Впускной характер ее фиксировался в профиле бровки по более тем-

ному заполнению, поднимавшемуся, как и отдельные фрагменты деревянного перекрытии, выше уровня погребенной почвы. В заполнении ямы обнаружено несколько костей взрослого человека и невыразительный обломок плоского днища от лепного сосуда.

Основное парное детское захоронение в большей степени соотносится с кругом памятников древнеямной культурно-исторической общности, причем к ее поздним хронологическим группам, когда в погребальном ритуале появляются черты влияния (ориентировка в южную половину круга, положение на правом боку) обрядовых традиций катакомбных племен.

На оснований принятой хронологической схемы, погребение это можно датировать рубежом III и II тысячелетий до н.э. Сочетание разнокультурных признаков в обрядовости данного погребения усложняется обликом сосуда, в котором нетрудно уловить элементы гончарных традиций местных энеолитических культур, в частности, среднестоговской, на что мне уже приходилось обращать внимание (12, с. 53-72). За основным, надо полагать, следует погребение 3, культурно-хронологическая близость которых обнаруживается при сопоставлении сосудов, имеющих полное орнаментальное тождество и определенное сходство по форме. Следует, правда, отметить, что если основное погребетение-4 по обрядовым признакам соответствует первому этапу среднедонской катакомбной культуры по периодизации, предложенной нами на основе изучения Павловского могильника (13), то погребение-3 по этой периодизаций принадлежит к пятой обрядовой группе или концу второго этапа культуры. Однако в данном случае мы можем иметь дело и с исключением из общего правила, поскольку архаика сосуда из погребения налицо.

Далее по времени идут погребения 1 и 2, которые на основании несомненного сходства сосудов тоже могут рассматриваться в рамках единой культуры. В них, как и в двух вышерассмотренных погребениях, только в иных сочетаниях, выступают ямные традиции (устройство обширной прямоугольной ямы, положение умерших на спине, некоторые признаки сосудов), но здесь же ярко отражен и процесс взаимодействия с катакомбной культурой. Сходные в общем плане материалы можно встретить везде, где фиксировалось взаимодействие двух названных культур (5, с. 22, рис. 12), в том числе и в пределах распространения памятников полтавкинской культуры (с. 54, рис. 9; 11, с. 14, рис. 3, 2, 4, 7; с. 86, рис. 4, 3; с. 16, с. 209, рис. 15, 6; 17, с. 409, 2, 3, рис. 35). На основании сопоставления с последними, рассматриваемые погребения могут датироваться началом — первой половиной II тысячелетия до н.э. Необходимо заметить, что все эти погребения укладываются в один хронологический период — период формирования местной катакомбной культуры, когда в столкновении материального и духовного содержания двух этносов проходили параллельно проверку на жизнеспособность несколько вариантов сочетания традиций, и не всегда при выяснении хронологического приоритета можно опираться на вариант с преобладанием старых (в данном случае — древнеямных) традиций. Именно это положение иллюстрирует сравнение погребений 1 и 4, где первое, имея более «ямный» облик, стратиграфически следует за погребением 4, с умершим, лежащим скорченно на правом боку. Но сказанное также предполагает, что существенного хронологического разрыва между этими погребениями могло и не быть.

Последним в курган было совершено погребение 5, с которым связана дополнительная подсыпка и смещение центра кургана. Культурно-хронологическая принадлежность погребения не определяется.

Курган № 3 был едва заметен на местности, его высота — 0,2 м, а диаметр практически неопределим. Исследовался вручную послойно раскопом 8×8 м (рис. 3, 1). Насыпка однородна, общая толщина наслоений от вершины кургана до материка — 0,75 м. В южной части центральной бровки на глубине 0,37 м был найден сосуд (рис. 3, г) кувшинообразной формы с лепной ручкой. Поверхность сосуда серого цвета, хорошо оглажена. Высота его — 44,5 см, ширина горла 11 см, дна — 11,7 см. В устье сосуда от противолежащей от ручки стороны имеется носик для слива. В верхней части шейки расположены четыре орнаментальных желобка, а внизу шейки — круговой шов. По аналогии с позднесарматскими древностями Поволжья (16, с. 255, рис.19, 20; с. 260; 294, 295, рис. 33, 1) данный сосуд датируется II-III вв. н. э.

В кургане выявлено два погребения.

Погребение I (основное) представляет собой обширную (3,15×2 м) прямоугольную яму с закругленными углами, ориентированную по линии З-В. Яма несколько смещена от центра к юго-востоку, окружена материковым выкидом, залегавшим непосредственно на материке. Глубина ямы от вершины кургана — 1,05 м (0,3 м от материка). Яма оказалась пустой и лишь на полу отмечены отдельные вкрапления красной охры.

Погребение 2 (впускное) почти полностью «вписалось» в западную часть основной могильной ямы, углубившись от уровня ее пола на 0,1 м. Оно представляет собой удлиненно овальную яму (1,85×0,8 м), ориентированную по линии С-Ю. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине головой на север. В ногах у него находился глиняный лепной сосуд, а в области локтя левой руки — бронзовое кольцо. Сосуд (рис. 3, 3) с гладкой поверхностью, серо-желтого цвета, высотой 15 см, с диаметром горла 9,5 см и дна 7,2 см. На месте резкого перегиба горла от выпуклого тулова нанесена линия из трех бороздок, а несколько ниже идет волнистая линия, выполненная тем же инструментом. Бронзовая поделка (рис. 3, 4) представляет собой круглое в сечении кольцо диаметром 3 см с наварными шишечками, сгруппированными по-трое.

Данное погребение может быть отнесено к скифо-сарматскому времени. Аналогичные сосуды нередко встречаются в сарматских захоронениях Поволжья, где они датируются III-I вв. до н.э. (16, 235, рис. 13, 12; с. 238, 11, с. 77, рис. 29, 11). Встречаются такие сосуды и к юго-западу от среднего Дона, в пределах скифского мира (19, с. 150, рис. 51, 1; с. 153). На Волге, за редким исключением, правда, аналогичные бронзовые кольца распространения не получили, тогда как на юго-западе (8, с.73, рис. 5, 3; с. 17; с. 147) Северного Причерноморья и в Крыму они известны. Здесь они датируются III в. до н.э. (8). Кстати, на среднем Дону и раньше находили такого типа кольца (2, с. 46, рис. 39; 9, с. 190, рис. 4, 3).

Что же касается основной могильной ямы кургана, то наиболее вероятно ее рассматривать как кенотаф, а время сооружения, по аналогии с ранними погребениями предыдущего кургана, относить к ямно-катакомбному периоду.

Курган № 4 довольно четко выделялся на местности (высота — 0,4 м), исследовался вручную раскопом 10×10 м. Курган погребений не содержал и, видимо, носил символический характер.

Курган № 5 имел высоту 0,2 м, диаметр не определялся. Исследовался вручную раскопом 8×8 м (рис. 3, 5). В его восточной половине, ближе к центру, находилась глубокая яма — остатки огневой точки периода Великой Отечественной войны. Насыпка и подкурганный слой сильно перемешаны, могильный выброс не прослежен.

При зачистке основания выявлено два погребения.

Оба они располагались в юго-восточном секторе, причем одно из них частично перекрывало другое (рис. 3, 6).

Погребение I (основное) совершено в узкой, прямоугольной формы яме (2,4×0,85 м) со слегка закругленными углами, ориентированной по линии ЮЗ-СВ, углубленной в материк на 0,35 м. Костяк взрослого человека без черепа (он снесен при сооружении впускного погребения) лежал вытянуто на спине в северо-восточном направлении. Правая рука покоилась на тазе, а левая — вытянута вдоль тела. В ногах скелета встречались отдельные вкрапления охры; сами кости скелета имели бурый оттенок. Вещей в погребении не обнаружено. Предположительно данное погребение можно отнести к древнеямному времени.

Погребение 2 (впускное) представляло собой узкоовальную яму (1,85×0,8 м), вытянутую перпендикулярно яме вышерассмотренной и, как уже отмечалось, частично разрезавшей ее. Впускное погребение в свою очередь оказалось потревоженным поздним перекопом. Глубина ямы от вершины кургана — 1,45 м (0,75 м от уровня материка). В заполнении ее, примерно на 0,1 м выше пола, выявлены отдельные кости скелета человека и в «слитке» железные наконечники стрел сарматского типа (рис. 3, 7), находившиеся, вероятно, в колчане. Они и определяют культурную принадлежность погребения.

Курган № 6 имел высоту 1,45 м от современной поверхности (до материка — 2 м) при диаметре в 16 метров. Вершина кургана частично разрушена в военный период. Исследовался вручную кольцевыми траншеями послойно на снос. Насыпь кургана оказалась сильно изрытой грызунами, погребенная почва (толщина 0,25-0,35 м) прослеживалась под центром насыпи, где фиксировались остатки материкового выкида из основной могильной ямы. Курган содержал четыре погребения (рис. 4, 1).

Погребение I (впускное) выявлено в юго-западном секторе насыпи на глубине 0,55 м. Костяк лежал вытянуто на спине головой на северо-запад. Длина его без не сохранившихся ступней ног — 1,9 м. Справа от лица находился раздавленный сосуд в виде кувшина с ручкой (рис. 4, 2). Поверхность его светло-коричневого цвета, залощенная.

Погребение 2 (впускное) выявлено в юго-восточном секторе насыпи на глубине 1-1,1 м. Сохранность его очень плохая: отдельные кости рук и ног залегали под остатками истлевших деревянных плах от перекрытия. Вероятно, умерший был положен на спину головой на север. Плахи перекрывали захоронение вдоль. На предполагаемом уровне головы, с левой стороны, обнаружен сосуд баночной формы о прямыми раструбовидными стенками (рис. 4, 3). Высота его — 9,8 см, диаметр верха — 14,6 см и дна — 9 см. Орнаментирован двумя неровно идущими поясками из двойных рядов насечек, сделанных концом острого предмета, ниже которых идут неровные же прерывистые пояски из еще более тонких насечек.

Погребение 3 (впускное) выявлено в 2,6 м к югу от центра на глубине 1,7 м. Рядом с бессистемно лежавшими человеческими костями находились глиняный кувшин и два бронзовых предмета, Кувшин (рис. 4, 4) имел высоту 13,5 см, диаметр горла — 9 см и дна — 0,3 см, поверхность красновато-коричневого цвета, гладкая, местами залощена. Кувшин имеет ручку и боковой слив. Один из бронзовых предметов — гладкое, круглое в сечении кольцо (рис. 4, 5). Второй — пустотелый шарик с вставным ушком (рис. 4, 6), служивший, вероятно, пуговицей.

Погребение 4 (основное) располагалось почти под центром насыпи. Могильная яма (2,4×2 м) неправильно-прямоугольной формы, врезана в материк на 0,4 м, имеет

неровный пол. Над ямой, на уровне погребенной почвы прослеживались остатки перекрытия в виде отдельных угольков. Погребение полностью разрушено грызунами. Близ ямы в кротовинах насыпи на различной глубине найдено до десятка фрагментов от одного сосуда, украшенных «елочкой» из шнуровых оттисков (рис. 4, 7). В насыпи найден и фрагмент колоколовидного сосуда с глубокой вертикальной штриховкой по поверхности (рис. 4, 8).

Учитывая, что наиболее ранние захоронения предыдущих курганов были созданы в ямно-катакомбное время, к тому же времени можно отнести и основное погребение рассматриваемого кургана.

За ним хронологически следует погребение 2, которое по некоторым признакам ритуала (положение, ориентировка) и, главным образом, по аналогиям сосуду, ближе всего сопоставляется с памятниками полтавкинского типа, где такого рода горшки представляют вторую форму (15, с. 261, рис. 22). Погребения-1 и -3 относятся к раннему железному веку, причем последнее из них (и более позднее) на основании сосуда находит аналогии среди позднесарматских материалов I века до н. э. — I века н. э. (17, с. 454, 481, рис. 54).

Курган № 7 имел высоту 0,4 м от современной поверхности (0,9-0,95 м от материка) при диаметре в 12 метров. Исследовался вручную двухметровыми кольцевыми траншеями послойно на снос. На глубине 0,54 м, близ южного края центральной бровки стоял вверх дном глиняный сосуд баночной формы с закраинами у дна и с грубой беспорядочной штриховкой поверхностей (рис. 5, 3). В северо-западном секторе на глубине 0,8 м найден каменный пест (рис. 5, 4). В кургане выявлены остатки восьми погребений (рис. 5, 1, 2).

Погребение-1 (впускное) находилось под полой насыпи в западном секторе на уровне материка, чуть врезаясь в него. Оно представлено черепом взрослого человека, над которым фиксировались следы деревянной плашки от перекрытия.

Погребение-2 (впускное) находилось в том же секторе, ближе к центру кургана на глубине 0,4 м. Сохранилось в виде отдельных фрагментов костей ног и руки взрослого человека. Оно было частично разрушено более поздним погребением-4. Положение умершего определению не поддается, ориентировка — западно-юго-западная.

Погребение-3 (впускное) располагалось в насыпи вблизи от предыдущего и примерно на том же уровне. Оно также прорезано захоронением-4. Судя по сохранившимся остаткам ног, умерший находился в скорченном состоянии (на спине или боку) с северо-западной ориентировкой. В области бедренной кости найден кремневый наконечник стрелы удлиненно треугольной формы о выемкой в основании — ямно-катакомбного типа (рис. 5, 5). Здесь же отмечались вкрапления охры.

Погребение-4 (впускное) частично разрушило, как уже говорилось, два предыдущих захоронения. Оно впущено в насыпь на глубину 0,85 м. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине с юго-западной ориентировкой. Голова была приподнята по сравнению с туловищем на 0,25 м. В области левого бедра найден железный нож плохой сохранности (рис. 5, 7), а близ правой голени — баранья лопатка. Здесь же в заполнении встречен фрагмент стенки лепного сосуда.

Погребение-5 (основное) находилось в центре кургана на уровне материка. Овальный контур ямы намечался по едва фиксируемому углублении в материке (0,02-0,04 м). Костяк взрослого человека сохранился относительно хорошо. Он лежал вытянуто на спине головой на юг. Левая рука вытянута, а правая слегка согнута в локте и положена кистью на таз. Слева от его головы находился череп другого взрослого ин-

дивида, обращенный к нему лицом. На полу под захоронением встречены вкрапления охры, а в заполнении ямы, несколько выше костяка (на глубине 0,7 м), найден фрагмент лепного сосуда с орнаментом из мелкозубчатого штампа, нанесенного створкой раковины Unio (рис. 5. 6).

При зачистке основания кургана в трех его секторах — северо-западном, юго-западном и юго-восточном выявлены ямы (погребения №№ 6,7,8). Все они прямоугольной формы с закругленными углами, имеют одинаковую ориентировку длинных сторон по линии СЗ-ЮВ. Глубины их от материка последовательно: 1,1 м, 0,45 м, 0,9 м. Ямы к основанию несколько сужались за счет покатости стен. Над заполнением каждой из них, на уровне материка, лежало по крупному уплощенному валуну, игравшему, вероятнее всего, роль внешних надмогильных ориентиров. Ямы оказались пустыми, что указывает на символический характер их сооружения. По ряду соображений можно предполагать, что ямы эти предшествовали возведению насыпи.

Погребение 5 сопоставляется с основными захоронениями других курганов Сасовского могильника, т. е. может быть отнесено к древнеямному времени, когда в данном регионе погребальный обряд сохранял черты местных энеолитических культур. Последовательность впускных погребений — 1, 2 н 3 не поддается определению, но погребение-3 на основании находки наконечника стрелы предположительно можно отнести к ямно-катакомбному времени. С эпохой бронзы связаны каменный пест и сосуд из насыпи. Погребение 4 относится к скифо-сарматскому времени.

Курган-8 имел высоту 1,55 м от уровня современной поверхности и 2,2 м от уровня материка при диаметре в 20 м. Исследовался с помощью бульдозера прямыми траншеями послойно на снос. На вершине насыпи имелась яма от военного времени. Насыпь однородна, слой погребенной почвы прослеживался лишь на отдельных участках (толщина его — до 0,35 м). В кургане выявлено четыре погребения (рис. 6, 1).

Погребение-1 расположено в западной половине кургана на уровне материка, прорезав слой погребенной почвы. Контуры ямы частично восстанавливается по разрезу погребенной почвы, местоположение костяка и сосуда, причем последние находились на одном уровне. Яма имела прямоугольную форму и обширные размеры, ориентируясь стенками по сторонам света. Ближе к западной стене, на глубине 2,1-2,17 м лежал плохо сохранившийся костяк взрослого человека на спине вытянуто головой на юг. В юго-восточном углу могилы на глубине 2 м стоял вверх дном глиняный лепной сосуд. В области расположения костяка встречались отдельные вкрапления охры, а несколько выше костяка, на глубине 2-х метров, отмечены остатки деревянной плахи, лежавшей параллельно его направлению. Сосуд (рис. 6, 2) небольших размеров. Высота его и диаметр верха — 11 см, диаметр дна — 4,5 см, яйцевидной формы, венчик с внешней стороны имеет небольшое утолщение. Характерно, что сосуд формовался как круглодонный, а затем в сыром виде был поставлен на плоскость. Тесто сосуда плотное, без видимых примесей, поверхности гладкие, желто-коричневого цвета. По внешнему краю венчика расположены косые насечки, сделанные острым предметом, ниже идут семь поясков из пальцевых защипов, покрывающих почти всю поверхность сосуда.

Погребение-2 (впускное) выявлено в этом же секторе ближе к центру кургана. Человеческий череп залегал на глубине 1,7 м и был перекрыт деревянными плахами, над которыми находился массивный валунный камень. Недалеко от черепа на глубине 1,57 м был найден лепной сосуд высотой 18,8 см при диаметре горла 15 см и дна 10,2 см. Поверхность сосуда бугристая, желтого цвета, в тесте отмечается примесь ша-

мота. По высокой шейке проходит волнистый ряд каплевидных вдавлений (рис. 6, 5).

Погребение-3 (впускное) выявлено в юго-восточном секторе насыпи на глубине 1,5-1,57 м. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине головой на ССЗ. Около правой ступни находился глиняный лепной сосуд (рис. 6, 3). Высота его 13,5 см, диаметр горла — 10 см, дна — 8,4 см. Внешняя поверхность серо-желтого цвета, гладкая, местами залощена. В нижней части невысокой прямой шейки с отведенными под прямым углом краями расположены три врезные линии, ниже которых идут вертикальные колонки из таких же линий.

Погребение-4 (впускное) выявлено в северо-западном секторе, в слое погребенной почвы. Скелет взрослого человека лежал скорченно на спине (с наклоном вправо), головой на восток. Сохранность его плохая. Недалеко от груди стоял остроребериый сосуд несколько удлиненных пропорций (рис. 6, 4). Высота его — 16 см, диаметр горла — 20,5 см, дна — 9,5 см. Ребро идет на расстоянии 5,2 см от верха сосуда. Поверхности серо-желтого цвета, гладкие. В верхней части до ребра расположен орнамент из двойных линий зубчатого штампа, между которыми размещены «уточки» из параллельных нарезок, орнаментальный пояс подчеркивается «уточками», выполненными уже одинарными нарезками. Весь орнамент, как можно наблюдать, выполнен одним инструментом — зубчатым штампом.

Наиболее ранним следует считать погребение-1, которое по ряду обрядовых и конструктивных признаков сопоставляется с другими позднеэнеолитическими погребениями Сасовского могильника. Далее следует погребение-4. Важно отметить, что как по положению костяка, так и по характеру остроребериого сосуда высоких пропорций, данное захоронение сближается с полтавкинскими древностями Поволжья. Добавим, что сходная орнаментация на остроребериых сосудах известна по раскопкам погребений Среднего Дона (18, с. 165, рис. 9), а повторяющийся элемент «уточки» близок меандровой «орнаментации андроновских сосудов. Два других погребения относятся уже к раннему железному веку, причем погребение 3, на основании аналогий сосуду, - сарматское.

Таким образом, в семи курганах Сасовского могильника выявлены остатки 25-ти погребений, относящихся к нескольким культурно-хронологическим группам. Первая из них, наиболее ранняя, представлена тремя ямами с каменными закладами (7/6, 7/7, 7/8)[1], сооружение которых предшествует возведению насыпи. В пределах среднего Подонья известен еще один случай обнаружения ямы-кенотафа, на месте которой позднее был возведен курган (курган № 14 Павловского могильника) (13). Такого рода мемориальные сооружения скорее всего связаны с деятельностью одной из групп энеолитического населения Подонья. Думается, что хронологический интервал между рассматриваемыми сасовскими погребениями и основным захоронением этого кургана мог быть совсем небольшим и само место возведения кургана прямым образом связано с функционированием грунтового могильника, или, по крайней мере, о существовании его внешних признаков. Основное захоронение (7/5) вместе с основным погребением кургана № 6 (8/1), а также погребение-1 кургана № 5 составляют группу вытянутых захоронений. Первые два имеют и общую ориентировку — южную. Объединяет эти погребения и такой признак, как слабая подсыпка охры. Традиция захоронений в вытянутом положении восходит к бескурганным неолитическим могильникам и могильникам раннеэнеолитичеокой мариупольской области. Сохраняется она и в последующее время, наряду с распространением обычая возво-

[1] Числителем обозначен номер кургана, а знаменателем — номер погребения.

дить насыпи. Но если в древнеямных курганах восточного региона распространения этих племен вытянутые погребения встречаются спорадически, составляя всего 75% от общего числа скорченных на спине погребений (6), то в левобережье Поднепровья (3, с. 50-53) и на Дону (14) выявлены подкурганные могильники с весьма устойчивым обрядам вытянутых захоронений, в связи с чем можно говорить об этнической специфике оставившего эти могильники населения. Рассматриваемые сасовские погребения скорее всего принадлежат именно такому своеобразному этническому кругу на северной окраине древнеямной области. Хронологически они сопоставляются с поздними стадиями бытования, собственно древнеямных племен. Такое заключение мы основываем на облике сосуда (8/1), имеющего, наряду с местными энеолитичесиими признаками, ряд черт, заимствованных в раннекатакомбной среде — уплощенное донышко и, возможно, технологический прием изготовления плотного глиняного теста без раковинной примеси, столь характерной для энеолитической и древнеямной посуды.

Следующую обрядовую группу представляют скорченные на правом боку погребения в ямах (2/3, 2/4), которые также имеют черты катакомбного влияния при сохранении в целом энеолитического облика сопровождавших их сосудов. Хронологическая близость всех перечисленных выше захоронений вполне вероятна, а обрядовая разноликость объясняется сложными, во многом еще не расшифрованными этническими процессами, протекавшими в донской лесостепи на рубеже III и II тысячелетий до н. э.

Группа скорченных на спине захоронений в ямах (2/1, 6/2, 8/4) ямно-катакомбного облика, близкие полтавкинским, судя по различиях в ориентировке погребенных и типах сосудов, обрядово и хронологически неоднородны, что предполагает рассмотрение их каждого по отдельности, причем не в рамках одной археологической культуры. Так, первое из них ближе всего соотносится с материалами раннего (павловского) этапа среднедонской катакомбной культуры, а два других — с позднеполтавкинскими (раннесрубными) материалами волжского региона.

В целом все погребения трех первых обрядовых групп (грунтовые кенотафы, вытянутые на спине, скорченные на правом боку в ямах), а также погребение, скорченное на спине (2/1) можно объединить в первую хронологическую группу (конец III - начало II тысячелетий до н.э.). Вторую хронологическую группу в рамках эпохи бронзы составляют два погребения (6/2, 8/4).

Третья хронологическая группа погребений Сасовского могильника (3/2, 5/2, 6/1, 7/4, 8/2, 3) — скифо-сарматского облика, датируется IX — II вв. до н. э.

К еще одной, четвертой, хронологической группе следует отнести погребение 3 кургана № 6, а также сосуд из насыпи кургана № 3, соответствующих позднесарматским памятникам I-III вв. н. э.

Литература:

1. Высотская Т.Н. Усть-Альминокий позднескифский некрополь. - В кн.: Археологические исследования на Украине в 1968 году. Вып. III. Киев, 1971.
2. Замятнин С.Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. - СА, VIII. М.-Л., 1946.
3. Ковалева И.Ф. К вопросу о культурной принадлежности вытянутых подкурганных энеолитических погребений. - В кн.: Курганы Степного Поднепровья. Днепропетровск, 1980.
4. Корпусова В.Н. Могильник III-IV вв. н.э. у с. Заморское. — в кн.: Археологические исследования на Украине в 1967 году. Киев, 1968.
5. Латынин Б.А. Погребения с молоточковидными булавками в Северном Причерноморье.

АСГЭ, вып. 9. Л., 1967.
6. Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
7. Мерперт Н.Я. Раскопки в нижнем Поволжье. - В кн.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев, 1967.
8. Петренко В.Г. Культура племен правобережного Приднепровья в IV-III вв. до н.э. МИА, 96, 1961.
9. Пряхин А.Д. Поселение абашевской культуры и раннего железного века Чижовское-2 под Воронежем. - В кн.: Из истории Воронежского края, вып. 4. Воронеж, 1972.
10. Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции. КСИИМК, вып. 55, 1954.
11. Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 78, 1960.
12. Синюк А.Т. Энеолит лесостепного Дона. - В кн.: Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
13. Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж, 1983.
14. Синюк А.Т. Отчет о работах экспедиции Воронежского пединститута в 1981 году. Архив ИА АН СССР.
15. Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатки и Политотдельское. МИА, 1960, 1957.
16. Смирнов К.Ф. Быковские курганы. МИА, 78, 1960.
17. Шилов В.П. Калиновский могильник. МИА, 60, 1959.
18. Шоков А.Ф. Памятники эпохи бронзы на территории Верхнего Дона. - В кн.: Из истории Воронежского края. Воронеж, 1960.
19. Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.

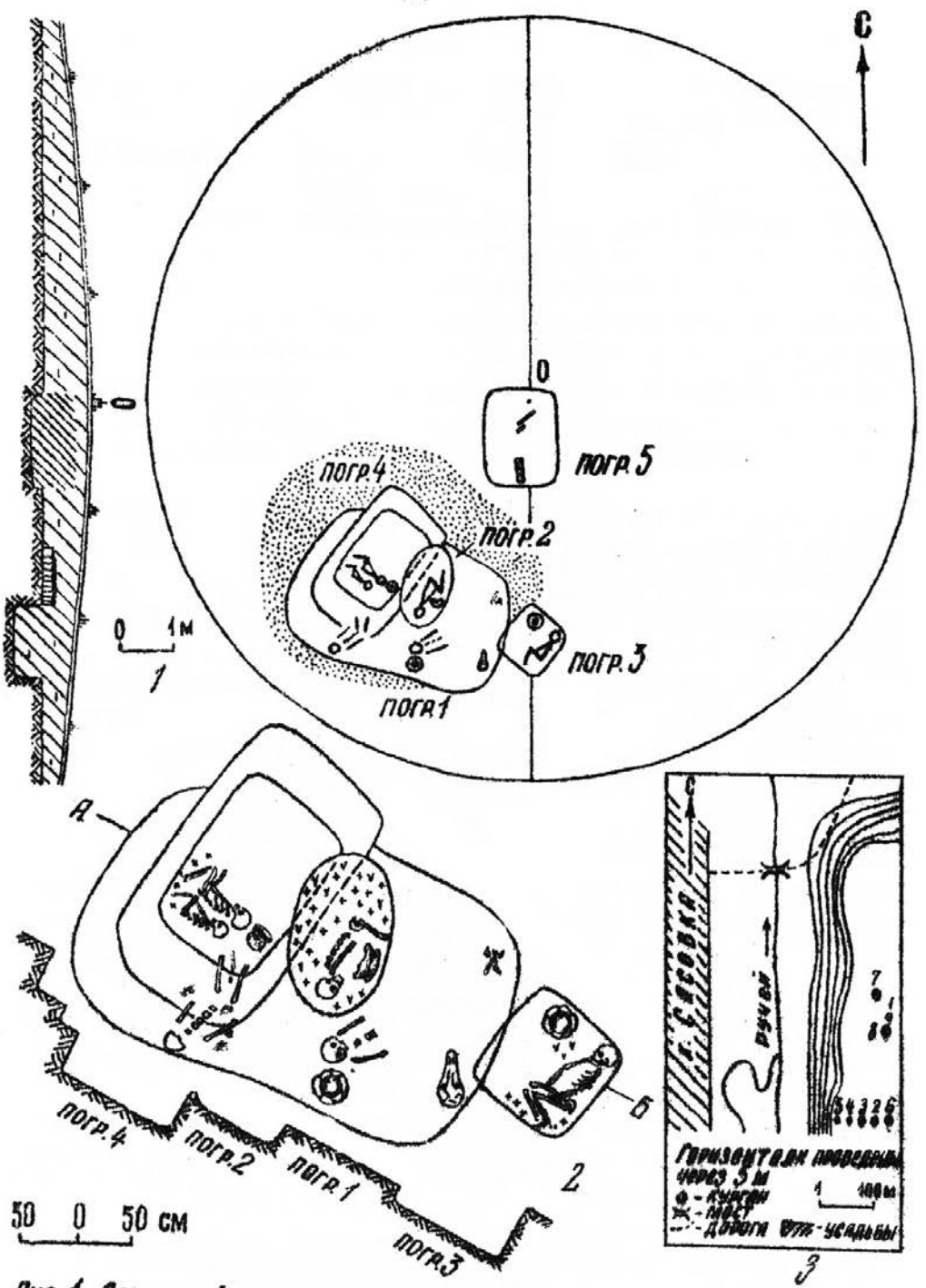


Рис. 1. Сасовский могильник. Курган №2. 1 – план и профиль; 2 – план и разрез погребений 1-4; 3 – план могильника. (условные обозначения даны на рис. 5).

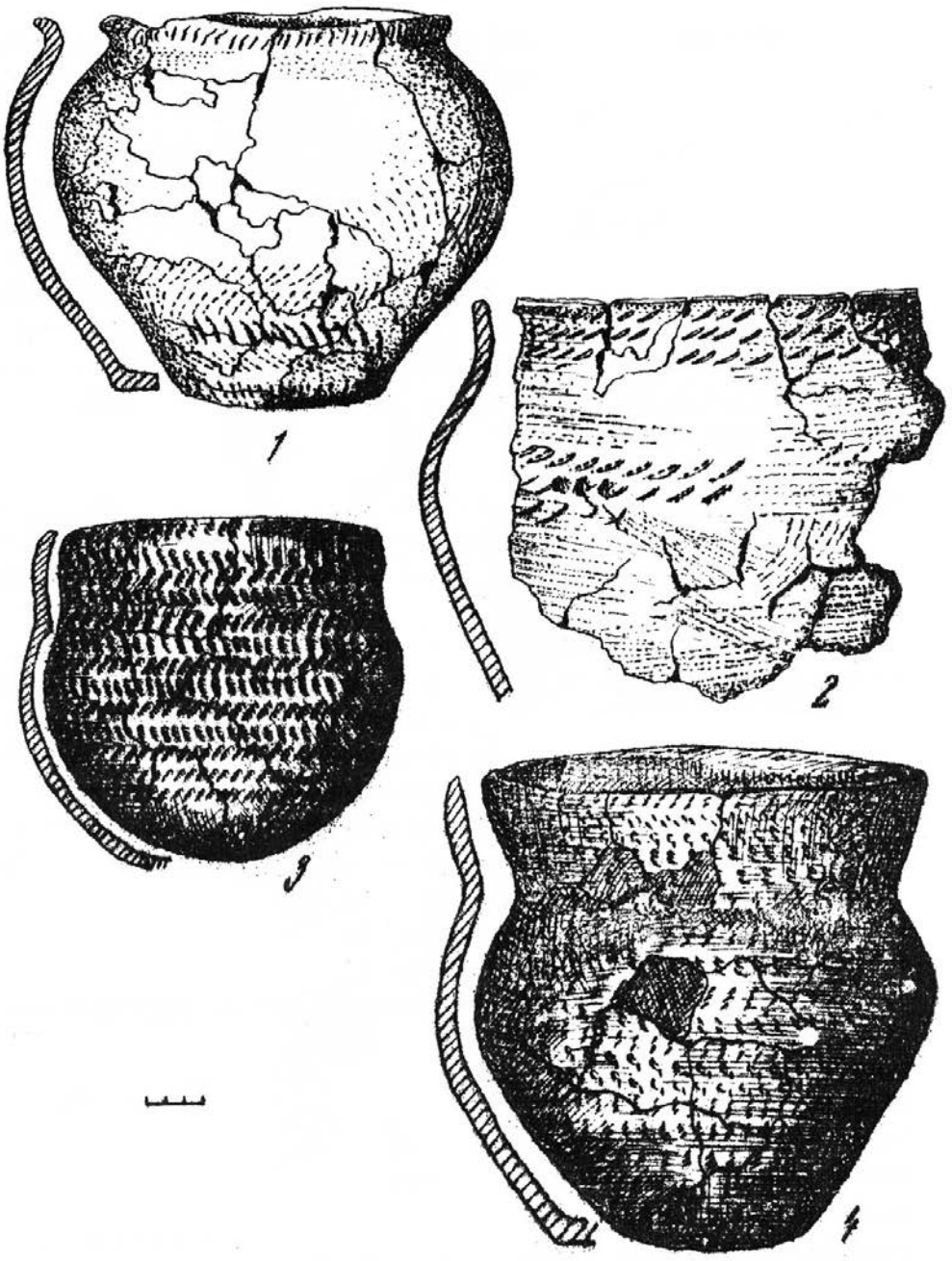


Рис. 2. Сасовский могильник. Курган №2. Глиняные сосуды.
1 - из погр. 1; 2 - из погр. 2; 3 - из погр. 4; 4 - из погр. 3.

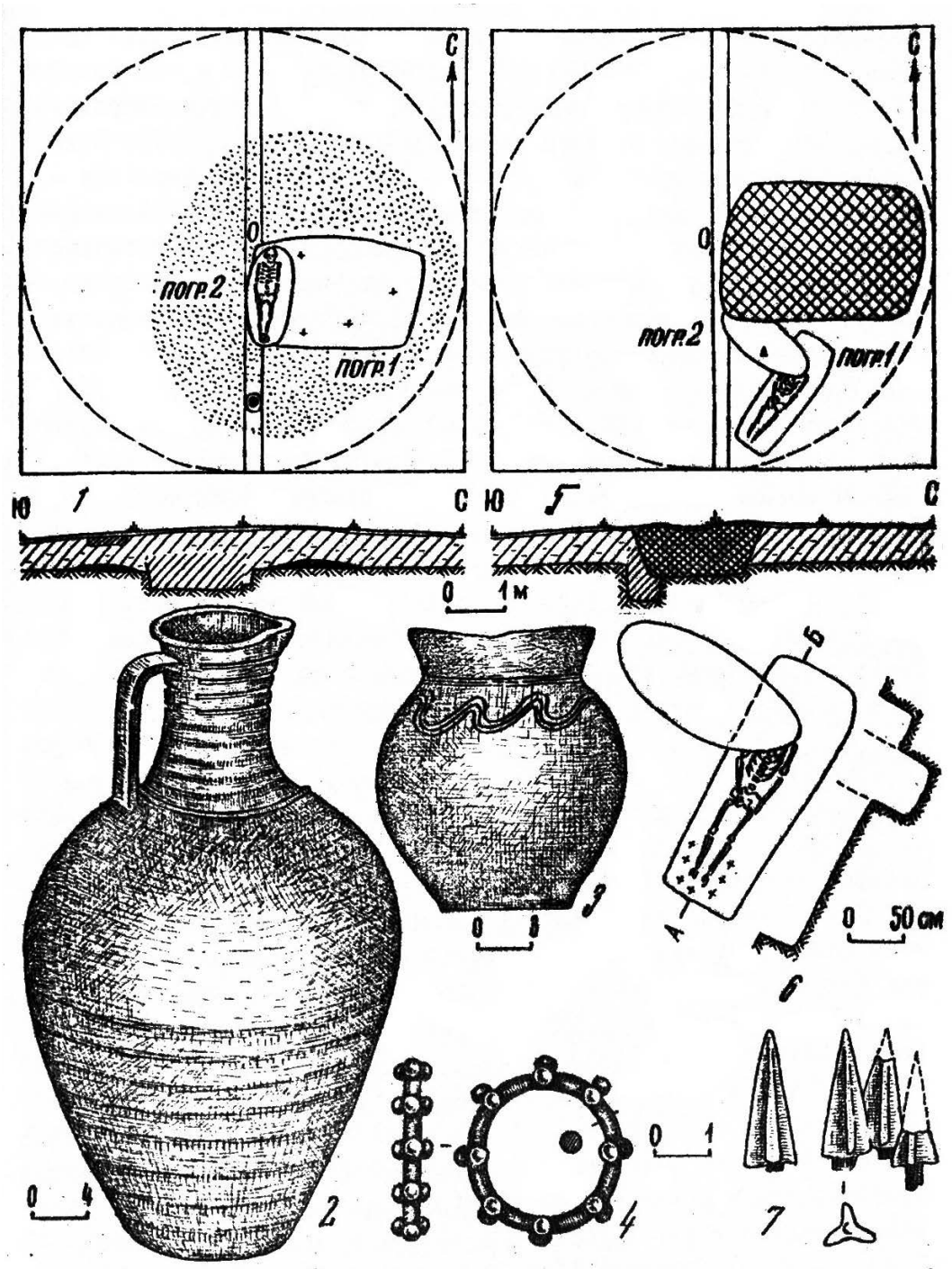


Рис. 3. Сасовский могильник. 1-план и профиль кургана № 3; 2-сосуд из насыпи кургана № 3; 3-4-сосуд и бронзовый предмет из погребения 2 кургана № 3; 5-план и профиль кургана № 5; 6-план погребений кургана № 5; 7-наконечники стрел из погребения 2 кург. № 5.

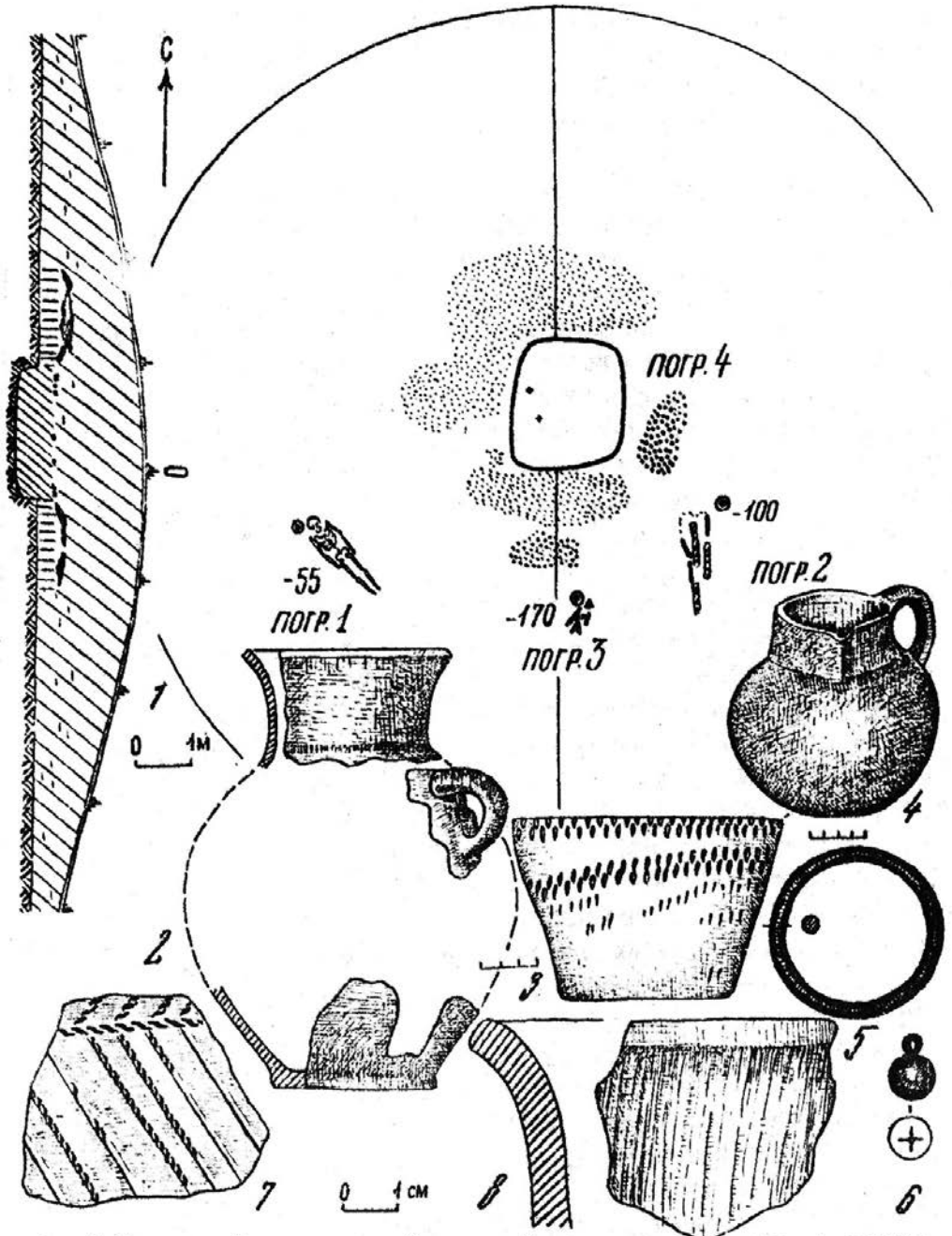


Рис.4. Сасовский могильник. Курган № 6. 1 - план и профиль; 2 - сосуд из погребения 1; 3 - сосуд из погребения 2; 4-6 - сосуд и бронзовые предметы из погребения 3; 7, 8 - фрагменты сосудов из насыпи.

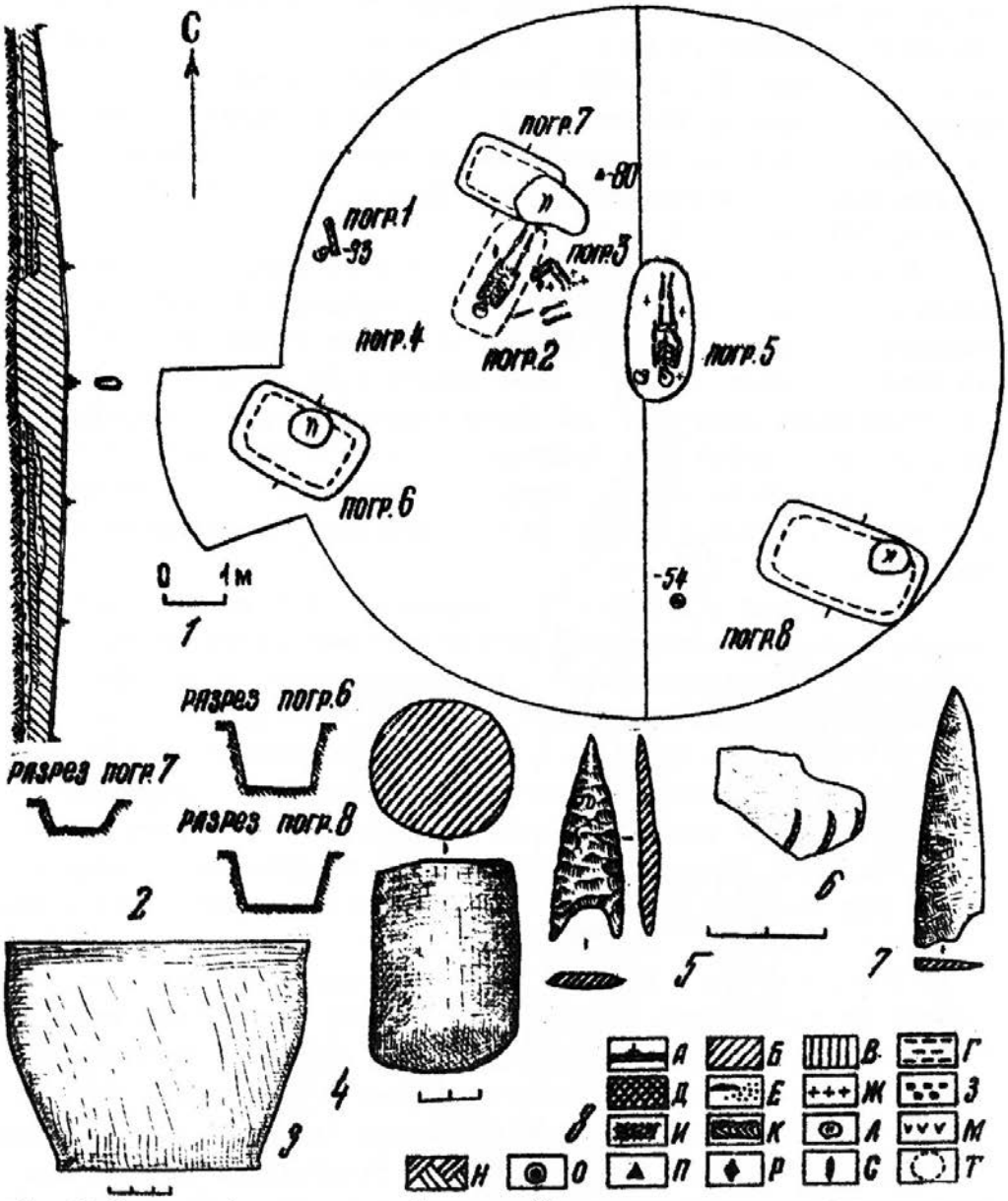


Рис.5. Сасовский могильник. Курган № 7. 1 - план и профиль; 2-разрезы погребений 6-8; 3-сосуд из насыпи; 4-каменный пест из насыпи; 5-кремневый наконечник стрелы из погр. 3; 6-нож из погр. 4; 7-фр. сосуда из погр. 5; 8-условные обозначения (А-дерновый слой; Б-чернозем; В-погребенная почва; Г-глина; Д-поздние перекопы; Е-материковые выкиды; Ж-охра; З-уголь; И-остатки плетения; К-дерево; Л-камни; М-уголь; Н-материк; О-сосуды; П-стрелы; Р-кремневый наконечник стрелы; С-железный нож; Т-примерные диаметры курганов).

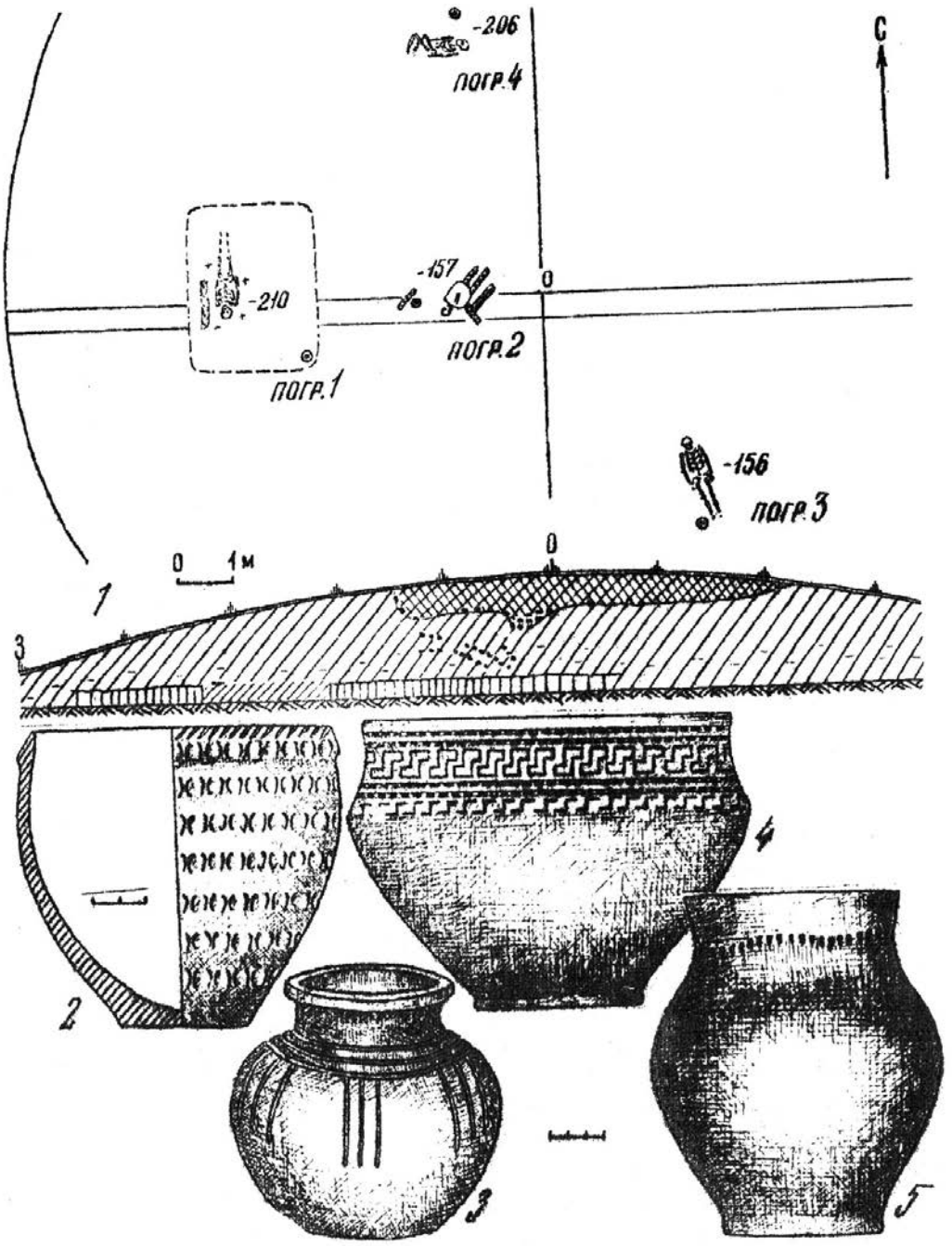


Рис. 6. Сасовский могильник. Курган № 8. 1 - план и профиль; 2 - сосуд из погребения 1; 3 - сосуд из погребения 3; 4 - сосуд из погребения 4; 5 - сосуд из погребения 2.

КУРГАН ЭПОХИ БРОНЗЫ У ПОС. ХОХОЛЬСКИЙ

СА. 1983. № 3. С. 197-202. В соавт. с А.Д. Пряхиным.

На ограниченном оврагами участке второй террасы правого берега р. Девицы (правого притока р. Дон), удаленном от реки к юго-востоку примерно на 1 км, в 0,6 км от пос. Хохольский Воронежской области расположена курганная группа, в которой наиболее четко фиксировалось три насыпи. Две из них в 1967 и 1969 гг. раскопаны экспедицией Воронежского университета. Материалы кургана 2, давшего захоронения развитого этапа донской лесостепной срубной культуры, опубликованы полностью [1, с. 114-124], результаты же исследования кургана 1 публиковались лишь частично [2, с. 116-119, рис. 35, 1-2; рис. 36]. Между тем этот курган содержит интересные сведения, относящиеся к досрубному периоду эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи.

К моменту раскопок курган более чем на треть оказался разрушен оврагами (рис. 1). Разрушению подвергались его северо-восточная и в меньшей степени юго-западная части.

Высота кургана от современной поверхности 1,15 м, диаметр 16 м. Насыпь была задернована (толщина дерна 5-8 см), состояла из однородной массы чернозема с редкими вкраплениями меловой щебенки. Под насыпью прослеживался слой погребенной почвы толщиной 0,25-0,3 м, подстилающийся материковой глиной.

В западном секторе, на расстоянии 5 м от центра, на уровне погребенной почвы выявлено погребение 1 (рис. 2). Умерший положен в камеру из дубовых плах, сохранившуюся очень плохо. Длина камеры 2,25, ширина 0,55, высота около 0,28 м. Основанием и верхом камеры служили две широкие дубовые плахи, а боковиной — одна плаха. Метод их скрепления проследить не удалось. Костяк, принадлежавший девушке 16-18 лет[1], сохранился плохо. Близ юго-западного угла в камере выявлен только черепной тлен и несколько зубов, в противоположном конце — кости ног, а в центральной части — кость руки. По-видимому, умершая лежала на спине, головой на юго-запад. В области головы и шеи находились витая медная гривна (рис. 2, 3), три целые и несколько обломков нашивных пузырчатых бляшек (рис. 2, 4-6), три спиралевидные подвески и одна очковидная подвеска (рис. 2, 7-10). С левой стороны вблизи головы стоял горшок вытянутых пропорций, сплошь украшенный оттисками двузубого штампа и ногтевыми вдавлениями (рис. 2, 2). В горшке находились органические остатки. Рядом с ним лежало четырехгранное в сечении шило со следами древесного волокна от рукоятки. На месте рук были два медных в сечении полукруглых браслета (рис. 2, 12, 13). Вблизи браслетов лежали два округлых в сечении медных перстня в полоборота с заостренными несомкнутыми концами (рис. 2, 14, 15). Несколько выше их лежала загнутая в полтора оборота лепестковидная серебряная височная подвеска (рис. 2, 16). В области ног находился прямоугольный в сечении медный браслет с несомкнутыми концами (рис. 2, 17). Под очковидной подвеской на голове и под ручными браслетами сохранились обрывки разложившейся шерстяной (?) ткани полотняного переплетения (1×1). Плотность ткани 9/11 нитей на 1 см[2]. Нити скручены влево[2].

В насыпи кургана в 2,5 м от центра на глубине 0,7 м открыто впускное погребение 2 (рис. 3, 1). От костяка сохранились отдельные позвонки и кости ног. По-видимому, умерший находился на левом боку с подогнутыми ногами, головой на северо-восток. Рядом с ним встречены отдельные фрагменты сосуда, имеющего биконическое тулово. В верхней части он украшен прочерченными линиями, образующими треугольники вершинами вверх (рис. 4, 7). В 0,3 м к северо-востоку от погребения 2 на глубине 0,65 м обнаружен фрагмент стенки лепного сосуда с орнаментом из вдавлений крупного зубчатого штампа (рис. 4, 6).

[1] Определение В.П. Алексеева.

[2] Ткань определена и реставрирована в Эрмитаже в 1977 г.

В центре насыпи на глубине 0,5 м выявлено погребение 3 (рис. 3, 2), частично перекрывавшее погребение 5. Костяк лежал на левом боку с подогнутыми ногами, головой на запад. Напротив колен находился небольшой раздавленный круглодонный тонкостенный горшок вытянутых пропорций (рис. 4, 1). Поверхность горшка покрыта диагональными рядами ногтевых вдавлений.

При зачистке материка в южном секторе на расстоянии 2,2 м от центра кургана выявлено основное погребение 4, с которым связывается могильный выкид. Захоронение совершено в неглубокой (0,25 м) яме грушевидной формы, больший диаметр которой —1,9 м (рис. 3, 4). Вероятно, яма представляла собой остатки катакомбной конструкции. Костяк лежал скорченно на правом боку, головой на юго-запад, с подложенными под голову руками. В области живота стоял сосуд удлиненных пропорций, имеющий высокое, слегка раструбовидное горло (рис. 4,3). По верху он орнаментирован горизонтальными рядами оттисков тесьмы и ногтевых защипов, ниже идут обращенные вершинами вверх треугольники, образованные тесьмой, далее до дна горизонтальные ряды тесьмы чередуются с ногтевыми защипами и рядами коротких оттисков шнура. В сосуде находились два перстня из полой кости (рис. 4, 4, 5).

Погребение 5 выявлено в западном секторе на расстоянии 1 м от центра кургана. Оно углублено в материк на 0,35 м. Форма могильной ямы округлая. Не исключено, что и здесь мы имеем дело с остатками катакомбы. Костяк лежал на левом боку, головой на север (рис. 3, 3). Перед ним стоял сосуд (рис. 4, 2), по форме близкий горшку из погребения 4, но более вытянутых пропорций и крупного размера. Орнаментирован пальцевыми защипами, оттисками перевитого шнура и личинок, составленных в треугольники, полуфестоны и ромбы. На придонной части сосуда имеются темные подтеки.

Таким образом, в кургане исследовано пять погребений эпохи бронзы. Два из них (погребения 4 и 5) принадлежат среднедонской катакомбной культуре, причем сосуды погребений характерны для правобережного варианта второго ее хронологического этапа (XVII-XV вв. до н. э.). Следует, однако, заметить, что более позднее погребение 5 имеет ряд обрядовых признаков (положение умершего на левом боку, северная ориентировка), которые становятся определяющими уже для третьего, заключительного этапа культуры [3]. Хронологически близким является погребение 3, которое ранее рассматривалось как абашевское [2, с. 117, рис. 35, 2; с. 119]. Но в связи с исследованием большой серии мысовых памятников позднекатакомбного времени в лесостепном Подонье [4], а также некоторых погребений, керамика которых обнаруживает известную близость сосуду рассматриваемого погребения, его можно связывать в культурном отношении с этим кругом древностей. Некоторые исследователи правомерно объединяют их вместе с поднепровскими древностями многоваликового типа в так называемую бабинскую культуру [5; 6, с. 72]. Культурно близким является и погребение 2, хотя некоторые его признаки имеют известное своеобразие.

Таким образом, в кургане фиксируются три стратиграфических горизонта захоронений местной катакомбной культуры, где первый горизонт представлен погребением 4 (второй хронологический этап), второй горизонт — погребением 5 (конец того же этапа) и третий горизонт — погребениями 2 и 3 (третий этап). Погребение 1 авторы и другие исследователи относили к кругу абашевских древностей [7, с. 208-209; 8; 9, с. 53-54]. В то же время один из авторов статьи указывал на своеобразие сосуда, как, впрочем, и других признаков этого погребения, в сравнении с собственно абашевскими [2, с. 119]. Сосуд обнаруживает близость с керамикой мысовых памятников воронежской археологической культуры. Однако металл имеет абашевский облик. Тем самым погребение 1 подтверждает возможность синхронизации абашевских и воронежских древностей на донской территории. При этом металлические изделия погребения относятся далеко не к ранним типам в круге абашевских древностей.

Литература

1. Сагайдак Р.Г., Старцева Т.С. Исследование кургана срубной общности у пос. Хохольский Воронежской области. — В кн.: Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1979.
2. Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1971.
3. Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1983.
4. Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1982.
5. Братченко С.Н. К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики). — В кн.: Вильнянские курганы в днепровском Надпорожье. Киев: Наукова думка, 1977.
6. Привалов А.И. Типы погребений культуры многоваликовой керамики в Приазовье.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг. Днепропетровск, 1980.
7. Черных Е.Н. Металл донского варианта абашевской культуры. — В кн.: Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1971.
8. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1971.
9. Либеров П.Д. О хронологии абашевской культуры. — СА, 1977, № 2.

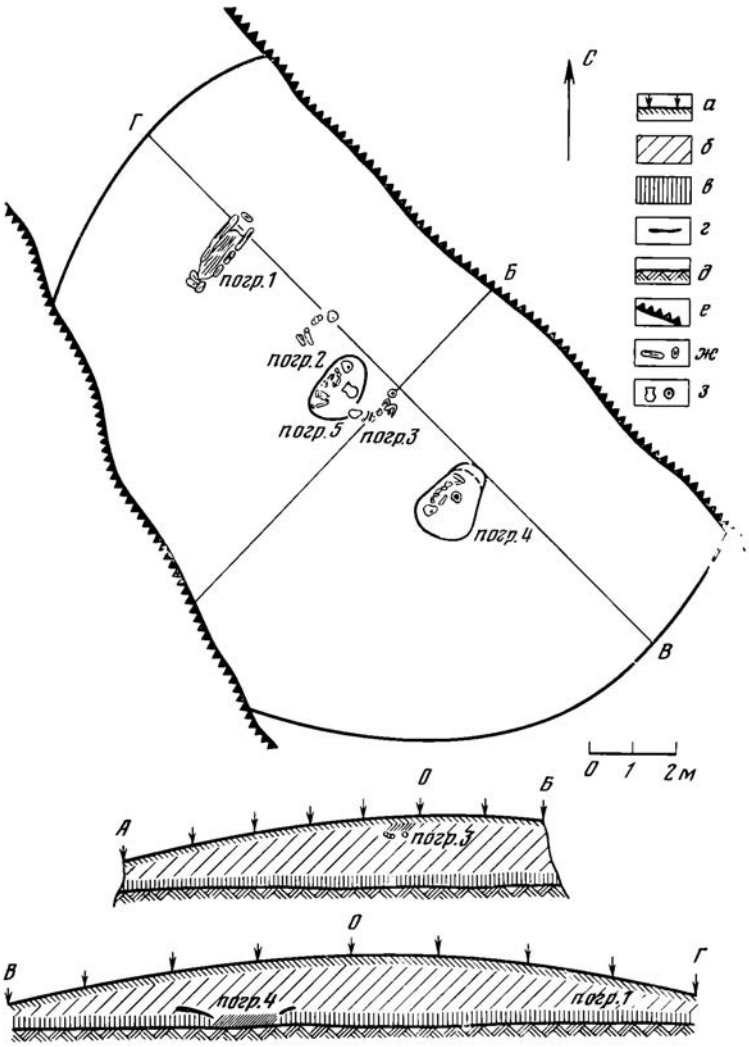


Рис. 1. План и профили курганов у пос. Хохольский. *а* — дерн, *б* — чернозем, *в* — слой погребенной почвы, *г* — могильный выкид, *д* — материк, *е* — границы оврагов, *ж* — дерево, *з* — сосуды

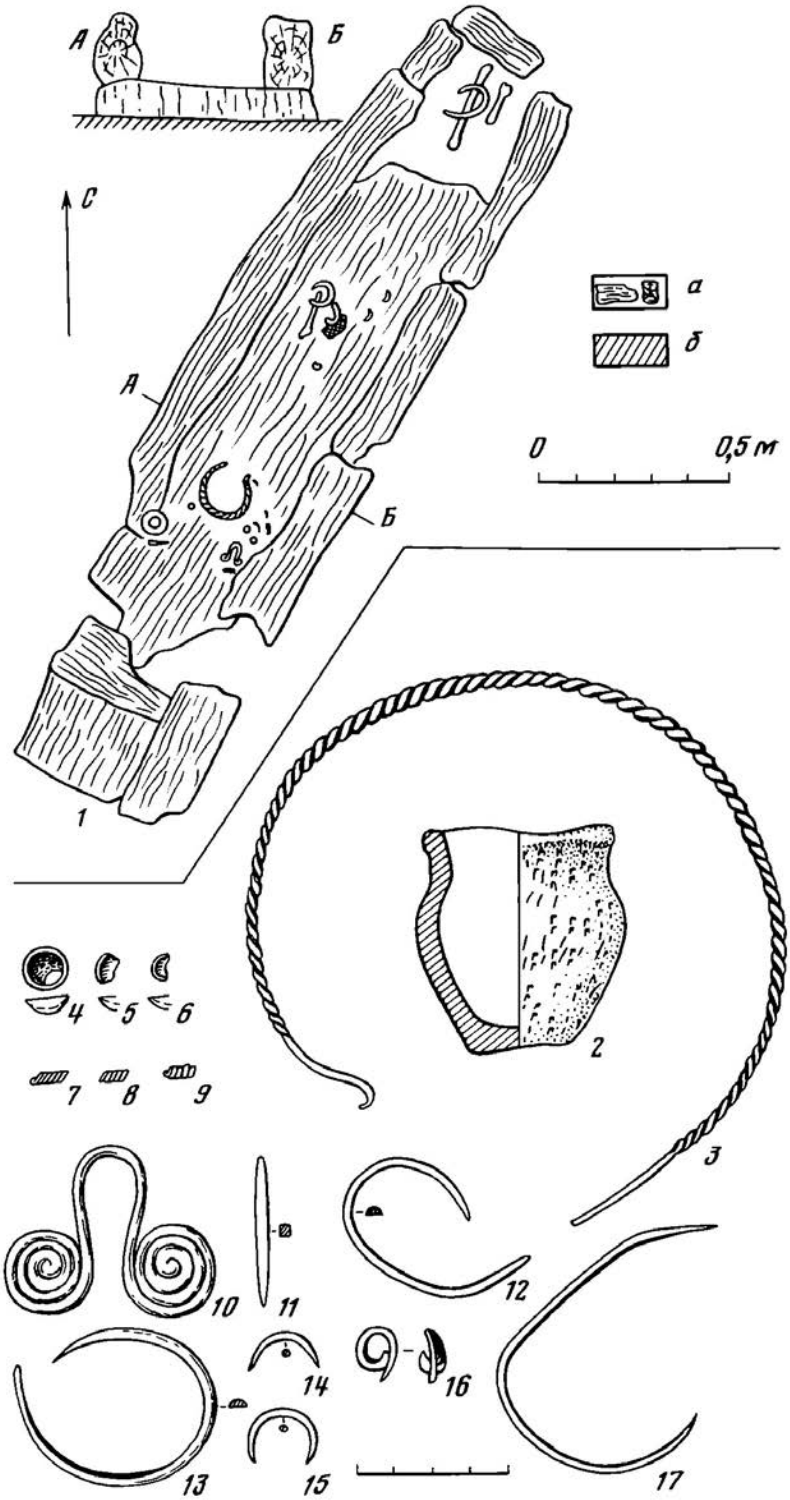


Рис. 2. Погребение 1 в кургане у пос. Хохольский. План (*1*) и сопровождающий инвентарь (*2—17*). *2* — глина, *3—17* — металл

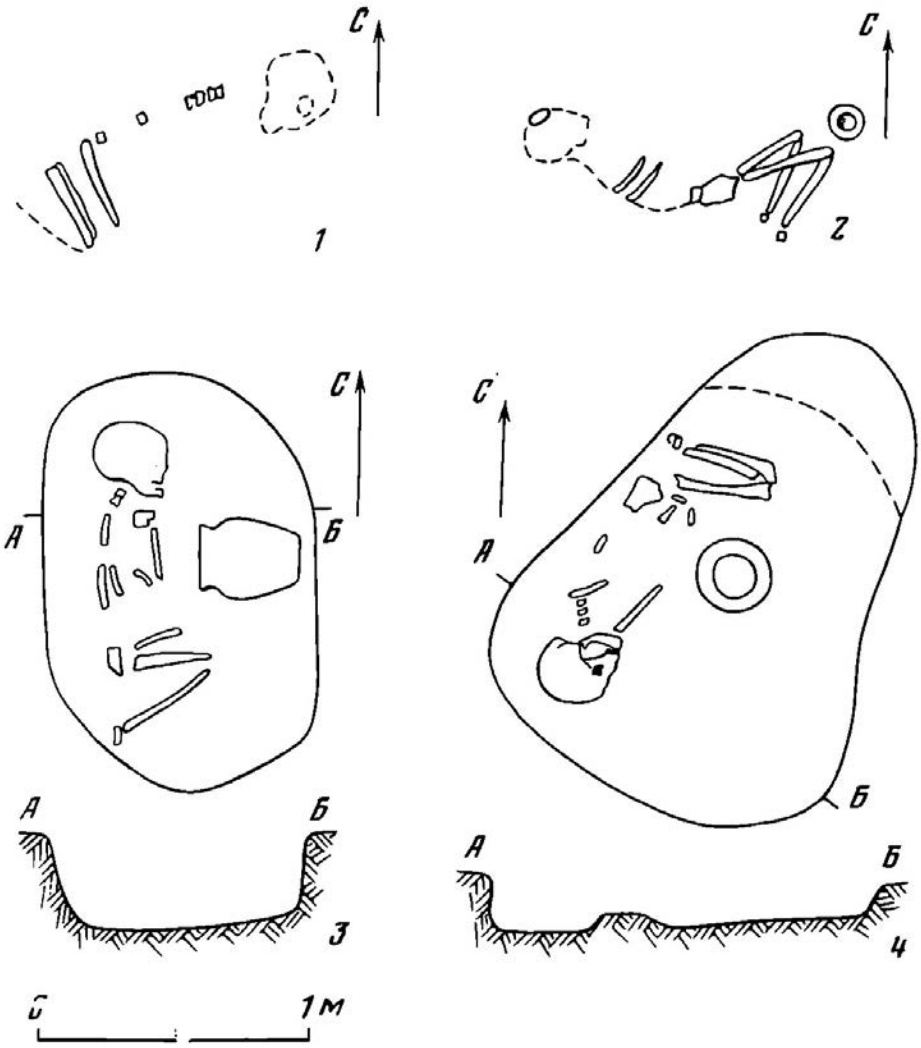


Рис. 3. Планы погребений в кургане у пос. Хохольский. *1* — погр. 2, *2* — погр. 3, *3* — погр. 5, *4* — погр. 4

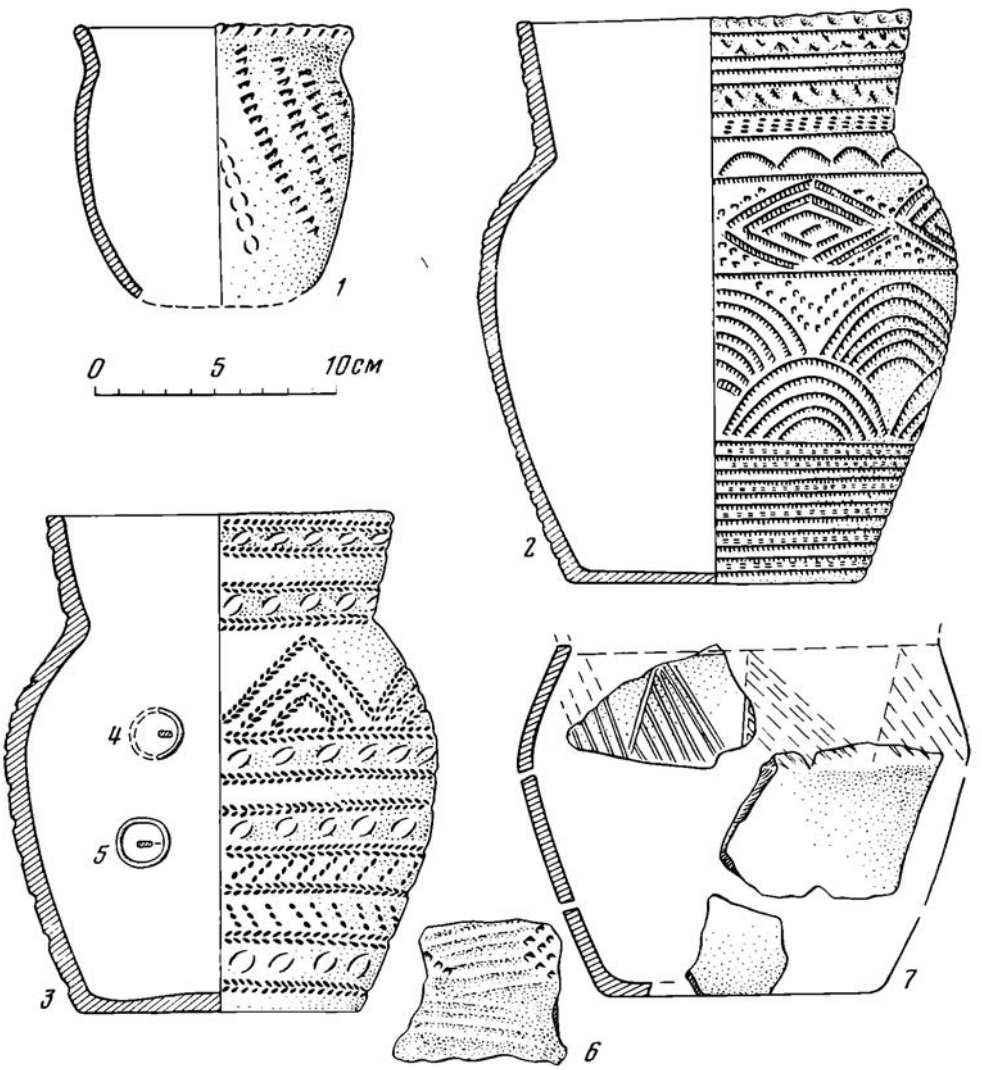


Рис. 4. Инвентарь из погребений 2—5 в кургане у пос. Хохольский. *1* — погр. 3, *2* — погр. 5, *3—5* — погр. 4, *6—7* — погр. 2. *1—3*, *6*, *7* — глина, *4*, *5* — кость

1984

ЧЕРКАССКАЯ СТОЯНКА НА СРЕДНЕМ ДОНУ

Эпоха меди Юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984. С. 102-129. В соавт. с И.Б. Васильевым.

Черкасская стоянка расположена на оконечности первой надпойменной террасы и в пойменной толще прилегающего участка правого берега р. Битюг недалеко от его устья, в двух километрах к югу от с. Черкасское Павловского районе Воронежской области (Донское левобережье).

Место стоянки дважды подвергалось частичному разрушению. Сначала при организации пляжа полоса берега была подрезана бульдозером примерно на глубину 0,3-0,4 м, а позднее в этом же месте проводилась чистка русла реки. В результате на поверхность был извлечен многочисленный материал времен неолита, энеолита и бронзы. В настоящее время берег поднят над летним ординаром реки на 2-2,5 м, а оконечность надпойменной террасы — на 4-4,5 м (рис. 1).

Памятник исследовался нами в 1979 и 1981 г.г.[1] двумя раскопами, первый из которых заложен в пойме у кромки берега, а второй в 15-ти метрах к северу на оконечности террасы (рис. 1). Общая вскрытая площадь — 424 кв.м. Отметим, что памятник, как в силу топографических признаков, так и ввиду типологического разнообразия материалов, рассматривается нами как серия сезонных поселений или стойбищ широкого хронологического диапазона и определяется термином «стоянка» условно.

Предварительно кратко охарактеризуем стратиграфию террасных и пойменных наслоений. Террасные отложения, с учетом отмеченных выше механических нарушений, сохранились в виде супесчаного слоя мощностью от 0,25 до 0,6 метра. Этот слой подстилался материковым коричневатым песком с незначительным глинистым субстратом. Супесь отличалась более темным оттенком в верхней своей половине и светлым — в нижней, хотя четкая цветовая граница на всем раскопе улавливалась с трудом. Здесь следует отметить сильные нарушения слоя и материка норами грызунов и следами от корневищ некогда занимавших эту площадь деревьев. Слой исследовался двумя горизонтами: верхним (темная супесь) и нижним (светлая супесь). Исследованная площадь (раскоп-2) составила 168 кв. м. Каких-либо остатков древней строительной деятельности, а также следов очагов не обнаружено (рис. 2). Нижний горизонт содержал основное количество находок эпохи неолита. В верхнем же горизонте больше, чем в нижнем, выявлено материалов эпох энеолита и бронзы.

Пойменные отложения имеют иную стратиграфию. Здесь прослежен древний береговой уступ — понижение материка на 0,4 м в десяти метрах от современного уреза воды в сторону плато. Следует отметить, что кромка берега была уничтожена при чистке реки, а также при последующих размывах реки ещё, по нашим расчетам,

[1] Синюк А.Т. Отчет о проведении археологических работ в Павловском и Калачевском районах Воронежской области в 1979 г. Архив ИА АН СССР; он же. Отчет о раскопках экспедиции Воронежского пединститута в левобережье Среднего Дона в 1981 г. — Архив ИА АН СССР.

не менее чем на 10 м. Береговой уступ, безусловно, повлиял на рельеф пойменных отложений, имевших на его границе прогиб. Материк, как и террасная основа, сложен из песка, но местами покрыт глинистой коркой коричневого и зеленоватого цвета. Поверхность материка от уступа до уреза воды ровная, без видимых понижений. Вышележащие отложения представляют собой довольно плотную лессовую песчанисто-суглинистую массу. На высоте 0,25 м от материка она расчленена стерильной песчаной прослойкой толщиной 0,1-0,15 м.

Очень важными стратиграфическими признаками явились обнаруженные в слое на разной глубине остатки искусственно утрамбованных битой ракушкой полов от трех построек. Один из полов расположен на уровне стерильной прослойки над другим полом. Ко времени отложения прослойки, что связано с определенными природно-климатическими изменениями и перерывом в функционировании памятника, поверхность была неровной, поскольку сама прослойка имеет разрывы. Важно, что она полностью перекрывала остатки нижнего большого жилища с ракушечным полом и некоторые из прилегавших к нему круглых раковинных линз, являвшихся, видимо, основаниями хозяйственных ям и которые ввиду этого могут быть отнесены к раннему периоду существования памятника (рис. 3). Аллювий, залегающий ниже прослойки, имеет светлый оттенок и включает значительно большее количество песчанистого субстрата в сравнении с темной и плотной вышележащее частью. Пойменный участок памятника исследован на площади 256 кв. м. (раскоп-1) штыками по 0,2 м толщиной каждый — всего десятью штыками, начиная от поверхности северного участка раскопа, испытавшего меньшие механические нарушения. На выбор методики исследования пойменного раскопа (№ 1) в значительной степени повлияло то обстоятельство, что основная часть культурного слоя здесь находилась ниже уровня реки, а грунтовые воды выходили в раскоп через песчаную прослойку. Наряду с использованием мотопомпы и ведер для откачки воде большое внимание уделялось укреплению стен раскопа и стратификационных бровок из-за «подвижности» водоносной песчаной прослойки. Уровень раскопа хорошо удавалось держать с помощью досчатых и фанерных настилов. Материал документировался конкретным штыком и квадратом (2×2 м), но в пределах квадрата более точную планиграфию фиксировать для каждой из типологических групп керамического материала не представлялось возможным, поскольку находки при извлечении из сырого слоя для четкого их типологического определения должны были пройти соответствующую очистку. Несмотря на это, имеющиеся признаки стратиграфии, а также анализ размещения материалов в раскопах памятника, дали важный результат для уяснения хронологического соотношения разных групп материалов. Опуская характеристику неолитических комплексов, более подробно остановимся на рассмотрении энеолитических материалов.

Они представлены, главным образом, керамикой раннеэнеолитической нижнедонской культуры, небольшими группами керамики среднестоговской, репинской, ямной культур, а также пережиточно-энеолитической керамикой, выделяемой нами в «иванобугорский» тип.

Керамика нижнедонской культуры[1] в основном концентрировалась в пойменных отложениях (раскоп-1) на разной глубине, причем на разной глубине встречались и развалы сосудов. Для выяснения горизонтов, которые реально соответствовали уров-

[1] Синюк А.Т. У истоков древнейших скотоводческих культур лесостепного Дона. — В кн.: Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1979, с. 63-73. Он же. Энеолит лесостепного Дона. — В кн.: Энеолит Восточной Европы, Куйбышев, 1980, с. 53-72.

ню размещения стоянки этой культуры, большое значение имеет тот факт, что остатки верхней постройки-3 с ракушечным полом принадлежат носителям именно нижнедонской культуры. Такое заключение документируется размещением на полу развалов от трех типичных сосудов и нескольких выразительных фрагментов по меньшей мере еще от четырех сосудов этой культуры. Выше отмечалось, что пол постройки соответствует уровню нижней границы стерильной песчаной прослойки, не уходя глубже ее (верхняя часть пола по глубине соотносится с основанием седьмого штыка).

Планиграфическое же размещение керамики нижнедонской культуры на остальной площади раскопа характеризуется определенным скоплением, приуроченным к северной части раскопа, вблизи от постройки, а также малыми скоплениями на разных глубинах, тогда как отдельные фрагменты нижнедонских сосудов не площади раскопа встречены лишь единично. Статистико-стратиграфический анализ показывает, что основное её скопление соответствует не уровню 7-го штыка (полу постройки, где выявлены развалы сосудов), а контакту 5-го и 6-го штыков (рис. 4). Это уровень и соответствует горизонту стоянки нижнедонской культуры. Тем самым определяется и тип постройки — не наземной, а имевшей углубленный, примерно на 0,4 м, котлован. В 5 и 6 штыках находились три развала сосудов и 53 из всех анализируемых фрагментов керамики нижнедонской культуры. Вместе с материалом постройки-3 они составляют значительно более половины, а точнее, 60% всего керамического материала этой культуры. Небольшие скопления этой керамики достаточно четко локализуются по глубинам залегания, что позволяет рассматривать их в качестве заполнений ям хозяйственного назначения. Интересно, что в трех скоплениях находились развалы сосудов. Всего на площади раскопа выявляется не менее пяти хозяйственных ям нижнедонской культуры. Какой-либо системы в их размещении не прослеживается, но можно отметить концентрацию их в центральной части раскопа. Отметим, что ямы, при разной своей глубине, ни в одном случае не вошли в материк, ввиду чего параметры их не определяются.

Проведенная реконструкция горизонта нижнедонской культуры в свите пойменных отложений позволяет рассматривать нижележащую стерильную прослойку в качестве стратиграфического репера для периодизации местной неолитической культуры, а вместе с этим позволяет уточнить, какая именно группа неолитического материала непосредственно предшествовала появлению на памятнике материалов раннего энеолита. Не менее важно и то, что выявленный горизонт дает основание предполагать о существовании только одного сезонного стойбища нижнедонской культуры, или, по крайней мере, нескольких таких стойбищ, но объединенных узким отрезком времени.

Керамический материал, при всей своей вариабильности, может рассматриваться как хронологически единый комплекс. Такое заключение подтверждают находки на полу постройки-3 в основном скоплении и в заполнениях хозяйственных ям фрагментов от одних в тех же сосудов. Добавим, что керамика нижнедонской культуры, выявленная в большом количестве на площади пойменного раскопа-1, в раскопе-2 (надпойменная терраса) представлена всего четырьмя фрагментами, что также подтверждает вывод о кратковременности пребывания в данном месте носителей нижнедонской культуры. Таким образом, рассматриваемый памятник открывает возможности для решения вопросов периодизации и относительной хронологии не только самой нижнедонской культуры, но и стадиально близких ей культур мариупольской культурно-исторической области[1].

[1] Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. — Куйбышев, 1981, с. 6-22.

Обратимся к рассмотрению керамического материала нижнедонской культуры Черкасской стоянки по скоплениям в соответствии с методом выявления горизонта.

Керамика из постройки 3. Здесь выявлены развалы от трех сосудов, один из которых восстановлен, а ещё один реконструируется графически. Первый имеет котловидную форму с округло-приостренным дном, со слегка зауженным верхом, завершающимся приостренным, скошенным вовнутрь краем. Высота сосуда 20 см, диаметр верха 16 см. Толщина стенок от 0,6 ом в верхней части до 1 см к донной части. Поверхности серо-коричневого цвета, внешняя сглажена, внутренняя покрыта расчесами. В тесте сосуда имеется органическая, скорее всего растительная примесь. Орнамент покрывает всю поверхность в виде горизонтальных поясков из наклонных отпечатков трех-четырехзубчагого штампа, разделенных на горизонтальные зоны четырьмя прочерченными волнистыми линиями (рис. 5, 3). Второй сосуд имеет горшковидную форму с небольшим плоским, слегка вогнутым донышком и со сравнительно высоким воротничковым венчиком. Высота сосуда 24 см, диаметр верха 19 см, диаметр дна 6 см. Толщина стенок от 0,4 до 0,9 см в придонной части. Поверхности серо-желтого цвета, внешняя сглажена, внутренняя со следами расчесов. В тесте имеется растительная примесь. Сосуд орнаментирован в верхней части и по донышку оттисками длинного «пунктирного» и короткого мелкого гребенчатых штампов, создающих линейные, угловые мотивы и зигзаг, а по донышку — крестовидный мотив (рис. 5, 1). На тулове сосуда чуть ниже середины имеются два сквозных отверстия — следа ремонта. Фрагменты от третьего сосуда свидетельствуют о его крупных размерах с толщиной стенок до 1 см. Сосуд прямостенный, с невыделенным утоньшенным верхом, в целом котловидной формы. Цвет его серо-желтый, внешняя поверхность сглажена, на внутренней — следы расчесов. В тесте имеется органическая примесь. Орнамент состоит из поясков наклонных оттисков длинного гребенчатого штампа, создающих елочный мотив и разделенных на горизонтальные зоны рядами неглубоких округлых вдавлений, выполненных в отступающей манере. Судя по ряду фрагментов, средняя часть сосуда была свободна от орнамента (рис. 5, 4). Некоторые из венчиков, выявленных на полу постройки-3, принадлежали воротничковым сосудам (рис. 5, 3, 6, 8) с близкими рассмотренным сосудам технологическими признаками. Они украшены поясками из оттисков мелкого и среднего гребенчатого штампов в сочетании с прочерченными волнистыми и зигзагообразными линиями (рис. 5, 6, 7). Есть также венчик от сосуда с «рифленым» профилем, украшенный гребенчатым штампом в той же традиции, но имеющий в тесте раковинную примесь (рис. 5, 2). Здесь же находится венчик от сосуда с отведенным наружу коротким и слегка желобчатым изнутри верхом. Он орнаментирован зоной горизонтальных линий зубчатого штампа, подчеркнутой мелкими ямками, а ниже — наклонным прочерченным контуром, заполненным тем же штампом (рис. 5, 5). Интересен фрагмент, имеющий орнаментальную «лопасть», оконтуренную мелкими треугольными наколами и заполненную рядами длинного штампа с узкими зубцами (рис. 5, 9).

Керамика основного скопления. Наряду о отдельными фрагментами здесь выявлено несколько развалов сосудов. Один из сосудов, орнаментированный длинным зубчатым штампом, очень близок сосуду из постройки-3 (рис. 6, 4). Отсюда же происходит и сосуд с уступчатым, «рифленым» профилем и коротким воротничковым верхом. Технологически он типичен для нижнедонской культуры, орнаментирован оттисками длинного штампа, а уступы подчеркнуты прочерченными волнистыми линиями и двойным рядом мелких округлых ямок (рис. 6, 1). Фрагменты от трех других

сосудов имеют воротничковые утолщения, органической примесью и орнаментом из гребенчатых штампов в сочетании с прочерченной волнистой линией (рис. 6, 3, 7, 9). Следующий сосуд с высоким желобчатым венчиком, с примесью в тесте толченой раковины, украшен наклонными оттисками гребенки (рис. 6, 2). Ракушечную примесь имеет и ещё один сосуд с аналогичным орнаментом, но с утолщением верха изнутри в виде бортика (рис. 6, 11). В скоплении найдены фрагменты от острого (рис. 7, 1) и небольших, плоских донышек (рис. 7, 4, 7, 10), а также несколько фрагментов, украшенных «лопастями» из наколов и гребенчатых оттисков, оконтуренных прочерченными линиями или же наколами (рис. 7, 5, 6, 8, 9, 11). Остальной материал скопления полностью соответствует вышерассмотренному (рис. 6, 5, 6, 10; 7, 2, 3).

Керамика ямы-1. Керамика реконструируется по скоплению фрагментов от нескольких сосудов, включая два развала, на уровне 8-го штыка в кв. №№ 8, 9, 20, 21. Один из развалов принадлежал сосуду с высоким слегка желобчатым венчиком, подчеркнутым прочерченной линией. Венчик украшен идущими в елочку оттисками зубчатого штампа и двумя рядами мелкоямочных отступающих вдавлений (рис. 8, 1). Технологически сосуд близок вышерассмотренным. Второй развал принадлежал сосуду довольно крупных размеров со слабо выраженным треугольным в сечении воротничком, желобчатым изнутри (рис. 8, 3). Поверхности гладкие, серо-желтого цвета, в тесте — органическая (трава?) примесь. По венчику сосуд украшен насечками гребенчатого штампа, а ниже, через свободную от орнамента зону — «лентами», ограниченными прочерченными линиями и заполненными длинными оттисками гребенчатого штампа. Здесь же найден фрагмент с аналогичным орнаментом, но с темно-серой поверхностью (рис. 8, 4). Близкий тип сосудов представили еще две венчика, один из которых украшен насечками по приостренному срезу и угловыми композициями из длинных оттисков гребенчатого штампа (рис. 6, 8), а другой — составленными в горизонтальную елочку радами широкого зубчатого штампа и прочерченной волнистой линией (рис. 8, 6). Следует отметить фрагмент от сосуда со сравнительно высоким, слегка раздутым венчиком, резко переходящим в тулово (рис. 8, 2). По технологическим и орнаментальным признакам этот сосуд не выходит за рамки вышерассмотренных. Наряду с несколькими экземплярами стенок (рис. 8, 5) в яме найдено плоское днище с орнаментом из поясков, образованных насечками редкого гребенчатого штампа (рис. 8, 7).

Керамика ямы-2. Яма прослежена в квадратах №№ 6 и 7 по компактному залеганию не глубине 7-го штыка керышш, включающей развалы ы двух сосудов, один из которых удалось полностью восстановить (рис. 9, 2). Он имеет яйцевидную форму, верх стянут, а короткий венчик, слегка отведенный наружу, оформлен в виде треугольного с коротким венчиком с намечающейся желобчатостью (рис. 11, 8).

Керамика ямы-3. Яма определялась залеганием на уровне 10-го штыка в квадратах №№ 25 и 26 нескольких фрагментов керамики нижнедонской культуры, среди которых есть венчики от двух сосудов. Первый имеет сравнительно высокий с намечающейся желобчатостью венчик (рис. 10, 4), в тесте — раковинная примесь. Внешняя поверхность гладкая, внутренняя несет следа расчесов. Орнаментирован оттисками штампа в горизонтальную елочку и прочерченной волнистей линией под венчиком. Второй сосуд имел слегка отогнутый наружу короткий верх (рис. 10, 6). В тесте его растительная примесь. Орнаментирован идущими в елочку и под углом оттисками длинного прямого гребенчатого штампа. Необходимо отметить, что здесь же, на уровне 10-го штыка, выявлен развал сосуда иного облика (рис. 11, 2). Графическая рекон-

струкция сосуда позволяет считать, что он имел удлиненные пропорции, острое дно и плавно сужающуюся высокую шейку, более резко переходящую в тулово с внутренней стороны. Диаметр верха сосуда 30 см, предполагаемая высота около 48 см. Он темно-бурого цвета, тесто плотное, с примесью песка и с небольшим добавлением измельчённой ракушки. Обе поверхности гладкие. Орнаментирован по срезу насечками с двух сторон, что придает срезу гофрированный вид. Ниже идут нарезные линии, параллельно составленные в зигзаг. По облику сосуд блике всего соотносится с материалами сурской культуры на поздней её стадии. Учитывая то обстоятельство, что пол постройки-2, в пределах которого выявляется яма-3, представил неолитический материал совершенно иного обдира, можно предполагать, что и развал позднесурского сосуда и керамика нижнедонской культуры оказались в яме единовременно.

Керамика из ямы-4 и ямы-5. Ямы отделяются друг от друга в значительной степени условно, поскольку материалы залегали на уровне 10-го штыка в смежных квадратах центральной части раскопа. Среди керамики имеется венчик, украшенный крупными треугольными наколами (рис. 10, 3). Есть фрагмент сосуда, аналогичный сосуду с длинным гребенчатым штампом из ямы-3 (рис. 10, 5), а также венчик, украшенный по воротничку двумя видами гребенчатого штампа в волнистой прочерченной линией (рис. 10, 2). Здесь же выявлен и восстановленный полностью сосуд весьма своеобразного облика (рис. 11, 3). Он имеет мешковидную форму с едва профилирующимся верхом и округло-приостренным дном. Диаметр верха 13 см, высота сосуда 18 см. Тесто плотное, без видимых примесей. Внешняя поверхность темно-коричневого цвета, гладкая. На внутренней стороне имеются следы штриховки. Орнамент состоит из широких и узких прочерченных линий, разделенных на зоны горизонтальными рядами круглых ямок. По сумме признаков сосуд не имеет близких аналогий, хотя отдельные черты указывают на влияние сурских традиций.

Среди не учтенной нами при поглубинном и планиграфическом анализе керамики из 1-3-го штыков имеются венчики от шести сосудов. Эту группу дополняют материалы из сборов — венчики еще от II сосудов (рис. 12; 13). Все они дают те же типы, какие рассмотрены нами выше. Некоторым свеобразием по форме выделяются лишь два венчика, имеющие треугольный в сечении воротничок и скошенный во внутрь край (рис. 12, 1, 6). Интересно, что скошенные таким образом края имеют и безворотничковый (рис. 12, 5), и со слабо выраженным воротничком (рис. 12, 7) сосуды. Венчик без воротничка содержит в тесте примесь ракушки (рис. 12, 5). Такую же примесь имеют сосуд с широким воротничком (рис. 12, 9) и два сосуда с высоким, четко отделенным от тулова венчиками, утратившие стиль воротничкового оформления верха, не несущие традиционную для нижнедонской культуры орнаментацию (рис. 13, 12, 14). Из подъемного материале происходит часть миниатюрного сосудика, дающая возможность его реконструкции (рис. 13, 1). Он без воротничка, имеет усеченно-коническую форму. По всем другим признакам он не выпадает из рассмотренного керамического комплекса. Всего, с учетом подъемного материала и единичных фрагментов из раскопа-2 (рис. 12, 10-13) памятник представил развалы и фрагменты от 60-ти сосудов нижнедонской культуры. Детальная типология этих сосудов разрабатывается Н.С. Котовой[1], поэтому здесь мы суммируем лишь основные их признаки. Воротничковое оформление верха имеют 48 сосудов — свыше 76% от всего коли-

[1] Котова Н.С. Нижнедонская керамика Черкасской стоянки. — В кн.: Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж, 1983. Она же. Раннеэнеолитическая керамика Среднего Дона. — См. наст. сборник, с. 130-139.

чества. При значительных вариациях размеров и форм воротничковых утолщений выделяют в качестве основных типов валиковидные (треугольные или округлые в сечении), ширина которых обычно незначительна, и плоские, сравнительно широкие воротнички. Края сосудов чаще заужены и скруглены. В равной степени встречаются острые и маленькие плоские днища. Наиболее характерна растительная примесь в тесте (около 90% сосудов). Характерны следы крупных расчесов на поверхностях. Господствует орнаментация гребенчатым штампом (около 90%) с длинными (70%) и короткими (30%) оттисками. Типичны в орнаментации прочерченные волнистые линии (30%). Господствуют линейно-елочные мотивы при горизонтальней зональности орнамента.

Рассмотренный материал не имеет прямых истоков в накольчатой керамике среднедонской неолитической культуры. Поиски аналогий специфическим признакам такой керамики заставили нас в свое время обратиться к материалам Нижнего Дона из района Цимлянского водохранилища и поселения Ракушечный Яр, что и послужило основанием для названия выделяемой культуры[1]. Данная линия сопоставлений остается в силе, хотя собственно нижнедонская территория в этом плане пока ещё недостаточно исследована, имеющийся материал опубликован частично. Предварительно лишь отметим, что Ракушечный Яр в массе своего материала включает керамику и с растительной примесью, а такие остродонные и плоскодонные формы сосудов с гребенчатой орнаментацией[2]. Аналогичная керамика характеризует нижние слои Самсоновского поселения в том же районе[3]. Типологически близкая керамика выявлена разведками В.Н. Гладилина на р. Айдаре у с. Подгоровка. Вместе с тем, на ряде памятников Нижнего Дона, и прежде всего на пунктах, обнаруженных Г.И. Горецким в районе станицы Цимлянской[4], значительная часть ворогничковой керамики уже ближе материалам прикаспийской культуры[5].

В горизонте воротничковой керамики Черкасской стоянки встречено большое количество костей животных, среди которых есть кости лошади. Но следует иметь в виду, что к этому горизонту примыкают слои с материалами среднестоговской и репинской культур, поэтому окончательное решение вопроса о составе стада и объектах охоты населения нижнедонской культуры принадлежит будущему. В плане же вопроса о знакомстве этого населения с таким видом животных, как лошадь, большой интерес представляет выявленное на стоянке одиночное захоронение (рис. 3). Оно было совершено в неглубокой яме, определяющейся по охровому заполнению. Костяк не сохранился, но в южной чести ямы, направленной к реке, находились черепные кости взрослого индивида и здесь же кости лошади. Судя по размерам заполнения могилы, умерший был положен вытянуто. На полу ямы найдено несколько кружковых бусин

[1] Синюк А.Т. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону. — Автореф. дисс. ... канд. ист. Наук. — М., 1971.

[2] Белановская Т.Д. Ракушечноярская культура времени неолита и энеолита на Нижнем Дону. — В кн.: Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983, с. 10-15.

[3] Гей А.Н. Самсоновское многослойное поселение на Дону. — СА, 1972. № 3; он же. Самсоновское поселение. — В кн.: Древности Дона. М., 1983.

[4] Горецкий Г.И. Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье. — СА, 1952, № 16; Он же. О возможностях применения археологического метода при изучении молодых антропогенных осадков. — В кн.: БКИЧП, 1955, Формозов А.А. Неолитическая керамика Нижнего Подонья. — В кн.: КСИИМК, 1954, № 53.

[5] Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. С. 102, табл. 17.

из раковины Unio. По всем признакам это погребение можно соотнести с захоронениями могильников мариупольской культурно-исторической области, а, следовательно, с горизонтом воротничковой керамики Черкасской стоянки.

Стоянка предоставила второй случай, дающий возможность судить о строительной деятельности населения нижнедонской культуры. Форма постройки 3 близка к квадрату, но с сильно заоваленными углами. Площадь составляет приблизительно 9 кв. м. (один из углов уничтожен при размывании берега). Конструктивно постройка близка полуземлянке, имея углубление пола на 0,4 м. При рытье котлована пол был предварительно расчищен от песка стерильной прослойки, а затем на более плотную поверхность нижележащего аллювия для дополнительного укрепления пола произведена насыпка битой ракушки ровно на толщину песчаной прослойки, оказавшейся прорезанной котлованом. Остатков столбовых конструкций проследить не удалось. Отсутствовали также признаки входа и очага. Можно говорить о том, что не было и капитального перекрытия, от которого обязательно остались бы следы, если учесть, что в слое хорошо сохраняются органические материалы. Скорее всего, постройки следует рассматривать как тип небольшой и неглубокой полуземлянки с легким перекрытием, временный характер которой документируется и отсутствием очага. Не исключено также, что она относится к типу хозяйственных сооружений.

Предлагаемый нами относительно короткий срок функционирования горизонта нижнедонской культуры на стоянке отмечен, тем не менее, признаками взаимодействия её носителей с племенами местной неолитической культуры. На это указывает своеобразная группа керамики «черкасского» типа. Обнаружена она на разных уровнях слоя раскопа I, а также в виде подъемного материала, и в силу немногочисленности исключает возможность установить горизонт своего залегания. Сосуды отличает сочетание признаков, они в обязательном порядке имеют пояски из ямочных вдавлений под верхом. Края сосудов «гофрированы» (рис. 14, 2, 6) или имеют насечки по срезу (рис. 14, 1, 3-5). Поверхности покрыты линейными или геометрическими композициями из треугольных наколов. Тесто сосудов плотное, с добавлением мелкого песка, поверхности темно-серого и коричневого цвета, хорошо сглажены, иногда со следами мелкой штриховки. По сути дела, это сосуды той же среднедонской неолитической культуры, но получившие новую форму и стиль воротничкового оформления венчика. У нас нет оснований рассматривать их в качестве «переходных», а вместе с этим предполагать развитие нижнедонской культуры на местной неолитической основе. Характер их бесспорно синкретический. В материалах Черкасской стоянки и других памятников Подонья они составляют крайне небольшой процент от громадного количества неолитической керамики. Такие сосуды совершенно отсутствуют на тех неолитических памятниках, где нет нижнедонской керамики. Кроме того, воротнички на ряде сосудов черкасского типа имеют желобчатость — признак, безусловно, поздний для воротничковых культур. Добавим, что к данной группе по воем признакам можно отнести несколько сосудов, имеющих высокие профилированные венчики, типологически сближающиеся уже со среднестоговскими материалами (рис. 15, 5-8). В тесте таких сосудов наблюдается раковинная примесь — характерный признак для донских культур развитого энеолита. Кстати, ракушечная примесь отмечена и у некоторых других сосудов черкасского типа. Следовательно, местная неолитическая культура (уже в пережиточном качестве) в значительной своей части сохранилась на стадии раннего энеолита, а затем вошла в соприкосновение со среднестоговской и, возможно, репинской культурами на их начальных фазах развития. Это подтвержда-

ется и стратиграфически: на Черкасской стоянке поздняя накольчатая керамика залегает и выше горизонта нижнедонской культуры с воротничковой керамикой.

Керамика среднестоговской культуры на стоянке включает венчики примерно от 26-ти сосудов, девять из которых были найдены на поверхности, а большинство остальных залегали в пойменных наслоениях. Лишь венчики от двух сосудов выявлены в раскопе 2. В раскопе же I они распределились следующим образом: I-й штык — один венчик; 2-й штык — пять венчиков; 3-й штык — четыре венчика и два выразительных фрагмента стенок; 4-й штык — нет; 5-й штык — один венчик; 6-й штык — три венчика и два выразительных фрагмента стенок; 7-й штык — один венчик. В нижележащих штыках среднестоговская керамика отсутствует. Ввиду её малочисленности в целом корреляция планиграфического и поглубинного размещения теряет смысл. Вместе с тем можно считать, что основное количество керамики тяготеет к уровню 3-го и 2-го штыков раскопа, т.е. материалы среднестоговской культуры стратиграфически следуют за материалами культуры нижнедонской. Нельзя, однако, считать случайным залегание некоторых из сосудов среднестоговского типа и в нижележащих штыках. Данный факт, скорее, указывает на смыкание двух культур. Именно поэтому среднестоговская керамика отсюда несет признаки, объединяющие их с нижнедонскими сосудами — длинный пунктирный гребенчатый штамп (рис. 17, 14), тип оформления верха (рис. 16, 4), единый мотив орнамента (рис. 16, 1, 2, 12). В орнаменте этих сосудов отмечены треугольные наколы (рис. 16, 7-9), но ни в одном случае нет оттисков шнура. К раннему типу среднестоговской керамики можно отнести и основную честь подъемного материала (рис. 16, 3, 6). В верхних штыках есть керамика раннего типа, но здесь же находились сосуды с орнаментом из «личинок» (рис. 17, 8-11), перевитого (рис. 17, 11) и простого (рис. 17, 5, 6, 9, 13) шнура. Следует отметить фрагмент венчика, залегавший на уровне 7-го штыка (рис. 17, 3), в котором ярко проступают традиции сурской культуры. Совершенно не исключено, что материал среднестоговской культуры памятника, несмотря на свою малочисленность, отражает существование двух или нескольких стойбищ, разделенных хронологическим промежутком. В целом, среднестоговская керамика характеризуется относительной тонкостенноетью, раковинной примесью в тесте, хорошо сглаженными, без штриховки поверхностями (рис. 16; 17). Сосуды остро- и округлодонные (рис. 17, 12), сравнительно высокие венчики резко отделены от туловища. Иногда венчики имеют легкую желобчатость с внутренней стороны (рис. 16, 5, 11). Украшалась только верхняя часть сосудов (рис. 17, 11, 13, 14). Иногда украшался срез венчика (рис. 16, 2, 5-7; 17, 1, 3, 4). Господствующий орнаментальный элемент — длинный гребенчатый штамп (рис. 16, 1, 3; 17, 1, 14). Значительную рель играл и накольчатый элемент (рис. 16, 3, 4, 7-9). Орнамент из простого шнура имеется только в четырех случаях (рис. 17, 5, 6, 9, 13). Ряд отмеченных выше объединяющих признаков в форме и орнаментации ранних среднестоговских и нижнедонских сосудов заставляет предполагать не только хронологическую стыковку, но и вполне определенную генетическую взаимосвязь этих культур.

Керамика репинской культуры представлена на стоянке фрагментами от 11-ти сосудов (рис. 18). Близко к ним типологически и по глубине залегания примыкает ещё столько же сосудов, но несущих уже черты взаимодействия с гончарными традициями ямной культуры (рис. 19). К сожалению, значительная честь всех этих сосудов получена путем сборов с поверхности. Другая часть их в поглубинном отношении, как и основная группа среднестоговоской керамики, тяготеет к уровню 2-го штыка

(три венчика) и 3-го штыка (шесть венчиков). На уровне 4-го штыка найден всего один венчик, а в нижележащих штыках репинских материалов нет совсем. Небольшое количество репинской керамики не позволило провести поглубинный её анализ на памятнике. Типологически же вся она, за исключением двух-трех фрагментов (рис. 18, 1-3), может рассматриваться как относительно поздняя для репинской культуры[1], принадлежавшая одному сезонному стойбищу. Стратиграфически ей предшествуют рассмотренные фрагменты ранних среднестоговских сосудов. Репинская керамика характеризуется раковинной примесью в тесте, сравнительной толстостенностью, наличием крупных расчесов на поверхностях, раздутыми желобчатыми венчиками, а также слабо выделенным или совсем невыделенным верхом, сближающим последние с яйцевидными формами ямных сосудов. Большинство сосудов имеет жемчужный орнамент под верхом в один иди два ряда (рис. 19, 5). Распространен гребенчатый элемент (рис. 18, 1-7, 8, 10), в меньшем количестве имеются отступающие вдавления (рис. 18, 5; 19, 1, 2), шнур (рис. 18; 12; 19, 12). Следует отметить, что шнуровой элемент на репинской керамике среднедонских стоянок встречается значительно реже, чем на других территориях[2].

На стоянке выявлены единичные фрагменты от сосудов ямного типа (рис. 20, 4-7), в том числе и полностью профилирующийся сосуд яйцевидной формы с округлым дном и раковинной примесью в тесте (рис. 20, 5). Он украшен по верхней части горизонтальными поясками из шнуровых оттисков и мелкими ногтевыми вдавлениями. Развал этого сосуда залегал на уровне 2-го штыка, а под ним, в 3-м штыке, находился фрагмент типичного репинского сосуда.

Керамика иванобугорского типа отражает трансформацию гончарных традиций репинской культуры на основе взаимодействия с традициями лесных поздненеолитических племен. Названа нами по имени Иванобугорского могильника, расположенного в непосредственной близости от Черкасской стоянки, поздние вытянутые захоронения которого сопровождались аналогичными сосудами[3]. На стоянке этот тип керамики представлен фрагментами не менее чем от 35-ти сосудов (рис. 21-24). В поглубинном отношении они явно тяготеют к верхней части культурного слоя. Так, в раскопе I в 1-м штыке залегали венчики от шести сосудов и четыре выразительных фрагмента стенок, во 2-м штыке — венчики от четырех сосудов и один выразительный фрагмент стенки. По одному фрагменту найдено в 3-м и 5-м штыках. В раскопе 2 в нижнем горизонте залегали венчики от четырех, и в верхнем — от пяти сосудов иванобугорского типа. Остальная керамика этого типа собрана с поверхности памятника. Основные её признаки — плотное тесто с добавлением песка, хорошо обработанные поверхности, иногда несущие следы мелкой штриховки, венчики с резким переходом к тулову (особенно подчеркнуты с внутренней стороны) от высоких желобчатых (рис. 21, 3, 4; 22, 1, 2) до прямых коротких (рис. 23, 6, 7) через целый ряд переходных форм (рис. 21, 13; 22, 5, 6, 8), в единичных экземплярах есть фрагменты сосудов с невыделенным стянутым верхом (рис. 24, 3-5). Наиболее характерные элементы орнамента — оттиски разнообразного зубчатого штампа, составленные в ромбы (рис. 22, 5), прямоугольники (рис. 22, 6, 8; 23, 7; 24, 6, 9, 13, 14) или ямки с «рубчатым» основани-

[1] Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита — бронзы в бассейне Дона. — СА, 1981, № 4. С. 8-20.

[2] Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита — бронзы в бассейне Дона, с. 12.

[3] Синюк А.Т. Отчет о раскопках экспедиции Воронежского университете в левобережье Среднего Дона в 1981 г. Архив ИА АН СССР.

ем (рис. 24, 2, 12, 16) — так называемый «рамчатый» штамп; глубокие бороздчатые пояски под венчиком, выполненные гребенчатым штампом (рис. 22, 2, 6; 23, 2) или путем прочерчивания (рис. 21, 12; 23, 6); пальцевые защипы (рис. 22, 1, 2; 23, 1, 2, 4, 7; 24, 10, 14); значительно реже — оттиски перевитого шнура в виде «личинок» (рис. 22, 7; 23, 8), трубчатые вдавления (рис. 22, 1), ямочно-жемчужные элементы (рис. 21, 1, 6, 10; 22, 4) и некоторые другие (рис. 21, 13, 14; 25, 1; 24, 1, 15). Очень распространен прием украшения среза с внутренней стороны венчика (рис. 22, 1, 3, 8; 22, 4, 7; 24, 4). Орнамент покрывает всю поверхность сосудов, причем штамповые вдавления часто размещены в шахматном порядке (рис. 22, 5, 6; 24, 3, 8, 9, 12, 13, 16). Наряду с признаками поздних репинской и среднестоговской культур (высокие желобчатые или короткие, слегка раздутые, с резким переходом к тулову изнутри венчики, глубокие бороздчатые пояски под венчиком, ямочно-жемчужные элементы, шнур, личинки) эти сосуды наделены чертами, которые явно восприняты от северных неолитических культур и прежде всего от белевской культуры. Ромбический мотив вообще характерен для белевской и иванобугорокой керамики. Смена раковинной примеси в тесте сосудов на песчаную, тонкостенность сосудов и тщательность обработки их поверхностей тоже можно рассматривать как следствие восприятия северных гончарных традиций. Своеобразным признаком иванобугорской керамики является широкое использование защипного орнамента, хотя он известен и в репинских материалах (рис. 18, 2).

Материалы стоянки раскрывают сложный процесс распада репинской культуры, в котором улавливаются два направления. Первое из них характеризуется активным южным воздействием со стороны ямной культуры, второе — северной культурной ориентацией, что и выразилось в сложении иванобугорского типа керамики. Оставившее ее население в силу каких-то причин оказалось в стороне от широких влияний с расселившимися на Среднем Дону племенами ямной культуры и положившими здесь начало эпохе ранней бронзы. Только единичные фрагменты керамики со стоянки могут отражать следы такого воздействия (рис. 24, 3-5). В связи с этим материалы иванобугорского типа следует рассматривать в качестве пережиточно-энеолитических (с учетом их энеолитической подосновы — репинской культуры).

Таким образом, Черкасская стоянка становится важным репером для разработки периодизации энеолитических культур Среднего Дона и в значительной степени сопредельных территорий. Значение стоянки выражается, прежде всего, в возможности соотнесения типологических групп энеолитической керамики по уровню их размещения в слое. Ещё раз приведем статистико-стратиграфические данные раскопа 1 для групп, идущих за раннеэнеолитическими материалами нижнедонской культуры (учитываются венчики от разных сосудов и выразительные фрагменты (в скобках). Отметим, что эти данные в целом подтверждают выводы, сделанные нами ранее на основе изучения многослойных памятников в низовьях рек Воронежа и Тихой Сосны в пределах среднедонского бассейна[1].

Из-за отсутствия на Черкасской стоянке каких-либо новых датирующих признаков, уточнявших бы имеющиеся разработки[2], вопрос о хронологии групп энеолитических материалов стоянки нами здесь не рассматривается.

[1] Синюк А.Т. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1971.

[2] Синюк А.Т. Энеолит лесостепного Дона, с. 56, рис. 3.

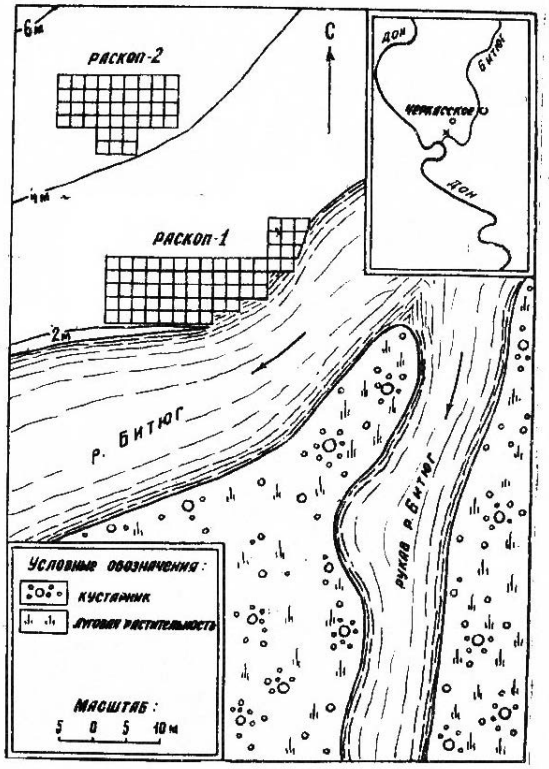


Рис. I. Глазомерный план Черкасской стоянки.

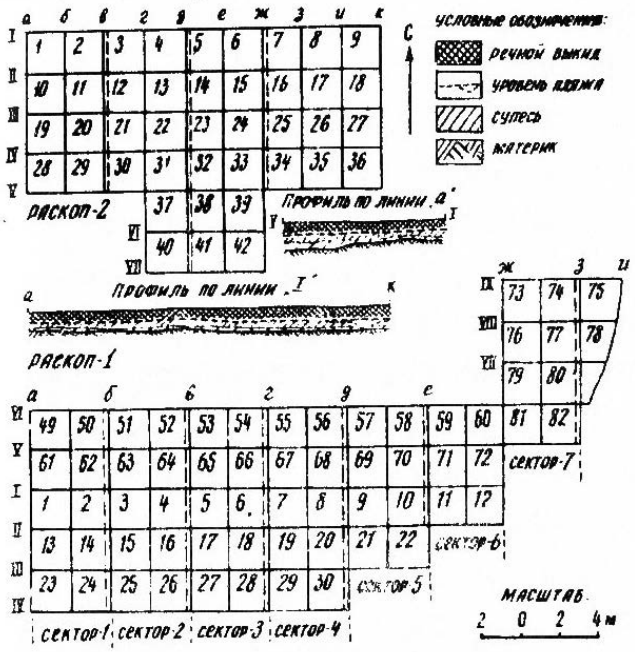


Рис. 2. Черкасская стоянка. Планы раскопов.

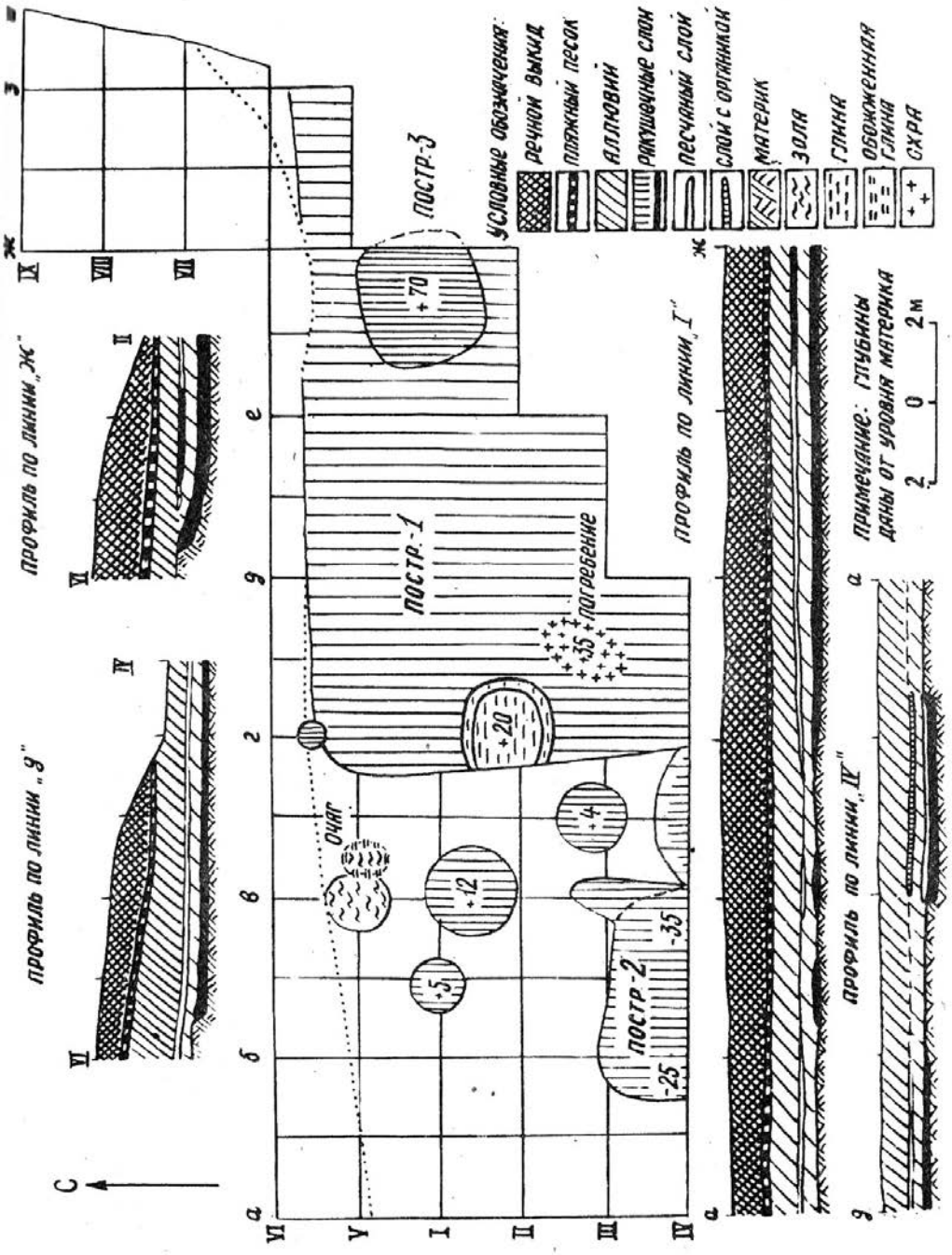


Рис. 3. Черкасская стоянка. План и профили раскопа I.

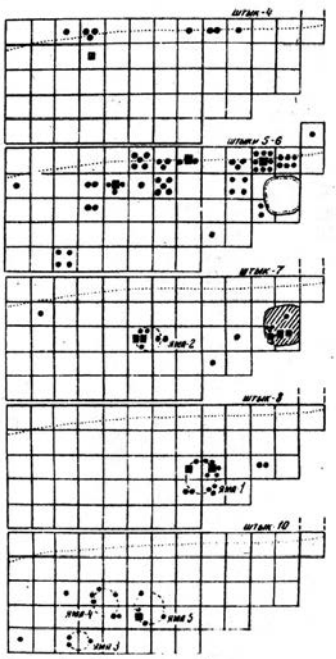


Рис.4. Планиграфическое и погдубинное размещение керамики нижнедонской культуры в раскопе-

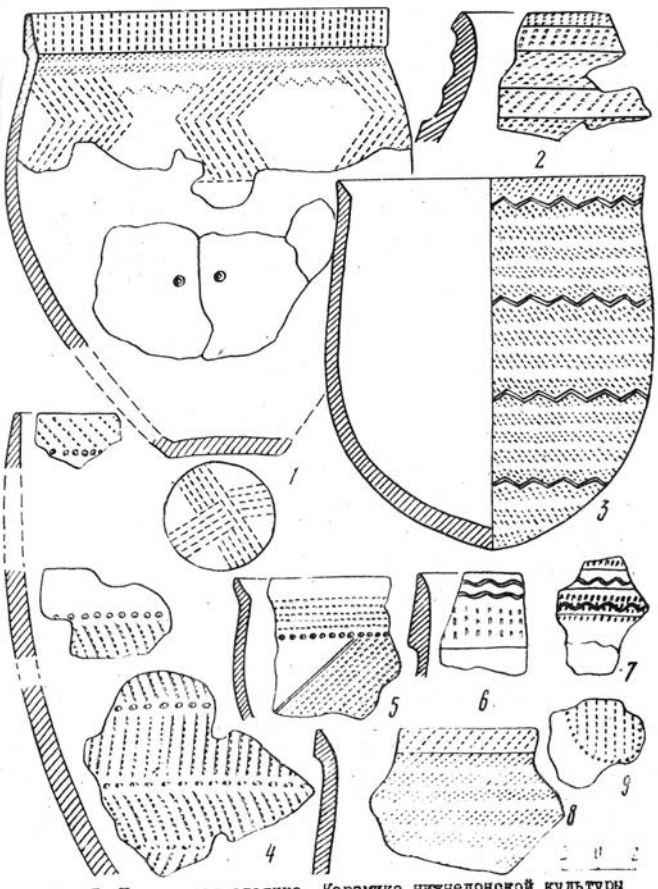


Рис. 5. Черкасская стоянка. Керамика нижнедонской культуры из постройки 3.

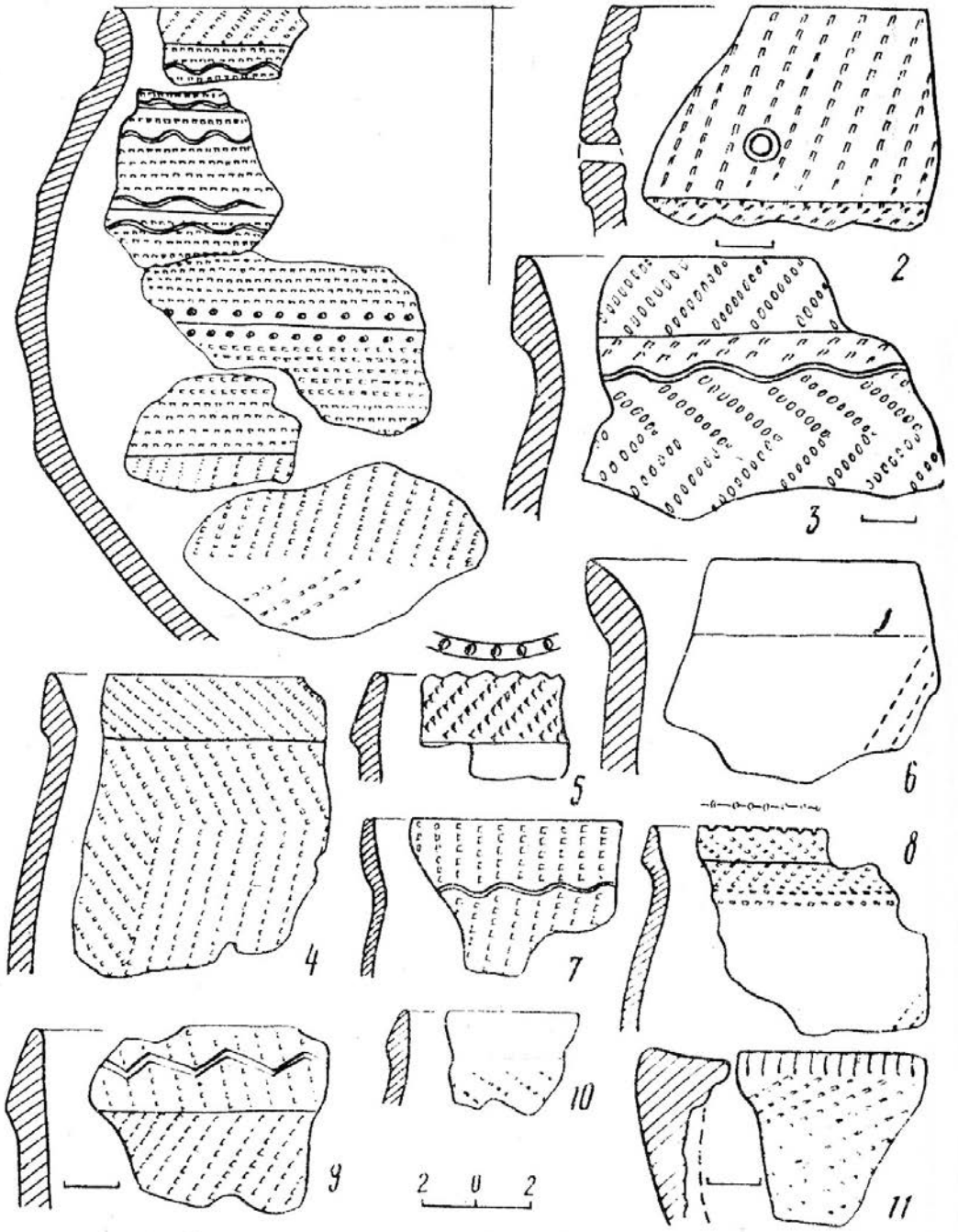


Рис. 6. Черкасская стоянка. Керамика нижнедонской культуры из основного скопления /8 – из заполнения ямы –I/.

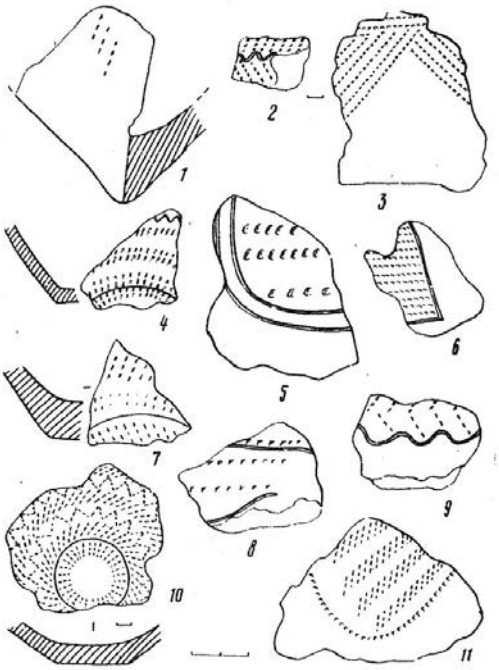


Рис. 7. Черкасская стоянка. Керамика нижнедонской культуры из основного скопления.

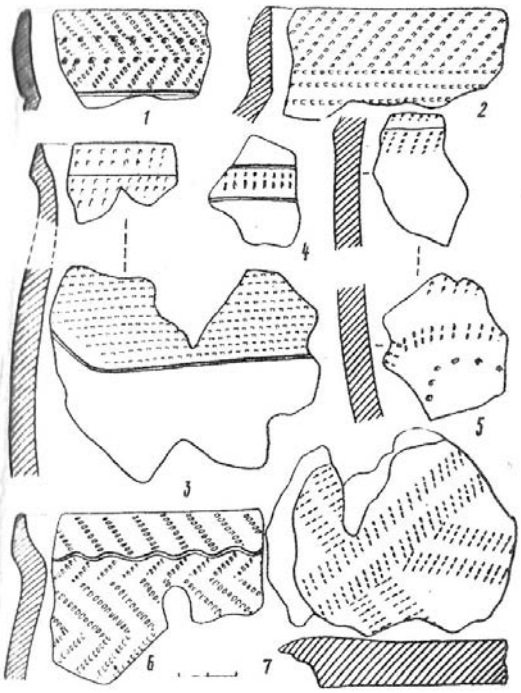


Рис.8. Черкасская стоянка. Керамика нижнедонской культуры из ямы-I.

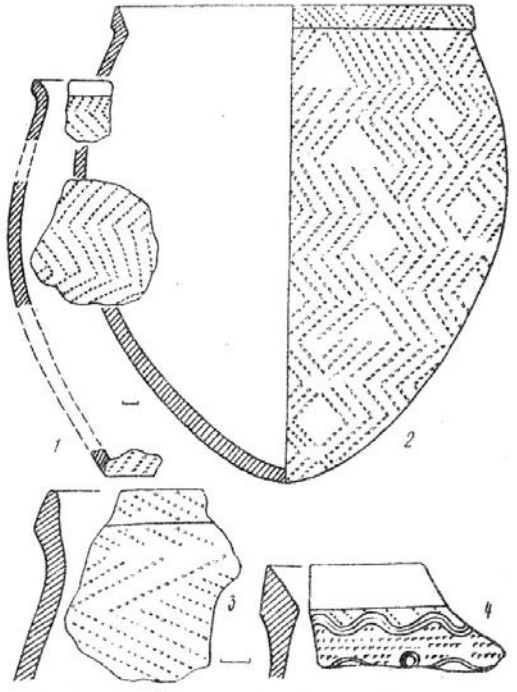


Рис. 9. Черкасская стоянка. Керамика нижнедонской культуры из ямы-2.

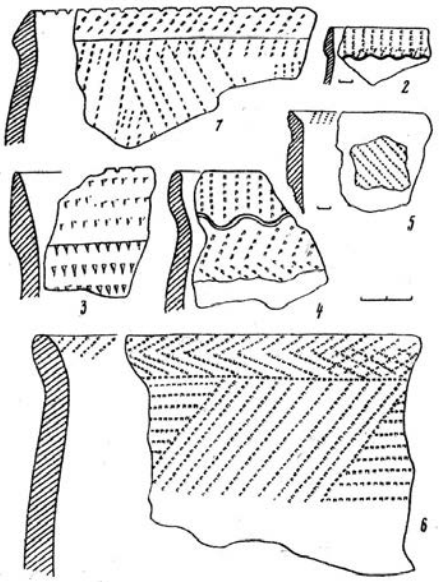


Рис. 10. Черкасская стоянка. Керамика нижнедонской культуры: 4,6 – из ямы 3; 1,2,3, 5 – из ямы 4,5.

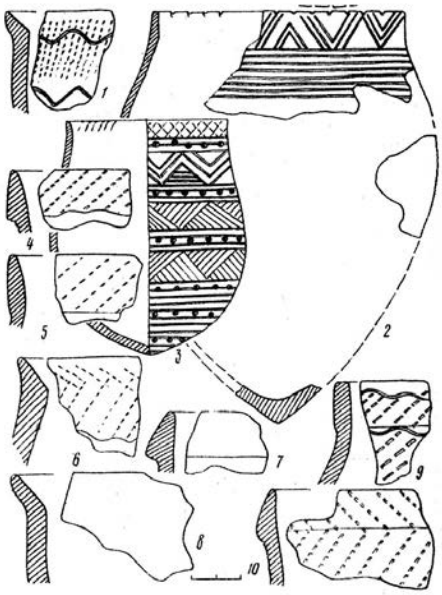


Рис. 11. Черкасская стоянка. Керамика нижнедонской культуры: 1,3,4,7–10 – из ямы 4,5; 5,6 – из заполнения ямы 2;,2– из заполнения ямы 3.

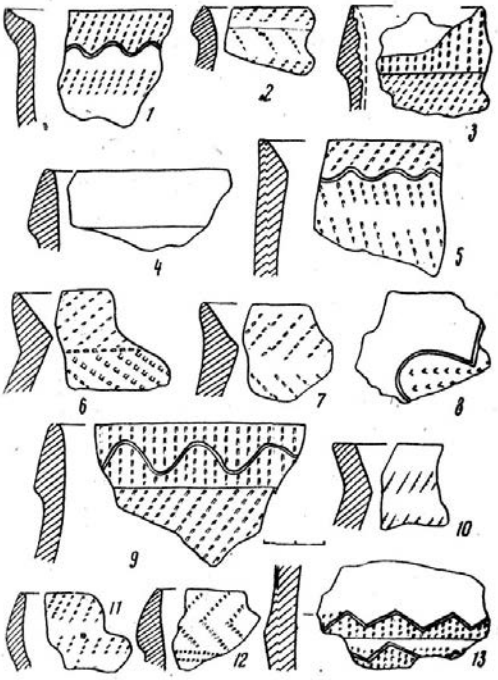


Рис. 12. Черкасская стоянка. Керамика нижнедонской культуры.

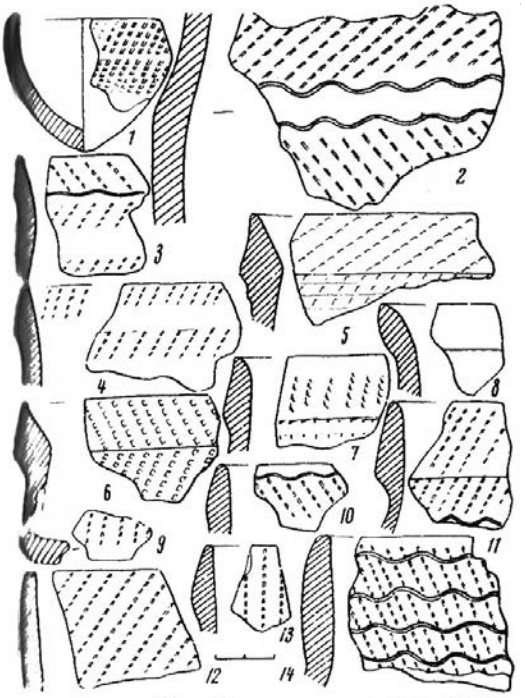


Рис. 13. Черкасская стоянка. Керамика нижнедонской культуры.

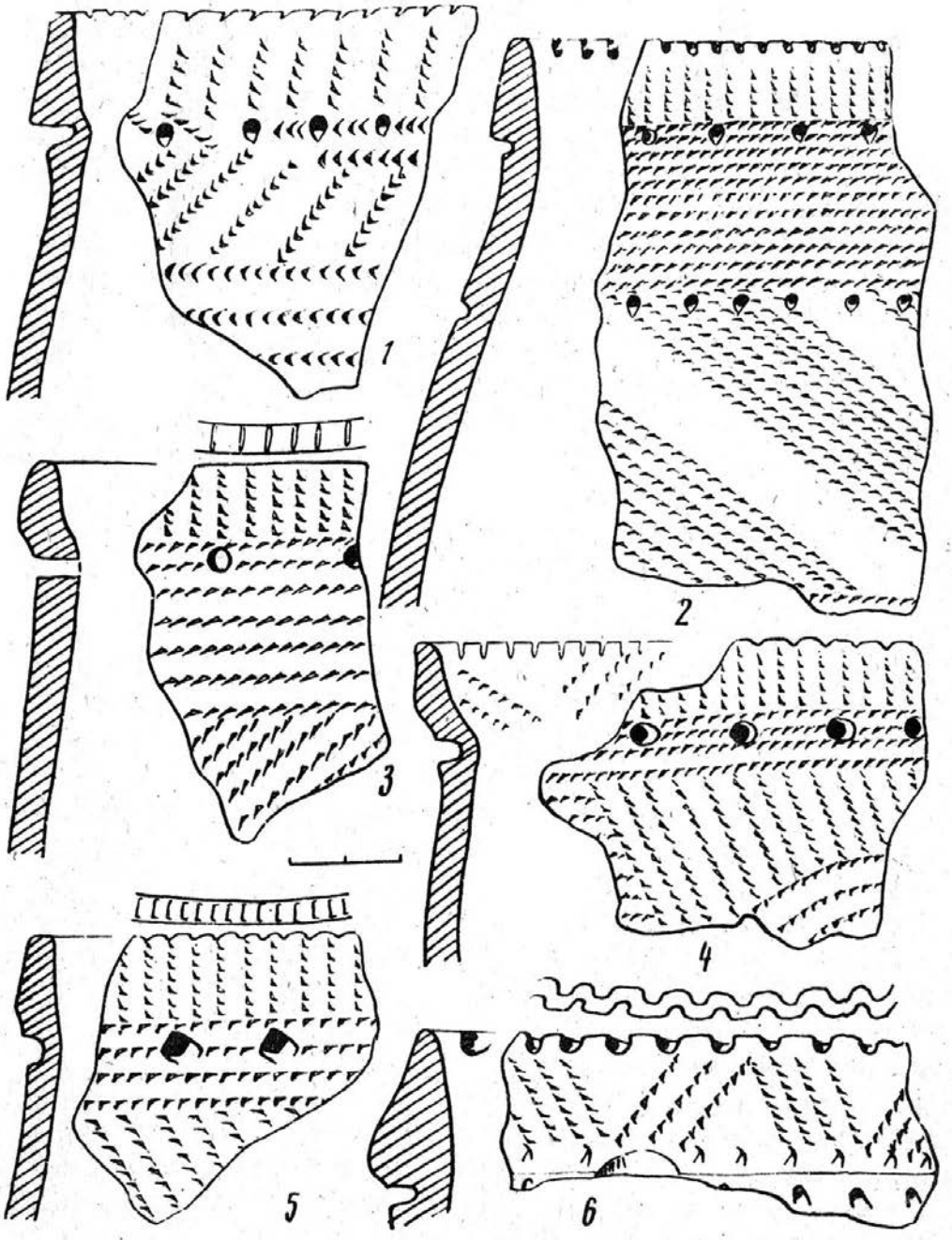


Рис. I4. Черкасская стоянка. Керамика "черкасского" типа.

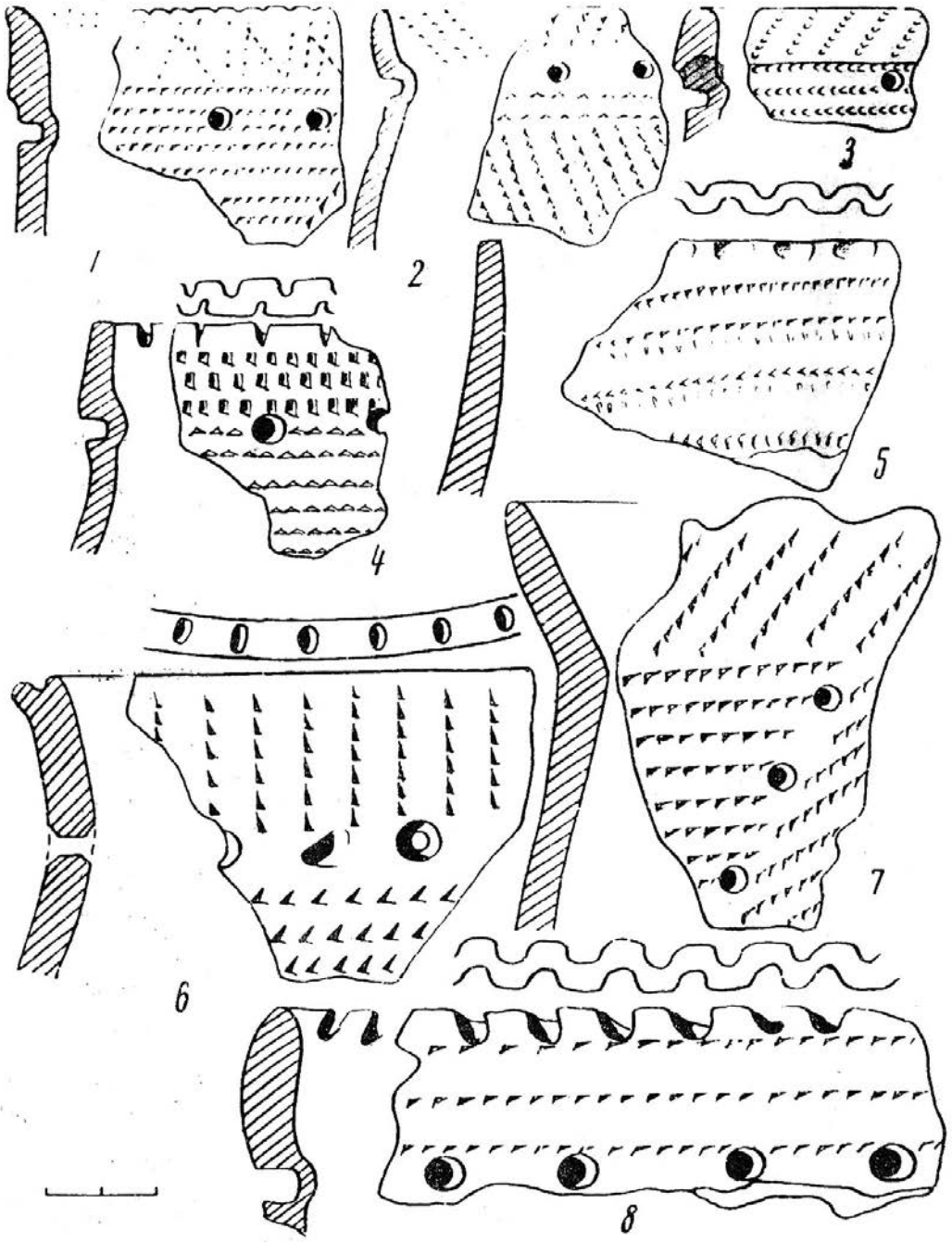


Рис. I5. Черкасская стоянка. Керамика "черкасского" типа.

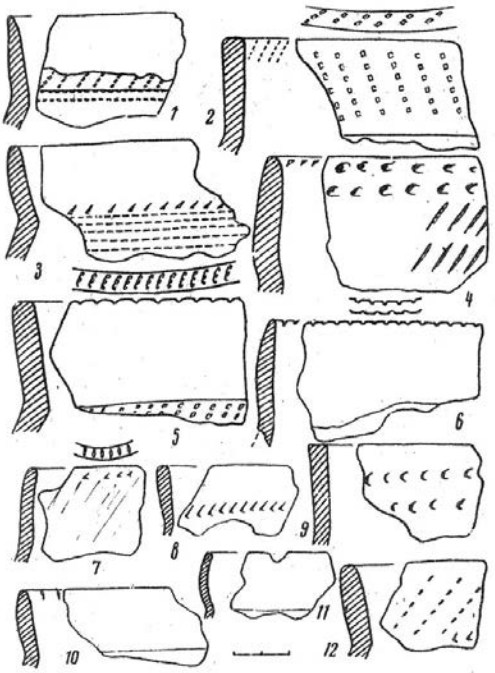


Рис. I6. Керамика среднестоговской культуры.

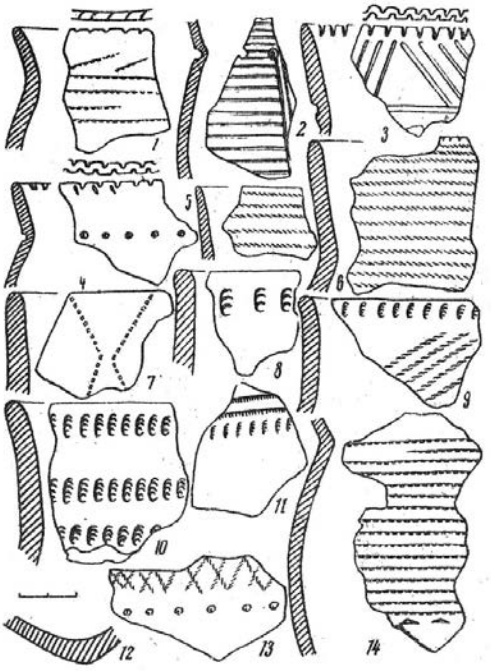


Рис. I7. Керамика среднестоговской культуры.

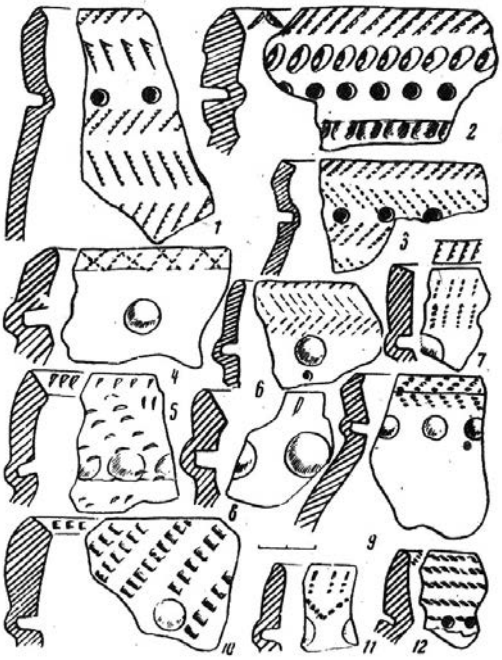


Рис. I8. Керамика репинского типа.

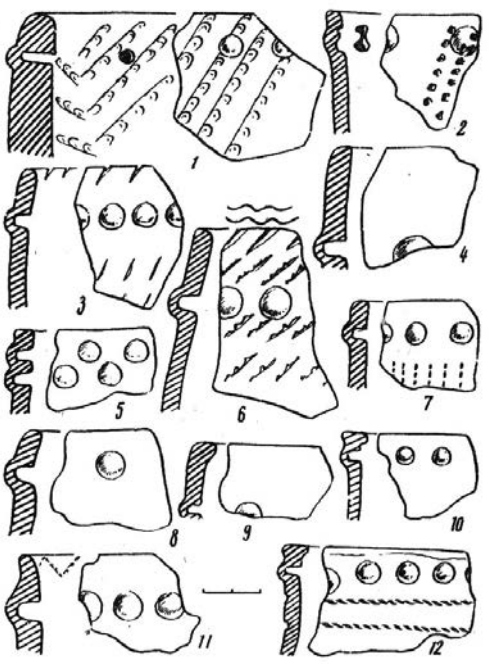


Рис. I9. Керамика ямно-репинского типа.

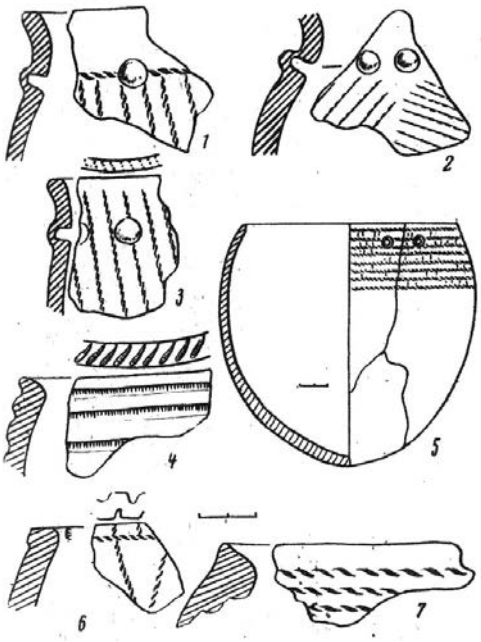


Рис. 20. Керамика ямно-ре-пинского типа /I-3/ и ямной культуры /4-7/.

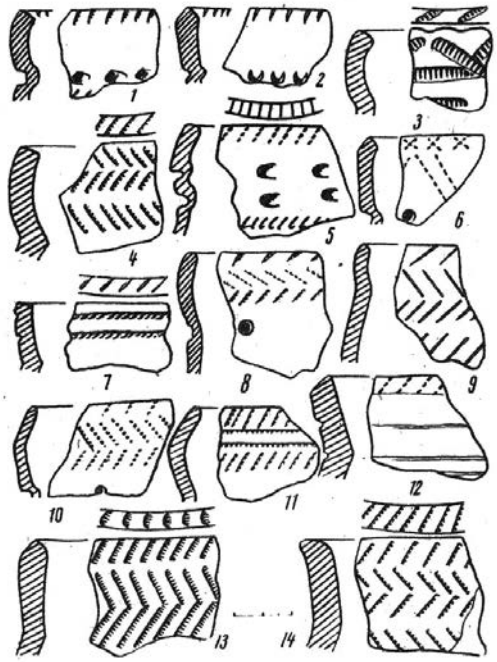


Рис. 2I. Керамика ивано-бугорского типа.

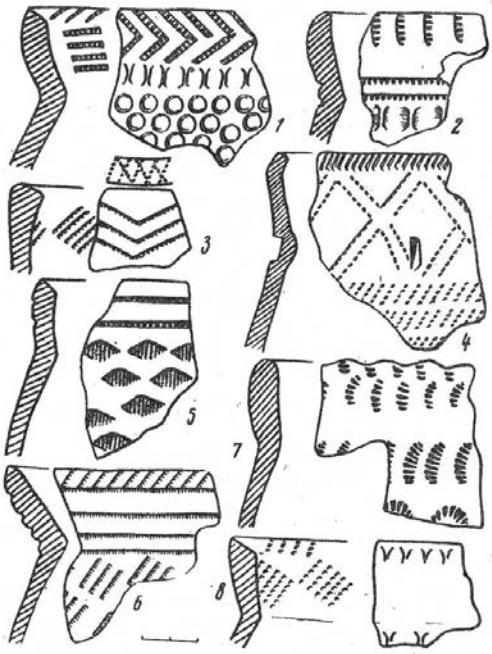


Рис. 22. Керамика "ивано-бугорского" типа.

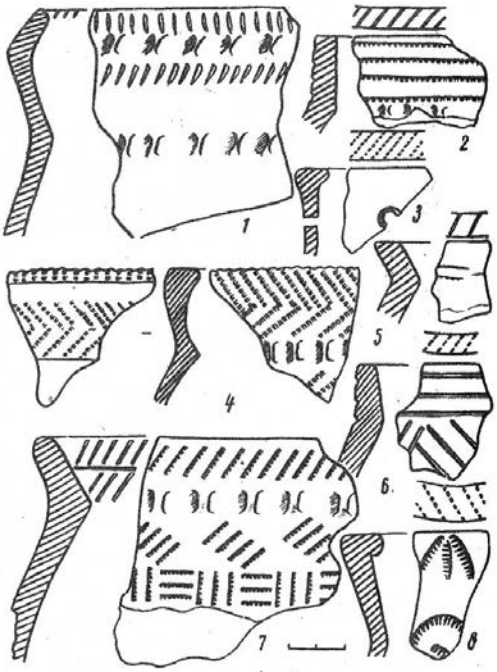


Рис. 23. Керамика ивано-бугорского типа.

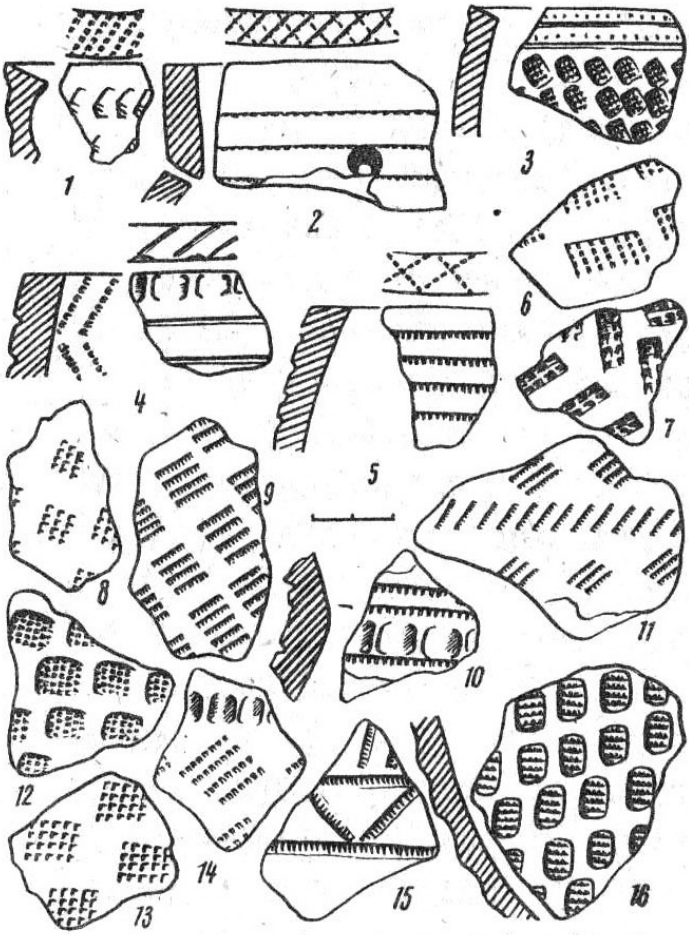


Рис. 24. Керамика иванобугорского типа.

штык	среднестог.	репинские	ямные	иванобугор.
I	I	–	–	6 /4/
2	5	3	I	4 /I/
3	4 /2/	6	–	I
4	–	I	–	–
5	I	–	–	I
6	3 /2/	–	–	–
7	I	–	–	–
итого	I4 /4/	I0	I	I2

ТЕРЕШКОВСКИЙ КЛАД ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В СРЕДНЕМ ПОДОНЬЕ

СА. 1984. № 3. С. 281-285. В соавт. с А.Д. Пряхиным, Ю.П. Матвеевым

В 1975 г. в Воронежский областной краеведческий музей было передано несколько бронзовых изделий, обнаруженных в срезе правого берега р. Дон (6-8 м от уровня воды), в 2 км ниже по течению реки от с. Терешково Богучарского р-на Воронежской обл.

Осмотр места находки позволил установить, что найденные изделия представляют собой клад эпохи поздней бронзы. Как показала стратиграфия берегового обнажения, вещи находились на дне вырытой в суглинке конусообразной ямы диаметром 1,5 м и глубиной 1 м, которая к моменту приезда археологов оказалась почти полностью разрушенной школьниками во время поиска ими других изделий. Судя по сохранившемуся участку ямы, ее заполнял чернозем.

Попавшая в музей коллекция металлических изделий состоит из двух топоров-кельтов, ножа-«бритвы» и трех серпов-косарей. Топоры-кельты однотипны и почти одинаковы по размерам и пропорциям. Длина одного из них 9,5 см, ширина лезвия 4,6 см (рис. 1, 1; 2, 1); длина другого 8,6 см, ширина лезвия 4 см (рис. 1, 2; 2, 2). Это шестигранные в сечении двуушковые кельты с овальной втулкой. Ушки несколько подняты над срезом втулки. Дуговидные лезвия обоих кельтов слегка расширены. В верхней части один из кельтов украшен рельефным орнаментом в виде треугольного фестона вершиной вниз. По бокам передней грани видны выступающие ребра. Другой кельт украшен пояском из перекрещивающихся линий, ограниченных снизу прямой линией. Е.Н. Черных отнес их к типу К-52 [1, с. 81-84]. Случаи их обнаружения характерны для территории Поднепровья. Но есть они и на более восточных территориях. Е.Н. Черных обратил внимание на связь их с территорией Волго-Камья.

Нож-«бритва» имеет сложную форму клинка с выемкой на конце и кольцевой упор вокруг черенка (рис. 1, 3; 2, 3). Сам черенок дополнительно раскован. От черенка через все лезвие идет продольное ребро. Общая длина ножа 13 см (длина клинка 7,8 см, черенка 5,2 см). Е. Н. Черных выделяет данный тип ножей в редко встречающийся тип Н-42 [1, с. 122]. В этот тип им включено только изделие из Лобойковского клада [1, табл. XXXVI, 16] и несколько литейных форм с территории Поднепровья [2, с. 148, рис. 2, 6; 3, рис. 2, 4б; 3; 5, 3а]. Е.Н. Черных отмечает и отличие причерноморских ножей-«бритв» от близкого по типу изделия из Дербеневского клада на Каме — отсутствие на последнем четко выраженного кольцевого упора. Этим же признаком от дербеневской находки отличается и терешковский нож-«бритва».

Однотипны серпы-косари. Все они довольно массивные. Длина одного из них 26,5 см, ширина в верхней части 6,6 см (рис. 1, 4; 2, 4); длина другого 22,4 см, ширина 6 см (рис. 1, 5; 2, 5) и третьего — соответственно 23 и 6,4 см (рис. 1, 6; 2, 6). У последнего из перечисленных серпов-косарей конец обломан и затем дополнительно откован. Они дугообразные, со слабой степенью изгиба лезвийной части, с откованным крюком и фигурной пяткой. У всех имеется расширение лезвия к носовой части. Такого рода серпы-косари Е.Н. Черных отнес к типу С-16 [1, с. 94, 95]. Судя по приводимой им карте, кроме района Причерноморья значительная серия изделий такого рода найдена в казанском течении р. Волги [1, рис. 43]. Заметим, что сопоставление серпов-косарей данного типа с территории Северного Причерноморья и находок из

Приуралья позволило Е.Н. Черных выделить черты их различия. Терешковские серпы-косари по таким признакам, как наличие изогнутости в районе лезвия и осевого прогиба лезвия, сближаются именно с причерноморскими находками.

Если попытаться в целом сопоставить изделия Терешковского клада с изделиями других кладов эпохи поздней бронзы с территории Восточной Европы, то наиболее близкими им являются найденный на юге Полтавщины Кобаковский клад [1, с. 211, табл. VII, 17; с. 222, табл. XIX, 4, 5, 8-11; 2, с. 166, рис. 13] и Лобойковский клад на р. Орель невдалеке от г. Днепропетровска [1, с. 211, табл. VII, 16, 19; с. 222, табл. XIX, 1-3; с. 239, табл XXXVI, 16]. Эти клады характерны для выделенного Е.Н. Черных завадово-лобойковского очага металлообработки на Юго-Западе СССР [1, с. 190-196]. Именно к этому очагу металлообработки им был отнесен и Терешковский клад [1, с. 193]. Вероятную дату завадово-лобойковского очага металлообработки Е.Н. Черных определил в пределах XII-IX вв. до н. э. [1, с. 156].

Весьма существенно наблюдение Е.Н. Черных, смысл которого сводится к тому, что северопричерноморский очаг металлообработки поздней бронзы в целом не сопоставляется с металлообработкой населения какой-то определенной археологической культуры или ее варианта. За ним просматривается металлообрабатывающая деятельность клана мастеров [1, с. 149]. Что же касается более локального завадово-лобойковского очага, то, по Е.Н. Черных, лобойковские литейщики этнокультурно, вероятно, теснее всего были связаны с населением срубной культурно-исторической общности [1, с. 192].

Терешковский клад — это не единственный случай обнаружения бронзовых изделий, связываемых с деятельностью в Среднем Подонье мастеров-литейщиков завадово-лобойковского и тем более в целом северопричерноморского очага металлообработки периода поздней бронзы. Укажем на другие случаи находок на территории Среднего Подонья топоров-кельтов. Один шестигранный в сечении двуушковый кельт, имевший зауженную лезвийную часть и рельефную орнаментацию по верху, состоящую из трех горизонтальных линий, между парами которых находились вертикальные линии и зигзаг, найден у с. Гремячье в Воронежской обл[1]. Скорее всего того же типа и известный нам по прорисовке О.А. Кривцовой-Граковой кельт из с. Рудкино на территории современной Воронежской обл. Рудкинский кельт в верхней части украшен двумя рельефными горизонтальными линиями с одной линией зигзага между ними. Еще один двуушковый кельт, имевший овальную в сечении втулку и украшенный в верхней части двумя рельефными горизонтальными линиями, найден на территории современной Липецкой обл. у г. Задонска[2].

Один кельт (рис. 3, 1) происходит из случайных сборов у с. Репьевки на территории Воронежской обл[3]. Е.Н. Черных отнес последний к типу К-54. Это двуушковые овальные в сечении кельты с нечетко выраженной конфигурацией фаски, находки которых известны в уже упоминавшихся Кобаковском и Лобойковском кладах [1, с. 84].

Своей формой несколько отличается двуушковый кельт из случайных сборов у с. Старая Калитва Россошанского р-на Воронежской обл. (рис. 3, 2)[4]. Длина его 11,6 см, ширина лезвия 4,8 см. В верхней части он орнаментирован двумя валиками. Он при-

[1] Ранее кельт хранился в Воронежском областном краеведческом музее. Его прорисовка сделана С.Н. Замятниным (Архив ЛОИА АН СССР). Именно этот топор-кельт опубликован А.М. Тальгреном [4, fig. 106, 8].

[2] Ранее кельт также хранился в Воронежском областном краеведческом музее [5, с. 64].

[3] Хранится в Музее археологии Воронежского университета.

[4] Прорисовка Ю.П. Матвеева. Кельт хранится в старокалитвянской школе.

мыкает к выделяемому Е.Н. Черных типу К-72, куда включаются орнаментированные пояском двуушковые овально-шестигранные в сечении кельты с приподнятым над ушками венчиком, имеющие вогнуто-линзовидную конфигурацию фаски [1, с. 88].

На территории Среднего Подонья нам не известно случаев обнаружения серпов-косарей и тем более ножа-«бритвы». Но среди многочисленных литейных форм с Мосоловского поселения срубной культурно-исторической общности есть не только литейные формы для отливки собственно срубных серпов, но и обломки отдельных многопредметных литейных форм, служивших для отливки более массивных изделий — не исключено серпов-косарей[1], которые и типологически, и хронологически предшествуют обнаруженным в Терешковском кладе серпам-косарям.

С деятельностью так называемых причерноморских литейщиков связываются и пока единичные для районов Подонья и Поволжья находки каменных литейных форм и их обломков, которые резко отличаются от глиняных литейных форм, происходящих, как правило, с памятников развитого этапа срубной культурно-исторической общности: Мосоловка, Боровое, Вогрэсовская дамба, Борковское и др. [7, с. 159, табл. XXIV, 4-9; 6, с. 181, рис. 4, с. 182, рис. 5, с. 183, рис. 6, с. 184, рис. 7; 8, с. 87, 88] — и находящих параллели на территории Причерноморья [2, с. 144 и др.; 9, с. 179 и др.; 3, рис. 1-6]. Обломок одной из них (рис. 3, 3) найден на поселении срубной культурно-исторической общности в урочище Гнилое невдалеке от пос. Анна Воронежской обл., где была собрана и так называемая поздневаликовая керамика[2].

Перечисленные находки скорее всего относятся ко времени, следующему за отливом с территории лесостепи значительных групп срубного населения, что произошло к концу II тысячелетия до н. э. [10, с. 20, 21]. Их анализ приобретает особый интерес в связи с попытками С.И. Татаринова изучить металлургическое производство конца эпохи бронзы в Донецком бассейне [11, с. 192-206].

Литература

1. Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976.
2. Лесков А.М. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. - В кн.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев: Наукова думка, 1967.
3. Шарафутдінова І.М. Бронзоливарна майстерня з с. Головурів на Київщини. — Археологія, 1973, № 12.
4. Tallgren A.M. La Pontide precythique apres l'introduction des metaux.— ESA, 1926, II.
5. Подгаецкий Г.В. Предскифский (доскифский) период на Среднем Дону.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 2.
6. Пряхин А.Д., Сагайдак В.И. Металлообрабатывающая мастерская на поселении срубной культуры. — СА, 1975, № 2.
7. Подгаецкий Г.В. Город Воронеж.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
8. Тихонов Б.Г. Металлургия лесостепных племен междуречья Волги и Дона. — В кн.: Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978.
9. Черняков И.Т. Техника изготовления литейных форм и металлических изделий в Северном Причерноморье в эпоху поздней бронзы. — В кн.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев: Наукова думка, 1967.
10. Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь. — В кн.: Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979.
11. Татаринов С.И. О горно-металлургическом центре эпохи бронзы в Донбассе. — СА, 1977, № 4.

[1] Материалы хранятся в Музее археологии Воронежского университета. Опубликованы лишь результаты первого года исследования памятника [6, с. 182, 183, рис. 5, 5; 6].

[2] Разведка В.И. Сагайдака 1971 г. Материалы хранятся в Аннинском народном музее Воронежской области.

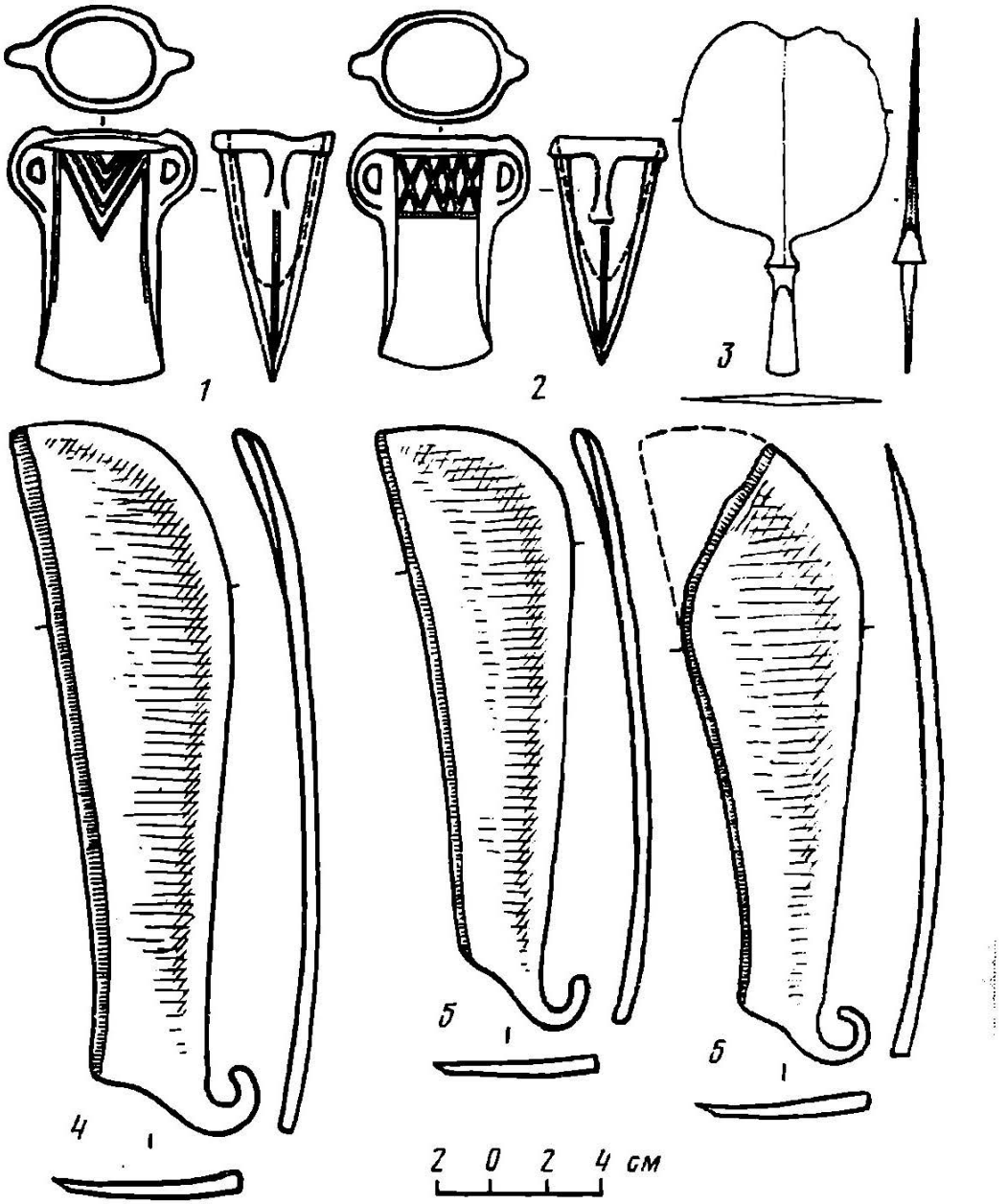


Рис. 1. Орудия труда из Терешковского клада. Прорисовка

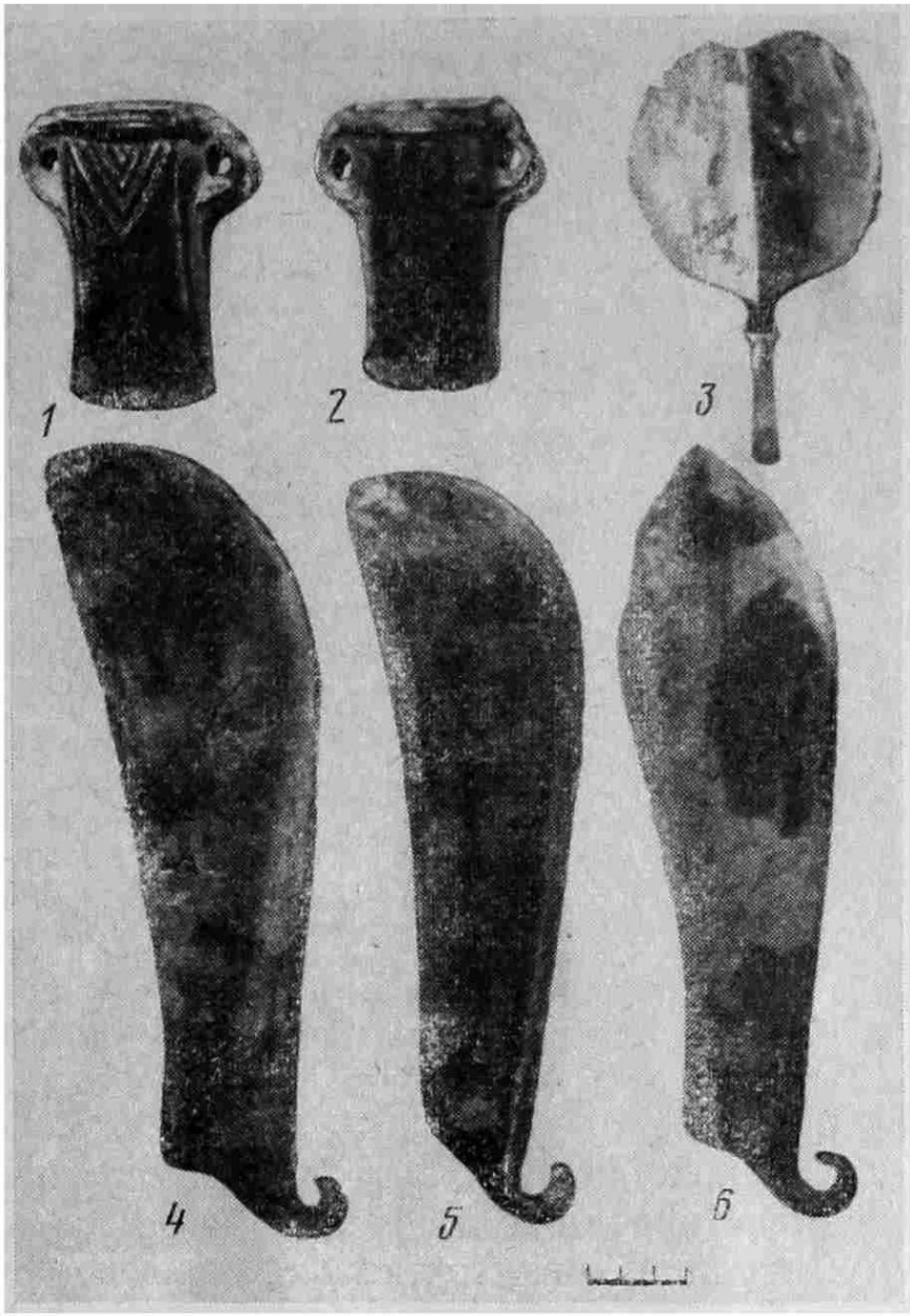


Рис. 2. Орудия труда из Терешковского клада

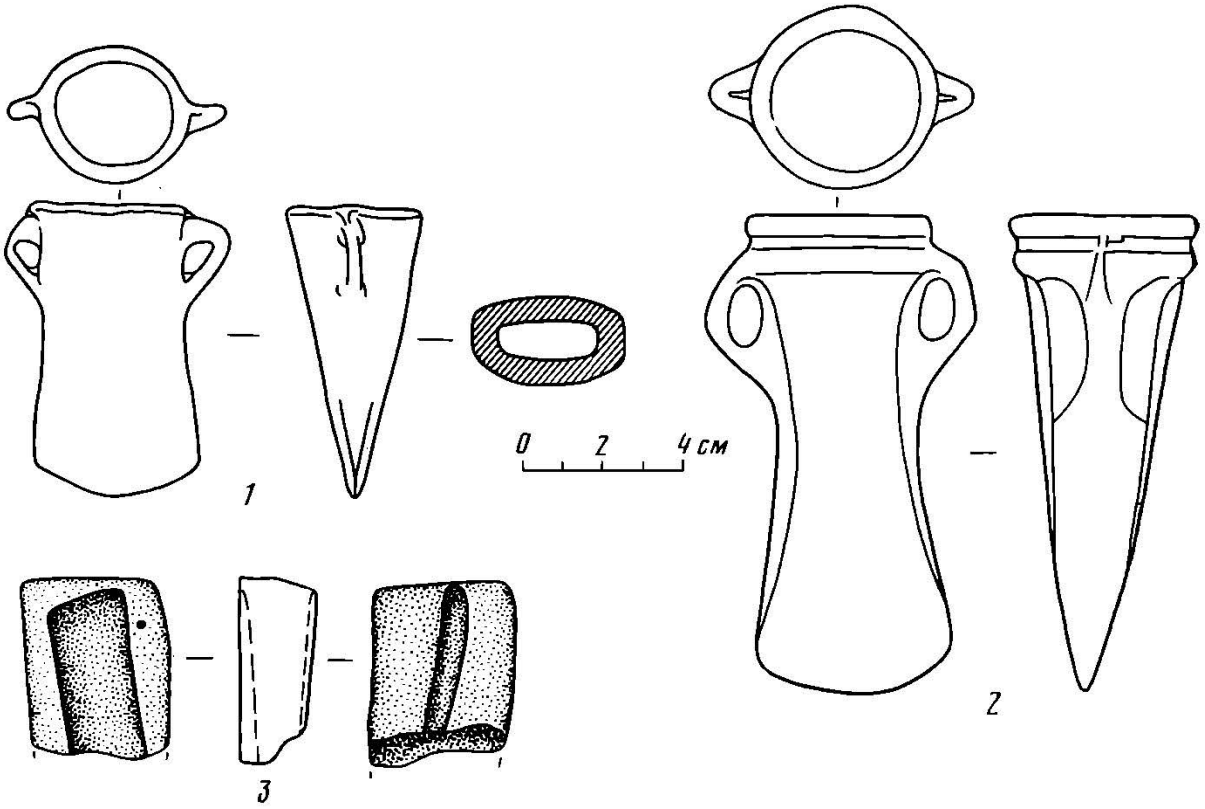


Рис. 3. Топоры-кельты и обломок литейной формы с территории Среднего Подонья. *1* — с. Репьевка, *2* — с. Старая Калитва, *3* — поселение в урочище Гнилое

ОБ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ МОГИЛЬНИКАХ ЛЕСОСТЕПИ (БАССЕЙН СРЕДНЕГО ДОНА)

СА. 1984. № 3. С. 105-121.

Изучение погребальных памятников культур эпохи неолита — энеолита Евразии позволило говорить о существовании южного и северного обрядовых стереотипов [1, с. 8-13], изменение которых в каждом из регионов имеет стадиальный характер [1, 2, с. 3-26]. Фиксирующимся процессам взаимодействия разностадиальных признаков хронологически чаще отводят место в начале формирования новой из стадий [2, с. 17]. В целом, данные выводы не имеют альтернативы с точки зрения выявления общей исторической тенденции сначала обособления, а затем широкого взаимодействия крупных культурных образований рассматриваемого времени. Этим, однако, не снимаются поиски в конкретных районах, особенно в круге памятников лесостепной зоны, специфических проявлений исторического процесса. Первые же могильники времени неолита — энеолита на Среднем Дону, недавно открытые и исследованные нами, обнаружили именно такое сочетание признаков, которое заставляет предполагать, во-первых, этнографическую неоднородность населения, а во-вторых, весьма самобытные религиозно-культовые представления у отдельных его групп. Этим обстоятельством в известной степени вызывается и сложность культурно-хронологического определения памятников. Ниже мы остановимся на рассмотрении двух могильников: — Дронихинского и Иванобугорского, расположенных в донском левобережье на р. Битюг, в 70 км друг от друга (рис. 1).

Дронихинский могильник обнаружен в урочище Дрониха близ с. Старой Тишанки (Таловский р-н Воронежской обл.) на площади многослойного поселения. Основной материал здесь имеет неолитический облик; в небольшом количестве содержалась керамика нижнедонской раннеэнеолитической культуры мариупольской области, а также материалы конца эпохи бронзы и славяно-русского времени.

Особое значение имеет открытие в толще слоя памятника обширной (около 192 м^2) подпрямоугольной площадки из битой утрамбованной ракушки — пола неолитической постройки, ставшей важнейшим стратиграфическим репером.

Топографически памятник характеризуется небольшим всхолмлением надпойменной песчаной террасы при впадении в Битюг левобережного притока Тишанки. Общая высота террасы не превышает 5 м. Всхолмление имеет длину 180 и ширину около 55 м, вытянуто по линии ЮЗ-СВ, параллельно направлению речки Тишанки (рис. 2, 2).

Первые погребения могильника обнаружены при раскопках в 1974-1975 гг., а в 1980 г. памятник был исследован полностью [3]. Могильник содержал 21 погребение (рис. 2, 3).

Погребение 1. Костяк взрослого человека на спине, с согнутыми в коленях ногами. Ориентирован в северо-западном направлении. Располагался в едва заметном материковом углублении овальной формы. Выкид из могильной ямы прослеживался в виде светлой супесчаной линзы в толще культурного слоя на глубине 0,45 м от поверхности. Череп (без нижней челюсти) был отчленен от костяка и положен в маленькую материковую ямку за пределами могилы. Вместе с черепом оказался кварцитовый двусторонне ретушированный наконечник стрелы с черешком.

Погребение 2 разрушено одной из хозяйственных ям поселения. Сохранились

фрагменты костей ног умершего в едва заметном материковом углублении, перекрытом непотревоженным ракушечным полом постройки.

Погребение 3 представлено фрагментами черепа и отдельными костями умершего. Условия залегания аналогичны предыдущему.

Погребение 4. Костяк взрослого человека лежал на спине, головой на северо-запад, ноги согнуты. Выявлен на глубине 0,75 м от поверхности и перекрыт ракушечным полом постройки.

Погребение 5 выявлено в слое на глубине 0,55 м от поверхности. Прорезало пол постройки. Костяк ребенка до 10 лет лежал вытянуто на спине с протянутыми вдоль тела руками. Ориентирован на восток с небольшим отклонением к северу.

Погребение 6 представлено залегавшим на глубине 0,72 м от поверхности черепом взрослого человека.

Погребение 7 выявлено на полу постройки. Скелет ребенка до 7 лет лежал вытянуто на спине с приподнятой головой («на подушке») в направлении восток-северо-восток. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте и кистью положена на таз. Шею ребенка украшали бусы в одну нитку. Бусы сделаны из пасты, окрашены в ярко-синий и бирюзовый цвет (рис. 4, 14-17).

Погребение 8 слегка врезано в ракушечный пол постройки. Костяк ребенка 5-7 лет лежал вытянуто на спине с приподнятой головой, с протянутыми вдоль тела руками. Ориентирован на восток-северо-восток.

Погребение 9 также едва врезалось в пол постройки. Костяк ребенка 4-5 лет лежал на спине с приподнятой головой, с вытянутыми вдоль тела руками, ориентирован на восток-северо-восток. Ноги в коленях были отчленены, голени положены параллельно с бедрами.

Погребение 10 представлено черепом взрослого человека на глубине 0,32 м от поверхности.

Погребение 11. Костяк мужчины до 30 лет лежал с раздвинутыми в стороны и согнутыми в коленях ногами. Локти слегка отведены в стороны. Таз находился глубже верхней части костяка, что в целом определяет положение умершего в «позе роженицы».

Погребение 12 —парное, разрушено поздней ямой. Представлено нижними частями костяков двух взрослых индивидов, вероятно, мужчин. Ноги согнуты и обращены коленями влево, однако, судя по положению тазовых костей и позвонков, умершие были захоронены на спине с поднятыми вверх коленями. Погребение залегало на глубине 0,5 м от поверхности.

Погребение 13 слегка углублено в материк. Костяк женщины 30 лет лежал вытянуто на спине с руками вдоль туловища, головой на северо-восток. Голенные кости были уничтожены постройкой эпохи бронзы.

Погребение 14 выявлено в культурном слое на глубине 0,55 м от поверхности в виде отдельных костей скелета и черепа ребенка.

Погребение 15 выявлено в культурном слое на глубине 0,65 м от поверхности в виде черепа взрослого индивида.

Погребение 16 выявлено на глубине 0,6 м от поверхности в виде черепа и отдельных костей скелета подростка.

Погребение 17 — перезахоронение, включавшее два черепа мужчин, нижнюю челюсть женщины и фрагменты диафисов. Произведено, судя по компактности расположения, в «упаковке», выявлено в слое на глубине 0,7 м от поверхности.

Погребение 18 — парное, выявлено на уровне материка. Прослежено устройство

погребальной ямы, край которой обозначен выкидом на глубине 0,45 м от поверхности. Костяк мужчины (рост свыше 180 см) лежал на спине с сильно скорченными ногами и вытянутыми вдоль тела руками, с ориентировкой на северо-запад. Слева от него лежали череп и ноги женщины в анатомическом соответствии, однако неестественно большой промежуток от головы до ног и отсутствие каких-либо остатков других частей скелета заставляет предполагать захоронение женщины в расчлененном состоянии без туловища. Следы охры фиксировались по красновато-бурому оттенку костей.

Погребение 19 — парное, мужчины и женщины, выявлено на уровне материка в яме, край которой определялся выкидом. Костяки крупных размеров (190 и 180 см) лежали на спине с согнутыми и завалившимися влево ногами, с вытянутыми вдоль тела руками. Ориентированы на северо-запад. Женский костяк находился слева от мужского. Под черепом последнего найден нож на кремневой пластине, однако преднамеренность сопровождения им погребения не доказывается. Кости скелетов несут следы охры.

Погребение 20 выявлено на уровне материка. В слое прослеживаются контуры ямы. Костяк женщины высокого роста (около 175 см) лежал на спине с согнутыми и завалившимися вправо ногами, с вытянутыми вдоль тела руками, ориентирован головой на север.

Погребение 21 — парное, выявлено на глубине 0,82 м от поверхности. Костяки плохой сохранности лежали головами в противоположные стороны. Один из них находился на спине с вытянутыми руками и ориентирован на север — северо-запад. Позиция ног не определяется. Другой костяк находился скорченно на правом боку, руки у колен. Рост последнего едва ли превышал 145 см, но размеры черепа вполне соответствуют взрослому мужчине.

На площади могильника жертвенных площадок или следов тризны не прослежено.

Рассмотренные погребения (исключая фрагментарные) по территориальной локализации, положению и ориентировке умерших можно разделить на две группы.

Погребения первой группы (№ 1, 4, 18-21) тяготеют к юго-западному склону возвышения, размещены вдоль возвышения в одну линию, примерно через равные промежутки. Погребения, за исключением одного, принадлежат взрослым индивидам. Характерно, что три погребения этой группы — парные. Уровень залегания погребений приурочен к основанию культурного слоя поселения, но фиксировавшиеся края могильных ям уходили в слой на уровень третьего штыка (слой мощностью в среднем до 0,8 м соответствовал глубине четырех штыков). Следовательно, эти погребения совершались на месте уже существовавшего поселения, скорее всего в один из перерывов в его функционировании. Погребения характеризуются скорченным положением на спине с ориентировкой на северо-запад, безынвентарностью и отсутствием посыпки охрой, хотя некоторые костяки имеют буроватый оттенок. Отмечаются большие размеры костяков и визуальное единство антропологического типа, очень близкого европеоидам неолито-энеолитических могильников Днепровского Левобережья. Все в целом свидетельствует о несомненном культурно-хронологическом единстве погребений первой группы.

Признаки погребений второй группы (№ 5, 7-17) заметно отличаются от вышерассмотренных. Погребения локализованы в центральной части возвышения, в пределах ракушечной площадки. Соотношение их в плане менее системно, но все же можно фиксировать несколько их рядов поперек длинной оси возвышения. Ориентированы

погребения на восток — северо-восток. Большинство из них одиночные, характерно вытянутое положение на спине. Интересно, что более половины этих погребений принадлежали детям. Следов охры ни в одном случае не прослежено.

Локализация обрядовых групп могла вытекать из традиции обособления захоронений детей, предусматривавшей и особые формы обряда. Здесь же могли производиться и погребения лиц, занимавших особое место при жизни. В частности, именно так обстояло дело с мужчиной, захороненным в «позе роженицы» (как отражение обычая «кувады»). По этим соображениям погребения первой группы следовало бы рассматривать как принадлежащие только полноправным членам коллектива. Но, с другой стороны, в могильниках среднестоговско-хвалынского типа, аналогичных первой обрядовой группе, детские погребения размещались на общей площади по единым обрядовым признакам [4, с. 81; 5], а встречавшиеся вытянутые погребения чаще рассматриваются как более ранние [6]. Напомним, что и в первой группе Дронихинского могильника выявлено одно захоронение ребенка. Трудно было бы объяснить и причину помещения здесь захоронения карлика в «нестандартной» позе, явно отражающего особый прижизненный общественный статус. В целом более убедительным, на наш взгляд, является предположение об этнографическом или по крайней мере стадиальном несоответствии двух групп погребений Дронихинского могильника.

Хронологическое соотношение их в известной мере устанавливается по данным стратиграфии. Выше отмечалось, что одно из погребений первой группы было перекрыто ракушечной площадкой. Учитывая систему[1] планиграфии этих погребений, возможную только при наличии в древности внешних ориентиров, следует считать, что они производились без значительных хронологических интервалов еще до сооружения постройки.

Захоронения второй группы стратиграфически так или иначе соотносятся с постройкой, располагаясь или на ракушечном полу, или разрезая его, или же бывают перекрыты им без следов нарушения пола.

Таким образом, погребения второй группы совершались и позднее сооружения постройки, что в целом говорит о более позднем их возрасте относительно погребений первой группы.

Несмотря на то, что в слое поселения практически отсутствуют типы среднестоговской керамики, погребения первой группы по сумме признаков сопоставляются с могильниками именно этой культуры. Важно отметить, что вблизи парных погребений на Дронихинском могильнике выявлено ритуальное захоронение двух собак в яме конической формы с небольшим подбоем по периметру основания. Костяк крупной особи лежал на левом боку и ориентирован на север, а второй костяк небольших размеров располагался на задних конечностях первого. Это «парное» захоронение было перекрыто прослоем углей и золы, но, судя по отсутствию следов огня на самих костяках, угли появились здесь в остывшем состоянии. На уровне прослоя обнаружена крупная кремневая пластина со скошенным концом. Стратиграфически яма соответствует другим погребениям первой группы. Ритуальные захоронения собак известны прежде всего именно па памятниках среднестоговской культуры [5].

Вытянутые погребения второй группы находят соответствия в круге неолитических могильников евразийской лесостепи, а также в раннеэнеолитических могильниках типа Мариуполь-Съезжее. Но проступает и местное отличие: отсутствие охры, характерных украшений, жертвенных площадок. Отсутствие охры совсем нетипично и для неолитических могильников лесной зоны. Надо полагать, что погребения эти

[1] По предварительному определению В.П. Алексеева.

принадлежат своеобразной этнографической группе населения, сохранившей архаичные черты погребального обряда.

Таким образом, в рамках Дронихинского могильника присутствуют две разнокультурные группы погребений, обнаруживающие, в целом, обратный порядок хронологического соотношения тех обрядовых признаков, которые определяют этапы развития неолита — энеолита степной и лесостепной зон Восточной Европы.

Для установления абсолютного возраста погребений Дронихинского могильника известную роль могут сыграть только сравнительные данные их обрядовых признаков, поскольку бусы из детского захоронения вообще не имеют аналогий, а синхронность найденных с погребениями кремневых изделий и самих погребений не бесспорна при наличии культурного слоя с разновременным материалом. К вопросу о датировке памятника мы вернемся ниже в связи с возможностью синхронизации его с другим среднедонским памятником — Иванобугорским могильником.

Иванобугорский могильник (рис. 5-8) представляет собой редкий тип памятника, сочетающий обрядовые нормы ранних грунтовых могильников и традицию устройства курганной насыпи. Исследован нами в 1981 г. [7]. Курган, высотой 0,6 м над поверхностью, диаметром не более 16 м, как бы подчеркивал естественную округлость одного из участков, ограниченного с двух сторон овражными седловинами, на склоне высокого — около 30 м, правого берега р. Битюг, недалеко от с. Черкасское (Павловский р-н Воронежской обл.) (рис. 5, 6). С кургана открывается широкий обзор места слияния пойм Битюга и Дона и хорошо видна находящаяся в 2,5 км к западу Черкасская стоянка эпохи неолита-энеолита.

В кургане выявлено 35 погребений с остатками 42 умерших. Два безынвентарных погребения (№ 17 и 19) находились в скорченном положении на спине — по традициям древнеямной обрядовости. Сходна с ними по ряду признаков безынвентарная семейная усыпальница (три взрослых и младенец) в двухкамерной деревянной конструкции, где два взрослых — мужчина и женщина — были положены па спину с небольшой согнутостью ног (№ 29). Часть погребений (№ 1-4, 7, 11, 14, 15, 24, 33), совершенных в скорченном состоянии на правом или левом боку, иногда в сопровождении сосудов, а в одном случае — бронзовой привески, принадлежат местным катакомбной и срубной культурам. Еще одно захоронение девочки в вытянутом положении на правом боку, судя по сопровождавшему сосуду, — киммерийское (№ 23).

Другая же часть погребений совершена по иным обрядовым традициям. Умершие лежали вытянуто на спине в спеленутом состоянии, на что указывали плотно сведенные ноги и руки. Кисти рук иногда находились под тазом (рис. 7).

В целом памятник дал прекрасные примеры прямой стратификации захоронений. Так, скорченные захоронения на боку (№ 2; 15) располагались над вытянутыми погребениями. Скорченные захоронения на спине во всех трех случаях тоже перекрывали вытянутые погребения. В связи с этим совершенно очевиден более древний возраст последних.

Всего выявлено 18 ранних вытянутых погребений. Все они, за исключением одного, парного (№ 27), — одиночные. Они имеют прямое отношение к курганной насыпи. Во-первых, одно из погребений (№ 18) находилось в самой насыпи, а еще несколько (№ 5, 13, 25, 27, 28, 30) были едва впущены в погребенную почву, толщина которой не превышала 0,4 м. Во-вторых, наблюдалась определенная система устройства погребений вокруг центра кургана. Их радиальное размещение наиболее четко фиксируется у группы с ориентировкой па восток и юго-восток — самой многочисленной и, по нашему мнению, самой ранней. Такое заключение основано на

том, что во всех фиксируемых случаях они перекрыты или разрезаны вытянутыми погребениями с северо-восточной и северо-западной ориентировкой. Интересно отметить наличие четырех стратиграфических ярусов захоронений в центре кургана. Имеющиеся наблюдения позволяют считать, что различия в ориентировке вытянутых захоронений на данном памятнике отражают их хронологический характер. Можно выделить три группы: с ориентировкой на восток и юго-восток; с ориентировкой па северо-восток; с ориентировкой па северо-запад. Прямых свидетельств о хронологическом соотношении второй и третьей групп нет.

Некоторые же косвенные признаки (как, например, сопровождение двух из трех погребений третьей группы глиняными сосудами), сходная ориентировка с костяками в двухкамерной деревянной гробнице (верхний стратиграфический ярус), имевшими к тому же лишь слабую скорченность ног, — позволяют считать погребения третьей группы наиболее поздними.

Первая группа вытянутых погребений, как устанавливается, самая ранняя и прямым образом связывается с насыпью кургана. Остается открытым вопрос, какое из погребений было произведено первым и сразу ли верх насыпи служил исходным ориентиром для радиального размещения погребений. Возможно, что первоначально был возведен курган как своего рода святилище, а затем в готовую насыпь стали вводить погребения. Но можно также предположить, что насыпь сооружена над конкретным погребением. Им могло быть и погр. 31. Все погребения первой группы имеют разный уровень залегания, что отражает принцип устройства индивидуальных могил, хотя контуры погребальных ям зафиксированы лишь дважды (№ 8, 31). Первая имела прямоугольную форму с сильно заоваленными углами и была врезана в материковый песок на 0,52 м. Вторая имела узкоовальную форму, углублена в материк на 0,05 м. Следует, правда, отметить, что поглубинное размещение погребений первой группы, как и всех других, а также прослеженные формы ям не дают строгих признаков ритуального характера, а, скорее, связаны со сложностью их устройства в тяжелом грунте и не всегда в летний период. В целом плохая сохранность костяков лишь частично позволила провести их половозрастное определение: погр. 5 — мужчина 30-35 лет; погр. 8 — мужчина 35-40 лет высокого роста (около 2 м.); погр. 18 — мужчина 25-30 лет; погр. 20 — мужчина 25-30 лет; погр. 22 — девушка до 18 лет. Погребения, размещенные в юго-восточном секторе (№ 5, 13, 18, 20, 25, 30, 31), не имеют следов охры, угля или мела, а также безынвентарны. Лишь у костяка из погр. 31 у пояса с правой стороны находились раковинные бусы диаметром до 1,5 см в количестве 70 штук, а па запястье левой руки располагались также бусы, но меньшего диаметра — до 0,7 см в количестве 41 экз. Аналогичные перламутровые бусы сопровождали погр. 22 (северо-восточный сектор) в количестве 30 экз., располагаясь на черепе и под ним, что указывает на их принадлежность головному убору. Погребения в северо-западном секторе кургана (№ 10, 26) безынвентарны, но одно из них в области головы и груди посыпано красной охрой, а другое у таза и в ногах имело меловую посыпку. Несколько особняком и по расположению, и по ряду признаков выступает погр. 8. На полу ямы отмечались вкрапления охры, причем большой кусок охры лежал у правой голени умершего. Вблизи голени левой ноги находился круглый медный предмет диаметром до 4 см, полностью разрушившийся при извлечении.

Погребения второй группы (№ 6, 21, 27, 28), за исключением ориентировки, аналогичны рассмотренным. Слабая посыпка охры зафиксирована лишь у головы большего костяка в одновременном парном захоронении (№ 27). В материке прослежены контуры

удлиненно-овальной ямы погр. 21 (кисти рук умершего были положены на таз, что не характерно для других вытянутых захоронений), аналогичной яме погр. 31 первой группы.

Погребения третьей группы (№ 9, 12, 35) отличаются от предыдущих групп, помимо ориентировки, наличием сосудов (№ 9, 35) и захоронением ребенка — единственным среди вытянутых погребений. Ребенок в возрасте 2-3 лет лежал в небольшой округлой яме, углубленной в материк. Слева от черепа находился небольшой сосуд, а в заполнении ямы выше пола на 0,25 м был найден костяной однозубый гарпун с конической насадкой (рис. 8, 14). Сосуд (рис. 8, 15) коричневого цвета, сделан из плотного глиняного теста без видимой примеси. Снаружи хорошо сглажен, внутри сохранились следы штриховки. Сосуд остродонный, раздутый в средней части, имеет плавно отведенный короткий венчик с резким перегибом к тулову изнутри. Орнаментирован неровно-подтреугольными с уступчатыми основаниями «отступающими» ямками. На одном из придонных участков имеются короткие оттиски мелкогребенчатого штампа, обставленные в вертикальные и наклонные колонки.

Очень близок ему сосуд из погр. 9 (рис. 8, 16). Сосуд находился у правой голени умершего (мужчины почти двухметрового роста). В этом же погребении справа от таза лежала кость крупного животного, в ногах фиксировались органические остатки, у головы и туловища — охровая посыпка. Такое же расположение охры отмечено в погр. 12.

К данной группе погребений должно быть отнесено и перезахоронение (№ 33) — компактно лежавшие диафисы взрослого индивида и верхняя часть глиняного сосуда (рис. 8, 17). Сосуд, при определенном своеобразии, несомненно, близок сосудам из вышерассмотренных погребений. Он имеет те же технологические признаки, венчик изнутри резко изогнут при переходе к тулову, «решетчатый» штамп сплошь покрывает поверхность. Фиксируемое сходство позволяет относить сосуды, равно как и сопровождавшиеся ими захоронения, к одному культурно-хронологическому кругу. Интересно, что перезахоронение совершено в насыпи на небольшой глубине, выше погр. 17, сопровождавшегося охрой, угольками и фрагментами дерева от перекрытия и, судя по ориентировке, принадлежащего не к самым ранним ямным памятникам. Погребение тем не менее предшествует перезахоронению.

В целом же важнейшие обрядовые показатели говорят об этнокультурном единстве всех вытянутых захоронений памятника и вместе с тем об определенной длительности функционирования могильника, поскольку появление новых признаков (включая изменение ориентировки) требовало времени. Это же подтверждается и стратиграфически. Видимо, следует предполагать перерывы в использовании могильника, на что указывают случаи нарушения и перекрывания погребений из-за утраты внешних ориентиров.

Близки иванобугорским одиночные безынвентарные захоронения в челновидных ямах с легкой охровой окраской скелетов ряда днепро-донецких могильников, относимых к поздней хронологической группе [1, с. 4]. Индивидуальный характер имеют и многие погребения неолитических могильников лесных районов Евразии. С другой стороны, прием устройства курганов зародился в степном регионе и как правило сопровождался обрядом скорченных индивидуальных погребений [2, с. 15]. Хронологически устанавливается смена вытянутых захоронений скорченными в грунтовых могильниках, а затем и устройством курганных насыпей [8, с. 45]. Следовательно, Иванобугорский могильник включает стадиально разнородные признаки и тем самым обнаруживает свое этнокультурное своеобразие. Аналогичный синкретизм устанавливается для ряда вытянутых подкурганных погребений из памятников Нижнего

Поволжья, Нижнего Дона, Северского Донца, Поднепровья. Наиболее полное рассмотрение такого рода памятников было предпринято Н.Я. Мерпертом [9], а в последнее время — И.Ф. Ковалевой [10, 11]. Н.Я. Мерперт отводит им место в круге древнеямных памятников, но в то же время не исключает вероятности установления их энтокультурного своеобразия. Данная позиция особенно ясно проступает в признании, с одной стороны, обособленности и архаичности по своему стратиграфическому положению группы погребений бассейна Северского Донца [9, с. 50, 51], а с другой — в распределении их по различным ступеням стратиграфической лестницы скорченных ямпых захоронений Поволжья [9, с. 49].

В ряде статей И.Ф. Ковалевой, специально посвященных выяснению культурной принадлежности вытянутых погребений, наряду с исчерпывающим рассмотрением историографии вопроса, отстаивается тезис о принадлежности их группе населения с традициями обрядности мариупольской культурной общности и предложено называть их постмариупольскими памятниками [11, с. 53]. При этом они включаются в Волго-Днепровскую культурно-историческую общность эпохи энеолита, что, надо полагать, соответствует хвалынско-среднестоговской области, по терминологии И.Б. Васильева [8, с. 44]. Однако так называемые постмариупольские погребения не могут рассматриваться ни как единокультурные, ни как принадлежащие одному хронологическому периоду. Первое доказывается тем, что в комплексе признаков они обнаруживают явные отличия. И вполне закономерно И.Ф. Ковалева выделяет их днепровский ареал [10] с такими своеобразными проявлениями обряда, как положение умерших с развернутыми стопами, случаи кругового размещения могил вокруг ритуальных кострищ; присутствие изделий из каолина и розовой охры, особого типа керамики и т.д. Иванобугорские же погребения, за исключением расположения по окружности, не имеют перечисленных признаков и в большинстве своем не сопоставляются по ориентировке. Другими словами, вытянутые погребения под курганами Поволжья, Подонья и Поднепровья в культурном отношении не однозначны. Что касается их хронологической оценки, то в этом вопросе требуется отдельное рассмотрение погребений каждого конкретного района и конкретного памятника.

Для датировки первой и второй групп вытянутых погребений Иванобугорского могильника абсолютных критериев нет. Если же опираться на широкие сравнительные данные, то можно предполагать весьма древний возраст начала функционирования могильника. Во-первых, мелкие раковинные бусы известны в древнеямных захоронениях только первой хронологической группы [2, с. 18]. Во-вторых, не все ранние, а только вытянутые погребения с восточной ориентировкой и погребения второй группы Иванобугорского могильника по ориентировке соотносятся с ранними древнеямными погребениями и вытянутыми погребениями днепровского ареала. В-третьих, даже одно из погребений поздней (третьей) группы перекрывалось совершенным в ранних древнеямных традициях захоронением. Наконец, в-четвертых, многие исследователи, начиная с В.А. Городцова [12, с. 180], в обряде вытянутого положения справедливо усматривают значительный архаизм. Исходя из суммы приведенных данных и придерживаясь существующей хронологии энеолита Восточной Европы, начало функционирования Иванобугорского могильника можно было бы соотнести с ранними стадиями древнеямной общности — с концом IV — первой половиной III тысячелетия до н. э. [9, с. 45]. Однако рассмотрим этот вопрос с позиции хронологической оценки погребений третьей группы. Прежде всего, их сосуды при кажущемся архаизме, по аналогии занимают вполне определенное место в системе стратиграфии ближайшей к могиль-

нику Черкасской стоянки. Фрагменты сходных сосудов здесь выявлены на уровне 1-3 штыков (культурный слой исследован 10 штыками) [7], значительно выше залегания материалов нижнедонской (мариупольской области), среднестоговской культур и репинской культуры первого этапа [13], совместно с материалами ямно-катокомбного времени. Не менее показательно сравнение с сосудом, найденным при разрушении одного из участков левого берега Дона близ с. Желдаковки, примерно в 40 км от Черкасской стоянки. Он обнаруживает те же технологические признаке, почти тождественную сосуду из перезахоронения орнаментацию, но уже имеет плоскодонность [14, с. 19]. У такого типа керамики отсутствует специфический признак местной энеолитической посуды — растительная или раковинная примесь в тесте. Вместе с тем нельзя не усмотреть в ней некоторые черты преемственности от репинской гончарной традиции: утолщенность венчиков, резкий их переход в тулово изнутри. Но такие признаки, как сплошное размещение отступающих вдавлений или решетчатого штампа, находят аналогии в пережиточно-неолитических материалах Среднего Дона, а позднее проявления их фиксируются на ряде памятников Примокшанья [15, с. 66-73]. Время их бытования едва ли уходит глубже конца III тысячелетия до н. э. Появление плоскодонности тоже указывает на эту дату, поскольку заимствование такого рода шло, скорее всего, из среды ранних катакомбных культур. Другой признак — ориентировка погребений в северо-западном направлении — находит параллели в древнеямных памятниках Подонья, выделяемых нами во вторую обрядовую группу [16, с. 67]. Важно отметить, что в ряде случаев они, сохраняя древнеямные обрядовые черты, сопровождались теми же сосудами, что и среднедонские раннекатакомбные захоронения [17]. Выше уже отмечалось, что перезахоронению Иванобугорского могильника предшествовало ямное погребение с северо-западной ориентировкой. Наконец, можно сослаться па два вытянутых захоронения в курганах Сасовского могильника (правобережье Среднего Дона) [17]. Оба были основными под насыпями, ориентированы на юг. Одно из них сопровождалось небольшим яйцевидным сосудом с легким утолщением венчика и уплощенным донышком, орнаментированным рядами пальцевых защипов. Защипной орнамент в Подонье более всего характерен для катакомбного времени. В данном случае и ориентировка погребенных также связана с катакомбным влиянием. Эта параллель еще раз убеждает нас в длительном существовании па Среднем Дону традиции вытянутых захоронений, вплоть до рубежа III-II тысячелетия до н. э., а если провести линию к раннеабашовским погребениям [18], то и позднее. Определяя дату вытянутых погребений третьей группы Иванобугорского могильника концом III тысячелетия до н. э. (на основании синхронизации с ранней стадией распространения катакомбных культур), считаем, что и другие вытянутые погребения, несмотря на перерывы в функционировании могильника, вряд ли разделены большим хронологическим разрывом. Дело в том, что в своей основе вытянутому обряду захоронений должно соответствовать устройство грунтовых могильников. Курган как тип погребального сооружения представляет собой лишь один из заимствованных признаков новой погребальной обрядности, характеризуемой прежде всего скорченной позой умерших. Однако здесь полной замены обряда не произошло, хотя процесс этот, прослеживаемый на территории Поволжья, в основном завершился на первом хронологическом этапе дневнеямной общности [9], причем, по имеющимся предположениям, в этом процессе скорченная позиция умерших утвердилась раньше устройства курганов [8]. Аналогичный процесс отражен и в облике могильников среднестоговской культуры. Исходя из датировки третьей группы иванобугорских погребений, ясно, что на целое тысячелетие (со времени появления первых курганов) процесс

смены обряда растянуться не мог и, по логике вещей, значительную часть этого времени вытянутым захоронениям должны были сопутствовать грунтовые могильники. В ряде работ нами отмечалось сравнительно широкое распространение на поселениях Среднего Дона материалов репинской культуры, в формировании которой ведущая роль отводится носителям нижнедонской раннеэнеолитической культуры мариупольского круга [13, 16]. Было высказано и предположение о преемственности погребального обряда — грунтовых могильников с вытянутой позицией умерших. Это предположение в известной степени нашло отражение в облике грунтового могильника на площади поселения Мосоловского эпохи поздней бронзы (среднее течение Битюга, примерно в 40 км выше Дронихинского могильника). Он включал три захоронения взрослых индивидов на спине (позиция ног не определялась) с южной и юго-восточной ориентировкой [19]. Охра и инвентарь отсутствовали, но рядом с плечом одного Из костяков находился обломок типичного репинского сосуда[1].

Наиболее ранние памятники древнеямного населения на Среднем Дону — подкурганные захоронения с восточной и северо-восточной ориентировкой — в целом, на основании металлических изделий майкопского типа, датируются не ранее середины III тысячелетия до н. э. [16, с. 67]. Видимо, не ранее этого времени сооружена насыпь Иванобугорского могильника. Еще раз отметим, что помимо обрядовости даже в сосудах его прослеживаются репинские черты.

Все вышеизложенное дает основание относить ранние вытянутые иванобугорские захоронения к репинской культуре позднего периода, с восприятием древнеямной традиции устройства курганной насыпи. Ко времени распада этой культуры, включившей более или менее сильное влияние традиций пережиточного неолита, ямного и раннекатакомбного мира, могут быть отнесены вытянутые погребения третьей группы. В целом же памятник в соответствии с существующими хронологическими разработками датируется второй половиной III тысячелетия до н. э. Вместе с тем нельзя не согласиться и с отнесением в пределах территорий наиболее ранних вытянутых подкурганных захоронений к концу IV — началу III тысячелетия до п. э. [9, 10]. Можно считать, вслед за И.Ф. Ковалевой, что обряд вытянутых захоронений для большинства из них, включая и среднедонские, ведет начало от круга культур мариупольской области, и в широком смысле все они действительно постмариупольские. Однако, как вытекает из данных Иванобугорского могильника, вытянутые захоронения хронологически оказываются за пределами и первого, и второго этапов развития энеолита восточноевропейской лесостепи и степи, и принадлежали разным этнокультурным группировкам.

Вновь обращаясь к Дронихинскому могильнику, можно, видимо, провести определенную культурно-хронологическую параллель между его второй обрядовой группой и первой-второй группами вытянутых погребений Иванобугорского могильника. Общность проявляется как в положении умерших и их ориентировке, так и в почти полном отсутствии охры. Отметим, что в культурном слое поселения Дрониха встречены отдельные фрагменты сосудов репинского и «пострепинского» типа — из плотного теста, с желобчатыми венчиками и решетчатым штампом (рис. 9, 2-6). Не исключено, правда, что дронихинские вытянутые погребения второй группы оставлены населением репинской культуры на ее первом этапе развития, и в таком случае их дата может уходить и в первую половину III тысячелетия до н. э. Более определенно к этому времени относятся погребения первой обрядовой группы памятника.

Устанавливаемая для среднедонских могильников «нестандартность», неподчи-

[1] С материалом автора ознакомил В.И. Сагайдак в 1972 г.

ненность стадиальной последовательности смены основных обрядовых признаков в энеолитическую эпоху отнюдь не снижает значения главного направления в разработке периодизации этой эпохи па основе выявления общих тенденций исторического процесса. Но при этом рассмотренные наблюдения должны быть приняты во внимание с тем, чтобы при широких культурно-хронологических обобщениях в большей степени учитывались исторические особенности и этнографическая специфика населения каждого конкретного района.

ЛИТЕРАТУРА

1. Телегин Д.Я. Могильники днепро-донецкой неолитической культуры и их историческое место.— СА, 1968, № 1.
2. Мерперт Н.Я. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы. — В кн.: Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
3. Синюк А.Т. Раскопки экспедиции Воронежского пединститута в 1980 году. — АО-1980. М., 1981.
4. Телегин Д.Я., Филенко О.С. Могильник среднестоговской культуры в Днепровском Надпорожье. — СА, 1982, № 1.
5. Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский могильник и его место в энеолите Восточной Европы. — В кн.: Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1979.
6. Телегін Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді. Київ: Наук. думка, 1973.
7. Синюк А.Т. Отчет о раскопках экспедиции Воронежского пединститута на Левобережье Среднего Дона в 1981 году. — Архив ИА АН СССР; р-1, № 8536, 8536а.
8. Васильев И.Б. Энеолит Лесостепного Поволжья. — В кн.: Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
9. Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
10. Ковалева И.Ф. Вытянутые погребения Днепровского ареала Волго-Днепровской культурно-исторической общности эпохи энеолита. — В кн.: Курганные древности степного Поднепровья III-I тыс. до н. э. Вып. 3. Днепропетровск, 1979.
11. Ковалева И.Ф. К вопросу о культурной принадлежности вытянутых подкурганных энеолитических погребений. — В кн.: Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск: Изд, ДГУ, 1980.
12. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде. — Тр. XII АС, 1903, т. I.
13. Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона. — СА, 1981, № 4.
14. Афонюшкин В.А. Сосуд из села Желдаковки. — Тр. Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 1. Воронеж, 1960.
15. Степанов П.Д. Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокши. — КСИИМК, 1955, вып. 59.
16. Синюк А.Т. Энеолит Лесостепного Дона. — В кн.: Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
17. Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1983.
18. Синюк А.Т., Килейников В.В. Курган у села Введенки на Дону. — СА, 1976, № 1.
19. Сагайдак В.И. Отчет о работе Левобережного Донского отряда экспедиции Воронежского университета в 1972 году. — Архив ИА АН СССР, р-1, № 4777.

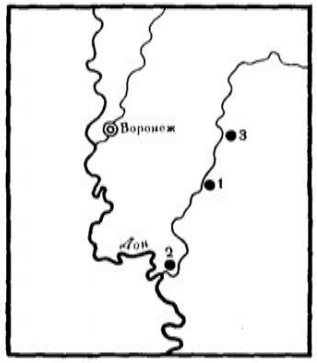


Рис. 1. Местонахождение могильников: *1* — Дронихинский могильник; *2* — Иванобугорский могильник; *3* — Мосоловский могильник

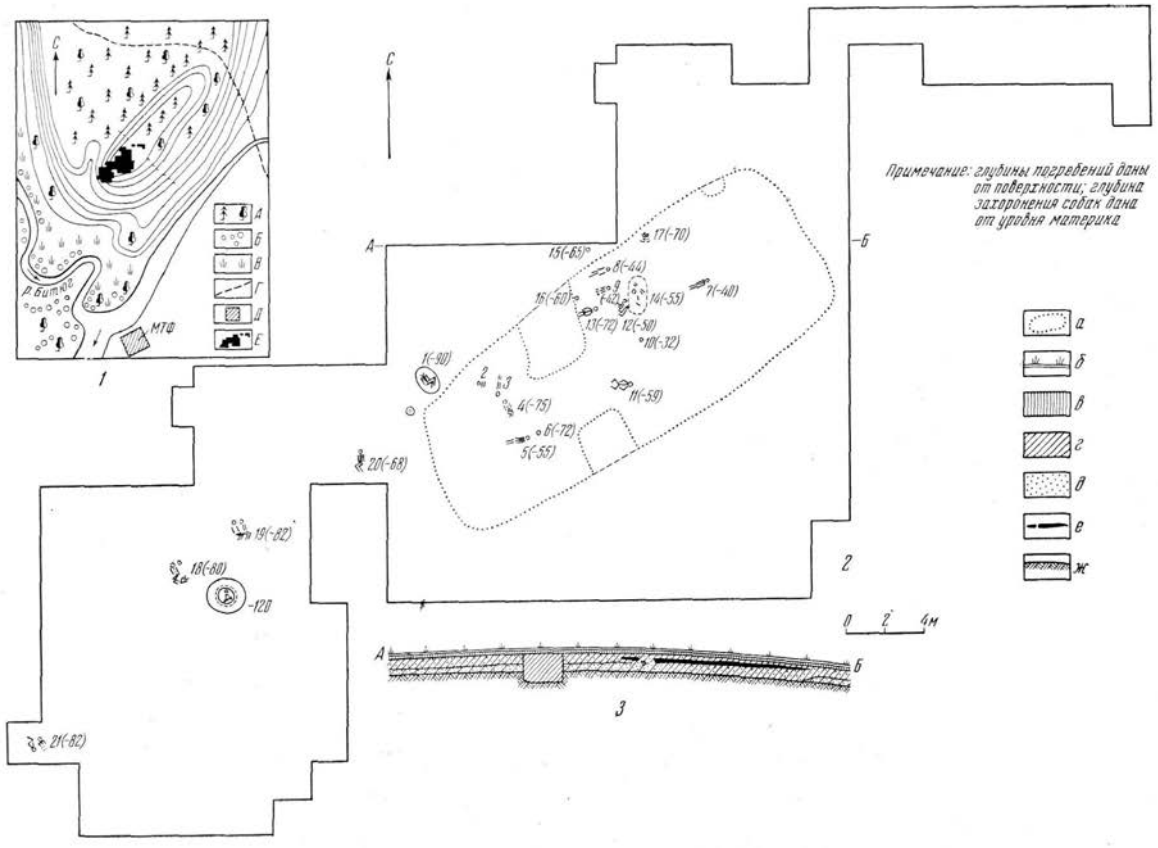


Рис. 2. Дронихинский могильник: *1* — глазомерный план (*А* — деревья; *Б* — кустарник; *В* — луг; *Г* — грунтовая дорога; *Д* — современные постройки; *Е* — раскопы); *2* — план расположения погребений; *3* — профиль наслоений памятника по линии А — Б. *а* — контуры ракушечного пола постройки; *б* — дерновый покров; *в* — аллювиальные наслоения; *г* — чернозем; *д* — песок; *е* — ракушечный слой; *ж* — материк

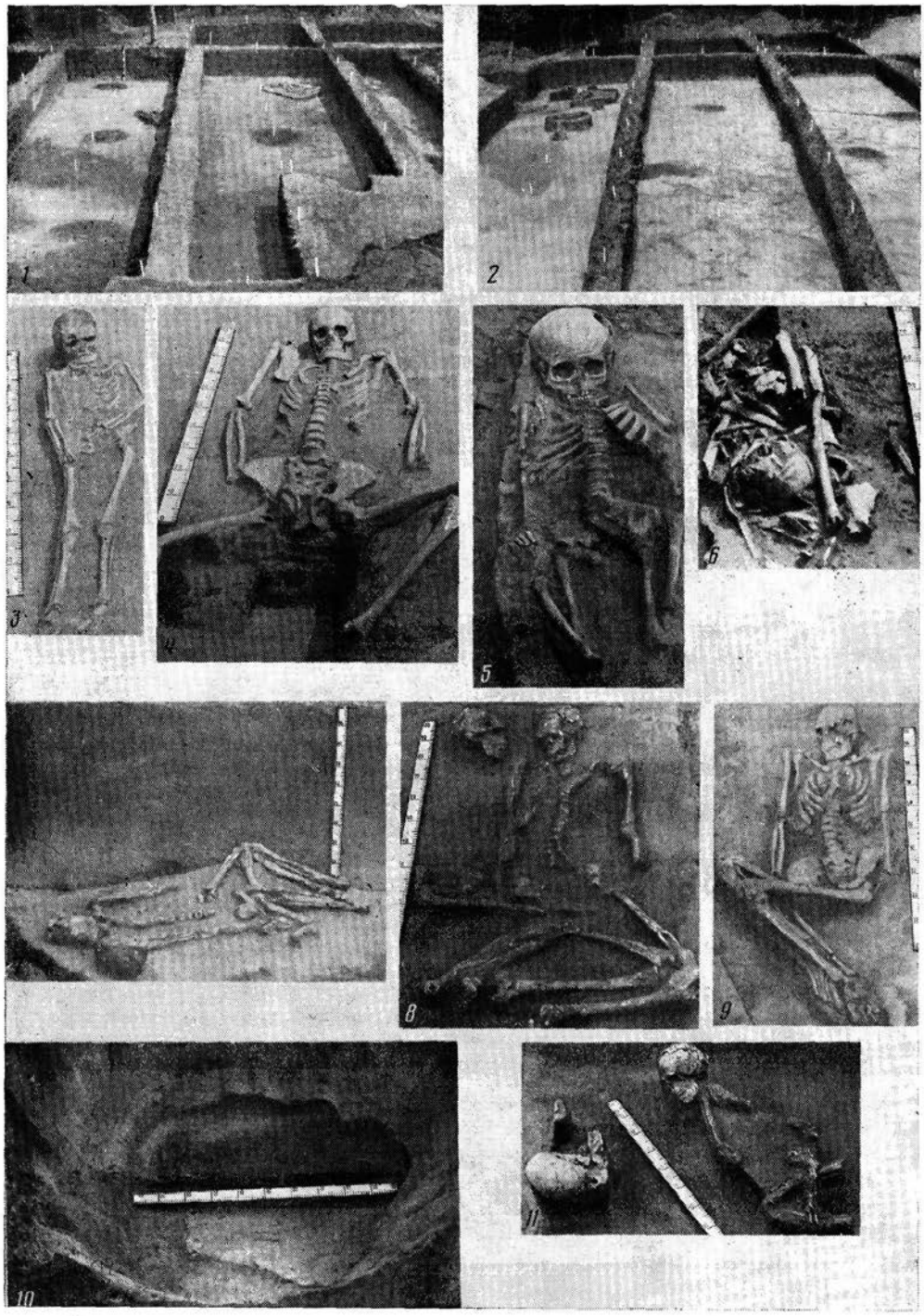


Рис. 3. Дронихинский могильник: *1* — западный участок раскопа; *2* — восточный участок раскопа; *3* — погр. 7; *4* — погр. 11; *5* — погр. 9; *6* — погр. 17; *7*, *8* — погр. 19; *9* — погр. 20; *10* — ритуальное захоронение собак; *11* — погр. 21

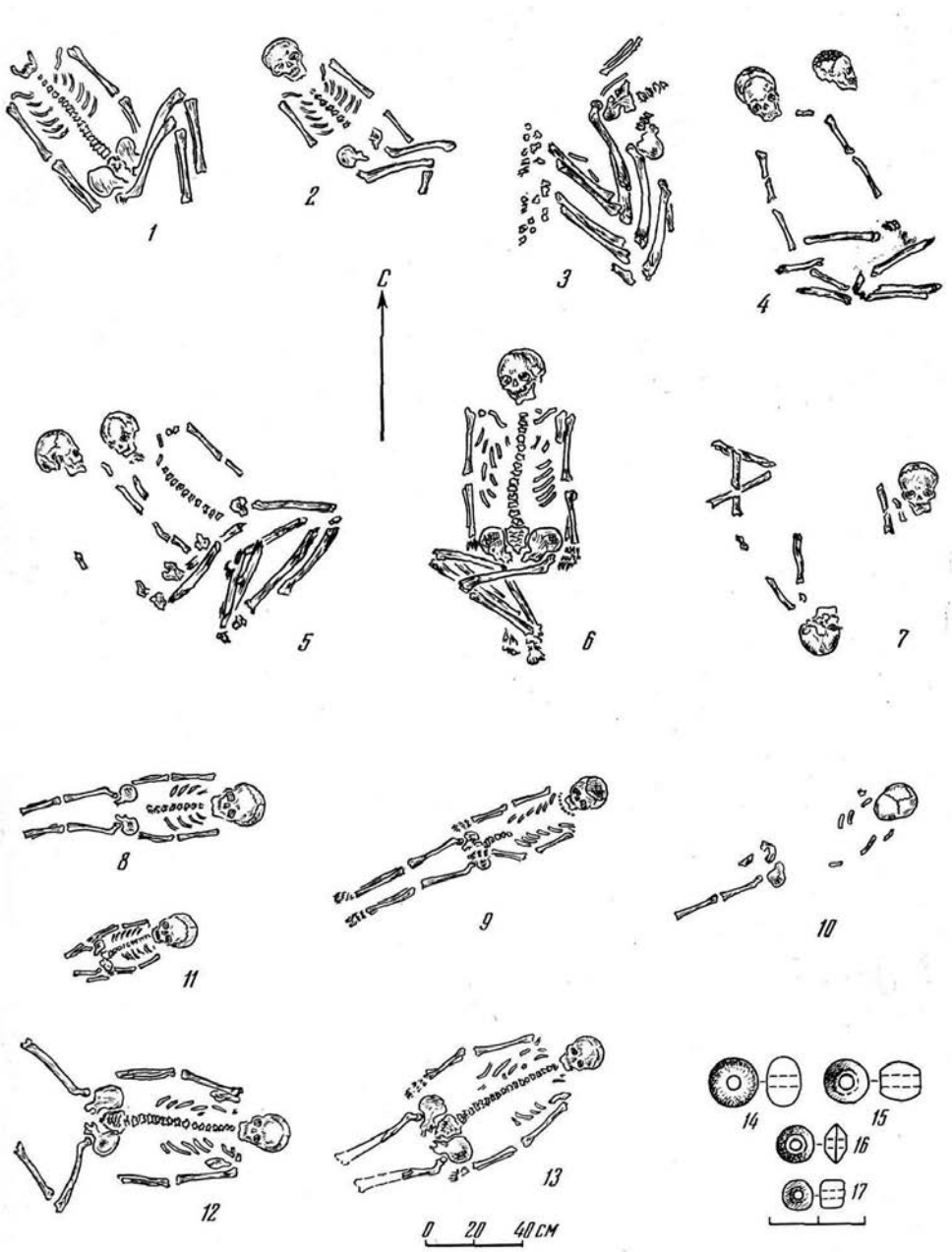


Рис. 4. Дронихинский могильник: *1* — погр. 1; *2* — погр. 4; *3* — погр. 12; *4* — погр. 18; *5* — погр. 19; *6* — погр. 20; *7* — погр. 21; *8* — погр. 5; *9* — погр. 7; *10* — погр. 8; *11* — погр. 9; *12* — погр. 11; *13* — погр. 13; *14—17* — пастовые бусы из погр. 7

1985

СТОЯНКА МОНАСТЫРСКАЯ-I КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ВЫДЕЛЕНИЯ МЕЗОЛИТА И ПЕРИОДИЗАЦИИ НЕОЛИТА НА СРЕДНЕМ ДОНУ

Археологические памятники на европейской территории СССР. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 1985. С. 15-30.

До недавнего времени на Среднем Дону отсутствовали источники для изучения мезолита, ввиду чего приходилось констатировать пробел в наших знаниях по истории этого региона протяженностью в несколько тысячелетий (от позднего палеолита вплоть до неолитической эпохи). Делалась, правда, попытка выделить в Подонье поздний мезолит путем типологического отбора кремневых изделий на неолитических стоянках [1]. Но, как стало очевидно в дальнейшем, материалы с аналогичными признаками сопутствуют керамическим комплексам раннего и даже развитого неолита [2], и, следовательно, такой мезолит предполагал к себе весьма и весьма осторожный подход.

Имеющиеся же источники для освещения неолита достаточно многочисленны, но не во всех аспектах равнозначны. Так, в частности, периодизация среднедонской неолитической культуры основана пока исключительно на статистико-стратиграфических показателях многослойных памятников, каждый из которых представлял группу широко рассеянных во времени сезонных стойбищ. Более обоснованным выводам по данному вопросу могли бы способствовать, прежде всего, комплексы материалов с однослойных памятников, которые до последнего времени на Дону не удавалось обнаружить.

Проблема эта еще будет оставаться до тех пор, пока не появится необходимое число такого рода источников. Но началом к ее решению, как и к решению вопроса о позднем мезолите среднедонской территории, можно считать результаты раскопок стоянки Монастырской-1, проведенных в 1982-1983 гг. экспедицией Воронежского пединститута.

Памятник расположен на оконечности песчаной надпойменной террасы, вытянутой с запада на восток между руслами рек Битюга и Тойды, в 2,5 км ниже села Старая Тойда Аннинского района Воронежской области. На противоположном, восточном конце террасы некогда стоял монастырь, разрушенный еще задолго до революции. Однако местные жители сохранили о нем память и урочище это называют «Монастырем». Данный топоним принят и нами для обозначения трех выявленных на террасе древних стоянок с соответственной порядковой нумерацией [3]. Высота террасы едва достигает трех метров, площадь ее находится под сосновыми посадками, но оконечность, где расположен интересующий нас памятник, свободна от посадок и задернована (рис. 1, 5). Общая исследованная площадь составила 336 м^2. Раскопкам подверглись участки от подошвы террасы до ее наибольшей поднятости. Стратиграфия памятника единообразна на всех участках раскопов и проста: легкий супесчаный аллювий под слоем дерна (толщиной 3-5 см). Мощность надматериковых отложений — до 1 м. Аллювий визуально делится на две части: верхнюю, темную и нижнюю, белее светлую, едва отличимую от материкового песка. Толщина темной части супеси варьирует в пределах 0,5-0,7 м. Толщина нижней части, соответственно — 0,3-0,5 м (рис. 1, в).

Памятник исследовался послойно (пять слоев по 0,2 м каждый). Материальные

остатки — неолитическая керамика и каменные изделия — встречались на всей глубине наслоений. На площади раскопа 1 в темной части супеси содержались также материалы эпохи бронзы и раннего средневековья. В данной работе нами рассматривается только ранний, добронзовый материал памятника. В результате планиграфического фиксирования находок удалось установить, что, во-первых, основное скопление каменных изделий и отходов каменного производства не совпало с наибольшим скоплением керамики (рис. 1, в), а, во-вторых, насыщенность слоя культурными остатками добронзового периода оказалась весьма слабой: менее четырех единиц с квадратного метра на всю толщину слоя. Но именно эти два обстоятельства явились весьма существенными для культурно-хронологической интерпретации памятника, о чем будет говориться ниже, а в целом они же придали своеобразный типологический облик памятнику, не похожий на большинство известных неолитических стоянок Подонья. В связи с этим отметим и такую его особенность как преобладание каменных находок над фрагментами керамики (665 единиц против 396). Обычно же на донских памятниках керамический материал неизмеримо преобладает.

Основное количество каменных изделий и отходов их производства концентрировалось на верхнем участке раскопа 1, образуя относительно компактное скопление, а более массовое размещение керамики приходится на пониженный участок. При этом каменные находки преобладали в 4-ом слое (54%), тогда как абсолютное большинство керамики (около 60%) приходится на третий слой. Различие будет тем нагляднее, если учесть, что даже в вышележащем, 2-ом слое, керамики содержалось больше, чем в 4-ом, совместно о каменными изделиями. Приведенные планиграфические и статистико-стратиграфические показатели позволяют сделать важный вывод о том, что каменные изделия в определенной своей части должны предшествовать появлению керамики на памятнике. Отметим также, что керамический материал стоянки по воем признакам однороден, а его очень небольшое количество на памятнике вообще, говорит о краткосрочном существовании здесь неолитической стоянки, явно однослойной для данной эпохи (попадание керамики, как и каменных изделий в вышележащие слои объясняется, проще всего, строительными мероприятиями в период эпохи бронзы и раннего средневековья, а в известной степени, и естественным смещением материалов в условиях легкого песчанистого грунта).

Другими словами, здесь впервые для многослойных памятников Среднего Дона удалось на основе коррелирующихся планиграфических и поглубинных величин вычленить, или, по крайнее мере, говорить о существовании докерамичеокого комплекса каменных изделий.

Но прежде обратимся к керамике стоянки. Она характеризуется относительной тонкостенностью, плотным тестом, где лишь в единичных случаях добавлялась органическая примесь. Лепка сосудов производилась ленточным способом, при котором нижний край ленты накладывался на нижележащую ленту изнутри, а верхние, таким образом, всегда оказывался снаружи, то есть фиксируется только косая стыковка лент (рис. 2, 7, 10). При обработке поверхностей сосудов образовывалась мелкая, часто беспорядочная штриховка, но затем внешняя сторона еще раз дополнительно сглаживалась вплоть до лощения. Обжиг костровой, но достаточно сильный и равномерный, ввиду чего внешние стороны, а нередко и внутренние, приобретали коричневый цвет разных оттенков.

О формах сосудов дают представление пять неполных развалов, около двух десятков фрагментов венчиков и несколько днищ. Верх сосудов непрофилирован, господствует форма цилиндростенных сосудов с относительно плавным переходом к острому днищу (рис. 2; 3, 1, 5), но есть и сосуды конические (рис. 3, 2, 6, 9). Диаметры сосудов — от 10 до 30 см. При единстве технологии и формы, сосуды наделены еще одним общим признаком: орнамент у всех их, за исключением двух-трех случаев, выполнен в отступающей, накольчатой манере. Наколы различного вида, от мелких

треугольных до крупных ямчатых. Если последним даже придать статус самостоятельного орнаментального элемента, то остальные виды наколов украшают более 85% всей керамики. Свыше 60% ее покрыты накалами треугольной формы (рис. 2, 2, 3, 4, 8, 10, 11; рис. 3, 5, 6). Далее идут скобочные (рис. 2, 1, 5; рис. 3, 3, 9), трапециевидные (рис. 2, 7), спаренные (рис. 2, 6), зубчатые (рис. 3, 8, 10), «фигурные» (рис. 3, 7), округлые (рис. 3, 4). Нередка взаимовстречаемость различных видов наколов (рис. 2, 1, 5, 6; рис. 3, 1, 3).

Интересно отметить, что все их многочисленные виды создавались вдавлением поставленного под разным углом и поворотом конца одного и того же орудия. Так, при более глубоком нажиме «стиля» спаренные наколы преобразуются в скобки (рис. 2, 6; рис. 3, 1); одним орудием наносились треугольные и скобочные наколы (рис. 2, 3; рис. 3, 3), а также и ямчатые вдавления. Тем самым фиксируется культурно-хронологическое единство всех видов наколов, а их разнообразие выступает как яркая специфика керамики среднедонской неолитической культуры.

Сравнительно небольшая часть керамики покрыта округлыми наколами, которые более всего характерны для восточных и юго-восточных районов обитания племен с накольчатой керамикой. Обязательным признаком сосудов стоянки являются ямки под венчиком в один горизонтальный ряд. Они округлые, глубокие, образуют на внутренней стороне «жемчужины». Иногда они наносились в «отступающей» манере (рис. 2, 5, рис. 3, 1). Накольчатый элемент почти втрое чаще наносился раздельно, нежели в густую строчку. Нередко встречается их сочетание. Орнамент наносился по всей поверхности сосуда. Иногда им украшались срез венчика (примерно на 20% сосудов) и даже поверхность его изнутри (рис. 1, 8). В целом мотив орнаментации тяготеет к горизонтальной зональности, а композиционные построения несут прямолинейно-треугольный геометрический характер. Реже встречаются сложные узоры (рис. 2, 10; рис. 3, 2), а волнистый орнамент единичен (рис. 3, 4).

Отметим еще раз, что в отношении поглубинного размещения керамика стоянки не имеет никаких различий и представляет собой единовременный однокультурный комплекс. Чрезвычайно важно в связи с этим указать на материалы расположенной поблизости неолитической стоянки Дрониха, где наряду с накольчатой, имеются группы гребенчатой и прочерченной керамики, а на соседней стоянке Монастырокой-2 преобладает керамика с прочерченным орнаментом, тогда как на рассматриваемом памятнике прочерченный элемент встречен на одном фрагменте, а гребенчатый — на трех, что, практически, не разрушает единства керамического комплекса.

Обращаясь к каменному материалу стоянки, отметим, прежде всего, одну важную особенность: свыше 40% его — кварцитовый, остальная часть — кремневая. При этом и по способу производства, и типологически все орудия идентичны. Отметим также, что и планиграфически, и в поглубинном размещении кремневые и кварцитовые находки также не различаются. Ввиду этого вполне приемлемо определение каменной индустрии, представленной на памятнике, как кремнево-кварцитовой, что является чертой сугубо местной, донской.

Основной же признак каменного инвентаря стоянки — подавляющее преобладание орудий на пластинах: нуклеусы для производства пластин, пластины, их сечения и орудия на пластинах составляют более 88% от всего количества.

В комплекс орудий, наряду с изделиями типичного облика, нами включены пластины и их сечения как со специальной подработкой, так и без нее, поскольку все они находились в производстве в качестве вкладышей. В такой наборе орудия составляют около 30% к 70% отходов производства.

Пластинчатая техника несёт явно микролитоидный характер, что в немалой степени отражается типами нуклеусов (15 экз.) и сколов с них (рис. 4, 1-9). Преобладают клиновидные нуклеусы с ровной площадкой (рис. 4, 1-3, 6, 9) и косоплощадочные (рис. 4, 5). Есть нуклеусы с двумя (рис. 4, 7) и более ударными площадками. Некото-

рые из нуклеусов, судя по забитости граней, использовались в качестве ретушеров. Большинство пластин имеет ширину менее 1 см. Средние и крупные пластины и их сечения немногочисленны. Целых пластин в составе инвентаря вообще мало. Чаще они имеют усеченность дистального конца или конца с ударным бугорком. Еще чаще пластины представляют собой разной длины медиальные сечения (рис. 4, 15-27, 29, 34). Некоторые из них получили геометрические формы, приближенные к трапециям (рис. 4, 36-44, 52, 53), но без специальной подработки боков. Правда, здесь выявлены и две типичные трапеции, одна — средних пропорций, сделана на кварците (рис. 4, 51); другая, что особенно интересно, «рогатого» типа — с обработанной мелкой ретушью выемкой по верхнему краю (рис. 4, 35). Сделана она на кремне. Отметим, что и еще целый ряд трапециевидных сечений имеет характерную выемчатую сработанность верхнего края (рис. 4, 36-38). В коллекции имеется сечение пластины о притупленным ретушью краем (рис. 4, 48) и две усеченные пластины с нерегулярной подработкой ретушью со стороны спинки и брюшка (рис. 4, 13). Имеются сечения пластин, морфологически напоминающие параллелограмм (рис. 5, 4). Интересно отметить группу орудий со скоблевидными выемками, в том числе и на торцах пластин (рис. 5, 16, 17). Мелкие пластины чаще хорошо огранены. Более крупные, как правило, имеют неровные края, подправленные со стороны спинки нерегулярной мелкой и лишь в единичных случаях — относительно крупной и более плоской ретушью (рис. 5, 23, 24). Интересна одна из пластин с выделенной путем подработки ретушью «головкой» на дистальном конце (рис. 4, 11). Можно отметить несколько орудий на пластинах, морфологически близких пластинам со скошенным концом (рис. 5, 1-3). Типичных же резцов в коллекции нет, хотя одна мелкая пластина и два пластинчатых отщепа имеют резцовые микросколы на углах (рис. 4, 18).

Орудия на отщепах, как уже говорилось, очень малочисленны. Это, прежде всего, «выемчатые» орудия — скобели (рис. 5, 18-21) и скребки (рис. 5, 12-13), а также орудия режущего типа (рис. 5, 20, 22). Лишь два изделия несут по участку круглого лезвия плоскую крупнофасеточную отжимную ретушь (рис. 5, 22).

Наконец, весьма своеобразны два орудия с зубчатым оформлением краев (рис. 5, 14, 15).

В завершение описания каменного материала стоянки отметим находки кремневого тесла со следами шлифовки по лезвию (рис. 5, 25), а также сланцевого «утюжка», лезвийной части сланцевого тесла и несколько абразивных камней, которые, впрочем, могли принадлежать и эпохе бронзы.

Общие сведения о типах каменных орудий и их поглубинном размещении можно отразить таблицей:

Таблица 1.
Каменный инвентарь стоянки Монастырской-1.

Типы	Слои					
	I	II	III	IV	V	всего
1. Микронуклеусы						
а) клиновидные с ровной площадкой		1	1	5		7
б) косоплощадочные		1	2	2		5
в) многоплощадочные			2	1		3
г) сколы с нуклеусов		5	10	7	2	24
2. Пластины, сечения, орудия на пластинах						
а) целые		1	10	6		17
б) сечения, вкладыши	1	9	44	68	6	128
в) пластины с подработкой брюшка			1			1
г) с притупленным краем					1	1

д) орудия со скошенным концом		1	3	8		12
е) трапеции обычные			1			1
ж) «рогатые»				1		1
з) сегментовидные орудия			1	1		2
и) параллелограммы				1		1
3. Боковые микрорезцы			1	1	1	3
4. Орудия со скоблевидными выемками		1	3	7		11
5. Скребки концевые		1	5	8		14
6. Скребки на отщепах		1		1		2
7. Микроскребки с двусторонней обработкой			1		1	2
8. Орудия зубчатые				1	1	2
9. Сверла				1		1
10. Резаки на отщепах	1		2	1	1	5
11. Утюжки			1			1
12. Отщепы, сколы, чешуйки	10	40	119	229	23	421
ВСЕГО:	12	61	207	349	36	665

Обратим внимание, что в основании слоя найдены пластины с притупленным краем, боковой микрорезец, зубчатое орудие, резак на аморфном отщепе. К основанию же слоя (4-й слой) тяготеет залегание клиновидных, микронуклеусов с ровной ударной площадкой, скобелей, орудий со скошенным концом на обломках пластин. Здесь найдены также «рогатая» трапеция, сегментовидный вкладыш, сверло и зубчатое орудие. Думается, что именно эти изделия, с микролитическими пластинами и их сечениями в целом, представляют раннюю группу каменного инвентаря стоянки. Но одновременно мы должны признать близость этой группы инвентаря с той частью, которая сопутствовала керамическому комплексу памятника: наряду со шлифованными орудиями — те же микронуклеусы, пластины-вкладыши, трапециевидные сечения (включая типичную трапецию), те же миниатюрные концевые скреби, столь же единичные микрорезцы. В целом, в виду почти полного отсутствия орудий с двухсторонней обработкой и самого приема обработки плоской отжимной ретушью, можно считать, что, они не присущи культуре с накольчатой керамикой Подонья, где продолжают сохраняться традиции изготовления орудий на пластинах (и редко — на отщепах) путем нанесения мелкой крутой краевой ратуши, а также широкого использования вкладышевой техники при сохранении в целом микролитоидного облика инвентаря. Такая преемственность со всей очевидностью отражает генетическое родство населения, оставившего на памятнике два разновременных, на наш взгляд, комплекса материалов.

Ранний из них — подавляющая часть кремневых находок — сопоставляется с материалами позднемезолитического облика, а второй, включая керамику, должен быть отнесен к первому этапу местного неолита. Следовательно, в культурном определении первой части инвентаря находится ключ к разрешению вопроса о происхождении неолитической культуры лесостепного Дона.

Очень важно отметить, что к настоящему временя на этой территории имеется уже несколько памятников (рис. 1, а), материалы которых тождественны каменным изделиям рассматриваемой стоянки. Так, в частности, бескерамические комплексы выявлены по р. Толучеевке [4], по р. Потудани близ с. Аксеновки [5]; обособленные планиграфически от скоплений керамики участки с каменным инвентарем выявлены по р. Савале [5] и по р. Вороне, близ д. Шапкино [6], а также на донском поселении Верхний Карабут [7]. Обращает на себя внимание то, что отмеченные пункты широко рассеяны на территории, где группируются и стоянки среднедонской неолитической

культуры.

Материалы названных пунктов характеризуется безраздельным господством микропластинчатой техники, представленной одноплощадочными нуклеусами, сечениями-вкладышами, концевыми микроскребками, пластинами со скоблевидными выемками и т.д. Орудий с двусторонней обработкой нет. Ретушь встречена только краевая, крутая.

Бытовавшее до сих пор предположение о близости таких материалов позднемезолитическим комплексам Поднепровья [1; 8, с. 160-164] не подтверждается при сравнении. Нет сходства также ни с памятниками донецкой микро-макролитической культуры [8, с. 179-185], ни с позднемезолитическими стоянками типа Моспино в Донбассе [8, с. 122-126]. Другими словами, микролитические комплексы Среднего, Дона не находят безусловных прототипов не в Азово-черноморской позднемезолитической культурной области, ни в области более северных микро-макролитических культур.

В этом отношении предпочтительнее линия сравнения с восточными и юго-восточными от Дона территориями, среди которых, правда, сразу следует исключить Среднее Поволжье и Южный Урал, где сохраняется традиции изготовления резцов [9; 10], северо-восточное Приазовье и ряд районов Средней Азии, в том числе восточное побережье Каспия, где наряду с резцами широко представлены геометрические орудия [11; 12; 13; 14]. Но именно в юго-восточных пределах, в которых позднее распространилась кельтеминарская культурно-историческая область, есть микролитические комплексы и без резцов, и без геометрических орудий [15, с. 24; 16; 17]. Вероятно, связующим звеном может служить северо-восточный Прикаспий, на ряде памятников которого тоже решительно преобладает микроиндустрия, исключительно концевые скребки и лишь в единичных экземплярах встречаются геометрические вкладыши, а резцы отсутствуют, и т.д. Важно, что исследователи прослеживают сходство прикаспийских памятников типа Бекбеке I с индустрией мезолита Средней Азии [18, с. 275; 17, с. 164], Проводя такую линию сравнения, мы еще раз обращаем внимание на находку в Подонье «рогатой» трапеции — характерных именно для ряда районов Средней Азии [17, с. 162-163]. Кстати, такие изделия встречены и в лесостепном Заволжье [19, с. 5, 230; 20, с. 180], как бы показывая маршрут продвижения древних переселенцев на северо-запад. В связи с этим весьма интересным является высказанное в литературе предположение о тем, что одно из крупных передвижений населения в Средней Азии могло проходить именно в конце мезолита [17, с. 161-162].

Учитывая, что донским комплексам не сопутствуют ранняя кельтеминарская керамика, как и кельтеминарские наконечники стрел, время их появления, по аналогии, можно определять концом VI — первой половиной V тысячелетия до н.э. [17,с. 164; 21, с. 107]. Исходя же из культурного единства каменного инвентаря стоянки Монастырская-1 в целом, полагаем, что и керамика здесь появилась спустя незначительный промежуток времени, скорее всего не позднее первой половины V тысячелетия до н.э. А в связи с этим она, наряду с типичными признаками каменного инвентаря стоянки, может лечь в основу выделения первого этапа среднедонской неолитической культуры.

Наиболее зримой гранью, отражающей начало второго этапа развития этой культуры, служит появление в керамике таких признаков, как колоколовидная форма, профилирующийся венчик, ямочная и гребенчатая орнаментация, представленных на других стоянках Подонья. Такого рода новации, не игравшие, правда, определяющей роли в местном гончарном производстве, связаны о распространением в северной части лесостепного Дона рязанско-долговской культуры [22] и в целом с расширением контактов с северным и северо-восточным неолитическим миром, что произошло не позднее середины IV тысячелетия до н.э. [23, с. 36; 24, с. 58].

Таким образом, результаты раскопок стоянки Монастырской-1 позволяют более определенно говорить о мезолитической эпохе на Дону и подводят к решению вопроса о генезисе среднедонской неолитической культуры. Одновременно уточняется содержание и хронологические рамки первого этапа среднедонской неолитической

культуры, что имеет важное значение для дальнейшей разработки периодизации неолита лесостепного Дона.

В заключение отметим, что высказанные нами в данной рабом соображения требуют подтверждения доброкачественными источниками, которые можно ожидать в процессе дальнейших раскопок.

Библиографические примечания:

1. Левенок В.П. Мезолит среднерусского днепровско-донецкого междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры. – МИА, 1966, № 126, с. 88-96.
2. Синюк А.Т. Неолитические памятники Среднего Дона. – В кн.: Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. — Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1978, с. 63-100.
3. Килейников В.В. Отчет о разведках по р. Битюгу Воронежской области в 1981 году. – Архив ИА АН СССР .
4. Погорелов В.И. Отчет о раскопках курганов и разведках в Калачеевском и Петропавловском районах Воронежской области в 1981 году. – Архив ИА АН СССР.
5. Килейников В.В. Отчет об археологических разведках по рекам Потудани и Савале на Среднем Дону в 1981 году. – Архив ИА АН СССР.
6. Хреков А.А. Работы Балашовского краеведческого музея. – АО 1981 года. М.: Наука, 1983, с. 98-99.
7. Погорелов В.И. Отчет об археологических исследованиях Толучеевского отряда на территории Среднего Дона в 1983 году. – Архив ИА АН СССР.
8. Телегін Д.Я. Мезолітични пам’ятки Україні. – Київ: Изд-во Наукова Думка, 1962. – 296 с.
9. Косменко М.Г. Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье. – СА, 1972, А 3,-с.3-£б.
10. Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. – М.: Изд-во Наука, 1976. – 244с.
11. Крижевская Л.Я. Каменные орудия из неолитического поселения Матвеев Курган II. – КСИА, вып. 161. 1972, с. 46-54.
12. Формозов А.А. Микролитические памятники азиатской части СССР. – СА, 1959, № 2, с. 47-59.
13. Марков Г.Е. Грот Дам-Дам-чешме в Восточном Прикаспии. – СА, 1966, № 2, с. 104-123.
14. Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма. – М.: Наука, 1968, с. 178.
15. Формозов А.А. О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии. – СА, 1972, № 1, с. 22-35.
16. Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. – М.: Наука, 1975, 286 с.
17. Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – М.: Наука, 1981, 172 с.
18. Крижевская Л.Я. К вопросу о неолите северо-восточного Прикаспия. МИА, 1972, № 185, с. 271-279.
19. Выборнов А.А., Пенин Г.Г. Неолитические стоянки на реке Самаре. – В кн.: Древняя история Поволжья. – Куйбышев: Изд-во Куйб. пед. ин-та, 1979, с. 3-14.
20. Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Моргунова Н.А., Пекин Г.Г. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье. – В кн.: Энеолит Восточной Европы. – Куйбышев: Изд-во Куйб. пед. ин-та, 1980, с. 151-189.
21. Коробкова Г.Ф., Массон В.М. Понятие неолит и вопросы хронологии неолита Средней Азии. – КСИА, вып.153, 1978, с. 103-108.
22. Левенок В.П. Долговская отоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону. – МИА, 1965, № 131, с. 119-155.
23. Телегин Д.Я. О хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины. – СА, 1962, № 4, с. 28-36.
24. Крайнов Д.А. Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья. – КСИА, вып. 153, 1978, с. 57-62.

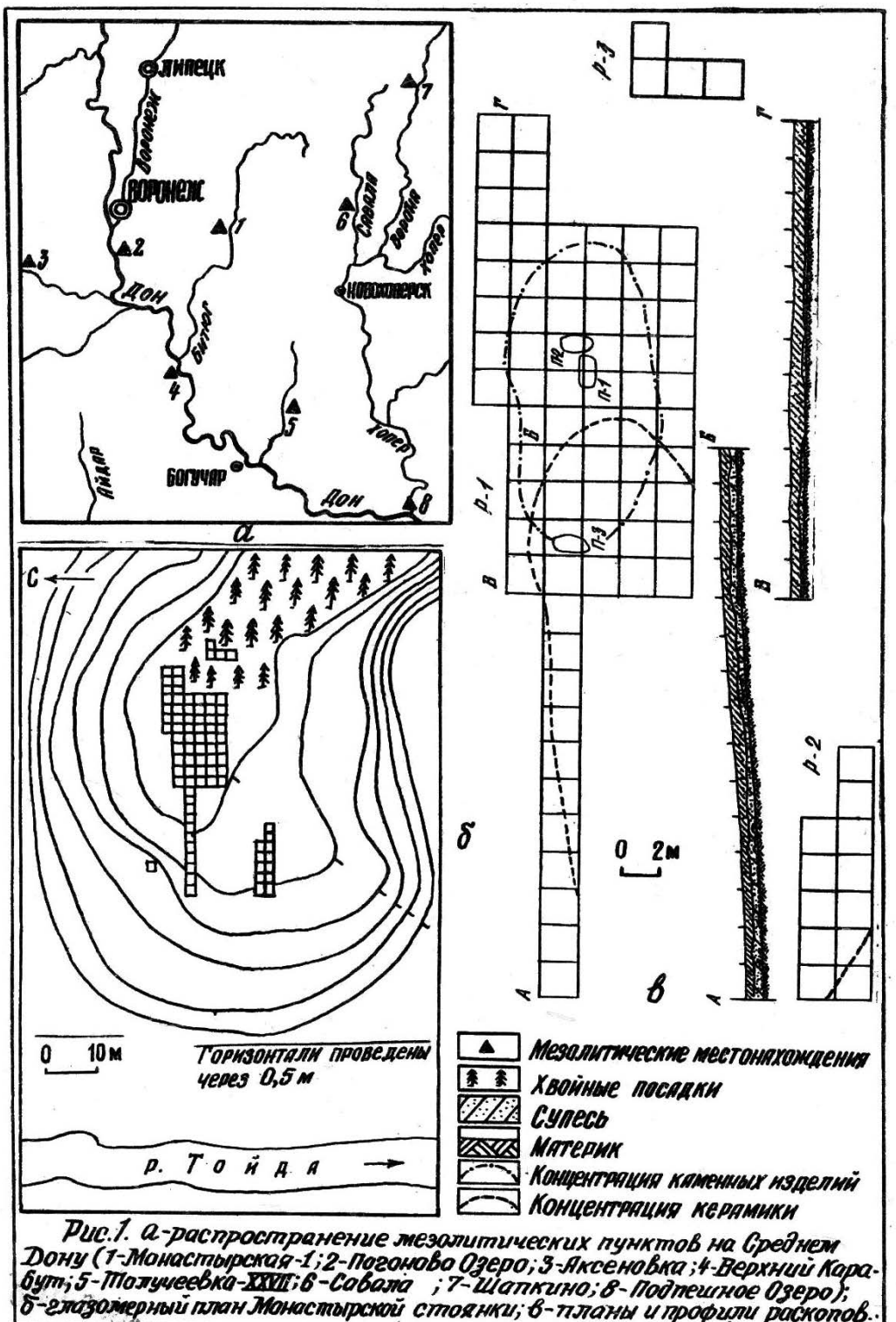


Рис.1. а-распространение мезолитических пунктов на Среднем Дону (1-Монастырская-1; 2-Погоново Озеро; 3-Аксеновка; 4-Верхний Карабут; 5-Толучеевка-XXVII; 6-Савала ; 7-Шапкино; 8-Подтешное Озеро); б-глазомерный план Монастырской стоянки; в-планы и профили раскопов.

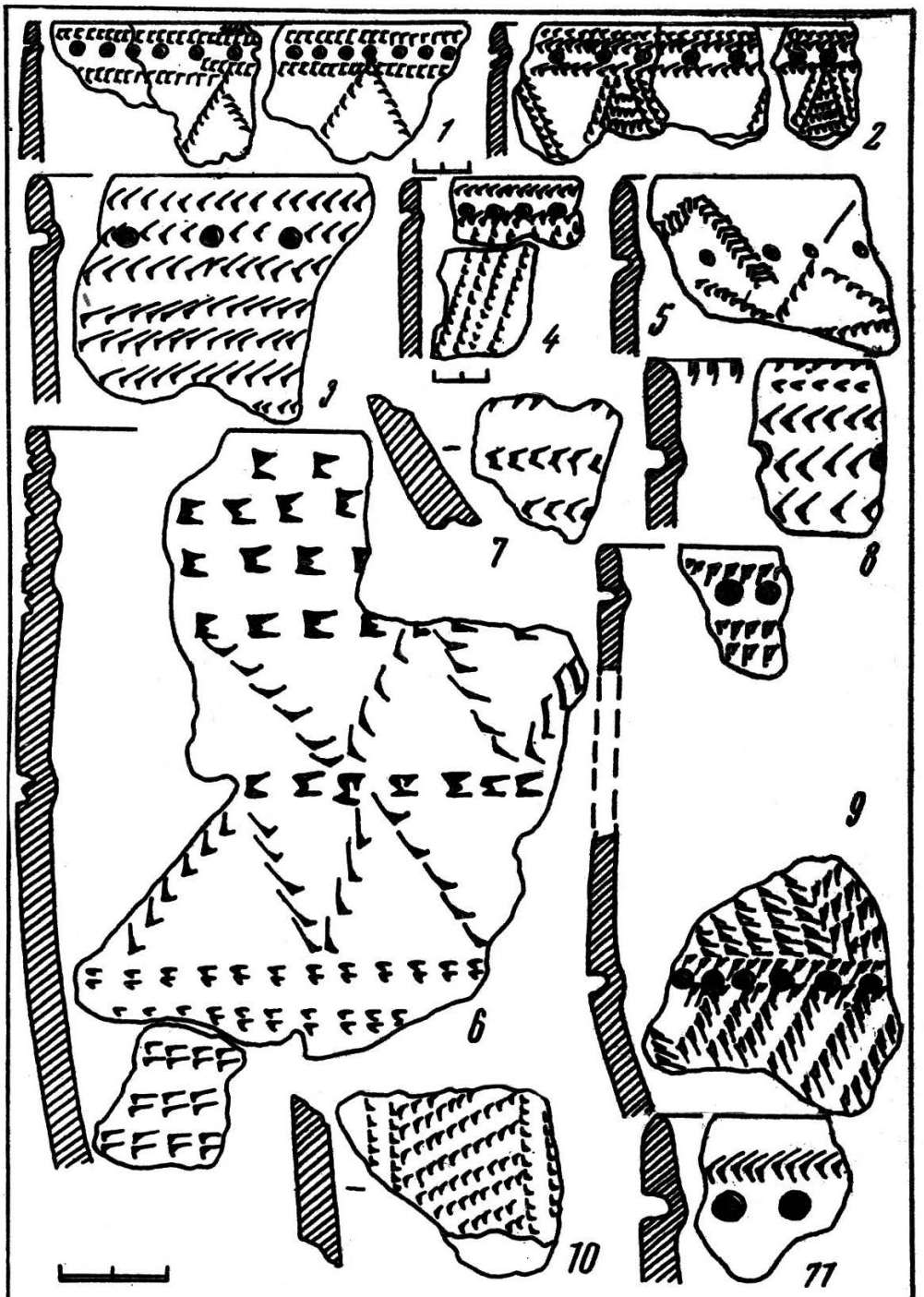


Рис.2. Стоянка Монастырская-1. Образцы керамики

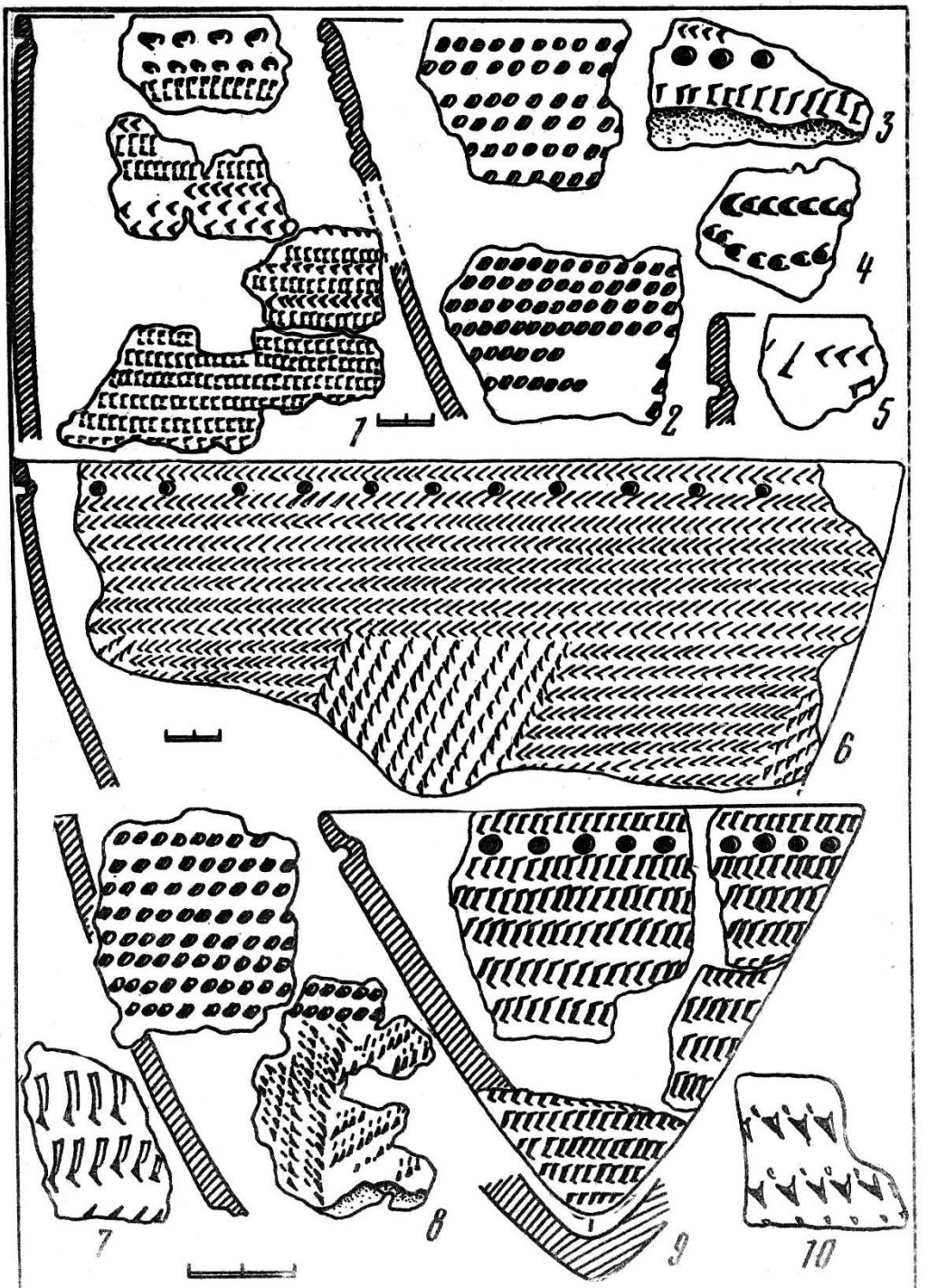


Рис.3. Стоянка Монастырская-1. Образцы керамики

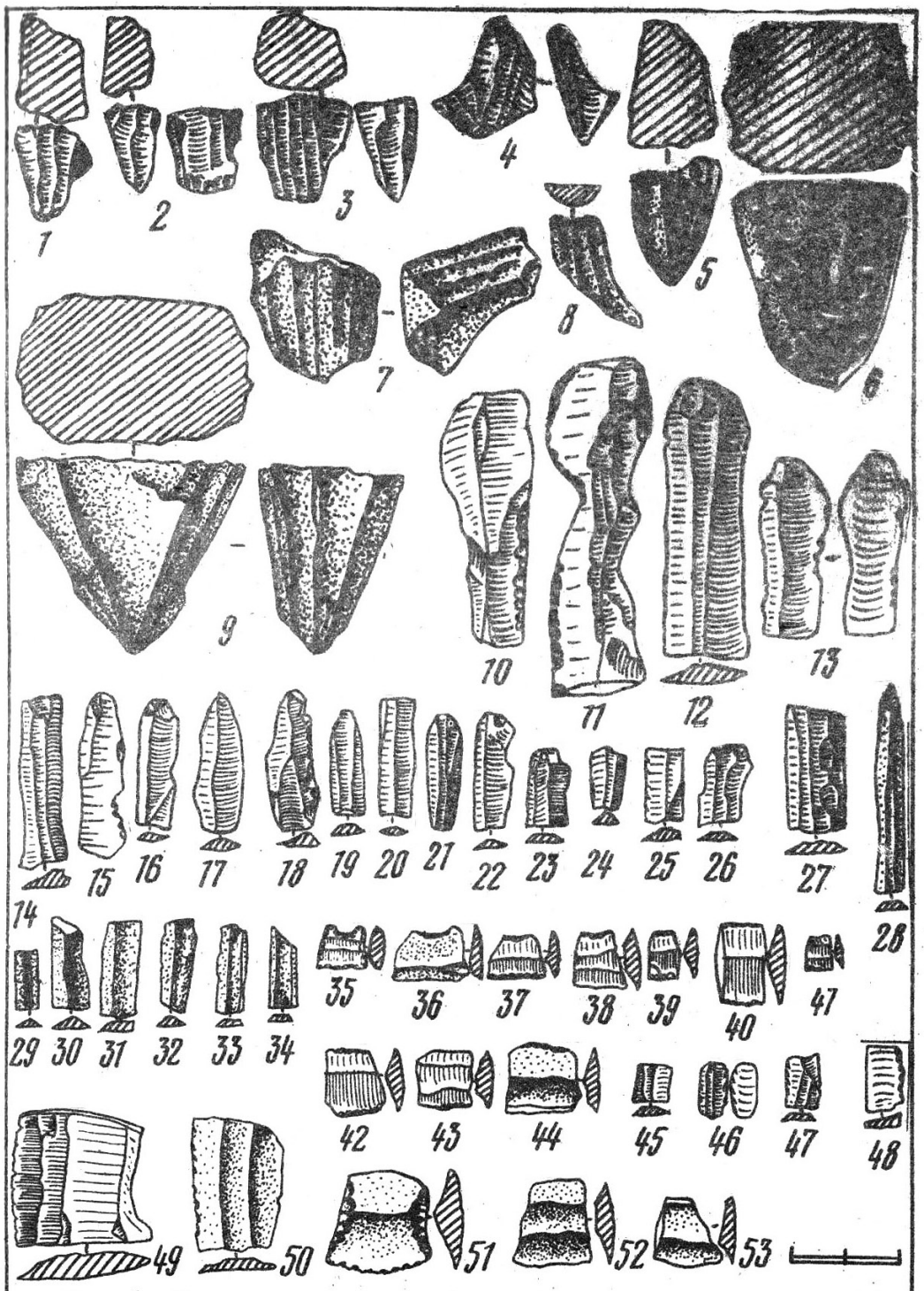


Рис. 4. Стоянка Монастырская-1. Типы каменных изделий (1-4,10-27,35,37-43,45-49-кремень; 5-9,28-34,36,44,50-53-кварцит)

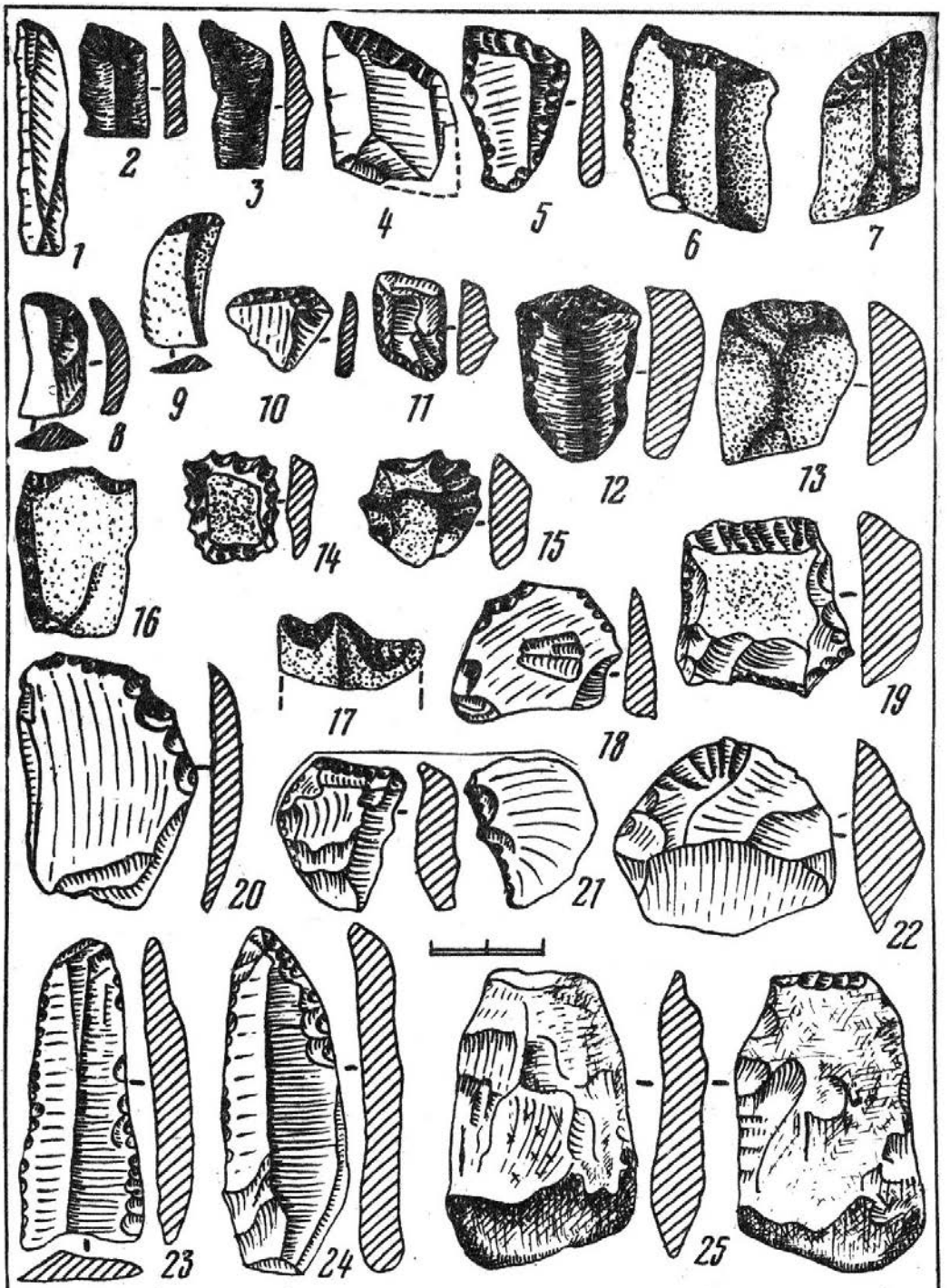


Рис. 5. Стоянка Монастырская-1. Типы каменных изделий (1-4,8,10-12,14,18-25-кремень; 6,7,9,13,15-17-кварцит)

ПАСЕКОВСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

СА. 1985. № 3. С. 124-135. В соавт. с В.И. Погореловым.

В 1978 г. экспедицией Воронежского пединститута проведены раскопки четырех курганов в центральной части курганной группы близ станции Пасеково Кантемировского р-на Воронежской обл. [1, 2]. Группа из 11 курганов располагалась на высоком участке водораздела рек Богучарки и Черной Калитвы — правых притоков Дона (рис. 1, 1). Курганы систематически распахивались, высота их до 1 м. Среди них лишь один выделяется по размерам, его высота до 5 м. Курганы исследовались с помощью бульдозера послойно на снос, все замеры велись от вершины каждой насыпи.

Курган 1. Диаметр 16 м, высота от современной поверхности 0,45 м (рис. 1, 2). Насыпь состоит из чернозема с глинистыми включениями, материк — глина. Погребенная почва фиксировалась по уровню залегания материкового выкида из основного погребения 2 на глубине 1,15 м, толщина ее 0,25 м. Под насыпью выявлены три погребения.

Погребение 1 (впускное) располагалось в северо-западном секторе, на расстоянии 3 м от центра. Представляло собой остатки катакомбной конструкции с прямоугольной входной шахтой (1,8×1,2 м), вытянутой по линии ЗЮЗ-ВСВ, углубленной в материк на 1 м (рис. 1, 3). Овальная катакомба устроена под длинной юго-восточной стенкой. Размеры ее 2,15×l,4 м. Пол камеры на 0,2 м ниже пола шахты. На полу камеры сохранились следы органической подстилки. Остатков скелета пли каких-либо вещей в погребении не обнаружено. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 2 (основное) находилось вблизи центра кургана, несколько смещено к юго-западу. Обширная прямоугольная яма с сильно закругленными углами и с уступом у восточной стенки ориентирована по линии ЮЮЗ-ССВ, длина сторон 2,95×2,15 м, ширина уступа около 0,5 м (рис. 1, 5). Не исключено, что эта погребальная яма также является остатками катакомбной конструкции, где отмеченный уступ является сохранившейся частью пола шахты. На полу зафиксированы остатки органической подстилки, а также следы охры и меловой подсыпки. Близ восточной стенки найден крупный фрагмент придонной части сосуда — жаровня (рис. 1, 4). Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 3 (впускное) располагалось в 4,5 м к востоку от центра кургана. Прямо-угольная яма ориентирована с запада на восток, размеры ее 1,2×0,95 м, углублена в материк на 0,45 м (рис. 1, 6). Перекрывалась деревянными плахами вдоль длинных сторон. На полу лежали кости ног взрослого человека, судя по расположению которых умерший был погребен в сильно скорченном состоянии на левом боку, головой на восток. В юго-восточном углу ямы стоял глиняный сосуд баночной формы со стянутым верхом и поддоном (рис. 1, 7). Высота его 13, диаметр верха 15, дна — 9 см. Тесто грубоватое, без видимых примесей, поверхность серо-желтого цвета. По верхней части сосуда нанесен орнамент в виде нарезных горизонтальных линий и вертикальных насечек. Погребение относится к срубной культуре.

Курган 2 располагался в непосредственной близости от предыдущего. Диаметр его 14 м, высота от современной поверхности 0,2 м (рис. 2, 1).

Насыпь — чернозем, в котором фиксировались кротовины с глинистым заполнением. Толщина погребенной почвы, судя по уровню залегания материкового выкида из ямы основного погребения 4 на глубине 0,66 м, составляла 0,24 м. В кургане выявлены остатки семи погребений.

Погребение 1 (впускное) располагалось на древнем горизонте, на глубине 0,65 м, вблизи от центра, несколько смещено к юго-западу. Вытянутый на спине костяк взрослого человека ориентирован на восток. Руки вытянуты вдоль туловища. Культурная принад-лежность захоронения не определяется.

Погребение 2 (впускное) выявлено в юго-западном секторе кургана, в 4 м от центра, в насыпи на глубине 0,52 м. Представляет собой перезахоронение костей ног и рук взрослого человека, сложенных без анатомического порядка. Рядом находились фраг-менты неорнаментированного сосуда баночной формы, судя по которому погребение может быть отнесено к срубной культуре.

Погребение 3 (впускное) выявлено в юго-восточном секторе кургана, в 3 м от центра. Прямоугольная яма размерами 1,1×0,8 м и глубиной в материке 0,28 м ориентирована длинными сторонами по линии ЮЮВ-ССЗ (рис. 2, 2). В заполнении, вблизи от пола, вы-явлены остатки деревянных плах, перекрывавших яму вдоль длинных сторон. На полу на органической подстилке находился детский скелет скорченно на левом боку, головой на север. За его головой близ северо-западного угла ямы стоял неорнаментированный сосуд баночной формы с поддоном (рис. 2, 3). Высота его 10, диаметр верха 14, диаметр дна 7,5 см. Погребение относится к срубной культуре.

Погребение 4 (основное) выявлено под центром насыпи. Могильная яма с западной и восточной сторон окружена линзами материкового выкида. Яма прямоугольной формы, размерами 1,35×1,1 м, ориентирована по линии ЮЮЗ-ССВ, углублена в материк на 0,95 м (рис. 2, 4) На полу на органической подстилке ближе к северо-западной стенке лежал костяк взрослого человека скорченно на левом боку, головой на север — северо-восток, руки находились перед лицом. Здесь же стоял глиняный сосуд и была бронзовая игла с ушком. Сосуд (рис. 2, 6) имеет баночную форму. Высота 16, диаметр верха 16,5, дна — 10 см. Тесто плотное, без видимых примесей, поверхность серо-желтого цвета, покрыта мелкой штриховкой. Под верхом сосуда идет горизонтальный ряд из каплевидных вдав-лений. Бронзовая игла (рис. 2, 5) кованая, ушко петлеобразное, кончик «петли» вставлен в специальный паз. В сечении игла круглая, длина ее 8,2 см. Погребение относится к сруб-ной культуре.

Погребение 5 (впускное) выявлено в юго-восточном секторе кургана, в 5 м от центра. Овальная яма (1,15×0,75 м) углублена в материк на 0,28 м и перекрывает заполнение погребения 6. Ориентирована по линии ЮЗ-СВ (рис. 2, 7). В ней находился детский ко-стяк скорченно на левом боку, головой на северо-восток. У черепа стоял глиняный сосуд со слабо профилированным верхом и намеченным поддоном (рис. 2, 8). Высота его 13, диаметр верха 13,5, диаметр дна 7,7 см. Сосуд грубоватой лепки, поверхности се-ро-желтого цвета, гладкие. Под венчиком расположен поясок насечек, составленных в елочку. Погребение относится к срубной культуре.

Погребение 6 (впускное) перекрыто предыдущим погребением. Прямоугольная яма (1,68×1,4 м) ориентирована по линии ЮЗ-СВ, углублена в материк на 1,08 м (рис 2, 9). На полу на органической подстилке лежал костяк мужчины на левом боку скорченно, головой на восток. Правая рука согнута в локте и вытянута вперед, левая располагалась вдоль туловища. В нижней части заполнения ямы находились остатки деревянных плах, перекрывавших ее вдоль. Несколько выше головы, в восточном

углу, стоял глиняный сосуд горшковидной формы (рис. 2, 10) с выделенным венчиком, сильно выпуклыми боками и поддоном. Высота его 13, диаметр верха 18, дна — 10 см. Тесто без примесей, поверхно-сти гладкие, серо-желтого цвета. Орнаментирован сосуд в верхней половине оттисками шнура в виде горизонтальных линий, косых и вертикальных отрезков. Погребение при-надлежит срубной культуре.

Погребение 7 (впускное) располагалось в юго-западном секторе, в 3,5 м от центра кургана. Прямоугольная яма размерами 1,55×1,1 м, ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ, глубина в материке 1 м (рис. 2, 11). Стены отвесные, пол ровный. На растительной под-стилке близ западной стенки лежал костяк взрослого человека скорченно на левом боку, головой на север-северо-запад. Руки умершего положены между колен. Близ северной стенки выявлены угольки, а вдоль восточной стенки — куски дерева от перекрытия. По-гребение относится к срубной культуре.

Таким образом, в исследованном кургане представлена прямая стратиграфия после-довательности совершения трех срубных погребений, где сначала было совершено по-гребение 4, затем погребение 6, которое в свою очередь перекрывалось погребением 5.

Курган 3 располагался в 70 м к западу от кургана 2. Диаметр его 20 м, высота от со-временной поверхности 0,75 м (рис. 3, 1). Насыпь — однородный чернозем, включающий линзы материковых выкидов из могильных ям. По уровню залегания ранних выкидов определяется толщина погребенной почвы — 0,3 м (глубина ее залегания 1,4 м), подстилаемой материковой глиной. При изучении расположения материковых выкидов фиксируются интересные конструктивные данные насыпи кургана. Самыми ранними из выявленных восьми погребений являются погребения 1 и 2, выкиды из которых лежат непосредственно на погребенной почве. Над каждым из них в отдельности были сделаны небольшие насыпи диаметрами 5,5 и 6 м, на что указывает форма залегания выкида из погребения 6. После захоронения 6 была сделана подсыпка, объединившая две первоначальные насыпи. Затем, судя по центральному профилю и расположению в нем могильных выкидов, были совершены захоронения 3, 4 и 5. Еще позднее было сделано захоронение 7, с которым связывается последняя подсыпка н оформление современного центра кургана. Наконец, самым последним было совершено погребение 8. которое почти полностью вошло в заполнение предыдущего погребения и фиксировалось лишь по сохранившемуся «уступу» — части пола погребальной ямы.

Погребение 1 (основное в ранней малой насыпи) находилось в юго-западном секторе, в 3,5 м от центра кургана. Окружено кольцом материкового выкида. Овальная яма вытянута по линии ССЗ-ЮЮВ (рис. 3, 2). Размеры ее 2,2×1,25 м, углублена в материк на 0,9 м. На ровном полу лежал костяк взрослого человека скорченно на спине с легким наклоном вправо, головой на юг-юго-восток. Руки положены на таз. Бедренная кость левой ноги частично обожжена. Вероятно, в левую руку покойному был положен зажженный факел. Рядом с коленями находился крупный кусок красной охры. Погребение может быть отнесено к ямно-катакомбному времени.

Погребение 2 (основное в другой малой насыпи), как и предыдущее, имеет материковый выкид и находилось под небольшой насыпью. Прямоугольная яма (2,5×1,45 м) с сильно закругленными углами, вытянута по линии ЮЗ-СВ, глубина ее в материке 0,83 м (рис. 3, 3). На полу на органической подстилке скорченно в полоборота направо лежал костяк взрослого человека. Ориентирован головой на север-северо-восток. Руки слегка согнуты, кисти положены на бедра. Перед умершим, напротив живота,

имеется подсыпка охры. Погребение, как и предыдущее, без инвентаря и может быть отнесено к ям-но-катакомбному времени.

Погребение 3 (впускное) расположено почти под центром кургана. Квадратная яма (1,82×1,8 м) со слегка закругленными углами углублена в материк на 1,12 м (рис. 3, 4). В заполнении ее встречались остатки деревянных плах, перекрывавших яму вдоль сторон, ориентированных по линии ЗЮЗ-ВСВ. На полу находился костяк плохой сохранности. По расположению костей ног можно предполагать, что умерший лежал скорченно на правом боку, головой юг-юго-восток, в области ног встречались отдельные вкрапления охры. За спиной умершего, у юго-западной стенки, находилась жаровня, а у противоположной стены — сосуд. Фрагменты еще одного сосуда выявлены в нижней части заполнения ямы. Жаровня (рис. 3, 5) сделана из придонной части крупного кухонного сосуда с диаметром дна 15 см. Первый сосуд (рис. 3, 8) имеет горшковидную форму с высоким раструбовидным горлом, раздутым и приземистым туловом. Высота его 15, диаметр верха около 14, диаметр дна 9 см. Тесто плотное, без видимых примесей, цвет поверхностей коричневый. Украшен от верха до середины тулова оттисками шнура в виде горизонтальных двойных и одинарных линий и отрезков, составленных в горизонтальную елочку. Второй сосуд (рис. 3, 7) восстанавливается графически. Он имеет горшковидную форму, высокий венчик и раздутое тулово. Технологические признаки его аналогичны вышерассмотренному сосуду. Орнаментирован оттисками шнура, образующими горизонтальную елочку и геометрические фигуры. Вероятно, к данному погребению следует относить пару каменных «выпрямителей», найденных в заполнении погребения 7 в кротовине, которая соединяется с погребением 3. Длина «выпрямителей» 9 см (рис. 3, 6). Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 4 (впускное) располагалось в 0,75 м к востоку от центра кургана. Могильная яма сохранилась лишь частично, значительная ее часть разрушена погребением 7. Тем не менее яма поддается реконструкции (рис. 3, 9). Она имела прямоугольную форму, ориентирована длинными сторонами по линии запад-восток. Длина ямы 1,85, предполагаемая ширина 1,2 м, углублена в материк на 1,3 м. Ближе к северной стенке лежали кости ног и тлен погребенного. Он был положен скорченно на правый бок, головой на запад. У головы стояла жаровня и лежали два каменных «выпрямителя». В области живота стоял сосуд, ц здесь же фиксировались вкрапления охры. Жаровня (рис. 4, 2) сделана из придонной части сосуда с диаметром дна 12 см. У перехода к днищу имеется орнамент из оттисков гребенчатого штампа, составленных в горизонтальную елочку. Сосуд (рис. 4, 1) — горшок с высоким прямым горлом и раздутым туловом, плоским дном. Высота его 18,5, диаметр верха 15, дна —12 см. Тесто плотное, поверхность светло-коричневого цвета. Орнаментирован по всей поверхности оттисками строенного шнура в виде горизонтальных поясков (по горлу) и полуфестонов (в верхней части тулова), а также оттисками гребенчатого штампа, образующими треугольники. «Выпрямители» (рис. 4, 3) сделаны из мягкого песчаника, длина их 6 и 7 см. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 5 (впускное) выявлено в 3,5 м к востоку от центра кургана, прорезало выброс из погребения 6. Представляло собой остатки катакомбного сооружения (рис. 3,10). Прямоугольная входная шахта в плане фиксировалась частично, ориентирована по сторонам света. Длина стен около 1 м. Пол шахты углублен в материк на 1 м. Овальная камера (2,0×1,5 м) вытянута по линии С-Ю, прирезана к восточной стенке шахты. Пол камеры ниже пола шахты на 0,38 м. Погребенный лежал скорчен-

но на правом боку, головой на север. Руки положены между колен. Напротив груди фиксировались вкрапления охры. Интересно, что бедренная кость погребенного частично была обуглена, т. е. здесь имел место такой же обряд с огнем, какой фиксировался и в погребении 1 этого же кургана. За спиной умершего отмечены отдельные угольки. У головы стоял сосуд (рис. 4, 4) — горшок с четко отделенным от тулова слегка раструбовидным горлом и плоским дном. Высота его 19,5, диаметр верха 18, дна — 10 см. Технологические признаки его близки сосудам из двух предыдущих погребений. Орнаментирован сосуд налепными валиками, расчлененными косыми насечками. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 6 (впускное) предшествовало сооружению трех предыдущих погребений. Представляло собой остатки сложной катакомбной конструкции со ступенчатым полом входной шахты (рис. 3, 9). Располагалось в 2 м к югу от центра кургана. Частично было разрушено поздним погребением 8. Шахта прямоугольной формы, размерами 1,0×1,3 м. Овальная камера примыкает к северо-восточной стене шахты, размеры ее 2,5×1,65 м, вытянута по линии СЗ-ЮВ. Глубина в материке первой ступени шахты 0,98, второй —1,33, пола камеры —1,75 м. На ровном полу камеры на органической подстилке вблизи от входа находились жаровня и охровая крошка в форме круга — вероятно, лежавшая в деревянной чаше. Следов костяка не обнаружено. Жаровня сделана из верхней части глиняного сосуда с плавно выделенным венчиком (рис. 4, 6). Диаметр верха около 15 см. По горлу сосуд украшен двумя горизонтальными оттисками шнура. Поверхность темно-серая, тесто плотное. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 7 (впускное) разрушило частично погребение 4. Могильная яма (2,5×1,75 м) ориентирована длинными сторонами по линии ЗСЗ-ВЮВ, углублена в материк на 2,78 м (рис. 3, 9). На ровном полу сохранились остатки органической подстилки. Близ северо-западной стенки найдена верхняя часть сосуда (рис. 4, 5) с расчлененным налепным валиком при переходе горла к тулову. Диаметр верха около 34 см. Тесто плотное, без видимых примесей. В нижней части заполнения ямы встречались фрагменты боковин крупного сосуда с отверстиями и кусками бронзовой проволоки в них, скреплявшей сосуд. Не исключено, что эти куски принадлежали тому же сосуду, что и венчик. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 8 (впускное) самое позднее в кургане, перекрыло предыдущее погребение и частично погребение 6. Размеры его можно определить только предположительно — 2,3×1,5 м (рис. 3, 9). Пол ямы оказался выше перекрытых им ям (1,6 м от уровня материка) и поэтому не потревожил последних. Здесь на глубине 3,3 м от верха кургана найдено несколько фрагментов глиняных сосудов. Среди них фрагмент венчика от банки, орнаментированной по верху треугольниками вершинами вниз, составленными из вдавлений (рис. 4, 7), фрагмент неорнаментированной банки со стянутым верхом (рис. 4, 8) и фрагмент днища с закраиной. Данные материалы позволяют относить рассмотренное погребение к срубной культуре.

Курган 4 располагался в 30 м к северо-востоку от кургана, рассмотренного выше. Диаметр его 16 м, высота от современной поверхности 0,45 м (рис. 5, 1). Насыпь — однородный чернозем, материк — глина. В насыпи, примерно по центру, выявлены две линзы материковых выкидов, одна из которых залегала сразу под пахотным слоем на глубине 0,25 м, вторая — на глубине 0,75 м. В кургане выявлены остатки пяти погребений.

Погребение 1 (впускное) располагалось в юго-восточном секторе кургана в 4 м от центра. Прямоугольная яма (1,82×1,32 м) ориентирована длинными сторонами по линии ЗСЗ-ВЮВ (рис. 5, 2). На ровном полу находились остатки костяка, лежавшего скорченно на правом боку, головой на восток — юго-восток. Перед животом отмечены вкрапления охры. Погребение безынвентарно, но по обрядовым признакам может быть отнесено к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 2 (основное) располагалось почти под центром насыпи с линзой материкового выброса на погребенной почве. Прямоугольная яма (2,15×1,6 м) углублена в материк на 1,18 м (рис. 5, 3). Ориентирована по линии З-В. На полу на органической подстилке лежали два взрослых костяка скорченно на спине (в полоборота вправо), головами на запад. Правые руки вытянуты, левые слегка согнуты и кисти положены на бедра. Ноги обоих костяков завалились вправо. Скелет женщины или подростка лежал слева от мужского костяка. В головах у них встречены фрагменты от крупного сосуда, положенные в качестве жаровни, а близ правой руки мужского костяка отмечены вкрапления охры. Жаровня (рис. 5, 4) принадлежала сосуду с небольшим, плавно выходящим из округлого тулова венчиком. Тесто плотное, без видимой примеси, поверхности темно-коричневого цвета. Украшен ниже венчика оттисками «пунктирного» гребенчатого штампа, образующими зоны благодаря рядам пальцевых защипов. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 3 (впускное) окружено кольцом материкового выкида, залегавшим над выбросом из погребения 2. Представляло собой остатки катакомбной конструкции с прямоугольной входной шахтой и овальной камерой. Потолок камеры, вероятнее всего, был сводчатым (рис. 5, 5). Стены шахты ориентированы по сторонам света, камера сооружена под южной стенкой. Пол камеры ниже пола шахты на 0,62 м. Устье камеры закрывалось вертикальными деревянными столбиками. На полу, близ южной стенки, на остатках органической подстилки лежал плохо сохранившийся взрослый костяк скорченно на правом боку, головой на восток. Близ головы стоял сосуд, а напротив коленей — жаровня. Здесь же отмечены вкрапления охры, Сосуд (рис. 5, 7) сохранился частично. По форме он аналогичен сосуду из погребения 2. Близки также технологические признаки и орнаментация. Орнаментальный пояс под венчиком составлен из двух рядов оттисков гребенчатого штампа, расположенных в елочку, и двух рядов ногтевых защипов. Жаровня (рис. 5, 6) представлена придонной частью крупного кухонного сосуда, поверхность которого обработана крупными косовертикальными шнуровидными расчесами. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 4 (впускное) выявлено в юго-восточном секторе кургана в 3,5 м от центра. Представляло собой остатки катакомбной конструкции с прямоугольной шахтой и овальной камерой (рис. 5, 8). Размеры шахты 1,5×1,15 м, ориентирована по линии ЮЮЗ-ОСВ. Размеры камеры 2,5×1,4 м, пол ее углублен в материк на 1,8 м, пол шахты — на 1,1 м. В камере отмечены остатки органической подстилки и вкрапления охры. Костяка и каких-либо вещей не обнаружено. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 5 (впускное) располагалось в 1,75 м к востоку от центра кургана. Представляло собой сооружение из двух соединенных прямоугольных ям (рис. 5, 9). Глубины их 2,8 и 3,15 м. Не исключено, что это остатки катакомбной конструкции. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Таким образом, в исследованных курганах вскрыто 23 погребения, относящихся,

за исключением одного (2/1) , культурно-хронологическая принадлежность которого не определяется, к эпохе бронзы.

Из них 14 характеризуют специфику погребального обряда среднедонской катакомб-ной культуры, а 8 могут быть отнесены к срубной культуре Подонья.

Погребения среднедонской катакомбной культуры совершены как и прямоугольных ямах, так и в катакомбных конструкциях. Единство основных обрядовых признаков и сопутствующего инвентаря красноречиво свидетельствует о правомерности рассмотрения их в рамках одной культурной принадлежности. Именно в использовании двух видов могильных сооружений заключается своеобразие среднедонской катакомбной культуры, которое вытекает из длительного взаимодействия двух этнокультурных линий — местного докатакомбного населения, главным образом древнеямного, и пришлого катакомбного. Говоря о втором компоненте, слагающем местную культуру эпохи средней бронзы, мы не склонны выводить его только из пределов северско-донецкой катакомбной культуры, хотя определенная доля ее участия в данном процессе безусловна. Но, судя по имеющимся источникам, именно в таком признаке, как устройство катакомб, не прослеживается абсолютных аналогий северско-донецким памятникам, где, как отмечают исследователи [3, с. 31], ведущая форма — Т-образная, совсем не характерная для среднедонских катакомб. Устройство камер под длинной стенкой шахты являлось обычным для предкавказского катакомбного мира [4, 5]. На своеобразное взаимодействие ямных и катакомбных традиций указывают и другие признаки пасековских погребений, в частности встречающиеся безынвентарность, положение скорченно на спине, а также западная ориентировка парного захоронения в яме (4/2), в чем нельзя не увидеть отражение погребального ритуала древнеямного населения [6, с. 45; 7, с. 77, 78]. Но главным образом названная линия преемственности отражается в облике сосудов, о чем будет сказано ниже. В качестве суммарной характеристики пасековских катакомбных погребений отметим наличие органических подстилок — около 60%, охры — 70%, мела —в двух случаях и применение огня — в двух случаях. Безынвентарных погребений более 40%. Следует подчеркнуть нестабильность в ориентировке погребенных в катакомбах, тогда как захоронения в ямах в трех случаях ориентированы в южном направлении, в двух — в западном (в том числе и отмеченное парное захоронение 4/2) и одно (с более выраженными ямными чертами — 3/2) — на север — северо-восток. Стратиграфически ранними являются захоронения в ямах с положением умерших на спине с наклоном вправо (3/1, 3/2, 4/2). Встреченный в одном из погребений этой группы сосуд типологически сопоставляется с материалами павловского (раннего) этапа среднедонской катакомбной культуры, выделенного нами на основании изучения Павловского могильника [8]. В такого типа сосудах еще сильны гончарные традиции ямного населения (слабая профилировка верха, яйцевидность тулова, гребенчатый и защипной элементы орнаментации). Подобные типы сосудов встречаются на широкой территории — там, где обнаруживается взаимодействие древнеямных и катакомбных культурных традиций [3, с. 36-41; 9, с. 55, рис. 9, о, 6, с. 71, рис. 17, 10] 10 с. 279, рис. 28; 11, с. 409, рис. 35, 2, 3, 7, 10] 12, с. 209, рис. 15, 3, 6] 13, с. 14-18; 14, с. 42, рис. 7 и др.]. К рассматриваемой группе погребений хронологически и культурно примыкает захоронение в катакомбе (4/3), где встречен аналогичный сосуд. Далее следует выделить погребения в ямах с положением умерших на правом боку скорченно, ориентированных в южном и западном направлениях, сопоставляющиеся с четвертой обрядовой группой погребений Павловского могильника [8]. Пасековские погребения в ямах, в целом,

судя по облику сосудов и наличию каменных «выпрямителей», не выходят за рамки павловского этапа среднедонской катакомбной культуры, хотя отдельные признаки форм сосудов и орнаментальные композиции представляются более развитыми, а в связи с этим могут определять верхнюю его границу. Опираясь на хронологические разработки материалов ямной и катакомбной культур сопредельных территорий 13, с. 129-153; 4, с. 21-22; 6, с. 73-84; 15, с. 28-42], мы склонны определять время павловского этапа от конца III тыс. до н. э. до XVIII-XVII вв. до н. э. Несомненно, более поздним временем (на что указывает и стратиграфия курганов) должны датироваться погребения с сосудами, имеющими налепные валики, представляющие поздний период среднедонской катакомбной культуры. Особенно это относится к погребению 7 (в яме) кургана 3.

Погребения срубной культуры, за исключением одного перезахоронения в насыпи (2/2), совершены в прямоугольных ямах. Во всех фиксируемых случаях умершие распо-лагались на левом боку. В двух случаях ориентировка их не установлена (2/2, 3/8), в одном случае погребенный ориентирован на восток (1/3), в остальных — в северном направлении с отклонением к западу или востоку. Органическая подстилка зафиксирована в четырех погребениях (2/3, 2/4, 2/6, 2/7), в одном — охра (2/4) и уголь также в одном (2/7). Дерево от перекрытия ям выявлено в пяти погребениях (1/3, 2/3, 2/4, 2/6, 2/7). Во всех случаях оно располагалось вдоль ям. Одно захоронение без инвентаря (2/1). Стратиграфически более ранними являются погребения 2/4 и 2/6. Именно им присущи и наиболее архаичные черты — подсыпка охры (2/4) и шнуровая орнаментация керамики (2/6). По обрядовым признакам они сопоставляются с пятым стратиграфическим горизонтом Бережновских курганных могильников [16, с. 30, 31, рис. 2], выделенным Н.К. Качаловой в бережновский (ранний) этап срубных древностей Нижнего Поволжья [17, с. 60], который, по ее мнению, хронологически предшествует Покровскому [18, с. 77]. Остальные захоронения могут быть соотнесены с шестым (более поздним) стратиграфическим горизонтом бережновских погребений [16, с. 30, 31, рис. 2], который Н.К. Кача-лова отождествляет с покровским этапом срубной культуры Нижнего Поволжья [17, с. 60], исключая из последнего группу погребений Покровского могильника с абашевскими чертами [18, с. 171].

Литература

1. Синюк А.Т. Отчет к Открытому листу № 239 о раскопках курганов в Павловском и Кантемировском районах Воронежской области в 1978 году. — Архив ИА АН СССР, р-1, № 7286.
2. Синюк А.Т., Килейников В.В., Погорелов В.И. Раскопки в Воронежской области. — АО — 1978. М., 1979.
3. Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
4. Фисенко В.А. О происхождении и хронологии катакомбной культуры. Учебное пособие по курсу истории СССР. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1966.
5. Синицын И.В. Древние памятники восточного Маныча. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978.
6. Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
7. Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А. Работы Цимлянской экспедиции 1970 года. — В кн.: Ар-хеологические памятники Нижнего Подонья. М.: Наука, 1974.
8. Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж: Изд-во Во-ронеж, ун-та, 1983.
9. Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда. — МИА, 1959, № 60.
10. Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское. — МИА, 1959, № 60.
11. Шилов В.П. Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60.
12. Смирнов К.Ф. Быковские курганы. — МИА, 1960, № 78.

13. Васильев И.Б. Полтавкинские памятники Среднего Поволжья и некоторые вопросы формирования срубной общности. — В кн.: Древние культуры Поволжья и Приуралья (Науч. тр. КГПИ, 1978, т. 221). Куйбышев, 1978.
14. Васильев И.Б. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы. — В кн.: Древняя история Поволжья (Науч. тр. КГПИ, т. 230). Куйбышев, 1979.
15. Фисенко В.А. Племена ямной культуры Юго-Востока. Учебное пособие по курсу «Основы археологии». Саратов. Изд-во Сарат. ун-та, 1970.
16. Качалова Н.К. Стратиграфические горизонты Бережновских курганных могильников. — АСГЭ, 1979, вып. XX.
17. Качалова Н.К. Бережновский горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья. — В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
18. Качалова Н.К. Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья. — СА, 1978, № 3.

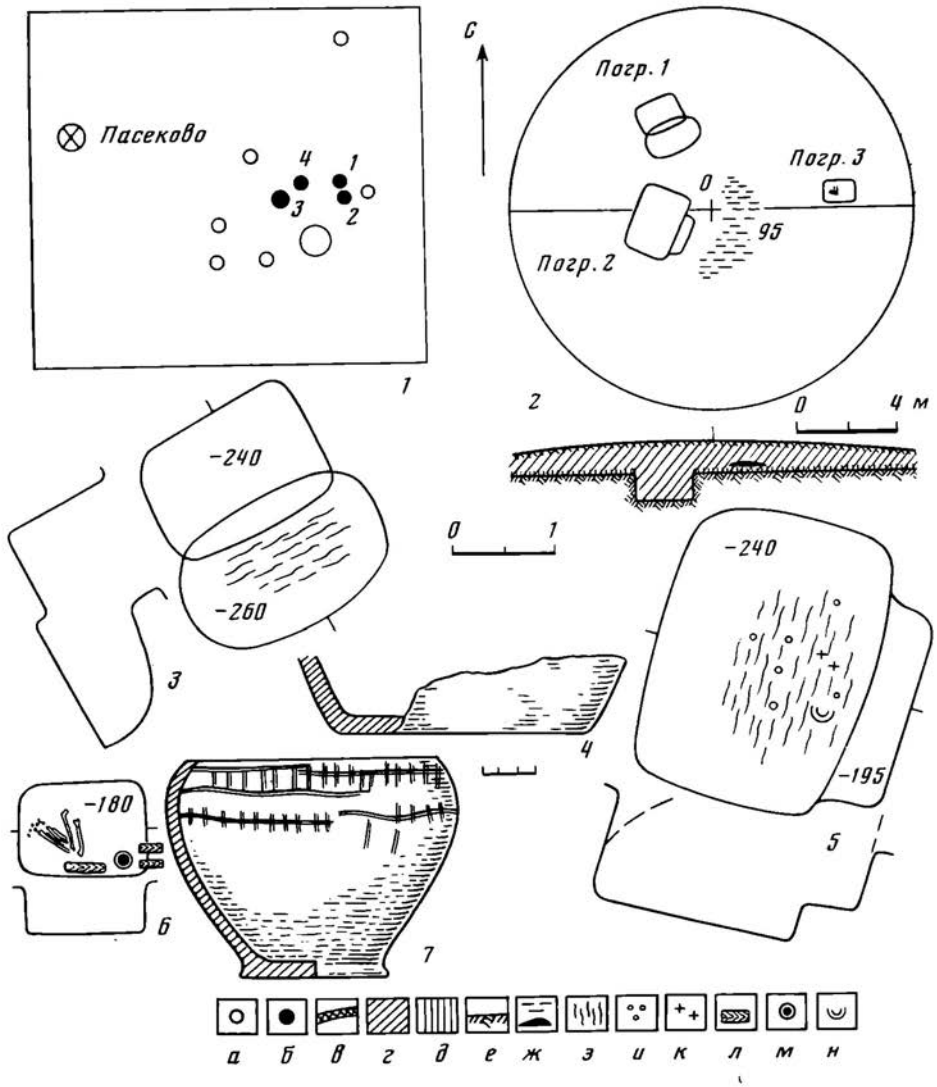


Рис. 1. Пасековский могильник. *1* — глазомерный план; *2* — курган 1; *3* — погр. 1; *4, 5* — погр. 2; *6, 7* — погр. 3. *а* — курганы; *б* — исследованные курганы; *в* — пахотный слой; *г* — чернозем; *д* — погребенная почва; *е* — материк; *ж* — могильный выброс; *з* — органическая подстилка; *и* — мел; *к* — охра; *л* — дерево, *м* — сосуд; *н* — жаровня

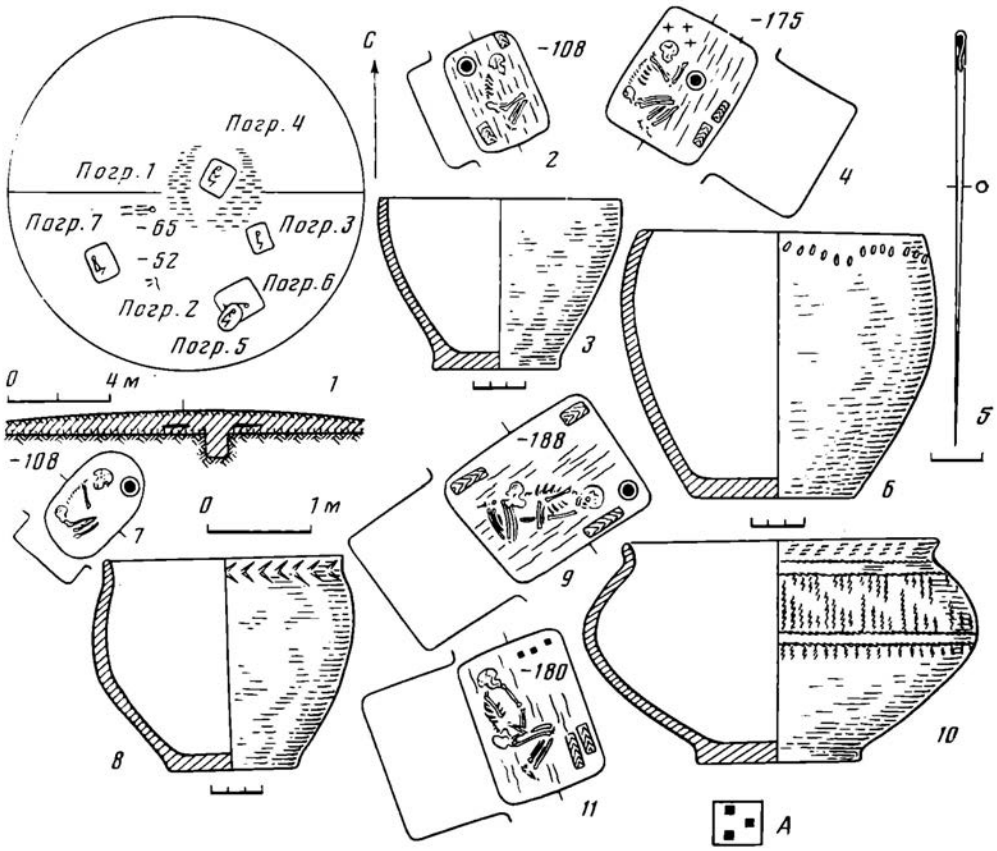


Рис. 2. Пасековский могильник. Курган 2. *1* — план и профиль; *2*, *3* — погр. 3; *4—6* — погр. 4; *7*, *8* — погр. 5; *9*, *10* — погр. 6; *11* — погр. 7. *А* — уголь, остальные усл. обозначения см. рис. 1

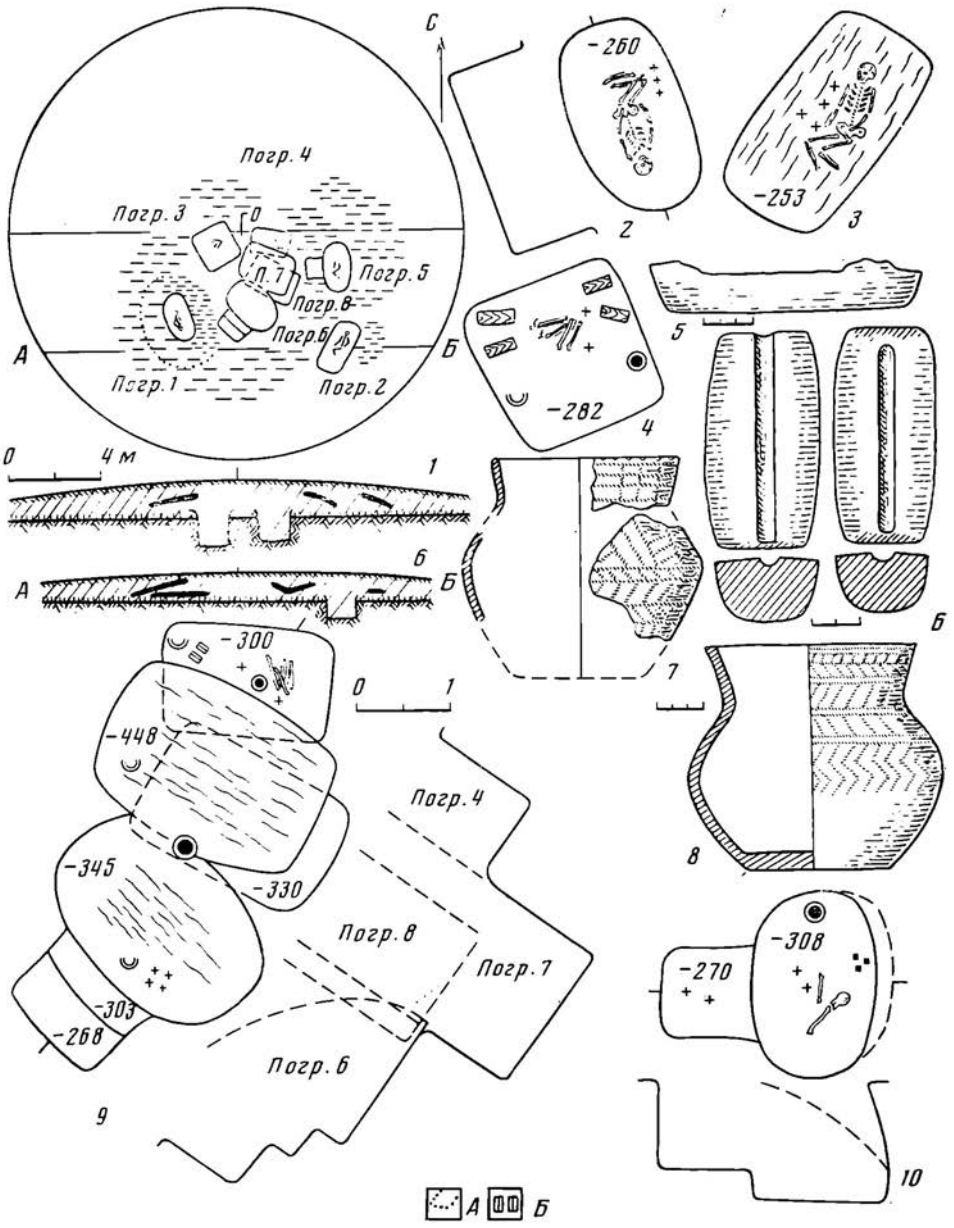


Рис. 3. Пасековский могильник. Курган 3. *1* — план и профиль; *2* — погр. 1; *3* — погр. 2; *4—8* — погр. 3; *9* — погр. 4, 6, 7, 8; *10* — погр. 5. *А* — контуры перекрытого выброса; *Б* — каменные «выпрямители», остальные усл. обозначения см. рис. 1

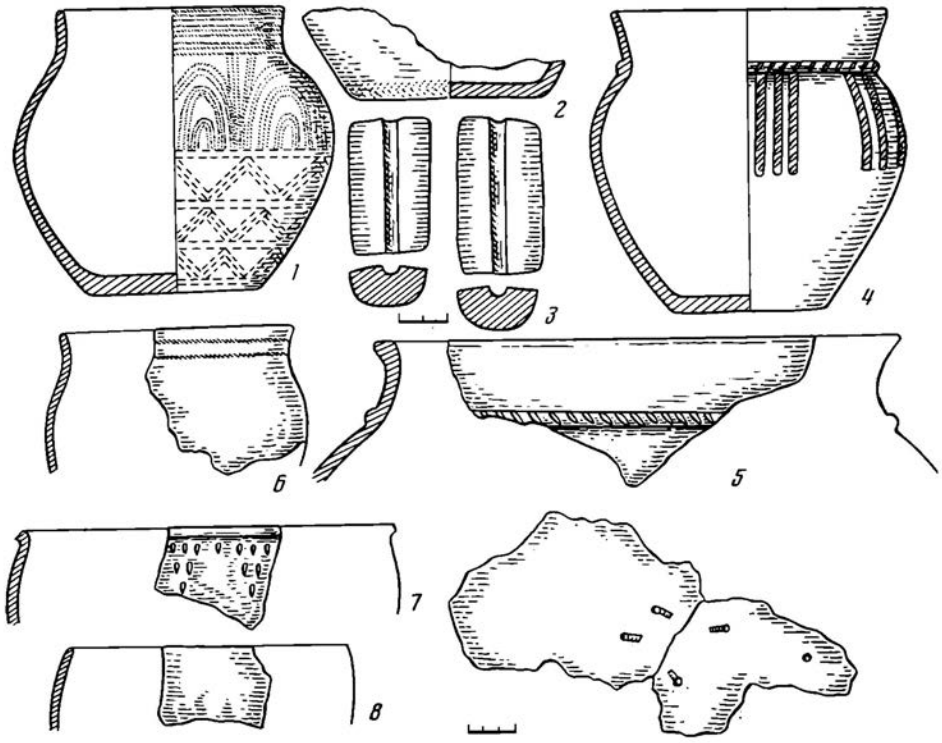


Рис. 4. Пасековский могильник. Курган 3. *1—3* — погр. 4; *4* — погр. 5; *5* — погр. 7; *6* — погр. 6; *7*, *8* — погр. 8

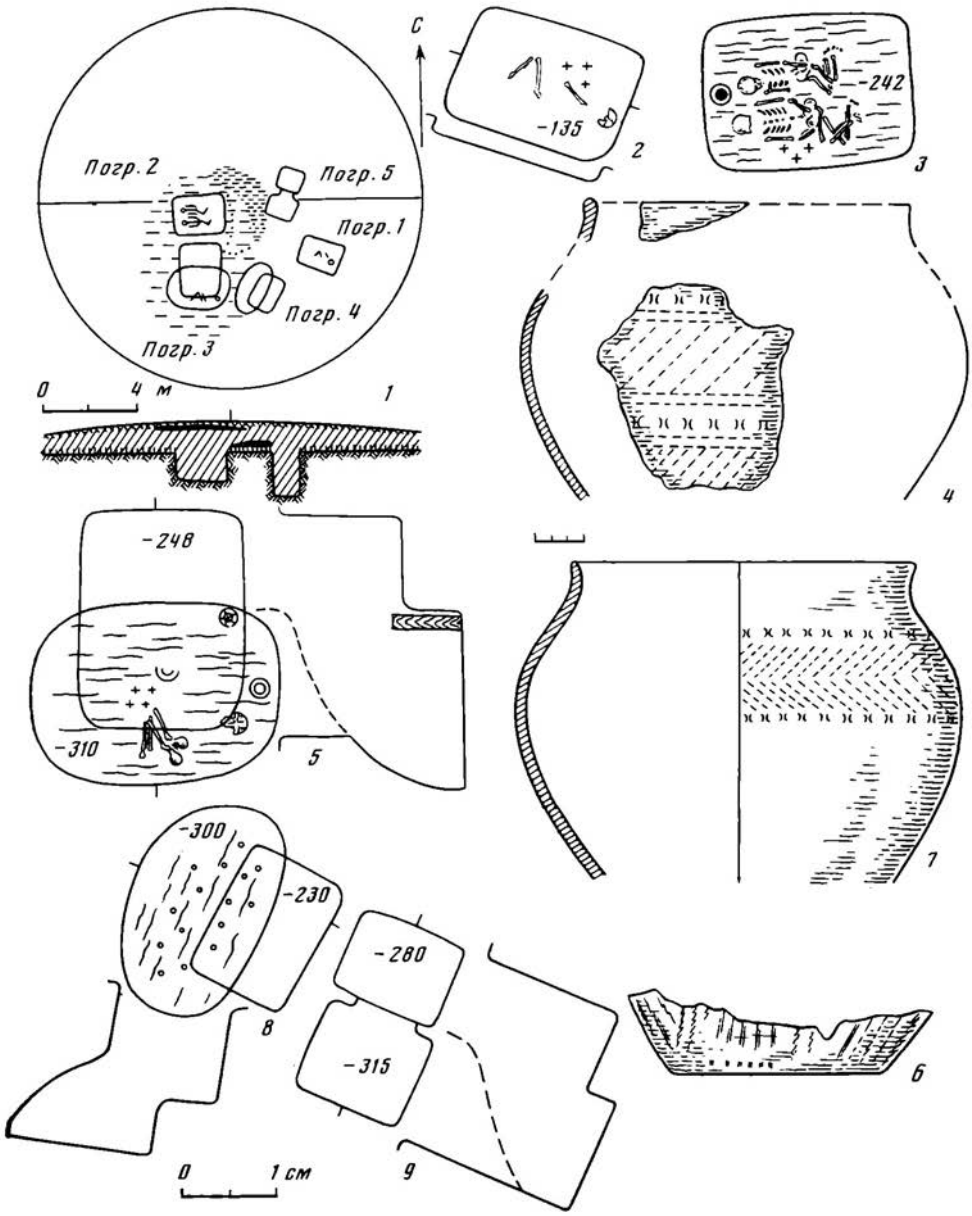


Рис. 5. Пасековский могильник. Курган 4. *1* — план и профиль; *2* — погр. 1; *3*, *4* — погр. 2; *5*—*7* — погр. 3; *8* — погр. 4; *9* — погр. 5. Условные обозначения см. рис. 1

ПЕРИОДИЗАЦИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО ДОНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ)

Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации). Куйбышев, 1985. С. 118-142. В соавт. с В.И. Погореловым.

Огромная источниковедческая база, накопленная со времени выделения срубной культуры, позволяла установить для широкого круга памятников Восточном Европы комплекс признаков стадиального характера, что, в свою очередь, предопределило решение вопроса о рассмотрении этих памятников в рамках единой срубной культурно-исторической области[1]. Тем самым расширяются возможности для познания ряда новых общественнных законов развития прошлого и более глубокого восприятия исторического процесса в целом. Изучение срубной культурно-исторической области превращается в одну из ключевых проблем археологии эпохи бронзы не только Восточной Европы, но и всего Старого Света[2]. Одновременно остается непреложным и тот факт, что сходные материальные признаки не должны закрывать поисков региональной специфики исторического процесса и этнографического разнообразия племен срубной культурно-исторической области. В соответствии с этим ведутся исследования памятников по природно-географическим зонам, по выделению специфических культур и их вариантов[3]. Ведется в этой направлении и изучение донского региона[4]. Новые источники требуют не только ввода их в научный оборот, но и корректирования ранее сделанных выводов и предложений. Прежде всего коротко остановимся на природно-географической характеристике интересующего нас региона.

Бассейн Верхнего и Среднего Дона в основном соответствует лесостепной зоне н только южные его районы входят в северные пределы степи. Придерживаясь положения об относительной стабильности границ природных зон во времени[5], можно полагать, что близкие нынешним географические условия имели место и в эпоху бронзы.

---

[1] Мерперт Н.Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореф. докт. дисс... М.: ИА АН СССР, 1968; Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь. — В сб.: Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1979, с.7-24.

[2] Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и Лесостепь. — В сб.: Археология Восточно-европейской лесостепи. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1975, с. 7-24; они же. Срубная проблема и Лесостепь. — В сб.: Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1978, с. 9.

[3] Качалова Н.К. Лукьяновское поселение и некоторые вопросы срубной культуры. — АСГЭ, 1972, № 16; она же. О локальных различиях в лесостепной срубной культуре. — АСГЭ, 1977, № 18, с. 24; Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969, с. 220; Ковальова И.Ф., Волкобой С.С. Маівський локальный варіант зрубной культури. — Археология, Київ, 1976, вып. 20, с. 25-26.

[4] Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.: Наука, 1964; Пряхин А.Д. Население срубной культуры на Верхнем и Среднем Дону. — В сб.: Из истории Воронежского края. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1966; Пряхин А.Д. Древнее население Песчанки. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1973; Сагайдак В.И., Старцева Т.С. Об относительной хронологии и локальных особенностях курганных могильников срубной общности на территории лесостепного Подонья. — В сб.: Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1978.

[5] Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР. М., 1977, с. 153.

Ландшафт лесостепной зоны — волнистая равнина с густой сетью речных долин и балок. О степени развитости речной системы можно судить во участку Дона в пределах современной Воронежской области, где насчитывается 588 рек длиной свыше 10 км каждая[1]. Своеобразен травяной покров, имеющий разнотравно-злаковый характер в отличим от ковыльно-типчакового разнотравья из жестких видов собственно степей. Значительные запасы тепла, достаточное увлажнение и плодородные почвы создают здесь исключительно благоприятные условия для развития растительности. В этом отношении лесостепь немного выигрывает в сравнении со степью, где общий запас фитомассы меньше в десять раз, а зоомассы в пять раз[2].

Отмеченная специфика природно-географических условий лесостепи выдвигает ряд положений, требующих обязательного учета при исторических реконструкциях. Прежде всего, открытые пространства лесостепи с сильно развитой речной системой предполагали легкость освоения их водным путем, как в широтном направления, благодаря транзитности самого Дона, так и из сопредельных физико-географических зон. Богатство животного мира и ихтиофауны вело к длительному сохранению в экономике роли таких отраслей, как охота и рыболовство, причем демографическая емкость лесостепи на базе присваивающей экономики относительно и лесной, и степной зон вдвое больше[3]. В лесостепи, при громадной кормовой базе в виде злакового разнотравья, более, чем где-либо, имелись условия для разведения в рамках скотоводческого хозяйства крупных копытных, в частности лошадей. Отметим, что еще Ф. Энгельс включал Подонье, наряду с другими районами, в области, пригодные для образования стад, что затем привело к пастушеской жизни заселявших их арийцев[4]. Наконец, плодородные черноземные почвы Донской лесостепи способствовали внедрению земледельческого хозяйства. Но при этом необходимо учитывать, что в бассейне Дона в среднем один год из трех бывает засушливым[5], а отголоски губивших посевы сильных пылевых бурь (более свойственных для Нижнего Дона и степного Заволжья) иногда достигают и Верхнего Дона.

Из всего сказанного вытекает и еще одно чрезвычайно важное положение — о возможности сосуществования в лесостепном регионе в эпоху бронзы (как и в предшествующие и в последующие эпохи) нескольких типов хозяйства.

Природные особенности лесостепи должны учитываться при топографическом изучении памятников срубной культуры. Ввиду равнинного характера многочисленных рек, питающихся, главным образом, быстро тающим снеговым покровом, отмечается высокий уровень паводковых вод, часто превышающий высоту первых надпойменных террас и их останцев. На участке Среднего Дона наибольшая высота пика половодья колеблется в пределах 9-11 метров[6]. Летняя же межень на Дону устанавливается в конце июня — начале июля. Иногда, при сильных ливневых дождях, паводки

[1] Бевз Н.С., Коржов В.И., Чистоклетов Г.Ф. География Воронежской области. Воронеж, 1973, с. 32-33.

[2] Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР. М., 1977, с. 159- 160.

[3] Долуханов П.М. География каменного века. М., 1979, с. 16.

[4] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 57.

[5] Мильков Ф.Н. Климатические условия. — В кн.: Долина Дона. Природа и ландшафты. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982, с. 21.

[6] Курдов А.Г., Протопопов В.В. Особенности гидрологического режима реки Дона. — В сб.: Долина Дона. Природа и ландшафты. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982, с. 22.

на Верхнем Дону могут достигать высоты 2,5-3,5 метров[1]. Это, безусловно, должно было приниматься во внимание и в древности при выборе мест поселений и могильников. Можно со всей определенностью считать, что ни в поймах, ни на низких участках надпойменных террас стационарные поселки не создавались. Но именно здесь, в условиях высокой влажности, в приустьевых местах рек и проток с богатой озерно-болотной растительностью, были оптимальные условия для ведения сетевого и запорного рыболовства, охоты на дичь, а также для осуществления выпаса скота и использования плодородных лессовых отложений пойм в земледельческом хозяйстве (прежде всего — в огородничестве). Таким образом, на низких участках возможно наличие остатков только сезонных промысловых стоянок и могильников кратковременного использования, тогда как стационарные поселки и племенные могильники размещались на более высоких участках долин. Из этого следует, что особенности топографического размещения археологических памятников донского региона должны учитываться не только для разработки периодизации и хронологии культуры, но и для уяснения целого ряда социально-экономических аспектов древней истории.

В пределах рассматриваемой территории выявлены следы более чем 500 поселений срубной культуры[2]. Количество же курганов эпохи бронзы исчисляется несколькими тысячами. Целый ряд памятников, таких, как Мосоловское поселение[3] и некоторые другие, содержат исключительно важные сведения по разным аспектам истории срубных племен, особенно для изучения вопросов характера металлургического производства и ремесленной специализации. Однако основная часть материалов такого рода памятников пока находится в стадии изучения. Остаются неопубликованными и результаты раскопок ряда срубных погребений. Не имея возможности использовать все ключевые данные по срубным поселениям Подонья, мы ограничимся рассмотрением только отдельных вопросов срубной проблематики, прежде всего вопросов периодизации и хронологии местной срубной культуры и ее взаимоотношения с синхронными культурными образованиями. Для этой цели нами привлекаются погребальные памятники, причем те из них, которые или выявлены экспедицией Воронежского пединститута, или раскопками других экспедиций, но получившие освещение в литературе.

Курганные могильники со срубными погребениями рассеяны по всей территории Верхнего и Среднего Дона. Наиболее северными из них являются могильники близ сел Донское[4], Волотово[5] (Липецкая обл.) и Старо-Юрьево (Тамбовская обл.)[6].

[1] Там же, с. 23.

[2] Пряхин А.Д. Население срубной культуры на Верхнем и Среднем Дону. — В сб.: Из истории Воронежского края. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1966, с. 82; Сагайдак В.И. Поселения срубной культурно-исторической общности в бассейне реки Битюга. — В сб.: Из истории Воронежского края. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1975, с. 156-157.

[3] Пряхин А.Д., Сагайдак В.И. Металлообрабатывающая мастерская на поселении срубной культуры. — СА, 1975, № 2.

[4] Шоков А.Ф. Памятники эпохи бронзы на территории Верхнего Дона. — В кн.: Из истории Воронежского края. Известия ВГПИ, 1960, т. XXXI, с. 16I-163.

[5] Левенок В.П. Волотовские курганы и их место в хронологии эпохи бронзы в Подонье. — В сб.: Из истории Воронежского края. Известия ВГПИ, 1960, т. XXXI, с. 161-171.

[6] Пряхин А.Д. Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево. — СА. 1972, № 3.

Наиболее южвыми — погребения из курганов близ с. Радчёнское[1] и хут. Краснодар[2] (Воронежская обл.). Западнее могильников у с. Средняя Опочка[3] (Курская обл.), у с. Колтуновка[4] (Белгородская обл.) в пределах Донского бассейна курганы не исследовались, а на востоке и юго-востоке срубные погребения выявлены по течениям рек Вороны и Хопра[5]. Всего нами учтено 53 пункта со срубными захоронениями (рис. 1).

В основу периодизации срубных погребальных памятников положен принцип различия в обрядности (положение, ориентировка умерших, особенности ряда других сопутствующих признаков обряда, конструктивные особенности могильных ям и надмогильных сооружения и т.д.), в сопоставлении со стратиграфическими данными и типологическими группами погребального инвентаря. Для анализа нами взято 127 погребения из 29 могильников. При этом отбор погребения предусматривает сочетание в каждом из них от двух и более обрядовых и конструктивных признаков с сосудами, как наиболее ярким этнокультурным показателем.

Переходя к оценке погребений, необходимо отметить, что чаще они выявлены по одному — два в не полностью исследованных могильниках. Исключение составляет Павловский могильник, для которого содержание срубных погребений оказалось вообще не характерным[6]. Более или менее информативные их серии дали лишь ограниченное число памятников: Ильменский[7] — 17, Пасековский[8] — 14, Старотойденвкий[9] — 13, Стояновский[10] — 10, Бунарский[11], Хохольский[12], Платавский[13] — по шесть,

[1] Погорелов В.И. Отчет об археологических исследованиях на территории Среднего Дона в 1983 году. — Архив ИА АН СССР.

[2] Синюк А.Т. Отчет об археологических работах на территории Среднего Дона в 1970 году. — Архив ИА АН СССР, р-1, 4444.

[3] Алихова А.Е. Отчет о раскопках и разведке Курского отряда скифской лесостепной экспедиции в 1962 году. — Архив ИА АН СССР, р-1, 2551.

[4] Килейников В.В. Отчет о проведении археологическим разведок по рекам Тихая Сосна и Оскол в 1980 году. — Архив ИА АН СССР.

[5] Рыков П.С. Археологическая экспедиция по Хопру. — СГАИМК, 1931, № 8; Хреков А.А. Исследования на Хопре. — АО-1980, М., 1981, с. 154.

[6] Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Павловский могильник. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983.

[7] Качалова Н.К. Ильменские курганы. — АСГЭ, 1970, № 12, с. 7-34.

[8] Погорелов В.И. Отчет об археологических исследованиях на территории Среднего Дона в 1983 году. — Архив ИА АН СССР.

[9] Корнюшин Г.И. Курганы эпохи поздней бронзы у с. Старая Тойда Воронежской области. — КСИА, 1971, № 127, с. 78-85; Тихонов Б.Г. Третий Старотойденский курган. — КСИА, 1971, № 127, с. 86-92.

[10] Погорелов В.И. Отчет об археологических исследованиях на территории Среднего Дона в 1983 году. — Архив ИА АН СССР.

[11] Пряхин А.А. Курган эпохи бронзы в урочище Бунарки. — В сб.: Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1983.

[12] Сагайдак Р.Г., Старцева Т.С. Исследование кургана срубной общности у пос. Хохольский Воронежской области. — В сб.: Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во ВГУ. 1979, с. 114-124.

[13] Москаленко А.Н. Курган эпохи бронзы близ с. Платавы Воронежской области. - В сб.: Труды Воронежского областного краеведческого музея. Воронеж, 1960, вып. I, с. 87-93.

Новомеловатский[1] — 5, Иванобугорский[2] и Павловский[3] — по четыре погребения. Ввиду этого оценка всех имеющихся признаков срубного погребального обряда в значительной степени вытекает из суммарных характеристик.

Курганы обычно расположены на высоких берегах рек или водораздельных участках, тяготеющих к суходолам. Изредка срубные погребения впускались в более ранние насыпи на первых надпойменных террасах (Павловск, к. 18; Ширяево, к. 2[4]). Преобладает скученная планировка могильников без определенной системы взаиморасположения курганов (Пасеково, Сады, Ильмень).

Изо всех учтенных нами погребений основными являлись только 12, или менее 10%. Остальные погребения совершены в курганы, где им предшествует, как правило, захоронения среднедонской катакомбной культуры, а в отдельных случаях — раннеабашевские (Введенка[5]). Заметим, что пока ни разу не зафиксирован хронологический приоритет срубных захоронений даже над самыми поздними погребениями местной катакомбной культуры (шестая обрядовая группа[6]).

Как видно из таблицы 1, характерными чертами рассматриваемых погребений являются — прямоугольная форма ям небольшой и средней величины; наличие деревянных перекрытий (36%); положение умерших на левом боку (85%) с руками у лица (90%); ориентировка на северо-восток (48%), север (33%), восток (19%); почти обязательная инвентарность. Следует сказать, что некоторые признаки в действительности могли иметь более высокий процентный показатель. В частности, из-за почвенных условий не всегда сохранялся органический материал, поэтому чаще, чем отмечено, погребения могли сопровождаться жертвенными животными (выявлено около 10%); перекрытиями и конструкциями в виде срубов (выявлено 12%). Другие же признаки не определяют характер обряда срубных погребений. Так, положение умерших на спине зафиксировано лишь дважды (Сасовка 6/2, 8/4[7]), а на правом боку — в 14 случаях; отклонение от отмеченной выше ориентировки имеется всего в четырех случаях. Единичны также посыпки охрой, мелом и т.д.

Есть основания считать, что подавляющая часть ведущих признаков срубного погребального обряда едина как для левобережья, так и для правобережья Дона. Это заключение можно проиллюстрировать таблице 1.

[1] Погорелов В.И. Отчет о раскопках курганов и разведках в Калачеевском к Петропавловском районах Воронежской области в 1981 году. — Архив ИА АН СССР.

[2] Синюк А.Т. Отчет о раскопках экспедиции Воронежского пединститута в 1981 году. — Архив ИА АН СССР.

[3] Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Павловский могильник. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983.

[4] Погорелов В.И. Ширяевский могильник — новый памятник бронзового века на Среднем Дону. — В печати.

[5] Синюк А.Т., Килейников В.В. Курган у села Введенки на Дону. — СА, 1976, № 1.

[6] Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Павловский могильник. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983, с. 100.

[7] Синюк А.Т. Сасовские курганы на реке Потудани. — В сб.: Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж: Известия ВГПИ, 1983.

Таблица I.

Процентное соотношение основных признаков срубных погребений в левобережье и правобережье Дона

район Дона	кол-во погребений	погреб. конст.		положение		ориентировка		
		перекр.	срубы	ЛБ	ПБ	В	СВ	С
Левобережье	73	38%	14%	83%	17%	9%	53%	38%
Правобережье	54	33%	10%	88%	12%	34%	24%	24%
В среднем на Дону	127	36%	12%	85%	15%	19%	48%	43%

Выделение обрядовых групп и подгрупп срубных погребений основывается на различиях положения умерших и их ориентировки, независимо от количественного соотношения этих различий.

Первая обрядовая группа. Положение умерших скорченно на левом боку, с руками у лица или протянутыми вперед (73 погребения):

- подгруппа «а» — ориентировка на север с учетом небольших отклонений (ССВ, ССЗ) — 27 погребений;
- подгруппа «б» — ориентировка строго на северо-восток — 35 погребений;
- подгруппа «в» — ориентировка на восток с учетом небольших отклонений (ВСВ, ВЮВ) — 11 погребений.

Вторая обрядовая группа. Положение умерших скорченно на правом боку, с руками у лица или протянутыми вперед (12 погребений):

- подгруппа «а» — ориентировка в южную половину круга горизонта (два погребения);
- подгруппа «б» — ориентировка в северную половину круга горизонта (десять погребений).

Третья обрядовая группа. Положение скорчено на спине (два погребения). В силу единичности погребения на подгруппы не разбиваются.

Погребения первой обрядовой группы самые многочисленные. Для подгруппы «а» характерны могильные ямы средних размеров, но здесь же прослежено более всего больших ям. Перекрытия имеют 50% ям. Более половины могильных ям на полу имеют подстилки. В четырех погребениях отмечены кости животных. Столько же погребений имели срубы. В одном погребении отмечена посыпка охрой.

Для погребений подгруппы «б», не отличающихся от рассмотренных выше по формам и размерам ям, отмечено значительно меньше перекрытий (11%) и подстилок (11%). Ни в одном случае не прослежены срубы. Вместе с тем в погребении этой группы зафиксированы следы охры и еще в одном — мела.

Погребения подгруппы «в» имеют идентичные рассмотренным размеры ям, и, примерно, близкую встречаемость ряда обрядовых признаков, но в процентном отношении превосходят средний показатель по наличию срубов (около 17%).

Погребения второй обрядовой группы и в целом, и в сопоставлении по подгруппам, мало информативны. Отмечаются те же средние размеры ям; для одного из погребений подгруппы «а» зафиксирован сруб и следы огня, а еще одно погребение отличалось крупными размерами.

Погребений третьей обрядовой группы всего два, они имеют ориентировку на север и восток. В последнем случае руки были вытянуты вдоль тела.

При рассмотрении выделенных нами обрядовых групп нетрудно убедиться в пре-

емственности их от обрядности более ранних погребений донской территории. Так, первая обрядовая группа, особенно ее подгруппы «а» и «б», по сути дела, являются ни чем иным, как шестой обрядовой группой с вещевыми комплексами среднедонской катакомбной культуры, характеризующей ее заключительный этап[1]. Срубные погребения второй обрядовой группы имеют аналоги в обрядности местной катакомбной культуры: подгруппа «а» — в четвертой группе, подгруппа «б» — в пятой группе[2]. Наконец, третья обрядовая группа срубных погребений соответствует обрядности древнеямных захоронений[3]. В связи с этим сейчас пока нет оснований считать обрядность местных срубных погребений полностью заимствованной извне. Новым следует признать лишь такой конструктивный признак могильного устройства, как сруб.

Случаи стратификации срубных захоронений весьма малочисленны, поэтому отметим их все:

- Сады — 3/3 (неопр.), 3/4 (неопр.), 3/1 (16), 3/2 (неопр.);
- Ильмень — 3/2 (неопр.), 3/1 (16);
- Бунарки — 1/9 (неопр.), 1/4 (неопр.), 1/6 (16);
- Пасеково — 2/4 (1а), 2/6 (1в), 2/5 (16);
- Новая Усмань — 1/1 (неопр.), 1/3 (неопр.);
- Павловск — 47/6 (1а), 47/7 (1а), 47/8 (16);
- Павловский плодосовхоз — 1/1 (неопр.), 1/2 (1в).

Какие-либо серьезные выводы из этих примеров сделать нельзя, поскольку стратифицируются, главным образом, или не определяемые по обряду, или одинообрядовые погребения. Все же отметим, что в рамках первой обрядовой группы в двух случаях погребения подгруппы «а» предшествуют погребениям подгруппы «б», и в одном случае — погребению подгруппы «в». В связи с этим важно обратить внимание на то, что именно в погребениях с северной ориентировкой, наряду с единством обрядовых признаков, сходство с поздними катакомбными погребениями наиболее выражено и по ряду других признаков (деревянные перекрытия, подстилки, в одном случае — охровая подсыпка, а также наличие обширных ям). Небезынтересно также отметить, что имеющиеся основные захоронения принадлежат прежде всего подгруппе «а» первой обрядовой группы (в четырех случаях из шести зафиксированных). Появление собственно срубных курганов (Верхняя Маза[4], Хохол, Бунарки, Донское, Сады, Пасеково, Платава) можно расценить как отражение процесса широкого и прочного заселения рассматриваемого региона с тенденцией организации постоянных родоплеменных могильников. Начало этого процесса связывается, судя по всему, именно с появлением погребений с северной ориентировкой. Нельзя, правда, исключать и того, что базой для организации родоплеменных кладбищ избирались уже существовавшие курганы. В ряде случаев удается фиксировать громадные объемы работ, связанные с неоднократными подсыпками таких курганов после ввода срубных захоронений (Новая Меловатка, Павловск). Но в них преобладающими оказываются погребения с северной ориентировкой.

В Павловском могильнике они к тому же имеют крупные размеры.

Для более ответственного подхода к вопросам периодизации и хронологии дон-

[1] Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.

[2] Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Павловский могильник. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983.

[3] Там же, с. 153-155.

[4] Там же, с. 104-106.

ских срубных погребений обратимся в их вещевым комплексам.

Классификация сосудов проведена только по материалам рассматриваемых погребений. При этом взяты наиболее общие их признаки. Учитывая сравнительно ограниченный объем источника (195 сосудов), предлагаемая классификация со временем может быть расширена и уточнена.

В структуру классификации положен многоступенчатый принцип, где выделяются группы, типы, подтипы и разновидности (табл. 2).

Группы выделены на основе преобладания того или иного орнаментального элемента или отсутствия орнамента вообще. Для выделения типов взяты особенности общего профиля сосудов. Для выделения подтипов — различия в деталях форм, а для выделения разновидностей — различия в пропорциях.

- Первая группа — со шнуровым орнаментом.
- Вторая группа — с гребенчатым орнаментом.
- Третья группа — с прочерченным орнаментом.
- Четвертая группа — с насечно-ямочным орнаментом.
- Пятая группа — неорнаментированная.

I тип — горшки с плавно выраженной профилировкой:

- подтип-1 — горшки с плечиками;
- подтип-2 — горшки без плечиков (колоколовидные);

II тип — остроребериые горшки (с резким изломом профиля тулова):

- подтип-1 — горшки с ребром в виде уступа в верхней части;
- подтип-2 — горшки с ребром примерно на середине высоты (с биконическим туловом).

III тип — банки (сосуды без резких изломов профиля и без выделенных венчиков):

- подтип-1 — раструбовидные банки;
- подтип-2 — прямостенные банки;
- подтип-3 — банки с зауженным верхом.

Признаки разновидностей едины для сосудов всех типов и подтипов:

- разновидность «а» — стройная пропорция, где высота равна наибольшему диаметру или превосходит его;
- разновидность «б» — приземистая пропорция, где высота меньше наибольшего диаметра тулова.

Корреляция типологических подразделений позволяет увидеть некоторые закономерности (табл. 2). Так, если сосуды первого типа довольно равномерно распределены по всем орнаментальным группам, то остроребериые сосуды (II тип) представлены подавляющим числом во второй и третьей орнаментальных группах. Баночные же сосуды, особенно с зауженным верхом, явно преобладают в пятой группе, в меньшей степени — в группах третьей и четвертой. Можно также отметить, что в целом малочисленная первая орнаментальная группа включает, главным образом, сосуды первого и второго типов.

Некоторую информацию дает соотношение орнаментальных групп и типов сосудов по обрядовым группам погребений, что отражено в таблицах 3 и 4.

Из таблицы 4 можно заключить, что в комплексах почти половина сосудов не несет орнаментации вообще, причем неорнаментированная посуда преобладает более, чем вдвое над орнаментированной во второй обрядовой группе; более половины в подгруппе «а» первой обрядовой группы, но в подгруппах «б» и «в» она уже составляет менее половины от общего числа сосудов.

Таблица 5 показывает, что в погребениях первой обрядовой группы с северной ориентировкой сосуды стройных пропорций составляют более половины от общего числа, тогда как в погребениях других подгрупп этой обрядовой группы, особенно в погребениях с северо-восточной ориентировкой, явно преобладают сосуды приземистых пропорций. Баночные сосуды составляют примерно равный процент во всех подгруппах первой обрядовой группы. Остроребериые же горшки более характерны для погребений с северной ориентировкой (33% от общего числа сосудов). Для погребений с северо-восточной ориентировкой они составляют втрое меньший процент, и лишь один такой сосуд сопровождал погребение первой обрядовой группы с восточной ориентировкой.

Наконец, следует отметить, что стратиграфические данные пока не позволяют делать выводы о хронологическом приоритете тех или иных сосудов. Изучение этого вопроса затруднено и случаями совместного нахождения в одном комплексе сосудов разных типов. Так, взаимовстречаемость сосудов первого и второго типов зафиксирована трижды. Столько же — первого и третьего типов. Совместное нахождение сосудов второго и третьего типов отмечено в 13 случаях.

Другие вещи из погребений (рис. 3, 4) немногочисленны. Классифицируемым по обрядовым признакам погребениям сопутствовали бронзовые ножи (6 экз.), шилья (3 экз.), иглы (2 экз.), а также бронзовые подвески, серьги, свинцовые и пастовые бусы, костяные предметы (4 экз.), три из которых украшены геометрическим орнаментом. Отметим, что украшения из металлов, при равном соотношении других изделий, не выявлены пока в погребениях с восточной ориентировкой первой обрядовой группы, тогда как погребения с северной ориентировкой той же группы сопровождались ими шесть раз, а с северо-восточной ориентировкой — восемь раз.

Все изложенное выше позволяет считать, что погребения первой обрядовой группы с северной ориентировкой, в сравнении с другими погребениями этой группы, в большей степени аккумулируют ряд устойчивых специфических признаков, как в обрядности (перекрытия могил, подстилки, могильные ямы крупных размеров) и посуде (преобладание сосудов вытянутых пропорций, остроребериых горшков, большой про- цент неорнаментированной посуды, но наряду с ними украшенные прочерченным и гребенчатым элементами — 80% от всех орнаментированных сосудов), так и по характеру своего сооружения (более других — основные в курганах; сопутствие досыпками при их впускном характере). Отметим также, что фиксируется группирование погребений с одной ориентировкой в рамках кургана и даже одного могильника. Например, в кургане 2 Новомеловатовского могильника все четыре погребения ориентированы на север, на север ориентированы и три из четырех погребений в кургане 47 Павловского могильника. Преобладает северная ориентировка в Бунарском кургане (четыре из лести). Северо-восточная ориентировке преобладает в Ильменском (13 погребений из 15) и Стояновском (8 погребений из 11) могильниках, а погребения с восточной ориентировкой характерны для Платовского кургана (пять погребений из семи). Интересно, что такие типы погребений в ряде случаев образуют скученность под насыпями, позволяющую предполагать короткий хронологический интервал в их устройстве. Такого рода наблюдения лишний раз убеждают в реальном существовании хронологических (а в известной степени и этнокультурных) различий между погребениями выделенных нами обрядовых подгрупп.

Единство в обряде погребений подгруппы «а» первой группы и позднекатакомбных погребений среднедонского региона, подкрепляющиеся такими общими прояв-

лениями, как астрагалы (Новомеловатовский могильник), сосуды со шнуровым, гребенчатым и особенно с прочерченным орнаментом, образующим композиции в виде заштрихованных треугольников, и «паркета»; бусы из голубой пасты и бронзовые сферические пустотелые серьги с усиками (Новая Меловатка, кург. 2) — это говорит о непосредственном хронологическом смыкании данных погребений и в определенной степени отражает их культурную преемственность. В то же время требует особой осторожности, казалось бы напрашивающийся, вывод о полной генетической преемственности оставившего их населения. Дело в том, что новый тип обряда (положение скорченно на левом боку с северной ориентировкой) появляется на Дону еще при существовании приема устройства катакомб и подбоев (Хохол, кург. 45), но в таких погребениях ни разу не встречены сосуды типично срубного типа. Нет их, за исключением одного случая, (Красные Солонцы 1/2) и в идентичных по обрядности поздних погребениях в ямах среднедонской катакомбной культуры, из этого следует, что погребения с инвентарем срубного типа не сменяют погребения в катакомбах, а появляются позже того, как были изжита традиция сооружения катакомб и общим признаком стало устройство простых ям с тенденцией захоронения умерших на левом боку с изменением ориентировки и положения рук. В обратном случае в таких погребениях следовало бы ожидать смешанные признаки в вещевых комплексах. Видимо, наметившиеся обрядовые изменения на поздних этапах существования среднедонской катакомбной культуры в меньшей степени должны рассматриваться как процесс перерастании ее в срубную культуру или как следствие широкого взаимодействия с появившейся извне срубной культурой, а, скорее, как явление стадиального характера. По сути дела, установившееся господство устройства простых могильных ям с деревянными перекрытиями и смена ориентировки представляют собой возобладание традиций еще древнеямного мира, которые, кстати сказать, не исчезали полностью, а прошли через всю историю бытования среднедонской катакомбной культуры[1]. С другой стороны, сопутствующие срубным погребениям подгруппы «а» материалы содержат немало признаков, которым невозможно найти истоки в местной катакомбной культуре, как невозможно объявить и явлениями стадиального порядка. Прежде всего отметим своеобразие керамического материала. Стройные пропорции срубных сосудов не сопоставляются с приземистыми пропорциями сосудов позднекатакомбных. Отличаются и сами их формы. В орнаментации катакомбных сосудов не встречен крупногребенчатый (губчатый) штамп, совсем не характерны насечно-ямочные элементы, нет столь типичных для срубной культуры зигзаговых композиций, а тем более меандров. Не сопоставляются также типы бронзовых ножей и подвесок. Нет аналогий в катакомбных погребениях костяным изделиям с резьбой. В катакомбных же погребениях нет следов внутримогильных деревянных конструкций.

Перечисленных различий уже вполне достаточно для того, чтобы предполагать инокультурное воздействие. Срубное воздействие в них налицо. Но фиксируются и иные этнокультурные связи. Колоколовидность формы и своеобразный прием нанесения орнамента у ряда сосудов (Павловск, кург. 47) находит аналогии в материалах доно-волжской абашевской культуры[2]. Однако собственно абашевскими сами погребения Павловского могильника, как и большинство погребений Старотойденского могильника, признать нельзя. Даже при учете стадиального фактора в появлении

[1] Там же, с. 100-104.

[2] Синюк А.Т., Погорелов В.И. Исследования курганов в левобережье Среднего Дона. — В печати.

общей обрядности, сами сосуды включают целый ряд отличительных признаков. К примеру, стройность пропорций при плоскодонности, отсутствие раковинных примесей отличают сосуды из Павловского могильника от приземистых округлодонных абашевских сосудов, так же, как и от местных позднекатакомбных. Такие признаки прежде всего характеризуют посуду срубной культуры Поволжья и других территорий[1]. В целом можно заключить, что в южной части лесостепного Донского региона, в отличие от северной, абашевские черты несут пришлый характер, опосредованный территорией распространения срубных культур (скорее всего эта территория лежит к востоку и юго-востоку от Дона), где и проходил процесс взаимоассимиляции двух культур. Иными словами, такие погребении следует рассматривать как срубно-абашевские. Данное заключение, в свою очередь, приводит к признанию весьма сложного характера процесса становления донской срубной культуры, в который были включены как возрожденные древнеямные традиции и черты позднекатакомбной культуры Донского региона, так и проникновения срубных культур извне. Погребения первой обрядовой группы с северной ориентировкой (подгруппа «а») с признаками, отражающими смыкание со среднедонской катакомбной культурой, можно рассматривать как важнейший показатель становления в лесостепном Подонье срубной культуры и как основу для выделения первого этапа ее развития. С этими погребениями полностью смыкается и ряд захоронений на правом боку (вторая обрядовая группа), тоже несущих признаки местной катакомбной культуры. Среди последних можно отметить захоронения из кургана у хут. Красные Солонцы, где в одном комплексе встречены сосуды позднекатакомбного и срубного обликов; погребение Платавского кургана, где находился бронзовый нож позднекатакомбного типа. Положение умерших на правом боку в этих погребениях можно расценивать по-разному: или как реминисценция прошлых традиций или же как признак поло-возрастного и, возможно, социального характера. Например, в коллективном захоронении Иванобугорского кургана два взрослых костяка находились на левой боку, а лежавший с ними детский костяк — на правом.

Связывая первый этап срубной культуры, главным образом, с погребениями подгруппы «а» первой обрядовой группы, мы обращаем внимание на то, что они находят соответствие по ориентировке не в самых ранних срубных памятниках Поволжья[2]. Не ранними для Поволжья рассматриваются и материалы смешанного, срубно-абашевского облика, которые на Дону несут явные признаки хронологической стыковки с позднекатакомбной культурой. В частности, в Павловском могильнике им сопутствовали ямы крупных размеров, подстилки, перекрытия, астрагалы; в Плодосовхозном могильнике — обширные ямы, остатки деревянной миски с бронзовыми хомутинами для скрепления — совершенно аналогичной позднекатакомбной и т.д.

Это совсем не исключает того, что эпизодическая инфильтрация на Дон племен позднеполтавкинского — раннесрубного мира из Поволжья имела место и в предшествующее время. Показательно в этом плане одно из погребений Лофицкого кургана[3]

[1] Пряхин А.Д. Древнее население Песчанки. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1973, с. 139; Сагайдак В.И. Стратиграфический анализ процентного соотношения основных форм срубных сосудов с поселений лесостепного Дона. — В сб.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1976, с. 55-56; Пряхин А.Д., Старцева Т.С. Боровское поселение под г. Воронежем: Изд-во ВГУ, 1981, с. 126-129.

[2] Пряхин А.Д., Синюк А.Т. Курган эпохи бронзы у пос. Хохольский. — СА, 1983, № 3, с. 197-202.

[3] Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Павловский могильник. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983.

с сосудами вытянутых пропорций, с уступчатым профилем, а также с раковинной примесью в тесте (что, кстати, ни разу не отмечено в посуде местной катакомбной культуры). Такие признаки позволяют проводить им аналогии с полтавкинскими древностями Поволжья. Те же связи фиксируют два погребения третьей обрядовой группы (Сасовка). Раннесрубный облик несет и погребение Радченского кургана[1] с восточной ориентировкой. Но такие погребения для Подонья очень редки, что не позволяет говорить о широком расселении здесь племен позднеполтавкинских — раннесрубных культур. Скорее всего отдельные группы их проникали на Средний Дон еще в период господства среднедонской катакомбной культуры. В облике оставленных ими погребений отсутствуют специфические признаки донской лесостепной срубной культуры, сложившейся здесь несколько позднее. Но отметим еще раз, что именно такие погребения отражают собой начало срубной экспансии извне.

В связи с этим встает довольно сложная проблема: должны ли эти погребения включаться в круг местной срубной культуры и, следовательно, говорить о синхронном существовании в Подонье на каком-то отрезке времени катакомбной и срубной культур, или же нужно говорить, не смешивая в одно понятие, о начале проникновения на Дон представителей восточного срубного мира и о формировании местной срубной культуры. До получения необходимого количества новых данных мы склоняемся ко второму предположению.

Погребения с северо-восточной ориентировкой могут рассматриваться как прямое развитие обрядности погребений с ориентировкой на север. Причины возникновения некоторых обрядовых отклонений пока не ясны: отражение ли это внутреннего развития, или же это следствие влияния со стороны срубных групп населения сопредельных территорий. Определенно можно говорить лишь о полном растворении в местной срубной среде ранее включавшихся позднекатакомбных черт в обрядности и материальных комплексах. В таких погребениях уже реже встречаются и остроребер-ные сосуды. Сами погребения чаще имеют небольшие размеры, без перекрытий, подстилок, а также утрачивается обычай сооружения срубов. Положение умерших чаще характеризуется сильной скорченностью. Инвентарь обедняется как по набору изделий, так и количественно. В целом преобладают баночные сосуды и горшки первого типа со скупым насечно-ямочным орнаментом (или же они вообще не украшены). Точно такие материальные признаки несет и большинство погребений с восточной ориентировкой, а также некоторые захоронения с северной ориентировкой и погребения второй обрядовой группы. Данное обстоятельство лишь подчеркивает, что единого безусловного критерия для выделения периодов в развитии срубной культуры нет. В этом вопросе важен количественный учет обрядовых проявлений при обязательной их корреляции с целый рядом других рассматривавшихся нами признаков.

По имеющимся материалам в развитии донской лесостепной срубной культуры можно выделить два периода.

Первый период определяют в основном погребения подгруппы «а», отдельные погребения подгрупп «б» и «в» первой обрядовой группы, а также погребения второй группы с признаками, присущими местной катакомбной культуре на поздней стадии ее бытования. Среди этих признаков должны учитываться размеры ям, перекрытия, подстилки, посыпка охрой, и мелом, горшки со шнуровым, гребенчатым и прочерченным орнаментом, образующим композиции в виде заштрихованных треугольников и «паркета»; ножи с параллельными лезвиями и ромбической расковкой конца, сфе-

[1] Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1977.

рические пустотелые серьги, астрагалы, части жертвенных животных на перекрытии. В числе новых признаков срубной культуры для первого периода следует назвать устройство срубов, наличие приземистых остроребёрных горшков с крупногубчатым орнаментом, образующим зигзаговые, ромбовидные, треугольные и меандровые композиции, сосудов баночных форм, бронзовых ножей с листовидным пером и намечающимся перекрестием, некоторых типов украшений. Эти признаки наряду с общими проявлениями обряда и определяют принадлежность местной культуры срубной культурно-исторической области. Какие из признаков несут стадиальный характер, а какие из них основаны на генетическом родстве с соседними срубными культурами — этот вопрос требует дальнейшей разработки. Наконец, в рамках первого этапа фиксируются черты, явно указывающие на связь с абашевской культурой (сосуды подтипа 2 первого типа), раковинная примесь, расковка конца черенка бронзовых ножей в виде «змеиной головки» и т.д. Вероятно, к их числу относятся и костяные изделия с резьбой, орнаментальные мотивы которых аналогичны изделиям из собственно абашевских погребений.

Второй этап в развитии срубной культуры наиболее зримо определяют такие признаки, как исчезновение срубных конструкций, широкое распространение маленьких ям с сильно скорченными костяками при господстве северо-восточной и восточной их ориентировки; исчезновение остроребёрных сосудов, широкое распространение сосудов баночных форм и горшков первого типа с закраинами у днищ, с насечно-ямочным орнаментом или неорнаментированных совсем; появление некоторых типов бронзовых украшений и орудий (Терешковский клад), общих для широкой территории распространения срубных культур на их позднем хронологическом этапе. И, в целом, для второго этапа местной культуры наблюдается нивелировка «стандартными» для срубной культурно-исторической области чертами.

По сумме признаков погребения донской срубной культуры первого периода в основе своей синхронизируются с первым этапом срубной культуры Нижнего Дона[1], со старшим покровским этапом срубных древностей Нижней Волги[2], развитым этапом срубной культуры Средней Волги[3], маевской группой и старшей сабатиновской ступенью левобережного лесостепного Днепра[4]. И только некоторые из них, отражающие проникновение на Дон отдельных групп позднеполтавкинского и раннесрубного населения (что отмечено и для Нижнего Дона[5]), могут быть сопоставлены с поздними бережновскими погребениями Нижней Волги и вторым горизонтом лесостепной

[1] Синюк А.Т., Килейников В.В. Курган у села Введенки на Дону. — СА, 1976, № 1.

[2] Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. — МИА, 1955, № 46; Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. — МИА, 1958, № 61; Отрощенко В.В. Срубная культура степного Поднепровья. — Автореф. дисс. ... канд. ист. наук, Киев, 1981.

[3] Качалова Н.К. Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья. – СА, 1978, № 3, с. 69-79; она же. Стратиграфические горизонты Бережновских курганных могильников. — АСГЭ, 1979, вып. 20, с. 28-38.

[4] Погорелов В.И. Отчет о работах Толучеевского отряда экспедиции Воронежского пединститута в 1982 г. — Архив ИА АН СССР.

[5] Погорелов В.И. Отчет об археологических исследованиях на территории Среднего Дона в 1983 году. — Архив ИА АН СССР.

КМК в левобережном Подвепровье (по И.Ф. Ковалевой[1]). Второй период соответствует второму этапу срубной культуры на Нижнем Дону, поздней ступени Покровского — четвертому этапу Нижней Волги, позднему сабатиновскому и белозерскому этапам левобережного Поднепровья. Хронологически нижняя граница донских срубных погребений соответствует верхнему рубежу местной катакомбной культуры — XV-XIV вв. до н.э[2]. Не противоречит этой дате синхронизация их со срубными погребениями сопредельных территорий. Бронзовые ножи со змеевидной расковкой черешка, встреченные в погребальных комплексах первого периода, для абашевской культуры определяются досейминским временем — серединой II-го тыс. до н.э.[3], а другая часть ножей находит аналогии в материалах раннесрубных поселений Донетчины. Эту же дату косвенно подтверждают и деревянные миски, которые по аналогиям[4] могут быть датированы XV-XIV вв. до н. э. Тем же временем могут датироваться и костяные изделия с резьбой по аналогии псалиям из Староюрьёвских курганов[5]. Хронологический рубеж первого и второго периодов, как уже отмечалось, установить трудно, поэтому датировка второго периода основывается на синхронизации его с погребениями поздней покровской группы Поволжья и погребениями второго этапа срубной культуры Нижнего Дона — XIII в. до н.э. Заключительная дата бытования срубной культуры на Верхний и Среднем Дону хорошо определяется Терешковским кладом, отнесенным к завадово-лобойковскому очагу металлообработки — XII-IX вв. до н.э.[6]

Своеобразие местной срубной культуры более всего прослеживается в материалах первого этапа ее развития. Это своеобразие выражается в органическом сочетании компонентов трех культур: среднедонской катакомбной, доно-волжской абашевской и волжской срубной. Другими словами, в Донском лесостепном регионе четко выражена линия генетической преемственности от предшествующего времени. Кроме того, своеобразие донской срубной культуры подчеркивается линь редкими случаями досыпок курганов, трупосожжений, тризн, жертвенных костров. К этому следует добавить также наличие стабильных групп погребений с северной и северо-восточной ориентировкой, почти полное отсутствие сосудов — чаш на высоких поддонах и некоторые другие называвшиеся ранее признаки, связанные с многокомпонентным характером культуры. Имеющаяся специфика, в целом, вполне оправдывает предложенное культуре название «донской лесостепной срубной»[7] и определяет самостоятельное место в ряду культур срубной культурно-исторической области.

---

[1] Шарафутдинова Э.С. Время появления раннесрубных памятников на Нижнем Дону. — В сб.: Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов: Изд-во РГУ, 1983, с. 30.

[2] Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д. Срубная культурно историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и Лесостопи. — В сб.: Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1979; Качалова Н.К. Стратиграфические горизонты Бережновских курганных могильников. — АСГЭ, 1979, вып. 20.

[3] Васильев И.Б. О заселении лесостепных районов Заволжья срубными племенами. — В сб.: Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1978, с. 40-41.

[4] Ковалева И.Ф. Север степного Поднепровья в среднем бронзовом веке. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1981, с. 32.

[5] Шарафутдинова Э.С. Время появления..., с. 31-32.

[6] Ковалева И.Ф. Указ. соч.

[7] Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы..., с. 157.

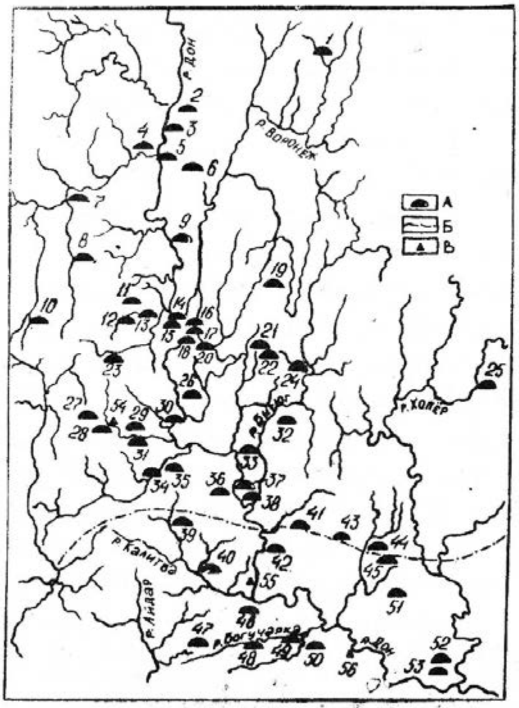


Рис. I. Карта расположения могильников срубной культуры на Верхнем и Среднем Дону. А – курганные могильники с погребениями срубной культуры; Б – южная граница лесостепи; В – находки металлических изделий срубного типа.

I – Старо-Юрьево, 2 – Волотово, 3 – Донское, 4 – Засосенка, 5 – Скорняково, 6 – Патриаршее, 7 – Лобовка, 8 – Тербуны, 9 – Введенка, I0 – Средняя Опочка, II – Кондрашовка, I2 – Нижняя Ведуга, I3 – Красные Солонцы, I4 – Подклетное, I5 – Частые Курганы, I6 – Попова Дача, I7 – Сады, I8 – Масловка, I9 – Верхняя Маза, 20 – Новая Усмань, 2I – Скляев, 22 – Леваневка, 23 – Хохол, 24 – Старая Тойда, 25 – Ильмень, 26 – Левая Россошь, 27 – Колтуновка, 28 – Колбино, 29 – Платава, 30 – Мастюгино, 3I – Сисовка, 32 – Бунарки, 33 – Новый Буравль, 34 – Русская Тростянка, 35 – Стояново, 36 – Марки I, 37 – Владимировка, 38 – Иванов Бугор, 39 – Караяшник, 40 – Россошь, 4I – Павловск, 42 – Павловский плодосовхоз, 43 – Новая Меловатка, 44 – Ширяево, 45 – Старая Криуша, 46 – Ивановка, 47 – Пасеково, 48 – Краснодар, 49 – Лофицкое, 50 – Радченское, 5I – Новотроицкое, 52 – Слащёвка, 53 – Букановка, 54 – Репьевка, 55 – Старая Калитва, 56 – Терешково.

Распределение типов сосудов по орнаментальным группам
Таблица 2
Типы, подтипы, равновидности
I
II
III
1
2
3
а
б
орнаментальные группы
первая
вторая
третья
четвертая
пятая
● - сосуды из погребений
○ - сосуды из жилищ и неукрашенных погребений

Таблица [illegible]

Распределение сосудов разных орнаментальных групп по обрядовым группам погребений

обр. групп \ орн. гр.		первая	вторая	третья	четвертая	пятая
I	а	●	●●●●●	●●●●●●●	●●	●●●●●●●●●●●●●●●●●●●
	б	●	●●●●●●●●●	●●●●●	●●●●●●●	●●●●●●●●●●●●●
	в	●	●	●●●	●●	●●●●
П	а			●	●	●●
	б				●	●●●●●●
III			●●			

Таблица [illegible]

Распределение типов сосудов по обрядовым группам погребений

обр. группы \ типы сос.		I			П			III				
		I		2	I		2	I	2		3	
		а	б	а	а	б	б	б	а	б	а	б
I	а	●●●●●●●	●●	●●	●●●●	●●●	●●●	●●●●●	●	●	●●●	●●
	б	●●	●●●●●●●●●●●●	●●		●●●	●●	●●●●	●		●●	●●●●●●●●●●
	в	●	●●●				●	●	●	●●	●	●
П	а	●			●	●		●				●
	б		●					●				●●
III						●		●				

Рис. 2. Керамика из срубных погребений. а– сосуды из раннесрубных погребений, б – сосуды из погребений первого периода лесостепной донской срубной культуры, в – сосуды из погребений второго периода лесостепной донской срубной культуры.
1–Лофицкое I/5, 2–Сасовка 8/4, 3–Радченское I/I, 4–Сасовка 6/2, 5–Новая Меловатка 2/3, 6–Павловск I7/I, 7–Пасеково 2/6, 8–Бунарки сосуд–8, 9–Павловск 47/7, I0–Новая Меловатка 2/7, II–Павловск 47/5, I2–Павловск 47/6, I3,I4–Ильмень 6/6, I5–Пасеково 2/4, I6–Ширяево 2/2, I7–Ильмень I/6, I8–Старая Тойда кург. I, I9–Бунарки I/4, 20–Пасеково I/3, 2I–Иванов Бугор I/7.

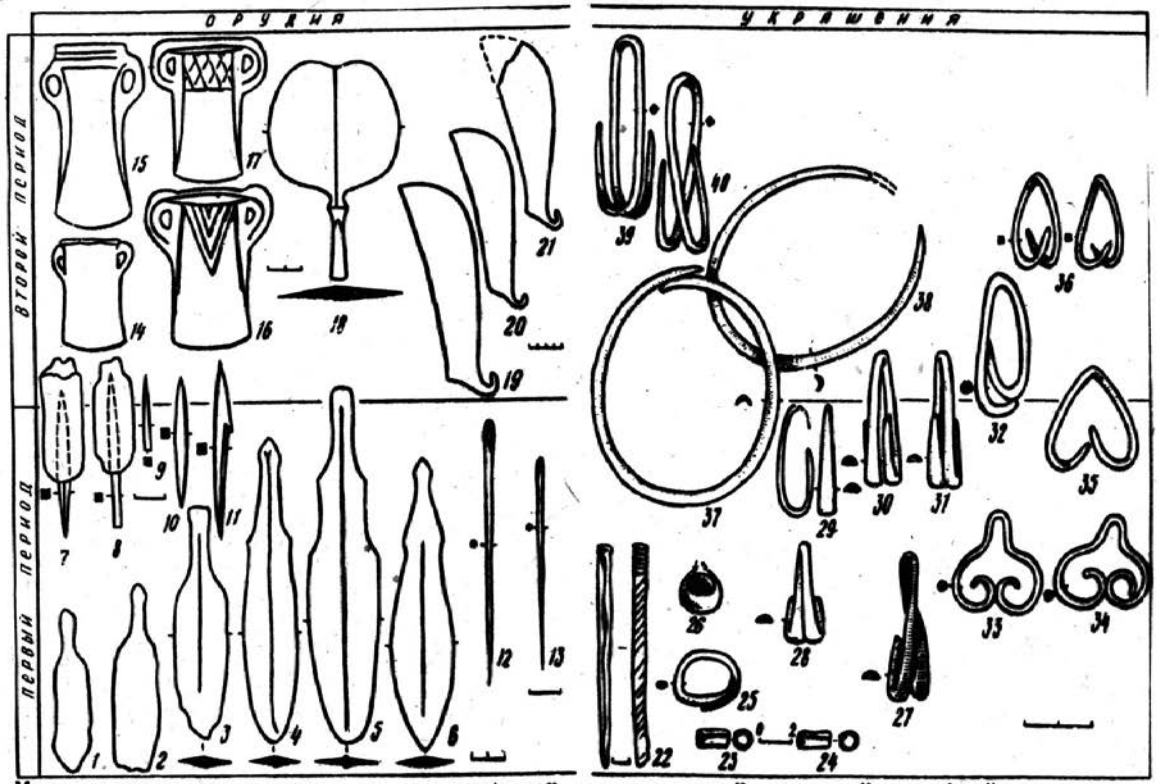


Рис. 3. Металлические изделия из погребений лесостепной донской срубной культуры. I-Платава, 2-Старая Тойда I/8, 3-Волотово, 4-Радченское I/I, 5-Верхняя Маза I/4, 6-Павловский плодосовхоз I/2, I2-Пасеково 2/4, I3-Хохол 2/3, I4-Репьевка, I5-Старая Калитва, I6-2I-Терешково, 22-Ильмень 6/7, 23-Пасеково 5/7, 24-Павловск 47/5, 25-Лофицкое I/5, 26-Новая Меловатка 2/3, 28-Старая Тойда,кург. I, 29-Пасеково 5/6, 30-3I - Стояново I/4, 32-Ильмень 6/5, 33,34 - Хохол 2/7, 35-Ильмень 6/I2, 36-Хохол 2/5, 8,9,37-40 - Сады I/I, 7-Павловск 47/5, I0,II-Павловский плодосовхоз I/2.

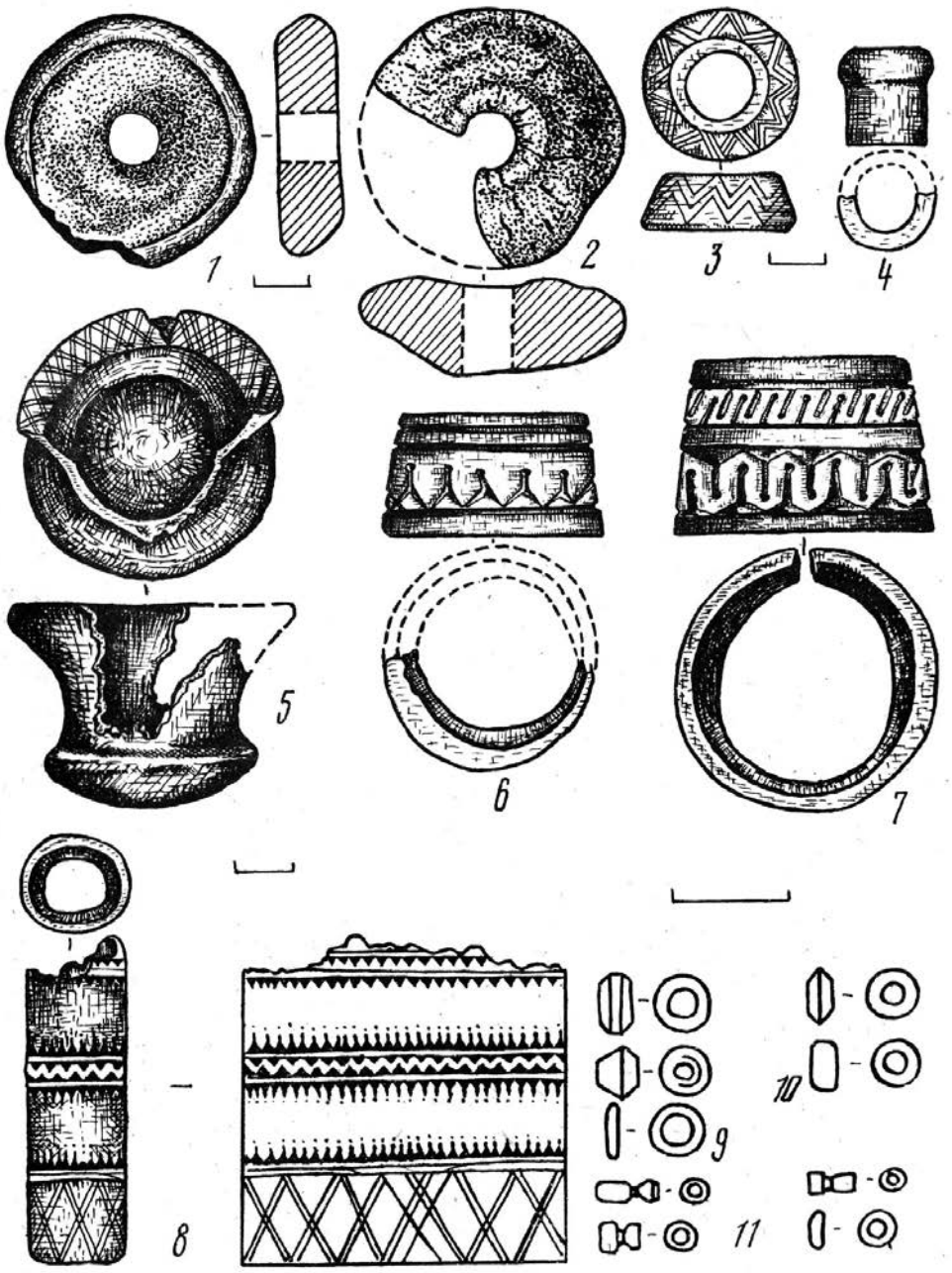


Рис. 4. Костяные и пастовые изделия из погребений лесостепной донской срубной культуры. 1-Павловск 47/7, 2-Хохол 2/насыпь, 3-Павловский плодосовхоз I/I, 4,6,7 - Стояново 5/9, 5-Павловский плодосовхоз I/2, 8-Радченское I/I, 9-Павловск 47/5, 10-Пасеково 5/7, 11-Пасеково 5/6. 1-8 - кость, 9-11 - паста

1986

О РАННЕСРУБНЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

Археологические памятники эпохи бронзы Восточноевропейской Лесостепи. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. С. 78-95. В соавт. с В.И. Погореловым.

Вопросы периодизации среднедонских срубных памятников, их датировки, а также соотношения с катакомбными и абашевскими древностями Подонья, находятся в центре внимания многих исследователей, начиная с Г.В. Подгаецкого[1] и О.А. Кривцовой-Граковой[2]. Исчерпывающая оценка состояния данных вопросов давалась в ряде работ П.Д. Либерова[3], А.Д. Пряхина[4] и других специалистов. Отметим, что выяснение общих, нивелирующих локальные особенности материальных проявлений срубной культуры на громадных пространствах Восточной Европы подготовило постановку вопроса о выделении срубной культурно-исторической общности[5].

И в то же время становится все более очевидным, что исторические явления, ведущие к появлению нивелирующих признаков, не должны закрывать от исследователя поисков территориальной специфики исторического процесса и этнографического разнообразия племен этой общности, что, безусловно, имело место в реальной действительности. В связи с этим совершенно верно, полагаем, взяты направления изучения особенностей срубных древностей отдельно по природно-географическим зонам[6], выделения в них вариантов и культур[7]. Именно такой позиции придерживаемся и мы при анализе новых срубных материалов с территории Среднего Дона. Материалы эти получены при раскопках курганов экспедицией Воронежского педагогического института. Следует сказать, что такого рода источники невелики на фоне широкого круга материалов поселений, известных на Среднем

[1] См. Подгаецкий Г.В. Город Воронеж. — В кн.: Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. М.-Л., 1941. с. 156-160.

[2] См. Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 1955, № 46.

[3] См. Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М. 1964; Либеров П.Д. Древняя история населения Подонья: Автореф. докт. дисс… М., 1971.

[4] См. Пряхин А.Д. История населения Верхнего и Среднего Подонья во II — начале I тыс. до и. э.: Автореф. канд. дисс. Воронеж, 1966; Он же. Древнее население Песчанки. Воронеж, 1973.

[5] См. Мерперт Н.Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы: Автореф. докт. дисс. М., 1968.

[6] См. Качалова Н.К. Лукьяновское поселение и некоторые вопросы срубной культуры. — АСГЭ, 1972, 16; Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь. — В кн.: Археология восточноевропейской лесостепи, Воронеж, 1979, с. 7-24.

[7] См. Качалова Н.К. О локальных различиях в лесостепной срубной культуре. — АСГЭ, 1977, 18, с. 24 и след.; Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, с. 220; Ковальова И.Ф., Волкобой С.С. Маівський локальный варіант зрубной культури. — Археология, Київ, 1976, вып. 20, с. 25-26; и др.

Дону, главным образом, по исследованиям А.Д. Пряхина[1]. Но и они несут важную информацию для решения отмеченных выше вопросов.

Для анализа привлекается свыше 30 погребений из курганных могильников, расположенных как в Правобережье (Сасовский, Пасековский, Радченковский), так и в Левобережье (Верхне-Мазовский, Ново-Меловатский, Павловский, Плодосовхозный могильники) бассейна Среднего Дона (рис. 1, 1).

Сасовский могильник[2].

Курган 6, погребение 2. Совершено в насыпи. Судя по сохранившимся костям рук и ног, умерший был положен на спину, головой на север (рис. 1, 2). Сохранились деревянные плахи, перекрывавшие захоронение вдоль. В области головы, слева, стоял баночный сосуд, орнаментированный поясками из насечек (рис. 1, 3). Основное погребение кургана — катакомбное.

Курган 8, погребение 4. Обнаружено в слое погребенной почвы. Умерший положен скорченно на спине, головой на восток (рис. 1, 4). На уровне груди стоял остроребериый сосуд, орнаментированный в верхней части до ребра оттисками зубчатого штампа, составленными в двойные горизонтальные линии и «уточками» из двойных н одинарных нарезок (рис. 1, 5). Основное погребение кургана ямно-катакомбного времени.

Павловский могильник[3].

Курган 17, погребение 1. Выявлено в насыпи, положение костяка определить не удалось. Захоронению сопутствовали два сосуда. Один из них — горшок с невысоким отогнутым наружу венчиком, орнаментированный в верхней части зигзагом из двойных прочерченных линий (рис. 1, 6). Второй — маленькая банка со стянутым верхом, украшенная по краю венчика рядом из оттисков перевитого шнура (рис. 1, 7). Основное погребение кургана — катакомбное.

Курган 47, погребения 5-8.

Погребение 5 совершено в обширной прямоугольной яме с деревянным перекрытием вдоль малых сторон. Скелет взрослой женщины располагался на органической подстилке скорченно на левом боку, головой на север, руки положены под голову (рис. 1, 10). В области шеи находились круглые пастовые — 19 штук — (рис. 1, 13) и свернутые в маленькие цилиндрики свинцовые — 21 штука — (рис. 1, 14) бусины. У головы стоял сосуд с биконическим туловом, небольшим прямым венчиком и поддоном. Орнаментирован в верхней половине горизонтальными оттисками зубчатого штампа и заключенными между ними линиями зигзага из тех же оттисков (рис. 1, 12). У живота был поставлен второй сосуд слабо выраженной колоколовидной формы, со следами сглаживаний на поверхности (рис. 1, 11).

Погребение 6 выявлено в обширной прямоугольной яме с деревянным перекрытием вдоль меньших сторон. Мужской костяк лежал на органической подстилке,

[1] См. Пряхин А.Д. Население срубной культуры на Верхнем и Среднем Дону. — В кн.: Из истории Воронежского края. Воронеж, 1966; Он же. История населения Верхнего и Среднего Подолья во II — начале I тыс. до и. э.: Автореф. канд. дисс.; Он же. Древнее население Песчанки. Воронеж, 1973; Пряхин А.Д., Сагайдак В.И. Металлообрабатывающая мастерская на поселении срубной культуры. — СА, 1975, 2; и др.

[2] См. Синюк А.Т. Сасовские курганы на реке Потудани. — В кн.: Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж, 1983.

[3] См. Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж, 1983, с. 20, 87-90.

скорченно на левом боку, головой на север, руки положены под голову (рис. 1, 8). У головы стоял сосуд горшковидной формы с обильной ракушечной примесью в тесте. Всю его поверхность покрывают крупные расчесы, под венчиком имеется зигзаг из оттисков крупного гребенчатого штампа (рис. 1, 9).

Погребение 7 (более позднее но отношению к погребению 6) совершено в обширной прямоугольной яме с уступами вдоль западной, северной и восточной стен и деревянным перекрытием по линии запад-восток. По центру ямы располагался скелет женщины или подростка в слабо скорченном состоянии, на левом боку, головой на север, руки положены под голову (рис. 2, 1). Сзади головы лежало бронзовое четырехгранное шило с круглой деревянной рукоятью (рис. 2, 4), а около груди — круглое костяное пряслице с отверстием в центре (рис. 2, 5). Края его обработаны идущими под углом фасетками, образующими острое ребро. Напротив лица стоял колоколовидный сосуд удлиненных пропорций (рис. 2, 2). Венчик имеет легкую желобчатость, поверхность обработана вертикальными расчесами. Орнамент выполнен прочерченными линиями в несколько горизонтальных поясков по горлу и в виде зигзага по тулову. На уступе у северной стенки был поставлен второй сосуд (рис. 2, 3) — баночной формы с двумя отверстиями под верхом с противоположных сторон, видимо, для подвешивания.

Погребение 8 выявлено в обширной прямоугольной яме со слегка закругленными углами и деревянным перекрытием вдоль малых сторон. Костяк женщины или подростка лежал скорченно на левом боку, головой на северо-восток, руки положены под голову (рис. 2, 6). Напротив живота вверх дном стоял сосуд, а под ним находились шесть бараньих астрагалов. Сосуд (рис. 2, 7) колоколовидной формы, вытянутых пропорций, с примесью толченой раковины в тесте. Поверхность покрыта вертикальными расчесами, по горлу нанесено несколько горизонтальных прочерченных линий, а ниже, через все тулово и до дна, идут диагональные перекрещивающиеся проглаженные борозды. В нижней части заполнения ямы найден камень в виде головы бычка, положенного, вероятнее всего, на перекрытие (рис. 2, 8). Стратиграфически зафиксирована последовательность в сооружении трех из рассмотренных погребений — 6, 7, 8. Основное погребение кургана — катакомбное.

Павловский плодосовхозный могильник[1].

Курган 1, погребение 1. Обширная прямоугольная яма с деревянным накатником ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. На полу отмечены остатки органической подстилки (рис. 2, 9). У северной стенки обнаружены фрагмент деревянной чашки с бронзовом хомутиком и костяное кольцо с резьбой на поверхности (рис. 2, 10).

Курган 1, погребение 2. Совершено в обширной прямоугольной яме, ориентированной длинной осью по линии ЮЗ-СВ и с деревянным накатником вдоль малых сторон (рис. 2, 11). На органической подстилке располагался костяк подростка скорченно на левом боку, головой на ВСВ, руки его положены между колен. В южном углу ямы находился костяной предмет в виде стопки из эпифиза с перекрещивающимися нарезками по фланцу (рис. 2, 16) и остатки жертвенной пищи. У восточной стенки — два бронзовых четырехгранных шила (рис. 2, 13, 14) и сосуд баночной формы с обильной ракушечной примесью в тесте (рис. 2, 12). Ближе к северному углу находились фрагмент деревянной чаши с бронзовыми хомутиками и бронзовый нож, имеющий широкое листовидное перо с на-

[1] См. Синюк А.Т. Отчет к Открытому листу № 239 о раскопках курганов в Павловском и Кантемировской р-нах Воронежской области в 1978 году. — Архив ИА АН СССР, р-1, 7286.

меченным упором и черенок, с ромбической расковкой на конце. Стратиграфически погребение 1, являясь основным в кургане, предшествует погребению 2.

Пасековский могильник[1].

Курган 1, погребение 3. Представляет собой небольшую прямоугольную яму, ориентированную длинной осью по линии З-В, перекрывавшуюся деревянными плахами вдоль длинных сторон (рис. 3, 1). Судя по сохранившимся частям скелета, умерший был захоронен в скорченном состоянии, на левом боку, головой на восток. У головы стоял баночный сосуд со стянутым верхом, орнаментированный в верхней половине нарезными горизонтальными линиями и вертикальными насечками (рис. 3, 2). Основное погребение кургана — катакомбное.

Курган 2, погребения 3-7.

Погребение 3 совершено в небольшой прямоугольной яме, ориентированной длинной осью по линии ЮЮВ ССВ с остатками деревянного перекрытия вдоль (рис. 3, 3). Детский скелет располагался на органической подстилке скорченно на левом боку, головой на север. За его головой стоял баночный неорнаментированный сосуд (рис. 3, 4).

Погребение 4 выявлено в небольшой прямоугольной яме, ориентированной длинными сторонами по линии ЮЮЗ-ССВ. На органической подстилке лежал скелет взрослого человека скорченно на левом боку, головой на ССВ, руки положены под голову (рис. 3, 5). Перед лицом стоял сосуд баночной формы со стянутым верхом, орнаментированный горизонтальным рядом из каплевидных вдавлений (рис. 3, 6). Здесь же находилась бронзовая кованая игла с ушком (рис. 3, 7).

Погребение 5 обнаружено в небольшой овальной яме, ориентированной длинными сторонами по линии ЮЗ СВ (рис. 3, 8). Детский костяк лежал скорченно на левом боку, головой на СВ. Напротив черепа стоял глиняный сосуд со слабо профилированным венчиком, украшенный пояском насечек, составленных в горизонтальную елочку (рис. 3, 9).

Погребение 6 перекрывалось предыдущим захоронением. Небольшая прямоугольная яма ориентирована по линии ЮЗ-СВ, перекрывалась вдоль длинных сторон деревянными плахами (рис. 3, 10). На органической подстилке лежал скелет взрослого человека на левом боку, скорченно, головой на восток. Правая рука согнута в локте и вытянута вперед, левая положена вдоль туловища. Выше головы стоял приземистый горшковидный сосуд с выделенным венчиком, сильно выпуклыми боками и поддоном (рис. 3, 11). Орнаментирован в верхней половине оттисками шпура в виде горизонтальных линий и вертикальных линий и вертикальных отрезков, образующих треугольники.

Погребение 7 совершено в небольшой прямоугольной яме, ориентированной по линии ССЗ-ЮЮВ (рис. 3, 12). Костяк взрослого человека находился на органической подстилке скорченно па левом боку, головой на ССЗ, руки положены между колен. У черепа выявлены угли, вдоль восточной стенки — дерево от перекрытия по длинной оси. Стратиграфически определяется последовательность в совершении трех погребений кургана — 4 (основное), 6, 5.

Курган у с. Верхняя Маза[2].

[1] См. Синюк А.Т., Погорелов В.И. Пасековский курганный могильник эпохи бронзы на Среднем Дону. — СА. 1985, 3, с. 124-135.

[2] См. Синюк А.Т., Погорелов В.И. Исследования курганов в левобережье Среднего Дона. — Там же, 1986, 1, с. 146-151.

Погребение 4 (основное, единственное срубное) выявлено в обширной прямоугольной яме, ориентированной длинной осью по линии С-Ю (рис. 3, 13). Вдоль малых сторон яма была перекрыта мощным бревенчатым накатником. Судя по сохранившимся костям скелета, умерший был положен в слабо скорченном состоянии на левый бок, головой на север. У живота его находились обломки остроребериого сосуда вытянутых пропорций, украшенного прочерченными линиями и оттисками гребенчатого штампа, образующими выше ребра цепочку заполненных ромбов, ниже ребра — зигзагообразный пояс (рис. 3, 14). Здесь же найден бронзовый нож — кинжал (рис. 3, 15) с намечающимся перекрестием и четко выделенным ребром жесткости. По углам ямы в ногах погребенного были поставлены два сосуда баночных форм с крупными косо-вертикальными расчесами (рис. 3, 15, 16). Возле каждого из них лежали бараньи ребра.

Ширяевский могильник[1].

Курган 2, погребение 2. В небольшую квадратную яму, ориентированную по сторонам света, поставлены два глиняных сосуда баночных форм (рис. 4, 1, 2). Один из них орнаментирован рядом косых нарезок под верхом. Вероятнее всего, данное погребение представляет собой кенотаф. Основное погребение кургана катакомбное.

Новомеловатский могильник[2].

Курган 2, погребения 2, 3, 4, 7.

Погребение 2 совершено в небольшой прямоугольной яме с деревянным перекрытием вдоль малых сторон, ориентированной по линии С-Ю (рис. 4, 3). Детский скелет лежал на левом боку, скорченно, головой на север. Руки согнуты в локтях, кисти притянуты к лицу. На полу зафиксирована органическая подстилка. У колен умершего лежал бараний астрагал, у ног стоял неорнаментированный горшковидный сосуд с ребром и небольшим, плавно отогнутым наружу венчиком (рис. 4, 4).

Погребение 3 выявлено в небольшой прямоугольной яме, ориентированной длинными сторонами по линии С-Ю (рис. 4, 5). На остатках органической подстилки находились фрагменты детского захоронения, судя по которым, умерший был положен скорченно па левом боку, головой на север, кисти рук притянуты к лицу. Напротив груди были положены бараний астрагал и глиняный горшок с невысоким, немного отогнутым наружу венчиком, раздутыми боками, украшенный по всей поверхности заштрихованными треугольниками из прочерченных линий и двух рядов оттисков перевитым шнуром (рис. 4, 6). В нижней части заполнения ямы найдены фрагменты еще одного сосуда с невысоким венчиком и ребром, орнаментированного косо-вертикальными расчесами (рис. 4, 7). Под остатками черепа находилась плохо сохранившаяся бронзовая сферическая серьга (рис. 4, 8).

Погребение 4 совершено в обширной яме подквадратной формы (рис. 4, 9). На органической подстилке находились остатки двух захоронении: ближе к северо-восточной стенке — детского, ближе к юго-западной стенке — взрослого. Судя по сохранившимся фрагментам скелетов, оба погребенные лежали на левом боку, скорченно, головами на ССЗ, кисти руки были притянуты к лицу. Вдоль северо-западной стен-

[1] См. Погорелов В.И. Ширяевский могильник бронзового века на Среднем Дону. — Там же, 1985, 1.

[2] См. Погорелов В.И. Раскопки курганов на юге Воронежской области. — В кн.: Археологические памятники на Европейской территории СССР. Воронеж: Изв. Воронежск. пед. ин-та, 1985, т. 234, с. 75-80.

ки ямы стояли три сосуда: два горшковидной формы с косо-вертикальными расчесами на поверхности (рис. 5, 1, 2), один — баночный, орнаментированный в верхней части горизонтальными и зигзагообразной прочерченными линиями (см. рис. 4, 10).

Погребение 7 выявлено в небольшой прямоугольной яме, ориентированной по линии С-Ю (рис. 4, 11), перекрывавшейся вдоль малых сторон деревянными плахами. Детский скелет лежал на органической подстилке скорченно, на левом боку, головой на север. Руки согнуты в локтях, кисти притянуты к лицу. Напротив живота находились бараний астрагал и раздавленный остроребериый сосуд с небольшим, отогнутым наружу, венчиком и поддоном (рис. 4, 12). По всей поверхности он украшен оттисками гребенчатого штампа, составленными в горизонтальные ряды и два зигзагообразных пояса. Стратиграфическое соотношение погребений не фиксировалось. Основное погребение кургана древнеямного времени.

Курган «Иванов Бугор»[1].

Погребение 2, 3, 7, 11 — все выявлены в насыпи кургана, формы могильных сооружений не фиксировались.

Погребение 2 (предположительно тройное). Костяки располагались на одном уровне в непосредственной близости друг от друга (рис. 4, 13). Скелет, принадлежавший взрослому человеку, находился на левом боку, скорченно, головой на северо-восток, руки согнуты в локтях и протянуты вперед. Под черепом найдены две продолговатые бронзовые подвески с загнутыми концами (рис. 4, 14). За его спиной в аналогичной позе лежал скелет ребенка, но на правом боку. Костяк слева, принадлежавший взрослому человеку, также был захоронен скорченно, на левом боку, головой на северо-восток, руки согнуты в локтях и протянуты вперед.

Погребение 3. Умерший (ребенок 3-4 лет) захоронен в сильно скорченном состоянии на левом боку, головой на восток, руки согнуты в локтях, кисти притянуты к лицу (рис. 4. 15). Напротив черепа стоял неорнаментированный баночный сосуд (рис. 4, 16).

Погребение 7. Скелет новорожденного лежал скорченно на правом боку, головой на ВСВ, руки согнуты в локтях, кисти притянуты к лицу (рис. 4, 17). У черепа был поставлен маленький неорнаментированный сосудик баночной формы (рис. 4, 18).

Погребение 11 представлено частями скелета ребенка 2-3 лет, лежавшего на правом боку, головой па ВСВ, руки согнуты в локтях, кисти притянуты к лицу (рис. 4, 10). У черепа стояла неорнаментированная глиняная банка (рис. 4, 20). Стратиграфическое соотношение не фиксировалось. Ранние захоронения кургана относятся к древнеямному времени.

Курган у с. Радченское[2].

Погребение представляло собой обширную яму (примерно 2×2 м) с деревянным срубом в несколько венцов и мощным накатником. На перекрытии были положены череп и кости ног лошади. Скелет взрослого человека лежал скорченно на левом боку, головой на восток. Левая рука согнута в локте, кисть притянута к лицу, правая — вытянута, положена на таз. Захоронению сопутствовали два глиняных сосуда, бронзовый нож с листовидным пером, намеченным перекрестием и раскованным черешком (рис. 5, 3), и обломок изделия из полой кости с резным орнаментом

[1] См. Синюк А.Т. Отчет о раскопках экспедиции Воронежского пединститута в 1981 году. — Архив ИА АН СССР.

[2] Курган разрушен при планировке площади под животноводческий комплекс в 1975 г. См. Погорелов В.И. Раскопки курганов на юге Воронежской области. — В кн.: Археологические памятники на Европейской территории СССР. с. 91.

(рис. 5, 6, 7). Один сосуд (рис. 5, 5) остроребериой формы с отогнутым венчиком и поддоном, пышно орнаментированный нарезными линиями, заполненными белой пастой. В тесте обильная примесь толченой раковины. Другой сосуд (рис. 5, 4) — горшок с невысоким, отогнутым наружу венчиком, раздутым туловом, плоским дном. В тесте примесь ракушки. Орнаментирован в верхней части горизонтальными прочерченными линиями, обрамленными снизу бахромой из коротких оттисков перевитого шнура.

Таким образом, мы имеем несколько случаев прямой стратиграфии рассмотренных срубных погребений, но, к сожалению, стратифицируются главным образом единообрядовые захоронения, в которых с трудом улавливаются хронологические различия. Все же отметим признаки погребений нижнего и верхнего стратиграфических горизонтов.

Пасековский могильник, курган 2, раннее погребение 4 — небольшая подпрямоугольная яма, следы надмогильного деревянного перекрытия; костяк на левом боку, скорченно, ориентирован на ССВ; органическая подстилка; подсыпка охры; баночный сосуд со стянутым верхом; бронзовая игла.

Позднее погребение 5 — овальная яма; костяк сильно скорчен, на левом боку, ориентирован на СВ; слабо профилированный горшок.

Павловский могильник, курган 47, раннее погребение 6 — обширная прямоугольная яма с деревянным перекрытием; костяк скорченно на левом боку, головой на север; органическая подстилка; горшковидный сосуд с раковинной примесью в тесте, косо-вертикальными расчесами на поверхности, с зигзагом из крупного гребенчатого штампа под шейкой.

Позднее погребение 8 — прямоугольная яма с деревянным перекрытием; костяк скорченно на левом боку, ориентировка северо-восточная: горшок вытянутой колоколовидной формы с раковинной примесью в тесте, с орнаментом в виде прочерченных линий в верхней части и кососеточной штриховкой; бараньи астрагалы; камень в виде головы бычка на перекрытии.

В обоих рассмотренных случаях охра и органическая подстилка отсутствуют в поздних погребениях, где фиксируется отклонение и в ориентировке умерших. В то же время отметим, что даже погребение верхнего стратиграфического горизонта Павловского кургана 47 имеет черты, увязывающие его преемственностью не только с абашевскими древностями (по облику сосуда), но и с местными позднекатакомбными, по присутствию астрагалов и каменной «головы бычка», предельно ярко имитирующей обычное присутствие на перекрытии позднекатакомбных погребений Среднего Дона черепов и костей ног крупных рогатых животных. Но, пожалуй, еще сильнее взаимодействие признаков трех культур (катакомбной, абашевской и срубной) обнаруживается в рассматриваемых нами погребениях нижнего стратиграфического горизонта (наличие органических подстилок, охры, положение и ориентировка). Погребения позднего этапа местной катакомбной культуры имеют точно такие же ориентировку и положение умерших[1]. В этой связи чрезвычайно интересен сосуд из погребения 3 кургана 2 Новомсловатского могильника, в котором вполне определенно проступают в форме и орнаментации черты катакомбных традиций при срубных обрядовых признаках и срубном облике второго сопровождавшего это захоронение сосуда. Другими словами, и сама группа позднекатакомбных

[1] См. Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж. 1983, с. 157-158.

среднедонских погребений выделяется на основе появления срубных обрядовых признаков. Тем самым устанавливается прямое хронологическое соприкосновение двух названных культур и их взаимодействие.

Такое взаимодействие обнаруживается и по ряду других сравнений. В частности, тип сферических бронзовых серег, до сих нор встреченных только в катакомбных погребениях, сопровождал и погребение 3 кургана 2 Новомеловатского могильника. В последнем же находился и бараний астрагал, характерный культовый атрибут катакомбных погребений. Далее, в погребениях кургана I Плодосовхозного могильника находились фрагменты деревянных чаш с бронзовыми хомутиками, совершенно идентичные находке из позднекатакомбного погребения 6 кургана 49 Павловского могильника[1]. Можно отметить сочетание разнокультурных признаков в основном погребении кургана у с. Платава, где наряду с типичными срубными сосудами выявлен нож с параллельными лезвиями и ромбической расковкой острия, причем умерший лежал на правом боку[2]. Весьма показательно и впускное погребение кургана у хутора Дальние Солонцы, где умерший лежал в обширной квадратной яме на правом боку, с ориентировкой на СВ и сопровождался двумя сосудами, причем один катакомбного типа (прямой венчик, раздутое тулово, ростковый орнамент), а другой — остроребериый срубный[3]. Несколько погребений с положением умерших на правом боку выявлено в кургане 3 Старотойденского могильника[4]. В целом, по облику, эти погребения более тяготеют к позднекатакомбной культуре (пятая обрядовая группа)[5]. Перечисление такого рода примеров по материалам Среднего Дона можно было бы и продолжить. Сказанное побуждает нас рассматривать такие захоронения в пределах существования на Среднем Дону позднекатакомбной культуры.

Необходимо рассмотреть, в каком отношении находится данная группа погребений с периодизацией срубных древностей Нижнего Поволжья[6], где в качестве раннего выделяется бережновский горизонт, характеризуемый большими прямоугольными могильными ямами, перекрытыми бревенчатыми накатниками, положением умерших скорченно на левом боку с восточной ориентировкой, наличием в некоторых случаях органических подстилок, охры, мела, керамикой с сохранением ряда архаичных черт[7]. Ориентировка среднедонских срубных погребений рассматриваемой нами группы более типична для следующего (Покровского) этапа срубных древностей Поволжья. Первая группа покровскнх погребений, по В. И. Сагайдаку[8], характеризуется наличием органических подстилок в ямах, положением умерших

[1] См. там же, с. 94, рис. 36, 6.

[2] См. Москаленко А.Н. Курган эпохи бронзы близ с. Платавы Воронежской области. — Тр. Воронежск. обл. краеведческого музея. Воронеж, 1960, вып. 1, с. 87-93.

[3] См. Пряхин А.Д. Поселения срубной культуры на Верхнем и Среднем Дону, с. 85.

[4] См. Тихонов Б.Г. Третий Старотойденскнй курган. — КСИА, 1971, 127, с. 86-92.

[5] См. Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж, 1983, рис. 43.

[6] См. Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. — МИА, 1958, 61, с. 73, 81, 101, 140, 151. Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д. Срубная культурно-историческая общность и лесостепь, с. 20; Качалова Н.К. Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья. — СА, 1978, 3, с. 69-79. Она же. Стратиграфические горизонты Бережковских курганных могильников. — АСГЭ, 1979, вып. 20, с. 28- 38.

[7] См. Качалова Н.К. Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья, с. 69-79.

[8] См. Сагайдак В.И. О двух группах погребений Покровских могильников в Нижнем Поволжье. — В кн.: Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979, с. 57-70.

скорченно на левом боку головой на север, сосудами с раковинной примесью в тесте и колоколовидными формами, что в целом побудило исследователя отнести их к собственно абашевским[1]. Несмотря на такие же признаки рассматриваемых нами среднедонских погребений, мы не можем последовать за таким выводом, поскольку, как уже отмечалось, наряду с абашевскими признаками, они несут и катакомбные, а в обрядовости — в основном срубные.

В этом плане весьма показательный облик имеет погребение из кургана у с. Радченское, которое, безусловно срубное по обряду, сопровождается срубным остроребериым сосудом, инкрустированным белой пастой и, в то же время здесь находились сосуд с абашевскими чертами, бронзовый нож с ромбической расковкой черешка и костяная поделка с резьбой, чаще встречаемые в абашевских комплексах, т. е. здесь мы тоже видим взаимодействие двух культур. Учитывая облик ряда сосудов, а также обрядовые признаки, в основной массе рассматриваемые погребения сопоставляются с материалами Покровского горизонта, но не исключается возможность проникновения на Средний Дон отдельных групп срубного населения и в более раннее время. Так, в частности, два погребения Сасовского могильника наряду со срубными сосудами имеют и такие признаки, как положение скорченно на спине, с ориентировкой на север и восток. И в том и в другом погребениях как в обрядовости, так и в формах сосудов еще достаточно сильно проступают полтавкинские традиции, что позволяет относить их к самому раннему этапу развития срубной общности вообще и срубной культуры на Среднем Дону в частности. Именно эти погребения должны лечь в основу периодизации донских срубных погребений. Сюда же должны быть отнесены материалы погребения из кургана у с. Радченское, погребение 3 кургана 1 Пасековского могильника. Отметим, что пока невозможно уловить хронологические различия погребений с северной и восточной ориентировкой умерших. На основании аналогий к первому (раннему) этапу относятся погребения 5, 6, 7 кургана 47 Павловского могильника, погребения 1, 2 кургана 1 Плодосовхозного могильника, погребение 4 из кургана у с. Верхняя Маза, основное погребение из кургана у с. Платава и ряд других аналогичных погребений, раскопанных ранее. В частности, погребение 1, кургана 5 Караяшниковского могильника[2], сосуд из которого аналогичен сосуду из погребения 6 кургана 47 Павловского могильника, погребение из кургана у с. Патриаршее[3], а также сосуд из насыпи кургана у хутора Краснодар[4]. Не трудно заметить, что в материалах этой группы погребений фиксируются и абашевские признаки. Здесь мы сталкиваемся с очень сложной проблемой взаимодействия сразу, по крайней мере, трех культурных образований, что отражает глубокую специфику именно лесостепи. Возникает вопрос о том, какое из этих образований выступает в зарождающейся или отживающей форме, каким образом они контактировали территориально и на протяжении какого времени.

[1] См. Там же, с. 66.

[2] См. Матвеев Ю.П., Медведев А.П. Курганы у с. Караяшник на территории Воронежской области. В кн.: Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1979, с. 126, рис. 2, 14, с. 135-137.

[3] См. Шоков А.Ф. Памятники эпохи бронзы на территории Верхнего Дона. — Изв. Воронежск. пед. ин-та, 1960, т. 31, с. 163-165, рис. 9.

[4] См. Синюк А.Т. Отчет к открытому листу № 29 на право археологических работ на территории Среднего Дона в 1971 г. — Архив ИА АН СССР, р-1, 4444.

Ранее улавливался процесс взаимодействия абашевских и катакомбных традиций только в центральной и северной части лесостепи (Частые курганы, курган 14[1], курган ус. Введенки[2]). Интересно, что срубных признаков в Введенских раннеабашевских погребениях не обнаруживается. Новые источники позволяют распространять зону катакомбно-абашевского взаимодействия не только на южную часть лесостепи, но и на северо-степные районы, при участии уже срубной культуры. В связи с этим складывается впечатление о хронологическом приоритете в северных районах катакомбной и раннеабашевской культур, в то время как в южных районах лесостепи абашевские традиции в этом процессе выступают не ранними и не самостоятельно, а, главным образом, совместно со срубными. Здесь, вероятно, их проявление можно рассматривать как вторичное, привнесенное волной срубной экспансии, т. е. в южных районах лесостепи абашевские признаки могут иметь и восточное происхождение (в рамках доно-волжской абашевской культуры). В связи с этим совершенно закономерно выступает то обстоятельство, что для более поздних групп погребений обнаруживается взаимодействие только срубно-абашевских традиций, без каких-либо признаков катакомбной культуры. Становится очевидным, что погребения с пережитками катакомбных проявлений мы не можем рассматривать в существенном хронологическом отрыве от погребений, отнесенных нами к раннему срубному этапу, хотя некоторые отличия среди них и фиксируются. Все это позволяет датировать их концом первого этапа срубной культуры Среднего Подонья. Наконец, все другие захоронения, в которых отсутствуют какие-либо реминисценции катакомбной культуры и наделенные такими признаками, как неустойчивая ориентировка в пределах северной половины круга горизонта, сильная скорченность, положение умерших только на левом боку, отсутствие органических подстилок, охровой подсыпки, а в керамике — преобладание баночных форм с закраинами у днищ, можно отнести ко второму (позднему) этапу срубной культуры Среднего Дона, синхронизировав его начало с поздним покровским этапом в рамках срубной общности.

Бережновский этап срубных древностей Поволжья датируется XVI-XV вв. до и. э., Покровский соответственно — XV-XIV вв. до и. э. Датировка ранних срубных погребении Среднего Дона должна осуществляться в соответствии с верхней хронологической границей местных катакомбных памятников (XV-XIV вв. до н. э.)[3]. Можно отметить линии синхронизации сосуда с поддоном из погребении кургана у с. Радченское со сходными материалами левобережного Поднепровья, которые датируются XV-XIV вв. до н. э.[4] Другая линия сопоставления — бронзовые ножи с ромбической расковкой черешка, которые для абашевских комплексов датируются досейминским временем[5]. Сложнее расположить хронологически керамический материал среднедонских срубных погребений, поскольку в одних комплексах фиксируется присутствие, казалось бы, и ранних, и поздних их форм. Более того, стратиграфически установлено предшествование сосудов с бедной орнаментацией

[1] См. Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М. 1964, рис. 3, 6.

[2] См. Синюк А.Т., Килейников В.В. Курган у села Введенки на Дону. — СА, 1976, № 1.

[3] См. Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник), с. 157.

[4] См. Волкобой С.С. Срубные погребения с кубками в Днепровском Левобережье. — В кн.: Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск, 1980, с. 71.

[5] См. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1971; Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977.

сосудам, украшенным шнуровыми оттисками в сложной геометрической композиции. В целом, же керамический материал погребений первого этапа в большей степени сопоставляется с материалами Покровского этапа срубной общности, как и большинство самих погребений, появление и распространение которых в Среднем Подонье было связано с началом активной экспансии срубного населения именно на этом этапе.

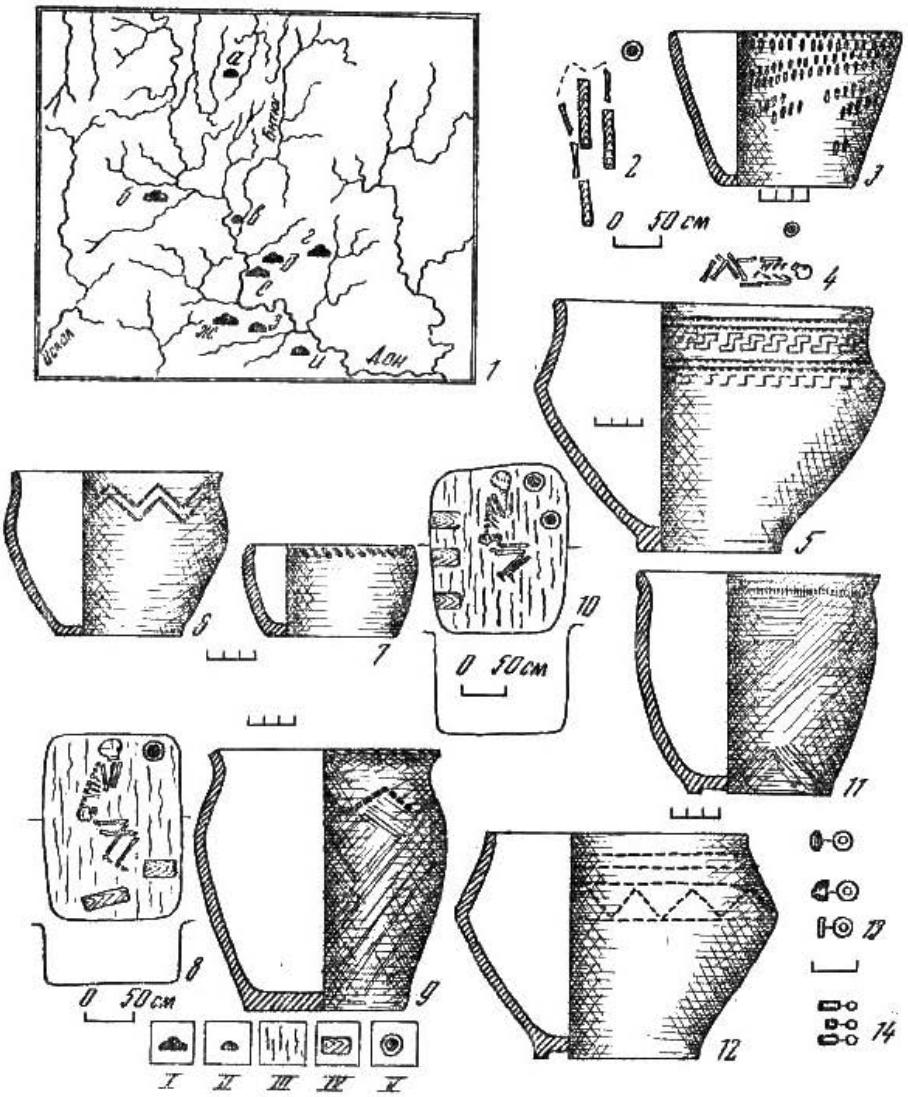


Рис. 1. Раннесрубные погребения Среднего Дона. *1* — Карта распространения раннесрубных погребений, исследованных экспедицией Воронежского пединститута (*а* — Верхняя Маза; *б* — Сасовка; *в* — Иванов Бугор; *г* — Новая Меловатка; *д* — Павловск; *е* — Павловский плодосовхоз; *ж* — Пасеково; *з* — с. Краснодар; *и* — с. Радченское); *2, 3* — Сасовка, курган 6, погребение 2 (*2* — план, *3* — сосуд); *4, 5* — Сасовка, курган 8, погребение 4 (*4* — план, *5* — сосуд); *6, 7* — Павловск, курган 1, погребение 1; *8, 9* — Павловск, курган 47, погребение 6 (*8* — план, *9* — сосуд); *10—14* — Павловск, курган 47, погребение 5 (*10* — план, *11, 12* — сосуды, *13* — пастовые бусы, *14* — свинцовые бусы).

Условные обозначения: I — курганные могильники, II — одиночные курганы, III — органическая подстилка, IV — дерево, V — сосуды

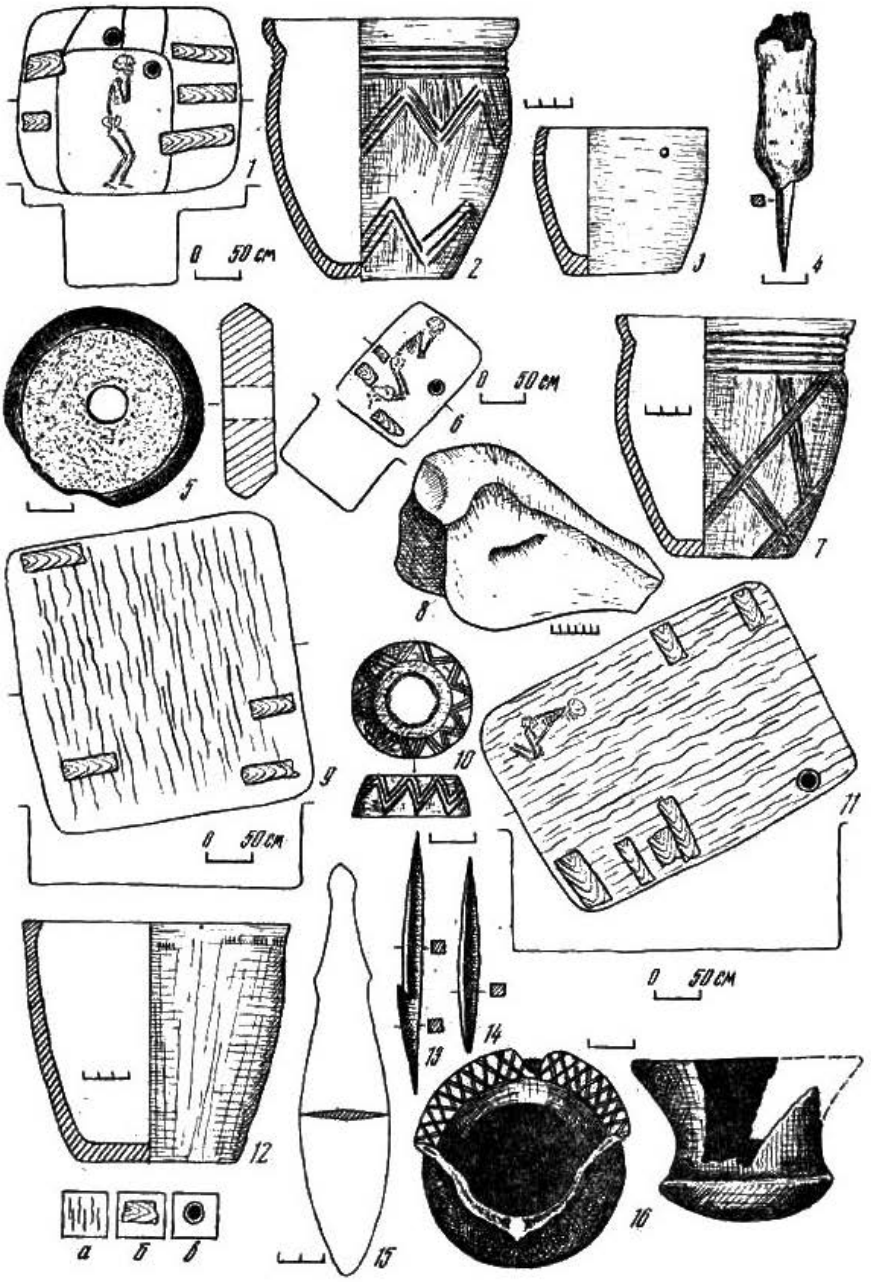


Рис. 2. Раннесрубные погребения Среднего Дона. *1—5* — Павловск, курган 47, погребение 7 (*1* — план, *2, 3* — сосуды, *4* — шило, *5* — костяное изделие); *6—8* — Павловск, курган 47, погребение 8 (*6* — план, *7* — сосуд, *8* — камень); *9, 10* — Павловский плодосовхоз, курган 1, погребение 1 (*9* — план, *10* — костяное кольцо); *11—16* — Павловский плодосовхоз, курган 1, погребение 2 (*11* — план, *12* — сосуд, *13, 14* — бронзовые шилья, *15* — бронзовый нож, *16* — костяное изделие)

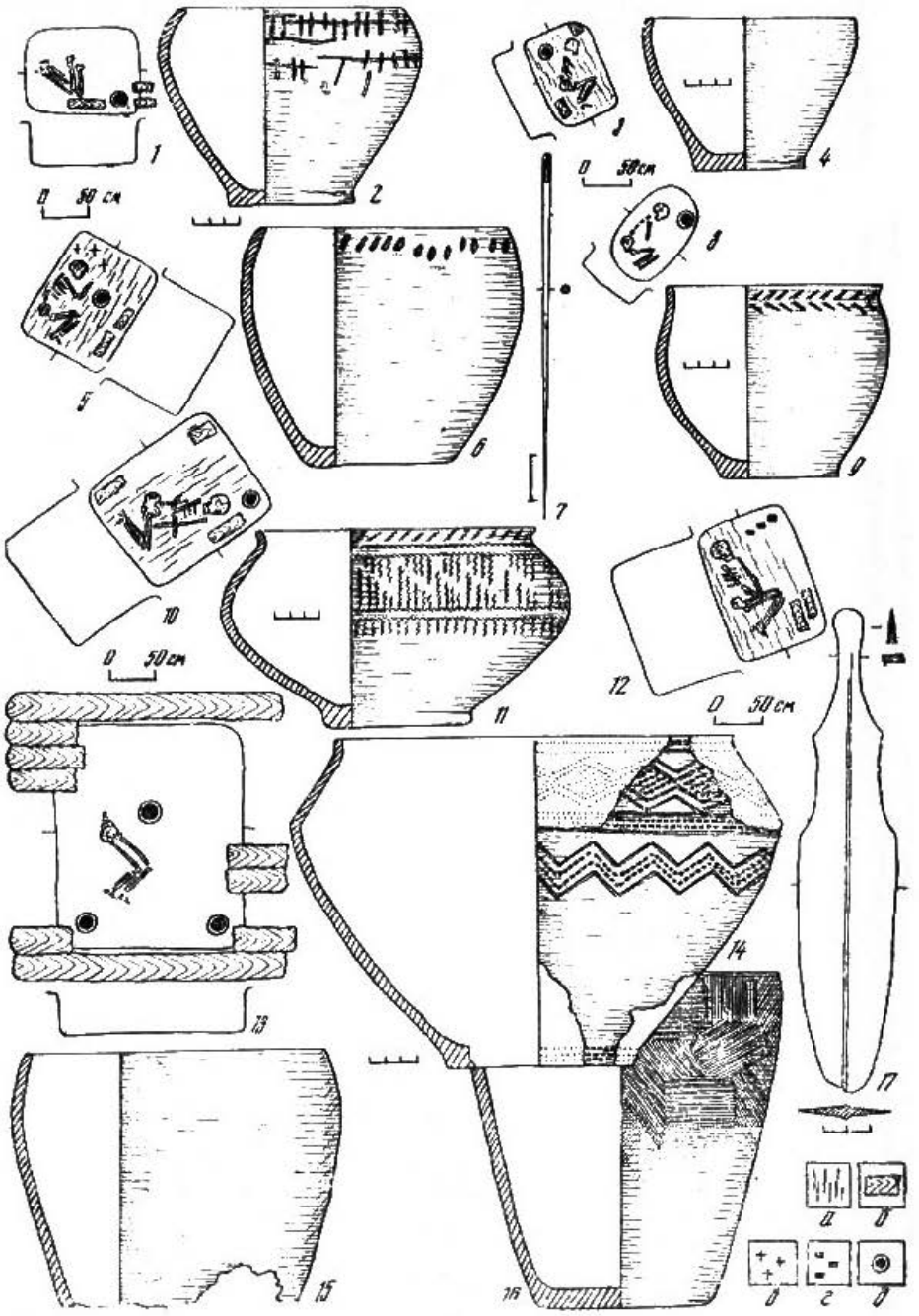


Рис. 3. Раннесрубные погребения Среднего Дона. *1, 2* — Пасеково, курган 1, погребение 3 (*1* — план, *2* — сосуд); *3, 4* — Пасеково, курган 2, погребение 3 (*3* — план, *4* — сосуд); *5—7* — Пасеково, курган 2, погребение 4 (*5* — план, *6* — сосуд, *7* — бронзовая игла); *8, 9* — Пасеково, курган 2, погребение 5 (*8* — план, *9* — сосуд); *10, 11* — Пасеково, курган 2, погребение 6 (*10* — план, *11* — сосуд); *12* — Пасеково, курган 2, погребение 7; *13—17* — Верхняя Маза, погребение 4 (*13* — план, *14—16* — сосуды, *17* — бронзовый нож-кинжал). Условные обозначения: *а* — органическая подстилка, *б* — дерево, *в* — охра, *г* — уголь, *д* — сосуд

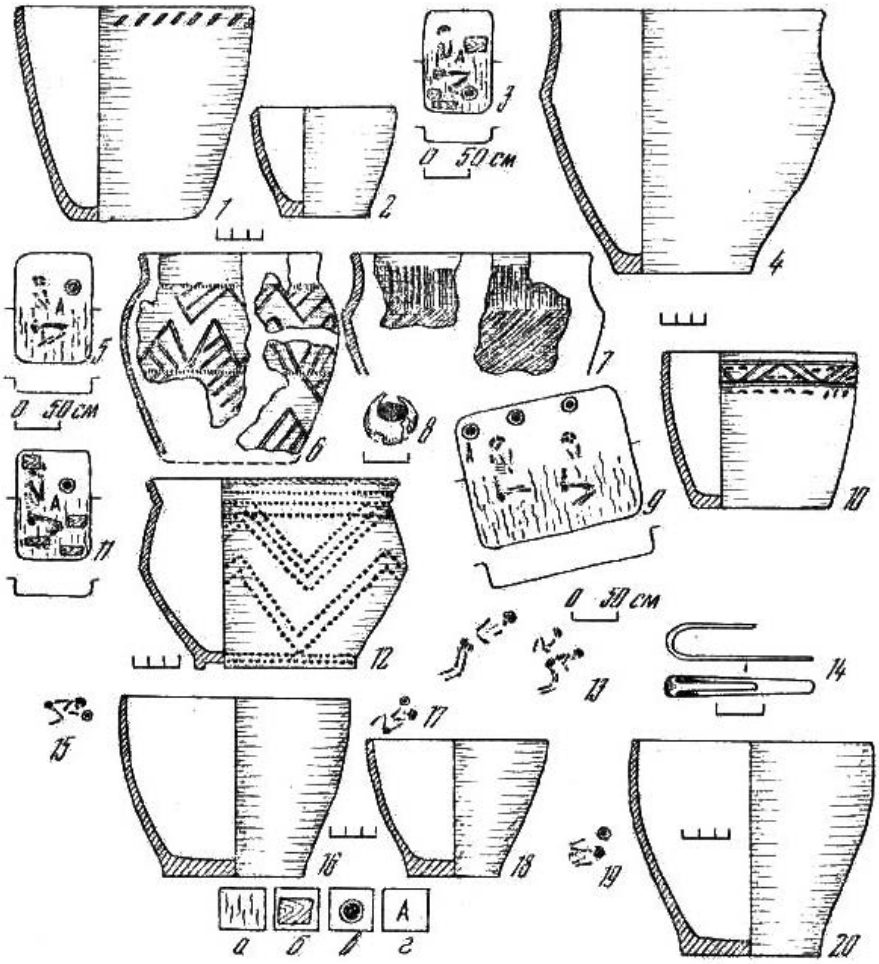


Рис. 4. Раннесрубные погребения Среднего Дона. *1, 2* — Ширяево, курган 2, погребение 2; *3, 4* — Новая Меловатка, курган 2, погребение 2 (*3* — план, *4* — сосуд); *5—8* — Новая Меловатка, курган 2, погребение 3 (*5* — план, *6, 7* — сосуды, *8* — бронзовая серьга); *9, 10* — Новая Меловатка, курган 2, погребение 4 (*9* — план, *10* — сосуд); *11, 12* — Новая Меловатка, курган 2, погребение 7 (*11* — план, *12* — сосуд); *13, 14* — Иванов бугор, погребение 2 (*13* — план, *14* — бронзовая подвеска); *15, 16* — Иванов Бугор, погребение 3 (*15* — план, *16* — сосуд); *17, 18* — Иванов Бугор, погребение 7 (*17* — план, *18* — сосуд); *19, 20* — Иванов Бугор, погребение 11 (*19* — план, *20* — сосуд)

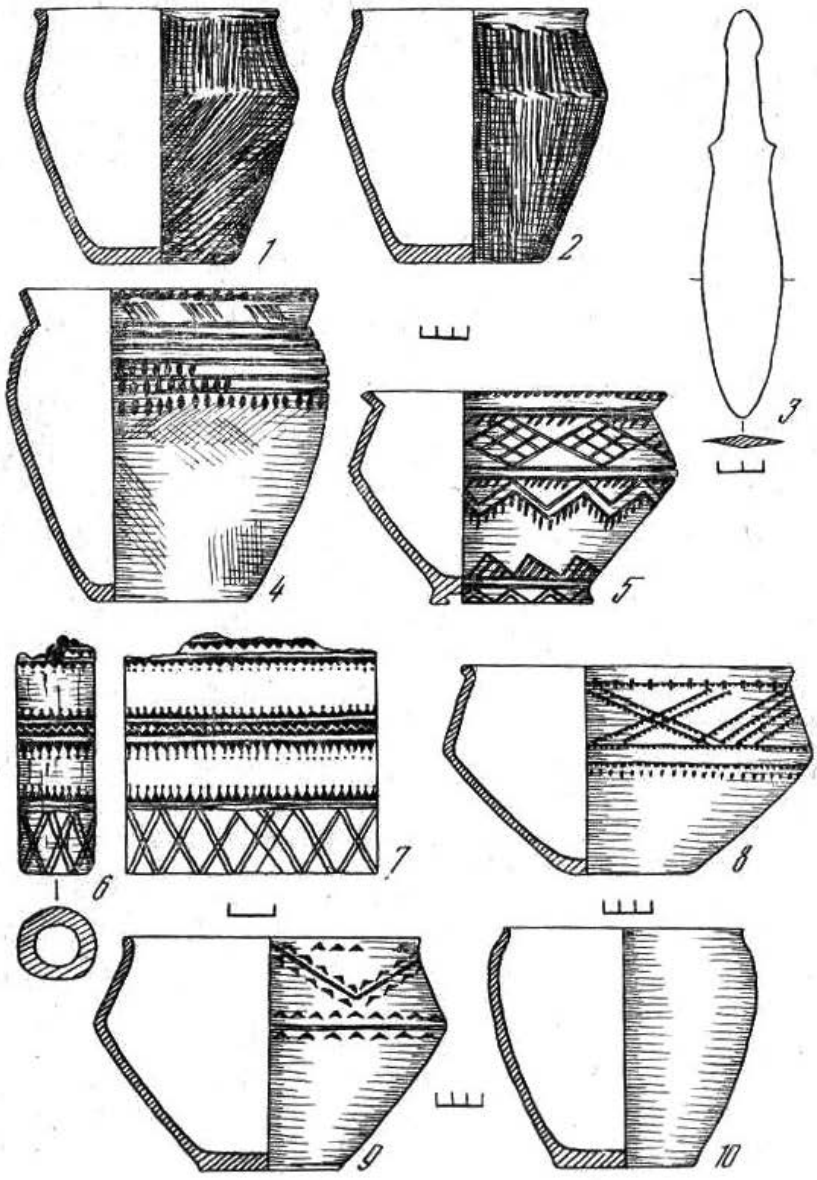


Рис. 5. Раннесрубные погребения Среднего Дона. *1, 2* — Новая Меловатка, курган 2, погребение 4; *3—7* — с. Радченское, разрушенное погребение (*3* — бронзовый нож, *4, 5* — сосуды, *6* — костяное изделие, *7* — развертка орнамента на костяном изделии); *8* — с. Краснодар, сосуд из насыпи; *9, 10* — с. Колтуновка (Алексеевский район Белгородской области), сосуды из разрушенного погребения.

ДРОНИХИНСКИЙ ТИП МАТЕРИАЛОВ ПЕРЕЖИТОЧНОГО НЕОЛИТА ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА

Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы (тезисы докладов предстоящей областной конференции) 18-21 февраля 1986 г. Оренбург, 1986. С. 34-36.

В ходе исследования неолитической стоянки Дрониха (донское лесостепное левобережье) выявлена группа керамики своеобразного облика, отличная от материалов как среднедонской так и ямочно-гребенчатых культур, характеризующих неолит лесостепного Дона. Эта группа керамики имеет гребенчато-прочерченную орнаментацию. Основные ее композиции: горизонтальная елочка, треугольники, сетка, «паркет», пояски из насечек с наклоном в одну сторону. В качестве делителей орнаментальных зон служат ямочные вдавления, наколы, короткие оттиски гребенки. Ведущая форма сосудов: цилиндростенные и конические с острым «незаполненным» дном. Примерно треть сосудов (общее количество — свыше двухсот) в тесте, наряду с песком, имеет органическую примесь, в том числе и раковинную. В целом эта группа керамики отражает особое этнокультурное явление. Она выделена нами в дронихинский культурный тип.

Основой для появления материалов дронихинского типа послужило взаимодействие традиций местной накольчатой культуры и культуры северного облика с гребенчато-ямочной керамикой (рыбноозерской культуры). Если сосуды дронихинского типа полностью идентичны по форме и наличию ямок под верхом сосудам среднедонской неолитической культуры, то появление органической (включая и раковинную) примеси, гребенчато-прочерченной орнаментации — уже являются характерными чертами волосовской керамики. Сближает с последней и целый ряд композиционных построений: горизонтальная и вертикальная елочка, сетка, зоны из наклонных насечек и т. д. Важно отметить, что многие из этих построений присущи и орнаменту сосудов среднедонской неолитической культуры, но выполняющихся накольчатым элементом.

В целом можно фиксировать поразительно близкие процессы в конце неолита на Дону и на территории, занятой памятниками верхневолжской культуры, где шло оформление одной из культур волосовской области. Выделение материалов дронихинского типа подтверждает и саму основу концепции о происхождении волосовских культур не только за счет широкой миграции племен из восточных областей, поскольку рассматриваемый донской материал менее всего сопоставим именно с волго-уральским (отсутствие разнообразия в оформлении венчиков сосудов, мотива «шагающей» гребенки, гусеничных и подобных им оттисков в орнаментации, единичность плоскодонных форм сосудов, и т. д.).

Керамика дронихинского типа на основании поглубинного анализа материалов стоянок является моложе типичной накольчатой керамики среднедонской неолитической культуры, но, вместе с тем, несет ранний облик на фоне волосовских древностей других территорий. Материалов же поздневолосовского типа в лесостепном Подонье пока не выявлено. Интересно в этой связи отметить, что гребенчато-прочерченная керамика представлена и на неолитических поселениях правобережной части степного Поволжья (Латошинки, Царица), но уже с большей вариабильностью в оформлении венчиков. Появление материалов дронихинского типа следует относить ко времени

не позднее середины III тыс. до н. э. (по аналогии с датировкой ранних волосовских памятников). Верхний рубеж их бытования лежит, вероятно, в конце указанного тысячелетия (появление плоскодонных сосудов, распространение «паркетного» орнамента, широко представленного затем в материалах эпохи бронзы этой же территории).

Картографирование мест находок керамики дронихинского типа показывает, что она, в основном, ограничивается левобережной частью Подонья, тогда как в правобережной части гребенчато-прочерченная керамика представлена единичными экземплярами.

Приведенная оценка керамики дронихинского типа позволяет включить донской лесостепной регион (прежде всего его левобережную часть) в границы формирования волосовской культурно-исторической области и, тем самым, дает новый источник к изучению проблем, связанных с волосовскими древностями широких территорий.

ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ В ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ СРЕДНЕГО ДОНА

СА. 1986. № 1. С. 146-151. В соавт. с В.И. Погореловым

В 1980 г. экспедицией Воронежского пединститута проведены раскопки двух курганов в левобережном Подонье. Один из них был в составе группы из семи насыпей в 1,5 км к юго-востоку от с. Новая Меловатка (Калачеевский р-н Воронежской обл.), на высоком мысу, образованном с северо-запада речкой Казинкой — правым притоком р. Толучеевки, а с юга и юго-востока — пересыхающим безымянным ручьем. Высота кургана от современной поверхности — 0,75, диаметр — 14 м. Исследовался он с помощью бульдозера методом прямых траншей послойно на снос. Структура насыпи однородна: под пахотным слоем (0,3-0,35 м) залегала насыпка из чернозема (рис. 1, 1). Погребенная почва хорошо определялась благодаря наличию гумусированной прослойки — древнего дерна. Общая мощность наслоений от нулевой точки в центре кургана до материковой глины составила 1,75 м. В насыпи зафиксированы линза материкового выкида из основного погребения 2, меловое заполнение могильной ямы впускного погребения 1 и прослойка золы мощностью 5-6 см, залегающая на погребенной почве под могильным выкидом погребения 2 почти по всей площади кургана. Эта прослойка указывает на предшествовавшее совершению основного погребения выжигание поверхности. Кроме того, в кургане выявлена интересная конструктивная деталь — сооружение над основным погребением 2 шалашей из бревен и жердей толщиной 10-15 см. Их остатки залегали в насыпи радиально на глубине 0,6-1,1 м. Для упора составных частей конструкции была создана кольцевая канавка, углубленная в погребенную почву на 0,2-0,3 м. Она заполнена по всей окружности древесным тленом. Диаметр площади кургана, ограниченной канавкой, составляет в среднем 9,5 м.

В кургане обнаружены остатки трех погребений.

Погребение 1 (впускное) выявлено в центре кургана с небольшим смещением к западу. Могильная яма фиксировалась сразу под пахотным слоем благодаря меловой забутовке. Яма прямоугольной формы, со сторонами 2,75×2,15 м ориентирована по линии 3-В, углублена в материк на 0,55 м. Стенки пологие, и на уровне материка размеры ямы составили 2,2×1,6 м (рис. 1, 2). Вдоль западной стенки обнаружены остатки захоронения, сильно потревоженного грызунами. Умерший лежал вытянуто на спине с северной ориентировкой. В области груди находились части сильно коррозированного металлического предмета (остатки кольчуги) и обломок костяного изделия длиной 4,4 см с косыми нарезками па одной из сторон (рис. 2, 1). В области левой руки обнаружен не полностью сохранившийся железный нож с односторонним лезвием (рис. 2, 5). Длина его — 8,3, ширина лезвия —1,7 см. У таза скелета с левой стороны находилась серебряная золото-ордынская монета — джучидский дирхем Узбек-хана второй четверти XIV в. (рис. 2, 2). Диаметр ее — 1,4 см, вес — 1,41 г. Здесь же обнаружен обломок костяной конусовидной проколки длиной 2,7 см (рис. 2, 4). Близ юго-восточного угла ямы найдены сильно коррозированные односоставные конские удила без псалиев (рис. 2, 3), относящиеся к I типу отдела В по классификации Г.А. Федорова-Давыдова [1, с. 18, рис. 2, 2]. Длина их — 10, диаметр сечения — 0,5 см. В центре ямы обнаружены остатки предмета, основой которого служила кованая железная пластина в виде скобы шириной 2 см с расширяющимися закругленными концами (рис. 2, 7). С обеих сторон в 1,5 см от края выкованы ушки, видимо, для крепления

ремня. Предмет был украшен позолоченной металлической накладкой полусферической формы (рис. 2, 6). Высота ее — 2,5, диаметр основания — 5 см. Средняя часть полусферы по всей окружности украшена напаянной перевитой проволочкой — сканью. Для крепления использовались парчовые ремешки. Изделие включало деревянные дощечки, которые фиксировались в виде тлена. Назначение предмета неясно, но не исключено, что он связан с головным убором. Рассмотренное захоронение по обрядовым признакам сопоставимо с погребениями типа Д1 (по Г.А. Федорову-Давыдову [1, с. 127]), которые получают распространение в XIII-XIV вв. На основании монеты оно датируется не ранее второй четверти XIV в. и принадлежит представителю одной из групп кочевого населения южнорусского степного пограничья.

Погребение 2 (основное) выявлено в 1,5 м к западу-юго-западу от центра кургана, было частично перекрыто погр. 1. Ему принадлежала вышеотмеченная деревянная конструкция. Могильная яма овальной формы, размерами 2,35×1,45 м ориентирована длинной осью по линии ССЗ-ЮЮВ (рис. 1, 3). Глубина ее в материке — 0,95 м, стенки отвесные, пол ровный. Инвентарь отсутствует. Захоронение полностью разрушено норами грызунов, лишь в юго-восточной части ямы фиксировались вкрапления охры. Предположительно это погребение можно отнести к древнеямному времени.

Погребение 3 (впускное) сохранилось в виде фрагментов скелета взрослого человека, найденных в 4,0 м к югу — юго-западу от центра насыпи, на глубине 0,4 м от поверхности кургана. Погребение разрушено пахотой. Положение умершего установить не удалось, но определяется его северная ориентировка. У головы была поставлена нижняя часть глиняного лепного горшка, имеющего плоское днище с закраиной. Изготовлен из рыхлого теста с примесью крупнозернистого песка. На внешней поверхности имеются следы лощения, на внутренней — штриховки. Цвет его светло-коричневый, не орнаментирован. Высота сохранившейся части — 8,5, диаметр дна — 8 см. Погребение относится к позднекочевническому времени.

Второй курган — одиночный, располагался в 2,5 км к востоку от с. Верхняя Маза (Верхнехавский р-н Воронежской обл.) . Высота его от уровня современной поверхности — 4, диаметр 40 м (рис. 3, 1). Как и в первом случае, курган исследовался с помощью бульдозера методом прямых траншей послойно на снос. Центральная бровка оставлена по линии запад — восток. Насыпь сложена из однородной массы чернозема. Погребенная почва (0,35-0,4 м) фиксировалась более темным оттенком, подстилалась материковым суглинком. По центру насыпи па глубине 3.75 м выявлена линза могильного выкида из погребения 4.

Курган содержал четыре захоронения.

Погребение 1 (впускное) совершено в насыпи в 9,0 м к западу-юго-западу от центра, на глубине 1,1 м от поверхности. Контуры могильного сооружения не прослежены. Скелет взрослого человека без черепа располагался вытянуто на спине с юго-восточной ориентировкой, руки положены на таз (рис. 3, 2). Инвентарь отсутствует.

Погребение 2 (впускное) обнаружено в, 5,0 м к востоку-юго-востоку от центра, в насыпи кургана, на глубине 0,68 м от поверхности. Костяк взрослого человека положен вытянуто на спину, головой на юго-запад, кисти рук находились на тазе (рис. 3. 3). Инвентарь отсутствует.

Погребение 3 (впускное) выявлено в насыпи кургана в 8,0 м к западу — юго-западу от центра, на глубине 0,52 м от поверхности. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, кисти рук покоились па тазе, череп отсутствовал, ориентирован па юг — юго-восток (рис. 3, 4). Инвентарь отсутствует.

Погребение 4 (основное) находилось в 2,5 м к северу — северо-западу от центра. Окружено кольцом материкового выкида, залегавшего на погребенной почве. Прямо-угольная яма (2,45×2,05 м) ориентирована длинными сторонами по линии север-юг, углублена в материк на 0,5 м. На погребенной почве поперек ямы находились остатки мощного накатника из бревен диаметром до 0,35 м (рис. 4, 1). Захоронение сильно потревожено норами грызунов, однако удалось зафиксировать слабо скорченное положение умершего на левом боку с северной ориентировкой. У живота его находились бронзовый нож и обломки остроребер ного сосуда. В ногах погребенного, в юго-западном и юго-восточном углах ямы, поставлено еще по сосуду. Возле каждого из них лежало по бараньему ребру.

Остроребер ный сосуд реконструирован графически (рис. 4, 2). Высота его — 21,5 см, цвет светло-коричневый, внешняя поверхность подлощена, внутренняя хорошо сглажена, в тесте примесь песка. Дно плоское с закраиной. По венчику, ребру и закраине сосуд орнаментирован горизонтальными прочерченными линиями и рядами из оттисков крупно-зубчатого штампа. Выше ребра сосуд украшен цепочкой ромбов, образованных парными прочерченными линиями, заполненных оттисками крупнозубчатого штампа. Под ребром располагается зигзагообразный пояс из оттисков того же штампа, ограниченный прочерченными линиями.

Второй сосуд (рис. 4, 4) — баночной формы. Высота его 22,3 см, диаметр верха 20,5, дна —11,5 см. Цвет поверхностей светло-коричневый со следами нагара, в тесте примесь песка. В верхней и средней частях имеются косо-вертикальные расчесы.

Третий сосуд (рис. 4, 3) также баночной формы, со стянутым верхом. Высота сохранившейся части — 17, диаметр верха — 20 см. Цвет темно-коричневый, в тесте примесь песка. Внешняя и внутренняя поверхности хорошо сглажены.

Бронзовый нож-кинжал (рис. 4, 5) листовидной формы с ребром жесткости по длинной оси и намечающимся перекрестием. Длина его 21,2, ширина лезвия в средней части — 4,2 см.

Из четырех исследованных захоронений кургана наибольший интерес представляет погребение 4. Перекрытие могильной ямы, положение умершего скорченно на левом боку с северной ориентировкой, сопутствующий инвентарь являются характерными чертами срубной культуры [2-6]. Наличие под насыпью только одного срубного захоронения свидетельствует в пользу ранней даты его совершения. Н.Я. Мерперт, разрабатывая периодизацию средневолжского варианта срубной культуры, традицию сооружения круглых курганов с одиночными захоронениями отнес к первому этапу и датировал его XVI-XV вв. до н. э. [5, с. 81; 7, с. 21]. Обширная прямоугольная яма, размещение умершего у западной стенки, слабая скорченность, присутствие жертвенной пищи, расположение инвентаря, орнаментация сосудов косо-вертикальными расчесами находят больше всего аналогий в материалах покровских погребений, и в частности в их первой группе по периодизации, предложенной В.И. Сагайдаком [8, с. 57-70].

Три других погребения в насыпи кургана по ряду обрядовых признаков (положение вытянуто на спине, ориентировка в южную половину круга горизонта, размещение кистей рук на тазе, связывание ног в коленях) обнаруживают между собой культурно-хронологическое единство и могут быть отнесены к среднесарматскому времени.

Литература

1. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.
2. Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. — Уч. зап. СГУ, 1947, т. XVII.
3. Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья. — МИ А, 1954, № 42.
4. Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. — МИА, 1955, № 46.
5. Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. — МИА, 1958, № 61.
6. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969.
7. Мерперт Н.Я. Срубная культура Южной Чувашии. — МИА, 1962. № 111.
8. Сагайдак В.И. О двух группах погребений покровских могильников в Нижнем Поволжье. — В кн.: Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.

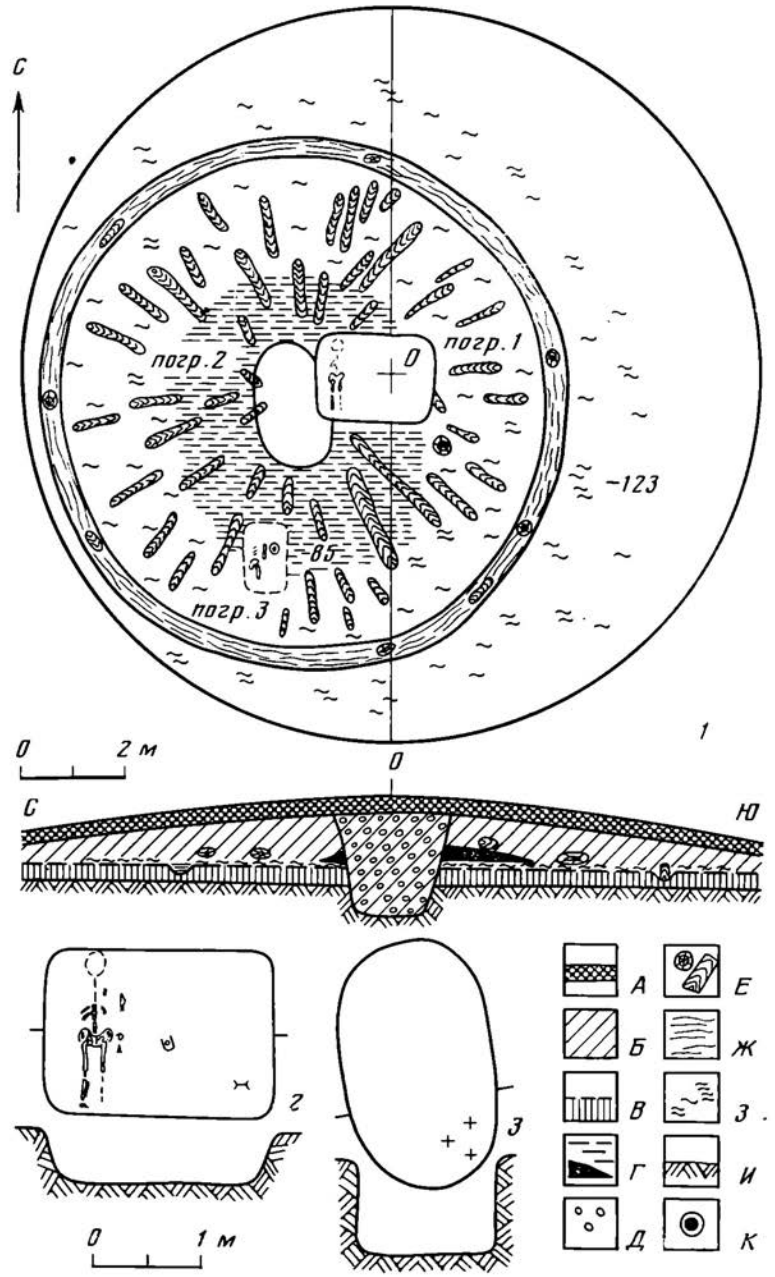


Рис. 1. Курган у с. Новая Меловатка. *1* — план и профиль; *2* — план и разрез погр. 1; *3* — план и разрез погр. 2, *А* — пахотный слой; *Б* — чернозем; *В* — погребенная почва; *Г* — материковый выкид; *Д* — мел; *Е* — дерево; *Ж* — древесный тлен; *З* — зола; *И* — материк; *К* — сосуд

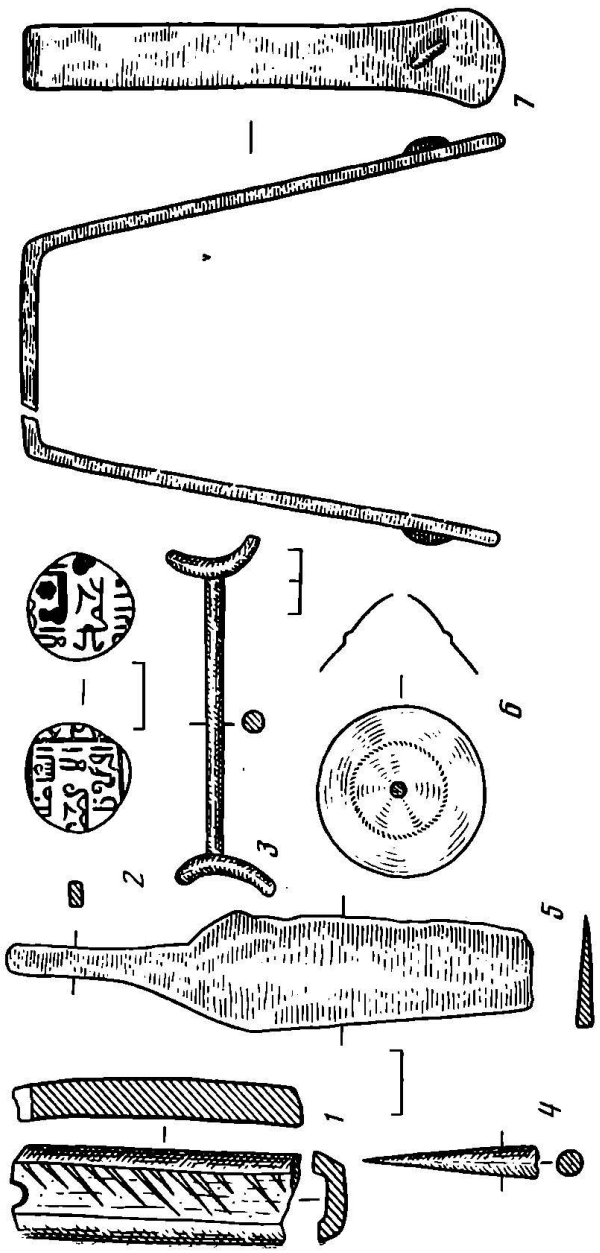


Рис. 2. Курган у с. Новая Меловатка. Материалы из погр. 1. *1* — обломок костяного изделия; *2* — монета; *3* — железные удила; *4* — костяная проколка; *5* — железный нож; *6* — полусферическая накладка; *7* — железная пластина

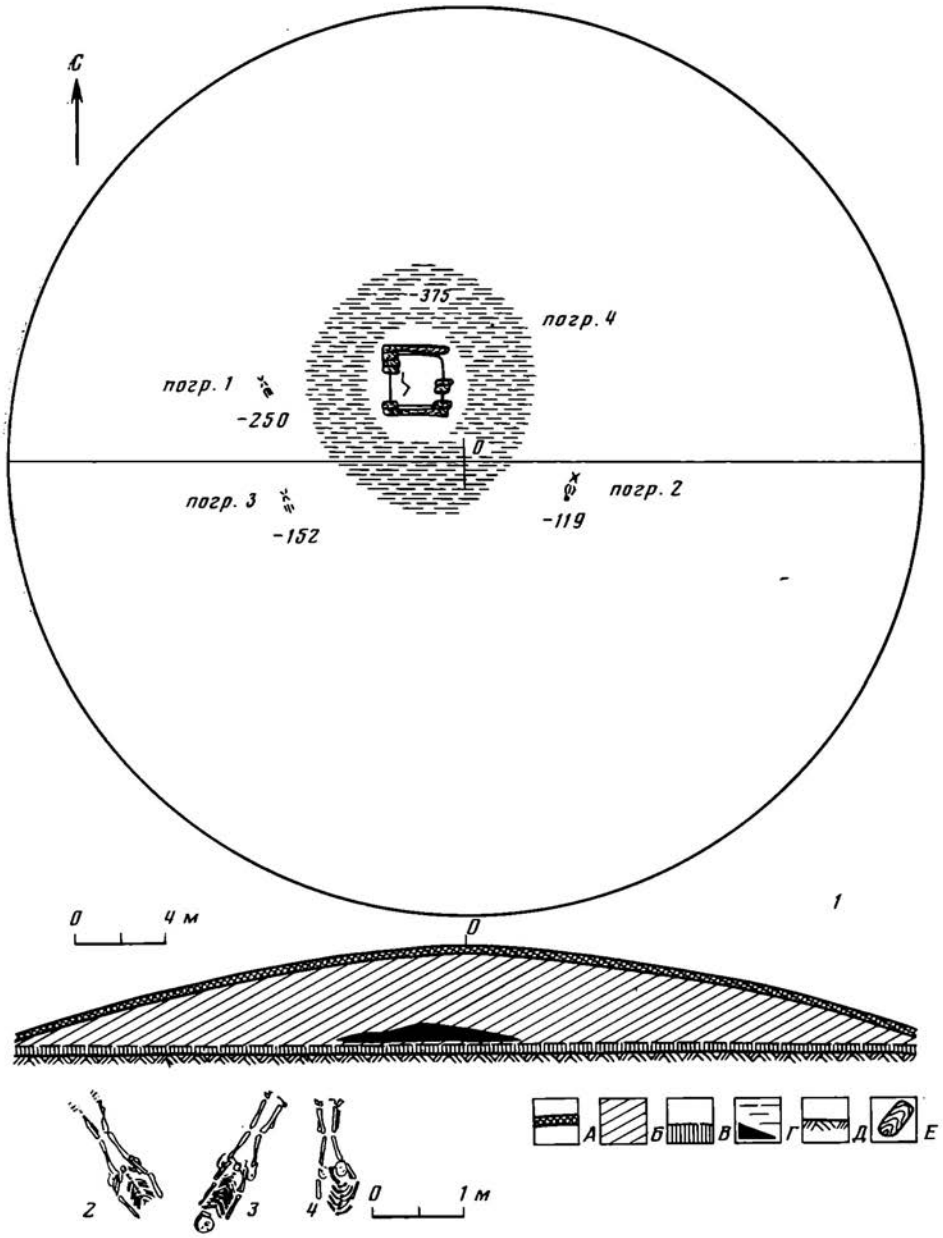


Рис. 3. Курган у с. Верхняя Маза. *1* — план и профиль; *2* — погр. 1; *3* — погр. 2; *4* — погр. 3. *А* — пахотный слой; *Б* — чернозем; *В* — погребенная почва; *Г* — могильный выкид; *Д* — материк; *Е* — дерево

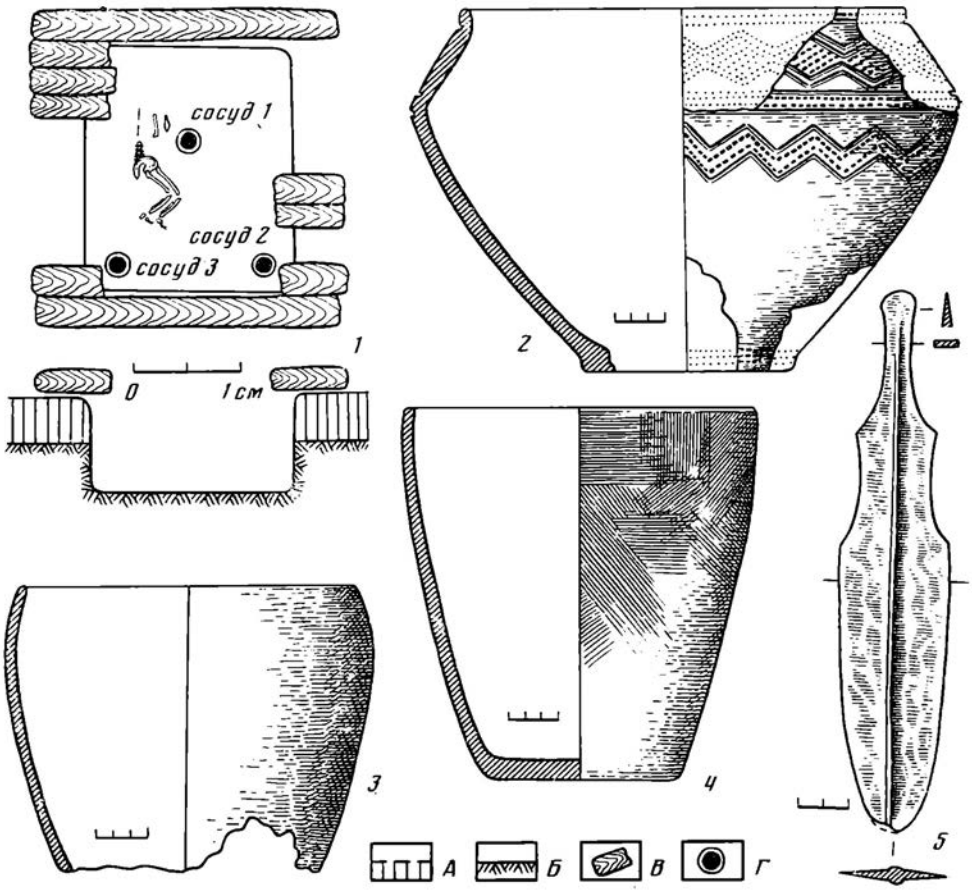


Рис. 4. Курган у с. Верхняя Маза. *1* — план и разрез погр. 4; *2* — сосуд 1; *3* — сосуд 3; *4* — сосуд 2; *5* — бронзовый нож, *А* — погребенная почва; *Б* — материк; *В* — дерево; *Г* — сосуды

1988

О СВЯЗЯХ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА, ПОВОЛЖЬЯ И ПРИКАСПИЯ В МЕЗОЛИТЕ — БРОНЗОВОМ ВЕКЕ (К ОЦЕНКЕ ХАРАКТЕРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ)

Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988. С. 189-204.

В выяснении характера и побудительных причин взаимодействия древних этносов кроются ответы на широкий круг вопросов, стоящих при изучении социально-экономической, духовной и политической сфер первобытной истории человечества. При этом для каждой из этих сфер могут быть определены не только конкретные формы связей, но и те закономерности в своей системной последовательности и дифференцированности, которые заложены в основе такого рода связей.

Ведущие тенденции взаимодействия первобытных этносов чётко сформулированы классиками марксизма. В частности, К. Маркс вскрыл причины появления обмена как одной из наиболее ранних форм общественных отношений[1], а также определил подлинный характер миграций с позиции исторического материализма[2]. В том же ключе классики марксизма показали сущность грабительских набегов и завоевательных войн, ставших распространённой формой межплеменных отношений, начиная с периода родовых устоев[3].

С постановкой задачи определения как, в какой последовательности и с какой силой проявляли себя тенденции взаимодействия на каждой из конкретных территорий в определённые хронологические периоды, одновременно выдвигаются и вопросы о направлении культурных влияний, а также о том вкладе культурных достижений, который внёс каждый из конкретных народов (этносов) в общечеловеческую историю. Важным аспектом такого изучения являются поиски специфических линий контактов как составных звеньев общего процесса межэтнических взаимодействий.

В решении отмеченных вопросов для дописьменного периода истории вполне понятна большая роль археологических исследований. При этом разработка методов анализа и оценок характера и форм взаимодействия различных традиций, овеществлённых в облике археологических источников, имеет глубокое значение для дальнейшего развития самой археологической науки, поскольку здесь затрагивается существо важнейшего её метода — сравнительного. При сравнениях археологических объектов одним из первостепенных принципов являются поиски аналогий. Именно принцип аналогий призван решать вопросы синхронизации, а шире — хронологического соотношения археологических комплексов, без чего, в конечном счёте, невозможно осуществлять исторические реконструкции. Однако в сходстве, аналогиях нередко содержатся самые разные по происхождению причины и пространственно-временные характеристики.

---

[1] Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 364.

[2] Маркс К. Вынужденная эмиграция // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 567-568.

[3] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.

Далеко не всегда археологам удаётся осуществить дифференцированный подход к объяснению сходства сопоставляемых объектов и определить равноценность сравниваемых величин. Такого рода процедура по ряду причин пока ещё представляет собой уравнение со многими неизвестными. И тем не менее, при оперировании аналогиями целесообразно, на наш взгляд, каждому из исследователей давать объяснение тому, как понимаются им устанавливаемые признаки сходства.

В плане постановки задачи дифференцированного подхода к системе аналогий выделим наиболее существенные факторы, лежащие в основе появления сходства в археологических комплексах культурных образований (археологических провинций, культурно-исторических областей и общностей, археологических культур)[1] разных территорий:

1. Сходство природно-географических условий и складывание принципиально единого экономического базиса.
2. Сходство в восприятии природных и общественных проявлений (для последних — в области психологии, идеологии, искусства, положительных знаний и т.д.), вытекающее из общих законов развития человеческого опыта и мышления.
3. Сходство признаков стадиального характера (сопряжённое или несопряжённое во времени).
4. Сходство, вызванное специфическими свойствами материалов (сырья), использовавшихся в древних производствах.
5. Независимое, случайное повторение нетипичного проявления в каком-либо виде деятельности.
6. Фактор использования раритетов.
7. Обмен.
8. Фактор использования трофеев (как результат грабительских набегов, военных столкновений).
9. Диффузии (определяют, как и в процессе обмена, ориентацию культурных связей с восприятием или передачей опыта, идей, моды. Их результатом может стать накопление потенциала новой этнографической группы, но, возможно, их проявление в форме брачных отношений, социальной подчинённости и т.д.).
10. Ассимиляции (как следствие миграционных процессов, завоевательных войн).
11. Сходство, вызванное той или иной степенью родства между этносами.

Сложность проблемы расшифровки характера аналогий состоит в том, что этот характер сам часто является структурно сложным, включающим различные комбинации факторов, и, что не менее существенно, за едиными археологическими проявлениями нередко скрываются разные образующие их факторы (к примеру, практически невозможно доказать в ряде случаев происхождение аналога: появился ли он как трофей или же вследствие обмена; стоит ли за аналогией фактор родственности или диффузии и т.п.).

Но вместе с тем можно обратить внимание и на то, что нередко (как и в приведённых примерах) у сравниваемых объектов аналогии вызваны если и не одним фактором, то теми из них, которые принадлежат сходным категориям: они информируют или о наличии межэтнических взаимодействий, или же об отсутствии таковых. В связи с этим перечисленные выше факторы могут быть подразделены на две информативно-клас-

[1] Целый ряд факторов, обусловивших сложение культурно-исторических общностей эпохи энеолита, отмечен Н.Я. Мерпертом (см.: Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974. С. 12; Он же. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980. С. 13, 14).

сификационные группы — группу конвергентных факторов (первые шесть) и группу факторов контакта (остальные).

В общих чертах определяется более ранний и в то же время наиболее устойчивый характер проявления группы конвергентных факторов. Они прошли через всю первобытную историю от её истоков. Примером археологического выражения этих факторов служат некоторые типы каменных орудий (ножей, скребков, резцов, наконечников копий и т.д.), обнаруживающих сходство на широких территориях и на протяжении ряда археологических эпох, начиная с палеолита. То же самое проступает в сходстве и самих приёмов изготовления каменных орудий (техники оббивки, отжима, ретуширования). Кстати, последний пример может быть распространён и на изделия из других видов материалов, включая палеометаллы. В качестве примера археологических проявлений конвергентных факторов из сферы духовной можно назвать использование огня, охры, сопроводительного инвентаря и жертвенных животных при совершении захоронений — обычаи, столь же широко распространённые во времени и пространстве.

При сопоставлениях нельзя не учитывать возможности одностадиальных проявлений, но не бывших синхронными в реальности. Иначе говоря, такого рода сходство для одной из сравниваемых территорий будет иметь пережиточный характер (в этом плане достаточно сослаться; на черты сходства в материальной культуре древних неолитических племен и некоторых современных групп охотников-рыболовов арктического Севера).

Все вышерассмотренные примеры указывают на присутствие конвергентных факторов, выступающих каждый по отдельности или в сочетании. Все они вытекают из действия общих законов развития природы и общества, а поэтому и сами аналогии в своей основе глубоко историчны. И тем не менее следует признать, что привлечение в качестве прямых аналогий археологических признаков, отражающих эти факторы, будет иметь значение лишь с точки зрения мировоззренческой, но не для поисков форм взаимодействия древних этносов.

В этом плане главную роль призваны играть такие археологические признаки сходства, за которыми стоят факторы второй информативно-классификационной группы. Для их установления одним из важных условий является акцентирование внимания не на общих морфологических и функциональных характеристиках археологического источника, а на его особенностях, которые при условии ограниченного своего повторения могут стать качественным объектом отражения факторов контакта. Для примера назовём не сами по себе каменные наконечника стрел или геометрические трапеции-вкладыши, а наконечники с глубокими выемками в основании и трапеции с выемками по короткой стороне («рогатого» типа), находки которых в первом случае определят контакты с катакомбным миром эпохи бронзы, а во втором случае — с закаспийскими племенами эпохи мезолита. То же самое касается и признаков, связанных с использованием специфических материалов в производстве. В частности, массовое изготовление изделий из кварцита на разных территориях вытекает не из наличия контактов их населения, а из отсутствия технически белее добротного сырья (высококачественного кремня), т.е. в данном случае вскрываются факторы конвергентные. Но если на одной из территорий в массе кремневых орудий встречаются отдельные кварцитовые изделия, то здесь вполне естественным будет предполагать (при наличии аналогий) действие факторов контакта, подобно тему, как оцениваются находки из кавказского змеевика, балтийского янтаря, уральской яшмы или забайкальского нефрита в местах, удалённых от очагов месторождения этих специфических материалов. Почти всегда в этом же ключе расшифровывается характер появления палеометаллических орудий на территориях, где отсутствуют собственные рудные источники.

Таким образом, учёт реконструированных возможностей каждой из выделенных нами информативно-классификационных групп факторов, лежащих в основе сходства археологических источников, может сыграть положительную роль для систематизации самих источников в их хронологическом выражении.

В соответствии с рассматриваемой темой основное внимание ниже будет уделено груше факторов контакта. Сразу же могут возникнуть вопросы: с какой степенью вероятности они выводятся из археологических признаков, а также: каждый ли по отдельности или в системных комбинациях? Ответ может быть принципиально положительным, но при непременном условии соблюдения ряда важнейших методических и методологических положений. К ним, в частности, относится необходимость оценки общей исторической ситуации и исторической логики соответствия проводимых сравнений; определение их хронологической позиции, направления и степени распространения сходства в пространстве, а главное, недопустимость строить выводы на отдельном признаке сходства, вырванном из контекста всей суммы признаков сравниваемых объектов. В противнем случае, как это иногда бывает, на основе сходных внешне, но глубоко различных по характеру признаков предпринимаются ложные построения в области хронологии или направлений межэтнических контактов. Неосторожное оперирование сходством даже, казалось бы, такого яркого этнографического показателя, каким являются элементы орнамента и формы сосудов, может внести путаницу в процесс исследований. Достаточно, например, сослаться на материалы Дона и Забайкалья, где есть круглодонные сосуды с жемчужным орнаментом. Но в первом случае они принадлежат репинской культуре эпохи неолита, а во втором — эпохе раннего железа; шнуровой орнамент и округлая форма днищ сосудов ананьинской культуры Приуралья сопоставимы с сосудами древнеямней культуры, но их бытование разделено двумя тысячелетиями. И таких примеров можно привести множество.

* * *

Из суммы свидетельств о наличии связей древнего населения лесостепного Дона с окружающим этнокультурным миром мы остановимся лишь на тех из них, которые ведут на юго-восток и восток, в области Прикаспия и Поволжья. При этом мы ограничиваемся хронологическими рамками от конца мезолитической эпохи до среднего периода эпохи бронзы (VI — середина II тыс. до н.э.).

Мезолит на Дону только начинает изучаться и многие связанные с ним вопросы остаются открытыми. Но уже определённо можно говорить, что местная культура позднего палеолита, столь ярко представленная стоянками Костенковско-Борщевского палеолитического района[1], не оставила на Дону своих следов в последующих тысячелетиях. Лишь по течению р. Оскол недавно открыта группа памятников, материалы которых имеют ранне- и среднемезолитический облик[2]. К востоку от Оскола, в долинах Дона и его притоков — Потудани, Толучеевки, Битюга, Савалы, Вороны и Хопра — выявлены только позднемезолитические памятники, характеризуемые кремнево-кварцитовой пластинчатой индустрией с достаточно выраженной микролитоидностью[3]. Попытка найти этим материалам аналогии в северных, западных и южных сопредельных регио-

[1] Палеолит костенковско-борщевского района на Дону. 1879-1979. Л.: Наука, 1982.

[2] Крижевская Л.Я. Храпово 4 — памятник каменного века правобережья р. Оскол // КСИА. М., 1982. Вып. 165. С. 88-92; Бессуднов А.Н. Отчет о работах в среднем Поосколье в 1985 году // Архив ИА АН СССР.

[3] Синюк А.Т. Стоянка Монастырская I как источник для выделения мезолита и периодизации неолита на Среднем Дону // Археологические памятники на Европейской части СССР: Межвуз. сб. науч. статей / Воронеж. пед. ин-т. Воронеж, 1985. С. 15-30.

нах результатов не дала. Местные же корни их, очевидно, отсутствуют. Следовательно, остаётся наиболее приемлемой версия о пришлом характере культуры позднего мезолита Дона, причём круг поисков её пути сужается до восточных и юго-восточных направлений. Наиболее показательны в данном аспекте сравнения с материалами Северо-Восточного Прикаспия типа Бекбеке I, где столь же характерны пластинчатость орудий, отсутствие резцовой техники, целый рад аналогичных изделий. Такие памятники в Прикаспии относятся уже к неолитической эпохе, но, как справедливо считают исследователи, они выросли на основе мезолита с теми же характерными признаками каменной индустрии[1]. Эта-то основа, вероятнее всего, и стала определяющей в появлении позднемезолитических материалов на Дону. Одновременно исследователи отмечают принципиально единый характер каменной индустрии мезолитического облика Северо-Восточного Прикаспия и внутренних районов Средней Азии[2]. Правомерность включения последних в ареал передвижений племён именно в позднемезолитическое время[3] подтверждается находками на Дону специфических изделий — «рогатой» трапеции и близких к ней трапециевидных сечений с выемками по верхнему краю. Появление такого же рода находок на Средней Волге[4] заполняет недостающие промежуточные звенья того пути, по которому направлялись в Подонье миграционные волны из юго-восточных областей. В данном случае устанавливается именно миграционный фактор, но, при этом, не повлекший за собой межэтнических контактов на Дону в свой начальный момент, поскольку, как пока приходится признавать, значительная часть донского лесостепья (главным образом — Левобережья) в то время была незаселённой. Лишь в дальнейшем, если предполагать неодноактный характер освоения Донского бассейна в позднем мезолите, процесс этот мог приобретать форму диффузии, а следовательно, сопровождаться межплеменными контактами. Однако последние, если и возникали, то следы их в археологических источниках практически неуловимы, поскольку диффузии своей исходной позицией имели те же юго-восточные районы и захватывали родственные по происхождению группы населения.

Вместе с тем отметим одну интересную деталь. Небольшое число орудий и отходов производства на донских памятниках (прежде всего, в левобережной части) представлены характерным для месторождений Поволжья материалом. Это — дымчатый с коричневатым оттенком камень, не имеющий аналогий в западных, оскольских месторождениях. Отметим, что в долине среднего течения Дона вообще нет кремневых выходов, т.е. отмеченные находки изготовлены из материала явно неместного, восточного происхождения. К сожалению, мы почти не знаем мезолитических памятников в правобережной части Среднего Поволжья — в районе, непосредственно смыкающемся с донским, но отмеченные находки указывают (при отсутствии местной базы качественного сырья) на существование ещё в мезолите восточного направления поисков производственного материала, что, если принять во внимание существование в Поволжье мезолитического населения, должно было привести к установлению межплеменных связей в форме обмена.

Наконец, что касается большого удельного веса кварцита в донских позднемезоли-

[1] Крижевская Л.Я. К вопросу о неолите северо-восточного Прикаспия // МИА. 1972. № 185. С. 271-279.

[2] Крижевская Л.Я. К вопросу... С. 279. Виноградов А.В. Древние скотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.: Наука, 1981. С. 164.

[3] Виноградов А.В. Указ. соч. С. 16I-162.

[4] Выборнов А.А., Пенин Г.Г. Неолитические стоянки на реке Самаре // древняя история Поволжья: Межвуз. сб. науч. статей / Куйбышев, пед. ин-т. Куйбышев, 1979. С. 5, II; Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Моргунова Н.Л., Пенин Г.Г. Виловатовская стоянка в лесостепном Поволжье // Энеолит Восточной Европы: Межвуз. сб. науч. трудов / Куйбышев, пед. ин-т, Куйбышев, 1980. С. 180.

тических комплексах (до 40%), то этот признак по рассмотренной причине (отсутствие своего качественного кремня) может характеризовать специфику лишь местного производства, но не должен браться для сравнений при культурно-хронологических разработках. В действительности запасы кремневого сырья на разных территориях могли истощаться в разное время и таким же образом не совпадало по времени начало разработки его новых месторождений. Напомним в качестве примера, что кварцитовые изделия встречаются в палеолитических комплексах Дона[1] и кварцитовые же изделия определяют характер каменного инвентаря энеолитических памятников Прикаспия[2]. Другими словами, широкое использование кварцита на Дону не содержит информации о межплеменных контактах.

Начало неолитической эпохи в бассейне Дона, фиксируемое появлением глиняной посуды, уже само по себе включает фактор контакта, будь то первая керамика прямо привнесена, или же она появилась как следствие передачи опыта, идеи. И в том, и в другом случаях производство глиняной посуды сопряжено с факторам обмена или диффузии. Сейчас есть больше оснований считать, что начало её изготовления в лесостепной части Дона избежало пути «проб и ошибок», а сразу же был использован хорошо усвоенный технологический опыт и одновременно избраны собственные образцы форм и системы орнаментальных построений, выработанные, надо полагать, ещё в предшествующее время, что и придало первым же местным сосудам яркую этнографическую специфику. Поэтому вряд ли оправданными будут поиски им прямых аналогий на сопредельных и отдаленных территориях, которых, видимо, и не существует. Однако элемент орнаментации может рассматриваться как один из технологических приёмов керамического производства (с точки зрения применения инструментария для доведения продукции до окончательной степени готовности) и, таким образом, он, как составная часть идеи производства, тоже заимствовался. Следовательно, в данном случае речь может идти о поисках сходства только технологических признаков, включая и приём нанесения орнамента. И опять-таки, пути заимствования идеи изготовления глиняной посуды ведут в юго-восточном направлении, через Прикаспий (возможно, и минуя его) на обширные пространства среднеазиатского региона[3]. Мы пока ещё не можем локализовать исходный пункт этого заимствования, поскольку как общие признаки по составу глины, формовке, обжигу, так и сам накольчатый элемент орнаментации тлеют достаточно широкое распространение. Если же обратить внимание на типы накольчатого элемента (а он достаточно вариабелен), то следует признать своеобразие его исполнения на Дону, выражающееся сочетанием сразу нескольких типов наколов при преобладании раздельного треугольного.

Хорошо прослеживаются контакты донского неолитического населения с населением Поволжья и Прикаспия в период оформления специфического этнокультурного облика керамики, когда важнейшими её сравнительными показателями становятся орнаментальные мотивы и композиции. В частности, при исследовании Черкасской, Копа- нищенской, Дронихинской и некоторых других стоянок лесостепного Дона среди массы местной керамики обращает на себя внимание очень, правда, небольшая серия фрагментов от сосудов явно инородного происхождения[4]. Некоторые из них аналогичны

[1] Палеолит костенковско-борщевского района... С. 50, 70 и др.

[2] Барынкин П.П., Васильев И.Б. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на Европейской территории СССР: Межвуз. сб. науч. статей / Воронеж. пед. ин-т. Воронеж, 1985. С. 58-73.

[3] Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986. С. 76.

[4] Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.

сосудам Северного Прикаспия[1]. Хронологическая их позиция — в пределах развитого и позднего неолита. Тем же временем датируются на стоянках лесостепного Заволжья и Северного Прикаспия керамические группы с типичными признаками среднедонской неолитической культуры. В данном случае достаточно чётко устанавливается сходство, за которым стоят факторы контакта. Конкретизировать их можно методом исключения. Во-первых, необходимо отбросить фактор ассимиляции, поскольку на Дону отмеченная керамика составляет едва ли десятую долю процента от общего числа. Мы склонны также исключить и фактор обмена, так как лепная глиняная посуда нигде его объектом не служила. Она могла явиться следствием обмена лишь как тара, в которой доставлялся обменный продукт. Однако трудно себе представить, чтобы в неолите, в условиях крайней ограниченности средств транспортировки (колесо, парус, вьючное животное — достояние будущих эпох), в качестве тары для переходов на тысячекилометровые расстояния использовались громоздкие и легко бьющиеся обычные кухонные горшки. Видимо, следует оставить в стороне и фактор родства, поскольку если родство и осознавалось между пришлой группой людей и местной средой, то оно полностью затушёвывается разницей в традициях, отражённых орнаментацией и технологией керамики. Наконец, для рассматриваемого времени нельзя воспринимать неместную керамику и как трофей, объект захвата при военных столкновениях. Если последние даже и случались, то скорее между пограничными племенами, не разделенными друг от друга широкими, освоенными другими этносами пространствами.

Таким образом, наиболее приемлемым в данном случае оказывается признание фактора диффузий. Но и он заключает в себе вероятность отражения разных конкретно-исторических ситуаций. Правда, все они взаимоувязываются тем, что фиксирует присутствие женщины (будь то проникновение небольшой группы людей, сохранявших какое-то время самостоятельность, или же такая инородная группа, либо отдельное лицо, была сразу же включена в местную среду), поскольку изготовление лепной глиняной посуды везде являлось прерогативой женского труда. Скорее можно предполагать, что ввиду малочисленности (в соответствии с количеством керамики) такие группы не могли долго сохранять статус самостоятельности в границах территории чуждого этноса, и женщины попадали в местную среду на условиях брачных отношений или же зависимого положения (в рамках патриархального рабства). Сугубо предположительно, включение иноплеменницы можно связывать с актом похищения или породившем при установлении систематических обменных связей.

Естественно, что абсолютно точный ответ в рассматриваемом случае вряд ли будет получен. Любой его вариант содержит в себе долю сомнения, поскольку неясно, что побуждало к таким проникновениям небольшие этнические группы или их отдельных представителей в каждом конкретном случае.

Совсем иной характер связей раскрывается с появлением в Подонье гребенчатой и прочерченной керамики на пережиточной стадии неолита. Прежде гребенчатая орнаментация здесь не имела распространения, зато к востоку, в Заволжье, ещё в развитом неолите[2] она вслед за накольчатым орнаментом заняла ведущее место. Отметим, что такая керамика характеризуется и некоторой технологической спецификой (включение органических примесей). Одновременно наблюдаются в составе каменного инвентаря

[1] Дубягин П.С., Чикризов Ф.Д., Чуринов В.А., Васильев И.Б., Выборнов А.А. Новые материалы неолита-бронзы из Северного Прикаспия // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла: Межвуз. сб. науч. трудов. Куйбышев. пед. ин-т, Куйбышев, 1982. С. 95-134.

[2] Моргунова Н.Л. Неолит лесостепного Заволжья и Южного Приуралья // Проблемы эпохи неолита степи и лесостепи: Тезисы докладов. Оренбург, 1986. С. 8-10.

увеличение количества наконечников стрел и дротиков, орудий рубящего типа с двусторонним ретушированием, падение удельного веса пластинчатой техники. Всё это объяснять процессом внутреннего развития нельзя. Широкое распространение на Дону данных признаков свидетельствует о процессах передвижения с востока, затронувших, надо полагать, большие группы переселенцев.

Керамику же с прочерченной орнаментацией по целому ряду наблюдений (сохранение традиционной формы, композиций и мотивов украшения) можно рассматривать как местное явление, возникшее на основе трансформации орнаментальных традиций среднедонской неолитической культуры на позднем этапе её существования[1].

Распространение аналогичных материалов в Поволжье — свидетельство тех же миграционных процессов, но уже во встречном направлении. Такую активизацию передвижений пережиточно-неолитических племён необходимо связывать с проходившим синхронно процессом проникновения с юга в лесостепные пространства Восточной Европы ранних скотоводческих племён с культурами энеолитического облика. Именно развитие скотоводческого хозяйства, создавшее давление избыточного населения на производительные силы, побудило эти племена к далёким миграциям.

Археологические материалы энеолитических культур Подонья, Поволжья и Прикаспия ныне получили рассмотрение в рамках обширных, стадиально сменявшихся культурно-исторических областей. Уже само обоснование таких объединений сопряжено с появлением целого комплекса сходных признаков. Немалую роль в этом процессе сыграли конвергентные факторы, побудившие к сложению единой экономической основы (скотоводческого хозяйства), а также повлекшие распространение признаков стадиального характера. Но проникнуть в суть характера таких объединений невозможно и без оценки факторов контакта.

В данном плане особую роль сыграло, наряду с увеличением главного продукта — скота, расширение обмена, что побуждалось и необходимостью получения нового вида сырья — меди и изделий из меди. Решение такой задачи в значительной степени было уже облегчено за счёт скорости передвижения с использованием лошади. Это, в свою очередь, способствовало процессу консолидации племён, освоению новых жизненных пространств. Развернувшийся процесс имущественной, а затем и социальной дифференциации повлёк за собой переоформление семейно-брачных отношений, идеологии и культов, породил факторы политического характера. Все это сопровождалось частыми культурными переориентациями, более быстрой передачей и восприятием опыта, идей, моды. Большинство (если не все) из перечисленных исторических явлений получили отражение в археологических источниках. В частности, нами уже сделана попытка выделить характерные археологические признаки для начального этапа энеолитической эпохи лесостепи и степи Днепро-Доно-Волго-Уральского междуречья[2].

Само появление в лесостепном Подонье раннеэнеолитических памятников может рассматриваться как следствие миграционного процесса, в который были вовлечены скотоводческие группы более южных районов. Целый ряд признаков нижнедонской культуры[3] как общих для материалов мариупольской культурно-исторической области, так и более локальных (орнаментация воротничковых сосудов прочерченной волной, оконтуренным (прочерчиванием фигурами; форма воротничков и т.д.) указывает на вовлечение в этот процесс также и представителей прикаспийской культуры.

[1] Синюк А.Т. Дронихинский тип материалов пережиточного неолита лесостепного Дона // Проблемы эпохи неолита степи и лесостепи: Тезисы докладов. Оренбург, 1986. С. 34-36.
[2] Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-европейской лесостепи. Куйбышев, 1985. С. 31.
[3] Там же. С. 15-23.

Однако в конце второй стадии энеолита с распадом на Дону репинской культуры (входившей в Хвалынско-среднестоговскую культурно-историческую область)[1] — часть её племён — прямых продолжателей традиций нижнедонской культуры — предприняла переселение в исходные области: на Нижний Дон, а затем и дальше, в Прикаспий. На реальность таких событий указывают памятники с материалами позднего репинского облика, выявленные и в низовьях Дона[2], и в Прикаспии[3].

Говоря о фиксируемых для донской лесостепи миграционных процессах, в которые были вовлечены как южные группы скотоводов, так и представители северного[4] и восточного пережиточно-неолитического мира, мы предполагаем единую причину, но далеко не равнозначный характер последствий этих передвижений. Имеющийся материал показывает, что приход скотоводческих групп не вызвал широких ассимилятивных процессов. На первых порах богатейшие экологические ресурсы лесостепи способствовали установлению относительно мирных отношений на условиях обмена, и лишь позднее с увеличением плотности заселения местные пережиточно-неолитические племена в значительной своей части были вытеснены. Именно такой характер взаимоотношений отражают крайне малочисленные материалы смешанного облика[5].

По-другому развивались события при взаимодействиях племён с общими формами хозяйствования. Здесь в облике отмечавшихся выше материалов хорошо улавливается ассимилятивный фактор.

Длительное сосуществование разноэтнических групп с различными хозяйственными укладами, е сохранением в материальной и духовной культуре признаков разных археологических эпох и стадий, многоплановый характер факторов контакта — глубокая специфика действия общих законов исторического развития не только в донской лесостепи, но и в других лесостепных регионах Евразии.

Конец энеолитической эпохи на Дону сопряжен с новыми миграционными направлениями групп населения из восточных и южных пределов, где завершился процесс формирования древнеямной культурно-исторической области. Правда, относительно небольшое число древнеямных памятников (главным образом, — подкурганных захоронений) на Среднем Дону, и притом различающихся хронологически, может свидетельствовать скорее о многократных диффузиях, о медленном (охватившем не менее полутысячелетия — от середины III до рубежа II тыс. до н.э.) наполнении этого региона новым этническим массивом. Следует также полагать, что в левобережную часть Подонья чаще проникали представители древнеямного мира именно из Волжского бассейна, что, в частности, подтверждается рядом аналогий (единый тип сосудов, сходные «свежевальные» ножи из меди) заволжских месторождений из Павловского[6] и Утёвского[7] могильников и др.

Особенно глубокая взаимосвязь племен среднего Дона и Поволжья фиксируется в эпоху бронзы, по материалам местной катакомбной и полтавкинской культур.

В настоящее время считается доказанным окончательно вырастание полтавкинских

[1] Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона // СА. № 4. 1980. С. 8-197.
[2] Гей А.Н. Самсоновское многослойное население на Дону // СА. 1979. № 3. С. 119-131.
[3] Дубягин П.С., Чикризов Ф.Д., Чуринов В.А., Васильев И.Б., Выборнов А.А. Новые материалы неолита-бронзы... С. 107-109.
[4] Синюк А.Т. Некоторые вопросы истории Среднего Дона в IV-II тысячелетиях до н.э. // Из истории Воронежского края: Межвуз. сб. науч. статей / Воронеж. пед. ин-т, Воронеж, 1975. С. 141-153.
[5] Синюк А.Т. Население бассейна Дона... С. 86. Рис. 13.
[6] Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж, 1983. С. 28. Рис. 9, 3.
[7] Васильев И.Б. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология Восточно-Европейской лесостепи: Межвуз. сб. науч. статей / Воронеж, гос. ун-т, Воронеж, 1980. С. 41. Рис. 6, 7.

культур Поволжья на местной же древнеямной основе[1]. Общая генетическая канва обнаруживается и при изучении формирования среднедонской катакомбной культуры, что особенно чётко фиксируется материалами раннего, павловского этапа её развития[2]. Более того, устойчивый характер этой подосновы (в широком кругу признаков полтавкинских культур и в известной степени ограниченном кругу — среднедонской катакомбной культуры) позволил рассматривать их в рамках одной культурно-исторической общности[3]. Предпринятые недавно раскопки памятников Доно-Волжского междуречья (Власовский могильник) подтвердили такого рода близость, выразившуюся и в обрядовости (значительный процент положения захороненных скорченно на спине, восточная и южная их ориентировка, наличие прямоугольных могильных ям с уступами), и в облике вещевых комплексов (яйцевидные горшки с уступчиками под горлом, «полтавкинское» размещение оттисков гребенчатого штампа в орнаментации и т.д.). Устанавливаемое сходство могло возникнуть благодаря широкому кругу контактов, за которыми стоит и фактор осознания родства, и брачные связи, и обмен, и, что представляется вполне вероятным, — фактор политический (союзнические договорные отношения по сдерживанию экспансии представителей катакомбного мира). Данное предположение не категорично, но и не может быть сброшено со счетов, если принять во внимание общую историческую ситуацию того времени и то обстоятельство, что именно Волга стала линией противостояния двух мощных культурно-исторических образований: катакомбного и полтавкинского.

Таким образом, археологические источники позволяют не только фиксировать существование межэтнических связей в древности, но нередко и расшифровывать характер этих связей для каждого из конкретных хронологических периодов истории.

Кратко суммируем изложенный в статье материал. Мезолитические памятники Среднего Дона находят аналогии в материалах позднего мезолита среднеазиатского региона. Именно для того времени (конец VII — начало V тыс. до н.э.) на отмеченной территории фиксируется активизация передвижений племён. Тем самым можно говорить о заселении Дона вследствие фактора миграции, причём хорошо определяется и направление миграции.

Неолит на Дону (V-III тыс. до н.э.) характеризуется, главным образом, относительной этнической замкнутостью, процессом накопления специфических признаков среднедонской неолитической культуры. Но и в рамках этого процесса улавливаются факторы контакта с населением Поволжья и Северного Прикаспия в форме обмена и крайне ограниченных диффузий. Интересно отметить, что сходный процесс стабилизации этнокультурных образований в развитом периоде неолита был присущ и большинству других регионов Восточной Европы.

Для энеолитической эпохи (IV-III тыс. до н.э.), а затем и для эпохи бронзы (середина III — II тыс. до н.э.) характерно нарастание силы факторов контакта, проявляющихся уже в самых разнообразных и взаимосочетающихся формах. В это время, наряду с миграциями и диффузиями, увеличивается роль, с одной стороны, обмена, вытеснений, а с другой — ассимилятивных процессов. Наконец, для периодов энеолита и эпохи бронзы вновь с большой силой проступает фактор родственности и начинают оформляться признаки политической консолидации этносов.

[1] Мерперт Н.Я., Качалова Н.К., Васильев И.Б. О формировании срубных племен Поволжья // Срубная культурно-историческая общность: Межвуз. сб. науч. Трудов. Куйбышев. гос. пед. ин-т. Куйбышев, 1985. С. 133-164.

[2] Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы... С. 133-164.

[3] Там же. С. 143.

О ПОНЯТИИ «ЭНЕОЛИТ» ДЛЯ ЛЕСОСТЕПИ ДНЕПРО-ДОНО-ВОЛЖСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж, 1988. с. 13-23.

На современном уровне развития археологии становится очевидней необходимость выработки единого представления о содержании основных археологических понятий, без чего теряется возможность четкого сопоставления однопорядковых категорий [1, с. 7]. К числу таких понятий относится и «энеолит», в оценке которого имеются значительные расхождения не только по критериям содержания, но и по своему таксономическому статусу в рамках археологической периодизации. Следует, однако, заметить, что работа в этом плане чрезвычайно сложна и предварительно требует выявления определяющих признаков для материалов конкретных природно-географических регионов.

Не ставя перед собой задачи детального освещения историографии данного вопроса, коснемся только наиболее важных, на наш взгляд, точек зрения, появившихся в литературе за последнее время. Это позволит конкретнее обосновать свою позицию к понятию «энеолит» Для Лесостепи Днепро-Доно-Волжского междуречья[1].

В одной из работ, посвященных проблемам периодизации эпохи раннего металла на территории СССР [2, с. 53-82], Е.Н. Черных убедительно обосновывает связь каждого из периодов с последовательно сменявшимися тремя крупными этапами развития древней металлургии. С первым из них, где особую роль играла Балкано-Карпатская металлургическая провинция (БКМП), связывается энеолит как самостоятельный археологический период, предшествующий бронзовому веку. Автор отмечает такие ведущие признаки энеолита, как появление кованых и отлитых в открытых формах изделий из меди без искусственных примесей; распространение в пределах БКМП наряду с мелкими изделиями (шилья, проколки, ножи и т.д.) трех основных видов тяжелого медного оружия и орудий труда: крестообразных втульчатых топоров-тесел (или топоров-мотыг), топоров-молотков и массивных тесел-долот. С началом же бронзового века связывается возникновение Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП) и распространение пяти практически обязательных видов орудий и оружия: втульчатых топоров, черенковых ножей и кинжалов, долот с упором, шильев с упором и плоских тесел [2, с. 61]. Подавляющее большинство этих видов изготовлялись уже из бронзы, а не из меди.

Весьма важным нам представляется вывод исследователя о том, что «формирование и распад металлургических провинций» как правило, совпадал с наиболее существенными историко-культурными событиями на обширнейших пространствах: консолидации огромных культурно-исторических общностей и культур; возникновение могучих культурных и производственных центров, переориентация культурных и экономических связей больших этнических групп: сту-

[1] Спорным районом наших изысканий является бассейн донского лесостепья. Но, как показывают сравнительные данные, общими проявлениями характеризуются и источники более широкого лесостепного региона.

пени технического прогресса, а порой и регресса, и т.д.» [2, с. 81-82]. Сказанное достаточно определенно характеризует позиций исследователя, предполагающую место энеолита как самостоятельного археологического периодами конкретизирует его содержание.

Близкой позиции придерживается и Н.В. Рындина [3, с. 74-86]. Анализируя исторические сдвиги, происшедшие в связи с использованием палеометаллов, она со всей определенностью высказывается за выделение в истории первобытного общества двух самостоятельных хозяйственно-технических этапов: энеолита и бронзового века[1]. Ею, правда, выдвигаются иные критерии выделения энеолита. Начало его сопряжено с открытием упрочающего характера ковки меди, что произошло до изобретения бронзы, но уже после освоения литья и металлургического плавления меди из руды: «с энеолитом наиболее естественно связывать культуры, которым присуще широкое внедрение металла в производство, и прежде всего появление орудий и оружия ударного действия» [3, с. 80]. В связи с этим еще неолитическими должны считаться те культуры, «в инвентаре которых на фоне господства кремневой индустрии зафиксировано спорадическое появление меди в форме украшений и колюще-режущих орудий» [3, с. 80]. В разграничении энеолита и бронзового века, таким образом, оказывается массовое освоение изделий из искусственных сплавов, т.е. и здесь в основу классификационного членения палеометаллических культур положен металлургический показатель.

Нужно, правда, отметить, что Е.Н. Черных и Н.В. Рындина заметно расходятся относительно критериев для определения начала энеолита. Е.Н. Черных придерживается более широких рамок этого определения, включая в энеолит такие культуры, в которых фиксируется местное производство медных изделий всеми способами до появления искусственных сплавов, при этом справедливо учитывая воздействие со стороны того или иного очага металлургии и металлообработки. Заметим, что, наряду с орудиями ударного действия, Е.Н. Черных соподчиняет своей классификации и типологию медных изделий другого рода (ножи, шилья), что нам представляется весьма логичным.

Н.В. Рындина предельно сужает металлургический показатель, относя, как уже говорилось, к неолитической эпохе и те культуры, в которых фиксируется металлургическое производство, но нет медных орудий ударного действия. В результате даже такая металлоносная культура, как среднестоговская, только условно причисляется ею к энеолитическим [3, с. 81]. С другой стороны, строго опираясь только на один металлургический признак, Н.В. Рындина (вслед за Е.Н. Черных) относит к энеолитическим фатьяновскую и абашевскую культуры, сосуществовавшие с культурами бронзового века в пределах одной территории (в лесостепном Подонье, в частности, абашевская культура даже пережила местную катакомбную культуру).

Но, как известно, суть любой периодизации применительно к конкретно ограниченному региону заключается прежде всего в установлении хронологической последовательности, иначе она теряет смысл. Думается, что справедливо обосновав важность металлургического признака, названные исследователи, и прежде всего Н.В. Рындина, затем его абсолютизировали.

Отметим, что позицию Н.В. Рындиной полностью поддержал Н.Я. Мерперт [4; 5; 6]. Она в известной степени нашла отражение в оценке понятия «энеолит» у

[1] Нет сомнения, что в данном случае имеется ввиду археологическая периодизация.

В.М. Массона [7]. Эти исследователи солидарны прежде всего в признании энеолита как самостоятельной и важной эпохи, а также в отрицании принадлежности к энеолиту культур, в которых применялась медь или даже открыта ее плавка, но до появления орудий и оружия ударного действия [5, с. 13], или же без широкого использования медных изделий, приводящих, как правило, к деградации кремневой индустрии, обеднению наборов каменных орудий [7, с. 7]. Видимо, это положение должно учитываться тогда, когда речь идет о малоазийских культурах VIII-VII тысячелетий до н.э., где появление древнейших медных изделий на первых порах действительно не меняло общего характера неолита. В.М. Массон в своей оценке понятия «энеолит» проявляет некоторую осторожность (вполне оправданную, на наш взгляд), говоря, во-первых, о большой роли металла в развитии технологии в хозяйстве древних обществ в целом а, во-вторых, об узости источников информации, поскольку археологи чаще сталкиваются лишь с определенной выборкой древних изделий и при раскопках могил это будут в первую очередь украшения; крупные металлические изделия неизменно шли в переплавку и лишь в редких случаях попадали в состав культурного слоя, обычно представляющего собой по существу бытовой мусор [7, с. 6].

С появлением новой технологии литья решающим и определяющим фактором стало резкое повышение производительности изготовления орудий труда, а не производительность самих орудий [8, с. 41]. Есть также мнение, что операция по ковке и, главным образом, применение литейного способа в изготовлении металлических изделий сопряжены со сложным специальным оборудованием и организацией нового технологического процесса, и должны рассматриваться как глубокий переворот в производстве в целом [9, с. 83]. Н.Я. Мерперт тоже склонен считать, что «каков бы ни был собственный металлургический потенциал, появление меди везде оказало определенное воздействие на жизнь общества» [4, с. 5].

Разделяя данное мнение, мы вместе с тем считаем, что в лесостепные районы Восточной Европы медные изделия стали проникать значительно позднее времени их возникновения как типов вообще и уже под влиянием сложившегося энеолита, в частности, под влиянием культур Балкано-Карпатской металлургической провинции [5, с.18-193]. А вместе с этими изделиями (хотя и простейших видов, но далеко не первыми для энеолита южных областей) нашли реальное воплощение идеи и заимствования, характерные именно для энеолитической эпохи. Добавим, что лесостепной регион с нарастанием подвижности скотоводческих племен очень скоро стал объектом внедрения этих племен при весьма сложных взаимоотношениях с исконным инокультурным и иноэтничным населением.

Принимая во внимание сказанное, можно считать, что начало энеолита в лесостепном регионе определяется не только наличием развитых типов медных изделий, но и таким комплексом археологических признаков [с. 4; 7, с. 7; 10, с. 102, 109; 11, с. 3], которые материализуют явления, связанные с использованием меди: переоценку видов труда и самих изделий, появление новых культовых представлений и ритуалов, культурных переориентаций, новых форм межплеменных и межэтничных контактов и т.д. Практически нередко именно такого рода комплекс археологических признаков указывает на энеолитический характер памятника даже в случае отсутствия на нем самих медных изделий. Можно исследовать, к примеру, десяток однотипных памятников и лишь в одном обнаружить следы металлургического производства. Иногда же счастливая находка становится ос-

нованием для переоценки содержания археологической культуры (например, роль Карбунского клада для трипольской культуры).

Логично заключить (даже при безусловном учете проявлений стадиального характера), что как по своему облику, так и по сумме эти признаки различны для каждой из ландшафтно-климатической зон, для районов, где проживали племена, отличавшиеся спецификой экономики и культуры [5, с. 20].

Если для определения энеолитической принадлежности ряда археологических культур южных областей СССР (анаусской, трипольской), учитывая оптимальные, с точки зрения географической специфики, условия для внедрения в практику их носителей мотыжного земледелия, рассматриваются такие признаки, как распространение расписной посуды, мелкой глиняной антропоморфной пластики, глинобитные архитектуры, мотыг, зернотерок, медных изделий и т.д,, то большинство названных признаков, тем более в сумме, мы уже не встретим на широких степных, а также и лесостепных пространствах Евразии, Здесь требуются поиски иных археологических критериев. Для степи и лесостепи Днепро-Доно-Волжского междуречья и Заволжской территории в настоящее время уже начинает вырисовываться комплекс археологических признаков, позволяющих выделить раннюю стадию энеолита. К их числу относятся: глиняная посуда с характерным воротничковым оформлением верха, с округлыми и плоскими днищами, с волнистым прочерченным орнаментом; наличие коллективных могильников с вытянутыми погребениями с украшениями из раковин, костяных зооморфных пластин, с каменными навершиями булав «второго мариупольского типа» — признаками, характеризующими могильники мариупольского типа; жертвенники с останками лошадей (Съезжинский могильник в Заволжье), сопровождение погребений частями туш лошади (Черкасская стоянка на Среднем Дону), кости лошади среди фаунистических остатков в культурных слоях памятников (стоянки бассейна Дона); ножи на крупных ножевидных пластинах; первые изделия из меди и золота (Никольский могильник в Надпорожье) и ряд других признаков [12, с. 15-39]. Следует заметить, что для многих памятников названные признаки далеко не всегда встречаются в сумме, однако в любом случае оказываются достаточно специфичными (и прежде всего — воротничковая керамика), что и послужило основанием для выделения мариупольской культурно-исторической области, куда входит ряд археологических культур: азово-днепровская, нижнедонская, прикаспийская, самарская. Археологические признаки этих культур отражают, прежде всего, иную (в отличие от раннеземледельческих культур юга) экономическую базу населения, а именно — скотоводческую. Есть основание считать, что в скотоводческом хозяйстве племен мариупольской культурно-исторической области получило приоритет коневодческое направление. В конечном счете различный хозяйственный уклад был продиктован возможностями природно-географических условий каждой из конкретных территорий. В связи с имеющимися наблюдениями не исключено, что наиболее четкое оформление коневодство получило в районах лесостепной зоны Восточной Европы.

Хотелось бы обратить внимание и на следующее. В.М. Массон справедливо связывает противоречия и неувязки в понятии «энеолит» с двумя подходами к нему: формально-семантическим и содержательным, однако противоречия вызываются не самим существованием двух названных подходов, а тем, что эти подходы прямо противопоставляются друг другу без учета реальных возможностей

каждого из них. И вряд ли оправданно считать первый подход менее перспективным [7, с. 5]. Именно этот, так называемый формально-семантический (а точнее — археологический) подход оказывается единственно эффективным при установлении границ археологических эпох. Глубоко правы те исследователи, которые говорят о необходимости связывать археологическую классификацию с материалом орудий и технологическим принципом [5, с. 11], «которые являлись основными в археологической периодизации, начиная с момента ее возникновения» [4, с. 4]. Характерно, что В.М. Массоном к понятию «неолит» избран именно этот подход [13], с чем мы полностью солидарны.

Содержательный же подход необходим при определении исторического содержания эпохи, но содержание это раскрывается через комплекс археологических признаков [7, с. 7]. При этом последние не могут подменяться перечислением исторических явлений, относящихся уже к следующему уровню научного познания. В этом отношении археологические эпохи всегда будут выступать и как звенья археологической систематики, и более того, вряд ли могут быть полностью отождествлены с историческими эпохами [7, с.7]. Действительно, если отбросить археологические критерии энеолита, то показатель любого исторического аспекта выйдет за границы данного археологического периода. Это касается и сферы экономики, и семейно-брачных отношений, и социальной структуры обществ, и т.д., сходные формы которых можно фиксировать от неолита до железного века включительно.

В настоящее время уже имеется опыт археологического определения содержания энеолитической эпохи для конкретных территорий, в том числе и для лесной зоны [14; 15; 16].

На юге СССР, где еще в неолите возникли древнейшие раннеземледельческие очаги, улавливается органическая преемственность археологических признаков эпох неолита, энеолита и даже бронзы. Для тех областей, где формировался преимущественно скотоводческий уклад хозяйства (степная и лесостепная зоны), такая преемственность далеко не всегда обнаруживается, что, как мы уже говорили, было связано о нарастанием подвижности скотоводческих племен и внедрением их на соседние территории. Поэтому нами не ставится вопрос о местном, лесостепном (междуречье Днепра, Дона и Волги), базисе для формирования металлургического производства в энеолитическое время. Здесь скорее всего он отсутствовал. Как правило, местные неолитические культуры или подвергались активной ассимиляции со стороны пришлых культур, или вытеснялись ими, или же на какое-то время устанавливался симбиоз при сохранении каждой из них своих культурных признаков. Последний случай как раз очень хорошо стражей материалами лесостепной зоны. В частности, на ряде многослойных памятников из бассейна Дона (стоянки Черкасская, Копанищенская I и др.) стратиграфически фиксируется «переслойное» размещение групп материалов: сначала залегают материалы среднедонской неолитической культуры, над ними — материалы нижнедонской энеолитичеокой культуры с воротничковыми сосудами; еще выше — вновь материалы среднедонской культуры [17, с. 48-54]. Такие же «противоречия» возникают и тогда, когда дело касается случаев бесспорной синхронизации культур с медными и культур с бронзовыми изделиями в лесостепной зоне. О соотношении абашевской и катакомбной культур в донской лесостепи мы уже упоминали. Добавим, что здесь намечается выделение еще одной группы материалов (иванобугорского

типа) [12, с. 68-70], сохранявших энеолитический облик, но хронологически одновременных местным памятникам древнеямной культуры эпохи ранней бронзы. Как же в таких случаях сохранить логику археологической периодизации, если речь идет о конкретно ограниченном регионе?

Думается, что здесь будет оправданным ввод в исследовательский обиход таких терминов, как «пережиточно неолитическая» и «пережиточно энеолитическая» культуры, «пережиточный неолит» и «пережиточный энеолит». Термин «пережиточный неолит» А.А. Формозов использует более широко, считая пережиточно-неолитическими культурами все культуры Севера со времени появления металлоносных культур Юга [18]. Этому пониманию термина следуют и некоторые другие исследователи [19, с. 37], в то время, как Н.Н. Гурина решительно возражает против применения его вообще [1, с. 10]. Признавая позицию Н.Н. Гуриной во многом справедливой, мы применяем этот термин, как и термин «пережиточный энеолит» исключительно к тем районам, где фиксируется «наложение» неолита и энеолита, энеолита и бронзы. При этом «переживание» комплекса традиций предшествующих эпох нами понимается с позиции их устойчивости, связанной с производственной целесообразностью, но не деградации культур в целом. При исследованиях должны учитываться и случаи появления на стыке культур смешанных групп материалов, и иногда контактные зоны могут выступать как относительно устойчивые образования. В таких случаях таксономическая их оценка зависит от выбора исследователя.

Конкретизируем сказанное выше. Практически не исключены случаи спорадического проникновения извне медных изделий в материалы неолитических культур. Если эти изделия не подкреплены появлением других сопутствующих и органически взаимообусловленных признаков, которые характеризуют археологическую специфику металлоносного района, откуда пришли медные изделия, а в самих местных культурах не фиксируется изменений традиционных устоев, то такие культуры рассматриваются нами в рамках неолитической эпохи [17, с. 8, 9]. Здесь мы в известной степени расходимся с М.Е. Фосс, считавшей такие культуры уже энеолитическими [20, с. 34].

Но иногда удается установить проникновение на конкретную территорию групп населения с культурой энеолитического облика (нередко при отсутствии медных изделий, но с признаками, общими металлоносным памятникам — аналогам) и их сосуществование с местными неолитическими племенами. Если в таких случаях не происходит быстрой и полной ассимиляции на новой основе, т.е. местная культура не включила необходимый комплекс новых признаков, то к ней может быть применен термин «пережиточно неолитическая» культура. В соответствии с данной позицией и энеоли- тические культуры, если они не испытали сильного влияния со стороны культур, имеющих признаки эпохи бронзы, нами называются «пережиточно энеолитическими».

Еще раз обращаем внимание на то, что эти термины более всего применимы для разработки периодизации археологических эпох и культур лесостепного региона, а потому являются достаточно специфическими.

Фиксируемое параллельное бытование инородных племен с разными культурными традициями (выросшими главным образом из разных экономических укладов) вытекает в конечном счете из превосходящей сопредельные географические зоны экологической емкости лесостепи.

Таким образом, если проблема унификации важнейших археологических понятий — дело будущего, то составной ее частью служит анализ этих понятий в применений к конкретным регионам, где должны учитываться как общие закономерности, так и территориально-хронологическая и экологическая специфика. Для Восточноевропейской лесостепи энеолит нами понимается как самостоятельная эпоха в системе археологической периодизации, начинающаяся с распространения культур, характеризуемых таким комплексом археологических признаков, которые обусловлены навыками изготовления первых медных изделий и распространением скотоводческого хозяйства, включая коневодство.

В абсолютных датах лесостепной энеолит занимает время примерно от середины IV до середины II тыс. до н.э. При этом, начиная со второй половины III тыс., с появлением в данном регионе памятников, отмеченных признаками эпохи ранней бронзы, энеолитические культуры переходят в свою пережиточную стадию существования.

Литература:

1. Гурина Н.Н. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР // МИА. - 1973. - Вып. 172. - С. 7-22.
2. Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. - 1978. - № 4. - С. 53-83.
3. Рындина Н.В. К проблеме классификационного членения культур медно-бронзовой эпохи // Вестник МГУ. - Серия История. - 1970. - № 6. - С.74-86.
4. Мерперт Н.Я. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. - Куйбышев: Изд-во Куйб. пед.ин-та, 1960. - Т. 235. - С. 3-27.
5. Мерперт Н.Я. К вопросу о термине «энеолит» и его критериях // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. - Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 1981. - С. 4-21.
6. Мерперт Н.Я. Энеолит юга СССР и евразийские степи // Энеолит СССР. - М.: Наука. 1982. - С. 321-332.
7. Массон В.М. Введение. Постановке вопроса. Понятие «энеолит» // Энеолит СССР. - М.: Наука, 1982. - С. 5-9.
8. Массон В.М. Основные направления культурно-исторического процесса // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы. - М.: Наука, 1981. - С. 35-49.
9. Сайко Э.В., Терехова Н.Н. Становление керамического и металлообрабатывающего производства // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы. - М.: Наука, 1981. - С. 72-122.
10. Черных Е.Н. Спектральный анализ и изучение древнейшей металлургии Восточной Европы // Археология и естественные науки. - М.: Наука. 1965. - С. 24-41.
11. Ковалева В.Т. Среднее Зауралье в переходное время от неолита к бронзовому веку // Автореф. канд. дисс. - М., 1979.
12. Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-европейской лесостепи. - Куйбышев: изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1985. – 118 с.
13. Коробкова Г.Ф., Массон В.М. Понятие неолит и вопросы хронологии неолита Средней Азии // КСИА. - 1978. - Вып.153. - С. 103-109.
14. Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. - М.: Наука, 1980. - 219 с.
15. Халиков А.Х. Энеолитическая эпоха в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. - Куйбышев: Изд-во Куйбышевского пед. Ин-та, 1982. - Т. 263. - С. 24-28.
16. Смирнов А.С. Лесное Подесенье в эпоху раннего металла. с. 23-39.
17. Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. – Воронеж: изд-во Воронежского

ун-та, 1986. - 180 с.
18. Формозов А.А. Этнокультурные области на европейской территории СССР в каменном веке. - М.: Наука, 1959. - 143 с.
19. Даниленко В.Н. Неолит Украины. - Киев: Наукова Думка, 1969. - 238 с.
20. Фосс М.Е. О терминах «неолит», «бронза», «культура» // КСИИМК. - 1949. – Вып. XXIX. - С. 34-40.

1989

ПОГРЕБЕНИЯ ЯМНОЙ И КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУР ПЕРВОГО ВЛАСОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Проблемы археологического изучения Доно-Волжской Лесостепи. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 1989. С. 27-68.

В плане освещения эпохи бронзы лесостепного Дона особого внимания требуют к себе вопросы, связанные с изучением памятников ямной и катакомбной культурно-исторических общностей. Это диктуется тем обстоятельством, что, с одной стороны, за данными памятниками стоят события эпохального характера, а с другой, несмотря на обширный круг специальных работ, в частности, посвященных памятникам среднедонской катакомбной культуры, до сих пор не сняты противоречия в оценке ее генезиса, этапов развития, хронологии и других вопросов, решаемых еще на аналитическом уровне, не говоря уже о таких крупнопорядковых аспектах, как этнические, социальные, идеологические и т.п., которые, по существу, еще и не включались в программу изучения.

В этой связи остановимся на рассмотрении материалов Первого Власовского могильника. Он располагался на западной оконечности высокого водораздела между поймами рек Баклуши и Вороны — притока Хопра, примерно в 2-х километрах к северу от села Власовка Грибановского района Воронежской области (рис. 1). На площади могильника в недавнем прошлом функционировал глиняный карьер, разрушивший, видимо, несколько курганов, о чем можно судить по рассказам местных жителей, находивших здесь человеческие кости, сосуды и другие предметы. Отметим также, что площадь могильника ранее подвергалась распашке.

Ко времени раскопок могильник насчитывал 18 насыпей. Сейчас неисследованным остался лишь один, самый крупный в группе курган с триангуляционной вышкой. Работы велись в 1985-1987 гг. экспедицией Воронежского педагогического института под руководством В.Д. Березуцкого [1] и автора [2; 3].

Таблица I

Размеры курганов и типы погребения

№ кургана	диаметр (м)	высота от современной поверхности	погребения эпохи бронзы		
			в ямах	в катакомбах	неопред.
1	17	0,4	1	3	
2	22	0,4	1	1	
3	20	0,5	1	-	
4	18×14	0,7	3	1	
5	14	0,3	-	2	
6	14	0,4	1	-	
7	16	0,4	1	-	
9	16	0,5	1	-	

11	12	0,2	-	2	
12	24	0,9	3	3	1
13	20	0,6	-	2	
14	12	0,2	1	-	
15	15	0,3	1	-	
17	20	0,6	1	-	
Всего:			15	14	1

Немногим менее километра от рассматриваемого памятника расположена еще одна курганная группа — Второй Власовский могильник, раскопки которого только начаты.

Курганы исследовались послойно на снос как вручную (№ V, II), так и с помощью бульдозера.

Структура всех насыпей едина: от верха на глубину до 0,4 м шел пахотный слой — осветленный песками чернозем; ниже — чернозем с глинистыми включениями и меловой щебенкой. Он подстилался пестрым материком в виде глин желтого и «кирпичного» цвета и песков, прослоенных меловыми образованиями. В ряде случаев фиксировалась погребенная почва толщиной до 0,35 м.

Но наблюдениям В.Д. Березуцкого, сделанным весной 1982 года и подкрепленным фотографиями (отчет за 1984 год), на поверхности северной части могильника фиксировалось свыше 50-ти зольных пятен с включениями угольков. Пятна имели разную форму и размеры от 3 до 15 м в диаметре. При этом курган № 1 с кольцевой канавкой был окружен зольником в виде того же кольца, а поверхности курганов №№ 2 и 3 перекрыты круглыми зольными пятнами, совпадающими с контурами насыпей. К сожалению, находок, которые бы документировали возраст и принадлежность зольных пятен пока не выявлено, однако, названные выше случаи совпадения позволяют относить их ко времени сооружения курганов и рассматривать в качестве следов ритуальных костров. Хронологическая позиция захоронений в курганах определялась по соотношению уровней залегания могильных выкидов, случаями их нарушения, просадкой могил и по ряду других признаков. В итоге стратификация захоронений установлена практически в каждом кургане, исключая те, в которых погребения эпохи бронзы были представлены по одному (кург. №№ 3, 6, 7, 9, 14, 15, 17).

Наиболее характерные признаки погребальных конструкций и обряда захоронений отражены в приводимых ниже таблицах.

Таблица 3

Конструктивные признаки погребений

кург. / погр.	тип	погребальная конструкция						Прим.
		яма, камера			шахта			
		форма	размеры (м)	глубина от материка (см)	форма	размеры	глубина от материка См)	
1	2	3	4	5	О	7	8	9
1/1	К	П	1,6×0,8	0,6	ПП	1,6×1,3	0,45	
1/2	К	О	2,08×1,12	0,6	О	1,1×0,9	0,5	
1/3	Я	ПП	1,95×1,7	0,5				
1/4	К	П	2,1×1,5	2,2	П	1,45×0,85	1,7	
2/1	Я	П	2,2×1,6	0,67				

2/2	К	О	2,25×0,9	2,0	П	1,8×1,6	1,2	шахта с канавками
3/4	Я	П	1,4×1,4	0,4				
4/1	Я	П	1,6×0,6	0,5				
4/2	Я	П	1,6×1,15	1,1				
4/3	Я	П	1,0×0,6					
4/4	К	0	2,7×1,8	2,5	П	1,8×1,35	2,0	
5/1	К	0	1,95×1,15	1,15	П	1,55×1,25	0,7	
3/2	К	О	2,0×1,25	1,0	П	1,65×0,9	0,85	шахта с двумя ступеньками
6/1	Я	ПП	1,9×0,65	0,4				
7/1	П	П	1,4×1,1	0,4				
9/1	Я	П	2,1×1,85	0,35				
11/1	К	П	1,6×0,8	2,05	П	1,52×0,8	1,5	
11/2	К	П	1,85×0,95	1,1	П	1,85×1,1	0,9	
12/1	Я	О	0,65×0,65					
12/2	Я	П	2,0×0,95	1,0			0,45	
12/3	К	П	1,75×0,92	0,9	П	1,75×0,6		
12/6	7						0,55	
12/7	К	О	2,5×1,2	1,15	П	1,35×1,15		
12/8	Л	П	1,8×0,85	0,45				
12/9	К	ПП	1,4×0,95	1,2	ПП	1,4×0,8	1,05	
13/1	К	ПО	1,9×1,4	1,6	П	1,6×0,8	1,5	
13/2	К	ПО	1,6×1,1	1,57	П	1,3×0,75	1,7	
14/1	Я	П	1,6×1,1	0,1				
15/1	Я	П	1,6×1,25	0,4				
17/2	Я	П	1,8×1,0	0,8				

Примечание: К - катакомба; Я - яма. П - прямоугольная; ПП - подпрямоугольная; О - овальная; ПО - прямоугольно-овальная

Таблица 4

Обрядовые признаки погребений

Курган / погребение	Характер погребения, обрядовые признаки													Погребальный инвентарь							примечания
	Кол-во костяков	пол	возраст	Деформация голов	позиция	Угол скорчен.	ориентировка	подстилка	охра	мел	уголь, зола	жертв. животн.	астрагалы	горшки	жаровни	курильницы	Костяные изд.	Каменные изд.	металлич. изд.		
1/1	1	м	50-55	+	пр	п	ю	+	+				3			1	13		4		
1/2														1							разрушено
1/3	1	м	50	+	сп	т	в			+											

1/4	3	ж	6		пр	п	в		+					1	1			1		
		м	20	+	пр	т	в	+					53	2			1			
		м	6-8		пр	п	в	+					13							
2/1	1				сп	т	с				+									
2/2	1	м	35	+	сп	т	юв	+	+				3			1				
3/4														1						кено-таф
4/1	1	?					в													
4/2	1	?	подр.		сп	т	в		+									1		
4/3	1	?	ребен.		пр	п	сев						3	1						
4/4	5	м	50		сппр	т	ю	+	+			+		1						жаровня и кости лошади на мог. выкиде
		м	5	+	жтп	т	ю		+				21							
		ж	18	+	сп	т	з	+												
		м	10	+	пр	т	з	+	+				65							
		м	3		пр	т	з	+												
5/1	1	м	40		сп	1	св	+				+					8			
5/2	1	?	взросл		сппр	т	юв	+	+							1				
6/1	1	?	взросл		сп	т	вкв													
7/1	1	?	взросл		жт	т	св					+					1			Следы расчл.
9/1	1	м	взросл		сп	т	с		+						1					сосуд из насыпи
11/1		м	8-9		+	пр	т	ююв	+	+			+		1	+				
		м	5-6		+	пр	т	ююв	+	+										
		м	5		+	пр	т	ююв	+	+					1					
		м	6-7		+	пр	т	сев	+	+										
11/2	1	м	40			сппр	т	ю	+											
12/1	1	м	45-50																	перезахор.
12/2	1	?				сп	т	св		+						2				
12/3	1	м	7		+	сп	т	ю	+	+				1			81		5	Следы расчлен.
12/6	2	м	35-40			прсп	т	в		+										Сосуд из насыпи
		?	5-6			Оп														
12/7	1	и	40-50		+	сппр	т	вюв	+	+						1		1		
12/8	1	и	15-20			сп	т	ююв	+	+										
12/9	1	?	3-5			пр	т	в		+			+	?						
13/1	3	м	9-10		+	пр	т	ююв	+	+			+	105	1	1	16			Угольки в зап. шахты
		м	8-9		+	сп	т	сев	+	+										
		м	6		+	жт	т	3	+	+		+			2					
13/2	1	м	45-50		+	сп	?	ююв	+	+	+		+			1			1	1
14/1	1	?	взросл			сп	п	св					+							
15/1	1	?	взросл							+					1	1				Следы расчл.
17/1	1	?	взросл			сп	п	ссз	+	+			+							Сосуд из насыпи

Примечание: М - мужской; Ж – женский; Сп - спина; Пр - правый бок; Л - левый бок; П - прямой угол; Т - тупой угол

Отметим, что при устройстве могил ни в одном случае не зафиксировано применения дерева или камня, в то время как использован прием забутовки ям, шахт и камер материковым выкидом, чего мы не наблюдали при исследовании других погребальных памятников донского региона. При этом тщательность забутовки шахт и катакомб нередко была такова, что их признаки и по цвету, и по плотности терялись в материке.

Из отдельных конструктивных деталей укажем на кольцевой ровик с перемычкой в кургане № 1 (рис. 1, 2). Ровик, если судить по данным стратиграфии, связан с впускным захоронением 3, после устройства которых была произведена досыпка северной полы кургана.

Погребения могильника совершались в ямах и катакомбных конструкциях. Все ямы (за исключением одной круглой, где совершено перезахоронение) имели прямоугольную форму, ровные или заоваленные углы, относительно ровные отвесные стенки. Размеры их небольшие и средние[1], редко достигают в длину свыше двух метров, Невелика и их глубина. Перекрытий, как отмечено выше, ямы не имели.

Характерными чертами катакомбных конструкций, помимо их забутовки, являются сопряжение шахт и камер длинными сторонами; прямоугольная форма шахт и прямоугольная же, наряду с овальней, форма камер (в равном количественном соотношении). В целом катакомбные конструкции достаточно просты и стандартны; шахта ступенькой переходит в камеру. В ряде случаев удавалось фиксировать купольный свод камеры. Лишь дважды отмечены шахты с парой ступенек (2/2; 5/2) и только два сооружения предполагают в реконструкции своеобразные детали (1/4; 2/2). Первое из них — с шахтой, преобразованной ниже ступеньки в неширокую щель усеченно-конической формы (рис. 2, 3). Второе сооружение (рис. 3, 3) имело на ступеньке шахты и перед камерой канавки, в заполнении которых фиксировались следы циновок, перекрывавших уже забутованную камеру. Большинство катакомбных конструкций имеют средние размеры. Крупные (длина камер свыше двух метров) отмечены в пяти случаях, из которых две содержали коллективные захоронения.

Погребения в ямах по комбинациям обрядовых признаков не все однотипны. Некоторые из них на основании таких признаков как скорченное положение умерших на спине, восточная и южная ориентировка, безынвентарностъ, наличие охры и др. — принадлежат кругу памятников древнеямной культурно-исторической общности (1/3; 2/1; 4/1; 4/2; 6/1; 12/8). Из названных погребений лишь одно имело северную ориентировку (2/1). Однако оно стратиграфически предшествовало захоронению в катакомбе (рис. 3, 2). Погребения о восточной ориентировкой (1/3; 4/1; 4/2) соответствует общему типу, распространившемуся по всей древнеямной культурно-исторической области еще ни раннем ее этапе [4, с. 55]. Погребения с ориентировкой в южную сторону (6/1; 12/8) близки древнеямным погребениям донского варианта четвертой [4, с. 81] или девятой [5, с. 15] группы, которые исследователями рассматривается во времени и в условиях взаимодействия с традициями катакомбного мира. Довольно сложным выглядит определение культурной принадлежности погребенного на спине с завалом в левую сторону и ориентировкой на северо-северо-запад (17/1) (рис. 11, 1). Оно яв-

[1] Нами принимается градация ям по размерам длинных сторон в следующем виде: до 1,5 м — небольшие, до 2,0 м — средние, свыше 2,0 м — большие.

лялось основным в кургане и предшествовало следам тризны в виде развала сосуда типично катакомбного облика (рис. 11, 2). К тому же наличие в погребении охры, размещение кистей рук умершего в области таза не характерно в целом и для погребальной обрядности срубных племен донской территории, наиболее последовательно предусматривавших левобочное положение умерших. С известной долей условности рассматриваемое захоронение можно отнести к группе древнеямных, учитывая, что левобочная позиция отмечена в сопредельных регионах и среди них. В эту группу мы включаем и еще одно безынвентарное погребение в забутованной яме со скорченный костяком на спине, ориентированным на северо-запад (14/1). Во всех отмеченных погребениях охра фиксировалась либо вокруг головы и у груди, либо у таза и за коленями умерших, причем она имела разные оттенки: красный и бурый. У одного из погребенных (1/3) голова была посыпана мелом, а у рук еще одного (2/1) находились угольки.

Другие погребения в ямах Власовского могильника, ввиду тождества погребального инвентаря (главным образом глиняной посуды), а также ряда обрядовых признаков, составляют единую культурно-хронологическую группу с захоронениями в катакомбных традициях. Среди них есть с позицией на спине (9/1; 12/2), на правом боку (4/3), с завалом на живот (7/1), перезахоронение (12/1), захоронение в расчлененном состоянии (15/1) и кенотаф (3/4). Кисти рук, где это можно было проследить, размещались в области таза, у правобочника — между колен. Умершие располагались на органической подстилке (скорее всего — шкуры животных). Охра посыпалась либо вокруг, либо у головы и плечей, либо у ног. Причем цвет охри тоже разный. Ориентировка умерших в данной серии погребений неустойчива (ЮЮВ - 1; ЮВ - 1; СВ - 1; С - 1).

Катакомбные сооружения, наряду с одиночными захоронениями, представляли собой также и коллективные усыпальницы с тремя (1/4; 13/1), четырьмя (II/I) и пятью (4/4) костяками. Кроме того, еще одно погребение, конструкция которого не определялась, было парным (12/6).

Среди одиночных погребений в катакомбах с позицией на спине находилось пять костяков, на спине с завалом в правую сторону — два костяка и столько же — на правом боку. В коллективных захоронениях, исключая одно тройное (1/4) и четверное (11/1), где все умершие находились на правом боку, наблюдались вариации в положении, но костяки с приоритетными признаками лежали либо на спине вполоборота направо, либо на правом боку.

Угол скорченности (расположение бедренных костей относительно направления позвоночника) — тупой и лишь в отдельных случаях он приближается к прямому. У захороненных на спине и с завалом на бок руки, как правило, укладывались вдоль тела с одной или обеими кистями на тазе; у захороненных на правом боку кисти рук помещались между колен. Иная позиция рук не типична, хотя в одной из коллективных катакомб (4/4) положение рук у костяков оказалось самое разное. Видимо, здесь мы должны опираться на те обрядовые признаки, какими характеризуется захоронение с приоритетным статусом. Если иметь в виду последнее, то можно констатировать подавляющее преобладание в катакомбах ориентировки умерших в южную половину круга: строго на юг — 4; с незначительным или более выраженным отклонением к востоку — 6. Только в двух катакомбах умершие ориентированы на восток и в одной — на северо-восток (см. табл. 4). В этой связи отметим, что катакомбные конструкции не подчинены какой-либо системе размещения планиграфически; устройство катакомбы в сторону центра кургана тоже не являлось обязательным, т.е. ориентировка умерших в большей степени была подчинена обрядовым установкам.

Как и для захоронений в ямах, здесь предусматривались подстилки и посыпка охрой, причем цвет, количество и размещении охры тоже отличались вариабильностью. Можно, к примеру, указать на одно из тройных захоронений (13/1), где розовая, красная и бурая охра размешались в области головы, груди, ног умерших. Лишь в одном случае отмечено сочетание охры и мела (13/2).

Обратимся к рассмотрению погребального инвентаря. Он включает глиняную посуду, костяные, каменные, бронзовые изделия, а также астрагалы.

Глиняная посуда представлена горшками, жаровнями (из придонных частей или боковин тех же горшков) и курильницами.

Горшки обнаруживают между собой хорошо заметное сходство. Во-первых, все они едины технологически: тесто плотное, без видимых примесей, внешние поверхности заглажены, иногда до лощения, на внутренних сторонах имеются следы штриховки; цвет сосудов коричневый, варьирующий оттенками. Во-вторых, большинство горшков принадлежит первой (гребенчатой) орнаментальной группе первого-третьего типов по классификации, предложенной нами для сосудов среднедонской катакомбной культуры [6, с. 109-114].

Горшки первого типа (9 экз.) — с невысоким горлом, плавно выходящим из яйцевидного тулова, где высота горла не превышает 1/6 общей высоты, а больший диаметр (в верхней части) несколько превышает общую высоту сосуда. Горло или прямое, (подтип 1, четыре экз.) (рис. 4, 5; 6, 4; 7, 10), или слабо профилируется (подтип 2, два экз.) (рис. 3, 4; 6, 5), или же имеет уступ на переходе в тулово (подтип 3, пять экз.) (рис. 1, 9; 4, 6; 7, 3; 9, 7; 10, 5). У отдельных из названных сосудов выделены поддоны. В орнаментации доминируют оттиски гребенчатого штампа, составленные в горизонтальную (в одном случае — вертикальную) елочку. Есть также мотив из горизонтальных поясов штампа, который выступает или самостоятельно (рис. 6, 4), или в сочетании с елочным мотивом (рис. 10, 5, 6). Гребенчатому элементу сопутствуют оттиски шнура, ямочные вдавления, насечки и защипы. Шнуровой элемент наносился только по горлу в виде поясков из одинарных, сдвоенных и строенных оттисков, между которыми в одном случае были нанесены отступающие вдавления (рис. 7, 3). Насечки и защипы, как правило, украшают венчик. Интересен сосуд, имеющий на тулове чередующиеся зоны из гребенчатых и ямочных вдавлений, что весьма напоминает орнаментальные традиции северного неолитического мира (рис. 4, 6). Обычно орнаментом покрыта вся внешняя поверхность сосудов и лишь в отдельных случаях имеются свободные зоны под верхом или у дна.

Горшки второго типа (2 экз.) — с относительно высоким прямым горлом, плавно выходящим из тулова. Они имеют выпуклые бока, диаметр которых значительно больше общей высоты. Типологически очень близки кубкам. Один из сосудов орнаментирован в верхней половине оттисками строенного шнура и ямками между ними, а в нижней — гребенчатым штампом в елочку (рис. 2, 7). Другой — гребенчатой елочкой по тулову и клиновидными вдавлениями по горлу (рис. 2, 6).

К третьему типу нами отнесен один горшок. Он имеет форму глубокой миски с профилированной короткой шейкой, диаметр верха значительно превышает высоту сосуда. Орнаментирован гребенчатым штампом, оттисками шнура, треугольными вдавлениями (рис. 9, 2). Интересно отметить, что есть сосуды той же орнаментальной группы, сочетающие признаки первого и второго (рис. 4, 5), первого и третьего типов (рис. 9, 3). Из предложенной нами классификации выпадают два сосуда, один из которых круглодонный, с уступчиком под верхом — ямного типа (рис. 7, 4), а второй

— с крутыми плечиками под невысоким горлом (рис. 9, 1) находит аналогии в катакомбных материалах Поднепровья как по форме [7, с. 54, рис. 1, 4], так и по стилю орнаментации [8, с. 104, рис. 4, 6].

Жаровни из придонных частей принадлежали, судя по всему, горшкам той же орнаментальной группы и типам, характеризующим большинство рассмотренных сосудов. Отметим лишь жаровню, покрытую оттисками тесьмы (рис. 5, 10), что соответствует второй (шнуровой) орнаментальной группе [6, с. 110].

Курильницы (5 экз.) при всем разнообразии типов близки рассмотренным сосудам и по технологическим, и по орнаментальным признакам. Особенно нагляден в этом отношении прием нанесения одинарных, сдвоенных и строенных оттисков шнура, между которыми размещается ямочные вдавления. В целом же в украшении господствует шнуровой элемент при подчиненной роли ямок и гребенчатого штампа. Отметим как своеобразие и как объединяющий признак всех курильниц — отсутствие отделений в плошках (рис. 1, 7; 2, 5, 8; 5, 5; 8, 2).

Таким образом, керамический материал Власовского могильника в большинстве своем единокультурен, хотя и с некоторыми разнородными чертами. Этим же объясняется взаимовстречаемость сосудов разных подтипов и типов в одних комплексах. Подобная керамика характеризует среднедонскую катакомбную культуру на ее первом (павловском) этапе развития [6, с. 146, рис. 43], где сосуды первого типа обнаруживают сходный облик с материалами и других территорий, наделенными чертами и древнеямной, и катакомбной культур [6, с. 141-142].

Отметим также, что сосуды первого типа с уступчиками под горлом и с гребенчато-шнуровой орнаментацией встречаются значительно чаще в памятниках левобережья Дона, что и естественно, поскольку имеют зримые черты сходства с Поволжскими материалами того же времени. Еще раз укажем в этой связи на сосуд с орнаментом в виде вертикальной елочки (рис. 9, 7). Сосуды второго типа в большей степени включили влияние гончарных традиций донецкой катакомбной культуры.

Другие категории материалов могильника тоже находят аналогии в катакомбных древностях: костяные бусы (рис. 1, 5; 5, 3; 7, 8), каменный топор (рис. 10, 1), бронзовые подвески (рис. 7, 8) и шилья (рис. 1, 4; 7, 7). Столь же типично для среднедонской катакомбной культуры присутствие в погребениях астрагалов и остатков жертвенных животных. Вместе с тем, впервые для названной культуры выявлены Т-образные бронзовые «заклепки» (рис. 1, 4а) и группа музыкальных инструментов: две «свирели Пана» и роговой молоток-ударник. Обе флейты имели по восемь трубочек-секций из костей крупной птицы, хорошо подогнанных друг к другу по ранжиру и заполированных (рис. 2, 1; 7, 6). У одной из флейт прослежено крепление мундштуковой стороны (концы трубок здесь обработаны фасетками) с помощью какого-то кожаного переплетения. Вторая флейта сохранилась хуже и полный набор ее секций удалось определить по оттиску на глине на месте нахождения. Молоток-ударник (рис. 9, 5) хорошо заполирован, рабочий конец его округлен и несет следы взаимодействия с мягким материалом (кожей)[1]. Можно полагать, что и эта находка принадлежит категории музыкальных инструментов.

Весьма своеобразной оказалась и находка выполненного из рога плавно изогнутого стержня, один конец которого заострен, а другой — имеет расширение в виде шляпки с отверстием (рис. 1, 6). По краям отверстия видны риски — следы потертости. Типологически стержень принадлежит категории булавок. Аналогичная «гвоз-

[1] Трасологический анализ проведен В.В. Килейниковым.

девидная» булавка находилась в одном из погребений кургана близ ст. Раздорская на Нижнем Дону [9, с. 47; 10, с. 32, рис. 29]. Сходные булавки известны также из раннекатакомбного погребения предкавказской культуры на Маныче [11, с. 71, табл. 64, I], из погребения северокавказской культуры в Ставрополье [12, рис. 83, б], а в самых общих чертих власовская находка может быть сопоставлена с бронзовыми посоховидными булавками. Подобные изделия интерпретируются исследователями как застежки, хотя и высказано мнение, согласно которому костяные и бронзовые булавки в Центральном Предкавказье входили в поясной набор [13, с. 44].

Несколько слов о распределении инвентаря в погребениях. Целые горшки (там, где это можно было проследить) находились у головы умершего — 5 раз, в ногах и у колен — по 2 раза; жаровни: у головы — 3 раза, у входа в камеру на полу шахты — 2 раза; в насыпи на могильном выкиде — 1 раз; курильницы: у головы 2 раза, напротив ног — 3 раза. Местоположение сосудов в каждом случае должно было иметь свои мотивировку, однако, отмеченная вариантность пока затрудняет такого рода анализ. Костяные бусы во всех четырех случаях находились у кистей правых рук умерших, что позволяет интерпретировать их как браслеты, или, скорее, бусы-четки. Одна из флейт вместе с бронзовым шилом (рис. 7, 6) была положена на могильный выкид погребения 12/3 и густо посыпана охрой, а другая — близ головы умершего (1/4). Как и молоток-ударник (13/1), костяная булавка лежала у груди погребенного (1/1). Каменный полированный топор находился у правого плеча погребенного; рукоять же топора, от которой сохранился древесный тлен, была направлена вниз к левому боку, что и объясняет, казалось бы, необычнее положение правой руки умершего (рис. 9, 6), т.е. в данном случае устройство рук подчинено воспроизводству позы для отправления функции, наиболее значимой для умершего при жизни. Каменный «выпрямитель» (рис. 8, 3) был найден в заполнении шахты, а бронзовый крюк-вилка (рис. 10, 2) — рядом с жаровней на полу шахты.

Астрагалами сопровождались как детские, так и взрослые захоронения, причем количество их и место размещения не связано с возрастными признаками. Астрагалы или выкладывались рядами, или насыпались кучкой близ лица, у ног, рядом с сосудами, или же сказывались рассеянными по иолу могилы. Но и здесь, вероятно, имеет место определенная зависимость от ритуальных установок, пока не поддавшаяся расшифровке.

Жертвоприношения животных совершались как в пределах могил, так и на разных уровнях их заполнений. Обычно фиксировались части животных: голова, передние ноги, ребра. Так, расчлененная туша лошади с головой и передними ногами положена на выкид погребения 4А, а внутри его — передние ноги другого животного; головы лошади и овцы сопровождали умершего в катакомбе 11/2; голова и нижняя челюсть овец — в заполнении шахты погребения 5/1; в заполнении шахты погребения II/I находились голова быка и три головы овец, и здесь же, несколько выше, обнаружен костяк маленького ребенка; передние ноги крупного животного лежали в погребении 7/1; передняя часть овцы (без головы) — в погребении 14/1; ноги овцы — в погребений 13/2; кости крупного животного выявлены в заполнений погребения 17/1. Отметим, что остатки жертвоприношений находились и в одиночных, и в коллективных захоронениях, но не во всех, т.е., и здесь наблюдается вариантность обрядовых установок.

* * *

Нельзя не обратить внимание на то, что погребения и ямного, и катакомбного облика несут между собой черты сходства. Прежде всего, это обнаруживается в при-

менении, наряду с катакомбными конструкциями, ям для захоронений среднедонской катакомбной культуры. Есть также в катакомбах и безынвентарное (11/2), и только с костяными бусами-четками (5/1) погребения умерших скорченно на спине, и аналогичные же по обряду захоронения, но в сопровождении курильницы (2/2) и набора изделий разных типов (12/3; 13/2). Захоронение на спине встречено и в коллективной катакомбе (13/1). Небезынтересно в этой связи отметить в катакомбах наличие скорченных костяков и на спине с завалом на правый бок (4/4, 5/2, 12/7). Взаимовлиянием объясняется и появление в ямной обрядовости ориентировки умерших на юг, а в катакомбной — в восточном направлении. В одном из коллективных захоронений в катакомбе совмещалась ориентировка и на юг, и на восток (1/4). Весьма показательно погребение 12/2, произведенное по ямному обряду (типичная яма, типичные позиция и ориентировка умершего), но сопровождавшееся двумя жаровнями из сосудов, один из которых древнеямного (рис. 7, 4), а другой — катакомбного облика (рис. 7, 3). Сходный с ямным сосуд (рис. 9, 3) находился в псин дикое с типично катакомбными сосудами в катакомбной конструкции (13/1). В данном аспекте еще раз напомним, что и всем власовским сосудом первого типа присущи черты древнеямных гончарных традиций, а также напомним наличие такого объединяющего все захоронения могильника признака, как прием забутовки.

Таким образом, Власовский могильник дает яркий пример сочетания ямных и катакомбных обрядовых традиций, что особенно важно при разработке проблемы генезиса среднедонской катакомбной культуры. В том же плане чрезвычайно интересны и данные краниологического анализа катакомбных погребений могильника[1]. Абсолютное большинство (20 из 24-х относительно хорошо сохранившихся черепов) принадлежит ослабленному европеоидному типу с признаками уральской расы (в дальнейшем тип I, т.е. тому типу, который наиболее характерен для древних обитателей Поволжья. Надо полагать, что данный антропологический тип распространялся на Дон с востока в периоды активизации племен древнеямной культурно-исторической общности. Кстати, теми же признаками отмечен и череп безынвентарного погребения в яме на спине с восточной ориентировкой(1/3), но одновременно он имел (как и практически все черепа типа I могильника) следы искусственной прижизненной деформации, которая в целом не характеризовала обычаи древнего населения Поволжья, хотя на Дону этот признак был отмечен в одном из древнеямных погребений [14]. Но, как известно, прием деформации голов принадлежит кругу традиций иной этнической среды, в данном случае — катакомбной. Примечательно, что антропологическая серия Власовского могильника включает черепа чистого европеоидного типа (в дальнейшем — тип 2) (4/4, 13/2), протоевропеоидного (2/2) и метисного, с сильными чертами чистого европеоида (12/7). Первый из названных типов, характеризующий древнее население южных (степных) регионов Восточной Европы, хорошо представлен и, по сути, является единственным в катакомбных погребениях Павловского могильника [14]. Следовательно, население катакомбной культуры Среднего Дона не представляло собой полного антропологического, а соответственно, и этнографического единства, по крайней мере, на стадии формирования культуры. Заметим, что все захоронения Власовского могильника, принадлежащие антропологическому типу 2, при ярко выраженных специфических традициях катакомбной обрядности (катакомбные устройства, ориентировка умерших в южную половину круга, сопровожде-

[1] Определение антропологического материала проведено сотрудником НИИ и Музея антропологии МГУ Т.В. Томашевич, за что автор приносит искреннюю признательность.

ние в двух случаях курильницами), включают и древнеямный признак: скорченное положение либо на спине (2/2, 13/2), либо вполоборота направо (4/4, 12/7) Можно добавить, что, превосходя многие другие погребения могильника по размерам (см. табл. 3), три из них содержали только по сосуду, а одно было вообще безынвентарным (13/2). Кстати, не отражает ли попытки примирения двух традиций в погребальной обрядности устройство прямоугольных камер? Правда, такой конструктивный признак при раскопках, катакомбных погребений на Дону ранее не фиксировался, и его можно отнести также и на счет специфики памятника.

В целом же рассмотренное материалы представляют весомый аргумент в пользу тезиса о формировании среднедонской катакомбной культуры на основе нескольких этнокультурных компонентов, прежде всего — древнеямного и степного катакомбного [6], — тезиса, который или не принимается во внимание [15, с. 407], или по каким-то неясным причинам искажается [16, с. 53].

Говоря о древнеямном компоненте, мы не имеем в виду восприятие его только в древнеямное время. Некоторые из традиций привнесены и в трансформированном виде, будучи опосредованными полтавкинскими племенами, связь с которыми у носителей среднедонской культуры сохранялась на протяжении всего периода их бытования [17, с. 11]. Материалы Власовского могильника свидетельствуют об этом с достаточной определенностью. Вместе с тем интересно отметить, что за исключением общестадиальных и общегенетических признаков в обрядности инвентаря, могильник не дает собственно полтавкинских комплексов, или хотя бы отдельных полтавкинских «импортов». Для примера сошлемся на керамический материал, среди которого при сходстве форм сосудов, орнаментальных элементов и даже некоторых композиционных построений, ни разу не отмечены раковинная примесь в тесте или же мотив шагающей гребенки, столь характерные для средневолжских памятников полтавкинской культуры [18]. Этим фактом фиксируется, прежде всего, индивидуальный характер памятника, но, одновременно, этим же фиксируется и принцип избирательности, имевший место при формировании местного традиционного уклада.

Столь же неоднозначна оценка и катакомбного компонента. Некоторые традиции получили импульс к развитию из предкавказского катакомбного мира. Среди них — устройство катакомбных конструкций с продольным сопряжением шахт и камер. Оттуда же, возможно, передаточным путем заимствовался такой своеобразный тип ритуальных сосудов, как курильницы, некоторые типы металлических изделий, обычай деформации черепов. Другие традиции связаны с донецкой катакомбной культурой, племена которой заселяли бассейн Донца и Нижнее Подонье. Оттуда была воспринята сходная с кубками форма сосудов (второй тип), оттиски сдвоенного и строенного шнура, тесьма, фестонные мотивы орнаментации.

И здесь мы наблюдаем тенденции отбора признаков. Нет, в частности, случаев размещения умерших на левом боку спиной к шахте — признака, широко распространенного в предкавказских памятниках, как нет и Т-образного сопряжения шахты и камеры, типичного для донецкой катакомбной культуры. Отметим, что в этом отношении Власовский могильник не выпадает из общего характера погребальных памятников среднедонской катакомбной культуры.

Следующий вопрос, на котором необходимо остановиться — это оценка хронологической позиции рассматриваемого памятника. Большинство обрядовых признаков и, практически, весь облик погребального инвентаря захоронений катакомбного типа соответствует, как мы уже говорили, первому (павловскому) этапу среднедонской ка-

такомбной культуры, абсолютная дата которого по сравнительным денным укладывается в рамки XX-XVII вв. до н.э. [6, с. 156]. Учитывая целый ряд приведенных выше примеров взаимосочетания признаков, можно считать, что захоронения ямного типа по времени синхронны катакомбным. При этом еще раз укажем не случаи стратиграфического предшествование захоронений в катакомбах погребениям с преобладанием ямных признаков (курганы № 1 и 12). Кстати, в заполнении ровика кургана № 1 выявлены фрагменты катакомбного сосуда, тогда как ровик и ямное погребение 3 единовременные. Другими словами, погребения и ямного, и катакомбного типа могильника не обнаруживают хронологического разрыва, а определяют своим обликом как бы «рабочий момент» процесса преемственности в взаимодействия.

Хронологическое совмещение двух обрядовых групп погребений ямного типа тоже не несет каких-либо противоречий, поскольку здесь должен учитываться глубокий традиционализм самой обрядности. В данном случае целесообразнее говорить о том, какой из комплексов обрядовых признаков сложился раньше, а какой — позже. Ямные погребения с южной ориентировкой по аналогии с памятниками Нижнего Подонья датируются первой началом второй четверти II тысячелетия до н.э. [5, с. 18; 4, с. 83], что находится в полном соответствии с датировкой павловского этапа среднедонской катакомбной культуры.

Вопрос, следовательно, заключается в том, какому отрезку времени в названных хронологических рамках принадлежит могильник, поскольку характер внутреннего содержания и такие признаки как компактность, обособленность, не предполагают длительного его функционирования. К сожалению, строго датирующих признаков памятник не имеет, в связи с чем обратимся к сравнительным данным.

В этом плане наиболее информативно захоронение в катакомбе, наделенное типичными для памятника обрядовыми признанным (13/2). Его вещевой комплекс включает сосуд-жаровню, бронзовый крюк-вилку и каменный полированный топор. Захоронению стратиграфически предшествовало тройной катакомбе с набором сосудов архаичного в целом облика, из которых один но форме еще близок ямным, а аналог другому (рис. 9, 7) имеет такие сопутствующие признаки, как Т-образная катакомбная конструкция, позиция захороненного скорченно на спине с восточной ориентировкой, характеризующие ранние фазы катакомбной мощности [7, с. 54, рис. 1, 4; с. 56, рис. 2, 7]. Сосуд из раннего власовского захоронения несет общие черты с полтавкинскими материалами. Бронзовый крюк-вилка типологически более сопоставим с находками из погребений донецкой катакомбной культуры [19, с. 48, рис. 23, 13, 14], которые наряду с аналогичными изделиями из северокавказских комплексов рассматриваются как более ранние в сравнении с длинными крюками-вилками из погребений манычской культуры [19, с. 143], дата которых не поднимается за рамки первой половины II тысячелетия до н.э. [11, с. 14]. Однако ранней датировке комплексов, несмотря на целый ряд архаичных признаков (учитывая и данные стратиграфии) противоречит присутствие в нем каменного топора, который наиболее четко сопоставляется с топорами Бородинского клада [20]. Датировка же последнего, причем в максимальном варианте удревнения — XVI-XV вв. до н.э. [21]. Отметим, правда, что отдельные топоры сходного облика из катакомбных захоронений Нижнего Подонья исследователи склонны относить к более раннему времени, чем дата Бородинского клада [19, с. 144], а в Нижнем Поволжье, в могильнике Быково 1, типологически близкий топор сопутствовал одному из древнеямных захоронений [22, с. 5, рис. 1, 6; 23, с. 86, рис. 4, 5]. Учитывая все это, власовское погребение, равно как и сам

могильник, следует отнести ближе к верхнему рубежу павловского этапа среднедонской катакомбной культуры — к XVIII-XVII вв. до н.э. Такая датировка памятника в целом согласуется и с находками курильниц, принимая во внимание отсутствие в их плошках боковых отделений — признак, считающийся ранним [24]. В большинстве случаев типологически сходные материалы датируются первой половиной II тысячелетия до н.э., в соответствии с хронологией предкавказской культуры. С этими же хронологическими рамками согласуется датировка всех других категорий инвентаря Власовского могильника: бронзовых подвесок в 2,5 оборота, шильев, костяных бус, каменного выпрямителя древков стрел, хотя в целом такие изделия отмечены большей протяженностью бытования. Флейты являются пока редким типом находок. Они встречены в погребениях и древнеямного [25; 26], и ямно-катакомбного [27], и катакомбного облика [28], однако, разработка их типологии в корреляции с хронологическими схемами — дело будущего.

Есть и еще одно обстоятельство, побуждающее нас принять для Власовского могильника названную выше датировку. В его системе оказался курган с абашевскими захоронениями, которые на основании аналогий с комплексами уральской абашевской и петровской культур датируются XVII-XVI вв. до н.э. [29]. Но и эти захоронения сопровождались каменными навершиями булав, идентичных булавам того же Бородинского клада. Появление абашевских захоронений с престижным инвентарем определенно имеет связь с характером самого могильника, на чем мы еще остановимся ниже. Во всяком случае, их совершение происходило в пределах фиксируемого памятью соплеменников периода после прекращения здесь производства катакомбных захоронений. Весьма интересно и то, что здесь же, в насыпях разных курганов, выявлены три сосуда вне связи с каким-либо конкретным захоронением и, по всей видимости, представлявшие собой остатки тризн. Один из сосудов (рис. 11, 2) — катакомбного типа, но уже по форме и валиковой орнаментации принадлежит второму этапу среднедонской культуры, начало которого мы определяем с XVII в. до н.э. [6]. Другой сосуд (рис. 5, 11) тождественен материалам КМК, время появления которой исследователи относят к тому же времени [15, с. 457; 30]. Присутствие в пределах могильника такого рода сосудов вряд ли можно считать случайным, тем более, что вполне вероятно их хронологическое соприкосновение с погребальными комплексами памятника. Сложнее в этом плане интерпретировать находку типичного срубного сосуда из насыпи кургана № 12 (рис. 8, 6), хотя и в данном случае не исключены мотивы какой-то взаимосвязанности с внутреннем характером могильника.

Следует лишь добавить, что и в комплексе одного из абашевских погребений находились два срубных сосуда и сосуд полтавкинского облика, что свидетельствует о сложных этнокультурных переплетениях, возникших в доно-волжском регионе на средней стадии развития эпохи бронзы.

* * *

Предваряя оценку социального содержания Власовского могильника, оговорим следующие два обстоятельства. Во-первых, сам курганный обряд захоронений для эпохи бронзы сопряжен с серьезными социальными изменениями и, на наш взгляд, был предназначен для лиц строго определенных социальных категории. Во-вторых, как показывают результаты антропологического анализа, абсолютное большинство захороненных на Власовском могильнике являлись представителями мужского пола и лишь для двух погребенных (из 27 подвергнутых анализу) определен женский пол,

причем в обоих случаях — в коллективных захоронении (см. табл. 4). Если здесь не закралась случайность (12 погребенных в силу плохой сохранности не подлежали определению), то могильник не может рассматриваться в качестве родового или племенного.

Отсутствие в нем равноправных погребений взрослых женщин говорит, прежде всего, о появлении социально замкнутой группы, в рамках которой исполнение общественных функций являлось прерогативой лиц мужского пола, т.е. сами функции несли исключительный характер. Но поскольку эта исключительность закреплялась ритуалами курганных захоронений, то естественно предполагать весьма престижный прижизненный статус представителей данной замкнутой группы. Таковыми могли быть прежде всего хранители и исполнители религиозно-культовых обрядов.

Особый характер могильника достаточно ярко подкреплен археологическими признаками. Еще раз назовем их:

1) забутовка погребальных устройств;
2) наличие одновременных коллективных захоронений;
3) наличие музыкальных инструментов и костяной булавки;
4) наличие в погребениях курильниц;
5) жертвоприношения голов животных;
6) неоднородность признаков обрядности, подчеркнутая архаика инвентаря;
7) искусственная деформация черепов;
8) наличие расчлененных захоронений;
9) сопровождение умерших охрой разных оттенков, астрагалами.

Возможно, что каждый из перечисленных признаков, взятый по отдельности или же в ограниченном их сочетании, будет малоинформативным в интересующем нас плане. В частности, забутовка входных шахт катакомб практиковалась в среде носителей донецкой культуры; курильницы являются весьма распространенной категорией находок для предкавказской культуры, равно как и молоточковидные булавки, и т.д. Но в данном случае особую роль приобретает взаимовстречаемость всех этих признаков в пределах одного небольшого могильника.

Забутовка погребальных конструкций — попытка максимальной изоляции умерших в целях охранить от возможных случаев осквернения — говорит об исключительности прижизненного социального статуса самих умерших.

В то же время забутовка погребальных устройств документирует единовременность коллективных захоронений. Их половозрастной состав снимает вопрос о рассмотрении их в качестве семейных усыпальниц. К тому же в одном из захоронений мужчина имел иной антропологический тип, чем сопровождавшие его дети (4/4). Фактически могильник представил только две возрастные группы: мужчин зрелого возраста — от 35 до 55 лет (10 определений) и мальчиков от 3 до 10 лет (13 определений). Всего лишь дважды у мужчин отмечен возраст в пределах 20 лет. Обратим внимание на то, что в составе двух коллективных погребений было по взрослому, а два других коллективных погребения, состоявшие только из детей, являлись впускными по отношению к захоронениям мужчин, причем этими парами погребальных устройств и ограничивалось содержание каждого из курганов. Не были ли детские усыпальницы сопряжены с основными захоронениями в курганах, составляя с ними единый комплекс ритуальных действ? При таком варианте уже все коллективные захоронения включали бы взрослого мужчину, который, видимо, и являлся главным объектом совершения погребальных ритуалов, включая принесение в жертву детей.

Судя по обрядовым признакам, последние не относились к категории зависимого населения, а принадлежали либо тому же сословию, что и захороненные мужчины, либо были детьми из семей родо-племенной знати иной сословности. Одиночные детские захоронения не во всех случаях мотивированы обрядом жертвоприношений, а являлись результатом естественной смерти, обставлявшейся затем соответствующими высокому социальному рангу ритуалами.

Показательны в этом плане курильницы. В донской лесостепи в отличие от Нижнего Дона, Предкавказья или Северного Кавказа, курильницы являются весьма редкой категорией находок, их количество едва ли сейчас составит полтора десятка на несколько сот погребений среднедонской катакомбной культуры. Вместе с тем, на одном небольшом памятнике, каким является Власовский могильник, их найдено пять. Это еще раз подчеркивает своеобразие памятника как социально обособленного места захоронений. Со служителями культа связывают исследователи погребения с курильницами и на других территориях, где подобный тип ритуальной посуды редко встречается [31].

Сугубо культовой категорией находок в погребениях являются и флейты. Они встречаются чрезвычайно редко и лишь в захоронениях древних скотоводов — носителей ямной и катакомбной культур. Однако типологически сходные музыкальные инструменты широко распространены и во времени, и в пространстве, дожив на ряде территорий вплоть до наших дней. Казалось бы, они должны быть обычным атрибутом погребального инвентаря у многих скотоводческих народов, но в действительности, этого не случилось. Надо полагать, в древней скотоводческой среде оформился культ божества, покровителя пастухов и пастбищ — прообраза более поздних божеств, среди которых широко известен по греческой мифологии Пан, неизменно изображавшийся с флейтой. Вполне естественно, что в период утверждения нового культа его отправители использовали и наиболее характерные символы пастушества, становившиеся атрибутами религиозных таинств. Со смертью служителя культа или его наследователей, такого рода атрибуты, в том числе и флейты, включались в погребальный инвентарь, определяя тем самым социальную принадлежность умерших. Затем эти предметы-атрибуты стали заменяться какими-либо более условными категориями обрядности, подтверждением чему и служит отсутствие флейт в погребениях более поздних скотоводческих культур.

Погребения с флейтами, помимо двух из Власовского могильника, выявлены в пределах Среднего [28] и Нижнего Подонья [26; 27], в Нижнем Поволжье [32]. Отметим, что все они выделяются на фоне других одновременных и единокультурных захоронения особой обрядовой пышностью и необычностью инвентаря. К названным погребениям можно присовокупить еще три: из Волго-Донского междуречья [43], Восточного Маныча [33] и Поднепровья [34]. Первое из них принадлежит донецкой катакомбной культуре, два других — древнеямной. Найденные в этих погребениях наборы небольших костяных полых и гладких трубочек (соответственно — 10, 5 и 8) трактуются авторами раскопок как пронизи для ожерелий. Вместе с тем, в каждом наборе трубочки имеют разную величину и могут быть выстроены «по ранжиру» в соответствии с типичной формой флейты. Небольшие размеры трубочек, казалось бы, снимают вопрос о их функциональном назначении, но во всех трех погребениях они сопровождали детей, в сразу с чем и размеры их могут найти свое объяснение. Главное же заключается в том, что данные погребения несут и еще целый ряд тождественных захоронениям с флейтами признаков и их комбинаций. В суммарном виде

сходство обнаруживается в следующем: четыре из десяти погребений — тройные — явление, вообще редкое для ямно-катакомбных памятников Восточной Европы [35]; в комплексе инвентаря пяти погребений, в том числе и трех тройных, находились молоточковидные булавки. По этому поведу заметим, что костяная булавка из Власовского могильника, пока единственная на Среднем Дону, принадлежит погребению из того же кургана, где выявлено тройное захоронение с флейтой. Весьма показательно и то, что в пяти погребениях с флейтами найдены бронзовые бляшки, причем в четырех — с пунсонным орнаментом, и во всех четырех случаях им сопутствовали молоточковидные булавки. Сочетание этих категорий изделий отмечено в ряде других синхронных памятников разных территорий, на что уже было обращено внимание исследователей [35]. Кстати, наличие в погребениях бронзовых пунсонных блях рассматривается некоторыми исследователями как признак высокого социально-культового ранга умерших [36; 37], а орнаменты и форма круглых бляшек связываются с культом солнца [37]. Надо полагать, сходную нагрузку несут и молоточковидные булавки, что дополнительно подтверждается и находкой булавки на Власовском могильнике, и погребальными комплексами с флейтами. Культовая атрибуция молоточковидных булавок вряд ли зависит от того, в каком виде они выступали в системе ритуального оснащения: как подвески к поясному набору [13], как элементы для соединения двух концов кожаного пояса [36], или как-либо иначе. Есть интересное суждение о том, что в ряде случаев булавки могут быть связаны с религиозно-магическими представлениями, являясь атрибутами культа женщины и ребенка, сопряженными с магией космических тел [13].

Практически все погребения с флейтами сопровождались сосудами, что тоже служит объединяющим их признаком. При этом одно из погребений Власовского могильника включало курильницу — единственный пока случай для данной группы захоронений. Здесь, скорее всего, просматривается хронологический аспект: власовский комплекс более поздний среди них, принадлежит времени, когда стал утверждаться новый тип ритуальной посуды. Вместе с тем, сохранение на Дону приема использования в погребениях жаровен мотивировался подчеркнутой приверженностью старым традициям, но не является свидетельством принадлежности погребений рядовым общинникам [31], поскольку сам курганный обряд, за некоторым исключением, не распространился на данную категорию населения.

Таким образом, флейты в погребениях уже сами по себе могут служить надежным признаком для отнесения умерших к служителям культа, а фиксируемые в таких погребениях устойчивые комбинации категорий инвентаря и обрядовых признаков предполагают внимательней оценивать в том же аспекте более широкий круг памятников, включающих сходные комбинации. В частности, исследователи отмечают сопутствие молоточковидным булавкам и пуансонным бляшкам ожерелий из костяных пронизок, зубов животных и т.д., а также отдельных костяных трубочек. Не являются ли гладкоствольные трубочки-пронизки, хотя и нашедшие место в ожерельях, символическим стилизованным отражением атрибутики тех же пастушеских культов? Ждет своего объяснения и символический характер молоточковидных булавок, особенно посоховидных и с грибовидной шляпкой, подобных находке из Власовского могильника. Учитывая степень изогнутости и значительные размеры некоторых из них, можно в сугубо предположительном плане провести им сравнение с другим видом музыкальных инструментов — однострунной лучковой арфой, которая имеет столь же давние и широко распространенные традиции, что и флейта. Вообще же обращаясь к

истории отправлений языческих религиозно-культовых обрядов, независимо от форм и содержания самих религиозных представлений, нельзя не отметить неизменное их сопровождение танцами и музыкой, а это, в свою очередь, должно было привести к мысли о придании музыкальным инструментам особых социально-ритуальных, магических функций (подобно бубну шаманов). В этом же ключе мы рассматриваем и находку на Власовском могильнике костяного молотка от ударного инструмента.

Вполне определенную социальную информацию содержат жертвоприношения в виде голов животных. Высокий социальный ранг захороненных с головой коня установлен исследователями на основе ряда сравнительных данных [38, с. 42]. Отметим в связи с этим, что по мифологии древних ариев сословие брахманов (жрецов) порождено из головы бога Пуруши [39, с. 27]. Такие представления, надо полагать, возникли еще на прародине ариев (в общей с носителями ямных и катакомбных культур индоевропейской среде), поскольку «религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен» [40, с. 315]. Но, как известно, в языческих религиях проявляется тенденция к антропоморфизации священных животных, и совершенно не исключена зависимость отдельных частей жертвенного животного от социальной принадлежности умерших.

В погребениях Власовского могильника половину всех случаев жертвоприношений животных составляют их головы.

Прочие признаки могильника: наличие в погребениях многоцветной охры, астрагалов, архаичные типы инвентаря, расчленение умерших и т.д. — как отражение сложного характера ритуалов, включавших и старые традиционные их фермы (сохранение которых обычно является одной из главных функций служителей культа) — все это вполне согласуется с приведенной выше оценкой памятника.

По поводу деформированности черепов, установленной почти для всех захороненных в могильнике, заметим, что прием прижизненной искусственной деформации голов, там, где он получил распространение, предназначался для лиц высокого социального ранга и может трактоваться как престижный показатель, своего рода желание выделиться на фоне соплеменников не только своей особой функциональной ролью, но и внешним видом. Наконец, очень многого можно ожидать от дальнейшего изучения зольных пятен на площади могильника. Известно, что ритуальный огонь играл особую роль в религиозных представлениях индоиранцев. Скопление же зольников на строго отведенном участке могильника, включающем и межкурганные пространства, предполагает далеко не ординарные события, отмечавшиеся здесь в древности.

Таким образом, рассмотренный выше материал не оставляет сомнений в принадлежности Власовского могильника служителям культа. Не затрагивая проблемы характера самих культов, попытаемся определить уровень социальной организации, при которой стало возможным появление такого специфического памятника.

Все виды источников свидетельствуют о том, что в рамках общины или племени за пределами действующего могильника хоронили лишь иноплеменников, лиц, отмеченных при жизни отклонениями от норм, самоубийц и т.п. Для любого другого умершего члена племени, какое бы он ни занимал общественное положение, предусматривалось место на племенном кладбище, хотя сам погребальный обряд регламентировался соответственно его социальному статусу, что, как известно, особенно ярко стало проявляться на стадии распада первобытно-общинного строя.

Утверждение же права на особое, приоритетное место захоронений могло возникнуть при более крупном, чем племя, объединении, а именно — при племенном союзе.

Только в этих условиях исполнители наиболее значимых религиозно-культовых обрядов от каждого племени, на основе близости религиозно-культовых и идеологических воззрений могли объединять свои усилия для достижения общих и вполне определенных целей. Закреплению права на особый социальный статус должно было способствовать обособление такой группы служителей культа и во всех других сферах их жизнедеятельности. При этом родственные связи нарушались, сменяясь крепнущим функциональным взаимодействием, объектом приложения которого становилась широкая округа обитания нескольких племен.

Судя по материалам Власовского могильника, исполнение обрядов являлось прерогативой мужчин, причем предусматривался мужской пол и для человеческих жертвоприношений при погребальных церемониях. Отсюда предполагается подчиненность отправлявшихся ритуалов божествам, связанным с мужским началом. Нет сомнения, что такие установки базировались на развитых патриархальных отношениях.

На широкую сферу охвата функциями обособившейся группы и на включение в ее состав представителей нескольких этнокультурных групп указывают такие признаки Власовского с могильника, как совмещение разнокультурных традиций в обрядности и единовременность разнокультурных погребений, а также неоднородный антропологический состав захороненных. Думается, что рамкам одного племени не отвечают и единовременные коллективные принесения в жертву детей высокого социального ранга при захоронении служителя культа.

Все вышеизложенное позволяет сделать следующее заключение. В пределах Доно-Волжского лесостепного междуречья, в среде носителей среднедонской катакомбной культуры, не позднее XVIII-XVII вв. до н.э. сложился племенной союз. В его рамках происходило оформление того социального явления, какое в завершенном виде предстает как каста жрецов. Рассмотрение же вопросов о причинах появления таких социально-политических образований, о степени их устойчивости и причинах распада, наконец, о степени достоверности их существования, — требует получения новых качественных источников.

Литература:

1. Березуцкий В.Д. Отчет о раскопках курганов Власовского могильника в Грибановском районе Воронежской области в 1985 г. – Архив ИА АН СССР.
2. Синюк А.Т. Отчет за 1986 год. – Архив ИА АН СССР.
3. Синюк А.Т. Отчет за 1987 год. – Архив ИА АН СССР.
4. Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. – М.: Наука, 1974.
5. Кияшко В.Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы. – Автореф. канд. дис. – М., 1974.
6. Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Сродного Дона. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983. – 191 с.
7. Крылова Л.П., Кубышев А.И., Яковенко З.В. Курганы у с. Красное // Памятники эпохи бронзы Юга европейской части СССР. Киев: Наукова Думка, 1967. – С. 33-59.
8. Телегин Д.Я., Братченко С.Н., Смирнов С.В. Вильно-Грушевская курганная группа и курган на территории Запорожской опытной сельскохозяйственной станции // Вильнянские курганы в днепровском Надпорожье. – Киев: Наукова Думка, 1977. – С. 97-126.
9. Белановская Т.Д. Костяная булавка из погребения у ст. Раздорской // АСГЭ. –XXI. – Л., 1961.
10. Латынин Б.А. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка // АСГЭ. – Вып. 9. – Л., 1967. – 96 с.
11. Синицын И.В. Древние памятники Восточного Маныча. – Саратов: Изд-во СГУ, 1978. –Ч. 2. –118 с. Синицын И.В. Древние памятники Восточного Маныча. – Саратов: Изд-во СГУ, 1978. –Ч. 1. –131 с.

12. Нечитайло А.Л. Суворовский курганный могильник. – Киев: Наукова Думка, 1979. – 86 с.
13. Кореневский С.Н. О поясных наборах периода средней бронзы из Центрального Предкавказья // КСИА. – Вып. 185. – 1986. – С. 35-42.
14. Алексеев В.П. Население эпохи бронзы на Среднем Дону // Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983. – С. 183-191.
15. Археология Украинской ССР. – Т. I. – Киев: Наукова Думка, 1985. – 565 с.
16. Матвеев Ю.П. О происхождении среднедонской катакомбной культуры // Археологические памятники эпохи бронзы Восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. – С. 46-57.
17. Качалова Н.К. О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. – Вып.24. – Л., 1983. – С. 4-19.
18. Васильев И.Б. Полтавкинские памятники Среднего Подонья и некоторые вопроси формирования срубной общности // Древние культуры Поволжья и Приуралья. – Куйбышев: Изд-во КГУ, 1979. Васильев И.Б. Могильник ямно-полтавкинскго времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: Изд-во ВГУ, I960. – С. 32-58.
19. Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – Киев: Наукова Думка, 1976. – 249 с.
20. Кривцова-Гракова О.А. Бессарабский клад // Тр. ГИМ. Памятники культуры. – Вып.1. – М., 1949.
21. Тереножкин А.И. Киммерийцы. – Киев: Наукова Думка, 1976. – 223 с.
22. Мерперт Н.Я., Смирнов К.Ф. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС (к итогам работ экспедиции 1951-1957 гг.) // КСИА. – Вып.84. – 1961. – С. 3-11.
23. Мерперт Н.Я. Раскопки в Нижнем Поволжье // Памятники эпохи бронзы Юга европейской части СССР. – Киев: Наукова Думка, 1967. – С. 82-99.
24. Егоров В.Г. Классификация курильниц катакомбной культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М.: Наука, 1970. – С. 156-164.
25. Синицын И.В. Ровненский курганный могильник // КСИА. – Вып. 84. – 1961. – С. 91-102.
26. Мелентьев А.Н. Раскопки курганов эпохи бронзы под Новочеркасском в 1962 г. // КСИА. – Вып. 106. – 1966. – С. 92- 98.
27. Озеров А.А., Беспалый Е.И. Погребение эпохи ранней бронзы близ г. Сальска (Ростовская обл.) // СА. – 13. – 1987. – С. 161-165.
28. Бойков А.А. Отчет о работах Южного отряда экспедиции Воронежского педагогического института в 1988 году. – Архив ИА АН СССР.
29. Синюк А.Т., Погорелов В.И. Курган № 16 Первого Власовского могильника. В печати.
30. Братченко С.Н. К вопросу о сложении бабинской культуры многоваликовой керамики) // Вильнянские курганы в днепровском Надпорожье. – Киев: Наукова Думка, 1977. – С. 21-42.
31. Вадецкая Э.Б. Сибирские курильницы // КСИА. – Вып. 185. – 1986. – С. 50-59.
32. Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953 гг.) // МИА. – № 60. – 1959.
33. Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники Калмыцкой степи. – Элиста: Изд-во Калмыцкого гос. ун-та, 1979. – С. 25-54.
34. Ковалева И.Ф., Марина З.П. Раскопки курганов эпохи бронзы в Нижнем Присамарье // Курганы степного Поднепровья. – Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 1980. – С.4-17.
35. Сафронов Б.А. Датировка Бородинского клада // Проблемы археологии. – Вып. 1. – Л., 1968.
36. Черняков И.Т., Никитин В.И. Металлические украшения с пуансонным орнаментом ямной и катакомбной культур // СА. –№ 4. – 1988. – С. 26-36.
37. Клейн Л.С. Ямные и катакомбные погребения Калмыкии // Проблемы археологии Приуралья и Поволжья: Тез. докл. конф. – Куйбышев: изд-во Куйбышев. ун-та, 1976.
38. Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. – М.: Наука, 1977.
39. Бонгард-Левин Г.М., Герасимов Н.Н. Мудрецы и философы Древней Индии. – М.: Наука, 1975.
40. Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – 2-е изд. – Т. 21. – С. 315.

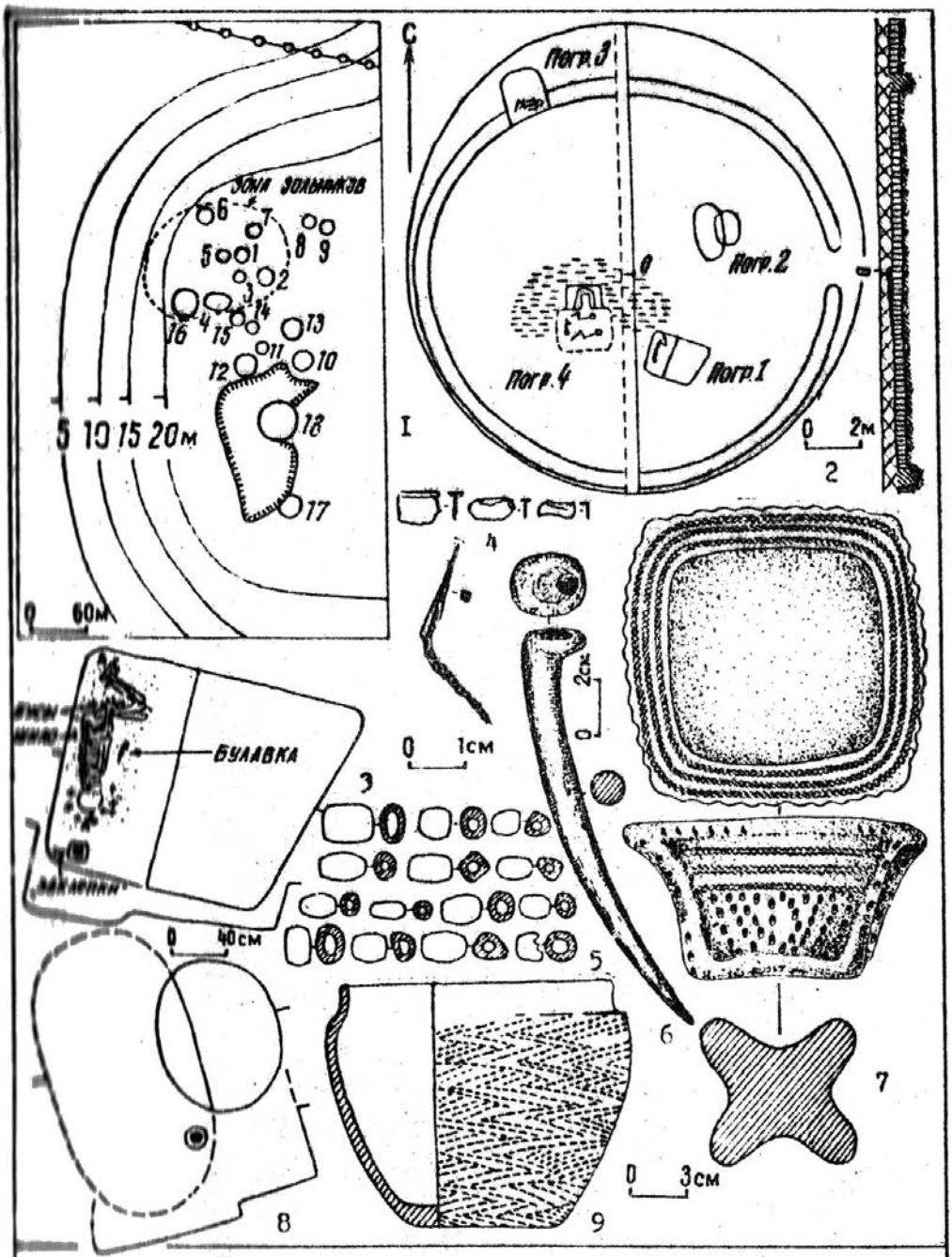


Рис. I. Первый Власовский могильник

I - план могильника; 2 - план и профиль кургана № I; 3-7 - погр.I; 8-9 - погр.2 (4 - бронза; 5,6 - кость; 7,9 - глина).

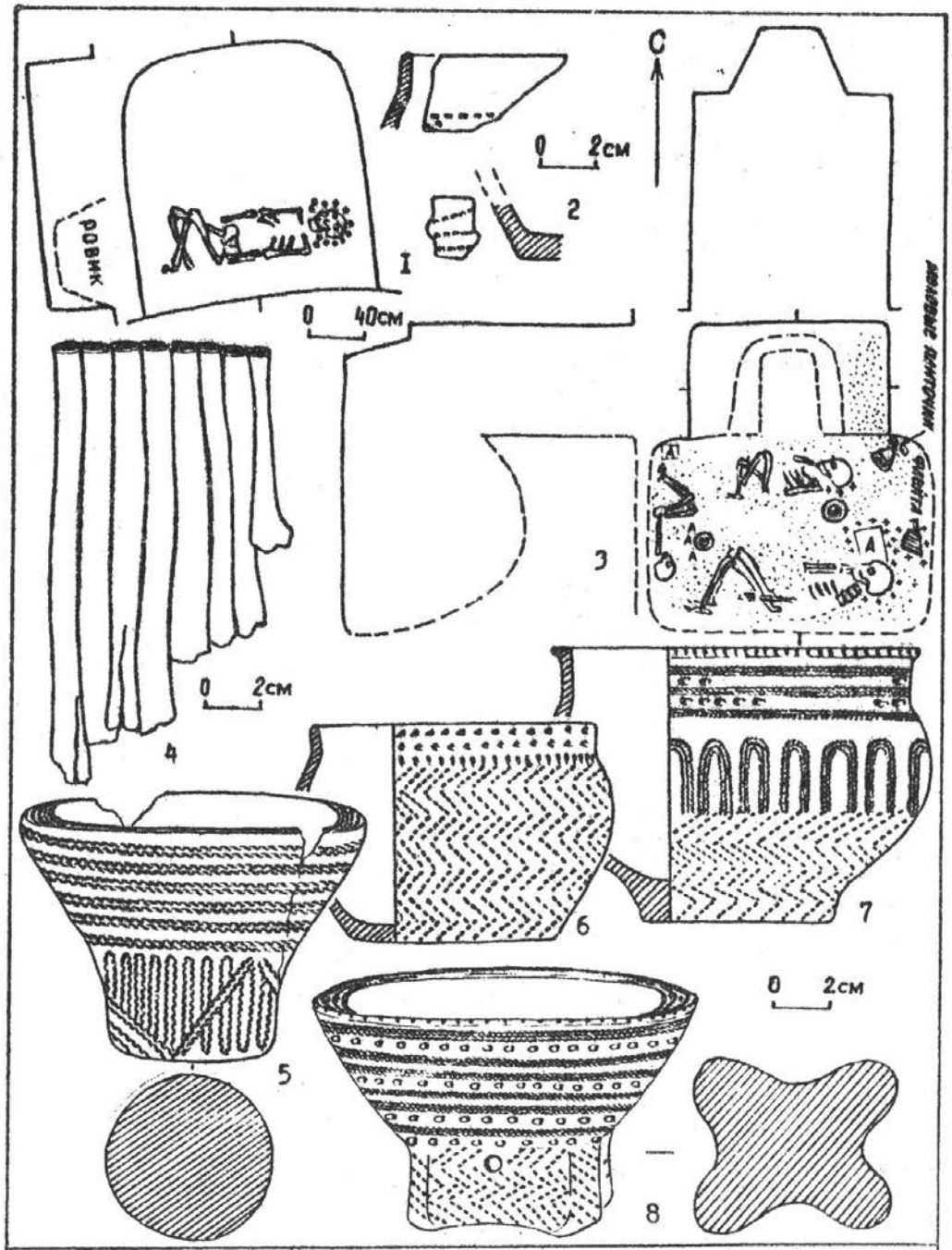


Рис. 2. Первый Власовский могильник
1 - погр. 3; 2 - фрагменты сосуда из ровика; 3-7 - погр. 4 кург. № 1; 8 - погр. 2 кург. № 2.

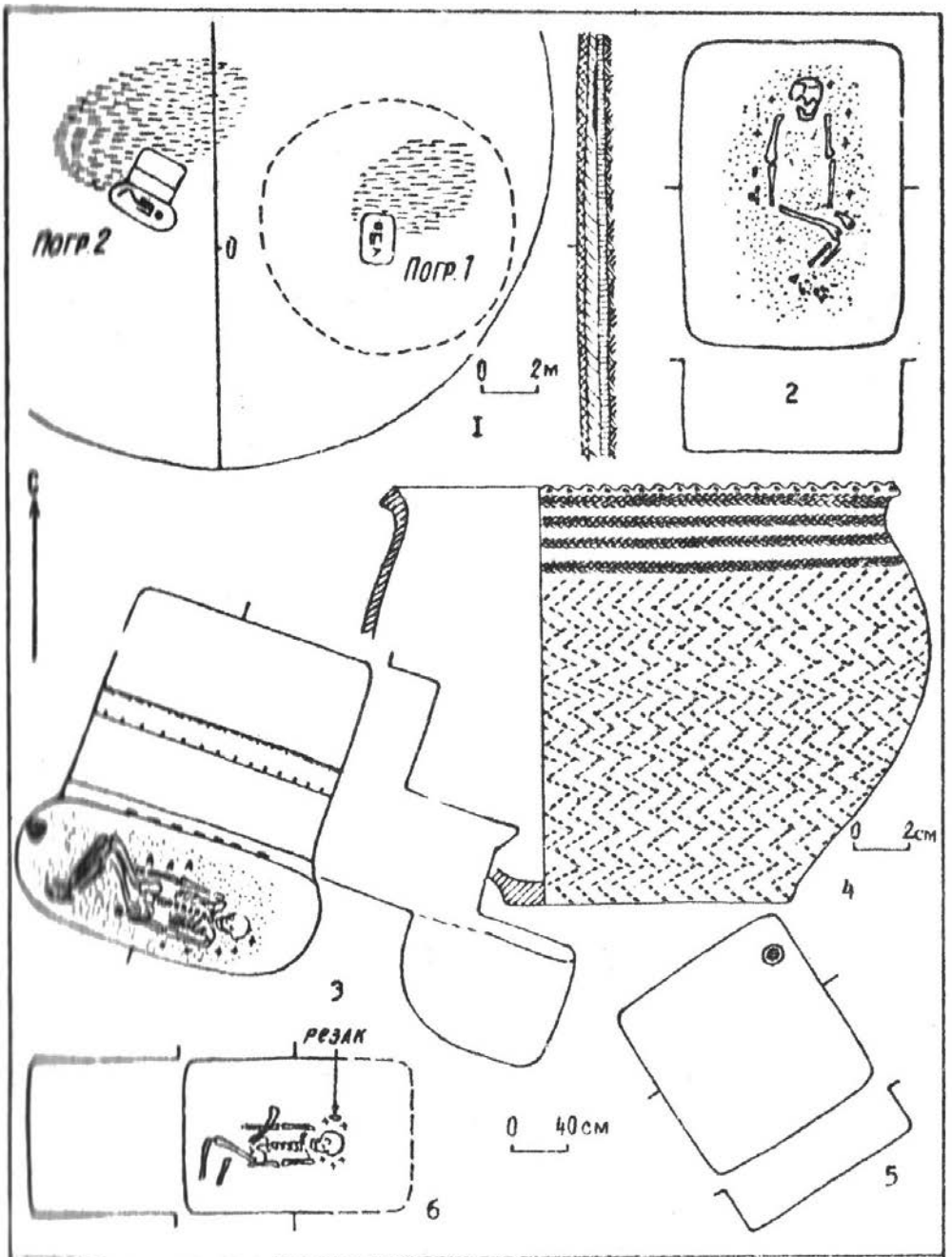


Рис. 3. Первый Власовский могильник

1 - план и профиль кург. № 2; 2 - погр.I; 3-4 - погр.2;
5 - погр. кургана № 3; 6 - погр.2 кургана № 4.

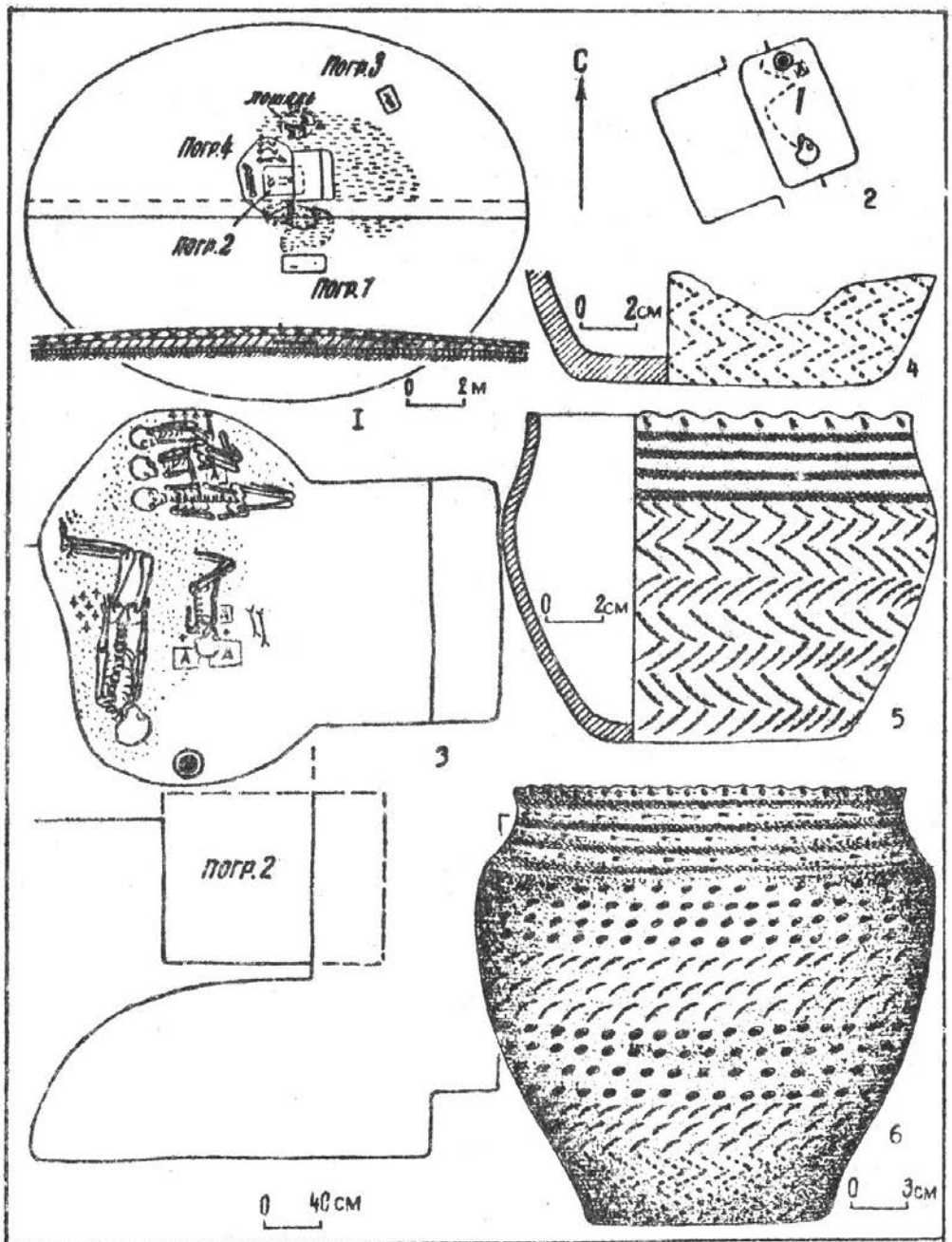


Рис. 4. Первый Власовский могильник. Курган № 4

I – план и профиль; 2,5 – погребение 3; 3,4,6 – погребение 4.

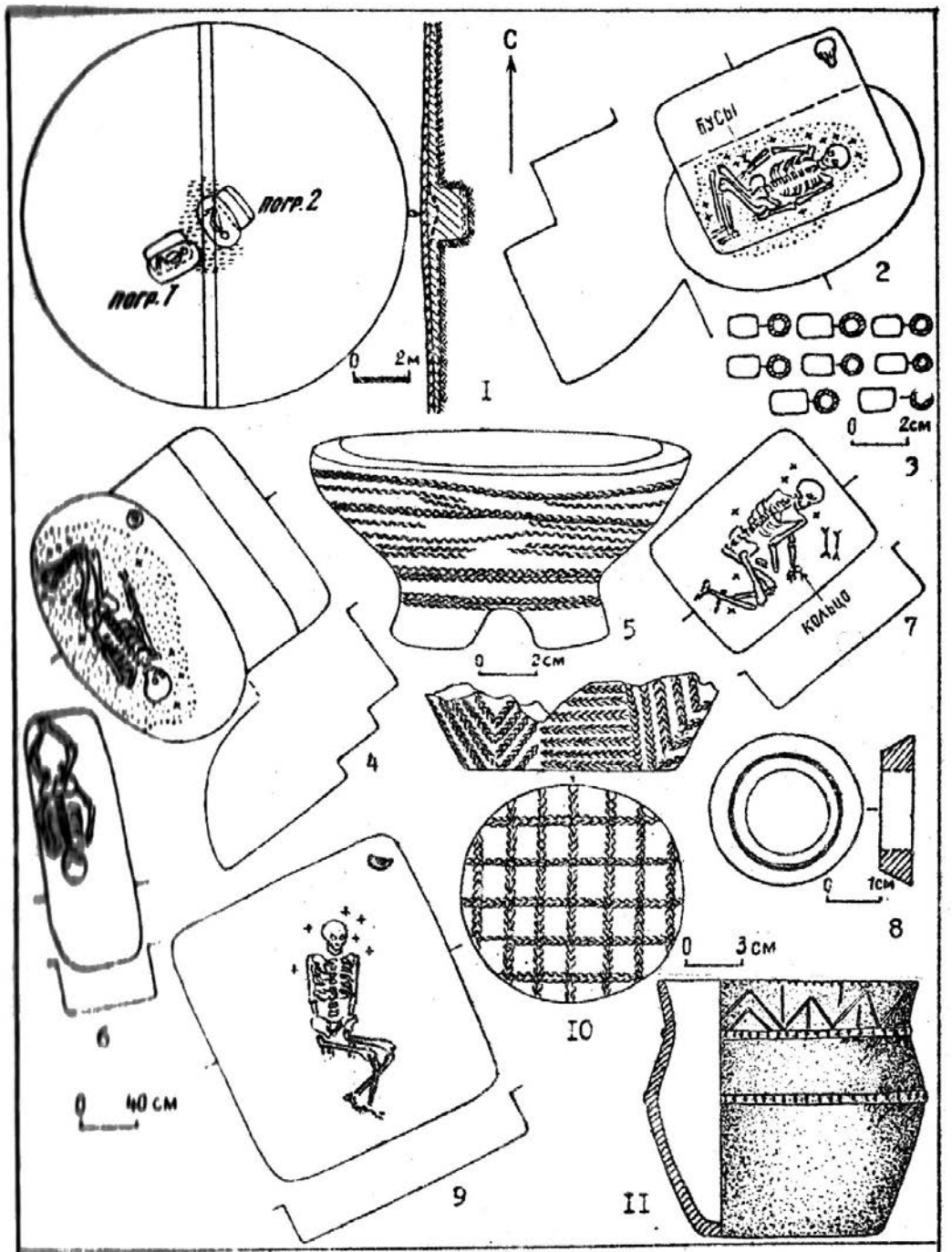


Рис. 5. Первый Власовский могильник

1 - план и профиль кург.№ 5; 2-3 - погр.I; 4-5 - погр.2; 6 - погр. кургана № 6; 7-8 - погр. кургана № 7;9-10 - погр. кург.№ 9; II - сосуд из насыпи кург.№ 9 (3,8-кость;5,10,11-глина

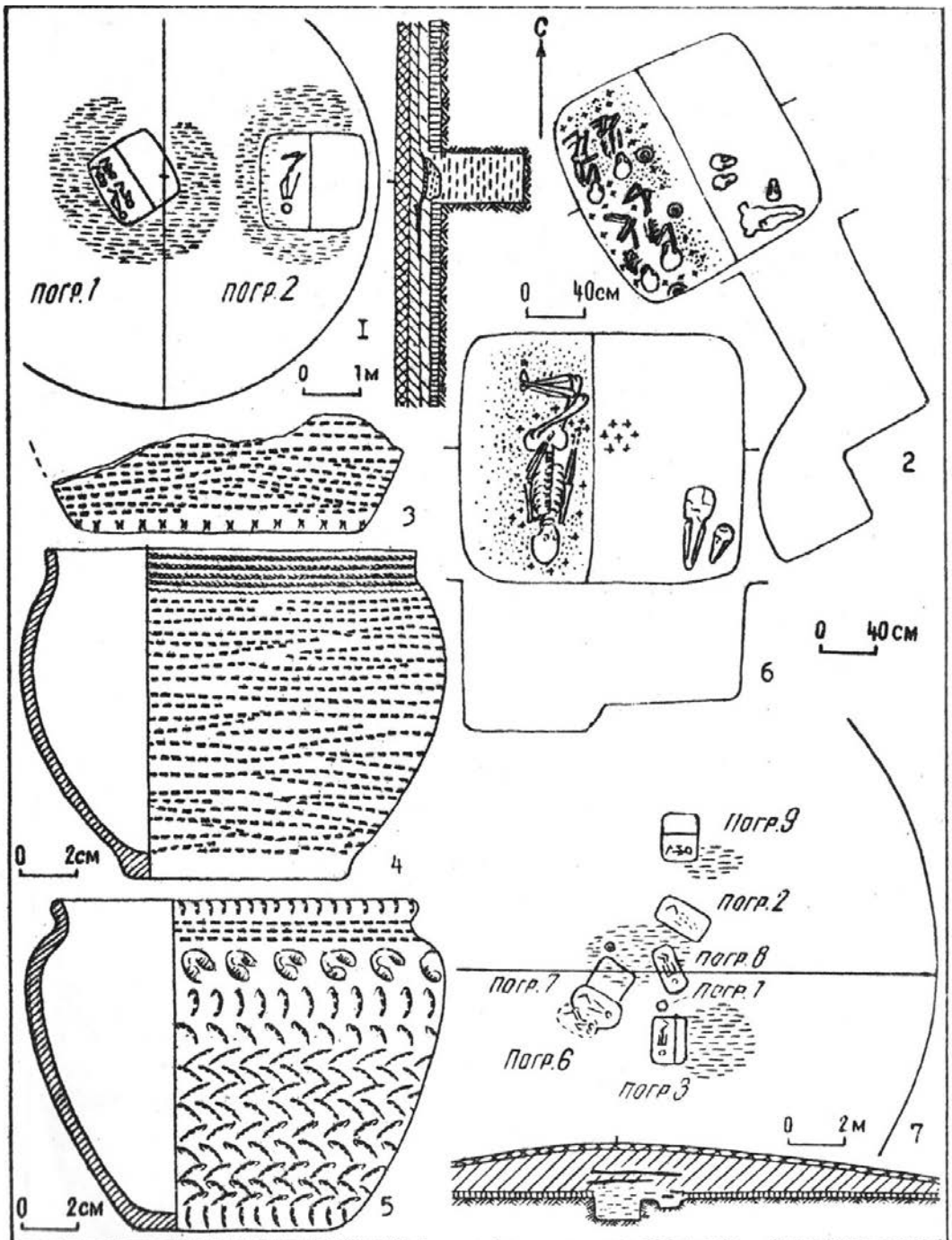


Рис. 6. Первый Власовский могильник

I - план и профиль кург. № II; 2-5 - погреб. I кург. № II; 6 - погреб. 2 кург. № II; 7 - план и профиль кург. № I2.

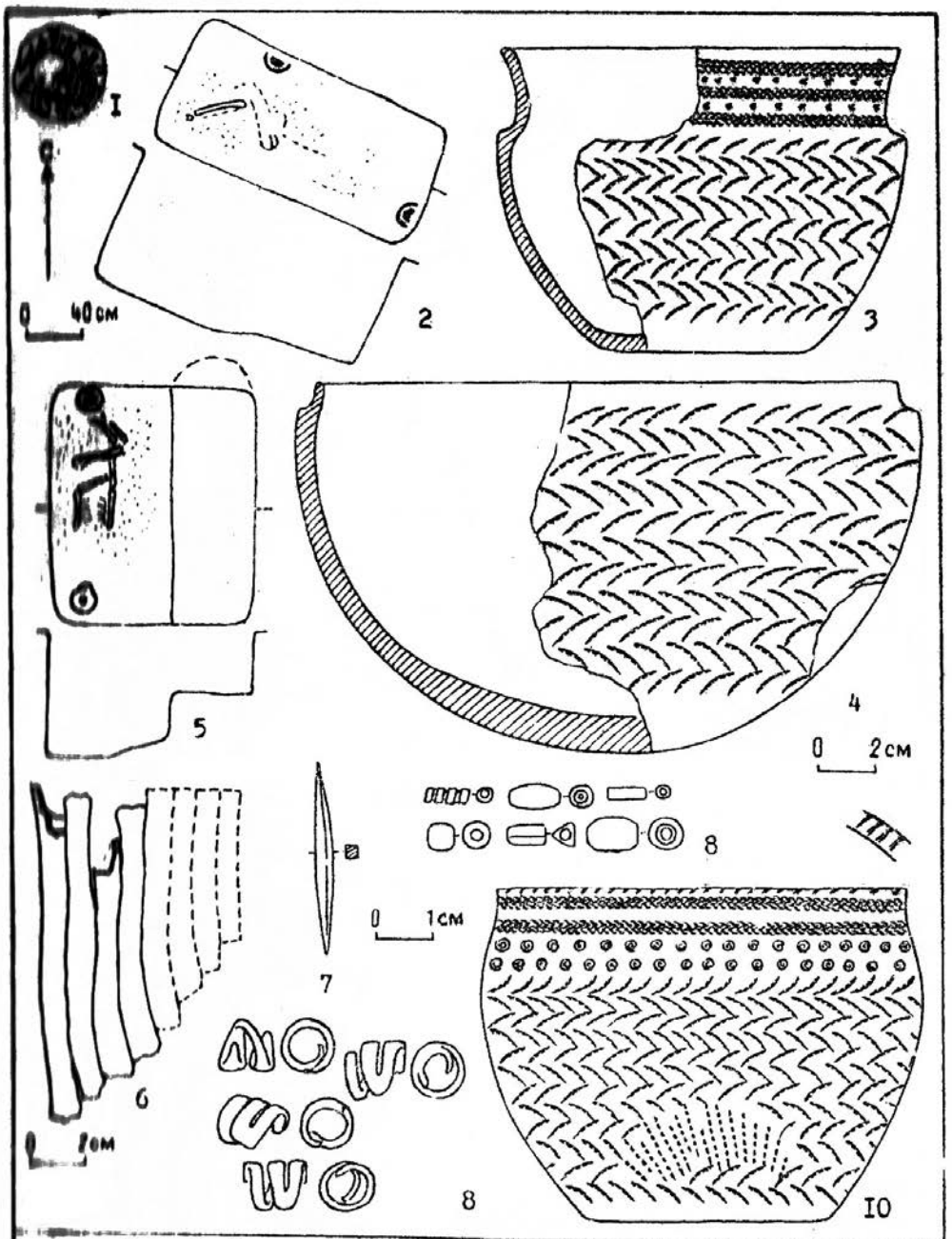


Рис. 7. Первый Власовский могильник. Курган № I2

I - погр.I; 2-4 - погр.2; 5-I0 - погр.3 (3,4,I0 - глина; 6,8 - кость; 7,9 - бронза).

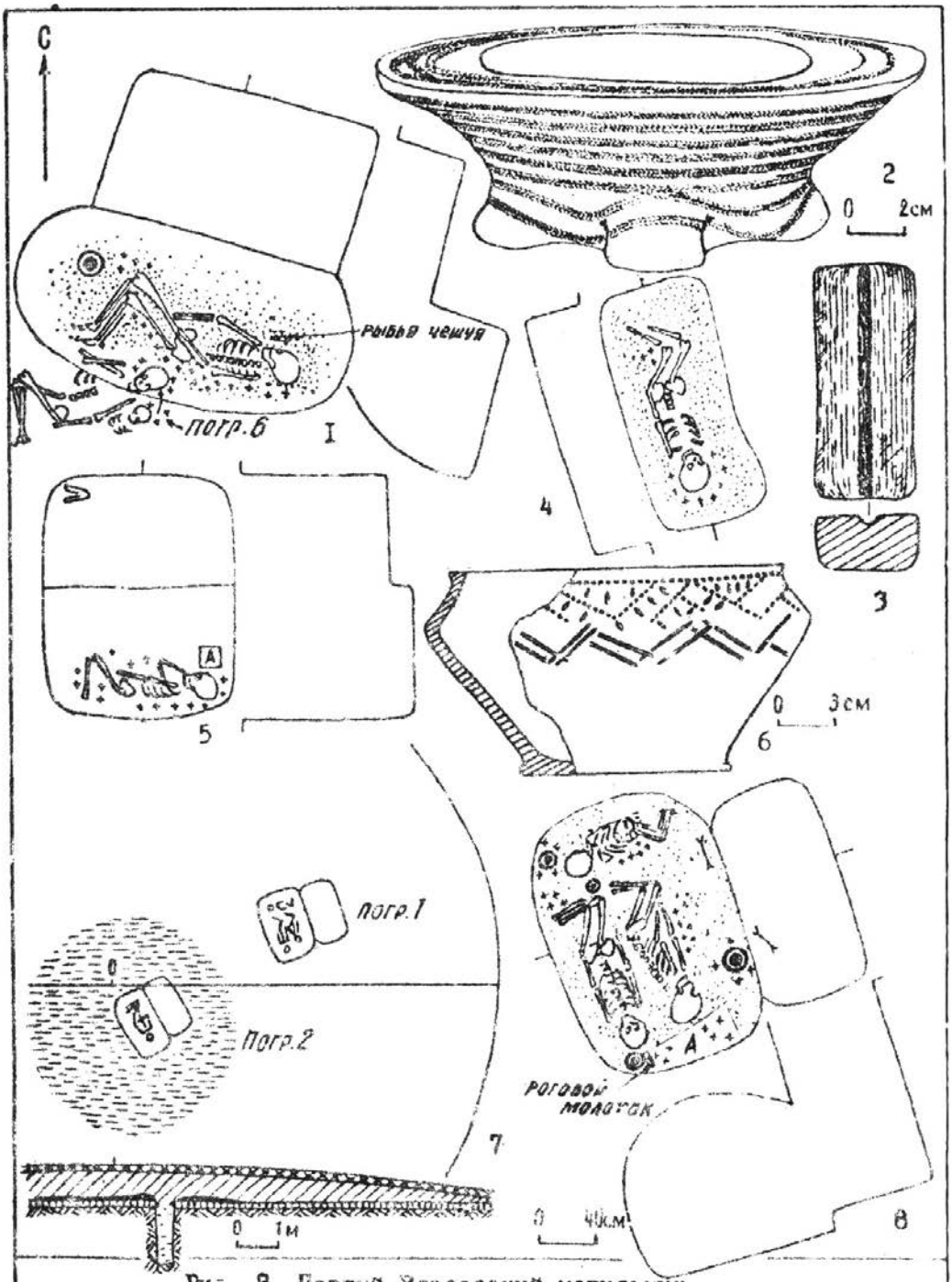


Рис. 8. Первый Власовский могильник

1 - 3 - погр.7 кургана № 12; 4 - погр.8 кургана № 12; 5 - погр.9 кургана № 12; 6 - сосуд из насыпи кургана № 12; 7 - план и профиль кургана № 13; 8 - погр.I кургана № 13.

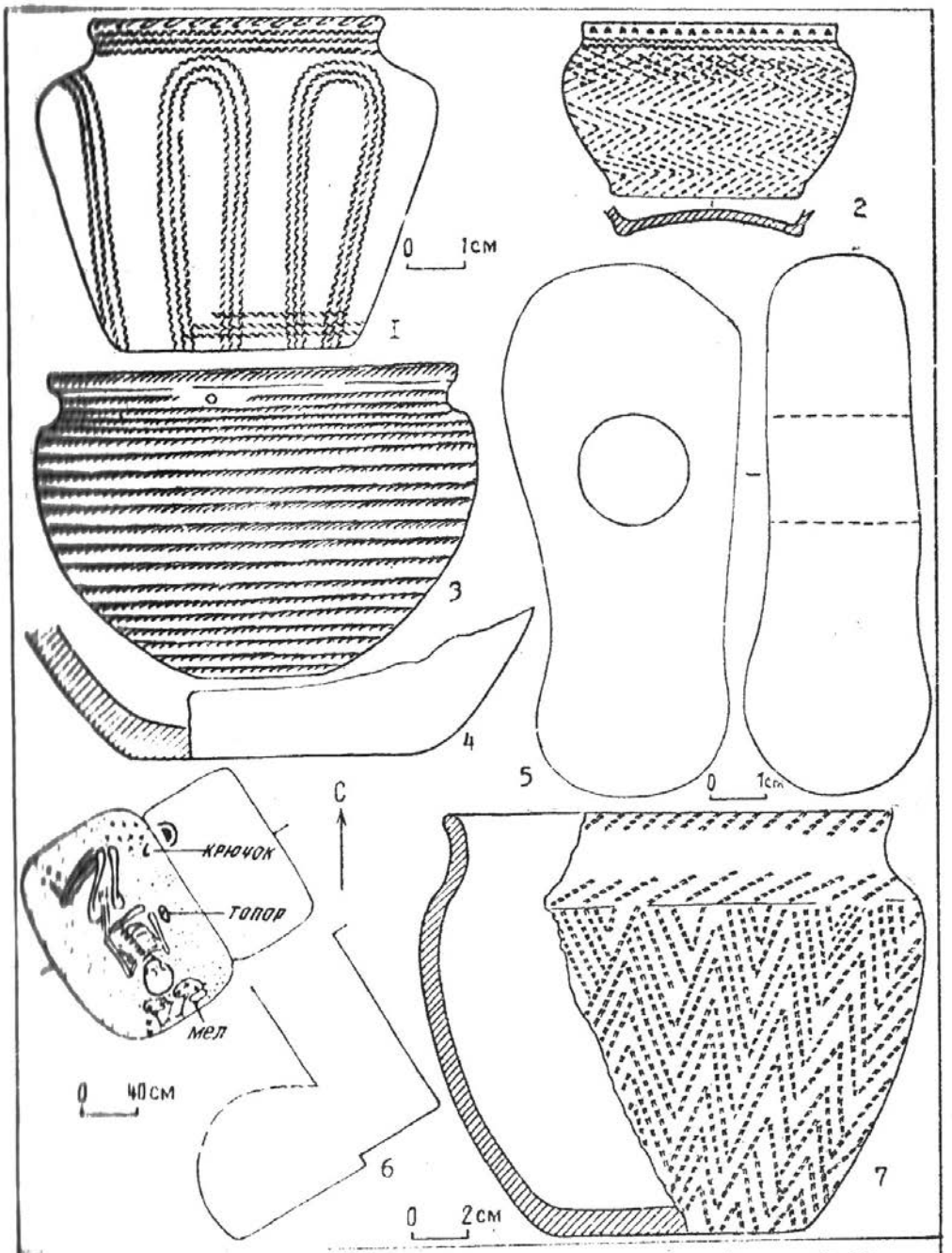


Рис. 9. Первый Власовский могильник. Курган № 13

1-5 - погребение I; 6-7 - погребение 2 (I-4,7 - глина; 5 - кость).

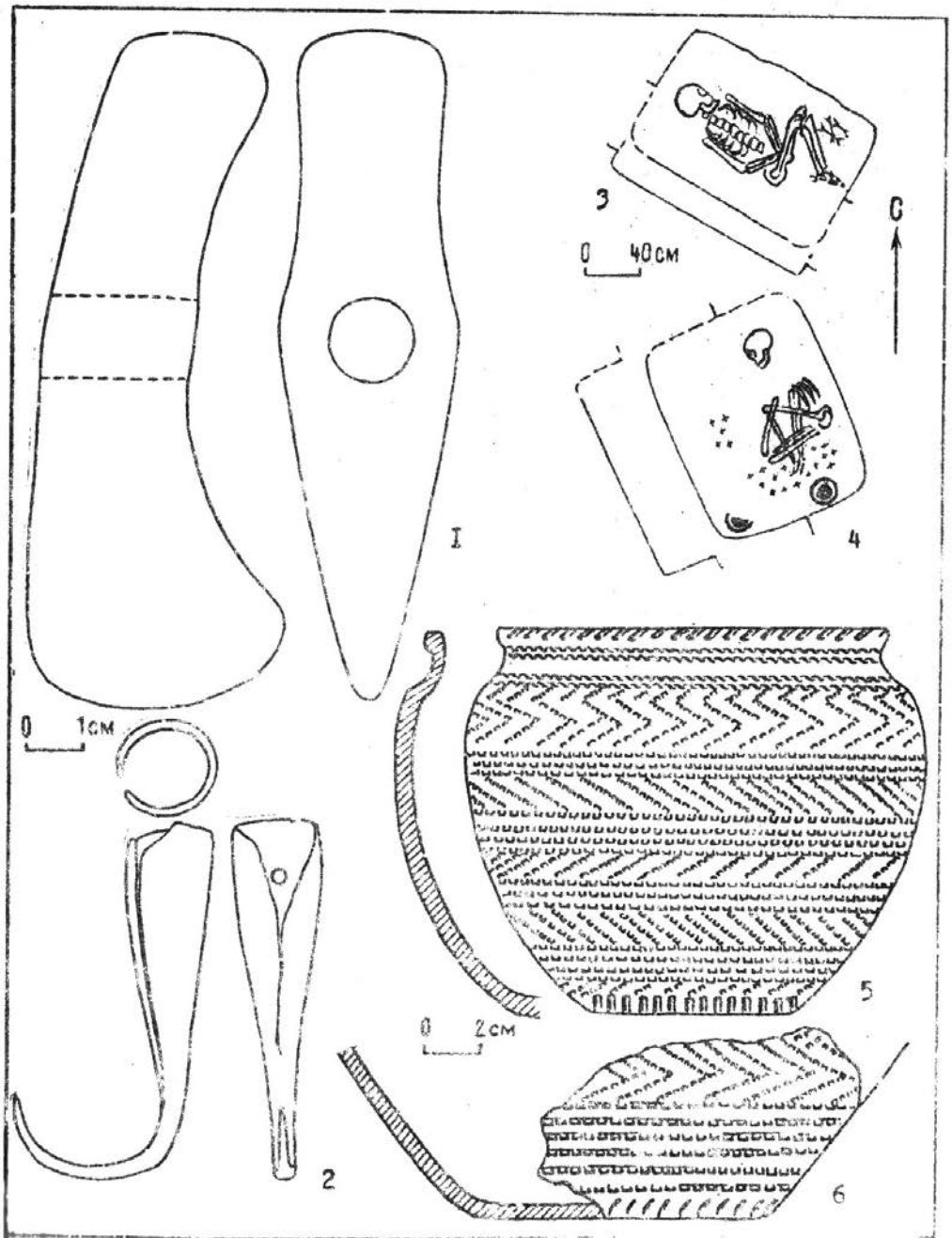


Рис. 10. Первый Власовский могильник

1-2 - погреб. 2 кургана № 13; 3 - погреб. кургана № 14;
4-6 - погреб. кургана № 15 (1 - камень; 2-бронза; 5,6 -глина).

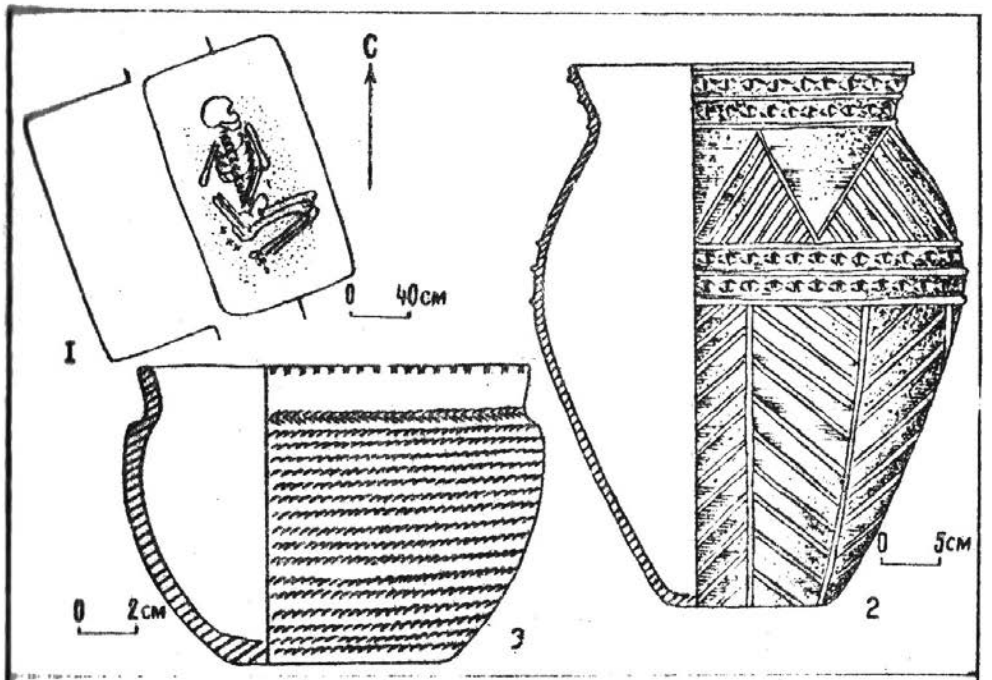


Рис. II. Первый Власовский могильник

I - погр. кургана № I7; 2 - сосуд из насыпи кургана № I7;
3 - сосуд из осыпи карьера.

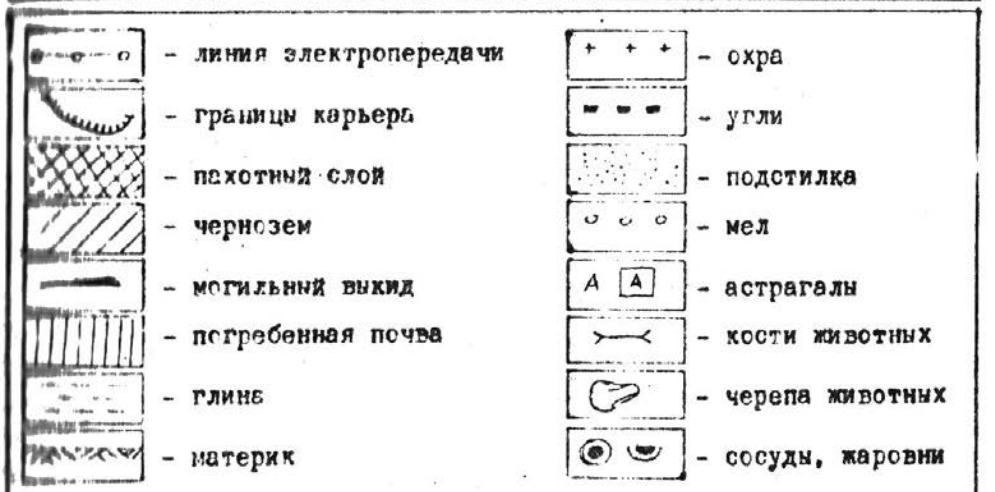


Рис. I2. Условные обозначения к рисункам.

1990

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИКРОРАЙОН: КОНЦЕПЦИИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы. Тезисы докладов научной конференции. Воронеж, 1990. С. 5-7.

Археологический поиск, методический арсенал, приемы критики источников практически безграничны в своем совершенствовании. Имеющиеся же на сегодняшний день реконструкции исторического прошлого (если мы не отказываем археологии в этом уровне научного исследования) изобилуют условностями, а полевые изыскания в значительной мере отражают стадию произвольной выборки попадающих в поле зрения объектов.

Главные усилия археологии направлены, как правило, на определение границ археологических эпох и культур в пространстве и времени, на их сопоставление, а также на систематизацию артефактов и научных понятий. При этом приходится считаться с тем, что такие археологические категории как вариант культуры, культура, общность, область, провинция — далеко не адекватны (за редким исключением) ни этническим, ни социальным, ни хозяйственным структурам древности и, в силу своего базирования на среднестатистических величинах служат, скорее, инструментами для познания самых общих тенденций исторического процесса. За кадром остаются многие из тех разнообразных реальных событий древности, которые оказывали прямое влияние на судьбы конкретных этноисторических образований.

Последствия наиболее важных из этих событий в своем фундаментальном отражении (при восстановлении природной среды, комплексов хозяйственных и культурных традиций, размеров и степени их проявления) в принципе могут быть уловлены через реконструкции формы и функций отдельных базисных клеток, образующих цельный организм — экономическую структуру общества на определенных стадиях развития. Исследования в таком направлении могут осуществляться через археологическое микрорайонирование.

Принцип микрорайонирования уже нашел применение как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях. При этом обнаруживается двоякий подход: анализ всей совокупности археологических объектов на ограниченной территории и анализ источников, принадлежащих отдельной социально-экономической единице. Оба подхода оправдывают себя в каждом конкретном случае, но и тот, и другой представляют собой лишь вариации метода «гнездовой» концентрации усилий для познания характера археологических культур и их взаимодействий со всеми традиционными процедурами исследования. Это в известной степени — шаг вперед к решению задачи целенаправить изыскательскую работу. Но изначально очерченный исследователем даже небольшой географический участок обычно включает следы самых разных по форме, структуре, хронологической и пространственной протяженности общественных образований, причем любое из них в принятых рамках может предстать в усеченном виде. Попытка же восстановления здесь крупного этнического или социально-экономического ор-

ганизма древности (а тем более группы таковых) с неизбежностью блокируется этой самой усеченностью, а также отсутствием необходимой методической оснащенности. Следует добавить, что проведение таких работ пока не подкреплено тщательными методическими разработками, а поэтому конечные результаты страдают известными натяжками. Между тем подбор методического арсенала должен быть основан на том, что мы вкладываем в понятие археологического микрорайонирования и что мы ожидаем получить в процессе исследования.

Предлагаемая нами концепция понятия археологического микрорайона основана на вычленении структурных клеток, т. е. на определении реальных границ действия хозяйственных (базисных) структур отдельных социумов (общины, племени) в тех хронологических рамках, пока эти структуры остаются относительно неизменными. Отсюда следует, что сам микрорайон формируется в процессе исследования, а исходной точкой исследования может стать практически любой памятник, включающий следы хозяйственной деятельности.

Археологический микрорайон не адекватен содержанию археологической культуры. Он охватывает, как правило, меньшие пространственно-временные пределы — зону действия устойчивой хозяйственной структуры отдельной социальной единицы. Но его, в связи с этим, следует рассматривать как более тонкий и точный инструмент исследования.

Совершенно очевидно, что археологическое микрорайонирование в изложенном понимании требует применения такой методической базы, которой в повседневной практике мы еще не располагаем, а потому и сама концепция может быть отнесена к числу теоретических построений.

В самых общих чертах методическая база должна включать следующие составные. Поскольку необходимо получить максимально полную сумму относительно единовременных и взаимосвязанных артефактов, первостепенную роль приобретает археологический поиск с использованием космических съемок, метода пунктирного зондирования, геофизического и геохимического методов на определение параметров объектов и состояния почвенных структур. Задача поиска состоит и в выходе на естественные границы хозяйственных зон, что возможно лишь при комплексном использовании археологического анализа материалов (для этого требуются максимально широкие раскопочные работы), и методов точных датировок. Каждый археологический объект помимо топографической и функциональной оценки, а также своего демографического содержания должен получить четкую позицию в системе природно-географических реконструкций (на базе методов палинологии). Затем необходимо обратиться к методам технологического моделирования. Только при таком условии, с учетом данных остеологии, спектрального анализа и т. д., можно надеяться на осуществление задачи археологического микрорайонирования.

Полученные же сведения о строго увязанных хронологически относительно статичных производственных системах из нескольких микрорайонов, при сопоставлении позволят судить об экономике более крупных общественных образований, а серия последовательно сменявшихся статичных микросистем, уловленных при археологическом микрорайонировании, раскроет динамику развития древней экономики в различных своих проявлениях. А с восстановлением базисной канвы откроются перспективы выхода на самые сложные реконструкции, включая глубинные закономерности и конкретные проявления исторического развития.

И если пока не представляется возможным вести такие работы широким фронтом, то пробные шаги в этом направлении могут быть сделаны уже сегодня, что и будет отражать естественный процесс поисков совершенствования научного исследования.

О НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЯХ КУЛЬТОВОЙ АТРИБУТИКИ (К СОЦИАЛЬНОЙ ОЦЕНКЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЯМНОЙ, КАТАКОМБНОЙ И АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРНЫХ ОБЩНОСТЕЙ)

Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа). Краткие тезисы докладов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Б.А. Латынина. Ленинград, 1990. С. 34-36.

Сопоставление археологических и ранних письменных источников обнаруживает достаточно глубокий возраст процессов социальной стратификации в обществах степных и лесостепных регионов Евразии, уходящий, по меньшей мере, в ранний и развитой периоды эпохи бронзы.

Наиболее качественным и, вместе с тем, относительно массовым источником для палеосоциологических реконструкций на данной территории являются подкурганные захоронения (мы исходим из оценки появления курганов как формы обозначения высокого общественного статуса умерших). Среди погребального инвентаря имеются признанные «индикаторы» для отнесения умерших к категории жречества — особые печати в энеолито-бронзовых культурах Старого Света и Юга СССР, каменные алтари в сарматских погребениях и т. д. Для рассматриваемых территорий и времени к такого рода предметам относятся курильницы. На фоне всей суммы исследованных захоронений в курганах, логично предположить многократно большее, чем то, которым мы сейчас оперируем, количество погребений служителей культа.

Раскопки Первого Власовского могильника на Среднем Дону с захоронениями ямной, катакомбной и абашевской культур дали в этом плане весьма интересный комплекс своеобразных признаков, явно сопряженных со служителями культа. К ним относятся захоронения только мужчин старших возрастных групп, сопровождавшихся детьми — тоже мальчиками; забутовка погребальных ям и катакомбных камер; жертвенные костры на курганах и вокруг них; черепа жертвенных животных и т. д. Из предметов инвентаря, редко встречаемых в погребениях тех же культур среднедонского региона, выявлены глиняные курильницы, костяные многоствольные флейты, роговой молоток-ударник, роговая булавка с грибовидной шляпкой, костяные бусы-четки, бронзовые шилья, каменный (нефритовый) полированный топорик, роговая втульчатая лопаточка, каменные навершия булав.

При сопоставлении трех среднедонских погребений с флейтами с семью известными по публикациям погребениями с аналогичными находками из Нижнего Поволжья, Нижнего Дона и Поднепровья (все они принадлежат ямной и катакомбной культурам) устанавливается их сходство по взаимосочетанию и другим признакам, а именно, особая обрядовая пышность; четыре из погребений — тройные — явление вообще редкое для ямно-катакомбных памятников Восточной Европы; наличие молоточковидных булавок (в пяти погребениях) и бронзовых бляшек с пуансонным орнаментом (в пяти погребениях). При этом фиксируется известная устойчивая комбинация сочетания названных признаков.

Есть основание полагать, что в древней скотоводческой среде оформился культ божества, покровителя пастухов и пастбищ — прообраза более поздних божеств, среди которых, например, широко известен из греческой мифологии бог Пан, неизменно изображавшийся с флейтой. В период утверждения нового культа его отправители

использовали и наиболее характерные символы пастушества, становившиеся атрибутами религиозных таинств, а после смерти атрибуты такого рода включались в погребальный инвентарь, определяя тем самым функциональную а следовательно, социальную принадлежность умершего. Впоследствии же предметы-атрибуты заменялись условными категориями обрядности (флейты отсутствуют в погребениях более поздних скотоводческих культур).

Думается, и некоторые другие предметы из погребений с флейтами несли культовую атрибуцию, прежде всего бронзовые пуансонные бляшки и роговые молоточковидные булавки, особенно посоховидные и с грибовидной шляпкой, независимо от того, в каком виде они выступали в системе ритуального оснащения.

В этом же аспекте можно рассматривать низки костяных бусин, располагавшихся на кистях рук погребенных, и бронзовые шилья, нередко встречаемые в наборе по два и более экземпляров. Последние сопутствуют комплексам с флейтами, а также инвентарю богатых абашевских захоронений. Мы не исключаем их связь с врачеванием — функцией, выполнявшейся в древних обществах обычно служителями культа.

Достаточно информативны при определении жреческого статуса умерших роговые втульчатые лопаточки, сопровождавшие богатые абашевские захоронения. В одном из власовских комплексов такая лопаточка находилась вместе с навершием булавы. В данном случае можно видеть пример соединения в одном лице исполнителя ритуальных, и «светских» престижных функций.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ХРОНОЛОГИИ ВОРОНЕЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы докладов областной научно-практической конференции, Луганск, ноябрь 1990 г. Луганск, 1990. С. 108-110.

Недавно предпринято обоснование выделения среди древностей эпохи бронзы донского лесостепья археологической культуры, получившей название «воронежская» (Пряхин, 1982; Беседин, 1984; Пряхин, Беседин, 1989). Если для ряда привлеченных с этой целью видов источников (топография, погребения, изделия из камня и металла и др.) культурная интерпретация далеко не бесспорна, то знакомство с керамическим материалом в целом убеждает в его этнокультурной специфике. Не останавливаясь на содержательной стороне выделенной культуры, ограничимся оценкой лишь тех источников, которые, на наш взгляд, позволяют по-иному ставить вопросы ее генезиса и хронологии.

Происхождение воронежской культуры авторы ставят в прямую связь с культурой среднеднепровской (как генетической подосновой), признавая ограниченное участие в ее сложении со стороны среднедонской катакомбной культуры. При сопоставлении же с памятниками иванобугорского типа (Синюк, 1984) авторы полностью отвергли существование какой-либо преемственности, оговорившись, правда, что выявление «местного» компонента в становлении воронежской культуры не исключается. В соответствии с выбранной позицией предложена и датировка воронежской культуры: конец второй — начало третьей четверти II тыс. до н. э., причем авторами отрицается возможность ее хронологического смыкания с донской лесостепной срубной культурой.

Недавними раскопками Мастищенских поселений и Нижнесторожевской стоянки на Дону получены группы керамики Иванобугорского и Воронежского облика, дающие при сопоставлении четкие линии преемственности как по технологическим и морфологическим признакам, так и в системе орнаментации, включая элементы орнамента, мотивы и композиционные построения. Важным представляется то обстоятельство, что на Мастищенских поселениях документируется период хронологической стыковки иванобугорских материалов с материалами первого этапа местной катакомбной культуры (XX-XVII вв. до и. э.) (Синюк, 1983). А единственный пока на Дону эпонимный памятник воронежской культуры Нижнесторожевская стоянка отражает взаимодействие с традициями катакомбной культуры и первого, и второго (XVII-XV вв. до н.э.) этапов. Следовательно, постулат отмеченных авторов о хронологическом разрыве в полтысячелетия между памятниками иванобугорского типа и воронежской культурой оказывается несостоятельным. Видимо, отсюда же проистекает и неприятие очевидной для нас генетической связи тех и других групп материалов, и поиски аналогий на иных территориях, где сходные признаки не отражают, на наш взгляд, генетических процессов, а говорят о действии процессов стадиального уровня.

Таким образом, воронежская культура в плане своего происхождения отражает поздний этап развития материалов иванобугорского типа, синтезировавших еще во второй половине III тыс. до н. э. на Дону традиций энеолитической репинской и пережиточно-неолитических культур Деснинско-Волго-Окского региона. От пер-

вой посуда воронежской культуры унаследовала характерное оформление венчика и орнаментацию его среза и некоторые другие признаки, а от вторых — яйцевидные пропорции технологические приемы изготовления, штамповый ямочный орнамент по всей поверхности и т. д.

Время бытования воронежской культуры, учитывая пока отсутствие четких датирующих критериев, можно условно определить концом первой — второй четвертью II тыс. до н. э. Это находится в соответствии с хронологией и среднедонской катакомбной культуры, а также памятников КМК и срубной культурно-исторической общности.

1991

К ПРОБЛЕМЕ ВВЕДЕНИЯ СТОИМОСТНОЙ ОЦЕНКИ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ

Елец и его окрестности. Елец, 1991.
С. 78-81. В соавт. с Т.С. Старцевой.

Археологические памятники гибнут сотнями и тысячами, в то время как усилия по их сохранению наталкиваются на такие пока непреодолимые препятствия, как отсутствие необходимых средств, некомпетентность лиц, связанных с землепользованием и, что особенно печально, несовершенство самих законодательных и охранительных актов, носящих сугубо декларативный характер.

Очевидно, что провозглашение памятников археологии бесценным достоянием государства не только недостаточно, но и неверно концептуально, поскольку понятие «бесценный» обезличивает объект, к которому он прилагается, лишает критерия для объективных, реальных сопоставлений при установлении значимости и ценности объекта, а кроме того, уже не может вписываться во вступающие в силу законы о землепользовании, которые ориентированы на сочетание разных форм собственности, включая и частную. Все это требует наполнить существующее охранное законодательство новым содержанием, а именно: введением стоимостных оценок археологических памятников. Отметим, что в ряде высокоразвитых стран такого рода работа, включая издание специальных каталогов, уже давно проведена.

Важнейшим условием для этого должно стать положение о включении стоимости археологических объектов в общую стоимость конкретных земельных участков с тем, чтобы любой их владелец (или покупатель) либо обязался бы осуществлять охрану археологического объекта, либо выкупать его для последующего использования площади земли по назначению посте проведения археологическими службами раскопок объекта. В равной степени это должно относится к деятельности дорожных, мелиоративных и других строительных организаций (с уровня проектных), от которых требуется отчисление соответственных сумм на исследование сходящихся в зоне строительства археологических памятников. За нарушение их сохранности должна быть введена такая система штрафов, которые бы превышали установленную стоимость памятников. Существование же самой их стоимости явится важным основанием и для подключения прокурорских санкций.

В основу предлагаемого варианта определения стоимостной оценки неисследованных археологических памятников кладется среднестатистический принцип. Для этого может быть взят любой ограниченный участок, но типичный, (т.е. со средним показателем степени встречаемости археологических объектов и степени их исследованности) в пределах более широких географических подразделений (природно-географической зоны, междуречья, бассейна реки, право- или левобережья и др). Важно также, чтобы средний показатель имеющиеся памятники отражали по соотнесению типов, распределению по эпохам, по количественному содержанию источников.

Получив среднее содержание единиц изделий (но не единиц находок, которые на каждой стоянке исчисляются сотнями и тысячами) в одном кургане и на площади поселения в один квадратный метр, можно рассчитать средние величины содержания единиц изделий как применительно к отдельному памятнику, так и к зафиксированным в районе памятникам в целом.

Нами взята усредненная стоимость изделий (причем многократно меньшая в сравнении с зарубежными каталожными ценами), где стоимость изделия удвоена с учетом его сопряжения с неоценивающимися артефактами, но которые определяют научную значимость памятника (хронологическая позиция в системе стратиграфии и планиграфии, принадлежность к замкнутому комплексу, характеру построек, культовых сооружений, к признакам ритуалов и т.д.). При этом изделия из ритуальных комплексов, которые визуально несут более целенаправленный и индивидуальный характер, нами оцениваются вдвое выше, чем изделия из поселений. Наконец, оговоримся, что при оценке не учитывалась соотносительность по степени встречаемости памятников тех или иных археологических эпох и культур, а также по стратиграфической и планиграфической информативности, для чего в будущем должна быть разработана специальная шкала коэффициентов. Не учтена и степень сложности условий изучения памятников, что тоже требует подготовки специальных обоснований.

В качестве примера мы взяли по памятнику от каждого из широко встречаемых типов на участке правобережной донской лесостепи от станции Копанище на юге до села Сторожевое на севере, в границах Острогожского района Воронежской области:

№№ Тип памятника		Наименование памятника	количество кург./ м.кв	раскопано кург./ м.кв	получено изделий	среднее кол-во изделий в кург./ м.кв.	стоимость изделий в руб.	общая стоимость памятника в тыс. руб.
1.	Курганный могильник на водоразделе (РЖВ)	Мастюгинский	36	32	2684	84	100	180
2.	Курганный могильник прибрежный (РЖВ-бронза)	Стояновский	46	12	205	17		230

3.	Стоянка береговая кратковременного использования (бронза)	Нижне-Сторожевская	500	240	68	0,3		22,5
4.	Стоянка мысовая длительного использования (бронза-РЖВ)	Мастище-1	15 000	1584	780	0,5	50	675
5.	Стоянка терасная длительного использования (неолит-бронза)	Копанище-2	1 800	264	100	0,4		81
6.	Стоянка береговая длительного использования (неолит-бронза)	Копанище-1	2000	80	190	2,4		90

Совершенно очевидно, что на пути реализации поставленной проблемы имеются серьезные трудности, связанные как с разработкой унифицированной методики стоимостного определения археологических памятников по их видам, возрасту, этнокультурной принадлежности, системе распространенности, сохранности и т.д. Весь комплекс такого рода мероприятий потребует усилий многих специалистов разных областей научных знаний, прежде всего археологов, экономистов, юристов, но решать эту проблему необходимо как можно быстрее.

В данной же связи нельзя не затронуть и такой важнейший аспект, как организацию работы охранных учреждений, без кардинального изменения которой трудно будет вообще говорить о наличии памятников археологии уже в недалеком будущем. У нас практически нет профессиональных кадров в этой области на местах и никто делом их подготовки не занимается. Для сравнения напомним, что в США (по данным начала 80-х гг) кадры по проблемам охраны памятников готовились в 35 университетах. Вполне понятно, что без дополнительных материальных затрат мы ничего подобного иметь не будем. Но средства могут быть получены совершенно реально в лице самих памятников археологии, если они приобретут стоимостную оценку.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что немалые средства потребуются и для выкупа неучтенных ранее археологических объектов, а также отдельных экспонатов, если они окажутся в пределах частновладельческих земельных угодий. Отсюда вытекает и еще один чрезвычайно важный аспект: необходимость активизации разведочных работ на сплошных территориях районов и областей всеми имеющимися археологическими службами. Совершенно очевидно, что координатором всех этих мероприятий должны выступать государственные охранные учреждения, на счета которых и будут поступать средства от выкупаемых памятников археологии.

К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО СООТНОШЕНИЯ АБАШЕВСКОЙ, КАТАКОМБНОЙ И СРУБНОЙ КУЛЬТУР В БАССЕЙНЕ ДОНА

Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.). Материалы международной конференции. Кишинев 10-14 декабря 1990 г. Киев, 1991. С. 112-114.

Дискуссия о происхождении срубной КИО («Советская Археология») выявила известные разночтения и по вопросу о хронологическом соотношении культурных образований на стыке среднего и позднего периодов эпохи бронзы. Это прежде всего касается круга культур абашевской и катакомбной общностей. Следует отметить, что выдвинутые позиции включают попытки распространить результаты наблюдении регионального порядка на всю область бытования срубных племен, т. е. частным проявлением придается универсальный характер. К примеру, на западной от Дона территории хорошо документируется «запечатывание» периода бытования катакомбных культур памятниками КМК еще до начала проникновения представителей абашевского этнокультурного мира, и тем самым устанавливается хронологическая несостыковка между катакомбными и срубными древностями. Но при этом делается попытка датировать поздним временем абашевские памятники и донского бассейна (не ранее оформления КМК). Полагаем, что материалы бассейна Дона (прежде всего его лесостепного региона) позволяют внести известные коррективы в дальнейшее изучение затронутых вопросов.

В донской лесостепи имеется группа памятников протоабашевского типа, свидетельствующих о генетической связи местного энеолита (репинская культура) и раннего этапа доно-волжской абашевской культуры. Преемственность обосновывается сходством признаков глиняной посуды, едиными традициями погребального обряда, общей основой экономики, единством территории. Все это позволяет говорить о местном лесостепном происхождении доно-волжской абашевской культуры и определить ее ранний этап начальными веками II тыс. до н. э. Это, в свою очередь, синхронизирует ее со всеми этапами развития среднедонской катакомбной культуры. Тезис о позднем появлении абашевской культуры на Дону снимается и стратиграфией недавно исследованного кургана № 57 Первого Павловского могильника, где абашевские захоронения позднего этапа (скорченный на левом боку скелет с СВ ориентировкой) предшествовали погребению в катакомбе с признаками второго (развитого) этапа местной катакомбной культуры. В соответствии с этим и природа «нестандартных» признаков, отмечавшихся и ранее в ряде абашевских захоронений (охра, шнуровой орнамент на сосудах, положение погребенных на правом боку, каменные «выпрямители» и др.) объясняется контактами с катакомбным миром. Такого рода свидетельства немногочисленны, но в этом можно усматривать не хронологический фактор, а следствие особых взаимоотношений между инокультурными племенами, в основе которых преобладали факторы отчуждения. Не ставя под сомнение правомерность синхронизации абашевских древностей с памятниками КМК, отметим, что в донской лесостепи последние составляют не более десятка погребений среди нескольких сотен исследованных погребений катакомбной и абашевской культур. В этом количественном отношении, на наш взгляд, находит отражение реальная этническая ситуация этого времени.

В прямой связи с изложенным находится и вопрос о возможности доживания на Дону среднедонской катакомбной культуры до времени распространения новаций, идентифицирующих памятники срубной этнокультурной общности, которые не могут быть выведены из системы традиций КМК, а также культурных групп из восточных от Дона регионов (поза адорации, положение на левом боку, устройство простых погребальных ям). Как известно, эти признаки в комплексе были определяющими в комплексе досрубных культур Дона и сопредельных территорий. Но они появляются в абашевской культуре позднего этапа. Независимо от того, в какой связи последняя находилась со срубной культурой, наиболее вероятно, что изменения целого блока признаков погребального ритуала сопряжены с появлением новых мировоззренческих идей, которые в любом случае несут более быстротечный, нежели эволюционный характер внедрения. Поэтому следует рассматривать бытование абашевско-срубных и ранних срубных памятников в единых узко хронологических рамках. Но поскольку есть доказательства в пользу синхронизации первых с катакомбными, то следует также признать и хронологическую стыковку катакомбной традиции со срубными. Это положение находит подтверждение конкретными данными. Так, в свое время выявлена группа погребений, которые занимают верхний хронологический горизонт среди катакомбных захоронений, и в которых сочеталась срубная обрядность с катакомбным инвентарем. Имеются комплексы с разнокультурными материалами и разнокультурные погребения с идентичными типами металлических изделий. Отметим случаи сопровождения срубных погребений охрой, сосудами со шнуровым орнаментом и т.д.

В данном контексте далеко не беспочвенна и точка зрения об участии катакомбных традиций в процессе оформления срубной культуры степного Доно-Волжского междуречья, но вместе с тем, требует известной осторожности оценка такой формы воздействия как нормы для всей области сложения культур срубного мира.

Таким образом, имеющиеся источники позволяют сделать вывод о том, что в донском регионе на стыке среднего и позднего периодов эпохи бронзы сохранилась весьма сложная этническая ситуация, вызванная взаимодействием традиций абашевской, катакомбной и срубной культур (при участии КМК и воронежской культуры). За этим взаимодействием стояли самые разные исторические факторы при столь же разной степени их отражения на судьбах того или другого этноса.

ОБ ОДНОЙ ИЗ «КАТЕГОРИЙ» МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Мосоловское поселение поздней бронзы в системе памятников степи и лесостепи. Тезисы докладов и материалы к конференции. Воронеж, 1991. С. 67-71.

Речь пойдет о медных и бронзовых шильях, традиционно определяемых как орудия производстве и как обычные находки с широким территориально-хронологическим диапазоном. Для проверки этого положения обратимся к погребальным комплексом из курганов эпохи бронзы.

Действительно, шилья (четырехгранные, обоюдоострые или с упором на одном из концов, иногда с остатками деревянных и костяных ручек) встречены в курганах самых разных культур Восточноевропейского региона на всех этапах рассматриваемой эпохи. Однако отметим ряд обстоятельств.

Во-первых, сам факт включения того или иного изделия в состав погребального инвентаря маркирует его новое, отличное от бытового, назначение (хотя и сходное функционально) атрибутивно-обрядовое содержание. Данное изделие уже становится прежде всего информатором о прижизненном статусе умершего в социальной структуре общества, о его отношении к сферам производства и мировоззрения. Добавлю, что оно в большей степени оказывается сопряженным с аспектом социальным поскольку сам подкурганный обряд захоронений в эпоху бронзы рассчитан на лиц с высоким общественным рангом.

Во-вторых, на самом деле процент погребений с шильями в культурах, где они есть, весьма невелик, уступая по встречаемости не только другим типам металлических изделий (ножам, различным украшениям), но и специфическим культовым категориям изделий — курильницам и молоточковидным булавкам.

В третьих, погребения с шильями заметно выделяются из общей массы одинокультурных погребений особыми строительными и обрядовыми признаками, а также составом инвентаря. Так, шилья сопутствуют наиболее значимым захоронениям майкопской (Майкопский курган, от. Костромская, Бамут), древнеямной (Утевка 1, Веселовский, Шехаевский, Павловский, Верхняя Маевка XIV, Поточное и др.), полтавкинской (Утевка 2, Кашпирский III), среднеднепровской (Мошна, Палик, Стрелица), абашевской (Алгаши, Сретенская, Метев-Тамак) культур.

Те же тенденции прослеживаются и в материалах культур катакомбной общности. При этом фиксируются устойчивые блоки взаимовстречающихся типов инвентаря: шило — нож; шило — курильница; шило — каменные песты и терки. Вообще же в разных комбинациях шильям сопутствуют деревянные чаши, «флейты Пана», бронзовые и серебряные украшения, бусы-четки, колесные повозки, жертвенники с головами животных, наборы орудий ремесленного производства, навершия булав, наконечники стрел и т.д., а сами погребения характеризуются, как правило, особыми обрядовыми признаками (крупные и сложные погребальные устройства, обилие охры, меловой посыпки и т.п.).

Интересно отметить, что сочетание «шило-нож» имело место и в абашевско-срубных погребениях Подонья (Павловский, Павловский Плодосовхозный, Новоусманский, Левобережный Березовский могильники), тогда как в собственно абашевских погребениях этой территории не только такого сочетания, но и самих шильев пока не

встречено. Не просматривается ли здесь линия от древнеямной (где «шило-нож» — более чем в половине погребений с шильями) к катакомбной обрядности, а от последней — к абашевско-срубной? Добавлю, что именно к этому времени относится появление и на более восточных территориях погребений с шильями, где взаимодействуют абашевские, раннеалакульские и раннесрубные черты (Царев Курган, Верхняя Алабуга, Раскатиха) и эти погребения, занимая центральное место в могильниках, отличаются особой обрядовой пышностью и богатством инвентаря. Вместе с тем, шилья практически отсутствуют в погребениях культуры многоваликовой керамики (КМК).

Из сказанного можно сделать вывод о том, что бронзовые шилья сопутствуют, как правило, наиболее престижным подкурганным захоронениям целого ряда культур эпохи бронзы. Отсюда следует и другой вывод — о специфическом функциональном и ритуальном назначении этих изделий, конкретизация чего потребует в дальнейшем подхода к материалам каждой из культур отдельно, в силу вероятных различий в обрядовых установках их носителей. Не исключено в ряде случаев и символическое сохранение за шильями функций орудий для пошива, подобно наборам «топор-долото-тесло» (плотничий инструментарий) в захоронениях майкопской и древнеямной знати. Тем не менее, в целом, трудно однозначно оценивать шилья как категорию узкоспециализированного производственного назначения, поскольку они сопутствуют самым разным ремесленным комплексам (плотничьему, кожевенному, литейно-кузнечным, для изготовления каменных наконечников стрел); Интересная мысль была высказана В.В. Отрощенко о возможности рассмотрения шильев в качестве шипов для посохов, что вполне вероятно.

Однако еще раз подчеркну сопутствие шильям вполне установленных атрибутов служителей культа (молоточковидные булавки, курильницы, «флейты Пана», деревянные сосуды). К тому же отмечены находки по два, три, и даже четыре (Павловск) шила в одном погребении. Это наводит на мысль об их особых функциях в исполнении культовых обрядов, в частности при производстве жертвоприношений. Отсюда не случайна и их связь с ножами, которыми пользовались для заклания жертвенных животных. Наконец, связка шило-нож могла являться и инструментом врачевания, что в древности тоже, как правило, входило в функции отправителей культов. Включение же в некоторые из таких комплексов наверший булав (Ростов-на-Дону, хут. Степан Разин, Соленовская, Кудинов, Ажинов, Кубаева Могила, Нижне-Чирская, Барановка I), а также дисковидных псалиев (Кондрашовка) заставляет предполагать в ряде случаев совмещение одним лицом родо-племенной (военной) и сакральной власти, Кстати, последняя могла осуществляться и главой ремесленного клана (Барановка 1).

Особый символико-культовый смысл, вкладывавшийся в шило как в объект погребальной обрядности, был более присущ ранней и развитой стадиям эпохи бронзы. В погребальных памятниках срубной культурной общности шилья встречаются значительно реже, хотя и в этих случаях погребения отмочены известным своеобразием (Сады, Новоаннинский, Дмухайловка, Верхняя Маевка II). Кстати, крайне редки шилья и на поселенческих памятниках поздней бронзы, как и в составах кладов (Лобойковский).

В связи со сказанным нельзя не отметить серию такого рода изделий, полученную при исследовании Мосоловского поселения. Весьма примечательно, что здесь среди бронзовых шильев оказался и экземпляр из железа — материала, в то время, безусловно, ценившегося чрезвычайно высоко. В целом же можно предполагать, что в период позднего бронзового века придававшаяся некогда шильям в погребальных обрядах социальная и культовая значимость утрачивается.

О СООТНОШЕНИИ ПАМЯТНИКОВ ПОКРОВСКОГО ТИПА И ДОНО-ВОЛЖСКОЙ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Тезисы вторых Рыковских чтений. Саратов, 1991. С. 46-48.

Поволжские материалы с абашевскими чертами, представленные наиболее ярко погребениями Покровского могильника, рассматриваются либо в рамках срубной культуры («бережновский горизонт» по Качаловой Н.К., 1978; «покровско-абашевский этап», «покровский этап» — по Халикову А.Х., 1976, 1989; «памятники покровского типа» по Малову Н.М., 1989; не выделяясь специально — Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П., 1983), либо в рамках абашевской культуры («памятники доно-волжской культуры», «синкретические абашевско-срубные памятники» — по Пряхину А.Д., 1977). В первом случае за разными терминами («горизонт», «этап», «тип») просматривается в целом близкое понимание исследователями процесса формирования срубной культуры Нижнего и Среднего Поволжья с участием абашевского этнокультурного компонента. Разночтения же вызывают вопросы о степени его участия, откуда он исходил и на какой стадии культурогенеза.

А.Х. Халиков в противоположность А.Д. Пряхину, Г.Г. Пятых (1983) и др. исследователям не считает памятники покровского типа следствием распространения донской абашевской культуры, хотя и признает между ними большее сходство, нежели с абашевскими памятниками Среднего Поволжья. Более того, он говорит о проникновении именно покровских памятников на северные и западные территории, конкретно называя в бассейне Дона такие из них, как погребения у сс. Скорняково, Старая Тойда, Старо-Юрьёво (Халиков А.Х., 1989). Известную осторожность в этом вопросе проявляет Н.М. Малов, проведя границу распространения памятников Покровского типа в бассейне Дона по верховьям Медведицы и Иловли и никак но связав их с донской абашевской культурой (Малов Н.М., 1989).

Новые материалы с территорий северостепного и лесостепного Дона, а также дополнительный анализ ранее полученных источников позволяют полностью согласиться с А.Х. Халиковым в том плане, что движение шло именно с востока, при этом к памятникам покровского типа в Подонье должны быть отнесены практически все из известных здесь «престижных» погребений, включавшихся в доно-волжскую абашевскую культуру (Введенка, Кондрашовка, Богоявленское, Новый Курлак и др.).

Как раз они и создали фон того сходства, которое, с одной стороны, заставило говорить о «грандиозности масштабов доно-волжской абашевской культуры» (Пряхин А.Д., 1977), а, с другой стороны, заслонило собой собственно донские абашевские памятники, имея с ними общий генетический компонент, но опосредованный разными историческими судьбами.

Вместе с тем, мы не склонны, подобно А.Х. Халикову, хронологически разрывать покровские комплексы Подонья и Поволжья, считаем их появление следствием одного и того же исторического процесса — миграционного потока из тех восточных территорий, где происходил контакт с ранним андроновским этнокультурным миром (Петровка-Синташта). Не случайно в целом ряде донских погребальных комплексов признаки позднекатакомбного облика и КМК опосредованы именно восточными компонентами, что, кстати, хорошо прослеживается и в памятниках Поволжья.

Для погребальных памятников с особыми признаками обрядовости и инвентаря интерпретация обычно ограничивается разработками этнокультурной принадлежности и хронологической позиции.

В частности, по величине и другим признакам погребального устройства выделяются хронологические горизонты (Качалова Н.К., 1978). Однако появляется необходимость рассмотреть курган как возможное выражение единого социально-культового организма, где требуется оценка всех видов признаков в системности. Мы исходим из того, что любые захоронения эпохи бронзы под курганами градируются между собой только в рамках высокой социальной принадлежности. Но и здесь следует ожидать в геологической стратиграфии отражение социальной стратификации. Престижные погребения покровского типа (а их — большинство) принадлежат особо выдающимся лицам — вождям и жрецам. Этнокультурная многокомпонентность (абашевский, срубный, полтавкинский, алакульский и т.д.) в одном погребальном комплексе символизирует, на наш взгляд, отношение лидера (вождя, жреца) при жизни к процессам политической (в меньшей степени — этнической) консолидации, закреплявшейся оформлением союзов племен, силами которых только и возможно было осуществлять мощные и относительно быстротечные передвижения на громадные расстояния. Поэтому следует полностью согласиться с теми исследователями (Кузьмина Е.Е., 1986; Потемкина Т.М., 1985; Зданович Г.Б., 1988; Малов Н.М., 1989; Горбунов В.С., 1990 и др.), которые оценку такого рода памятников ставят в прямую связь с социально-политическими факторами. Видимо, нельзя и ожидать единства мнений по поводу приоритета того или иного культурного компонента в комплексах покровских погребений, поскольку соотношение этих компонентов может сильно варьировать. Но бесспорно одно: памятники покровского типа отмечены обрядовыми чертами, характеризующими процесс становления срубного этнокультурного мира.

Современное состояние источников таково, что заставляет переосмыслить правомерность выделения доно-волжской абашевской культуры (в свое время это сыграло положительную роль в активизации изучения и самих покровских материалов). В бассейне Дона имела место донская абашевская культура, лишь позднее оказавшаяся поглощенной продвинувшейся с восточных территорий культурой памятников покровского типа. Последние отражают собой безусловно своеобразное (по синтезу компонентов) культурно-историческое явление, маркируя территорию от Южного Зауралья до Дона и Донца, причем, как нам представляется, в относительно узких хронологических рамках. Уточнение же статуса этих памятников в терминологической номенклатуре может быть вынесено на повестку дня предстоящего семинара.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОДЗЕМНОЕ СВЯТИЛИЩЕ-ЛАБИРИНТ

СА. 1991. № 3. С. 250-261. В соавт. с В.Д. Березуцким

В процессе исследования в 1988 г. Второго Власовского могильника нам удалось проследить под едва заметной насыпью конструктивные признаки не встречавшегося ранее типа археологического памятника.

Второй Власовский могильник занимает восточную оконечность высокого водораздельного плато, переходящего в пойму р. Баклуша (приток р. Ворона), примерно в 2 км к северу от с. Власовка Грибановского р-на Воронежской обл., что географически соответствует южной границе лесостепи донского левобережья (рис. 1) Поскольку на площади могильника располагались курганные насыпи разной величины, включая и совсем не-большие (содержавшие погребения эпохи бронзы и раннего железного века), было решено произвести раскопки рассматриваемой насыпи прямыми траншеями с помощью бульдозера. Вскрытие верхних наслоений как будто бы подтверждало правильность определения объекта в качестве надмогильной насыпи: под пахотным слоем (0,25-0,35 м) фиксировалось несколько материковых выкидов, а близ них при зачистке материка (плотная желтая глина) — контуры прямоугольных ям, напоминавшие шахты катакомбных погребальных сооружений. Правда, настораживал тот факт, что два периферийных выкида (всего их оказалось три) располагались строго на одном уровне — на погребенной почве, тогда как следы центрального выкида залегали несколько выше, в толще насыпного слоя. Вместе с тем планиграфическая концентрация выкидов на ограниченной площади исключала предположение о существовании здесь разновременных курганных насыпей. При исследовании объекта оставлялись бровки толщиной 0,4 м через каждую траншею, расстояние между которыми равнялось 3 м. Было проложено пять траншей (бровки II-V), но позднее, с обнаружением в материке системы подземных ходов, возникла необходимость их пол-ного оконтуривания, в связи с чем были дополнительно проложены еще две траншеи с восточной и одна с западной стороны (бровки I, VI, VII) (рис. 2, 3).

Наиболее высокая отметка на современной поверхности объекта, от которой велись замеры, находилась на линии бровки II, в 7 м от ее южного края. Стратиграфия в этом месте следующая: под пахотным слоем (0,35 м) шел насыпной слой чернозема с включением глины и известняковой щебенки (0,4 м), который достаточно четко отделялся от погребенной почвы, имевшей более осветленный цвет (0,35 м), ниже залегала материковая темно-желтая глина. Таким образом, общая мощность наслоений здесь составила 1,15 м. Рассмотренная система напластований характерна и для других участков изучаемого объекта. Отметим, что от нулевой отметки идет понижение современной поверхности (и материка): более плавное к северу, где перепад через 18 м составил всего 0,2 м, к востоку перепад через 15 м составив уже 0,3 м, а в южную сторону понижение более резкое, до 0,4 м через 7 м . В целом же данное место представляет собой относительно ровную площадку на краю водораздельного плато, откуда начинается склон к югу и востоку, к пойме р. Баклуша.

При исследовании темных пятен близ материковых выкидов выяснилось, что они не принадлежали погребениям, а сам объект раскопок представляет собой иной, нежели обычный курган, тип археологического памятника. Пятна принадлежали вертикальным колодцам, от которых шли подземные ходы, создавая причудливые пере-

плетения (рис. 4). В целом определялись как общие контуры, так и центр подземного сооружения. Надо полагать, у древних строителей имелась заготовленная схема, предполагавшая центральную (алтарную) часть со своеобразными конструктивными признаками и прямоугольную форму всего сооружения, хотя в процессе подземных работ его форма получила известные отклонения (рис. 2).

Сооружение ориентировано строго по сторонам света. Длина западной и восточной сторон 17,5 м, северной и южной — 14,5 м (размеры взяты от фиксируемых углов сооружения без учета отдельных ответвлений ходов) Таким образом, его площадь составила около 254 м2.

Как показывают стратиграфические признаки, с одного уровня одновременно в не-скольких местах, до появления каких-либо искусственных подсыпок, на выбранной для строительства поверхности были заложены подпрямоугольные колодцы-входы. Размеры и глубина их несколько варьируют. Так, колодец в юго-западном углу сооружения имел размеры 2,15×1,1 м и глубину от уровня древней поверхности 1,5 м (1,25 м от уровня материка). Размеры колодца близ северной стороны 3,05×1,2 м при глубине 1,8 м от уровня погребенной почвы (1,5 м от уровня материка). Сразу отметим, что выкида рядом с ним не оказалось, тогда как сам он был забутован в нижней части материковой глиной, а в верхней — глиной с черноземом. Меньших размеров колодец оказался близ юго-восточного угла сооружения (1,45×0,75 м и глубиной от уровня материка 1,15 м). Еще один колодец (1,2×0,75 м) зафиксирован недалеко от центра сооружения. Его глуби-на от уровня материка 1 м. Колодцы имели относительно ровные полы. От каждого из них выводилось несколько ходов, проложенных в материке или несколько выше пола колодца, или на одном уровне. В некоторых местах своды врезались в погребенную почву. Ходы, как уже говорилось, взаимопереплетаются, в целом формируют тип прямоугольного, приближающегося к квадрату лабиринта с отдельными отростками. В разрезе ходы прямоугольные и овальные, со сводчатыми потолками. Ширина их варьирует от 0,5 до 1,5 м, но в большей части их протяженности она составляет 0,75-1,0 м. Высота, как правило, превышает ширину и колеблется от 1 до 1,3 м, хотя есть участки, прежде всего в восточной части лабиринта, и с меньшей высотой. Практически все четыре колодца связаны между собой системой ходов как по периметру лабиринта, так и через его центр. Необходимо оговориться, что во избежание обвалов Лабиринт исследовался лишь после снятия погребенной почвы, а часто и после глубокой зачистки материка.

Конструкция центра лабиринта достаточно сложна, но одновременно хорошо «читается» как в плане, так и стратиграфически, поскольку через него прошла бровка IV (рис. 2, 3). Наличие двух выкидов, которые залегали несколько выше погребенной почвы (в отличие от уровня выкидов входных колодцев), позволяет говорить, что центр был выбран на поверхности небольшой (диаметр 6-8 м) древней насыпи. На это же указывает и тот факт, что внутренний край выкида из колодца близ юго-восточного угла лабиринта был расположен также над погребенной почвой (рис. 3, бровка V). Совсем не исключено, судя поданным расположенных по соседству курганов, что такая насыпь могла принадлежать сарматскому захоронению, уничтоженному при строительстве лабиринта. Сначала была вырыта обширная яма неровно-округлой формы, диаметром в среднем не менее 4 м и глубиной в материке 1,15 м. Затем в нее «вписалась» более глубокая яма подпрямоугольной формы с закругленными углами. Размеры ее 2,25×1,9 м, ориентирована, как и сам лабиринт, большими сторонами по линии север — юг. Пол ямы путем нескольких овальных уступчатых понижений пре-

образуется в глубокую круглую «столбовую» яму, совмещенную в плане с юго-восточным углом меньшей (прямоугольной) ямы и центром ямы большей (рис. 5, 1). Диаметр «столбовой» ямы 0,2 м, глубина от уровня материка 3,8 м. Она, вероятно, была вырыта для закрепления деревянного или каменного столба (идола?). Заметим, что в ее заполнении на разных уровнях уступов ямы фиксировалась забутовка из плитчатого известняка. После установки «столба» всю подпрямоугольную яму забутовали землей с камнем до уровня пола большей ямы, покрыв его каменной вымосткой и обмазав слоем материковой глины. Затем воздвигли купольную конструкцию («юрту»), которую «спрятали» (как и сам лабиринт) под землю и обмазали той же материковой глиной. При этом верхняя часть купола несет следы трехслойной обмазки, а в северной части стенки «юрты» слой сохранился в виде монолита толщиной до 0,4 м. «Юрту», по всей видимости, забутовали, а затем извлекли «столб», вследствие чего образовался характерный прогиб глиняных обмазок, т. е. последовало проседание купола. Только этим можно объяснить то обстоятельство, что глиняная обмазка «юрты» не рухнула на пол. Просадка отмечена и над внутренней ямой. Видимо, в какой-то мере это было связано и с последующим возведением над всем лабиринтом насыпной площадки. Насыпка хорошо определяется ввиду того, что материковые выкиды залегают под пахотным слоем . Возведенный купол, если учесть его просадку, был поднят над уровнем древней поверхности примерно на 0,5 м, а общая его высота, таким образом (от пола большей ямы), составляла примерно 2 м при среднем диаметре основания в 4 м (около 12,5 м2).

В процессе изучения приемов устройства лабиринта и последовательности их применения мы приходим к выводу о том, что прежде всего был выбран его центр на древней насыпи. Купольная же конструкция сооружена либо до, либо после прорытия подземных ходов от колодцев. Затем в ней был установлен «столб» (идол?). Далее последовали основные ритуальные отправления, следы которых дошли до нас в виде остатков человеческого жертвоприношения, жертвоприношений животных, фрагментов амфорной керамики, а также скопления древесного угля.

Кости взрослого человека (фрагменты черепа и бедренных костей) находились в заполнении большей ямы рядом с местом установки «столба». Каких-либо сопутствующих вещей, типичных для обычных захоронений, не обнаружено, что дает основание видеть в отмеченных остатках ритуальное жертвоприношение.

Чрезвычайный интерес представляют жертвоприношения животных. Все они сосредоточены в ходах восточной половины лабиринта (рис. 2).

Жертвоприношение 1 — череп и путовые кости жеребенка. Череп мордой повернут на запад, основание его покоилось на земляной подушке. Выявлено в отростке хода близ се-верного колодца лабиринта (рис. 2).

Жертвоприношение 2 — бессистемно сложенные кости овцы (козы?) на месте перекрещивания ходов, в 1,5 м к востоку от упомянутого колодца (рис. 2).

Жертвоприношение 3 — положение в ряд на земляную подушку путовые кости и копыта жеребенка внутри хода, в 2 м восточнее предыдущего жертвоприношения (рис. 2).

Жертвоприношение 4 — череп лошади на правой щеке, ориентированный на запад. Находился на земляной подушке в устье хода, в 3,5 м юго-юго-восточнее вышерассмотренного жертвоприношения (рис. 2).

Жертвоприношение 5 — череп лошади на левой щеке с юго-восточной ориентировкой и конечность передней ноги с копытом. Располагались на земляной подушке в непосредственной близости от предыдущей находки (рис. 2; 6, 5).

Жертвоприношение 6 — череп лошади на правой щеке с западной ориентировкой, с удилами и псалиями. Находился на земляной подушке в конце одного из самых восточных отростков хода, в 4,5 м юго-восточнее рассмотренного жертвоприношения (рис. 2).

Кроме того, рядом с колодцем, близ юго-восточного угла лабиринта, в одном из ходов на полу лежал алтарный камень в виде крупной кварцитовой плиты (0,55×0,38×0,12 м) прямоугольных очертаний со следами заглаживания по внешней поверхности (рис. 6, 1) .

Фрагменты амфорной керамики концентрировались главным образом в заполнении ходов близ центральной части лабиринта, а также в заполнении «юрты» (рис. 2). Цвет фрагментов красный, светло-коричневый и светло-желтый. Глина хорошо промешена, плотная. Внешняя поверхность большинства фрагментов имеет рифление.

Следы огня в виде линзы древесного угля толщиной до 0,05 м зафиксированы в одном из ходов южной части лабиринта, в 2 м от центральной конструкции (рис. 2; 5, 1).Головни и отдельные угольки (вероятно, от факелов) встречались в заполнении ходов лабиринта практически на всей их протяженности.

На основании полученных наблюдений следует полагать, что после совершения рас-смотренных выше жертвоприношений и других сопутствовавших им ритуалов лабиринт прекратил функционирование. Он подвергся забутовке всех своих ходов, центрального сооружения, а затем был по всей площади засыпан землей. В профиле бровки IV удалось проследить полосу, идущую от пола кверху, к центру «юрты». Полоса (ширина до 0,15 м) выделялась на общем фоне заполнения осветленным черноземом (рис. 3; 5, 1). Причины ее появления для нас остаются неясными.

Как правило, ходы западной половины лабиринта забутованы материковой глиной, а восточной — в большей степени черноземом. Именно приемом забутовки можно объяснить тот факт, что своды большинства ходов, частично прорезавшие погребенную почву (не говоря уже о тех, которые имели тонкие, в несколько сантиметров материковые своды), оказались ненарушенными и лишь в одном случае отмечен провал свода (рис. 3, бровка II). Этим же объясняется и отсутствие пустотных участков в ходах, а также относительно слабый прогиб глиняных обмазок купола «юрты». Отметим также, что ни в од-ном случае не отмечено материковых выкидов, которые бы принадлежали ходам. Трудно ответить на вопрос о том, как и где складировали строители лабиринта массу глины при его сооружении, а также каким образом люди могли передвигаться и размещать жертво-приношения в столь ограниченных по размерам ходах. Тем не менее не вызывает сомнения, что рассмотренный памятник представляет собой капище — место ритуальных от-правлений кратковременного (возможно, разового) использования. При длительном его функционировании потребовались бы препятствующие обвалу ходов крепежные устройства.

Таким образом, в пользу искусственного происхождения рассмотренного археологического объекта говорят следующие признаки.

1. Системность контуров всего объекта, приближающегося к прямоугольной форме.

2. Все подземные ходы устроены примерно на одном уровне, что исключалось бы при образовании карстовых трещин.

3. Ходы имели выраженные стенки и относительно ровные полы.

4. Ходы непосредственно связаны с колодцами, а также с центром сооружения, имеющими организованные выкиды.

5. Нахождение в ходах обработанной каменной плиты, углей, керамики, а глав-

ное жертвоприношений животных, сохранившихся в непотревоженном виде. При этом неко-торые жертвоприношения (2, 3, 6) не были связаны с впуском их через верх.

6. Характер оформления центра сооружения (устройство ямы, включая «столбовую», забутовка последней черноземом и камнем, наличие здесь скопления угля, фрагментов керамики, остатков скелета человека и т. д.).

Вместе с тем не на всех участках восточной части объекта удалось проследить строго подземное расположение ходов (в частности, на это указывает профиль бровки VI). Для западной же половины подземный характер ходов установлен вполне определенно.

Время сооружения капища достаточно твердо устанавливается на основании железных удил с псалиями из жертвоприношения 6. Удила двусоставные, двукольчатые, со стержневидными прямыми псалиями, которые в верхней части имеют более широкий диаметр. Оба псалия — с приваренными ушками, которые имеют прорези для ремня (рис. 6, 2). Этот тип удил был широко распространен в степях в VIII-IX вв. [1, с. 81]. Фраг-менты амфор типичны для памятников салтово-маяцкой культуры.

Более сложной выглядит проблема этнокультурного определения подземного капища-лабиринта. Сравнение имеющихся признаков как в сумме, так и по отдельности (причем только в самых общих чертах) с учетом типа и датировки рассмотренных выше удил и фрагментов амфор оставляет место для довольно широкой трактовки этнической принадлежности памятника, хотя поиск, как нам представляется, следует вести в среде тюркского этнокультурного мира.

Так, прямоугольная форма святилища сопоставляется с культовыми установками тюркского этнокультурного мира. Например, квадратные, а иногда прямоугольные каменные оградки (обращенные сторонами или углами строго по сторонам света) широко распространены на Алтае и в Туве. Они датируются VI-VIII вв. и, по мнению большинства исследователей, представляют собой поминальные памятники, аналогичные по назначению храмам, которые строились при погребении каганов и других представителей тюркской знати [2, с. 35]. Обратим внимание на то, что Власовский лабиринт планиграфически отвечает устройству святилищ по принципу «квадрат в квадрате», соблюдавшемуся в среде носителей салтово-маяцкой культуры [3], и в частности в среде ранних болгар в их бытность на Северном Кавказе [4], а затем на Балканах [5].

Вполне отвечает традициям домостроительства тюркского кочевнического мира (хотя и перенесенным на религиозно-культовую почву) реконструируемая нами центральная часть лабиринта — в виде юрты.

Перечисленные признаки в основе своей имеют общетюркский характер, причем прослеживается их тенденция к длительному сохранению в данной среде. Так, в частности, печенежский погребальный обряд остался неизменным и в половецкий период [6, с. 219]. Но это же нам дает основание заглянуть в ретроспективу и считать, что и человеческие жертвоприношения, выявленные на половецких святилищах [7, с. 73], имеют более давние традиции в тюркском этнокультурном мире.

Другие же признаки, и прежде всего само устройство подземного лабиринта, пока не имеют аналогий в средневековых древностях, но тем не менее и они происходят из сферы религиозных и идеологических воззрений.

Лабиринт — весьма древняя форма устройства культовых центров, имеющая известную рассредоточенность в пространстве, включая области северного европей-

ского побережья, Средиземноморья, а также и Восточно-Европейскую равнину [8] Совсем не исключено, если принять во внимание существование способа выкладки лабиринтов (помимо мегалитического) с помощью дерна [9], что они в реальности применялись значительно чаще и на протяжении более длительного времени, чем мы до сих пор предполагали. Являясь материализованным выражением религиозно-идеологических установок для отправления обрядов (нередко сопряженных и с практическими соображениями), данный тип святилища, надо полагать, связан не столько с этнической спецификой, сколько с общими мировоззренческими тенденциями, которые, как известно, хронологически проявляли себя далеко не равномерно. Но всегда и всюду лабиринты отражают сложный, «запутанный» характер (понятный, естественно, лишь служителям культа) самих мировоззренческих систем, взаимоотношений мифологических сил как между собой, так и с людьми и их душами, что в целом соответствует достаточно высокому уровню развития языческих религий. В этой же связи следует обратить внимание на имеющиеся в салтово-маяцких древностях рисунки, в которых, как нам кажется, можно увидеть изображения святилищ-лабиринтов [10, с. 164, рис. 50, 30, 31].

Видимо, соответствует направленности культовых обрядов и место сооружения ка-пища — на площади могильника. В частности, по мифологии ариев, обитание злых демонов (которых надо задабривать) предполагается на кладбище [11, с. 184] Наиболее же общим мотивом могло выступать отправление обрядов, посвященных либо прощанию с сородичами при переселении на новые места, либо испрашиванию условий для сохранения рода.

Возможно, что ключом к этнокультурной дешифровке рассматриваемого памятника может стать оценка одного из погребений Первого Власовского могильника [12]. Оба объекта (лабиринт и погребение) находились поблизости друг от друга (на расстоянии около 1 км). Погребение было впущено в небольшой курган эпохи бронзы. В узкой (0,65 м) длинной (2 м) яме, углубленной в материк на 1,15 м и ориентированной по линии во-сток—запад, находился скелет юноши вытянуто на спине, головой на запад (рис. 7, 1).

Верхнюю дату погребения определяет трехлопастный наконечник стрелы (тип 13, по классификации А.Ф. Медведева) (рис. 7, 9). Подобные наконечники выходят из употребления в самом начале X в. н. э. [13, с. 58-59]. Нижнюю дату определяет бронзовый кистень (тип IV, вариант 1, по А.В. Крыганову) (рис. 7, 2). Такого типа изделия получают относительно широкое распространение в салтово-маяцкой культуре в IX-X вв. [14, с. 66]. Не противоречит предполагаемой дате (IX — начало X в.) и остальной вещественный материал. Железный псалий, вероятнее всего, относится к тому же типу, что и псалий с удилами из Власовского святилища-лабиринта, т. е. его дата определяется в рамках VIII—IX вв. н. э. Костяные накладки на лук широко известны в кочевнических древностях VIII—XI вв. Горшок из погребения находит близкие аналогии в круге салтово-маяцких древностей, хотя и не является типичным [10, с. 161, рис. 47, 1; 15, с. 233, рис. 18, с. 237, рис. 27], а также в погребальных памятниках ранних болгар [16, с. 57, рис. 3; 1; 17, с. 158]. В последних встречены и амулеты из позвонков крупных рыб [1, с. 96; 10, с. 78]. Для болгар характерны также и устройство длинных узких погребальных ям, вытянутое на спине положение костяка, западная ориентировка погребенного. По всей вероятности, данное погребение можно рассматривать как древнеболгарское.

Ввиду однотипности псалиев из капища и погребения, данные памятники могут

быть сопряжены в рамках IX — начала X в., а следовательно не исключено, что они принадлежали одному этносу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989.
2. Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
3. Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З., Флеров В.С. Советско-Болгаро-Венгерская экспеди-ция // АО-1978. М.: Наука, 1979.
4. Биджиев Х.Х. Хумаринское городище. Черкасск, 1983.
5. Ваклинов С. Формиране на старобългарската култура. София, 1977.
6. Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
7. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. 1974. Вып. Е4-2.
8. Синюк А.Т. Каменный лабиринт в бассейне Дона // Тез. докл. археол. конф. М., 1987.
9. История Европы с древнейших времен до наших дней. В 8-ми томах. Т 1. М.: Наука, 1988.
10. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
11. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г Ф. Древняя Индия. М., 1969.
12. Синюк А.Т Отчет об археологических исследованиях 1986 г. // Архив ИА АН СССР Р-1, № 11315.
13. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие: лук и стрелы, самострел VIII-XIV вв. // САИ. 1966. Вып. Е1-36.
14. Крыганов А.В. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // СА. 1987. № 2.
15. Плетнева С.А. Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА. 1967. № 75.
16. Флеров В.С. Болгарские погребения Маяцкого могильника // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань: Изд-во Казан. фил. АН СССР, 1989.
17. Васильев И.Б., Матвеева Т.Н. У истоков истории самарского Поволжья. Куйбышев, 1986.

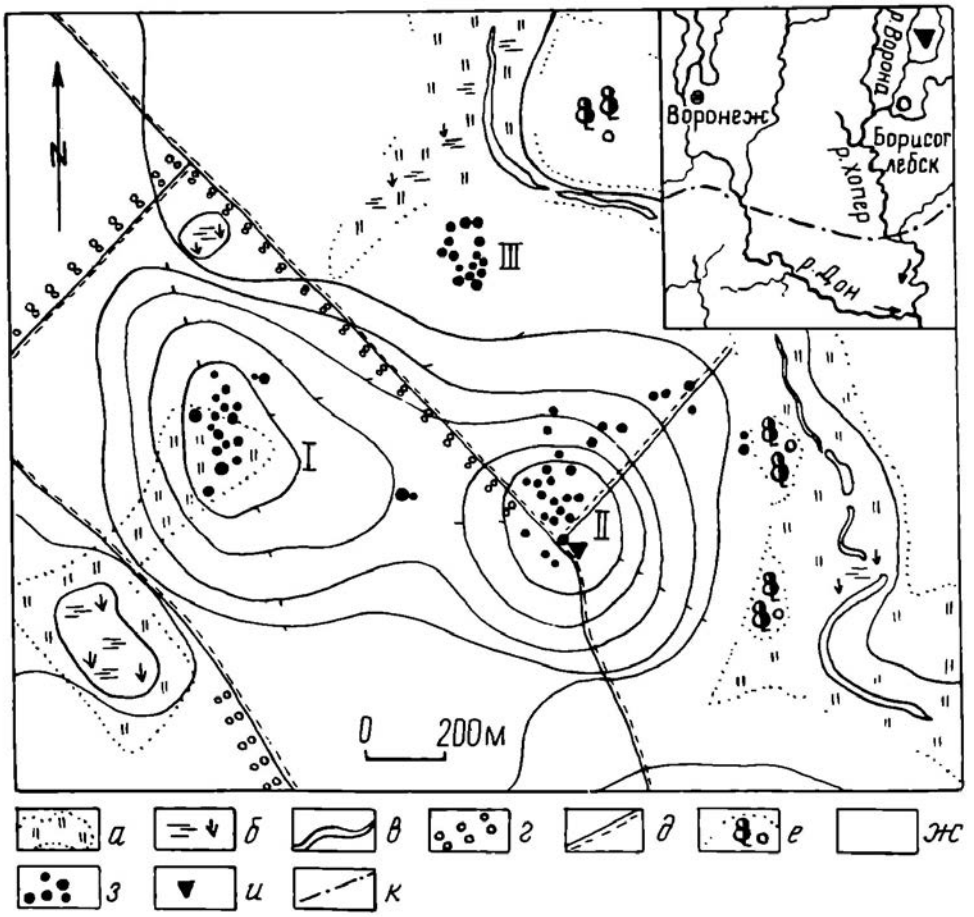


Рис. 1. Общий план места расположения святилища. *а* — луг; *б* — болото; *в* — р. Баклуша; *г* — лесополоса; *д* — грунтовая дорога; *е* — широколиственный лес; *ж* — пашня; *з* — курганы (римскими цифрами обозначены три могильника у с. Власовка); *и* — святилище; *к* — граница степи и лесостепи

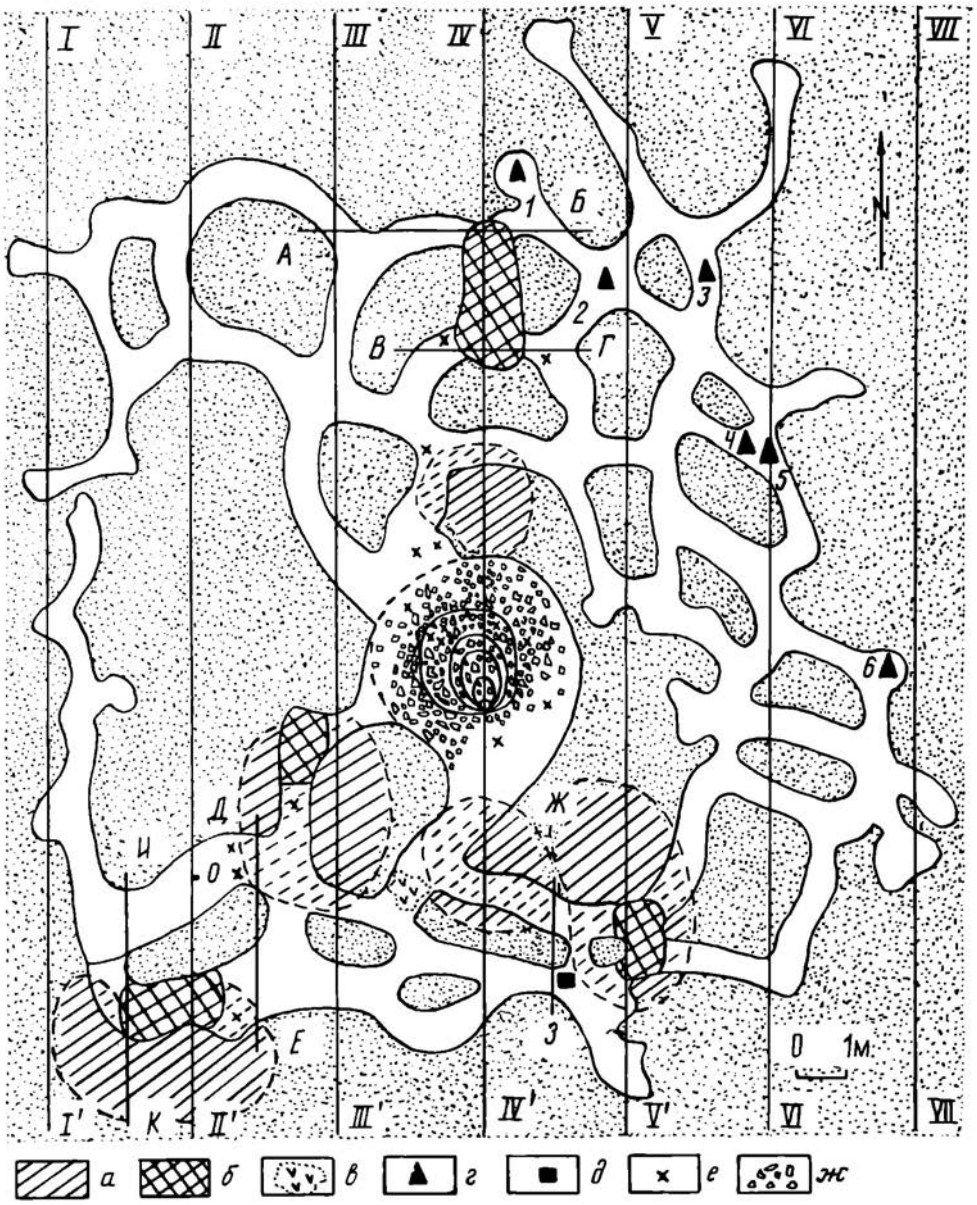


Рис. 2. Общий план. *а* — глина; *б* — входные колодцы; *в* — скопление угля; *г* — жертвоприношения животных; *д* — алтарный камень; *е* — керамика; *ж* — камень

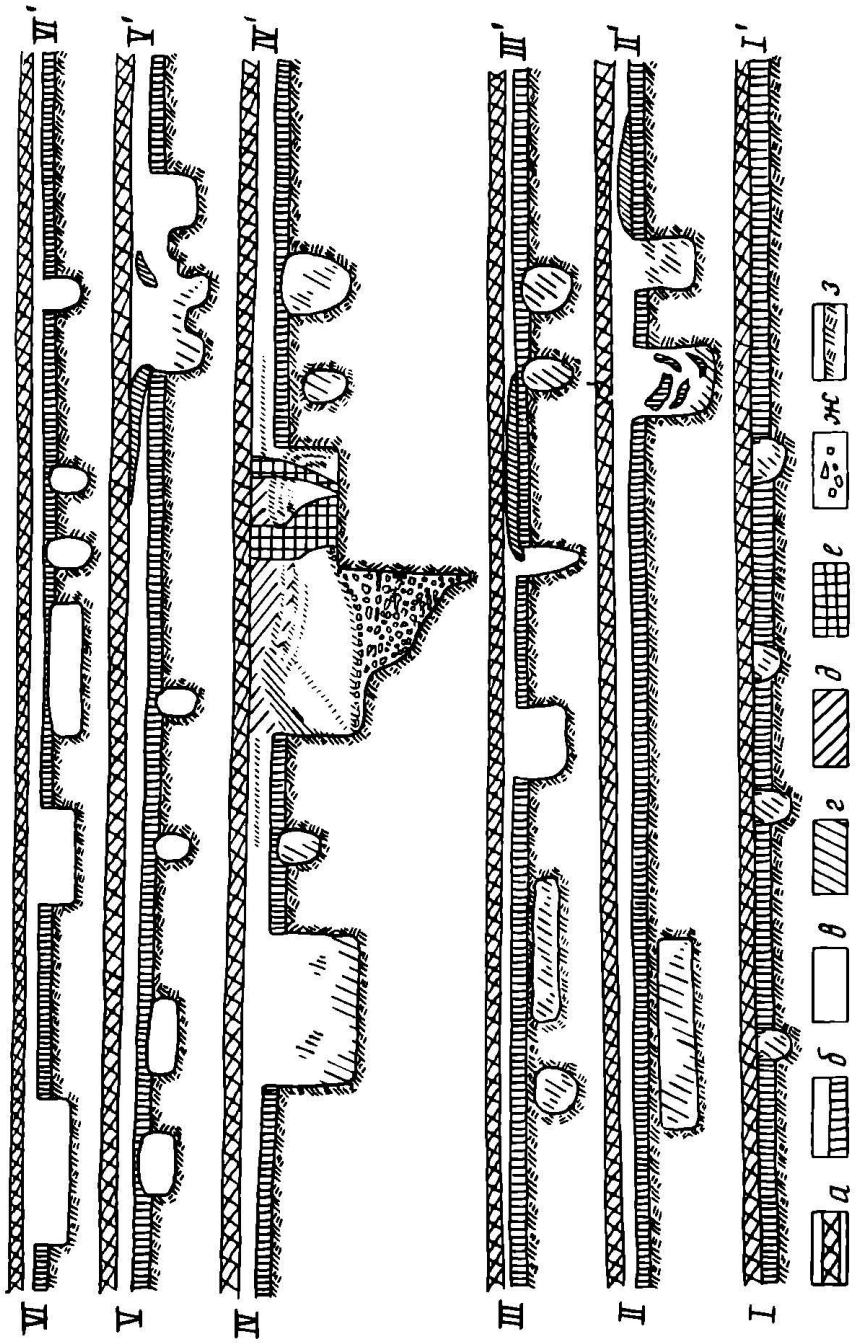


Рис. 3. Профили бровок. *а* — пахотный слой; *б* — погребенная почва; *в* — чернозем; *г* — глина; *д* — осветленный чернозем; *е* — поздние перекопы; *ж* — камень; *з* — материк

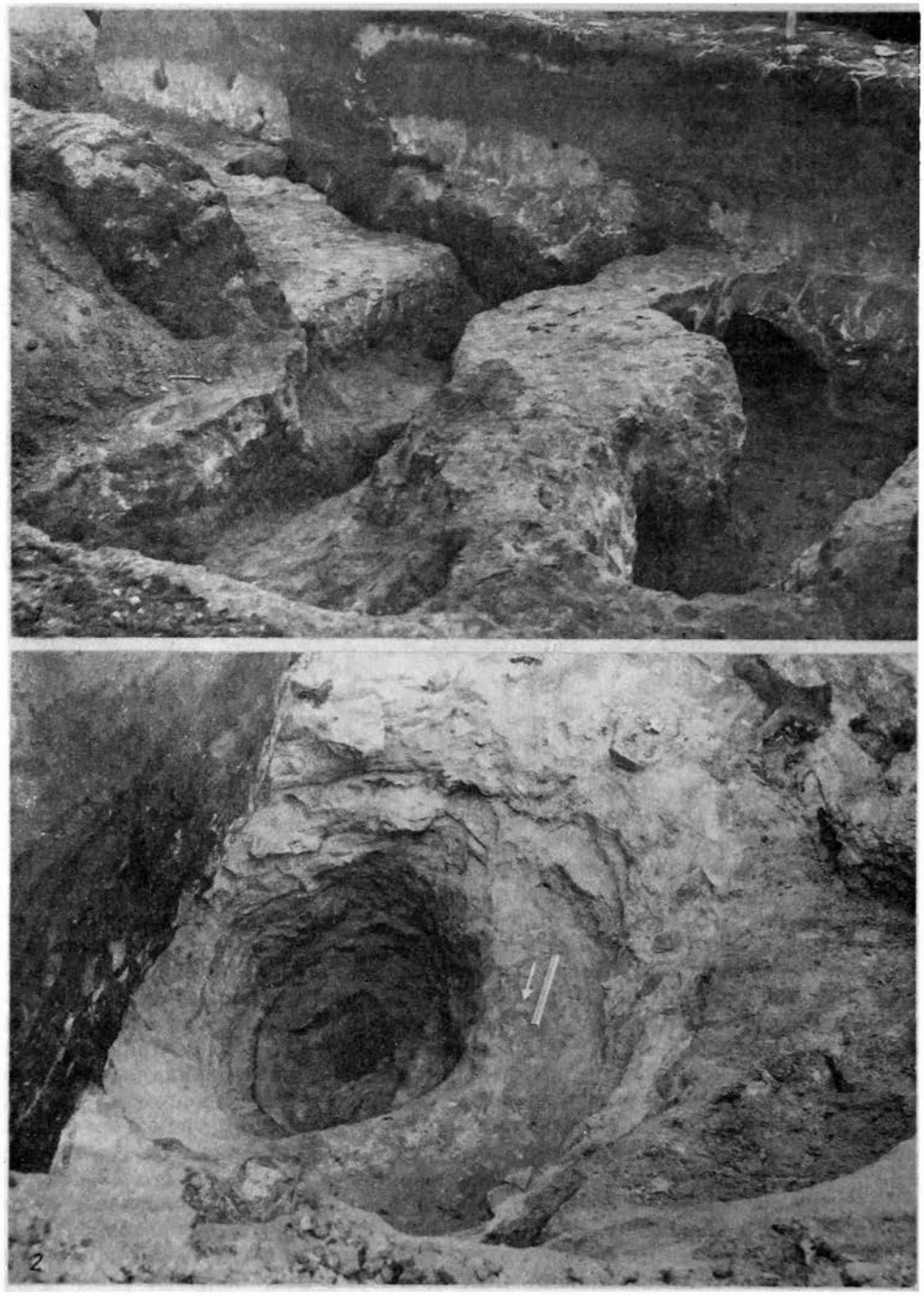


Рис. 4. *1* — вид с юго-запада на ходы и бровку IV (заполнения ходов выбраны не полностью); *2* — центральная яма (здесь и далее в линейке 0,3 м)

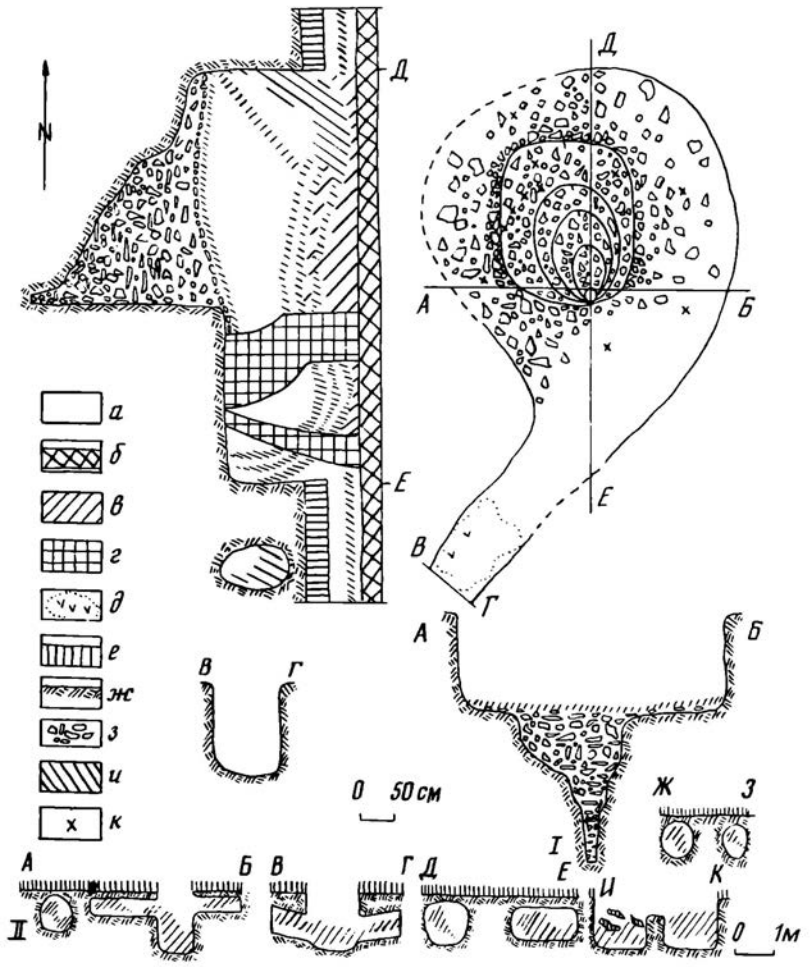


Рис. 5. I — план и профиль центрального сооружения; II — дополнительные профили ходов и входных колодцев. *а* — чернозем; *б* — пахотный слой; *в* — глина; *г* — поздние перекопы; *д* — скопление угля; *е* — погребенная почва; *ж* — материк; *з* — камень; *и* — осветленный чернозем; *к* — керамика

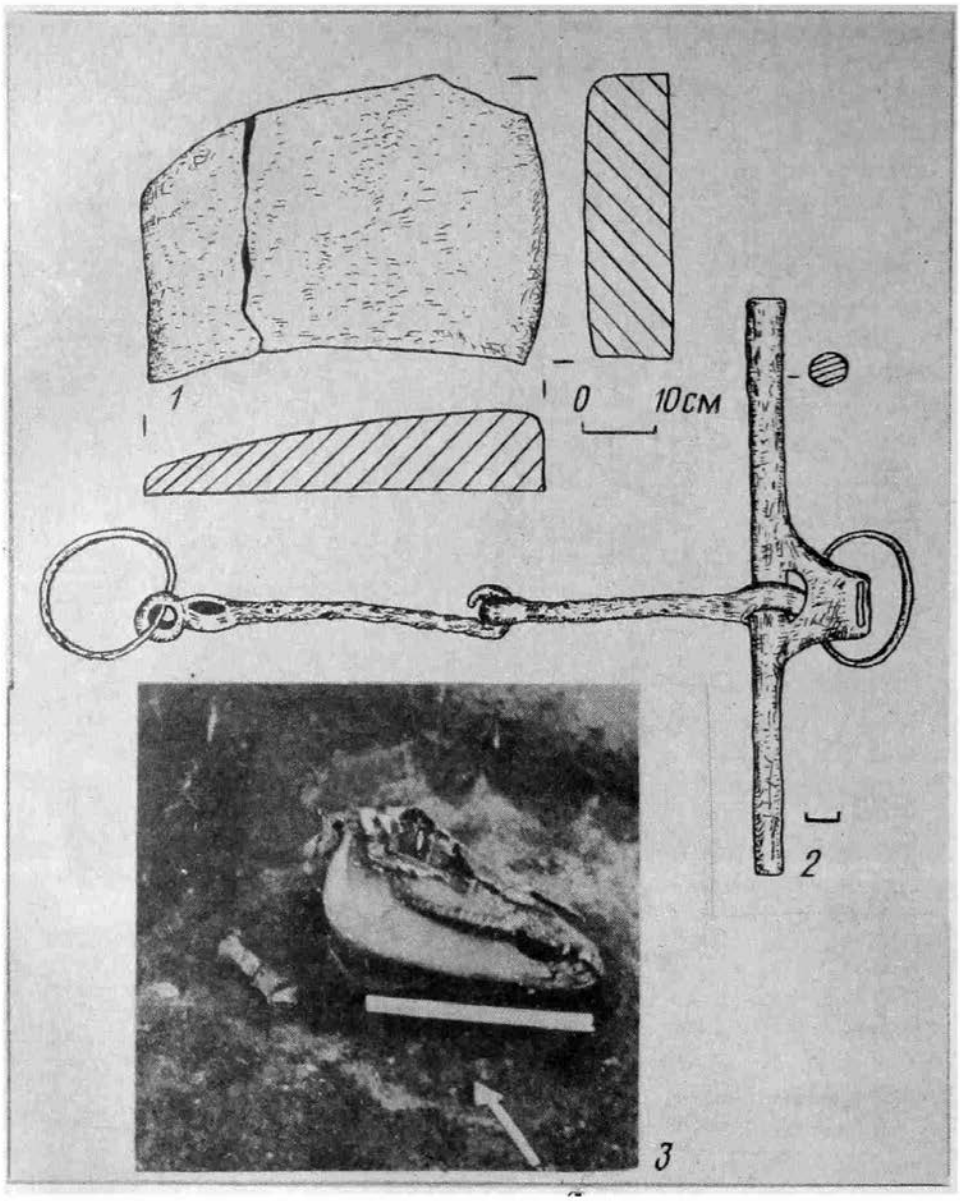


Рис. 6. *1* — алтарный камень; *2* — удила из жертвоприношения 6; *3* — жертвоприношение 5

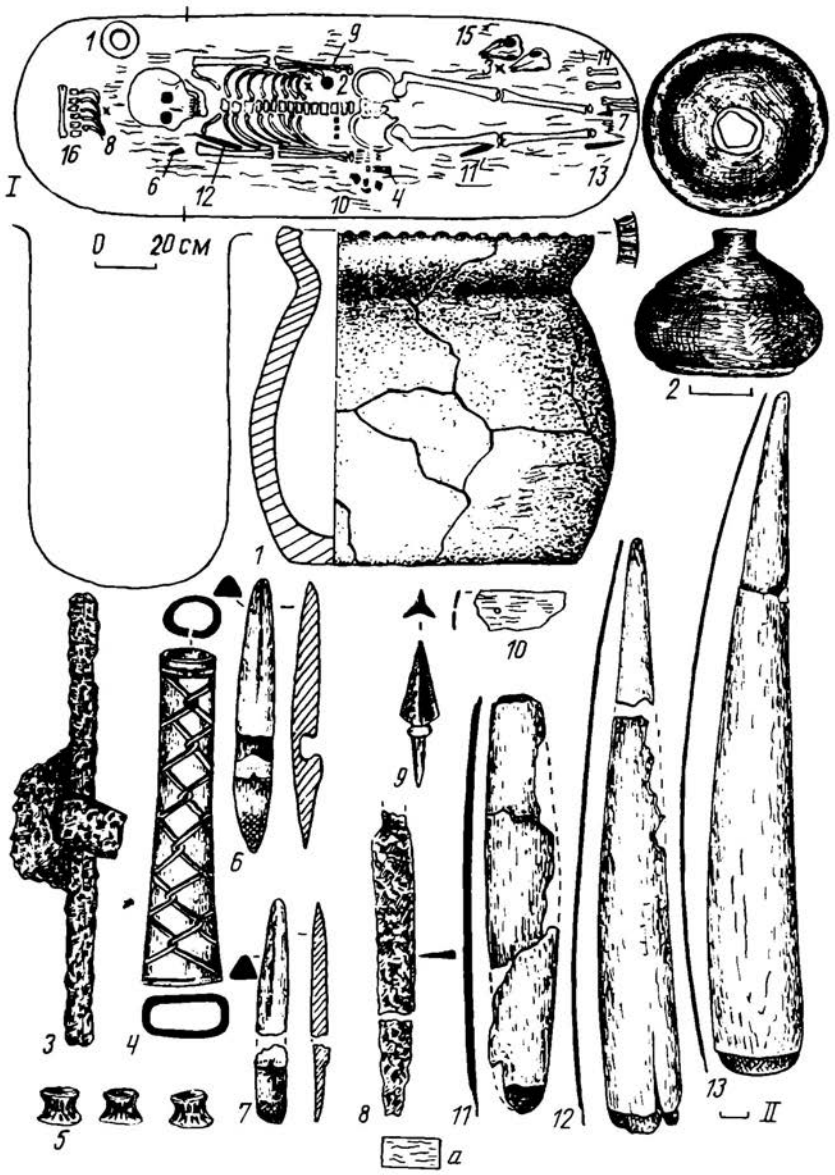


Рис. 7 Погребение 2 кургана 15 Первого Власовского могильника (I). *1* — глиняный сосуд; *2* — бронзовый кистень; *3* — железный псалий; *4* — костяная трубочка; *5* — рыбьи позвонки; *6, 7* — концевые костяные накладки лука; *8* — железный нож; *9* — железный наконечник стрелы; *10* — фрагмент деревянной чаши; *11—13* — срединная (II) и фронтальные костяные накладки лука; *14* — конечности овечьих ног; *15* — овечьи черепа; *16* — жертвенное животное. *а* — органическая подстилка

1992

О ПЕРСПЕКТИВАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОКРЕСТНОСТЯХ С. ТЕРЕШКОВО БОГУЧАРСКОГО РАЙОНА

Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Тезисы докладов научной конференции. Липецк, 1992. с. 27-29.

Среди исследуемых археологических микрорайонов в пределах Воронежской области (Нижневоронежский, Костенковско-Борщевский, Острогожский, Власовский и др.) весьма важное место должен занять участок территории, включающий село Терешково. И это обусловлено не только тем, что он расположен на юге области, связывая тем самым лесостепные и северостепные пространства с их специфическими проявлениями исторических процессов древности, но и, что не менее существенно, именно здесь удалось обнаружить памятники практически всех археологических эпох периода геологической современности (голоцена) — от мезолита до средневековья.

Данное обстоятельство, наряду с определением характера распространения памятников конкретного времени, может стать ключом к осмыслению их движения «по вертикали». Именно в этом может быть заключена уникальность конкретно очерченной территории.

Одним из несомненно центральных памятников рассматриваемого археологического микрорайона является дюна Терешковский Вал, расположенная при слиянии рек Богучарки и Дона (в правобережной их части). Проведенными в 1989-90 гг. экспедицией Воронежского педагогического института раскопками установлено, что впервые здесь оставили следы в виде кратковременных сезонных стоянок представители племен мезолитической эпохи. Судя по характеру кремневых изделий — пластин и их сечений, определяется микролитоидный облик культуры, проникшей на Дон из юго-восточных пределов (Северо-Восточный Прикаспий, районы Средней Азии) в связи с глубокой аридизацией климата и началом новокаспийской трансгрессии Каспия в конце мезолита (VI тысячелетие до н. э., возможно, его вторая половина). Следующим по времени на дюне появляется уникальный грунтовый могильник мастеров по изготовлению каменных наконечников стрел, — выходцев из северного, лесного пережиточно неолитического мира. На основании ряда признаков их можно рассматривать как группу зависимого населения в рамках ямно-катакомбной этнокультурной среды (вторая половина III — начало II тыс. до н. э.). Источники такого рода проливают свет на появление очень важных процессов на данном историческом этапе развития, которые могли иметь место при условии оформления сложных социально-политических структур. Здесь же на дюне обнаружены и следы всех последующих периодов эпохи бронзы в виде захоронений и жилых построек ямной, катакомбной, срубной культур. Особо отметим находки остатков медеплавильных печей в сопровождении большого количества глиняных сосудов, а также изделий из кости и бронзы, принадлежавшие населению финального этапа эпохи бронзы (рубеж II-I тыс. до н. э.), культура которых находит прямые аналогии в памятниках белозерского типа

территории Украины. Следует добавить, что еще раньше неподалеку от дюны, в обнажении правого берега Дона был извлечен клад бронзовых изделий (в литературе — Терешковский клад) — кельтов, серпов, ножа-бритвы, датируемый примерно тем же отрезком времени и доказывающий существование связей с тем же юго-западным регионом. Наконец, на дюне были обнаружены раннесредневековое кочевническое захоронение тюркского этнокультурного мира (древнеболгарское, VIII-X вв. н. э.) и следы стоянки бродника (XII-XIII вв. н. э.).

Культурно-хронологичские интервалы в истории освоения дюны Терешковский Вал достаточно наглядно заполняются материалами из других расположенных вблизи памятников. Так, керамика энеолитического облика (репинская культура) и абашевско-срубного типа собрана на участке первой террасы Дона у северной окраины села Терешково; одно из погребений выдающегося представителя племен покровско-абашевского культурного ареала (наряду с катакомбными захоронениями, среди которых выделяется погребение местного мастера по изготовлению стрел) изучено при раскопках курганного могильника Высокая Гора). Здесь же обнаружено скифское воинское захоронение с большим количеством бронзовых и железных трехгранных и трехлопастных втульчатых наконечников стрел (V-III вв. до н. э.), а также несколько половецких захоронений начала золотоордынского нашествия (середина — вторая половина XIII в.). Среди последних — два ханских захоронения, мужское и женское, с соответствующим такому социальному рангу набором заупокойного инвентаря (бронзовые котлы, золотые фибула и перстень, пояса из серебряных пластин с позолотой и каменьями, серебряные пиалы и т. д.).

Естественно, что в данном этапе наших изысканий возникает целый ряд вопросов, и в частности: природно-географические или исторические факторы в большей степени предопределили в этом районе столь сильную концентрацию этно-исторических проявлений разных эпох и культур; что это за факторы конкретно; если исторические, то сугубо ли они экономического содержания, или же за ними стоит передача традиций религиозно-культового (а отсюда — и социального) характера в широком диапазоне времени? Последнее, кстати, имеет основание для самого серьезного осмысления, поскольку надо объяснить, почему на одном месте (дюна Терешковский Вал) производились грунтовые захоронения представителей разных культурных образований и разного времени в противовес обычаю погребальных устройств той же культурной принадлежности под курганами, которые в большом количестве расположены по соседству; почему в пределах одного курганного могильника (Высокая Гора) находились социально сопоставимые княжеские (особо престижные) захоронения от эпохи бронзы до средневековья) и т.д.

Как вытекает из нашего краткого изложения, Терешковский микрорайон представил весьма интересные данные, хотя изучение его, по сути дела, только начинается. Продолжение здесь работ на основе постоянного их включения в сферу исследований экспедиций ВГПИ (а при желании — и других исследовательских служб) весьма, на наш взгляд перспективно и может способствовать реализации информационного банка, заложенного в таком объекте научного познания, каким является археологический микрорайон.

1993

ДОН — ВОСТОЧНАЯ ГРАНИЦА ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКОГО МИРА (К РАЗРАБОТКЕ ОДНОГО ИЗ НАУЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ)

Археология Доно-Волжского бассейна: межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 1993. С. 103-107

Центральное местоположение бассейна Дона в системе трех крупнейших (наряду с Днепром и Волгой) рек Восточно-Европейской равнины, пересекающих ее с севера на юг, а также физико-географические условия лесостепи и степи, во многом определяют его особую роль не только в археологии Восточной Европы, но и Евразии в целом.

Прежде всего отметим, что открытые лесостепные и степные пространства с сильно развитой речной системой способствовали легкости их освоения, начиная с древнейших времен, и особенно — с периода появления транспортных средств передвижения. Именно здесь могут фиксироваться признаки миграционных процессов, преемственности и параллельного бытования традиций самых разных археологических культур. Другими словами, здесь скрещивались исторические судьбы древних этносов с присваивающим и с производящим типом хозяйствования, стоявших на разных уровнях общественной организации, имевших своеобразные религиозно-культовые воззрения и т.д. Активизация отмеченных процессов должна была побуждаться и тем, что в лесостепи, например, запас фито и биомассы в несколько раз превышал такого рода показатели сопредельных физико-географических зон, и, следовательно, здесь предполагалась вдвое большая демографическая емкость при сохранении присваивающих укладов экономики. Вместе с тем, огромная кормовая база в виде злакового разнотравья и плодородные черноземные почвы должны были привлекать в лесостепь древних скотоводов и земледельцев, что в целом предполагает появление исторической специфики региона — полиэтничность и полилинейное развитие социально-экономических структур на фоне разнообразных форм их взаимодействия.

Отсюда вырисовываются неограниченные перспективы археологических изысканий в бассейне Дона, которые могут затрагивать самые различные аспекты истории прошлого. Не случайно этот регион представлен памятниками всех археологических эпох от палеолита до средневековья включительно, а их типологическое и функциональное разнообразие позволяет и в дальнейшем совершенствовать методику полевых исследования с применением данных физико-химического, математического анализов, аэрофотосъемки и т.д. Касаясь типологии археологических памятников Дона, отметим, что здесь они представлены стоянками на возвышенных участках и в поймах рек, обширными поселениями и местами перекочевок, святилищами в виде наземных и подземных лабиринтов, грунтовыми и курганными могильниками, городищами и кладами.

Не будет преувеличением сказать, что именно на основе научения донских памятников зарождались важнейшие направления в русской археологии. Это прежде всего касается эпохи палеолита (раскопки всемирно известных стоянок у села Костенки

ведутся уже более ста лет), а также археологии восточных славян (сложившейся на базе раскопок городищ и курганных могильников близ города Воронежа) и археологии алано-болгар раннего средневековья (сложившейся на базе раскопок Маяцкого археологического комплекса и рода других памятников).

Интенсивно проводимые в последние десятилетия раскопки позволили выявить в лесостепном Придонье стоянки эпохи мезолита, причем устанавливается факт проникновения мезолитических племен на Дон с Юго-Востока, возможно из Среднекаспийского региона. Это пока древнейшие следы миграционных процессов, затронувших бассейн Дона в период геологической современности.

Свое обоснование получило также выделение на Дону целого ряда культур и культурных типов эпохи неолита, среди которых особое место занимает среднедонская неолитическая культура накольчатой керамики.

Следует отметить широкий размах исследования памятников эпохи энеолита и бронзового века. Имени с этого времени вплоть до средневековья на Дону распространился обычай сооружения курганов. Достаточно сказать, что только в пределах Воронежской области их насчитывается несколько тысяч. Большинство памятников еще ждут своего исследования, но и проведенные раскопки позволяют ставить вопрос о функционировании сложных экономических структур и социально-политических объединений, неоднократно, еще до сложения Киевской Руси, подходивших к барьеру государственности. Уже сейчас можно говорить о существовании в глубинах бронзового века строгой сословности, имущественной дифференциации, о наличии политических приоритетов и подчиненности на межэтническом уровне. Думается, что без понимания характера донских материалов среднестоговекой, репинской, древнеямной и катакомбной культур (энеолит, ранний и средний периоды эпохи бронзы) не может быть в полном объеме восстановлена история племен европейских культур шнуровой керамики. Материалы эпохи бронзы позволяют улавливать связь населения Дона с восточной ветвью индоевропейской языковой общности периода выделения из ее среды древнейших индоиранцев и индоариев. При этом фиксируются затрагивавшие Дон мощные миграционные процессы, имевшие как восточные, так и западные направления своего развития. В связи с этим нельзя обойти стороной и весьма красноречивые параллели в донских и микенских погребальных комплексах с деталями колесничьей упряжи (конец среднего периода эпохи бронзы).

К числу центральных проблем археологии Дона относится и всестороннее изучение памятников раннего железного века. Как показывают имеющиеся материалы, здесь развертывались многоплановые взаимодействия местных этносов и представителей скифского, а затем — сарматского этнокультурного мира при заметной доле участия в этом взаимодействии населения античных городов-государств Северного Причерноморья. Последнее, в частности, наглядно иллюстрируется уже далеко не единичными находками в донских курганах и на городищах греческой и римской посуды, украшений из золота, серебра, египетского фаянса, стекла и т.д. С этого времени особенно ярко с учетом привлечения данных палеолингвистики и топонимики, а также письменных источников, фиксируется связь конкретных групп местного населения о историческими этносами индоиранской и финноугорской языковой принадлежности.

Это же находит свое детальное обоснование при изучении многочисленных донских памятников более позднего времени — периода средневековья. Следует подчеркнуть, что значительная часть древней истории Дона, задолго до скифского време-

ни, проходила на фоне сложных взаимодействий выделяющихся обществ номадов и оседлых груш населения.

Наконец, особое место принадлежит и раннеславянским памятникам, показывающим свою далеко не однородную этнокультурную принадлежность. При этом важно отметить, что бассейн Дона во все времена служил не только зоной передачи и аккумулирования новых идей и практических достижений, но являлся местом, где шел процесс формирования новых этносов. Однако этот процесс, в силу специфики региона, ни на одном из исторических этапов не был завершен до конца.

Таким образом, распределение донских памятников по всей шкале археологических эпох (начиная с палеолита), разнообразие источников в рамках каждой из эпох, свидетельства широких передвижений и взаимодействий древних этносов народу с сохранением традиционных линий развития в широком спектре жизнедеятельности — все это позволяет археологии Дона выйти на разработку проблем Евразийского масштаба.

Именно здесь открываются возможности изучения самых разнообразных процессов древней истории в динамике, в широкой временной протяженности, Это приложимо и к сфере экономики, при изучении ее форм и темпов развития на фоне изменения экологических условий; и к сфере социально-политической в самых различных ее проявлениях.

Именно здесь имеются широкие возможности изучения культурогенеза, этногенетических процессов древности, а также отслеживания этнической истории отдельных групп населения. Упомянутая выше историческая специфика донского региона позволяет вести широкомасштабные работы в плане синхронизации и датирования разнокультурных вещественных комплексов и обрядовых признаков, а на их основе — конкретных периодов истории древних этносов.

Перечисление возможных направлений исследовательской деятельности на Дону можно было бы и продолжить. Но, в то же время, следует иметь в воду, что пока еще далеко не полностью выяснен спектр причинно-следственных связей исторических процессов древности, степень их универсальности и региональной специфики. С этой целью еще предстоит обобщение имеющихся материалов, а также продолжение работы по пополнению источниковой базы и ее научной систематике, в рамках чего должны найти место и ретроспективный анализ, и комплексный подход к оценке всей суммы источников.

Как вытекает из изложенного выше, перспективы археологического изучения бассейна Дона практически неисчерпаемы как в плане совершенствования процесса раскопок, так и в плане реализации новых методико-теоретических подходов к имеющемуся кругу научных проблем, что естественно, не может быть охвачено рамками одного из отдельно взятых научных направлений. На основе широкого выбора тематики особое значение приобретает такое направление, как «Дон — восточная граница древнеевропейского мира». Обращение к данной теме продиктовано целым родом соображений.

Прежде всего, Дон (Танаис) являлся в представлениях античных авторов историко-географических трудов зримым пределом европейской ойкумены, за которым простирался бескрайний и во многом чуждый им азиатский этнокультурный мир.

Но могла ли эта граница быть непроницаемой для контактов разноэтничных групп населения, и могла ли она вообще уметь место на фоне развертывания общеисторических процессов? Где, когда и каким образом зарождались и по каким направлениям затем распространялись те или иные идеи и новации?

Совершенно очевидно, что ответы на эти вопросы предполагают подключение наработок по многим из отмечавшихся выше проблем, а также и по таким, как «Палеоэкология древних культур европейской лесостепи», «У истоков номадизма», «Греки и иранцы в бассейне Дона», «Дон в эпоху великого переселения народов». Взаимосвязь названных проблем проступает не только по географическому признаку своего изучения, но и по внутреннему содержанию, включающему рассмотрение процессов преемственности и инноваций.

Разработка названного научного направления предусматривает включение и таких важных разделов, как «История мировой археологии», «История развития российской археологии», «Археология и естественные науки», «Методы полевой археологии», «Информативные возможности археологических источников». Их включение позволит, с одной стороны, более четко определить роль избранного направления в общей системе археологических знаний, а, с другой стороны, — скорректировать его региональную историческую специфику.

Очевидно также, что реализация данного направления должна вестись усилиями большого коллектива сотрудников, специализирующихся не только по разным периодам и проблемам археологии, но и в области смежных фундаментальных и прикладных научных дисциплин.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ УСТРОЙСТВЕ ЯМНО-КАТАКОМБНОГО ОБЩЕСТВА В БАССЕЙНЕ ДОНА

Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон восточно-европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. Тезисы докладов научной конференции (Тула, 29 ноября — 5 декабря 1993 г.). Тула, 1993. С. 67-69.

Распространение с древнеямного времени на Дону подкурганного обряда захоронений — важный показатель глубоких социальных изменений в обществах, воспринявших данный обряд. Здесь обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых — иррациональный характер производства трудоемких и сложных надмогильных сооружений. Такого рода деятельность противоречит целям достижения жизнеобеспечения общества, если бы она была направлена на каждого из его членов. Во-вторых, при казалось бы большом количестве подкурганных захоронений эпохи бронзы, их процент относительно предполагаемой палеодемографами общей численности населения того времени явно мал. Эти обстоятельства побуждают видеть в большинстве курганных погребений (исключая впускные, произведенные в процессе перекочевок, а также — жертвоприношения) захоронения выдающихся лиц и их ближайшего окружения, занимавших верхние ступени в социальной иерархии общества. В известном смысле можно считать, что появление курганов отражает те же идеологические устремления, какие побудили к сооружению монументальных гробниц древневосточных цивилизаций. Особенно важно подчеркнуть относительную синхронность внедрения сходных идей у обществ, разделенных, казалось бы, и пространством, и спецификой природного окружения. Сейчас имеется известная сумма источников, фиксирующих в древнеямной среде сословное деление (воины-вожди, служители культов, свободные общинники, группы зависимого населения). Однако, требует серьезных обоснований сама степень социальной дифференциации, а также определение форм общественной организации. Новые материалы из бассейна Дона проливают свет на решение такого рода вопросов.

Синхронно бытованию древнеямных памятников фиксируются материалы иванобугорского типа — субкультуры, оставленной своеобразной этнической группой с явными признаками социальной зависимости от древнеямного этнокультурного мира (можно предположить между ними даннические отношения). Этот вывод основан на результатах изучения топографии находок, их процентного соотношения, особенностей хозяйственных укладов, величины и вариабельности вещественных комплексов и т.д.

Социально зависимое население сохранилось и в последующее время, с формированием на Дону катакомбной культуры. При этом оно модифицировало признаки своей культуры (получила название «воронежская»), приспосабливаясь к условиям и требованиям нового (и доминирующего) этнокультурного окружения. Население воронежской культуры — продолжательницы культуры иванобугорской — в известной степени, выступало и в роли «амортизатора» во взаимоотношениях катакомбных и местных (ранних) абашевских племен, имея свои обязательства и перед последними.

В северо-степной части Дона на дюне Терешковский вал недавно выявлен грунтовый могильник мастеров по изготовлению каменных наконечников стрел. В той же округе расположены многочисленные курганные группы, в которых есть древнеямные захоронения. Могильник мастеров — того же времени. Но удивительно то, что все типы

наконечников стрел отражают традиции северного, лесного пережиточного неолитического мира, однако известно, что и в древнеямной, и в катакомбной среде погребения местных мастеров (в том числе и по изготовлению наконечников стрел) отмечены особо престижными чертами, включая специальные досыпки курганов. Можно заключить, что в пределы древнеямного мира была внедрена иноэтническая группа, обладавшая определенными производственными навыками. Социально зависимый характер выходцев из северных лесных краев здесь достаточно очевиден, а, следовательно, само их внедрение имело насильственный характер. Все это взаимосвязывается с предположением о статусе подчиненности отмеченных ранее этнокультурных групп донского населения, хотя мы и не ставим вопроса о наличии такого рода отношений в самых широких масштабах. Но это же не позволяет ограничиваться признанием появления в ямно-катакомбной среде лишь домашнего рабства. Напомним также уже многочисленные случаи насильственного умерщвления жертв при основных ямных и катакомбных захоронениях, иногда различающихся и по антропологическому типу.

Сейчас становится возможным более четко оперировать археологическими признаками и их комбинациями (бронзовый нож — шило, флейты «Пана», курильницы, «четки», молоточковидные булавки и т.д.) для выделения захоронений служителей культа. Один из донских могильников (Первый Власовский), наряду со специфическими для служителей культа признаками, состоял из захоронений только мужского пола, что позволяет видеть в нем место погребения членов обособленного клана жрецов, где наследование профессии велось по мужской линии. На существование сильного жреческого сословия в катакомбном обществе указывают стандартные параметры жертвенных сооружений, обнаруживающих поразительное сходство с ведическими установками давних ариев. Но, как устанавливается, еще на своей евразийской прародине последние имели сложную, и, по всей видимости, гибкую социально-политическую структуру, что и предрешило, в конечном счете, успех их завоевательных предприятий.

Приведенные выше примеры по своей сути не могут быть умещены в рамках традиционных представлений о первобытнообщинном строе. Видимо, ямно-катакомбное общество центра Восточной Европы структурно не представляло уже собой и тип племенных союзов (по образцу североамериканских индейцев). Социально-политические основы ямно-катакомбного общества практически соответствовали раннегосударственным образованиям, не поднимаясь до их классических форм из-за отсутствия таких признаков, как письменность и градостроительство. Не имелось здесь необходимой почвы и для широкого распространения рабовладения. Однако, последнее не было характерным для любого раннегосударственного образования, в укладе которого приоритетную роль играло скотоводческое направление. А именно таковыми были носители древнеямной, и, в известной степени (и на определенных территориях) носители катакомбных культур.

Апогей подхода к «стенам государственности» в донском регионе приходится на время, сопряженное с появлением носителей покровско-абашевской культуры, привнесших из восточных областей (вместе с мощью боевых колесниц) особенно ощутимые элементы культуры древнеарийского и древнеиранского этносов. Данное заключение базируется на сходстве покровско-абашевской погребальной обрядности (выраженной археологическими источниками) и свидетельств Ригведы.

Позднее, с оформлением на Дону срубной культуры, информация в интересующем нас плане заметно приглушается, а это, в свою очередь, требует поисков новых критериев при анализе источников.

НИЖНЕСТОРОЖЕВСКАЯ СТОЯНКА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж, 1993. С. 29-47.

Нижнесторожевская стоянка располагалась на правом берегу Дона, в 2,5 км ниже по течению от парома села Сторожевое Острогожского района Воронежской области, на краю первой надпойменной террасы, почти вплотную примыкающей в этом месте к урезу реки. Сравнительно небольшая и ровная площадка террасы, поднятая на пять метров над поймой, полукругом оконтурена высокими мысами с меловыми обнажениями (рис. 1, а).

Стоянка обнаружена в 1968 году в ходе разведочных работ экспедиции Воронежского педагогического института [1], а в 1969 году был заложен раскоп в 240 м^2 [2], который, судя по степени концентрации находок, почти полностью охватил границы стоянки (рис. 1, б). Культурный слой вдоль берега частично разрушен рекой. Литология памятника следующая (сверху вниз)[1]: (в метрах)

дернина	0-0,5
плотные светло-серые илистые отложения с прослоями ракушечника	0,05-1,75
погребенная дернина	1,75-1,80
плотный - слабо гумусированный слой рыжеватого цвета (от глинистых включений)	1,80-2,00
темный гумусный слой	2,00-2,30
осветленный гумус с глинистыми и меловыми включениями	2,30-2,55
темный гумусный слой	2,55-2,95
светло-желтые материковые глины	2,95 и ниже

В северной половине раскопа можно было наблюдать переход отложений к материку через слабо притемненный прослой, насыщенный глиной и мелом. На некоторых участках отмечались старые промоины, заполненные селевыми деллювиальными компонентами.

Таким образом, общая мощность наслоений на ненарушенной площади памятника составила около 2,95 м.

Культурные остатки в виде фрагментов керамики и костей животных приурочены к нижней части рыжеватого гумусированного слоя, верхнему темному гумусному слою, а также нижележащему осветленному слою, т.е. начиная с глубины 2,1 м и до 2,65 м (от нулевой отметки). Выше и ниже отмеченных глубин попадались лишь единичные находки. При этом на глубине 2,1-2,3 м залегало небольшое количество костей и керамики (включая развал сосуда), типологически выпадающей из основной массы находок. Это керамика эпохи раннего железа, среди которой есть фрагменты с рогожным орнаментом (рис. 2, 2-4). На том же уровне, рядом с развалом сосуда

[1] Приведены наблюдения на участке пересечения линий У и Д (рис. 1, в).

(рис. 2, 1), выявлены железный нож (рис. 2, 11) и остатки открытого очага (рис. 1, 6).

Основная же часть материалов (3080 фрагментов сосудов, 959 единиц костей) залегала на глубине 2,45-2,65 м от нулевой точки, и, таким образом, была отделена от уровня поверхности стоянки раннего железного века пустым прослоем толщиной не менее 0,15 м.

Керамический материал совершенно однороден по технологическим признакам. Сосуды делались из плотного теста с примесью мелкого песка. Обе поверхности гладкие. Внешние стороны имеют кирпично-красный, варьирующий в оттенках цвет, а внутренние, как правило, — темные. Все сосуды характеризуются яйцевидной формой тулова и небольшими плоскими донышками без закраин.

Керамика такого облика широко представлена на стоянках лесостепного Дона и ныне рассматривается в рамках воронежской культуры эпохи средней бронзы. В свое время В.И. Беседин разработал ее типологию, выделив горшки, горшковидные сосуды, банки и чаши [3, с. 64-68]. В виду известной фрагментированности материала стоянки нам не удалось с необходимой долей объективности определить наличие чашевидных сосудов. Кроме того, при рассмотрении горшков мы ограничились рассмотрением только двух их типов.

Горшки. Тип А. Имеют стройные пропорции (высота равна или превышает наибольший диаметр сосуда), высокое прямое или слегка раструбовидное горло с горизонтально срезанным верхом (рис. 3). Наибольшее расширение приходится на верхнюю треть высоты сосуда. Диаметры венчиков выдержаны в пределах 22-24 см. Орнаментированы рядами расчлененных насечками налепных валиков по горлу и на раздутой части тулова. Под горлом (а иногда и на нем) обязателен поясок из глубоких ямок разных очертаний. Отмечена «паркетная» композиция из прочерченных линий, а также зоны из горизонтальных рядов ямочных вдавлений. Есть основание полагать, что горшки этого типа украшались по всей поверхности, включая и днища.

Тип Б. Сосуды тех же пропорций, с резко отведенным наружу венчиком средней высоты, с ребристым переходом их к тулову на внутренней стороне (рис. 4, 1-8). Венчики нередко имеют раздутость, а иногда отмечены желобчатостью. Верх венчиков приострен или ровно срезан, Сосуды украшены по всей поверхности ямчатыми вдавлениями, насечками, ногтевыми вдавлениями и пальцевыми защипами. Последние в одном случае образуют диагональную композицию (рис. 4, 2). У ряда сосудов украшался срез венчика. Как и для горшков предыдущего типа, столь же типичны пояски из ямок при переходе горла в тулово.

Горшковидные сосуды имеют заметно зауженную шейку и слегка намеченный отведенный наружу закругленный или приостренный венчик. Орнаментированы рядами насечек, ногтевых вдавлений и пальцевых защипов (рис. 4, 9; 7, 1-4).

Баночные сосуды характеризуются теми же стройными пропорциями, имеют относительно прямой профилированный верх, завершающийся утолщением. Размеры сосудов достаточно стандартны, с диаметром верха 24-26 см (рис. 5; 6). Орнаментированы рядами ямочных вдавлений (чаще в виде оттиска торцом рубчатого штампа). Почти во всех случаях внешние стороны венчиков украшены насечками. В орнаментации отмечен и прочерченный элемент, образующий треугольную паркетную композицию (рис. 6, 1, 2).

Кроме всех перечисленных выше элементов украшения, лишь на одном из фрагментов имелись оттиски шнура (рис. 7, 7). Отметим также, что ямочные вдавления в

ряде случаев наносились в «отступающей» манере.

Близость всех названных типов сосудов между собой доказывается не только тождеством технологических признаков, но также наличием промежуточных форм (рис. 7, 1), общий и орнаментальными элементами и взаимовстречаемостью мотивов и композиций орнамента. При этом еще раз напомним, что и по условиям залегания (поглубинному и планиграфическому) весь рассмотренный материал не имеет признаков членения, а поэтому в целом должен замываться весьма узкими культурно-хронологическими рамками. С учетом же характера остеологических данных, широко представленных костями крупных животных[1], сам памятник может быть определен как сезонная стоянка небольшой группы пастухов[2]. Не исключено, что здесь же, ближе к меловым отрогам, под их укрытием был устроен и загон для скота. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что приведенная функциональная оценка памятника подтверждается отсутствием обязательных для стационарного поселения искусственных нарушений слоя в древности[3], а также почти полным отсутствием других, типичных для поселений, категорий находок. Здесь всего лишь найдены заготовка каменного топора (рис. 2, 6), каменный терочник (рис. 2, 7) и три глиняных пряслица (рис. 2, 6-10).

Принадлежность Нижнесторожевской стоянки воронежской культуре сомнений не вызывает. Вопрос, однако, заключается в том, насколько соответствуют признаки этого памятника существующим разработкам периодизации, хронологии и генезиса названной культуры.

Прежде всего мы сталкиваемся с очевидным фактом того, что сосуды стоянки находят полные аналогии среди материалов, на основании которых исследователи выделяют и первый и второй этап развития культуры. Так, именно горшкам типа А (с заимствованными от гончарных традиций среднедонской катакомбной культуры трехчленным профилем, орнаментальными налепными валиками, «паркетными» композициями из прочерченных линий)[4] маркируется первый этап [6, с. 19-20], с которым связывают также и пойменный характер топографии памятников [6, с. 20]. С другой стороны на стоянке представлены сосуды с желобчатой шейкой, а также сосуды других типов с орнаментом из вдавлений и защипов (горшки типа Б, горшковидные сосуды, банки), которые привлекаются для выделения памятников второго этапа [6, с. 20].

В принципе можно было бы согласиться с тем, что Нижнесторожевская стоянка занимает как бы переходную позицию от первого этапа ко второму в процессе развития воронежской культуры, если бы однозначно решался вопрос о заимствовании ряда признаков (прежде всего – сосудов с желобчатым венчиком и захоронений в вытянутой позе) исключительно из абашевской культуры, а последняя была

[1] Остеологический материал специальному анализу не подвергался. Приводится его визуальная оценка.

[2] Возможно, что здесь имели место две-три сезонных стоянки, разделенные слишком краткими интервалами времени, чтобы их уловить археологически [4, с. 142].

[3] На всей площади раскопа в материке выявлено лишь одно искусственное углубление, которое, судя по данным стратиграфии; было сделано задолго до рассматриваемого времени, а потому не нарушило накрывающий ее культурный слой.

[4] Все эти признаки затем получили развитие на сосудах КМК, но они же типичны для развитого (второго) этапа местной катакомбной культуры, датированного нами в рамках XVII-XV вв. до н.э. [6, с. 157]. При этом имелось в виду, что он в целом предшествует появлению памятников КМК. Данная последовательность пока вряд ли может быть оспорена, тогда как сама хронологическая свита, возможно, будет сдвинута вглубь.

бы синхронна лишь поздним памятникам воронежской культуры, следуя за развитым этапом среднедонской катакомбной. Однако, как нам представляется, есть серьезные основания подходить и этому вопросу иначе.

Во-первых, желобчатый венчик — достаточно характерная деталь у сосудов не только абашевских, но и иванобугорских. К тому же последние включают и большинство других, общих с воронежскими сосудами признаков, на что нам уже приходилось обращать внимание [7]. Вообще же желобчатость венчика может рассматриваться как следствие гончарных традиций репинской культуры эпохи энеолита — весьма вероятной местной генетической подосновы в формировании и иванобугорской, и абашевской культур [8, с. 17-19]. Во-вторых, оттуда же, из энеолитической среды, наследуется и традиция захоронения умерших в вытянутой позиции [9, с.117-119]. Следовательно, вопрос переходит скорее в плоскость хронологического сопоставления названных культурных образований. Существует представление, что иванобугорские и воронежские памятники разделены чуть ли не полутысячелетним интервалом [10, с. 33]. Но так ли это? На той же Нижнесторожевской стоянке есть фрагменты сосуда, вообще не выходящего из круга иванобугорских древностей (рис. 4, 1), хотя его присутствие среди материалов кратковременной сезонной стоянки вряд ли является случайным. Дело в том, что совместное нахождение керамики этих двух культур — явление не единичное, а общее. Ближайшим примером тому могут служить материалы мысовых поселений Архангельского, Большого Сторожевого, Первого Мастищенского. На последнем, в частности, выявлены сосуды несомненно переходного типа. Нам и раньше приходилось отмечать, что иванобугорские материалы несут известный налет гончарных традиций катакомбного этнокультурного мира (появление у сосудов плоскодонности, некоторых орнаментальных композиций и т.д.) [9, с. 118], причем влияние это не ограничивалось только временем первого этапа среднедонской катакомбной культуры (верхняя граница которого датируется XVII в. до н.э.) [6, с. 156], а продолжалось и на протяжении ее второго этапа, когда в орнаментации распространились налепные валики, расчлененные насечками, а также композиции из заштрихованных треугольников вершинами вверх (рис. 3). Но именно эти признаки хорошо отражены и на сосудах воронежской культуры. Синхронность последних поздним материалам катакомбной культуры и КМК признана всеми и подтверждена совместным нахождением сосудов этих культур в рамках единых погребальных комплексов [11]. Таким образом, катакомбные признаки достаточно зримо фокусируют смыкание иванобугорской и воронежской культур в пределах XVII века до н.э. Вместе с тем воронежские материалы совмещаются в погребальных комплексах и с покровско-абашевскими [11], появление которых на Дону определяется XVI в. до н.э., но с возможным отклонением и в пределы XVII в. до н.э. [12, с. 66]. Отсюда следует, что воронежская культура имеет достаточно узкие рамки бытования, представляя скорее всего период этнокультурного распада на фоне политической активизации местного катакомбного и абашевского, и особенно — пришлого извне покровско-абашевского мира, — того процесса, в завершении которого на Дону сформировалась срубная культура. И, как показывают материала, воронежская культура к тому времени уже прекратила существование [10, с. 23][1]. Думается, что трудно пока членить время бытования воронежской культуры на периоды или этапы. Более определенно можно

[1] В этой связи представляется несколько завышенной датировка В.И. Бесединым верхнего рубежа воронежской культуры — XV веком до н.э. [6, с. 19].

говорить лишь о начальном и конечном ее рубежах. То ее членение, которое было предложено А.Д. Пряхиным и В.И. Бесединым, как раз и фиксирует эти рубежи, но, на наш взгляд, в обратном порядке, поскольку именно появление воронежских погребений под курганами[1], право- и левобочная скорченная позиция умерших, признаки восприятия рада других инокультурных традиций (КМК, покровско-абашевских) знаменуют завершение существования воронежской культуры, а не ее начало [5, с.20].

Что же касается донских абашевских памятников, предшествовавших покровско-абашевским, то они безусловно есть, и, как видим, они не только следуют за вторым этапом среднедонской катакомбной культуры, но синхронны и второму, и первому ее этапам, практически всему периоду бытования иванобугорской культуры, имея с последней, как уже отмечалось, общие генетические истоки. Они же сохраняли и общую, восходящую к репинской культуре, погребальную обрядовость.

При такой оценке хронологического соотношения культур лесостепного Дона полностью снимается тезис о полутысячелетнем барьере между иванобугорской и воронежской культурами. Более того, можно вполне определенно считать, что обе они отражают суть одного и того же этнокультурного образования, т.е. должны рассматриваться в качестве последовательных этапов его истории.

Теперь несколько замечаний по поводу того, насколько убедительными выглядят доказательства А.Д. Пряхина и В.И. Беседина об отсутствии связи между иванобугорскими и воронежскими материалами [10, с. 31-34]. Основной тезис оппонентов о хронологической несостыковке культур рассмотрен выше. Предположение о несоответствии хозяйственных укладов у населения двух культур тоже, на наш взгляд, не служит в качестве серьезного аргумента, поскольку речь идет не о синхронных группах населения, а о населении последовательных хронологических этапов исторического развития, в ходе которого хозяйственные уклады могли претерпевать самые разные изменения, множество примеров чему мы найдем в области этнографических наблюдений. Сопоставление в тех же целях погребений двух культур выгладит несостоятельным хотя бы потому, что среди полутора десятка относимых к воронежской культуре, половина погребений вообще не обнаруживает обрядовых признаков ввиду плохой сохранности, а прочие дают явный разброс признаков: здесь погребения и вытянутые и скорченные как на правом так и на левом боку, и грунтовые, и подкурганные [13, с. 71-74]. Наконец, не видеть сходства у сосудов двух культур можно лишь при большом желании. Чтобы не повторяться в доказательствах обратного, сошлемся только еще раз на сравнительную таблицу (рис. 8).

Естественно, что какие-то изменения должны были появиться в процессе длительного развития этнокультурного образования, иначе вообще снималась бы необходимость говорить о двух его хронологических этапах. Но при этом сами различия имели не только хронологический характер, а также территориальный, связанный с локализацией направления культурных связей.

[1] Полностью разделяем мнение об исконности для воронежской культуры либо обряда грунтовых захоронений [13, с. 76], либо под несохранившимися до наших дней небольшими земляными сооружениями [10, с. 26]. Заметим, что и Иванобугорский могильник был оборудован под небольшой насыпью. Что касается вопроса о терминологической номенклатуре, т.е. соотносить ли между собой иванобугорские и воронежские памятники как этапы одной культуры, или же сохранять за ними статус самостоятельных культур, то, на наш взгляд, это не будет иметь принципиального значения при соответствующем понимании существа протекавших исторических процессов.

Что же касается утверждения о генетической связи воронежской культуры со среднеднепровской (опосредованной обликом ранних сосницких материалов) [5, с. 21-22; 10, с. 33], то и здесь далеко не все аргументы могут быть приняты. Привлекается, к примеру, для этой цели, сходство в топографии и размерах памятников, а также преобладание в сравниваемых культурах высокорасположенных мысовых поселков. Само по себе данное наблюдение достаточно важное. Но оно вскрывает аспекты не столько этногенетические, сколько исторические (прежде всего — политические), указывая на сходную ситуацию обитания в условиях окружения сильной инокультурной среды. Напомним кстати, что аналогичные признаки присущи и иванобугорской культуре. Некоторые другие, отмечаемые исследователями черты сходства (применение прочерченной техники в орнаментации сосудов, «паркетные» композиции, украшение среза венчиков, воротничковое оформление верха сосудов и др.) [10, с. 32-33] могут являться, с одной стороны, следствием стадиальных процессов, а с другой стороны, результатом восприятия на уровне контактов разноэтнического населения, причем в последнем случае нацеленность таких контактов с востока на запад могла быть и сильнее, чем в обратном направлении. В этом плане вполне логичным выгладит предположение В.И. Беседина о миграции части населения воронежской культуры в западном направлении, в область расселения племен ранней сосницкой культуры [3, с. 24].

Учитывая же в целом специфику иванобугорской и воронежской культур, следует полагать, что они, как последовательные этапы единого этнокультурного образования, осуществляли функции определенного буфера, смягчавшего взаимоотношения между синхронно развивавшимися на Дону абашевской культурой, сдвинутой в глубинные лесостепные районы левобережья, и культурой катакомбной, занявшей юго-лесостепную и степную зоны[1].

При этом ряд уже упоминавшихся признаков (особенности топографии поселений, заметное восприятие катакомбных гончарных традиций, общая с катакомбными памятниками территория, специализированное рыболовство, а затем пастушество) указывают на определенное социально зависимое положение иванобугорского и воронежского населения в рамках общественно-политического устройства катакомбной среды. Такого плана зависимость значительно слабее улавливается по отношению к абашевскому обществу, что могло объясняться и известной степенью генетического родства. В данном же аспекте весьма важным является вывод В.И. Беседина относительно двойственности в происхождении металлических изделий воронежской культуры, попадавших как через посредство катакомбного, так и абашевского населения при отсутствии сколько-нибудь значительной роли собственной металлообработки [3, с.71-72]. Более же глубокое рассмотрение социального аспекта блокируется крайней слабостью источниковой базы по погребальной обрядовости у носителей иванобугорской и воронежской культур.

И последнее. На основании каких археологических критериев разделять название культуры между собой? Ответить на данный вопрос пока можно линь в самых общих чертах. Разделяющими признаками следует считать изживание характерных

[1] Интересно, что в левобережье, севернее пограничья Воронежской и Липецкой областей, катакомбных курганных могильников пока не встречено, хотя места кратковременных сезонных стойбищ этой культуры здесь есть. Данные картографии показывают, что иванобугорские и воронежские памятники, включая и захоронения, встречены как севернее так и южнее этой границы.

для энеолитического времени традиций, переориентацию связей с северным пережиточнонеолитическим миром, усиление влияния со стороны катакомбных племен. Все эти новации в комплексе лучше всего отражены в керамическом материале. Иванобугорские сосуды имеют круглодонность, желобчатый или раздутый венчик, украшение его среза (наследие местной репинской культуры); тонкостенность, примесь мелкого песка в тесте, густое ямчатое покрытие всей поверхности, ромбический штамп и ромбические мотивы орнамента (восприятие со стороны деснинско–белевских пережиточно–неолитических рыболовов и охотников); появление плоскодонности (начало катакомбного воздействия). Воронежским сосудам присуща та же технология, деградация желобчатого венчика, исчезновение круглодонности, ромбических элементов и мотивов орнамента, распространение, народу с ямочной, прочерченной техники с «паркетными» композициями, поясков из глубоких ямок под венчиком (следствие контактов с носителями пережиточно-неолитической культуры дронихинского типа [14, с. 34-36] и, отчасти, местной катакомбной культуры); появление орнаментальных валиков, трехчленного профиля, ногтевых сдавлений (катакомбное воздействие). Естественно, что перечисленные признаки, каждый по отдельности, еще не могут служить безупречным индикатором при культурно-хронологических определениях, поскольку необходимо учитывать непрерывность самого процесса перерастания культур, а отсюда — наличие материалов «переходного» типа, материалов с признаками пережиточных традиций и т.д. Но очевидно также, что эти признаки в известном своем сочетании определяют не только культурную принадлежность памятника, но и хронологические границы самих культур.

В соответствии с имеющимися такого рода данными Нижнесторожевская стоянка может быть отнесена к нижнему хронологическому рубежу воронежской культуры, в целом предшествующему времени широкого распространения на Дону памятников покровско-абашевского типа, т.е. не позднее XVII — начала XVI в. до н.э.

Литература

1. Синюк А.Т. Отчет о раскопках Воронежского пединститута Власовского могильника в Грибановском районе и поселения Нижнее Сторожевое в Острогожском районе Воронежской области в 1988 году. – Архив ИА РАН.
2. Синюк А.Т. Отчет о проведении работ в Богучарском и Острогожском районах Воронежской области в 1989 году. – Архив ИА РАН.
3. Беседин В.И. Воронежская культура эпохи бронзы // Эпоха бронзы Восточноевропейской лесостепи. – Воронеж, 1984. – С. 60-77.
4. Кларк Г. Доисторическая Европа. – М., 1953.
5. Беседин В.И. Воронежская археологическая культура эпохи средней бронзы. Автореф. канд. дисс. – Киев, 1988. – 24 с.
6. Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж, 1983.
7. Синюк А.Т. О происхождении и хронологии воронежской культуры эпохи бронзы // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы докладов. – Луганск, 1990. – С. 108-110.
8. Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона // СА. – 1981. – № 4. – С.8-19.
9. Синюк А.Т. Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейн Среднего Дона) // СА. - 1984. - № 3. - С. 105-121.
10. Пряхин А.Д., Беседин В.И. О выделении воронежской культуры эпохи бронзы // СА. – 1988. - № 3. - С. 21-37.
11. Синюк А.Т., Козмирчук И.А. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бас-

сейне Дона (по материалам погребений). – В печати.
12. Синюк А.Т. Погребения ямной и катакомбной культур Первого Власовского могильника // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж. - 1989. – С. 71-88.
13. Беседин В.И. Погребения воронежской культуры эпохи бронзы // Археологические памятники эпохи бронзы Восточноевропейской лесостепи. - Воронеж. – 1986 - С. 71-88.
14. Синюк А.Т. Дронихинский тип материалов пережиточного неолита лесостепного Дона // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы. Тезисы докладов. – Оренбург, 1986. - С. 34-36.

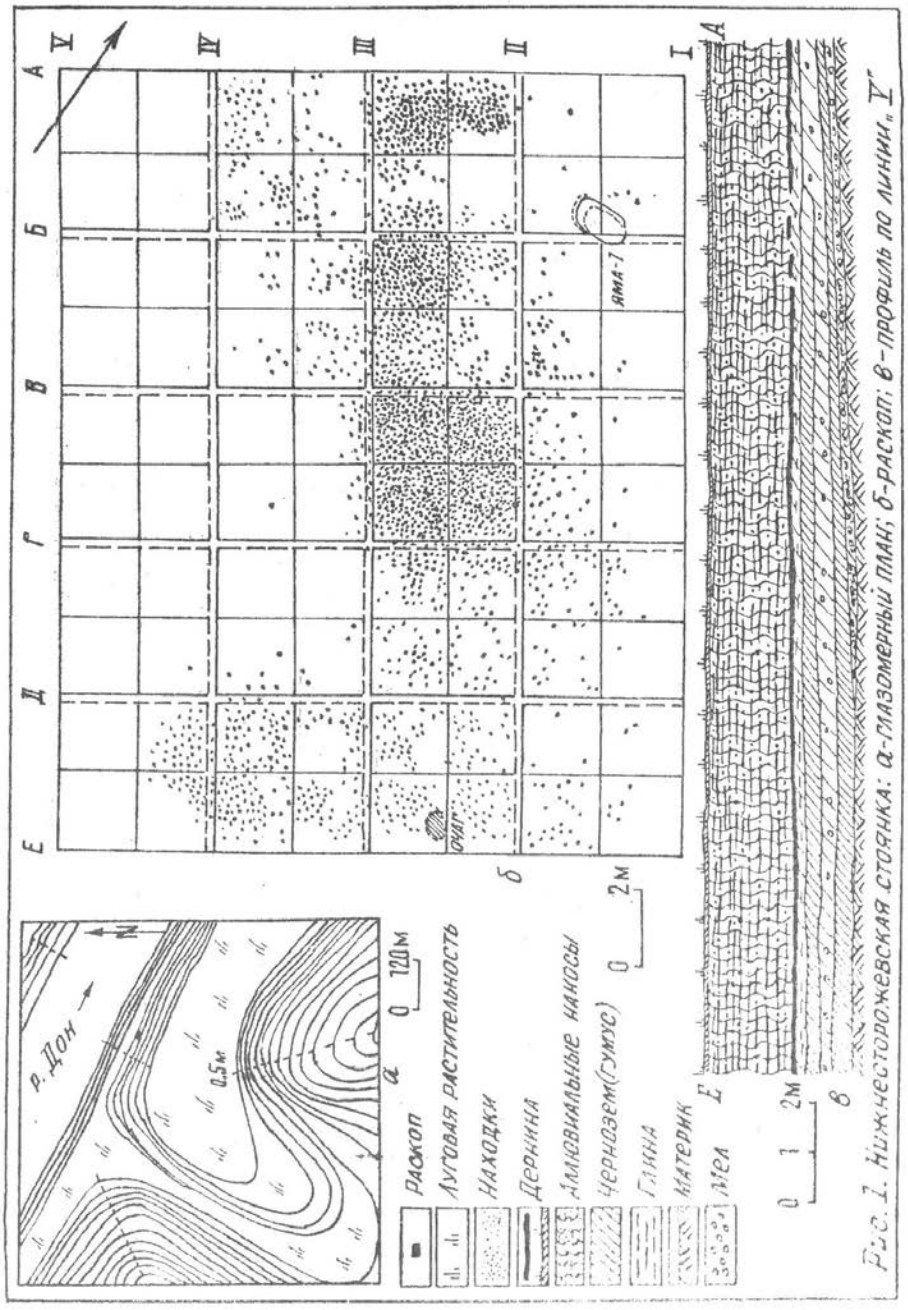


Рис. 1. Нижнесторожевская стоянка: а-глазомерный план; б-раскоп; в-профиль по линии "Г"

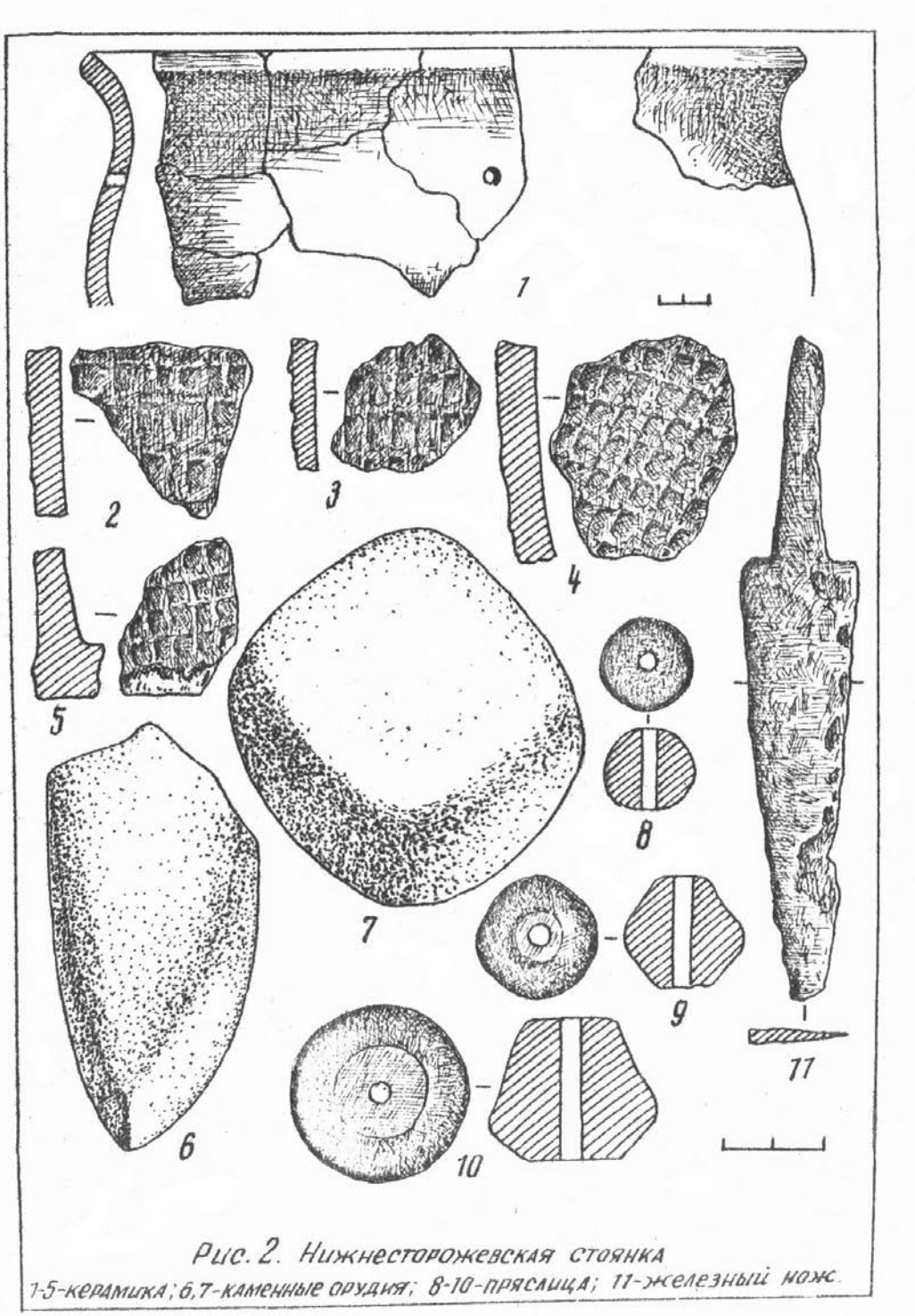


Рис. 2. Нижнесторожевская стоянка
1-5-керамика; 6,7-каменные орудия; 8-10-прясница; 11-железный нож.

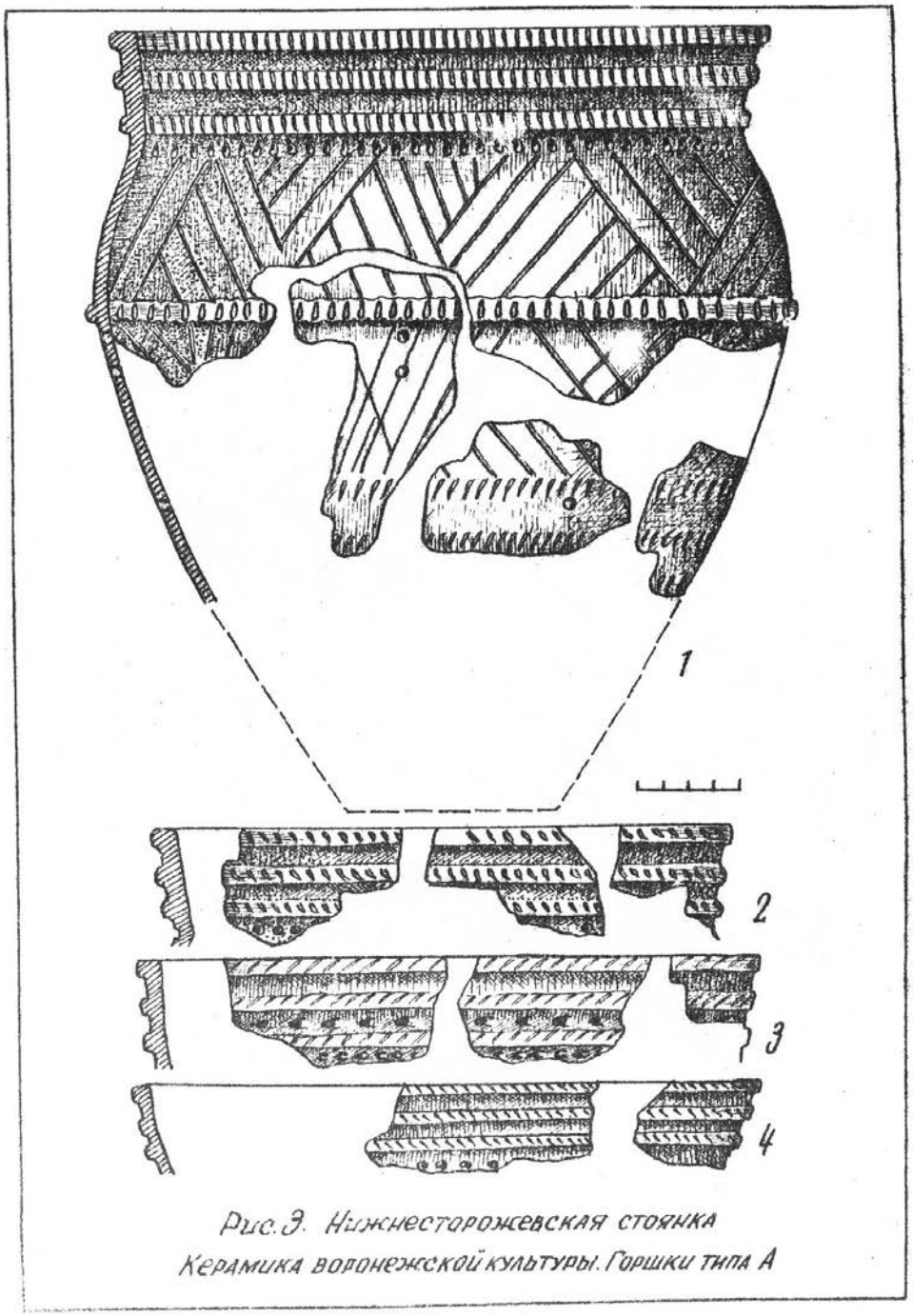


Рис. 3. Нижнесторожевская стоянка
Керамика воронежской культуры. Горшки типа А

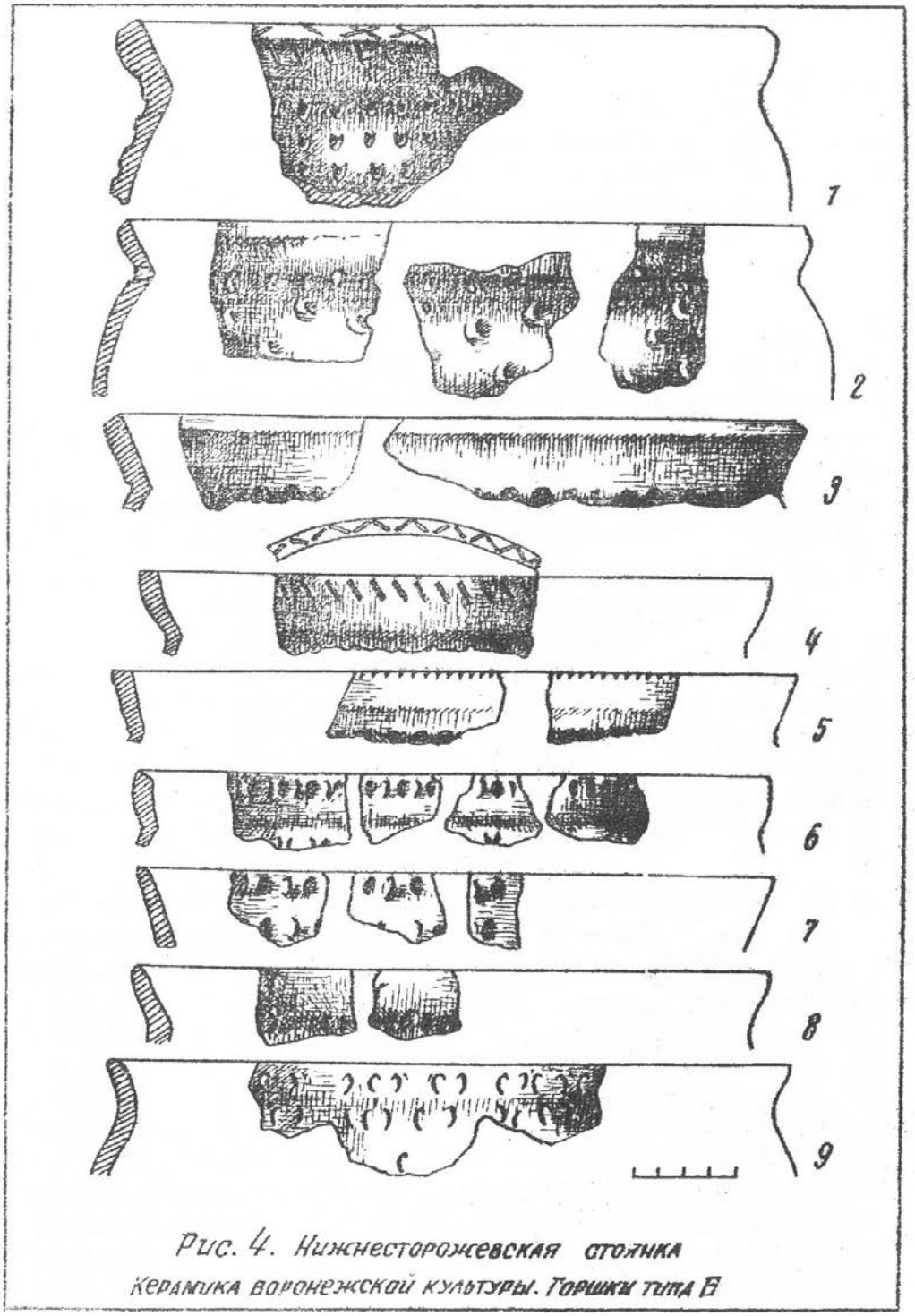


Рис. 4. Нижнесторожевская стоянка
Керамика воронежской культуры. Горшки типа Б

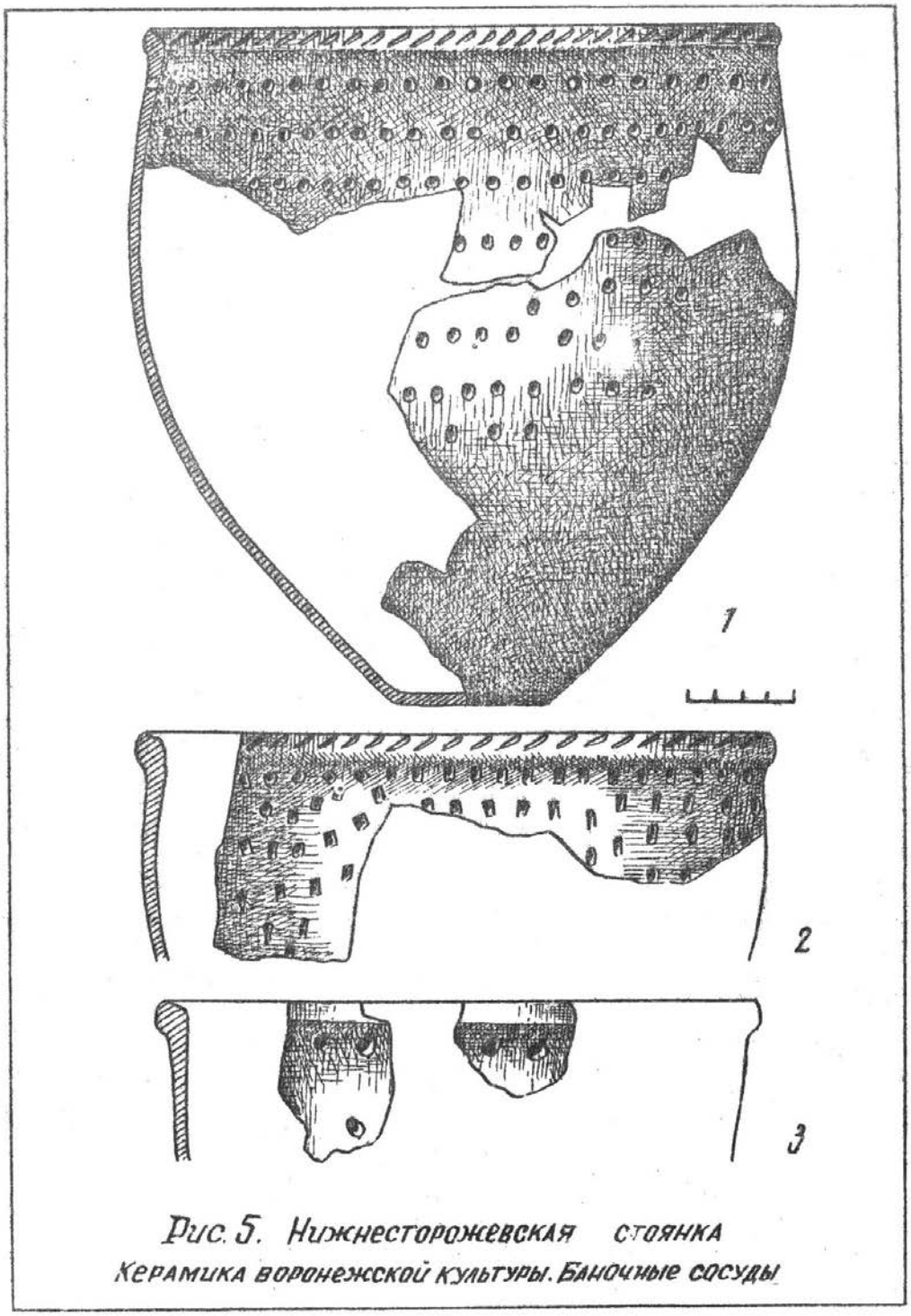


Рис. 5. Нижнесторожевская стоянка
Керамика воронежской культуры. Баночные сосуды

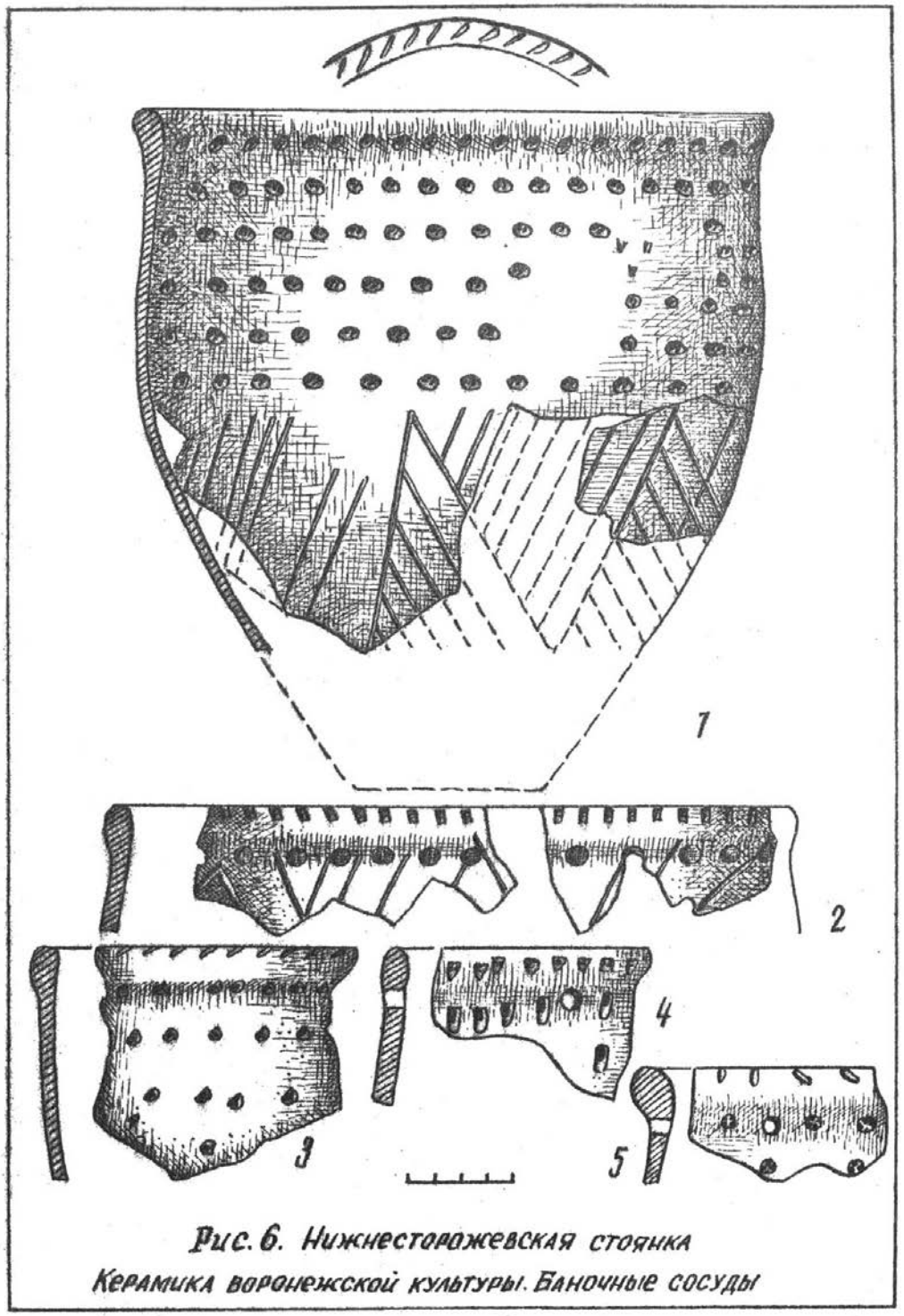


Рис. 6. Нижнесторожевская стоянка
Керамика воронежской культуры. Баночные сосуды

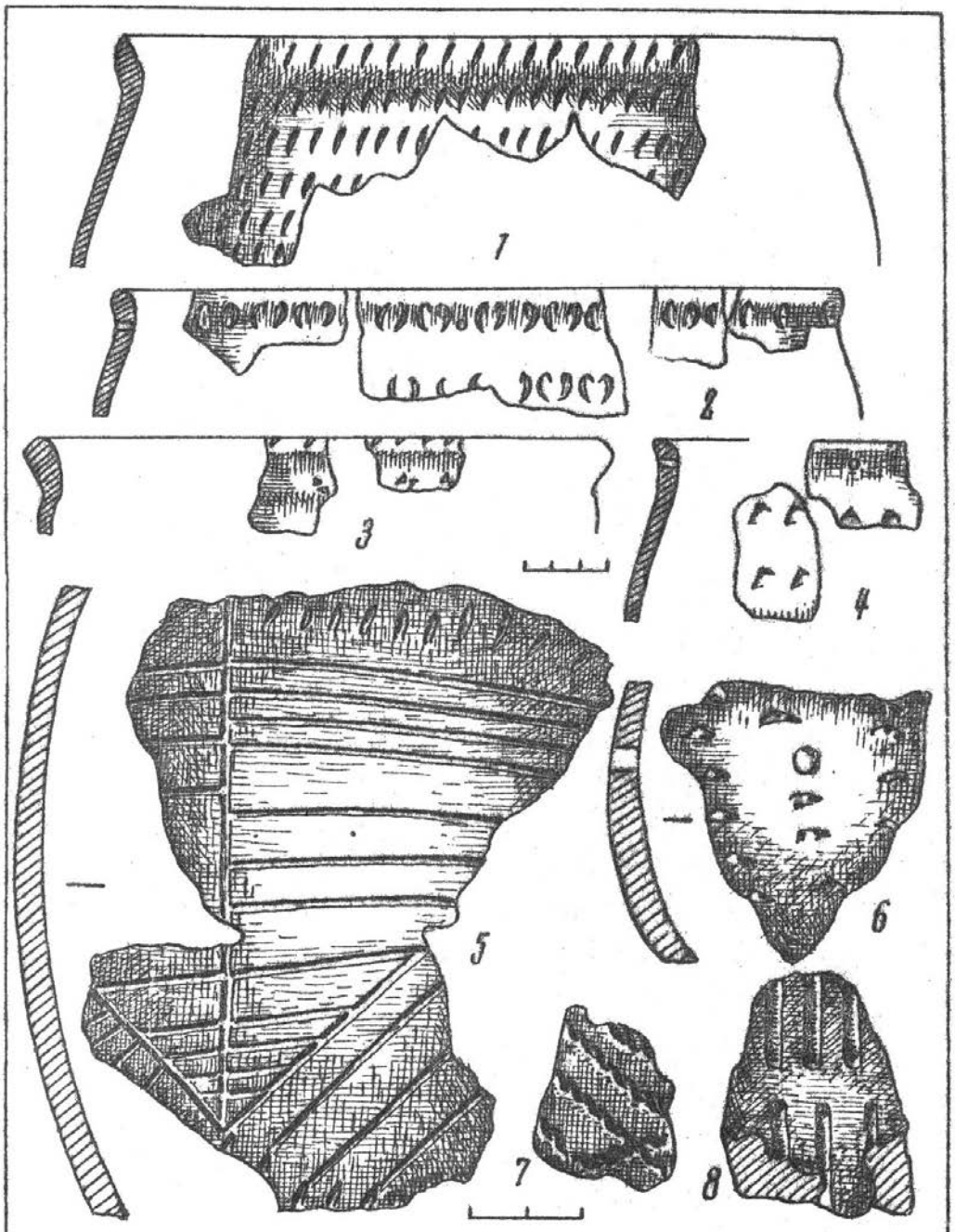


Рис. 7. Нижнесторожевская стоянка

Керамика воронежской культуры

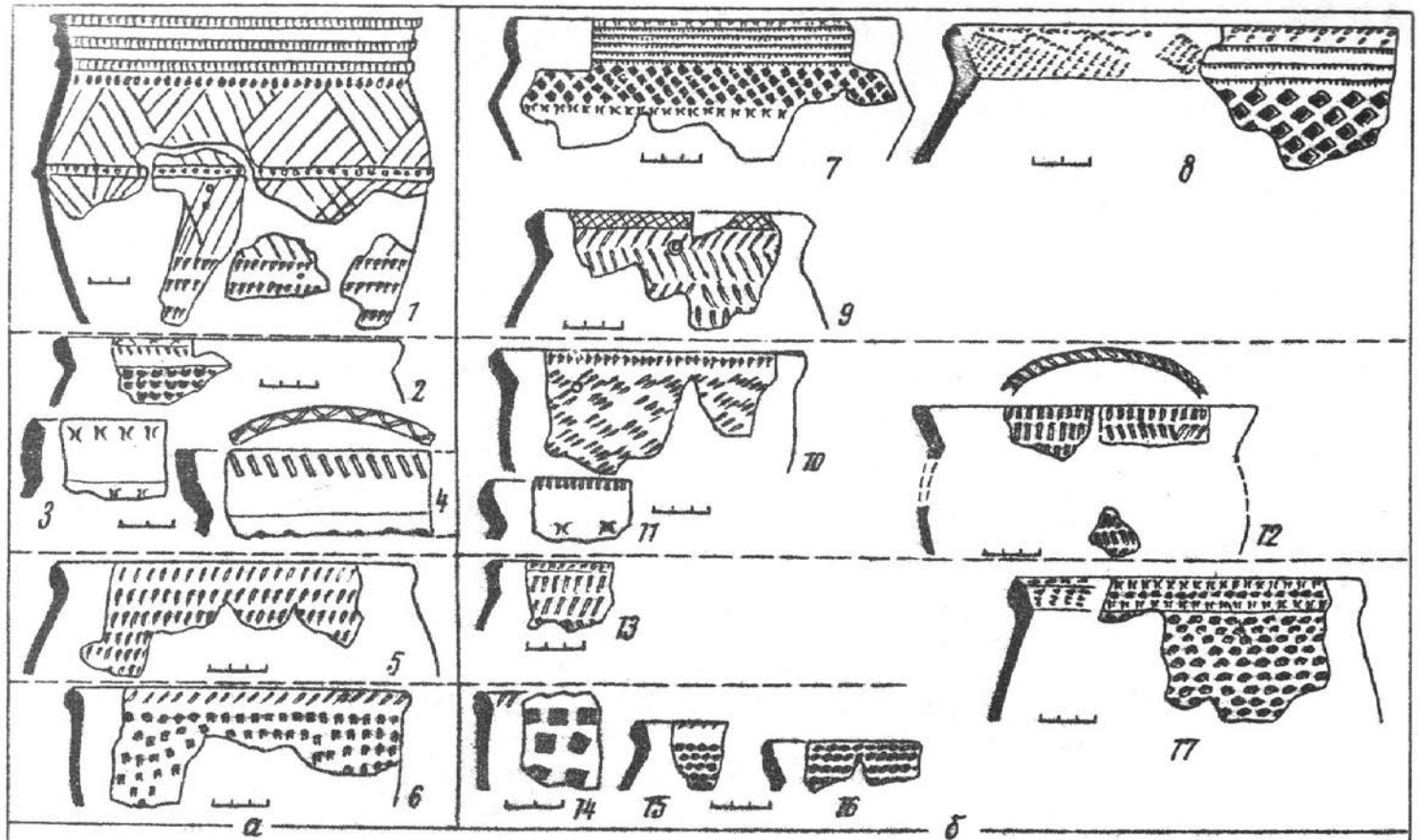


Рис. 8. Керамический материал

а – Нижнестаровежская стоянка; б – Первое Мастищенское поселение

СТОЯНКА БРОДНИКА В УСТЬЕ РЕКИ БОГУЧАРКИ

Археология и история юго-востока Древней Руси (материалы научной конференции). Воронеж, 1993. С. 83-86.

Предисловие

В 1993 г. в Воронежском государственном университете была проведена научная конференция «Археология и история юго-востока Древней Руси». В материалах этой конференции опубликована работа А.Т. Синюка «Стоянка бродника в устье р.Богучарки» (Археология и история юго-востока Древней Руси (материалы научной конференции). - Воронеж, 1993. – С.83-86). Формат издания не предполагал публикацию иллюстраций. Вместе с тем, эта работа Арсена Тиграновича вызвала интерес исследователей, о чем свидетельствуют сноски на нее в ряде научных публикаций (см., например: Готун І.А. Функціональні особливості неукріплених поселень Середнього Подніпров'я X-XIIIст. // Vita Antiqua.- 1999.- № 2; Тропин Н.А. Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII-XVвв. – Елец, 2006.- Рис. 61. С. 340; Андреев С.И. Юго-восточное Рязанское пограничье в XII-XIVвв.- Дис. ... канд ист. наук.- Тамбов, 2005).

Будучи ответственным секретарем упомянутого издания, я сохранил представленный Арсеном Тиграновичем вариант работы. Полагаю, что полная публикация этой статьи необходима для исследователей истории и археологии юго-востока Руси.

М.В. Цыбин

Начало раскопок экспедицией Воронежского пединститута на дюне в устье реки Богучарки в 1989 году ознаменовалось весьма любопытными находками, свидетельствующими об освоении этого места представителями самых разных археологических эпох и культур. Достаточно сказать, что на дюне выявлены мезолитические орудия, грунтовые захоронения древнеямного, катакомбного, срубного облика эпохи бронзы, остатки медеплавильной печи финального периода той же эпохи, позднекочевническое погребение, древнерусская промысловая стоянка. Рассмотрением последней мы и ограничим данное сообщение.

Прежде всего несколько слов о географической и топографической ситуации памятника.

Дюна, известная среди местных жителей под названием «Терешковокий Вал», находится на левом берегу реки Богучарки при ее слиянии с Доном в трех с небольшим километрах к северу от села Терешково Богучарского района (рис. 1, 1), т.е. памятник расположен в донском Правобережье на юге Воронежской области, что географически соответствует северной окраине степной зоны.

Дюна имеет форму «боба» с направлением длинной оси по линии ЗСЗ-ВЮВ, размеры ее 230×105 м, высота над уровнем поймы не превышает трех метров. Северо-восточная часть дюны оказалась под многометровой толщей гидроот-

стойника, оконтуренного дренажной канавой, которая затем на центральном участке дюны была преобразована в песчаный карьер. Добавим, что через дюну проходит линия электропередачи и грунтовая дорога, а отдельные участки поверхности поросли деревьями и кустарником (рис.1, 2).

Раскоп привязан к обнажениям дренажной канавы и карьера в средней части северного, направленного к реке, склона дюны (рис. 1, 2, 3).

Материалы древнерусского облика выявлены непосредственно у края карьера. Они представлены остатками строительного комплекса (жилая постройка, очаг открытого типа, две глинобитные площадки), а также развалом глиняного сосуда и отдельными фрагментами керамики.

Остатки комплекса размещались в толще надматериковых супесчаных наслоений дюны на едином уровне (0,25 м выше материка) и в планиграфической взаимосвязи, что подчеркивалось свободной от находок прилегающей площадью раскопа (рис. 1, 3).

Постройка дошла до нас в виде углистого слоя в форме квадрата с сильно заоваленными углами, размерами 4×4 м (16 кв. м) при толщине 0,06-0,08 м. Распределение угля весьма плотное и равномерное, без каких-либо разрывов, что дает основание предполагать в слое остатки досчатого пола. Выбранная для него площадка предварительно была выровнена и слегка заглублена в почву, на что указывает характерное закругление кверху краев углистого слоя. Других признаков домостроительства не прослеживалось, в связи с чем правомерно предполагать здесь устройство легкой наземной конструкции временного (сезонного) пользования. Функционирование ее на протяжении какого-то отрезка времени документируется заметной уплотненностью супеси под углистым слоем.

Очаг в виде круглой в плане зольно-углистой линзы (диаметр 1 м, толщина в средней части — 0,15 м) располагался близ центра северо-восточной стороны постройки, а за ним, в таком же направлении к постройке была устроена площадка из обожженной глины, размерами 1,3×0,95 м и толщиной до 0,2 м. Еще одна глинобитная площадка, только меньших размеров и аморфной конфигурации, находилась близ центральной части юго-восточной стороны постройки.

Сейчас не представляется возможным предложить детальную реконструкцию строительного комплекса и его хозяйственное назначение по рассмотренным остаткам, тем более, что для нас остается неясным функциональная роль глинобитных площадок. Нет тому каких-либо объяснений и в других видах источников. Кроме того, не исключено, что какая-то еще часть комплекса была уничтожена карьером. Пока же мы ограничимся предположением об устройстве очага рядом со входом в жилище. Это должно было мотивироваться соображениями и защиты входа от гнуса с помощью дыма, и возможностью вести наблюдение в направлении реки.

Культурно-хронологическая оценка комплекса определяется обликом сосуда, извлеченного из очага (рис. 2, 1). Сосуд выполнен на гончарном круге из плотного, насыщенного мелким песком глиняного теста. Он серо-желтого цвета, имеет форму стройного горшка о крутыми плечиками и отогнутым наружу венчиком.

На плечиках расположены два пояска из волнистых прочерченных линий, ограниченные прямыми круговыми рисками. На одном из участков орнаментальной зоны между «волнами» нанесены наклонные гребенчатые оттиски. Отметим также, что на днище сосуда прослеживается оттиск клейма в виде ромбоидальной фигуры (рис. 2, 2).

Данный сосуд находит прямые аналогии в круге древнерусских материалов. В частности, он близок сосудам первого типа по классификации, проведенной на материалах Шиловского поселения (низовья реки Воронеж) [I]. Такие сосуды рассматриваются исследователями в рамках XI-XIII вв. н.э. Сходные сосуды представлены и на других древнерусских памятниках, в том числе на городищах Холки (река Оскол) и Животинном (река Воронеж).

Параллели с материалами последнего из названных городищ особенно важны, поскольку все его материалы датируются домонгольским периодом [2]. Обратим внимание и на такие признаки терешковского сосуда, как зональность орнамента и включение в его систему гребенчатых оттисков, что может рассматриваться в качестве отголосков гончарных традиций более древнего алано-болгарского населения донской территории [3].

Видимо, следует считать, что древнерусский комплекс дюны «Терешковский Вал» принадлежит домонгольскому периоду, времени XI-XII вв. н.э., т.е. является одним из наиболее ранних памятников такого облика в пределах Среднего Дона. Тем самым прямо затрагивается проблема взаимоотношений славянского населения с представителями южного кочевого мира, проблема поисков направлений и границ проникновения русских людей — «бродников» в глубины половецкой степи [4]. Насколько нам известно, древнерусские материалы из низовий реки Богучарки пока являются наиболее южным пунктом таких находок на Среднем Дону, что, соответственно, раздвигает границы проникновения бродников в южном направлении. Говоря о границах, мы не имеем в виду какую-то жесткую их стабильность во времени, чего в реальности чаще всего не наблюдалось. Добавим к тому же, что на дюне «Терешковский Вал» рядом со стоянкой бродника обнаружено и половецкое захоронение, а подобные ему захоронения встречаются на Дону и севернее. Речь здесь идет скорее о формах межэтничных контактов, их социально-экономической и политической мотивировке и степени их активности. Но если археологически пока не поддаются расшифровке конкретные формы взаимоотношений двух мощных этнокультурных образований средневековья, мы получаем дополнительные данные о большей, чем считалось, активности освоения в XI-XII вв. выходцами из Древней Руси степных пространств бассейна Дона.

Литература:

1. Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеже // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. - Воронеж: изд-во ВГУ. 1987. - С.21.
2. Раскопки А.З. Винникова. Материалы хранятся в музее археологии ВГУ.
3. Винников А.З. Славянские курганы лесостепного Дона. - Воронеж: Изд-во ВГУ. 1984.

- С. 139; Он же. Этнический состав на р. Воронеж в конце I тысячелетия н.э. // Археологические памятники на европейской территории СССР. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. - С. 122, рис.4.

4. Плетнева С.А. О юго-восточной окраине Русских земель в домонгольское время // КСИА. - Вып.99. - 1964.

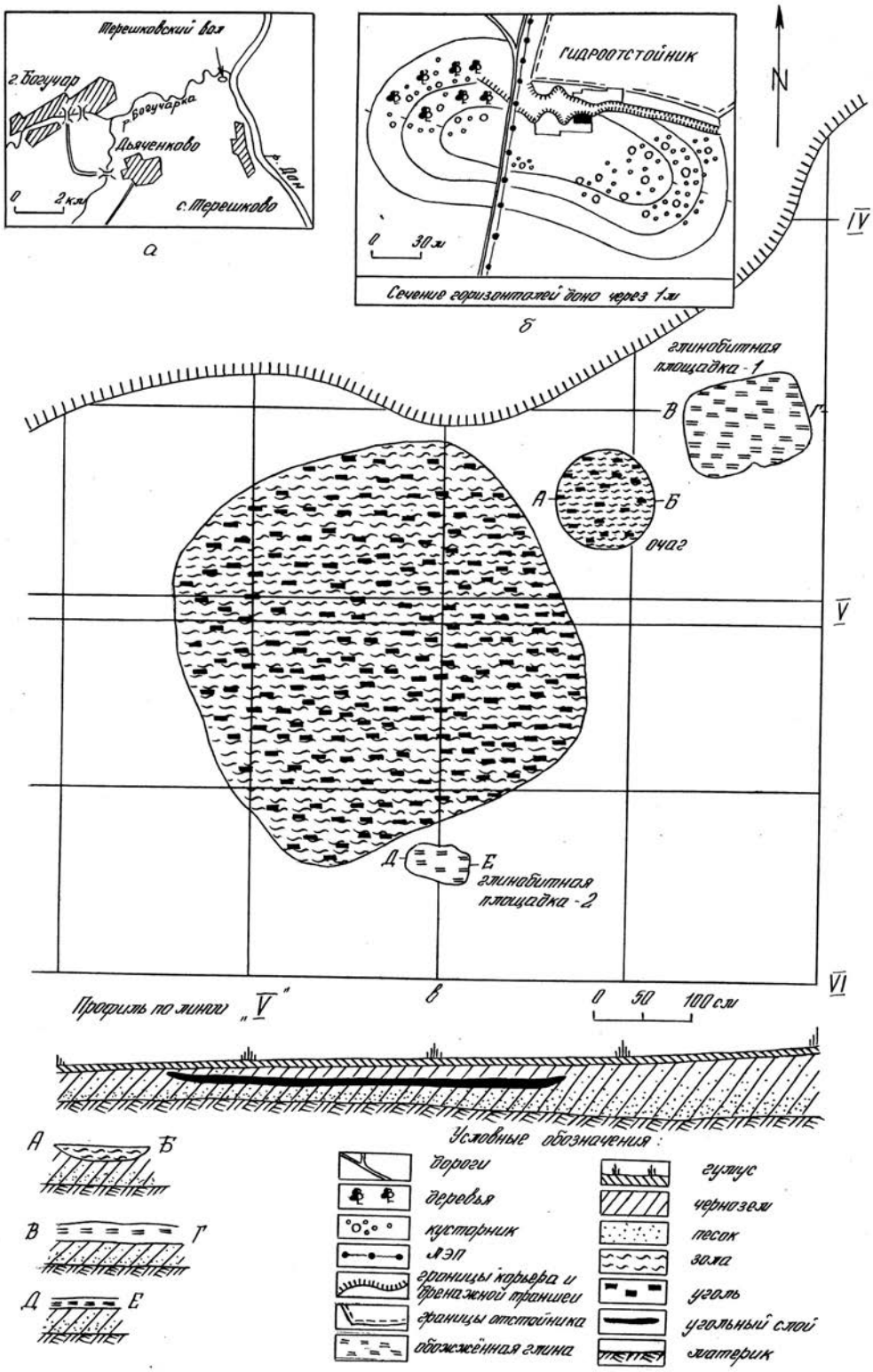


Рис. 1. Дюна «Терешковский Вал».
а - карта местонахождения; б - глазомерный план дюны;
в - план и профили участка раскопа со стоянкой бродника

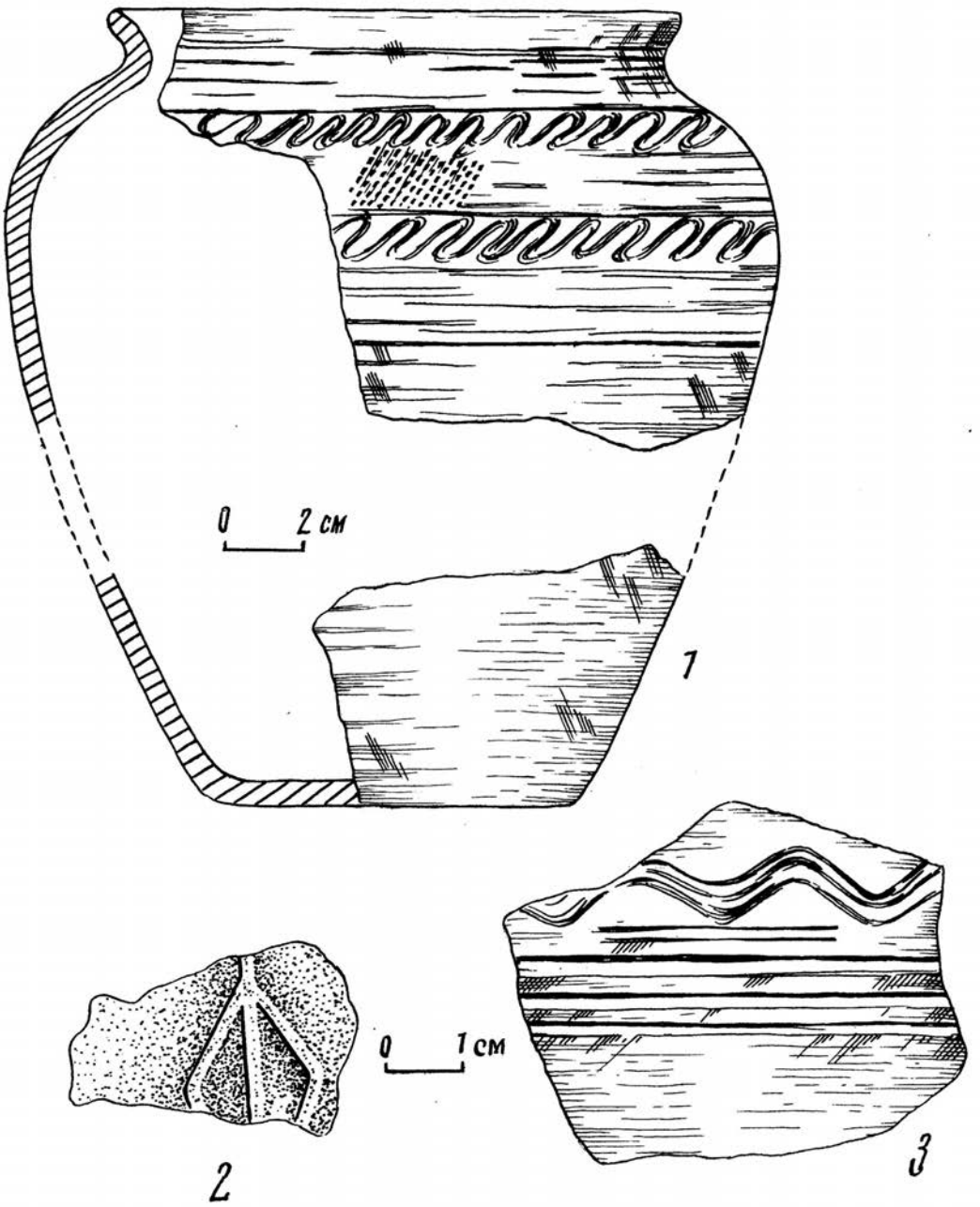


Рис. 2. Материалы стоянки бродника на дюне «Терешковский Вал»
1- гончарный сосуд; 2- фрагменты днища с клеймом; 3- фрагменты второго сосуда

1994

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА В ЭНЕОЛИТЕ — БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

Труды воронежского областного краеведческого музея. Выпуск 2. Воронеж, 1994. С. 22-35.

Для освещения поставленной проблемы мы опираемся на материалы таких археологических культур, как нижнедонская (ранний энеолит, середина — вторая половина IV тыс. до н.э.), среднестоговская и репинская (развитой энеолит, конец IV — середина III тыс. до н.э.), древнеямная (ранний период эпохи бронзы, середина III — начало II тыс. до н.э.), среднедонская катакомбная и донская абашевская (средний период эпохи бронзы, рубеж III — первая половина II тыс. до н.э.).

На уровне современных разработок фиксируется прямая этногенетическая линия развития нижнедонской, репинской и донской абашевской культур, где две последние всецело сформировались в границах интересующего нас региона[1]. Древнеямная культура принадлежит выходцам из низовий Дона и из Поволжья, а среднедонская катакомбная культура представляет собой синтез ставших к тому времени уже местными древнеямных традиций и традиций продвинувшихся на Дон с более южных территорий групп населения катакомбного этнокультурного мира.

Принимая во внимание самостоятельный характер лесостепи как особой природно-географической зоны и относительную стабильность зональных границ во времени[2], отметим ее некоторые специфические черты. Прежде всего, богатство животного мира и ихтиофауны предполагало длительную рентабельность присваивающей экономики, а на ее основе — вдвое большую, в сравнении с сопредельными зонами, демографическую емкость[3]. Здесь же имелась и громадная кормовая база в виде злакового разнотравья, что в рамках скотоводческого хозяйства предполагало более благоприятные, чем где-либо, условия для разведения крупных животных. К тому же открытые пространства лесостепи с сильно развитой речной системой способствовали более легкому их освоению и передвижениям как в широтном направлении, так и из сопредельных физико-географических зон.

Если лесостепь на первых двух стадиях энеолита не отмечена внешними отличительными признаками своих памятников (известны поселения и грунтовые могильники), то со времени появления древнеямных племен она, как и степная зона, превратилась в страну курганов, где курганы строго маркируют границу с северным лесным этнокультурным миром, возвещая об утверждении в своей среде новых идеологических и социально-экономических систем.

Однако, судя по археологическим данным, новые тенденции на Дону проявили

[1] Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона // СА. 1981. № 4. С. 8-19; Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточноевропейской лесостепи. Куйбышев, 1985. С. 69-70.

[2] Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР. М., 1977. С. 53.

[3] Долуханов П.М. География каменного века. М., 1979. С. 16.

себя значительно раньше, с проникновением племен нижнедонской культуры. Эта культура входит в обширную мариупольскую культурно-историческую область раннего энеолита и, подобно другим ее культурам (азово-днепровской, самарской, прикаспийской)[1], наделена рядом черт, позволяющих видеть в ее носителях древнейших скотоводов, причем с признаками коневодческой специализации (находки костей лошади в культурных отложениях стоянок и в погребении, устройство жертвенников из лошадиных голов, отражение культа коня в зооморфных костяных пластинах и т.д.). Пастушеское хозяйство носителей нижнедонской культуры хорошо документируется типами малых по размеру жилищ сезонного пользования (стоянки Университетские 1 и 3, Черкасская, Дронихинская) и кратковременным характером самих стоянок. Среди признаков, объединяющих эти культуры, особо отметим сосуды с воротничковым оформлением венчиков и специфической орнаментацией, включающей волнистые линии. Такие сосуды практически отсутствуют в синхронных культурах как раннеземледельческого ареала, так и пережиточного неолита лесной зоны с присваивающей экономикой. Тем самым они надежно маркируют своеобразие области своего распространения. Надо полагать, что относительно быстрое проникновение на широкие пространства степи и лесостепи единых признаков в культурах мариупольской области должно быть связано с подвижным образом жизни, по крайней мере наиболее авторитетных групп — носителей новых социально-экономических и идеологических тенденций. Как показывают источники, коневодство проникло в донскую лесостепь с юга или юго-востока, т.е. из степей Доно-Волжского междуречья или Заволжья.

Широкие и быстрые продвижения древних коневодов вряд ли можно было осуществлять без знакомства с верховой ездой, на что уже обращалось внимание исследователей[2]. И, видимо, напрасно один из ведущих специалистов России по изучению скотоводческих структур древности В.А. Шнирельман отрицает возможность раннего появления всадников, склоняясь к рассмотрению псалиев среднестоговской культуры в качестве атрибутов запряжки животных в повозку[3]. Если псалии не обязательны для верховой езды, или им могли, как он отмечает, предшествовать сыромятные удила, то признание этого только усиливает аргументацию против избранной исследователем позиции. При ссылке на источники, повествующие о предшествовании езды в повозке верховой езде у индоиранцев, исследователь не учел, как мы считаем, одного важного обстоятельства. В затронутых им источниках речь может идти о сравнительно поздних наслоениях в религии индоиранцев. Индоиранцы II тыс. до н.э. вполне обоснованно сопоставляются многими исследователями с племенами степной и лесостепной зон Восточной Европы периода распространения позднекатакомбных культур и культур срубно-андроновского мира, где последние, занимая территории к востоку от Волги, являлись в значительной степени наследницами древнеямных традиций. Но древнеямные племена развивали овцеводческую специализацию[4], и, следовательно, усилению роли коневодства у их наследников предшествовало время господства овцеводческого направления в экономике. Другими словами, в истории хозяйства Восточной Европы прослеживается не один, а два разновременных очага распространения коневодства, связанных с племенами двух, хотя и близких этногенетических

[1] Мильков Ф.Н. Указ. соч. С. 9-39.

[2] Ковалевская В.Б. Конь и всадник. М., 1977.

[3] Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства. М., 1980. С. 231-232.

[4] Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974; Он же. Энеолит юга СССР и Евразийские степи // Энеолит СССР. М., 1982.

линий. Первый, древнейший очаг, возникший в восточных пределах Урало-Каспийско-Черноморской зоны степи, сдвинулся затем к западу, в Днепро-Донское степо-лесостепное междуречье, уступив место формирующемуся овцеводческому хозяйству. Второй, поздний очаг, спустя значительное время, вновь возник в восточном регионе и, видимо, не без влияния продолжавших сохранять коневодческие традиции племен абашевской общности, ближе к середине II тыс. до н.э. растворившихся в срубно-андроновском мире. Таким образом, в религиозных представлениях индоиранцев могли отложиться сюжеты, связанные со вторичным периодом широкого распространения коневодства и всадничества, которому в истории восточной ветви индоиранских племен действительно могла предшествовать езда в повозке.

Отмеченные выше сложные явления в развитии коневодческого хозяйства как нельзя лучше иллюстрируются замечанием В.А. Шнирельмана о том, что в рамках общеисторической тенденции развития скотоводства в конкретных условиях картина часто была, вероятно, более сложной, так как процесс мог прерываться и даже обращаться вспять. Формы полукочевого и отгонного скотоводства могли чередоваться у одного н того же населения на разных этапах истории[1].

Говоря же о прочной оседлости ранних коневодов, этот исследователь ссылается на работы В.П. Шилова. Однако В.П. Шилов рассматривает не истоки сложения, а уже вполне сложившиеся коневодческие общества, занявшие в ходе передвижений лесостепные и северостепные районы, характеризуемые условиями разнотравья, что, как справедливо им подчеркнуто, предполагало относительную оседлость коневодов. Это предположение отнюдь не противоречит тезису о подвижности коневодческих групп на ранних этапах в области первичного своего зарождения. В.П. Шилов, обращаясь к этнографическим примерам Нижнего Поволжья, приводит данные о перекочевках в определенные периоды года табуна лошадей, и количество этих перекочевок лишь немногим уступает передислокациям стада овец[2]. Интересно, что в рамках комплексного скотоводства калмыков для каждого вида животных предполагалось свое количество перекочевок и величина площади выпаса. Видимо, эта зависимость тоже довольно рано стала одним из важных факторов выделения полукочевых и кочевых групп из среды древнейших скотоводов-земледельцев.

Культуры мариупольской области в целом предшествовали культуре среднестоговской, до сих пор считавшейся древнейшей коневодческой культурой Восточной Европы[3]. Однако приведенные выше материалы позволяют ставить вопрос о более древнем возрасте, а также о несколько иных условиях, при которых происходило становление данной специализированной формы хозяйствования. Вместе с этим не бесспорной выглядит позиция ряда исследователей относительно признания оседлого образа жизни у ранних скотоводов и времени появления всадничества.

На следующем этапе энеолита особенно ярко мариупольскую линию развития отражает репинская культура, сохранившая бескурганный обряд вытянутых захоронений, своеобразные традиции керамического производства, признаки коневодческой специализации в рамках скотоводческого хозяйства. В частности, среди остеологических материалов поселения у хутора Репина (давшего название культуре) 80% принадлежало костям лошади.

---

[1] Шнирельман В.А. Указ. соч. С. 242-243.

[2] Шилов В.П. Модели скотоводческого хозяйства степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века // СА. 1975. № 1. С. 11.

[3] Телегин Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973.

Коневодческие племена в энеолитическую эпоху довольно быстро освоили лесостепные пространства. Как уже говорилось выше, здесь имелась устойчивая и обильная база для выпаса большого числа табунов. Растительные ресурсы облегчали заготовку кормов впрок, но это, видимо, еще долго не стабилизировало оседлость коневодов. Еще раз в связи с этим сошлемся на сезонный характер практически всех известных на Дону энеолитических стоянок. Даже и поселение у хутора Репина не несет, как считают некоторые исследователи, явных признаков долговременного поселка, поскольку здесь и количество бытового материала невелико (к тому же он разновременный), и выявленные кости свиньи (основной аргумент для признания оседлости) принадлежит всего одной особи!

И позднее у потомков репинских племен — населения донской абашевской культуры сохраняется весьма высокий удельный вес коневодства. Судя по остеологическим данным, лошадь составляла до 17% от общего поголовья их стада[1]. В этом плане важно подчеркнуть, что пока нет каких-либо данных о существовании земледелия в среде донских энеолитических племен. Проводившийся Н.А. Хотинским палинологический анализ на многослойных стоянках Черкасской и Копанищенской 1 показал полное отсутствие следов культурных злаков в слоях, соответствующих всем этапам развития энеолита. В то же время неожиданным оказалось наличие таковых в нижележащих слоях с неолитическим и материалами.

Надо полагать, относительной подвижностью характеризовался и быт древнеямных овцеводов (ранняя бронза), от пребывания которых на Дону до нас дошли, помимо курганов, сезонные стоянки п кратковременные кочевья.

Картина несколько меняется лишь с появлением памятников среднедонской катакомбной культуры (средний период бронзового века). Среди них уже встречаются обширные поселения с мощными наслоениями, включающими остатки больших жилищ и хозяйственных построек. Остеологические материалы свидетельствуют о подавляющем преобладании в стаде крупного рогатого скота. На поселениях обнаружены изделия, связанные с земледельческим хозяйством: мотыги, зернотерки, песты, серповидные орудия и т.п.[2] Такого же рода находки изредка встречаются и в погребальных комплексах. Вместе с тем, как и для предшествующего времени, распространены сезонные стоянки и следы перекочевок. Судя по всему, животноводство и у этого населения оставалось приоритетным направлением экономики.

Раскопки многослойных стоянок показывают, что на Дону группы скотоводов вплоть до средней поры эпохи бронзы входили в соприкосновение с местными неолитическими племенами, развивавшими традиционные формы присваивающего хозяйства. Длительное параллельное развитие нескольких укладов хозяйствования у разноэтничных групп населения как раз и определяет глубокую историческую специфику лесостепи в сравнении с другими физико-географическими зонами.

В общих чертах для лесостепного и северостепного Дона можно предположить, с учетом экономики неолитических племен[3], шесть хозяйственных укладов, каждый из которых являлся определяющим в том или ином этнокультурном образовании:

1. Специализированное коневодческое направление в скотоводстве (нижнедонская, среднестоговская, репинская, донская абашевская культуры).
2. Специализированное овцеводческое направление в скотоводстве (древнеямная

[1] Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976. С. 118.

[2] Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж, 1982.

[3] Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986. С. 153-164.

культура).

3. Комплексное скотоводческое хозяйство с преобладанием в стаде крупного рогатого скота (среднедонская катакомбная культура).
4. Охота на мелких нестадных животных (среднедонская неолитическая культура, середина V — начало III тыс. до н.э.).
5. Охота на крупные виды животных (рязанско-долговская неолитическая культура, середина IV — начало III тыс. до н.э.).
6. Рыболовство (рыбноозерская культура, середина III — начало II тыс. до н.э.).

Еще раз подчеркнем, что нами выделены лишь основные направления в экономике носителей отмеченных выше культур. Выступая в известной обособленности, даже наиболее «примитивные», казалось бы, из этих направлений длительное время продолжали здесь сохранять свою рентабельность. Хозяйственное и этнокультурное единство наметилось лишь ближе к середине II тыс. до н.э., с продвижением на Дон из восточных степей покровско-абашевских племен и с оформлением на базе их традиций донской лесостепной срубной культуры.

В нашем распоряжении пока еще нет данных, позволивших бы дополнить характеристику других видов производств в энеолите Дона. В этом аспекте обратимся к материалам эпохи бронзы. Так, в одном из курганов Павловского могильника нами были обнаружены два погребения древнеямной культуры с плотничьим и кожевенным производственными комплексами[1]. Уже сам по себе этот факт убедительно свидетельствует об усложнении производства в местной среде с появлением специализированных отраслей и мастеров-профессионалов.

В литературе была высказана мысль об отражении в погребальном обряде профессиональной специализации лишь в определенных археологических культурах. При этом предполагается такая связь, когда в культурах, где нет погребения литейщиков, отсутствуют погребения и других мастеров[2]. В древнеямной культуре погребения литейщиков пока неизвестны, хотя пример с павловскими находками не снимает данного тезиса, а предполагает эту связь в обратном порядке, т.е. в дальнейшем можно и здесь ожидать открытия погребений литейщиков. Основанием тому служит и установление существования собственно древнеямной металлургии[3].

Важно отметить, что павловские погребения с мастерами состоялись по тем же обрядовым установкам, что и другие погребения местной древнеямной культуры, и это снимает вероятность детрибализованного положения ремесленников среди своих соплеменников. Интересно, что оба погребения совершены в одном кургане, причем размеры насыпи значительно превышали средний показатель величины других курганов могильника. Наконец, погребение с плотничьим инструментарием принадлежало ребенку не старше десяти лет.

Открытия погребении ремесленников эпохи бронзы редки вообще, а в древнеямной культур — единичны. Поэтому нахождение сразу двух таких погребении в одном кургане — не случайность, а отражение тенденции к локализации мест захоронений ремесленников, что определяет их особое и, как видим, социально значимое положение в обществе. Можно также считать, что процесс профессиональной специализации достиг того уровня, когда социальная обособленность предполагала передачу

[1] Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж, 1983. С. 24-28.

[2] Бочкарев В.С. Погребения литейщиков эпохи бронзы // Тезисы докладов юбилейной конференции. Киев, 1975. С. 67.

[3] Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1972. С. 72.

профессии по наследству в рамках замкнутых групп (кланов) профессионалов-родственников. Это, вероятно, стало возможным при индивидуально-семейном или же большесемейном объединении мастеров[1].

В курганах среднедонской катакомбной культуры выявлены захоронения мастеров-литейщиков, ювелира и мастеров по изготовлению каменных наконечников стрел. Здесь также фиксируется и престижный их статус, и передача профессии но наследству (с набором ювелирного инструментария находился ребенок), и высокая степень специализации.

Как отмечают многие исследователи, слабое развитие ремесел и невозможность создания собственных торгово-ремесленных центров присущи большинству, если не всем народам, которые вели кочевой образ жизни. Но у катакомбного населения, как говорилось выше, мы предполагаем комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство с ярко выраженной тенденцией к оседлости, что и должно было в определенной степени стимулировать развитие внутриобщинного ремесленного производства. Вероятно, что и у некоторых древнеямных групп в условиях лесостепи намечались те же тенденции. Однако зададимся вопросами: была ли внутриобщинная ремесленная специализация единственным способом обеспечения производственной продукцией? Какие формы взаимодействия могли существовать между этносами с различными хозяйственными укладами?

Потребность в необходимой ремесленной продукции могла удовлетворяться и в таких формах, как обмен, грабительские набеги п установление вследствие этих набегов даннических отношений, что являлось весьма характерной чертой общественной жизни кочевых скотоводов во все времена[2]. В данном плане коснемся некоторых новых источников времени начала контактов древнеямных и катакомбных культурных традиций.

В северо-степной части Придонья, близ села Терешково, на дюне Терешковский Вал нами исследованы грунтовые захоронения мастеров по изготовлению каменных наконечников стрел. Вся сумма признаков, особенно сами типы наконечников стрел, свидетельствует, что эти мастера являлись выходцами из северного, лесного пережиточно неолитического мира[3]. Подчеркнем, что речь идет не об отдельном погребениях, а о целом могильнике, принадлежавшем обособленной по признаку производственной специализации группе населения.

Какие же мотивы легли в основу их появления в донской степи, на многие сотни километров удаленной от исконных мест проживания? Анализ имеющихся данных показывает, что это не связано с миграционными процессами, а отражает пример насильственного переселения мастеров-иноплеменников. Причем степень их зависимости отвечала такой форме рабства, при которой уровень имущественного состояния до известных пределов не ограничивался. Так, сам инвентарь могильника включал крупные серии прекрасно выполненных наконечников стрел и, что особенно показательно, — изделия из бронзы и серебра.

Интересно, что при сохранении многих северных традиций погребальной обрядности мастера не избежали восприятия ритуальных установок новой общественной

[1] Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976. С. 160-162.

[2] Мерперт Н.Я. Энеолит юга СССР и евразийские степи... С. 132; Першиц А.И. Некоторые особенности классообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государства. М., 1976. С. 293 и сл.

[3] Древние погребения мастеров по изготовлению каменных наконечников стрел в степном Придонье // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992. С. 49-63.

среды (поза умерших), что как бы приобщает к основному этническому кругу, а также знаменует собой подключение к его мировоззрению. Однако главное проявление идеологии в погребальном ритуале степных и лесостепных племен эпохи бронзы это закрепление строгого социального ранжирования членов общества.

И здесь особая роль отводилась надмогильным сооружениям — курганам (мы исходим из посылки устройства курганов для лиц только высокого социального ранга). Но если вовлечение чужеземцев в местную систему идеологических представлений было осуществлено, то в использовании именно социально престижного признака им было отказано, хотя по соседству имеется большое количество курганов с погребениями ямно-катакомбного времени (кстати, среди которых имеется и местный мастер по изготовлению каменных наконечников стрел).

Отсюда следует, что устройство здесь грунтового могильника — не столько дань традиции, сколько социальная установка. Заслуживает внимания и присутствие на площади могильника одиночных безынвентарных погребений ямного и катакомбного типов, как бы подчеркивающих собой особое и далеко не почитаемое людьми отношение к подобному способу захоронений.

Сугубо неместного облика наконечники стрел из могильника несли ритуальную функцию. В повседневной же деятельности этим мастерам приходилось удовлетворять спрос на самые разные и вполне обиходные каменные изделия, нередко требовавшие высокого уровня исполнения. Достаточно в связи с этим вспомнить находки прекрасных образцов каменных полированных топоров и наверший булав, кремневых выемчатых стрел и кинжалов из комплексов подкурганных древнеямных и катакомбных погребений. При этом нельзя забывать, что и тогда, в условиях увеличения спроса на производство изделий и расширение их ассортимента, камень по-прежнему оставался основным производственным сырьем. Именно данное обстоятельство приводило к появлению памятников типа могильника Терешковский Вал.

То, что мы имеем дело не с единичным явлением, а с достаточно сложившейся формой социально-производственных отношений в среде лесостепных и степных племен ямно-катакомбного времени, прекрасно иллюстрируется находкой совершенно аналогичного грунтового погребения близ хутора Ярского в пределах той же северостепной зоны (раскопки В.И. Гуляева). При этом обратим внимание на то, что отмеченные памятники разделены расстоянием более чем в 150 километров!

Рассмотренные данные, таким образом, проливают свет на существование весьма сложных общественных отношений, включавших и сословно-производственное обособление (как отражение процесса второго крупного общественного разделения труда), и формы зависимости на межэтническом уровне.

В связи с последним соображением нельзя не коснуться и еще очень важного, на наш взгляд, источника. В настоящее время на Дону выявлена группа памятников, синхронных бытованию местной катакомбной культуры, но своеобразие которых послужило их выделению в особую «воронежскую» археологическую культуру[1].

По сути дела, их можно рассматривать как проявление субкультуры, на что указывает крайняя обедненность наборов изделий, их сравнительная малочисленность, неустойчивый погребальный обряд (чаще бескурганный), наличие признаков узкой производственной специализации (коровопасчество), нередкое обособление мест обитания. В то же время глиняная посуда отличается заметным своеобразием, что

[1] Пряхин А.Д., Беседин В.И. О выделении Воронежской культуры эпохи бронзы // СА. 1988. № 3. С. 21-36.

позволяет говорить о принадлежности ее особому этническому кругу. Сумма перечисленных признаков подводит к выводу о подчиненном положении данного населения в местной катакомбной среде, при этом зависимость восходит, как и в случае с мастерами наконечников стрел, на межэтнический уровень, но уже в несколько иной форме, сопряженной, надо полагать, с данничеством.

Такая форма отношений возникла на Дону еще раньше, охватывая, по крайней мере, весь период бытования древнеямной культуры, поскольку в ее территориальных рамках тоже фиксируются синхронные материалы так называемого иванобугорского типа с признаками субкультуры[1], даннические отношения можно предполагать и в энеолитическую эпоху, учитывая подвижный быт коневодов. В то же время, в лесостепи, в силу ее громадной экологической емкости, тенденция к относительному перенаселению была ослаблена, и это на первых порах приводило к расширению обмена между этносами с различными хозяйственными укладами. Не наблюдается и широких заимствований в сфере экономики, как не фиксируется, судя по единичности находок смешанного типа, процессов широкой ассимиляции населения[2].

Какая же модель общественного устройства могла соответствовать всем тем явлениям, которые мы прослеживаем для ямно-катакомбного времени? Прежде всего вновь обратимся к источникам.

В границах донской лесостепи, близ села Власовка нами исследована группа курганов отмеченного времени, наделенных суммой таких признаков, которые позволяют интерпретировать существование здесь могильника — святилища жрецов (многочисленные кострища, забутовка камер катакомбных конструкций, искусственная деформация голов захороненных, жертвоприношения детей и голов животных, «курильницы», бусы-четки, музыкальные инструменты, включая «флейты Пана», и т.д., а главное — принадлежность всех погребений представителям мужского пола).

Утверждение права на отдельное, но явно престижное место захоронений могло возникнуть при более сложном, чем племя, общественном устройстве. Это могло иметь место там, где исполнители наиболее значимых религиозно-культовых обрядов на основе близкой идеологии могли объединить свои усилия для достижения общих целей. Но этому должно было предшествовать их обособление и в других сферах жизнедеятельности, т.е. должно происходить разрушение родственных связей и замена их функциональным взаимодействием. На широту функций этой группы указывает включение в состав представителей нескольких этносов (судя по антропологическим данным), а также совмещение разнокультурных традиций в обрядности и единовременность разнокультурных погребальных комплексов (древнеямных и катакомбных). Весьма сложному общественному устройству отвечает и принесение в жертву при захоронениях служителей культа мальчиков высокого социального ранга. Отсюда вытекает, что в пределах донской лесостепи еще в ямно-катакомбной среде, не позднее II тысячелетия до н.э., происходило оформление того социального явления, которое в завершенном виде предстает как обособившееся сословие (каста) жрецов[3].

Отметим, что Власовский могильник в данном плане — не единственный источник. К аналогичному выводу мы пришли еще ранее, при раскопках курганов Павловского

[1] Синюк А.Т. Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейн Среднего Дона) // СА. 1984. № 3. С. 111-121.

[2] Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита... С.85-88.

[3] Синюк А.Т. Погребения ямной и катакомбной культур Первого Власовского могильника // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж, 1989. С. 27-69.

могильника (юг донского лесостепья), где достаточно сложная, но устойчивая система жертвенных устройств весьма красноречиво перекликается с ритуальными установками ведических ариев, исполнение которых подобало совершать только жрецам[1].

При анализе всей суммы полученных материалов можно прийти к выводу о том, что признаки, указывающие на принадлежность умерших к жреческому сословию, являются едва ли не доминирующими в донских курганах ямно-катакомбного времени. Отсюда нельзя исключать и того, что уже тогда в местной среде складывалась теократическая модель общественного управления. В поисках ее истоков еще раз вернемся к древнеямному погребению Павловского могильника с плотничьим инструментарием. По всем конструктивным признакам, как и по набору изделий, данное захоронение принадлежит, несомненно, представителю высшего общественного ранга. Особо отметим сочетание в инвентаре таких типов медных орудий, как топор — тесло — долото. Нельзя не обратить внимание на то, что именно в таком подборе обнаруживается сходство павловского погребения с синхронными погребениями Утевского (Поволжье), Нальчикского (Северный Кавказ) курганов, а также с целым рядом захоронений выдающихся представителей майкопского общества, включая и погребение самого Майкопского кургана[2]. Не кроется ли за этим сходством прообраз того явления, которое отмечается в быте ранних кузнецов, стремившихся украшать свою генеалогию связью с царскими родами? Например, прибегавшие к этому вожди племен и племенных объединений Западной Африки нередко одновременно являлись первыми или сакральными кузнецами, в связи с чем оформлялись клановая или кланово-производственная организация с реальной политической властью[3]. Мы же имеем в виду именно прообраз такого явления, возникший, как и само плотничье ремесло, значительно раньше появления кланов металлургов, — в период, когда вожди и родоплеменная знать еще придерживались видимости почитания трудовой деятельности свободных общинников, что потом, с распространением рабского труда, перешло в свою противоположность.

Такой период и отражают погребения племенных вождей (царей) майкопского и древнеямного этнокультурных ареалов, в которых не засвидетельствованы жертвоприношения ремесленников, и плотничий инвентарь, следовательно, предназначался самому вождю (царю). Небезынтересно отметить, что отголоски подобных традиций имели место н в ранних государственных образованиях, в частности, в преддинастическом Египте[4]. Параллели этому можно найти и в религиозных представлениях целого ряда народов. Так, например, в ведийской и индуистской мифологии божественный творец вселенной Вишвакарман, помимо всего прочего, был и плотником[5].

Даже и приведенных источников, на наш взгляд, достаточно для того, чтобы отказаться от представлений о незыблемости первобытнообщинных устоев на такой, казалось бы, далекой периферии древних цивилизаций, какой являлась территория Дона. Здесь с ямно-катакомбного времени начинают улавливаться четкая сословность, закрепленная идеологическими установками, углубление производственной специализации, т.е. выделение ремесел, зависимость на уровне патриархального раб-

[1] Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона... С. 172-177.

[2] Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С 221. Рис. 36.

[3] Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР… С. 163

[4] Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956. С. 135.

[5] Невелова С.А. Мифология древнеиндийского эпоса. М., 1975. С. 93-95; Иванов В.В. Древнеиндийский миф об установлении имен и его параллель в греческой традиции // Индия в древности. М., 1964. Фрезер Д. Золотая ветвь. М., 1979. С. 110.

ства, а также внеэтническая эксплуатация, являвшаяся формой данничества.

Социальная дифференциация не была чужда и племенам среднестоговской культуры Дона. Можно, в частности, сослаться на парные одновременные разнополые захоронения Дронихинского могильника[1]. Уже в их появлении явно отражается социальное неравенство[2]. Истоки же зарождения патриархата и патрилокальных связей необходимо отодвинуть к периоду бытования культур мариупольской культурно-исторической области. Определенные признаки ломки старых общественных устоев проявились, например, и в самом Мариупольском могильнике, особенно в его поздней части, что выразилось в тенденции возрастания числа мужских захоронений (как признак утверждения матрилокального брака), а в целом — патриархальных отношений[3]. Отражением процесса социального расслоения и имущественного неравенства служат находки булав и скипетров строго выраженного типа, а также захоронения с богатым инвентарем, включающим и золотые изделия (Никольский могильник на Днепре).

Следует, правда, учитывать, что новые тенденции проявляли неодинаковую активность в разных районах распространения культур мариупольской области. В донском лесостепье в культурах мариупольской линии (включая и донскую абашевскую), социальные процессы были заметно приглушены в силу природной специфики региона, что, как мы уже отмечали, находит подтверждение в консервировании погребального обряда и традиционной формы экономики.

[1] Синюк А.Т. Об энеолитических могильниках лесостепи... С. 105-111.

[2] Итина М.А. История стенных племен Южного Приаралья. М., 1977. С. 224.

[3] Столяр А.Д. Мариупольский могильник как исторический источник. Автореферат диссертации... канд. наук. Л., 1953. С. 9.

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ИЗ ГИПОТЕЗ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ В ДОНСКОМ ЛЕСОСТЕПЬЕ

Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н.э. Тирасполь, 1994. С. 115-117.

В рамках проблемы культурогенеза мы ограничим свою задачу рассмотрением лишь некоторых ее аспектов, касающихся происхождения срубной культуры в лесостепной зоне бассейна Дона.

В свое время Н.К. Качалова пришла к заключению о разных источниках формирования срубных древностей на степных и лесостепных пространствах, выделив для последних три варианта: северо-восточный (Среднее Поволжье и Приуралье), среднедонской (Верхнее и Среднее Подонье до р. Суры — на востоке, до линии Тамбова — на севере и до р. Оскола — на западе) и северо-западный (бассейн Северского Донца в его верхнем течении и левобережные притоки Днепра). При этом историко-культурная оценка лесостепных срубных памятников Дона определяется тем, что оставившее их население генетические не вырастает из местного абашевского — оно являлось пришлым с более восточных территорий, как и в целом движение срубных племен проходило с северо-восточных районов на запад (Качалова, 1977).

Данный вывод был поддержан другими исследователями. В частности, А.Д. Пряхин в обоснование этого привёл целый ряд наблюдений, в числе которых отмечена синхронность срубных традиций абашевским вне пределов распространения последних; появление абашевских памятников на срубной территории Заволжья лишь на позднем этапе своего развития; фиксирование начальной ассимиляции населения этих культур как процесса механического смешения; появление в ходе слияния культур синкретических памятников (Пряхин, 1980).

Однако, сравнительно недавно тот же исследователь занял принципиально иную позицию в вопросе о происхождении лесостепной срубной культуры Дона. Теперь он полагает, что появление так называемых синкретических памятников интерпретировать «только как отражение процесса ассимиляции абашевцев распространившимися на эту территорию срубниками сейчас уже нельзя. Все более крепнет убеждение, что это был не только ассимилятивный процесс, но и процесс перерастания одного культурного исторического явления в другое» (Пряхин, 1988). И такое «перерастание» обнаруживается по цепочке погребений: абашевские — абашевско-срубные — срубно-абашевские — срубные. Цепочка же выстраивается по степени потери абашевских и нарастания срубных признаков в обрядовости и инвентаре погребений (Пряхин, Матвеев, 1988).

Данное заключение, на наш взгляд, уязвимо в очень существенной своей части, а именно: доно-волжская абашевская культура не представляет собой, как это считается, этнокультурного единства. В нее оказались включенными и памятники собственно донской абашевской культуры (синхронной всем периодам развития на Дону памятников катакомбной общности), и памятники покровско-абашевского типа, появившиеся в бассейне Дона из более восточных областей с уже явными признаками срубного облика. Это произошло ко времени финала на Дону катакомбных древностей.

Кроме того, именно в покровско-абашевских погребальных комплексах неоднократно зафиксировано совмещение признаков, которые раскладываются по разным

эволюционным звеньям отмечавшейся выше этногенетической цепочки. Из местных же абашевских памятников, к тому же занимающих северную, преимущественно левобережную часть Донского Лесостепья, и население которых само оказалось поглощенным покровско-абашевскими племенами, практически не улавливается ни один из существенных признаков, проявивших бы себя в характере срубной культуры. По крайней мере, все ранние срубные комплексы на Дону несут элементы восточного происхождения, смыкаясь тем самым с покровско-абашевскими памятниками.

Следовательно, процесс формирования срубной культуры на Дону не представлял собой эволюционное перерастание одного культурного явления в другое на местной почве. Местные же традиции, как абашевские и воронежские, так и позднекатакомбные, в разной степени оказались включенными в общий процесс становления нового крупного этнокультурного образования. В данном процессе абашевский компонент действительно сыграл заметную роль прежде всего в зоне формирования раннего ядра срубной общности, но лишь затем был привнесен в более западные области, где более активными оказались процессы ассимилятивные.

Хотелось бы обратить внимание и наследующее. Попытка локализации срубных культур по природно-географическим зонам весьма интересна. Но она наталкивается на проблему установления четкой границы между лесостепью и степью, поскольку, например, долина Дона сохраняла основные признаки лесостепного ландшафта за счет распространения на юг широколиственных лесов в виде интерзональных фракций вплоть до Азовского моря. И даже признаваемые палеопочвоведами климатические колебания в суббореале могли лишь сужать, но не уничтожать лесостепные языки в речных долинах, вклинивавшиеся вглубь степных пространств. Отсюда следует, что всегда условно усредненное пограничье природных зон не дает оснований для его отождествления с границами археологических культур, ибо они окажутся столь же условными. В подтверждение тому сошлемся на срубные памятники донской лесостепи и севера степи (прежде всего в долине Дона), которые фактически не несут каких-либо отличий. Даже в собственно лесостепи, при наличии дубрав и черноземных почв, побуждавших к развитию земледелия, всегда оставались открытые пространства со злаковым разнотравьем, неизменно привлекавшие к себе скотоводческие племена.

В свое время, на основе ряда наблюдений нами было высказано предположение о возможности сосуществования в донской лесостепи в период бытования срубной культуры нескольких типов (моделей) хозяйствования. Новые данные подтверждают это предположение, причем многовариантность экономики фиксируется на всем протяжении бронзового века, реализуясь как в единой этнокультурной среде, так и в формах зависимости на межэтническом уровне. Последнее документируется вычленением на Дону субкультур, синхронных и совмещенных территориально с главенствовавшими этнокультурными образованиями: иванобугорской — с древнеямным: воронежской — с катакомбным и, частично, с местным раннеабашевским; бондарихинской — со срубным (на поздней стадии развития).

1995

ДРЕВНЕЯМНАЯ КУЛЬТУРА ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА

Тез. науч. конф., посвященной основателю Липецкого областного краеведческого музея М.П. Трунову. Липецк, 1995. С. 37-40.

1. О древнеямной культуре в пределах лесостепного Дона стало возможным говорить после проведения в 70-е годы раскопок Павловского могильника, давшего свыше тридцати погребений характерного облика, что, в свою очередь, позволило привлечь в круг источников этой культуры еще ряд погребений из раскопок предшествующих лет (Солонцы, Ильмень, Краснодар), оставшихся без должной исследовательской оценки. Интересные материалы были затем получены в процессе работ на Власовских могильниках, а также могильниках у с. Новомеловатовка, Ширяево, Подгорное, Терешково и др. И если количество древнеямных материалов на Дону сравнительно невелико и сейчас (не более 70-ти погребений и отдельные находки с многослойных стоянок), они, тем не менее, позволяют коснуться специфики элементов культуры и, в общих чертах, исторической ситуации интересующего нас времени.

2. Подавляющее число древнеямных погребений (свыше 80%) выявлено в левобережном Подонье. Они равномерно рассредоточены от средней части лесостепной зоны (примерно от северной границы Воронежской области) до ее южных пределов и далее, по степным пространствам, составляя, скорее всего, единый этнокультурный массив с памятниками Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. На тех же широтах встречены древнеямные захоронения и в Правобережье, но здесь они единичны, хотя эта часть донской территории по объему раскопочных работ ненамного уступает Левобережью. Отсюда не случайно, видимо, и то, что в основном с Левобережьем связаны и находки древнеямного облика из культурных слоев стоянок (Университетские, Черкасская и др.) Пока лишь два памятника — Павловский и Первый Власовский могильники — дали относительно крупные серии древнеямных погребений (соответственно 36 и 8), тогда как все другие памятники содержали их по одному-два на фоне многократного преобладания погребений катакомбной, абашевской и срубной культур. Как правило, древнеямные погребения — основные к материалам названных культур. Первичные насыпи, судя по кольцевым ровикам (выявлены в восьми случаях), имели диаметры от 10 до 22 метров при высоте 1-2,5 метра. Погребальные ямы, за исключением двух овальных, — прямоугольные, средних (со сторонами от 1,5 до 2 м) и обширных (со сторонами свыше 2 м) размеров. Отмечены следы деревянных настилов, а в двух случаях — следы столбовых конструкций. Характерно наличие охры, мела, органических подстилок, остатков жертвенных животных. Лишь треть погребений — с инвентарем. В его составе — кремневые пластины и резчики, костяные трубки и кольца, глиняные сосуды, медные ножи, створки раковины Unio. Выявлены также наборы плотничьего и кожевенного инструментов.

3. Среди древнеямных погребений Дона, при заметном единстве перечисленных выше признаков, нами выделены три обрядовые группы по различиям в позе и ори-

ентировке умерших. Первая группа — положение скорчено на спине головой на восток или северо-восток, с руками, вытянутыми вдоль тела или с размещением одной из них на тазе. Вторая группа — положение со слабой скорченностью на спине с ориентировкой в западном направлении, с руками вдоль тела. Третья группа — положение скорчено на спине с южной и юго-восточной ориентировкой. Необходимо уточнить, что обрядовые группы в нашем понимании не тождественны группам хронологическим, если для этого нет глубокого статистико-стратиграфического обоснования; они не включают в себя и строгих этнических критериев, поскольку каждая из групп, как мы их представляем сейчас, охватывает безусловно более широкий и общий круг признаков, чем тот, который способен отражать погребальный обряд конкретного этноса на определенном этапе развития. Наконец, пока еще не удается проследить соотношение образующих обрядовые группы признаков с социальным рангом захороненных — проблема, от решения которой во многом зависит прочность наших хронологических этногенетических построений. Таким образом, выделение обрядовых групп служит прежде всего классификационным инструментом, с помощью которого фиксируется наибольшее видимая «надводная часть айсберга» древних обрядовых систем. Последние же могут раскрываться лишь с учетом полного набора взаимокоррелирующихся признаков. В связи с этим следует иметь в виду и то, что количественный состав той или иной обрядовой группы неизбежно включает процент условности, поскольку (если опираться на известную специфику донского региона) признаки первой группы свойственны также обрядовости носителей местной среднестоговской культуры, а признаки первой и третьей групп встречаются при устройстве катакомбных конструкций, которым в рамках среднедонской катакомбной культуры сопутствуют погребения с аналогичной обрядовостью и в обычных ямах (как и с инвентарем, так и безынвентарные). В этом же плане всегда остается место для разных этнокультурных трактовок погребений со смешанными (ямно-катакомбными, ямно-полтавкинскими) комплексами. Отметим также, что отдельные погребения древнеямного облика из-за наличия своеобразных черт не позволяют пока расширить предложенную классификацию ввиду своей малочисленности. Это, в частности, относится к захоронениям с северной ориентировкой (Павловск, Ильмень, Власовка), к погребениям с левобочным положением (Прилепы, Власовка).

Первая обрядовая группа (19 погребений) по совокупности признаков сопоставляется с первой-третьей обрядовыми группами погребений Нижневолжского региона (по классификации Н.Я. Мерперта), среди которых погребения с ориентировкой на восток и с густой охровой посыпкой характеризуют общий древнеямный тип, распространившийся на ранних стадиях по всей древнеямной культурно-исторической области. Для донских погребений этой группы более присуща безынвентарность, но именно с ними связаны и упомянутые наборы ремесленного инструментария (Павловский могильник), а также каменное навершие булавы (Ширяево). Большинство погребений принадлежит взрослым.

Появление второй обрядовой группы (30 погребений) фиксирует собой южный импульс расселения — из пределов Нижнего Дона, где такие погребения объединены в седьмую обрядовую группу (по классификации В. Я. Кияшко). В основном с ним связано устройство кольцевых ровиков (в шести случаях из восьми, а также кольцевой кромлех (Новая Меловатка). Им чаще, чем погребениям первой группы, сопутствует инвентарь, в облике которого (прежде всего у сосудов) можно проследить элементы катакомбного воздействия.

Третья обрядовая группа (10 погребений) должна рассматриваться уже полностью в рамках ямно-катакомбного времени. Они, несомненно, близки погребениям четвертой группы донского варианта (по Н.Я. Мерперту) или девятой группы (по В.Я. Кияшко). Здесь находит распространение прием устройства уступов в погребальных ямах. Отметим, что все захоронения этой группы пока выявлены в левобережье Дона.

4. Хронология древнеямных погребений определяется, с одной стороны, признаками взаимодействия с местным энеолитическим миром и некоторыми майкопскими аналогиями в погребениях первой обрядовой группы (Павловский могильник), а, с другой стороны, многочисленными свидетельствами вхождения ямных традиций в катакомбно-полтавкинский этнокультурный мир. Учитывая то обстоятельство, что ни один из обрядовых признаков, как и конструктивных признаков погребальных ям, взятых по отдельности, не является узкохронологическим определителем, время бытования всех древнеямных захоронений донской лесостепи нами рассматривается в рамках двух хронологических этапов, рубеж между которыми определяется началом влияния катакомбных традиций, т.е. в общих чертах первый этап датируется второй половиной III тыс. до н. э. (большинство погребений первой и ранние погребения второй обрядовых групп), а второй этап — первой половиной II тыс. до н. э. (наиболее поздние погребения первых двух, а также все погребения третьей обрядовой группы).

Относительно позднее появление в донской лесостепи древнеямных племен (не ранее середины III тыс. до н. э.) связано с сохранением ведущих позиций (особенно в правобережье лесостепного Дона) пережиточного среднестоговского и репинского энеолитического населения, с которыми имелись давние и, можно полагать, мирные взаимоотношения. Длительная, вплоть до катакомбной экспансии, стабильность такой политической обстановки в определенной степени подтверждается и самим фактом малого числа древнеямных памятников на данной территории.

Рассматривая Нижний Дон в качестве основной исходной области, откуда шло продвижение древнеямных группировок в донскую лесостепь, нами учитывается и заметная роль в этом процессе Поволжского региона, причем демографическая подпитка с востока достаточно ярко проявила себя в полтавкинское время (Власовские могильники, Подгорное и др.), что не могло не наложить специфический отпечаток на развитие местной культуры эпохи средней бронзы всей первой половины II тыс. до н. э.

5. Еще ранее нами ставился вопрос о выделении в местном древнеямном обществе, наряду с двумя высшими сословиями (воины, жрецы), категории ремесленников с высоким социальным статусом (Павловский могильник). Новые источники позволяют углубить наши представления об уровне общественного устройства того времени. Так, данные первого Власовского могильника свидетельствуют о появлении еще в древнеямной среде (как минимум, на втором хронологическом этапе) обособленных мест мужских захоронений, принадлежавших жреческому сословию. Раскопки могильника Терешковский Вал позволили установить существование в той же этнокультурной среде и обособленных групп зависимого населения (мастеров-оружейников, выходцев из круга северных пережиточно-неолитических племен). Такого рода источники вплотную подводят к признанию весьма сложной, с зачатками государственности, социально-политической структуры древнеямного общества.

На дальнейшие судьбы местного ямного общества самое прямое влияние оказали представители катакомбного этнокультурного мира. При этом резкой смены населения на Дону не произошло. Как показывают материалы, сформировавшаяся на

месте катакомбная культура практически на всех этапах своего развития включала в самых разных комбинациях элементы древнеямной культуры, равно как и системы общественно-политического устройства. В этом плане особенно показателен Первый Власовский могильник, где зафиксированы сохранение обычных погребальных ям, захоронения скорчено на спине в катакомбах, наличие в едином комплексе разнокультурных сосудов, совмещение в коллективных могилах представителей разных антропологических типов, сохранение жреческой принадлежности самого могильника и т.д. При этом еще раз отметим хорошо прослеживаемые здесь признаки инфильтрации полтавкинского этнокультурного компонента Поволжья.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ С ПОСЕЛЕНИЯ «ДРОНИХА»

Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995. С. 130-138.
В соавт. с А.З. Винниковым, М.В. Цыбиным

Памятники донских славян конца I тыс. н.э. в настоящее время сравнительно хорошо изучены на Среднем Дону и на р. Воронеже[1], но они совершенно неизвестны в более восточных районах бассейна Дона. Поэтому открытие в урочище «Дрониха» у с. Старая Тишанка Таловского района Воронежской области на поселении, известном как памятник неолитической эпохи[2], исследовавшемся экспедицией ВГПИ (рук. А.Т. Синюк), материалом конца I тыс. н.э., а также древнерусского периода (XIII-XIV вв.) представляет значительный интерес для освещения истории населения пограничных восточных и юго-восточных районов Руси в эпоху средневековья.

Поселение «Дрониха» занимает южную часть надпойменной террасы левого берега р Битюг (рис. 1, 1).

К концу I тыс. н.э. относятся три полуземляночные постройки[3] (рис. 1, 3).

Постройка 1 (рис. 2, 1) почти прямоугольной формы размером 3,5×3,8 м, углублена в материк на 0,4-0,5 м. Длинной осью ориентирована по линии СВ-ЮВ. Материковый пол котлована почти по всей площади покрыт довольно плотным угольным слоем толщиной 6-8 см, являвшимся остатками деревянною пола. В южной части котлована зафиксированы остатки печи, которая была сооружена из глиняных вальков размером 3-4×5-7×10-14 см. Очажное углубление представляло собой яму округлой формы размером 0,55-0,6 м, углубленную в материк на 0,2 м. Заполнена она обожженной глиной, золой. Стенки прокалены. В заполнении печи обнаружена славянская лепная керамики последних веков I тыс. н.э. (рис. 2, 2). Здесь же найдено каменное точило и кусочек бронзы. На полу котлована у юго-восточной стены найден кусок железного шлака. В отдельных местах у стен прослежены углисто-зольные прослойки — остатки деревянной облицовки стен. У северо-восточной стены на полу расчищена хозяйственная яма диаметром 0,5 м, глубиной 0,55 м.

Постройка 2 (рис. 2, 10) имеет почти квадратную форму — 3,3×3,3 м. В материк углублена на 0,17-0,2 м. В северном углу котлована выявлены остатки отопительного устройства, представлявшего собой яму диаметром 1,35 м, углубленную в материковый пол постройки на 0,32 м. Пол и стенки ямы обмазаны обожженной глиной. Она заполнена чередующимися прослойками обожженной глины, золы, угля. Сверху яма перекрыта площадкой обожженной глины высотой 0,4 м, на которой находились камни со следами сильной прокаленности. Эта площадка, вероятно, связана с конструкцией свода печи. В юго-восточном углу постройки на полу лежат лепной сосуд (рис. 2, 12). Внешний поверхность его желтого цвета, в тесте примесь песка. Сосуд имеет приземистое тулово, резко отогнутую шейку, не орнаментирован. Рядом с ним находилось железное орудие труда (рис. 2, 11).

---

[1] Москаленко А.Н. Славяне на Дону (Борщевская культура). Воронеж, 1981; Винников А.З. Славянские курганы Лесостепного Дона. Воронеж, 1984.

[2] Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986. С. 93-115.

[3] В отчете о раскопках поселения «Дрониха» они даны как постройки №№ 2, 4, 5. См Синюк А.Т. Отчет к открытому листу № 584 о раскопках поселения «Дрониха» Таловского района Воронежской области в 1980 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 8537.

Постройка 3 (рис. 2, 13). Котлован постройки выкопан в почвенном слое на 0,5-0,55 м. В материк постройка не углублена. Размеры ее 3,7×4 м. В северной части котлована выявлены остатки печи округлой формы. Верхняя ее часть на высоту 0,16 м сложена из глиняных вальков и глины. Нижняя часть печи углублена в материк на 0,25 м, диаметр углубления около 1,5 м. В заполнении печи обнаружена лепная славянская керамика (рис. 2, 16). Такая же керамика найдена на полу постройки (рис. 2, 14, 15).

Выявленные три полуземляночные постройки обладают некоторыми общими чертами: сравнительно небольшой площадью; срубным характером деревянных конструкций; однотипностью отопительных сооружений; наличием лепной керамики, датируемой в рамках IX-X вв.

К поселению конца I тыс. н.э. относятся и несколько хозяйственных ям, в заполнении которых находилась лепная керамика, аналогичная обнаруженной в описанных выше постройках. Размеры ям 0,7-1,18 м, глубина материкового основания 0,15-0,55 м.

В культурном слое и в постройках встречена небольшая, но довольно интересная коллекция керамики IX-X вв. Это, в основном, лепные горшки, орнаментированные по верху венчика пальцевыми вдавлениями или защипами (рис. 3, 12-16). Лишь два фрагмента горшков имеют орнамент веревочным штампом (рис. 3, 17, 18). Вылеплены эти сосуды из плотного, хорошо промешанного теста с примесью песка и мелкого шамота. Кроме горшков, встречен один фрагмент сковородки (рис. 3, 19). По всем своим компонентам рассматриваемая керамика составляет единое целое со славянской керамикой бассейна Дона конца I тыс. н.э.[1], но ближе всего (по характеру теста, обработке поверхностей, орнаментации) она керамике славянских поселений, расположенных на р. Воронеже.

Находок, кроме керамики, бесспорно связанных с поселком IX-X вв., встречено очень мало: железная мотыжка (рис. 2, 1) и глиняные биконические пряслица (рис. 2, 2-4).

Поселение конца I тыс. н.э. в ур. «Дрониха» на р. Битюге появилось в результате продвижения славян в Левобережье Дона из бассейна Днепра[2]. Необычными для донских славян выглядят отопительные устройства в жилищах. В них соединились традиции славянских жилищ с печами и кочевнических построек с открытыми очагами. В двух полуземлянках в конструкции отопительных сооружений использованы глиняные вальки. Такого рода строительный материал нехарактерен для донских славян, но зато довольно часто встречается в конструкции печей на памятниках типа Луки-Райковецкой[3] и в некоторых печах Днепровского Левобережья, на памятниках роменской группы[4].

В конце X века жизнь на поселении «Дрониха» прекратилась, и следующий этап заселения этого района относится к более позднему времени, о чем свидетельствуют две полуземляночные постройки —№№ 4, 5.

Постройка 4[5] (рис. 2, 17). Это полуземляночное жилище имеет подпрямоугольную форму размером 6,5×4 м. Глубина котлована в материке 0,5-0,65 м. Длинной осью постройка ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Пол котлована ровный. В юго-восточном углу на материковой приступке находились остатки отопительного устройства

[1] Винников А.З. Керамика донских славян конца I тысячелетия н.э. // СА. 1982. № 3

[2] Винников А.З. Славянские курганы Лесостепного Дона. С. 186.

[3] Раппопорт П.А. Древнерусское жилище // САИ. 1975. Вып. Е1-32. С. 145-147.

[4] Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое // МИА. 1958. № 74. С. 195. Рис. 35.

[5] В отчете о раскопках поселения «Дрониха» в 1975 году эта постройка получила № I См.: Синюк А.Т. Отчет к открытому листу № 336 о работе 1-го отряда археологической экспедиции Воронежского государственного университета за 1975 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 5816.

(очага?), представлявшие собой круглую в плане площадку из обожженной глины и золы диаметром 0,4 м и толщиной 0,25 м. В заполнении котлована на разной глубине встречались отдельные скопления угольков и кусочков дерева. В материковом полу вдоль стен котлована расчищены пять столбовых ямок. В заполнении постройки обнаружена древнерусская гончарная керамика XIII-XIV вв. (рис. 2, 18-20).

Постройка 5 (рис. 2, 1) сооружена на месте постройки 1 конца I тыс. н.э. Она имеет почти квадратную форму — 4,3×4,35 м. Глубина котлована в материке 0,25-0,3 м. У северо-восточной стены котлована открыты остатки печи, сооруженной на зольном основании (остатки деревянного пола постройки 1), представлявшей собой скопление обожженной глины, камней и угля. Высота сохранившейся части печи 0,35 м. Основание ее лежит на обожженной глиняной площадке размером 0,5×0,65 м. Котлован постройки перекрыт угольными прослойками — остатками деревянной конструкции жилища. И под угольными прослойками, и в нижней части заполнения котлована обнаружены фрагменты гончарной древнерусской керамики (рис. 2, 3-7), а также фрагменты от двух сосудов, изготовленных, видимо, в золотоордынских центрах (рис. 2, 8, 9).

К древнерусскому периоду на поселении «Дрониха» относятся несколько хозяйственных ям глубиной в материке 0,2-0,6 м, диаметром 0,75-1,75 м. В заполнении ям встречена древнерусская керамика, а в одной из них — железная пряжка (рис. 3, 5).

К древнерусскому времени относятся обломок ложновитого бронзового перстня (рис. 3, 6), фрагмент бронзовой накладки с двумя отверстиями (рис. 3, 7), бронзовая пластинка (рис. 3, 8), свинцовые пластинка и стержень (рис. 3, 9, 10), рыболовное грузило (рис. 3, 11).

В культурном слое поселения найдено около двухсот фрагментов венчиков от древнерусских гончарных горшков. По форме венчика горшки можно разделить на 5 основных типов. Для горшков 1-го типа, составляющих 28,4% от общего количества, характерен просто оформленный венчик без утолщений с округлым или приостренным краем (рис. 4, 1, 2). Горшки 2-го типа (10,8%) имеют отогнутый наружу венчик с загнутым внутрь краем, образующим с внутренней стороны желобок (рис. 4, 3-6). У горшков 3-го типа (22,1%) край венчика загнут наружу, образуя утолщения различной формы (рис. 4, 8). Край венчика у горшков 4-го типа (36,3%) загнут во внутрь, образуя преимущественно уплощенное утолщение (рис. 4, 9-10). У горшков 5-го типа (2,4%) край венчика отогнут наружу в виде «козырька» (рис. 4, 7).

Диаметры верха горшков 12-24 см. Они орнаментированы волнистыми или прямыми линиями. Найдено несколько фрагментов днищ с клеймами, представленными кругом с отходящими от него лучами — 5 экз. (рис. 4, 14-16), кругом в круге — 1 экз. (рис. 14.13) и кругом, видимо, с вписанным в него крестом — 1 экз. (рис. 4, 17).

Древнерусская керамика вылеплена из теста с примесью песка. Сосуды имеют желтые, серые или красноватые внешние и внутренние поверхности. На некоторых днищах по краю имеются бортики и заметны следы мелкозернистой подсыпки.

Древнерусская керамика, аналогичная найденной на поселении, распространена на памятниках XIII-XIV вв. в Поднепровье[1], Подонье[2], в центральных районах русского государства[3], в Поволжье[4].

[1] Беляева С.А. Южнорусские земли во второй половине XIII-XIV вв. Киев, 1987. Рис. 29.

[2] Ляпушкин И.И. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища // МИА. 1958. № 62. Рис. 15.

3 Раппопорт П.А. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. // КСИА. 1956. № 62. Рис. 46.

4 Хлебникова Т.А. Древнерусское поселение в Болгарах // КСИА. 1956. N 62. Рис. 1. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. Рис. 22, 23, 24 и др.

Выделенные типы керамики на поселении «Дрониха», видимо, сосуществовали в какой-то период. Об этом может свидетельствовать тот факт, что в нижней части заполнения котлована постройки 5 найдены фрагменты горшков всех типов.

Важное значение для датировки древнерусского слоя поселения имеет керамика, изготовленная в золотоордынских центрах. Найдено 6 фрагментов от узкогорлых неполивных сосудов желтого цвета, вылепленных из плотного теста с высоким качеством обжига. Стенки сосудов имеют рифление (рис. 4, 11, 12). Проникновение золотоордынской керамики на древнерусские поселения Среднего Подонья стало возможным, скорее всего, в первой половине XIV в. в период появления и распространения в Золотой Орде хозяйственно-ремесленных поселков, специализировавшихся на выпуске неполивной керамики и снабжавшей своей продукцией население сельской округи[1]. Один из таких поселков находился в низовьях р. Битюг[2].

Таким образом, древнерусский слой поселения Дрониха можно датировать в пределах второй половины XIII — первой половины XIV вв., хотя и не исключена возможность наличия незначительных материалов домонгольского времени, особенно среди древнерусских горшков второго типа, характерного для XII-XIII вв.

Кроме поселения Дрониха, в Среднем Подонье сейчас известно более 40 поселений XIII-XIV вв. по рр. Воронеж, Дон, Битюг, Савала, Карачан, Ворона, Хопер. На некоторых из них проведены раскопки (Шиловское, Левобережное у плотины, Верхнекарабутское 1, 2 и др.). Полученный материал подтверждает данные письменных источников, в частности, грамот митрополитов Феогноста и Алексея[3], о существовании в этом районе древнерусского поселения в первой половине — середине XIV в. Изучение древнерусских поселений XIII — XIV вв. в Среднем Подонье позволит подойти к рассмотрении проблемы русско-золотоордынского пограничья в этом районе не только на основании письменных источников[4], но и учитывая данные археологических материалов.

[1] Васильева И.Н. Гончарный горн XIV века на дюне «Большой Шихан». Средневолжская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977. С. 130.

[2] Левашева В.П. Золотоордынские памятники в Воронежской области // Тр. ГИМ. 1960. Вып. 37.

[3] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв. М., 1964. ТЛИ. № 312, 313.

[4] Егоров В.Л. Граница Руси с Золотой Ордой в XIII-XIV веках // ВИ. 1985. № 1. Он же. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАССЕЙНЕ ДОНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЙ)

Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995. С. 37-72. В соавт. с И.А. Козмирчуком.

Обширный круг публикаций, включающий и монографические издания [1-4], отражает живейшую заинтересованность исследователей в разработке проблем абашевской культуры Подонья. Очевидным достижением можно считать тот факт, что донские материалы ныне составляют неотъемлемую часть источниковой базы для изучения культур эпохи бронзы Евразии. Но очевидно и то, что дальнейшее накопление источников, а также поиски новых подходов к их информативному содержанию будут диктовать продолжение исследовательских поисков в этом направлении.

Именно группа недавно полученных материалов (курган № 16 Первого Власовского могильника, кургана № 57 Павловского могильника, курган у с. Филатовки и др. — рис. 1) побудила нас вновь затронуть некоторые вопросы абашевской проблематики, прежде всего те из них, которые сопряжены с синхронистическими разработками и этносоциальными характеристиками, с поисками направлений контактов и историческими судьбами донских абашевских племен. Но прежде обратимся к рассмотрению самих материалов.

Курган № 16 Первого Власовского могильника (Грибановский район Воронежской области, донское Левобережье, рис. 2) занимал несколько обособленное место и, в отличие от других курганов, содержал захоронения с абашевскими чертами[1]. Самое раннее из них (№ 6) было разрушено грабительским шурфом, но на сохранившемся участке пола ямы обнаружены отдельные кости скелета взрослого человека и фрагмент сосуда (рис. 3, 1). Над погребением была сооружена невысокая уплощенная насыпь, включавшая большое количество золы и пепла. Затем в нее были впущены погребения 1 и 2, оба с перекрытиями из деревянных брусьев. В первом из них на обильно посыпанном мелом полу найдены медный браслет.... (рис. 4, 1) и сосуд (рис. 3, 2): скелет не сохранился совсем. Второе погребение представлено лишь сосудом (рис. 3, 3). После совершения этих захоронений насыпь, при сохранении прежнего диаметра, была поднята вдвое.

Далее в ее северной поле соорудили погребение 4, а уж затем, с дополнительной подсыпкой кургана, погребение 3. В обширной яме погребения 4 рядом с вытянутым на спине скелетом мужчины высокого роста (не менее двух метров) находились сосуды (рис. 3, 5-9), медный нож (рис. 4, 2), астрагалы, костяные изделия (рис. 4, 5-7), каменное навершие булавы (рис. 4, 3) и кремневые наконечники стрел (рис. 4, 8-15). В яме погребения 3 с остатками перекрытия, по которому была произведена побелка меловым раствором, находилось, по всей видимости, перезахоронение останков взрослого человека в «упаковке». Оно сопровождалось сосудами (рис. 3, 10-13), каменным навершием булавы (рис. 4, 4), «рукоятью» из мела и ребрами крупного животного, ранее лежавшими на перекрытии. Отметим, что над перекрытием этого погребения была выложена округлая в плане площадка из сухих комьев глины, а позднее, с очередной досыпкой кургана, над нею же соорудили аналогичную площадку, но значительно большего размера.

[1] Синюк А.Т. Отчет о раскопках экспедиции Воронежского пединститута в 1987 г. — Архив ИА АН СССР. Поскольку нами подготовлена к публикации специальная работа по итогам раскопок этого кургана, мы ограничимся здесь изложением лишь наиболее общих сведений.

Последовательность производства погребения 5 стратиграфически не фиксировалась, хотя оно и было перекрыто верхней глинобитной площадкой. Здесь, в небольшой яме с уступом, рядом с останками младенца находились кости и челюсти овцы, а также сосуд (рис. 3, 4), внутри и около которого фиксировались следы бурой охры. Окончательная досыпка кургана сопряжена с погребением, которое, вероятнее всего, было уничтожено грабительским шурфом. Таким образом, проведенные исследования позволили установить несколько последовательных периодов строительства кургана, каждый из которых связан с совершением конкретных погребений. Однако культурно-хронологическая взаимосвязь всех произведенных в кургане захоронений несомненна. Такое заключение обосновывается прежде всего характером погребального инвентаря, а в известной степени и обрядовыми признаками. Так, сосуд из погребения 6 (первый стратиграфический горизонт) и сосуд из погребения 4 (третий стратиграфический горизонт) близки по форме, наличию ракушечной примеси в тесте, хорошо сглаженным поверхностям коричневого цвета и особенно по орнаментальным мотивам (рис. 3, 1, 6). Следовательно, в том же хронологическом диапазоне находятся и погребения 1 и 2 (второй стратиграфический горизонт), тем более, что их сосуды колоколовидностью формы, наличием ракушечной примеси, а также орнаментальной композицией (волна-зигзаг, окантованная «бахромой») весьма близки другому сосуду из погребения 4 (рис. 3, 8). К тому же типу принадлежит и сосуд из погребения 5. Заметно отличаются типологически сосуды из погребения 3 (четвертый хронологический горизонт). Среди них есть горшок, банка, остроребериый сосуд-кубок — ведущие керамические типы срубной культуры. Однако нетрудно заметить, что мотивы орнамента на кубке сходны с декором одного из сосудов погребения 4, а в более широком плане — с орнаментальными построениями на сосудах абашевско-срубно-алакульского облика восточных территорий, среди которых нередки и с кубковидной формой [5, с. 95; 6, с. 90, 97; 7, с. 55, 57, 59; 8, с. 37; 9, рис. 3, 4, 7 и др.; 10, рис. 7]. Кстати, достаточно близкая аналогия рассматриваемому сосуду (особенно по наличию пастовой инкрустации) имеется на Среднем Дону, в погребении Радченковского кургана, определяемом нами как раннесрубное с признаками абашевских традиций [12, с. 143, рис. 2]. Интересно отметить, что власовские погребения 3 и 4 сближаются и по наличию каменных наверший булав — находок, не встреченных пока в «чистых» абашевских комплексах, равно как и тип булавы из погребения 3 — в срубных (такой тип известен в круге катакомбных древностей) [13, с. 78, рис. 2]. В связи с этим, обратим внимание и на то, что один из сосудов того же погребения 3 (рис. 8, 11), при наличии зубчатого штампа срубного типа, в целом сопоставим с сосудами катакомбно-полтавкинского облика. Говоря об этнокультурной и хронологической взаимосвязи всех погребений рассматриваемого кургана, добавим, что погребение 8 имеет аналогичную погребениям 5 и 6 форму и ориентировку ямы, а катакомбными чертами обрядовости наделены погребение 4 (наличие астрагалов) и погребение 5 (наличие охры). Считаем, что все это далеко не случайно, как и само устройство кургана на площади могильника служителей культа катакомбных племен [14, с. 27-69].

В многокомпонентном сочетании признаков инвентаря и обрядовости погребений рассматриваемого кургана заложена и исключительно важная информация этнокультурного плана. Большинство сосудов (без учета пока материалов погребения 3) имеет общие для абашевских памятников разных территорий (от Подонья до Приуралья) черты: колоколовидность формы, ракушечную примесь в тесте, гребенчатый и прочерченный элементы орнамента, а также линейно-волнистые орнаментальные мотивы. К общеабашевским традициям относится сопровождение погребений кремневыми нако-

нечниками стрел, медными листовидными ножами с расширением на конце рукояти, медные браслеты. Что же касается более специфических региональных признаков, то у власовских сосудов (прежде всего в стиле их орнаментации) сходства с материалами доно-волжской абашевской культуры (в существующем ее понимании) мало, тогда как значительно больше параллелей устанавливается с абашевскими древностями Южного Урала [5], а также с теми памятниками восточных территорий, в которых фиксируются абашевские, раннесрубные и раннеалакульские этнокультурные взаимодействия [15, с. 77-108]. В стиле же орнамента сосудов типа погребения 6 прослеживаются те традиции, которыми оказались затронуты памятники обширных областей к востоку от Дона (Потаповка, Новый Кумак, Петровка) вплоть до Южного Зауралья (Синташта) и которые выводятся из круга культур катакомбного ареала и КМК [16]. Кстати, именно для названной группы восточных памятников (петровского времени) характерны каменные булавы и кремневые наконечники стрел с усеченным основанием [6, с. 138], аналогичные найденным во власовском погребении 4. Найдена такая булава и в могильнике с формирующимися признаками срубно-андроновской общности Ветлянка IV в Южном Приуралье [9, рис. 15, 21]. В круг уральских абашевских памятников ведут аналогии костяной втульчатой лопаточке [5, с. 92, табл. XVII, 1, 2], откуда известна и случайная находка подобного же изделия [5. с. 92, табл. XVII, 4].

Вместе с тем, ряд аналогий можно привести и в материалах погребений донской территории, в частности остроребернoму горшочку (Подклетненский, Новый Курлак) [3, с. 18, рис. 5, с. 24, рис. 6], некоторым построениям орнамента: вертикальной елочке в нижней части сосуда, переплетающимся зигзагам (Большие Ясырки) [4, с. 40, рис. 16, с. 44, рис. 18], фестонам с бахромой (Старая Тойда) [3, с. 43, рис. 9], а также случаям сопровождения погребений костяными пряжками [4, с. 130]. Но вот что интересно. Многие из отмеченных параллелей ведут к памятникам не чисто абашевским, а абашевско-срубного типа (Большие Ясырки, Кондрашкинский, Орлиное Болото и др.), в связи с чем напрашивается вывод об отсутствии местных корней в происхождении целого ряда признаков, ранее относимых к абашевским. В этом же контексте обратим внимание и на следующее. Власовское погребение 4 характеризуется местными обрядовыми признаками (умерший положен вытянуто на спину с восточной ориентировкой), а в составе его инвентаря находился костяной шип от дисковидного псалия, что повторяет признаки (к ним можно еще присовокупить медные ножи и костяные пряжки) Введенского кургана [17, с. 159-169], используемого в числе эталонных для разработки периодизации абашевской культуры Дона [3, рис. 21]. Для более объективной оценки явлений, стоящих за этим сходством, сначала рассмотрим материалы Филатовского кургана[1].

Курган находился на водораздельном участке р. Воронеж и ее правого притока Кузьминки у западной окраины с. Филатовка Добровского района Липецкой области. Диаметр его — 30 м, высота над уровнем окружающей поверхности — 0,5 м. Выявлено девять захоронений эпохи бронзы[2], почти не углублявшихся в материковую почву, что не позволяло в ряде случаев четко фиксировать контуры погребальных ям. В целом же стратиграфические и планиграфические признаки дали достаточно конкретное представление о приемах устройства всего погребально-культового сооружения (рис. 5). Вблизи от центра, на погребенной почве (гумусированный суглинок 0,4-0,5 м) залегал насыпной слой толщиной до 0,3 м того же состава, но окаймленный темной

[1] Раскопки произведены под руководством И.А. Козмирчука в 1990 г.

[2] Еще одно погребение (№ 10) принадлежит раннему железному веку.

полосой, что может указывать на задерновку древней насыпи. Насыпь была связана с устройством погребения 6, диаметр ее — около 14 м. Затем, судя по уровню залегания деревянных перекрытий, с ее поверхности были произведены сразу три захоронения (№ 1, 2,1 3). Они и определяют центр круглой площадки диаметром 20 м, ограниченной кольцевым рвом шириной в 1,5 м. Лишь на одном из участков северо-восточного сектора отмечено неглубокое врезание рва в материк, тогда как в основном выбирался почвенный слой (как и в случае с первичной насыпкой). Этот слой пошел на устройство второй надмогильной насыпи, высота которой точно не определяется ввиду систематической распашки кургана. По периметру насыпи было устроено пять жертвенников, оказавшихся затем под ее оплывом. Остальные захоронения эпохи бронзы (№ 4, 5, 7-9), как мы считаем, совершены позднее, хотя стратиграфически это фиксировалось только относительно погребения 7, с которым, надо полагать, и была связана окончательная досыпка кургана.

Погребение 6 обнаружено под центром первичной насыпи в виде двух скоплений остатков органической подстилки, черепов и отдельных костей скелетов людей, а также предметов погребального инвентаря на одном уровне залегания (чуть выше материка)[1]. Размеров ямы (или ям) не прослежено, как и следов перекрытия. В восточном скоплении справа от черепа выявлены фрагменты сосуда воронежского типа (рис. 6, 1), алтарный камень с углями на плоской обработанной поверхности (рис. 6, 4) и два каменных терочника (рис. 6, 5, 6). В западном скоплении еще один разрушенный череп сопровождался обломком сосуда того же типа (рис. 6, 2) и костяным втульчатым кольцом с насечками по краю втулки (рис. 6, 3). Данное погребение, судя по отмеченным выше признакам, произведено раннее всех других захоронений кургана.

Погребение 1 совершено в обширной прямоугольной яме, ориентированной по линии ЮЮЗ-ССВ. Глубина ямы (0,5 м) определяется расстоянием между перекрытием и подстилкой (органйческие остатки темно-коричневого цвета). Насколько удалось проследить по расположению остатков дерева, погребальная яма была перекрыта поперек плахами шириной до метра. В яме лежали четыре скелета взрослых людей в вытянутой позиции, на спине, попарно, ногами друг к другу. Кости скелетов частично сдвинуты, частично уничтожены норами грызунов (рис. 7)[2]. Погребальный вещевой комплекс (рис. 8; 9)[3] обращает на себя внимание не только богатством и системностью подборки, позволяющими оценивать погребение как особо социально престижное, но и этнокультурной неоднородностью своих признаков. Среди сосудов имеются экземпляры типично абашевские, с ракушечной примесью в тесте (рис. 8, 1, 3, 8, 10, 11). Но здесь же находятся сосуды, которые по тем или иным показателям сближаются с материалами синташтинско-новокумакского типа, а также срубного и алакульского круга памятников, причем в сочетании признаков, нередко рассматривающихся в разных хронологических позициях. Так, один из сосудов, имея абашевские черты (оформление верха и ракушечная примесь), несет орнаментацию, присущую и петровским, и федоровским традициям (рис. 8, 3). Сочетаются федоровская форма с абашевским декором на другом сосуде (рис. 8, 7), а еще у одного, тоже с поддоном и с ракушечной примесью, орнамент типично ала-

[1] Оба скопления разделены обширной кротовиной, но мы не исключаем и того, что здесь было не одно парное, а два отдельных погребения.

[2] Мы не исключаем и того, что такого рода погребения являются перезахоронениями с попыткой придать останкам анатомическую системность.

[3] Нумерация изделий с указанием их местонахождения на плане погребения (рис. 7) соответствует их нумерации на рис. 8 и 9.

кульский (рис. 8, 5). Добавим, что эти сосуды имеют гладкие с подлощением поверхности светло-коричневого цвета. Весьма интересен и сосуд срубной формы с абашевским декором (рис. 8, 9). Следует также отметить, что оба остроребериых сосудика (рис. 8, 2, 4) — без ракушечной примеси, с гладкими поверхностями — системой орнаментации ближе соотносятся со срубными традициями, хотя общий их облик находит известное сходство и с материалами КМК. Более выдержаны в стиле абашевских древностей другие изделия, как костяные — втульчатая лопаточка (рис. 9, 9), булавки (рис. 9, 10-12), граненый шип с округло-коническим фасадом (рис. 9, 14); так и кремневые наконечники стрел (рис. 9, 15-17) и медный нож с расширенным концом рукояти (рис. 9, 20). Но некоторые из предметов найдут параллели и в ряде комплексов петровской культуры, как, например, пластинчатые ножи (рис. 9, 18, 22), а также в смешанных абашевско-алакульских комплексах (щитковые псалии, нож с расковкой конца рукояти и др.). Таким образом, синтезированный облик данного погребального комплекса проступает достаточно наглядно, хотя абашевский компонент (учитывая в целом и обрядовые признаки) может считаться преобладающим. Несколько слов о псалиях из погребения. Экземпляры первой пары имеют по четыре вставных шипа и по торцевому отверстию; орнаментированы по внешнему и внутреннему скошенному краю, а также по фланцам шипов (рис. 9, 1, 2). Экземпляры второй пары — трехшипные, причем по два шипа монолитных и по одному вставному; торцевые же отверстия и орнамент отсутствуют (рис. 9, 3, 4).

Погребение 2 впущено с того же уровня, что и предыдущее, имеет аналогичную глубину, ориентировано по линии ЗСЗ-ВЮВ. На остатках перекрытия стоял абашевский сосуд с алакульскими чертами в орнаментации. Поверхности его гладкие, тесто без ракушечной примеси (рис. 10, 1). Под перекрытием находились фрагментированный череп и отдельные кости взрослого человека без анатомического порядка. Можно лишь предположить его юго-восточную ориентировку. У ног выявлены сосуды (рис. 10, 2, 3), а в кротовине за пределами ямы круглое костяное изделие с отверстием (рис. 10, 4). Первый сосуд имеет форму и пропорции, типичные для посуды местной катакомбной культуры, тогда как его валиковая и нарезная орнаментация близка к кругу материалов КМК (рис. 10, 2). Сохранившаяся донная часть второго сосуда (рис. 10, 3) несет «паркетный» узор катакомбного же типа, но такие признаки, как гладкие поверхности, кирпичный цвет внешней стороны и черный — внутренней, сближают его с сосудами воронежской культуры[1]. Как видим, и в этом погребении соединены этнокультурно разные компоненты, причем в несколько иной комбинации.

Погребение 3 имело столь же незначительную глубину. Реконструируется оно лишь частично. Судя по остаткам деревянного перекрытии, погребальная яма ориентировалась по линии запад-восток. На сохранившемся куске подстилки темно-коричневого цвета находились два разрушенных черепа взрослых людей, плечевая кость, несколько в стороне — нижняя челюсть, а также три сосуда (рис. 11, 1-3) и костяной щитковый псалий (рис. 11, 6). Псалий другого типа найден западнее от основного скопления, рядом с фрагментами тазовых костей (рис. 11, 8). Третий же псалий, составляющий пару первому (рис. 11, 7), обнаружен в кротовине, выходящей из погребений. Размещение умерших не восстанавливается и можно лишь предполагать их восточную ориентировку. Первый сосуд (рис. 11, 1) без ракушечной примеси, с округлым туловом, но с характерным для абашевской культуры оформлением венчика и орнаментом. Своеобразен и второй сосуд (рис. 11, 2), абашевский по форме, но тоже без ракушечной при-

[1] На основании этого можно предположить неслучайный характер устройства такого типа захоронений на месте погребения 6.

меси и с алакульским декором. Третий же сосуд — миниатюрная баночка (рис. 11, 3). Фрагменты еще от двух сосудов (рис. 11, 4, 5) найдены в заполнении ямы; один из них (рис. 11, 4) — с ракушечной примесью. Парные псалии орнаментированы, имеют по три вставных шипа со шплинтовкой. Псалий с подпрямоугольным щитком — с двумя монолитными шипами, а два противолежащих оформлены в виде втулок, куда вставлены шплинтовавшиеся конические стерженьки со шляпками. Таким образом, на этом псалии, как и в случае с парой псалиев из погребения 1, совмещены разные приемы оформления шипов.

Погребение 4 не имело перекрытия и четких следов подстилки, в связи с чем размеры ямы не прослежены. Скелет взрослого человека лежал скорченно на правом боку, с руками у лица, с северной ориентировкой. За головой находились три сосуда (рис. 12,1-3) и обломок костяной втульчатой лопаточки (рис. 12,5), перед лицом — костяная пряжка (рис. 12, 6), а за спиной — один кремневый (рис. 12, 4) и пять костяных наконечников стрел (рис. 12, 7-11). Первый сосуд (рис. 12, 1) — кубок на поддоне с округлым залощенным корпусом типологически и по стилю украшения близок посуде федоровского типа, тогда как раковинная примесь и оформление верха отвечают абашевским нормам. Второй сосуд (рис. 12, 2) — остроребериый горшочек с ракушечной примесью и гладкой подлощенной поверхностью. Третий сосуд (рис. 12, 3) — без орнамента, типично абашевский. Материалы данного захоронения, исключая костяные наконечники, повторяют типы изделий и их подборку из погребения 1, чем документируется хронологическое и этнокультурное единство этих погребений во всей своей культурной многокомпонентности.

Погребение 5 — яма подпрямоугольной формы, едва врезана в материк. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на ЮЮВ. За головой стояли два сосуда (рис. 10, 5, 6), а на согнутой в локте правой руке находился медный браслет (рис. 10, 7). Первый сосуд (рис. 10, 6) — с ракушечной примесью и типичным абашевским орнаментом, хотя в форме его (округло-выпуклый корпус и сглаженность поверхностей) улавливается присутствие срубного компонента. Еще больше это относится ко второму сосуду — баночке (рис. 10, 5) без ракушечной примеси и со срубным орнаментом.

Погребение 7 — округло-прямоугольная яма с уступами, впущенная выше уровня вторичной насыпи и частично разрезавшая погребение 6. На верхнем уступе близ северо-восточного угла выявлен развал сосуда срубного типа (рис. 6, 7).

Погребение 8 находилось в западной поле кургана за пределами кольцевого рва. В небольшой подпрямоугольной яме лежал скелет взрослого человека на левом боку, в позе адорации, головой на северо-восток. У груди стоял баночный сосуд срубного типа (рис. 6, 8).

Погребение 9 выявлено за пределами рва, в юго-восточной поле кургана, в виде небольшой с неровными очертаниями ямы, куда были помещены череп и отдельные кости скелета ребенка, а также баночный сосуд срубного типа (рис. 6, 9).

Как уже отмечалось выше, обнаруженные по периметру вторичной насыпи жертвенники органично сопряжены с устройством захоронений № 1-3.

Жертвенник 1: пять голов и кости ног лошадей, часть из которых находилась в овальном углублении вместе с сосудом абашевского типа (рис. 6, 10).

Жертвенник 2: кости скелета, путовые кости лошади, три нижние челюсти овец — в специальном углублении, а рядом — нижняя челюсть лошади с путовыми костями.

Жертвенник 3: три черепа и кости передних ног лошадей.

Жертвенник 4: два черепа лошадей в овальной яме.

Жертвенник 5: челюсти, передние ноги лошади и овец.

Как и в случае с Власовским курганом, все захоронения с абашевскими чертами рассматриваемого памятника совершены за короткий период времени. Для подкрепления такого вывода достаточно сравнить инвентарь погребения 1 с материалами погребения 4 (облик сосудов, костяные втульчатые лопаточки, костяные пряжки, кремневые наконечники стрел), с материалами погребения 3 (тип и орнаментика сосудов, костяные псалии и кремневые наконечники стрел), с материалами погребения 5 (облик сосудов, поза умерших). Перечисленные погребения, как и другие погребения кургана (№ 2,6), имеют между собой увязку в разных комбинациях признаков. Отметим, например, сосуды с меандровым орнаментом из погребения 2 и 3; почти тождественны типологически прямостенные баночки из погребения 3 и 5. Еще больше примеров сходства можно было бы привести по социологическим и орнаментальным признакам, взятым по отдельности, с учетом наличия у многих сосудов такого объединяющего признака, как ракушечная примесь в тесте. И, как нетрудно убедиться, черты близости обнаруживаются не только в керамическом материале, но и между другими типами инвентаря.

Совершенно очевидно, что и Филатовский, и Власовский курганы отражают единое культурно-хронологическое явление, главным содержанием которого следует признать сочетание компонентов культур абашевской (в своем и местном, и восточном проявлении), срубной и алакульской, с некоторыми общими элементами, заимствованными из круга позднекатакомбных культур и КМК (опосредованными памятниками типа Синташта — Новый Кумак). Отметим, что в материалах Филатовского кургана восточный компонент фиксируется даже в более выраженной форме. Здесь больше остроребер ных сосудов, сосудов с поддонами; имеются орнаментальные композиции из заштрихованных треугольников — «пирамидкой», меандры и т.п. Интересны также один из горшочков с ребром, расположенным значительно ниже середины высоты, и прямостенные баночки, которые, как типы сосудов, ранее не встречались в памятниках Дона, но зато известны среди абашевских материалов других регионов, и в частности в Поволжье [3, рис. 11, 9, 10].

Устройство обширных могильных ям, сооружение деревянных перекрытий, глиняных площадок (Власовский), жертвенников с останками лошадей и овец (Филатовский) — все эти и ряд других признаков погребального обряда находятся в известном соответствии с ритуальными установками захоронений выдающихся представителей петровской и алакульской культур.

Помимо глиняной посуды и обрядовых признаков, культурно-хронологическое единство двух рассматриваемых памятников ярко подчеркивается взаимовстречаемостью единых типов изделий из металла, камня, кости, а также самим набором этих изделий в рамках погребальных комплексов, что иллюстрируется сравнением погребения 4 Власовского к погребений 1 и 4 Филатовского курганов.

Эти же материалы показывают, что обряд положения умерших вытянуто на спине сам по себе не может безоговорочно восприниматься как хронологически предшествующий иным позициям захоронения без учета всех других признаков обрядовости и инвентаря. Не исключаем, что за этим кроется либо определенная социальная установка, либо этническая специфика, хотя для предшествующих периодов у донских абашевских племен такой обряд является господствующим [3, с. 39].

Теперь вернемся к материалам упомянутого нами выше Введенского кургана, где в погребении 1 (второй стратиграфический горизонт) при вытянутых скелетах мужчин с ориентировкой на СВ находились сосуды, обломок медного ножа, костяные пряжки, кремневый наконечник стрелы, фрагмент вставного шипа псалия [17, с. 162, рис.

3, 4][1] Кстати, именно в этом погребении один из сосудов (с налепными шишечками), помимо двух аналогий с территории Дона [3, с. 18, рис. 5, 6; с. 24, рис. 6, 2], сходен с сосудом из II Нурдавлетовского кургана Южного Приуралья [19, с. 31, рис. 6, 5], а также с материалами новокумакского типа [16]. В погребении 2 (тот же стратиграфический горизонт) вытянутые на спине скелеты сопровождались сосудами, медными ножами, костяной пряжкой, кремневым наконечником стрелы. И здесь один из сосудов необычен для местной абашевской культуры, т.к. имеет признаки петровских и новокумакских восточных территорий. Сходство введенских погребений с власовскими (№ 4) и филатовскими (№ 1) настолько очевидно, что вполне позволяет относить все эти памятники к одному этнокультурному и хронологическому срезу. Данное заключение требует пересмотра места Введенского кургана в периодизационных разработках абашевской культуры, которые, кстати, во многом опираются на его материалы [3].

Под тем же углом зрения следует подойти и к некоторым другим памятникам Дона. В частности, комплекс Кондрашовского кургана включал сосуд, щитковый псалий, костяную булавку — застежку[2]. Последняя, кстати, совершенно идентична булавке из погребения 1 Филатовского кургана, что, на наш взгляд, снижает проблему поисков ей дальних аналогий для определения хронологии псалиев [4, с. 127]. Затронув тему о псалиях, отметим, что все они в пределах донской территории происходят из тех погребальных комплексов, которые связаны между собой единством времени и процессов, побудивших к их распространению. Это относится и к погребению Софьинского могильника, в котором исследователи справедливо усматривают присутствие раннесрубных признаков [4, с. 113-115, 117], и к погребениям Кондрашкинского [23] и Богоявленского кургана [22, с. 262-266]. Кстати, в последнем из них, наряду с признаками срубной обрядовости, чрезвычайно показательна орнаментация сосудов в плане их сопоставления с материалами петровско-новокумакского типа. Нет сомнения, что сюда же следует отнести и погребение с псалиями Староюрьевского кургана [24], учитывая сопутствие им костяных трехгранных наконечников стрел с отверстиями в основании — находок, более характерных для формирующихся срубных памятников (Ветлянка IV, Ишеевский, Карамыш и др.) [9, рис. 18, 10, рис. 4]. Филатовский курган еще раз документирует одновременность использования псалиев и с монолитными, и со вставными шипами[3]. Проследить тенденцию хронологического приоритета в появлении того или другого из названных их типов невозможно не столько из-за недостаточного количества местных материалов, сколько из-за того, что на их основе данный вопрос вообще не может быть решен. Вместе с тем следует принять во внимание наблюдения исследователей о том, что эволюция в развитии псалиев вела к появлению экземпляров с дополнительным торцовым отверстием в щитке, к уменьшению количества шипов, а затем и к исчезновению последних [25, с. 118]. Появление же парадных, но непрактичных псалиев в целом отражает период упадка колесничества [6, с. 143]. В соответствии с такой оценкой донские псалии наделены именно поздними чертами, что вполне согласуется с присутствием в комплексах с ними признаков восточного происхождения периода формирования срубного и андроновского этнокультурных ареалов. И еще раз отметим, что все имеющиеся данные свидетельствуют об одновременности донских псалиев, точнее, о принадлежности одному узкому периоду времени, поэтому нельзя, на наш

[1] Определение введенской находки как шипа псалия [18, с. 79] полностью подтверждается типами псалиев (со шплинтовкой шипов) из Филатовского кургана.

[2] Предметы такого типа называют еще и «проколками» [4, рис. 127].

[3] Раскопки проведены в 1970 г. под руководством А.Т. Синюка.

взгляд, признать оправданным стремление оспорить высказывавшееся и ранее мнение о позднем облике староюрьевских псалиев [26, с. 8-21; 27], а также делать вывод о в целом более позднем возрасте для доно-волжской территории псалиев с монолитными шипами, ссылаясь на софьинскую находку, псалии Утевского кургана и памятников Южного Урала [4, с. 128].

Таким образом, мы склоняемся к выводу, что большинство (если не все) из «престижных» (с воинской и жреческой атрибутикой) подкурганных захоронений: и те, что ранее относились к исконно местному проявлению доно-волжской абашевской культуры (раннего и развитого этапов), и абашевско-срубного типа, — в культурно-хронологическом отношении едины. Все они принадлежат населению, продвинувшемуся на Дон из Волжско-Уральского региона к началу активизации ранних срубно-алакульских проявлений. При этом миграционная волна оказалась достаточно широкой, захватившей не только южное лесостепье, что мы предполагали и ранее [12, с. 118-145; 28], но и северо-лесостепные пределы Дона. Наиболее южные из таких памятников — погребения из могильников Радченковское и Высокая гора (Богучарский район Воронежской области). Последнее из них — с абашевскими и срубно-алакульским сосудами, с ожерельем из биллоновых подвесок в виде ракушек, с медными ножом и шилом[1]. Самым же северным в бассейне Дона пока остается упоминавшееся выше погребение Староюрьевского могильника (Староюрьевский район Тамбовской области — рис. 1). Но, судя по всему, среднедонской регион составил лишь часть более широкого фронта продвижения с востока. Погребения синкретического облика, причем тоже, как правило, неординарные, выявлены в могильниках Нижнего Поволжья (Покровский, Бережновский, Скатовка, Быково и др. [см.: 11, с. 5-17; 29, с. 168-247], т.е. памятники покровско-абашевского [30, с. 48-49] и Покровского [31, с. 66-82] этапа, или иначе — покровского типа [32, с. 82-101]. Можно полностью согласиться с В.С. Горбуновым в том, что все эти памятники отражают реверсию — процесс возвратного движения потомков абашевских племен, некогда совершивших прорыв в юго-восточном направлении к рудным месторождениям Алтая [33, с. 13-17], которые в ходе многоплановых контактов синтезировали целый ряд инокультурных признаков (полтавкинских, катакомбных, КМК), а также приобрели черты, определившие специфику срубно-алакульского мира.

В свое время при оценке этнокультурного содержания памятников новокумакского хронологического горизонта К.Ф. Смирнов и Е.Е. Кузьмина отметили важную роль западного компонента (катакомбного и КМК) в формировании андроновской культурно-исторической общности [16]. При этом исследователи привлекли для сравнения и материалы Среднего Дона [16, с. 30-31, рис. 9]. Казалось бы, следуя столь очевидным соображениям, можно признать сугубо местным процесс взаимодействия абашевского этноса с носителями катакомбной культуры и КМК. Однако в большинстве известных случаев сочетание таких этнокультурных компонентов на Дону опосредовано признаками восточного происхождения. Что же касается носителей КМК (с которыми в основном и связывается проникновение на восточные территории, что служит важным звеном в системе датировки петровско-новокумакских памятников), то их продвижение на восток или шло южнее Среднего Дона, или имело транзитный характер, поскольку здесь памятники КМК единичны.

С процессом возвратного движения сопряжено появление абашевских комплексов и на территории Украины [42, с. 26-37], а также проникновение андроновских призна-

[1] Раскопки Южного отряда экспедиции ВГПИ в 1989 г. под руководством А.А. Бойкова. Материалы готовятся к публикации.

ков в срубные керамические комплексы Приднепровья [7, с. 48-69]. Все эти события, как показывают донские материалы, достаточно тесно связаны и временем, и своей природой. Они же в известной степени подкрепляют точку зрения Е.Е. Кузьминой по поводу необходимости удревнения нижней даты памятников федоровского типа [7, с. 66].

Появление на Дону новых групп племен с сильной военно-политической организацией, владевших преимуществами колесничества, имело серьезные последствия для дальнейшей истории региона. Здесь они встретились как с родственными абашевскими племенами — коренным населением донского лесостепья, так и с катакомбными племенами, между которыми еще ранее путем длительного противостояния сфера влияния была поделена примерно по средней части лесостепья[1].

Можно предполагать, что с первыми из них пришельцы объединились, сохранив за собой социально-политический приоритет (на что указывают подкурганные погребения)[2]. При новой расстановке сил катакомбные племена были частью уничтожены, частью оттеснены в правобережные районы Дона, а в какой-то своей части подверглись ассимиляции. На подобную неоднозначность протекавших процессов указывают, с одной стороны, распространение «ординарных» подкурганных погребений с абашевскими чертами по всему донскому левобережью, включая степные районы: с другой стороны — сохранение за ямно-катакомбным сакральным центром (Власовский могильник) своей прежней роли, а также появление погребений с катакомбными вещевыми комплексами, но с привнесенной «срубной» обрядовостью [35, с. 134-158] и т.д. Нами сделан лишь схематический набросок этнополитической ситуации, которая в реальности была значительно сложнее. Она, в частности, включала исторические судьбы носителей воронежской культуры, отдельных групп КМК, а также субъектов самых разных миграционных проникновений. Это именно те процессы, которые предопределили окончательное сложение донской лесостепной срубной культуры.

Своеобразие рассмотренных материалов оставляет широкую трактовку их этнокультурного определения независимо от того, в какую связь их поставить с проблемой происхождения донской лесостепной срубной культуры.

С точки зрения признания их принадлежности местной доно-волжской абашевской культуре в качестве переходного этапа в процессе ее перерастания в срубную [4, с. 135-136], столь же правомерно будет рассматривать эти памятники (т.е. абашевско-срубные) и в рамках последней, в качестве этапа ее формирования. Выстраивать же по единичным признакам генетическую цепочку: абашевские — абашевско-срубные — срубно-абашевские — срубные памятники [4, с. 135], судя по вновь полученным источникам — занятие бесплодное.

И при другом подходе, оценивая абашевский компонент в двух проявлениях — местном и пришлом [12, с. 118-145; 28], где последний выступает в синтезированном качестве и явно приоритетен, меняется само понимание характера генезиса местной срубной культуры, хотя терминологическая проблема не снимается.

Но в последнем случае время появления абашевско-срубных памятников на Дону более определенно увязывается со временем не «до-срубным», а именно со «срубным»,

[1] Отметим, что севернее границы Воронежской области в левобережье Дона катакомбных курганных могильников нет, хотя следы перекочевок и сезонных стойбищ этих племен имеются.

[2] Мы по-прежнему считаем, что исконно абашевский погребальный обряд предполагал грунтовое устройство с недошедшими до наших дней надмогильными признаками [34]. Примером таких захоронений пока может служить лишь погребение, к месту которого затем были привязаны захоронения Введенского кургана [17].

когда разворачивался процесс образования «срубной культурно-исторической области», распространялись и утверждались «срубные» признаки. Мы исходим из того, что изменение целого блока признаков погребального ритуала сопряжено с появлением новых мировоззренческих идей, которые в любом случае, будь они привнесены извне или знаменуя собой местный реформизм, имеют скорее быстротечный, нежели эволюционный характер внедрения. Это и дает основание рассматривать и абашевско-срубные, и ранние срубные памятники в одних узко хронологических рамках, по крайней мере для донского региона. Исходя из приведенных выше оценок, следует, видимо, внести определенные коррективы в существующую терминологическую номенклатуру [3, 4], где абашевско-срубные памятники рассматриваются в рамках доно-волжской абашевской культуры. Считаем более правомерным их объединить с памятниками покровско-абашевского типа, отделив от материалов донской абашевской культуры, основу содержания которой составят так называемые «протоабашевские» материалы [3] и которая предшествует, а затем поглощается покровско-абашевским субстратом. Последний как раз и характеризуется материалами абашевско-алакульского облика, появившимися, как мы считаем (и уже говорили об этом выше), вследствие реверсивных передвижений. Они же объединяют на Дону в узко хронологических рамках большинство материалов, распределявшихся ранее по двум хронологическим периодам [3, рис. 2] доно-волжской абашевской культуры. Представители местной абашевской культуры и покровско-абашевского типа, при заметных качественных различиях исторических судеб, были связаны общностью происхождения, что и облегчило затем процесс их соединения.

Появление на Дону памятников покровско-абашевского типа[1] должно рассматриваться в рамках хронологии памятников культур местной позднекатакомбной, ранней срубной, воронежской и КМК, а в более широком сравнительном плане — синхронно покровским памятникам Поволжья и памятникам петровско-новокумакского типа.

Как вытекает из вышеприведенных данных, такого рода сопоставления вполне правомерны, тем более, что их можно подкрепить и еще рядом свидетельств. К примеру, чрезвычайно важным аргументом в пользу хронологического смыкания на Дону катакомбных и срубных традиций, где последние вплетены в структуру содержания покровско-абашевских материалов, служат данные кургана № 57 Павловского могильника (рис. 13)[2]. Здесь стратиграфически четко фиксировалось предшествование погребения 2 покровско-абашевского типа (со срубными признаками в обрядовости) катакомбному сооружению (погребение 3), в котором умерший сопровождался жаровней из боковины сосуда с валиковым орнаментом.

Нами и раньше приводились доказательства в пользу взаимодействия традиций названных культур [12, с. 118-145; 28], что стало затем предметом критики со стороны некоторых исследователей [4, с. 142, 143; 36, с. 261, 262]. Теперь можно надеяться, что пополнившаяся сумма фактов будет принята во внимание с большей объективностью. В данном контексте совсем не беспочвенна и имеющаяся точка зрения об участии катакомбного компонента в процессе оформления срубной культуры Поволжья (особенно это касается степного Волго-Донского междуречья. [См.: 39, с. 91-92], однако требует известной осторожности оценка такого взаимодействия как универсального фактора для всей области сложения культур срубного мира [40, с. 136-137]. Вместе с тем мы не ставим под сомнение правомерность синхронизации абашевско-срубных древностей с памятниками

[1] Мы не касаемся здесь проблем донской (ранней) абашевской культуры, происхождение и хронология которой связываются нами с линией развития местного энеолита [17, с. 168; 34, с. 118].
[2] Раскопки А.Т. Синюка в 1989 г. Материалы подготовлены к публикации отдельно.

КМК [16, с. 26; 41, с. 82-83], что достаточно подкреплено сравнительными и стратиграфическими данными, а также случаями сочетания материалов этих культур в одних комплексах[1]. Можно также согласиться с тем, что на территориях к западу и югу от лесостепного Дона памятники КМК «запечатали» период бытования катакомбных культур еще до начала проникновения туда представителей абашевского этнокультурного мира [44, с. 134]. Но в донской лесостепи, как мы уже отмечали выше, памятники КМК единичны. Пока известно лишь чуть более десятка ее погребений на несколько сотен погребений катакомбного и покровско-абашевского типов, и, думается, в таком количественном соотношении отражена имевшая место в реальности этническая ситуация.

В этой же связи нельзя не затронуть еще один аспект. Речь идет о хронологии воронежской культуры, датируемой серединой — началом второй половины II тыс. до н.э. [45, с. 72; 46, с. 23] и рассматриваемой в качестве хронологического пласта между катакомбными и срубными памятниками Дона [4, с. 143]. Нами и ранее высказывались соображения относительно того, что воронежская культура была синхронна местной катакомбной культуре, а также культуре доно-волжской абашевской (в ее прежнем понимании). Именно они на заключительных стадиях своего развития завершили процесс поглощения специфических признаков воронежской культуры на Дону. Но это время было и началом распространения традиций срубного этнокультурного мира [47, с. 110]. Думается, что с учетом данных Филатовского кургана тезис о «хронологическом пласте» может быть снят.

Таким образом, новые материалы подтверждают правомерность синхронизации памятников всех названных культурных типов, а существующие хронологические разработки позволяют датировать их концом XVII — XVI вв. до н.э. Судя по всему, синхронность этих культур сфокусирована в достаточно узком периоде времени. Но в связи с этим возникает вопрос: почему столь заметно многообразие инокультурных признаков в примерно в одно время сделанных погребениях, рассредоточенных на обширнейших пространствах от Южного Зауралья до Поволжья и Дона? Здесь, как нам представляется, ключевая роль принадлежит социально-политическим факторам, поскольку за данным явлением просматривается процесс гигантских передвижений, своего рода великого переселения народов, сопровождавшегося глубокой политической нестабильностью. В таких условиях многим этносам без попытки консолидации грозило полное исчезновение. Это побуждало к созданию сложных общественных структур — союзов племен, а сами собирательные тенденции получали символическое закрепление в погребальных обрядах, совершавшихся прежде всего для вождей и жрецов, т.е. для тех лиц, кто в реальности осуществлял руководство такого рода деятельностью. Не случайно большинство из погребений синтезированного облика отличается богатством инвентаря, включая инсигнии власти (навершия булав, колесницы и их символическое присутствие в виде псалиев), а также пышной обрядовостью. Можно предполагать, что многие из выдающихся представителей общественной верхушки соединяли в одном лице светскую и духовную власть. В этом плане еще раз вспомним Власовский курган № 16, устроенный на площади местного могильника жрецов, не нарушая его насыпей и общей планировки. При этом погребение 4 включало и навершие булавы, и костяную втульчатую лопаточку, имевшую, на наш взгляд, культовое назначение. Такие же лопаточки, но в комплексе с псалиями, сопровождали погребения Филатовского, Пичаевского, а возможно и Кондрашкинского курганов на Дону. Та же комбинация за-

[1] Вероятнее всего, именно из среды носителей КМК абашевско-срубная воинская верхушка заимствовала тип портупеи с костяными пряжками.

фиксирована и на южноуральском могильнике Тавлыкаево IV [15]. Ритуальная атрибутика лопаточек-наверший в какой-то степени подтверждается и тем, что их нет в захоронениях, где отмечено присутствие самих колесниц. Принадлежностью жреческой атрибутики могли быть и другие изделия, включавшиеся в заупокойный инвентарь. В частности, обратим внимание на медные шилья, назначение которых предполагается для татуировки [48], а также в обрядах инициаций [49, с. 12-14]. Шилья встречаются в погребениях, отличающихся особыми строительными и обрядовыми признаками, а также необычным составом инвентаря. Так, шилья сопутствуют наиболее значимым захоронениям майкопской [50], древнеямной [35; 51, с. 24-56; 52; 53], среднеднепровской [54], катакомбной [55; 56; 57; 58, с. 5-16], абашевской [59] и других культур. Есть они и в тех погребениях восточных территорий, где улавливается взаимодействие абашевских и алакульских черт (Царев Курган, Верхняя Алабуга, Раскатиха и др.), и которые, занимая в могильниках центральное место, отмечены особой обрядовой пышностью и богатством инвентаря [15, с. 57-103]. Все это позволяет предполагать весьма специфическое ритуальное назначение шильев. Добавим, что в погребениях разных культур они сопутствуют курильницам, каменным алтарям, «флейтам Пана», молоточковидным булавкам, деревянным сосудам, — т.е. большинству тех предметов, которые рассматриваются исследователями как атрибуты служителей культа. Отсюда не случайна в погребальных комплексах устойчивая связь (включая местоположение) шильев с ножами, где последние должны были использоваться при заклании жертвенных животных. Этот же набор мог применяться и в качестве инструментов врачевания, что тоже, как правило, входило в функции отправителей культа. Связка «шило-нож» отмечена и в престижных покровско-абашевских захоронениях из могильников Дона: Павловского Плодосовхозного, Новоусманского, Березовского Левобережного, Чурилово 2, Высокая гора, Павловского. В последнем, кстати, находилось сразу четыре шила (рис. 14, 6-9).

Литература

1. Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964.
2. Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971.
3. Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977.
4. Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж, 1988.
5. Горбунов В.С. Абашевская культура Южного Приуралья, Уфа, 1986.
6. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей, Свердловск, 1988.
7. Кузьмина Е.Е. О западных связях андроновских племен // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1987. С. 48-69.
8. Денисов И.В. Исмагилов Р.Б. Санзятовский могильник срубной культуры на юге Башкирии // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа, 1989. С. 35-40.
9. Горбунов В.С., Денисов И.В., Исмагилов Р.Б. Новые материалы по эпохе бронзы Южного Приуралья. Уфа, 1990.
10. Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985. С. 60-94.
11. Качалова Н.К. Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья // АСГЭ. № 7. 1976. С. 5-17.
12. Синюк А.Т., Погорелов В.И. Периодизация срубной культуры Дона (по материалам погребальных памятников) // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985. С. 118-145.
13. Ковалева И.Ф. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам левобережной Украины). Днепропетровск, 1989.
14. Синюк А.Т. Погребения ямной и катакомбной культур Первого Власовского могильника // Проблемы археологического изучения доно-волжской лесостепи. Воронеж. 1989. С. 27-69.
15. Потемкина Т.М. Роль абашевцев в процессе развития алакульской культуры // Эпоха

бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж. 1986. С. 77-108.
16. Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
17. Синюк А.Т., Килейников В.В. Курган у села Введенки на Дону // СА, 1976, № 1. С. 159-169.
18. Екимов Ю.Г., Пряхин А.А. Костяные псалии эпохи бронзы с территории лесостепного Подонья // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979. С. 78-86.
19. Горбунов В.С., Пшеничнюк А.Х., Акбулатов И.М. Новые материалы из погребальных памятников эпохи бронзы Южного Приуралья // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа, 1989. С. 17-34.
20. Горбунов В.С. Некоторые проблемы эпохи бронзы лесостепной полосы Приуралья // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985. С. 3-21.
21. Качалова Н.К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985. С. 28-59.
22. Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курган у с. Богоявленское // СА, 1991, № 1. С. 262-266.
23. Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Р.А., Матвеев Ю.П. Кондрашкинский курган. Воронеж, 1989.
24. Пряхин А.Д. Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево // СА, 1972, № 3. С. 235-237.
25. Зданович Г.Б. Щитковые псалии Среднего Приишимья // Энеолит и бронзовый врк Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1885. С. 110-119.
26. Кузьмина Е.Е. Еще раз о дисковидных псалиях евразийских степей // КСИА, 1980. № 161. С. 8-21.
27. Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.
28. Синюк А.Т., Погорелов В.И. О раннесрубных погребениях на Среднем Дону // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж. 1986. С. 78-95.
29. Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА, 1960, № 78. С. 168-247.
30. Халиков А.Х. Покровско-абашевский этап эпохи бронзы Поволжья и Приуралья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976. С. 48-49.
31. Халиков А.Х. Поволжье в покровское время // Археология восточно-европейской степи. Саратов, 1989. С. 66-82.
32. Малов Н.М. Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье // Археология восточноевропейской степи. Саратов, 1989. С. 82-101.
33. Горбунов В.С. Некоторые проблемы культурогенетических процессов эпохи бронзы Волго-Уралья. Уфа, 1990.
34. Синюк А.Т. Об энеолитических могильниках лесостепи (Бассейн Среднего Дона) // СА, 1984. № 3. С. 105-121.
35. Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж, 1983.
36. Пряхин А.Д. Проблематика срубной культурно-исторической общности в сборниках Куйбышевского педагогического института // СА, 1988. № 4. С. 254-263.
37. Качалова Н.К. Стратиграфические горизонты Бережновских курганных могильников // АСГЭ. № 20. С. 28-39.
38. Моисеев Н.Б. Захоронение колесничего в Пичаевском кургане // Археологические исследования в Центральном Черноземье в 12-ой пятилетке: Тез. докладов. Белгород, 1990. С. 56-57.
39. Пятых Г.Г. К проблеме срубной культуры в Поволжье // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983. С. 81-95.
40. Пятых Г.Г. О появлении в срубной культуре характерной особенности погребального обряда // Археология восточно-европейской степи. Саратов, 1989. С. 136- 137.
41. Березанская С.С. Предсрубный культурно-хронологический горизонт на Украине // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978. С. 82-83.
42. Березанская С.С. Абашевская культура на территории Украины (миграции или контакты) // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1987. С. 26-37.
43. Отрощенко В.В. О возможности участия полтавкинских и катакомбных племен в сложении срубной культуры // СА. 1990. № 1. С. 107-112.
44. Шарафутдинова Э.С. Памятники культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону // Археология восточно-европейской степи. Саратов, 1989. С. 132-134.
45. Беседин В.И. Воронежская культура эпохи бронзы // Эпоха бронзы Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1984. С. 60-77.
46. Пряхин А.Д., Беседин В.И. О выделении воронежской культуры // СА. 1988, № 3. С. 19-36.

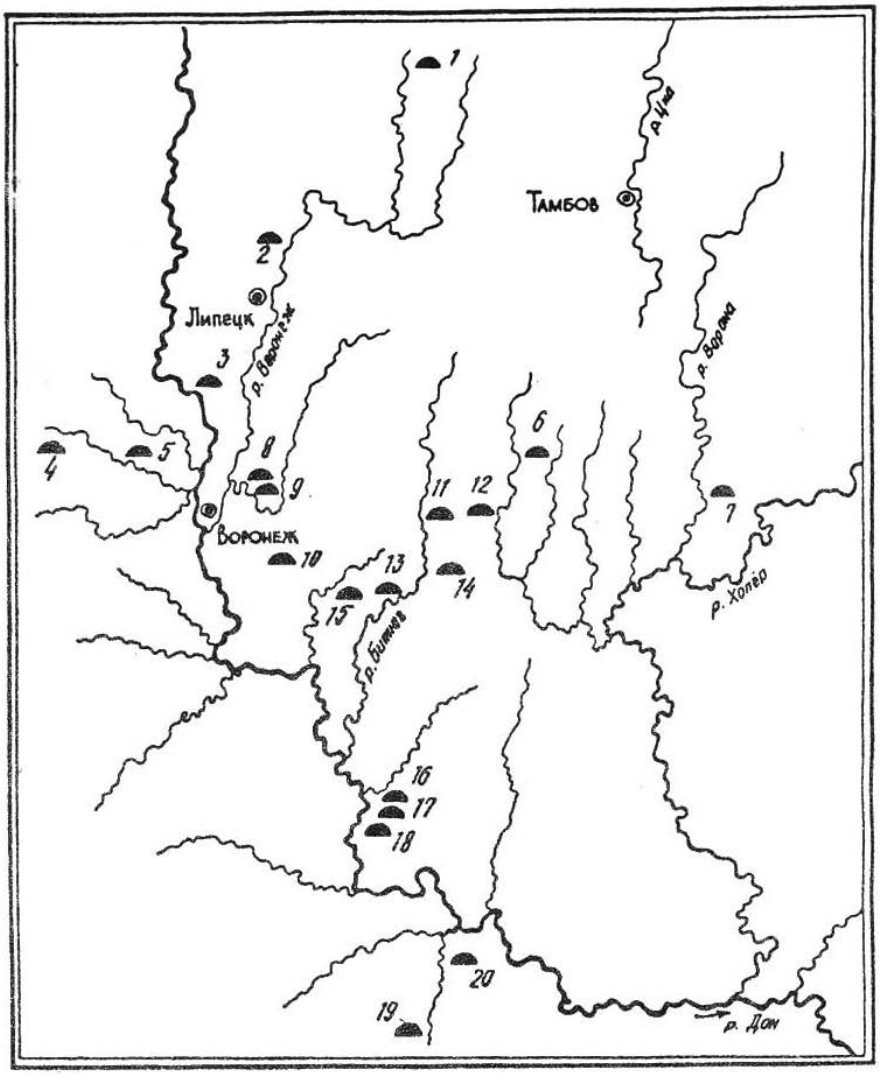


Рис. 1. Карта расположения могильников с покровско-абашевскими захоронениями лиц высшего социального ранга

1 – Старо-Юрьево, 2 – Филатовка, 3 – Введенка, 4 – Кондрашовка, 5 – Богоявленка, Кондрашкино, 11 – Большие Ясырки, 12 – Чурилово 2, 13 – Старая Тойда, 14 – Новый Курлак, 15 – Левобережный Березовский, 16 – Павловский 2, 17 – Павловский, 18 – Павловский Плодосовхозный, 19 – Радченское, 20 – "Высокая Гора"

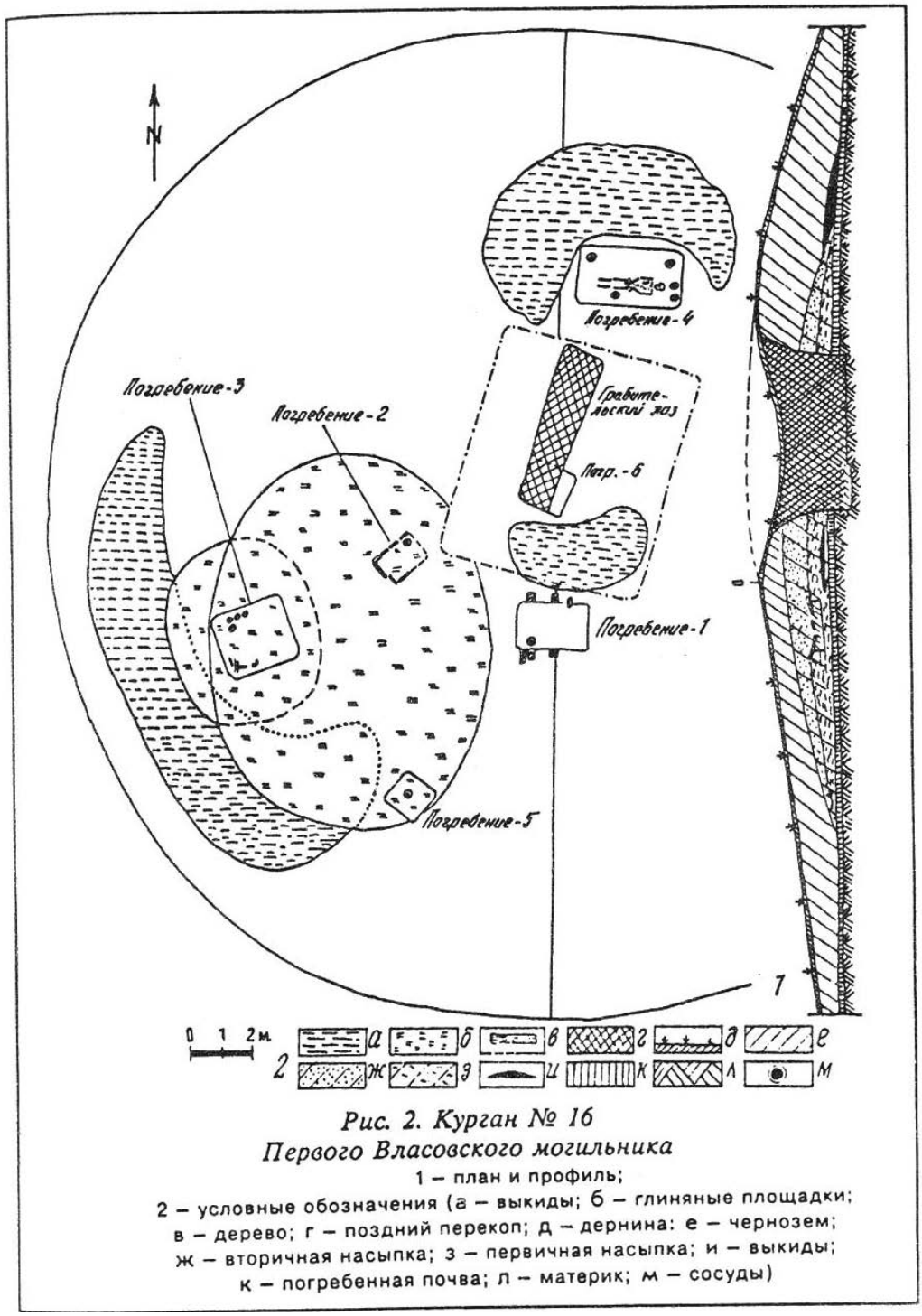


Рис. 2. Курган № 16
Первого Власовского могильника

1 – план и профиль;
2 – условные обозначения (а – выкиды; б – глиняные площадки;
в – дерево; г – поздний перекоп; д – дернина: е – чернозем;
ж – вторичная насыпка; з – первичная насыпка; и – выкиды;
к – погребенная почва; л – материк; м – сосуды)

Рис. 3. Курган № 16
Первого Власовского могильника.
Керамический комплекс
1 – погребение 6; 2 – погребение 1; 3 – погребение 2;
4 – погребение 5; 5-9 – погребение 4; 10-13 – погребение 3

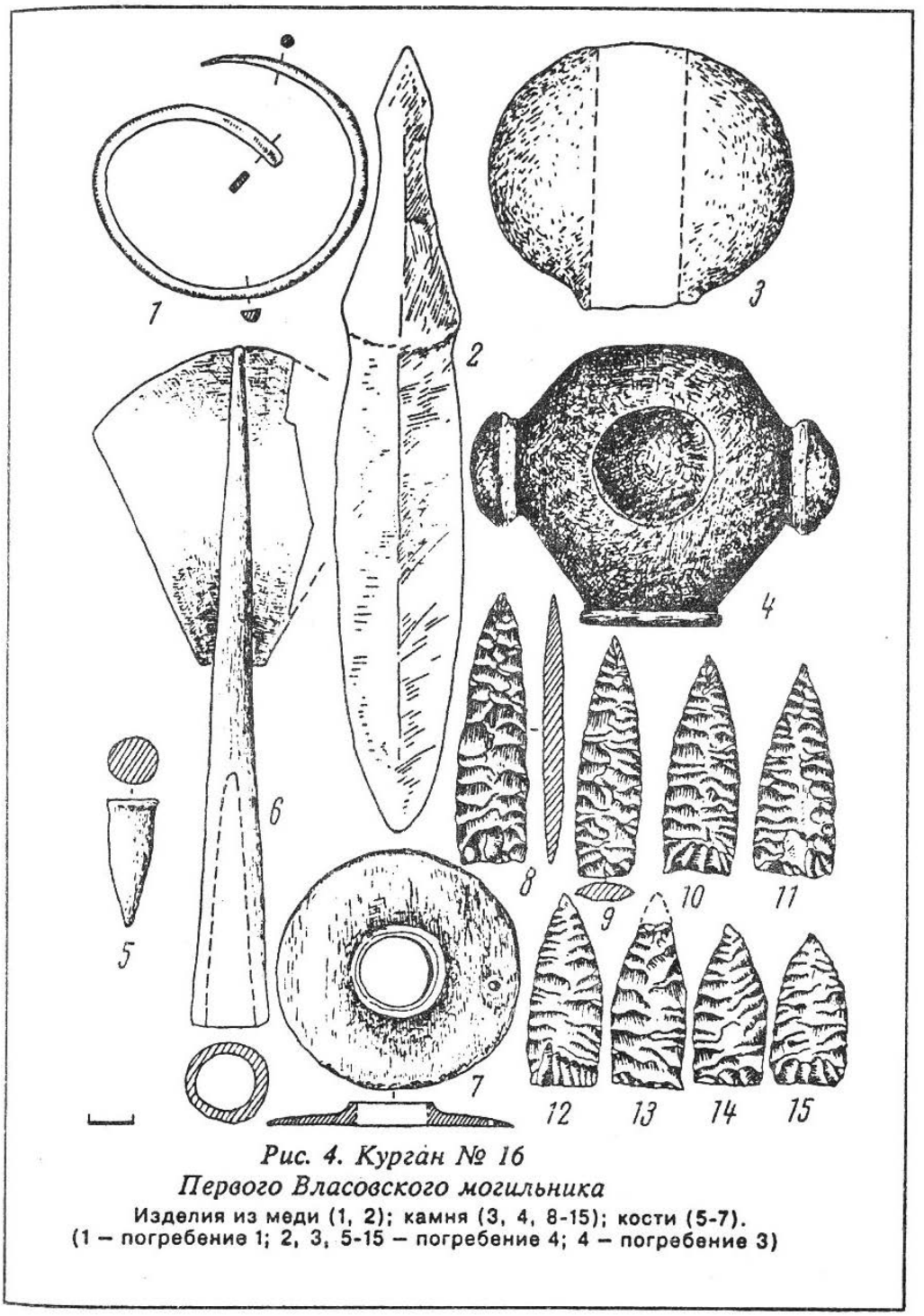


Рис. 4. Курган № 16
Первого Власовского могильника
Изделия из меди (1, 2); камня (3, 4, 8-15); кости (5-7).
(1 – погребение 1; 2, 3, 5-15 – погребение 4; 4 – погребение 3)

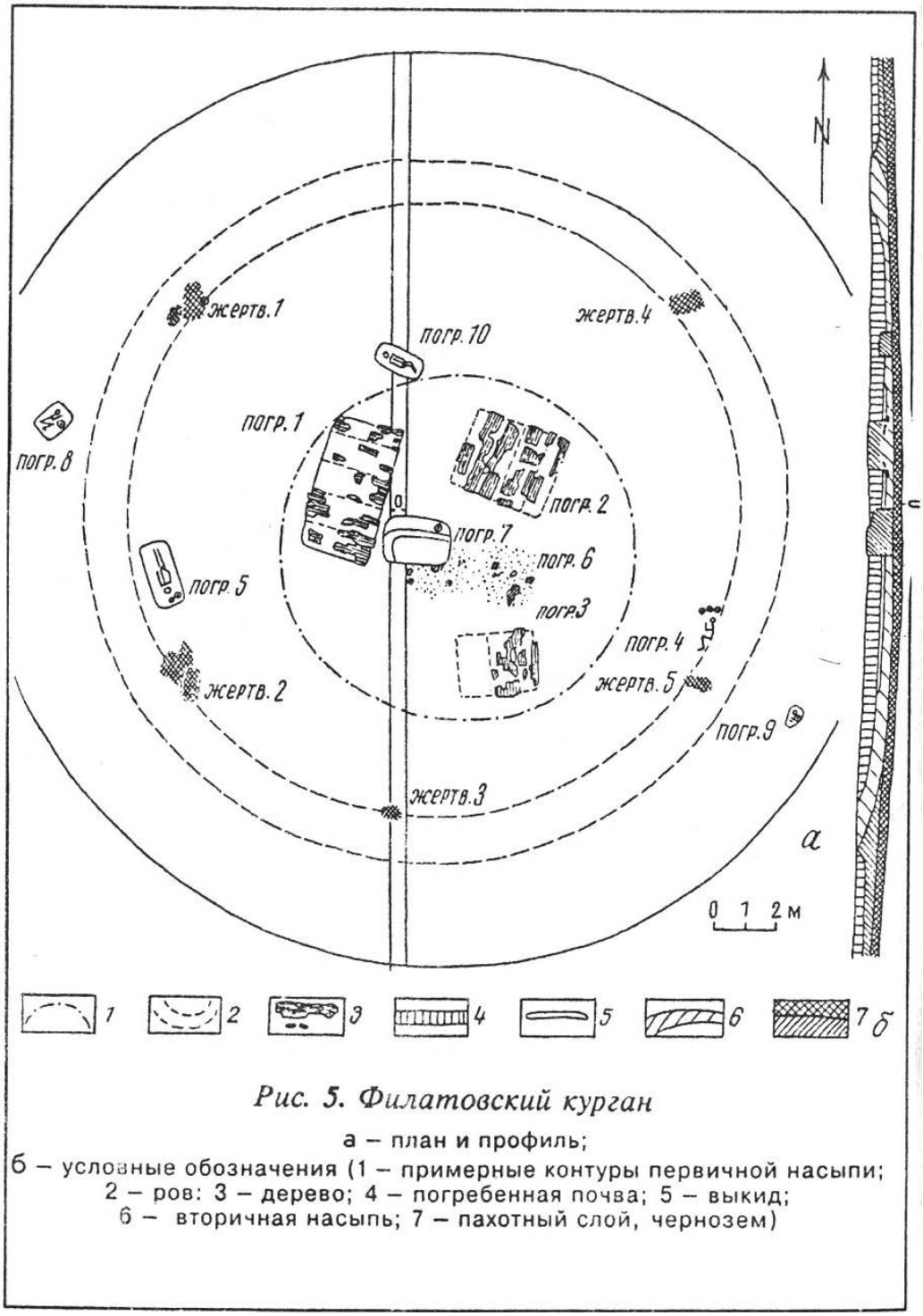


Рис. 5. Филатовский курган

а – план и профиль;

б – условные обозначения (1 – примерные контуры первичной насыпи; 2 – ров: 3 – дерево; 4 – погребенная почва; 5 – выкид; 6 – вторичная насыпь; 7 – пахотный слой, чернозем)

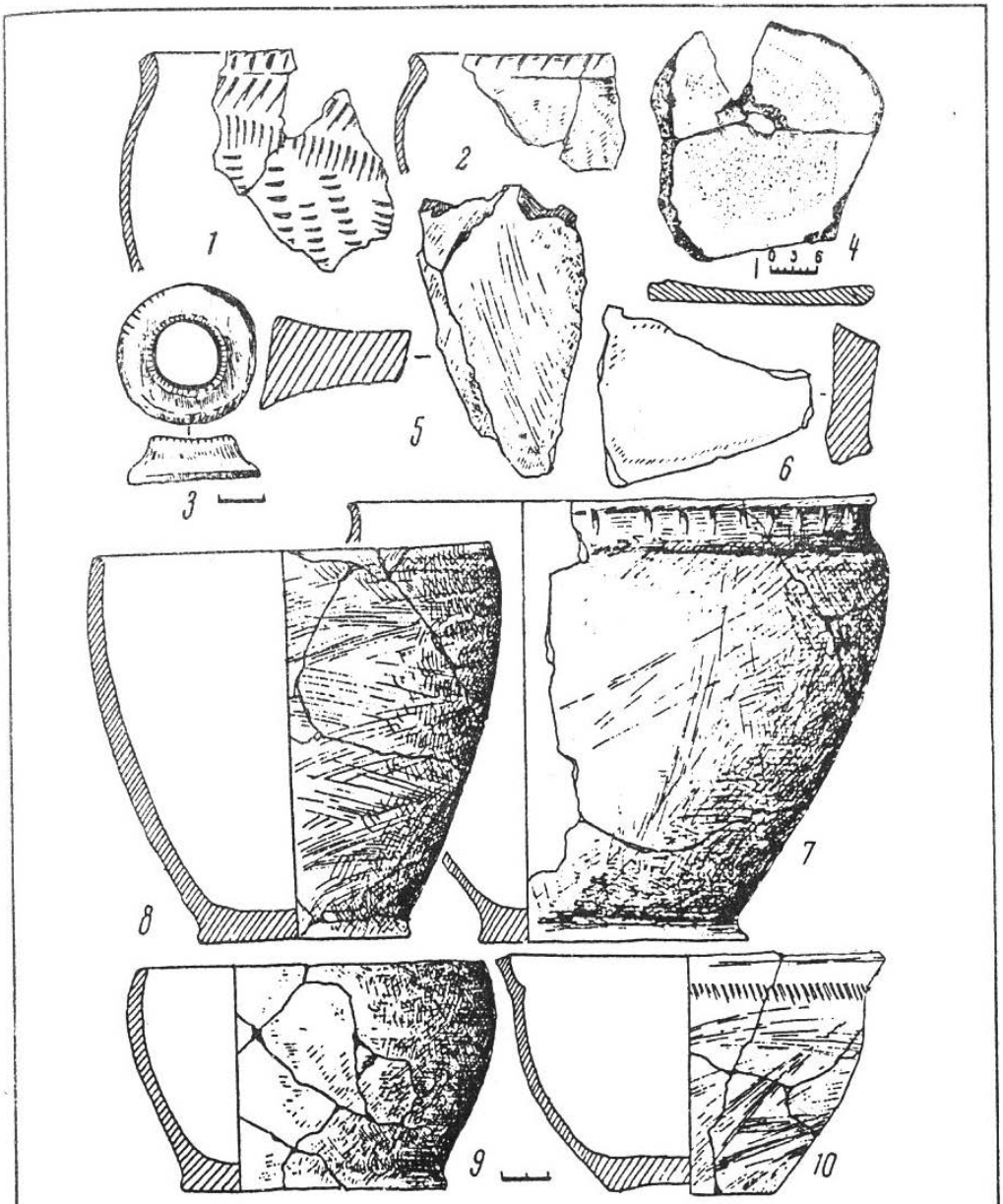


Рис. 6. Филатовский курган

1-6 — погребение 6; 7 — погребение 7; 8 — погребение 8;
9 — погребение 9;
10 — жертвенник 1 (1, 2, 7-10 — глина; 3 — кость; 4-6 — камень)

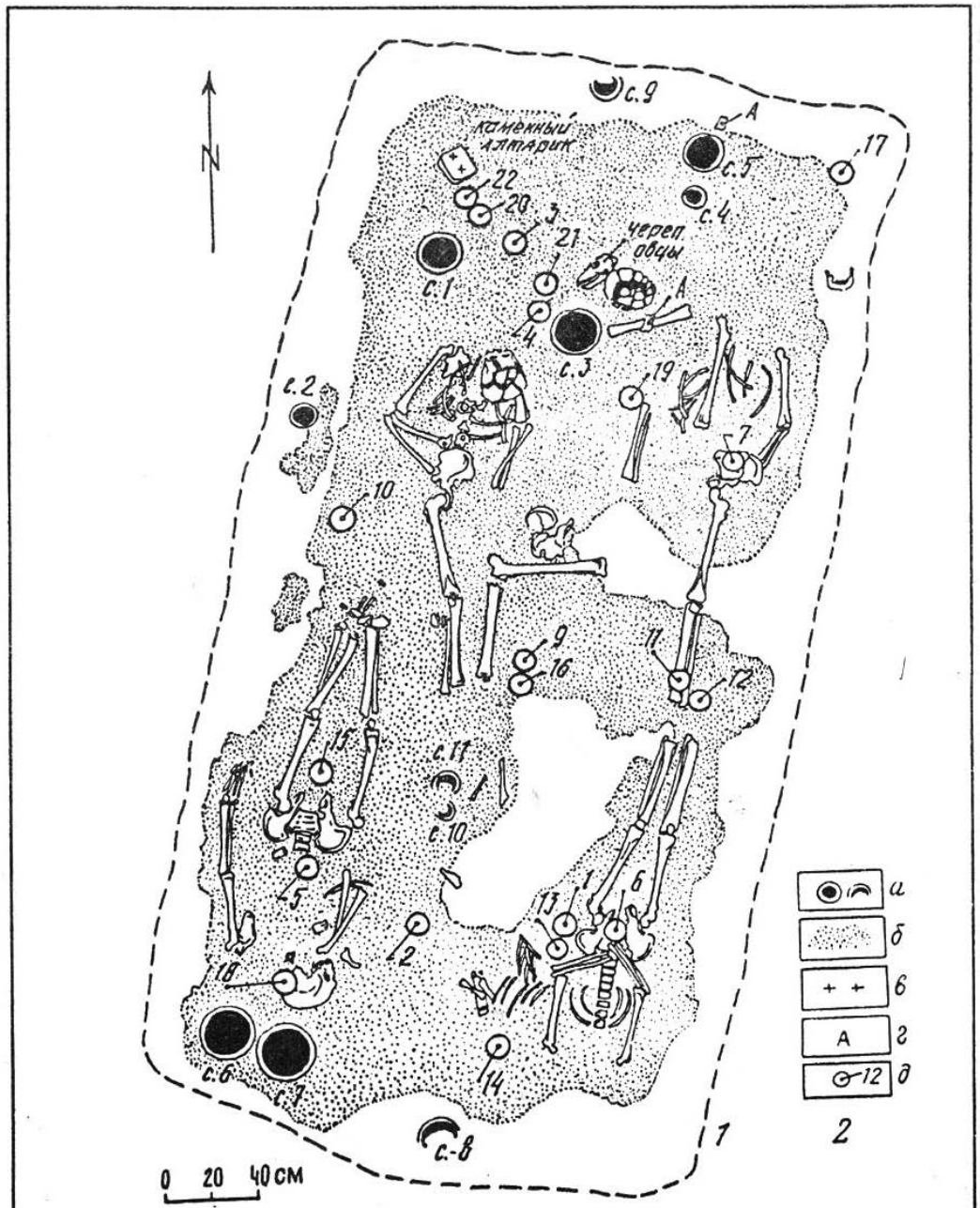


Рис. 7. Филатовский курган

1 – план погребения 1;

2- условные обозначения (а – сосуды; б – органическая подстилка; в – охра; г – астрагалы; д – местонахождение предметов инвентаря)

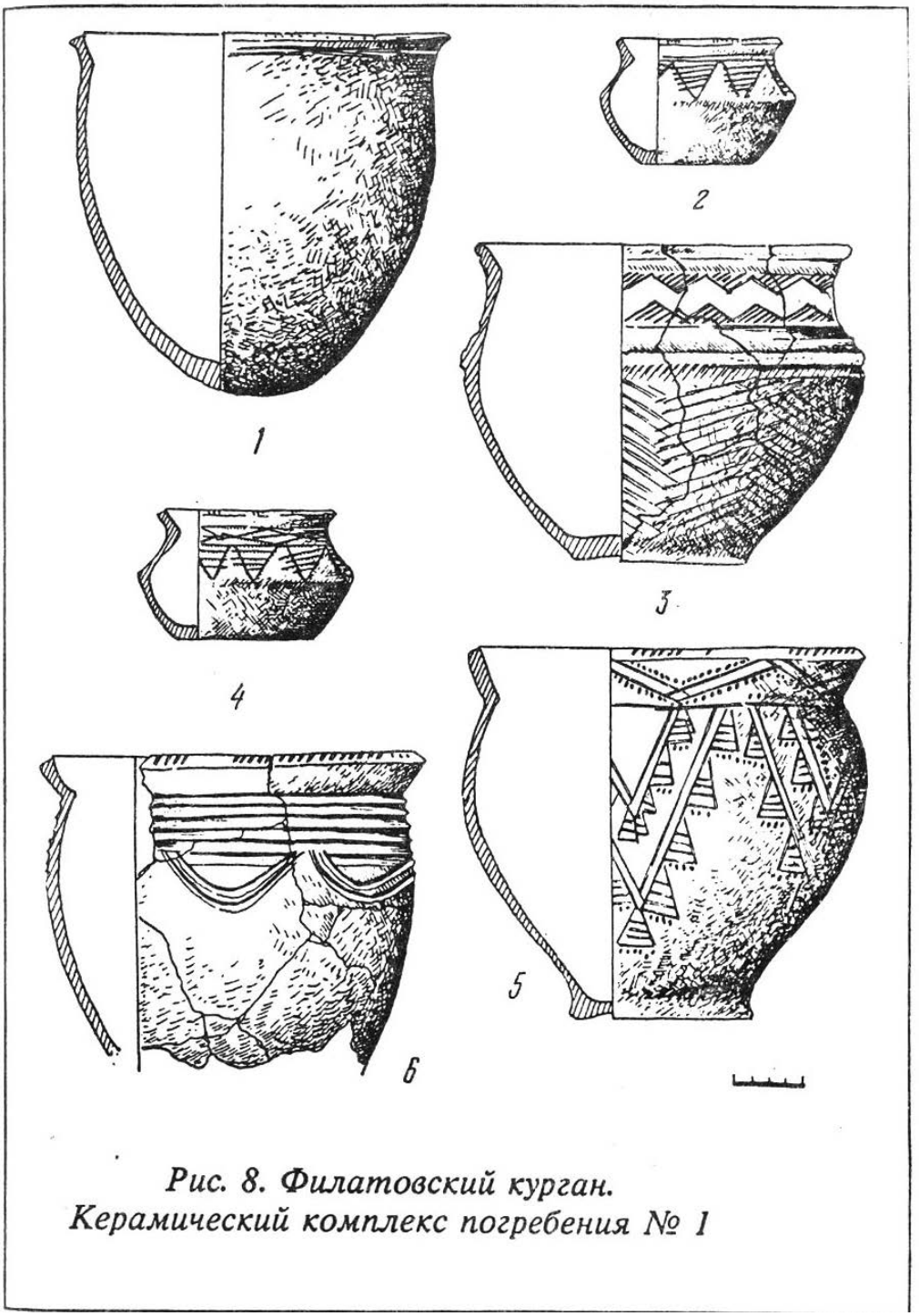


Рис. 8. Филатовский курган.
Керамический комплекс погребения № 1

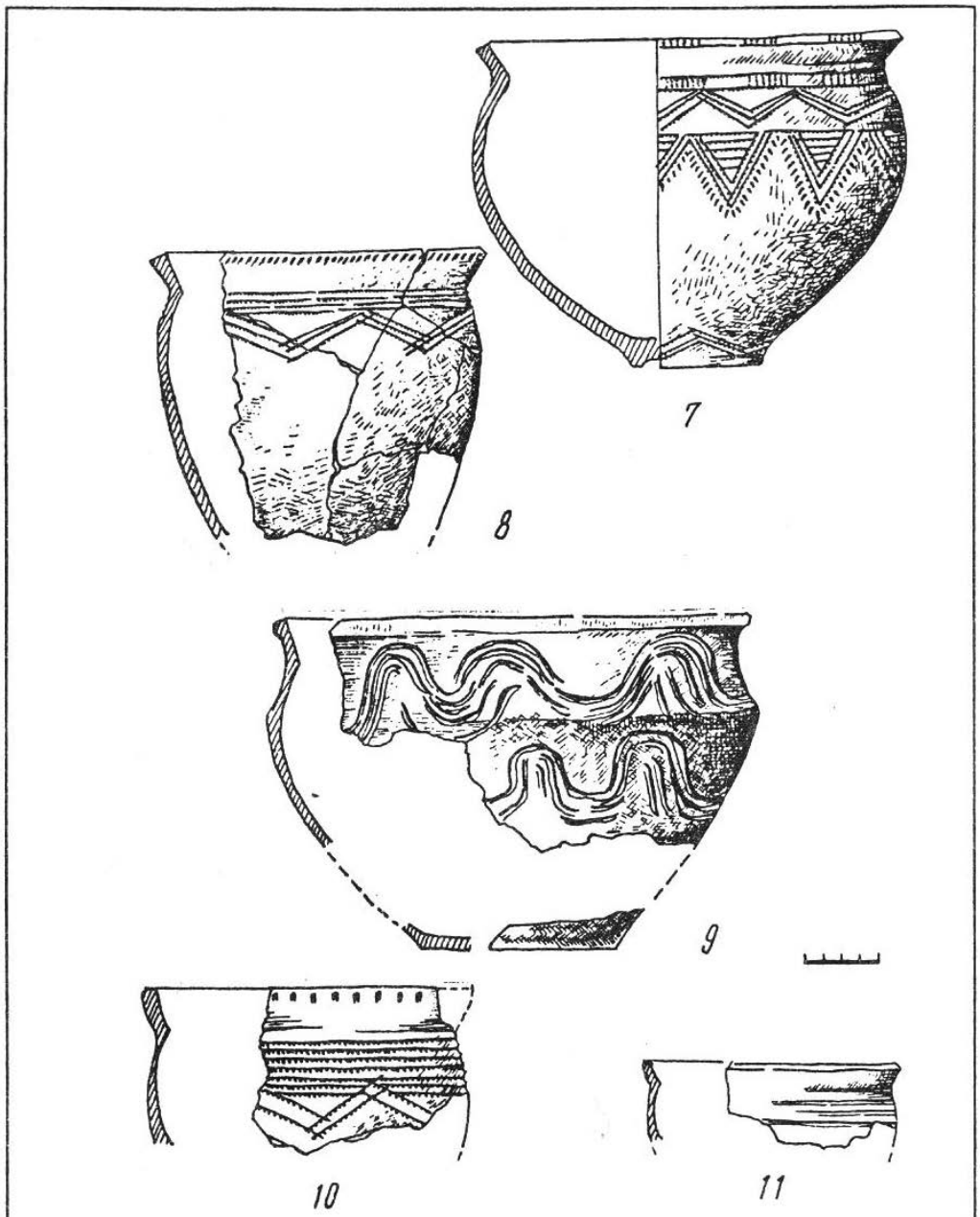


Рис. 8 (продолжение).
Филатовский курган.
Керамический комплекс погребения № 1

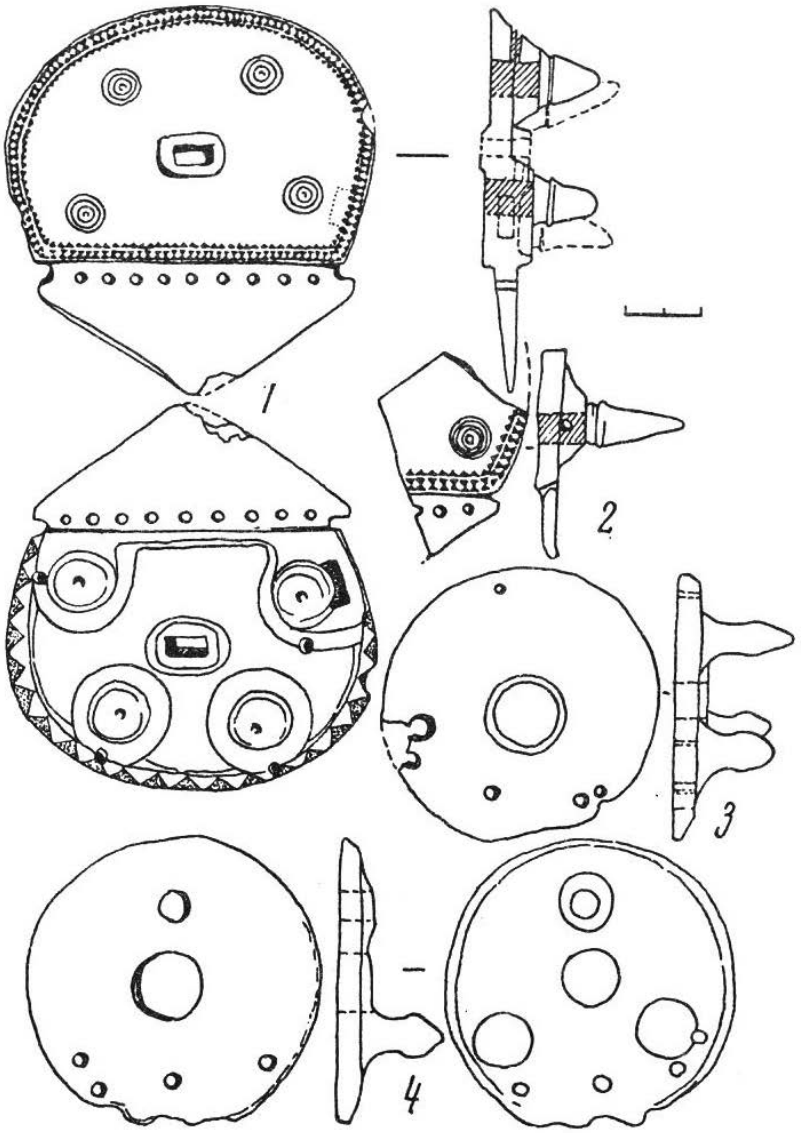


Рис. 9. Филатовский курган.
Вещевой комплекс погребения № 1
(1—4 — кость)

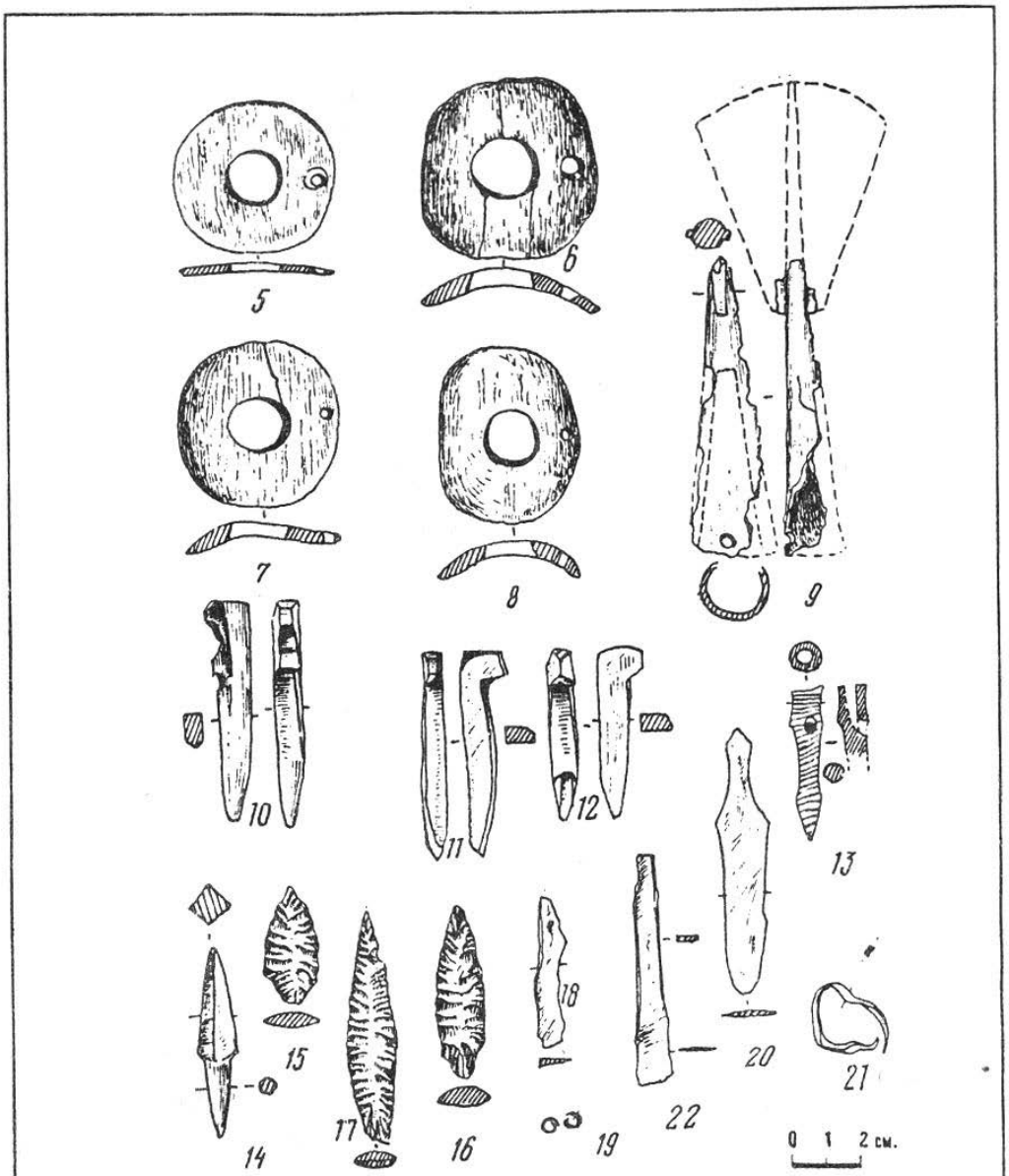
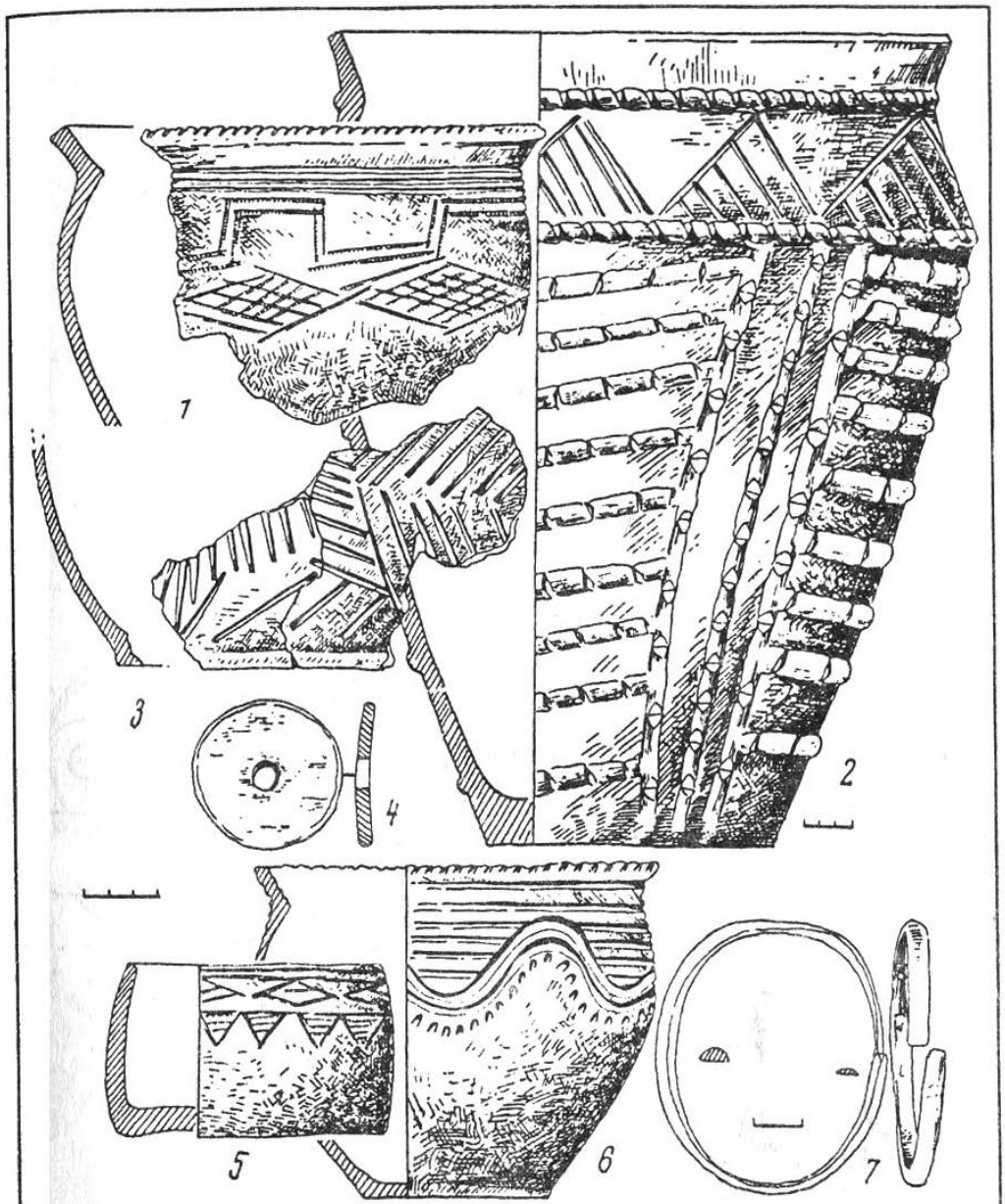


Рис. 9 (продолжение).
Филатовский курган.
Вещевой комплекс погребения № 1
(5—14 — кость; 15—17 — камень; 18—22 — медь)



Рйс. 10. Филатовский курган

1-4 – погребение 2; 5-7 – погребение 5
1-3, 5, 6 – глина; 4 – кость; 7 – медь

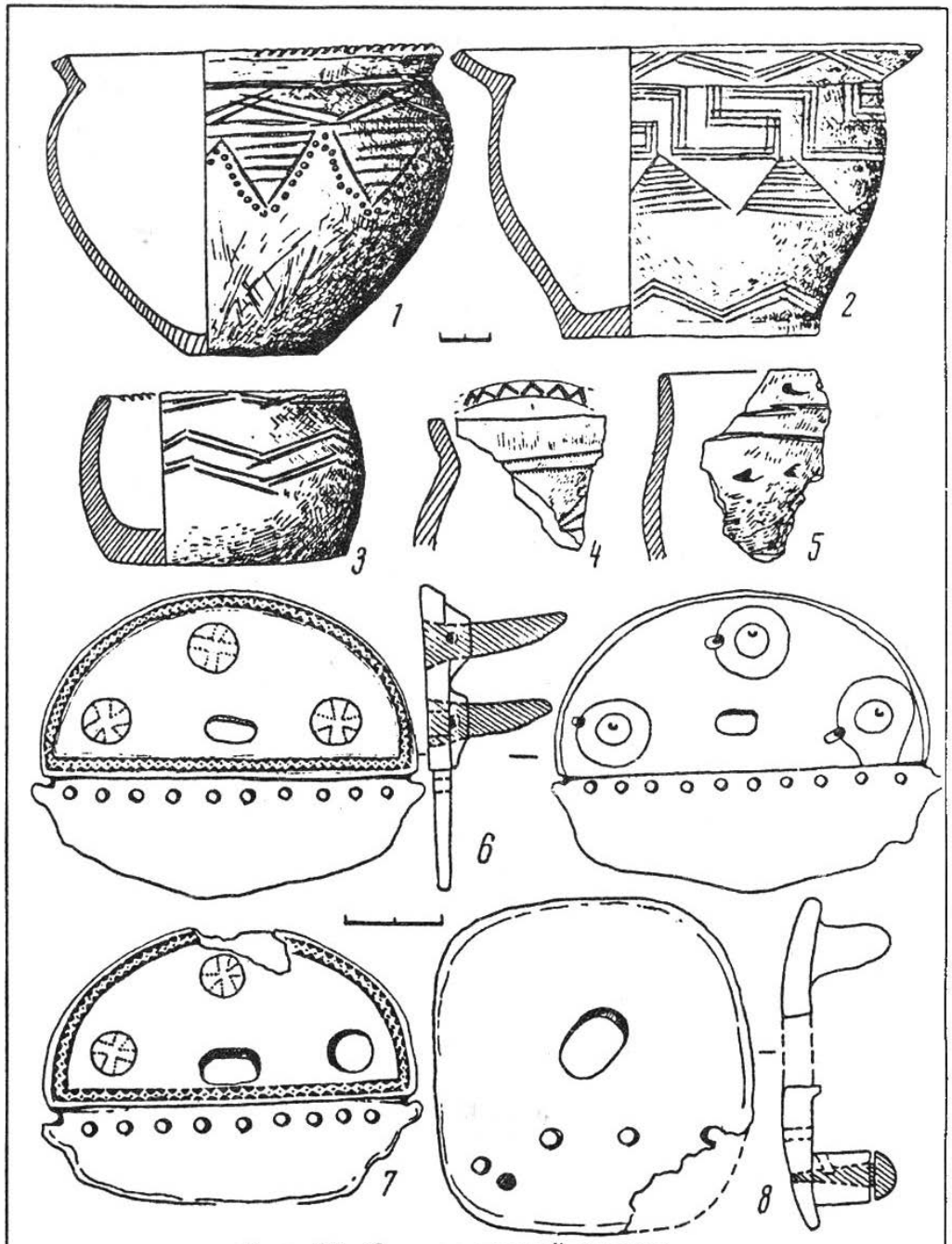


Рис. 11. Филатовский курган.
Вещевой комплекс погребения № 3

1-5 – глина; 6-8 – кость

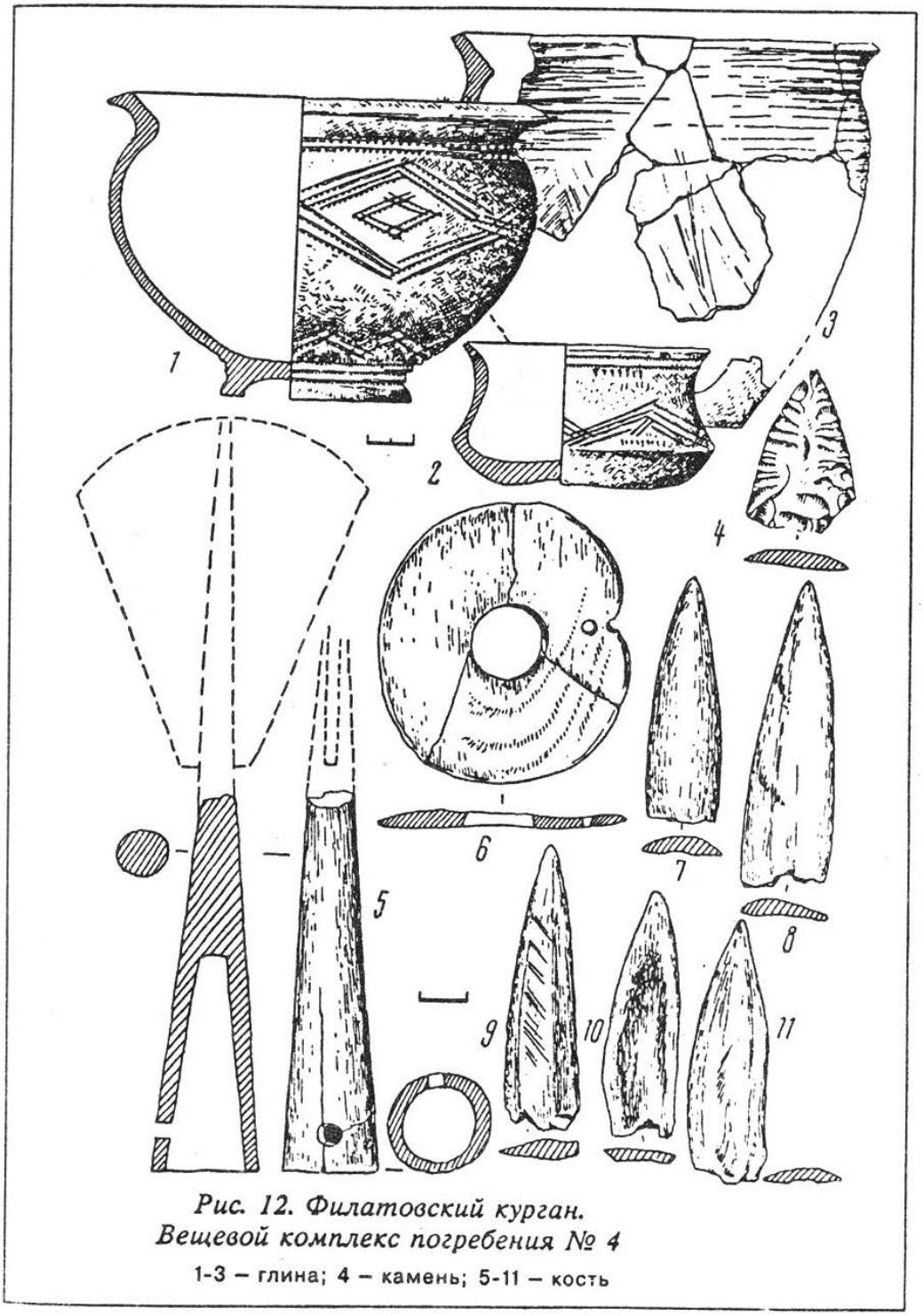


Рис. 12. Филатовский курган.
Вещевой комплекс погребения № 4

1-3 – глина; 4 – камень; 5-11 – кость

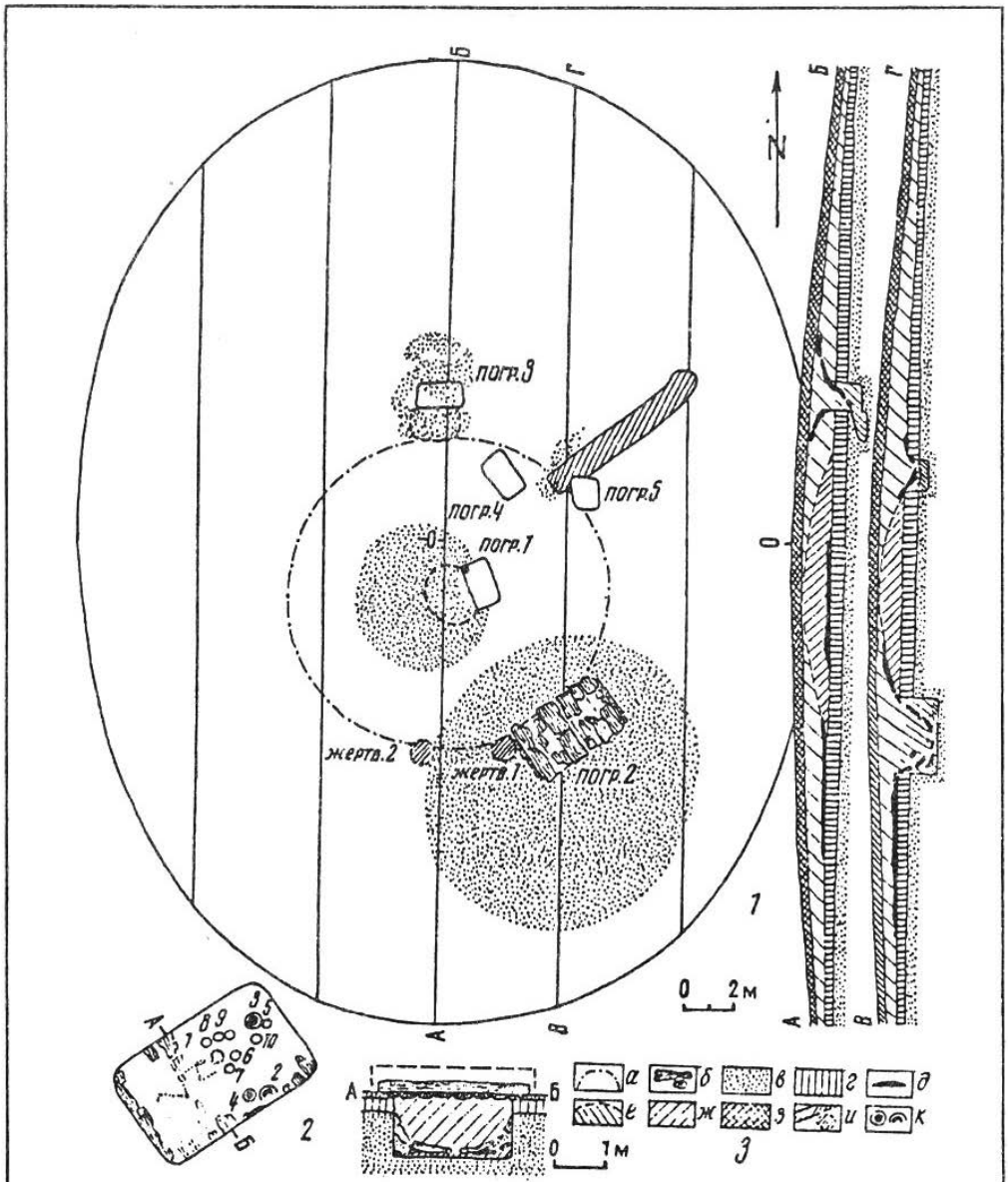


Рис. 13. Курган № 57
Павловского могильника

1 – план и профиль; 2 – план и разрез погребения 2;
3 – условные обозначения: а – примерные контуры первичной насыпи;
б – дерево; в – выкиды; г – погребенная почва;
д – выкиды в профилях: е – первичная насыпь в профиле;
ж – чернозем; з – пахотный слой; и – канавка и жертвенники;
к – сосуды

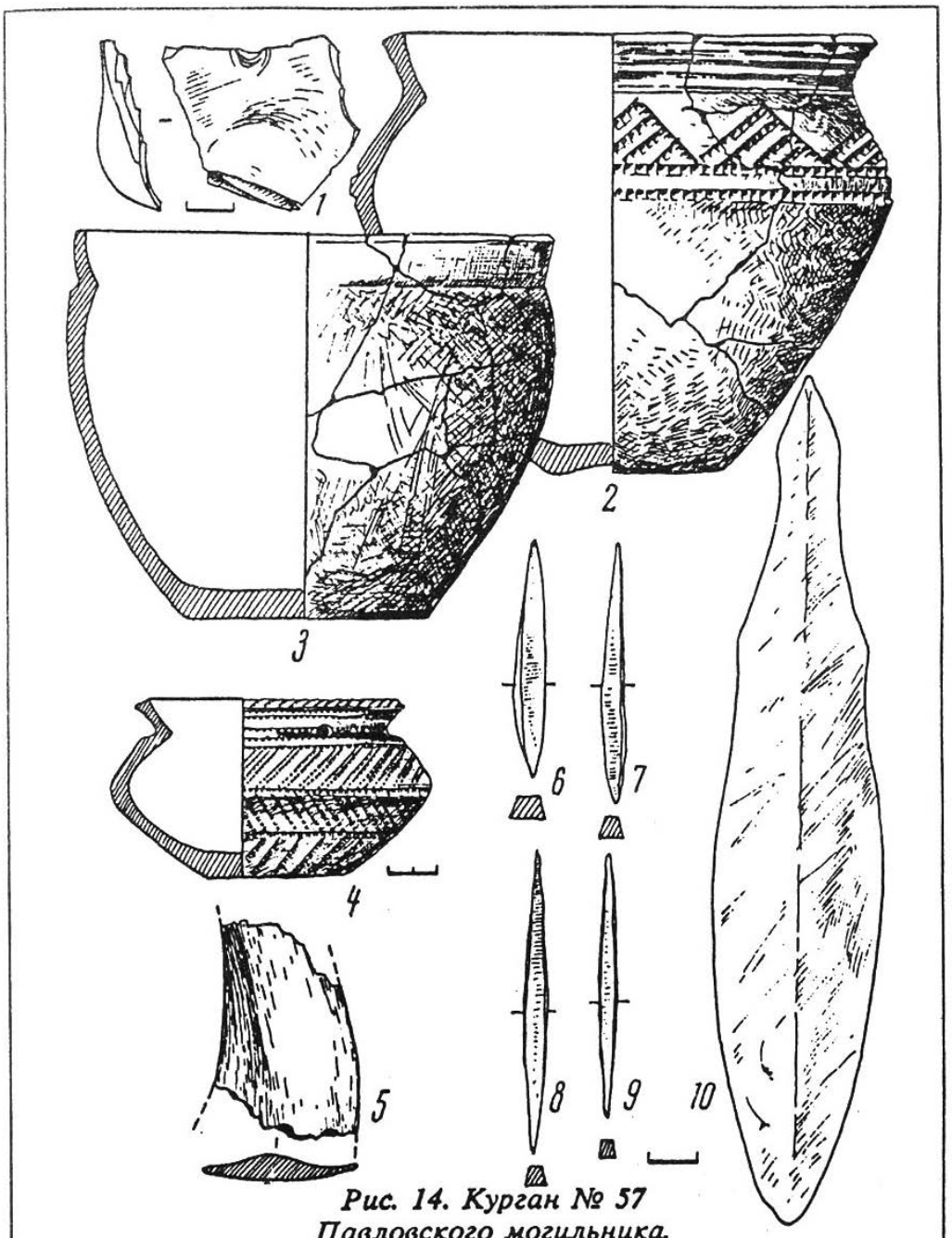


Рис. 14. Курган № 57
Павловского могильника.
Вещевой комплекс погребения № 2

1 – камень; 2-4 – глина; 5 - кость; 6-10 – медь

О ФОРМИРОВАНИИ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА

Тезисы научно-краеведческой конференции, посвященной основателю липецкого областного краеведческого музея Трунову М.П. Липецк, 1995. с. 27-29.

1. В настоящее время в донской лесостепи известно свыше 150-ти неолитических местонахождений. Более чем на 20-ти памятниках производились раскопки. Обширный вещественный материал подкреплен данными стратиграфии, палинологии, а также данными других естественнонаучных анализов, что ставит рассматриваемый регион в число относительно хорошо изученных в рамках неолитической эпохи.

2. Основное количество известных местонахождений группируется в среднем течении и приустьевых участках рек, на останцовых дюнах низких пойм, на краю боровых террас низких и высоких пойм рек, а также в береговых отложениях непосредственно у уреза воды. В последних случаях культурные слои залегают ниже уровня рек. Поднятость террас и останцов над поймами варьирует от 1,5 до 3 метров. Столь малые высотные отметки говорят о сезонном характере освоения данных участков.

3. Существенный признак памятников — подавляющее преобладание керамического материала над орудиями и отходами их производства. Этот признак, как и топография, указывает на сезонно-промысловый характер памятников. Отличительной их чертой является многослойность. Стратиграфические данные, а также результаты статистико-поглубинного анализа неоспоримо свидетельствуют о более древнем возрасте на Дону, в сравнении с другими видами керамики, сосудов с накольчатой орнаментацией. Они характеризуются относительной тонкостью, плотным тестом (изредка — с органическими добавками). При ленточном способе лепки использовался прием косой стыковки лент (нижний край ленты накладывался на предыдущую ленту изнутри). Поверхности обрабатывались мелкоштриховым, часто беспорядочным, заглаживанием, подлащивались, а иногда — ангобировались. Цвет поверхностей — коричневый, варьирующий в оттенках. Форма сосудов — цилиндростенная с плавным переходом к острому днищу, по толщине равному стенкам. Диаметры сосудов — от 10-ти до 30-ти и более сантиметров. Есть сосуды и конической формы с теми же технологическими признаками.

Накол служил основным орнаментальным элементом сосудов, причем все его многочисленные виды (треугольный, скобковидный, спаренный, трапециевидный, ямчатый и др.) часто создавались одним орнаментиром, поэтому нередко фиксируется их взаимовстречаемость. Обязательный признак — ямки под венчиком в один поясок. Орнамент чаще наносился густо по всей поверхности, но иногда лишь в верхней части или с оставлением свободной зоны в нижней половине сосуда. Срез венчика украшен примерно у пятой части сосудов. В целом мотив орнаментации отмечен горизонтальной зональностью, а композиционные построения носят геометрический, прямолинейно-треугольный характер. Иногда встречаются и сложные узоры. Именно такого рода керамический материал на рассматриваемой территории служит главным критерием в разграничении памятников раннего неолита и мезолита.

4. Накольчатой керамике сопутствуют материалы кремнево-кварцитовой индустрии. Орудия как из кремня, так и из кварцита (до 40%) идентичны между собой и типологически, и по функциональному назначению. Абсолютно преобладает пластинчатая техника: нуклеусы для производства пластин, пластины, их сечения, орудия

на пластинах. В то же время малочисленны орудия на отщепах с двусторонней обработкой плоской ретушью и совсем единичны типичные резцы и трапеции-вкладыши.

5. Микролитические комплексы донской лесостепи не находят безусловных прототипов в позднемезолитических материалах сопредельных регионов, где широко представлены и группы резцов, и геометрических вкладышей. Лишь в юго-восточных пределах, где затем распространилась кельтеминарская культурно-историческая общность, есть памятники сходного облика. Эта линия сравнения подводит и к более близкому региону — Северо-Восточному Прикаспию, где на примере стоянки Бекбеке 1 и ряда других памятников можно фиксировать сходство с донскими подавляющего большинства признаков, также выросших на мезолитической основе. При этом исследователи не находят принципиальной разницы между мезолитом-неолитом Средней Азии, Северного и Северо-Восточного Прикаспия. Таким образом, приведенное сравнение дает основание считать, что ранние микролитические комплексы лесостепного Дона принадлежат культуре населения, проникшего сюда вследствие миграционной волны из среднеазиатских областей в самом конце мезолита, (конец VI — первая половина V тысячелетия до н. э.)

Принимая во внимание некоторые аналогии местным сосудам в деталях формы (прямостенность) и орнаментации (ряды ямок под венчиками) среди материалов раннего этапа днепродонецкой и средневолжской культур (что, возможно, имело и стадиальный характер), начало неолита на Дону следует отнести к первой половине V тысячелетия до н. э.

6. Эти памятники нами объединены в среднедонскую неолитическую культуру. Совершенно очевидно, что керамика ее раннего этапа глубоко специфична. Представления об эволюции керамики от «примитивного» облика ко все более «совершенному» не всегда отражают реальные моменты возникновения и развития гончарного производства. Возникновение накольчатой керамики среднедонской культуры сугубо местное. Но, видимо, идея изготовления посуды из глины была заимствована из тех же отдаленных южных пределов, где период поисков наиболее приемлемых технологических приемов (которые и составляют основу заимствования) был уже пройден.

7. С середины IV тысячелетия до н. э., с проникновением на Дон из северного этнокультурного мира носителей рязанско-долговской неолитической культуры с охотничье-рыболовческим укладом в экономике, можно говорить о нарушении относительной замкнутости местных племен. Включение новых традиций (ямочный и гребенчатый элементы в орнаментации, колоколовидная форма сосудов, двусторонне обработанные орудия, включая наконечники стрел и копий, расширение ассортимента костяных изделий и т. д.) определяет начало второго этапа развития среднедонской неолитической культуры.

8. Примерно около середины III тысячелетия до н. э. на Дону появляются группы северных рыболовческо-охотничьих племен с культурой гребенчато- и зубчато-ямочной керамики, сложивших здесь пережиточно неолитическую рыбноозерскую культуру.

9. В целом же в донской лесостепи линия развития неолита проявляет ту же закономерность в развитии и смене культур, какую фиксируют исследователи для территорий Волго-Окского междуречья, Прибалтики, Среднего и Верхнего Поднепровья. Археологические материалы, полученные в последние годы в Липецком Придонье (Курино, Липецкое озеро и др.) подтверждают отмеченные выше наблюдения и, в то же время, позволяют углубить разработку целого ряда проблем донского неолита, что еще предстоит сделать.

1996

К ОЦЕНКЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КУРГАННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ПАЛЕОДЕМОГРАФИИ

Археологические исследования высшей педагогической школы. Сборник научных трудов (к 25-летию археологической экспедиции Воронежского педуниверситета). Воронеж, 1996. С. 9-21.

Для изучения демографических процессов древности возможности археологических источников, по признанию многих исследователей, крайне ограниченны, особенно при выявлении численности групп и входящих в их состав половых популяций [1]. Несколько больше можно получить сведений о деятельности жизни и детской смертности на основе изучения грунтовых могильников общинного типа [3; 13; 15], хотя в любом случае необходима тщательная проверка результатов данными этнографии и различного рода письменных источников [27, с. 429].

Наиболее же проблематичным для этих целей выглядит использование курганных погребений эпохи бронзы, поскольку их объективная оценка блокируется тремя чрезвычайно важными, на мой взгляд, обстоятельствами.

Первое из них — фактическое отсутствие методики вычленения человеческих жертвоприношений, которые, судя по многочисленные свидетельствам, изобиловали в период распада родовых устоев и формирования ранних государств — период, которому стадиально-исторически соответствует эпоха бронзы. Сейчас имеются серьезные основания полагать, что сходными процессами были затронуты общества и на евразийских степных и лесостепных пространствах [10; 1 24; 26], а поэтому можно предполагать и сходство социально-идеологической природы появления сложных ритуальных устройств — храмов и погребений.

Как подчеркивал Г. Кларк, первые царские гробницы Месопотамии и Египта отличается от рядовых могил своими большими размерами, особым характером приношений, наличием человеческих жертв и неимоверно большими затратами общественного труда на строительство этих пышных мавзолеев [23. с. 136-138]. И на другом краю Света, на стадиально сходном уровне развития общества, у горных майя согласно описанию испанского хрониста Фуэнтес-и-Гусмана, погребальный обряд в честь умерших правителей обставлялся сходным же образом: «После церемоний и прощальных слов... они клали царя в гробницу вместе с различными драгоценностями... убивали всех рабов, и женщин и мужчин, которые ему прислуживали, так, чтобы они могли и в дальнейшем заботится о своем господине... Над гробницей они насыпали из камней и земли холм, величина которого зависела от знатности умершего» [11, с. 218). Строгая регламентация размеров погребальных сооружений в соответствии с сословной принадлежностью умерших и в целом была характерна для многих обществ, находившихся на стадии формирования государственности [14, с. 198-199; 15, с. 151].

Не эти ли тенденции отражены в характере сооружения евразийских курганов в бронзовом веке? Такое предположение тем более допустимо, что здесь одновременно

продолжает сохраняться в единых культурных рамках и бескурганная погребальная обрядовость [21, с. 102-103].

В ряде случаев среди подкурганных погребений удается достаточно определенно вычленять человеческие жертвоприношения, и число их оказывается немалым. Для примера сошлюсь на материалы ямно-катакомбного времени Первого Власовского могильника, где в двух случаях каждый из мужчин сопровождался жертвами — четырьмя детьми [19, с. 60-61].

Второе обстоятельство сопряжено с тем фактом, что количество трудозатрат на сооружение курганов, если бы они предусматривались для всех членов общества, оказалось бы совершенно фантастическим. А с этим напрямую связано и третье обстоятельство: восстанавливаемое число сооруженных курганов (включая данные крупномасштабных карт, процент разрушения курганов распашкой, уничтожения их водохранилищами и т.д.) явно не соответствует даже тому минимуму количества людей, который необходим для выживания племенных структур. Как показывает математическое моделирование, лишь группы, насчитывающие не менее 200-300 человек, имели реальные шансы выжить [27, с. 431].

Принимая во внимание вышеотмеченные обстоятельства, можно попытаться рассмотреть некоторые из имеющихся подходов к поставленной проблеме, причем сразу же замечу, что эти подходы традиционно предполагают распространение курганной обрядовости на МОХ членов изучаемых обществ.

Наиболее системно возможность использования курганных погребений для палеодемографических реконструкций изложена в одной из работ А.Н. Гея на примере материалов Прикубанья [7]. Однако приводимые им результаты анализа половозрастной структуры уже сами по себе настораживают. Так, смертность детей на первом году жизни по оценке антропологов (на что указывает и сам исследователь) оказалась неправдоподобно низкой, а число захороненных женщин заметно уступает числу захоронений мужчин [7, с. 79]. В первом случае исследователь ссылается на сходство показателей смертности в изучаемых новотиторовской и катакомбной культурах, что, по его мнению, отражает объективную картину и исключает возможность предполагать захоронение младенцев вне курганов. Но это сходство вполне может проистекать из общих социально-ритуальных установок у носителей двух культур, тем более что, как считает и сам А.Н. Гей, обе культуры генетически взаимосвязаны.

Во втором случае ссылка исследователя на ошибки в определении костей в камеральных условиях ставит, казалось бы, под сомнение вообще правомерность оперирования рассматриваемой антропологической выборкой.

Однако, если обратиться к выборкам из древнеямных Курганов Поволжья, Подонья-Калмыкии и Украины, процент женских черепов также мал и практически одинаков: от 17 до 20 [25, с. 130], а в курганах ямно-катакомбного времени Среднего Дона, в частности из Власовских могильников, захоронения женщин вообще единичны [19, 11 с. 32-33, табл. 4]. Кстати, число детских погребений, с учетом высокой детской смертности в ранних обществах, невелико для всех отмеченных территорий [25, с. 140]. Такое явление нельзя объяснить ни одним из возможных видов установок родства (патрилокальность, матрилокальность, вирилокальность).

Расчеты А.Н. Гея, связанные с определением общей численности населения, характера и плотности расселения основаны на материалах из бассейна Кирпилей в Правобережье Кубани. Здесь, на площади 2400 кв. км, по его предположению могло быть 2666 курганов. При содержании в кургане в среднем по 18 новотиторовских и

по 21 катакомбных погребения выводится общее количество погребений этих культур, соответственно: 4800 и 5300. Далее исследователь обращается к формулам для выведения ежегодной смертности, а из этого — общей численности единовременно проживавшего коллектива и плотности заселения.

За 500 лет бытования каждой из культур при средней продолжительности жизни 18-20 и 20-23 года (сведения приводятся А.Н. Геем) произошло соответственно 25 и 22 смены населения, т.е. единовременно на очерченной территории общество новотиторовской культуры составляло менее 200 человек, а катакомбной культуры - менее 250 человек[1]. Плотность же населения, исходя из этих цифр, должна была составить приблизительно 0,08 человека на 1 кв. км для новотиторовской и 0,1 человека на 1 кв. км — для катакомбной культуры.

К сходным результатам пришли С.Ж. Пустовалов и М.О. Степанова, применившие практически тот же подход при оценке курганных погребений катакомбной культуры Поднепровья [18. с. 100-102].

Так, количество курганов в пяти областях Украины (Днепропетровской, Запорожской, Херсонской, Николаевской и Крымской) ими определено в 139 000 единиц. Из предполагаемого общего числа погребений (780 тысяч) в этих курганах катакомбной культуре могло принадлежать 150 тысяч (степень их встречаемости — 21,5%). Поскольку средняя продолжительность жизни носителей этой культуры определена в 27 лет (что является и периодом полного обновления населения), а протяженность бытования культуры занимает, как минимум, три столетия (XX-XVII вв. до н.э.), то единовременно проживающее население должно было бы составить в среднем около 14 000 человек. Площадь же рассматриваемой территории — не менее 200 тысяч кв. км., причем будучи равнинной, а также включая прибрежные районы Черного моря, развитую речную систему, значительные участки Днепровской лесостепи, обладавшей богатейшими запасами фито- и биомассы [17. с. 129-133], она может рассматриваться как одна из наиболее гумидных. Однако, если исходить из числа захоронений, плотность катакомбного населения в среднем составит всего лишь 0,07 человека на 1 кв. км! Такая плотность сопоставима лишь с периодом позднего палеолита [5, с. 10]. Но считается, что даже в условиях отсталого присваивающего хозяйства плотность может достигать известной величины. У андаманцев, например, на одного человека приходится до 1,0 кв. км., а у некоторых калифорнийских индейцев — 0,7 кв. км. [27, с. 430].

Скотоводческо-земледельческий характер экономики носителей катакомбных культур Прикубанья и Поднепровья наиболее вероятен, а, как известно, возникновение производящего хозяйства в целом увеличило темпы роста населения не менее чем в 100 раз [27, с. 402). Поэтому выведенная отмеченными исследователями для эпохи бронзы «палеолитическая» плотность населения представляется многократно заниженной. Не считая безусловно надежным использование асинхронных сравнительных данных, все же замечу, что в XVII веке в Башкирии, с ее обширными степными территориями и скотоводчески-земледельческим населением, плотность составляла в среднем 1-2 человека на 1 кв. км. [9, с. 100]. Плотность населения полупустынь и пустынь современного Ирана, освоенных кочевыми скотоводами, достигает 2 человека на 1 кв. км [5, с. 440] и т.д.

[1] в расчетах не могут быть предусмотрены такие факторы как динамика роста населения, миграции, эпидемии и т.д. Вместе с тем, уже имея конечную цифру — реальные погребения, здесь нет необходимости усложнять анализ специальными демографическими формулами.

Известный отечественный американист Ю.Е. Березкин со ссылкой на авторитетные источники считает установленным, что типичные вождества (а такая форма социально-политической организаций вполне приложима к катакомбным обществам) занимали от 100 до 1000 кв. км., причем вождества, на базе которых сложились первичные государства Востока и Америки, по численности дают оценки, превышающие 20 000 человек [4. с. 31-36]. Отсюда следует, что плотность населения в них составляла значительно выше 2 человек на 1 кв. км. Рассматривая Аркаим как административно-религиозный центр, выполнявший социальные, информационные и сакральные функции (структура, распространенная в догосударственных обществах), Ю.Е. Березкин, на основании подсчета площади построек определяет его наполняемость до 2000 человек — цифра, соответствовавшая, по его мнению, цельному социополитическому организму, проживавшему на территории радиусом 20-30 км. Таким образом и здесь плотность населения составит не менее 2 человек на 1 кв. км.

Соответственно столь же заниженной, как и плотность населения, представляется выводимая исследователями из подкурганных захоронений цифра единовременно проживавшего населения. Площадь отмечавшихся пяти областей Украины предполагает функционирование многих десятков социополитических образований, численность которых никак не может быть сопоставлена с 14 тысячами захоронений. В этом случае численность каждого из таких образований оказалась бы намного ниже минимума выживаемости. Правда, в отличие от А.Н. Гея., С.Ж. Пустовалов и М.О. Степанова все же признают существование в катакомбной среде погребального биритуализма, где, по их мнению, треть населения (из числа зависимых женщин и около половины детей) хоронились за пределами курганов [18, с. 102]. Но и этот допуск совершенно не меняет существа дела. То же самое вытекает и из расчетов А.Н. Гея, проведенных для территории Восточного Приазовья и Степного Правобережья Кубани [8. с.42-77]. Здесь, на площади 15,5 тыс. кв. км исследователем предполагается 15 тысяч курганов, причем 95% их возведено в эпоху ранней и средней бронзы (новотиторовская и катакомбная культуры). В общей сложности в курганах можно предполагать 30 тысяч катакомбных погребений, производившихся в течении полутысячелетия, т.е. единовременно здесь проживало менее 1400 человек. Освоение такой территории столь небольшим числом жителей было бы явно не по силам, исходя из вышеизложенных соображений.

Из выводимых цифр народонаселения вытекает и практическая неосуществимость сооружения курганов для всех членов катакомбного общества. Очевидно, что курганы строились лишь в теплое время года [16, с. 137] — именно тогда, когда в скотоводческих обществах мужчины в основном были заняты проблемами выпаса и охраны скота, домостроительными и прочими работами. Мужчины, составляя максимум треть от числа жителей (а это по А.Н. Гею, составит менее 600 человек на весь район Прикубанья и Приазовья) должны были бы за сезон возводить по 30 курганов, на каждый из которых ориентировочно требовалось 100 рабочих человеко-дней (здесь учитывается и трудоемкость сооружения катакомбных устройств, и ограниченные технологические возможности того времени), а в целом за сезон трудозатраты составили бы 3000 человеко-дней, т.е. мужчина каждый сезон на протяжении всей

жизни должен был более двух месяцев заниматься возведением курганов![1] Столь же тяжелая участь ожидала и древних скотоводов Украины, если бы расчеты названных исследователей соответствовали действительности.

В связи с этим, но с несколько иных позиций, можно привлечь данные Среднего Подонья (130 тыс. кв. км), значительная часть которого входит в зону лесостепи. Учитывая ее исключительно благоприятные природные условия и сопряженную с ними большую демографическую емкость [12, с. 16], здесь для эпохи бронзы можно предположить плотность населения исходя, на мой взгляд, из минимального расчета: 2 человека на 1 кв. км. Замечу, что при этом экстраполируется всего лишь 20% от предполагаемого демографами роста численности населения со времени позднего палеолита.

Эпоха бронзы по существующим традиционным разработкам имеет протяженность примерно 1700 лет и если принять период, за который происходит полная смена населения, в 40 лет[2], то на протяжении всей эпохи здесь должно было проживать около 11 миллионов человек. Если даже общества скотоводов-земледельцев составляют половину от числа населения этой территории, то количество курганов должно было бы превысить миллион (донские курганы в среднем содержат менее 5 погребений эпохи бронзы) в случае, если бы они предназначались для всех представителей обществ скотоводов-земледельцев. А эта цифра в 15-20 раз превышает реальное количество курганов со всеми допусками на степень их разрушаемости.

Предположив для рассмотренных выше территорий Украины и Прикубанья даже втрое меньшую, в сравнении со Среднем Доном, плотность населения для эпохи бронзы — 0,7 человека на 1 кв. км., можно считать, что под курганами хоронилась едва ли десятая часть населения. А это, на мой взгляд, более соответствует реальности.

Именно несоответствие характера поло-возрастных данных из курганов историко-этнографическим оценкам структуры обществ побудили А.В. Шевченко сделать заключение об обязательности захоронения в курганах только взрослых сородичей, хотя это право, по его мнению, не являлось их исключительной привилегией, а детей и не прошедших инициации подростков хоронили в курганах, если они умирали неподалеку от них в теплое время года; если же смерть настигла их зимой или далеко от могильников — в грунтовых погребениях или просто наземным способом [25, с. 140]. Здесь, таким образом, в основу традиции подкурганной обрядовости кладется фактор случайности, зависимость от сезонных колебаний смертности. М.Д. Хлобыстина, например, полагает, что ямные племена хоронили женщин на грунтовых кладбищах, пока еще неизученных [22, с. 30-31]. Но даже и эти суждения, в целом не согласующиеся с расчетами трудозатрат, а также с палеодемографическими и этнографическими данными, подразумевают социальный характер отличительных признаков погребальной обрядовости обществ того времени.

Весьма интересной относительно понимания особого социального характера курганов является позиция Ю.А. Шилова, сформулированная, правда, на иной основе,

[1] Предваряя возможные замечания относительно известной условности моих подсчетов трудозатрат для катакомбного времени, поскольку многие из погребений являются впускными, могу адресовать для проверки изложенного к погребениям новотиторовской культуры, характер экономики и жизненный уклад населения которой по мнению А.Н. Гея, мало отличался от катакомбного общества.

[2] В.П. Алексеев приводит средний возраст смерти, связанный со средней продолжительностью жизни довольно сложной зависимостью, но в широких пределах соответствующий ему, для ямной культуры — 39,7 лет, для катакомбной культуры — 39,9 лет, для срубной культуры — 38,4 года [2, с. 189].

исходящей из религиозно-мифологической сути кургана. Ю.А. Шилов рассматривает в единой семантической связке: храм — ротонду — мастаб — зиккурат — курган, как сооружения с широким диапазоном использования «от календарно-астрономических наблюдений и представлений о внеземных мирах до погребальной обрядности и мифотворчества» [26, с. 562]. Исследователь объясняет и причины появления курганов:в целях экономии усилий для производительного труда в отличие от более трудоемкого строительства каменных святилищ-обсерваторий (типа Стоунхенджа, Вудхенджа и др.) и в связи с заменой частых человеческих жертвоприношений умирающими естественной смертью. В то же время, как он считает, в курганах «сошлись и требующий совместных усилий (племени или даже союза племен) монументализм, и связи (посредством календарно-обсерваторных элементов) общества с мирозданием, снятие (при участии живых, жертвенных и умерших людей) основного противоречия всех времен и народов — противоречия бытия-небытия» [26, с. 564]. Впуск захоронений в курганы без досыпок, фиксируемый с древнеямного времени, Ю.А. Шилов расценивает как деградацию, ослабление кровнородственных связей и усиление семей, которым стало не под силу сооружать курганы, а также ослабление напряженности миграционных процессов, снимавшее и актуальность кургана как «связующего центра» [26, с. 570]. Весьма важным, на мой взгляд, является предположение Ю.А. Шилова о принадлежности гробниц кеми-обинской культуры, равно как и самой культуры, «интернациональному» сообществу странствующих жрецов-звездочетов, обслуживающих святилища-обсерватории [26, с. 578-579]. Отмечу, что аналогичная интерпретация, но на основании иного подхода к источникам, мною была предложена для Первого Власовского могильника ямно-катакомбного времени на Среднем Дону [19, с. 59-65].

Немаловажным основанием для предположения Ю.А. Шилова явилась очевидная трудоемкость сооружения кеми-обинских гробниц и их единичность [26, с. 579], тогда как сосуществование докурганной и курганной традиций в Усатове он объясняет сохранением одной частью населения традиционного уклада, а другой частью — приобщением к азово-черноморской линии развития степного энеолита, что, по мнению исследователя, стало наиболее ранним выражением дуальной организации общества в Юго-Восточной Европе. Здесь, таким образом, им предполагается в большей степени хозяйственное и этнокультурное, но не социальное размежевание общества [26, с. 576]. Древнеямная же культура с ее мощным курганным массивом им оценивается применительно к арийской общности лишь как «питательная среда» ее формирования, средоточие вайшья — «общинников», тогда как кеми-обинская культура — организатор и средоточие брахманов — «жрецов» [26, с. 15].

Несомненно, Ю.А. Шилов прав, говоря о мифотворческой в широком понимании этого термина сути кургана, о его связи со святилищами и с календарно-астрономическими наблюдениями. По Ю.А. Шилову курган — для всех свободных представителей общества, подобно тому как для всех — храм. Но являлась ли храмовая ипостась определяющей в кургане? Этот вопрос требует, на мой взгляд, более убедительной системы доказательств. Очевидно, в данном контексте требует своего объяснения и включение в рамки одного могильника иногда нескольких десятков (а то и более) однотипных курганов, каждый — с визуально невостребованной емкостью при содержании единовременных и единокультурных захоронений. Только ли стремлением к завершению какой-то и кем-то заданной мифотворческой модели побуждался рост курганных могильников? А если нет, то в чем кроется связь с храмом каждого отдельного кургана? И таких вопросов возникает множество. Пока же такая оценка

курганов блокируется как расчетами трудозатрат на их возведение, так и палеодемографическими характеристиками.

Но именно эти обстоятельства заставляют считать, что на захоронения под курганом могли претендовать лишь выдающиеся представители общества и их ближайшее окружение. Наиболее близкой моему пониманию социальной сути кургана является позиция Н.А. Чмыхова, связавшего распространение курганного обряда с обожествлением личности вождя, жреца, жреца-вождя, когда символика кургана «была направлена (как символ погребений в пирамидах) на получение умершим вечного блаженства на высшем небе» [24, с. 117]. При этом Н.А. Чмыхов рассматривает появление курганов в Степи — Лесостепи в качестве одного из важнейших признаков, кладущего рубеж между догосударственным и государственным уровнем общества.

Детальный анализ функциональных признаков самых разных категорий инвентаря подкурганных погребений эпохи бронзы (курильницы, молоточковидные булавки, флейты Пана, посохи, шилья, связки шило-нож, топоры, «ремесленные комплексы» и т.д.) позволяют относить многие погребения к сословию жрецов, а погребения с булавами, наконечниками стрел и т.д. — к кругу вождей. При этом очень часто захоронения отмечены теми и другими признаками, что вполне объяснимо, если обратиться к истории обществ древнего Востока и Америки, устройство которых нередко приобретало теократические формы. Надо полагать, что сакрализация власти вождей (царей) была вообще характерным явлением для периода разложения родовых устоев и формирования ранних государств [16, с. 8].

Как мне уже приходилось отмечать и ранее [6, с. 114-115; 20, с. 56] появление курганов на евразийских пространствах было мотивировано той же идеей, какая побудила к строительству пирамид в Египте, гробниц в Месопотамии и Мезоамерике, хотя сама идея преломлялась через местную специфику природно-географической и этнической среды. А из этого следует, что курганы содержат представителей высших социальных страт — вождей и жрецов и их ближайшее окружение, а также многочисленные человеческие жертвоприношения.

Все вышеизложенное позволяет заключить, что имеющиеся разработки проблем палеодемографии на основе курганных погребений не могут быть признаны убедительными.

Но могут ли вообще подкурганные погребения, помимо извлечения антропологической информации, использоваться для палеодемографических реконструкций? Думается, что в принципе это возможно. Но при условии признания их социальной специфики, разработки методик вычленения жертвоприношений, оценки характера кенотафов, хронологического и социального соотношения погребений в системе курганной стратиграфии и т.д., причем их цифру следует рассматривать как составную, и значительно меньшую часть каждого из изучаемых социополитических организмов.

Литература

1. Алексеев В.П. Палеодемография СССР// СА. 1972. № 1.
1. Алексеев В.П. Население эпохи бронзы на Среднем Дону (Краниология) // Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж, 1983.
2. Алекшин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л.,1986.
3. Березкин Ю.Е. Аркаим как церемониальный центр: взгляд американиста // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995.
4. Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981.

5. Винников А.З., Синюк А.Т. По дорогам минувших столетий. Воронеж, 1990.
6. Гей А.Н. Опыт палеодемографического анализа общества степных скотоводов эпохи бронзы (на примере новотиторовской и катакомбной культур Степного Прикубанья) // КСИА. 1990. Вып. 201.
7. Гей А.Н. Проблема социальной дифференциации и эволюции общества степных скотоводов бронзового века (на примере новотиторовской и катакомбной культур Степного Прикубанья) // Социальная дифференциация общества (поиски археологических критериев). М., 1993.
8. Генинг В.Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970.
9. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Челябинск, 1992.
10. Гуляев В.И. Проблема становления царской власти у древних майя // Становление классов и государства. М., 1976.
11. Долуханов П.М. География каменного века. М., 1979.
12. Колесников А.Г. Трипольское общество Среднего Поднепровья. Опыт социальных реконструкций в археологии. Киев, 1993.
13. Крюков М.В. Социальная дифференциация в древнем Китае // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968.
14. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
15. Массон В.М. Феномен ранних комплексных обществ в древней истории // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте (Материалы методологического семинара ИИМК АН СССР). СПб., 1991.
16. Мильков Ф.Н. Природные ЗОНЫ СССР. М., 1977.
17. Пустовалов С.Ж., Степанова М.О. Динамика численности степного населения Украины по материалам курганных могильников // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н.э. Тирасполь, 1994.
18. Синюк А.Т. Погребения ямной и катакомбной культур Первого Власовского могильника // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж, 1989.
19. Синюк А.Т. Об исторической роли жречества // Цивилизационный подход к истории. Проблемы и перспективы развития (ТД). Воронеж, 1994.
20. Тощев Т.Н. О грунтовых могильниках катакомбной культуры // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н.э. Тирасполь, 1994.
21. Хлобыстина М.Д. Вопросы изучения структуры андроновских общин алакульского типа // СА, 1975. № 4.
22. Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
23. Чмыхов Н.А. Первые государства в Степи-Лесостепи: предпосылки возникновения // Теория и методика исследований археологических памятников (ТД). Липецк, 1992.
24. Шевченко А.В. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы. Л., 1986.
25. Шилов Ю.А. Прародина ариев. Киев, 1995.
26. Шнирельман В.А. Демографические и экнокультурные процессы эпохи первобытной родовой общины // История первобытного общества. М., 1986.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ КУЛЬТУР ЭНЕОЛИТА — БРОНЗОВОГО ВЕКА ВЕРХНЕГО ПРИДОНЬЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ КУРИНО I)

Археологические памятники Лесостепного Придонья. Вып. 1. Липецк, 1996. С. 30-59. В соавт. с А.Н. Бессудновым.

Поселение Курино I[1] относится к числу типичных многослойных памятников донского бассейна, приуроченных к низким надпойменным участкам рек.

Уже сама топография памятника[2] предполагает рассмотрение его в качестве места сезонного освоения. Полученные материалы свидетельствуют о том, что здесь представлена целая свита промысловых стойбищ, широко рассеянных во времени от неолитической эпохи до периода средневековья. Только четко выраженные и относительно представительные типологические группы керамики времени неолита-бронзы принадлежат более чем десятку археологических культур, причем необходимо допускать неоднократное использование этого места представителями одной и той же культуры.

В предлагаемой публикации мы ограничились рассмотрением энеолитических материалов раннего и среднего периодов эпохи бронзы.

Касаясь стратиграфии памятника, мы вынуждены признать ее крайне ограниченную информативность. С учетом известных природных и антропогенных нарушений, относительно слабомощные наслоения оказались достаточно насыщенными разнохарактерными и разнокультурными находками, количество которых в среднем на один квадратный метр составляет около 10 единиц, а в квадратах центральной части раскопа - значительно больше. Основное же количество находок приходится на глубину 0,3-0,6 м, что соответствует слоям черного гумуса и серой гумусированной супеси. Но они же включают, как уже нами отмечено, материалы огромной хронологической протяженности. Отсюда следует, что статистико-поглубинный анализ может дать лишь весьма обобщенные результаты и лишь по относительному преобладанию типологически информативных групп материалов (главным образом керамики). Добавим также, что функциональный характер памятника не исключает случаев взаимозаменяющейся последовательности появления материалов различных, но хронологически соприкасавшихся культур.

Предпринятая нами методика фиксирования находок слоями по 0,1 м в известной степени увеличивает вероятность объективности выводов относительно появления на памятнике тех или иных групп материалов, хотя в большей мере это зависит от качества выделения самих групп материалов, уже имеющих достаточно четкие культурно-хронологические ориентиры. Другими словами, стратиграфия памятника корректируется типологией находок (рис. 1).

---

[1] Исследование памятника проведено в 1991 г. археологической экспедицией Липецкого пединститута под руководством А.Н. Бессуднова. (См. Бессуднов А.Н. Отчет об охранных раскопках многослойного поселения Курино I у с.Курино Хлевенского района Липецкой области в 1991 году. — Архив ИА РАН.).

[2] Местоположение и литология поселения Курино I рассматриваются в статье А.Н. Бессуднова, помещенной в настоящий сборник.

Энеолитические материалы

Наиболее представительную группу составила воротничковая керамика (рис. 3). Найдено 47 фрагментов, включая венчики от 11-ти сосудов. Планиграфически материал рассредоточен в центральной части раскопа без выраженных очагов локализации. Из 35 единиц анализа[1] абсолютное большинство (25 единиц) выявлено на глубине 0,5-0,6 м, в целом соответствующей средней части слоя серой супеси (рис. 1, 2). Сосуды характеризуются наличием манжетовидных и треугольных в сечении воротничковых утолщений по верху, а также весьма специфической технологией изготовления, включающей примешивание к глине травы и толченой ракушки, обработку поверхностей горизонтальными и косыми расчесами с последующим подлащиванием снаружи. Цвет сосудов чаще коричневый и серо-коричневый, реже — серо-желтый. При обжиге часть органических примесей выгорала, что придавало сосудам известную легкость.

Основным элементом орнамента является гребенчатый штамп — от короткого трехзубого (рис. 3, 12) до длинного «пунктирного» (рис. 3, 5). Наряду с прямым штампом отмечены оттиски створкой раковины Unio (рис. 3, 8). Насечки составлены в горизонтальные пояски (рис. 3, 6, 12), «елочку» (рис. 3, 3, 8), угловые композиции (рис. 3, 1, 5), косую сетку (рис. 3, 2, 4, 9), ленты зигзагов (рис. 3, 14). Отмечено оконтуривание орнаментальных лент (рис. 3, 11) и наличие свободных от орнамента зон (рис. 3, 10,13). У двух сосудов под воротничками имеются пояски из круглых ямок (рис. 3, 4, 10). К данной группе сосудов нами отнесен фрагмент венчика без воротничка, но имеющего все перечисленные выше технологические и орнаментальные признаки (рис. 3, 9).

Рассмотренные материалы примыкают к кругу донских памятников с воротничковыми сосудами нижнедонской культуры, входящей в мариупольскую культурно-историческую область раннего энеолита степи и лесостепи Восточной Европы [1, с. 15-23]. Поселение Курино I, наряду с известными стоянками на реках Воронеж (Университетские 1 и 3) и Матыра (Ярлуково, Рыбное Озеро), является одним из северных пунктов распространения нижнедонской культуры. В настоящее время датировка блока культур мариупольской области отмечена тенденцией к удревнению, вплоть до V тыс. до н.э. [2, с. 17; 3, с. 26]. Вместе с тем, на основании ряда стратиграфических и типологических наблюдений, включая признаки синхронизации с северным неолитом развитой поры, нами предложена более поздняя датировка нижнедонской культуры (середина — вторая половина IV тыс. до н.э.) [4, с. 69]. В связи с этим любопытно отметить, что на поселении Курино I выявлено несколько фрагментов сосудов с воротничками и поясками круглых ямок под ними (рис. 4, 5-8), но по технологическим и орнаментальным признакам идентичных материалам местной рыбноозерской культуры пережиточного неолита (плотно промешанная глина с примесью кварца; гладкие или же со следами мелкой штриховки поверхности; оттиски зубчатого штампа) [5, с. 17; 6, с. 147-151]. Добавим, что среди материалов такого же облика на поселении выявлены фрагменты с высоким профилированным

[1] При статистико-поглубинном анализе выделенных нами типологических групп опускаются находки с глубины ниже 0,6 м (ниже идет неолитический слой и предматериковая супесь) и с уровня 0-0,2 м, где фиксируется преобладание материалов раннего железного века и периода средневековья. В данном случае опускаются все материалы и с площади всех построек, поскольку они сооружены в эпоху бронзы и в раннем железном веке.

и с желобчатым венчиками (рис. 4, 9, 10) — признаками, характеризующими более поздние стадии донского энеолита. Появление групп керамики с разнородными чертами отмечалось и ранее на многослойных памятниках бассейна Дона, где фиксировались и энеолитические, и пережиточно-неолитические материалы северного облика (Университетская 3, Черкасская и др.) [6, с. 86-88]. В данном случае следует обратить внимание на хронологию рыбноозерской культуры, нижний рубеж которой, судя по многочисленным сравнительным данным, едва ли уходит глубже начала III тыс. до н.э. [6, с. 151].

В слое поселения Курино I, примерно на той же глубине, залегали фрагменты «проторепинского» сосуда (рис. 4, 1). Его технологические признаки (ракушечная примесь, обработка сторон крупными расчесами) продолжают традиции нижнедонской культуры. Нетрудно заметить черты преемственности и в системе орнаментации сосудов нижнедонской и репинской культур. Сошлемся также на находку толстостенного фрагмента типичного репинского сосуда (рис. 4, 4). Отмеченными находками и исчерпываются материалы развитого периода энеолита с поселения. Возможно, правда, что данному периоду принадлежат еще несколько относительно тонкостенных фрагментов керамики с ракушечной примесью в глине, среди которых есть два профилированных венчика со шнуровым орнаментом (рис. 4, 2, 3).

Пережиточно-энеолитическую стадию на поселении представляет керамика иванобугорского типа (рис. 5, 1-4). Всего выявлено 56 фрагментов, включая венчики от восьми сосудов. Четко выраженных скоплений их планиграфически не прослежено. Керамика распространена в центральной части раскопа, каковой, надо полагать, и исчерпывались границы становища иванобугорских промысловиков. Следов их строительной деятельности не выявлено — видимо, способ проживания здесь предполагал устройство наземных укрытий. Само количество найденных материалов позволяет соотнести их со временем функционирования не более одного-двух сезонных стойбищ.

Из 33 подлежащих анализу единиц находок чуть менее половины (15 фрагментов) залегало на той же глубине, что и рассмотренный выше материал (рис. 1, 2).

Керамика характеризуется специфическими и устойчивыми технологическими признаками: плотная, без видимых примесей, гладкие поверхности, коричневый цвет внешней стороны и темно-серый — внутренней. По форме это яйцевидные горшки с выделенным ровным (рис. 5, 3,5,11), слегка раздутым (рис. 5, 6, 9) или желобчатым венчиком (рис. 5, 2, 4, 7, 8, 10). Срез венчиков чаще приострен. Орнаментированы сосуды поясками из глубоких прямых гладких или рубчатых в основании насечек с наклоном в одну (рис. 5, 7; 6, 3, 4) или в разные стороны (рис. 5, 2, 5, 9). Отмечено сочетание рядов насечек с ногтевыми вдавлениями по венчику. Интересен один из желобчатых сосудов со срезом верха вовнутрь, украшенный зигзагами из оттисков рубчатого и гребенчатого штампа (рис. 5, 10). Есть фрагменты, несущие ромбический мотив орнаментации (рис. 6, 1, 2).

В облике этой керамической группы, как уже нами отмечалось для иванобугорских материалов других донских стоянок, прослеживается синтез разнокультурных гончарных традиций, восходящих к репинской культуре и кругу белевско-деснинских памятников пережиточного неолита [1, с. 68-70; 7, с. 119]. Датировка материалов ива- нобугорского типа может иметь известные подвижки в пределах второй половины III — начала II тыс. до н.э. [7, с. 117-119]. Присутствие этих материалов на поселении Курино I — уже в пределах Верхнедонского региона — вполне моти-

вировано этноисторической ситуацией того времени, а в дальнейшем следует ожидать их новые местонахождения не только на Дону, но и на более северо-восточных территориях.

К пережиточно энеолитической стадии мы относим и группу керамики донской абашевской культуры. На поселении обнаружено 34 фрагмента венчиков примерно от 20-25 сосудов. Неорнаментированные стенки абашевских сосудов практически невозможно отделить от репинских ввиду их полного технологического тождества. Абашевские венчики были локализованы на северо-западном участке раскопа, однако не связываются ни с одной из трех выявленных здесь построек. Поглубинному анализу подвергнуто всего 19 единиц находок. Этого явно мало для уверенных выводов, однако заметим, что фиксируются два уровня залегания абашевских материалов: верхний — 0,3-0,4 м (7 единиц находок); нижний — 0,45-0,55 м (10 единиц находок) (рис. 1, 2). Только предположительно можно связать данную ситуацию с остатками двух абашевских сезонных стойбищ, разделенных каким-то промежутком времени.

Абашевские сосуды (рис.7; 9, 10-13) имеют форму горшков с выделенным и относительно высоким прямым (рис. 7, 6, 8; 9, 13), слегка раздутым (рис. 7, 3-5; 9, 12) или желобчатым венчиком (рис. 7, 1, 2, 9; 9, 10, 11). Есть венчики с двойным желобком (рис. 9, 12) и даже с тремя горизонтальными бороздками, выполненными изнутри зубчатым штампом (рис. 7, 7). Заметим, что оформление верха этих сосудов обнаруживает большое сходство как с репинскими, так и с иванобугорскими приемами гончарства. В глине сосудов обязательна примесь толченой ракушки, поверхности часто несут следы косо-вертикальных расчесов, цвет их варьирует от серо-желтого и коричневого до темно-серого. Орнаментировались лишь некоторые сосуды, причем довольно скупо: лентой из бороздок, оконтуренной ямочными вдавлениями (рис. 9, 11); горизонтальными рядами крупного зубчатого штампа (рис. 9, 13); насечками зубчатого и гладкого штампа по краю венчика (рис. 9, 10, 12). Какая-то часть этих сосудов, особенно с раздутыми и желобчатыми венчиками, принадлежит к типу протоабашевских материалов [8, с. 60]; нижний хронологический рубеж которых, вероятнее всего, уходит в III тыс. до н.э. Но и более поздние из сосудов этой группы (рис. 9, 10-13) предшествуют времени появления в бассейне Дона признаков ранней срубной культуры. По нашему мнению, именно левобережная часть Верхнедонского региона является наиболее вероятной зоной формирования раннего ядра донской абашевской культуры, что в очередной раз и подтверждается характером материалов поселения Курино1.

Материалы эпохи бронзы

Четко выраженную группу составила керамика катакомбного облика. Всего найдено 226 фрагментов, включая венчики от 12 сосудов. При известном планиграфическом разбросе фиксируется также и место их концентрации в северной части раскопа, на площади примерно в 26 кв. м. (рис. 2). При этом многие находки отсюда имеют более низкий уровень размещения, чем остальная керамика из слоя раскопа, абсолютное большинство которой (90 из 118 анализируемых единиц) выявлено на глубине 0,3-0,5 м (с тенденцией увеличения к верхнему уровню этой глубины) (рис. 1, 2). Отмеченное скопление как будто частично разрезано с северной стороны постройкой 4, принадлежащей воронежской культуре эпохи бронзы. Создается

впечатление, что скопление представляло собой пол наземной постройки, слегка углубленной в древнюю поверхность, хотя контуры пола четко и не фиксировались.

Катакомбные сосуды имеют форму плоскодонных бокастых горшков с относительно высоким, более или менее четко выраженным горлом, край которого отогнут наружу (рис. 8, 1-6). Отдельные венчики короткие и имеют плавную профилировку (рис. 8, 6). Такого типа сосудам присущ уступ при переходе горла к тулову (рис. 8, 8; 9, 1, 2). Глина сосудов плотная, с примесью крупного песка (лишь в единичных случаях — органики); поверхности имеют штриховку от заглаживания; цвет их коричневый, варьирующий в оттенках.

Орнаментированы сосуды по всей поверхности до дна. Характерный признак — наличие на венчике или при переходе его к тулову пояска из «жемчужин» и удлиненных ямок. Обязательно также оформление внешней стороны края и его среза оттисками гребенки, перевитого шнура, гладкого штампа, а в одном случае — пальцевыми защипами (рис. 8, 6). Основные элементы украшения: оттиски шнура, тесьмы и гребенчатого штампа, составляющие «елочные» и угловые композиции. Отмечено сочетание элементов орнамента, причем шнуровыми оттисками покрывалась верхняя половина сосуда, а гребенчатыми — нижняя (рис. 8, 1). В орнаменте четко выражена горизонтальная зональность. Зоны подчеркиваются рядами пальцевых защипов (рис. 9, 3, 6, 7), вдавлений и ямок разной конфигурации. Есть фрагмент с оттисками «улиточки» и рядами «отступающих» ямок (рис. 9, 1).

Совокупность признаков позволяет в целом относить рассмотренную керамику к раннему периоду распространения катакомбной культуры в Придонье, причем, такие черты как уступы под венчиком, пояски из «жемчужин» и ямок — отражают сохранение влияния древнеямных и репинских традиций. Такого рода материалы в свое время были отнесены к «терновскому» типу в рамках первого этапа среднедонской катакомбной культуры, хронологическая позиция которого определяется рубежом III — начальными веками II тыс. до н.э. [9, с. 148]. На этом отрезке времени они синхронизируются и с иванобугорской, и с донской абашевской пережиточно-энеолитическими группами материалов. В частности, интересно обратить внимание на один из венчиков иванобугорского типа, в украшении которого есть шнуровой элемент (рис. 5, 4), что с учетом распространения у данного типа сосудов плоскодонности и пальцевых защипов решает вопрос появления и шнурового орнамента в пользу контактов с катакомбным миром.

Материалы воронежской культуры

Представляют самую многочисленную из рассматриваемых керамических групп. Выявлено более тысячи фрагментов, включая развалы от 21 сосуда (два из них восстановлены полностью, четыре реконструируются графически), а также венчики и днища еще как минимум от 30 сосудов.

Общий поглубинный анализ (взято 406 фрагментов) показывает абсолютное преобладание воронежской керамики в слое на глубине 0,3-0,5 м (277 единиц или 68%), причем две трети из этого числа приходится на глубину 0,3-0,4 м, что значительно больше в сравнении с соотношением по тем же глубинам катакомбной керамики (рис. 1).

Планиграфические наблюдения за развалами сосудов дают представление как о высокой степени их разброса, так и о местах их концентрации (рис. 2). В первом

случае (развалы сосудов 7, 20, 21 и др.)[1] глубина залегания фрагментов в основном совпадает с установленным горизонтом (0,3-0,5 м); во втором случае они залегают ниже горизонта (развалы сосудов 1-4, 13-15, 19), что заставляет предполагать наличие в данных местах специальных углублений — остатков построек и хозяйственных ям. Так, в центральной части раскопа развал сосуда 11 маркирует, по-видимому, наземную постройку; в северной части раскопа развал сосуда 14 разместился на полу другой постройки (частично перекрывавшей катакомбную). Еще одно углубление фиксируется по компактному залеганию развалов сосудов 2, 4, 19 в западной части раскопа, рядом с постройкой 6. Надо полагать, в небольших ямах находились развалы сосудов 5 и 9, 7 и 15, а также сосуд 18. Наконец, необходимо отметить, что части развалов воронежских сосудов встречены в заполнении и на полу построек №№ 4-6.

Вполне определенно с воронежской культурой связано использование построек № 4 и № 6. Первая из них (рис. 10, 1) — эллипсовидной формы, размерами 5,3×3,7 м, с направлением длинной оси по линии север-юг; углублена в материк на 0,4 м. В северной ее половине, выше пола на 0,25 м, выявлен слой из обожженной глины, золы и углей толщиной от 0,05 до 0,18 м. Он имел неровный контур, вытянут по линии запад-восток, размеры его 2,6×1,4 м. Своей западной стороной постройка перекрыла яму более раннего времени, а северной, как уже отмечалось, — место скопления катакомбной керамики.

Постройка № 6 (рис. 10, 2) имела прямоугольную форму размерами 4,1×2,8 м, ориентировалась длинными сторонами по линии север-юг, углублена в материк на 0,4 м. На полу выявлены четыре ямы (три — у северной стенки, одна — у западной) диаметрами от 0,3 до 0,7 м. Снаружи к северо-западному углу постройки примыкала еще одна яма диаметром 0,55 м и глубиной в материке 0,35 м.

Функциональный характер рассмотренных построек не определяется, поскольку отсутствие очагов предполагало использование их и в производственных целях, и в качестве летних жилищ.

Воронежские сосуды (рис. 11) сохраняют иванобугорские технологические традиции: сделаны из плотной глины с примесью мелкого песка, имеют гладкие поверхности. Внешние стороны красно-кирпичного, коричневого, реже — серо-желтого цвета, внутренние — темно-серого цвета. Все сосуды характеризуются яйцевидной формой, стройными пропорциями (высота превышает наибольшую ширину, обычно приходящуюся на верхнюю треть сосуда). Преобладают сосуды с небольшими плоскими донышками без закраин (рис. 6, 5-8, 10-13), но отмечены также остро- и круглодонные экземпляры (рис. 6, 9; 11, 4, 9). Для большинства сосудов фиксируется устойчивый стандарт размеров: диаметры верха колеблются в пределах 24-28 см.

С учетом имеющейся классификации [10, с. 64-68; 11, с. 32-35], сосуды воронежской культуры подразделяются на горшки (83%) и банки (17%).

Основной признак горшков — наличие горла. На поселении Курино I горшки оказались разнообразными, ввиду чего потребовалось выделение новых типов (В, Г, Д), но в то же время, в сравнении, например, с Нижнесторожевской стоянкой из Среднего Придонья, здесь совсем отсутствуют горшки типа А [11, с. 32, с. 34, рис. 3].

Тип Б (18 экз.) — горшки с относительно четко выделенным прямым или раструбовидным горлом средней высоты (2-3 см). Край венчика косо срезан наружу,

[1] Номера развалов сосудов, приводимые в тексте, соответствуют их нумерации на рисунке 11.

скруглен или ровно срезан. В отдельных случаях венчики имеют утолщение. Наглядное представление об этом типе дает полностью восстановленный сосуд (рис. 11, 1). По его краю нанесены наклонные вдавления перевитого шнура («личинки»); поясок из округлых вдавлений зазубренного торца орнаментира расположен на переходе горла в тулово, а ниже, на три четверти высоты, прочерченными линиями образована композиция «вертикальной елочки».

Прочерченные линии присутствуют в украшении и других сосудов, а некоторые несут орнамент из пальцевых защипов (рис. 11, 2) и подтреугольных вдавлений (рис. 12,2-4,6).

Тип В (34 экз.) — горшки с горлом, плавно выведенным с внешней стороны, и с резким (ребристым) переходом в тулово изнутри. Высота горла варьирует от 1,5 до 2,5 см. По оформлению венчиков мы выделяем две разновидности: 1 — горшки с косо срезанным наружу краем венчика; 2 — горшки с плавно зауженным краем венчика. У сосудов первой разновидности венчики нередко имеют желобчатость (рис. 11, 5, 7). Один из сосудов второй разновидности реконструирован графически (рис. 11, 4). Он имеет округло-приостренное днище, орнаментирован вплоть до придонной части двумя горизонтальными зонами в виде «паркетных» композиций из прочерченных линий, оконтуренными поясками пальцевых защипов. Кстати, и большинство других сосудов этой разновидности несут «паркетный» прочерченный орнамент (рис. 11, 5, 6, 8).

Отметим также украшение сосудов типа В рядами клиновидных насечек (рис. 11, 3), угловатых вдавлений, пальцевых защипов (рис. 12, 3). В качестве вспомогательных элементов орнамента иногда выступают разнообразные ямки.

Тип Г (50 экз.) — горшки с едва намеченным прямым горлом средней высоты (обычно 2,0-2,5 см). Все они характеризуются воротничковыми утолщениями, в основном прямоугольными в сечении (рис. 11, 9, 10, 12). Верх сосудов, как правило, приострен. Один из сосудов этого типа восстановлен полностью, а еще один реконструируется графически.

Первый из них (рис. 11, 9) — остродонный, несет вплоть до придонной части двухзонный орнамент из неровных ямок с рубчатым основанием и пальцевых защипов.

Второй сосуд (рис. 11, 10) имеет миниатюрное плоское донышко, явно не приспособленное для установки на ровной поверхности. Вплоть до придонной части украшен паркетными композициями из прочерченных линий, разделенными на две зоны овальными ямками, выполненными в отступающей манере. Такими же ямками украшено и донышко. Кстати, это не единственный случай орнаментации плоских днищ (рис. 6, 5).

Паркетный орнамент несут еще два сосуда этой группы (рис. 13, 1). Вместе с тем, более распространены разнообразные ямочные вдавления (рис. 11, 11, 12) и оттиски прямого штампа, иногда с рубчатым основанием (рис. 13, 4), что весьма характерно для иванобугорской посуды. Отмечены и пальцевые защипы (рис. 11, 13).

Тип Д (33 экз.) характеризуется плавно профилированным и отведенным наружу венчиком. Изредка края венчиков имеют утолщение (рис. 11, 18), но обычно они скруглены или приострены путем косого среза наружу. Данный тип соответствует типу горшковидных сосудов по вышеотмеченным классификациям.

Один из сосудов типа Д реконструируется графически (рис. 11, 17). Он имеет небольшое плоское днище без закраин, на две третий высоты украшен в две зоны

«паркетом» из прочерченных линий, а по косому срезу венчика нанесены ямочные вдавления. Прочерченный орнамент в целом характерен для сосудов этого типа (рис. 11, 15, 16, 18). Кроме того, отмечены различные ямочные вдавления (рис. 13, 6) и пальцевые защипы (рис. 11, 16).

Сосуды баночной формы (28 экз.) характеризуются отсутствием горла, но с выступающим наружу краем венчика. Один из сосудов восстанавливается графически (рис. 11, 19). Он имеет малоустойчивое уплощенное донышко, украшен в две зоны в прочерченной технике «паркетом» и «сеткой». Сходную орнаментацию имеют еще несколько сосудов (рис. 11, 20). Отметим также защипной (рис. 11, 21) и ямчатый (рис. 13, 3) элементы орнамента.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что сосуды воронежской культуры, связанные, ввиду их относительной многочисленности, с функционированием явно не одного, а нескольких сезонных стойбищ, при известной вариабельности морфологических и орнаментальных признаков, отнюдь не дают оснований для своего культурно-хронологического членения. В связи с этим еще раз вернемся к отмеченным выше компактным скоплениям воронежских сосудов. Так, в постройке № 4 совместно находились развалы горшков типа В и Г с «паркетным», ямчатым, клинчатым и защипным орнаментом; в углубленном скоплении близ постройки № 6 залегали развалы горшка типа В и баночных сосудов с «паркетом», ямками и защипами; в углубленном скоплении близ постройки № 5 — горшки типа Г с защипами и ногтевыми вдавлениями; в заполнении самой постройки № 5 встречены обломки горшков типов В, Г и Д с «паркетным», ямчатым и защипным орнаментом и т.д. (рис. 2, б).

Отметим также, что практически каждый выделенный нами тип сосудов включает переходные экземпляры. Они сближают типы Б и В, В и Г, Б и Г, Б и Д, горшки типа Д и банки (рис. 12; 13). При всех возможных погрешностях предложенной классификационной схемы, в целом можно говорить о внутренней взаимосвязи этих материалов. К такому же выводу подводят и результаты соотношения типологических групп по видам орнамента (рис. 13, 7)[1], хотя количественные вариации и имеют место. Пожалуй, более четко устойчивые комбинации признаков проявляются у горшков типов В и Г. Только у них в орнаменте присутствуют прямые и клиновидные нарезки, а также ногтевые вдавления. Таковых больше у сосудов типа Г. Интересно отметить, что горшки типа В, несущие этот орнамент, являются по форме как бы переходными к первым. Нетрудно заметить, что именно такие и форма, и орнаментация типичны для иванобугорской керамики. Кстати, у сосудов названных типов, как и у остальных, широко распространен ямчатый орнамент. В ряде случаев даже возникают затруднения в отнесении фрагментов сосудов либо к иванобугорской, либо к воронежской культуре, а это еще раз подтверждает их генетическое родство в виде двух хронологических периодов развития единого этноса [11, с. 42].

Верхняя дата материалов воронежской культуры поселения Курино I, вероятнее всего, стыкуется со временем появления ранних срубных материалов. В этом плане сошлемся на постройку № 5, первоначально сооруженную носителями воронежской культуры (судя по глубине залегания в ее заполнении фрагментов сосудов). Но здесь же в постройке выявлен сосуд и другие материалы срубного облика (рис. 14, 1-4). Такого рода совмещение можно объяснить тем, что к приходу представителей сруб-

[1] Анализировались наиболее информативные в данном плане венчики сосудов.

ной культуры еще сохранялись признаки старой постройки, потребовавшей лишь определенной реставрации. Все это могло произойти только за небольшой отрезок времени, пока аллювиальные наносы не скрыли контуров углубления постройки.

Интересно отметить, что в отличие от стоянок Среднего Дона, на поселении Курино I нет воронежских горшков типа А, несущих наиболее яркие черты влияния катакомбной культуры позднего периода (облик формы, орнамент из расчлененных валиков)[1], но характеризующихся также и «паркетным» орнаментом. В таком случае, последний, возможно, и не заимствован из катакомбной среды, а имеет иной этнокультурный очаг своего зарождения.

И в целом следов влияния катакомбных гончарных традиций в материалах воронежской культуры поселения Курино значительно меньше, чем на памятниках Среднего Дона. Думается, что это явление свидетельствует именно о различиях в степени конкретного воздействия катакомбного населения на ту и другую территории, т.е. отсутствие позднекатакомбного влияния в Верхнем Придонье совсем не говорит об исчезновении катакомбных традиций южнее по Дону, где и была основная область их распространения.

Как и в целом для пойменных многослойных памятников Придонья, для Курино I характерно небольшое количество каменных изделий и отходов их производства, многократно уступающее количеству найденной керамики. При этом выделить среди них конкретные культурно-хронологические серии практически не возможно, за исключением, пожалуй, кремневых наконечников стрел ямно-катакомбного типа (рис. 9, 8, 9).

Учитывая, что на памятнике не выявлено остеологических материалов и изделий из кости, рассмотренные нами керамические группы и остатки сооружений исчерпывают анализ эпох энеолита — средней бронзы. Вместе с тем, достаточно ярко определяется функциональный характер памятника как места многократного сезонного освоения, а облик керамического материала и условия его послойного размещения предполагают синхронность на определенных отрезках времени его групп различной культурной принадлежности (иванобугорская-абашевская-катакомбная; абашевская — катакомбная — воронежская). Такое заключение находится в соответствии с выявляющейся спецификой исторической ситуации в древнем Донском лесостепье — полиэтничностью.

Литература

1. Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточноевропейской лесостепи. Куйбышев, 1985. 118 с.
2. Котова Н.С. Культуры позднего неолита — раннего энеолита Днепро-Донского междуречья: Автореф. канд. дис. Киев, 1990.
3. Котова Н.С. Керамика ранней азово-днепровской культуры и Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж, 1989. С. 20-27.
4. Синюк А.Т. У истоков древнейших скотоводческих культур лесостепного Дона // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1979. С. 63- 72.
1. Левенок В.П. Неолит Верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны европейской части СССР: Автореф. канд. дис. Л., 1969.
5. Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986. 180 с.
6. Синюк А.Т. Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейн Среднего Дона) // СА. № 3. 1984. С. 105-121.

[1] Можно сослаться всего лишь на один сосуд с поселения Курино I, имеющий расчлененный насечками валик.

7. Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976. 168 с.
8. Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж, 1983. 192 с.
9. Беседин В.И. Воронежская культура эпохи бронзы // Эпоха бронзы Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1984. С. 60-77.
10. Синюк А.Т. Нижнесторожевская стоянка и некоторые вопросы изучения воронежской культуры // Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж, 1993. С. 29-47.

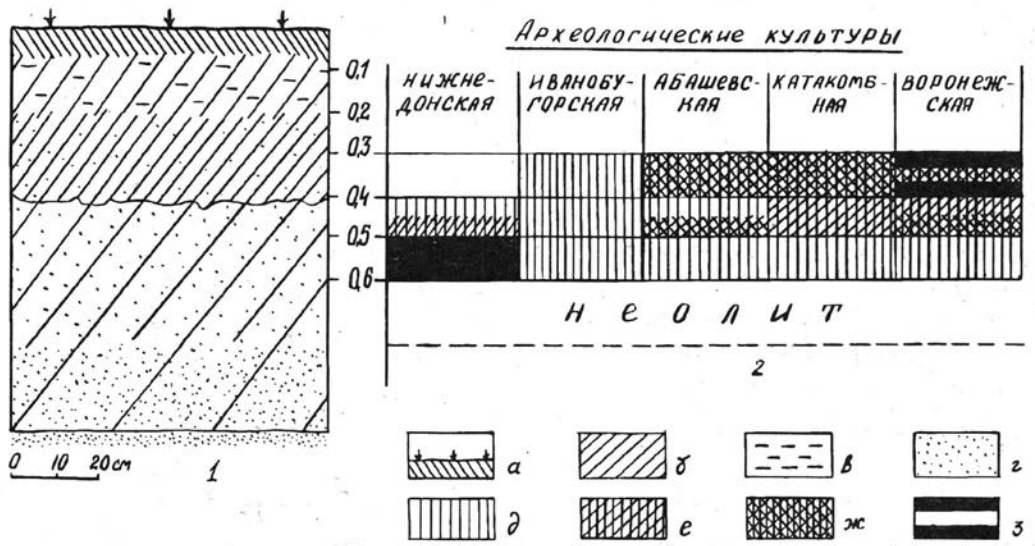


Рис.1. Поселение Курино 1:

1 - литологическая колонка;

2 - распределение керамических групп в слое памятника;

3 - условные обозначения: а - дернина; б - гумус; в - глина; г - песок; д - общий уровень размещения керамики; е - средняя степень размещения керамики; ж - относительное преобладание керамики в рамках единой культурнохронологической группы; з - абсолютное преобладание.

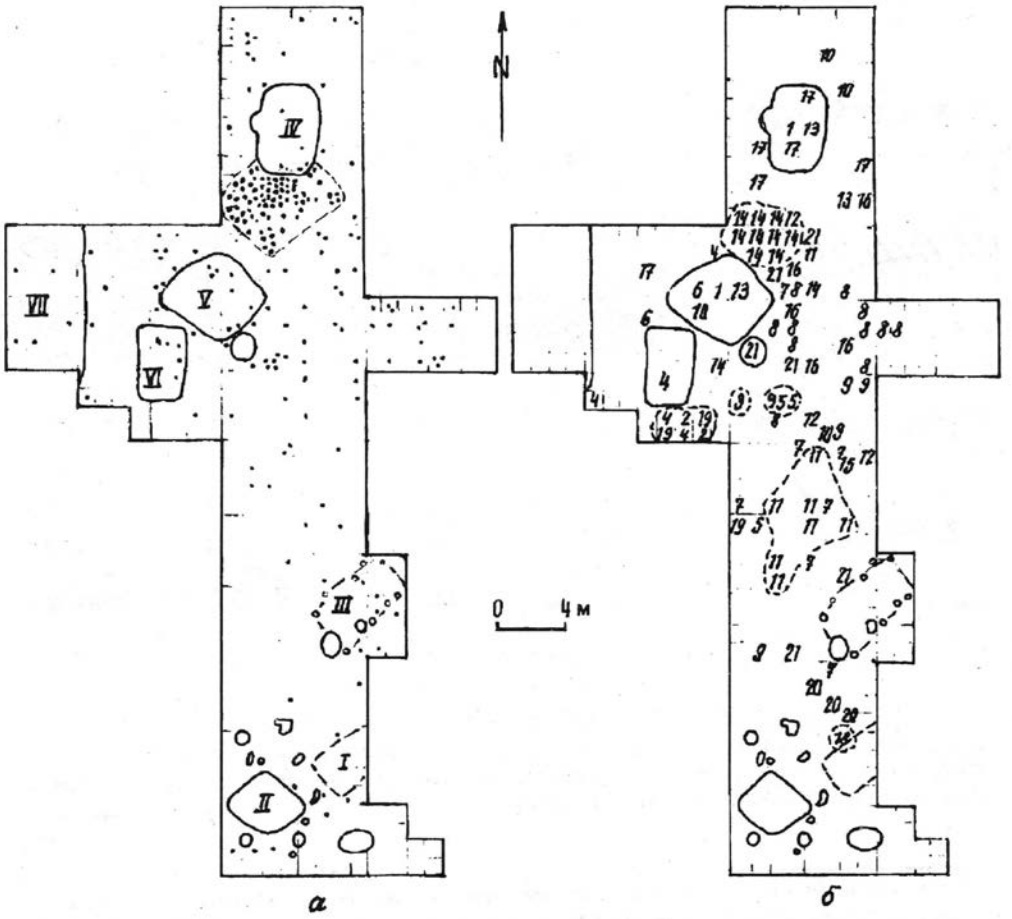


Рис.2. Поселение Курино 1: 1 - размещение керамики катакомбного облика на плане раскопа (римскими цифрами дана нумерация построек); 2 - размещение развалов сосудов воронежской культуры на плане раскопа (номера сосудов соответствуют их обозначению в тексте).

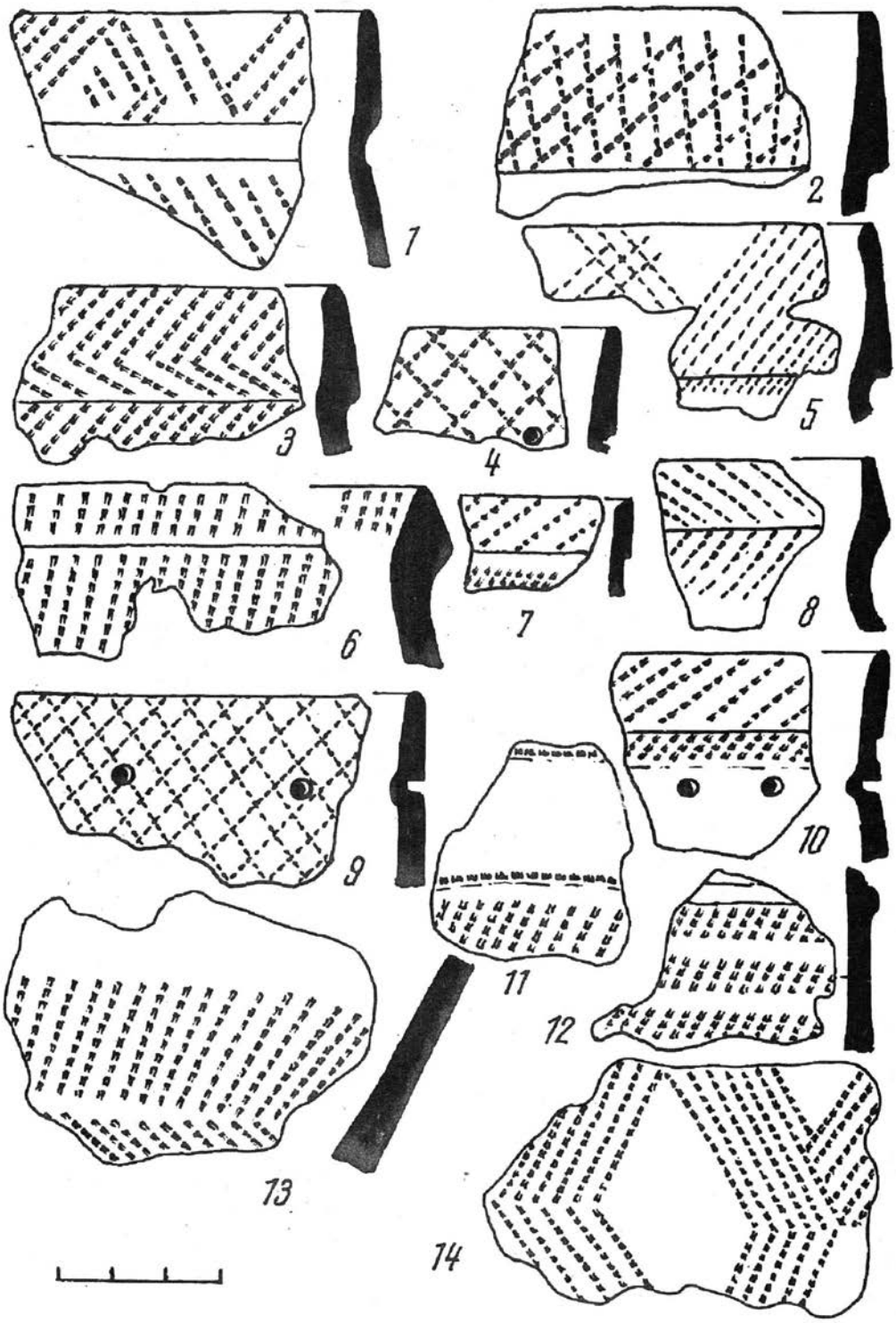


Рис.3. Поселение Курино 1. Керамика нижнедонской энеолитической культуры.

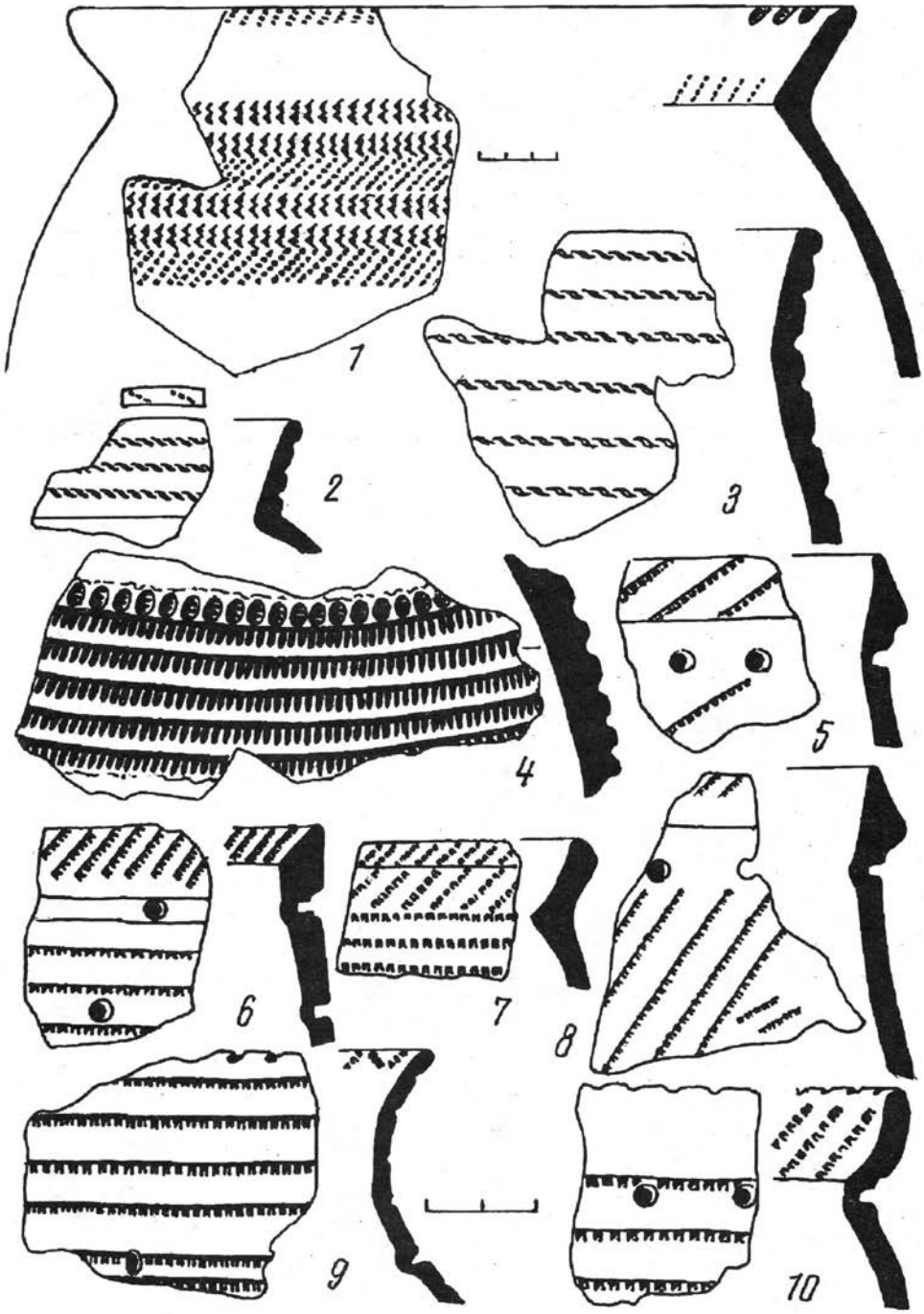


Рис.4. Поселение Курино 1. Керамика энеолитического (1-4) и пережиточно-неолитического (5-10) облика.

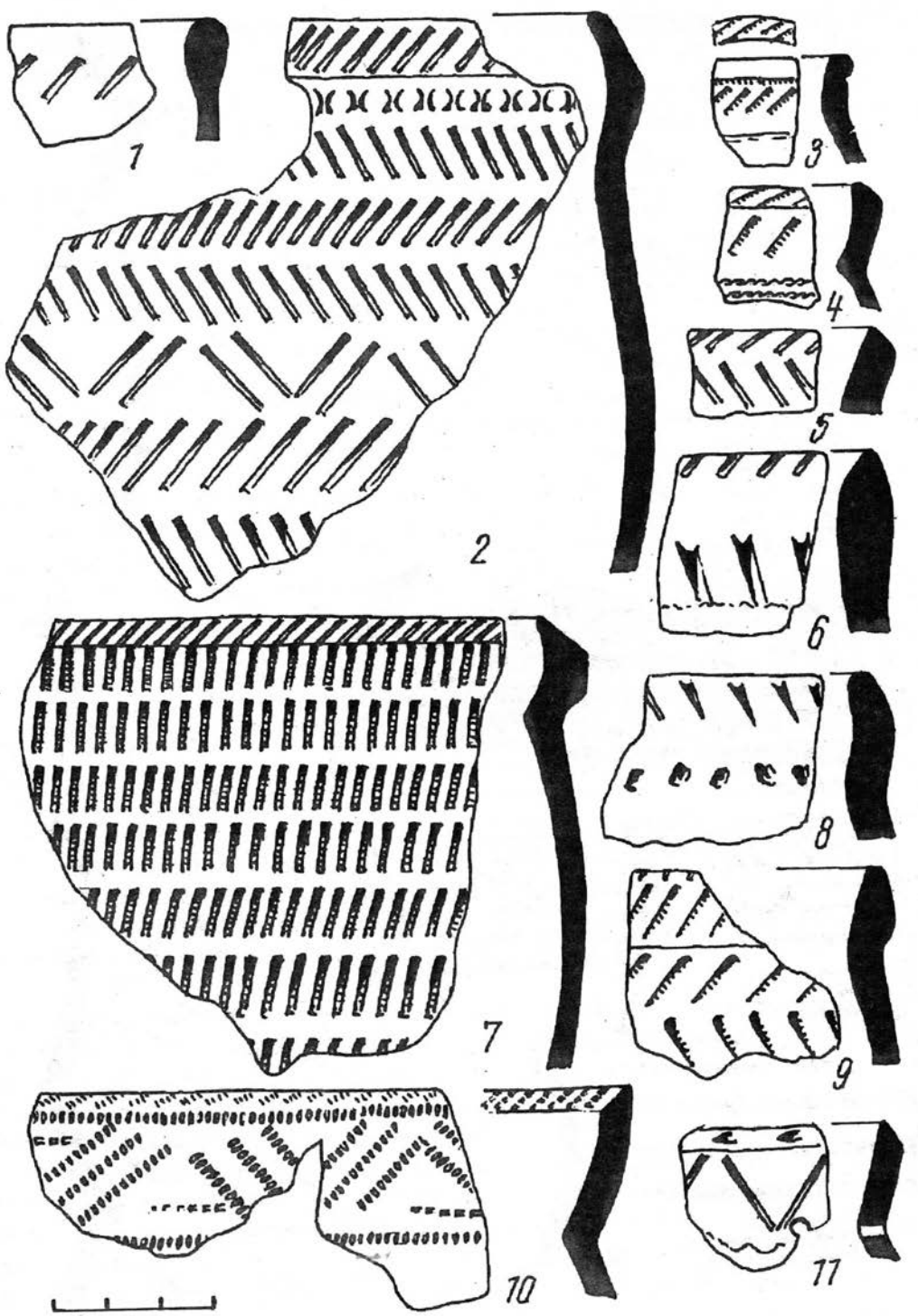


Рис.5. Поселение Курино 1. Керамика иванобугорской культуры.

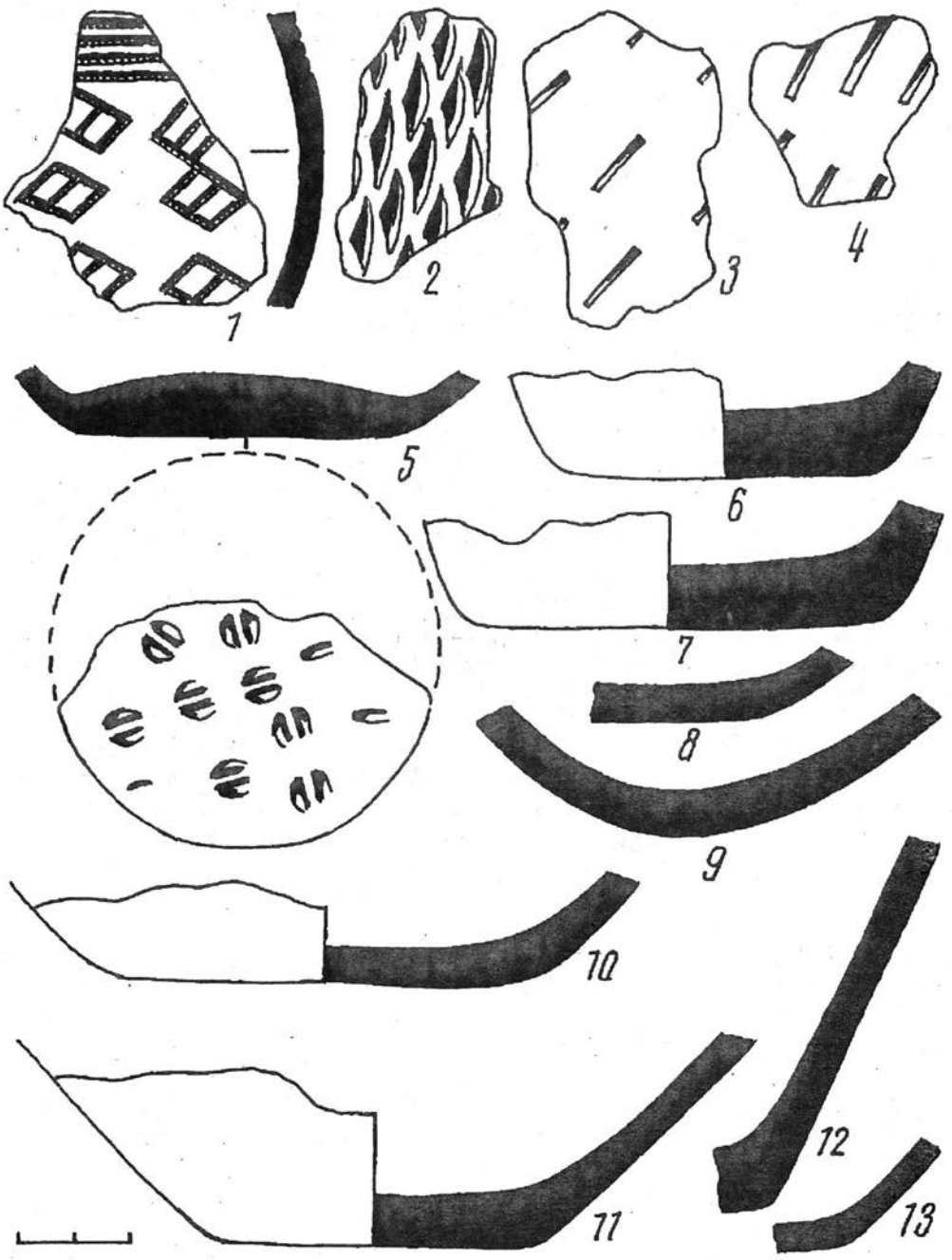


Рис.6. Поселение Курино 1. Керамика иванобугорской (1-4) и воронежской (5-13) культур.

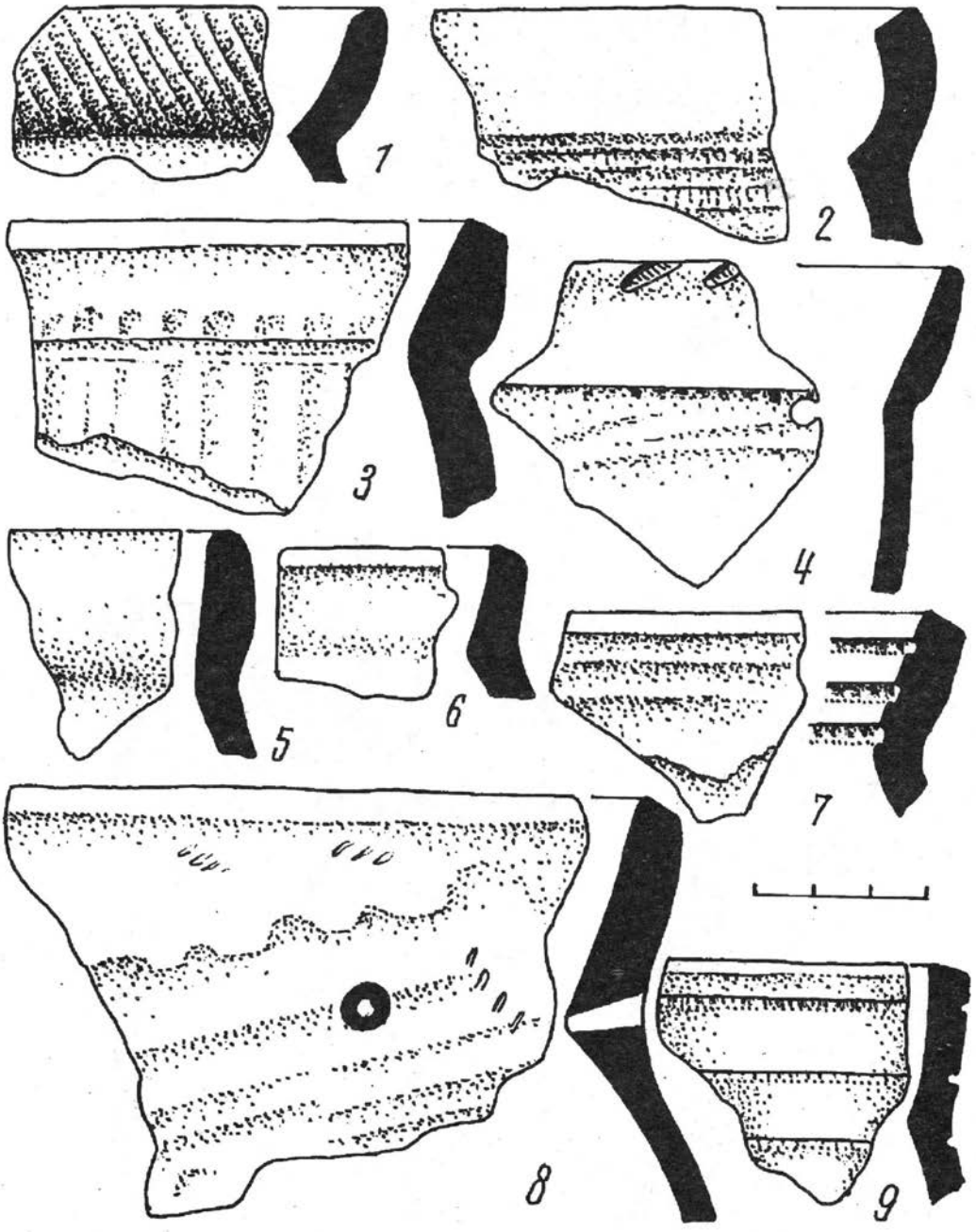


Рис.7. Поселение Курино 1. Керамика донской абашевской культуры.

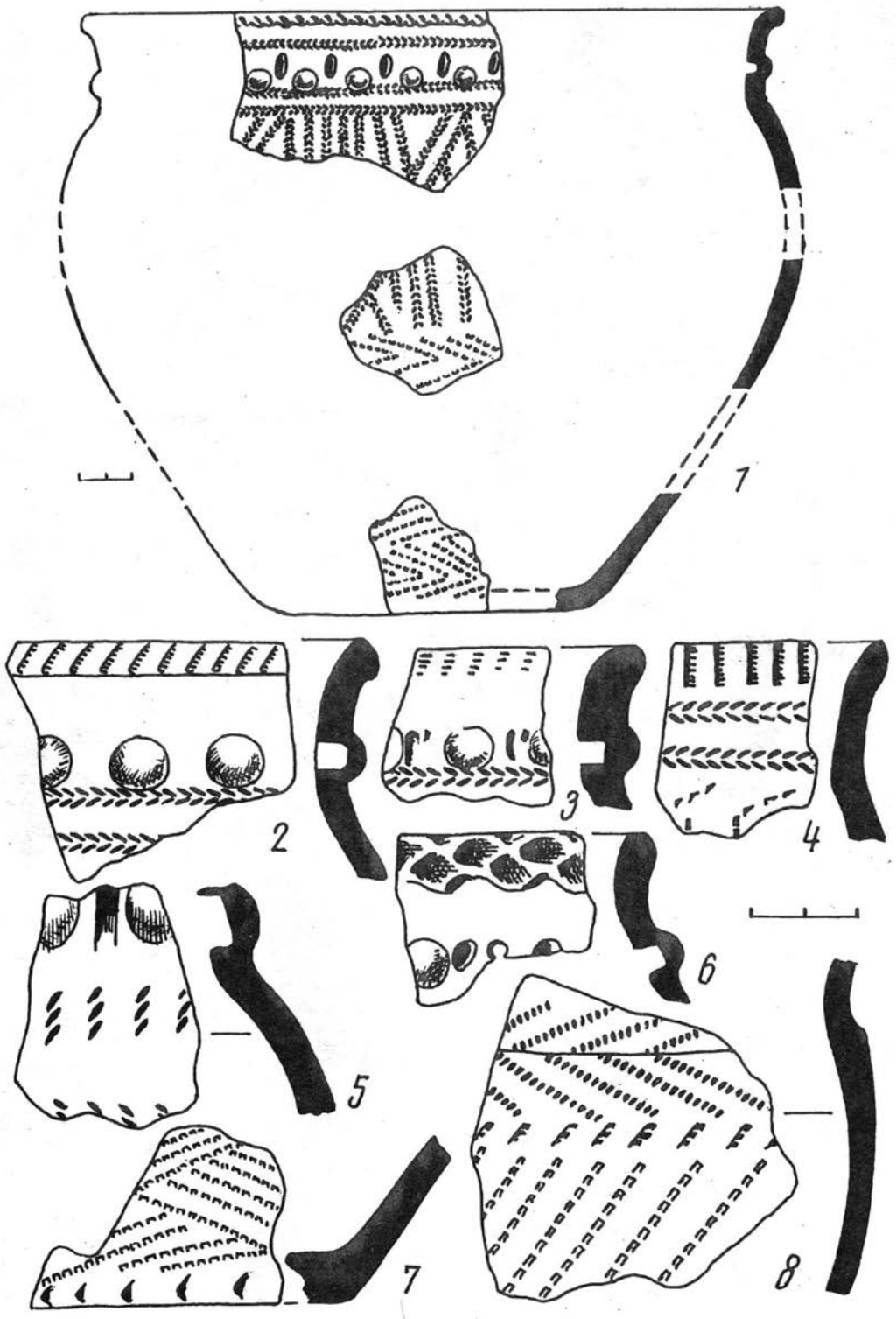


Рис.8. Поселение Курино 1. Керамика катакомбного облика.

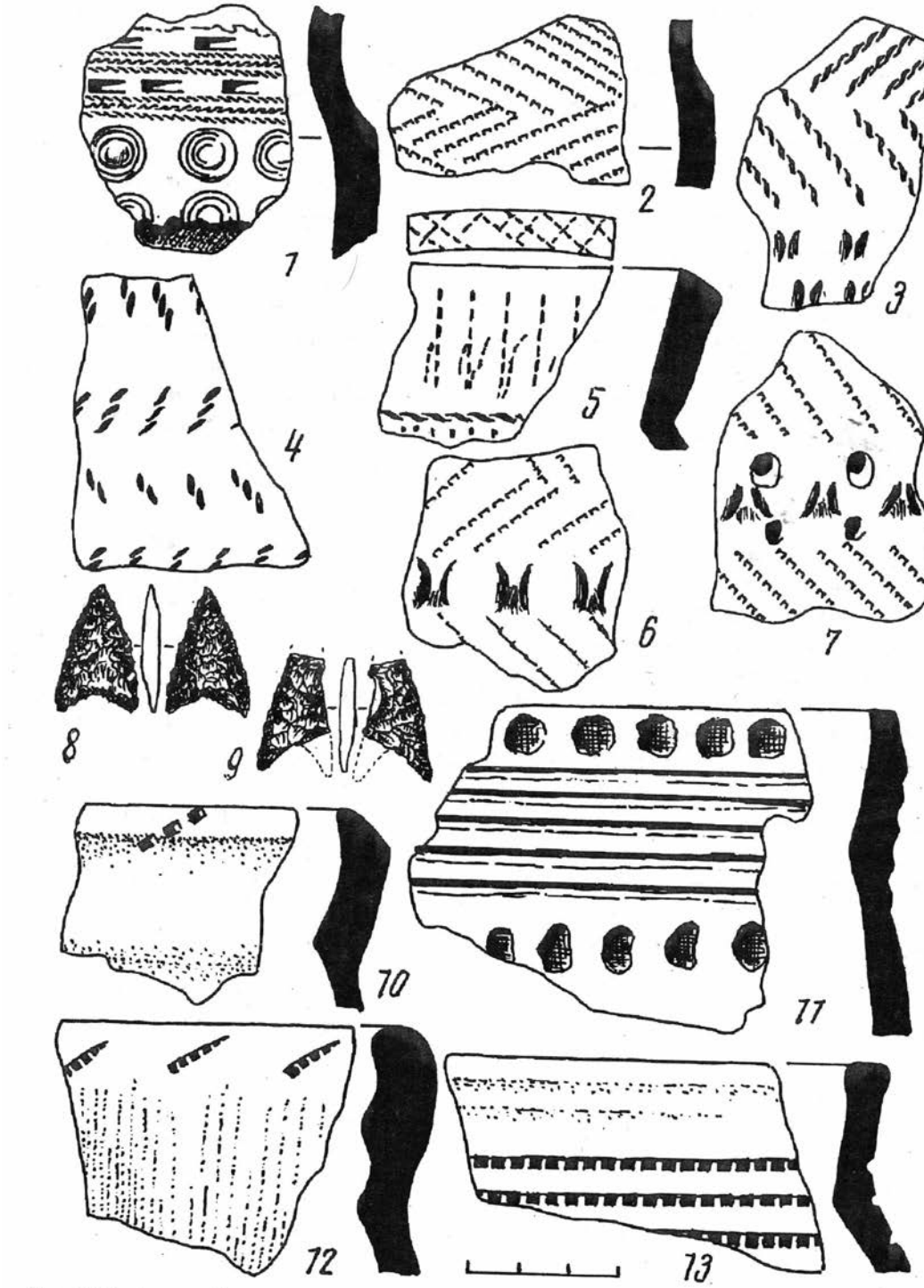


Рис.9. Поселение Курино 1. Материалы катакомбного (1-9) и абашевского (10-13) облика.

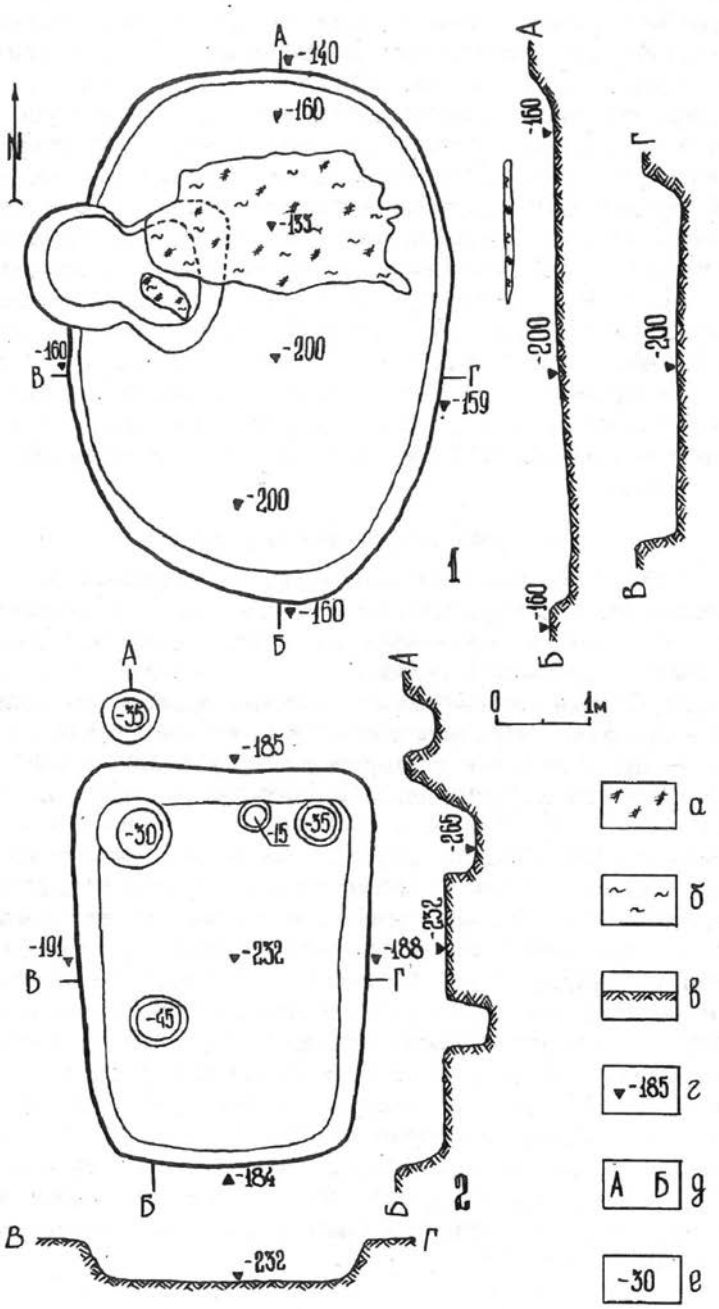


Рис.10. Поселение Курино 1. Постройки воронежской культуры: а - обожженная глина; б - зола; в - материк; г - глубины от нулевого репера; д - обозначение разрезов; е - глубины ям в постройке от уровня пола.

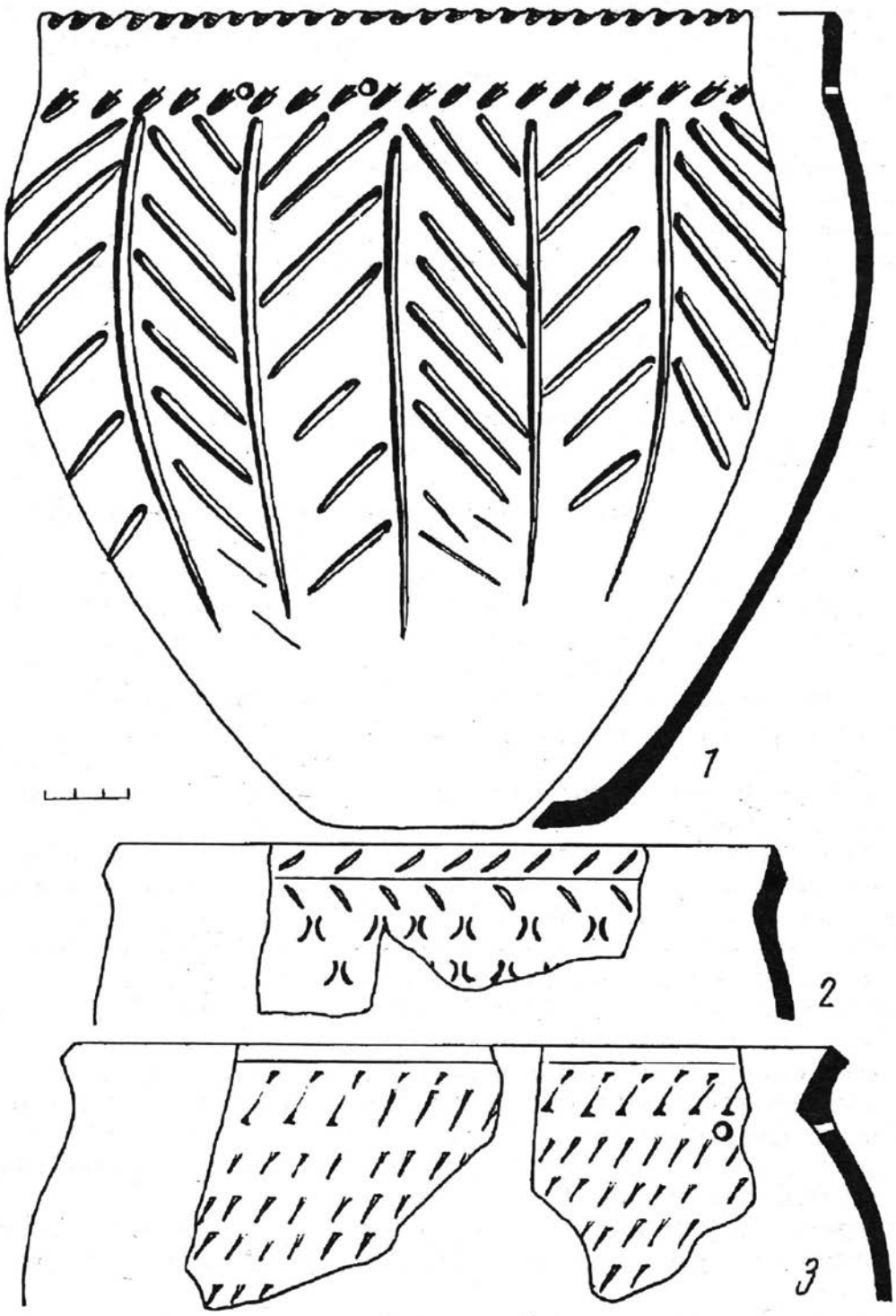


Рис.11. Поселение Курино 1. Сосуды воронежской культуры.

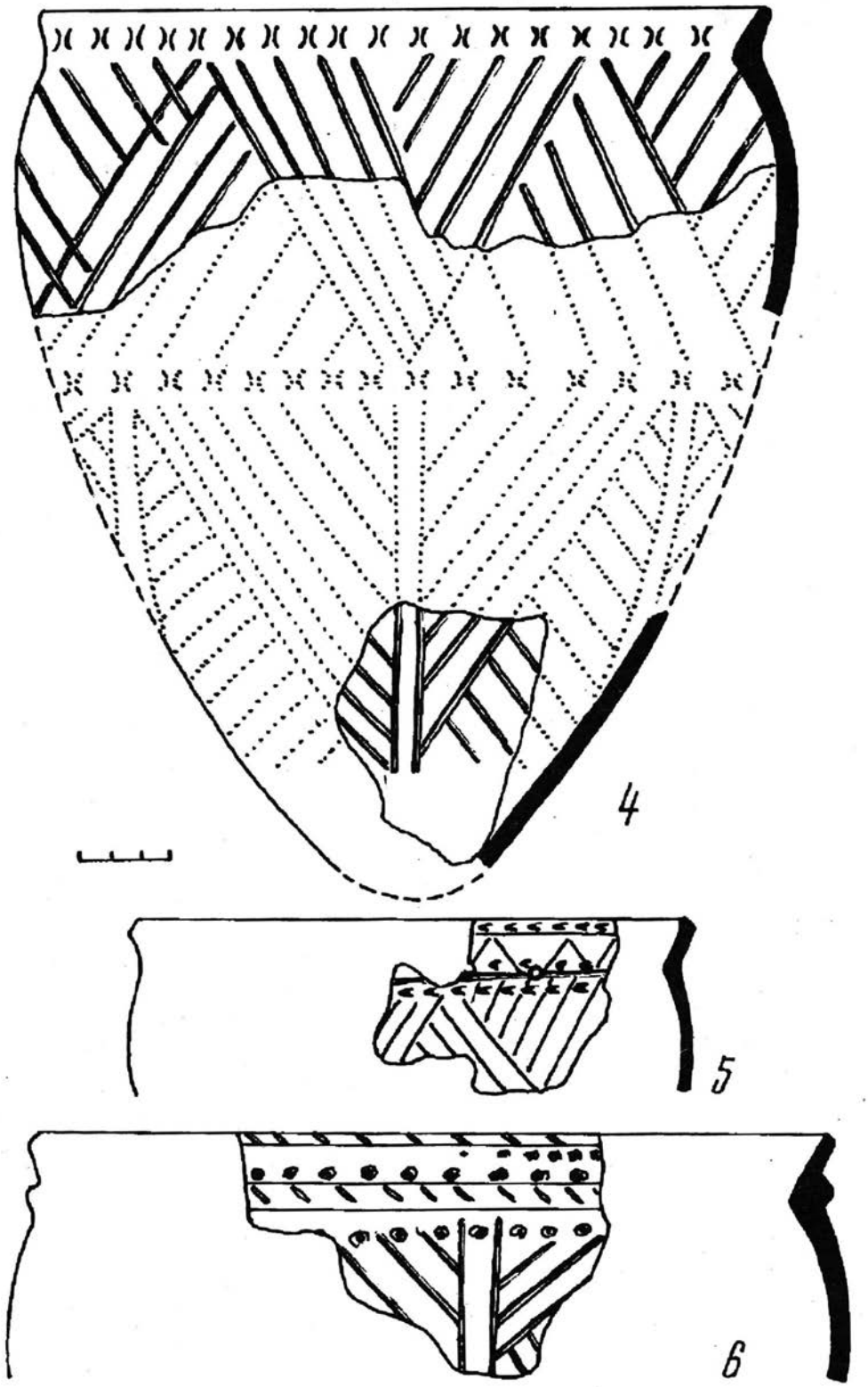


Рис.11. (продолжение).

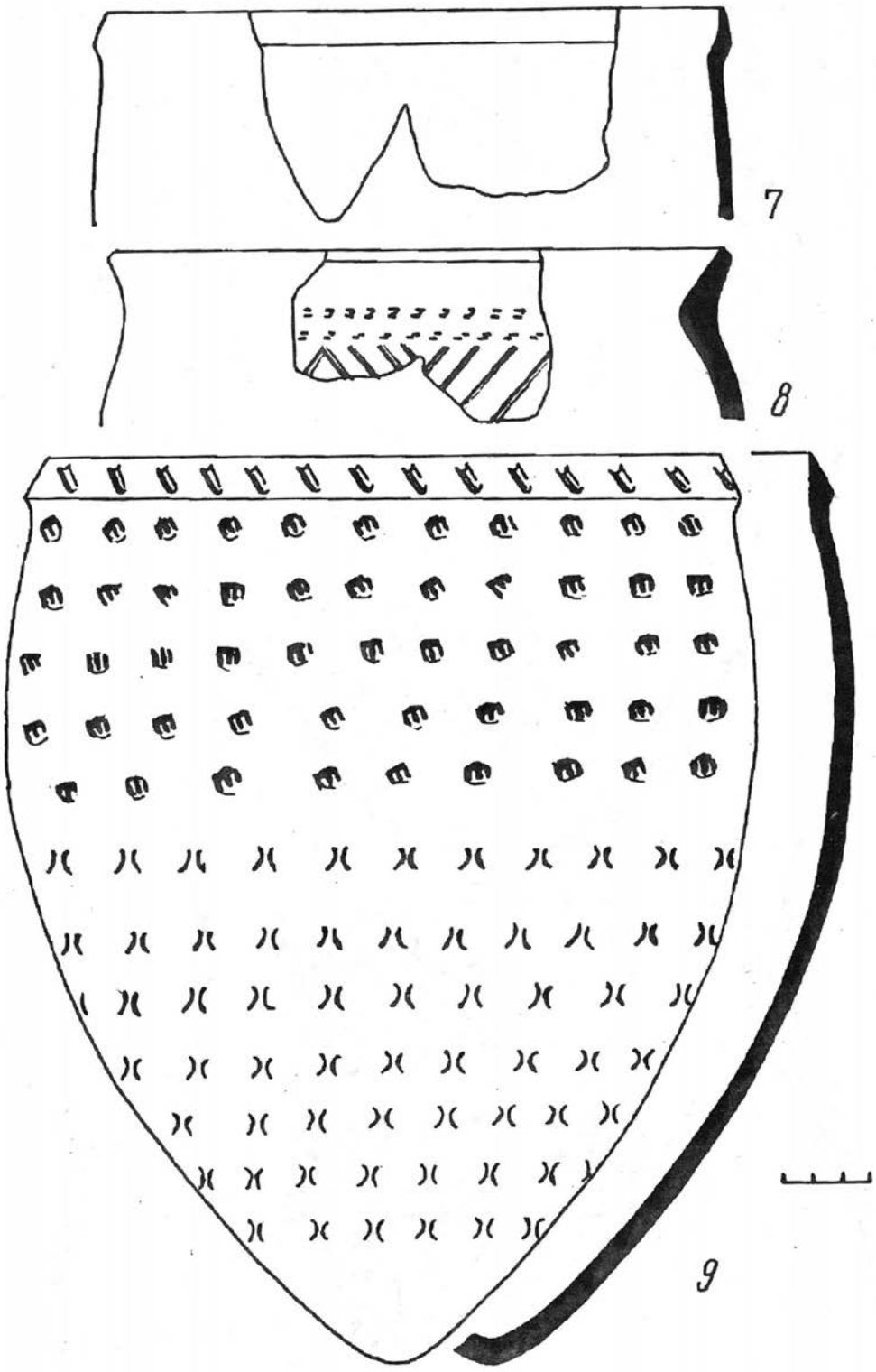


Рис.11. (продолжение).

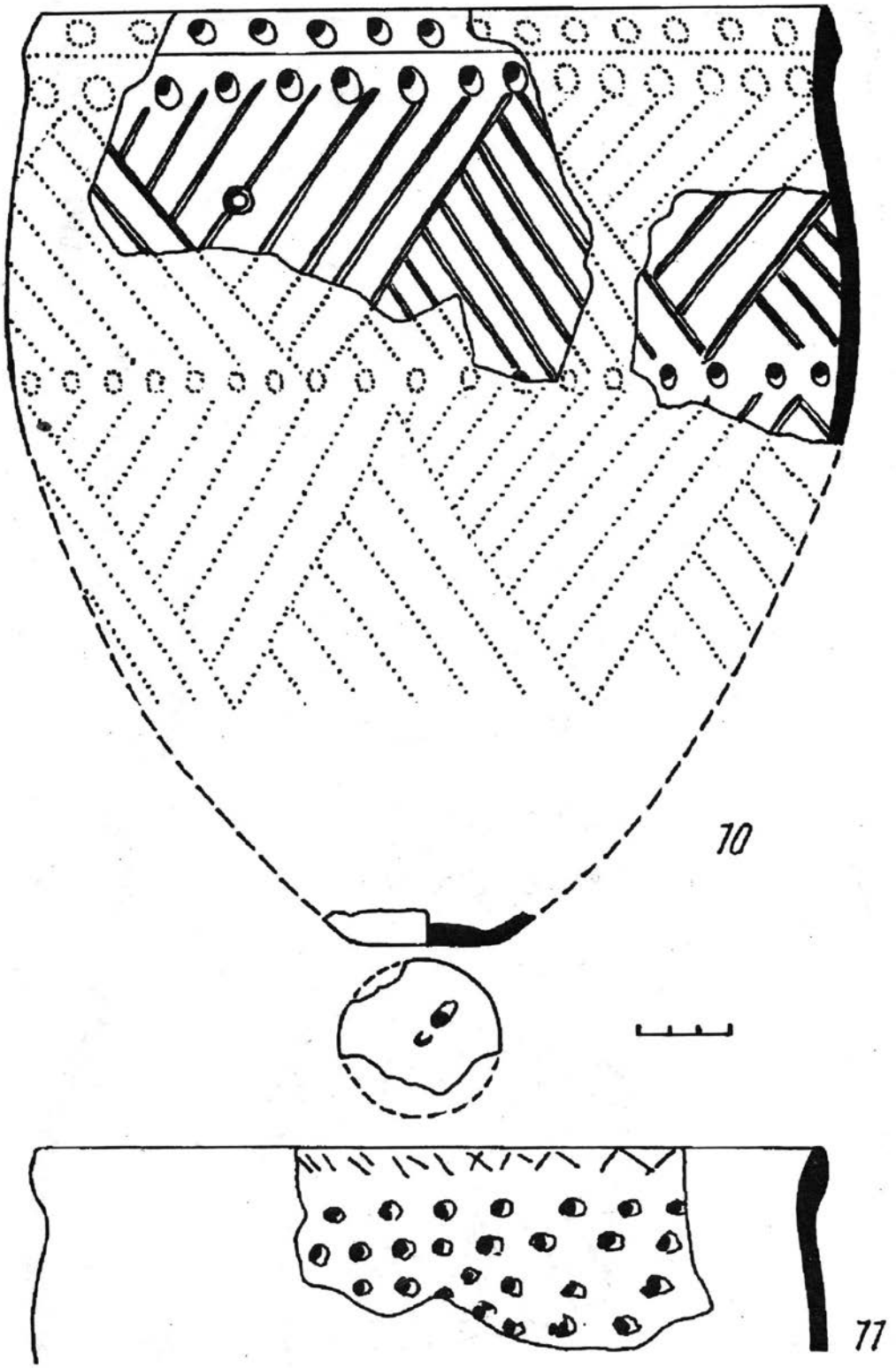


Рис.11. (продолжение).

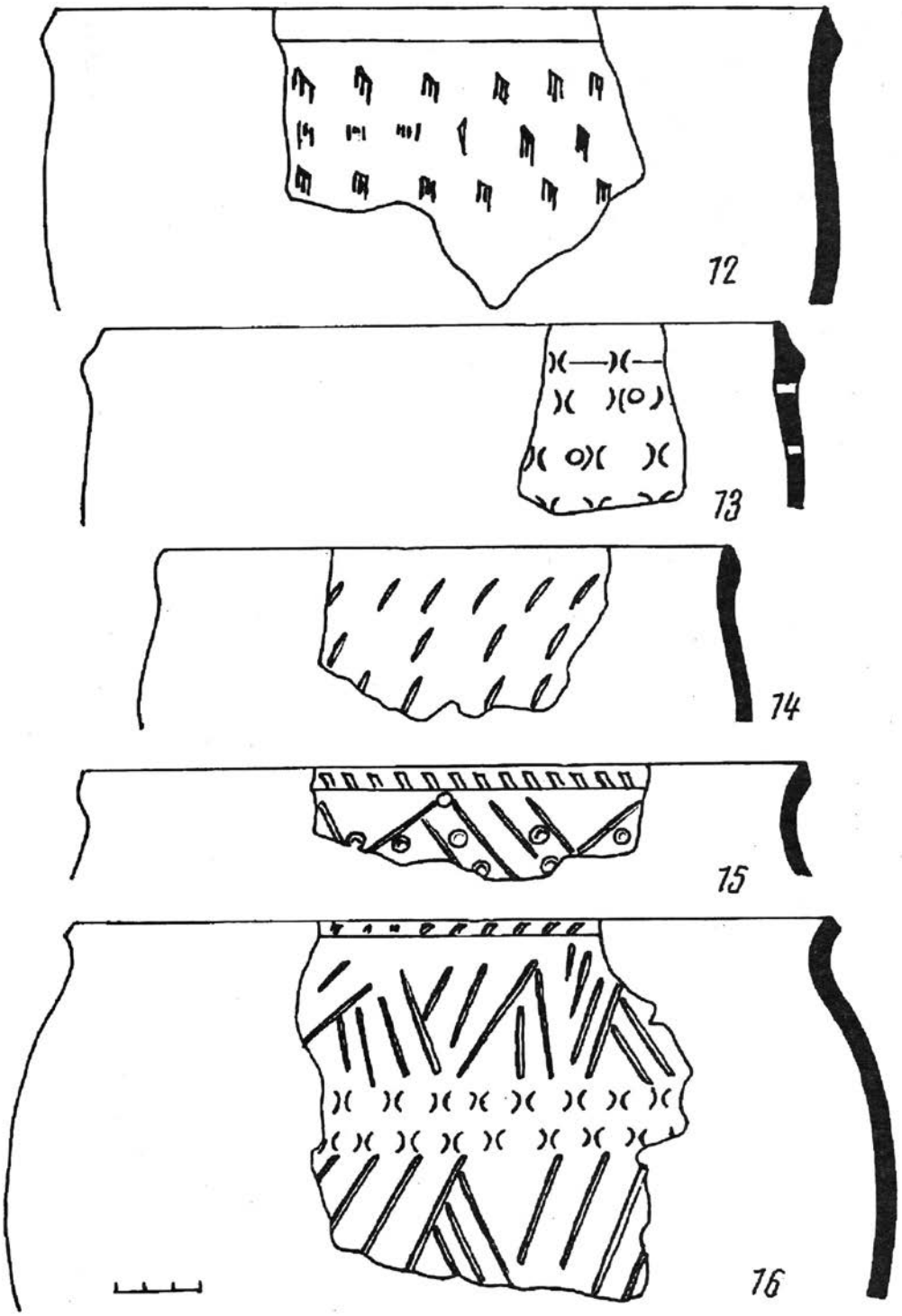


Рис.11. (продолжение).

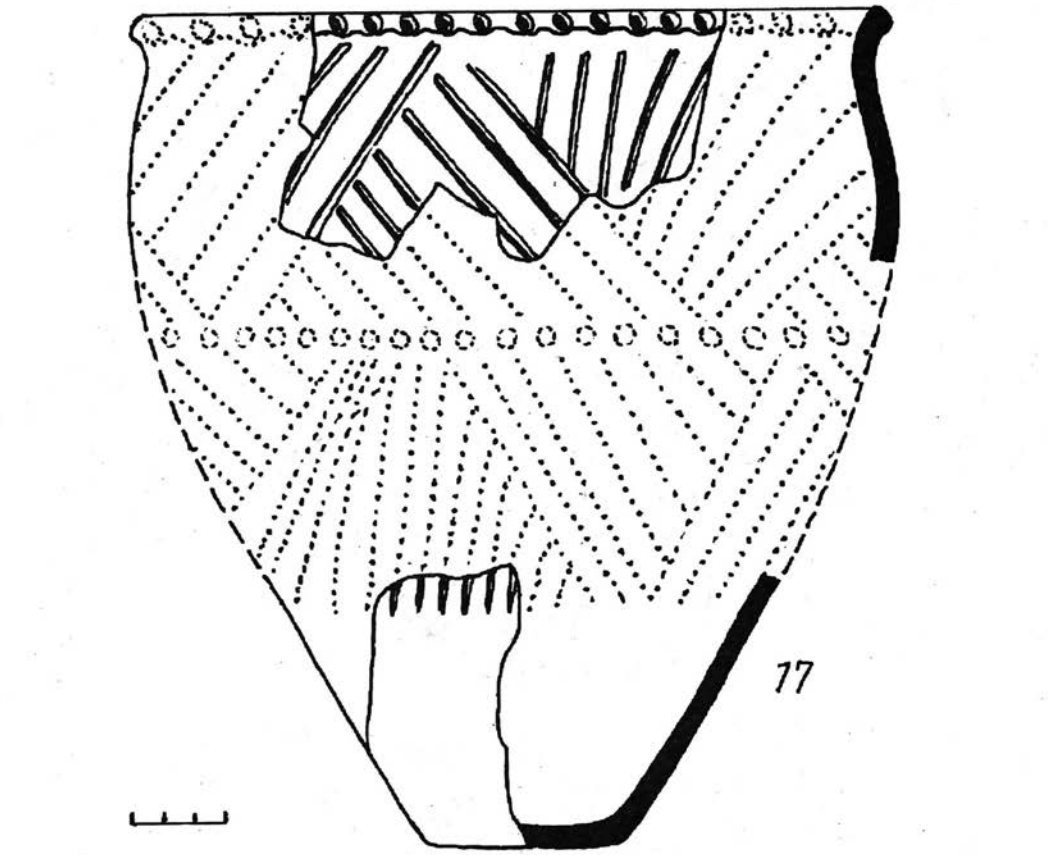


Рис.11. (продолжение).

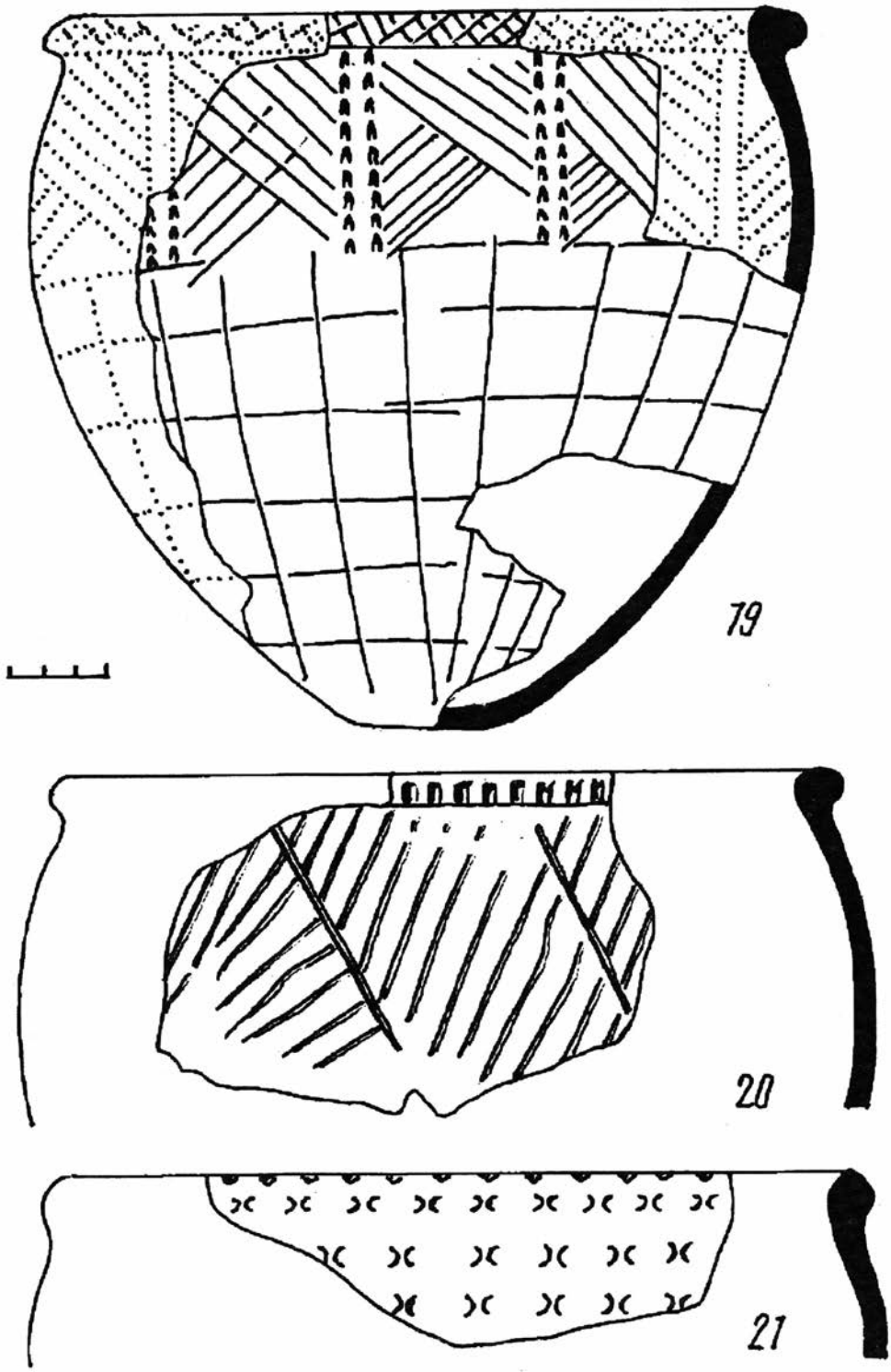


Рис.11. (продолжение).

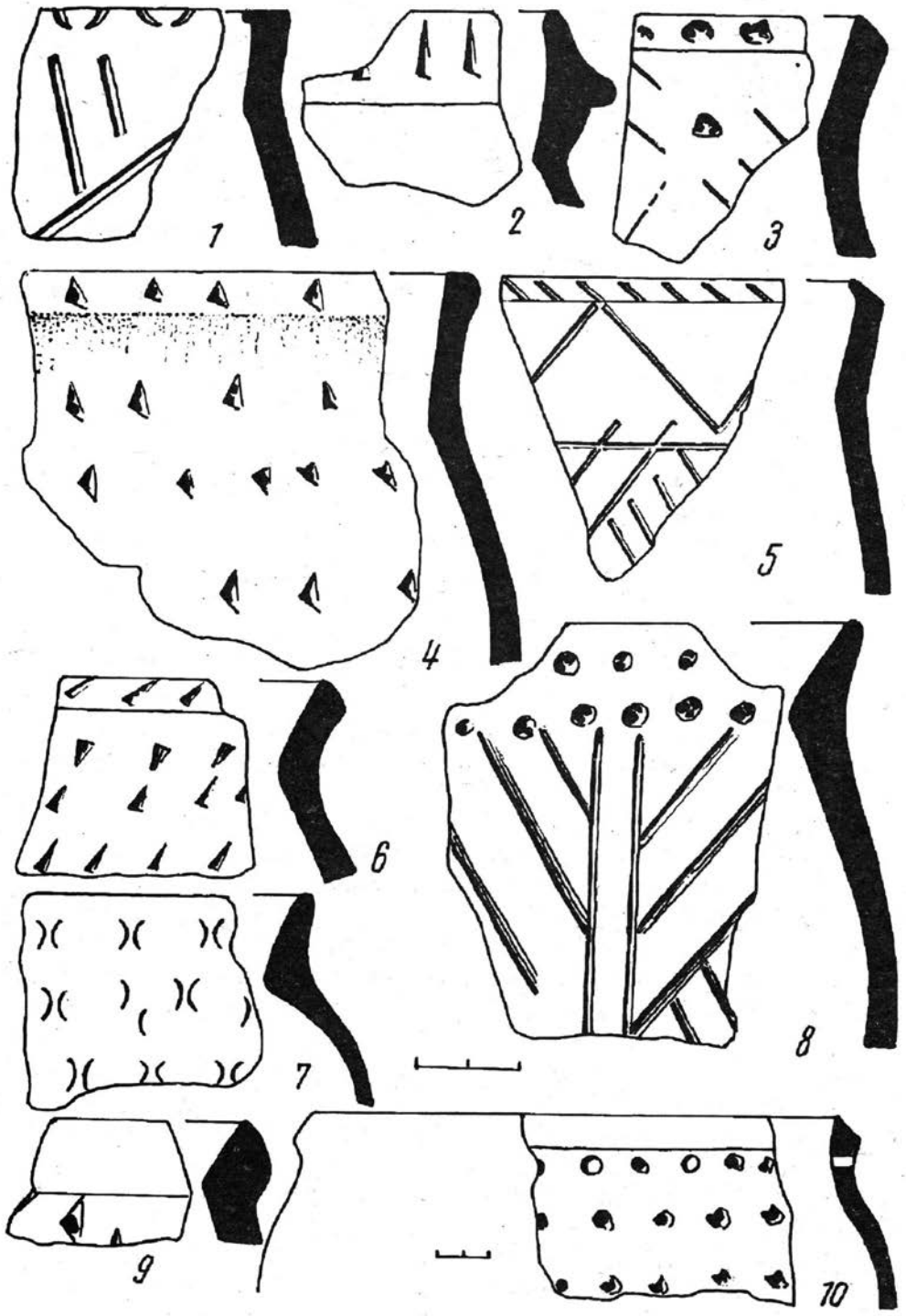
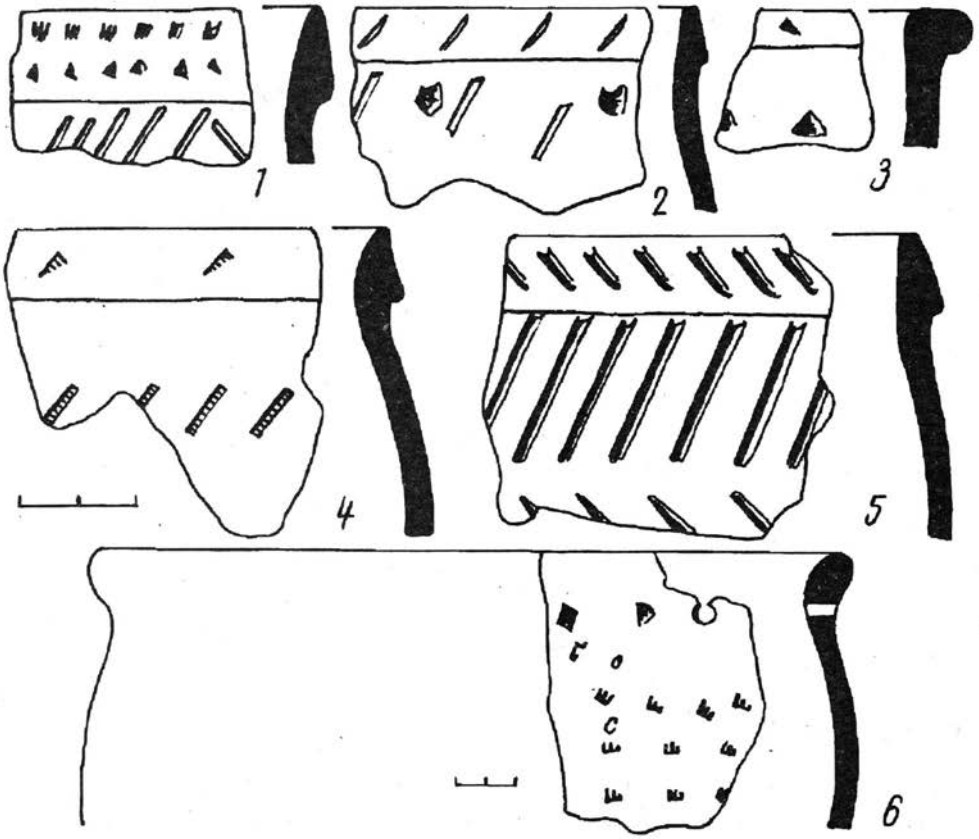


Рис.12. Поселение Курино 1. Керамика воронежской культуры.



СОСУДЫ		ЭЛЕМЕНТЫ ОРНАМЕНТА					
ФОРМА	ТИП	прочерченная линия („пакет")	ямки	пальцевые защипы	прямые нарезки, „клинья"	ногтевые оттиски	всего
ГОРШКИ	Б	6	5	6			17
	В	8	72	3	7	1	31
	Г	4	18	4	18	3	47
	Д	19	13				32
БАНКИ		7	5	11			23
ВСЕГО		44	53	24	25	4	150

7

Рис.13. Поселение Курино 1: 1-6 - керамика воронежской культуры; 7 - таблица количественного соотношения типов сосудов воронежской культуры и ведущих элементов орнамента.

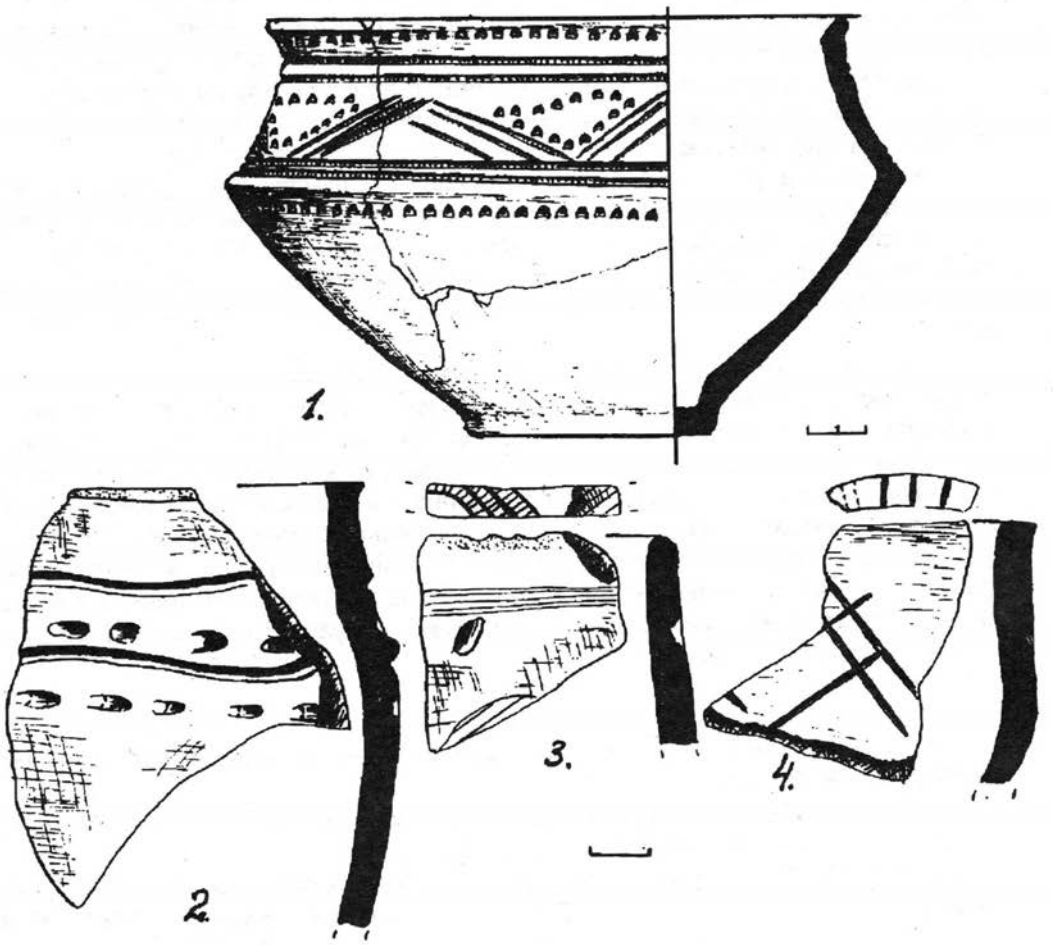


Рис.14. Поселение Курино 1. Материалы срубного облика из постройки 5.

О ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОНЗЫ ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА

Археологические памятники лесостепного Подонья. Вып. 1. Липецк, 1996. С. 87-94.

За последние десятилетия многократно увеличилась источниковая база по изучению эпохи бронзы бассейна Дона, а вместе с этим, как и следовало ожидать, увеличилось число исследовательских позиций относительно самых разных аспектов содержания эпохи. Наиболее противоречивыми выглядят оценки культурно-хронологического соотношения донских культур на стыках раннего и среднего, среднего и позднего периодов бронзового века.

Имеющийся узел противоречий в известной степени отражает сложный характер самих исторических процессов того времени, не укладывающийся, судя по археологическим данным, в ортодоксальные рамки теории миграционизма либо автохтонизма. Это, в свою очередь, требует дифференцированного подхода к источникам как для определения этнических различий внутри каждого культурного образования, так и для поисков сходства между инокультурными группами памятников, за которыми могут скрываться экономические, социальные, идеологические и другие факторы. Иными словами, при обилии источников еще нет пока детальных разработок их информативных и таксономических уровней.

Предлагаемая статья ограничивается изложением нашего взгляда на проблему хронологического соотношения донских культур эпохи бронзы на стыке среднего и позднего ее периодов: абашевской, катакомбной, воронежской и срубной.

Оценка хронологии абашевской культуры зависит прежде всего от того, как понимается процесс ее формирования. Среди материалов лесостепного Дона есть группа керамики, в облике которой явственно прослеживаются традиции репинской энеолитической культуры. К числу таких традиций следует отнести наличие ракушечной примеси в глине, вертикальные и косовертикальные следы расчесов на поверхности сосудов, округлодонность, высокие желобчатые венчики, а также целый ряд орнаментальных мотивов и композиций, среди которых назовем глубокие пояски штампа в несколько рядов под венчиками. Но все эти черты характерны и для ранней абашевской керамики Придонья. Отмеченная группа керамики в свое время была определена А.Д. Пряхиным как протоабашевская [1, с.60]. Исследователь оказался близок к признанию генетической связи репинской и абашевской культур [2, с. 124], хотя и выражал определенные сомнения, предполагая между этими культурами длительный хронологический интервал [2, с. 125]. Нами также ставился вопрос об участии репинского компонента в формировании абашевской культуры и приводилась аргументация в пользу доживания репинских традиций вплоть до распространения на Дону влияния катакомбного этнокультурного мира, т.е. до рубежа III и II тыс. до н.э. [3], что снимало проблему хронологической «несостыковки» репинской и абашевской культур[1]. В связи с этим еще раз сошлемся на облик погребений из кургана у с. Введенки, где самое раннее из них — с вытянутым на спине скелетом, ориентированным голо-

[1] В одной из недавних работ А.Д. Пряхин и его соавторы резко изменили позицию относительно хронологии верхнего рубежа репинской культуры, определив ее временем развитого этапа местной катакомбной культуры [4, с. 5-6]. Однако такой вывод, на наш взгляд, основан на ошибочном прочтении стратиграфии одного из раскопанных ими курганов.

вой на северо-восток, — сопровождалось обломком сосуда с репинскими чертами и кремневым наконечником стрелы степного энеолитического облика. Стратиграфические признаки позволили определить бескурганный характер погребения. Но, вместе с тем, аналогичными ему по положению и ориентировке скелетов оказались еще два захоронения, сопровождавшихся типичным для Дона абашевским инвентарем и над которыми была возведена курганная насыпь [5]. По обрядовым признакам они обнаруживают сходство с поздней группой вытянутых захоронений другого донского памятника — Иванобугорского могильника [6]. Последние же следует рассматривать как принадлежность этническому образованию, сформировавшемуся в рамках позднего периода репинской культуры. Устанавливаемое сходство говорит о хронологической близости всех этих материалов и прежде всего — раннего введенского и иванобугорских погребений, где первое, по сути дела, отражает собой переходный момент в процессе трансформации репинской культуры в абашевскую. Вместе с тем необходимо отметить, что строгих хронологических рамок начала и конца этого процесса сейчас проследить невозможно, а поэтому приходится лишь в общих чертах относить время бытования протоабашевских материалов, равно как и раннего этапа местной абашевской культуры, к началу II тыс. до н.э. Генетическая связь всех отмеченных групп материалов в известной мере находит подтверждение в единстве территории их распространения, из которых протоабашевские и раннеабашевские более тяготеют к северной левобережной части лесостепного Дона. Важно иметь в виду и то обстоятельство, что при анализе абашевских погребений отмечается абсолютное преобладание положения умерших вытянуто с ориентировкой в северо-восточном и северо-западном направлении, а также обычное отсутствие в могилах следов охры [2, с. 38-40]. Те же признаки характеризуют упомянутые нами погребения Иванобугорского могильника и погребения второй группы Дронихинского могильника — еще одного донского памятника, который мы склонны относить к кругу репинских древностей [6].

Скотоводческий, преимущественно коневодческий, характер экономики племен репинской культуры устанавливается по целому ряду конкретных и сравнительных признаков [7]. Но если пока нет остеологических данных по ранним поселкам донской абашевской культуры, то заслуживает самого серьезного внимания предположение А.Д. Пряхина о большей степени подвижности абашевского населения на раннем этапе в сравнении с поздним при скотоводческом характере их экономики в целом [1, с. 119-120]. А это могло иметь место при высоком удельном весе коневодства [1, с. 118, табл. 3]. Иными словами, тезис о генетической преемственности двух культур базируется уже на комплексе признаков: сходстве погребального обряда, керамики, характера экономики, общности территории. Отсюда следует, что племена абашевской культуры Дона выступают как прямые потомки носителей репинской энеолитической культуры.

Длительное сохранение последними этнической специфики было вызвано обособлением в пределах донского лесостепного левобережья какой-то их части, будучи потесненной приливом племен древнеямной, а затем и катакомбной культур. Резервирование же традиционных основ хозяйствования обуславливалось широкими возможностями природной обстановки лесостепного региона и его особой экологической емкостью [8].

Само обособление предопределило и устойчивость традиции изготовления абашевскими мастерами изделий из меди на фоне появления и развития культур с бронзовой металлургией. Это, кстати, является серьезным основанием для отнесения донской абашевской культуры раннего этапа к пережиточному энеолита (в соответствии с нашим пониманием содержания этой эпохи для лесостепной природно-географиче-

ской зоны) [9]. Черты же различия в облике двух культур несут отражение развития исторического процесса во времени, причем эти черты нивелируются отмечавшимися выше материалами переходного типа. Таким образом, мы приходим к выводу о местном, лесостепном происхождении донской абашевской культуры.

Отнесение ее раннего периода к начальным векам II тыс. до н.э. предполагает синхронизацию со среднедонскими катакомбными памятниками, хотя в целом хронология этих культур оценивается по-разному. Имеющиеся суждения о позднем появлении абашевской культуры на Дону — не ранее распространения памятников культуры многоваликовой керамики (КМК) [10, с.29] — основаны, главным образом, на якобы отсутствии следов взаимодействия абашевских и катакомбных традиций. Действительно, нельзя не признать своего рода «несостыковку» данных культур, но кроется ли за этим хронологический фактор? Отметим, например, случай прямой стратиграфии, когда погребению развитой поры местной катакомбной культуры предшествовало захоронение покровско-абашевского типа (курган № 57 Павловского могильника)[1]. И если нами при раскопках не упущен особо скрытый признак архитектоники кургана, то получено первое прямое свидетельство длительного сосуществования местных катакомбной и абашевской культур. А отсюда более определенно может быть объяснена и природа «нестандартных» признаков, встречаемых в абашевских захоронениях: охры и астрагалов, правобочного положения умерших, сосудов катакомбной формы, украшение их налепными шишечками, шнуром, «катакомбными» орнаментальными композициями, а также находок кремневых наконечников стрел с выемками в основании. Все эти признаки отражают контакт с катакомбным миром, на что уже давно обращалось внимание [11, с. 177-181]. Вопрос заключается лишь в том, почему следы такого контакта действительно немногочисленны? Здесь мы склонны усматривать следствие особых взаимоотношений между инокультурными племенами, в основе которых преобладали факторы отчуждения. Видимо, не без оснований выбирались высокие, естественно защищенные места для многих катакомбных поселков [12], а в случаях совмещения в рамках единого могильника явно преобладают погребения либо той, либо другой культур, тем самым маркируя свои территориальные владения. Оговоримся, правда, что пока еще не изучались могильники раннего этапа абашевской культуры, которые, возможно, имели бескурганный характер и которые следует искать в северной части левобережной донской лесостепи. Пока же совмещение фиксируется в памятниках южной части этой зоны, причем абашевские захоронения принадлежат позднему этапу культуры. Видимо, наметившаяся к тому времени политическая нестабильность определяла и подвижность границ обитания племен двух культур. Это положение, на наш взгляд, как раз и документируется результатами раскопок Павловского, а также целого ряда других могильников Среднего Придонья.

Вместе с тем, мы не ставим под сомнение правомерность признания синхронности абашевских древностей и памятников КМК [10, с. 29], что достаточно надежно подкреплено сравнительными и стратиграфическими данными. Можно также согласиться и с тем, что на территориях к западу от Дона памятники КМК «запечатали» период бытования катакомбных культур еще до начала проникновения туда представителей абашевского этнокультурного мира. Однако, в донской лесостепи памятники КМК единичны. Пока известно не более двух десятков ее погребений на фоне нескольких сотен погребений катакомбной и абашевской культур и, думается, в таком количественном

[1] Материалы хранятся в кабинете археологии Воронежского педагогического университета. Раскопки автора.

соотношении отражена имевшая место в реальности этно-историческая ситуация.

В прямой связи с вышеизложенным находится вопрос о возможности доживания среднедонской катакомбной культуры до времени распространения новаций, идентифицирующих памятники срубной этнокультурной общности. Имеются в виду те признаки, которые не связаны с системой традиций КМК и синхронных ей культурных групп восточных от Дона регионов, а именно: придание умершим позы адорации, левобочное положение, устройство простых погребальных ям. Можно, конечно (как это имеет место в литературе), говорить о том, что каждый из названных признаков восходит еще к мезолитической эпохе. Но были ли затем они в комплексе определяющими хотя бы для одной из досрубных культур Дона и сопредельных территорий? Как известно, нет. При желании же можно растворить во времени и пространстве любой этнокультурный признак и сделать его «неработающим».

В этом же аспекте вновь обратимся к донской абашевской культуре, к материалам ее позднего этапа, выделение которого как раз и основывается на появлении названных выше признаков.

Согласно существующим точкам зрения, донские абашевские памятники со срубными чертами либо фиксируют непрерывный и совершенно самостоятельный процесс преобразования донской абашевской культуры в срубную [13, с. 135-136], либо отражают процесс взаимодействия двух культур, причем их генетическое родство или исключается совсем [14, с. 155-156], или признается с разной степенью проявления — от минимального до определяющего. Но независимо от того, какая из точек зрения ближе к истине, следует признать, что изменения целого блока признаков погребального ритуала сопряжены с появлением новых мировоззренческих идей, которые в любом случае несут скорее быстротечный, нежели эволюционный характер внедрения, т.е. проявляют свою стадиальную природу. Поэтому мы рассматриваем бытование и абашевско-срубных, и ранних срубных памятников в единых узко хронологических рамках.

Но вернемся к проблеме соотношения на Дону катакомбных и срубных древностей. На возможность их хронологической стыковки указывает целый ряд наблюдений. В свое время нами была выделена группа погребений, сочетавших срубную обрядность и катакомбный инвентарь, причем эта группа занимает верхний стратиграфический горизонт среди катакомбных захоронений [15]. Позднее были привлечены и такие факты, как сопровождение погребений той и другой культур идентичными типами металлических изделий, наличие в срубных захоронениях охры, сосудов со шнуровым орнаментом, совмещение в одном комплексе сосудов разнокультурной принадлежности [16]. В связи с этим подкрепим свою позицию новыми источниками. Так, один из погребальных комплексов кургана № 16 Первого Власовского могильника [17] включал сосуды типично срубные, сосуд катакомбно-полтавкинского облика и каменное навершие булавы с четырьмя шаровидными выступами, имеющее аналогии в катакомбных комплексах других территорий. Кстати, среди сосудов находился и инкрустированный белой пастой кубок, что сближает его со срубными материалами западного региона. Следует также добавить, что в настоящее время значительно увеличилось и количество погребений с катакомбно-срубными чертами.

В целом же такого рода свидетельства хотя и не отмечены массовым характером, тем не менее не могут быть обойдены при изучении поставленной проблемы. В данном контексте далеко не беспочвенна существующая точка зрения об участии катакомбных традиций в процессе оформления срубной культуры степного Волго-Донского междуречья [18]. Но, вместе с тем, требует известной осторожности оценка этой формы взаимодей-

ствия как универсального фактора для всей области сложения культур срубного мира.

Затронем еще один аспект, прямо сопряженный с рассматриваемой темой. В одной из недавних работ нами были отмечены существующие противоречия в оценке генезиса и хронологии воронежской археологической культуры и сделана попытка аргументировать свою позицию по этой проблеме [19], что снимает необходимость здесь повторяться. Отметим лишь, что сейчас имеются источники, документирующие период хронологической стыковки материалов иванобугорского типа с материалами первого этапа местной катакомбной культуры. Единственный же пока на Дону однослойный[1] памятник воронежской культуры — Нижнесторожевская стоянка — отражает взаимодействие с традициями среднедонской катакомбной культуры и первого, и второго этапов ее развития. Отсюда следует, что предполагавшийся хронологический разрыв (без малого в полутысячелетие!) [20, с. 33] между иванобугорскими и воронежскими древностями отсутствует. На наш взгляд, они отражают собой последовательные этапы развития единого этнокультурного образования [19, с. 42-46], причем воронежская культура была синхронна всем периодам развития и донской абашевской, и среднедонской катакомбной культур, которые на заключительных стадиях своего бытования и завершили процесс поглощения ее специфических признаков[2]. Но это время было и началом распространения на Дону памятников срубного этнокультурного мира.

Литература

1. Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1976.
2. Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1977.
3. Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона // СА. 1981. № 4. С. 8-20.
4. Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И. Новостроечные раскопки древних курганов в Воронежской области. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990.
5. Синюк А.Т., Килейников В.В. Курган у села Введенки на Дону // СА. 1976. № 1. С. 159-169.
6. Синюк А.Т. Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейн Среднего Дона) // СА. 1984. № 3. С. 105-121.
7. Телегин Д.Я. Среднестоговская культура эпохи меди (на укр.яз.). Киев, 1973.
8. Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР. М., 1977.
9. Синюк А.Т. О понятии «энеолит» для лесостепи Днепро-Доно-Волжского междуречья // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1988. С. 13-23.
10. Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977.
11. Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1971.
12. Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982.
13. Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1988.
14. Лидеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.: Наука, 1964.
15. Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983.
16. Синюк А.Т., Погорелов В.И. О раннесрубных погребениях на Среднем Дону // Археологические памятники эпохи бронзы Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. С.78-95.

[1] Здесь нами не учитывается материал раннего железного века из вышележащих наслоений памятника.

[2] Вслед за В.И. Бесединым мы не исключаем и того, что часть населения воронежской культуры мигрировала в западном направлении в область расселения племен ранней сосницкой культуры [21. С. 74].

17. Синюк А.Т., Погорелов В.И. Курган № 16 Власовского могильника // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. Уфа, 1993. С.6-31.
18. Пятых Г.Г. О появлении в срубной культуре характерной особенности погребального обряда // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Саратов: Изд-во СГУ, 1989. С. 136-137.
19. Синюк А.Т. Нижнесторожевская стоянка и некоторые вопросы изучения воронежской культуры / / Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1993. С.29-47.
20. Пряхин А.Д., Беседин В.И. О выделении воронежской культуры эпохи бронзы // СА. 1984. № 3. С. 21-37.
21. Беседин В.И. Воронежская культура эпохи бронзы // Эпоха бронзы Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1984. С. 60-77.

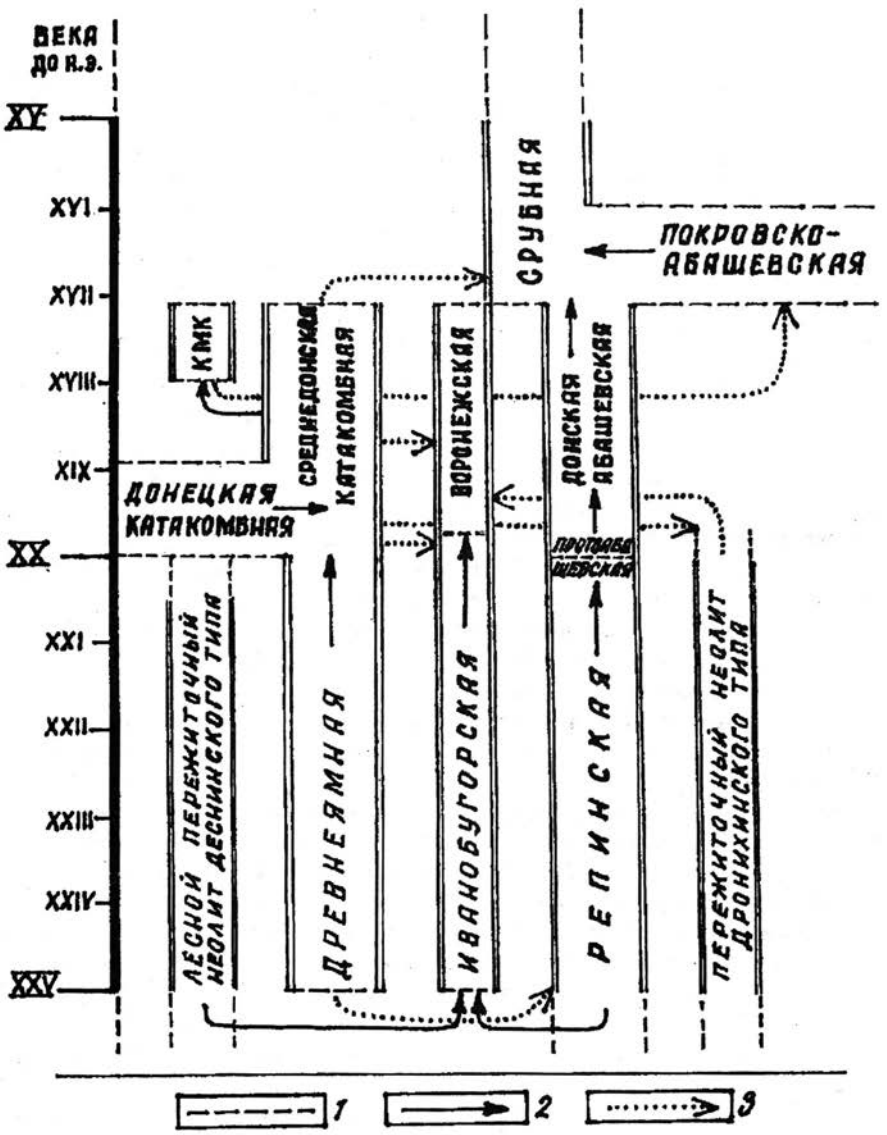


Рис.1. Схема хронологического соотношения культур эпохи бронзы лесостепного Дона: 1 - условные хронологические рубежи; 2 - линии генетической преемственности; 3 - проявление культурных воздействий.

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ВТОРОГО И ТРЕТЬЕГО ВЛАСОВСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

Археологические исследования высшей педагогической школы. Сборник научных трудов (к 25-летию археологической экспедиции Воронежского педуниверситета). Воронеж, 1996. С. 89-107. В соавт. с В.Д. Березуцким.

Второй Власовский могильник находится в 2-х км к северо-северо-востоку от с. Власовка Грибановского р-на Воронежской области, на самом пограничье с Тамбовской областью. Он включает 28 курганов. Часть из них размещается на высокой оконечности высокого (15-20 метров) водораздельного останца между долинами рек Вороны и Баклуши[1], а другие курганы рассредоточены по склону останца вплоть до подошвы, примыкающей к пойме реки Баклуши.

Третий Власовский могильник в виде локализованной группы из 15 насыпей находится здесь же, чуть северо-западнее, на низком террасном языке р. Баклуши. Заметим, что разделение курганов на два могильника достаточно условно: есть насыпи, включенные во Второй могильник, но отстоящие от основной группы дальше, чем насыпи Третьего могильника (рис. 1, 1).

Могильники выявлены В.Д. Березуцким в 1984 г. [1], а затем в разные годы авторами (и прежде всего В.Д. Березуцким) были исследованы пять курганов на Втором и один — на Третьем могильниках [2; 3].

Результаты раскопок одного из них — средневекового подземного святилища-лабиринта, нами опубликованы ранее [5]; еще один курган Второго Власовского могильника содержал сарматские захоронения, анализ которых не входит в задачу данной статьи. Ниже мы остановимся на рассмотрении захоронений эпохи бронзы.

ВТОРОЙ ВЛАСОВСКИЙ МОГИЛЬНИК.

Курган № 3 при диаметре 26 м и высоте 0,7 м (рис. 2, 1) содержал одно центральное погребение в виде катакомбной конструкции (рис. 2, 2) с кольцевым выкидом на уровне погребенной почвы. Камера и шахта (в Н-образном сочленении) были забутованы выкидом, что позволило конструкции хорошо сохраниться.

На полу камеры, на частично сохранившейся органической подстилке бурого цвета, находился взрослый скелет со слабо скорченными ногами, головой на ЗЮЗ. Отмечена посыпка охрой. У головы был положен кусок мела, а в южном углу камеры находилась жаровня в виде фрагмента сосуда с уступом под шейкой, орнаментированного ямками, оттисками строенного шнура и гребенчатого штампа в горизонтальную елочку (рис. 2, 4). Кроме того, в забутовке камеры находилось кайловидное орудие с отверстием из рога лося (рис. 2, 3). Погребение принадлежит кругу ямно-катокомбных древностей.

Курган № 4 находился «на отшибе», являясь крайним восточным и имел самую низкую высотную отметку своего расположения (рис. 1, 1). Он овальной формы с большим диаметром (по линии С-Ю) 25 м, меньшим — 20 м, и высотой от современной поверхности до 0,6 м (рис. 3, 1). Содержал два сильно разрушенных погребения на уровне погребенной почвы (рис. 3, 2, 3).

Погребение-1. судя по расположению отдельных костей взрослого скелета, произведено в скорченном состоянии на левом боку с ориентировкой на ССВ. В головах был поставлен сосуд горшковидный формы с косовертикальными расчесами по внешней поверхности (рис. 3, 4). Погребение принадлежит срубной культуре.

---

[1] На юго-восточной окраине этого же останца, на расстоянии 0,6 км располагается Первый Власовский могильник, в значительной части исследованный авторами ранее [4, с.27 -69].

Погребение-2 безынвентарно: костные остатки не дают представления о положении умершего. Лишь косвенно, ввиду близкого размещения захоронений друг к другу, при отсутствии в кургане других погребальных признаков, можно предположить их общую культурно-хронологическую принадлежность.

Курган № 5 диаметром 22 м и высотой в среднем 0,35 м. Стратиграфические данные приведены на рис. 4, 1. Содержал 8 погребений, из которых одно (№ 1) принадлежит периоду средневековья (рис. 4, 2, 3), а остальные — эпохе бронзы.

Погребение-2 (рис. 4, 4) — прямоугольная яма со скругленными углами, с отвесными стенками и ровным полом, с заполнением из чернозема, перемешанного с материковой глиной и песком. На полу находились кости взрослого человека, положенного скорчено на спину, с ориентировкой на ЗСЗ. Степень скорченности средняя.

В северном углу ямы рядом с костями жертвенного животного была поставлена жаровня из части сосуда с высокими раструбовидным горлом, украшенного налепным валиком с насечками (рис. 4, 5). Данное погребение можно отнести к кругу памятников КМК.

Погребения-3 и -3а представляют собой наложившиеся друг на друга прямоугольные со скругленными углами ямы с единым уровнем пола и ориентировкой (рис. 5, 1, 2). Заполнение погребения включало чернозем с мелкими кусками глины. На полу, на остатках органической подстилки, лежал скелет подростка скорченно на спине с вытянутыми вдоль тела руками, с ориентировкой на Восток. В области головы были положены «пирожок» из красной охры и неорнаментированный плоскодонный горшок с прямым коротким венчиком, через уступ переходящим в яйцевидное тулово. Тесто сосуда плотное, без видимых примесей; внешняя поверхность залощена, серо-коричневого цвета со следами черных подтеков. На черной внутренней поверхности имеются крупные горизонтальные расчесы (рис. 5, 3).

В заполнении из чернозема, кусков глины и песка погребения-3а встречены лишь отдельные кости ног, ребро человека, древесная труха (от перекрытия ?), а также фрагменты сосуда серого цвета с примесью в глиняном тесте песка, украшенный оттисками гребенчатого штампа в горизонтальную елочку (рис. 5, 4). Погребения могут быть отнесены к типу ямно-катакомбных.

Погребение-4 — прямоугольная яма-кенотаф с пологими стенками и относительно ровным полом, ориентированная по линии ЮЗ-СВ (рис. 6, 2). Выкид из ямы отсутствовал. Культурно-хронологическая принадлежность не определяется. Предположительно можно отнести к эпохе бронзы.

Погребение-5 — скелет мужчины старше 60 лет[1] скорченно на спине головой на ЮЮВ (рис. 5, 5). С левой стороны несколько выше головы находился неполный развал (жаровня) сосуда с плавно профилированным невысоким венчиком (рис. 5, 6). В тесте имеется примесь песка; внешняя поверхность коричневая, внутренняя — черная. Сосуд украшен по краю венчика вдавлениями, а ниже — рядами строенного шнура и оттисками гребенчатого штампа в горизонтальную елочку. Погребение принадлежит кругу ямно-катакомбных древностей.

Погребение-6 представляет собой захоронение в катакомбной конструкции со ступенчатой шахтой (рис. 6, 1). Шахта была забутована смесью чернозема, глины и песка, а камера — черноземом и песком. Вход в камеру был облицован по забутовке аморфными кусками серого песчаника. Камень являлся и компонентом забутовки.

На полу камеры, на частично сохранившейся подстилке черно-бурого цвета находился скелет мужчины 30-35 лет скорченно на спине, головой на ВЮВ. Череп без следов деформации. Кости окрашены охрой; бесформенное скопление охры отмечено у правой руки умершего. В заполнении камеры выявлены фрагменты жаровни из придонной части сосуда серого цвета, орнаментированного оттисками гребенчатого штампа в горизонтальную елочку (рис. 6, 4). Кроме того, в заполнении шахты

[1] Поло-возрастное определение сделано М.В. Козловской, за что авторы выражают ей искреннюю признательность.

встречены древесные угольки и небольшой кремневый отщеп со следами обработки (рис. 6, 3). Погребение принадлежит кругу катакомбных древностей.

Погребение-7 — катакомбная конструкция с Н-образным сочленением шахты и камеры (рис. 7, 1). Забутована черноземом с включениями кусков песчаника, песка, меловой крошки, древесных угольна полу камеры, на частично сохранившейся органической подстилке черного цвета лежал окрашенный в красный цвет скелет мужчины старше 60 лет слабо скорченно на правом боку с ориентировкой на юг, с преднамеренно отчлененной головой. Череп несет следы прижизненной деформации. Рядом с ним были положены пять астрагалов и здесь же — две хорошо заполированные гадальные кости в форме октаэдров с нарезными линиями и точками: «чет-нечет» (два-один), «пусто-пусто» (рис. 7, 3). В ногах стояла глиняная курильница на крестовидной подставке со сквозными отверстиями, с плошкой без отделения. Орнаментирована оттисками строенного шнура в виде опоясывающих линий и полуфестонов (рис. 7, 2) . Погребение принадлежит кругу катакомбных древностей.

Ряд стратиграфических наблюдений позволяет оценить некоторые из погребений рассмотренного кургана в их хронологическом соотношении (рис. 4, 1). Так, наиболее ранним следует признать погребение-3а, выкид из которого залегал на погребенной почве. Затем было сооружено погребение-3, выкид из которого оказался несколько выше предыдущего. Поднимался на первичную насыпь своей южной частью и выкид из погребения-6. Это погребение не имеет стратиграфических признаков, позволивших бы соотнести его по времени с погребением-3 (только предположительно, на основе сходства формы ямы, ее ориентировки и планиграфической близости с основным погребением, последнее могло быть более ранним), но оно же предшествует погребению-7. шахта которого фиксировалась сразу под пахотным слоем. К пахотному слою подходил и выкид из погребения-2. Но этим не определяется единовременность двух последних захоронений. Не определяется и хронологическая позиция погребения-кенотафа.

ТРЕТИЙ ВЛАСОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

Курган № 1 имел круглую форму при диаметре 19 м и высоте от современной поверхности 0,4 м. Стратиграфия кургана и планиграфические признаки погребений отражены на рис. 8, 1. Все пять выявленных в кургане погребений принадлежат эпохе бронзы.

Погребение-1 — со следами охровой окрашенности скелет мужчины 40-45 лет (рост не менее 2,3 м!), лежавший на уровне материка скорченно на спине головой на восток (рис. 8, 2). Принадлежит ямной культуре.

Погребение-2 — катакомбная конструкция с Н-образным сочленением шахты и камеры (рис. 8, 3), с заполнением в виде перемешанного песка. На полу камеры, на частично сохранившейся органической подстилке черного цвета лежал скелет ребенка скорченно на правом боку головой на восток. Череп имеет следы прижизненной деформации. В области головы находились: обломок охрового «пирожка», охровое пятно и сосуд — прямошейный горшок, орнаментированный оттисками строенного шнура и гребенчатого штампа (рис. 9, 1). Цвет внешней поверхности светло-коричневый с черными подпалинами в верхней части; внутренней — серый. В тесте имеется примесь мелкозернистого песка. Погребение принадлежит кругу катакомбных древностей.

Погребение-3 — катакомбная конструкция с Н-образным сочленением шахты и камеры (рис. 8, 4). Заполнение — перемешанный серый песок. На полу камеры, на частично сохранившейся органической подстилке черного цвета лежал скелет подростка скорченно на правом боку головой на юг. У головы отмечена посыпка красно-бурой охрой и здесь же лежало девять астрагалов. Погребение принадлежит кругу катакомбных древностей.

Погребение-4 — катакомбная конструкция с Н-образным сочленением шахты и камеры (8, 5). Забутована песком. На полу камеры, на частично сохранившейся подстилке черного цвета лежал скелет подростка скорченно на правом боку головой на

запад. Отмечена охра в виде вкраплений и обломка «пирожка». У головы стоял горшок с уступом при переходе горла в тулово, украшенный «ростковым» орнаментом из оттисков строенного шнура, а также ямками (рис. 9, 2). Погребение принадлежит кругу катакомбных древностей.

Погребение-5 — катакомбная конструкция с Н-образным сочленением шахты и камеры (рис. 9, 7). Заполнение — серый перемешанный песок. На полу камеры лежал скелет женщины 30-40 лет сильно скорченно на правом боку головой на юго-запад. Погребение безинвентарно, катакомбного типа.

Судя по ряду обрядовых признаков и центральному местоположению, основным в кургане было, надо полагать, погребение-1. Далее, по соотношению уровней залегания выкидов, определяется последовательность производства захоронений-3,-4 и -5. Хронологическая позиция погребения-2 не определяется.

Вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что катакомбные конструкции размещены в линию через равные интервалы, а это позволяет рассматривать их все в пределах относительно краткого периода времени при сохранении их внешних ориентиров.

Кроме погребений, в восточной поле кургана обнаружены фрагменты сосуда с личиночными и ногтевыми вдавлениями (рис. 9, 4-6), типологически не выпадающего из круга местных катакомбных древностей.

* * *

Рассмотренные выше материалы позволяют предпринять некоторые обобщения.

Прежде всего бросается в глаза сочетание в погребениях двух памятников ямных и катакомбных традиций. Первые выступают в обычае положения умерших на спине с восточной или западной ориентировкой, в размещении их в ямах или на древнем горизонте. Очевидно сохранение ямных традиций и в облике сосудов, имеющих уступчатый профиль и плавно выделенный венчик. С другой стороны, устройство катакомб, ориентировка умерших в южном направлении, использование жаровен, плоскодонная форма сосудов с устойчивыми орнаментальными элементами (строенный шнур) и композициями (полуфестоны, горизонтальные пояски по горлу), а также признаки прижизненной деформации голов, являются свидетельством внедрения традиций катакомбного этнокультурного мира. И если к собственно древнеямному кругу типологически можно отнести всего одно погребение (Третий Власовский, 1/1), то именно такое ямно-катакомбное взаимосочетание разнородных признаков характеризует становление и ранний (павловский) этап среднедонской катакомбной культуры. Этому процессу и периоду времени полностью соответствуют типы большинства сосудов.

Вместе с тем рассмотренные материалы имеют сложный характер, не позволяющий ограничиваться сопоставлением лишь с двумя узко ограниченными временем и культурной спецификой очагами воздействия. Так, уже в древнеямном компоненте отражено сочетание разных обрядовых установок: ориентировка умерших на восток и запад. Эти различия, как удается уловить в широких рамках их проявления, несут хронологическую и этнокультурную специфику [6, с. 120-132]. Правда, в данном случае хронологический аспект скрадывается встречаемостью тех и других ориентировок в катакомбных конструкциях.

Обращает на себя внимание и сочетание разнохарактерных признаков сосудов, часть которых (использование жаровен, курильниц, оттисков строенного шнура в орнаменте и др.) происходит с юга из зоны распространения культур катакомбного мира (причем как донецкой, так и предкавказской). а такие признаки в орнаментации, как сильно положенные на бок оттиски гребенчатого штампа и вертикальная елочка, ведут в область распространения традиций полтавкинской культуры.

Единичность других категорий инвентаря погребений не позволяет в том же ключе проводить сравнения, однако находки сходных по облику (а, вероятно, и по функциональ-

ному назначению) «гадальных» костей известны из катакомбных комплексов Донеччины, Нижнего Дона и Нижнего Поднепровья, т.е. эти изделия, подобно астрагалам, курильницам и т.д., являлись атрибутами погребений целого ряда культурных образований.

Особое значение приобретает сопоставление полученных материалов с данными расположенного в непосредственной близости Первого Власовского могильника. При этом обнаруживается тождественность в оформлении катакомбных конструкций и приема их забутовки; то же сочетание ямных и катакомбных признаков, однотипных сосудов. Другими словами, ямно-катакомбные и катакомбные погребения всех трех могильников принадлежат одной и той же группе населения, а сами могильники, скорее всего, представляли собой филиации единого религиозно-культового комплекса.

Ранее, на основании целого ряда признаков (забутовка погребений, наличие жертвоприношений, курильниц, флейт Пана, преобладание в погребениях мужчин, поликультурность погребальных комплексов и т.д.), один из авторов данной публикации интрепретировал Первый Власовский могильник в качестве места захоронения жрецов [4, с. 59-66]. Многие из отмеченных признаков ярко представлены и на двух других могильниках: преобладание мужских захоронений (из числа поддающихся определению антропологических данных), забутовка ям и катакомбных сооружений, наличие курильницы, поликультурность признаков. Думается, что находка «гадальных» костей может только подкрепить предложенную интерпретацию.

Следует еще раз подчеркнуть, что такого типа захоронения трех могильников не выходят за рамки формирования, а также первого этапа среднедонской катакомбной культуры, ее Левобережного варианта [6, с. 133-164] и на основании существующих разработок могут датироваться рубежом III — первой четвертью II тыс. до н.э.

К более позднему времени, но в этнокультурной связи с ними, можно отнести погребение Второго Власовского могильника с жаровней из сосуда с валиковым орнаментом (2/5). По обрядовым признакам оно вполне сопоставимо с памятниками КМК, датируемыми исследователями XVII в. до н.э. [7, с. 5; 8, с. 45]. Возможно, что данное захоронение занимает нижнюю хронологическую позицию среди ему подобных с других территорий, определяя собой один из истоков (среднедонская катакомбная культура) оформления новой культурной общности. Интересно отметить, что погребение КМК было выявлено и на Первом Власовском могильнике, причем для него был создан отдельный курган в пределах концентрации ямно-катакомбных курганов, что затем повторилось при сооружении кургана с покровско-абашевскими захоронениями [9, с. 6-31].

Вместе с тем, срубных погребений в качестве впускных, равно как и отдельных курганов этой культуры. Первый Власовский могильник не содержал. Такой курган выявлен лишь на «отшибе», на нижнем участке площади Второго Власовского могильника. Впрочем, более конкретные соображения относительно мест устройства погребений разной культурной принадлежности могут быть высказаны после окончательного доисследования памятников.

Остается лишь добавить, что рассмотренные выше срубные захоронения в плане периодизационных и типологических разработок малоинформативны.

Литература

1. Березуцкий В.Д. Отчет о разведке в бассейне рек Ворона и Баклуша в Воронежской и Тамбовской областях в 1984г. // Архив ИА АН СССР.
2. Березуцкий В.Д. Отчет об археологических исследованиях на территории Воронежской и Тамбовской областей в 1991 г. // Архив ИА АН СССР.
3. Березуцкий В.Д. Отчет об археологических исследованиях в Воронежской и Тамбовской областях в 1990 г. // Архив ИА АН СССР.
4. Синюк А.Т. Погребения ямной и катакомбной культур Первого Власовского могильника // Проблемы археологического изучения доно-волжской Лесостепи. Воронеж, 1989.
5. Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Раннесредневековое подземное святилище-лабиринт // СА, 1991, № 3.

6. Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж, 1983.
7. Березанская С.С. Основные результаты изучения культуры многоваликовой керамики // Проблемы эпохи бронзы Юго-Восточной Европы (ТД). Донецк, 1979.
8. Шарафутдинова Э.С. Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск, 1987.
9. Синюк А.Т., Погорелов В.И. Курган № 16 Власовского могильника // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. Уфа, 1993.

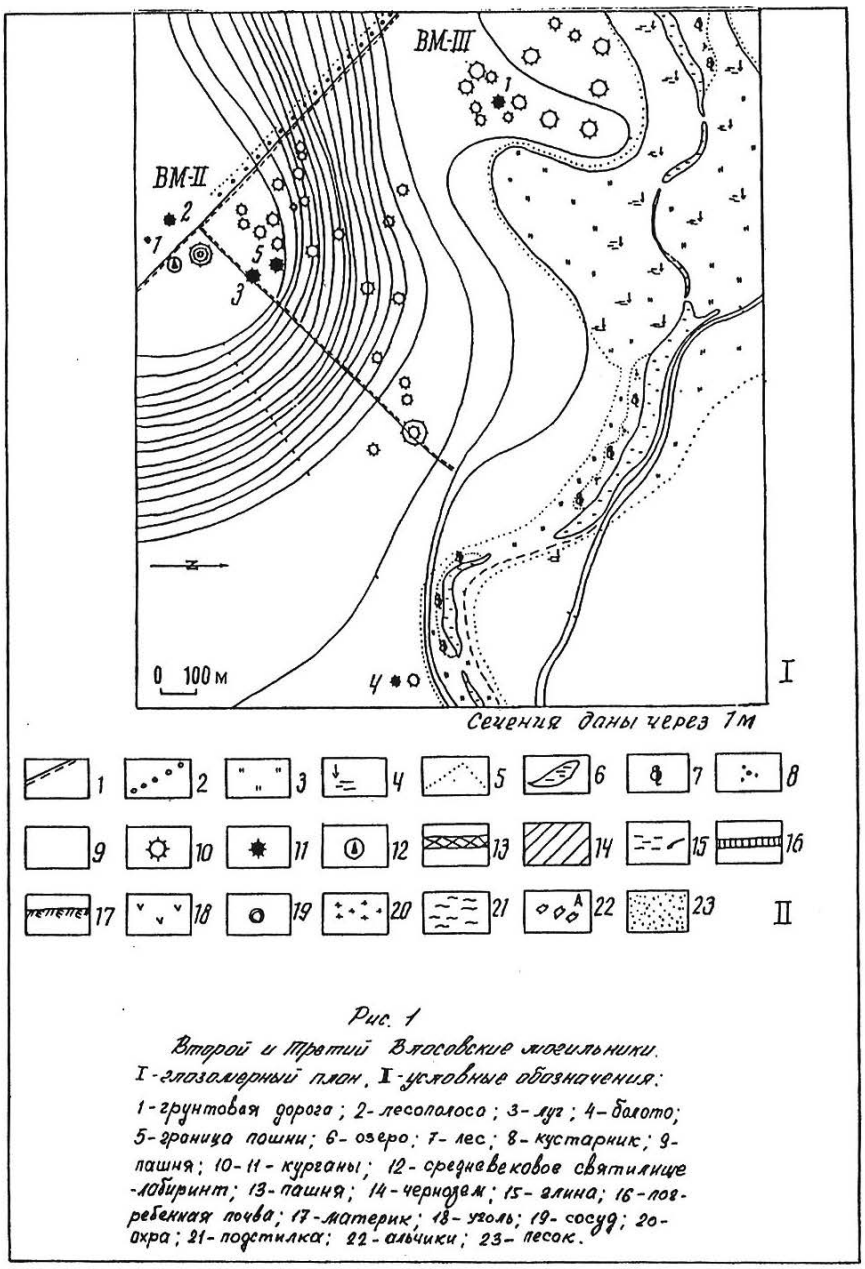


Рис. 1

Второй и третий Власовские могильники.
I - глазомерный план, II - условные обозначения:
1 - грунтовая дорога; 2 - лесополоса; 3 - луг; 4 - болото; 5 - граница пашни; 6 - озеро; 7 - лес; 8 - кустарник; 9 - пашня; 10-11 - курганы; 12 - средневековое святилище - лабиринт; 13 - пашня; 14 - чернозем; 15 - глина; 16 - погребенная почва; 17 - материк; 18 - уголь; 19 - сосуд; 20 - охра; 21 - подстилка; 22 - альчики; 23 - песок.

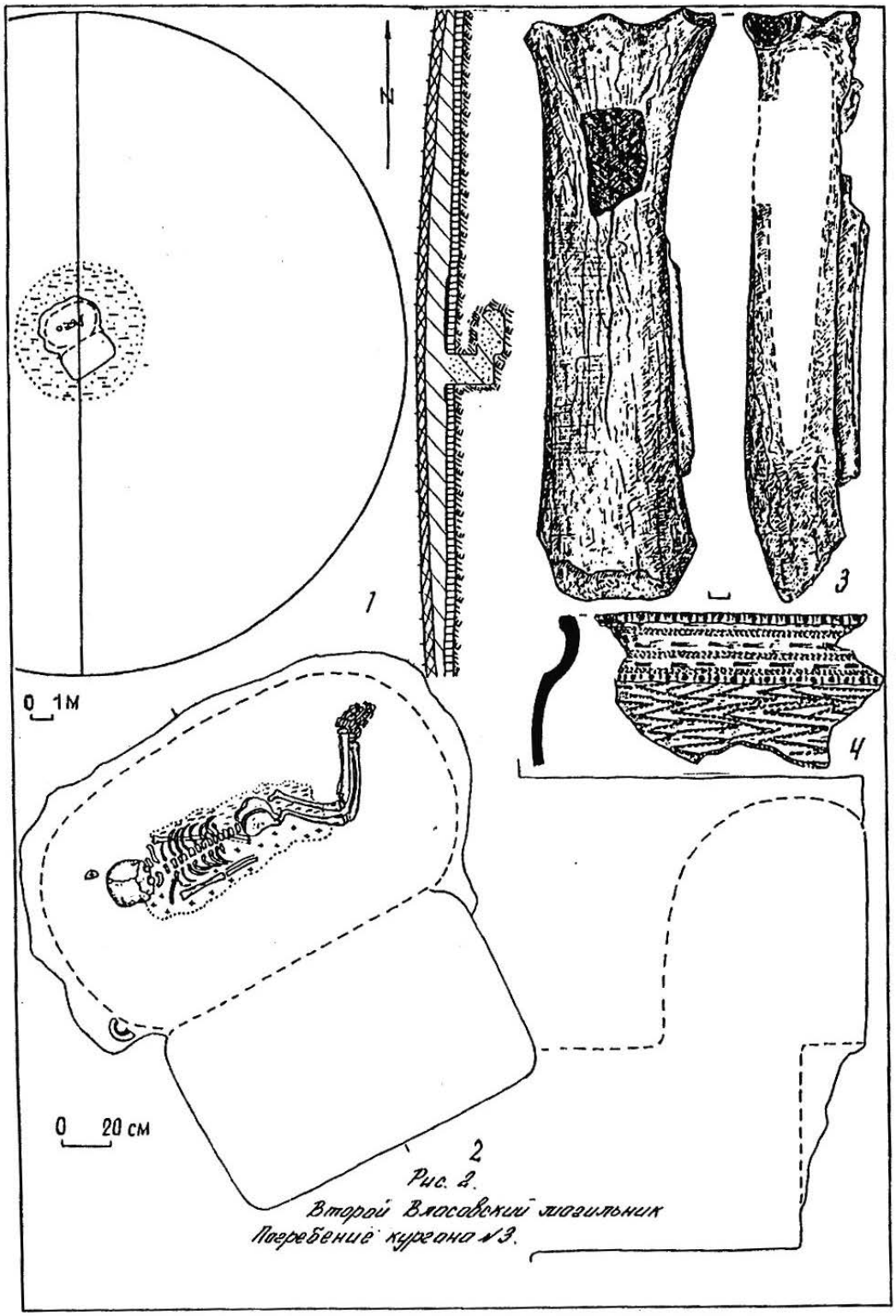


Рис. 2.
Второй Власовский могильник
Погребение кургана №3.

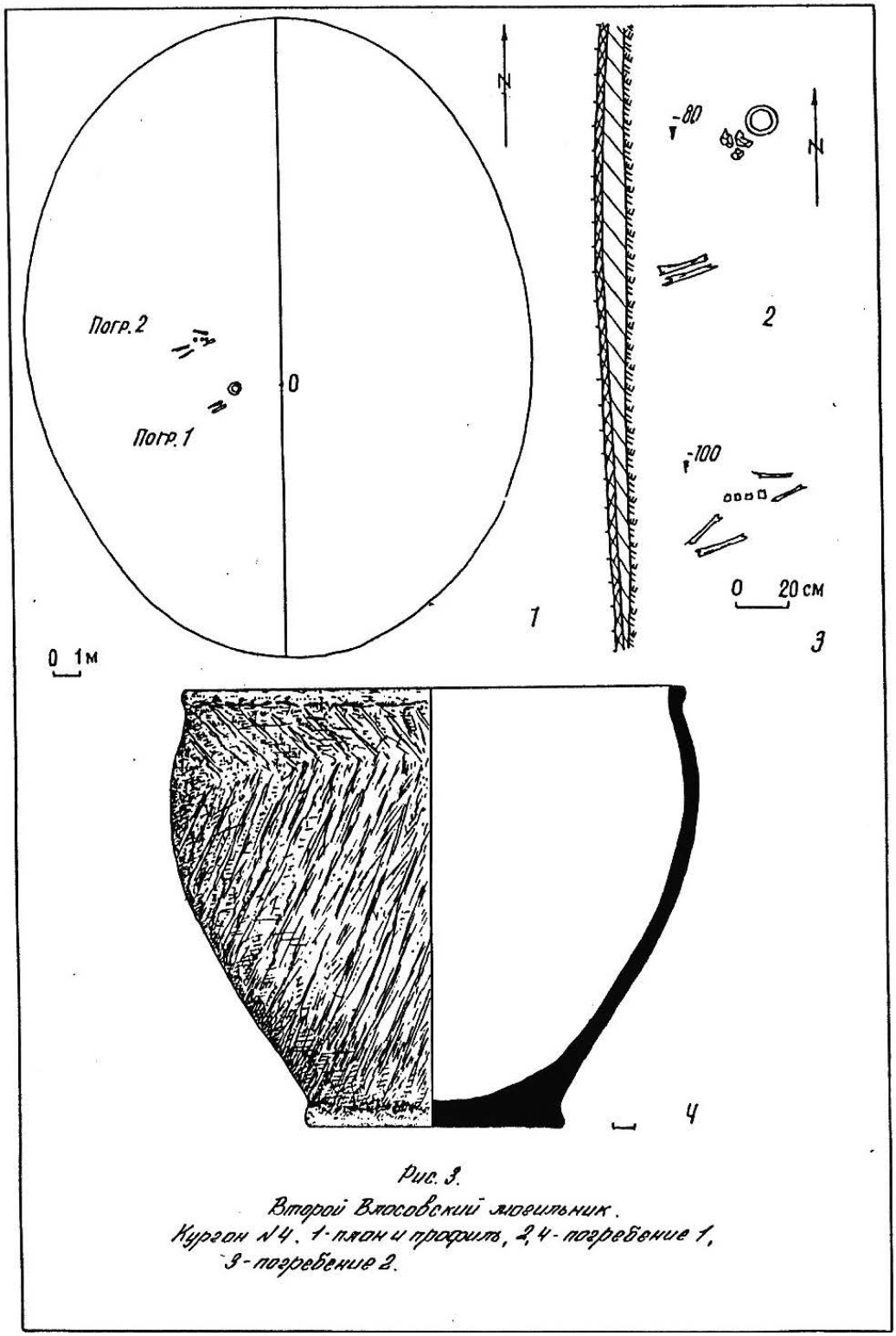


Рис. 3.
Второй Власовский могильник.
Курган №4. 1-план и профиль, 2, 4-погребение 1,
3-погребение 2.

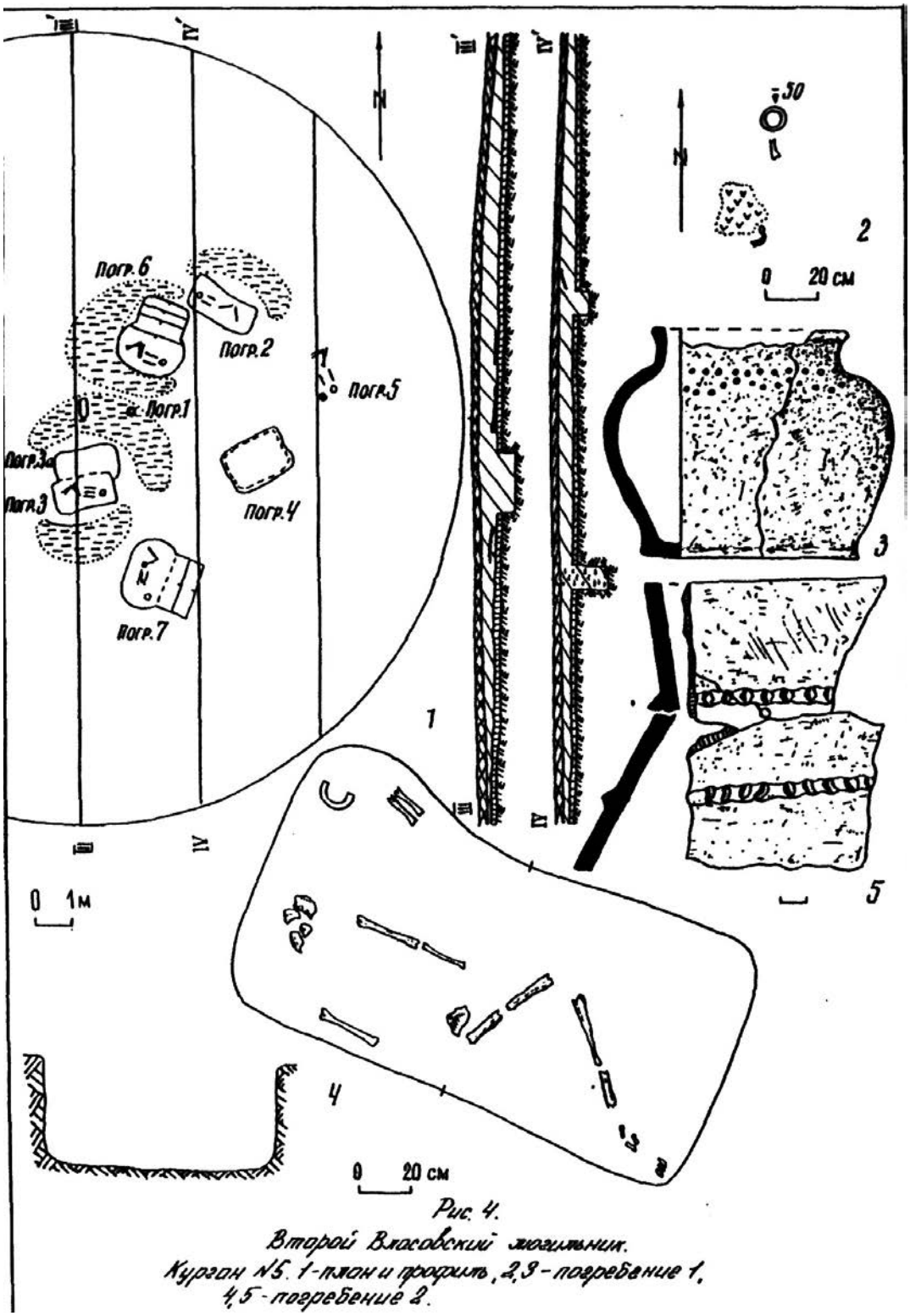


Рис. 4.
Второй Власовский могильник.
Курган №5. 1-план и профиль, 2,3-погребение 1,
4,5-погребение 2.

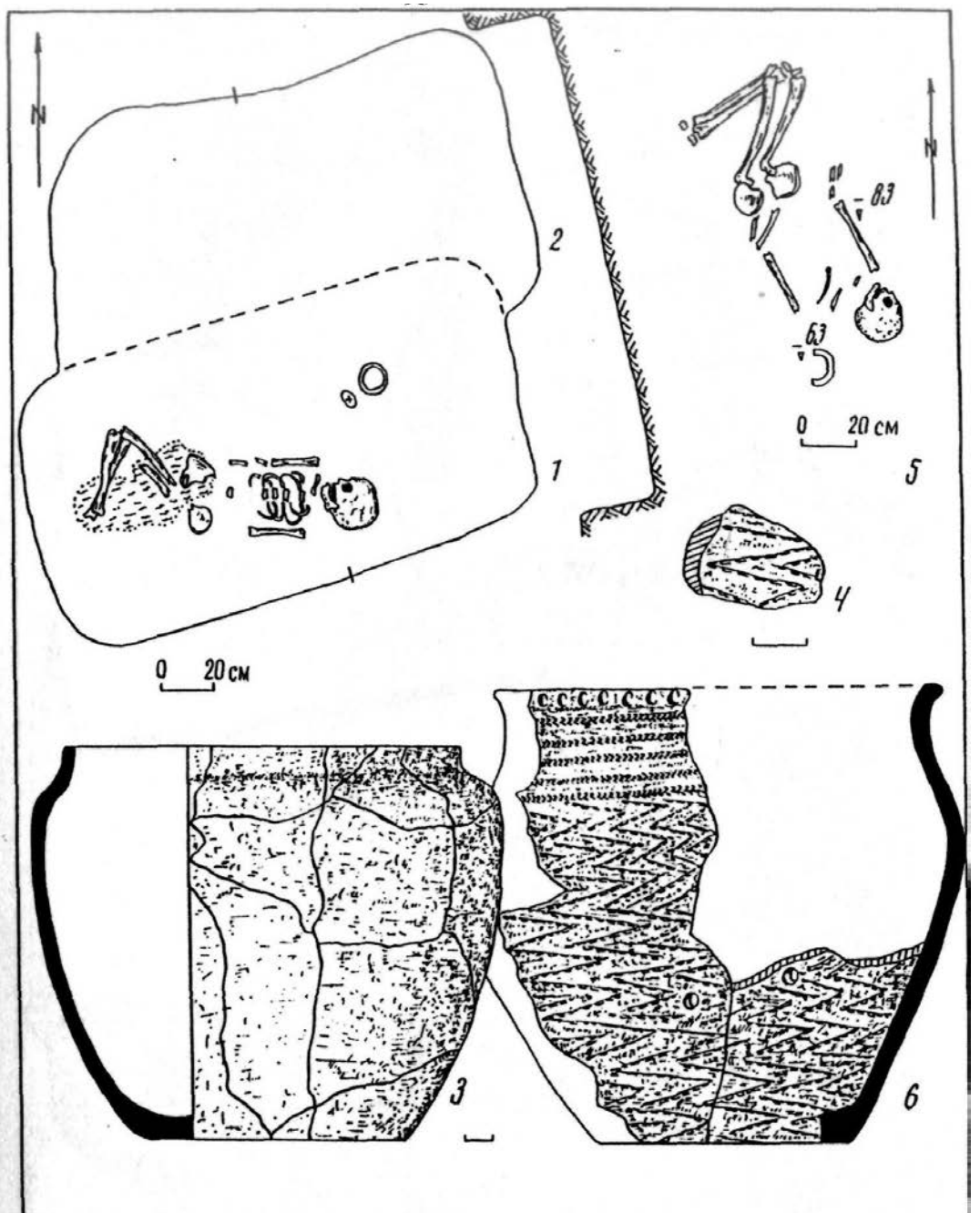


Рис. 5.
Второй Власовский могильник.
Курган №5.

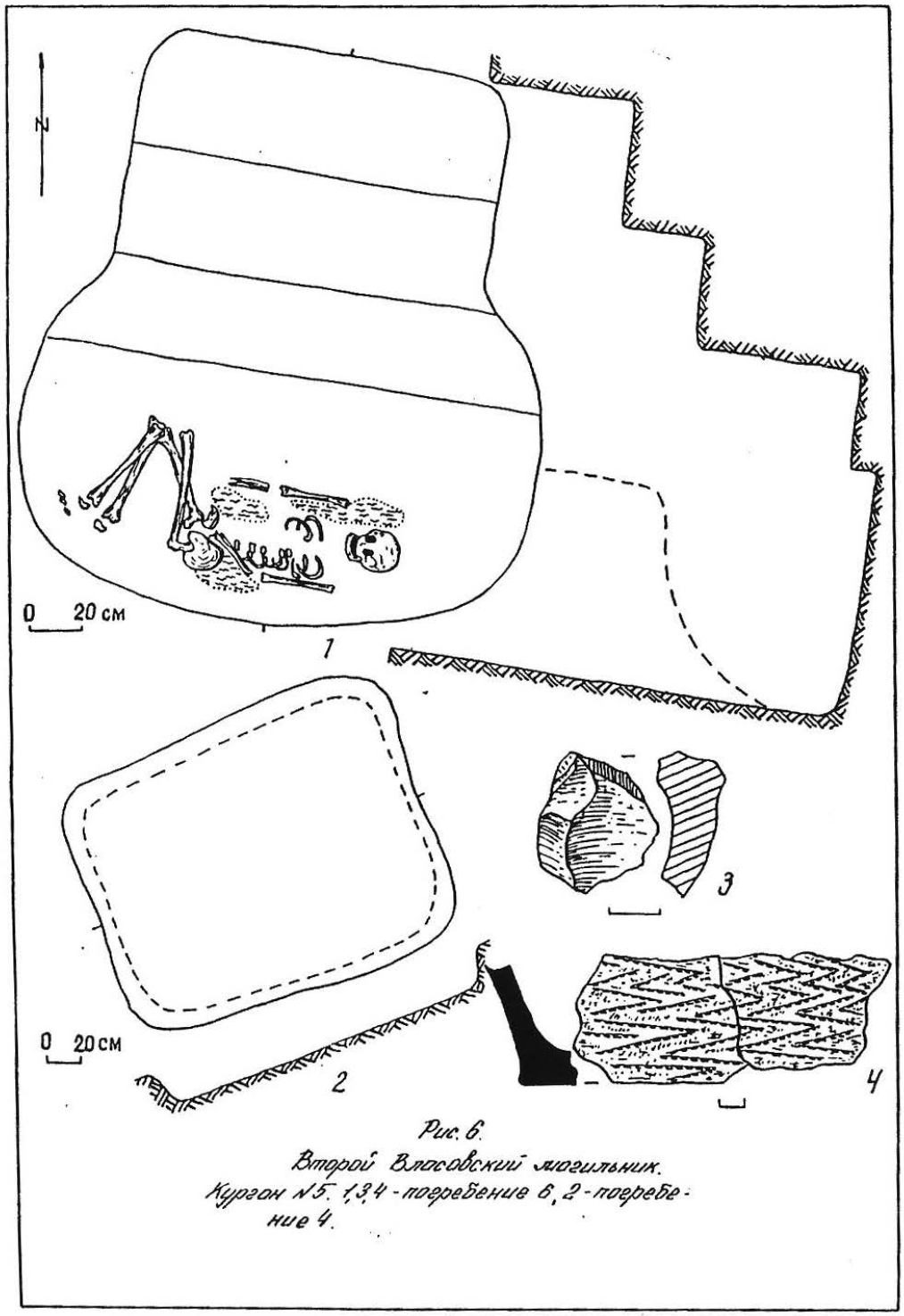


Рис. 6.
Второй Власовский могильник.
Курган №5. 1, 3, 4 - погребение 6, 2 - погребение 4.

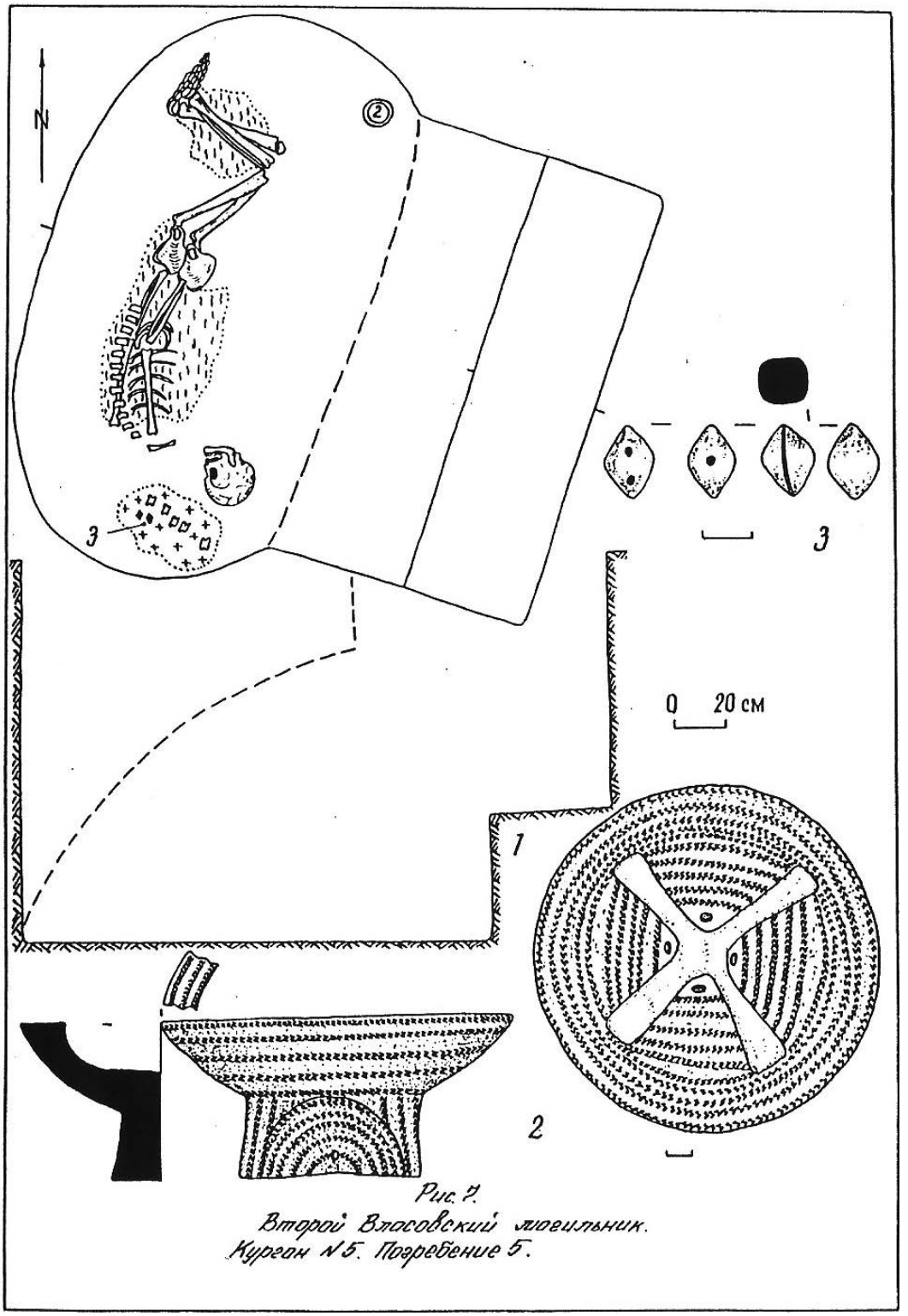


Рис. 7.
Второй Власовский могильник.
Курган №5. Погребение 5.

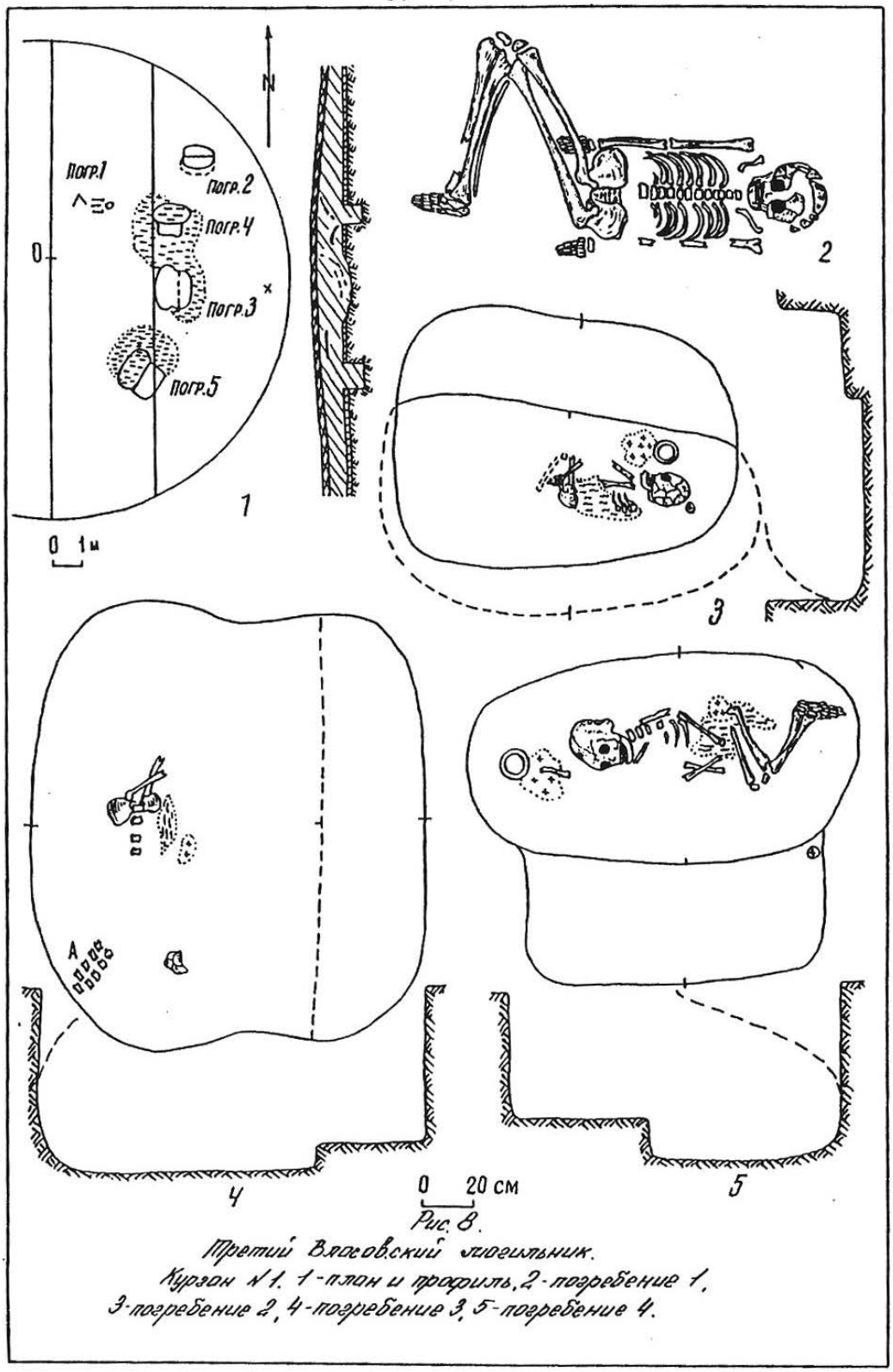


Рис. 8.

Третий Власовский могильник.
Курган №1. 1-план и профиль, 2-погребение 1,
3-погребение 2, 4-погребение 3, 5-погребение 4.

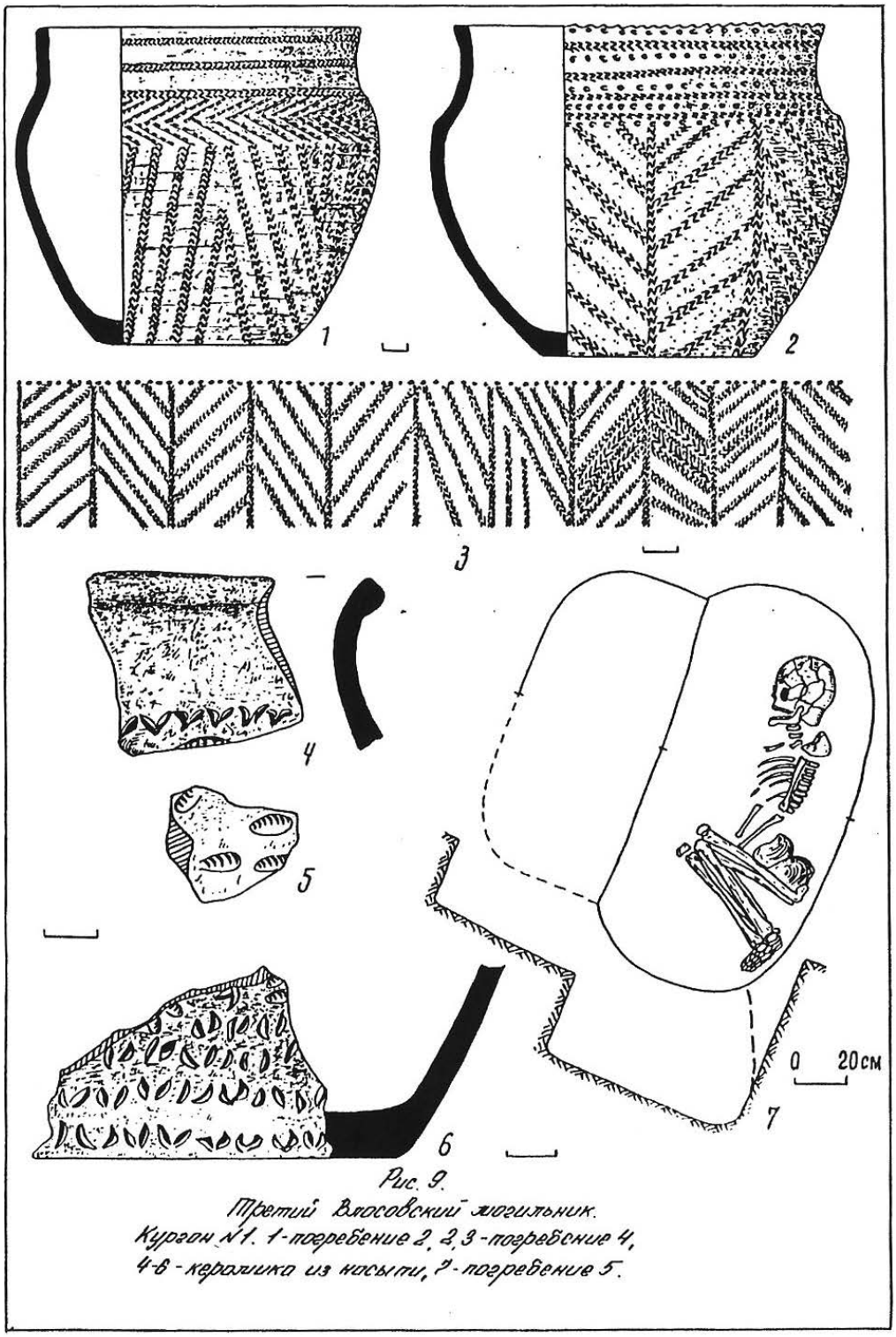


Рис. 9.

Третий Власовский могильник.
Курган №1. 1-погребение 2, 2, 3-погребение 4,
4-6-керамика из насыпи, 7-погребение 5.

1999

БАССЕЙН ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ДОНА В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА

Археология восточноевропейской лесостепи. Выпуск 13. Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж, 1999. С. 23-44.

Рассматриваемый регион имеет протяжение с севера на юг от истоков Дона до впадения в него р. Иловли; на западе границей служит река Оскол, а на востоке — Доно-Волжский водораздел. По современному административному делению, это, прежде всего, территории Воронежской и Липецкой, а также частично — Ростовской, Волгоградской, Белгородской и ряда других областей России. Граница между Верхним и Средним Доном устанавливается по устью р. Воронеж. В физико-географическом отношении бассейн Верхнего и Среднего Дона входит в пределы Среднерусской и Калачской возвышенностей (Правобережье), Окско-Донской низменности (Левобережье), причем значительная часть региона — от истока Дона и, примерно, до линии Валуйки-Павловск-Борисоглебск представлены лесостепной зоной[1], а южнее — зоной степи. Ландшафт лесостепи и севера степи — волнистая равнина с густой сетью речных долин и балок. Травяной покров лесостепи характеризуется злаковым разнотравьем, а степи — жесткими видами ковыльно-типчаковых трав.

Считается, что долина Дона с большей вероятностью, чем возвышенные водораздельные участки, в эпоху продолжительного климатического оптимума голоцена сохраняла основные признаки лесостепного ландшафта, поскольку широколиственные леса в виде интерзональных фракций распространялись на юг вплоть до Азовского моря[2]. Но это совсем не исключает и признания известных климатических колебаний в пределах донской лесостепи для атлантического и суббореального периодов, в рамки которых укладывается энеолитическая эпоха.

В целом же равнинный характер многочисленных рек, питаемых быстро тающим снеговым покровом, создают на донской территории высокий уровень паводковых вод, нередко превышающий высоту первых надпойменных террас и их останцов. Это, безусловно, учитывалось и в древности при выборе мест поселений. В результате широких изыскательских работ можно вполне определенно говорить о том, что в поймах и на низких участках надпойменных террас не создавались долговременные поселки, хотя именно в этих местах обнаружены следы многочисленных сезонных промысловых стойбищ и кочевий.

Для восточноевропейской лесостепи энеолит нами понимается как самостоятельная эпоха в системе археологической периодизации, начинающаяся с распространением культур, характеризуемых комплексом археологических признаков, обусловленных навыками изготовления и использования первых медных изделий, а

[1] См.: Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР. М., 1977. С. 120.

[2] См.: Нейштадт М. И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957. С. 362; Хотинский Н.А. Палеогеографические основы датировки и периодизация неолита лесной европейской части СССР // КСИА. 1978. Вып. 153.

также включением в экономику скотоводческой отрасли, в том числе коневодства, что должно документироваться данными остеологии.

В абсолютных датах донской лесостепной энеолит занимает время примерно от середины IV до середины II тыс. до н. э. При этом, начиная со второй половины III тыс., с появлением здесь памятников, отмеченных признаками эпохи ранней бронзы, энеолитические культуры переходят в свою пережиточную стадию существования.

Отличительной чертой большинства донских памятников является их многослойность, где наряду с энеолитическими материалами присутствуют в разном сочетании и количестве материалы других эпох — от мезолита до славяно-русского времени включительно.

Стоянки концентрируются в приустьевых участках рек и в их среднем течении, что, видимо, диктовалось производственной целесообразностью. Они размещены главным образом на дюнных останцах в низких поймах рек (стоянки Университетские 1-3 и др.), на краю боровых террас низких (стоянки Савицкая, Отрожская, Дрониха и др.) и высоких (стоянка Копанище 2) пойм, а также в береговых отложениях непосредственно у уреза воды (стоянки Черкасская, Дармодехинская, Капанище 1, Долговская и др.). В последних случаях культурные слои залегают ниже современного уровня рек. Поднятость же террас и ос- танцов варьирует от 1,5 до 3,0 м, и лишь изредка фиксируются более высокие отметки. Такой характер местоположений памятников свидетельствует о сезонном освоении данных участков. Однако материалы разных периодов энеолита встречены и на высоких мысовых участках (стоянки Верхний Карабут, Мостище, Большой Липяг и др.), но здесь они, за редким исключением, представляют собой следы перекочевок ранних скотоводческих групп.

Энеолитических могильников в бассейне Дона известно пока немного. Два из них обнаружены на оконечности боровой террасы, на площади многослойной стоянки Дрониха; третий — в сходных топографических условиях на площади Мосоловского поселения эпохи бронзы; еще один могильник — Иванобугорский — выявлен под едва фиксировавшейся насыпью на склоне высокого мысового берега. Все эти могильники располагались по течению р. Битюг.

Обобщая сказанное, можно заключить, что открытые лесостепные и северостепные пространства с сильно развитой речной системой должны были способствовать легкости их освоения, побуждать к передвижениям и взаимодействию традиций самых разных археологических культур.

Активность такого рода процессов должна была стимулироваться и тем обстоятельством, что в лесостепи запас фито- и биомассы в несколько раз больше, чем в сопредельных физико-географических зонах, а поэтому здесь предполагается вдвое большая демографическая емкость при использовании присваивающих укладов экономики[1]. Вместе с тем огромная кормовая база в виде злакового разнотравья и плодородные черноземные почвы должны были привлекать в лесостепь древних скотоводов и земледельцев.

В плане изучения энеолит бассейна Верхнего и Среднего Дона долгое время представлял собой «белое пятно». Правда, в степной части Среднего Дона еще в 50-е гг. И.В. Синицыным было исследовано поселение у хутора Репина, отнесенное

[1] См.: Долуханов П.М. География каменного века. М, 1979.

к древнеямной культуре[1]. В 60-е гг., при раскопках многослойных стоянок на Верхнем Дону, появляются первые материалы, обнаруживающие аналогии и в Репинском поселении, и в памятниках среднестоговской культуры Поднепровья. Заметим, что если первые находки репинского типа В.П. Левенок отнес, в силу сложившейся традиции, к древнеямной культуре[2], то позднее он выделил их в «репинский этап» среднестоговской культуры[3], принимая, правда, последнюю, вслед за Д.Я. Телегиным[4], в качестве основы для становления культуры древнеямной. Тем не менее, учитывая ограниченность имевшихся к тому времени источников, попытка отчленения репинских материалов от ямных была, на наш взгляд, весьма плодотворной.

К началу 70-х гг., в ходе раскопок на Среднем Дону, нами были выделены материалы, которые ввиду резкого отличия от материалов среднедонской неолитической культуры и на основании аналогий находкам на Нижнем Дону (из разведок Г.И. Горецкого у станицы Цимлянской, из поселения Ракушечный Яр) были объединены в нижнедонскую культуру раннего энеолита[5]. Несколько позднее, с накоплением новых источников, было дано обоснование выделению репинской энеолитической культуры, соответствующей времени распространения и среднестоговской, и древнеямной культур[6]. В последние годы нам удалось выделить весьма своеобразные материалы иванобугорской культуры, характеризующие в рассматриваемом регионе стадию пережиточного энеолита[7].

Еще раз подчеркнем, что многие из известных памятников донской территории представляют собой комплексы из многослойных стоянок, а это позволило проследить систему стратификации материалов всех периодов энеолита. Примером тому могут служить данные стоянок Университетская 3 и Черкасская.

Таким образом, сейчас имеется достаточно широкий круг разнообразных источников, позволяющих оперировать в пределах Верхнего и Среднего Дона археологическими культурами, сопряженными со всеми стадиями развития степного и лесостепного энеолита, а также с его тремя крупными культурными областями: мариупольской, хвалынско-среднестоговской, древнеямной.

Нижнедонская культура представлена пока ограниченным кругом памятников по течению рек Матыры, Воронежа, Битюга, Тихой Сосны и Вороны. Попытка установить хронологическое соотношение групп материалов, т.е. наметить периодизацию культуры, а также выявить степень культурного единства имеющихся типологических групп, пока наталкивается на отсутствие «замкнутых» комплексов. Но в этой связи известное значение имеют результаты раскопок стоянок Черкасская и Дрониха. На первой из них к горизонту с воротничковой керамикой примыкала полуземляночная постройка, на утрамбованном битой ракушкой полу которой

[1] См.: Синицын И.В. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Поднепровьем // КСИА. Киев, 1957. № 7.

[2] См.: Левенок В.П. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону // МИА. 1965. Вып. 131. С. 245.

[3] См.: Левенок В. П. Неолитические племена лесостепной зоны Европейской части СССР // Там же. 1973. Вып. 172. С. 197.

[4] См.: Телегин Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973.

[5] См.: Синюк А.Т. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971; Он же. У истоков древнейших скотоводческих культур лесостепного Дона // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1979.

[6] См.: Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита — бронзы в бассейне Дона // СА. 1981. № 4.

[7] См.: Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит восточноевропейской лесостепи Куйбышев, 1985.

выявлена керамика, включая развалы трех сосудов, несущих известные вариации форм и орнамента. Предпринятая нами реконструкция горизонта нижнедонской культуры[1] дает основание говорить о существовании на месте стоянки одного, или, максимум, двух-трех последовательных сезонных стойбищ этой культуры, и, таким образом, керамический материал при всей его вариабельности может рассматриваться как хронологически относительно единовременный комплекс. То же самое мы обнаруживаем на стоянке Дрониха в среднем Побитюжье, где выявлены аналогичная постройка и керамический материал. Все это как будто бы подтверждает ранее высказанное нами предположение о сравнительно узких хронологических рамках бытования нижнедонской культуры в пределах Верхнего и Среднего Дона[2].

Пока наиболее ярким остается керамический комплекс Черкасской стоянки. Всего здесь выявлено развалов и фрагментов в общей сложности от 60 сосудов. Определяющими признаками для них являются: 1) преобладание воротничков (76 %); 2) равная встречаемость острых и маленьких плоских днищ; 3) преобладание растительной примеси в тесте (ок. 90 %); 4) наличие крупных расчесов на поверхностях; 5) орнаментация гребенчатым штампом (ок. 90 %) с преобладанием оттисков с зубцами средней величины над короткими оттисками; 6) использование прочерченных волнистых линий в качестве делителей орнаментальных зон; 7) линейно-елочные мотивы при горизонтальной зональности орнамента.

Совершенно аналогичны сосудам Черкасской стоянки керамические комплексы нижнедонской культуры и из всех остальных памятников Верхнего и Среднего Дона, что позволяет считать отмеченные признаки определяющими в целом для этой культуры, которая сейчас уже представлена развалами и фрагментами в общей сложности более чем от 250 сосудов[3].

Из горизонтов с воротничковой керамикой стоянок Черкасская и Копанище 1 получен остеологический материал, включавший кости лошади. Однако окончательное решение вопроса о составе стада и объектах охоты носителей нижнедонской культуры — дело будущего, поскольку к этим горизонтам примыкают слои с материалами среднестоговской и репинской культур, коневодческий характер которых несомненен. По той же причине сейчас рано говорить о специфических типах каменных и костяных орудий нижнедонской культуры Верхнего и Среднего Дона. Все же отметим каменное навершие булавы «второго мариупольского типа» из слоя стоянки Копанище 1. Интересно, что из того же района в виде случайных находок имеются еще два аналогичных навершия булав (хранятся в краеведческом музее г. Острогожска).

Могильников нижнедонской культуры на Верхнем и Среднем Дону пока не выявлено. Мы можем сослаться лишь на одиночное погребение вблизи энеолитической постройки Черкасской стоянки, произведенное в неглубокой яме с охристым заполнением. Скелет не сохранился, но в южной части ямы, направленной к реке, находились черепные кости взрослого человека и здесь же — кости лошади. Судя по размерам могилы, умерший был положен вытянуто. На полу могильной ямы най-

[1] См.: Васильев И.Б., Синюк А.Т. Черкасская стоянка на Среднем Дону // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.

[2] См.: Синюк А.Т. У истоков древнейших скотоводческих культур лесостепного Дона С. 69.

[3] Типологическому анализу керамики нижнедонской культуры посвящена одна из работ Н.С. Котовой (см.: Котова Н. С. Раннеэнеолитическая керамика Среднего Дона I // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984).

дено несколько кружковых бусин из раковины Unio. По всем признакам это погребение соотносится с захоронениями могильников мариупольской культурно-исторической области.

В этой же связи можно привлечь грунтовый могильник с вытянутыми погребениями на р. Чир в правобережье Нижнего Подонья, который с полным основанием следует относить именно к нижнедонской культуре. Могильник[1] содержал грунтовые погребения по типу мариупольские могильников (в одной могиле находилось пять скелетов, во второй — три). По сообщению А. Яковлева, скелеты лежали рядами плечом к плечу, черепами на запад. Скелеты и заполнение могил окрашены красно-бурой охрой. В могилах найдены наконечники стрел треугольной формы и кремневые ножи на ножевидных пластинах.

Как уже отмечалось выше, поиски аналогий материалам нижнедонской культуры в свое время привели нас к памятникам Нижнего Дона, что и послужило основанием для названия выделяемой культуры. Данная линия сопоставлений получила ныне дополнительное подтверждение новыми материалами из того же региона. Особенно отметим поселение Раздорское 1, где на основании стратиграфии В.Я. Кияшко расчленил материалы нижнедонской культуры на два хронологических горизонта, что в целом позволило исследователю говорить о двух этапах ее развития[2]. Наиболее выразительно на Раздорском поселении представлены признаки первого (раннего) горизонта. Сюда относятся фигурка быка из клыка кабана, прямоугольная раковинная пластина, обломок крупного каменного тесла (весьма сходного с теслами из поволжских могильников Съезжинского и «Липовый овраг»), воротничковые сосуды с небольшими плоскими донцами. Важно отметить, что здесь же наряду с названными изделиями выявлены кремневые и кварцитовые орудия, выполненные в технике микролитических пластин. Совокупность таких материалов расширяет и, одновременно, конкретизирует содержание культуры. Вместе с тем необходимо хотя бы в общих чертах оговорить степень единства памятников нижнедонской культуры в лесостепной и степной частях их распространения. Данный анализ по известным причинам можно предпринять пока в суммарном рассмотрении керамического материала.

Наблюдаемое в целом единство нарушается лишь таким показателем, как ограниченное число сосудов с раковинной примесью в лесостепи и полное преобладание таковых в степи; значительно больше процент включения в орнамент последних оконтуренных лент, зигзагов, мотива «шагающей гребенки», а также сосудов с плоским дном. Нетрудно заметить, что все эти различия, во-первых, не имеют определяющей роли для культурно-хронологических оценок, а во-вторых, они происходят не из подосновы сложения культуры, но являются следствием более сильного воздействия на степное Подонье в начале энеолита со стороны культур Поволжья и Прикаспия. Вместе с тем проявление такого синкретизма делает целесообразной постановку во-

[1] См.: Яковлев А. Плоские могилы на р. Чир в Донской области // Труды Харьк. предварит. комитета по устройству XII арх. съезда в г. Харькове. Харьков, 1902. Т. 1. С. 143-146.

[2] См.: Кияшко В.Я. Многослойное поселение Раздорное 1 на Нижнем Дону // КСИА. 1987. № 192.

проса о разделении нижнедонской культуры на лесостепной и степной варианты[1].

Касаясь границ распространения нижнедонской культуры, отметим, что на ряде памятников Нижнего Дона, и прежде всего в районе станицы Цимлянской, часть воротничковой керамики уже близка материалам прикаспийской культуры. Видимо, место наибольшего сближения Дона и Волги было затронуто широкими связями Прикаспия с лесостепным Поволжьем, тогда как севернее по Дону эти связи отражены лишь небольшим количеством прикаспийских признаков. Вероятно, именно район станицы Цимлянской и является пограничьем двух названных культур. Граница же нижнедонской и самарской культур пока не устанавливается из-за слабой исследованности водораздела Дона и Волги. Но интересно отметить находки нижнедонской керамики на многослойном поселении Ерзовка 1 в Правобережье Нижнего Поволжья[2]. Западная граница нижнедонской культуры едва ли уходила дальше Оскола, где на ряде пунктов, в том числе и на известном поселении Александрия[3], встречены лишь отдельные фрагменты керамики этой культуры. По такому же признаку определяется и северная ее граница — примерно до средней части лесостепного Подонья (по течению р. Матыра), а выше уже господствуют синхронные памятники ямочно-гребенчатого неолита рязанско-долговского типа. Несмотря на предполагаемый нами относительно скоротечный (одноэтапный) период бытования в донском лесостепье стойбищ нижнедонской культуры, их присутствие наложило свой отпечаток на культуру местного неолита. В частности, на Черкасской стоянке есть группа керамики, выделенной нами в «черкасский тип». Эта керамика, по сути, сохраняет все признаки накольчатых неолитических сосудов, но получила новую форму и стиль воротничкового оформления венчика. Отметим, что все такие сосуды по срезу венчика «гофрированы» или имеют насечки — признак, более характерный для последующих стадий энеолита. У нас нет оснований рассматривать такие материалы в качестве «переходных», а следовательно, предполагать развитие нижнедонской культуры на местной неолитической основе. Синкретический их характер несомненен. Во-первых, они составляют очень небольшой процент от общего количества материалов неолитических стоянок Верхнего и Среднего Дона. Помимо Черкасской, такая керамика встречена лишь единично на памятниках по течению рек Тихая Сосна и Воронеж. Она совершенно отсутствует на тех неолитических стоянках, где нет нижнедонской керамики. Во-вторых, воротнички на ряде сосудов черкасского типа имеют желобчатость — признак, безусловно, поздний

[1] Сравнительно недавно Н.С. Котова решила изменить название нижнедонской культуры: в одном случае на «черкасскую» (см.: Котова Н.С. Раннеэнеолитичсская керамика Среднего Дона. С. 130-139), а в другом — на «воронежско-донскую» (см.: Котова Н.С. Культура позднего неолита — раннего энеолита днепро-донецкого междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1990. С. 7-9). Стремление исследователя внести свою лепту в арсенал терминологической номенклатуры можно понять. Однако культура вошла в научный оборот задолго до начала раскопок Раздорского поселения, а слои 5-4 Ракушечного Яра (откуда получены аналогии материалам лесостепного Дона) тогда рассматривались как развитие ракушечноярской неолитической культуры. Так, может, не стоило бы усложнять переделыванием названий культур и так перегруженную терминологию? Наверное, следует оставить право и за авторами раскопок памятников Нижнего Дона Т.Д. Белановской и В.Я. Кияшко самим распорядиться названиями выделяемых ими культур.

[2] См.: Дьяченко А.Н. Новый памятник энеолита и бронзы в Нижнем Поволжье // Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж, 1993. С. 23, рис. 2, 2.

[3] См.: Телегин Д.Я. Энеолитическое поселение и могильник у хутора Александрия // КСИА АН УССР. Киев, 1959. Вып. 4.

для воротничковых культур мариупольской области. Добавим, что к этой группе по всем признакам можно отнести несколько сосудов, имеющих высокие профилирующиеся венчики, типологически сближающиеся уже со среднестоговскими и даже с репинскими. В глине их наблюдается ракушечная примесь — характерный признак последующих культур донского энеолита. Кстати, примесь ракушки отмечена и у некоторых других сосудов черкасского типа. Отсюда следует третий вывод, подтвержденный и стратиграфией Черкасской стоянки, где накольчатая керамика залегала и выше горизонта нижнедонской культуры: местная неолитическая культура (уже в пережиточно неолитическом качестве) сохранилась на стадии раннего энеолита в подавляющей своей части, а затем вошла в соприкосновение и со среднестоговской, и с репинской культурами на их ранних фазах развития. Добавим, что на первой стадии энеолита данный процесс отражен и появлением на Осколе материалов александрийского типа (как следствие контакта азово-днепровской и нижнедонской культур с неолитической днепро-донецкой)[1].

Из сказанного следует, что при изучении генетических истоков и территории формирования нижнедонской культуры поиски в южном направлении остаются решающими.

Влияние же самарско-прикаспийской общности, несомненно, было, но не оно определяло складывание специфических культурных признаков. Достаточно сказать, что прием нанесения «шагающей гребенки» на местных сосудах буквально единичен, хотя нами не исключается единая зона зарождения самого гребенчатого орнамента, типичного как для самарской и прикаспийской, так и для нижнедонской культур. В данном же случае это единство несет опосредованный характер и, как показывает сопоставление орнаментации сосудов, близкое этническое родство носителей нижнедонской культуры с племенами самарско-прикаспийской общности пока представляется проблематичным.

Поглубинное размещение в слое Черкасской стоянки разнокультурных групп материалов свидетельствует о появлении нижнедонской культуры в период, синхронный не развитым фазам местного неолита, а поздним. Аналогичная ситуация отражена на стоянках Дрониха, Копанище 1, где материалы нижнедонской культуры неизменно подстилались материалами позднего накольчатого неолита. Напомню весьма интересную стратиграфическую ситуацию на стоянке Университетская 3 (низовье р. Воронеж), где одна из хозяйственных конструкций с остатками дерева, в основании которой выявлена ямочная керамика рязанско-долговского неолита, перекрывалась через стерильный слой жилищем с материалами нижнедонской культуры[2].

Вновь обращаясь к керамическому комплексу из жилой постройки Черкасской стоянки, мы найдем аналогии их признакам в материалах и самарской, и азово-днепровской культур первого этапа их развития. При этом устанавливаемое сходство с самарской культурой в большей степени дает основание для синхронизации (манжетовидный воротничок, плоское вогнутое донышко, гребенчатый и прочерченный элементы орнамента, наличие в нем волны и зигзага), нежели для определения степени культурного родства, поскольку налицо различие таких признаков, как способ обработки поверхности, тип и прием нанесения гребенчатого штампа и т.д. Сле-

[1] См.: Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит восточноевропейской лесостепи. С. 22-23.

[2] См.: Синюк А.Т. Неолитический материал нижневоронежской многослойной стоянки Университетская 3 // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. Воронеж, 1978. С. 26-62.

довательно, можно предположить, что такие общие керамические признаки, как воротничок, плоскодонность и орнаментальная волна, были восприняты на Дону примерно в одно время с появлением их в самарской и прикаспийской культурах. Интересно, что посуда первого этапа азово-днепровской культуры, при известном своеобразии, обнаруживает наибольшее сходство именно с материалами лесостепного варианта нижнедонской культуры, а кремневый микролитический инвентарь хорошо сопоставляется с материалом первого этапа (по В.Я. Кияшко) степного варианта нижнедонской культуры. С этим же временем сопоставимы и погребальные комплексы азово-днепровской культуры, включающие каменные тесла, пластины из клыков кабана и перламутра — аналоги находкам из Съезжинского могильника и раннего энеолитического слоя Раздорского поселения.

С другой стороны, в комплексе Черкасской стоянки есть сосуды, уже обладающие признаками культур хвалынско-среднестоговской области (высокий, иногда желобчатый венчик). Отметим также и «перевернутую» стратиграфию стоянки Дрониха, где устройство могильника среднестоговского типа предшествовало появлению жилой постройки нижнедонской культуры с материалами, аналогичными черкасским. Здесь, как видим, отражены те же процессы, которые характеризуют поздний рубеж азово-днепровской культуры, а именно: включение среднестоговских признаков. В частности, таковы погребения Мариупольского могильника с согнутыми ногами, некоторые вытянутые захоронения под каменными закладами или в сопровождении сосудов и т.д. В целом такого рода признаки и отражают завершение бытования культур мариупольской области.

Таким образом, как будто бы устанавливаются принципиально единые хронологические рамки существования этих культур. Речь, следовательно, должна идти об устранении противоречий в определении начальной и конечной дат бытования культур мариупольской области.

Наша оценка материалов Верхнего и Среднего Дона существенно расходится с имеющимися разработками периодизации и хронологии других культур мариупольской области, включая и степной вариант нижнедонской культуры. Является ли это отражением узко региональной специфики или же это следует отнести на счет недостатка источников и методики их исследования? Нельзя исключать ни того, ни другого. Пока же мы придерживаемся мнения, что носители нижнедонской культуры, продвинувшись из низовий Дона, освоили лишь южную часть донской лесостепи, причем период сохранения раннего облика их культуры был непродолжительным (если принять во внимание относительную единовременность комплексов с признаками многовариантности и слабые по мощности горизонты сезонных стойбищ). Возможно, что этот период мог включать историю не одного, а нескольких поколений, но на фоне сочетания и «ранних», и «поздних» признаков культур мариупольской области. Он определяется временем после проникновения на Средний Дон первых групп носителей рязанско-долговской культуры с керамикой лесного неолита (данные стоянки Университетская 3) и началом формирования среднестоговских традиций (данные стратиграфии стоянки Дрониха), т.е. в пределах конца первой половины — середины IV тыс. до н. э., с возможным отклонением во вторую половину этого тысячелетия.

Основой экономики носителей нижнедонской культуры, подобно племенам других культур мариупольской области, являлось скотоводство, причем, как пока-

зывают материалы, в его рамках складывалась коневодческая специализация[1]. Для донской территории это документируется находками костей лошади в слоях стоянок и в погребении. Носители нижнедонской культуры и в новых условиях обитания продолжали сохранять относительно подвижный образ жизни, подтверждением чему служат малые размеры жилищ без очагов и временный характер самих стоянок.

Судя по всему, проникновение первых скотоводческих групп в донскую лесостепь имело быстротечный миграционныйй характер, и в этом процессе участвовало сравнительно небольшое количество людей, о чем говорит малочисленность самих стоянок. По крайней мере, пришельцы не сменили состав местной неолитической этнокультурной среды, хотя признаки взаимодействия отражены находками керамики черкасского, а также александрийского типа. Можно предполагать мирные формы взаимодействия, основанного на развитии обмена, чему способствовала и специфика природных условий лесостепного региона.

Среднестоговская культура наиболее ярко представлена материалами из раскопок стоянок Университетские 1 и 3, Копанище 1, Черкасская. В остальных случаях мы имеем находки, связанные, надо полагать, с местами перекочевок. Такие местонахождения территориально представлены значительно шире, чем материалы нижнедонской культуры. На западе, по р. Осколу, как и на юге, они фактически смыкаются с памятниками этой культуры Днепровского Левобережья и Нижнего Дона. На севере среднестоговская керамика выявлена в верхнем горизонте Долговской стоянки (Верхний Дон), а на востоке она встречена совместно с хвалынской энеолитической керамикой на поселении Ерзовка и в ряде других мест Правобережья Волги и Волго-Донского междуречья.

Среднестоговские сосуды имеют в глине ракушечную примесь, остродонны, с высокими, резко выделенными от корпуса прямыми или слегка желобчатыми венчиками. Сосуды орнаментированы в верхней половине преимущественно гребенчатым штампом, составленным в пояски из наклонных оттисков в виде горизонтальных «пунктирных» линий. Штамп нередко образует мотив зигзага. Кроме того, в орнаментации часто использовались прочерченные линии и наколы, а также ямчатые вдавления, создающие композиции, сходные с орнаментальными традициями сурской неолитической культуры.

Вышеназванные признаки характерны для керамики, выделяемой исследователями в рамках раннего этапа среднестоговской культуры (майорский, квитянский, волошский типы)[2]. Но эти же признаки обнаруживают себя прежде всего в материалах нижнедонской культуры. Последние на донских стоянках, как правило, стратиграфически подстилают среднестоговские материалы. Здесь же можно проследить и развитие форм венчиков от сосудов с манжетовидными воротничками. Однако имеются и некоторые различия. Так, у нижнедонских сосудов лишь в единичных случаях отмечена ракушечная примесь; у них почти неизвестны ямчатые вдавления и прямые прочерченные линии в линейно-ленточных сочетаниях; среднестоговские сосуды более тонкостенны и почти не несут на поверхностях следов крупной штриховки, тогда как нередко наблюдается прием их лощения; орнаментировались они только на верхней половине, причем часто украшался срез венчика, что совсем не

[1] См.: Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит восточноевропейской лесостепи. С. 27-39.

[2] См.: Телегин Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді; Даниленко В.Н. Энеолит Украины. Киев, 1974.

характерно для сосудов нижнедонской культуры.

Названные отличия могли частично являться продуктом эволюции местных традиций, частично отражать процесс влияния со стороны сурской культуры, а в известной степени, они связаны с явлениями общестадиального характера. К последним, видимо, следует отнести распространение технологий добавления в тесто сосудов ракушечной примеси, переход к остродонным формам, а также, по аналогии с предшествующей стадией, прием оформления высокого горла.

В этой связи чрезвычайно важно открытие первого на Среднем Дону могильника среднестоговского типа[1]. Он расположен в урочище Дрониха близ села Старая Тишанка на площади многослойной стоянки, включает шесть погребений, из которых три — парные. Погребения размещены в одну линию через равные промежутки. За исключением одного, все они принадлежали взрослым индивидам. Парные погребения — разнополые. Они характеризуются скорченным положением на спине с коленями, поднятыми вверх, с ориентировкой в северо-западном направлении, безынвентарностью и отсутствием посыпки охрой, хотя некоторые скелеты имеют буроватый оттенок. Они отличаются большими размерами и единством антропологического типа, близкого европеоидам неолито-энеолитических могильников Днепровского Левобережья (определение В.П. Алексеева).

Несмотря на то, что в слое памятника среднестоговская керамика единична, все отмеченные погребения по сумме признаков сопоставимы именно с этой культурой. Важно отметить, что в одной линии с парными погребениями выявлено ритуальное захоронение двух собак в яме усеченно-конической формы с небольшим подбоем по периметру основания. Скелет крупной особи лежал на левом боку и ориентирован на север, а второй — небольших размеров, располагался на задних лапах первого. Это «парное» захоронение было перекрыто прослоем углей и золы, но, судя по отсутствию следов огня на самих костях, угли попали сюда в остывшем состоянии. На уровне этого прослоя обнаружена крупная кремневая пластина со скошенным концом, обработанным ретушью. Стратиграфически яма соответствует другим погребениям могильника. Ритуальные захоронения собак известны прежде всего на памятниках среднестоговской культуры.

Некоторое своеобразие могильника выразилось в отсутствии погребального инвентаря. Весьма симптоматично отмеченное нами выше присутствие на памятнике материалов нижнедонской культуры.

Мы не настаиваем на тезисе о формировании раннего ядра среднестоговской культуры именно в пределах Среднего Дона, и только здесь. Возможно, что на Среднем Дону нижнедонская и среднестоговская культуры соотносятся как близкородственные, но территориально опосредованные образования с хронологическим приоритетом первой. Процесс становления среднестоговской культуры охватывал значительно более широкие территории. Но он обязательно предполагает в качестве генетической подосновы нижнедонскую культуру мариупольской культурной области. Возможно, в наиболее «классическом» виде этот процесс проходил в степном Подонье, где существовали традиционные связи с такими культурами, в сосудах которых ракушечная примесь использовалась издревле.

На Среднем Дону сейчас известны и отдельные находки керамики поздней сур-

[1] См.: Синюк А.Т. Об энеолитических могильниках лесостепи (по материалам Дона) // СА. 1984. № 3. с.105-121.

ской культуры[1] — второго формирующего компонента среднестоговской культуры. Есть сурская керамика и на Осколе, в частности на поселении Александрия, где вытянутые захоронения принадлежали, на наш взгляд, носителям именно нижнедонской культуры.

В целом же ранние среднестоговские материалы Среднего Дона полностью смыкаются с осколо-донецкой группой, хотя одновременно по ряду орнаментальных построений, технологии и форме они очень близки и материалам степного Поднепровья. Есть на Среднем Дону и материалы, сопоставимые с поздним, шнуровым, периодом среднестоговской культуры. Отмеченные признаки, включая и черты погребального обряда, позволяют рассматривать местные материалы в рамках единой культурной области среднего энеолита Восточноевропейской степи и лесостепи, а вместе с этим предполагать сходство этапов развития, форм хозяйствования, социального уровня и идеологии оставившего такие памятники населения.

Д.Я. Телегин датирует среднестоговскую культуру от начала второй половины IV тыс. до н. э. до середины III тыс. до н. э., и, по мнению исследователя, она лишь на своем заключительном этапе недолго сосуществует с наиболее ранними памятниками ямной и майкопской культур[2]. Предложенная начальная дата среднестоговсской культуры находится в соответствии с нашим представлением о ее генетической связи с нижнедонской культурой, а конечный рубеж мог и не быть единовременным на всей обширной территории распространения среднестоговских памятников. Например, на Среднем Дону сосуды с несомненно среднестоговскими чертами выявлены в погребениях Сасовского могильника, уже имеющих признаки хронологической стыковки с ранним катакомбным миром[3]. В бассейне Донца, в инвентаре одного из среднестоговских погребений Константиновского могильника, находился кремневый наконечник стрелы с выемкой в основании — ямно-катакомбного типа (Раскопки С.Н. Братченко).

Коневодческий характер среднестоговских племен получил обоснование при изучении памятников сопредельных территорий[4]. И хотя в нашем распоряжении каких-либо данных нет, это заключение не только не противоречит, а служит дополнительным подтверждением правомерности поисков истоков коневодства в среде носителей нижнедонской культуры — одной из подоснов культуры среднестоговской.

Имеющиеся материалы показывают, что племенам среднестоговской культуры не была чужда социальная дифференциация. В этом плане сошлемся на парные одновременные разнополые захоронения Дронихинского могильника, относимые нами к раннему периоду культуры. Как справедливо полагают исследователи, экономическая и правовая основы брака исключали возможность убийства свободной женщины в случае смерти ее мужа[5], и в возникновении погребений, где женщина должна рассматриваться как наложница[6], отражены явления социального неравенства. В сфере отношений в среднестоговском обществе имели место и патриархат, и патрилокальные связи.

Весьма показательно и «парное» захоронение собак на могильнике. Надо по-

[1] См.: Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986. С. 88-89.

[2] См.: Телегин Д.Я. Средньостогівська культура епохи міді.

[3] См.: Синюк А.Т. Сасовские курганы на реке Потудани // Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж, 1983.

[4] См.: Телегин Д.Я. Средньостогівська культура епохи міді.

[5] См.: Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. М., 1977. С. 224.

[6] См.: Там же. С. 217.

лагать, что период развития скотоводческого хозяйства обусловил особое значение собаки и появление специфического культа этого животного, а также его участие в ритуальных действиях. Еще раз отметим, что захоронение собак на Дронихинском могильнике — не единственное для среднестоговской культуры. Тем самым проявляется универсальный характер распространения у древних народов культа животных, имевших непосредственное отношение к производственной деятельности. В скотоводческом энеолите — это, прежде всего, лошадь и собака. Сходной для всего периода энеолита была и форма социальной иерархии с институтом вождей, о чем говорят находки наверший инсигний власти.

Репинская культура рассматривается нами как явление, связанное своим происхождением со среднедонской территорией[1]. На завершающих стадиях своего бытования признаки репинской культуры распространились по обширной области Днепро-Доно-Волжского междуречья и Северного Прикаспия. В настоящее время известно уже несколько десятков поселений, могильников и отдельных погребений, а также большое количество находок, сопряженных с маршрутами перекочевок. Среди наиболее значимых памятников Верхнего и Среднего Дона отметим поселение у Хутора Репин (давшего название культуре), стоянки Верхний Карабут, Богословскую, Шиловскую, Университетские 1 и 3, Копанище 1, Черкасскую, Большой Липяг; могильники 2-й Дронихинский, Иванобугорский, Мосоловский.

Как и для вышерассмотренных культур, одним из определяющих признаков репинской культуры служит керамический материал. Сосуды имеют форму круглодонных горшков с высоким желобчатым или раздутым в средней части венчиком, резко отделенным от яйцевидного тулова. Единичными экземплярами представлены миски. Глиняное тесто сосудов содержит толченую ракушку, на поверхностях имеются косо-вертикальные расчесы. Венчики некоторых сосудов несут следы лощения. На венчике, чаще в его средней части, обязателен ряд ямок или жемчужин (выпуклости от вдавления с внутренней стороны). Украшались сосуды по верхней половине, и лишь в отдельных случаях орнамент опускается ниже. Орнаментальные элементы: гребенчатый и «отступающий» штампы, прочерченные линии, шнур. Единичны сосуды с ямчатыми вдавлениями и с пальцевыми защипами. Большинство названных элементов орнамента выступают в сочетании, причем улавливаются и некоторые устойчивые их комбинации. Так, прочерченный орнамент встречен, главным образом, на сосудах с ямками по венчику; на сосудах же с жемчужинами чаще присутствует шнуровой элемент.

Для определения хронологического соотношения такого рода сочетаний весьма интересными оказались материалы стоянки Университетская 3, где репинские сосуды (здесь выявлены развалы и венчики от 85 горшков) сопоставляются по уровню залегания. Сосуды, располагавшиеся в верхнем горизонте слоя, отличались от нижележавших преобладанием жемчужного орнамента, шнурового элемента, уменьшением роли отступающего штампа и наколов. Хронологический характер этих отличий подкрепляется и преобладанием в верхнем горизонте сосудов со слабо выделенным желобчатым венчиком, скупо орнаментированных лишь жемчужинами и насечками по срезу, а также сосудов яйцевидной формы с прямым или несколько стянутым вовнутрь невыделенным верхом, но во всем остальном сохранявших признаки репинских горшков. Кстати, в этом же горизонте найдена округлодонная миска, выполненная в репинской манере.

[1] См.: Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита — бронзы в бассейне Дона.

Таким образом, статистико-стратиграфические данные стоянки позволяют говорить о хронологической неоднородности репинских материалов. В то же время критерием такого членения пока может служить лишь процентное соотношение тех или иных признаков и сочетаний, а не каждый из них в отдельности.

В целом же можно считать, что для первого хронологического этапа репинской культуры характерны круглодонные сосуды с ракушечной примесью в тесте, с резко выделенным желобчатым венчиком, с господством в орнаментации оттисков мелкой гребенки, составленных в горизонтальные пояски, с рядами ямок по венчику, с присутствием прочерченного элемента, отступающего штампа и мотива горизонтального зигзага. На Репинском поселении гребенчатый штамп украшает свыше 70 % сосудов; прочерченный орнамент и отступающий штамп — по 15 % от всех других; у 70 % сосудов имеются ямки на венчике, и в таком же процентном соотношении — горизонтальный зигзаг. На этом памятнике, следовательно, явно преобладают ранние признаки.

Второй хронологический этап репинской культуры характеризуется признаками «деградации»: появлением у сосудов невысокого, иногда слабо профилированного венчика, сосудов баночной формы, уменьшением роли ракушечной примеси, преобладанием в украшении шнурового элемента и жемчужин.

В бассейне Верхнего и Среднего Дона отмечены как ранние, так и поздние комплексы репинской керамики. На Нижнем Дону ранних материалов пока не обнаружено. Только поздними признаками культуры характеризуются материалы и с большинства памятников Осколо-Донецкого района, а также западного (Днепровского) и Волго-Уральского междуречья.

Таким образом, раннее ядро репинской культуры ограничивается пределами Среднего и Верхнего Дона. Сопоставление ее материалов с материалами предшествующей нижнедонской культуры этой же территории (нередко встречаемых в слоях одних и тех же стоянок), со всей определенностью позволяет говорить о их прямой генетической связи, т. е. о вырастании репинской культуры из нижнедонской.

Хронологическая преемственность материалов этих культур документируется всеми имеющимися случаями стратиграфии донских стоянок. Она отражена в единстве таких признаков, как способ обработки поверхностей сосудов крупными расчесами, господство в орнаментации гребенчатого штампа в виде горизонтальных поясков, наличие волнисто-прочерченного и зигзагового узоров и т.д. Близки сосуды двух культур и своей относительной толстостенностью, и характером оформления верха. Эволюция воротничков в высокие желобчатые и раздутые венчики достаточно убедительно подтверждается целым рядом промежуточных форм. Иногда лишь предположительно можно распределять некоторые фрагменты по этим культурам. По большому счету, желобчатый венчик тоже следует рассматривать как модифицированный воротничок, поскольку он имеет тот же выступающий внешний абрис.

Вместе с тем керамика репинской культуры приобрела и ряд устойчивых отличительных признаков. Это, прежде всего, ракушечная примесь, ямки, а позднее жемчужины по венчику, шнур. Данные признаки, наряду с выработкой стандарта желобчатого венчика, определяют культурную специфику репинских сосудов, а так же помогают уяснить некоторые особенности исторической ситуации в период завершения бытования нижнедонской культуры.

Напомним, что ракушечная примесь, тип высокого венчика и прием его лощения характеризуют и посуду среднестоговской культуры. Следовательно, можно говорить о близкородственных линиях развития этих культур, выходящих из единой

(нижнедонской) генетической подосновы. Но необходимо также учитывать и то обстоятельство, что раннее ядро среднестоговской культуры формировалось в широких пределах Подонья и в примыкающих районах лесостепи во взаимодействии с поздними сурскими традициями, а репинская культура — в известной изоляции, на основе круга памятников нижнедонской культуры лишь Среднего и Верхнего Дона.

По данным стоянки Университетская 3 можно предполагать, что процесс зарождения среднестоговской культуры проявил себя несколько раньше, чем репинской. Как результат этого, формирующиеся среднестоговские черты нашли отражение и в складывании репинской культуры. Именно на рассматриваемой территории встречены материалы смешанного среднестоговского-нижнедонского типа, которые одновременно могут рассматриваться и как формирующиеся репинские.

Говоря о более узкой базе зарождения репинской культуры, необходимо одновременно фиксировать и участие в этом процессе традиций местной неолитической культуры (например, ямки по венчику, накольчатый орнаментальный элемент и отступающий штамп).

Еще более выраженное консервирование традиций нижнедонской культуры в культуре репинской, в сравнении со среднестоговской, проявилось в погребальном обряде. Есть основание считать, что 2-й Дронихинский могильник (на площади стоянки, в соседстве с рассмотренным нами выше среднестоговским могильником) принадлежал населению именно репинской культуры[1]. Погребения, а их выявлено 12, ориентированы на восток и северо-восток. Большинство из них — одиночные, в положении вытянуто на спине. Более половины их принадлежало детям. Инвентарь отсутствовал, за исключением пастовых бус голубого и синего цвета, найденных в области шеи одного из погребенных. Следов охры ни в одном случае не прослежено. Прямую параллель этим погребениям можно провести с вытянутыми захоронениями Иванобугорского могильника, располагавшегося на р. Битюг (поблизости от Черкасской стоянки), примерно в 70 км ниже Дронихинского могильника.

Иванобугорский могильник представлял собой редкий тип памятника, сочетавшего нормы ранних грунтовых могильников и традицию устройства курганной насыпи. Помимо захоронений древнеямной, катакомбной и срубной культур, здесь находилось 18 погребений, вытянутых на спине в спеленутом состоянии, на что указывали плотно сведенные ноги и руки, в ряде случаев с размещением костей под тазом. Имеющиеся факты прямой стратиграфии свидетельствуют о предшествовании вытянутых захоронений скорченным. Вытянутые погребения, за исключением одного, — одиночные. Они различаются по уровню залегания, что отражает принцип устройства индивидуальных могил, хотя контуры самих погребальных ям зафиксированы лишь дважды (прямоугольная с сильно заоваленными углами, и узкоовальная). Вместе с тем наблюдалась определенная система в устройстве погребений вокруг центра насыпи. Их радиальное размещение наиболее четко определялось для группы с ориентировкой на восток и юго-восток, самой многочисленной и, видимо, самой ранней. Данное заключение основано на том, что во всех фиксировавшихся случаях они либо перекрывались, либо разрезались вытянутыми же погребениями, но с ориентировкой на северо-восток или северо-запад. Таким образом, различия в ориентировке вытянутых погребений на данном памятнике несут хронологический характер, ввиду чего выделяются три их группы. Самой поздней из них является третья группа (погребения с северо-западной ориентировкой), включавшая сосуды

[1] См.: Синюк А.Т. Об энеолитических могильниках лесостепи.

с пережиточными репинскими чертами.

Из десяти погребений первой группы лишь два сопровождались охрой и одно — меловой крошкой. У пояса одного из погребенных с правой стороны находились раковинные бусы диаметром до 1,5 см, а на запястье левой руки — такие же бусы, но меньшего диаметра. Аналогичные бусы сопровождали и другого погребенного, но размещались на черепе и под ним, определяя тем самым принадлежность головному убору.

Погребения второй группы (их всего четыре), за исключением ориентировки, аналогичны предыдущим. Слабая посыпка охры отмечена лишь у головы более крупного скелета в парном одновременном захоронении.

Возможно, что еще один репинский могильник размещен на площади Мосоловского поселения эпохи поздней бронзы в среднем течении Битюга, примерно в 40 км выше Дронихинского могильника. Он включал три взрослых захоронения на спине (позиция ног не определялась) с южной и юго-восточной ориентировкой. Охра и инвентарь отсутствовали, но рядом с плечом одного из скелетов находился обломок типичного репинского сосуда (раскопки В.И. Сагайдака; сосуд хранится в краеведческом музее р. п. Анна Воронежской области).

На Среднем Дону встречены и одиночные погребения репинской культуры. Одно из них, близ села Подгорное (левобережье Среднего Дона), было обустроено прямоугольным кромлехом. В могильной яме находился типичный репинский сосуд. При этом следов охры на сохранившихся участках пола ямы и на костях скелета не зафиксировано[1].

Интересно отметить, что немногочисленные пока случаи обнаружения репинских сосудов в курганах Доно-Волжского региона и Предкавказья связаны именно с вытянутыми погребениями[2].

Таким образом, устанавливаются характерные признаки погребального обряда у носителей репинской культуры: устройство грунтовых могильников, вытянутое положение умерших с ориентировкой в восточную половину круга горизонта; бескерамичность; незначительная роль применения охры. Обрядовые же новации (устройство насыпей, кромлехов, сопровождение сосудами) можно рассматривать как следствие воздействия традиций древнеямной этнокультурной среды.

Рассмотренные могильники могли быть оставлены только населением репинской культуры. С одной стороны, вполне объяснимо, что их обрядовость нашла продолжение в иванобугорских захоронениях (третья группа Иванобугорского могильника), поскольку сохранение репинских традиций мы фиксируем и в иванобугорской керамике (о чем мы будем говорить ниже). С другой стороны, ярко выраженная преемственность гончарных традиций репинской культуры от нижнедонской предполагает сохранение и других признаков культуры, в том числе обряда вытянутых захоронений. В эту же линию преемственности выстраиваются кружковые бусы из раковин, бескерамичность погребений. По имеющимся наблюдениям можно предполагать, что наряду с техникой изготовления орудий на кремневых и кварцитовых отщепах (Репинское поселение) продолжалось использование и техники пластин (Большой Липяг, Верхний Карабут), включая изготовление микровкладышевых

[1] См.: Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В И. Новостроечные раскопки древних курганов в Воронежской области. Воронеж, 1990.

[2] См.: Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА. 1960. № 70. С. 227, рис. 22, 3; Латынин Б.А. Молоточковидные булавки и их культурная атрибуция и датировка // АСГЭ. 1967. Вып. 9. С. 66, рис. 65; Даниленко В.Н. Энеолит Украины. С. 68-69, рис. 42.

орудий[1]. Характерно, что несколько микронуклеусов выявлено в верхнем горизонте энеолитического слоя стоянки Университетская 3[2], где особенно представительной оказалась серия репинских сосудов. В такого рода признаках также нельзя не усмотреть сохранения традиций местного раннего энеолита.

К кругу культур мариупольской области восходят и истоки утверждения коневодства как ведущей отрасли скотоводческого хозяйства населения репинской культуры. В частности, на Репинском поселении кости лошади составляли 80 % от всего остеологического материала[3].

С началом древнеямного воздействия (на Среднем Дону время появления первых древнеямных памятников мы предполагаем не ранее середины III тыс. до н.э.[4]) репинская культура входит в стадию своего распада, сопровождающуюся процессами миграций и диффузий. Именно с этого времени отдельные ее памятники и появляются в Нижнем Подонье и в Степном Поволжье, в бассейне Донца и в Приднепровье. Отмечается и северное направление отхода репинских групп — в верховья Дона[5] и даже в районы средней Оки. Рассредоточение репинской культуры проходило под сильным влиянием синхронных культур, определявших этнокультурный фон того или иного региона. Строго говоря, поздний этап репинской культуры для широких территорий может характеризоваться лишь отдельными памятниками или элементами традиций, а не устойчивым культурным образованием. Особенно это относится к степным пространствам, где репинская культура была поглощена культурами древнеямного мира.

В общих чертах первый этап репинской культуры синхронизируется с первым периодом среднестоговской культуры, несколько уступая последней по времени своего оформления (если принимать во внимание данные стоянки Университетская 3), т. е. начальную дату можно отнести ко второй половине — концу IV тыс. до н. э. Более же точная датировка всецело зависит от того, насколько верным окажется определение хронологических рамок нижнедонской культуры Среднего Дона, ибо генетическая связь этих культур для нас несомненна. Второй этап репинской культуры (в ходе ее деструкции) может датироваться от середины III до рубежа III и II тыс. до н.э.

Очевидно, что на первом этапе она была не только синхронна среднестоговской и хвалынской культурам, но являлась составной частью обширной культурной области развитого энеолита. В генетическом же плане она ближе соотносится с культурой среднестоговской, нежели с хвалынской.

Таким образом, специфические черты репинской культуры выражаются в сохранении традиций предшествовавшей стадии энеолита. Длительное сохранение старых традиций параллельно процессу формирования культур, определявших уже новую стадию развития, составляет важную специфику лесостепной зоны.

Распространение на лесостепных пространствах ямных племен знаменует начало новой археологической эпохи. Вместе с изделиями из бронзы ямные племена принесли с собой развитые формы скотоводческого хозяйства, характеризуемого,

[1] См.: Левенок В.П. Исследования в зоне Липецкого моря // АО 1967. М., 1974.

[2] См.: Синюк А.Т. Неолитический материал нижневоронежской многослойной стоянки Университетская 3. С. 41, 55, рис. 13, 6-9.

[3] См.: Телегин Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді. С. 73.

[4] См.: Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита.

[5] См.: Левенок В.П. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону. С. 245.

прежде всего, овцеводческой специализацией[1]. Этому сопутствовали новые идеологические представления и формы социально-политической организации. Материалы показывают, что значительная часть населения среднестоговской и репинской культур оказалась в сфере восприятия новых исторических тенденций на основе ассимилятивных процессов, и традиции их вошли составной частью в культуру древнеямных племен. Однако можно со всей определенностью говорить и о том, что некоторая часть энеолитического населения лесостепного Дона продолжала сохранять известную обособленность. Можно также считать, что обособление это имело несколько форм. Одна из них отражает включение традиций поздних неолитических культур северного (лесного) облика; другая же отражает в известной степени замкнутый процесс трансформации старых традиционных устоев.

Первая из названных форм определяет специфику иванобугорской культуры пережиточного энеолита. Прежде всего вновь обратимся к материалам памятника, давшего название культуре.

Вытянутые погребения третьей группы Иванобугорского могильника отличались от репинских, помимо северо-западной ориентировки, наличием сосудов. Сюда относится и захоронение ребенка — единственное среди вытянутых погребений сопровождавшееся костяным однозубым гарпуном с конической насадкой и небольшим остродонным сосудом, орнаментированным ямками, нанесенными в отступающей манере. Очень близок ему сосуд, располагавшийся у правой голени мужчины в другом погребении. Здесь же, справа от таза, лежала кость крупного животного; в ногах фиксировались органические останки от пелены, а у головы и туловища — охровая посыпка. Такое же расположение охры отмечено и в третьем захоронении. К этой группе примыкает и перезахоронение — компактно лежавшие диафизы ног взрослого человека вместе с верхней частью глиняного сосуда. Сосуд, при определенном своеобразии, несомненно близок рассмотренным. Он несет те же технологические признаки; венчик изнутри также имеет ребристый переход к тулову; сам венчик слегка раздут. Близки по манере нанесения «рамчатые» вдавления.

Эти сосуды, при кажущемся архаизме, занимают, по аналогии, вполне определенное место в системе стратиграфии ближайшей к могильнику Черкасской стоянки. Фрагменты сходных сосудов здесь залегали выше материалов и среднестоговской, и репинской культур их первого хронологического этапа, совместно с керамикой ямно-катакомбного типа. Не менее показательно сходство сосуда из перезахоронения с сосудом, найденным на Дону близ села Желдаковка, примерно в 40 км ниже от Черкасской стоянки. Последний несет те же технологические признаки и орнаментацию и вместе с тем имеет плоское дно[2]. Иванобугорская керамика обнаружена в береговых отложениях (стоянки Черкасская, Копа- нище 1 и др.), на первых надпойменных террасах (стоянки Верхний Карабут, Дрониха и др.), а также на высоких мысах коренных берегов Дона, Воронежа и других рек Донского бассейна (Мостище 1 и 2, Архангельское, Борщевское, Воргольское, Елецкое поселения; на этих местах нередко устраивались городища более позднего времени). Местонахождения иванобугорских материалов достаточно многочисленны, но чаще всего они маркируют кратковременные остановки на маршрутах передвижений. Поэтому особое значение приобрели раскопки двух поселений, расположенных у хутора Мо-

[1] См.: Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М, 1974.

[2] См.: Афонюшкин В.А. Сосуд из села Желдаковка // Труды Воронежск. краевед. музея. Воронеж, 1960. Вып. 1.

стище на высоких мысах правого берега реки Потудань, недалеко от ее впадения в Дон (Среднедонское Правобережье).

На первом из них устройству городища скифского времени предшествовало уникальное для Средней России сооружение из меловых камней, центральная часть которого представляла собой лабиринт в виде шести концентрических колец-эллипсов. Диаметр внешнего кольца составлял около 40 м, с расстоянием между кольцами от 1 до 2 м. Круги были выведены на высоту 0,4 м от основания слоя без использования связующего раствора. В ряде случаев между кругами фиксировались перемычки. Отметим, что кладки сохранились лишь фрагментарно, поскольку неоднократно подвергались разрушению и в раннем железном веке, и в эпоху бронзы. В своем же первоначальном виде это сооружение, надо полагать, имело более сложную архитектуру. Наличие здесь гранитных плит-реперов, размещенных в определенной симметрии по отношению друг к другу и сторонам света, позволяет само сооружение рассматривать в качестве древнего святилища-лабиринта[1].

Остатки каменных кладок, но уже имевших прямоугольное сопряжение, обнаружены и на расположенном по соседству 2-м Мостищенском поселении. Как и в первом случае, сооружение оказалось почти полностью разрушенным, хотя на площади поселения почти не отмечено следов скифского времени. Интересно, что развалины были «запечатлены» обломками сосудов катакомбной культуры и здесь же найдены два типичных ямно-катакомбных кремневых наконечника стрел с выемками в основании. Создается впечатление, что оба лабиринта были разрушены преднамеренно, и именно представителями катакомбного этнокультурного мира. Можно вполне определенно считать, что непосредственно связанными с функционированием лабиринтов являлись иванобугорские материалы. На первом поселении вокруг каменных кладок найдено большое количество керамики этого типа, включая несколько десятков развалов сосудов, а также кости животных, рыб и два костяных многозубых гарпуна. Ни в одном случае не отмечено каких-либо жилых или хозяйственных сооружений, которые можно было бы увязать с иванобугорскими материалами. То же самое наблюдалось и на втором поселении. Строго говоря, эти памятники не являлись поселениями, а представляли собой места ритуальных церемоний. Одновременно они могли быть и центром округи, где проводились важные общественные мероприятия.

Керамический материал Мостищенских поселений, при единстве всех отмечавшихся выше технологических признаков, дает основание для разработки более детальной типологии форм и орнаментации сосудов, что еще предстоит сделать. В общих же чертах отметим яйцевидные сосуды с высоким желобчатым или раздутым венчиком, с круглым и плоским дном и сосуды с укороченным венчиком при тех же признаках. Важно подчеркнуть, что края венчиков путем косого среза (чаще вовнутрь) оказываются приостренными, а сам срез, как правило, украшался. На таких сосудах встречаются мотивы орнамента в виде горизонтальных линий под венчиком, горизонтальной елочки, а также зон треугольников вершинами вниз. К этому добавим отдельные находки венчиков с жемчужинами и со шнуровым элементом орнамента. Нетрудно убедиться, что данные сосуды по форме и мотиву украшений имеют прямые аналогии в репинских материалах. Вместе с тем такие признаки, как отсутствие ракушечной примеси, тонкостенность, гладкие поверхности, наличие

[1] См.: Синюк А.Т. Каменный лабиринт в бассейне Дона // Задачи современной археологии: Тез. докл. конф. Суздаль, 1987. С. 230-231.

сосудов с невыделенным верхом, а главное, орнаментация ямками ромбической, подпрямоугольной и других форм в шахматном порядке, как и в целом предпочтение ромбического мотива, — более всего обнаруживают сходство с керамикой белевско-деснинского неолита поздних стадий.

Еще материалы среднестоговской и репинской культур несут отпечатки связей с северным неолитическим миром, однако эти связи не приводили к образованию устойчивых этнокультурных систем. На ранней стадии энеолита дело ограничилось появлением небольшого числа керамики черкасского типа. Иное произошло на пережиточно энеолитической стадии, когда одна из групп репинского населения и представители лесного неолитического этнокультурного мира путем взаимоассимиляции выработали облик своеобразной археологической культуры. От традиций первых она, как видим, сохранила обряд погребального устройства (третья группа Иванобугорского могильника), некоторые признаки гончарного производства (форма, мотивы орнаментов) и, возможно, определенные навыки производящего хозяйства (коневодство); а от вторых — многие признаки сосудов, включая элементы орнамента и орнаментальный стиль, а также навыки рыболовческого хозяйства и т.д. Не случайно в иванобугорских памятниках отмечены находки костяных гарпунов. Вероятно, не случайно и открытие в этой культуре каменных лабиринтов, аналогии которым известны именно в северных неолитических культурах. Нельзя не отметить и такие своеобразные черты иванобугорской керамики, как широкое распространение оттисков прямого гладкого или рубчатого штампа, пальцевых защипов и ногтевых вдавлений, отсутствие гребенчатого штампа, преобладание сосудов с плоскими днищами, наличие реберчатых форм сосудов и др. Некоторые из отмеченных признаков связаны уже с влиянием раннекатакомбной этнокультурной среды.

Пункты с иванобугорской керамикой прослеживаются на широкой территории, включая и северную часть бассейна Дона. Она встречена также на высоких береговых участках по течению рек Цны, Мокши и их притоков[1]. Тем самым определяются маршруты передвижения иванобугорских групп населения из бассейна Дона.

Хотелось бы обратить внимание и на следующее. Что могло побудить слияние культур скотоводческого облика и традиционного присваивающего (рыболовческого)? Для носителей первой из них такой процесс означал своего рода отход вспять и мог быть вызван лишь силовым воздействием. И именно с тем же временем совпадает активизация древнеямных племен, которые, несомненно, стали определять политическую ситуацию на донской территории. Совмещение в рамках одного региона репинской и древнеямной культур с экономикой сходного направления (и коневодство, и овцеводство требовали широких и часто меняемых пастбищных угодий) не могло осуществляться на паритетных началах и лишь в форме обмена. С распадом репинской культуры, в ходе процессов миграций и ассимиляций, какая-то часть ее населения могла сохраниться, избрав тот путь, который мы фиксируем при анализе иванобугорских материалов. Однако носители новой смешанной культуры значительно уступали древнеямным племенам и, скорее всего, находились от них в зависимости (возможно, в форме данничества). Та же самая ситуация сохранялась и ко времени распространения местной катакомбной культуры, в сложении которой

[1] См.: Попова Т.Б. Эпоха бронзы на Тамбовщине // СА. 1960. № 3; Степанов П.Д. Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокши // КСИИМК. 1955. Вып. 59; Шитов В.Н. Эпоха камня и раннего металла в Примокшанье // Труды МНИИЯЛ. 1976. Вып. 52; Циркин А.В. К вопросу о происхождении Городецкой культуры в Мордовии // СА. 1979. № 3.

ямный генетический компонент сыграл едва ли не решающую роль[1]. Не случайно поэтому иванобугорские местонахождения (исключая лабиринты-святилища) малопредставительны по количеству материалов: они были связаны или с сезонными промысловыми стойбищами, или перекочевками. Тяготение их к высоким берегам рек говорит об известном соблюдении предосторожности в сложных этнокультурных условиях обитания. Иначе говоря, иванобугорская культура, скорее, представляет собой одну из форм субкультуры. Отметим, что в том же статусе она проявляет себя и на втором этапе своего существования, на фоне господства среднедонской катакомбной культуры[2], под влиянием которой она приобрела ряд новых своеобразных признаков. Такого рода материалы рассматриваются исследователями уже в рамках воронежской культуры эпохи бронзы[3].

Время бытования иванобугорской культуры определяется от середины III до начала II тыс. до н. э., причем поздняя дата могла несколько отличаться на Среднем и на Верхнем Дону, в связи с разной степенью воздействия на эти территории со стороны катакомбного этнокультурного мира.

Донская абашевская культура представляет собой иную форму этнокультурного образования пережиточной стадии энеолита, чем культура иванобугорская. В основе формирования абашевской культуры лежит тип материалов, условно названный нами пострепинским. Его специфика заключена в значительно большей консервации, в сравнении с иванобугорской культурой, репинских традиций: сохранение ракушечной примеси в тесте сосудов, прием обработки их поверхностей расчесами, высокий желобчатый венчик, круглодонность, сходные орнаментальные композиции. Все названные черты характерны и для ранней абашевской керамики Подонья.

В этом плане большой интерес представляет грунтовое погребение Введенского кургана[4]. При вытянутом скелете с ориентировкой на северо-восток находился фрагмент сосуда с репинскими чертами и кремневый наконечник стрелы треугольной формы, типологически близкий наконечникам из энеолитических комплексов. Позднее над этим погребением, имевшим, видимо, внешний ориентир, были устроены абашевские погребения со сходной обрядностью, но уже над ними возвели курганную насыпь. Таким образом, раннее погребение служит как бы промежуточным звеном между репинскими и абашевскими памятниками.

Керамика сходного облика зафиксирована на целом ряде донских поселений. К ней в равной степени применим и термин «протоабашевская»[5], что не отменяет тезиса о прямых истоках формирования абашевской культуры из репинской. Керамика той и другой культур настолько сходна, что в ряде случаев их покультурное членение носит элемент условности. Территориальное распространение «промежуточной» керамики пока не имеет четких границ, но в целом она тяготеет к северной левобережной части Донского лесостепья. При этом прослеживается важный признак единства территории бытования и формирующихся и сложившихся групп материалов.

Генетическая связь абашевской и репинской культур подтверждается рядом

[1] См.: Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж, 1983.

[2] См.: Синюк А.Т. Нижнесторожевская стоянка и некоторые вопросы изучения воронежской культуры // Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж, 1993.

[3] См.: Пряхин А.Д., Беседин В.И. О выделении воронежской культуры эпохи бронзы // СА. 1988. № 3.

[4] См.: Синюк А.Т., Килейников В.В. Курган у села Введенки на Дону // СА. 1976. № 1.

[5] См.: Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976. С. 59-60.

других источников. Так, при анализе донских абашевских погребений А.Д. Пряхин отмечает абсолютное преобладание положения умерших вытянуто на спине с ориентировкой в северо-восточном и северо-западном направлении[1], почти полное отсутствие в могилах следов охры[2].

Коневодческая специализация хозяйства репинских племен устанавливается на основании и конкретных, и сравнительных данных. И хотя пока не получены остеологические материалы на ранних абашевских поселках[3], заслуживает самого серьезного внимания вывод А.Д. Пряхина о большей подвижности абашевского населения на раннем этапе в сравнении с поздним, при скотоводческом характере их экономики в целом[4]. Это могло иметь место только при высоком удельном весе коневодства, что и подтверждается источниками[5].

Таким образом, генетическая связь двух культур обосновывается сходством керамики, погребального обряда, характера экономики, а также единством территории распространения. Сохранение этнокультурной специфики осуществлялось обособившейся в донском лесостепном левобережье частью репинского населения, потесненного сначала древнеямными, а затем и ранними катакомбными племенами. Само обособление предопределило устойчивость традиции изготовления изделий из меди[6] на фоне появления и развития культур с бронзовыми изделиями.

Изложенное выше служит серьезным основанием для отнесения донской абашевской культуры (до времени распространения покровско-абашевских памятников) к стадии пережиточного энеолита, а также позволяет сделать вывод о ее сугубо местном происхождении.

Казалось бы, такой вывод позволяет решить проблему происхождения и других культур абашевской общности, разместив их хронологически вслед за донской. Однако этим проблема далеко не исчерпывается, как и всеми имеющимися точками зрения о хронологическом приоритете той или иной культуры. Еще раз напомним, что начало продвижения племен с Дона в северном и северо-восточном направлениях — к районам Среднего Поволжья, относится к периоду энеолита и связано именно с репинским этнокультурным массивом. Поэтому определенно можно говорить лишь о сложении на Дону энеолитической подосновы абашевских культур Подонья и Поволжья, тогда как само их оформление могло протекать синхронно, а отмечаемые в них черты различия несут не хронологический, а этнокультурный характер, что было связано с особенностями воздействующей окружающей среды. Не менее важно иметь в виду и то обстоятельство, что и сами объединяющие признаки абашевских культур могут определяться стадиальным характером. Это хорошо фиксируется общими проявлениями в культурах широкой территории лесостепи на единых стадиях развития в рамках всей энеолитической эпохи, начиная со времени сложения мариупольской культурной области. При этом, естественно, совсем не исключается и передвижение каких-либо этнокультурных группировок на соседние, и даже на отделенные территории.

Нижний хронологический рубеж пострепинских материалов, а соот-

[1] См.: Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977. С. 39-40.

[2] См.: Там же. С. 38.

[3] См.: Там же. С. 119.

[4] См.: Там же. С. 116-120.

[5] См.: Там же. С. 118, табл. 3.

[6] См.: Черных Е.Н. Металл донского варианта абашевской культуры // Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971.

ветственно, и донской абашевской культуры, уходит в пределы III тыс. до н. э., а верхний рубеж для последней (в рамках пережиточного энеолита) может быть определен появлением на Дону покровско-абашевских памятников, т. е. примерно концом XVII — началом XVI вв. до н.э.[1]

Таким образом, на рассматриваемой территории синхронно оформились две пережиточно энеолитические культуры: иванобугорская и донская абашевская, отразившие в своем облике определенное своеобразие и разный политический статус.

В заключение отметим, что полученный к настоящему времени круг источников позволяет выделить на Дону прямую этногенетическую линию культур на протяжении всех стадий энеолита. Эта линия (назовем ее первой мариупольской) в наиболее выраженном виде включает культуры: нижнедонскую (лесостепной вариант), репинскую, донскую абашевскую, где последняя вырастает из репинской через обособившуюся группу памятников пострепинского (протоабашевского) типа. Как можно убедиться, данная линия развития была усложнена процессами привнесения новых этнических компонентов (сурских — при формировании среднестоговской культуры), отпочкованием части репинских групп (при оформлении иванобугорской культуры), ассимиляции большей части репинских племен древнеямным этнокультурным миром.

В целом все это позволяет говорить об исторической специфике рассматриваемого региона — полиэтничности и полилинейном развитии социально-экономических структур на фоне разнообразных форм их взаимодействия.

[1] См.: Синюк А.Т., Погорелов В. И. Курган № 16 Власовского могильника // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. Уфа, 1993. С. 26-27.

ГУННСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НА ЮГЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк. 1999. С. 141-144. В соавт. с В.В. Кравцом

В 1989 году экспедицией Воронежского пединститута производились раскопки на дюне «Терешковский Вал» в устье р. Богучарка. Был открыт ряд памятников различных эпох и культур, в том числе и погребение кочевника раннего средневековья (Синюк А.Т., 1989).

Дюна «Терешковский Вал» находится на правом берегу Богучарки в трех с половиной километрах севернее с. Терешково Богучарского района Воронежской области. Географический регион характеризуется как степная зона (северная её окраина). Дюна имеет в плане форму «боба», ориентирована длинной осью по линии ЗСЗ-ВЮВ. Размеры — 230×105 м, высота над уровнем поймы до трёх метров.

Погребение № 6 — грунтовое (рис. 1). Оно совершено в яме 210×70 см, глубина её 130 см. Яма ориентирована длинными сторонами по линии ЮЮЗ-ССВ. Стены её неровные: в западной стене на глубине 25 см от пола имелась неглубокая (10-12 см) продольная ниша, в восточной сделан такой же неглубокий подбой. Верхняя часть ямы была расширена с востока, очевидно, для размещения чучела коня. Таким образом, на восточной стене оказался нечетко спрофилированный выступ (рис. 1, 3).

В верхнем горизонте ямы, на глубине 25-30 см находились остатки чучела-коня: череп — в северной части ямы; кости двух ног, отчлененных по коленный сустав — в противоположной стороне.

Погребенный лежал на дне ямы головой на ССВ вытянуто на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. Длина скелета 2 м (рис. 1, 2). Погребальный инвентарь отсутствовал, но сохранились детали пояса.

Поясной набор выполнен из бронзы. Он состоит из двух пряжек и бляхи. Одна из пряжек (рис. 1, 4) имеет рамку с толстым контуром прямоугольной формы и щитковое крепление к ремню, оформленное в виде геральдического щита. Пряжки такого типа известны у гуннов VII в. Поражает сходством одна из них — из кургана Аккермень (рис. 2, 1) (Амброз А.К., 1981, с. 110, рис. 6, 36).

Другая пряжка (рис. 1, 6) представляет собой рамку такой же формы, по без щитка. Ремень предполагалось крепить к оси, составляющей одну из сторон рамки. На эту же ось насаживался язычок, который в погребении отсутствовал. Не исключено поэтому, что эта пряжка использовалось в качестве ременного кольца.

Ременная бляха имеет форму круга с острым выступом с одной стороны и шеевидным выступом — с противоположной. В вогнутом центре круга сделало отверстие (рис. 1, 5). Похожий вид имеет деталь ременной петли гуннского пояса из Арцыбашево, датируемого VII в. (рис. 2, 2) (Амброз А.К., 110, Рис. 6, 19). Среди деталей пояса находится также бронзовый предмет, реконструируемый в виде фрагмента трубки диаметром 12 мм (рис. 1, 7).

Все комплексы, материал которых привлечен при поиске аналогий поясному набору из «Терешковского Вала» (Аккермень, Арцыбашево), относятся к IV обрядовой группе, в которую А.К. Амброзом объединены немногочисленные погребения рядового населения с пряжками и накладками ремня в так называемом геральдическом стиле. Отмечается редкая встречаемость для этой группы оружия, конского снаряже-

ния. Для этих погребений характерен обычай северной и северо-восточной ориентировки покойников, наличие чучела коня в виде сохранившегося черепа и частей ног. Известно, что погребения VI-VII вв. единичны, не образуют могильников. Чаще это впускные в насыпи ранних эпох, реже основные подкурганные или грунтовые могилы (Амброз А.К., 1981, с. 11, 13, 19).

Могильная яма погребения № 6 выглядит весьма оригинальной для круга рассматриваемых кочевнических древностей, в среде которых обычны простые ямы разной ширины, подбойные могилы, имеется одна яма с продольными заплечиками-ступенями (Амброз А.К., 1981, с. 19). Но немногочисленность открытых памятников не дает оснований утверждать, что особенности конструкции могильных ям исчерпываются указанными признаками.

Таким образом, погребение № 6 могильника «Терешковский Вал» имеет аналогии среди кочевнических погребений VII в. Оно относится к IV обрядовой группе, объединивший могилы рядовых кочевников. Как известно, письменные источники относят степное население V-VII вв. к гуннам. Разумеется, гуннское объединение к VII веку имело неоднородный этнический состав, но небольшое число известных погребений не позволяет более детальные этнокультурные определения. Факт малочисленности погребений гуннов и могил IV группы, в частности (А.К. Амброз насчитал к началу 80-х гг. 10 подобных комплексов), подчеркивает важность открытия богучарского погребения для европейского номадоведения.

Список литературы

Амброз А.К., 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.

Синюк А.Т., 1989. Отчет о проведении работ в Богучарском и Острогожском районах Воронежской области в 1989 г. Архив ИА РАН.

ДРЕВНЕЕ УКРЕПЛЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У СЕЛА ВЕРХНЕЕ ТУРОВО (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ)

Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж, 1999. С. 147-158.
В соавт. с Ю.А. Чекменевым

Поселение у с. Верхнее Турово открыто В. Д. Березуцким в ходе разведочных работ археологической экспедиции ВГПУ в 1992 году на южной окраине села Верхнее Турово Нижнедевицкого района Воронежской области (донское Правобережье) (рис. 1, 1) [1]. Занимает мыс первой террасы в виде неправильного четырехугольника площадью около 0,5 га, глубоко вдающегося в пойму левого берега р. Тур (ныне называемой Колотушка) (рис. 1, 2).

Высота мыса от поймы около шести метров, поверхность относительно ровная, по периметру фиксируются следы обваловки (не исключено — межстеновой забутовки), склоны эскарпированы. С напольной (восточной) стороны мыс ограничен рвом шириной до 10 и глубиной до трех метров. Близ северного края рва имеется перемычка — въезд шириной 4-6 метров. Ров, по всей видимости, образован путем целенаправленной подрезки овражных образований, в связи с чем памятник приобрел укрепленный характер. Вместе с тем, типологическое своеобразие памятника налицо. Оно выделяет его из круга всех известных донских городищ, выполнявших оборонительные функции. А отсюда уже первоначально возникло предположение о том, что памятник нес иную функциональную нагрузку, связанную, скорее всего, с социально-религиозными установками. Такое предположение, безусловно, требует проверки. С этой целью в 1997 году близ въезда, по линии его направления внутрь мыса, был заложен раскоп (32 кв. м), а в 1998 году раскоп был расширен к северному краю до 112 кв. м (рис. 2). Кроме того, зондажный раскоп 2 (20 кв. м) заложен на западном склоне мыса (рис. 3, 1).

Раскопки велись по сетке квадратов (2×2 м) с направлением сторон по странам света, послойно (0,1 м), с замером глубин от юго-западного угла раскопа 1997 года.

В раскопе 1 под дерном (толщина 0,1 м) шел чернозем (толщина 0,7 м), ниже — предматериковый суглинок (толщ. 0,2 м), подстилаемый материковой глиной. Наслоения сильно изрезаны норами грызунов.

В бровках удалось зафиксировать следы четырех ям. Хорошо определяется их усеченно-конический профиль и уровень впуска от верхней части наслоений памятника. Вместе с тем, реконструкция их параметров в известной степени условна. Планиграфически ямы сгруппированы на одном участке раскопа, что заставляет предполагать их относительную единовременность в рамках общей культурной принадлежности.

Раскоп 2 представил несколько иную стратиграфию. Здесь, на склоне, черноземный слой имел толщину всего 0,2 м, а предматериковый суглинок — 0,1 м. Об искусственной подрезке склона свидетельствует факт залегания чернозема непосредственно на материке. В нижней части эскарпа, наоборот, прослежено залегание слоя глины на черноземе, что могло произойти при досыпке материком края эскарпа. В северо-восточном углу раскопа отмечены следы древесного тлена от столбов диаметром 0,1-0,15 м.

Распределение материалов в условных слоях

Слои	Керамика срубная	Керамика сер. 1 тыс н.э.	Глиняная обмазка	Кость	Уголь	Шлак
0,1-0,2		246	370	160		10
0,2-0,3		156	361	212		7
0,3-0,4		149	257	174	1	4
0,4-0,5		109	232	153		14
0,5-0,6		39	136	35	1	
0,6-0,7	18	6	106	24		2
0,7-0,8	8			1	2	
0,8-0,9			13	5		1
0,9-1,0	17		20	21		2
Всего:	43	705	1495	785	4	40

В целом, напластования памятника по концентрации нахождения и типологии вещественных источников можно разделить на два горизонта: первый (верхний) — 0,1-0,6 м, представлен материалами I тыс. н. э.; второй (нижний) — 0,6-1,0 м, представлен материалами срубной культуры эпохи бронзы.

В первом горизонте, особенно в его верхней части, выявлено большое количество глиняной плетневой обмазки, частично обожженной. На этом же уровне найдено и основное количество керамики. Она принадлежит лепным толстостенным (1,0-1,5 см) неорнаментированным сосудам из хорошо отмученной глины с добавками крупнозернистого песка, шамота, органики и небольшого количества дресвы. Поверхности несут следы сглаживания. Обжиг равномерный, высокотемпературный. У одного из сосудов венчик сильно отогнут наружу (рис. 4, 7). Днищам присущи поддоны с закраиной (рис. 4, 5-6). Некоторые из них реутилизированы под сковородки (рис. 4, 6). Отметим находку миниатюрного горшка (рис. 4, 1), а также двух обломков глиняных прямоугольных плиток с конусовидными сквозными отверстиями, возможно, для сопел (рис. 4, 4). Кстати, на присутствие металлургической деятельности в пределах памятника того времени указывают находки шлака. В слое найден фрагмент железного предмета, изготовленного путем сковки двух пластин. Рассмотренная выше керамика по целому ряду признаков сопоставима с материалами киевской культуры середины I тысячелетия нашей эры [2], памятники которой уже заставили говорить о себе на соседних территориях [3]. Именно такого рода керамика вместе с глиняной обмазкой содержалась в заполнении четырех ям.

Нижний горизонт культурного слоя характеризуется немногочисленными находками фрагментов глиняных сосудов срубного облика. Среди них имеются образцы с гребенчатым (рис. 5, 2) и прочерченным (рис. 5, 3), а в одном случае — со шнуровым орнаментом.

С нижним же слоем связан жертвенник, устроенный в виде ямы и зольника круглой формы диаметром 1,3 м и толщиной 0,05 м (рис. 3, 2). Помимо древесного угля, зольник содержал многочисленные фрагменты мелкодробленых костей со следами огня и керамику срубного типа (рис. 5, 6, 7). Яма располагалась на расстоянии 0,3 м от

зольника, имела округлую форму (диаметр 2,34 м) и почти отвесные стены, врезанные в материк на 1,4 м. Заполнение ямы состояло из двух слоев, разделенных стерильной засыпкой материковой глины (толщина до 0,1 м). Нижний слой включал мешанный материк, древесный уголь и отмеченные фрагменты срубной керамики. Верхний слой также состоял из перемешанной глины и угля, с включениями дробленых костей животных со следами огня. Здесь же выявлены человеческие кости: нижняя челюсть, ключица, ребра.

Над заполнением ямы на уровне материка залегала линза древесного угля диаметром 0,9 м и толщиной 0,07 м. Здесь же, на краю ямы, выявлен обломок глиняной подвески с прочерченными изображениями на плоских поверхностях (рис. 5, 1). Жертвенная яма и зольник, по всей видимости, составляют единый комплекс. Отметим также, что близ жертвенника вскрыта часть прямоугольного сооружения, прорезавшего суглинок до уровня материка, на полу которого находился развал сосуда срубного типа (рис. 5, 5).

Принадлежность рассмотренного жертвенника времени формирования нижних культурных наслоений памятника, а, следовательно, срубной культуре, документируется и стратиграфически: он перекрывается одной из четырех поздних ям, причем последняя не нарушила заполнения жертвенника. Для срубных памятников среднедонского региона такого рода жертвенник выявлен впервые. Похожие сооружения, относимые исследователями к жертвенникам, открыты на ряде срубных поселений Днепровского Левобережья [4]. Однако в них отсутствуют столь ярко выраженные следы ритуальных действ, включавших человеческие жертвоприношения.

Осмотр прилегающей к Верхнетуровскому укрепленному поселению территории показывает, что данный памятник — не единственное место нахождения материалов киевской культуры. Так, аналогичная керамика и обмазка выявлены в 250 м юго-восточнее, на береговом склоне. На таком же расстоянии, но севернее, при шурфовке края террасы, под дерном и до глубины 0,5 м залегала керамика киевского типа, и здесь же найден слегка изогнутый железный стержень (возможно, элемент застежки). Наконец, немногим более чем в полукилометре северо-восточнее, на пахотном участке плато собрана подобная же керамика.

Возвращаясь к оценке системы укреплений памятника, нужно отметить, что целенаправленного ее изучения пока не предпринято и нет достаточных оснований относить данные укрепления к тому или другому периоду освоения поселения. Но в любом случае следует в дальнейшем ожидать чрезвычайно интересных результатов, поскольку в лесостепном Подонье памятники такого типа неизвестны ни в срубное время, ни в период, характеризуемый появлением материалов киевской культуры.

Библиографический список

1. Березуцкий В.Д. Отчет о разведке в Нижнедевицком районе Воронежской области в 1992 г. - Архив ИА РАН.
2. Обломский А.М. К вопросу о присутствии протославян в лесостепном Подонье: Тезисы научно-краеведческой конференции. - Липецк, 1995.
3. Михеев В.К., Дьяченко А.Г. Археология железного века Восточной Европы. - Белгород, 1989.

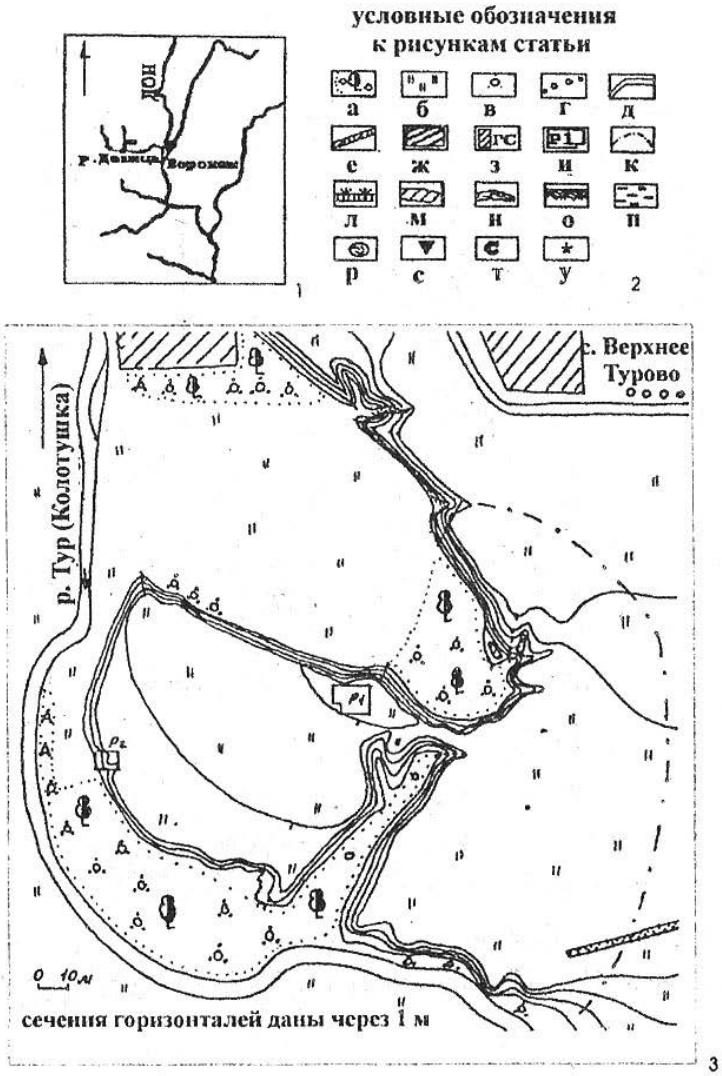


Рис. 1

Укрепленное поселение у с. Верхнее Турово

1 - карта месторасположения Верхнетуровского укрепленного поселения;

2 - условные обозначения:

а - лес; б - луг; в - кустарник; г - лесополоса; д - дорога; е - траншея; ж - постройки; з - газовая станция; и - раскопы; к - граница поселения; л - дерн; м - чернозем; н - суглинок; о - материк; п - уголь; р - дерево; с - индивидуальная находка; т - развал сосуда; у - шлак;

3 - топографический план памятника (съемка Ю. А. Чекменева).

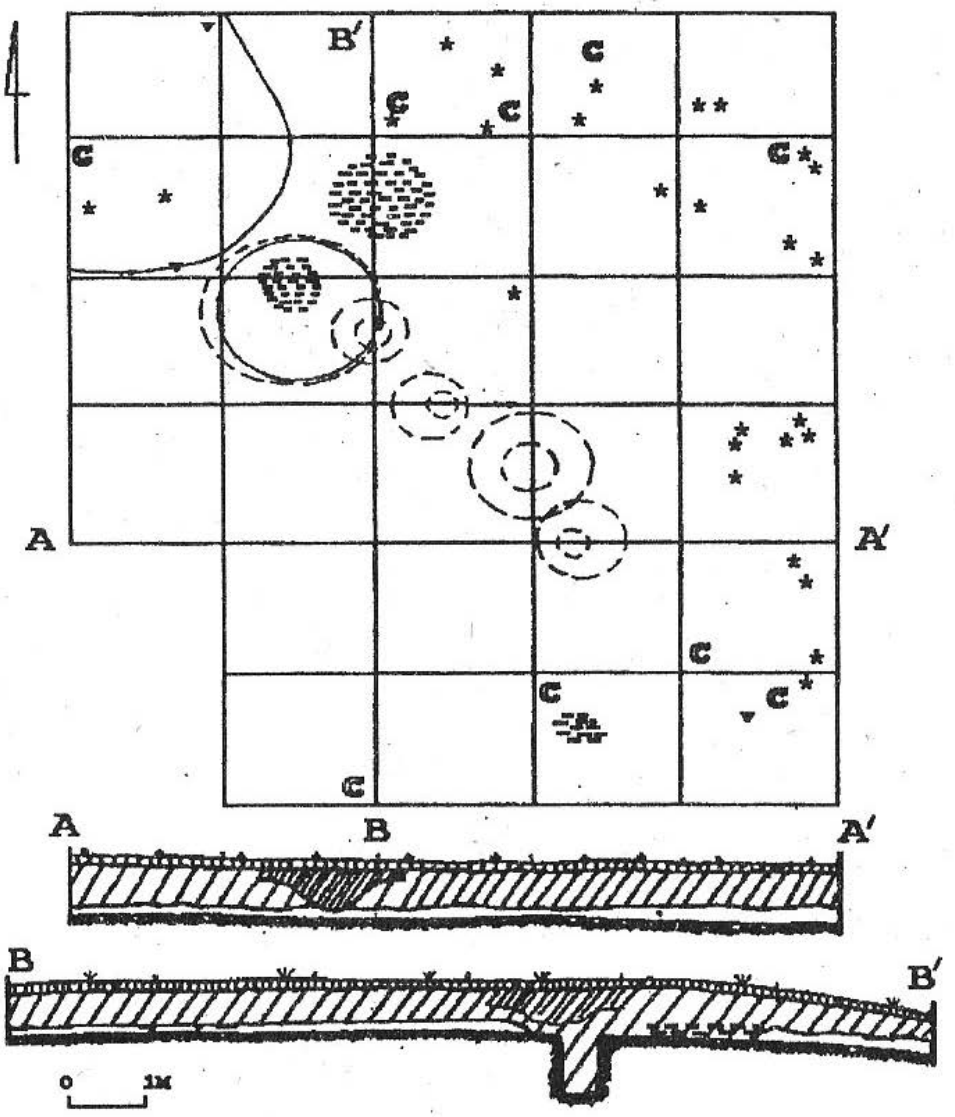


Рис. 2

Укрепленное поселение у с. Верхнее Турово

План и профили раскопа I.

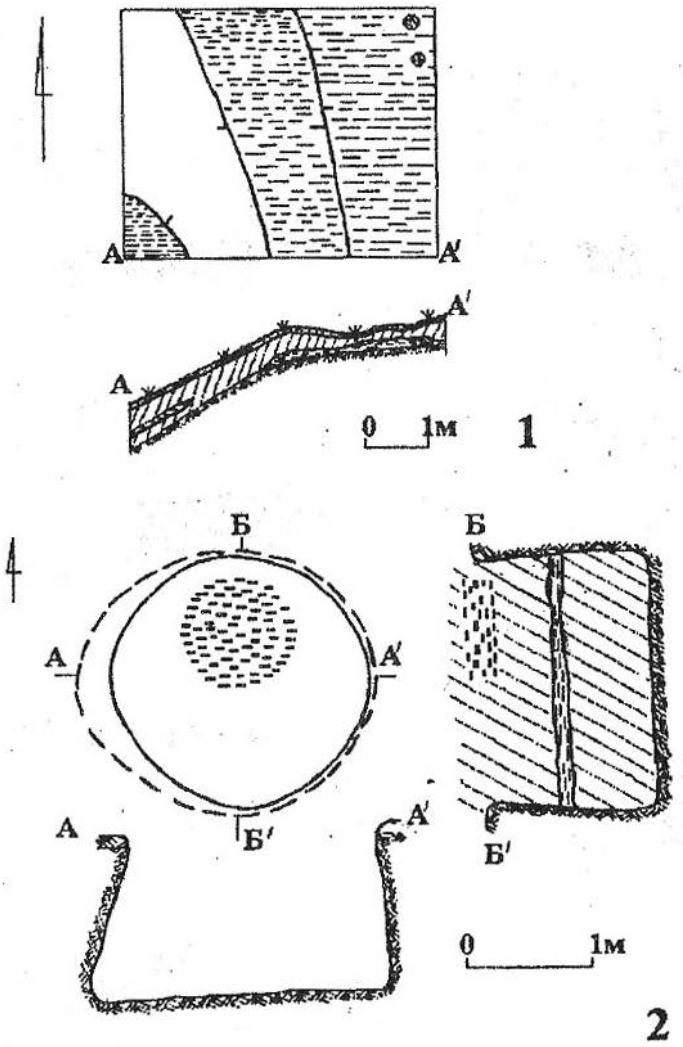


Рис. 3

Укрепленное поселение у с. Верхнее Турово

1 - план и профиль раскопа 2 - жертвенная яма.

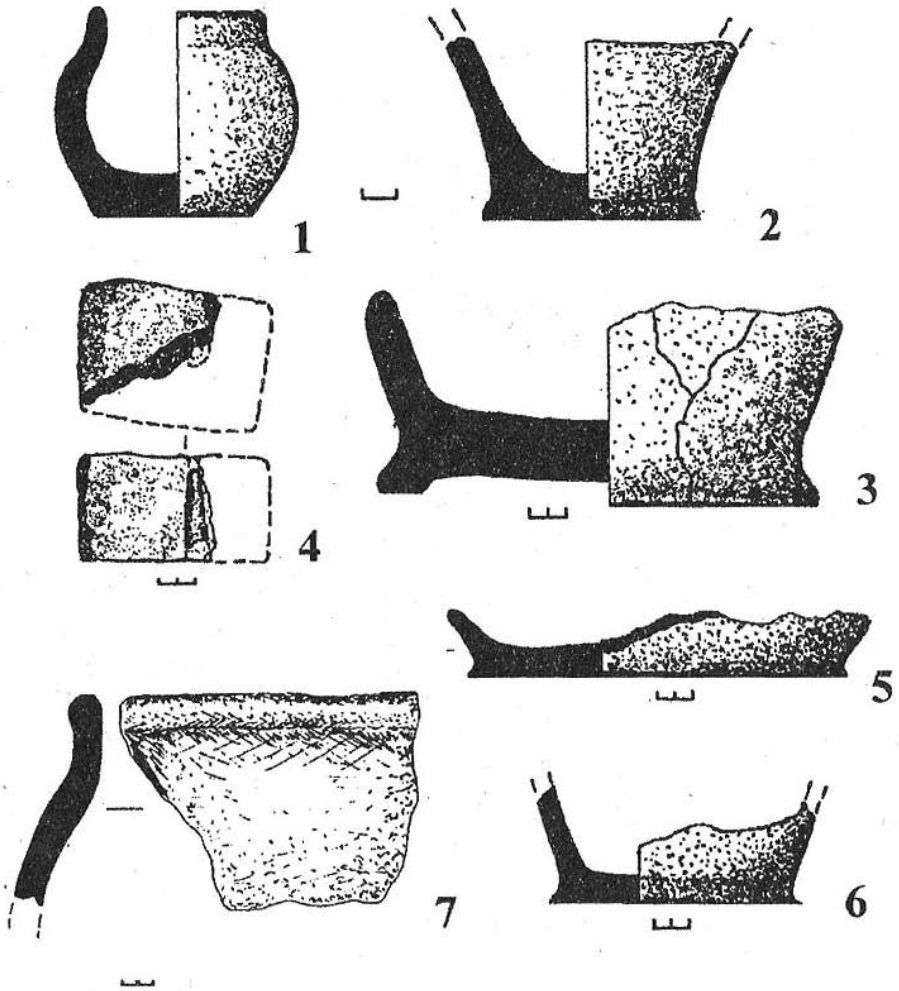


Рис. 4
Укрепленное поселение у с. Верхнее Турово
Материалы верхнего стратиграфического горизонта

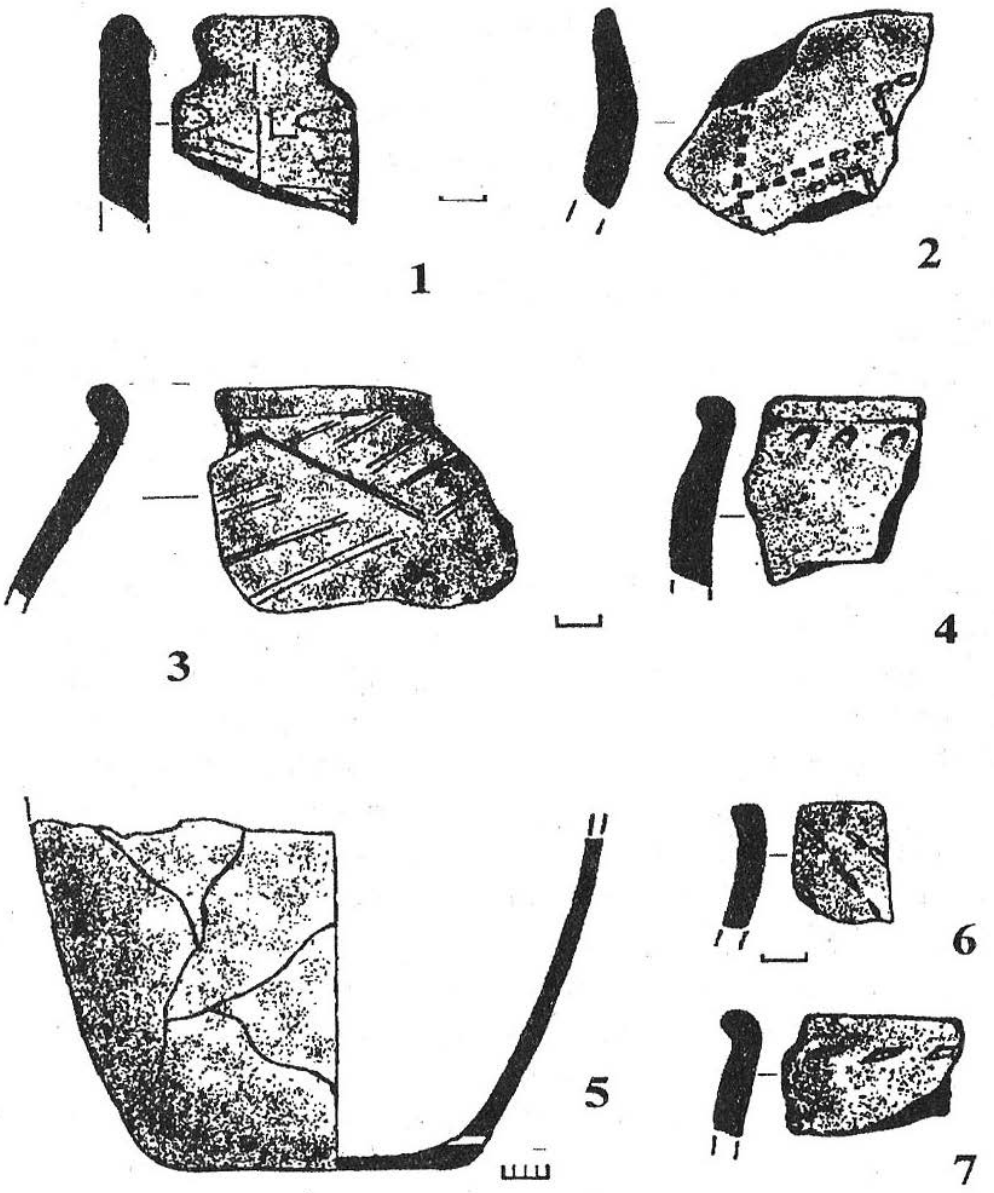


Рис. 5
Укрепленное поселение у с. Верхнее Турово
Материалы нижнего стратиграфического горизонта.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛИТА НА ВЕРХНЕМ И СРЕДНЕМ ДОНУ

Археология Черноземного центра России: история исследований, историография. Материалы региональной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.Н. Замятнина. Воронеж, 1999. С. 28-31.

С определенной долей условности историю изучения неолита в рассматриваемом регионе можно подразделить на два этапа: от начала века до середины 60-х гг., от середины 60-х гг. до настоящего времени.

Первые находки неолитического облика на Дону восходят еще к концу прошлого столетия, но не привлекли к себе сколько-нибудь серьезного внимания. И позднее традиционной территорией исследовательского интереса в изучении неолита по-прежнему оставался лесной европейский мир, на фоне которого даже в 50-е гг. первые публикации местных материалов (М.Е. Фосс, А.А. Формозов) не получили должного научного резонанса. Однако растущие требования к неолитоведению предполагали включение в круг первоочередных задач получение источников из южных регионов страны. Не могла отныне оставаться в стороне и донская территория с ее срединным географическим положением (юг-север, лес-степь). Но это уже в большей степени найдет реализацию значительно позже.

В рамках же первого этапа отметим усилия выдающегося отечественного ученого, нашего земляка Сергея Николаевича Замятнина. Именно он в 1917 г., еще будучи совсем молодым человеком, впервые свел воедино обнаруженные на Дону следы неолитической эпохи (доклад на заседании Воронежской ученой архивной комиссии. Архив С.Н. Замятнина). Ему принадлежит и первенство в осуществлении на Дону раскопок неолитических памятников (1928 г., раскопки стоянки у ст. Отрожка совместно с Л. Динцесом). Тогда же внимание С.Н. Замятнина привлек кремненосный район на р. Оскол в окрестностях с. Шелаево (Белгородская обл.), где ему удалось выделить типы каменных орудий неолитического облика. Все эти материалы затем легли в основу научного доклада, в котором проведена весьма плодотворная мысль о двойственной (макро-микролитической) подоснове донского неолита (Архив С.Н. Замятнина).

Нельзя не отметить усилия воронежского краеведа Д.Д. Леонова и будущего ленинградского археолога В.П. Левенка, предпринятые в 20-40-е гг. по увеличению источниковой базы неолита Дона.

В 50-60-е гг. исследовательский акцент сместился в бассейн Верхнего Дона, где известный отечественный неолитолог М.Е. Фосс провела раскопки стоянок у сс. Подзорово и Старое Тарбеево (Тамбовская обл.). Правда, тогда же в научный оборот вошли два дубовых долбленых челна, найденных близ с. Щучье Воронежской обл. и для которых был определен неолитический возраст (М.Е. Фосс; В.А. Афонюшкин). Спустя несколько лет В.П. Левенок провел раскопки неолитической стоянки у с. Долгое (Липецкая обл.), а в ходе строительства Липецкого водохранилища им исследовались стоянки Рыбное Озеро, Ярлуковская Протока, Савицкая и другие. Полученные данные затем были обобщены в ряде публикаций В.П. Левенка, главным итогом которых стало выделение трех неолитических культур: днепро-донецкой, рязанско-долговской и рыбноозерской. При этом предполагалось заселение Дона из западных и северных областей (первые две культуры), тогда как рыбноозерская явилась продуктом их взаимодействия. Сам исследователь считал одним из главных положений переход в позднем неолите Дона к скотоводческому хозяйству. Думается, что накопленная к тому времени сумма источников и их первая широкая интерпретация являются достаточно

четким репером при разграничении этапов изучения донского неолита.

Со второй половины 60-х гг. исследовательские усилия смещаются в Среднее Подонье, началом чему стали планомерные изыскания в связи со строительством Воронежского водохранилища. Были проведены широкомасштабные раскопки целого ряда памятников: стоянок Чертовицкой, Университетских, Северо-Восточной, Шиловской и др. (в черте г. Воронежа, раскопки А.Д. Пряхина, Б.Г. Тихонова, автора). Позднее в научный оборот вошли результаты раскопок ряда других донских памятников Воронежской области: Черкасской, Дронихи, Монастырской, Копанищенских (раскопки автора), а в целом количество местонахождений неолита достигло полутора сотен (разведочные работы А.Д. Пряхина, В.В. Килейникова, В.И. Погорелова, Т.С. Старцевой, автора и др.), включая территорию не только Воронежской и Липецкой областей, но также Белгородской (многолетние сборы краеведов Г.Ф. Денисенко, М.И. Карагодина, А.П. Николаенко) и Тамбовской (раскопки А.А. Хрековым стоянок у д. Шапкино).

Многократно увеличившаяся источниковая база позволила автору по-иному, чем это делалось раньше, осветить неолитическую эпоху рассматриваемого региона. Прежде всего, стало возможным выделение новой археологической культуры — среднедонской, куда органично вошли материалы, ранее относимые В.П. Левенком к днепро-донецкой культуре, причем аргументирован восточный, а не западный импульс, легший в основу сложения среднедонской культуры. Помимо разработки периодизации и хронологии, стало возможным по-иному рассматривать взаимодействие ее носителей с населением лесного мира (рязанско-долговская культура), без «демаркационных зон», предлагавшихся В.П. Левенком. Появление рыбноозерской культуры, как выясняется, не сопряжено с накольчатым неолитом, но с их взаимодействием связан процесс формирования своеобразного типа памятников — дронихинского (пережиточная стадия неолита), отразивший общие тенденции складывания в Восточноевропейском центре волосовских древностей.

Исключительно важен результат установления на Дону факта существования энеолитических культур со скотоводческим укладом и их параллельное бытование с неолитической культурной средой. Такого рода полиэтничность нами рассматривается как естественная и, одновременно, специфическая черта исторического развития в условиях лесостепной зоны, наделенной особыми природными ресурсами и демографической емкостью. Отсюда представилась возможность по-иному вести исторические реконструкции самых разных сфер жизни неолитических обществ.

Считаю, что имеющееся разработки в целом вывели бассейн Дона в число наиболее исследованных регионов страны в плане неолитоведения. Но считаю также, что сделанное должно рассматриваться лишь как этап в широких изысканиях, ориентированных на увеличение источников, совершенствование методов и поиски новых подходов к оценке источников.

В настоящее время такая работа продолжается. Неуклонно увеличивается число неолитических местонахождений, а, следовательно, новых источников. На Среднем Дону ведутся раскопки стоянки у с. Щучье (С.Н. Гапочка); на Верхнем Дону особенно плодотворны находки и раскопки стоянок Курино, Устье Сновы и других, осуществляемые А.Н. Бессудновым. Ждут публикации и прекрасные материалы стоянки Липецкое Озеро (изученные автором и А.Ю. Клоковым), представившие сотни костяных изделий, обычно редко встречаемых на донских неолитических памятниках.

Не будет большой натяжкой считать, что завершение текущего столетия подготовило необходимую базу и оконтуривает границу нового этапа в истории изучения неолита.

К МЕТОДИКЕ ОЦЕНКИ ЗЕМЕЛЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Проблемы археологии Бассейна Дона. Воронеж, 1999.
В соавт. с Ю.А. Чекменевым. С. 251-254.

Из пяти известных видов памятников истории и культуры Российской Федерации, защищенных Законом об охране и использовании памятников истории и культуры от 29 октября 1976 г., в Центральном Черноземье наибольшее число принадлежит памятникам археологии. Только в одной Воронежской области ныне их учтено более полутора тысяч. Причем, именно археологические памятники напрямую связаны с системой землепользования, занимая значительные участки площади (например, древние городища имеют размеры от 1,5 до 20 га). Отметим также, что в настоящее время известна лишь меньшая часть от реального количества памятников археологии. Ожидается их массовое увеличение при разработке методов дешифровки аэрофотоматериалов.

Становится очевидным, что оптимальные формы учета, распределения и использования земельных участков при составлении кадастров, а также при введении разных видов собственности на землю, не могут не включать находящиеся на них памятники археологии, как и другие памятники истории и культуры. Но для этого требуется понимание их значимости, выраженной в соотносительной и конкретной стоимостной оценке. В настоящее время пока только нащупываются подходы к решению проблемы такого рода оценки земель [1; 2; 3]. Вместе с тем, разработку данной проблемы трудно переоценить, поскольку результаты ее позволят вывести на новый уровень принципы охраны и использования земель, а также выявить источники их финансового обеспечения.

Рассмотрим некоторые аспекты методики определения стоимостной оценки памятников археологии с учетом известной специфики их характера.

С этой целью в основу методики нами кладется среднестатистический принцип. Выбор его проистекает из того факта, что большинство археологических объектов находится под землей и не раскрывает визуально присущую каждому из них конкретику. Вместе с тем, среднестатистический принцип предполагает весьма сложную конечную формулу. Она должна включать следующие критерии (при этом необходимо, чтобы базисная стоимость памятника определялась в ценах и тарифах на момент его оценки):

1. Определение стоимости единицы каждого из видов вещественного источника. Определение ведется в соответствии с существующими ценами аукционных каталогов и стоимостных деклараций на аналогичные экспонаты выставок.

2. Идентификация памятников каждого вида по природно-географическим признакам. При этом определяется степень (коэффициент) насыщенности, для чего должна быть разработана шкала измерения ценности объектов (редкие — очень редкие — экстраординарные — уникальные).

3. Отбор контрольных памятников разной степени исследованности для определения среднестатистической степени насыщенности находками. С этой целью учитываются все виды археологических памятников. Коэффициент берется для устойчивых единиц измерения (курган — погребение — кв. метр), учитываются все виды археологических памятников. Коэффициент берется для устойчивых единиц измерения (курган — погребение — кв. метр).

4. Определение обшей площади памятника с последующей среднестатистической оценкой количества и стоимости находок всех типов. Для этих целей производится дешифровка материалов аэрофотосъемки.

5. Разработка коэффициента степени сохранности памятника и динамики его разрушения под влиянием конкретных факторов (природных, антропогенных).

6. Разработка коэффициента научной значимости памятника на основании определения его возраста и этнокультурной принадлежности.

7. Разработка коэффициента затратных средств в древности при сооружении наземных конструкций, в частности, оборонительных укреплений. Здесь должны быть учтены затраты труда, количество материала, степень архитектурной сложности и т. д.

8. Разработка коэффициента сложности изучения культурных наслоений с учетом особенностей грунта, топографической и экологической ситуации.

Названные выше критерии взаимоувязываются, образуя конечную формулу стоимостной оценки любого археологического объекта:

$$\tilde{N} = \frac{(\text{Å} * P) * K1 * K2 * K3 * K4}{K5}$$

где Cn — стоимость памятника;

C — стоимость единицы находки (нерасшифрованной по виду);

E — количество единиц находок на кв. м;

n — общая площадь памятника (в кв. м);

K1 — коэффициент встречаемости вида памятника;

K2 — коэффициент научной значимости;

K3 — коэффициент затратных средств в древности;

K4 — коэффициент сложности изучения памятника;

K5 — коэффициент степени сохранности памятника (максимальная сохранность — единица).

Определив по данной формуле стоимость конкретных памятников при дальнейшем картировании их по видам, устанавливается усредненная величина стоимости памятников по конкретным природно-географическим участкам, а затем — по более широким территориям, т. е. приведенная формула в известной степени может рассматриваться в качестве универсальной, хотя и не исключает уточнений и дополнений.

Библиографический список

1. Глаголев А.И. О ценности памятника культуры и ее экономическом выражении на пути использования и измерения значения памятника в культурной и хозяйственной деятельности общества // Памятниковедение. Теория, методология, практика. - М., 1986.
2. Галуцкий Г.М. Проблемы экономической оценки памятников истории и культуры и их вовлечение в народнохозяйственный оборот // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. - М., 1992.
3. Синюк А.Т., Старцева Т.С. Значение стоимостной оценки памятников археологии в государственной системе охраны и использования памятников истории и культуры. // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. - М., 1992.

КУРГАНУ СЕЛА НОВОХАРЬКОВКА

Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999. С. 58-61.

Курган располагался в километре к северо-северо-востоку от с.Новохарьковка (Ольховатский район Воронежской области) на краю коренного левого берега реки Ольховатки, на высоте 21 м от уровня поймы.

Исследование кургана, предпринятое в 1997 году под руководством автора, имело принципиальное значение в плане сравнительной оценки: в полукилометре на другом берегу расположены Новохарьковский и Самотоевский грунтовые могильники с захоронениями эпохи бронзы и средневековья.

К моменту раскопок насыпь (высота от уровня окружающей поверхности — 0,6 м) имела грушевидную форму с диаметром по линии Север-Юг — 17 м и по линии запад-восток 21 м (рис. 1, 1). Поверхность находилась в процессе задерновки, но ранее распахивалась.

Стратиграфия центральной части кургана следующая (сверху-вниз): 0-0,02 м — дернообразующий травяной покров; 0,02-0,3 м — зернистый чернозем (старый пахотный слой); 0,3-1,05 м — плотный чернозем; 1,05 и ниже — материковая глина. Толщина погребенной почвы, фиксировавшейся под материковыми выкидами — 0,2 м.

Курган содержал два захоронения и жертвенник. Первое захоронение располагалось в 2,2 м к северу от нулевой отметки, взятой в наиболее высокой части насыпи. Представляло собой впущенную в материк на глубину 0,45 м подпрямоугольную, с заоваленными углами яму (0,82×0,6 м), на полу которой лежал скелет ребенка 5-7 лет скорчено на левом боку, головой на восток, с руками, обращенными к лицу (рис. 1, 3). Близ колен был поставлен неорнаментированный баночный сосуд со следами от вертикального заглаживания на внешней поверхности (рис. 1, 4). Рядом с погребальной ямой на уровне погребенной почвы находилась округлая линза материкового выкида, и примерно на том же уровне в заполнении ямы четко фиксировались одна над другой две слегка просевшие круглые линзы материковой глины. Диаметр верхней линзы около 0,4 м; нижней — около 0,6 м. Толщина их не превышала 0,05 м. В насыпи, над ямой, вписываясь в плане в ее юго-западный угол, находился еще один сосуд баночной формы со следами от вертикального заглаживания и с пояском одинарных подтреугольных ямок под краем (рис. 1, 5). На мой взгляд, оба сосуда принадлежат единому погребальному комплексу, хотя выше глиняных линз заполнение ямы в профиле визуально и не фиксировалось, что вполне обычно при условии сооружения кургана из чернозема. Рассмотренное погребение характерно для круга донских памятников срубной культурной общности эпохи поздней бронзы.

Второе захоронение выявлено в четырех метрах к западу от нулевой отметки. Представляло собой окруженное кольцеобразным выкидом катакомбное сооружение в виде прямоугольной шахты (1,85×1,0 м), врезанной в материк на 1,1 м и примыкавшей к ее длинной стороне неровно-овальной сводчатой камеры (2,3×1,8 м), углубленной от пола шахты на 0,6 м. Конструкция ориентирована по линии Се-

вер-Юг (рис. 1, 6). В одном из углов шахты отмечен древесный тлен от столбика. Пол камеры был интенсивно посыпан меловой крошкой и здесь же находились кости скелета взрослого человека в довольно необычном взаиморасположении: череп обращен в полуоборот налево поперек камеры; бедренные кости направлены к шахте, но по принципу антитезы. В стороне от своих мест находились и другие кости скелета, но все — на уровне пола. Может сложиться впечатление, что еще до обвала свода камеры скелет был сильно потревожен грызунами, тем более, что кротовин здесь, действительно, много. Однако обращает на себя внимание один факт: вокруг эпифиза плечевой кости правой руки системно выложено несколько позвонков. А это заставляет предполагать захоронение в катакомбе не трупа, а скелета умершего, причем без особого соблюдения анатомического порядка. На полу шахты обнаружена часть шейки лепного сосуда, украшенного оттисками мелкого шнура и пояском из «жемчужин» (рис. 1, 7). Последние образованы вдавлениями с внутренней стороны с последующей их замазкой глиной. Такой прием впервые встречается на сосудах Среднего Дона, тогда как в Предкавказье и на Северном Кавказе он получил распространение с периода энеолита — ранней бронзы. На основании этого, считаю возможным данное захоронение отнести к ранней стадии становления местной катакомбной культуры (рубеж III-II тыс. до н.э.).

Жертвенник выявлен практически под нулевой отметкой. Представлял собой круглую линзу углистого слоя диаметром 0,4 и толщиной 0,03 м., на которой находился развал горшка с высоким, слегка раструбовидным горлом, со следами крупной штриховки на поверхностях, орнаментированного поясками из нерасчлененных валиков (рис. 1, 8). В профиле бровки над жертвенником угадывались следы перекопа в виде обширной ямы до 2,1 м в поперечнике на уровне ее впуска в насыпь (форма ямы в плане не прослеживалась) и, таким образом, линза находилась на полу ямы. Жертвенник, судя по облику сосуда, принадлежит позднему периоду бытования среднедонской катакомбной культуры.

Нахождение в кургане разновременных и разнокультурных погребений, выкиды из которых залегали на едином уровне, а также специфика конфигурации кургана, заставляют предполагать несколько периодов его сооружения.

Первичная насыпь была устроена над катакомбой и, по всей видимости, в диаметре не превышала 12 м., поскольку не могла выходить за пределы выкида из срубного захоронения. Затем в ее восточную полу был впущен жертвенник. Сейчас трудно говорить: совершалась дополнительная подсыпка при его организации или нет. Следующий строительный период более определенно связан со срубным захоронением. Отмеченная последовательность вполне согласуется с имеющимися типологическими разработками материалов эпохи бронзы Среднего Дона, хотя не исключено, что длительной распашкой кургана какие-то конструктивные и стратиграфические признаки могли быть и уничтожены.

Возвращаясь к раннему захоронению отмечу, что случаи обнаружения подобных перезахоронений в курганах Среднего Дона достаточно редки, однако реально их следует предполагать в значительно большем количестве, даже из числа уже исследованных «обычных» погребений, что должно находиться в соответствии с сезонной смертностью той категории лиц, для которых предусматривался курганный погребальный обряд.

Интересно также отметить, что находка в кургане сосуда с «жемчужным» орна-

ментом (пусть и своеобразно выполненным) — едва ли не второй случай (первый зафиксирован при раскопках Н.К. Качаловой Ильменских курганов), тогда как на катакомбных поселениях они не являются редкостью. Кстати, они же хорошо представлены в Крутогорском грунтовом могильнике.

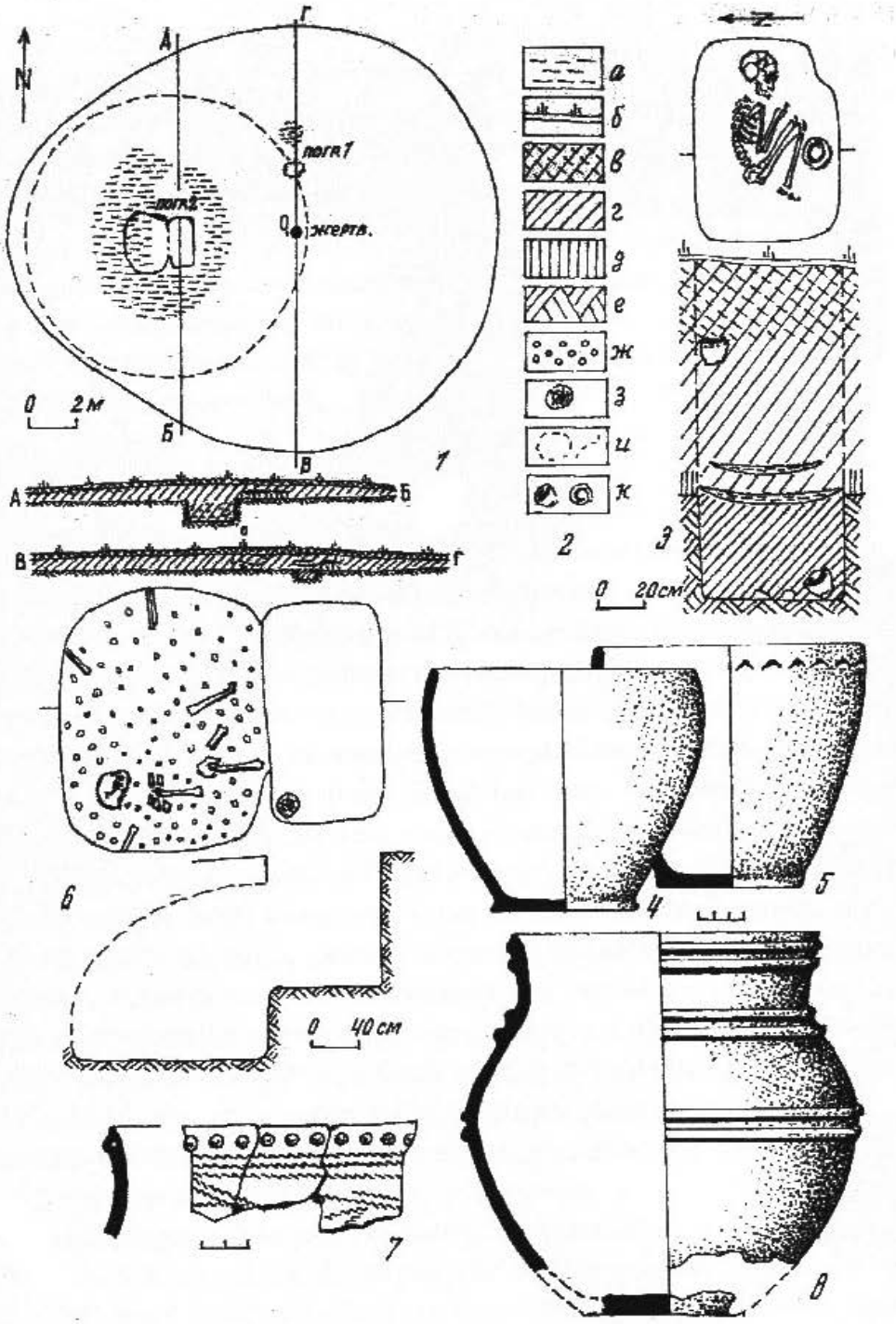


Рис. 1. Новохарьковский курган. 1.План и профили; **2.**Условные обозначения (*а*-глина, *б*-гумус, *в*-старый пахотный слой, *г*-чернозем, *д*-погребенная почва, *е*-материк, *ж*-меловая крошка, *з*-дерево, *и*-условные контуры конструкции, *к*-сосуды); **3.**Погребение 1; **4.**Сосуд из погребения 1; **5.**Сосуд из насыпи; **6.**Погребение 2; **7.**Сосуд из погребения 2; **8.**Сосуд из жертвенника.

О ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ДОНУ

Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж, 1999. С. 47-57.

При изучении курганных культур эпохи бронзы долгое время не ставился вопрос о возможности существования у них носителей полиритуальных (или, по меньшей мере, биритуальных) погребальных установок: Этому соответствовала прочно утвердившаяся в науке точка зрения о безраздельном господстве в обществах, заселявших в то время степные и лесостепные «евразийские пространства, первобытно-общинных отношений, предполагавших (за известным исключением) единые для всех своих членов погребальные признаки.

Вместе с тем попытки сопоставления результатов палеодемографических реконструкций с реальным количеством курганных погребений в тех или иных регионах приводят в последнее время некоторых исследователей к признанию существования в древнеямном и катакомбном обществах биритуализма. Правда, он объясняется исследователями по-разному: в одном случае зависимостью от сезонных колебаний смертности [1], в другом — половыми [2] и половозрастными различиями умерших [3], в третьем — совмещением разных экономических укладов и становлением дуальной организации общества [4]. При этом ритуал захоронений под курганами неизменно оценивается как более распространенный в обиходе, что, казалось бы, подтверждается весьма скромным числом выявленных на сегодняшний день грунтовых погребений.

Однако есть определенная сумма наблюдений, которая позволяет осуществить иной подход, к оценке погребальных установок в рассматриваемую эпоху. В основе этого подхода заложено признание прямой зависимости курганных сооружений от социальной принадлежности умерших, т. е. курганы воздвигались для представителей высшего сословия — вождей, жрецов и их ближайшего окружения, тогда как на рядовых членов общества такое проявление социального престижа не распространялось. Обоснование данного подхода мною уже было предпринято [5; 6], и здесь, не повторяя всей аргументации, остановлюсь лишь на суммарном освещении имеющихся сведений о грунтовых могильниках эпохи бронзы донского региона как на одном из ярких показателей существования сложных обрядовых установок.

Никольский могильник располагался на участке первой надпойменной террасы левого берега Дона близ дер. Никольское Задонского района Липецкой области. Здесь на протяжении 30-ти лет функционировал глиняный карьер, и, по сообщениям местных жителей, неоднократно встречались человеческие скелеты в сопровождении глиняных сосудов. Последние из находок — череп взрослого человека и три сосуда были переданы А.Н. Москаленко, которая в 1950 году предприняла обследование карьера и прилегающей площади. При шурфовке на разных глубинах почвенного слоя (25-95 см от поверхности) было выявлено еще четыре сосуда, а также расколотые кости животных. По мнению исследовательницы, шурфом оказалось затронуто жертвенное место на площади могильника эпохи бронзы [7]. Облик сосудов свидетельствует о том, что в могильнике совмещались захоронения катакомбной, абашевской и срубной культур.

Петропавловский могильник исследован в 1982 году В.И. Погореловым и позднее результаты исследования были им опубликованы [8]. Располагался на участке высокого берега реки Толучеевки близ хут. Чехурск Петропавловского района Воронеж-

ской области (Донское Левобережье). Под задернованным слоем чернозема (0,6-0,8 м) на разной глубине выявлено 14 захоронений, по своим признакам образующих две группы. Первая из них характеризуется катакомбными конструкциями с неустойчивой ориентировкой, с Н-образным, а в одном случае — с Т-образным сочленением шахты и камеры, с различными комбинациями сочетания охры, мела, органической подстилки и следов огня. Одно из погребений (детское) сопровождалось глиняным сосудом и еще одно — костяными лощилом и мотыгообразным предметом. Данную группу захоронений исследователь отнес к развитому этапу среднедонской катакомбной культуры. Вторая группа погребений характеризовалась размещением на уровне материка, ввиду чего форма и размеры ям не фиксировались. В двух случаях установлена позиция умерших скорченно на левом боку, с руками у лица, с северной и северо-восточной ориентировкой. Захоронениям сопутствовали бараньи астрагалы, путовые кости лошади, медвежий клык, бронзовые подвески и глиняные сосуды. Данные погребения исследователь соотнес с материалами доно-волжской абашевской культуры, отмечая при этом их известную специфику. Из трех подлежащих определению скелетов могильника два принадлежали детям и один — мужчине высокого роста.

Мосоловский могильник был выявлен на площади поселения металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы и получил характеристику в исследовании А.Д. Пряхина [9]. Могильник располагался в основном на склоне северной стороны мыса (высота 7 м) левого берега реки Битюг напротив с. Мосоловка Аннинского района Воронежской области (Донское лесостепное Левобережье), и содержал 11 захоронений.

Из семи захоронений взрослых, преимущественно женщин, сопровождавшихся глиняными сосудами, в двух случаях прослежена позиция умерших скорченно на левом боку с восточной и северо-восточной ориентировкой, а в одном случае — на правом боку с разворотом на живот и с ориентировкой на ССВ. К данной группе определенно примыкает в культурно-хронологическом отношении безынвентарное расчлененное погребение мужчины. Автор раскопок соотносит время появления могильника с поздним этапом срубной культуры, после прекращения функционирования поселка.

Могильник Терешковский Вал находится на дюнном всхолмлении (высота 3 м) левого берега реки Богучарки при ее слиянии с Доном, близ с. Терешково Богучарского района Воронежской области (рис. 1, 2), что географически соответствует северной окраине степной зоны. Здесь в процессе раскопок в 1989 г под руководством автора [10] на площади могильника мастеров по изготовлению каменных наконечников стрел [11] выявлены три погребения, принадлежащие иному этнокультурному кругу.

Одно из них совершено в округло-подпрямоугольной яме, слегка углубленной в материковый песок (рис. 1, 3). Уровень впуска ямы стратиграфически не прослеживался. На густо посыпанном охрой полу лежал скелет взрослого человека скорченно на спине, головой на восток, кисти рук положены на таз. Погребение безынвентарно. По обрядовым признакам скорее всего принадлежит первому хронологическому этапу древнеямной культуры. Второе захоронение, как и предыдущее, выявлено при зачистке материка в неглубокой подпрямоугольной яме. На полу лежал скелет взрослого человека скорченно на правом боку с восточной ориентировкой (рис. 1, 4). С учетом сильной степени скорченности скелета, данное захоронение можно отнести к позднему периоду катакомбной культуры. Последнее из рассматриваемых погребений выявлено в овальной яме, прорезавшей с высоты 0,6 м над материком заполнение постройки срубного времени. На полу находился сильно скорченный скелет взрослого человека на левом боку с ориентировкой на ВСВ, кисти рук положены под голову, колени подтя-

нуты к груди (рис. 1, 5). Здесь же, у груди, стоял неорнаментированный сосуд баночной формы (рис. 1, 6). Все признаки данного погребения типичны для срубной культуры.

Новохарьковский могильник открыт Т.Ю. Березуцкой в ходе разведочных работ в 1990 году. В 1994 году здесь велись раскопки силами экспедиции ВГПУ, а в последующие годы — Славянским отрядом экспедиции ВГУ под руководством А.З. Винникова [12]. Раскопом вскрыта часть обширного грунтового могильника периода средневековья, и здесь же было выявлено шесть захоронений эпохи бронзы. Могильник занимает всхолмление первой террасы на правом берегу реки Ольховатка близ села Новохарьковка Ольховатского района Воронежской области (донское Правобережье). Поднятость террасного всхолмления над уровнем поймы не превышает шести метров (рис. 2, 1). Надматериковые наслоения (с учетом многолетней распашки) колеблются в пределах метра. Материк — песок. Интересно отметить, что погребения эпохи бронзы концентрируются на небольшом участке, ограниченном круговой траншеей (пока еще не полностью исследованной), шириной в среднем около метра и глубиной в материке до 0,4 м. В плане траншея имеет угловатую форму (рис. 2, 3).

Погребение 1 совершено в прямоугольной яме, принадлежало взрослому индивиду, ориентированному на ЗЮЗ. В области головы находилось два баночных сосуда срубного облика (рис. 3, 5). Погребение сильно разрушено грабительским шурфом.

Погребение 2 — яма неровно прямоугольной формы (140×120 см) без следов захоронения человека и отсутствии обрядовых признаков. Ориентирована по линии СЗ-ЮВ.

Погребение 3 выявлено на уровне материка в пределах рассмотренной ямы, принадлежало ребенку, положенному скорченно на левый бок, головой на восток, (рис. 2, 4). Напротив груди стоял сосудик баночной формы (рис. 3, 6). Погребение относится к срубной культуре.

Погребение 4 обнаружено в почвенном слое несколько выше материка. Скелет взрослого человека лежал скорченно на правом боку головой на юго-восток, руки согнуты в локтях и ладонями обращены к лицу (рис. 2, 5). У головы и коленей найдены фрагменты от сосуда с уступчатым профилем, с гребенчатым и шнуровым орнаментом (рис. 3, 3-4). Захоронение принадлежит катакомбной культуре.

Погребение 5 совершено в яме подпрямоугольной формы (0,83×0,5 м), едва врезанной в материк. Скелет взрослого человека лежал скорченно на левом боку головой на юго-запад, руки протянуты вперед (рис. 2, 6). Обрядовые признаки указывают на принадлежность захоронения срубной культуре.

Погребение 6 представляло собой катакомбную конструкцию в виде неровно подпрямоугольной шахты (1,3×1,0 м), сочлененной одной из длинных сторон с овальной камерой (1,8×1,2 м). Лежавший на полу камеры скелет взрослого человека плохо сохранился, но можно фиксировать его скорченную позицию на правом боку с ориентировкой на запад-северо-запад (рис. 2, 7). Напротив живота был поставлен глиняный горшок с высоким раструбным горлом, украшенный оттисками перевитого шнура в «елочку» и пальцевыми защипами (рис. 3, 1). Захоронение принадлежит развитому этапу среднедонской катакомбной культуры.

В пределах этой же площадки вне связи с какими-либо из погребений в почвенном слое находился развал сосуда яйцевидной формы с уступом у края венчика и с орнаментом в верхней половине в виде горизонтальных оттисков шнура. Глиняное тесто без видимых примесей (рис. 3, 2). Типологически сосуд более всего сопоставим с материалами древнеямной культуры.

Самотоевский могильник расположен на площади мезолитической стоянки, от-

крытой Т.Ю. Березуцкой в 1994 году. Позднее здесь велись раскопки силами археологической экспедиции Липецкого пединститута под руководством А.Н. Бессуднова [15]. Могильник занимает соседнее с предыдущим памятником террасное всхолмление (рис. 2, 1) с аналогичными признаками топографии и литологии. К настоящему времени выявлено пять захоронений, составляющих, видимо, лишь часть могильника (рис. 2, 8). Захоронения совершены в ямах овальных и подпрямоугольных очертаний, едва врезанных в материковый песок (рис. 2, 9-13). Уровень впуска ям стратиграфически не прослеживался. Все погребения принадлежали детям. Три из них положены скорченно на правом боку (один с разворотом на живот), два — на левом боку (один с разворотом на живот). Ориентировка восточная и северо-восточная. Во всех фиксируемых случаях руки умерших были согнуты в локтях, а кисти направлены к голове. Напротив лица каждого из умерших было поставлено по сосуду баночной формы (рис. 3, 7-11). В целом, принимая во внимание компактность размещения погребений без их взаимонарушения, а также сходство между собой обрядовых признаков и сосудов, могильник может рассматриваться как единокультурный в узких хронологических рамках бытования срубной общности.

Крутогорский могильник был открыт И.А. Козмирчуком в 1996 году и позднее им исследован. Находился на краю мыса высокой боровой террасы правого берега реки Воронеж близ с. Крутогорье Липецкого района Липецкой области. Содержал пять захоронений, три из которых — детские, скорченные правобочные в ямах, в сопровождении сосудов, рогового топора и кремневого ретушированного отщепа. Здесь же находился еще один череп ребенка, а в осыпи — кости скелета взрослого человека с аналогичным сосудом. Фиксировалась слабая подсыпка охры. Облик сосудов, включая орнаментальные композиции, предполагает связь погребений с донецким катакомбным миром и по времени может быть соотнесен с первым этапом среднедонской катакомбной культуры.

Таганский могильник расположен на пойменном всхолмлении в левобережье р. Битюг у с. Лосево Павловского района Воронежской области. Обнаружен и в течение последних лет исследуется Ю.П. Матвеевым.

Подведем некоторые итоги нашим исследованиям. Прежде всего можно говорить о том, что грунтовые могильники эпохи бронзы в бассейне Дона - явление не экстраординарное. Они заявили о себе и в Правобережье и в Левобережье Дона, в его лесостепной и лесной частях. Столь же широко, практически в соответствии с ареалом распространения курганных могильников, отмечены грунтовые погребения древнеямной, катакомбной и срубной культур, причем с признаками, характерными для всех этапов их развития. Этот тезис требует, правда, известной оговорки относительно захоронений срубного облика, поскольку Мосоловский могильник маркирует заключительный этап культуры, а другие срубные грунтовые погребения вполне сопоставимы как между собой, так и с мосоловскими. Вместе с тем яркий пример бытования бескурганного погребального обряда и в ранней срубной среде дают материалы сопредельной территории — Саратовского Поволжья [14, с. 27-47]. Кстати, там же (и в левобережной, и в правобережной части) имеются аналогичные свидетельства применительно и к древнеямным, и к катакомбным древностям [15, с. 98-118]. В связи с этим уместно напомнить, что для других степных регионов тоже имеются данные о грунтовых могильниках эпохи бронзы [16].

Топография рассматриваемых памятников достаточно разнообразна, но чаще они встречены на приречных участках с незначительной высотной отметкой. Обнару-

жение их чрезвычайно затруднено ввиду отсутствия внешних признаков и, главным образом, ввиду неразработанности методики их поиска. Думается, что именно эти обстоятельства создают количественный приоритет курганным захоронениям.

Конструктивные признаки погребальных устройств практически не отличаются от курганных. Пока не наблюдается и существенной разницы в их размерах. В ряде случаев система размещения погребений как бы повторяет установки курганного обряда: по кругу (катакомбная группа Петропавловского могильника), в пределах кольцевых канавок (Таганский и Новохарьковский могильники).

Половозрастные данные захороненных в грунтовых могильниках в суммарном виде имеют достаточно широкий разброс, но с преобладанием взрослых индивидов и как будто бы в равном соотношении представителей мужского и женского пола. Однако в Мосоловском могильнике абсолютно преобладают захоронения женщин, а в Самотоевском — детей. Но и здесь необходимо оговориться, что эти памятники далеко еще не исчерпаны в плане реальной полноты информации.

В системе обряда грунтовых погребений можно наблюдать те же элементы, что и в курганах: посыпка охры, наличие мела, органических подстилок, сопровождение астрагалами, сосудами, некоторыми видами орудий труда и украшений. Правда, само количество изделий и их наборы в каждом из погребений выглядят более скромно. В частности, в погребениях древнеямной и катакомбной культур пока не встречено в комбинациях медных и бронзовых ножей, шильев, топоров, долот, тесел, а также такого специфического типа сосудов, как курильницы. В погребениях срубной культуры отсутствуют остроребериые горшки.

Таким образом, в суммарном виде имеющиеся материалы не подтверждают ни одно из отмеченных выше предположений исследователей относительно сущности биритуальных установок в эпоху бронзы. Но отсюда же можно сделать заключение: определяющим признаком биритуализма является сам факт наличия или отсутствия курганного устройства. А в этом заложен и главный принцип социального свойства: организация кургана требовала громадных иррациональных затрат общественно полезного труда и времени.

Приведенный обзор носит сугубо предварительный характер. Затронутый источник, несмотря на скромный объем, ставит немало вопросов, требующих специального исследования.

В числе таких вопросов находится, например, оценка соотношения в катакомбной культуре по типам памятников социально престижных признаков, к которым я отношу использование охры, огня, жертвенники, прижизненную деформацию голов и др. Одним из объяснений тому, что они встречаются в грунтовых погребениях, может служить предположение о захоронении знатных лиц в ходе передвижений на территории, занятой чуждыми этническими и социально-политическими объединениями. Так, за пределами северной границы катакомбного ареала на Дону, промаркированного курганами, оказались Никольский и Крутогорский грунтовые могильники с катакомбными погребениями.

Трудно пока однозначно оценить и грунтовые могильники с абашевскими чертами (Петропавловский могильник), поскольку такой ритуал, как мне представляется, традиционен для ранней донской абашевской культуры. Однако с появлением на Дону покровско-абашевских памятников социальная сущность устройства курганов рано или поздно должна была быть принятой и в местной среде. Но по каким критериям следует определять грань внедрения новых установок? Тем более, что покров-

ско-абашевское общество само находилось в состоянии широких миграционных передвижений.

Такого рода вопросы отнюдь не противоречат признанию широкого распространения на Дону в эпоху бронзы погребального биритуализма в нашем понимании его сущности.

Библиографический список

1. Шевченко А.В. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы. — Л., 1986.
2. Хлобыстина М.Д. Вопросы изучения структуры андроновских общин алакульского типа. // СА. — 1975. — № 4.
3. Пустовалов С.Ж., Степанова М.О. Динамика численности степного населения Украины по материалам курганных могильников // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.). — Киев, 1991.
4. Шилов Ю.А. Прародина ариев. — Киев, 1996.
5. Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. — Воронеж, 1996.
6. Синюк А.Т. К оценке результатов использования погребений эпохи бронзы в палеодемографии // Археологические исследования высшей педагогической школы. — Воронеж, 1996.
7. Москаленко А.Н. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону // КСИИМК. - 1952. - Вып. XLIII.
8. Погорелов В.И. Петропавловский грунтовый могильник эпохи бронзы на реке Толучеевке // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. — Воронеж, 1989.
9. Пряхин А.Д. Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы. — Воронеж, 1993.
10. Синюк А.Т. Отчет о проведении работ в Богучарском и Острогожском районах Воронежской области в 1989 году. — Архив ИА РАН.
11. Синюк А.Т. Древние погребения мастеров по изготовлению каменных наконечников стрел в степном Придонье // Древняя история населения Волго-Уральских степей. — Оренбург, 1992.
12. Винников А.З. Отчет о раскопках Новохарьковского грунтового могильника в 1994 г. - Архив ИА РАН; он же. Отчет о раскопках Новохарьковского грунтового могильника в 1997 г. - Архив ИА РАН; он же. Отчет о раскопках Новохарьковского могильника в 1998 г. - Архив ИА РАН.
13. Бессуднов А.Н. Отчет о раскопках в 1996 г. - Архив ИА РАН; он же. Отчет о раскопках в 1997 г. - Архив ИА РАН.
14. Тихонов В.В. Грунтовой могильник Калач в Саратовском Заволжье // Охрана и использование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. — Саратов, 1996.
15. Дремов И.И. Грунтовые могильники эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и использование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996.
16. Тощев Г.Н. О грунтовых могильниках катакомбной культуры // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. — V в. н. э. - Тирасполь, 1994.

Таблица 1

Обрядовые признаки из грунтовых могильников бассейна Дона

МОГИЛЬНИКИ	РАЗМЕРЫ МОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ (СМ)	ПОЛ	ВОЗРАСТ	ПОЗИЦИЯ	ОРИЕНТИРОВКА	ОХРА	СОСУДЫ	КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ	ПРИМЕЧАНИЯ
Терешковский Вал погр.1	210 X 120	М	взр.	Сп				др/ямн	
погр.2	122 X 75		взр.	Пр				катак	
погр.2	155 X 88		взр.	Лв	ВСВ		1	срубн	
Петропавловский погр.1	7 X 120		реб.	Пр	ССВ	+	1	катак	катакомба?,и одстилка, окись бронзы
погр.2								абаш	кости животных
погр.3		М	взр.	Лв	СВ		2	абаш.	8 астрагалов, металл
погр.4	170 X120							катак	катакомба, мел
погр.5	150 X 100		реб.	Лв	СЗ		1	катак	4 астрагала
погр.6							1	абаш	
погр.7				Лв			1	абаш	
погр.8							1	абаш	1астрагал
погр.9							1	абаш	
погр.10	120 X 80							абаш	следы огня
погр.11	160 X 70					+		катак	
погр.12								абаш	
погр.13	160 X 100			Пр	ЮВ	+		катак	катакомба
погр.14	200 X 110				ЮЗ				катакомба, кость
Мосоловский погр.4		Ж	30-40	Живт.	ССЗ		1	срубн	
погр.5			взр.				1	срубн	
погр.6			35-40	Лв			2	срубн	
погр.7		Ж	30-35				1	срубн	
погр.8		Ж	35-45	Пр/живт	ССВ		1	срубн	
погр.9			взр.				2	срубн	
погр.10		М	взр.					срубн	расчлененное
погр.11	120 X 70	Ж	30-35	Лв	ВСВ		1	срубн	
Новохарьковский погр.1	100 X 85		взр.		ЗЮЗ		2	срубн	
погр.2	140 X 120								
погр.3			реб.	Лв			1	срубн	
погр.4			взр.	Пр	ЮВ		1	катак	руки у лица
погр.5	83 X 50		взр.	Лв	ЮЗ			катак	
погр.6	180 X 120		взр.	Пр	ЗСЗ		1	катак	катакомба
Самотоевский погр.1	45 X 25		реб.	Пр/живт	СВ		1	срубн	
погр.2	33 X 25		реб.	Пр	ССВ		1	срубн	
погр.3	60 X 40		реб.	Лв	ВСВ		1	срубн	
погр.4	60 X 44		реб.	Пр	В		1	срубн	
погр.5	63 X 47		реб.	Лв/живт			1	срубн	
Никольский			взр.				6	катак абаш срубн	могильник разрушен карьером
Крутогорский погр.1			реб.	Пр			1	катак	роговой топорик, бронзовая подвеска
погр.2			реб.	Пр			1	катак	кремневый отщеп
погр.3			реб.	Пр			1	катак	
погр.4			взр.	Пр			1	катак	

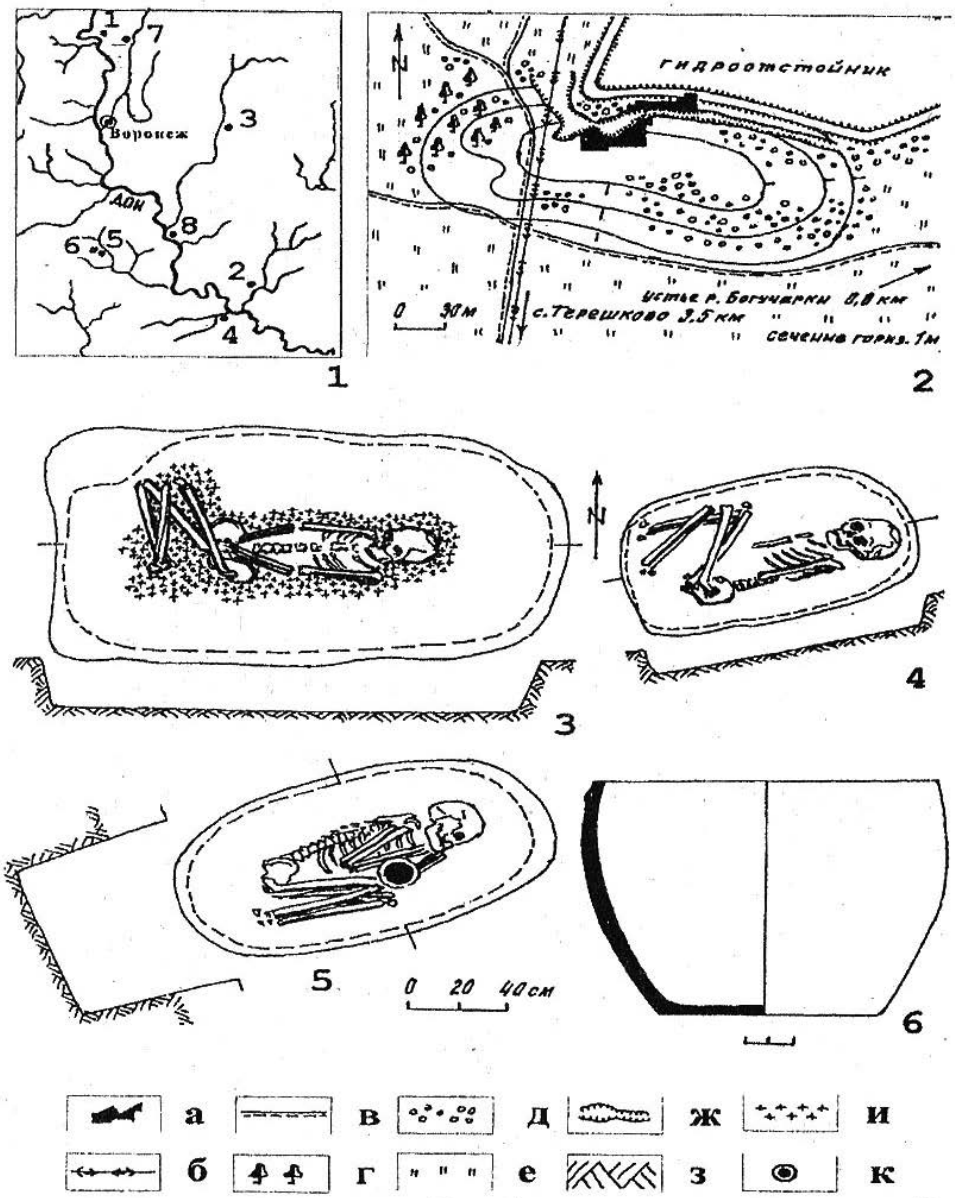


Рис. 1

Могильник Терешковский Вал

1 - карта расположения грунтовых могильников в Подонье; 2 - глазомерный план; 3 - древнеямное захоронение; 4 - катакомбное захоронение; 5 - срубное захоронение; 6 - срубное захоронение; 7 - условные обозначения (а - раскоп; б - ЛЭП; в - грунтовые дороги; г - лес; д - кустарник; е - луг; ж - границы карьера и траншеи; з - материк; и - охра; к - сосуд).

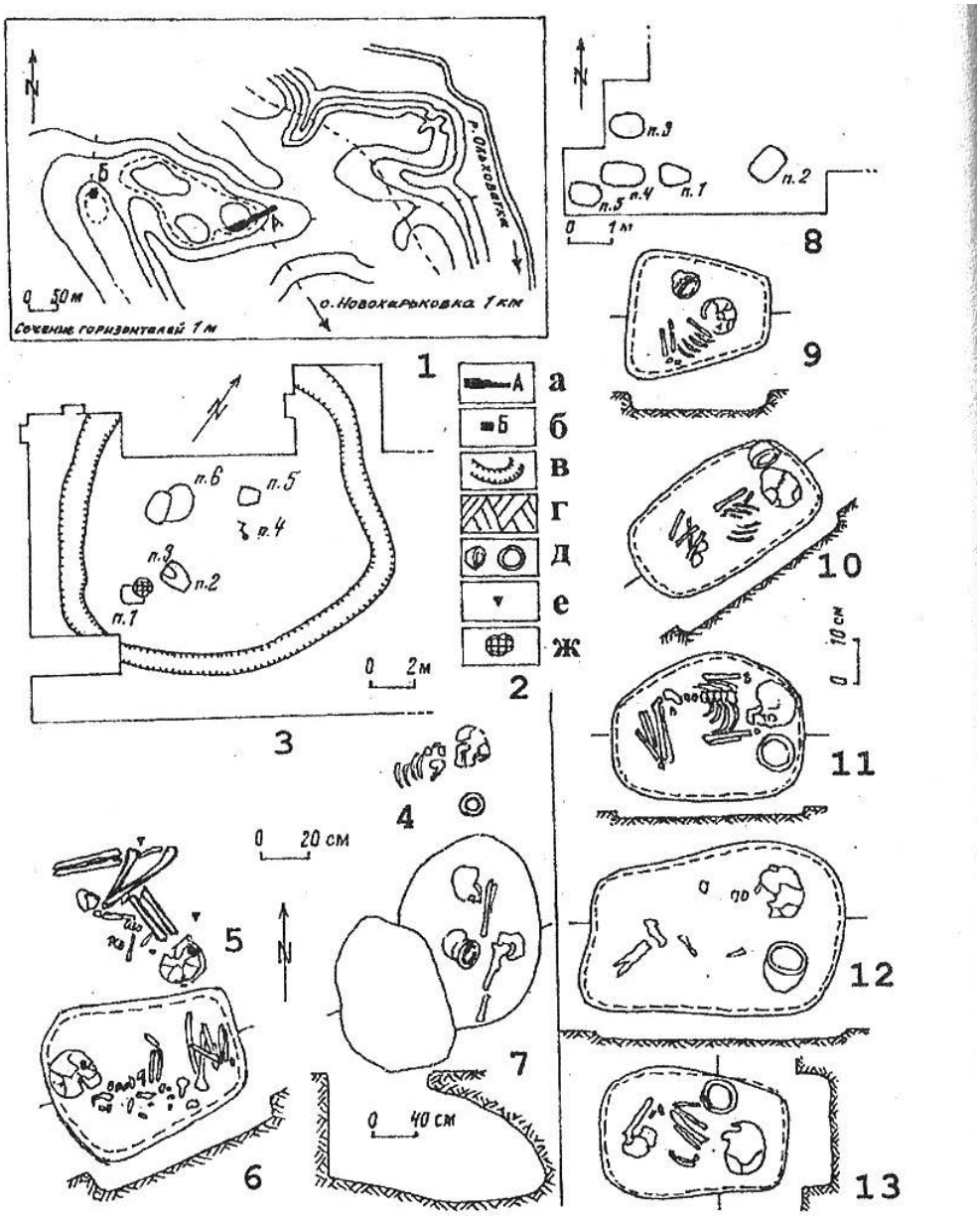


Рис. 2

Могильники Новохарьковский и Самотоевский

1 - глазомерный план; 2 - условные обозначения (а - раскоп на Новохарьковском могильнике; б - раскоп на Самотоевском могильнике; в - кольцевой ровик; г - материк; д - сосуды; е - места находок фрагментов сосудов; ж - поздний перекоп); 3 - Новохарьковский могильник; 4 - погр. 3; 5 - погр. 4; 6 - погр. 5; 7 - погр. 6; 8 - Самотоевский могильник; 9 - погр. 1; 10 - погр.2; 11 - погр. 3; 12 - погр. 4; 13 - погр. 5.

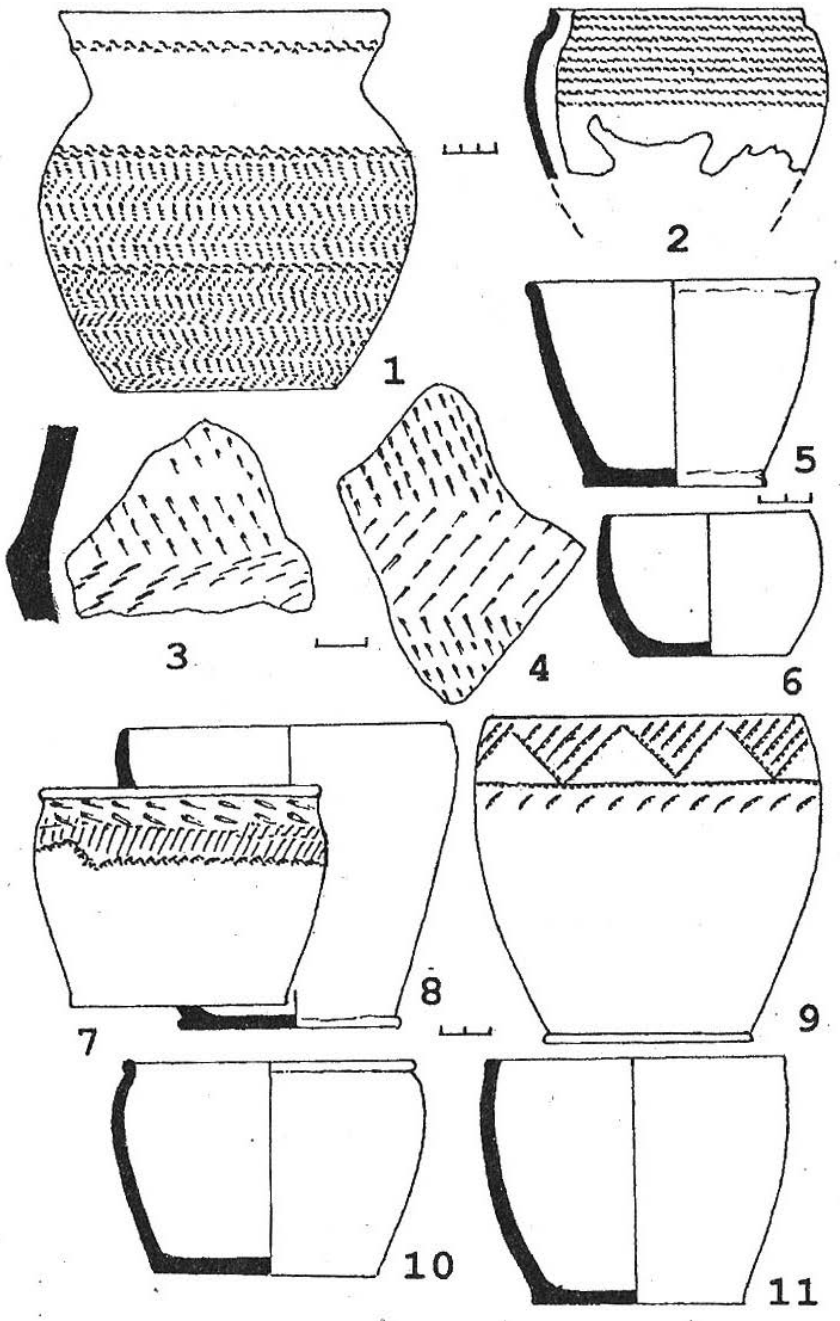


Рис. 3

Керамический материал из Новохарьковского (1 - 6) и Самотоевского (7 - 11) могильников

1 - погр. 6; 2 - с площади могильника; 3, 4 -погр. 4; 5. - погр. 1; 6 - погр. 3; 7 - погр. 1; 8 - погр. 2; 9 - погр. 3; 10 - погр. 4; 11 - погр. 5.

2000

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДОНСКОЙ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Материалы международной научной конференции. Воронеж, 2000. С. 71-73.

При рассмотрении памятников срубного облика в рамках обширной культурной общности значительно усложнилась и сама проблема се изучения, включая вопросы о выделении слагающих ее культур и уточнении границ, о соответствии культур (в сумме и по отдельности) конкретным этносоциальным структурам древности, о формах взаимодействия и механизме сохранения черт культурного сходства и т.п. При этом обнаруживается тенденция к удревнению времени появления срубных памятников, что, в свою очередь, заставляет по-новому ставить вопросы о периодизации культур и их синхронизации с окружающим этнокультурным миром.

Все перечисленные, а также многие другие вопросы встают и при изучении памятников, ныне рассматриваемых в рамках культуры, получившей название донской лесостепной срубной. Полное освещение результатов ее исследования еще ждет своего времени. В данном сообщении мне бы хотелось затронуть лишь два вопроса, связанных с ее изучением. Первый: о реальных возможностях определения южной границы культуры (лесостепь — степь), а в связи с этим — о степени правомерности предложенного ей названия; второй: о степени перспективности разработки существующих подходов к выяснению происхождения памятников срубного облика в бассейне Дона. Замечу, что в моем представлении эти два аспекта теснейшим образом взаимосвязаны.

При выделении любой археологической культуры прежде всего очерчивается, пусть и с известной долей условности, ее территория.

Несколько легче это удается сделать для культур в срединных районах стабильных природно-географических зон (лес, степь), но и здесь неизбежна условность, поскольку естественно предполагать изменение границ культуры во времени. Однако исследовательская ответственность, как и в пашем случае, возрастает, когда территория ее и название ставятся в зависимость от такой специфической зоны, каковой является лесостепь. Помимо предположения о колебании границ культуры во времени здесь требуется обоснование совмещения их с природной зоной, стабильность которой можно предполагать только в самых общих чертах. На мой взгляд, доказать это представляется весьма проблематичным, поскольку ни в одном случае самые разные виды источников не дают примера для рассмотрения лесостепи как очага этногенеза, а следовательно, как области зарождения «чистых», не синкретических культур.

Для проверки сказанного нами был предпринят сравнительный анализ срубных погребений ряда донских курганных могильников, расположенных как южнее современной границы лесостепи и степи по линии Валуйки — Павловск — Борисоглебск (Первый и Второй Богучарские, Ширяевский, Насековский, Плодосовхозный и др.), таки севернее (Стояновский, Хохольский, Верхне-Мазовский и др.). В целом,

какой-либо устойчивой комбинации признаков, позволивших бы ставить вопрос о культурном членении памятников по зональному принципу, не прослеживается. Вместе с тем это не означает, что в бассейне Среднего Дона имела место исключительно единородная культура срубного времени. Видимо, в нашем распоряжении пока еще нет надежного аналитического индикатора, способного улавливать различия в кажущемся этнокультурном монолите. Как правило, обнаруживаемые различия сопоставляются с этапами развития культуры. Считаю, что даже с учетом имеющихся стратиграфических данных (и курганов, и поселений) этот подход, никак его не умаляя, нуждается в более глубокой проверке, оставляющей место для выявления мотивов этносоциального порядка.

Говоря об отсутствии признаков, позволивших бы идентифицировать границы донской срубной культуры с границами лесостепи, различие в материалах самих памятников все же улавливается. Но это различие несет лишь количественный характер: большее или меньшее включение культурного компонента, связанного с кругом памятников абашевского (по другой терминологии - покровско-абашевского) облика. При этом ряд памятников именно степной зоны наиболее зримо наделен таким компонентом. В известной степени данное наблюдение диссонирует с позицией тех исследователей, которые рассматривают происхождение срубной культуры как процесс последовательного переоформления доно-волжских абашевских древностей (от абашевских к абашевско-срубным, а далее - к срубно-абашевским и срубным). Но здесь следовало бы предполагать ситуацию, обратную отмеченной, поскольку ко времени появления срубных памятников степь и юг лесостепи бассейна Дона находились под доминантой катакомбного этнокультурного мира, и всплеска активности местных абашевских традиций (еще имевшихся в северной части лесостепи) на этом участке донской территории, как показывают материалы, быть не могло. Но из этого же следует, что фиксируемый здесь абашевский компонент несет опосредованный характер, привнесенный из более юго- восточных от Дона степных территорий, где абашевское участие в сложении срубных древностей мною, как и многими другими исследователями, полностью признается. Другой разговор, что в дальнейшем, адаптируясь в условиях лесостепи, включенный в срубную культуру абашевский компонент (как и другие местные — воронежский, катакомбный) мог варьировать по степени проявления во времени и в пространстве.

Таким образом, по существу затронутых аспектов можно считать, что имеющийся на сегодняшний день круг источников пока не подтверждает правомерность ограничения донской срубной культуры рамками лесостепной зоны, а дальнейшая разработка проблемы ее происхождения с позиции признания главенства внешних факторов, или, иными словами, признания ее пришлого характера на Дону наиболее перспективна.

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА СРЕДНЕГО ДОНА

Хронология неолита Восточной Европы. Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти д.и.н. Н.Н. Гуриной. Санкт-Петербург, 2000. С. 71-72.

Мозаичность этнокультурного содержания неолита Среднего Дона, связанная с географическим положением региона между зонами Леса и Степи, создает очевидные преимущества для решения проблем синхронизации и размещения разнокультурных комплексов на единой хронологической шкале. Однако эта работа не будет эффективной без многоплановой корректировки, учитывающей как природную, так и историческую специфику Лесостепи, совсем не предполагавшую жесткой и неизменной на протяжении неолита границы, которая бы делила северный (лесной) и южный (стенной) этнокультурный мир.

На сегодняшний день в пределах лесостепного Дона известны практически только сезонные промысловые стойбища многократного использования, широко рассеянные во времени. Но именно такой тип памятников раскрывает динамику взаимодействия культур и их хронологического следования. Стратиграфия ряда стоянок (Черкасская, Копанище 1 и др.) подтверждает имевшую место ситуацию хронологически «чересполосного» бытования разнокультурных комплексов, что, в свою очередь, требует известной осторожности при выстраивании периодизационной колонки культур по данным отдельно взятого того или иного памятника. Более определенно можно говорить лишь о хронологическом приоритете появления, или доживания той, или другой культуры.

Начало неолитической эпохи в Донской Лесостепи связано с появлением памятников среднедонской культуры синхронно времени распространения комплексов с ранней накольчатой керамикой (включая елшанский тип) на сопредельных и более южных территориях (Прикаспий, Заволжье, Нижний Дон и др.).

Появление в северной части Донской Лесостепи памятников рязанско-долговской культуры с ранней ямочно-гребенчатой керамикой и начало ее взаимодействия с местным накольчатым неолитом определяется временем до первых проникновений на эту территорию древнейших скотоводческих групп мариупольской культурной области, что маркируется стратиграфией стоянок Университетская 3, Долговская и др. По существующим хронологическим разработкам это соответствует времени не позднее середины IV тысячелетия до н.э.

Именно с указанного времени (уже на пережиточно-неолитической стадии) здесь отмечается развертывание процесса поликультурного бытования, получавшего подпитку как из лесного этнокультурного мира (рыбноозерская культура с гребенчато-ямочной керамикой, окско-деснинская культура с ромбоямочной керамикой и др.), так и с юга, из среды скотоводческих племен (среднестоговской, а затем и репинской энеолитических культур). Период их взаимодействия приходится на вторую половину IV и вплоть до конца III тысячелетия до н.э. Все это весьма красноречиво иллюстрируется оформлением смешанных типов материалов (черкасский, дронихинский и др.).

Источники свидетельствуют, что сложная полиэтничная и поликультурная ситуация была порождена исключительно высокой демографической емкостью Лесостепи, сохранявшей на длительное время механизмы параллельного бытования культур, а это следует рассматривать в качестве ее яркой исторической специфики.

Разработка проблем абсолютного датирования неолита рассматриваемого региона пока сдерживается своеобразием условий мест нахождения памятников — в легких пойменных речных отложениях, крайне редко содержащих древесные остатки, а в плане палинологического анализа дающие известные отклонения. Вместе с тем, с учетом имеющихся радиоуглеродных дат (стоянки Университеская 3, Черкасская) совокупность наблюдений позволяет рассматривать неолит Среднего Дона в рамках V — III тысячелетий до н.э.

Необходимо отметить, что установление верхнего рубежа неолита всецело зависит от датировки не только энеолитических, но и раннебронзовых культурных образований, прежде всего — древнеямного и катакомбного, поскольку на Среднем Дону имеются синхронные им культурные комплексы, (в частности, с материалами иванобугорской культуры), включающие заметные элементы неолитических традиций.

2002

САМОТОЕВСКИЙ ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002. С. 96-102

Могильник расположен на дюнообразном всхолмлении первой надпойменной террасы правого берега р. Ольховатки, примерно в километре к северо-западу от села Новохарьковка Ольховатского района Воронежской области (Донское Правобережье) (рис. 1, а).

Всхолмление размерами 300×60 м поднято над поймой на 6 метров, вытянуто по линии ССЗ-ЮЮВ. На соседнем террасном возвышении (с восточной стороны) находится известный Новохарьковский могильник средневекового периода, где было также выявлено несколько захоронений эпохи бронзы, сведения о которых мною публиковались вместе с первыми результатами раскопок Самотоевского могильника (Синюк А.Т., 1999, с. 60-62, рис. 2, 3).

На тот период времени в могильнике было выявлено пять захоронений, а позднее, в связи с продолжением раскопок памятника, число их увеличилось до пятнадцати. Отметим, что здесь же встречено и средневековое захоронение, аналогичное новохарьковским.

Все погребения размещены на площади одноименной мезолитической стоянки, в центральной и восточной склоновой части северной оконечности террасного всхолмления. Исследованная площадь составила 364 м. Поверхность всхолмления, как и прилегающая территория, подвержена многолетней распашке.

Наслоения мощностью от 0,95 до 1,05 м залегают на материковом песке, представляют собой однородную осветленную супесь, более гумусированную лишь в пределах пахотного слоя (толщина последнего — до 0,4 м).

Выявленные погребения эпохи бронзы фиксировались в материке и на нем, тогда как уровня их впуска, а также контуров могильных сооружений и выкидов из них в надматериковых отложениях не прослеживалось. Как наслоения, так и поверхность материка потревожены норами грызунов. Погребения концентрировались в склоновой юго-западной части раскопа (рис. 1, б). Размещение их не обнаруживает какой-либо строгой системы, хотя говорить о полной исследованности могильника нельзя: если его северо-восточная граница хорошо очерчивается, то в других направлениях могильник может иметь продолжение. Поэтому приводимая ниже публикация материалов не исчерпывает, вероятно, всех информационных параметров памятника. Вместе с тем имеющиеся данные уже сейчас в самых общих чертах позволяют судить о времени, культурной принадлежности и ведущих обрядовых установках создателей могильника.

Как уже отмечалось, здесь выявлено 15 погребений. Степень их сохранности, равно как и совокупность обрядовых признаков, различны (см. табл. 1). В частности, лишь условно выделено погребение № 8 в виде сосуда, посколь-

ку не исключено, что основная часть погребения уходит за пределы раскопа (рис. 1, б). Девять захоронений достоверно принадлежат детям (№№ 1 — 7, 12, 13) и три (№№ 10, 11, 14) — взрослым (рис. 2). Взрослые индивиды положены скорченно на левый бок с руками у лица. Ориентированы в двух случаях на север, и в одном — на восток. Наряду с аналогичными обрядовыми установками три из девяти детских скелетов лежали на правом боку (погребения №№ 1, 2, 4), а один (погребение № 5) — на левом боку с завалом на живот (рис. 2).

Единственным атрибутом погребального инвентаря является глиняный сосуд, ставившийся у лица умершего (рис. 2). Исключение составляет погребение № 14 (взрослый индивид), где сосуды находились по обе стороны головы. Сосуды ставились на днище или положены на бок. В последних случаях (четыре из пяти) устья сосудов повернуты к лицу умершего. Лишь один сосуд (погребение № 8) был поставлен вверх дном.

Наряду с целыми формами сосудов, три погребения сопровождались только их фрагментами (погребения №№ 6, 7, 9). Развал сосуда выявлен также и вне погребальных комплексов (рис. 1, б). В общей сложности полное представление о форме и орнаментации сосудов дают 14 их экземпляров (рис. 3).

Все они отмечены единством технологических признаков: состав глины без органических примесей, поверхности светло-коричневого цвета, несут следы беспорядочной штриховки, иногда с дополнительным сглаживанием. Морфологически сосуды представлены банками и горшками с закраинами или небольшими поддонами. Преобладают банки (8 экз.) с прямым или зауженным верхом. Интересно отметить, что детские захоронения, за исключением лишь одного (погребение № 13), сопровождались баночными сосудами. Горшковидные сосуды (4 экземпляра) имеют округлое тулово с плавным переходом к S-видному венчику. Горшок с площади могильника имеет выраженную ребристость (рис. 3, 14). Система орнаментации сосудов достаточно проста: оттиски зубчатого штампа, составленные в зигзаг (рис. 3, 7, 9) или треугольники (рис. 3, 3, 6, 8, 12). Орнамент наносился на верхнюю треть поверхности сосуда.

Совокупность признаков погребений позволяет относить могильник к срубной культурной общности эпохи бронзы, причем признаки эти обнаруживают себя в материалах донской лесостепной срубной культуры как на ее раннем, так и на позднем этапе развития. В частности, из числа ранних признаков отметим наличие в погребении № 14 охры и сопровождение того же и еще одного погребения (№ 11) горшками, орнаментированными идентично сосудам из покровско-абашевских захоронений (рис. 3, 8, 12). Кстати, весьма сходно украшена и банка из погребения № 3 (рис. 3, 3). Здесь же отмечу и горшок из погребения № 8 с орнаментом в виде треугольников, составленных в «перевернутые пирамидки» (рис. 3, 6), что тоже соответствует традициям раннего периода срубной общности. Вместе с тем другие признаки (большой процент неорнаментированных банок, сильная скорченность ног умерших и др.) наиболее широко проявляют себя на поздних стадиях бытования местной срубной культуры.

Таблица 1

Обрядовые признаки погребений Самотоевского могильника.

№ погребения	Размеры могильных ям	Форма могильных ям	Возрастная группа умерших	Поза умерших	Угол скорченности ног	Размещение костей рук	Ориентировка умерших	сосуды	Форма сосуда	Наличие орнамента	Местоположение сосудов	примечания
1	60×50	Трапеция	Реб.	ПБ	Остр.		СВ	1	Банка	Нет	Перед лицом	Сосуд на боку устьем к лицу
2	85×50	Подпрямоуг.	Реб.	ПБ	Остр.	У Лица	СВ	1	Банка	Есть	Перед лицом	Сосуд на боку устьем к лицу
3	110×75	Подпрямоуг	Реб.	ЛБ		У лица	ВСВ	1	Банка	есть	Перед Лицом	Сосуд на боку устьем к лицу
4	80×50	Подпрямоуг.	Реб.	ПБ	Остр.	У лица	В	1	Банка	нет	Перед Лицрм	
5	80×60	Подокругл.	Реб.	ЛБ	Прям.	У Лица	В	1		Нет	Перед Лицорм	Скелет с завалом на живот
6	Не просл.		Реб.	ЛБ			ССВ	Фр.			Перед лицом	Отдельные кости и зубы скелета на уровне материка
7	80×80	Подпрямоуг.	Реб.					Фр				Отдельные кости скелета
8	Не просл.							1	Горшок	Есть		Погребение не доисследов.
9	Не просл.		Реб.	ЛБ	Остр.		В	Фр			Перед лицом	Кости скелета на уровне материка
10	Не просл		Взр.	ЛБ	Остр.	У Лица	С	1	Банка	Есть	Перед лицом	Сосуд на боку устьем к лицу
11	170×75	Подовальн.	Взр.	ЛБ	Остр.	У Лица	ВСВ	1	Горшок	Есть	Перед лицом	Сосуд на боку устьем к коленям
12	Не просл.		Реб.	ЛБ			В	1	Банка	Есть	Перед лицом	Кости скелета на уроне материка
13	70×45	прямоуг.	Реб.	ЛБ	Прям.	У Лица	В	1	Горшок	Нет	Перед лицом	
14	115×75	Подокругл.	Вр.	ЛБ	Прям.	У лица	С	2	Горшок, Банка	Есть	Перед лицом и у затылка	В области ног охра Зола и угли в ногах и у ладоней
15	80×80	Подокругл						1	Банка	Нет		Отдельные кости скелета

ПБ - правый бок;

ЛБ - левый бок;

Фр - фрагменты сосуда

Приведенные примеры оставляют открытым вопрос о конкретизации хронологических рамок памятника до его полного исследования. Более того, теоретически не исключена и иная интерпретация самого типа памятника: места под уничтоженным

распашкой курганом. Однако из многих сотен раскопанных в Среднем Подонье курганов нет случаев нахождения под одной насыпью такого числа срубных захоронений и чтобы все они были привязаны к уровню материка. К этому можно добавить топографическую специфику размещения памятника и заметно выраженный ритуальный стандарт, ограничивавший заупокойный инвентарь сосудом.

Свою позицию относительно типа рассмотренного памятника как грунтового могильника в системе других подобных памятников донской и сопредельных территорий мне приходилось излагать ранее и, как показывают результаты продолженных раскопок, она получает дополнительное подкрепление.

Литература

Синюк А.Т., 1999. О грунтовых могильниках эпохи бронзы на Дону // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж.

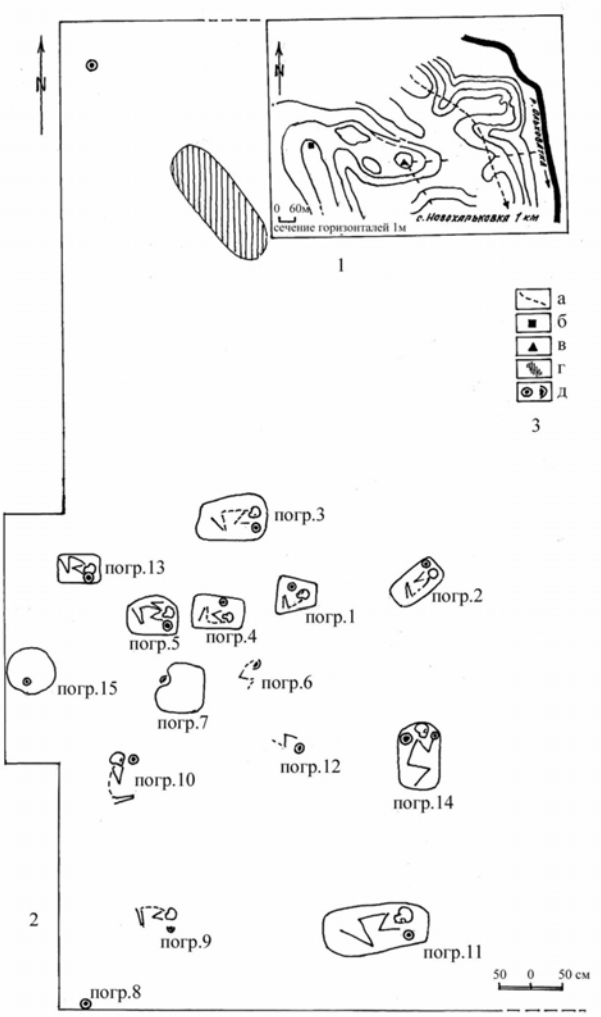


Рис.1
Самотоевский могильник.
1 – План местности; 2 – план раскопа; 3 – условные обозначения (а – грунтовая дорога; б – Самотоевский могильник; в – Новохарьковский могильник; г – средневековое захоронение; д – сосуды, фрагменты сосудов).

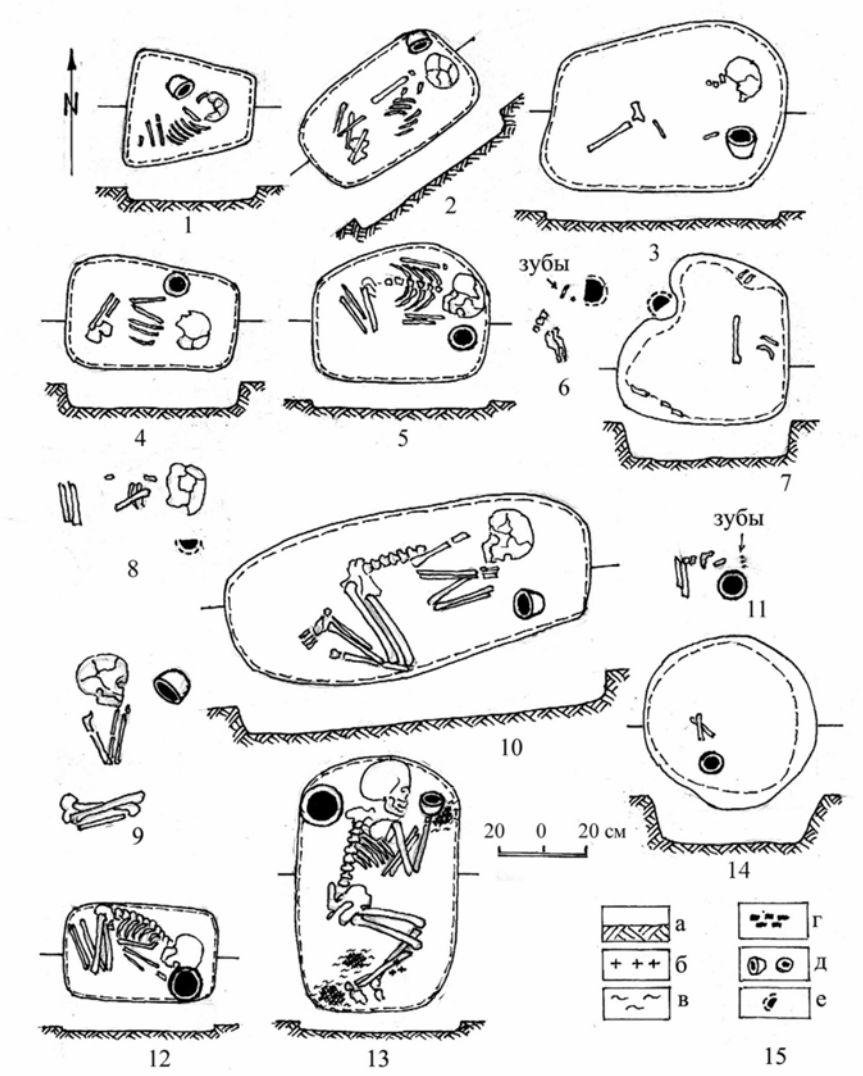


Рис. 2
Погребения Самотоевского могильника.
1 – погр. 1; 2 – погр. 2; 3 – погр. 3; 4 – погр. 4; 5– погр. 5; 6 – погр. 6; 7 – погр. 7; 8 – погр. 9; 9 – погр. 10; 10 – погр. 11; 11 – погр. 12; 12 – погр. 13; 13 – погр. 14; 14 – погр. 15; 15 – условные обозначения (а – материк; б – охра; в – зола; г – угли; д – сосуды; е – фрагменты сосудов).

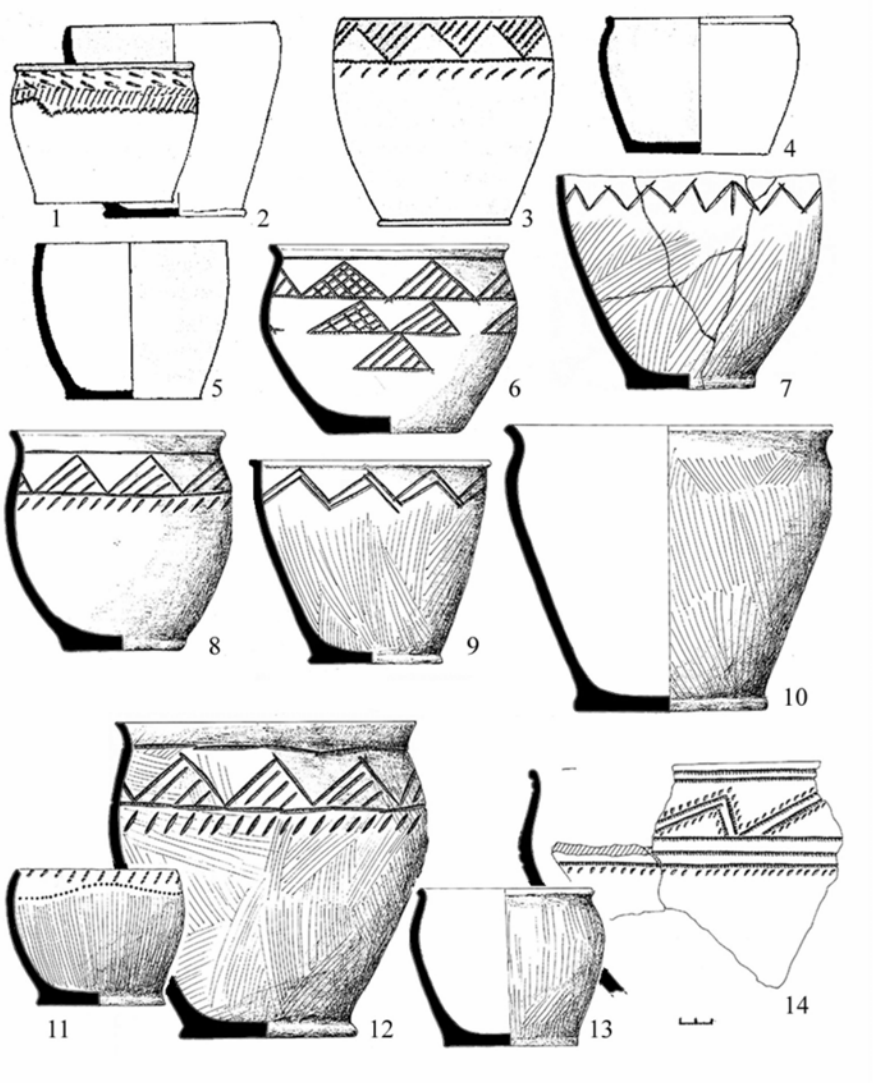


Рис. 3
Керамический материал Самотоевского могильника.
1 – погр. 1; 2 – погр. 2; 3 – погр. 3; 4 – погр. 4; 5– погр. 5; 6 – погр. 8; 7 – погр. 10; 8 – погр. 11; 9 – погр. 12; 10 – погр. 13; 11, 12 – погр. 14; 13 – погр. 15; 14 – с площади могильника.

2004

ПЛЯСОВАТСКИЕ КУРГАНЫ

Археологические памятники бассейна Дона. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2004. С. 162-177. В соавт. с В.Д. Березуцким, А.А. Зацепиным.

Два кургана, отстоящие друг от друга в километре по линии С-Ю, находились на ровном участке низкой террасы (до одного метра над уровнем поймы) левого берега р. Хава напротив села Плясоватка Верхнехавского района Воронежской области (Левобережье Среднего Дона) (рис. 1, 1).

Курганы обнаружены отрядом археологической экспедиции Воронежского педуниверситета (Березуцкий В.Д., 1991). Первый (южный) курган был исследован в 1998 г. в связи с разрушением насыпи глубокой распашкой и появлением на поверхности фрагментов лепных сосудов, а также кусков дерева от могильного перекрытия (Березуцкий В.Д., 1999). В 2001 г. по той же причине были произведены раскопки второго кургана (Березуцкий В.Д., 2001). Курганы исследовались с помощью бульдозера прямыми траншеями по линии С-Ю послойно на снос, с фиксированием особенностей структуры насыпей по стратификационным стенкам между траншеями. Все замеры для каждого кургана велись от нулевой отметки, взятой в центре поверхности насыпи.

Первый (южный) курган

Диаметр округлой в плане насыпи до начала раскопок составлял 56 м при высоте 1,6-1,8 м от современной поверхности. С севера, юга и запада курган более высокий, нежели с востока. По сообщениям местных жителей памятник подвергался разрушению сначала местным помещиком, затем — в послевоенное время.

В процессе раскопок выявлена следующая стратиграфия наслоений. Под пахотным слоем толщиной 0,25-0,3 м залегал однородный чернозем мощностью до 2,4 м (под нулевой отметкой) (рис. 1, 3). В центре насыпи этот слой оказался перемешанным из-за грабительского лаза (8,5×10 м), устроенного в 3,5 м к юго-востоку от нулевой отметки. Лаз ориентирован длинной осью по линии С-Ю. Он опускался до материка, представляющего собой вязкую желтую глину, углубляясь в него на 0,1-0,25 м. Тем самым была разрушена часть выкида из погребения с юго-восточной стороны. Выкид размещался на уровне погребенной почвы, отличавшейся от состава насыпи более темным цветом, и достигавшей толщины 0,6 м.

В перемешанном заполнении лаза в ходе раскопок были обнаружены куски дерева от могильного перекрытия, зубы и мелкие фрагменты костей травоядных животных, несколько мелких фрагментов керамики с примесью толченой раковины, стенка чернолощеного сосуда. Судя по находке последней, лазом, возможно, было уничтожено впускное погребение раннего железного века. Лаз, однако, не затронул основное погребение, не дойдя до него всего 0,5-0,7 м.

С запада выкид имел перемычку шириной до 3-х м (рис. 1, 3). Ширина выкида — 2,4 м (с Ю-В) и 5 м — с севера. Наибольшая мощность приходится на северную часть, где толщина его достигает 0,3-0,35 м (с юга — 0,2 м). При этом выкид отстоял от могилы на расстоянии 2-3 м. Отметим, что в бровке I-I' было видно, как материковый выкид лег на черноземную насыпку, расположенную на поверхности погребенной почвы (рис. 1, 4). Происхождение прослойки чернозема под глиной из основного погребения вызвано, скорее всего, особенностями сооружения могилы. В ходе ее создания строители выбросили сначала на древнюю поверхность значительный слой чернозема, а лишь затем на него легла материковая глина. С юга материковый слой лег сразу на древнюю поверхность. Таким образом, можно предположить, что устройство могилы начиналось с севера, запада и востока и лишь затем — с юга.

Особый интерес вызывает тонкая полоска материковой глины, зафиксированная в бровке I - I' (рис. 1, 1, 4). Ее толщина составляла 3-5 см, а длина по линии бровки — 8 м. При этом полоса располагалась дугой, перекрывая черноземную насыпку, а не погребенную почву.

В центральной части кургана обнаружено погребение. Оно представляло собой обширную (2,1×3,05 м) яму прямоугольной формы с закругленными углами, глубиной 0,4 м от уровня материка. Яма ориентирована длинной осью по линии ССЗ-ЮЮВ (рис. 2, 1). ЗЮЗ и ЮЮВ части могилы нарушены норами сурков, которыми была сильно потревожена и насыпь. Вместе с тем, норы не затронули основную часть могилы из-за плотного грунта, который имел сложный состав. Основная его часть - чернозем с примесью небольших комков глины, мело-известняковых включений и древесных углей (рис. 2, 1). При этом масса такого грунта была не просто засыпана в могилу, а специально утрамбована, поскольку спекшиеся его куски приходилось с трудом скалывать при выборке заполнения. Кроме того, в нем на разных уровнях наблюдались остатки тонких органических настилок коричневого цвета, которых было, вероятно, три. Создается впечатление о последовательном создании этих настилок, засыпавшихся затем грунтом. Такое предположение подтверждается и находками битых сосудов, более 20-ти фрагментов которых найдено на самих настилках. Фрагменты представлены плоским днищем без закраины (рис. 3, 4), неорнаментированными стенками и стенками, украшенными прочерчиванием (рис. 3, 6). Среди находок — фрагменты верха остроребердного сосуда с чуть отогнутым наружу небольшим венчиком с намеченной желобчатостью с внутренней стороны. Орнамент состоит из горизонтальных прочерченных линий и оттисков зубчатого штампа, образующих ромбовидные композиции (рис. 3, 3). Найден также фрагмент крышки сосуда, орнаментированной оттисками зубчатого штампа (рис. 3, 5). Цвет поверхности фрагментов серого и серо-коричневого цвета; обильная примесь толченой раковины придает им рыхлую структуру.

Кроме находок керамики в заполнении ямы была обнаружена деревянная плашка от перекрытия, а также фрагменты скелета человека: тазовая кость, кость руки и зуб. Зуб (рис. 2, 23) носит явные следы обработки. На грани его коронки и шейки с одной стороны фиксируется пропил мелкозернистым абразивом. Шейка интенсивно заполирована и имеет взаимопараллельные линейные следы поперечной направленности от соприкосновения с мягким материалом (нить, кожа). Торцевая часть коронки покрыта продольными линейными следами, а корень слабо заполиро-

ван на выступающих участках[1]. Назначение обработанного таким образом зуба не ясно. Возможно, что часть операций (заполировка корня, шейки) могла быть произведена после того, как зуб удалили из челюсти. Другие операции (односторонний пропил, обработка торцевой части коронки) могли быть произведены на зубе в его естественном состоянии при жизни человека. Возможно также, что умерший пользовался каким-то особым приспособлением типа пластины, вставлявшейся между двумя аналогичным способом пропиленными зубами (при условии удаления других передних зубов), а после смерти человека зуб вошел в разряд культовых предметов. Впрочем, не исключены и другие интерпретации находки.

В центральной части пола ямы обнаружено несколько костей от позвоночника, ребер, пальцев рук, ключицы взрослого человека. Все кости располагались без анатомического порядка. При этом отметим, что сурчинами не была потревожена центральная часть могилы, и характер останков скелета указывает на изначальное размещение костей именно в таком разрозненном состоянии.

Рядом с костями сохранились остатки органической подстилки, и здесь же обнаружены предметы погребального инвентаря: костяное (роговое) изделие, костяные (роговые) шипы от псалиев, кремневые наконечники стрел, бронзовые нож и скоба, глиняные сосуды.

Костяное (роговое) изделие фиксировалось в СЗ углу лишь в виде тлена. Полностью его форму установить не удалось. В общих же чертах предмет выглядел как тонкая (11,5 мм) прямоугольная пластина размерами 4,4×5 см с закругленными углами. По его периметру нанесены тонким резцом восемь сдвоенных насечек крестовидной формы (рис. 3, 7). С одной стороны изделия были расположены два небольших отверстия.

Костяные (роговые) шипы псалиев в количестве семи экземпляров размещались в один ряд на расстоянии 0,4 м к ЮВ от рассмотренного изделия. Шипы (рис. 2, 16-22) имеют длину от 2,2 до 2,7 см, конусовидную форму с характерной подрезкой для крепления в диске. Поверхность их заполирована. Торцы некоторых шипов орнаментированы тонкими линиями в виде креста с ромбами на его концах (рис. 2, 19), четырех спиралей, закрученных против часовой стрелки (рис. 2, 20, 22), мелких насечек, отходящих от центрального кружка в разные стороны (рис. 2, 21).

Кремневые наконечники стрел в количестве 12-ти экземпляров лежали компактно, располагаясь недалеко от шипов. Все они имеют удлиненно-треугольную форму и прямое основание. Выполнены техникой двустороннего ретуширования по всей поверхности (рис. 3, 4, 6, 15) из кремня черного, коричневого и розового цветов. Для их изготовления использовался в основном валунный низкокачественный кремень.

Бронзовый нож находился рядом с наконечниками стрел (рис. 2, 2). Он был вложен в кожаный чехол, от которого сохранились органические остатки серого цвета и отпечатки кожи на самом изделии. Нож листовидной формы, имеет намеченное перекрестье и ромбовидную расковку черешка. Длина ножа 15,2 см, ширина лезвия 2,5 см.

Бронзовая скоба обнаружена рядом с ножом. Представляет собой тонкую пластину шириной 0,4 см и длиной 3,2 см с загнутыми концами (рис. 2, 5). Судя по всему, скоба принадлежала ножнам.

Глиняные сосуды представлены двумя экземплярами. Рядом с шипами псалиев

[1] Здесь и далее трасологический анализ проведен В.В. Килейниковым.

лежали фрагменты горшка серо-коричневого цвета с округлым туловом и коротким, резко отогнутым наружу венчиком (рис. 3, 1). Сосуд не орнаментирован, в тесте имеется обильная примесь толченой раковины.

Над кремневыми наконечниками, ножом и скобой находился неполный развал второго сосуда той же формы, но с характерным желобком с внутренней стороны венчика (рис. 3, 2). Цвет сосуда коричневый, в глиняном тесте присутствует обильная примесь толченой раковины. Верхняя часть сосуда орнаментирована рядами глубоких горизонтальных прочерчиваний, а ниже располагаются косо-вертикальные линии с наклоном в одну сторону. Отметим, что фрагменты этого сосуда находились и в заполнении ямы.

В шести метрах к ЗЮЗ от центра кургана располагалась жертвенная яма (рис. 1, 3), в которой найдены зубы крупного травоядного животного и фрагментарные кости ребенка. Незначительный по мощности выкид (толщина до 0,1 м и ширина 1,0-1,3 м) окружал ее со всех сторон. Судя по его приподнятости в восточную сторону, яма была впущена в западную полу первичной насыпи, после чего была произведена досыпка кургана. Яма прямоугольной формы с сильно закругленными углами, размерами 0,95×1,5 м, глубиной 0,4 м в материке, ориентирована по линии ЮЮВ-ССЗ (рис. 3, 8). Заполнение состояло из чернозема с включениями древесных углей. Здесь же найдены два зуба крупного жвачного животного. Данное сооружение скорее всего может быть связано с рассмотренным выше захоронением. Размещение его в плане строго напротив перемычки выкида из погребения подкрепляет такое предположение.

Само же погребение относится к кругу древностей, связанных с традициями абашевского этнокультурного мира. При этом фиксируется устойчивый набор признаков, характеризующий социально престижные захоронения эпохи бронзы, датируемые концом XVII-XVI вв. до н.э. Ныне они хорошо известны на донской территории и относятся одними исследователями к доно-волжской абашевской культуре (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988; Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998 и др.), а другими — к покровско-абашевской (Синюк А.Т., Козмирчук И. А., 1995; Синюк А.Т., 1996 и др.)[1].

К устойчивому набору признаков прежде всего относятся: тип погребальной ямы (обширные размеры, обваловка из выкида); сопровождение захоронения жертвенниками; каменными наконечниками стрел; бронзовыми ножами с расковкой черенка, сосудами с ракушечной примесью; щитковыми (дисковидными) псалиями с шипами, или же только шипами. В каждом конкретном случае сумма и комбинации признаков могут быть достаточно вариабельными. В нашем случае интересна параллель с материалами погребения 4 кургана Селезни 2, где наряду с типологическим единством каменных наконечников стрел (при их почти равном количестве), ножей и сосудов, сходство дополняется присутствием бронзовых скоб-хомутиков от ножен (Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998). Кстати, на торце одного из шипов псалиев, находившегося в погребении 1 того же памятника, нанесен весьма сходный с плясоватским крест, только подчеркнутый на концах не ромбика-

[1] Такое разночтение не ограничивается терминологическим аспектом, а несет принципиальный характер разного понимания причин появления и соотношения культурообразующих компонентов данной группы памятников. Придерживаясь последнего определения, мы не ставим в рамках этой публикации задачу его обоснования, что еще ждет своего времени.

ми, а треугольничками (Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998, рис. 9, 6). Композиционное и семантическое единство здесь очевидно. Отметим и сходство орнаментации на торце одного из плясоватских шипов и на шипах псалия из Пичаевского кургана (Моисеев Н.Б., Ефимов К.Ю., 1995), где на первом изображены четыре спиралевидных кружка, а на вторых - по четыре концентрических кружка. С погребением же 3 кургана Селезни 2 рассматриваемый нами комплекс взаимоувязывается присутствием сосудов с крышками, несущими затейливую орнаментацию зубчатым штампом (Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998).

Говоря о сосудах плясоватского погребения, заметим, что наряду с типично местными приемами их изготовления (обильная примесь в тесте крупнотолченой ракушки, косо-вертикальные расчесы поверхности, колоколовидность формы и желобча- тость венчика) в орнаментации одного из них присутствует мотив в виде опоясывающей цепочки лежащих «заполненных» ромбов — мотив, более всего характерный в орнаментации сосудов Волго-Уральского лесостепного и степного регионов потаповского, петровского, алакульского круга памятников, а шире — андроновско-срубного культурного ареала. Интересно также, что сосуды со сходной орнаментацией в отмеченных регионах сопутствуют и социально престижным погребениям с костяными псалиями (Зданович Г.Б., 1985). В бассейне Дона, помимо Плясоватского, они встречены в погребении 3 Власовского кургана №16 (Синюк А.Т., 1996), а также в погребении 1 Первомайского кургана №3 (Моисеев Н.Б., 1998). При этом и другие признаки отмеченных захоронений несут традиции восточных от Дона территорий.

Таким образом, уже приведенных сравнений вполне достаточно для того, чтобы рассматриваемый комплекс включать в круг социально престижных покровско-абашевских захоронений.

Вместе с тем, еще раз отметим его специфические проявления. Прежде всего, обращают на себя внимание конструктивные детали погребального сооружения. Как отмечалось выше, яма была преднамеренно заполнена специально созданной смесью грунта и утрамбована, причем с трети высоты от ее пола последовательно укладывались три настилки из органического материала, разделенные слоями этого грунта. На каждой из настилок находились фрагменты преднамеренно разбивавшихся сосудов. Именно среди них найдены обломки остроребероного сосуда (рис. 3, 3) и крышки (рис. 3, 5). Заполненную таким образом яму перекрыли деревянными плахами, а далее из чернозема была возведена полусферическая насыпь до границ материкового выкида, на которую настелили относительно тонкий слой материковой глины. И лишь затем была возведена внешняя насыпь с устройством жертвенника.

Вопрос о том, что же представляли собой настилки в заполнении могильной ямы, пока остается открытым. Можно лишь предполагать достаточно специфический характер докурганной могильной конструкции, внешне приобретавшей юртообразную форму.

Наконец, обращает на себя внимание одна деталь погребальной обрядности — семь шипов, принадлежавших, надо полагать, паре псалиев (комплект для колесничьей упряжки) были расположены в один ряд по дуге. Такое размещение говорит, во-первых, об их компоновке с низкой в качестве украшения или особого культового атрибута, а, во-вторых, о не обязательном присутствии в такого рода погребениях

псалиев и самих колесниц, поскольку символика их существования отражена присутствием деталей — шипов. Шипы без псалиев встречены и в некоторых других погребениях покровско- абашевского облика, в частности, во Власовском кургане №16 (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1993). Но отмеченный выше характер их размещения фиксируется впервые.

Второй (северный) курган

Высота насыпи от современной поверхности составляла 0,9 м, диаметр — 41 м. Поверхность кургана подвергалась многолетней распашке и, по словам старожилов, разрушена в связи с вывозом почвы для хозяйственных нужд. Кроме того, по центру насыпи была устроена обширная яма (началом чему послужил древний грабительский лаз), куда сваливался мусор. При осмотре насыпи на ее поверхности были обнаружены старые кости животных, а также неорнаментированные фрагменты лепных сосудов (или одного сосуда) с примесью в тесте толченой раковины. В ходе изучения кургана выявлена следующая система наслоений: под пахотным слоем (0,3-0,4 м) залегал чернозем (в центре до 1,65 м), подстилаемый плотной желтой материковой глиной (рис. 4). Погребенная почва визуально не прослеживалась.

Центр кургана оказался разрушенным поздней ямой и грабительским лазом. Разрушения имели диаметр 12,5-13 м. В заплыве ямы чернозем включал вкрапления мелких, а иногда крупных (до 15 см в поперечнике) кусков материковой глины. Они встречались на разном уровне и не составляли сколько-нибудь организованных скоплений. Могильные выкиды в кургане не фиксировались. Вместе с тем, в процессе раскопок выявлен уникальный элемент внутренней архитектоники кургана, явно отражающий семантическую специфику погребальной обрядности: вокруг центра была устроена кольцевая обваловка из чернозема комковатой структуры с карбонатными конкрециями, каковой мог быть образован лишь при близком залегании грунтовых вод[1]. Кольцо четко выделялось как по цвету, так и своей особой плотностью на фоне обычного чернозема, из которого сооружена насыпь.

Внешний диаметр кольца — от 28 до 30,5 м; средняя ширина его составляла около 10 м. Наибольшая толщина кольца (в срезе) фиксировалась со стороны центра кургана — от 0,5 до 1 м; в направлении к полам кургана толщина относительно плавно сходит на нет. Таким образом, кольцо под центром кургана оконтуривало округлую площадку диаметром 18-19,5 м. Можно с уверенностью говорить о доставке сюда грунта для окольцовки площадки (или небольшого первичного кургана) с пойменных приречных участков, отличавшихся особым режимом грунтовых вод. Но таковые находятся в нескольких десятках (а то и сотнях) метров от места сооружения кургана, что предполагает весьма трудоемкий процесс устройства данного сооружения.

Стратиграфические признаки лишь в самых общих чертах позволяют проследить последовательные этапы сооружения кургана. Первоначально была устроена насыпь диаметром 18 м, для чего использовалась почва с прилегающей площадки, но при этом материк не обнажался, поскольку произведенная затем кольцевая обваловка насыпи (второй строительный этап) не залегала непосредственно на материковой глине. Третий этап — досыпка кургана, перекрывавшая кольцевую обваловку

[1] Анализ грунта проведен в лаборатории естественно-географического факультета Воронежского педуниверситета А.Б. Ахтырцевым и В.И. Шмыковым.

и придавшая всему сооружению сфероидную форму[1].

Сейчас можно лишь умозрительно предполагать, какую форму и высоту имела первичная насыпь, связана она или нет с последующим процессом сооружения курганной конструкции и каковой была эта связь. Но именно под разрушенным центром кургана (всего в одном метре к востоку от нулевой отметки) обнаружены остатки погребальной ямы.

Погребение 1 сохранилось лишь в виде небольшого торцевого участка ямы, выходившего к северу-северо-западу за пределы грабительского шурфа. Шурф, следуя направлению погребальной ямы, несколько нарушая ее контуры, уничтожил и пол ямы. Она имела прямоугольную форму шириной 2,5 м и длиной (предположительно) — около 3-х м. Углублялась в материк на 0,25 м. Судя по всему, могила была ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ (рис. 4, 1; рис. 5, А). Надо полагать, что большинство находок, выявленных в пределах заполнения грабительского лаза, принадлежит заупокойному инвентарю рассматриваемого погребения. Среди них отметим медный нож, костяную пряжку от портупеи, развал и несколько обломков глиняных сосудов.

1. Медный нож со сломанным концом лезвия имеет едва намеченное перекрестье и слабую расковку черешка; листовидное перо в сечении — ромбовидное. Сохранившаяся длина ножа — 14,7 см, наибольшая ширина лезвия — 2,7 см (рис. 5, 1). Найден в 3-х м к ЮЮВ от нулевой отметки на глубине 1,88 м.

2. Костяная (роговая) пряжка подпрямоугольно-округлой формы (2,7×3,0 см), плоская, с большим отверстием в центре и малым — на краю (рис. 5, 2). Найдена в 7,7 м к ЮЮВ от нулевой отметки на глубине 0,85 м.

3. Фрагмент горшка с прямым горлом и слегка оттянутым наружу краем, с примесью ракушки в тесте, серого цвета, с косо-вертикальными расчесами по горлу (рис. 5, 3). Найден в 1,0 м к югу от нулевой отметки на глубине 1,95 м.

4. Фрагмент колоколовидного сосуда серого цвета, с примесью ракушки, орнаментированный оттисками гребенчатого штампа в виде горизонтальных линий под горлом и свисающих, «лежащих» ромбов (рис. 5, 4). Выявлен в 5, 2 м к ЮВ от нулевой отметки на глубине 1,7 м.

5. Фрагмент плоского днища без закраин с примесью раковины в тесте (рис. 5, 5). Выявлен в 3,8 м к ССВ от нулевой отметки на глубине 0,9 м.

6. Фрагмент горшка с высоким горлом и оттянутым наружу краем. Он серого цвета, с раковинной примесью в тесте, по горлу несет косо-вертикальные расчесы (рис. 5, 6). Обнаружен в норе грызунов в 3-4 м к СВ от нулевой отметки ниже уровня материка.

Все отмеченные материалы, включая нож и пряжку, принадлежат кругу памятников абашевского облика и более всего соотносятся с погребением под центром кургана.

Однако в пределах заполнения и на дне грабительского лаза находились материалы и иной культурной принадлежности.

Прежде всего отметим близ южной границы грабительского лаза остатки захоронения (погребение 2)[2]. На месте находок черепной крышки ребенка и астрагала овцы оказалось уходящее в материк бесформенное пятно грунта (1,5×1,8 м), полностью перерытое норами грызунов, что не позволило определить ни контуры, ни глубину погребального устройства. Культурная принадлежность его с достоверностью

[1] Возможно, что досыпки производились в несколько приемов, не исключено — в разное время.
[2] В отчете В.Д. Березуцкого данное погребение фиксируется под номером 3.

не устанавливается, но в связи с этим весьма интересна находка в пределах лаза фрагмента стенки сосуда коричневого цвета без видимой примеси в тесте, украшенного налепными валиками с пальцевыми защипами (рис. 5, 7). Не исключено, что и костяная пряжка, найденная поблизости от погребения 2, могла сопутствовать фрагменту с валиками, а следовательно — этому погребению, поскольку аналогичные пряжки в равной степени характерны для погребальных комплексов как покровско-абашевского облика, так и культуры многоваликовой керамики (КМК). Но возможна принадлежность данного захоронения, если привязать к нему только керамический материал (рис. 5, 7, 8), финальному этапу среднедонской катакомбной культуры. Столь же сложно говорить о хронологической позиции данного погребения (при той или другой его культурной оценке) относительно центрального погребения 1 ввиду синхронности всех трех отмеченных культурных образований, а отсюда в курганах могут иметь случаи и обратной стратиграфии такого рода комплексов.

Еще более, казалось бы, усложняют ситуацию находки в заполнении лаза керамики срубной культуры (рис. 5, 9-11), в числе которой неполный развал баночного сосуда с закраиной на днище, с примесью в тесте мелкозернистого песка, орнаментированный по верху оттисками мелкозубого штампа в виде прямой сетки (рис. 5). Последний залегал в 3,5 м к СВ от нулевой отметки на глубине 115 см.

Добавим, что в пределах лаза найдены кость ноги лошади с зарубками (орудие для мягчения шкур) и две реберные кости, одна из которых со следами использования в качестве струга для обработки шкур (рис. 5, 12).

За пределами лаза в насыпи выявлены два погребения, два жертвенника, а также глиняный сосуд, не связанный планиграфически с конкретным захоронением или жертвенником.

Погребение 3 (впускное) располагалось в 6,4 м к ВСВ от нулевой отметки на глубине 1,3 м в насыпи, в пределах площадки, образованной кольцевой обваловкой. Форма и размеры погребального сооружения не определялись. В черноземе (вероятно, в погребенной почве) лежал плохо сохранившийся скелет взрослого человека скорченно на правом боку, головой на ВСВ. Руки согнуты в локтях, кисти притянуты к лицу (рис. 6, 1).

На черепе выше глазниц сохранились следы слабого окисления от какого-то медного изделия. Рядом с головой на боку лежал остроребериый сосудик, а с южной стороны находился неполный развал другого сосуда.

Первый сосуд имеет оттянутый наружу короткий срезанный наружу венчик, реберчатое тулово и плоское дно. Диаметр верха — 9,4 см; диаметр по ребру — 11 см, высота сосуда — 6 см, диаметр дна — 5,2 см. Цвет поверхности темно-серый, в тесте — примесь толченой раковины. В верхней половине между поясками зубчатого штампа (под венчиком и на ребре) оформлены свисающие «заполненные» треугольники; на внутренней стороне горла нанесены сдвоенные, а по срезу венчика — перекрещивающиеся короткие оттиски того же штампа (рис. 6, 2).

Второй сосуд — неполная верхняя часть горшка колоколовидной формы с желобчатым горлом. Он серого цвета, с примесью в глине толченой раковины. Под горлом размещены прочерченные горизонтальные линии, а под ними - волнистые (рис. 6, 3).

Рассмотренное погребение принадлежит кругу абашевских древностей.

Погребение 4 (впускное) выявлено в 13,5 м к ЮВ от нулевой отметки на глуби-

не 0,9 м. Сохранились отдельные части скелета взрослого человека (фрагмент таза, часть ноги, челюсть), судя по размещению которых определяется лишь ориентировка умершего: головой на СВ.

Жертвенник 1. В 1,3 м к ЮВ от этого захоронения выявлен жертвенник в виде черепа и передних ног с копытами лошади, ориентированных на ЮЗ (рис. 7, 1). Кости человека и лошади лежали на разном уровне (соответственно: 0,9 и 1,4 м), но те и другие — в толще обваловки, и совсем не исключено (учитывая планиграфическую близость), что они составляли единый жертвенный комплекс.

Жертвенник 2. Находился вблизи от обваловки, с ее внешней стороны, в 15, 5 м к ЮЗ от нулевой отметки на глубине 1,8 м (почти на уровне материка). Здесь лежали плохой сохранности черепа и передние кости ног четырех жеребят. Контуров какого-либо углубления не фиксировалось. Черепа и другие кости выложены в ряд по дуге, явно повторяя округлость обваловки и ориентируясь во внешнюю от нее сторону (рис. 7, 2).

Наконец, целый сосуд залегал в толще обваловки в 11,2 м к СВ от нулевой отметки на глубине 1,46 м. Это остроребериый горшок с едва выделенным и косо срезанным горлом, образующим изнутри ребро при переходе в тулово. Высота сосуда 18 см, диаметр верха — 15 см, диаметр по ребру — 16,8 см, диаметр дна — 7 см. В глиняном тесте — примесь толченой раковины. Цвет внешней поверхности — серый. Орнаментирован в верхней половине поясками из глубоких вдавлений, между которыми размещены ромбы (рис. 6, 4).

При известной сложности в оценке взаимосвязи полученных артефактов, нам представляется совершенно очевидной ситуация, отразившая единство как внутрикурганного содержания, так и между двумя курганами Плясоватского могильника.

Во-первых, очевидно сопровождение структурного оформления конструкции второго кургана (включая создание приподнятой круглой площадки, ее обваловку карбонатным черноземом, устройство жертвенников, возведение вторичной насыпи) центральному захоронению покровско-абашевского облика[1]. Во-вторых, очевидно культурно-хронологическое единство и тождественность ведущих признаков (вплоть до орнаментальных мотивов на сосудах), как и в целом сходство по социальной значимости центральных погребений двух курганов. Более того, это сходство подчеркивается и локальным признаком: для отправления погребального ритуала в обоих случаях использовался приносной грунт (карбонатный чернозем). При этом прослеживается системность в размещении такого рода курганов попарно, на что уже исследователями обращалось внимание.

Литература

Березуцкий В.Д., 1991. Отчет об археологических исследованиях в Воронежской области в 1991 г. // Архив ИА РАН.

Березуцкий В.Д., 1999. Отчет об археологических исследованиях в Воронежской области в 1999 г. // Архив ИА РАН.

Березуцкий В.Д., 2002. Отчет об охранных раскопках курганов в Воронежской области в 2002 г. // Архив ИА РАН.

Зданович Г.Б., 1985. Щитковые псалии Среднего Приишимья // Энеолит и бронзовый век Ура-

[1] Этому не противоречит вероятность того, что на месте кургана находились признаки захоронения местной катакомбной культуры (либо КМК), возможно, под небольшой насыпью. К примеру, Филатовский курган с аналогичными покровско-абашевскими социально престижными захоронениями был устроен на месте инокультурного погребения.

ло-Иртышского междуречья. Челябинск.
Моисеев Н.Б., 1998. Курганы Окско-Донской равнины. Тамбов.
Моисеев Н.Б., Ефимов К.Ю., 1995. Пичаевский курган // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.
Пряхин А.Д., Матвеев В.П., 1988. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж.
Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998. Селезни 2 - курган доно-волжской абашевской культуры. Воронеж.
Синюк А.Т, 1996. Бронзовый век бассейна на Дона. Воронеж.

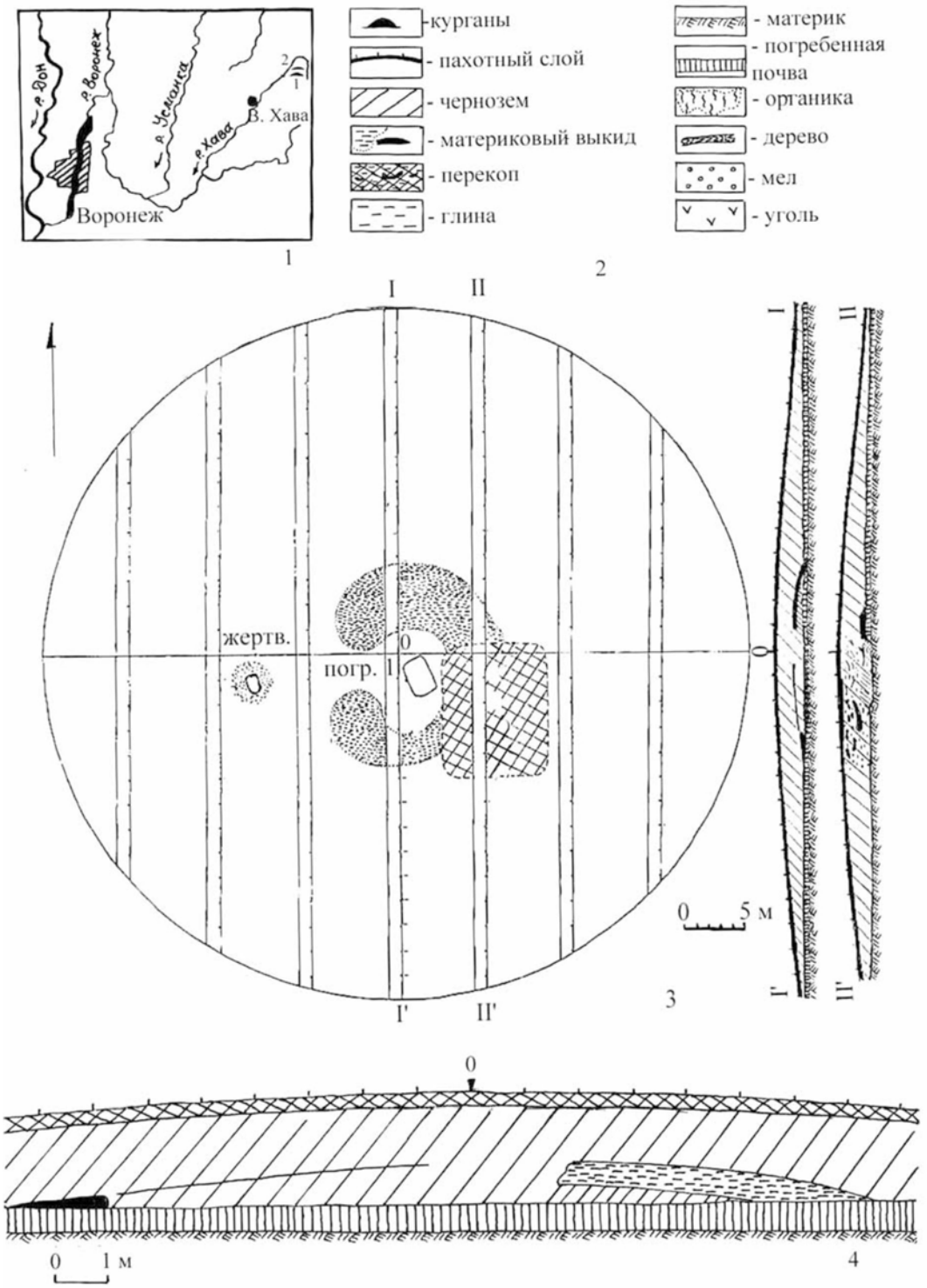


Рис. 1. *Плясоватские курганы.*
1 – карта местонахождения; 2 – условные обозначения;
3 – план и профили Первого (южного) кургана;
4 – центральная часть бровки по линии I'-I

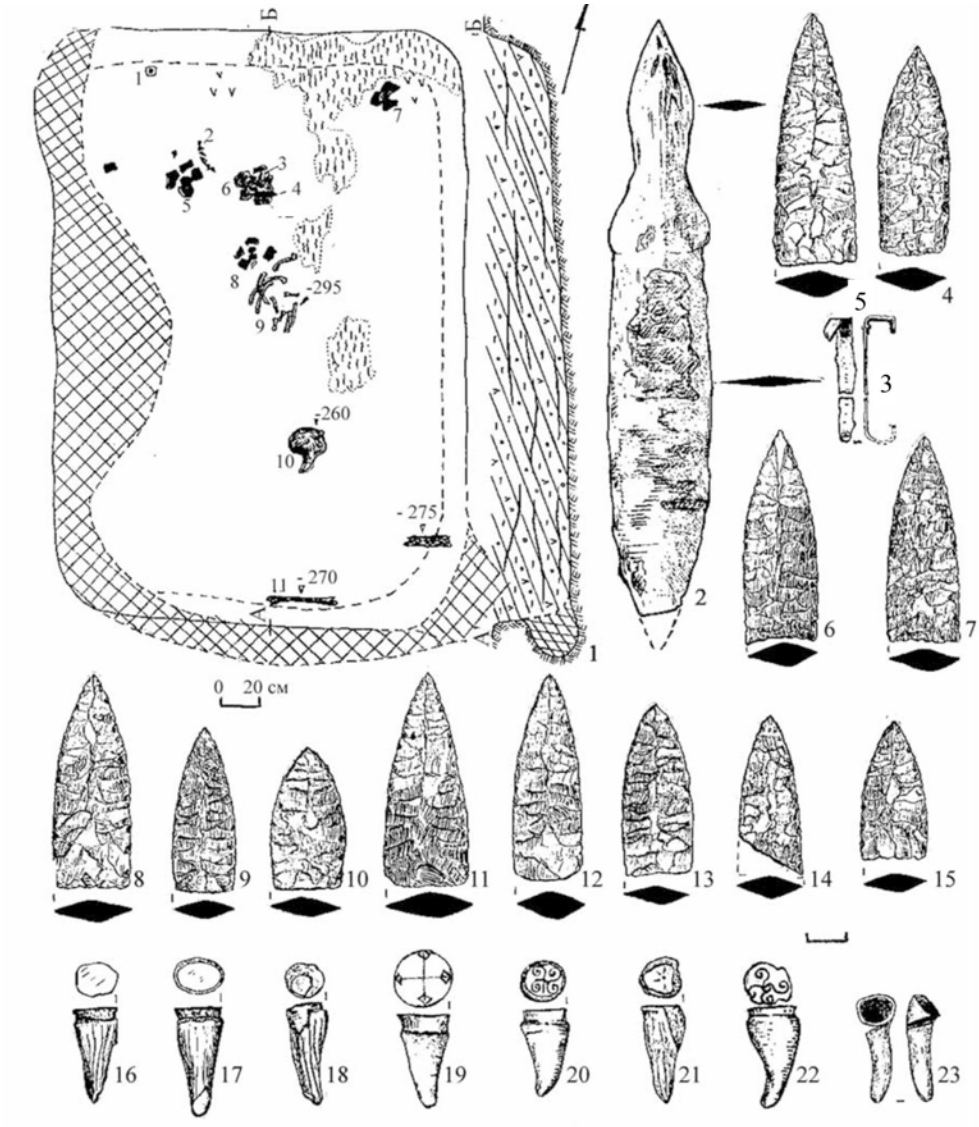


Рис. 2. *Первый (южный) Плясоватский курган.*
1 – план и профиль погребения 1 (цифрами пронумеровано местонахождение изделий: 1 – роговая пластина; 2 – шипы псалиев; 3 – кремневые наконечники стрел; 4 – медный нож; 5, 6 – сосуды; 7, 8 – фрагменты сосудов; 9 – фрагменты человеческого скелета; 10 – тазовая кость; 11 – бедренная кость); 2 – медный нож; 3 – бронзовая скобка; 4-15 – кремневые наконечники стрел; 16-22 – костяные (роговые) шипы псалиев; 23 – зуб человека

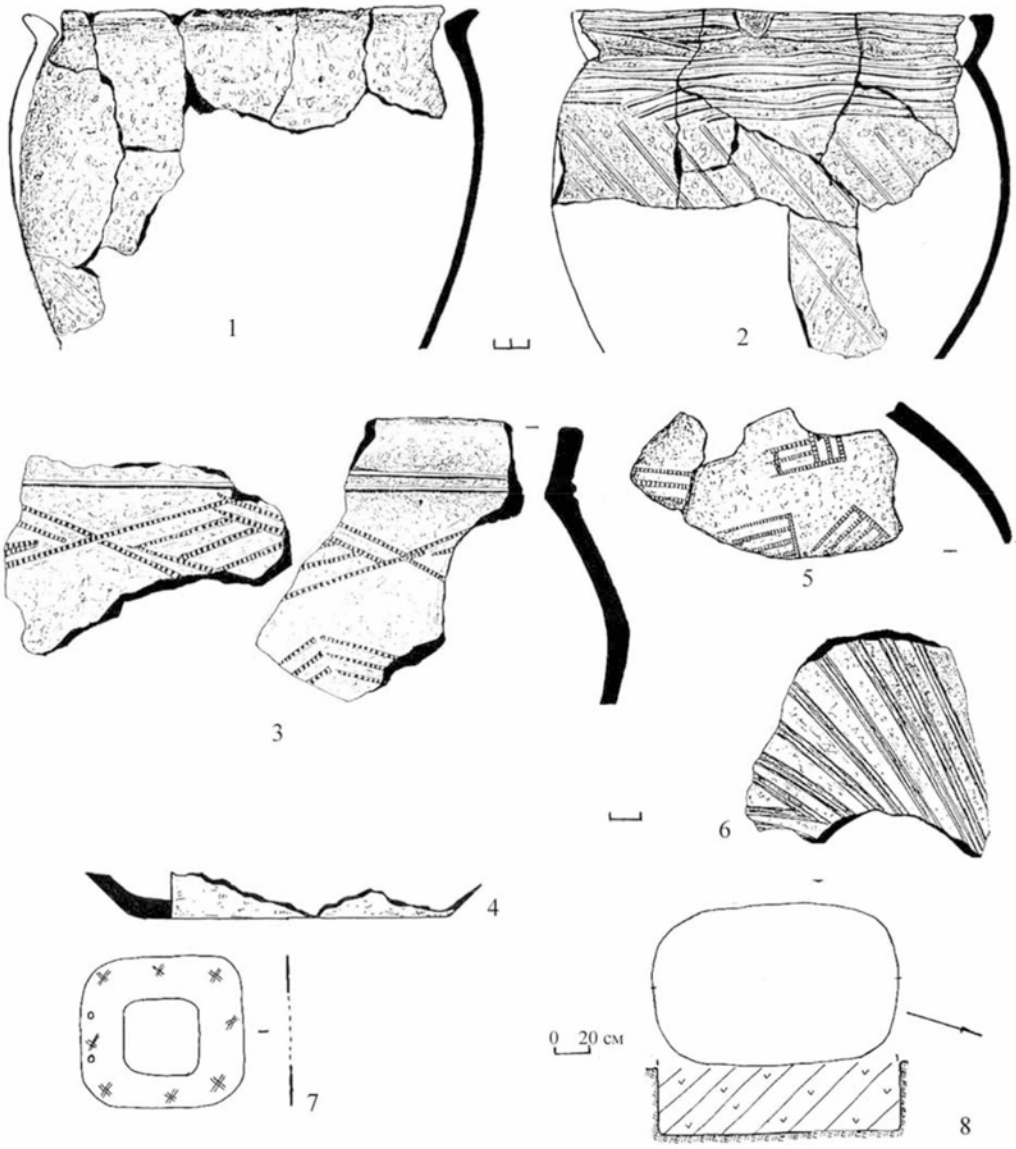


Рис. 3. *Первый (южный) Плясоватский курган.*
1-6 – керамический материал; 7 – костяное (роговое) изделие;
8 – план и профиль жертвенной ямы

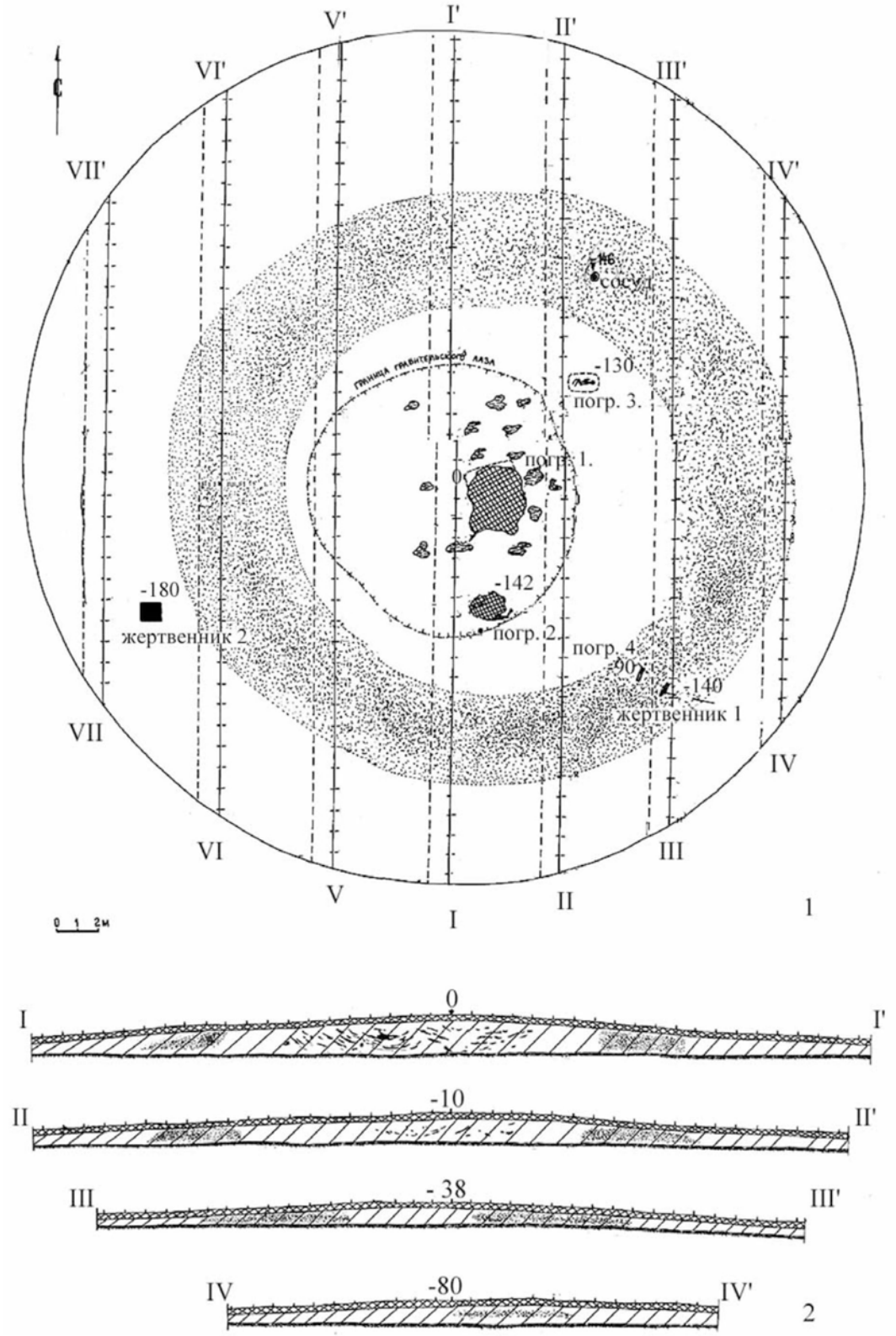


Рис. 4. *Плясоватские курганы.*
Второй (северный) курган: 1 – план; 2 – профили бровок

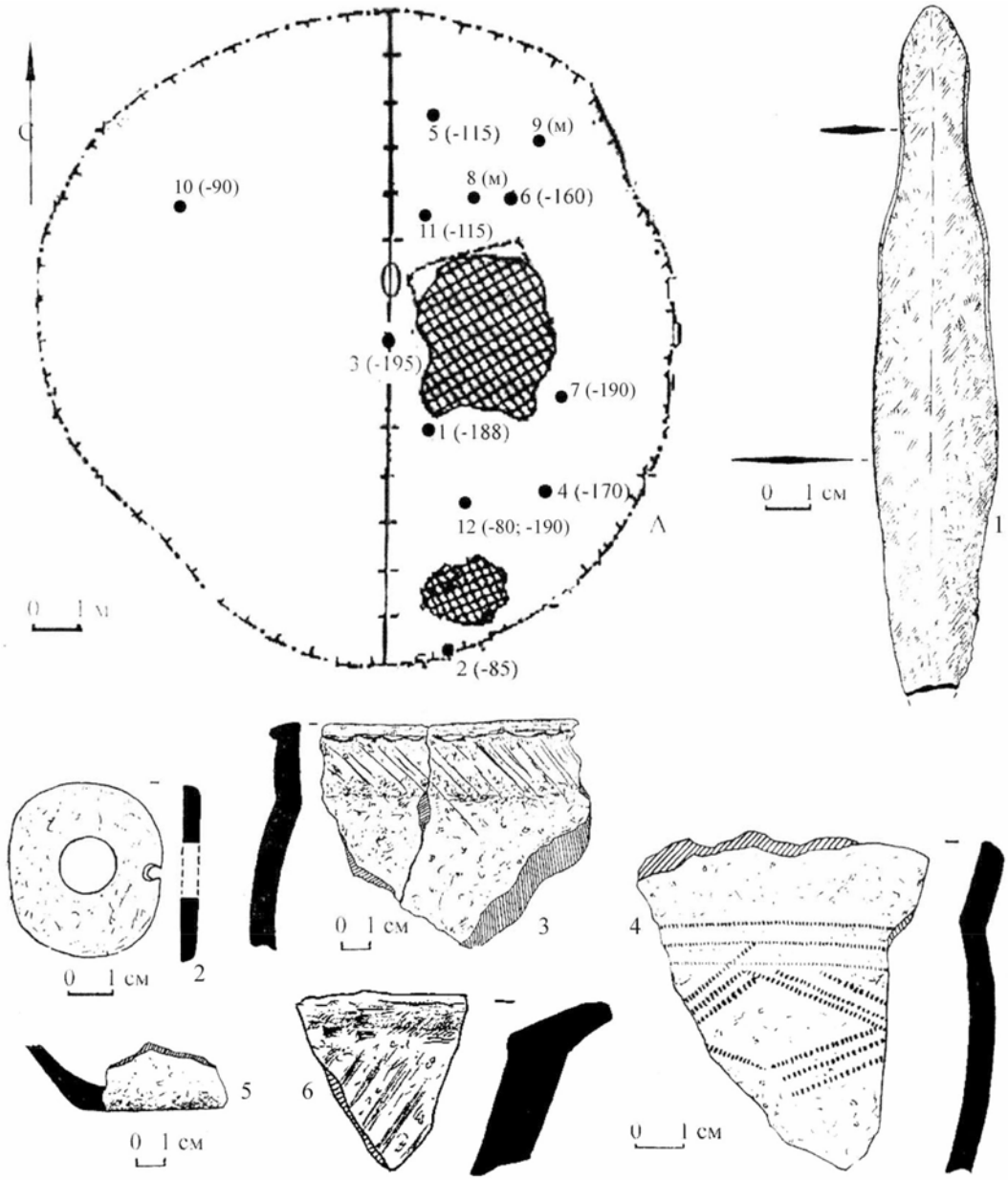


Рис. 5. *Второй (северный) Плясоватский курган.*
А – план грабительского лаза (в плане даны номера находок и глубины их залегания);
1-6 – материалы из заполнения лаза
(1 – бронзовый нож; 2 – костяная пряжка; 3-6 – керамика)

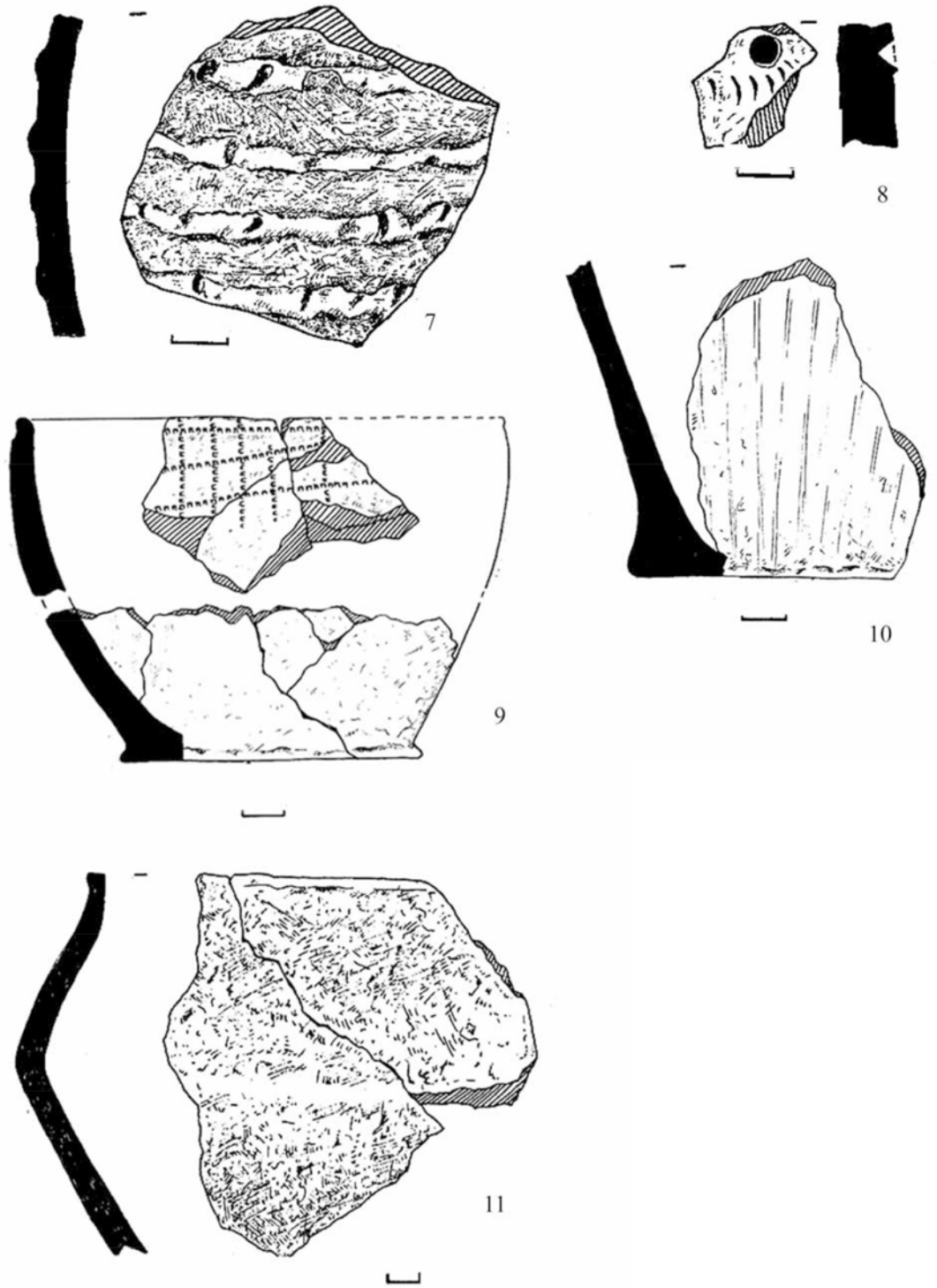


Рис. 5 *(продолжение). 7-11 – керамика*

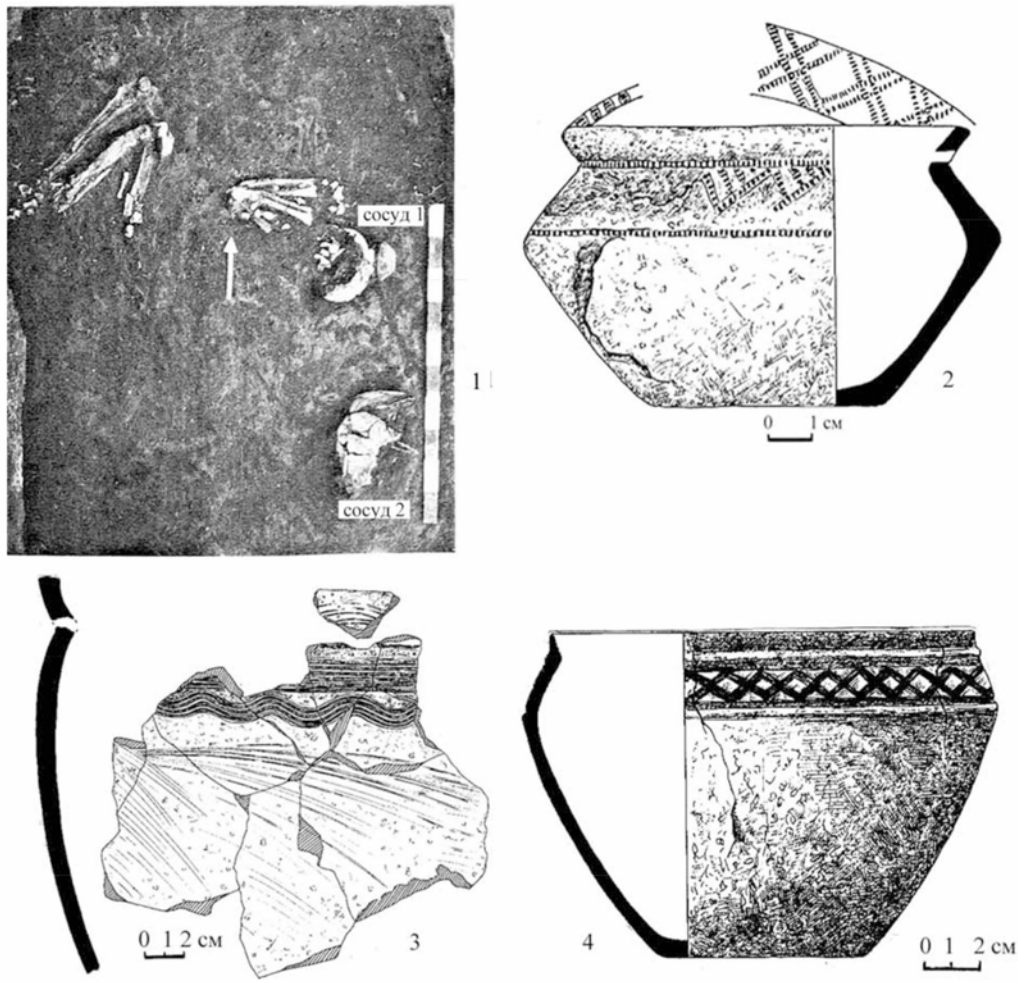
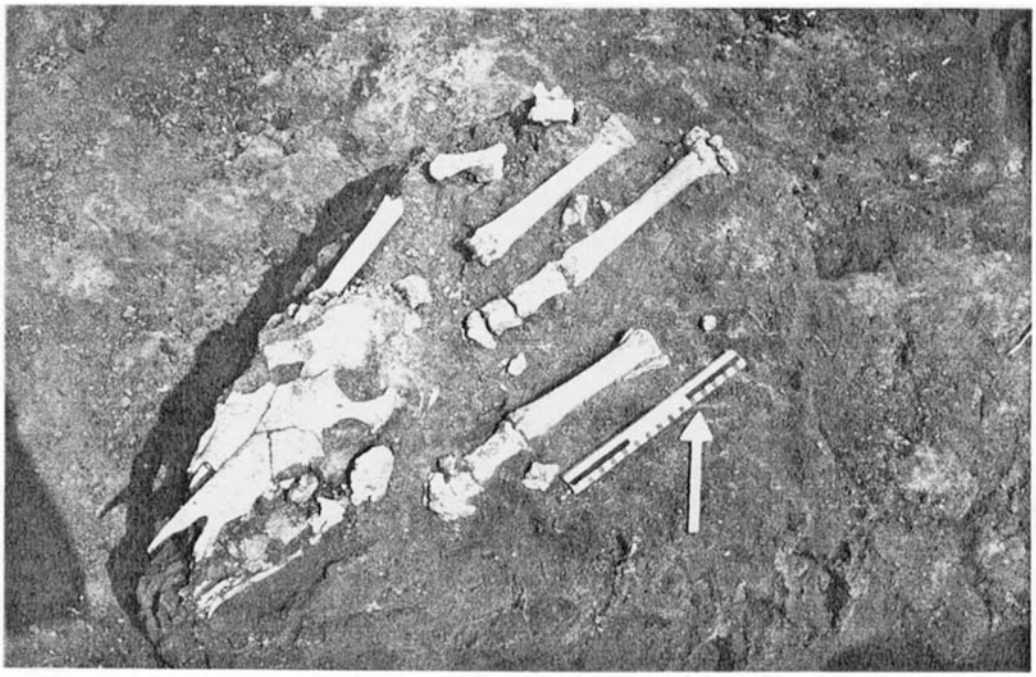
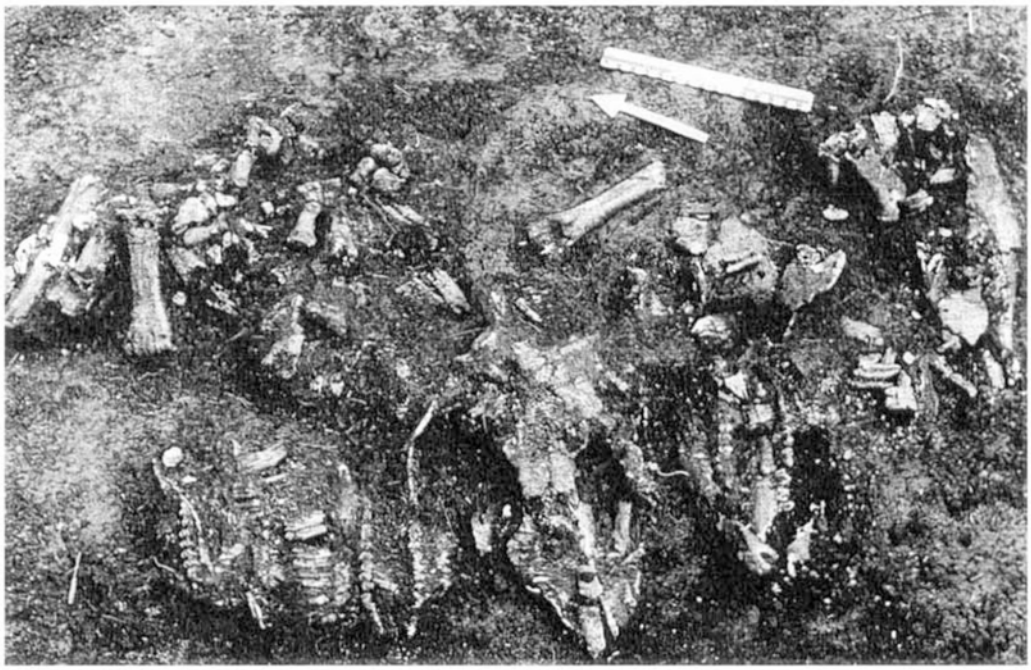


Рис. 6. *Второй (северный) Плясоватский курган.*
1 – впускное погребение 3; 2, 3 – сосуды из погребения 3; 4 – сосуд из насыпи



1



2

Рис. 7. *Второй (северный) Плясоватский курган.*
1 – жертвенник 1 (череп и передние ноги коня);
2 – жертвенник 2 (передние ноги и черепа жеребят)

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ

Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. Санкт-Петербург, 2004. С. 195-206.

Являясь крупной водной артерией Восточной Европы, река Дон своими истоками вплотную соприкасается с лесными массивами Окского бассейна, а далее, протекая в южном направлении, пересекает зоны лесостепи и степи, открывая пути в районы Приазовья, Предкавказья и Кавказа, а к юго-востоку — в полупустынные пространства Прикаспия. Такое географическое положение позволяет предполагать, что по Дону с давних времен осуществлялись контакты, связывавшие традиции форпостов древних земледельческо-скотоводческих очагов и традиции северного этнокультурного ареала с исконным охотничье-рыболовческим укладом хозяйствования.

Лесостепная область бассейна Дона включает территории по верхнему и среднему течению реки, занимая площадь свыше 120 000 км^2.

Особая роль каждой из географических зон в формировании укладов экономики древних обществ предопределила локализацию специфических признаков материальной и духовной культуры этнических группировок. Археологические памятники именно таких пограничных природно-географических районов в большей степени, чем где-либо, содержат информацию для решения вопросов синхронизации древних материальных комплексов, а в конечном счете — для создания единой хронологической шкалы древней истории Восточной Европы.

Исследованиями в донской лесостепи выявлена не только далеко не всегда последовательная смена во времени культур в рамках одной археологической эпохи, но и хронологическое совмещение самих эпох. Фиксируемые периоды параллельного развития археологических культур, принадлежащих разным эпохам, требуют своего объяснения. Предваряя рассмотрение конкретных примеров, отмечу, что в основе объяснения такого рода явления, на мой взгляд, лежит прежде всего географический фактор, в свою очередь сформировавший затем устойчивую специфику протекавших исторических процессов в донской, а шире — в восточноевропейской лесостепи. Это — легкость освоения лесостепных пространств (равнинный рельеф, развитая речная система, максимальная климатическая адаптивность) и большая, намного превосходящая сопредельные природно-географические зоны, экологическая (а следовательно, и демографическая) емкость лесостепи, где на длительное время сохранялась рентабельность параллельного существования самых разных хозяйственных укладов, как присваивающих, так и производящих, не исключавших, а дополнявших друг друга.

Современные палеогеографы и палеопочвоведы, за редким исключением (Хотинский, 1978), принимают положение о существовании лесостепи как особой природно-ландшафтной зоны. Ее северная граница в пределах Днепровско-Волжского междуречья проводится по линии: район Киева — верховья Дона — районы Нижнего Новгорода и Казани (Берг, 1955), а южная граница (для Русской равнины, по Ф.Н. Милькову): по южной окраине Донецкого кряжа и к Волге, южнее Саратова и Самары (Мильков, 1977. С. 120). Если опустить разночтения, связанные с определением начальных этапов формирования лесостепного ландшафта и степени его стабильности, то можно констатировать факт существования лесостепи в среднем голоцене, в атлантическом и суббореальном климатических периодах (по Блитту-Сернандеру),

датируемых временем от 7700 до 2500 лет от наших дней. В этих хронологических рамках полностью размещается неолитическая эпоха.

Думается, что предлагаемое ниже освещение археологических данных донской лесостепи в полной мере способно подтвердить ее особый географический статус, как и ее историческую специфику. Почти столетняя история изучения донского неолита, начало которому положено выдающимся отечественным археологом С.Н. Замятниным — его обобщением первых случайных находок (Замятнин, рукопись) и раскопанным им в конце 20-х годов первым памятником (поселение у ст, Отрожка под Воронежем), отмечена наибольшей результативностью в 50-80-е годы благодаря усилиям экспедиций ЛОИА АН СССР на Верхнем Дону (руководитель — В.П. Левенок) и Воронежского ГПИ на Среднем Дону (руководитель — А.Т. Синюк), что нашло достаточно полное отражение в специальной литературе. Исследования ведутся и в наши дни, хотя и менее интенсивно, но в целом их результаты подтверждают установленную ранее мозаичность этнокультурного содержания донского неолита, а археологическая карта включает уже около двухсот местонахождений, из числа которых раскопкам подвергнуты такие стоянки как Долговская, Подзоровские 1 и 2, Рыбное Озеро 1 и 2, Савицкая, Курино, Шапкино, Монастырщина 2 (на Верхнем Дону, раскопки М.Е. Фосс, В.П. Левенка, Б.А. Фоломеева, А.Н. Бессуднова, А.А. Хрекова); стоянки Университетские 1 и 3, Шиловская, Копанищенские 1 и 2, Дрониха, Черкасская, Монастырская 1, Щучье и др. (на Среднем Дону, раскопки А.Т. Синюка, А.Д. Пряхина, С.Н. Гапочки). Но отметим при этом принадлежность практически всех известных памятников сезонным промысловым стойбищам[1].

Как правило, местонахождения приурочены к береговым урезам или же к пойменным дюнным всхолмлениям, и значительно реже они занимают окраины первых надпойменных террас. В условиях систематических паводковых затоплений устройство стационарных долговременных поселков здесь исключалось, принимая во внимание отсутствие в лесостепной зоне традиций свайного домостроительства. Зато такие места, приуроченные к воде, благоприятствовали лову рыбы, охоте на водоплавающую дичь и на диких животных у мест водопоя. При этом древние промысловики, последовательно сменяясь и подчас имея разное этническое происхождение, использовали становища на протяжении всего времени, пока здесь сохранялась природная рентабельность получения традиционного продукта промысла. Отсюда и другая особенность донских стоянок: абсолютное их большинство имеет многослойный характер. Такого рода функциональная оценка полностью согласуется с содержанием происходящих из слоев стоянок материалов, главным показателем чего служит малое число следов каменного производства, как и самих каменных орудий в целом, на фоне абсолютного преобладания по- ликультурного керамического материала. Соответственно отсутствуют и следы капитально оборудованных жилых и хозяйственных построек. Но именно такой тип памятников раскрывает динамику взаимодействия культур и их хронологического следования. В этом аспекте решающее значение приобретают данные стратиграфии ряда исследованных стоянок. Но прежде кратко коснемся проблемы культурной принадлежности неолитических комплексов лесостепного Дона.

Еще С.Н. Замятнин уловил двойственную подоснову донского неолита. Позднее сходную точку зрения высказал и А.А. Формозов, отметив связь накольчатой кера-

[1] Пока известен всего один небольшой неолитический могильник на площади многослойной стоянки Копанище 2 (Синюк, 1986. С. 122-123) и одиночное захоронение на Лобовской стоянке (Синюк, 1975. С. 150-152).

мики Дона с традициями восточного (кельтеминарского) неолитического ареала. Последовавшие затем изыскания В.П. Левенка окончательно закрепили представление о существовании в донской лесостепи культурных образований северного (лесного) облика с ямочно-гребенчатой керамикой, и юго-западного происхождения, с накольчатой керамикой. Первое из них получило название рязанско-долговской культуры, а второе им было отождествлено с днепро-донецкой культурой и рассматривалось в качестве ее варианта (Левенок, 1971; 1973)[1]. Кроме того, В.П. Левенком была выделена и еще одна неолитическая культура — рыбноозерская, расценивавшаяся им как результат переоформления местного варианта днепро-донецкой культуры в условиях взаимодействия с традициями лесного неолитического ареала.

Дальнейшие исследования, основанные на новой сумме источников, позволили скорректировать этнокультурную ситуацию, имевшую место в неолите Дона. Прежде всего нами было предпринято обоснование выделения своеобразной среднедонской неолитической культуры, характеризующейся цилиндростенными и коническими остродонными сосудами с многовариантным исполнением накольчатой орнаментации, сопровождаемыми специфическим набором изделий кремнево-кварцитовой микролитоидной пластинчатой индустрии с единичными включениями классических типов резцов и геометрических орудий (трапеций, сегментов) (Синюк, 1978). К кругу памятников этой культуры принадлежат и те, которые ранее включались в днепро-донецкую культуру. Отличительные признаки двух культур оказались достаточно весомыми, что нашло признание и со стороны ведущего исследователя днепро-донецких древностей Д.Я. Телегина (Телегін, 1981). Тогда же был поставлен вопрос о необходимости пересмотра позиции относительно происхождения рыбноозерской культуры, где традиции накольчатого неолита практически не прослеживаются, тогда как весь ее характер полностью соответствует облику лесных культур с зубчато-ямочной керамикой пережиточного неолита, т. е. появление в донской лесостепи памятников рыбноозерской культуры явилось следствием одной из миграций населения из примыкающей к Дону лесной зоны (Синюк, 1978; 1986).

Вместе с тем источники свидетельствуют о наличии многоплановых контактов как между носителями отмеченных неолитических культур, так и проникавшими на Дон новыми группами населения, культура которых отмечена признаками уже энеолитической эпохи, а как результат этих контактов удается фиксировать распространение смешанных вещевых комплексов, своеобразие которых наиболее проявляется в облике керамического материала. Так, следствием взаимодействия традиций среднедонской и рязанско-долговской неолитических культур стало появление сосудов с накольчато-ямочным орнаментом в различном сочетании этих элементов украшения и морфологических признаков. В ходе контактов носителей среднедонской неолитической и раннеэнеолитической нижнедонской культур возник своеобразный тип керамики, названный нами «черкасским», включивший воротничковое оформление венчика сосудов. Элементы заимствования морфологических и орнаментальных признаков энеолитических нижнедонской, среднестоговской и репинской культур отмечаются также в материалах рязанско-долговской и рыбноозерской культур, которые с появлением на Дону энеолитических комплексов нами рассматриваются как находившиеся уже на пережиточно неолитической стадии бытования.

В лесостепном левобережном Подонье достаточно четко вычленяется еще один весьма своеобразный культурный тип — дронихинский, который условно нами вклю-

[1] Данная точка зрения затем была поддержана и В.П. Третьяковым (1982)

чен в среднедонскую культуру заключительного, пережиточно неолитического этапа бытования. Сосуды дронихинского типа, повторяя формы и включая обязательный ряд ямок под верхом, идентичные среднедонским сосудам, отмечены наличием органической примеси в глиняном тесте, несут в качестве господствующего прочерченный элемент орнамента. На них ярко выражены и другие поздние черты: профилировка венчика, плоскодонность, частая встречаемость выпуклин под верхом, появление «паркетного» орнамента — что увязывает их как с волосовскими древностями, так и с традициями степных культур эпохи бронзы.

Наконец, о прямых контактах носителей культур неолитического облика и культур энеолита — бронзы свидетельствуют памятники выделенной нами иванобугорской культуры (Синюк, 1984; Васильев, Синюк, 1985). Желобчатое оформление верха сосудов, плоскодонность, жемчужный, защипной и шнуровой элементы орнамента и другие признаки увязываются с гончарными традициями последних, тогда как орнаментация сосудов ямками в шахматном порядке, явное предпочтение ромбическим мотивам орнамента и целый ряд иных признаков позволяют говорить о сохранении традиций, выработанных еще в неолитической среде окско-деснинского региона, а затем привнесенных и в донскую лесостепь.

В основу изучения относительной хронологии культур неолита Дона, а также для разработки периодизации каждой из них, нами взяты стратиграфические показатели, выявленные при раскопках Черкасской, Копанище 1, Подзоровской 2, Долговской, Университетской 3, Монастырской и ряда других стоянок. Так, в системе пойменных наслоений Черкасской стоянки выявлены подпрямоугольные площадки из утрамбованной ракушки — остатки полов древних построек с навесами. Две из них приурочены к основанию наслоений, а третья перекрывала одну из нижних площадок, располагаясь выше на 0,25 м. На верхней площадке находились развалы воротничковых сосудов нижнедонской раннеэнеолитической культуры.

В целом из анализа стратиграфии Черкасской стоянки вытекают два важных обстоятельства. Во-первых, культура с накольчатой керамикой предшествует появлению материалов нижнедонской культуры мариупольской культурно-исторической области. Во-вторых, культура с накольчатой керамикой проявляет себя и позднее, параллельно с материалами энеолитического облика.

Примеры статистико-поглубинного анализа других пойменных стоянок подтверждают приведенные данные, а также позволяет сделать ряд других важных выводов. Прежде всего, накольчатая керамика в своей основе предшествует керамике ямочно-гребенчатой (Копанище 1, Подзорово 2). Далее, имеющиеся наблюдения не подтверждают точку зрения о прямом вырастании ямочно-гребенчатого орнамента из накольчатого. На примере стоянок Долговской, Копанище 1, Подзорово 2, Монастырщины 2 ямчатая керамика со строчечным расположением вдавлений, с геометрическим стилем орнамента, с выпуклинами под верхом, с гофрировкой венчика, — то есть со всеми теми признаками, какие рассматриваются некоторыми исследователями в качестве переходных (Даниленко, 1969; Неприна, 1976), залегают выше керамики со сплошным зонным ямочным орнаментом, где ямки наносились глубоко, имеют правильную форму и располагаются в шахматном порядке. Такой керамике чужд «отступающий» прием нанесения орнамента, тогда как в материалах стоянок Долговской, Монастырщина 2 и др. в вышележащих слоях встречается и «отступающий» прием, и сочетание ямочного орнаментального элемента с накольчатым. Здесь достаточно четко усматривается и факт взаимодействия двух разнокультурных проявлений, а вместе с этим и длительное сохранение традиций культуры с накольчатой керамикой.

Весьма важные стратиграфические признаки отражены и в заполнении двух сооружений, выявленных на стоянке Университетской 3: в их основании, где сохранились остатки деревянных конструкций, залегала ямочно-гребенчатая керамика раннего облика, соответствующая материалам нижнего горизонта Долговской стоянки. Ямы же выходят на уровень границы нижнего и среднего слоев, где нижний слой в своей основе содержал накольчатую керамику раннего облика и микролитические кремнево-кварцитовые орудия. Важно то, что в заполнении ям-конструкций, на покрывающем торфянистое основание слое стерильного песка располагались линзы сильно гумусированной супеси, в одной из которых находился очаг. Края линз выклинивались в нижнем горизонте среднего слоя. Линзы представляли собой ни что иное, как остатки небольших шалашевидных сооружений, и судя по находкам в них фрагментов воротничковых сосудов, принадлежали нижнедонской раннеэнеолитической культуре. Тем самым устанавливается факт предшествования на памятнике ямочно-гребенчатой керамики материалам последней,

В целом, имеющиеся данные позволяют выстроить колонку относительной хронологии разнокультурных комплексов времени неолита — энеолита в лесостепном Подонье. Такая колонка, наряду с четкими признаками хронологического приоритета в появлении тех или иных культурных комплексов, предполагает совмещение их бытования, но не резкую их смену.

Мы уже упоминали примеры, свидетельствующие о длительном существовании на Дону культуры с накольчатой керамикой (по материалам Черкасской стоянки и др.). Достаточно ярко это положение подтверждается и раскопками стоянки Дрониха, но здесь обширная подпрямоугольная площадка из битой ракушки, сходная с большой постройкой Черкасской стоянки, залегала уже над толщей слоя (в среднем 0,35 м от уровня материка) с накольчатой, ямчатой и гребенчатой керамикой. Вместе с тем на самой поверхности площадки собрано большое количество накольчатой керамики.

Особо подчеркнем, что в статистико-поглубинном отношении ранняя накольчатая керамика всегда предшествует керамике с гребенчатым орнаментом. Так, гребенчатой керамики почти нет в нижней части слоя стоянок Черкасской и Университетской-3, а на стоянке Дрониха количество ее неуклонно растет снизу вверх (Синюк, 1986).

В общих чертах схема относительной хронологии культур и культурных типов неолита лесостепного Подонья (прежде всего начала их появления) нам представляется в следующем виде (в восходящем порядке):

Ранний неолит	среднедонская неолитическая культура с накольчатой керамикой
Развитый неолит	среднедонская культура: рязанско-долговская культура с ранней ямочно-гребенчатой керамикой
Пережиточный неолит (с появления материалов нижнедонской энеолитической культуры)	среднедонская культура; материалы черкасского типа; рыбноозерская культура с поздней ямочно-гребенчатой и гребенчатой керамикой; материалы дронихинского типа

Данная схема базируется на статистико-стратиграфических показателях многослойных памятников. Для большего ее обоснования требуются и «чистые», однослойного содержания комплексы. Во многом эта проблема еще ждет своего времени, но началом к ее решению, как и к пониманию вопроса о позднем мезолите средне-

донской территории, можно считать результаты проведенных нами раскопок стоянки Монастырской-1 (Синюк, 1985; 1986), Здесь удалось установить, что, во-первых, основное скопление каменных изделий и отходов их производства не совпало в плане с наибольшим скоплением керамики; во-вторых, насыщенность слоя культурными остатками весьма слабая, что наряду с другими наблюдениями не предполагает функционирования здесь мастерской, хотя (а это необычно для неолитических стоянок Подонья) каменные находки преобладают повсеместно над керамикой. По глубинам первые привязаны к нижнему (четвертому) слою стоянки, тогда как абсолютное большинство керамики выявлено в верхнем (третьем) слое. По всем признакам керамика абсолютно однородна, т. е. принадлежит единовременному культурному комплексу. Керамика характеризуется исключительно накольчатым орнаментом с широкой вариацией типов наколов. Форма сосудов — прямостенные цилиндрические и реже — конические, остродонные; изготовлялись из плотной глины, внешние поверхности хорошо сглажены, а внутренние несут следы мелкой штриховки.

Кварцитовые и кремневые изделия стоянки типологически идентичны. Отсюда, в принципе, вполне приемлемо определение представленной здесь каменной индустрии как кремнево-кварцитовой. Другой признак каменного инвентаря — подавляющее преобладание орудий на пластинах, а сама пластинчатая техника несет явно микролитоидный характер. Следует отметить отсутствие принципиальной разницы между орудиями, найденными совместно с керамикой и той их частью, которая планиграфически выходила за пределы распространения керамики. Но, следовательно, мы тем самым фиксируем тождественность каменной индустрии докерамического и керамического периодов, в чем, скорее всего, и находится ключ к разрешению проблемы происхождения ранней неолитической культуры лесостепного Дона.

В этой связи необходимо отметить совершенно аналогичные памятники на реке Вороне, близ дер. Шапкино (раскопки А.А. Хрекова). Обособленное от керамики место занимали и отходы кремнево-кварцитового производства на одной из дюн по среднему течению реки Савалы; безкерамические комплексы выявлены по р. Толучеевка, близ с. Аксеновка на р. Оскол, а также у с. Верхний Карабут на Дону. Материалы названных пунктов характеризуются безраздельным господством микропластинчатой вкладышевой техники и обнаруживают поразительное сходство с Монастырским комплексом. При этом названные местонахождения размещены в пределах той же территории, где выявлены и основные неолитические памятники с накольчатой керамикой. В конечном счете даже не столь важно отнесение первых из них к позднему мезолиту или раннему неолиту. Существенно то, что они служат вполне реальным мостиком, соединяющим традиции донского накольчатого неолита с более древним периодом. И в этом плане важны поиски их сходства как с позднемезолитическими, так и с ранненеолитическими комплексами культур сопредельных территорий.

Микролитические комплексы Подонья не находят безусловных прототипов ни в Азово-Черноморской позднемезолитической культурной области, ни в «прибалтийско-доно-волжской» области микро-макролитических культур. Близки донским некоторые признаки, отмеченные исследователями для позднего этапа мезолита Среднего Поволжья, но там продолжают сохраняться резцы как ведущие группы орудий (Косменко, 1972). В свое время облик микролитических стоянок Среднего Поволжья ввиду почти полного отсутствия геометрических орудий М.Г. Косменко связал с традициями, происходящими из области Приуралья, Средней Азии, Нижнего Поволжья и Подонья.

Данная линия сравнения нам представляется перспективной. Но и в этом направлении следует исключить области с традицией изготовления резцов и геометрических микролитов, а именно: Среднее Поволжье, Южный Урал (Матюшин, 1976), Северо-восточное Приазовье (Крижевская, 1972), район южных Ергеней (Праслов, 1971) и ряд районов Средней Азии, включая восточное побережье Каспия (Формозов, 1959; Окладников, 1956; Марков, 1966; Виноградов, 1968).

Но именно в юго-восточных пределах затем распространилась кельтеминарская культурно-историческая общность, где есть группы памятников, в микролитическом инвентаре которых отсутствуют и геометрические формы, и типичные резцы (Формозов, 1972; Виноградов, Мамедов, 1975; Виноградов, 1981). В частности, А.В. Виноградовым отмечалось, что в мезолитических памятниках восточных районов Средней Азии набор и, особенно, количество геометрических форм резко сокращается; геометрические микролиты найдены не на всех памятниках, а там, где они имеются, представлены единичными экземплярами (Виноградов, 1981. С. 57), Единичны геометрические формы и на Лявлякане, что сближает его материалы с мезолитом восточных, а не прикаспийских районов Средней Азии (Виноградов, 1981. С. 59). Кстати, для памятников этого района характерна исключительно пластинчатая индустрия, а в орудийном наборе господствуют скребки на пластинах, пластины с притупленным краем, пластины с боковыми выемками, сечения пластин, тогда как орудия с резцовыми сколами единичны (стоянки Лявлякан 24, 41, 54 и др.) (Виноградов. 1981. С. 216-217).

Эта линия сравнения подводит и к более близкому району — Северо-Восточному Прикаспию. Здесь, на примере стоянки Бекбеке-1 и рада других памятников, можно фиксировать те же объединяющие признаки: решительное преобладание микроиндустрии, большое количество пластинок и сечений без обработки, но со следами использования; исключительно концевые скребки, единичные находки трапеций, сегментов и треугольников, отсутствие резцов и двусторонне обработанных изделий (Крижевская, 1972. С. 271-279). Несмотря на то, что с такими комплексами орудий встречалась и керамика Л.Я. Крижевская совершенно справедливо усматривала в них сохранение мезолитического облика (1972. С. 275).

Определяя этнокультурный характер кремневой индустрии позднего мезолита — раннего неолита Северо-Восточного Прикаспия, как Н.Д. Праслов, так и Л.Я. Крижевская закономерно проследили его сходство с индустриями мезолита Средней Азии, и прежде всего — с материалами кельтеминарской культуры.

Об отсутствии принципиальных различий между мезолитом — неолитом Средней Азии, Северного и Северо-Восточного Прикаспия говорит и А.В. Виноградов (Виноградов, 1981. С. 164) и им же делается вывод об отсутствии местных генетических истоков в ряде культур конца мезолита — раннего неолита в северной равнинной части Средней Азии, что позволяет говорить еще об одной, более поздней (в пределах VII-VI тыс. до н. э.) волне расселения с юга (Виноградов, 1981. С. 161-162). Это чрезвычайно важное положение делает еще более убедительной проводимую нами линию сравнения, поскольку основные возражения вызывались бы отсутствием на среднедонских стоянках наконечников стрел с боковой выемкой и различиями в керамике, если бы речь шла о воздействии неолитической кельтеминарской культуры. А.В. Виноградов определяет начало неолитической эпохи Средней Азии, наряду с появлением керамики, распространением небольших симметричных трапеций, которые предшествовали периоду бытования наконечников кельтеминарского типа (Виноградов, Мамедов, 1975. С. 212). Видимо, волна расселения с юга, предшество-

вавшая сложению неолита, достигла и лесостепного Дона. Чрезвычайно важным моментом следует считать и находки на стоянке Монастырской-1 «рогатой» трапеции и близкого ей морфологически трапециевидного сечения с выемкой по верхнему краю. Такие специфические изделия «дарьясайского» типа известны в пределах Северного Афганистана, в долине Дарьясая, в Приаралье, тогда как в целом они не характерны для Прикаспийских районов Средней Азии (Виноградов, 1981, С. 162-163). Неслучайность находки «рогатой» трапеции и правомерность проведенных сравнений со столь, казалось бы, удаленной от донского лесостепья территорией, подтверждается аналогичными находками и в лесостепном Заволжье (Выборнов, Пенин, 1979; Васильев, Выборнов, Габяшев, Моргунова, Пеннин, 1980).

Изложенное выше дает основание считать, что ранние микролитические комплексы лесостепного Дона оставлены населением, проникшим сюда вследствие миграционной волны из среднеазиатских областей в самом конце мезолита.

Мы уже отмечали культурное единство всего каменного инвентаря стоянки Монастырской 1, а соответственно, и культурную связь с ним керамического материала. Трудно сказать, каков был промежуток времени между появлением подобных каменных комплексов и первой керамики. Но именно такого облика материалы определяют ранний рубеж неолита лесостепного Дона. Он синхронизируется с периодом становления кельтеминарской культуры, определяемым Г.Ф. Коробковой и В.М. Массоном концом VI — V тыс. до н.э. (Коробкова, Массон, 1978. С. 107); А.В. Виноградов датирует ранний, дарьясайский этап неолита Кызылкумов от конца VII до середины (или третей четверти) V тыс. до н. э. (Виноградов, 1981. С. 132).

Выше уже были отмечены специфические черты местных ранненеолитических сосудов. В комплексах ранних этапов и днепро-донецкой, и волго-камской культур таких сосудов нет. И сам накольчатый орнамент в днепро-донецкой культуре получил распространение только на ее втором (в известной степени пережиточно неолитическом) этапе.

В свое время Д.Я. Телегин высказал весьма плодотворную мысль о заимствовании накола из среды более восточного степного населения. При этом как область его обитания указывались Средний Дон и Нижняя Волга (Телегін, 1968. С. 17). К сожалению, ни Д.Я. Телегин, ни другие исследователи в дальнейшем не возвращались к разработкам в этом направлении. Более того, укоренившееся мнение об обратном влиянии, т. е. о зависимости среднедонской накольчатой керамики от поздней днепро-донецкой (в понимании Д.Я. Телегиным и В.П. Третьяковым характера памятников азово-днепровской культуры) ставило с ног на голову проблему происхождения и хронологии неолита Дона. Выше нами уже были отмечены примеры стратиграфического предшествования на Дону не только накольчатых, но и ранних ямочно-гребенчатых керамических комплексов материалам раннеэнеолитической нижнедонской культуры, в целом синхронной азово-днепровским древностям, причем объединяясь с ними в рамках мариупольской культурно-исторической области (Васильев, Синюк, 1985).

Поволжские накольчатые сосуды имеют с донскими ряд сходных черт, но они все же более сопоставимы не с ранними из них, а с более поздними. Отмечу также, что редко встречаемые на донских стоянках сосуды, находящие аналогии в материалах елшанского типа, по своему размещению в культурных слоях ни в одном случае не демонстрируют хронологического приоритета над ранненеолитическими накольчатыми сосудами (стоянка Университетская 3 и др.).

Выделение верхневолжской ранненеолитической культуры (Крайнов, Хотинский, 1977) внесло существенные коррективы в сложившиеся представления о начальных стадиях восточно-европейского лесного неолита. Наряду с отличительными чертами среднедонской и верхневолжской культуры, обращают на себя внимание признаки сходства в их керамике. Не случайно в поисках аналогий орнаментации исследователь верхневолжской культуры Д.А. Крайнов привлекал материалы памятников именно среднедонской неолитической культуры — Подзоровской, Ярлуковской Протоки, Савицкой стоянок (Крайнов, Хотинский, 1977. С. 64). Такого рода общие признаки обособляют эти культуры от всех других сопредельных культурных образований и одновременно предполагают их более глубокую этноисторическую связь. Думается, пришлые южные группы явились серьезным компонентом в этническом составе носителей верхневолжской культуры. В любом случае уже сейчас с полным основанием можно синхронизировать ранние периоды бытования этих двух культур. Нижнюю границу верхневолжской культуры исследователи определили не позднее середины V (Крайнов, 1978; 1980. С. 38), а возможно, концом VI тыс. (Крайнов, Кольцов, 1983. С. 269).

Весьма важным сопоставительным источником следует считать и находки на донских стоянках фрагментов керамики буго-днестровского типа, по орнаментальным признакам более тяготеющих к развитым фазам культуры (соколецкой и печерской, по В.Н. Даниленко) (1969. С. 188, рис. 138, 139). Эти фазы датируются названным исследователем от конца VII до конца V тыс. до н. э. (Даниленко, 1969. С. 217).

Таким образом, учитывая соответствие в датировках всех сравниваемых материалов, время формирования среднедонской неолитической культуры может быть определено первой половиной V тыс. до н. э., что с необходимостью предполагает ее синхронизацию не со вторым, как считал Д.Я. Телегин (Телегін, 1981. С. 7), а с первым этапом днепро-донецкой культуры.

Начало второго этапа неолита Лесостепного Дона определяется появлением носителей культуры с ранней ямочно-гребенчатой керамикой. Если принять во внимание проявляемую в современных исследованиях тенденцию к удревнению блоков культур и отдельных культур, включая и те, которые рассматриваются нами в рамках мариупольской культурно-исторической области (азово-днепровская, нижнедонская и др.) и уводящую последних в V тыс. до н. э., то второй этап тоже, казалось бы, не должен выходить за пределы этого тысячелетия, причем до времени появления в лесостепи материалов нижнедонской раннеэнеолитической культуры. Однако это входит в известное противоречие с имеющимися датировками культур энеолита и ранней бронзы рассматриваемых территорий, поскольку нижнедонская культура здесь довольно быстро переоформляется в репинскую (Синюк, 1999), а последняя проявляет себя даже ко времени распространения катакомбных памятников, доживая до рубежа III — II тыс. до н. э. (Синюк, 1981). На мой взгляд, «растягивание» бытования репинской культуры более чем на два тысячелетия наталкивается на ряд проблем, включая аспекты палеодемографии (относительно малое число материалов в целом), динамики исторического развития, пределов протяженности сохранения этнокультурной целостности и т. п. Все это еще ждет своего объяснения. Пока же мы придерживаемся традиционных хронологических разработок для культур с ранней ямочно-гребенчатой керамикой, позволяющих датировать появление в Подонье рязанско-долговских комплексов в пределах первой половины IV тыс. до н. э. Завершение второго и начало третьего, пережиточно неолитического этапа может быть отнесено к середине — третьей четверти этого тысячелетия. Конечный же рубеж неолитической эпохи, на осно-

вании фиксируемых примеров хронологической стыковки традиций неолита, энеолита и бронзового века, может быть обозначен концом III — началом II тыс. до н. э.

В заключение еще раз подчеркну, что объяснение улавливаемому в лесостепном Подонье совмещению поликультурных и разностадиальных традиций кроется в природно-географической специфике данного региона, а в связи с этим есть основание полагать, что сходные исторические процессы должны проявлять себя по всей зоне восточноевропейской лесостепи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Берг Л.С. Природа СССР. М., 1955.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С. Моргунова Н.Л., Пенин Г.Г. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Научные труды КГПИ. Т. 235. 1980.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-европейской лесостепи (Вопросы происхождения и периодизации культур). Куйбышев, 1985.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М., 1981.

Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. М., 1975.

Выборнов А.А., Пенин Г.Г. Неолитические стоянки на реке Самаре // Древняя история Поволжья. Научные труды КГПИ. Т. 230. 1979.

Даниленко В.Н. Неолит Украины. Киев, 1969.

Замятины С.Н. Донской неолит / Рукописный архив ИИМК РАН. Фонд 69. Папка XXXV.

Коробкова Г.Ф., Массон В.М. Понятие «неолит» и вопросы хронологии неолита Средней Азии // КСИА. Вып. 153. 1978.

Косменко М.Г. Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье // СА. № 3. 1972.

Крайнов Д.А. Фатьяновская культура в этногенезе балтов // Из древнейшей истории балтских народов по данным археологии и антропологии. Рига, 1980.

Крайнов Д.А. Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья И КСИА. Вып. 153. 1978.

Крайнов Д.А., Кольцов Л.В. 25 лет (1959-1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии Наук СССР // СА. № 4. 1983.

Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Верхневолжская ранненеолитическая культура // СА. № 3. 1977.

Крижевская Л.Я. К вопросу о неолите Северо-восточного Прикаспия // МИА. Вып. 185. 1972.

Крижевская Л.Я. Каменные орудия из неолитического поселения Матвеев Курган II // КСИА. Вып. 161. 1972а.

Левенок В.П. Неолитические племена лесостепной зоны европейской части СССР // МИА. Вып. 172. 1973.

Левенок В.П. Памятники днепро-донецкой культуры в лесостепной полосе РСФСР // КСИА. Вып. 126.1971.

Марков Г.Е. Грот Дам-Дам-Чешме II в Восточном Прикаспии // СА. № 2. 1966.

Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976.

Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР. М., 1977.

Неприна В.И. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. Киев, 1976.

Окладников А.Л. Пешера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении // ТЮТАКЭ. Т. 7. 1956.

Праслов И.Д. Памятники каменного века южных Ергеней //КСИА. Вып. 126.1971.

Синюк А.Т. Бассейн Верхнего и Среднего Дона в эпоху энеолита // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж, 1999.

Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.

Синюк А.Т. Некоторые вопросы истории Среднего Дона в IV—II тыс. до н. э. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1975.

Синюк А.Т. Неолитические памятники Среднего Дона // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. Воронеж, 1978.

Синюк А.Т Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейн Среднего Дона) // СА. № 3. 1984.

Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита — бронзы в бассейне Дона // СА. №4. 1981.

Синюк А.Т. Стоянка Монастырская 1 как источник для выделения мезолита и периодизации неолита на Среднем Дону // Археологические памятники на Европейской территории СССР. Воронеж, 1985.

Телегін Д.Я. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968.

Телегін Д.Я. Про неолтічні пам'ятки Подоння і Степового Поволжжя // Археологія. Вып. 36. 1981.

Третьяков В.П. О неолите Верхнего Подонья // СА. № 4. 1982.

Формозов А.А. Микролитические памятники азиатской части СССР // СА. № 2. 1959.

Формозов А.А. О роли закаспийского и приаралъского мезолита и неолита в истории Европы и Азии // СА. № 1. 1972.

Хотинский Н.А. Палеогеографические основы датировки и периодизации неолита лесной европейской части СССР // КСИА. Вып. 153. 1978.

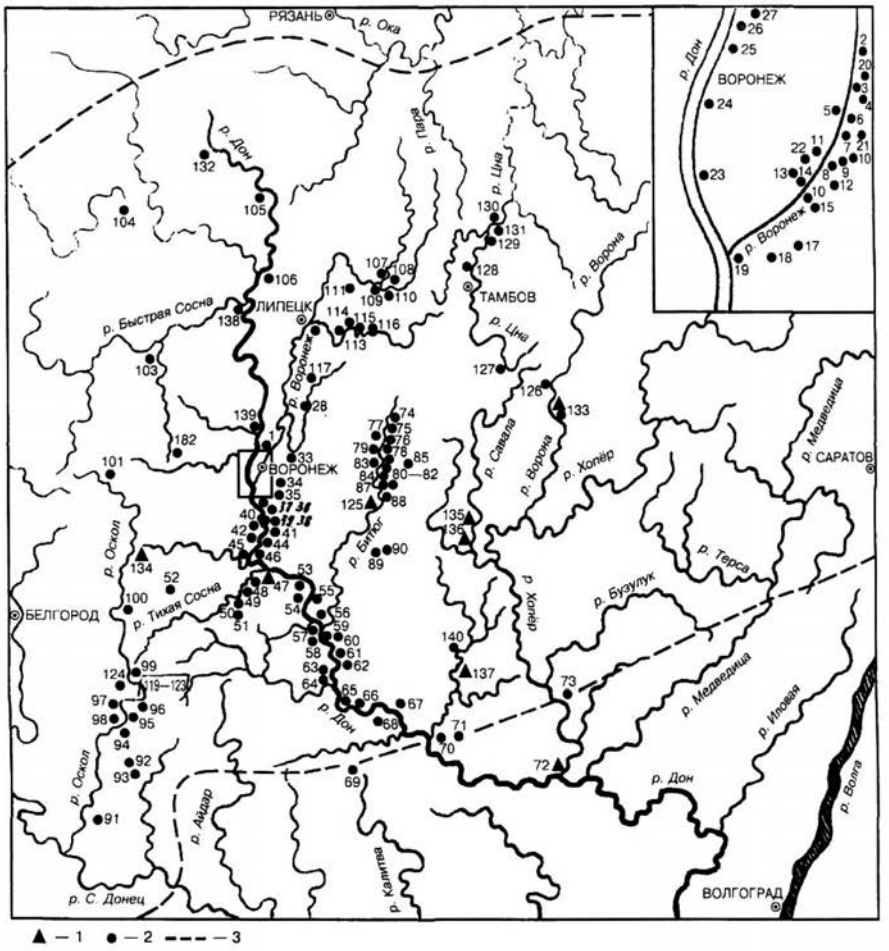


Рис. 1. Карта распространения позднемезолитических и неолитических стоянок в лесостепном Подонье (1 — поселения эпохи мезолита; 2 — поселения эпохи неолита; 3 — границы лесостепи по Ф. Н. Милькову): 1 — Чертовицкая; 2 — Отрожка; 3 — Северовосточная 1; 4 — Северовосточная 2; 5 — Коммунарская; 6 — Чернавская; 7 — Яхтклуб; 8 — Университетская 3; 9 — Университетская 1; 10 — Университетская 2; 11 — Унивеситетская 4; 12 — Кировская 2; 13 — Стрельбище 1; 14 — Стрельбище 2; 15 — Шиловская 1; 16 — Шиловская 2; 17 —Скотный Двор; 18 — Таврово; 19 — Устье р. Воронеж; 20—22 — случайные находки; 23 — Орловка; 24 — Устье р. Девицы; 25 — Подклетное; 26 — Подгорное; 27 — Подгорное 2; 28 — Углянец; 29—34 — Боровое; 35 — Забужское; 36 — Погоново Озеро; 37 — Левобережная Костенковская; 38 — Каменка; 39 — Нововоронежская; 40 — Сторожевое; 41 — Левобережное Сторожевое; 42 — Урыв-Селявное; 43 — Платава; 44 — Троицкое; 45 — Аверино; 46 — Устье р. Девицы; 47 — Устье р. Тихой Сосны; 48 — Дармодехинская; 49 — Дармодехинская 2; 50 — Копанище 1; 51 — Копанище 2; 52 — Шубное; 53 — Щучье; 54 — Щучье 2; 55 — Колодежное; 56 — Черкасская; 57 — Верхний Карабут; 58 — Белогорье; 59 — Перебой; 60 — Павловск; 61 — Русская Буйловка; 62 — Желдаково; 63 — Нижний Карабут; 64 — Кулаковка; 65 — Гороховка; 66 — Гороховка 2; 67 — Ольхи; 69 — Филоново; 69 — Титаревка; 70 — Толучеевка; 71 — Березняки; 72 — Подпешное Озеро; 73 — Ендовское; 74 — Борщево; 75 — Борщево 2; 76 — Малые Ясырки; 77 — Мосоловка; 78 — Мосоловка 2; 79 — Сухое Веретье; 80 — Бродовое; 81 — Попово Озеро; 82 — Гороховка; 83 — Анна; 84 — Новый Курлак; 85 — Черная; 86 — Кушелево; 87 — Кушелево 2; 88 — Дрониха; 89 — Новая Чигла; 90 — Новая Чигла 2; 91 — Пески; 92 — Герасимовка; 93 — Ярское; 94 — Уразово; 95 — Шелаевская 1; 96 — Шелаевская 2; 97 — Новое Изрожное; 98 — Колосково; 99 — Принцевка; 100 — Новый Оскол; 101 — Никольское-Правороть; 102 — Касторное; 103 — Лобовская; 104 — Ефремов; 105 — Долговская; 106 — Лебедянь; 107 — Грамушки; 108 — Устье; 109 — Старое Тарбеево; 110 — Старое Тарбеево 2; 111 — Стеньшино; 112 — Липецк; 113 — Рыбное Озеро 1; 114 — Рыбное Озеро 2; 115 — Ярлуковская Протока; 116 — Ярлуково; 117 — Савицкая; 118 — Кривоборье; 119 — Раздолье; 120 — Подмонастырка; 121 — Новосимоновка; 122 — Терехово; 123 — Масловка; 124 — Лавы; 125 — Монастырская 1; 126 — Уварово; 127 — Княжино; 128 — Тихий Угол; 129 — Кулеватово; 130 — Серповое; 131 — Елизавет-Михайловское; 132 — Куликово Поле; 133 — Шапкино; 134 — Аксеновка; 135 — Савала; 136 — Савала 2; 137 — Толучеевка 2; 138 — Устье Быстрой Сосны 2; 139 — Новоживотинное; 140 — Ширяево.

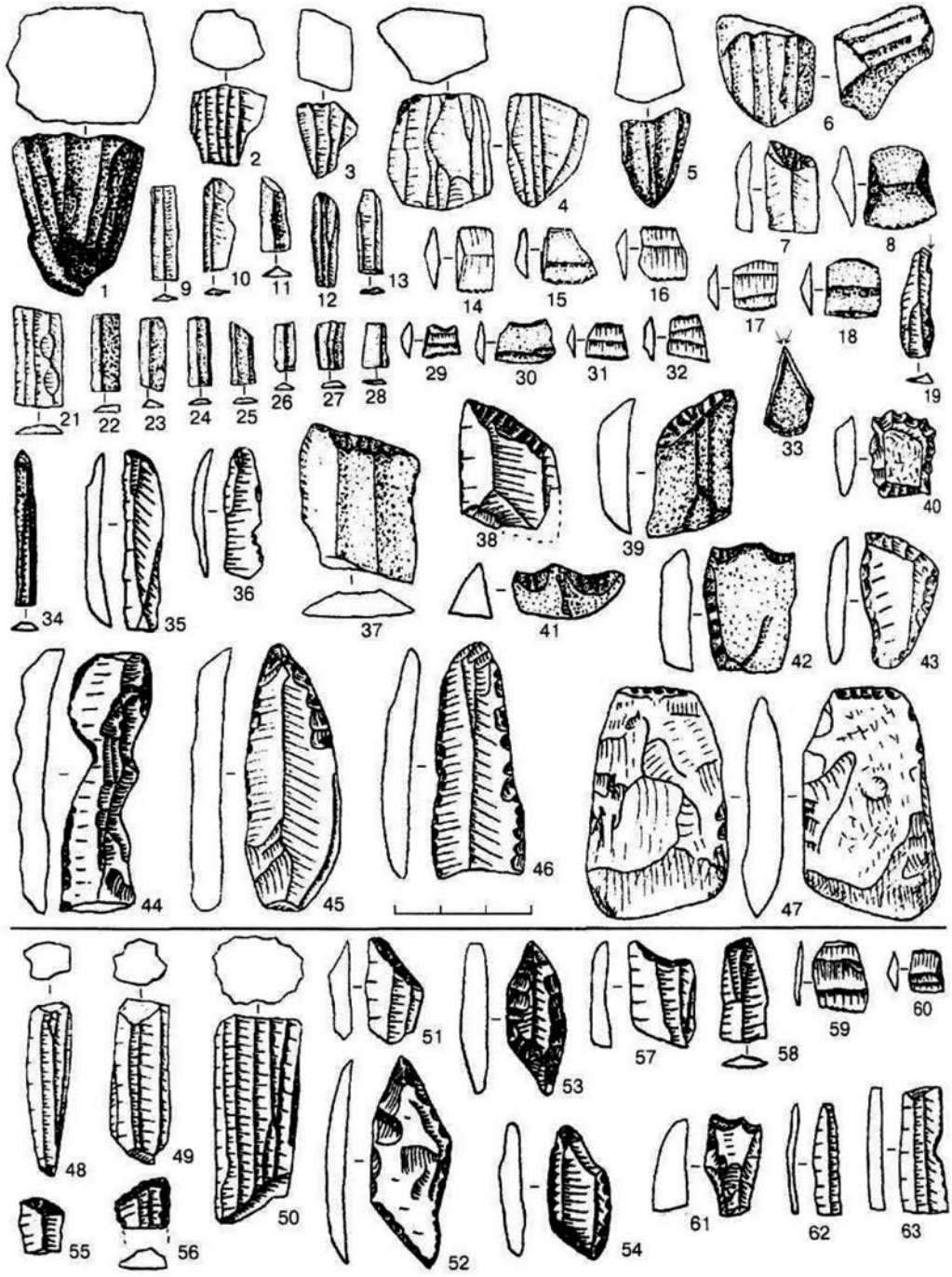


Рис. 2. Каменный инвентарь мезолитического облика со стоянок лесостепного Дона:
1—47 — Монастырская 1; 48 — Верхний Карабут; 49—50 — Раздольное; 51—54 — Университетская 3;
55—56 — Погоново Озеро; 57—60 — Аксеновка; 61—62 — Толучеевка; 63 — Устье р. Тихой Сосны.

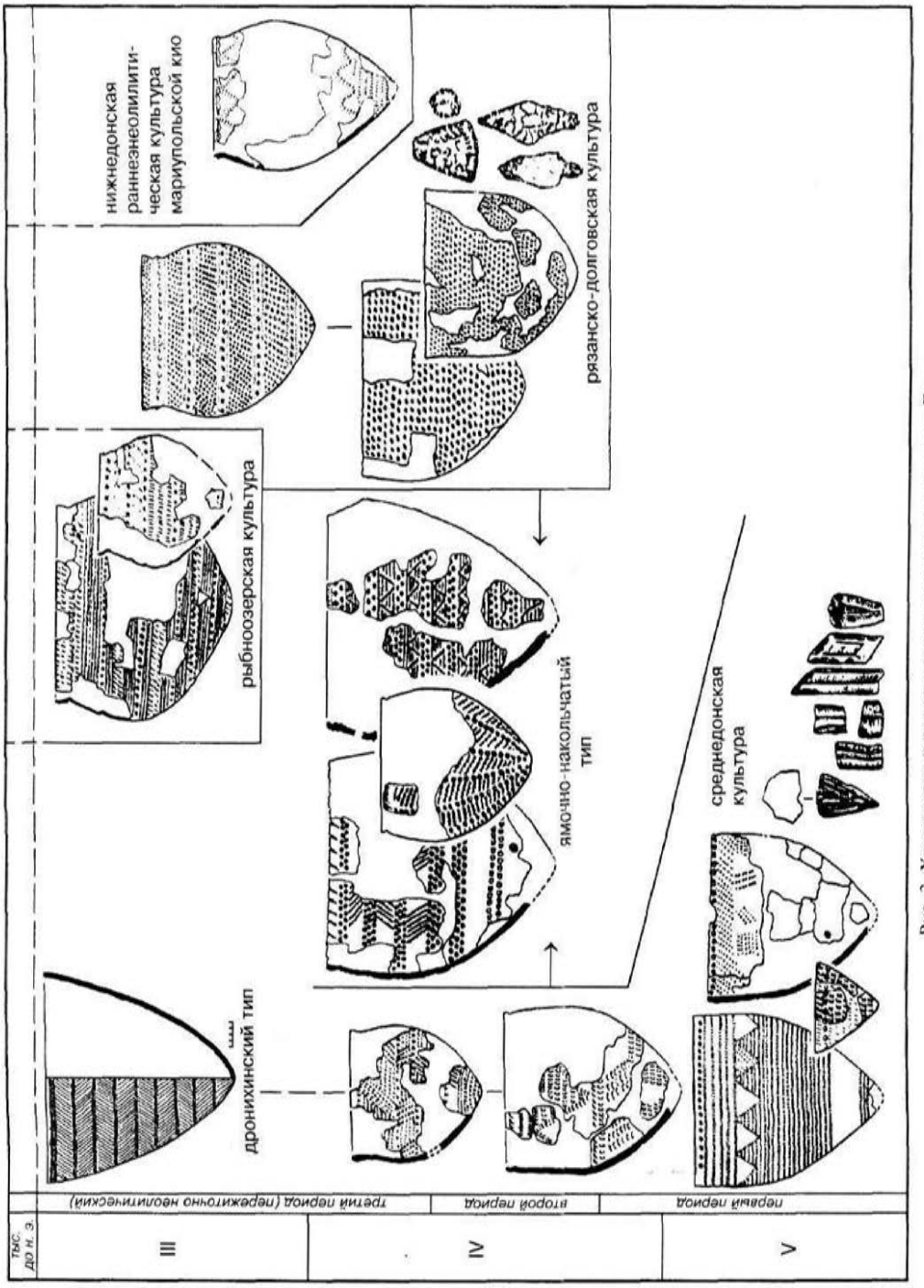


Рис. 3. Хронология и периодизация неолита лесостепного Дона.

2005

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИЗУЧЕНИЮ ПЕРВОГО ВЛАСОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2005. С. 103-107.
В соавт. с В. Д. Березуцким.

При освещении материалов Первого Власовского могильника (Синюк А.Т., 1989; 1993) нами отмечалась незавершенность его исследования в связи с сохранением кургана №18 с триангуляционным знаком, а также предполагалось, что какая-то часть памятника могла быть разрушена функционировавшим на его площади глиняным карьером. Последнее обстоятельство дало знать о себе позднее, когда в 1996 г. при дополнительном обследовании места могильника одним из авторов в обнажении карьера были выявлены остатки кургана, не зафиксированного в ходе изучения памятника. Тогда же были проведены охранные раскопки (Березуцкий В.Д., 1996). В соответствии с принятым порядком нумерации курганов могильника обнаруженный курган зафиксирован под номером 19 (рис. 1, 1). Напомним, что могильник располагался на западной оконечности высокого водораздела между поймами рек Баклуши и Вороны – притока Хопра, примерно в 2-х километрах к северу от села Власовка Грибановского района Воронежской области (Донское Левобережье).

От кургана сохранилась его юго-восточная часть (рис. 1, 3). Диаметр его составлял 22-24 м; высота насыпи — до 0,6 м. Останец кургана исследован послойно на снос с помощью бульдозера, с оставлением стратификационных бровок.

Примерно в центре реконструируемой насыпи выявлен поздний перекоп (грабительский лаз), врезавшийся в материк почти на метровую глубину. Не исключено, что им было разрушено одно из впускных захоронений, от которого сохранилась лишь часть материкового выкида. В ходе исследования обнаружено три погребения.

Погребение 1 – впускное (рис. 2, 1), представляло собой овальную яму (1,35×1,0 м), слегка углубленную в материк, на полу которой находился скелет человека скорченно на левом боку головой на юго-восток.

Погребение 2 – впускное (рис. 2, 2), располагалось близ предыдущего, представляло собой катакомбную конструкцию в виде прямоугольной шахты (1,2×0,8 м), углубленной в материк на метр, и примыкающей к ее западной длинной стенке камеры, купольный свод которой хорошо сохранился благодаря забутовке погребального сооружения материковым выкидом[1]. Камера удлиненно-овальной формы (1,8×0,85 м) с высотой свода 0,7 м; пол ее ниже пола шахты на 0,1 м. Вдоль длинной оси камеры на органических подстилках лежали скелеты двух детей скорченно на правом боку, с руками у колен, с ориентировкой голов на юг (с небольшим отклонением к востоку),

[1] Прием забутовки весьма характерен для погребений данного могильника и оценен нами в качестве одного из специфических признаков, сопутствующих погребальным установкам для лиц жреческого сословия (Синюк. А.Т., 1989; 1996). Затем этот прием проявил себя и на ряде других могильников среднедонской катакомбной культуры, что в принципе не снимает высказанного нами предположения о его особом по социальному статусу предназначении.

лицами к выходу из камеры. Посыпка охрой красно-бурого цвета фиксировалась в ногах погребенных. Перед ребенком, находившимся в южной половине камеры, стоял глиняный сосуд, вокруг которого были разложены четыре бараньих астрагала на охровой посыпке. Сосуд небольших размеров (высота 9 см, диаметр венчика – 13 см; дна – 7,5 см), горшковидной формы, с уступом под плавно отогнутым наружу горлом и с намечающимся поддоном. Глиняное тесто плотное, без видимых примесей; цвет поверхностей коричневый; внутри имеются расчесы от заглаживания. Украшен по горлу горизонтальными рядами накольчатых вдавлений и оттисков тесьмы, а ниже уступа нанесены прочерченные зигзагообразные линии, на отдельных участках поверхности сосуда создающие геометрические фигуры (рис. 2, 4).

Еще один сосуд, тоже небольших размеров (высота – 11 см; диаметр венчика 14 см; дна – 8,5 см) был поставлен между скелетами несколько ближе к выходу из камеры. По форме он представляет собой плоскодонный горшок со слегка отогнутым наружу коротким венчиком и округлым туловом с наибольшим диаметром в верхней трети своей высоты. Технологические признаки его сходны с показателями вышерассмотренного сосуда. Украшен по горлу поясками из оттисков сдвоенного и строенного шнура и мелкими прямоугольными вдавлениями, а ниже – оттисками гребенчатого штампа в виде наклонных, горизонтальных и составленных в елочку линий. Орнаментальное поле по венчику и у днища подчеркнуто поясками вдавлений (рис. 2, 5).

Жаровня из придонной части сосуда выявлена напротив колен ребенка, лежавшего в северной половине камеры. Технологические и о орнаментальные признаки аналогичны вышерассмотренному сосуду (рис. 2, 6).

По обе стороны от головы того же ребенка находились три бронзовые подвески в виде колец с несомкнутыми приостренными концами (рис. 2, 2а, б, г) и одна (лежавшая справа) спиралевидная бронзовая подвеска с петельчатым концом (рис. 2, 2в). Наконец, на полу шахты были выявлены фрагменты черепа бычка.

Погребение 3 находилось близ предполагаемого центра кургана. Сейчас трудно сказать: было ли это погребение впускным или основным, поскольку выкид из него, если он и был, мог размещаться в разрушенной карьером части насыпи. Погребение представляло собой забутованное материком[1] катакомбное сооружение из прямоугольной шахты (1,4×0,9 м) и сводчатой камеры (1,9×1,0 м), по их сопряжению и ориентировке почти идентичное вышерассмотренному погребению. Шахта углублена в материк на 1,4 м, камера, на 1,75 м при высоте свода в один метр. На полу камеры, на органической подстилке лежал скелет взрослого человека высокого роста (около двух метров) скорченно на правом боку с завалом на спину, с руками на бедрах, ориентированного в юг-юго-восточном направлении (рис. 3, 1). В ногах умершего отмечена посыпка охры красно-бурого цвета, а на фаланге безымянного пальца левой руки находилось костяное кольцо с полированной поверхностью (рис. 3, 2). В юго-восточном углу шахты были обнаружены фрагменты жаровни из боковины глиняного сосуда с орнаментом в виде оттисков зубчатого штампа (рис. 3, 3).

Данное погребение, равно как и предыдущее, принадлежит среднедонской катакомбной культуре, при этом оба погребения со всей определенностью можно отнести к первому этапу бытования культуры и датировать в пределах XX — XVIII столетий до н.э. Отметим также, что практически все фиксируемые признаки обрядности и погребального инвентаря этих погребений составляют органическое единство с други-

[1] Отсюда проистекают известные сложности поиска погребений в донских курганах, что требует дополнительных усилий и практического опыта при их исследовании.

ми катакомбными погребениями могильника, лишний раз подчеркивая особый статус захороненных здесь в социальной стратификации общества.

Не столь однозначно можно оценить культурно-хронологическую принадлежность погребения 1. Левобочное положение умершего, будучи типичным для обрядности донской лесостепной срубной культуры, не является исключением и в погребальных установках носителей местной катакомбной культуры. К тому же, ориентировка умершего не столь традиционна для срубных памятников. С другой стороны, в насыпи одного из курганов (№ 12) данного могильника был обнаружен типично срубный остроребериый сосуд, что маркирует в определенной степени поликультурный характер памятника. Данное заключение подтверждено и принадлежностью кургана № 16 кругу покровско-абашевских древностей (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1993; Синюк А.Т., 1996).

Литература:

Березуцкий В.Д., 1996. Отчет о проведении археологических работ на территории Воронежской области в 1996 году // Архив ИА РАН. Синюк А.Т., 1989. Погребения ямной и катакомбной культур Первого Власовского могильника // Проблемы археологического изучения доно-волжской лесостепи. Воронеж. С. 27-69.

Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1993. Курган №16 Власовского могильника // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. Уфа, 1993. С. 6-31. Синюк А.Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.

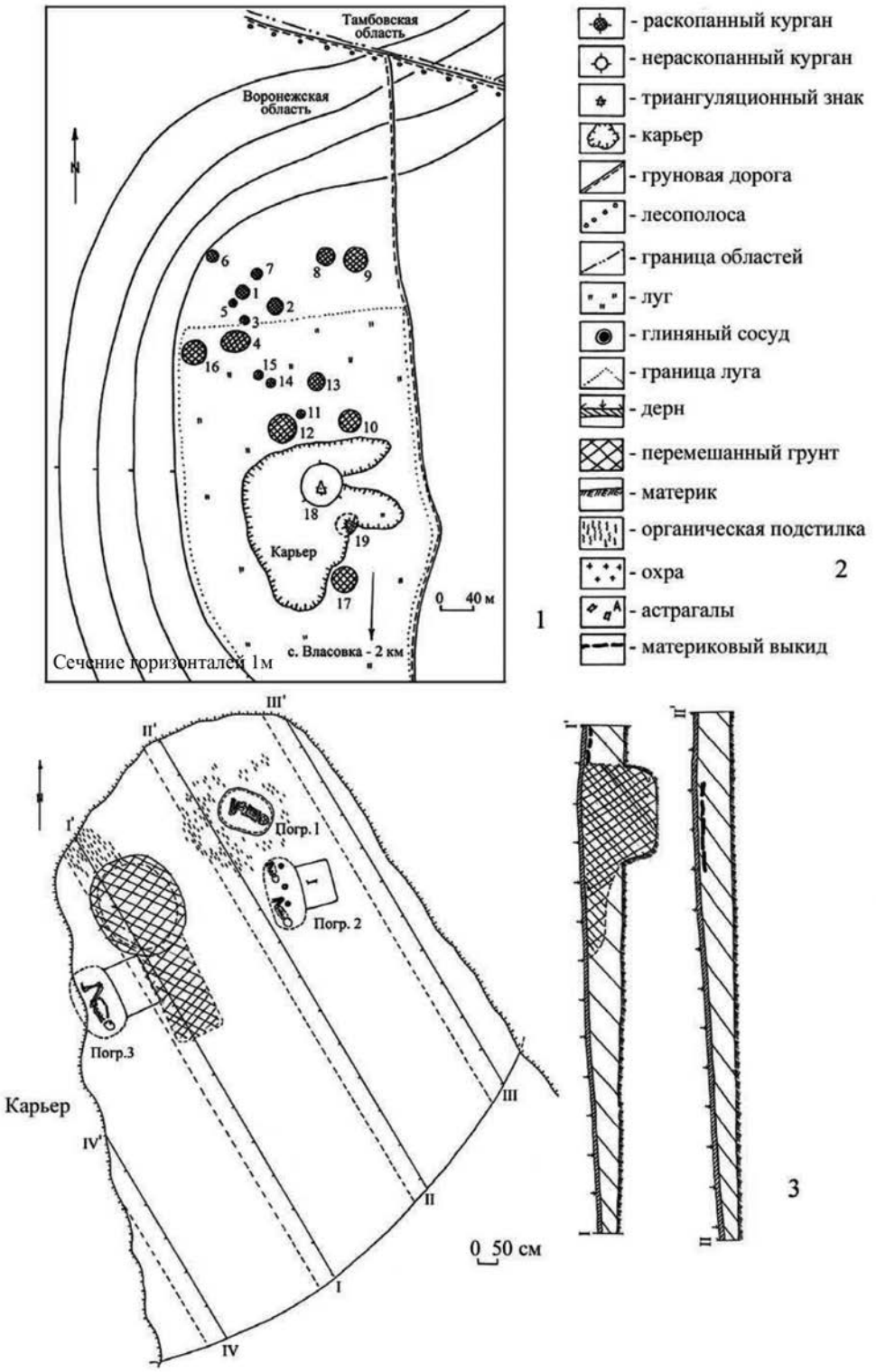


Рис. 1. *Первый Власовский могильник, курган №19.*
1 – план могильника; 2 – условные обозначения; 3 – план и профили кургана №19

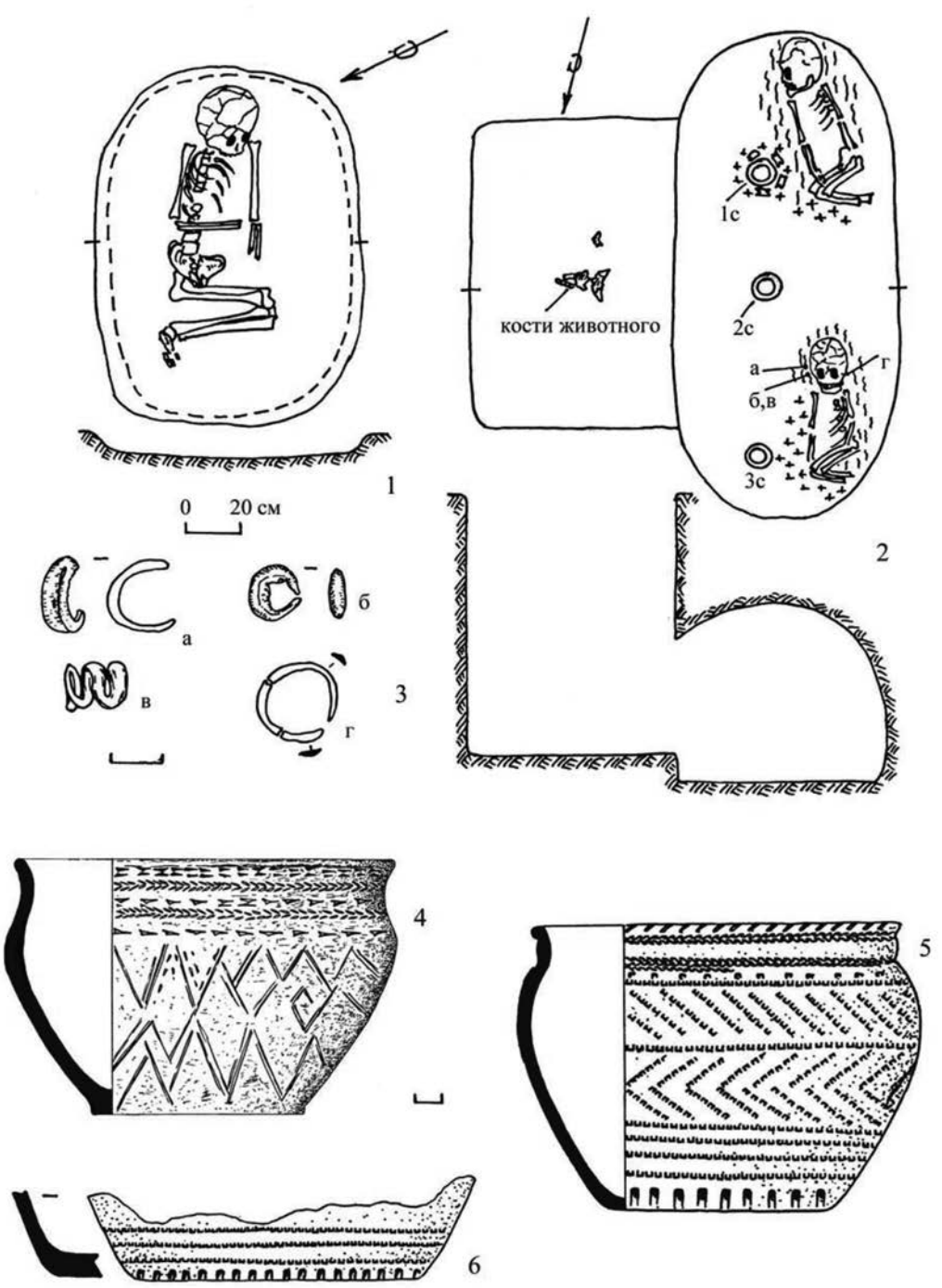


Рис. 2. *Первый Власовский могильник, курган №19.*
1 – погребение 1; 2 – погребение 2; 3-6 – инвентарь погребения 2
(3 – бронза; 4-6 – керамика)

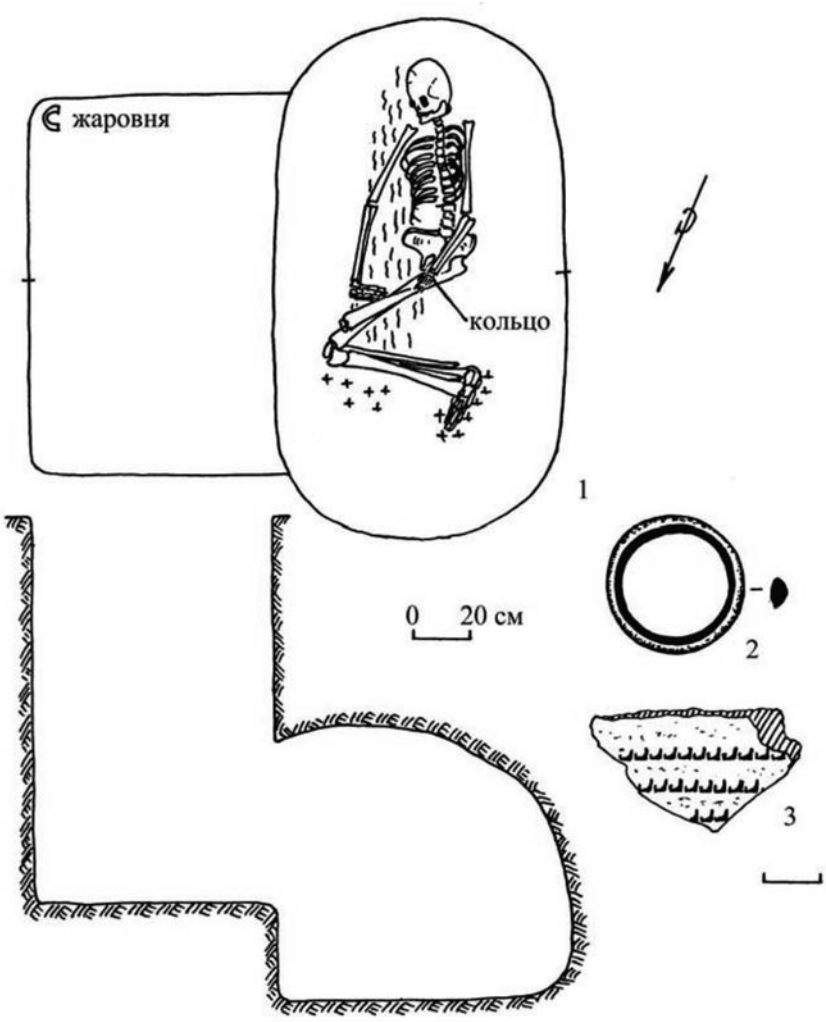


Рис. 3. *Первый Власовский могильник, курган №19.*
1 – погребение 3; 2 – костяное кольцо; 3 – керамика

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ, ПЕРИОДИЗАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ

Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2005. С. 40-52.
В соавт. с С.Н. Гапочкой

Современные палеогеографы и палеопочвоведы, за редким исключением, принимают положение о существовании лесостепи как особой природно-ландшафтной зоны (Хотинский Н.А., 1978). Ее северная граница в пределах Днепровско-Волжского междуречья проводится по линии: район Киева — верховья Дона — районы Нижнего Новгорода и Казани (Берг Л.С., 1955), а южная граница (для Русской равнины, по Ф.Н. Милькову): по южной окраине Донецкого кряжа и к Волге, южнее Саратова и Самары (Мильков Ф.Н., 1977 с. 120). Если опустить разночтения, связанные с определением начальных этапов формирования лесостепного ландшафта и степени его стабильности, то можно констатировать факт существования лесостепи в среднем голоцене, в атлантическом и суббореальном климатических периодах (по Блитту-Сернандеру), датируемых временем от 7700 до 2500 лет от наших дней. В начале этого хронологического периода полностью размещается неолитическая эпоха на территории лесостепного Дона.

Ныне археологическая карта рассматриваемого региона включает уже около двухсот неолитических местонахождений, из числа которых раскопкам подвергнуты такие стоянки как Долговская, Подзоровские 1 и 2, Рыбное Озеро 1 и 2, Савицкая, Курино, Шапкино, Монастырщина 2 на Верхнем Дону (раскопки М.Е. Фосс, В.П. Левенка, Б.А. Фоломеева, А.Н. Бессуднова); стоянки Университетские 1 и 3, Шиловская, Копанищенские 1 и 2, Дрониха, Черкасская, Монастырская 1, Щучье II, Затон I и др. на Среднем Дону (раскопки авторов и А.Д. Пряхина); целой серии Шапкинских стоянок, Инясево, Плаутинских 1, 2 и целого ряда стоянок в лесостепном Похоперье (раскопки и разведки А.А. Хрекова, В.В. Килейникова, А.В. Суркова, И.В. Федюнина). Но отметим при этом такое обстоятельство, как принадлежность практически всех известных памятников сезонным промысловым стойбищам.

Сегодня известно два небольших неолитических могильника: на площади многослойной стоянки Копанище 2 (донское правобережье) (Синюк А.Т., 1986 с. 122-123) и Плаутино 2 (Похоперье) (Сурков А.В., статья публикуется в данном сборнике), а также одиночное захоронение на Лобовской стоянке (Синюк А.Т., 1975 с. 150-152).

Как правило, местонахождения приурочены к береговым урезам или же к пойменным дюнным всхолмлениям, и значительно реже они занимают окраины первых надпойменных террас, что свидетельствует о сезонном, промысловом характере стоянок. Абсолютное их большинство -многослойные, причем обнаруживают признаки разных эпох и культур. Такого рода функциональная оценка полностью согласуется с содержанием происходящих из слоев стоянок материалов, главным показателем чего служит малое число следов каменного производства, как и самих каменных орудий в целом, на фоне абсолютного преобладания поликультурного керамического материала. Соответственно отсутствуют и следы капитально оборудованных жилых и хозяйственных построек. Но именно такой тип памятников раскрывает динамику взаимо-

действия культур и их хронологическую последовательность. В этом аспекте решающее значение приобретают данные стратиграфии ряда исследованных стоянок. Но прежде обратимся к истории изучения культурной принадлежности неолитических комплексов лесостепного Дона.

Начало изучению донского неолита было положено выдающимся отечественным археологом С. Н. Замятниным — обобщением первых случайных находок и раскопанным им в конце 20-х годов первым памятником (поселение у ст. Отрожка под Воронежем). Именно он первым уловил двойственную подоснову донского неолита.

В 30-е годы воронежским краеведам удалось выявить несколько стоянок в черте г. Воронежа и его окрестностях, однако все материалы были уничтожены в военные годы. Лишь в конце 40-х годов XX века В.А. Валукинским были опубликованы известные к тому времени памятники (Валукинский Н.В., 1948).

В 50-е -первой половине 60-х годов проявилась известная активность в исследовании неолита на Верхнем Дону (географически это территория Донской лесостепи, находящаяся выше впадения в р.Дон р. Воронеж, на территории Тамбовской и Липецкой областей), благодаря усилиям М.Е. Фосс и В.П. Левенка. Ими было изучено несколько неолитических стоянок, материалы которых легли в основу ряда публикаций (Фосс М.Е., 1959; Левенок В.П., 1971, 1973). Были подведены и итоги этих исследований. В частности, М.Е. Фосс констатировала, с одной стороны, закономерность отсутствия на Дону южнее Тарбеевской стоянки ямочной керамики, а, с другой стороны, отметила связь донского неолита с материалами стоянок северо-восточной Украины (Фосс М. Е., 1959, с. 20-26).

В.П. Левенок, в значительной степени основываясь именно на этих выводах, а также на материалах раскопанной им Долговской стоянки, выделил на Верхнем Дону рязанско-долговскую культуру с ямочной керамикой, которая, с его точки зрения, была здесь автохтонной и существовала с раннего неолита до его финала. При этом границы рязанско-долговской культуры им были перенесены на территорию Среднего Подонья.

Таким образом, вплоть до начала 60-х годов источниковая база, формировавшаяся за счет памятников, исследовавшихся преимущественно в Верхнем Подонье, привела ее исследователей к предположению о наличии и на Среднем Дону памятников развитого и позднего неолита, близкого лесному.

Однако изучение неолита в 50-е — начале 60-х годов на Среднем Дону ограничилось разведкой, проведенной В.П. Левенком по рекам Дон и Воронеж и рядом находок А.Ф. Шокова (Шоков А.Ф., 1958, с. 183-184, 186, рис.2-4). В то же время отметим, что А.А. Формозовым в окрестностях поселка Анна Воронежской области была собрана коллекция неолитической керамики, которую он, вполне обоснованно, связал с южным неолитом (Формозов А.А., 1959).

Позднее В.П. Левенок пришел к выводу о существовании на Верхнем Дону наряду с материалами рязанско-долговской культуры материалов днепро-донецкого облика с прочерченно-накольчато-гребенчатой керамикой (Левенок В.П., 1969, с. 17-18). Он объединил последние в среднерусский лесостепной вариант днепро-донецкой культуры, отнеся накольчатую керамику к развитому этапу неолита (за исключением выделенных им ранненеолитических материалов воронежской группы с накольчатой керамикой) (Левенок В.П., 1973. с. 193-195).

Расширение границ днепро-донецкой культурной общности вплоть до бассейна Волги (включением в нее памятников Донской Лесостепи), объясняется, на наш

взгляд, такими причинами как недостаточность источников с территории Среднего Дона, принятием Всеволодом Протасовичем за основу предположения, выдвинутого Д.Я. Телегиным, о возможности вхождения лесостепного Подонья в зону формирования днепродонецкой культуры (Телегин Д.Я., 1961, с. 40), кроме того, в изначально заложенном в таксономию днепро-донецкой культуры противоречии, выражающемся, с одной стороны, в значительных различиях между комплексами отдельных вариантов днепродонецкого неолита (которые не случайно и Д.Я. Телегиным рассматриваются сегодня как самостоятельные культуры), а с другой стороны, чуть ли не единственным, применительно к керамике, признаком, объединяющим этот конгломерат памятников на громадных территориях от Степного Причерноморья и Крыма на юге до Белорусского Полесья на севере и от Волыни и Поднепровья на западе до Поволжья на востоке – прочерченно-гребенчато-накольчатой орнаментацией и стадиальными проявлениями единства развития кремневого инвентаря. Все эти факторы и привели В.П. Левенка на уровне исследований 50-х - 60-х годов к выводу о вхождении лесостепного Подонья в круг памятников днепро-донецкой культуры. И это несмотря на то, что именно В.П. Левенок впервые справедливо отметил целый ряд существенных особенностей неолита Подонья (в том числе и в керамике) и неоднократно, в отличие от Д.Я. Телегина, связывал ее накольчатую орнаментацию с ранней стадией развития культуры (Левенок В.П., 1971).

Точку зрения о вхождении памятников с накольчатой керамикой Подонья в рамки днепро-донецкой культуры неоднократно высказывал и В.П. Третьяков (Третьяков В.П., 1983, с. 15-20; 1990, с.39-44).

Исследователями неолитических культур с накольчатой керамикой Поднепровья и Поволжья вплоть до начала 70-х годов не раз отмечалась нерешенность проблемы характера неолита, прежде всего, раннего накольчато-гребенчатого (на уровне изучения 60-х годов), на промежуточных территориях (между днепро-донецкой и волго-камской культурами). Интерес к ним был обусловлен необходимостью выяснения границ двух наиболее известных к тому времени ранненеолитических культур с гребенчато-накольчатой керамикой европейской части СССР, на что неоднократно обращали внимание и Д.Я. Телегин (Телегин Д.Я., 1968, с. 225), и А.Х. Халиков (Халиков А.Х., 1958, с. 75).

Кроме того, в это время В.П. Левенком была выделена и еще одна неолитическая культура – рыбноозерская, расценивавшаяся им как результат переоформления местного варианта днепро-донецкой культуры (с накольчато-гребенчатой орнаментацией керамики) в условиях взаимодействия с традициями лесного (ямочного и ямочно-гребенчатого) неолитического ареала.

Планомерное изучение неолитических памятников на Среднем Дону было предпринято с конца 60-х годов. Начало данному процессу положено работами Новостроечной экспедиции ИА АН СССР в зоне строительства Воронежского водохранилища под руководством П.Д. Либерова. Тогда одним из авторов исследовался ряд памятников неолита-бронзы, среди которых особое место занимала стоянке Университетская III. Дальнейшие исследования неолита привели к накоплению новой суммы источников (около 120 памятников), что позволило скорректировать этнокультурную ситуацию, имевшую место в неолите Дона. Прежде всего, было предпринято обоснование выделения своеобразной среднедонской неолитической культуры, характеризующейся цилиндростенными и коническими остродонными сосудами с многовариантным исполнением накольчатой орнаментации, сопровождаемыми специфическим набо-

ром изделий кремнево-кварцитовой микролитоидной пластинчатой индустрии, лишь с единичными включениями классических типов резцов и геометрических орудий (трапеций, сегментов) (Синюк А.Т., 1978). В круг памятников этой культуры на территории лесостепного Дона включались материалы с накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой и микролитоидным пластинчатым кремневым инвентарем, которые ранее рассматривались В.П. Левенком в рамках среднерусского варианта днепро-донецкой культуры. Отличительные же признаки днепро-донецкой и среднедонской культур оказались достаточно весомыми, что нашло признание и со стороны ведущего исследователя днепро-донецких древностей Д. Я. Телегина (Телегин Д.Я., 1981).

Таким образом, исследование наиболее ярких и стратифицированных памятников позволило уже к концу 60-х — началу 70-х годов составить представление о ярко выраженном характере местного неолита, значительно отличающегося от материалов как днепро-донецкой (Синюк А.Т., 1971), так и волго-камской культур (Синюк А.Т., 1978, с. 83).

Выделение неолитических памятников Среднего и Верхнего Дона с накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой в самостоятельную культуру имело принципиальное значение не только для лесостепного Подонья, но и в целом для осмысления места памятников с накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой восточноевропейской лесостепи. Это положило начало процессу выделения целого ряда синхронных культур, культурных вариантов и типов памятников, включавшихся ранее исследователями, в силу сложившейся в науке традиции, в круг либо днепро-донецкой, либо волго-камской культур. Наряду с выделением на юге лесной природно-климатической зоны ранненеолитической верхневолжской культуры, оно открыло новый этап в изучении и осмыслении места и роли ранненеолитических культур с накольчатой и гребенчато-накольчатой керамикой на территории Восточной Европы в целом.

Во второй половине 70-х - 80-е годы, в связи с осмыслением места, роли и дальнейших судеб среднедонской неолитической культуры, был поставлен вопрос о необходимости пересмотра позиции относительно происхождения рыбноозерской культуры, где традиции накольчатого неолита практически не прослеживаются, тогда как весь ее характер полностью соответствует облику лесных культур с зубчато-ямочной керамикой пережиточного неолита, т. е. появление в донской лесостепи памятников рыбноозерской культуры явилось следствием одной из миграций населения из примыкающей к Дону лесной зоны (Синюк А.Т., 1978, 1986).

Не менее важен был вопрос о происхождении среднедонской неолитической культуры. Во многом эта проблема по-прежнему еще ждет своего решения, но началом к нему, как и к пониманию вопроса о позднем мезолите среднедонской территории, можно считать результаты проведенных раскопок стоянки Монастырской-1 (Синюк А.Т., 1985, 1986). Здесь удалось установить, что, во-первых, основное скопление каменных изделий и отходов их производства не совпало в плане с наибольшим скоплением керамики; вовторых, насыщенность слоя культурными остатками оказалась весьма слабой, что, наряду с другими наблюдениями, не предполагает здесь функционирования мастерской, хотя (а это необычно для неолитических стоянок Подонья) каменные находки преобладают повсеместно над керамикой. Первые привязаны к нижнему (четвертому) слою стоянки, тогда как абсолютное большинство керамики выявлено в вышележащем (третьем) слое. По всем признакам керамика абсолютно однородна, а следовательно, определяется узкими хронологическими рамками, т.е. принадлежит единовременному культурному комплексу. Керамика характеризуется

исключительно накольчатым орнаментом с широкой вариацией типов наколов. Сосуды прямостенные цилиндрические и, реже — конические, остродонные; изготовлялись их плотной глины без видимых примесей, внешние поверхности таких сосудов хорошо сглажены, иногда до лощения, а внутренние поверхности несут следы мелкой штриховки.

Кварцитовые и кремневые изделия стоянки типологически идентичны между собой. Отсюда, в принципе, вполне приемлемо определение представленной здесь каменной индустрии как кремнево-кварцитовой. Другой признак каменного инвентаря -подавляющее преобладание орудий на пластинах, а сама пластинчатая техника несет явно микролитоидный характер. Следует отметить отсутствие принципиальной разницы между орудиями, найденными совместно с керамикой и той их частью, которая планиграфически выходила за пределы распространения керамики. Тем самым фиксируется тождественность каменной индустрии докерамического и керамического периодов, в чем, скорее всего, и находится ключ к разрешению проблемы происхождения ранней неолитической культуры лесостепного Дона.

В этой связи необходимо отметить совершенно аналогичные памятники на реке Вороне, близ деревни Шапкино (раскопки А.А. Хрекова). Обособленное от керамики место занимали и отходы кремнево-кварцитового производства на одной из дюн по среднему течению реки Савалы; бескерамические комплексы выявлены по реке Толучеевка, близ села Аксеновка на реке Оскол, а также у села Верхний Карабут на Дону. Материалы названных пунктов характеризуются безраздельным господством микропластинчатой вкладышевой техники и обнаруживают поразительное сходство с Монастырским комплексом. При этом названные местонахождения размещены в пределах той же территории, где выявлены и основные неолитические памятники с накольчатой керамикой. В конечном счете, даже не столь важно отнесение первых из них к позднему мезолиту или раннему неолиту. Существенно то, что они служат вполне реальным мостиком, соединяющим традиции донского накольчатого неолита с более древним периодом. Ив этом плане важны поиски их сходства как с позднемезолитическими, так и с ранненеолитическими комплексами культур сопредельных территорий.

Микролитические комплексы Подонья, несмотря на целый ряд стадиальных признаков, сближающих их с комплексами Нижнего Дона и лесостепного Поволжья и Поднепровья, столь своеобразны, что не находят безусловных прототипов ни в азово-черноморской позднемезолитической культурной области, ни в «прибалтийско-доно-волжской» области микро-макролитических культур. Близки донским некоторые признаки, отмеченные исследователями для позднего этапа мезолита Среднего Поволжья, но там продолжают сохраняться резцы как ведущие группы орудий (Косменко М.Г., 1972). В свое время облик микролитических стоянок Среднего Поволжья, ввиду почти полного отсутствия геометрических орудий, М.Г. Косменко связал с традициями, происходящими из области Приуралья, Средней Азии, Нижнего Поволжья и Подонья.

Данная линия сравнения нам представляется перспективной. Но при этом следует исключить области с традицией изготовления резцов и геометрических микролитов, а именно: Среднее Поволжье, Южный Урал (Матюшин Г.Н., 1976), Северо-Восточное Приазовье (Крижевская Л.Я., 1972, 1991), район южных Ергеней (Праслов Н.Д., 1971), Северный и Северо-Западный Прикаспий (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988) и ряд районов Средней Азии, включая восточное побережье Каспия (Виноградов А.В., 1968; Окладников А.П., 1956; Марков Г.Е., 1966; Формозов А.А., 1959).

Но именно в юго-восточных пределах находился очаг культурогенеза, где затем распространилась кельтеминарская культурно-историческая общность, где есть группы памятников, в микролитическом инвентаре которых отсутствуют и геометрические формы, и типичные резцы (Формозов А.А., 1972; Виноградов А.В., Мамедов Э.Д., 1975: Виноградов А.В., 1981). В частности, А.В. Виноградовым отмечалось, что в мезолитических памятниках восточных районов Средней Азии набор и, особенно, количество геометрических форм, резко сокращается; геометрические микролиты найдены не на всех памятниках, а там, где они имеются, представлены единичными экземплярами (Виноградов А.В., 1981, с. 57). Единичны геометрические формы и на Лявлякане, что сближает его материалы с мезолитом восточных, а не прикаспийских территорий Средней Азии (Виноградов А.В., 1981, с. 59). Кстати, для памятников этого района характерна исключительно пластинчатая индустрия, а в орудийном наборе господствуют скребки на пластинах, пластины с притупленным краем, пластины с боковыми выемками, сечения пластин, тогда как орудия с резцовыми сколами лишь единичны (стоянки Лявлякан 24, 41, 54 и др.) (Виноградов А.В., 1981, с. 216-217).

Эта линия сравнения подводит и к более близкому району — Северо-Восточному Прикаспию. Здесь, на примере стоянки Бекбеке-1 и ряда других памятников, можно фиксировать те же объединяющие признаки: решительное преобладание микроиндустрии, большое количество пластинок и сечений без обработки, но со следами использования; исключительно концевые скребки, единичные находки трапеций, сегментов и треугольников, отсутствие резцов и двусторонне обработанных изделий (Крижевская Л.Я., 1972, с.271-279). Несмотря на то, что с такими комплексами орудий встречалась и керамика, Л.Я. Крижевская совершенно справедливо усматривала в них сохранение мезолитического облика (Крижевская Л.Я., 1972, с. 275; 1991).

Определяя этнокультурный характер кремневой индустрии позднего мезолита -раннего неолита Северо-Восточного Прикаспия как Н.Д. Праслов, так и Л.Я. Крижевская закономерно проследили его сходство с индустриями мезолита Средней Азии и, прежде всего, с материалами кельтеминарской культуры.

Об отсутствии принципиальных различий между мезолитом и неолитом Средней Азии и Северо-Восточного Прикаспия говорит и А.В. Виноградов (Виноградов А.В., 1981, с. 164). Им же делается вывод об отсутствии местных генетических истоков в ряде культур конца мезолита — раннего неолита в северной равнинной части Средней Азии, что позволяет говорить еще об одной, более поздней (в пределах VII-VI тысячелетий до н.э.) волне расселения с юга (Виноградов А.В., 1981, с. 161-162). Это чрезвычайно важное положение делает еще более убедительной проводимую нами линию сравнения, поскольку основные возражения вызывались бы отсутствием на среднедонских стоянках наконечников стрел с боковой выемкой и различиями в керамике, если бы речь шла о воздействии неолитической кельтеминарской культуры. А.В. Виноградов определяет начало неолитической эпохи Средней Азии, наряду с появлением керамики, распространением небольших симметричных трапеций, которые предшествовали периоду бытования наконечников кельтеминарского типа (Виноградов А.В., 1975, с. 212). Видимо, волна расселения с юга, предшествовавшая сложению неолита, минуя Северный и Северо-Западный Прикаспий, достигла и лесостепного Поволжья (Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995) и Дона. Чрезвычайно важным моментом следует считать и находки на стоянке Монастырской-1 «рогатой» трапеции и близкого ей морфологически трапециевидного сечения с выемкой по верхнему краю. Такие специфические изделия «дарьясайского» типа известны в пределах Северного

Афганистана, в долине Дарьясая, в Приаралье, тогда как в целом они не характерны для прикаспийских районов Средней Азии (Виноградов В.А., 1981, с. 162-163). Неслучайность находки «рогатой» трапеции и правомерность проведенных сравнений со столь, казалось бы, удаленной от донского лесостепья территории, подтверждается аналогичными находками и в лесотепном Заволжье (Выборнов А.А., Пенин Г.Г., 1979; Васильев И.Б. Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Моргунова Н.Л., 1987).

Изложенное выше дает основание считать, что ранние микролитические комплексы лесостепного Дона оставлены населением, проникшим сюда вследствие миграционной волны из среднеазиатских областей в самом конце мезолита.

Мы уже отмечали культурное единство всего каменного инвентаря стоянки Монастырской 1, а соответственно, и культурную связь с ним керамического материала. Трудно сказать, каков был промежуток времени между появлением подобных каменных комплексов и первой керамики. Но именно такого облика материалы определяют ранний рубеж неолита лесостепного Дона. Он синхронизируется с периодом становления кельтеминарской культуры, определяемым Г.Ф. Коробковой и В.М. Массоном концом VI — V тысячелетием до н.э. (Коробкова Г.Ф., Массон В.М., 1978, с. 107); А.В. Виноградов датирует ранний, дарьясайский, этап неолита Кызылкумов от конца VII до середины (или третей четверти) V тысячелетия до н.э. (Виноградов А.В.,1981, с. 132).

Ранняя среднедонская накольчатая керамика имеет целый ряд признаков, сближающих ее как с буго-днестровской, сурской, ракушечноярской культурами, так и с елшанской, что пока не позволяет говорить о заимствовании керамики с близлежащих территорий, а как раз наоборот, свидетельствует о близких процессах неолитизации на громадных пространствах Восточной Европы. Эта близость особенно ярко проявляется в наборе каменного инвентаря среднедонской и елшанской культур, о чем речь пойдет ниже. На территории Лесостепного Подонья пока стратиграфических доказательств предшествования елшанских материалов среднедонским нет. Более того, исследования в донской лесостепи позволяют констатировать лишь их совместное параллельное бытование (стоянки Черкасская, Университетская 3, Затон 1) и демонстрируют вероятность существования контактов. Стратиграфически более ранняя позиция елшанских материалов по отношению к среднедонским четко прослежена лишь в Похоперье (Сурков А.В., 2004), что не раз отмечалось и А.А. Хрековым и В.В. Ставицким (Ставицкий В.В., Хреков А.А 2004).

В то же время даже для раннего этапа развития среднедонской культуры (кстати, достаточно длительного — не менее тысячелетия) накольчатая орнаментация сосудов не была единственной, хотя и оставалась безусловно доминирующей. Уже в материалах Монастырской стоянки, нижних слоях Черкасской, Чертовицкой, и других раннеолитических стоянок есть и иные элементы орнаментации, составляющие, правда, лишь около двух процентов от числа накольчатой. Здесь, прежде всего, имеется в виду гребенчатая орнаментация. Оттиски короткого зубчатого штампа всегда играют подчиненную роль, выступая разделителями орнаментальных зон. Но со временем этот элемент приобретает самостоятельный характер, а процент керамики, орнаментированной штампом, возрастает. Такая закономерность характерна не только для Среднего Дона но и для всей доно-волжской степи-лесостепи (Кольцов П.М., 1988; Васильев И.Б., Выборнов И.Б. 1988; Выборнов А.А., 2002 и др.), что применительно к материалам лесостепного Подонья позволяет ставить вопрос о выделении двух подэтапов в раннем неолите (до появления керамики с ямочной орнаментацией), где первый этап характеризуется керамикой с накольчатой орнаментацией, а второй -более широким

применением в орнаментации оттисков штампа. Такое разделение подтверждается и нарастанием процента орудий на отщепах в рассматриваемых комплексах (Гапочка С.Н., 2001), что, на наш взгляд, демонстрирует втягивание в процесс неолитизации все новых групп местного мезолитического населения, для которого и была характерна отщеповая технология расщепления камня (Бессуднов А.Н. 1997).

Особо подчеркнем, что в статистико-поглубинном отношении ранняя накольчатая керамика всегда предшествует керамике с накольчато-гребенчатым и гребенчатым орнаментом. Памятников с исключительно гребенчатой керамикой на Среднем Дону нет. Ее почти нет в слое Монастырской 1 стоянки, почти нет в нижней части слоя стоянок Черкасской и Университетской-3, а на стоянках Дрониха и Щучье 2 количество ее лишь растет снизу вверх (СинюкА.Т., 1986; Гапочка С.Н., 1996).

Сама среднедонская культура с накольчато-гребенчатой керамикой, четко выделяясь среди аналогичных культур Восточной Европы, демонстрирует некоторые вариации в рамках своей территории. Так, в Правобережье Дона, на стоянках Устье Тихой Сосны, Дармодехинская, Копанищенская –1 и 2 еще в 80-е годы В.В. Килейниковым отмечена специфика каменного инвентаря; преобладание кремня над кварцитом, что объясняется близостью оскольской сырьевой базы (Килейников В.В., Печенкин С.В.,1985). Лесостепное Похоперье демонстрирует более широкое использование кварцита, чем в среднем для территории Подонья, а кроме того, здесь более заметно влияние неолитических культур Поволжья (Сурков А.В., 2004). На Верхнем же Дону отмечается большее влияние культур Волго-Окского междуречья с самого раннего неолита и до его финала.

Выше уже были отмечены специфические черты местных ранненеолитических сосудов. В комплексах ранних этапов и днепро-донецкой, и волго-камской культур таких сосудов нет. И сам накольчатый орнамент в днепро-донецкой культуре получил распространение только на ее втором (в известной степени пережиточно неолитическом) этапе.

В свое время Д.Я. Телегин высказал весьма плодотворную мысль о заимствовании накола из среды более восточного степного населения. При этом как область его обитания указывались Средний Дон и Нижняя Волга (Телегин Д.Я., 1968, с. 17). К сожалению, ни Д.Я. Телегин, ни другие исследователи в дальнейшем не возвращались к разработкам в этом направлении. Более того, укоренившееся мнение об обратном влиянии, т.е. о зависимости среднедонской накольчатой керамики от поздней днепро-донецкой (в понимании Д.Я. Телегиным и В.П. Третьяковым характера памятников азово-днепровской культуры) уводило в сторону проблему происхождения и хронологии неолита Дона.

Примеры статистико-поглубинного анализа пойменных стоянок, на которых отражаются приведенные данные, позволяют сделать и ряд других важных выводов. Прежде всего, накольчатая, гребенчатая и накольчато-гребенчатая керамика в своей основе предшествует керамике ямочно-гребенчатой (стоянки Копанище 1, Подзорово 2); не подтверждается точка зрения о прямом вырастании ямочно-гребенчатого орнамента из накольчатого. На стоянках Долговской, Копанище 1, Подзорово 2, Монастыршины 2 ямчатая керамика со строчечным расположением вдавлений, с геометрическим стилем орнамента, с выпуклинами под верхом сосудов, с гофрировкой венчика, то есть, со всеми теми признаками, какие рассматриваются некоторыми исследователями в качестве переходных (Даниленко В.П., 1969; Неприна В.И., 1976), залегает выше керамики со сплошным зонным ямочным орнаментом, где ямки наносились глубоко, имеют правильную форму и располагаются в шахматном порядке. Такой ке-

рамике чужд «отступающий» прием нанесения орнамента, тогда как в материалах отмеченных стоянок в вышележащих слоях встречается и «отступающий» прием, и сочетание ямочного орнаментального элемента с накольчатым. Здесь достаточно четко усматривается факт взаимодействия двух разнокультурных проявлений, а вместе с этим и длительное сохранение традиций культуры с накольчатой керамикой.

Весьма важные стратиграфические признаки отражены и в заполнении двух сооружений, выявленных на стоянке Университетской 3: в их основании, где сохранились остатки деревянных конструкций, залегала ямочно-гребенчатая керамика раннего облика, соответствующая материалам нижнего горизонта Долговской стоянки. Ямы же выходят на уровень границы нижнего и среднего слоев, где нижний слой в своей основе содержал накольчатую керамику раннего облика и микролитические кремнево-кварцитовые орудия. Важно то, что в заполнении ям-конструкций, на покрывающем торфянистое основание слое стерильного песка располагались линзы сильно гумусированной супеси, в одной из которых находился очаг. Края линз выклинивались в нижнем горизонте среднего слоя. Линзы представляли собой не что иное, как остатки небольших шалашевидных сооружений и, судя по находкам в них фрагментов воротничковых сосудов, принадлежали нижнедонской раннеэнеолитической культуре. Тем самым устанавливается факт предшествования на памятнике ямочно-гребенчатой керамики материалам последней.

Есть и другие примеры стратиграфического предшествования на Дону не только накольчатых, но и ранних ямочно-гребенчатых керамических комплексов материалам раннеэнеолитической нижнедонской культуры, в целом синхронной азово-днепровским древностям, причем объединяющейся с ними в рамках мариупольской культурно-исторической области (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985).

Вместе с тем, источники свидетельствуют о наличии многоплановых контактов как между носителями отмеченных неолитических культур, так и с проникавшими на Дон новыми группами населения, культура которых отмечена признаками уже энеолитической эпохи. Результат этих контактов -появление смешанных вещевых комплексов, своеобразие которых наиболее зримо проявляется в облике керамического материала.

Так, следствием взаимодействия традиций среднедонской и рязанско-долговской неолитических культур стало появление сосудов с накольчато-ямочным орнаментом в различном сочетании этих элементов украшения и морфологических признаков. В ходе контактов носителей среднедонской неолитической и раннеэнеолитической нижнедонской культур возник своеобразный тип керамики, названный нами «черкасским», включивший воротничковое оформление венчика сосудов. Элементы заимствования морфологических и орнаментальных признаков энеолитических нижнедонской, среднестоговской и репинской культур отмечаются также в материалах рязанско-долговской и рыбноозерской культур, породивших своеобразные типы керамики с воротничковым оформлением венчиков и орнаментацией, характерной для рязано-долговской и рыбноозерской культур (с появлением на Дону энеолитических комплексов они нами рассматриваются уже на пережиточно неолитической стадии бытования).

Наконец, о прямых контактах носителей культур неолитического облика и культур энеолита-бронзы свидетельствуют памятники выделенной иванобугорской культуры (Синюк А.Т., 1984; Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985). Желобчатое оформление верха сосудов, плоскодонность, жемчужный, защипной и шнуровой элементы орнамента увязываются с гончарными традициями последних, тогда как орнаментация

сосудов ямками в шахматном порядке, явное предпочтение ромбическим мотивам орнамента и целый ряд иных признаков позволяют говорить о сохранении традиций, выработанных еще в неолитической среде Окско-Деснинского региона, а затем привнесенных и в донскую лесостепь.

В основу изучения относительной хронологии культур неолита Дона, а также для разработки периодизации каждой из них, нами взяты стратиграфические показатели, выявленные при раскопках стоянок Черкасской, Копанище 1, Подзоровской 2, Долговской, Университетской 3, Монастырской и ряда других. Так, в системе пойменных наслоений Черкасской стоянки выявлены подпрямоугольные площадки из утрамбованной ракушки — остатки полов древних построек с навесами. Две из них приурочены к основанию наслоений, а третья перекрывала одну из нижних площадок. На верхней площадке находились развалы воротничковых сосудов нижнедонской раннеэнеолитической культуры.

В целом, из анализа стратиграфии Черкасской стоянки вытекают два важных обстоятельства. Во-первых, культура с накольчатой керамикой предшествует появлению материалов нижнедонской культуры мариупольской культурно-исторической области. Во-вторых, культура с накольчатой керамикой проявляет себя и позднее, параллельно с материалами энеолитического облика.

В лесостепном левобережном Подонье достаточно четко вычленяется еще один весьма своеобразный культурный тип — дронихинский, который условно нами включен в среднедонскую культуру заключительного, пережиточно неолитического этапа бытования. Сосуды дронихинского типа, имея подобно среднедонским сосудам формы и ямки под верхом, отмечены своеобразием по наличию органической примеси в глиняном тесте, а в качестве господствующего несут прочерченный элемент орнамента. На них ярко выражены и другие поздние черты: профилировка венчика, плоскодонностъ, частая встречаемость выпуклин под верхом, появление «паркетного» орнамента (что увязывает их как с волосовскими древностями, так и с традициями степных культур эпохи бронзы). В последние годы материалы, близкие или весьма похожие на дронихинские, получены в Похоперье и Сурско-Мокшанском междуречье, исследователями они относятся к более раннему времени (Ставицкий В.В., Хреков А.А., 2003, с. 42-48; Сурков А.В. 2004). В связи с этим, необходимо отметить несколько обстоятельств. Прежде всего, есть существенная разница между материалами собственно дронихинского типа и прочерченной керамикой Похоперья и Посурья (немало ее и на донских и Побитюжских стоянках, в том числе и на самой Дронихе). Кроме того, на отмеченных территориях пока нет стратифицированных памятников для проведения анализов. Наконец, пока не разработана проблема происхождения и распространения самой неолитической керамики с прочерченной орнаментацией не только в лесостепи, но и в степном Прикаспии (на связь с которым ссылаются названные исследователи). И уж если становиться на позицию раннего ее происхождения, то было бы не лишним учитывать возможность и западного (днепро-донецкого) и, тем более, северного (от прочерченной керамики верхневолжской культуры до аналогично орнаментированной керамики культуры сперрингс) влияния. Таким образом, проблема пока еще ждет своего разрешения.

В общих чертах схема относительной хронологии культур и культурных типов неолита лесостепного Подонья (прежде всего начала их появления) нам представляется в следующем виде:

Пережиточный неолит (с появлением материалов нижнедонской энеолитической культуры)		среднедонская культура; материалы черкасского типа; рыбноозерская культура с поздней ямочно-гребенчатой и гребенчатой керамикой; материалы дронихинского типа
Развитый неолит		среднедонская культура; рязанско-долговская культура
Ранний неолит	второй подэтап	среднедонская культура
	первый подэтап	

В целом, имеющиеся данные позволяют выстроить колонку относительной хронологии разнокультурных комплексов времени неолита – энеолита в лесостепном Подонье.

Такая колонка, наряду с четкими признаками хронологического приоритета в появлении тех или иных культурных комплексов, предполагает совмещение их бытования, но не резкую их смену.

Мы уже упоминали примеры, свидетельствующие о длительном существовании на Дону культуры с накольчатой керамикой (по материалам Черкасской стоянки и др.). Достаточно ярко это положение подтверждается и раскопками стоянки Дрониха, но здесь обширная подпрямоугольная площадка из битой ракушки, сходная с большой постройкой Черкасской стоянки, залегала уже над толщей слоя с накольчатой, ямчатой и гребенчатой керамикой. Вместе с тем, на самой поверхности площадки собрано большое количество накольчатой керамики.

При отсутствии надежной базы точных дат для определения хронологической позиции выделяемых этапов неолита Дона весьма существенна роль сопредельных синхронных культурных образований, располагающих такими показателями.

Выше нами проводились параллели с неолитом южного региона. В этом плане весьма важную информацию несет сопоставление с материалами лесной зоны.

Исследование неолитических памятников лесного Поволжья уже в начале XX века позволило выявить здесь керамику с накольчатой орнаментацией.

Однако, вплоть до 70-х годов большинство исследователей неолита лесной зоны считали, что для нее характерна керамика с исключительно ямочно-гребенчатой орнаментацией. Появление же здесь керамики, орнаментированной в накольчатой технике, рассматривалось как отражение контактов с населением более южных лесостепных и степных районов, для которых такой орнамент мог быть автохтонным (Третьяков П.Н., 1966, с. 38).

Ситуация изменилась с обоснованием выделения верхневолжской ранненеолитической культуры с характерной тычково-гребенчатой орнаментацией керамики и кремневым инвентарем мезолитического облика, преимущественно с пластинчатой техникой расщепления (Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., 1977). Впервые предполо-

жение о существовании здесь ранненеолитической культуры, предшествующей льяловской, было сделано еще в конце 60-х годов (Крайнов Д.А., 1972), а комплекс с гребенчато-накольчатой керамикой, впервые выделен еще в начале XX века. И лишь длительный процесс накопления и осмысления материалов, предшествующих льяловским, привел исследователей к выводу о необходимости выделения здесь своеобразной ранненеолитической культуры.

Открытие новой культуры с тычково-гребенчатой орнаментацией в материалах Ивановских, Сахтышских и Языковских стоянок, традиционно считавшихся принадлежностью исключительно ямочно-гребенчатого мира, создало, с одной стороны, прецедент для выделения пласта ранненеолитических культур и комплексов с накольчатогребенчатой керамикой в лесной зоне Восточной Европы (до этого времени их нахождение здесь, в лучшем случае, объяснялось как результат контактов с более южным населением), а, с другой стороны, заставило пересмотреть сложившееся в отечественной археологии представление о взаимосвязи и синхронизации ранненеолитических культур лесной, лесостепной и степной зон Восточной Европы.

Наряду с отличительными чертами среднедонской и верхневолжской культур, обращают на себя внимание признаки сходства в их керамике. Не случайно в поисках аналогий орнаментации исследователь верхневолжской культуры Д.А. Крайнов привлекал материалы памятников именно среднедонской неолитической культуры — стоянок Подзоровской, Ярлуковской Протоки, Савицкой стоянок (Крайнов Д.А, Хотинский Н.А., 1983, с.64), а современные исследователи вновь (хоть и на более существенной источниковой базе) возвращаются к разработке данного направления (Белановская Т.Д., Тимофеев В.И., 2003, с. 212).

Такого рода общие признаки обособляют эти культуры от всех других сопредельных культурных образований и одновременно предполагают их более глубокую этноисторическую связь. Думается, пришлые южные группы населения явились серьезным компонентом в этническом составе носителей верхневолжской культуры. Отмечены следы и обратной связи: нахождение верхневолжской керамики на стоянках Подонья (Щучье 2, Затон 1 и др.).

В любом случае, уже сейчас с полным основанием можно синхронизировать ранние периоды бытования этих двух культур. Нижнюю границу верхневолжской культуры исследователи определили не позднее середины V (Крайнов Д.А., 1978, 1980 с. 38), а возможно, конца VI тысячелетия (Крайнов Д.А., Кольцов Л.В., 1983, с. 269; Энговатова А.В., 1998).

Обратим внимание и на неоднократно отмечавшуюся близость среднедонской и средневолжской культур. С точки зрения исследователей средневолжской культуры (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988) в лесостепном Поволжье она развивалась вслед за елшанской культурой, датируемой VII — VI тыс. до н.э. (Мамонов А.Е, 2000). Поволжские накольчатые сосуды имеют с донскими ряд сходных черт, но они все же более сопоставимы не с ранними из них, а с более поздними, а, кроме того, демонстрируют совершенно разные технологические традиции: донские сосуды в целом остродонны, в то время как поволжские – плоскодонны.

Вместе с тем, сравнение елшанских и самых ранних среднедонских групп материалов заслуживает внимания ввиду присутсвия у них целого ряда общих признаков. В керамике это остродонность, плотное тесто без видимых примесей, тон-

костенность и залощенность внешней поверхности, разреженность орнамента, наличие больших неорнаментированных зон, единые мотивы, ямочно-жемчужный поясок под срезом венчика и др. В каменном инвентаре таких признаков еще больше. Пластинчато-вкладышевая индустрия практически совпадает, начиная от использования микропластин до изготовления сечений из средних пластин и их использования без дополнительной подработки. Объединяющими признаками являются: преобладание скребков на отщепах, развитое производство рубящих орудий, в том числе и «трапециевидных шлифованных рубящих орудий» (Вискалин А.В., 2003). Все это дает возможность предполагать не столько прямое проникновение елшанского населения в Подонье (которое пока четко фиксируется лишь в Похоперье), сколько единые стадиальные тенденции в развитии двух ранненеолитических культур Восточной Европы, как и в развитии ракушечноярской, сурской, буго-днестровской культур (пока не оговаривая синхронизацию их этапов). В частности, весьма важным сопоставительным источником следует считать и находки на донских стоянках фрагментов керамики буго-днестровского типа (Черкасская, Копанище 1, Затон 1), по орнаментальным признакам более тяготеющих к развитым фазам культуры (соколецкой и печерской) (Даниленко В.Н., 1969, с. 188, рис. 138, 139). Эти фазы датируются В.Н. Даниленко от конца VII до конца V тысячелетий до н.э. (Даниленко В.Н., 1969, с.217).

Таким образом, учитывая соответствие в датировках всех сравниваемых материалов, время формирования среднедонской неолитической культуры, со всей осторожностью подхода к проблеме, может быть определено, как минимум, от рубежа VI -V до первой половины V тысячелетия до н.э., что предполагает ее синхронизацию не со вторым, как считал Д.Я Телегин (Телегин Д.Я., 1981,с. 7), а с первым этапом днепродонецкой культуры. Синхронизация же среднедонской культуры на ее раннем этапе с ранненеолитическими культурами степи -лесостепи Восточной Европы, в том числе и с елшанской культурой, как будто бы, не вызывает сомнений.

Начало второго этапа неолита лесостепного Дона определяется появлением носителей культуры с ранней ямочно-гребенчатой керамикой. Если принять во внимание проявляемую в современных исследованиях тенденцию к удревнению блоков культур и отдельных культур, включая и те, которые рассматриваются нами в рамках мариупольской культурно-исторической области (азово-днепровская, нижнедонская и др.), уводящую последние в V тысячелетие до н.э., то второй этап тоже, казалось бы, не должен выходить за пределы этого тысячелетия, причем до времени появления в лесостепи материалов нижнедонской раннеэнеолитической культуры. Однако это входит в известное противоречие, с одной стороны, с имеющимися датировками культур энеолита и ранней бронзы рассматриваемых территорий, поскольку нижнедонская культура здесь довольно быстро переоформляется в репинскую (Синюк А.Т., 1999), а с другой стороны, со стратиграфическими данными, указывающими на предшествование ямочной керамики раннеэнеолитической. Ямочная же керамика даже на Верхней Волге датируется временем не ранее рубежа V- IV — начала IV тыс. до н.э. (Энговатова А.В., 1998).

На наш взгляд, «растягивание» бытования репинской культуры более чем на два тысячелетия наталкивается на ряд проблем, включая аспекты палеодемографии (относительно малое число материалов в целом), динамики исторического развития, пределов протяженности сохранения этнокультурной целостности и т.п.

Все это еще ждет своего объяснения. Пока же мы придерживаемся традиционных хронологических разработок для культур с ранней ямочно-гребенчатой керамикой, позволяющих датировать появление в Подонье рязанско-долговских комплексов в пределах первой половины IV тысячелетия до н.э. Завершение второго и начало третьего, пережиточно неолитического, этапа может быть отнесено к середине — третьей четверти этого тысячелетия. Конечный же рубеж неолитической эпохи в лесостепном Подонье, на основании фиксируемых примеров хронологической стыковки традиций неолита, энеолита и бронзового века, может быть обозначен концом III — началом II тыс. до н.э.

В заключение еще раз подчеркнем, что объяснение улавливаемому в лесостепном Подонье совмещению поликультурных и разностадиальных традиций кроется в природно-географической специфике данного региона, а в связи с этим есть основание полагать, что сходные исторические процессы должны проявлять себя археологически по всей зоне восточноевропейской лесостепи.

Литература:

Белановская Т.Д., Тимофеев В.И. 2003. Многослойное поселение Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) и проблемы неолитизации Восточной Европы // Неолит – энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб.

Берг Л.С., 1995. Природа СССР. М.

Бессуднов А.Н., 1997. Мезолитические памятники Лесостепного Подонья: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Воронеж. Валукинский Н.В. 1948. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа // СА. № 10.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Моргунова Н.Л., Пенин Г.Г., 1987. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев.

Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. Энеолит Восточно-европейской лесостепи. Куйбышев.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988. Неолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев.

Виноградов А.В., 1968. Неолитические памятники Хорезма. М.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д., 1975. Первобытный Лявлякан. М.

Виноградов А.В., 1981. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.

Вискалин А.В., 2003. Ранненеолитический комплекс стоянки Елшанка 10 (Усть-Ташелка) (итоги предварительного изучения) // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза.

Выборнов А.А., Пенин Н.Г., 1979. Неолитические стоянки на реке Самаре // Древняя история Поволжья. Куйбышев.

Выборнов А.А., 2003. Неолит Лесостепного Поволжья. Самара.

Гапочка С.Н., 1995. Неолитическая стоянка Щучье 2 в среднем Побитюжье // Археологические исследования высшей педагогической школы. Воронеж.

Гапочка С.Н., 2001. Неолитические памятники с накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой Лесостепного Дона: Автореф. дис... канд. ист. наук. Воронеж.

Даниленко В.Н., 1969. Неолит Украины. К. Денисов В.П., Мельничук А.Ф., 1986. Памятники с накольчато-прочерченной керамикой в неолите Среднего и Верхнего Прикамья и их роль в формировании гаринско-боринской культуры // Проблемы эпохи неолита Степной и Лесостепной зоны Восточной Европы. Оренбург.

Замятнин С.Н. Донской неолит // Архив ИИМК РАН, папка №XXXV.

Килейников В.В., Печенкин С.В., 1985. Функциональная оценка каменного инвентаря поселения Копанище II // Археологические памятники на европейской территории СССР. Воронеж.

Коробкова Г.Ф., Массон В.М., 1978. Понятие «неолит» и вопросы хронологии неолита Средней Азии // КСИА. Вып. 153.

Косменко М.Г., 1972. Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье // СА. № 3.

Крайнов Д.А., 1980. Фатьяновская культура в этногенезе балтов // Из древнейшей истории балтийских народов по данным археологии и антропологии. Рига.
Крайнов Д.А., 1978. Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья // КСИА. Вып. 153.
Крайнов Д.А., Кольцов Л.В., 1983. 25 лет (1959-1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии Наук СССР // СА. № 4.
Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., 1983. Верхневолжская ранненеолитическая культура // СА. № 4.
Крижевская Л.Я., 1972. К вопросу о неолите Северо-Восточного Прикаспия // МИА. № 185.
Крижевская Л.Я., 1972. Каменные орудия из неолитического поселения Матвеев Курган II // КСИА. Вып. 161.
Крижевская Л.Я., 1991. Начало неолита в степях Северного Причерноморья. СПб.
Левенок В.П., 1971. Памятники днепро-донецкой культуры в лесостепной полосе РСФСР // КСИА. Вып. 126.
Левенок В.П., 1973. Неолитические племена лесостепной зоны европейской части СССР // МИА. Вып. 172.
Мамонов А.Е., 2000. Хронологический аспект изучения елшанской культуры // Хронология неолита Восточной Европы. СПб.
Марков Г.Е., 1966. Грот Дам-Дам-чешме II в Восточном Прикаспии // СА. № 2.
Матюшин Г.Н., 1976. Мезолит Южного Урала. М.
Мильков Ф.Н., 1977. Природные зоны СССР. М.
Неприна В.И., 1976. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. К.
Окладников А.П., 1956. Пещера Джебел -памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении // Тр. ЮТАКЭ. VII.
Праслов Н.Д., 1971. Памятники каменного века южных Ергеней // КСИА. Вып. 126.
Синюк А.Т., 1975 Некоторые вопросы истории Среднего Дона в IV-II тыс. до н.э. // Из истории Воронежского края. Воронеж.
Синюк А.Т., 1978. Неолитические памятники Среднего Дона // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. Воронеж, 1978.
Синюк А.Т., 1981. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона // СА. № 4.
Синюк А.Т., 1984. Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейн Среднего Дона) // СА. №3.
Синюк А.Т., 1985. Стоянка Монастырская 1 как источник для выделения мезолита и периодизации неолита на Среднем Дону // Археологические памятники на европейской части СССР. Воронеж.
Синюк А.Т., 1986. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж.
Синюк А.Т., 1999. Бассейн Верхнего и Среднего Дона в эпоху энеолита // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж.
Сурков А.В. 2004. Елшанская культура Среднего Похоперья // Материалы XXXVI Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Пенза.
Ставицкий В.В., Хреков А.А. 2003. Неолит -ранний энеолит лесостепного Посурья и Похоперья. Саратов.
Телегин Д.Я., 1968. Днепро-донецька культура. Київ.
Телегин Д.Я., 1981. Про неолитичні пам'ятки Подоння та Степового Поволжжя // Археологія. Вып. 36.
Третьяков В.П., 1982. О неолите Верхнего Дона // СА. № 4.
Третьяков В.П., 1983. Неолит Верхнего Подонья // Проблемы хронологии археологических памятников Степной зоны Северного Кавказа. Ростов.
Третьяков В.П., 1990. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л.
Формозов А.А., 1959. Микролитические памятники азиатской части СССР // СА. №2.
Формозов А.А., 1972. О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии // СА. № 1.
Фосс М.Е., 1959. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 г. // КСИИМК. Вып.75.
Халиков А.Х., 1958. Неолитические памятники в Казанском Поволжье// МИА. №61.

Хотинский Н.А., 1978. Палеогеографические основы датировки и периодизации неолита лесной европейской части СССР // КСИА. Вып. 153.

Шоков А.Ф., 1958. Неолитические находки на Дону // Известия ВГПИ. Т.26.

Энговатова А.В., 1998. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья// Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 3

2006

ПАМЯТНИКИ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006. С. 81-83.

На рассматриваемой территории (Воронежская, Липецкая области, южная часть Курской и восточная часть Белгородской областей) к настоящему времени выявлено более 90 древнеямных погребений, рассредоточенных по 25-ти могильникам, а также более 10-ти местонахождений на площади многослойных поселений. Достаточно скромное их число мотивировано тем обстоятельством, что впервые о типичных памятниках ямной культуры здесь стало возможным говорить лишь с 70-х годов минувшего столетия.

Все погребения находят аналогии в круге памятников Нижнего Подонья и Волжско-Уральского междуречья, где, как убедительно показано в работах исследователей, шел процесс формирования древнеямной культуры и где, следовательно, наиболее четко проступают специфические ее признаки. При выделении обрядовых и хронологических групп и подгрупп нами был положен метод анализа, в свое время успешно примененный Н.Я. Мерпертом к древнеямным погребениям. С учетом унифицированного подхода к донским погребениям эпох энеолита-бронзы в целом, интересующие нас захоронения составляют вторую обрядовую группу (положение умерших на спине с согнутыми в коленях ногами), при этом распределяясь по подгруппам: А — головой на восток или северо-восток; Б — с ориентировкой в западную половину круга горизонта; В — положение умерших с южной или юго-восточной ориентировкой.

Подгруппа А включает 20 погребений. Большинство из них (73 %) в курганах — основные как по отношению к ямным других подгрупп, так и к захоронениям катакомбного типа. Сильными признаками их являются: устройство подпрямоугольных ям крупных размеров; присутствие охры; безынвентарность; принадлежность взрослым мужчинам.

К подгруппе Б отнесено 23 погребения. Большинство их (77 %) также основные в курганах. При единстве сильных признаков, присущих предшествующей группе, к таковым следует добавить наличие кольцевых ровиков вокруг погребений; слабую согнутость ног умерших, наличие парных и коллективных захоронений. По-прежнему в большинстве случаев принадлежат взрослым мужчинам.

К подгруппе В отнесено 14 погребений. Из них пять — основные в курганах. Здесь уже чаще ямы средних и небольших размеров; половина погребений — с инвентарем.

Каждая из отмеченных подгрупп ямных погребений на самом деле охватывает, вероятно, более широкий круг признаков, чем тот, какого придерживался в погребальной обрядовости конкретный этнос на том или ином этапе бытования. Надо полагать, что с накоплением источников некоторые классификационные вариации лягут в основу выделения новых обрядовых групп и подгрупп. В частности, еще 36 ямных захоронений остаются неклассифицированными из-за «нетипичных» ориентировки и положения умерших, а также наделенных лишь некоторыми древнеямными признаками. Добавлю также, что по некоторым соображениям здесь не рассматриваются погребения из грунтовых могильников (Лосевский, Терешковский Вал).

В целом совокупность признаков погребений подгруппы А достаточно четко сопоставляется с признаками первой — третьей обрядовых групп погребений Нижневолжского региона (по классификации Н.Я. Мерперта). Погребения с ориентировкой на восток с густой посыпкой охры отнесены Н.Я. Мерпертом к общему древнеямному типу, который на раннем этапе распространился по всей культурно-исторической области от Приуралья до Днепра. Погребения подгруппы Б полностью соответствуют третье группе донского варианта древне-

ямных погребений по классификации Н.Я. Мерперта или седьмой группе погребений Нижнего Подонья по классификации В.Я. Кияшко. Погребения подгруппы В уже всецело могут рассматриваться в рамках ямно-катакомбного типа. Близость их с древнеямными погребениями четвертой группы донского варианта по Н.Я. Мерперту или девятой группы по В.Я. Кияшко не вызывает сомнений.

В подавляющем большинстве случаев донские погребения являлись основными относительно погребений в катакомбах. На основании проведенных сравнений можно предполагать более раннее появление обрядовых признаков подгруппы А и, судя по облику ряда инвентарных комплексов, относить к середине III тыс. до н.э. Такая дата далеко не ранняя для древнеямных культур Евразийских степей. Но относительно позднее появление в Донской лесостепи первых ямных погребений вполне закономерно, если учесть, что этому проникновению предшествовало освоение данного региона иными группами населения с культурой энеолитического облика: сначала нижнедонской культуры мариупольской области, а затем - среднестоговской, на базе взаимодействия которых произошло оформление репинской культуры. Кстати сказать, в ряде погребений и в материалах поселений отмечены и ямные, и репинские признаки, а последние проявляют себя и в материалах катакомбного облика (терновский тип).

Погребения подгруппы Б появились, вероятно, несколько позднее, а затем они бытуют синхронно первым, отражая либо культовую специфику двух, хотя и очень близких этнографических групп населения, либо социальную установку в рамках одного общественного объединения. Вполне допустимо и предположение о более продолжительном использовании обряда с западной ориентировкой, по крайней мере, они в большем своем количестве включают инвентарь позднего облика.

Погребения же подгруппы В по аналогии с памятниками Нижнего Подонья могут датироваться первой четвертью II-го тыс. до н.э. В рамках Донской Лесостепи новый обряд связывается с особенно сильным влиянием традиций катакомбной обрядности, которое могло проявиться и довольно рано, на рубеже III и II тысячелетий. Видимо, эта дата может быть принята за начало второго этапа бытования на Среднем Дону ямной культуры.

Материалы с поселений бассейна Дона, которые можно соотнести с древнеямной культурой, пока невелики. В основном это группы и отдельные фрагменты керамики, принадлежащей сосудам яйцевидной формы с зауженным верхом или заплечиками под венчиком. Они орнаментированы гребенчатым штампом, шнуровыми оттисками, ямочными, накольчатыми вдавлениями. Обычно содержат в глиняном тесте ракушечную примесь. В подавляющем большинстве случаев отмеченные выше находки выявлены на участках с низкими отметками относительно летнего ординара рек. А это значит, что они соответствовали следам либо кочевий, либо сезонных промысловых стойбищ. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, при равной, примерно, археологической исследованности Правобережья и Левобережья Дона, древнеямные памятники (и погребения, и стоянки) тяготеют к более низкому Левобережью, особенно богатому луговой растительностью. Тем самым получает дополнительное обоснование предположение о направлении передвижения представителей древнеямной общности из открытых пространств низовий Доно-Волжского региона и Заволжья, и в меньшей степени — из Донецкого бассейна. Имеющиеся материалы даже в самых общих чертах фиксируют весьма многоплановые процессы исторического развития в Донской Лесостепи в период заселения ее древнеямными племенами. Главным же положением следует признать относительно позднее появление древнеямных групп (не ранее середины III тысячелетия до н.э.) из пределов Нижнего Подонья. На первом хронологическом этапе (до конца III тысячелетия до н.э.) они были немногочисленными, но значительно усилились с появлением группы, оставившей погребения с западной ориентировкой. Выделенные обрядовые подгруппы, имея некоторые хронологические отличия, не сменяют друг друга, а в какое-то время существуют параллельно. На втором этапе в процесс взаимодействия включаются представители катакомбного мира и, как обнаруживается, это взаимодействие, имея разную степень проявления, наложило специфический отпечаток на местную культуру эпохи средней бронзы первой половины II тысячелетия до н.э., вплоть до появления покровско-абашевских и ранних срубных памятников.

ТУРОВСКИЙ КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ БРОНЗЫ

Археологические памятники Восточной Европы. Выпуск 12. Воронеж, 2006. С. 104-111. В соавт. с А.Д. Пряхиным, Ю.А. Чекменевым

Рассматриваемый памятник[1] исследовался археологической экспедицией ВГПУ (рук. А.Т. Синюк) с 1997 по 2001 гг. В 1999 и 2000 гг. в его изучении приняла участие экспедиция ВГУ (рук. А.Д. Пряхин). Предварительная информация о характере памятника, включая топографическую ситуацию, нами приводилась ранее (Синюк А.Т., Чекменев Ю.А., 1999), однако ввиду продолжившихся раскопок вновь полученные данные требуют более полного своего освещения, что предстоит еще сделать[2]. В предлагаемой статье мы ограничимся публикацией материалов эпохи бронзы, что побуждается далеко неординарным, на наш взгляд, функциональным назначением памятника в тот период времени.

Памятник расположен на мысу пойменной террасы левого берега р. Тур (ныне называемой Колотушка), в ее излучине, у южной окраины села Верхнее Турово Нижнедевицкого района Воронежской области — в Донском Правобережье (рис. 1, 1).

Высота мыса над поймой достигает 6-ти метров; ровная поверхность с запада и юга имеет дуговидный контур и прямую противолежащую сторону. С напольной стороны мыс ограничен рвом шириной до 10 метров при глубине три метра, а близ северного угла мысовой площадки ров ограничивается перемычкой — «въездом» шириной от 4-х до 6-ти метров. Ров, по всей видимости, образован путем целенаправленной подрезки овражных образований, в связи с чем памятник приобрел укрепленный характер. Несомненные следы эскарпирования несет ровная (длинная) сторона мыса и его стрелка[3].

Площадь мыса составляет около 0,5 га, раскопками вскрыто 948 кв. м, т.е. около пятой части памятника. Основной раскоп, ориентированный по сторонам света, примыкает к север-северо-восточной прямой (эскарпированной) стороне мыса близ перемычки — «въезда» (рис. 1).

Стратиграфические признаки на всех участках раскопа едины: под дерном (толщ. 0,1 м) залегал слой чернозема (толщ. 0,7 м), переходящий в слой суглинка (толщ. 0,2 м), подстилаемый материковой глиной (рис. 1, 4). Отмечена сильная изрезанность наслоений вследствие деятельности грызунов. Последнее обстоятельство явилось причиной серьезного нарушения залегания в слое разновременных материалов, главным образом — фрагментов глиняной посуды, не позволяя провести визуальное деление границ культурных отложений. При этом использование статистико-стратиграфического анализа материалов в известной степени блокируется их крайней малочисленностью: найдено всего 3 684 фрагмента керамики эпохи бронзы, т е. менее четырех единиц находок на квадратный метр раскопа. Такое количество находок на порядок уступает насыщенности культурного слоя любого из поселений этой поры, исследовавшихся в донском Лесостепье. Тем не менее, приведем поглубинное распределение материалов (см. таблицу):

глубина залегания в слое	керамика срубной культуры (фр.)	керамика раннего средневековья (фр.)
0,1 м - 0,3 м	950	537
0,3 м - 0,5 м	1066	411
0,5 м - 0,7 м	999	160
0,7 м - 0,9 м	669	61
Всего:	3684	1169

[1] Выявлен В.Д. Березуцким в ходе разведочных работ в 1992 году.

[2] Материалы принадлежат каменному веку, эпохе бронзы (срубная культура) и раннему средневековью (киевская и Черняховская культуры).

[3] На это указывает залегание здесь чернозема (культурный слой) непосредственно на материковой глине, тогда как на исследованной раскопками площади памятника чернозем подстилается прослоем плотного предматерикового суглинка.

Как видим, таблица может свидетельствовать лишь в общих чертах о хронологическом приоритете керамики эпохи бронзы над средневековой, что вполне обосновывается визуально. Отметим, что наряду с малым числом керамики, при зачистке основания слоя в раскопе не встречено остатков каких-либо жилых или хозяйственных построек, как и участков концентрации керамики — массового вида источников на бытовых памятниках эпохи бронзы. А отсюда следует, что рассматриваемый памятник не является местом обычного для срубной культуры поселения. Его особый функциональный статус подтверждается другими признаками.

В раскопе, близ восточного участка длинной (эскарпированной) стороны мыса выявлена округлая в плане яма диаметром 2,3 м, уходящая в материк на 1,4 м. Уровень впуска ямы не прослежен. Она имела ровные стены, несколько расширяющиеся к основанию. Пол ямы ровный. В заполнении фиксировалось два слоя, разделенные стерильной засыпкой материковой глины толщиной до 0,1 м. Уровень залегания засыпки ниже материка на 0,6 м (рис. 2, 1). Нижний горизонт (толщиной 0,7 м) представлен мешанной материковой глиной и черноземом, где фиксировался древесный уголь, а также фрагменты от нижних челюстей двух человек, кости животных со следами огня и керамическая крошка. Верхний горизонт по характеру аналогичен нижнему, включая дробленые кости животных, на части из которых обнаружены следы огня и 14 фрагментов керамики, а также фрагменты нижней челюсти, ребер и ключицы человека. Керамика из заполнения ямы идентична материалам с остальной площади памятника.

На уровне поверхности материка яма перекрывалась линзой древесного угля диаметром 0,9 м и толщиной 0,07 м. Здесь же, на краю ямы, выявлен обломок глиняной подвески, на одной из сторон которой нанесен неглубокий прочерченный орнамент в виде фестонов и прерывистой линии (рис. 2, 2).

В 0,3 м к северо-востоку от ямы на уровне материка находился зольник круглой формы диаметром 1,3 м и толщиной 0,05 м. Помимо древесного угля он содержал многочисленные фрагменты мелкодробленых костей со следами огня и фрагменты керамики.

На уровне же материка, в 2,4 м к северо-западу от ямы стоял крупный лепной сосуд без верхней части (высота 28 см, диаметр верха 32 см, диаметр дна 16 см). Тесто плотное, с примесью органики, шамота и мелкозернистого песка. Поверхности имеют грубые расчесы. В придонной части расположено сквозное отверстие (рис. 2, 3).

В 6,2 м к западу от жертвенной ямы также на уровне материка находилось безынвентарное погребение взрослого человека в сильно скорченном положении на спине (с завалом в правую сторону) с западной ориентировкой (рис. 3, 1).

Еще один скелет взрослого человека на том же уровне лежал на левом боку с завалом на живот, с согнутыми руками, обращенными к голове, с восточной ориентировкой (рис. 3, 1). Перед лицом стоял сосуд баночной формы (рис. 3, 2). Диаметр венчика — 28 см, дна — 19 см; высота — 28 см. Под краем венчика нанесен ряд косых насечек. Второй сосуд баночной формы располагался в области ног донцем вверх (рис. 3,3). Диаметр венчика — 9 см, дна — 5 см, высота — 9 см. Третий сосуд стоял рядом с вторым, представляет собой неорнаментированную банку с закраиной у днища (рис. 3, 4). Диаметр венчика — 15 см, дна — 9 см, высота — 12 см. У всех сосудов тесто из хорошо отмученной глины с добавлением органики, мелкотолченого шамота; поверхности сглажены, светло-коричневого цвета.

Третье погребение располагалось на уровне материка в двух метрах к югу от предыдущего (рис. 3, 1). Скелет взрослого человека плохой сохранности находился в сильно скорченном состоянии на левом боку, головой на северо-восток, с кистями рук у лица. У черепа повреждены кости лица. Внутри черепной коробки обнаружен древесный уголь, а на костях — следы горения. Перед грудью погребенного стоял сосуд баночной формы (рис. 3, 5). Диаметр венчика — 26 см, дна — 20 см, высота — 20 см. Под венчиком орнаментирован пояском округлых вдавлений. Придонная часть второго сосуда располагалась за спиной умершего (рис. 3, 6). Диаметр дна — 7 см,

высота — 6 см. Фрагмент третьего сосуда лежал за спиной в области ключицы (рис. 3, 7). Диаметр дна — 10 см, высота — 10 см. Технологические признаки сосудов аналогичны сосудам, сопровождавшим погребение, рассмотренное выше. Рядом с третьим погребением находился жертвенник в виде скопления костей крупного рогатого скота и двух придонных частей сосудов, у одного из которых имеется сквозное отверстие в придонной части (рис. 3, 8, 9).

Рассмотренная группа захоронений, жертвенная яма с остатками человеческих костей, а также зольник представляют собой, на наш взгляд, единый культовый комплекс. На это указывают компактность их размещения, преднамеренно подготовленная площадка, по всей вероятности, зачищенная до материка (на отдельных участках наблюдались легкие западания, контуры которых, как и площадки в целом, визуально не определялись). Общие же и, возможно, в древности характерные признаки для такого вида комплексов аналогий пока не имеют, и представляют собой уникальное явление. К этому необходимо добавить и наличие укреплений памятника, имевших, скорее, символический характер, поскольку отгораживание с помощью эскарпов данного участка не делало его более труднодоступным (господствующим оставался плавно поднимающийся к плато склон берега).

О том, что система укреплений принадлежит времени функционирования комплекса, свидетельствуют данные стратиграфии: канавка, ограничивающая пределы раннесредневекового поселения размещалась в стороне от места въезда и в плане наложилась на жертвенную яму, не затронув ее своим основанием (рис. 1, 3).

Видимо, рассматриваемый культовый комплекс по своему функциональному назначению являлся святилищем, которое предполагало проведение самых разных ритуальных обрядов, включая и человеческие жертвоприношения. Заметим, что на поселениях эпохи бронзы Среднего Дона неоднократно встречались жертвенники и индивидуальные человеческие захоронения, свидетельствующие о сложной культовой практике того времени (Равдоникас В.И., 1939; Валукинский Н.В., 1948; Прях ин А.Д., 1973; 1993; Матвеев Ю.П., Левых Г.А., 1989).

Однако еще раз повторим, что в данном случае мы имеем дело с типом памятника, не сопоставляющимся с местом поселения. Помимо керамики здесь встречены фрагменты от двух литейных форм и несколько костяных орудий.

Фрагменты створки п крышки литейной формы для изготовления серпов (рис. 4, 1, 2) типологически могут быть отнесены к первой группе такого вида изделий (по А.Д. Пряхину и А.С. Саврасову), которая включает двухпредметные формы. На фрагменте литейной формы фиксируются негативы острой части и спинки двух серпов. Створка и крышка имеют плотную подгонку по их периметру. Технологические особенности такого рода литейных форм не предусматривали их вторичного использования, что является архаичной чертой.

Ювелирная формочка для отливки ромбовидной подвески (рис. 4, 3) имеет прямые аналогии в материалах срубной культуры на Среднем Дону. Фрагмент литейной ювелирной формочки обнаружен на поселение у станции Отрожка (Синюк А.Т., 1966). Аналогичные подвески присутствуют в погребении 2 кургана 1 Старотойденского могильника и погребении 5 кургана 1 могильника Советское 2 (Саврасов А.С., 1999). Сосуд из отмеченного погребения Старотойденского кургана имеет ярко выраженную колоколовидность, что позволяет синхронизировать его с первым (абашевско-срубным) горизонтом кургана № 5 Подгоренского могильника. Раннесрубные черты присущи и погребению из могильника Советское 2. Исходя из приведенных аналогий туровскую ювелирную литейную формочку можно датировать XVI в. до н.э.

Коллекция костяных орудий включает тупики, струги и проколку. Наиболее многочисленной группой являются тупики: одно целое орудие и 10 обломков. Они изготовлены из нижних челюстей крупного рогатого скота. Один из тупиков уже после поломки вторично использовался в качестве орудия для мездрения шкур. Его функ-

ции были идентичны строгальному ножу (Килейников В.В., 2000).

Другим видом костяных орудий являются два струга из ребер крупного рогатого скота со слабой сработанностью рабочего края, используемые для мездрения шкур. Проколка из обломка малой берцовой кости на заостренной рабочей части несет следы легкой заполировки (Килейников В.В., 2000).

Для более полного определения культурной принадлежности памятника кратко рассмотрим керамический материал. Наряду с отмеченными сосудами найдены фрагменты венчиков, стенок и днищ лепных сосудов баночной и горшковидной формы, из числа последних есть остроребериые. Большая часть сосудов изготовлена из отмученной глины с добавлением органики, мелкотолченого шамота, хотя встречаются и единичные фрагменты сосудов с добавлением мелкозернистого песка и дресвы, что более характерно для керамики Поочья. Поверхность большинства сосудов сглажена, и лишь отдельные из них (9 фрагментов) на внешней поверхности имеют следы расчесов (рис. 5, 19, 21, 22). Встречено несколько фрагментов сосудов со сквозными отверстиями, сделанными как в процессе изготовления, так и путем сверления после обжига (рис. 2, 3; 3, 9).

Орнамент состоит из подтреугольных, овальных, удлиненных, ногтевых вдавлений, оттисков мелкозубчатого и крупнозубчатого штампов, прочерченных линий. Композиции представлены рядами горизонтальных и вертикальных поясков, треугольниками, ромбами, крупными и мелкими крестами, меандром.

Отмечено сочетание разнообразных композиций (рис. 5, 15, 17, 18, 20).

Зигзаг, состоящий из трех линий, выполненных мелкозубчатым гребенчатым штампом, встречается как на остроребериых, так и на сосудах иных форм. Данный орнамент, как известно, более характерен для материалов алакульской культуры.

Среди керамических материалов в раскопе выявлены придонные части от 37 сосудов с ровным переходом от дна к тулову (13 экз.), с придонной закраиной (22 экз.) и с поддоном (2 экз.). Часть сосудов в известной степени перекликается с абашевскими гончарными традициями по наличию грубых расчесов на внешней поверхности.

Остроребериые сосуды с резным и прочерченным орнаментом, а так же с гребенчатым штампом находят аналогии в материалах раннего этапа Мосоловского, Первого Масловского, Шиловского, Чижовского 3 и 4 поселений, датируемых второй половиной XVI — XV веками до н.э. Сосуды с орнаментальными мотивами алакульского типа, следуя стратиграфической позиции погребений пятого кургана Первого Подгоренского могильника и по- глубинного распределения керамики с Мосоловского и Раздольненского поселений, следуют за керамикой раннего этапа срубной культуры.

Остальные материалы рассматриваемого памятника отражают второй этап развития местной срубной культуры по аналогии с поселенческими и погребальными памятниками Среднего Дона. В целом время функционирования Туровского святилища, по имеющимся данным, можно датировать XVI-XIV веками до н.э.

Литература:

Валукинский Н.В., 1948. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа // СА. X.

Килейников В.В., 2000. Трасологический анализ орудий труда с Верхнетуровского поселения срубной культурно-исторической общности // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Европейской степи и лесостепи Воронеж.

Матвеев Ю.П., Левых Г.А., 1989. Поселения донской лесостепной срубной культуры в среднем и нижнем течении р. Усмань // Поселение срубной общности. Воронеж.

Пряхин А.Д., 1973. Древнее население Песчанки. Воронеж.

Пряхин А.Д., 1993. Мосоловский поселок эпохи поздней бронзы. Кн. I. Воронеж.

Равдоникас А.К., 1939. История первобытного общества. Ч. I. Л.

Саврасов А.С., 1999. Металлические украшения донской лесостепной срубной культуры // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Вып. 13. Воронеж.

Синюк А.Т., Чекменев Ю.А., 1999. Древнее укрепленное поселение у села Верхнее Турово // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж.

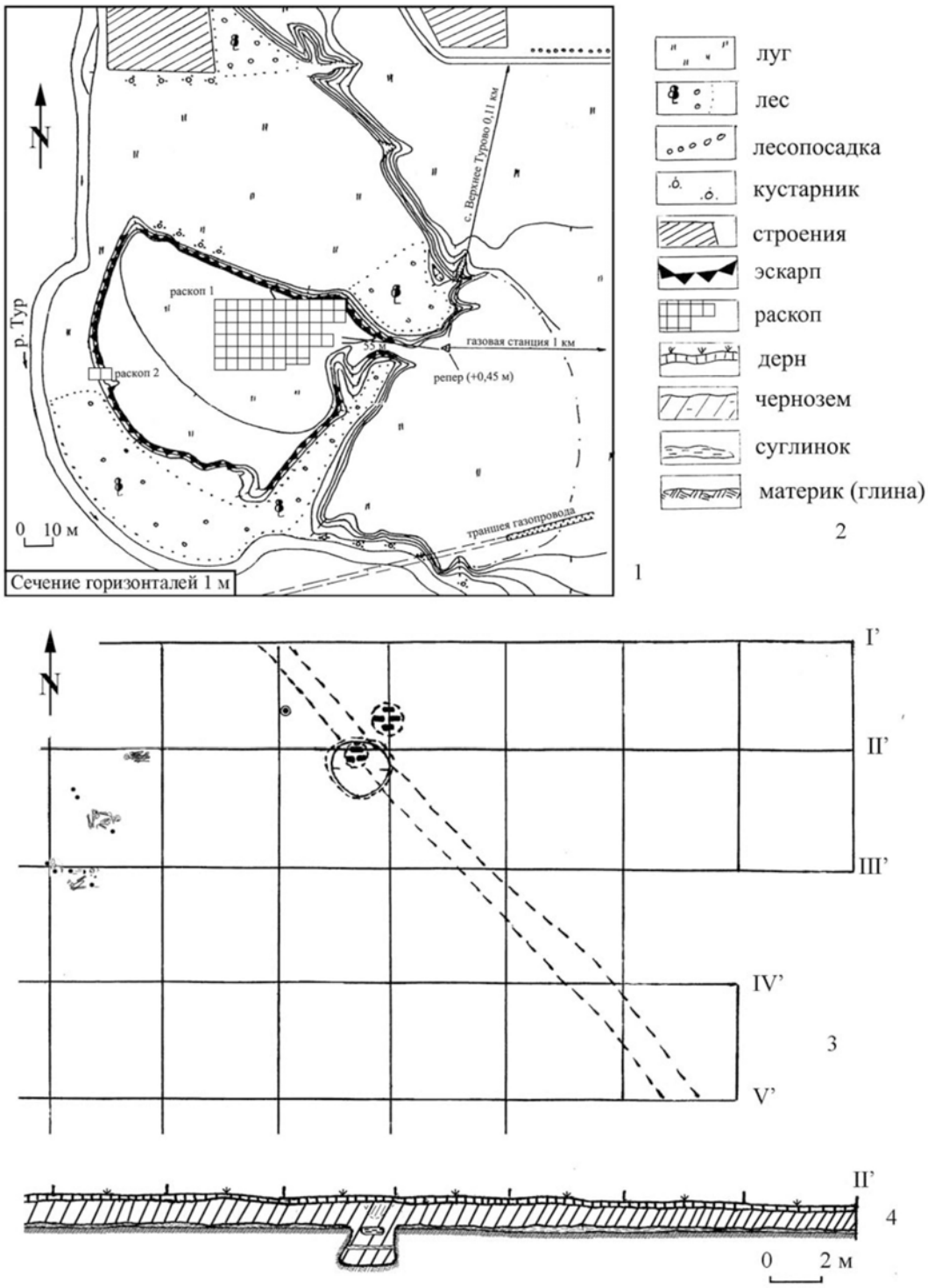


Рис. 1. *Туровский культовый комплекс.*
1 – общий план; 2 – условные обозначения; 3 – план северо-восточного участка раскопа I ; 4 – стратиграфия наслоений на северо-восточном участке

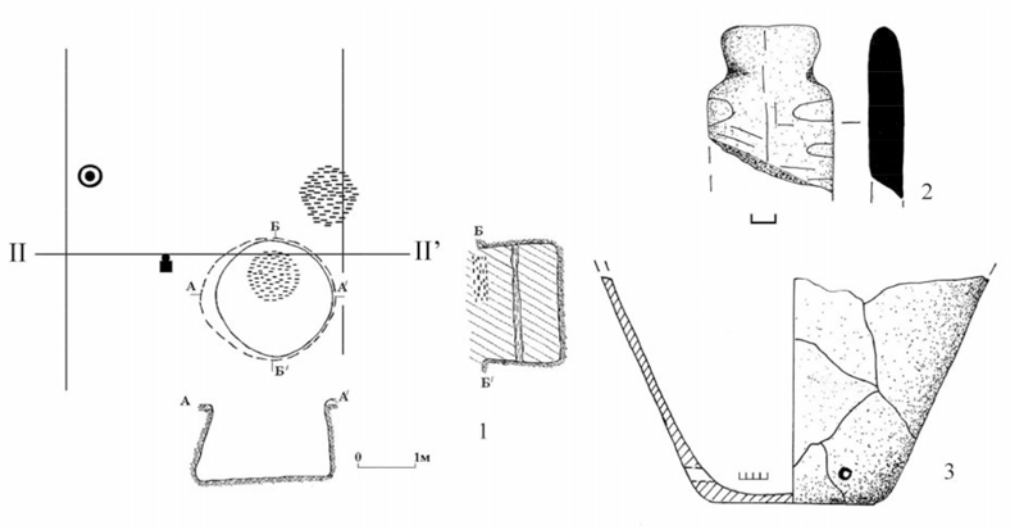


Рис. 2. *Туровский культовый комплекс.*
1 – план и профили жертвенника; 2 – глиняная подвеска; 3 – фрагмент сосуда

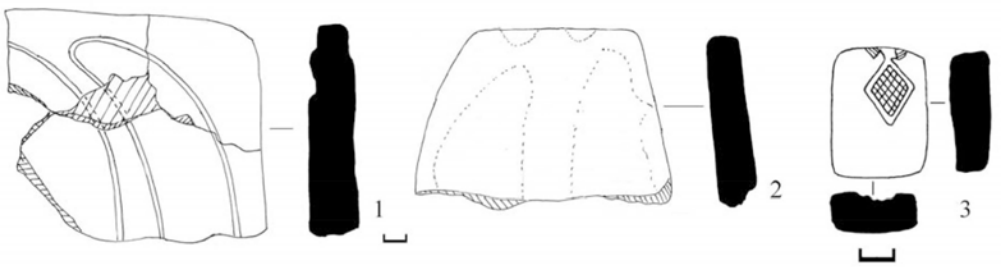


Рис. 4. *Туровский культовый комплекс.*
1-2 – фрагменты литейной формы для отливки серпов; 3 – ювелирная литейная форма

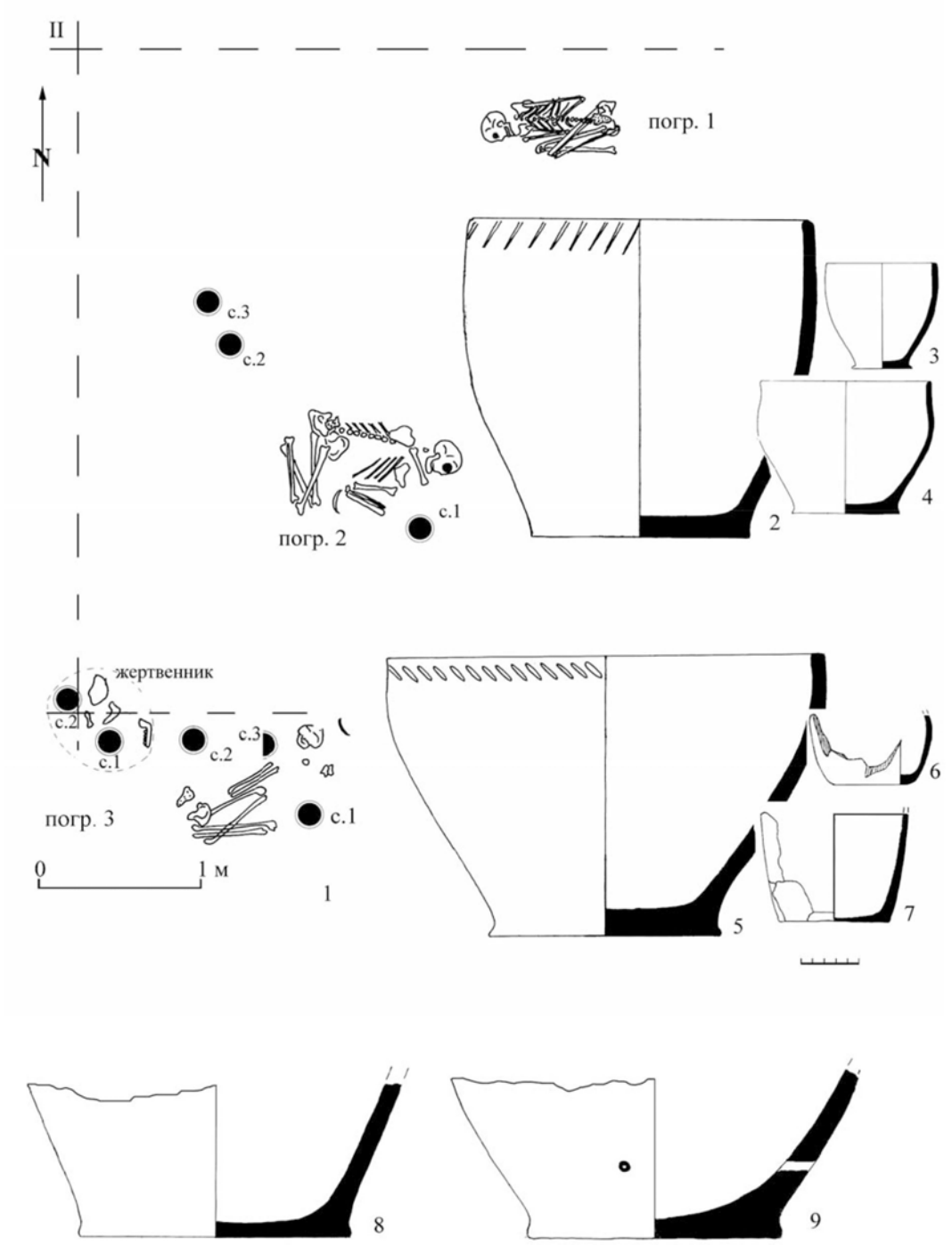


Рис. 3. *Туровский культовый комплекс.*
1 – план погребений; 2-4 – сосуды из погребения 2; 5-7 – сосуды из погребения 3; 8, 9 – фрагменты сосудов из жертвенника

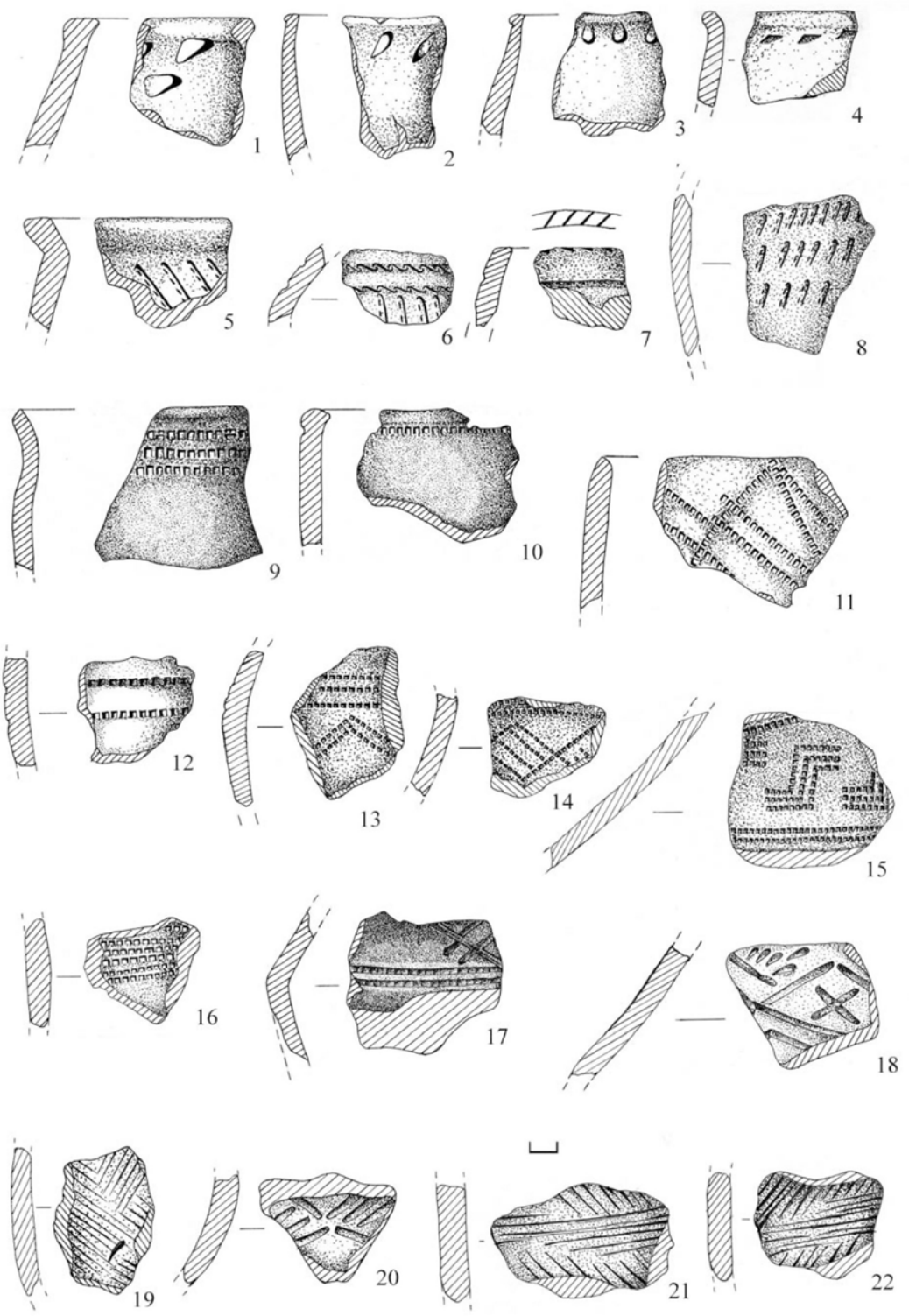


Рис. 5. *Туровский культовый комплекс. Орнаментированная керамика из раскопа I*

2007

СРЕДНЕДОНСКАЯ КАТАКОМБНАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ БРОНЗЫ (ПО ДАННЫМ КУРГАННЫХ КОМПЛЕКСОВ)

Вестник российского гуманитарного научного фонда. 2007. № 1 (46). С. 5-14.
В соавт. с Ю.П. Матвеевым.

Эпоха бронзы (от середины III до начальных веков I тыс. до н.э.) содержит исключительно важную информацию для понимания многих процессов, определяющих ход исторического развития.

К тому времени получили расцвет восточные цивилизации с письменностью и сложными системами религиозно-культовых воззрений, с четкой имущественной и социальной градацией обществ, с пышными городами и величественными некрополями.

Вместе с тем археологические изыскания убедительно засвидетельствовали распространение тогда же разнообразных изделий из бронзы далеко за пределами известных раннегосударственных образований Востока, причем с собственными очагами горно-металлургических ресурсов, каковыми являлись Балкано-Карпатский регион, Кавказ, Южное Приуралье.

Но насколько сопоставимы темпы развития обществ, обитавших на разных географических широтах ойкумены человечества? Как и в каких сферах жизнедеятельности проявляли себя общие тенденции и специфические черты этого развития? При отсутствии в тот период времени письменности у пародов, заселявших пространства Восточной Европы, ответить на поставленные вопросы применительно к данному региону призвана прежде всего археология во взаимодействии с другими научными дисциплинами.

Еще во второй половине XIX в. при раскопках курганов в южных районах России археологи обратили внимание на захоронения «со скорченными и окрашенными костяками», установив их принадлежность эпохе бронзы. Несколько позднее выдающийся отечественный археолог В.А. Городцов на основании конструктивных особенностей погребальных сооружений и ряда других устойчивых признаков этих захоронений выделил три последовательно развивавшиеся во времени археологические культуры: ямную, катакомбную и срубную [1].

В настоящее время памятники названных культур заявили о себе на обширных степных и лесостепных пространствах Восточной Европы, что потребовало рассмотрения их в более крупных классификационных параметрах — культурно-исторических общностях. А в совокупности с целым блоком других своеобразных культурных образований, выделенных археологами за минувшее столетие, они как раз и являются объектом познания одного из важнейших периодов истории.

Но очевидно, что в научном процессе исключительно большая роль принадлежит расширению источниковой базы и ее систематизации как по типам (видам) источников, так и по их пространственно-временным характеристикам. Решая такие научные задачи, мы обобщили и систематизировали около полутысячи курганных комплексов

среднедонской культуры катакомбной общности (средняя пора эпохи бронзы), значительная часть из которых выявлена в ходе раскопок разных лет под руководством авторов.

Курганные комплексы эпохи бронзы (захоронения людей в могильных сооружениях особых конструкций, сопровождаемые разнообразными вещами, жертвоприношениями животных, следами проведения других ритуалов), сохраняя традиционализм заупокойной обрядности, представляют собой наиболее устойчивый показатель этнического лица носителей археологической культуры. Среди вещей в этом аспекте ведущая роль принадлежит глиняной посуде, различающейся по технологии изготовления, формам и орнаментации. Последняя наиболее ярко отражает родоплеменную культовую специфику.

Курганные группы и одиночные курганы интересующей нас культуры расположены в бассейне Верхнего и Среднего Подонья. На севере они достаточно четко маркируют границу культуры по линии Курск — Липецк — Тамбов — Саратов, на востоке — по левобережью Волги от Саратова до Волгограда. Западная граница пока строго не фиксируется, тогда как на юге и юго-западе она условно определяется левобережьем Северского Донца (рис. 1).

По природно-географическим условиям очерченная территория включает север степной (примерно до средней части Воронежской области) и лесостепную зоны.

Принадлежность рассматриваемых памятников к кругу катакомбных культур определяется целым рядом «общекатакомбных» показателей. Это, прежде всего, широкая встречаемость погребальных сооружений в виде катакомб (вертикальная шахта — «ствол» — и примыкающая к одной из ее сторон сводчатая камера), обычай прижизненной искусственной деформации голов умерших, сходные типы глиняных сосудов со шнуровым орнаментом, включая так называемые курильницы, общая металлургическая база (мышьяковистая медь Кавказа), общие типы каменных и бронзовых изделий.

Своеобразие донских памятников побудило археологов выделить их сначала в харьковско-воронежский вариант катакомбной культуры [2], а затем — в отдельную культуру [3]. Более того, расширение источниковой базы позволяет ныне ставить вопрос о выделении в рамках среднедонской культуры двух вариантов, а в дальнейшем не исключено обоснование более дробной локализации групп памятников с региональными особенностями.

Имеющиеся данные позволяют рассматривать среднедонскую катакомбную культуру в развитии и наметить, как минимум, три хронологических этапа.

Первый этап отражен обрядовыми признаками погребений в простых ямах и катакомбах, где умерших размещали в «скорченном» положении на правом боку с ориентированной на юг головой и руками, положенными между колен или на бедрах. Рядом с умершими клали сосуды с коротким или прямым высоким горлом, украшенные гребенчатой (реже — шнуровой) орнаментацией. Инвентарь этих погребений изредка включает костяные бусы- четки, полые трубочки из костей крупных птиц — восьмиствольные «флейты Пана», каменные топоры, бронзовые шилья и ножи, бронзовые и серебряные подвески в полтора и два оборота с петельчатым концом и т.д. (рис. 2).

Некоторые категории инвентаря размещались весьма разнообразно. Так, например, жаровни, горшки и курильницы ставились и около головы, и рядом с ногами умерших, иногда — напротив груди или на ступеньках катакомбных шахт. В отдельных случаях жертвенные животные и сосуды помещались на настилы погребальных

ям. Обязательно и столь же разнообразно размещение охровой посыпки. Устройство погребальных ям и катакомб обнаруживает известный стандарт и по форме, и по размерам. Преобладают ямы прямоугольной формы с отвесными стенками и ровным полом, над которым нередко устраивались деревянные перекрытия как поперек, так и вдоль длинных сторон. Иногда удавалось проследить забутовку ям и катакомб материковым выкидом.

Изучение раннего этапа развития культуры невозможно без решения вопроса о ее происхождении. В формировании культуры приняли участие племена древнеямной общности (появившиеся здесь еще в ранний период эпохи бронзы) и носители донецкой катакомбной культуры — основного генетического ядра катакомбной общности. Это подтверждается, с одной стороны, наличием древней традиции захоронений в ямах, сходством некоторых сосудов по форме и орнаментации, общими типами каменных и костяных изделий, а с другой стороны, восприятием отмеченных нами ранее «общекатакомбных» культурных показателей. Сложный процесс генезиса среднедонской катакомбной культуры дополняется и включением некоторых орнаментальных традиций, восходящих ко времени бытования на Дону репинской культуры энеолитической эпохи.

Многоплановость этногенетических процессов рассматриваемого времени хорошо проиллюстрирована примерами взаимопроникновения разнокультурных признаков в широкой зоне обитания племен катакомбной общности и на сопредельных территориях — обликом прежде всего лепной глиняной посуды. До появления гончарного круга она не являлась продуктом обмена на вывоз, тем более на значительные расстояния из-за своей хрупкости. Посуда изготавливалась для собственных нужд каждой из родоплеменных группировок и с помощью орнаментации была маркирована ее культовой символикой.

В случаях же наличия сосудов с инокультурными признаками можно с уверенностью говорить о включении в местную среду иноэтничных представителей. В погребальных комплексах среднедонской катакомбной культуры обнаружены сосуды с признаками предкавказской (волго-манычской), северокавказской и других культур. В свою очередь, характерные среднедонские признаки обнаружены в памятниках Поднепровья и Поволжья. Более того, местные традиции явились определяющим компонентом в сложении таких культур, как бахмутская (Нижнее Подонье и Подонцовье) [4] и бабинская культура многоваликовой керамики [5]. Последняя получила распространение в середине бронзового века в Днепровско-Донском степном междуречье, что было связано с оттоком (в силу разных обстоятельств) местного населения на другие территории.

С учетом существующих хронологических разработок время сложения среднедонской катакомбной культуры может быть определено рубежом III-II тыс. до н.э., а первый этап датируется первой — началом второй четверти II тысячелетия.

Для второго этапа развития культуры (до конца XVII–XVI вв. до н.э.) характерны абсолютная преемственность как в характере ведущих обрядовых признаков, так и в системе орнаментации большинства сосудов, а также обретение устойчивых типов каменных и бронзовых изделий наряду с бытовавшими ранее. К концу данного этапа получают распространение глиняные горшки с грубой дополнительной обмазкой глиной в нижней части, украшенной валиковым и прочерченным орнаментом (рис. 3).

Комплексы, относимые к третьему этапу, сравнительно немногочисленны, выявлены они чаще всего как впускные в курганы более раннего времени. Захоронения,

как правило, совершались в ямах, преобладающим становится положение умерших «скорченно» на левом боку, головой в северном или северо-восточном направлении. Известны случаи положения рук ладонями к лицу. Охра в захоронениях отсутствует. Большая часть керамических изделий украшена прочерченными линиями в сочетании с защипами или ямками. Металлические изделия единичны (рис. 4).

Этот период был относительно коротким, он как бы подвел итог четырехвековой истории яркого этнокультурного образования, уступившего место новым культурно-историческим системам. Однако этот период внес весомый вклад в дальнейший ход истории. Кстати, отмеченные выше новые признаки обрядовости станут определяющими для погребений срубной общности второй половины II тыс. до н.э. той же территории.

Археологически засвидетельствован факт приоритета подвижного скотоводческого хозяйства с овцеводческой специализацией на раннем этапе среднедонской катакомбной культуры. Со временем удельный вес крупного рогатого скота в стаде растет, что обусловлено переходом к оседлости. Это ярко иллюстрируется появлением долговременных поселков со стационарными жилыми помещениями, в отличие от функционировавших ранее небольших поселков с маломощными культурными отложениями [6].

Население именно катакомбной культуры со временем максимально активизировалось, сформировав присущую лесостепной зоне с ее злаковым разнотравьем модель придомного скотоводства. Эта модель стала доминирующей, но, как показывают источники, она оставляла место и для подвижного скотоводства, чему способствовала особая демографическая емкость лесостепи, приглушавшая процессы относительного перенаселения.

Вместе с тем благоприятные природные условия способствовали сохранению традиционных форм уклада жизни. Так, у донского катакомбного населения практиковались и земледелие, и охота, но в относительно ограниченном объеме. В русле изучения экономики безусловно находятся жертвенные животные, сопровождавшие многие погребения. Это бараньи астрагалы, головы и другие части лошадей, овец, быков, коров, и лишь в единичных случаях встречены представители дикой фауны (лось, сайгак, черепаха).

Среди инвентаря погребений среднедонской катакомбной культуры отмечены наборы орудий для изготовления каменных наконечников стрел, льячка — инструментарий для выплавки меди (а возможно — серебра) в ювелирном производстве, а также отдельные находки глиняных прясел — элементов оборудования для ткацкого производства. Такие находки — показатель существования развитой формы ремесленного производства. Как свидетельствуют археологические источники, определение уровня организации древних производств непосредственным образом смыкается с выявлением характера социального устройства общества, и здесь особая роль принадлежит рассматриваемому нами виду источников.

Сейчас появилась возможность несколько по-иному, в отличие от традиционных разработок, подходить к проблеме социального устройства донского населения эпохи бронзы.

Прежде всего, само устройство курганов — несомненный показатель глубоких социальных изменений в общественной жизни. Сопоставление данных палеодемографии, расчетов трудозатрат на производство курганов, данных антропологии по половозрастному соотношению захороненных приводит к выводу о неправомерности

распространения курганной обрядовости на всех членов общества. Претендовать на такой вид захоронений, судя по проведенным подсчетам, могла едва ли десятая его часть. В этом следует видеть строгую регламентацию размеров погребальных сооружений в соответствии с сословной принадлежностью умерших, что в целом было характерно для обществ, находившихся на стадии формирования государственности [7]. Именно в таком ключе можно рассматривать создателей курганов на широких евразийских пространствах эпохи бронзы, в том числе и носителей среднедонской катакомбной культуры.

При изучении донских курганных комплексов выявлены престижные изделия и их устойчивые комбинации в виде каменных наверший скипетров (булав), наборов каменных наконечников стрел, выступающих «в связке» шило-нож, «флейт Пана» и др.; ряд погребальных сооружений имеет внушительные размеры и сложные конструктивные детали. Не редкостью являются и человеческие жертвоприношения (что было особенно характерно для обществ, переживавших распад родовых устоев). На основании анализа источников и сравнительно-исторических параллелей сейчас с известной долей уверенности можно говорить о выделении у носителей среднедонской катакомбной культуры сословия жрецов — отправителей культов (Первый Власовский могильник) [8]. Данное заключение подтверждается и тем обстоятельством, что в единых культурных рамках здесь продолжает сохраняться бескурганная погребальная обрядовость (проявление биритуализма).

Выше мы отмечали полиэтничный состав населения рассматриваемой культуры. Ситуация осложнена и такими примерами, как открытие целого могильника — шесть погребений мастеров по изготовлению каменных наконечников стрел, характерных для северного (лесного) этнокультурного мира (Терешковский Вал) [9], но могильник бескурганный! Анализ мотивов появления такого объекта позволяет сделать вывод о насильственном переселении сюда иноплеменников — специалистов по обработке камня. Но реализация такого рода экономических потребностей могла быть по силам лишь более крупному общественному объединению, чем отдельный род и даже племя.

Другой пример связан с одновременным проживанием на одной территории носителей среднедонской катакомбной и воронежской культур. Однако захоронения последней (за редким исключением) не отмечены курганным обрядом. При этом данные реконструкции экономики «воронежцев» явно уступают «катакомбникам», проявляя подчиненный характер.

Приведенные примеры отражают такой уровень развития общественных отношений на Дону, который включал зависимость на межэтническом уровне не только в форме данничества, но и в более радикальных проявлениях (захват иноплеменников), диктовавшихся увеличением источников прибавочного продукта.

Суммируя результаты археологических исследований, можно предположить, что уже в ямно-катакомбное время на севере степи и в Лесостепье Дона в соответствии с региональной спецификой природно-географических условий и исторических традиций оформился своеобразный вариант общественно- политической структуры. Типологически он был наиболее близок «вождествам» — «ранним комплексным обществам» — «власти царя» с достаточно четко выраженными элементами государственного устройства. (Отметим, что вплотную подойдя к барьеру государственности, это общество в силу каких-то причин не смогло его преодолеть.) Затухание общественно-политической активности здесь наметилось в поздний период среднедонской катакомбной культуры.

Имеющиеся материалы позволяют установить связь населения рассматриваемой культуры с восточной ветвью индоевропейской языковой общности периода выделения из ее среды древнейших индоариев [10]. В этом плане особое значение приобретает сравнение социально-ритуальных установок, отраженных в курганных комплексах Дона с данными Ригведы [11], а также других письменных источников древности.

Литература

1. Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в средней России. М., 1916.
2. Попова Т.Б. Племена катакомбной культуры // Труды ГИМ. Вып. 24. М., 1955; Латынин Б.А. К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. № 6. Л., 1964.
3. Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964; Матвеев Ю.П., Синюк А.Т. Новые материалы к изучению бронзового века на Среднем Дону // Советская археология. 1977. № 1; Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж, 1983; Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И. Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития. Воронеж, 1991; Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.
4. Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.
5. Братченко С.Н. К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев, 1977.
6. Пряхин АД. Поселения катакомбного времени в Лесостепном Подонье. Воронеж, 1981.
7. Гуляев В.И. Проблема становления царской власти у древних майя // Становление классов и государства. М., 1976; Крюков М.В. Социальная дифференциация в Древнем Китае // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968; Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
8. Синюк А.Т. Погребения ямной и катакомбной культур Первого Власовского могильника // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской Лесостепи. Воронеж, 1989.
9. Синюк А.Т. Древние погребения мастеров по изготовлению каменных наконечников стрел в Степном Придонье // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992.
10. Гамгрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и типологический анализ праязыка и пракультуры. Т. 1-2. Тбилиси, 1984.
11. Елизаренкова Т.Я. «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры. М., 1989.

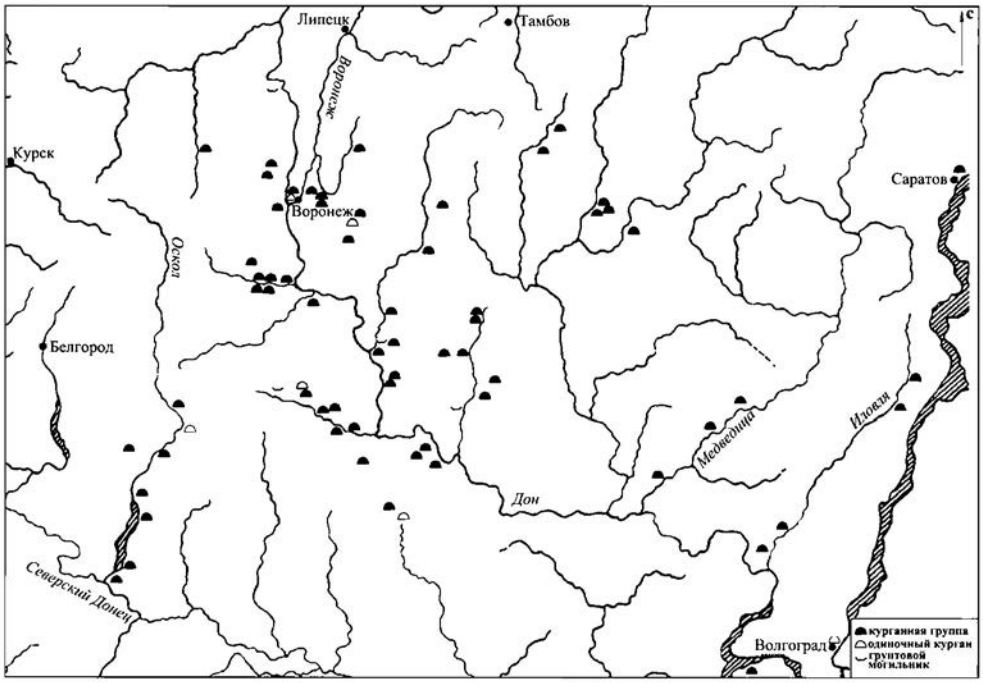


Рис. 1. Карта погребальных памятников среднедонской катакомбной культуры

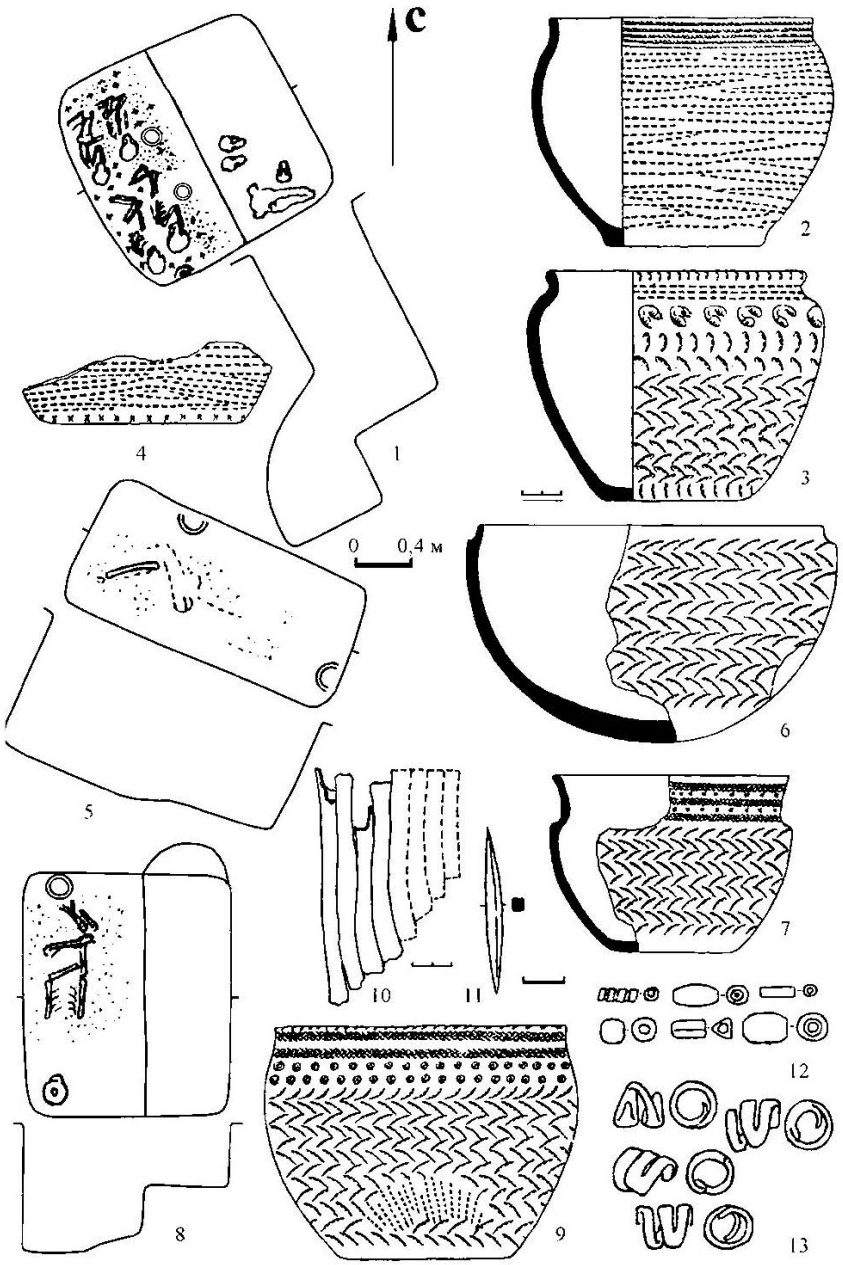


Рис. 2. Курганные комплексы первого этапа среднедонской катакомбной культуры — Первый Власовский могильник:
1–4 — курган 11, погребение 5; 5–12 — курган 12 (5–7 — погребение 2, 8–12 — погребение 3;
2, 3, 4, 6, 7, 9 — глина; 10, 12 — кость; 11, 13 — бронза)

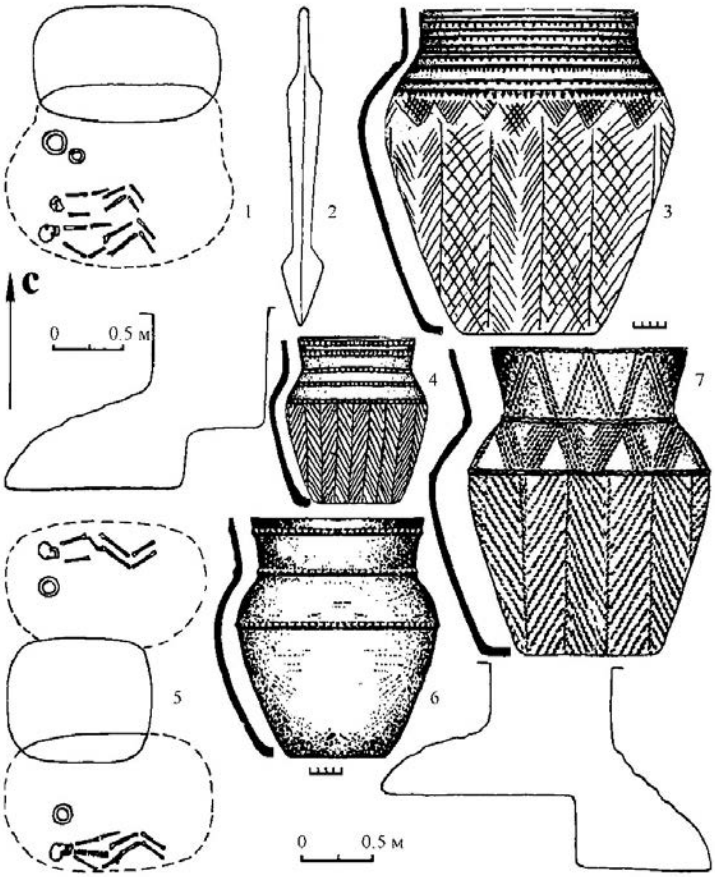


Рис. 3. Курганные комплексы второго этапа среднедонской катакомбной культуры — Второй Ольховатский могильник, курган 3: 1–4 — погребение 2; 5–7 — погребение 1 (2 — бронза; 3, 4, 6, 7 — глина)

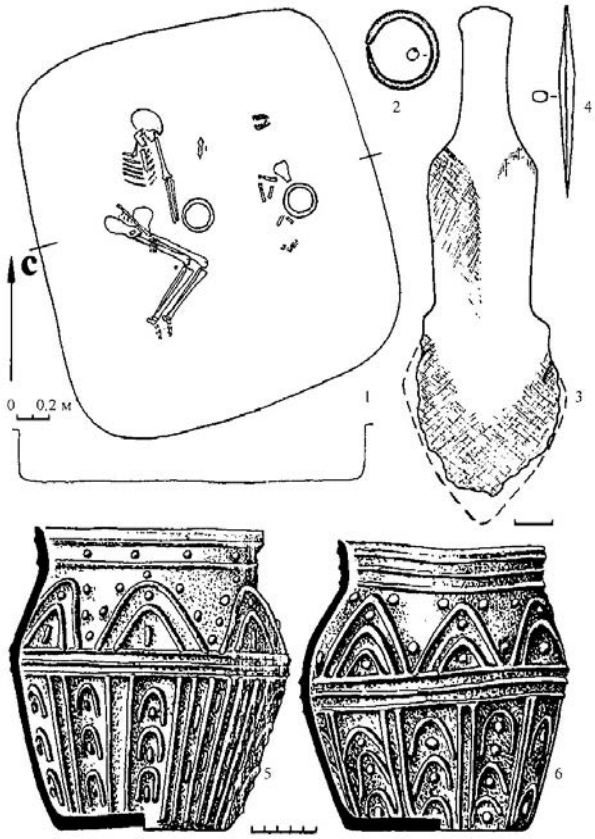


Рис. 4. Курганный комплекс третьего этапа среднедонской катакомбной культуры — Усманский курган, погребение 4
(2–4 — бронза; 5, 6 — глина)

МАТЕРИАЛЫ ДРОНИХИНСКОГО ТИПА И ИХ МЕСТО В ГЕНЕЗИСЕ КУЛЬТУР ВОЛОСОВСКОЙ ОБЩНОСТИ

Верхнедонской археологический сборник. Выпуск 3. Липецк-СПб, 2007. С.55-76.

Предлагаемая статья А.Т. Синюка была написана в начале 80-х гг. XX века. Предполагался выход её в свет сразу же после написания в одном из сборников Поволжского региона. Но в силу разных причин этого так и не случилось. Вне всякого сомнения что отдельные положения этой статьи к настоящему времени требуют уточнения, ввиду появления новых источников. В целом же предлагаемая статья наглядно свидетельствует о высокой степени научной интуиции её автора. Сделанные им более четверти века назад выводы в настоящее время во многом находят подтверждение в ходе проводимых исследований.

Усилия археологии в изучении волосовских древностей изменили существовавшие ранее представления об их узкой культурно-территориальной обособленности. Стало очевидным, что речь должна идти о целой группе культур (Бадер, 1970. С. 38-40), слагающие компоненты которых определяют их близость в рамках обширной культурно-исторической общности или же области[1]. При этом сумма и степень компонентов не всегда идентифицируют волосовские культуры, что, соответственно, расширяет зона поисков истоков генезиса как каждой из культур, так и их совокупности[2].

Отметим, что и раньше многие исследователи не могли более или менее удовлетворительно решать проблему генезиса, не выходя в своих оценках за пределы волосовского мира. Так, например, О.Н. Бадер, говоря о многообразии формирующих волосовскую культуру признаков, предполагал проникновение некоторых из них (в частности, использование для гончарной примеси толченых раковин) с юга, из этнокультурной среды степной зоны (Бадер, 1970. С. 38). Известную роль традиций лесостепных неолитических и энеолитических культур в формировании волосовских древностей усматривали А.Х. Халиков (Халиков, 1969. С. 149), Р.С. Габяшев (Габяшев, 1986. С. 12-13) и ряд других исследователей. О процессе воздействия на ранний волосовский мир со стороны более южных этнокультурных образований красноречиво говорят

[1] В нашем понимании «культурно-историческая общность» объединяет группы этнически родственных образований, тогда как «область» может включать и не связанные родством этносы, сходство между которыми устанавливалось на основе взаимодействия, а также явлений общестадиапьного порядка. Для волосовских культур оценка такого рода не проводилась, но, вместе с тем, в литературе утвердился термин «общность» (Крайнов, 1981; Никитин, 1978; Халиков, 1978).

[2] Даже наиболее последовательный сторонник рассмотрения волосовских древностей в рамках единой культуры В.П. Третьяков (Третьяков, 1975), позднее выделяет в ней обширные варианты (Третьяков, 1979; 1983). Однако у названного исследователя отсутствует четкое определение понятий «культура» и «вариант культуры», что не способствует выяснению существа вопроса.

новые материалы лесостепного Поволжья (Васильев, 1978. С. 169-184; 1981. С. 54-56; Васильев, Габяшев, 1982. С. 3-24). Для выяснения такого рода процессов исследователи обращаются и к регионам, лежащим в иных направлениях. В частности, по мнению Д.А. Крайнова, целый ряд элементов волосовской культуры (раковинная примесь сосудов, штриховка их поверхностей и др.) были заимствованы из Прибалтики (Крайнов, 1981. С. 15-16).

Таким образом, непременным условием изучения генезиса культур волосовской общности является максимально полное фиксирование традиций и признаков, вовлеченных в данный процесс, выяснение их этнокультурного содержания и, соответственно, уточнение территориальных и хронологических рамок их бытования.

Предлагаемая работа ограничивается постановкой вопроса об участии в этом процессе традиций и признаков, улавливаемых на памятниках лесостепного Дона — материалах дронихинского типа. Их характеристика в самых общих чертах нами приводилась ранее (Синюк, 1986а. С. 103-110). Отмечалась и связь их с волосовской проблематикой (Синюк, 19866. С. 34-36). Последнее, на наш взгляд, требует более развернутой аргументации, в виду чего еще раз обратимся к анализу имеющихся источников.

Материалы дронихинского типа — своеобразная группа керамики, выделенная нами в ходе раскопок многослойной стоянки Дрониха (расположено на оконечности первой террасы левого берега реки Битюг в Таловском районе Воронежской области, в левобережье Дона). Раскопки велись автором в 1974, 1975 и 1988 гг. Общая вскрытая площадь составила 900 м^2. Основной признак керамики дронихинского типа — гребенчатая и прочерченная орнаментация. Всего на стоянке ее выявлено около 7 тысяч фрагментов. Для характеристики формы и технологических приемов изготовления сосудов нами анализируются венчики от 243 сосудов, фрагменты днищ от 18 сосудов, а также полностью восстановленный сосуд. Наиболее информативные образцы из этой серии материалов служат и источником для изучения системы орнаментации. С той же целью привлечены лишь отдельные фрагменты стенок сосудов, т.е. нами преследуется задача получения максимально объективных оценок при статистических выкладках, исключающих многократное использование разных частей одного итого же сосуда.

Подавляющее большинство сосудов (около 97%) — прямостенные горшки без выделенного верха, с плавным переходом стенок в нижнюю часть тулова (рис. 1 - 8). Всего лишь 8 сосудов имели коническую форму (рис. 1, 4; 4, 4). Правда, ввиду фрагментарности некоторых венчиков, затрудняющей реконструкцию профиля, процент сосудов конической формы мог быть и выше. Таков, в частности, восстановленный нами сосуд (рис. 5, 72). Преобладают сосуды с остроконечными (рис. 2, 2-4; 4, 6-8) и округлыми (рис. 2, 9-72; 4, 9) днищами, но встречены также два экземпляра плоских днищ (рис. 4, 10-11). Имеются в крайне ограниченном числе сосуды с легкой отогнутостью венчика наружу (3 экз.) (рис. 4, 2; 7, 4), с утолщением венчика на внешней стороне (4 экз.) (рис.

1, 10; 5, 6), с Т-образным утолщением (1 экз.) (рис. 1, 9). Обычно же край венчиков прямой, закруглен (98%), изредка — ровно срезан (1,2%) (рис. 5, 9; 6, 7) и еще реже — приострен (0,8%) (рис. 1, 2). Лепка сосудов производилась ленточным способом, при котором односторонние скошенные края лент крепились последовательно с внутренней стороны. Встречены сосуды крупных размеров, с диаметрами верха 30-36 см; многие имеют средние размеры (диаметры 18-22 см), но есть и маленькие сосуды, с диаметрами верха до 10 см.

Преобладающей примесью в тесте сосудов является мелкий песок, но, вместе с тем, более трети сосудов (35%) включают органическую примесь, в том числе и раковинную. Тесто сосудов хорошо промешано, плотное, толщина стенок (в зависимости от величины сосуда) варьирует от 0,6 до 0,9 см. Цвет внешних поверхностей обычно коричневый от светлых до темных тонов, но есть также фрагменты серо-желтые и оранжевые. Поверхности сосудов обрабатывались штампом, после чего на внутренней, а иногда и на внешней стороне оставалась штриховка (очень часто крупная), хотя внешние стороны затем дополнительно сглаживались.

Следует обратить внимание на то, что все перечисленные морфологические и технологические признаки совершенно едины у сосудов как с гребенчатой, так и с прочерченной орнаментацией. Столь же очевидная близость обнаруживается и при сопоставлении орнаментов. Прежде всего, абсолютное большинство сосудов под краем имеют по пояску из округлых ямок, а у девяти имеются пояски из жемчужин — негативов от вдавливаний с внутренней стороны (5 - с прочерченным орнаментом, 4 - с гребенчатым) (рис. 1, 5; 5, 4; 7, 3; 8, 5). Насколько можно судить по наиболее выразительным образцам, орнаментация подчинена мотиву горизонтальной зональности, где зоны подчеркиваются рядами ямок, наколов или оттисков гребенки (в последнем случае основой узора служит прочерченный элемент). Орнамент достаточно густой, занимает поверхность сосудов от верха до дна. В равной степени сосуды и с гребенчатой, и с прочерченной орнаментацией имеют украшение среза венчика штампом или насечками (соответственно 22 и 29 экз.). Композиционные построения (за редким исключением) тоже принципиально едины, хотя и варьируют по степени встречаемости (рис. 9, а). И у гребенчатой, и у прочерченной керамики преобладает горизонтальная елочка. В то же время фиксируемые отличия количественных показателей применения других композиций, равно как и природа появления самих орнаментальных элементов, требуют своего объяснения. Но предварительно напомним, что в слое стоянки Дрониха наряду с керамикой рассматриваемого типа, встречены керамические комплексы с ямочно-гребенчатой, ямчатой и накольчатой орнаментацией. Особенно важно то, что здесь мы имеем возможность сопоставить дронихинские с накольчатыми материалами, поскольку они несут целый ряд общих орнаментальных и технолого-типологических признаков. Условия размещения этих материалов в слое отражены в таблице 1.

Таблица 1.

группа керамики	количество находок по горизонтам				всего
накольчатый	1013	2690/43,6	2099/51,2	1318/67,5	7120
дронихинский	869	3467/56,4	1997/48,8	636/32,5	6980
всего	1882	6168/100	4096/100	1954/100	14100

При статистико-стратиграфических подсчетах (ввиду поздних нарушений слоя материалы из первого горизонта при выведении процентных величин опускаются) мы исходили, во-первых, из включения в анализ всего материала интересующих типов с широкой площади раскопа, а во-вторых, из количественного соответствия сравниваемых величин, что в целом позволяет рассчитывать на объективный характер полученных результатов.

Из таблицы можно увидеть, что накольчатая керамика, занимая в процентном отношении к керамике дронихинского типа абсолютное большинство в нижнем горизонте, затем уступает свои позиции. И наоборот, процентное содержание керамики дронихинского типа по горизонтам растет вверх. При всех других вероятных случаях, влияющих на причину такого распределения источников, здесь нельзя не усмотреть и отражение хронологической позиции двух групп материалов, где накольчатая керамика в целом является более ранней.

Но, как нетрудно убедиться при сравнении, объединяющие признаки той и другой групп керамики столь очевидны и значительны, что не оставляют сомнения в их прямой генетической преемственности. Еще раз перечислим эти признаки:

1. Прямостенные и конические остродонные формы сосудов с непрофилированным верхом.
2. Относительная тонкостенность сосудов, плотно промешанное тесто с примесью мелкого песка (для накольчатых сосудов - абсолютный показатель, для дронихинского типа - преобладающий).
3. Штриховка с внутренней, а иногда - с внешней стороны сосудов с последующим сглаживанием внешней стороны.
4. Коричневый цвет поверхности сосудов.
5. Пояски из ямок под верхом сосудов.
6. Горизонтально-зональное построение орнаментов.
7. Преобладание среди орнаментальных композиций горизонтальной елочки.

Еще больше сходных орнаментальных признаков можно обнаружить при сопоставлении накольчатой керамики с прочерченной (рис. 9, б). Отметим, что и «паркетная» (в частности, треугольная), и различные угловые композиции не единичны, а занимают в системе орнаментации накольчатой керамики весьма заметное место. Прочерченный элемент практически отсутствует на ранней накольчатой керамике Дона, но он есть в материалах ранних периодов днепро-донецкой (Телегин, 1968. С. 37-51) и верхневолжской (Крайнов, Хотинский, 1977) неолитических культур. Тем не менее, прочерченный элемент (как и гребенчатый) керамики дронихинского типа не мог быть привнесен из пре-

делов названных культур в силу явной асинхронности с их ранними периодами. К тому же он отличается и типологически, и системой построений. Остается предположить, что прочерченный элемент мог зародиться из традиции украшения сосудов среднедонской неолитической культуры строчечными наколами в виде глубоких бороздок. В любом же случае керамика дронихинского типа (здесь мы имеем в виду прежде всего прочерченную керамику) непосредственно связана с накольчатой, т.е. отражает бытование среднедонской неолитической культуры на ее позднем этапе развития. На известную непрерывность этого развития указывают нередкие случаи взаимовстречаемости накольчатого и прочерченного элемента (рис. 7). Но в каком культурно-хронологическом отношении к названным элементам орнамента находится гребенчатый элемент? Казалось бы, сумма общих признаков, а также взаимовстречаемости в разных комбинациях всех трех орнаментальных элементов вообще снимает постановку такого вопроса. Однако у нас нет оснований связывать появление гребенчатого штампа с традициями среднедонской неолитической культуры предшествующего времени: он вообще не был характерен (Синюк, 1986а. С. 55-142). Имеющиеся наблюдения не подтверждают единства происхождения накола и гребенки и для других территорий, где встречается гребенчатая, и накольчатая керамика (Габяшев, 1976; Третьяков, Выборнов, 1988). Скорее всего, появление гребенки нужно объяснять следствием новых этнокультурных контактов.

На сосудах дронихинского типа гребенчатый штамп, как правило короткий, состоит из 3-5 мелких прямоугольных зубчиков. Оттиски прямые или слегка изогнутые. Значительно реже зубцы имеют средние размеры. Очень редко штамп состоял из 6-8 зубцов. Разреженного (или «пунктирного») штампа не встречено. Отсутствует также «шагающий» прием нанесения штампа.

Таблица 2. Типологические показатели гребенчатого штампа на керамике дронихинского типа

размер и форма оттиска штампа	размер зубца		всего
	мелкий	средний	
короткий прямой	86	19	105
короткий изогнутый	48	14	62
средний прямой	3	2	5
всего	137	35	172

Некоторые наблюдения позволяют говорить о том, что в материалах дронихинского типа накольчатый и гребенчатый элементы в определенное время имели самостоятельное значение, т.е. находились вне связи друг с другом. Дело в том, что в бассейне Дона есть памятники, где наряду с накольчатой керамикой встречена только прочерченная (иногда в сочетании названных элементов). Для примера сошлемся на материалы стоянки у села Уварово Тамбовской области на реке Ворона[1]. Еще один, не менее интересный пример дают исследования стоянки Новый Усат-4 в Примокшанье, где на сосудах преобладающей

[1] Материал не опубликован. В коллекции есть и образцы гребенчато-ямочной керамики явно северного происхождения.

оказалось прочерченная орнаментация с поразительно близкими дронихинским композиционными построениями. Гребенчатый же штамп, встреченный здесь в гораздо меньшем количестве, совсем иной, чем на дронихинских сосудах (Выборнов, Третьяков, 1984). Следовательно, прочерченные элементы, а также некоторые его композиции имели самостоятельный характер, не связанный с гребенчатым штампом совсем, или, по крайней мере, с каким-либо одним из его видов. Можно ли в этом усмотреть хронологический приоритет в появлении на дронихинской посуде того или иного элемента. Такое не исключается, если принять во внимание, что складывание специфического облика материалов дронихинского типа было протяженным во времени. Вместе с тем, как явствует из признаков их единства (включая многочисленные примеры взаимосочетания прочерченного и гребенчатого орнаментов) сомневаться в единовременности значительной части этих материалов не приходится. Не исключено также, что в основе известной самостоятельности двух видов орнамента могла лежать специфика племенного или фратриального порядка.

Итак, вследствие каких контактов на дронихинских сосудах появилась гребенчатая орнаментация. Вряд ли было бы оправданным связать данный фактор с проникновением на Дон носителей рязанско-долговской культуры из северного ранненеолитического мира, где гребенчатый элемент, хотя и сходный с дронихинским, играл в орнаментации сосудов явно подчиненную роль. Нам уже приходилось отмечать, что контакты на том уровне отразились появлением на Дону группы накольчато-ямочной керамики (Крайнов, Хотинский, 1977. С. 127-138). К тому же, процесс этот наметился, как мы полагаем, не позднее середины IV тысячелетия до н. э., т.е. раньше, чем время сложения материалов дронихинского типа. По той же причине отпадает вероятность воздействия со стороны и днепро-донецкого, и верхневолжского неолита, поскольку и гребёнка, и прочерченный элемент более присущи их ранним стадиям, и, как показывает стратиграфия верхневолжских памятников, материалы такого рода перекрываются ранней ямочной керамикой (Крайнов, 1977; 1981). Больше хронологического соответствия, а также и типологического сходства гребенчатая ориентация Дронихи имеет с поздненеолитическим гребенчато-ямочными материалами и Среднего и Поволжья. Практически трудно отличить от дронихинских и некоторые образцы «протоволосовской» керамики со стоянок Верхней Волги (Крайнов, 1981. С. 13. Рис. 4). В то же время приходится проявлять известную осторожность при сравнении с восточным, Волго-камским неолитическим очагом распространения гребенчатой орнаментации, характеризующейся достаточно специфическими типами и приемами нанесения гребенчатого штампа.

Но имеется еще одна линия сопоставления. Это энеолитические материалы собственно донской территории: нижнедонской и репинской культур. Важно отметить, что для сосудов той и другой культур характерен прежде всего гребенчатый штамп, причем с весьма сходными дронихинскими композиционными построениями (пояски из наклонных оттисков штампа и на энеолити-

ческих, и на дронихинских сосудах занимают одно из ведущих мест). Весьма близок и сам тип штампа (Васильев, Синюк, 1984; Котова, 1984). Кстати, не этим ли взаимодействием вызвано появление у дронихинских сосудов органической и раковинной примесей, столь характерных именно для нижнедонской (органическая) и репинской (раковинная) культур? Сопоставление же других общих признаков (плоские днища у нижнедонских сосудов, ряды жемчужин у репинских) в данном плане является более проблематичным, не исключающим и опосредованный характер такого сходства. К тому же целый ряд признаков энеолитических сосудов совсем не отражен в материалах дронихинского типа. Видимо, в процессе контактов происходил сложный отбор элементов материальной и духовной культуры, заимствовались лишь те из них, которые могли соответствовать существовавшим этническим и мировоззренческим установкам. При оформлении материалов дронихинского типа определенную роль сыграли и традиции северного этнокультурного мира с гребенчато-ямочной керамикой. На это указывают и наличие круглоямочных вдавлений — делителей орнаментального поля, и преобладание горизонтальной зональности в размещении самого орнамента, и, как мы уже отмечали, известное сходство самого гребенчатого штампа[1].

Таким образом, материалы дронихинского типа, характеризуя поздний (уже пережиточный) этап развития среднедонской неолитической культуры, отражают собой заметные изменения этнической ситуации на донской и сопредельных территориях, поскольку включают в свое содержание традиции и северного (лесного), и южного (степного) этнокультурного мира.

Относительно рано проникшие в бассейн лесостепного Дона — в пределах середины — второй половины IV тысячелетия до н. э. (Васильев, Синюк, 1984. С. 116-120) — носители нижнедонской энеолитической культуры на первых порах в процессе контактов с местным неолитическим населением не смогли существенным образом повлиять на изменение характера традиционного быта. Правда, первые контакты привели к появлению материалов так называемого черкасского типа (Васильев, Синюк, 1984. С. 118-121), весьма малочисленных и совсем не схожих с материалами дронихинского типа, что в известной степени отразило еще ограниченную по масштабам экспансию на Дон ранних скотоводческих групп. Позднее, на рубеже IV и III тысячелетий до н. э., к периоду оформления репинской культуры (прямой продолжательницы традиций культуры нижнедонской), влияние энеолитического мира на Дону становится определяющим. Именно к этому времени следует относить и формирование специфики материалов дронихинского типа, в которых отмечаются элементы традиций и нижнедонской, и репинской культур. Добавим, что и дислокация памятников с прочерченно-гребенчатой керамикой — в левобережной части лесостепного Дона — свидетельствует о значительном сокраще-

[1] Нами совсем не отрицается возможность изначальной связи гребенчатого элемента в орнаментации сосудов самых широких евразийских пространств, но такая связь весьма сложно опосредована, вуалируется этнокультурными и хронологическими барьерами, а также разными формами и степенью заимствований.

нии территории, ранее занимаемой среднедонской неолитической культурой, чему должно было сопутствовать развертывание миграционных процессов, т.е. уход местного населения в северном направлении.

В пределах бассейна Дона керамика дронихинского типа, помимо Дронихи, выявлена на стоянках Монастырская 2 (рис. 10, 23), Борщево (рис. 10, 4), Новый Курлак (рис. 10, 5)[1], Черкасской (рис. 10) (Побитюжье); Университетской 3[2] (рис. 10, 6, 7), Савицкой (рис. 11, 4) (Левенок, 1971; 1973), Подзорово (рис. 11, 5, 6) (Фосс, 1959), Рыбное Озеро 2 и др. (по течению рек Воронежа и Матыры); Шапкино[3], Уварово (рис. 11, 1-3) (по течению р. Ворона) Встречена она и в южной зоне донского лесостепья на стоянках Староаннинской, Козлиновской (рис. 11, 7-11)[4]. Наконец, гребенчато-прочерченная керамика представлена и на неолитических поселениях правобережной части степного Поволжья — у дер. Латошинки на р. Царице (Третьяков, 1974), но здесь она уже имеет заметную вариабельность в оформлении венчиков, включая наплывы с внутренней стороны — свидетельство прямой связи с лесным волго-камским миром. Важно отметить, что на стоянках, расположенных вблизи от долины Дона, количество дронихинской керамики единично, а донском правобережье она пока вообще не встречена (рис. 10, 1). Далее на северо-восток сходные материалы выявлены ь области Волжской правобережной гидросистемы: по течению рек Цны (Попова, 1973), Мокши, Суры. На памятниках Суры, в частности, на поселении Подлесное IV, особое сходство наблюдается с гребенчатой группой керамики дронихинского типа, что было отмечено и исследователями данного поселения (Выборнов, Третьяков, 1984. С. 35). Вместе с тем эти материалы по целому ряду других признаков правомерно включаются в один из вариантов волго-камского неолита (Халиков, 1969. С. 86).

Приводившийся выше пример сходства дронихинских материалов с примокшанскими проливает свет на вопрос об участии их в формировании культур волосовской общности. Исследователи относят материалы типа Новый Усад IV к особому варианту волосовской культуры (Халиков, 1969; Третьяков, 1975; 1983; Шитов, 1976; Никитин, 1978). Но есть также мнение о целесообразности выведения таких материалов за рамки классических волосовских древностей (Выборнов, Третьяков, 1984). По-разному подходят исследователи и к вопросу хронологии. Так А.Х. Халиков относит материалы с сурско-мокшанских памятников Имерка, Ширингуши и др. к ранневолосовским (Халиков, 1969. С. 149-152). Той же порой определяют бытование аналогичной стоянки Новый Усад IV А.А. Выборнов и В.П. Третьяков (Третьяков, Выборнов, 1988; Выборнов, Третьяков, 1984) и наоборот, поздним этапом волосовских древностей определяет эти же материалы В.В. Никитин (Никитин, 1978). Мотивирует свою позицию В.В. Никитин тем, что прочерченный орнамент появляется на памятниках левобережного Поволжья на поздней волосовской керамике, а нахожде-

[1] Разведки Г.И. Корнюшина и автора.

[2] Исследования автора.

[3] Исследования А.А. Хрекова. Материалы не опубликованы.

[4] Исследования В.И. Еремина.

ние в правобережных памятниках (Лепченская, Ширингуши) горшковидных сосудов с хорошо выраженным горлом только конкретизирует эту дату, как и незначительное применение зубчатого штампа вообще и единичная встречаемость «шагающей» гребенки (Никитин, 1978. С. 22). Приведенная аргументация была бы убедительной лишь в том случае, если бы развитие и распространение волосовских традиций имело исходным пунктом только восточный регион. Однако необходимо принять во внимание и наблюдения иного порядка. Исследователи стоянки Новый У сад IV датируют ее материал (с привлечением радиоуглеродных дат, полученных для Имерки V) первой половиной III тысячелетия до н.э., т.е. синхронно раннему волосовскому периоду (Выборнов, Третьяков, 1984. С. 99-100). Сравнения показывают, на что обратили внимание и авторы раскопок стоянки (Выборнов, Третьяков, 1984. С. 101), что распространение прочерченной орнаментации в бассейн Суры и Мокши шло с юга, с донской территории. В таком случае в левобережные районы Среднего Поволжья она действительно могла попасть в значительно более позднее время.

Не исключено также, что не сам прочерченный элемент был заимствован с юга, а его подоснова - накольчатая керамика среднедонской неолитической культуры, на которой он мог возникнуть и там, и здесь. В своем предположении мы исходим из того, что признаки среднедонской культуры (еще при безраздельном господстве накольчатой орнаментации) четко фиксируются не только в бассейнах Суры и Мокши (Третьяков, Выборнов, 1988), но даже в левобережье Среднего Поволжья (Никитин, 1985), включая приустьевый район Камы (Габяшев, 1976)[1]. Вполне объяснимы и мотивы таких передвижений: давление со стороны южного энеолитического этнокультурного мира, столь ощутимо сказавшееся именно в Донском лесостепном регионе. Северное направление начавшегося миграционного процесса как раз и подтверждается имеющимися источниками. Данный процесс привнес в пределы лесного мира и те элементы культуры, которые характеризуют материалы дронихинского типа, а затем нашли место при оформлении волосовской культурно-исторической общности. Среди них мы склонны видеть некоторые композиции орнамента, выполненные в прочерченной технике: горизонтальную елочку, паркет, угловые построения и др., украшение срезов венчиков сосудов, включение в тесто сосудов органической и раковинной примеси, а также прием заглаживание внутренней стороны сосудов зубчатым штампом. Появилась возможность и конкретизировать основную зону влияния традиций донского пережиточного неолита: западные районы Среднего Поволжья, главным образом — Примокшанье. В литературе уже отмечалось, что прочерченный элемент к настоящему времени зафиксирован в материалах не только Примокшанья, но и более западных районов распространения волосовской общности (Выборнов, Третьяков, 1984. С. 97-98). Правда, там предполагается своя исходная база для развития подобной орнаментации - верхневолжская неолитическая культура, что подтвержда-

[1] Ранее В.П. Третьяков (Третьяков, 1964; 1972), а вслед за ним Р.С. Габяшев (Габяшев, 1976), связывали появление таких материалов в лесном неолите с влиянием днепро-донецкой культуры, что в целом неверно, но в свое время оправдывалось слабой изученностью донского неолита.

ется сходством с волосовскими традициями и таких признаков, как шагающая гребенка, пунктирный штамп и др. (Крайнов, 1981), в целом не характерных ни для Дона, ни для Примокшанья. Но и в таких случаях могло иметь место распространение вширь, включая и западные области, именно элементов культуры дронихинского типа, поскольку следует учитывать и то, уже упоминавшееся ранее, обстоятельство, что между верхневолжскими и волосовскими материалами обнаруживается хронологический интервал, соответствующий бытованию ранней ямочной керамики (Крайнов, Хотинский, 1977), тогда как между дронихинскими и ранневолосовскими материалами ощутимого разрыва во времени нет. Вообще же керамика дронихинского типа несет ранний облик на фоне волосовских древностей других территорий. Важно подчеркнуть, что на Дону пока нет находок классической волосовской керамики с такими «волго-уральскими» чертами, как «шагающая» гребенка, гусеничные оттиски, разнообразное оформление венчиков сосудов и т.п. Следовательно, можно говорить лишь о некоторых компонентах, заложенных в дронихинских материалах и затем включенных в волосовский мир, хотя этих компонентов оказалось явно недостаточно для оформления культуры волосовского типа на месте. Но если ни одна из волосовских культур не может рассматриваться в качестве преемницы, выросшей исключительно на материалах дронихинского типа, то несомненно другое: эти материалы нельзя не учитывать при дальнейших разработках генезиса культур волосовского мира в силу своей сопричастности к данной проблеме. Другими словами донской лесостепной регион, прежде всего его левобережная часть, находился в границах сферы влияния на формирование волосовской культурноисторической области.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание. Сложения культуры волосовского типа на Среднем Дону не произошло. Тому было свои причины: сильная позиция репинской энеолитической культуры, вырастание на ее основе материалов иванобугорского типа, синхронное им распространение древнеямных, а затем и ранних катокомбных этнокультурных групп. Какой же оказалась судьба носителей дронихинского культурного типа в столь сложных этнических условиях? На этот счет в нашем распоряжении имеются лишь крайне ограниченные сведения ретроспективного характера. Одно из них — появление у сосудов дронихинского типа плоскодонности. Такого типа днища (ровные, широкие) более всего соответствуют, на наш взгляд, традициям изготовления сосудов в ранней катакомбной среде, появление которой на Дону мы определяем рубежом III-II тысячелетий до н.э. (Синюк, 1983. С. 156). Прием орнаментации сосудов прочерчиванием в композициях, удивительно сходных с дронихинскими (горизонтальная елка, треугольный «паркет», сетка) стал очень характерным для сосудов воронежской культуры той же донской лесостепной территории (Пряхин, Беседин, 1988. С. 21-36), время ее бытования в пределах первой половины II тысячелетия до н.э. Нет ли в приведенных сравнениях отражения реальных процессов взаимодействия и преемственности культур эпохи бронзы лесостепного Дона с традициями дронихинского куль-

турного типа? В этом случае доживание последних следовало бы связать, по крайней мере, с концом III тысячелетия до н.э. Однако сказанное до получения новых качественных источников - пока лишь рабочая гипотеза.

Список литературы

Бадер О.Н Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970.

Васильев И.Б. Южные районы лесостепного Поволжья // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско- турбинское время. Йошкар-Ола, 1978.

Васильев КБ. Энеолит Поволжья. Куйбышев, 1981.

Васильев КБ., Габяшев Р.С. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Приуралья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982. Васильев К.Б., Синюк А.Т. Черкасская стоянка на Среднем Дону // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.

Выборнов А.А., Третьяков В.П. Поселение Подлесное IV на Верхней Суре // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1984.

Габяшев Р.С. Памятники неолита с накольчато-прочерченной керамикой приустьевой части Камы // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.

Габяшев Р.С. Нижнее Прикамье в эпоху раннего металла // Проблема эпохи неолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы (ТД). Оренбург, 1986.

Котова НС. Раннеэнеолитическая керамика Среднего Дона // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.

Крайнов Д.А. К вопросу о происхождении волосовской культуры // СА. 1981. № 2.

Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Верхневолжская ранненеолитическая культура // СА. 1977. № 3.

Левенок В.П. Памятники днепро-донецкой культуры в лесостепной полосе РСФСР // КСИА. 1971. № 126.

Левенок В.П. Неолитические племена лесостепной зоны европейской части СССР // МИА. 1973. № 172.

Никитин В.В. Волосовские времена на Средней Волге // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско- турбинское время. Йошкар-Ола, 1978.

Никитин В.В. Накольчатая керамика на севере Средней Волги // Древние этнические процессы Волго- Камья. Йошкар-Ола, 1985.

Попова Т.Б. Неолитические стоянки верхнего и среднего течения р. Цны // МИА. 1973. № 172.

Пряхин АД., Беседин В.И. О выделении воронежской культуры эпохи бронзы // СА. 1988. № 3.

СинюкА.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж, 1983.

СинюкА.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986а.

Синюк А. Т. Дронихинский тип материалов пережиточного неолита лесостепного Дона // Проблема эпохи неолита степной, лесостепной зоны Восточной Европы (ТД). Оренбург, 19866.

Телегин Д.Я. Днепро-Донецкая культура. Киев, 1968.

Третьяков В.П. О юго-западных связях рязанского неолита // СА. 1964. № 4.

Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л., 1972.

Третьяков В.П. Обследование неолитических стоянок в Волгоградской области // СА. 1974. № 1.

Третьяков В.П. В защиту единства волосовских древностей (по поводу статьи А.Л. Никитина «Существовала ли волосовская культура?») // СА. 1975. № 4.

Третьяков В.П. Варианты волосовских древностей // СА. 1979. № 1.

Третьяков В.П. Финал волосовских древностей в междуречье Суры и Мокши // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983.

Третьяков В.Л., Выборнов А.А. Поселение Новый Усат IV на Мокше // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.

Фосс М.Е. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 году // КСИИМК. 1959. №75.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

Халиков А.Х. Волосовская проблема // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола, 1978.

Шитов В.Н. Эпоха камня и раннего металла в Примокшанье // Материалы по археологии Мордовии. Саранск, 1976.

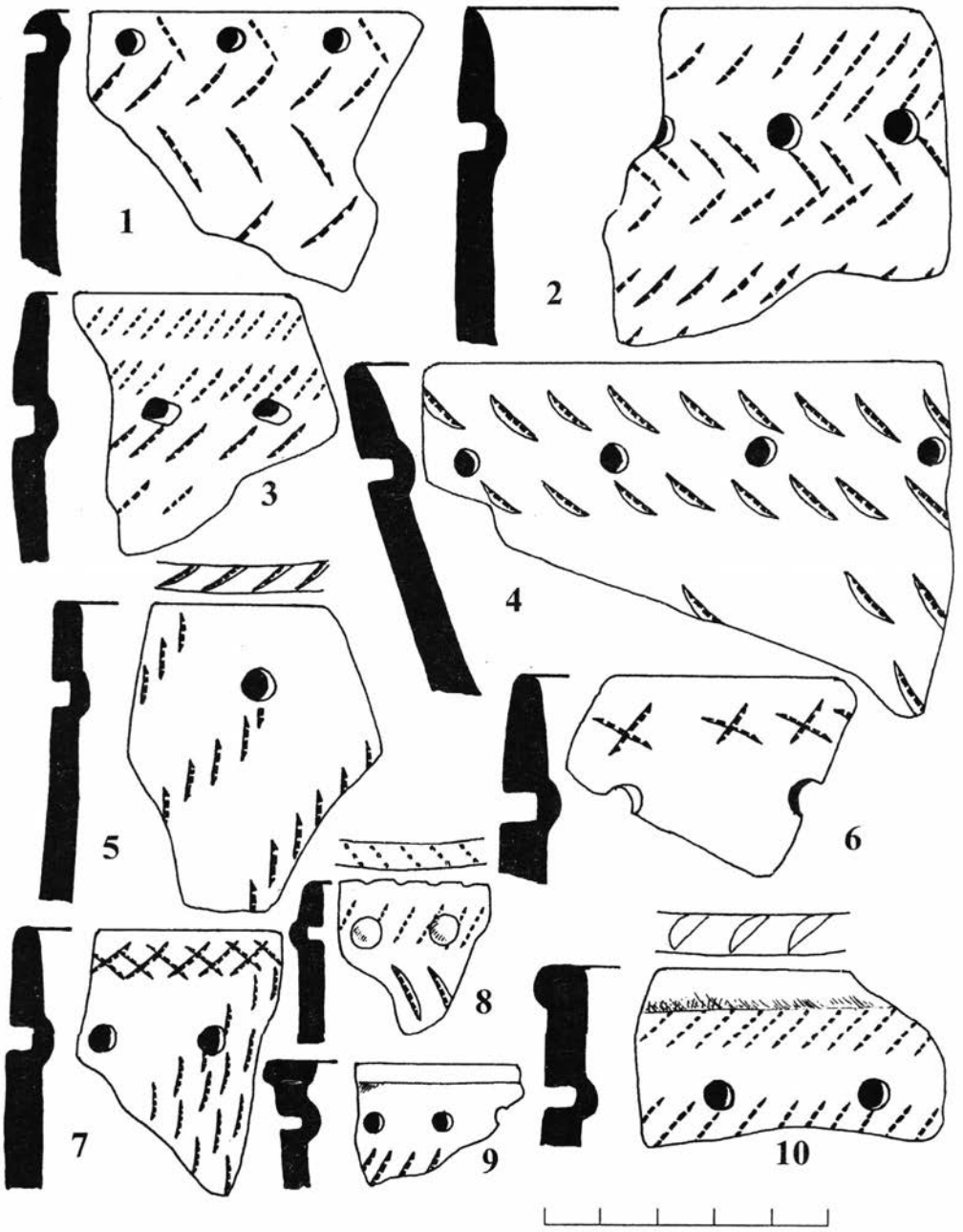


Рис. 1. Стоянка Дрониха. Образцы керамики.

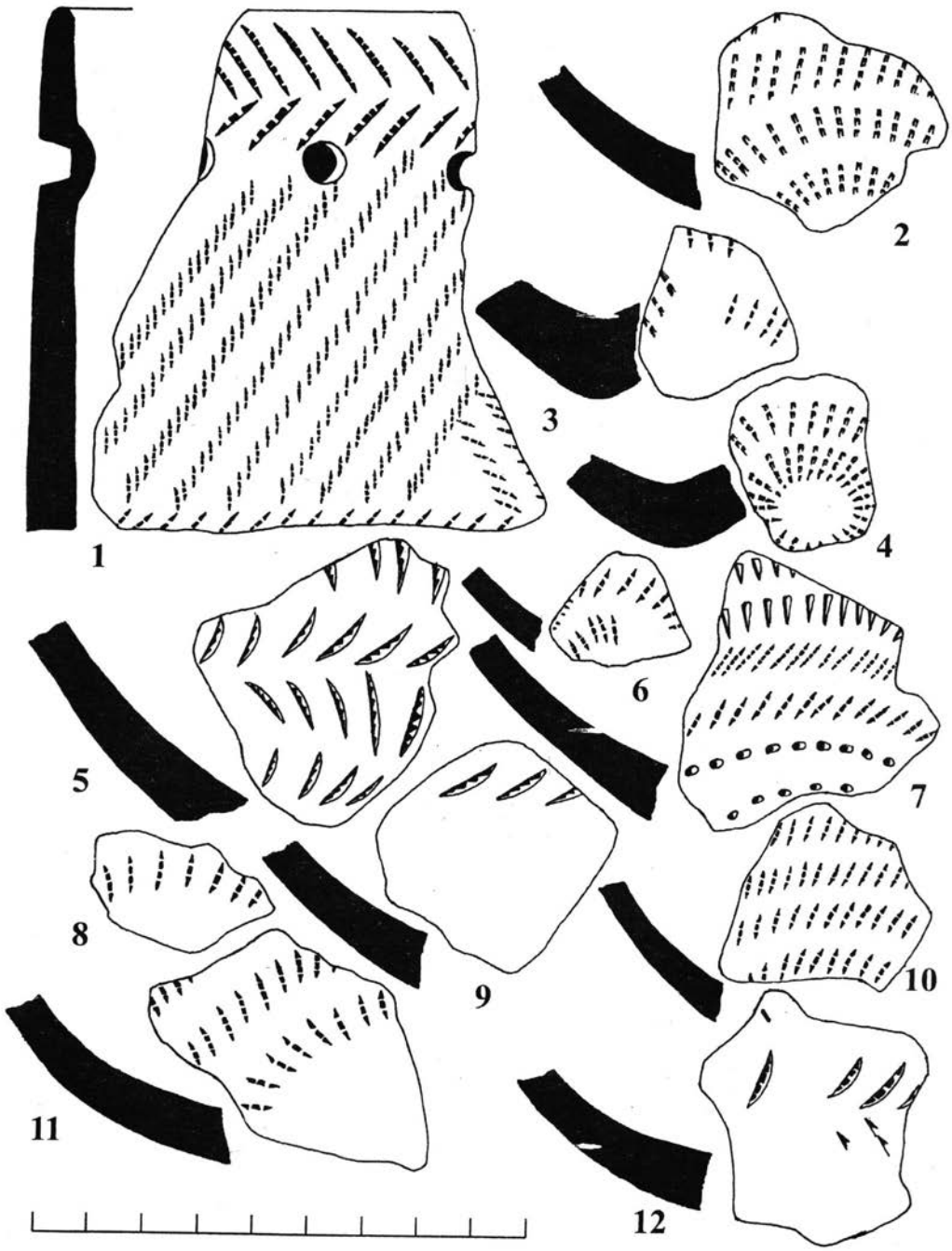


Рис. 2. Стоянка Дрониха. Образцы керамики.

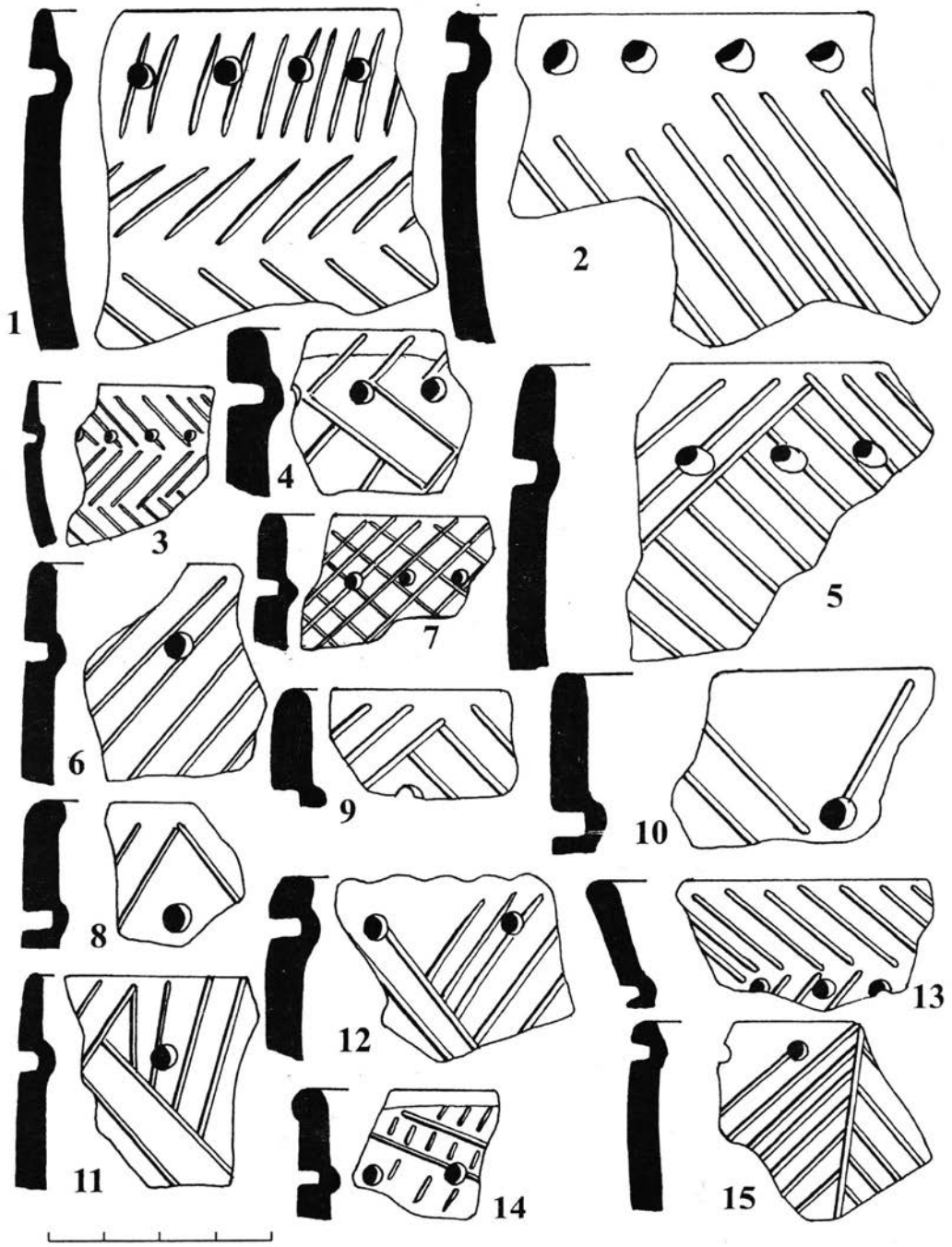


Рис. 3. Стоянка Дрониха. Образцы керамики.

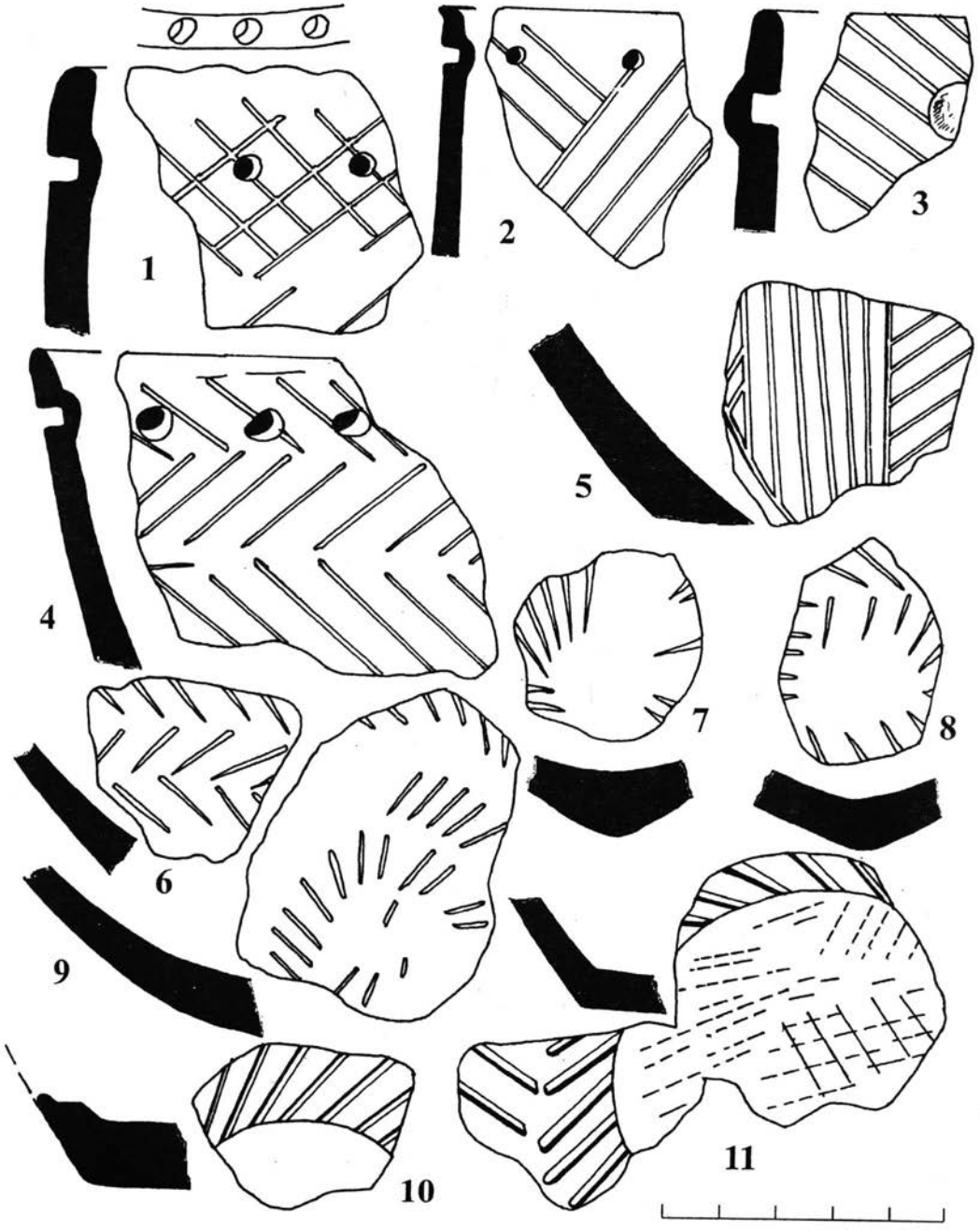


Рис. 4. Стоянка Дрониха. Образцы керамики.

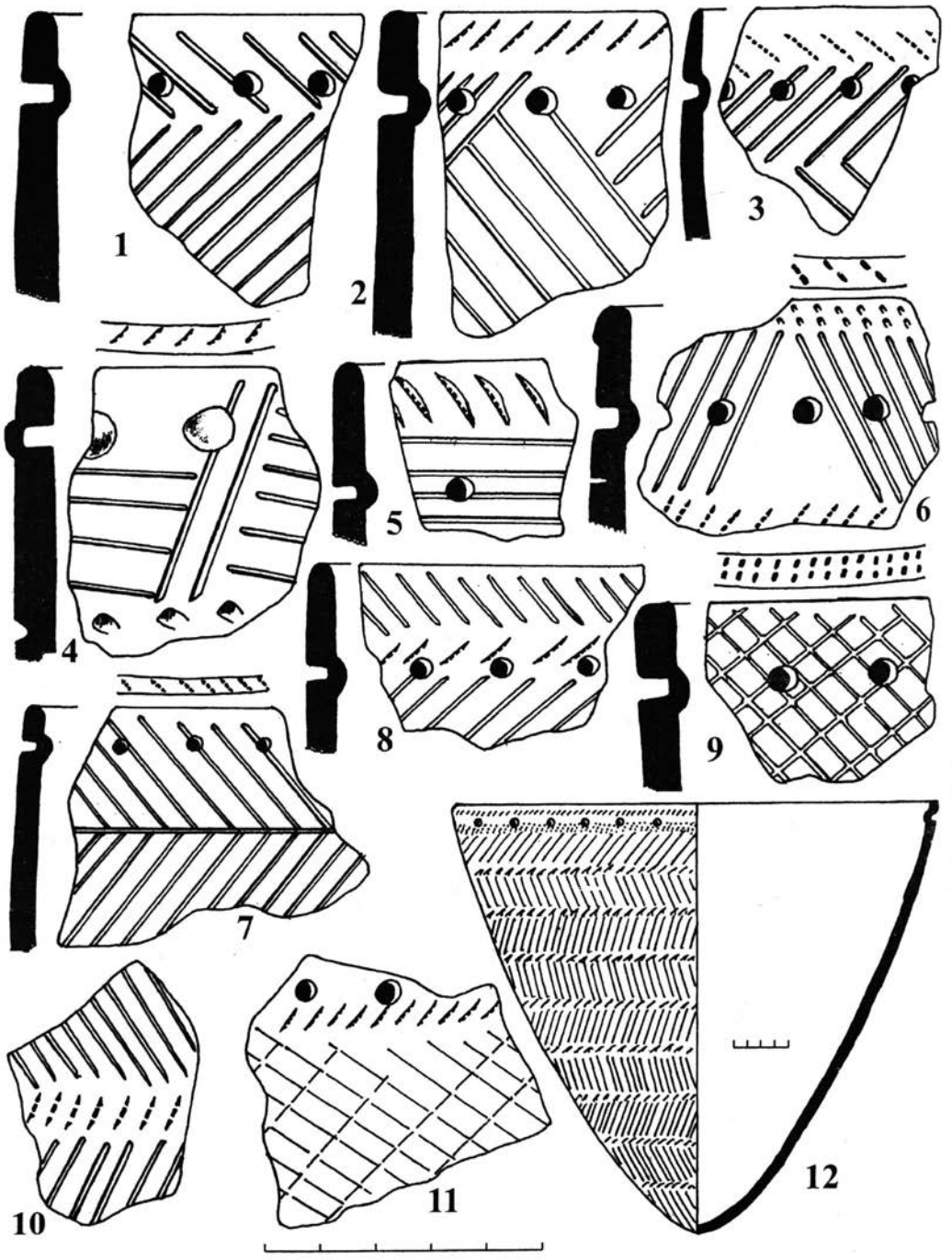


Рис. 5. Стоянка Дрониха. Образцы керамики.

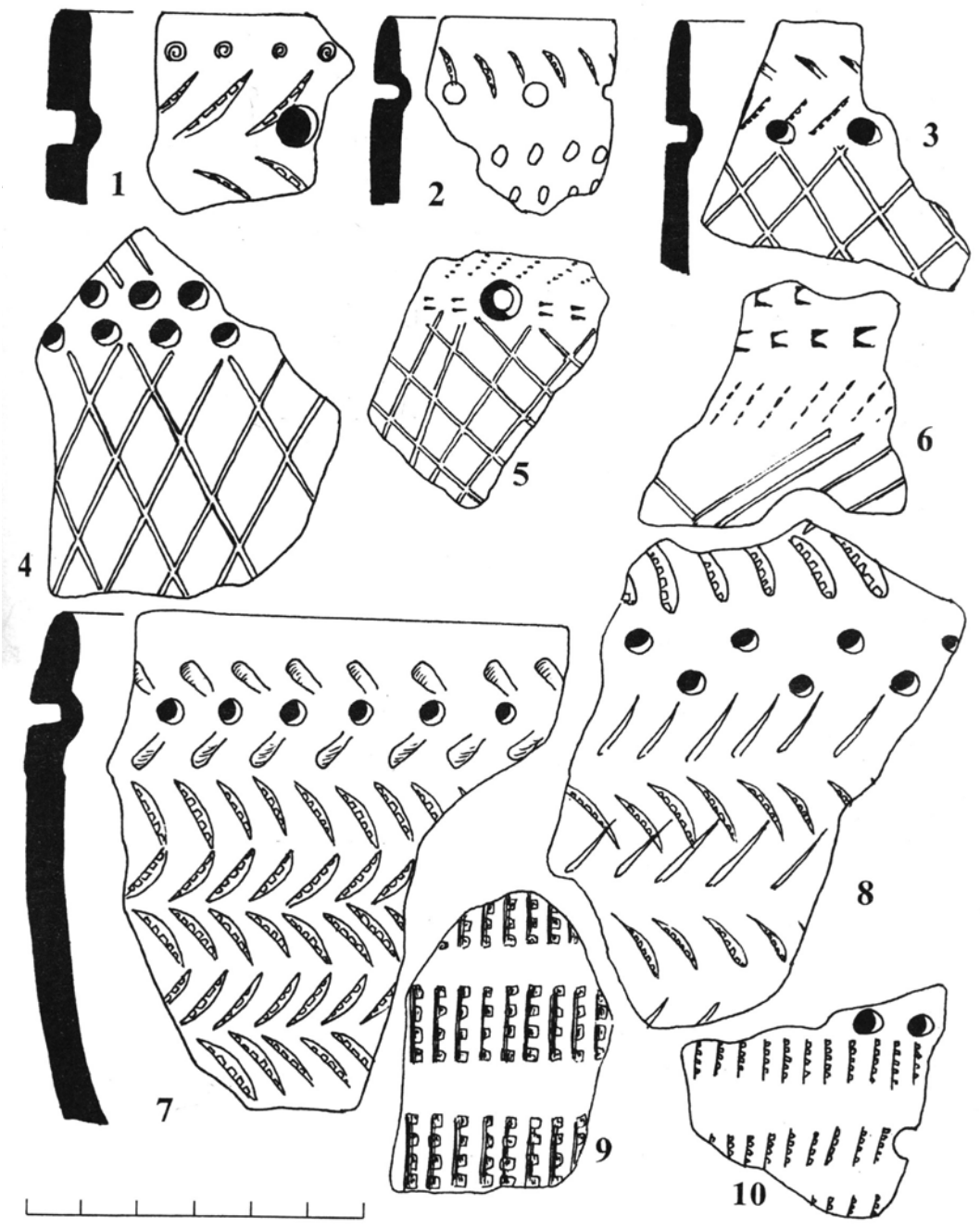


Рис. 6. Стоянка Дрониха. Образцы керамики.

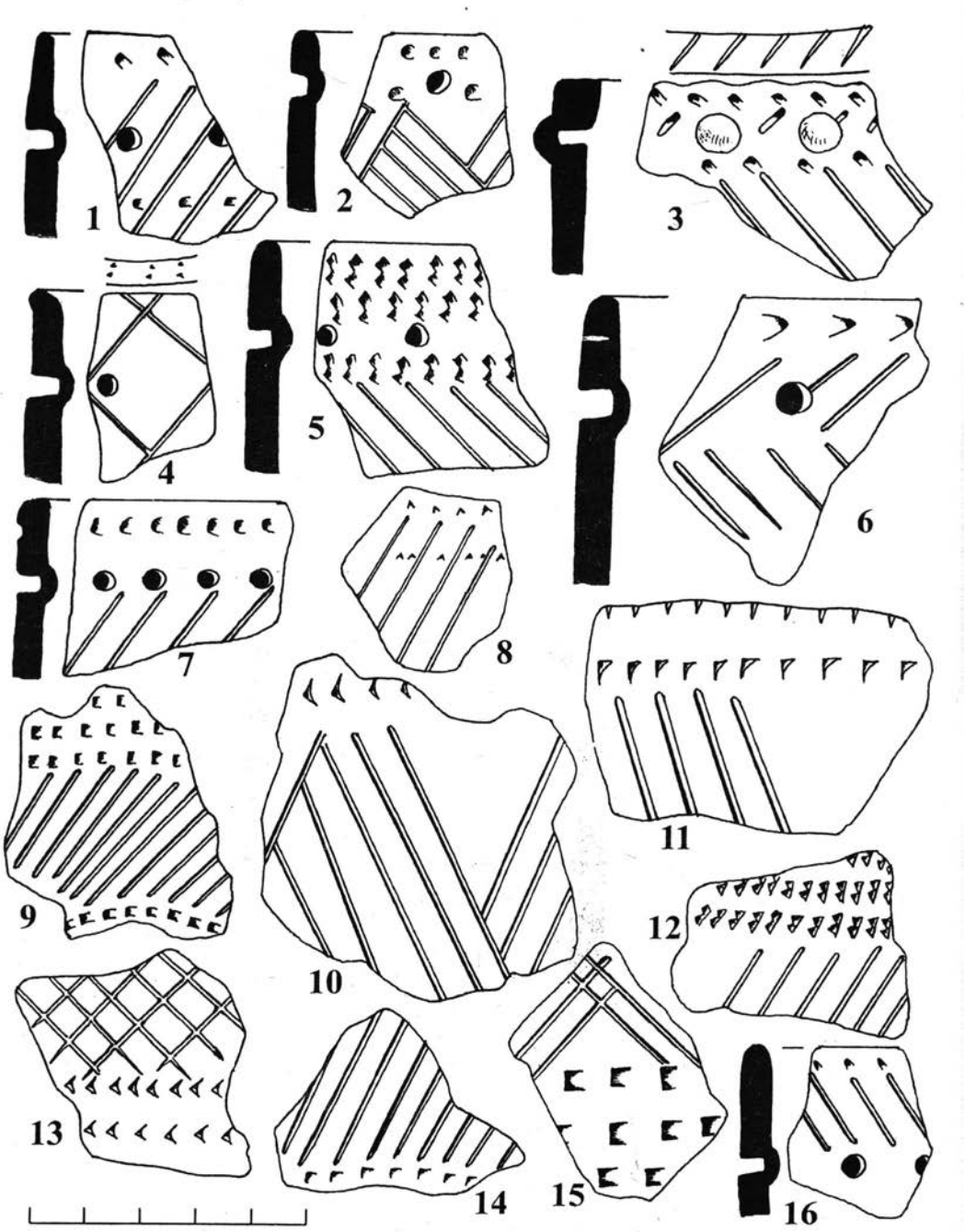


Рис. 7. Стоянка Дрониха. Образцы керамики.

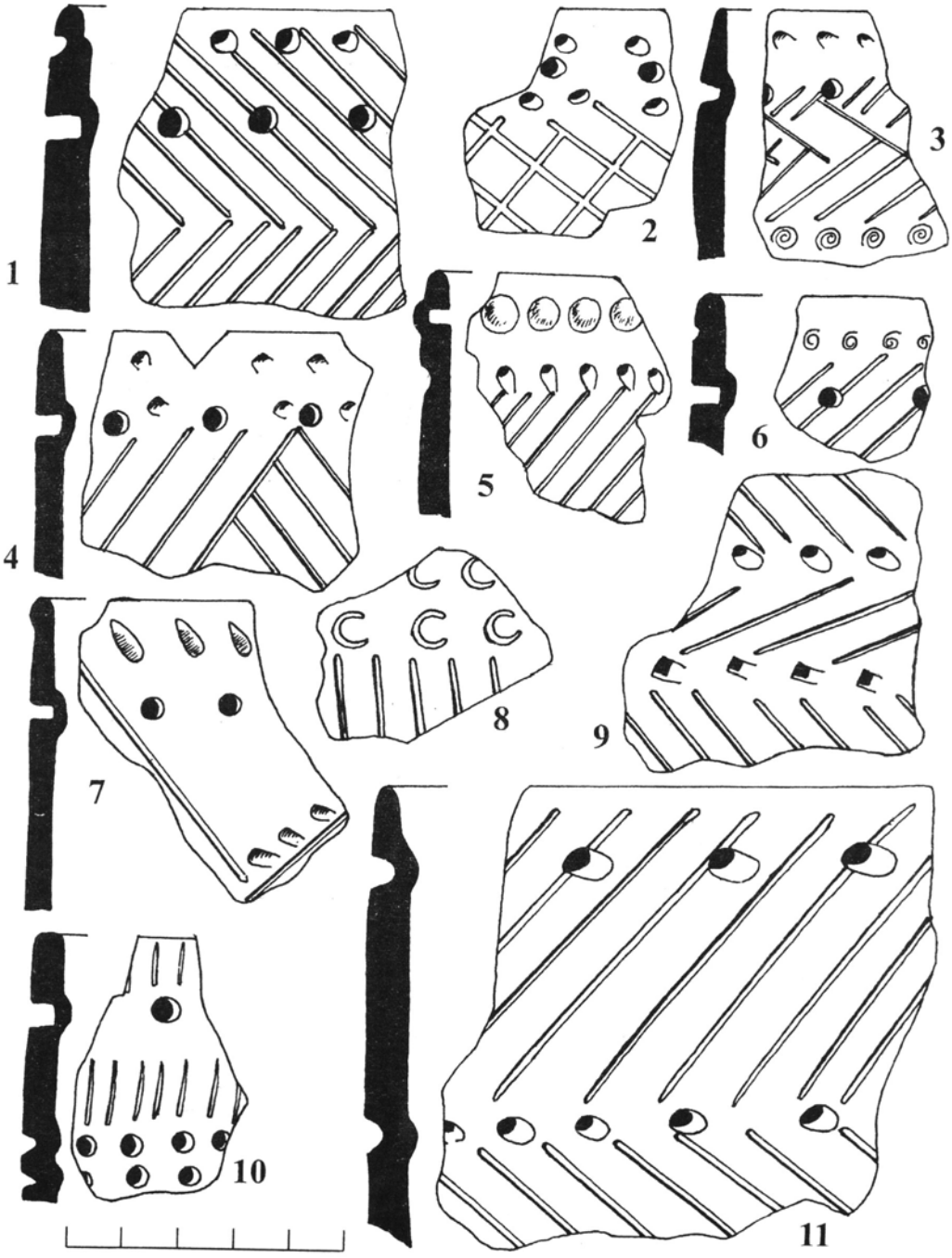
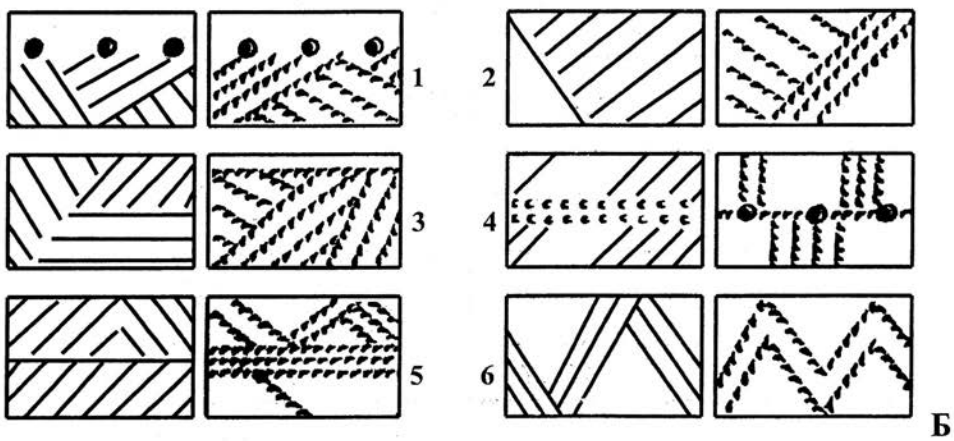


Рис. 8. Стоянка Дрониха. Образцы керамики.

композиции		гребенчатый орнамент	прочерченный орнамент
горизонтальная елочка		52 (64,2%)	26 (40,6%)
треугольный "паркет"		1 (1,25%)	10 (16%)
сетка		7 (8,65%)	15 (23,4%)
угловые композиции		5 (6,2%)	9 (14%)
пояски из наклонных насечек		13 (16%)	1 (1,5%)
диагональные композиции		3 (3,7%)	1 (1,5%)
вертикальная елочка со стеблем		—	2 (3%)
ВСЕГО		81 (100%)	64 (100%)

А



Б

Рис. 9. Стоянка Дрониха. А – соотношение основных композиций орнамента гребенчатой и прочерченной керамики дронихинского типа; Б – орнаментальные композиции прочерченной и накольчатой керамики.

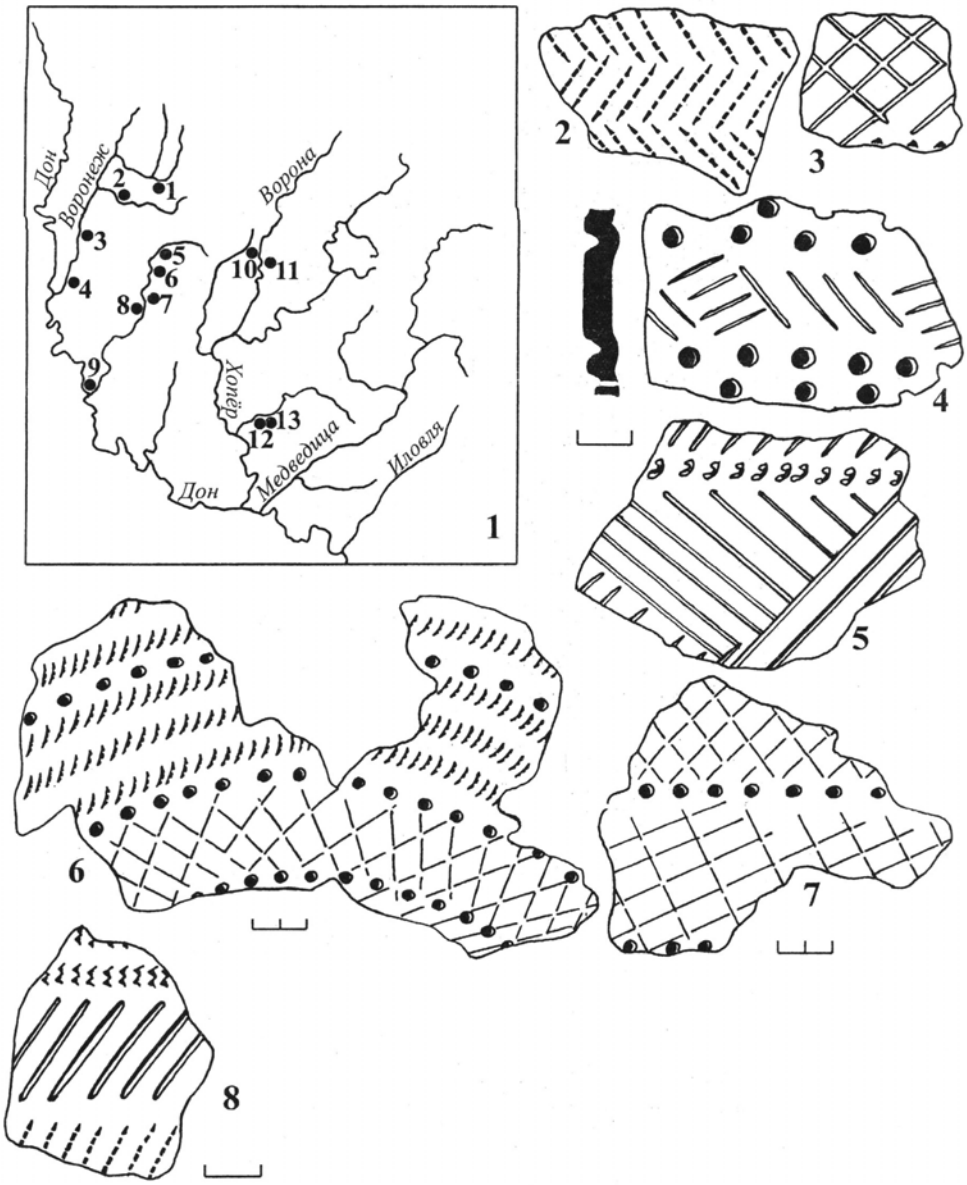


Рис. 10. Материалы дронихинского типа. 1 – карта распространения материалов дронихинского типа в бассейне Дона (1 – Подзорово; 2 – Рыбное Озеро 2; 3 – Савицкая; 4 – Университетская 3; 5 – Борщево; 6 – Новый Курлак; 7 – Дрониха; 8 – Монастырская 2; 9 – Черкасская; 10 – Уварово; 11 – Шапкино; 12 – Козлиновская; 13 – Староаннинская). 2-8 – образцы керамики (2-3 – Монастырская 2; 4 – Борщево; 5 – Новый Курлак; 6-7 – Университетская 3; 8 – Черкасская).

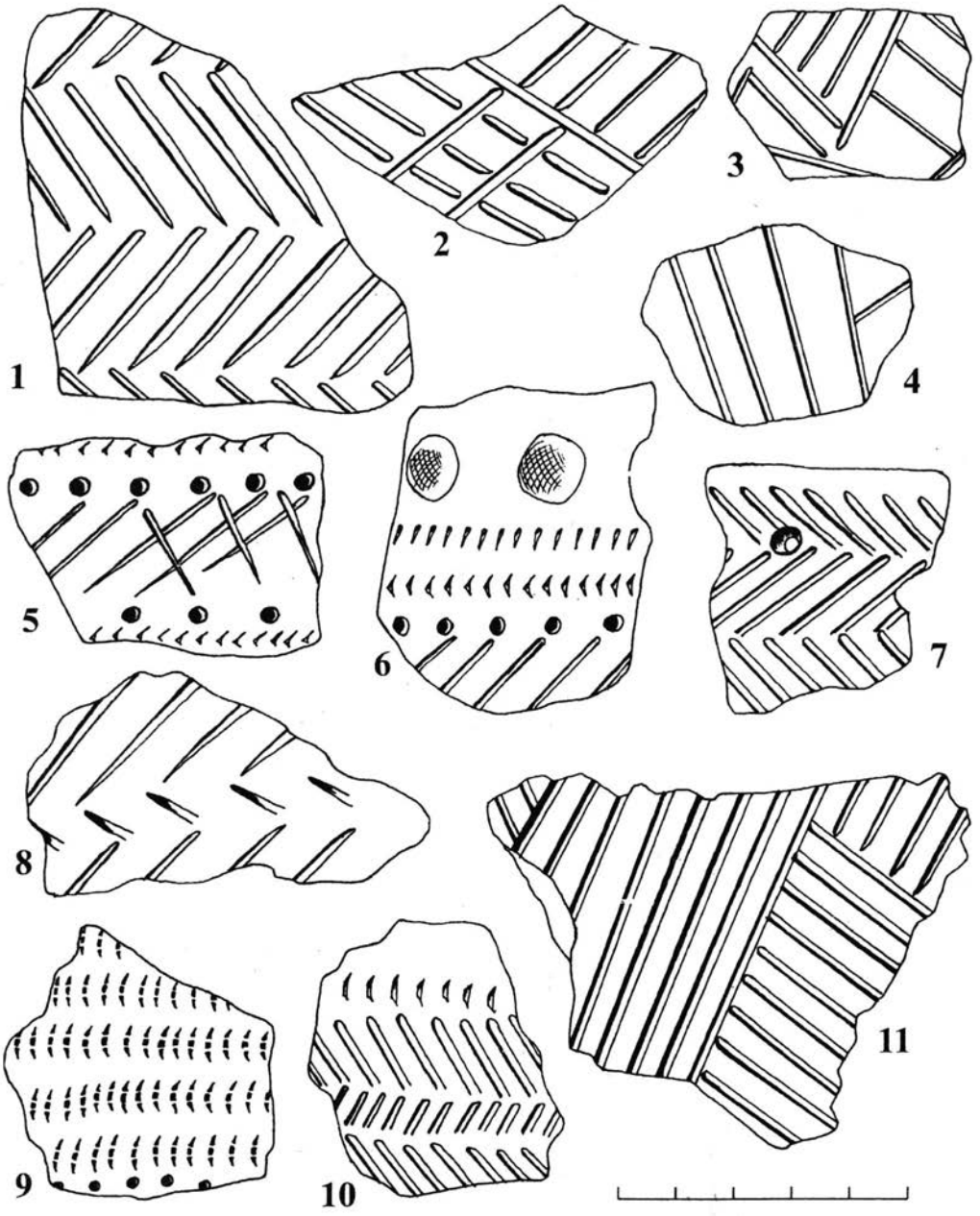


Рис. 11. Материалы дронихинского типа со стоянок бассейна Дона: 1-3 – Уварово; 4 – Савицкая; 5-6 – Подзорово; 7-8, 11 – Староаннинская; 9-10 – Козлиновская.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ А.Т. СИНЮКА

А.З. Винников

ПЕРВЫЕ ШАГИ В БОЛЬШУЮ НАУКУ (К 75-ЛЕТИЮ АРСЕНА ТИГРАНОВИЧА СИНЮКА)

Вот уже второй год нет с нами Арсена Тиграновича Синюка. Он ушел от нас 12 ноября 2012 года. Трудно с этим смириться, но жизнь диктует свои правила и ничего с этим не поделать. Часто вспоминаю А.Т., с которым дружил достаточно близко и тесно ровно полвека, бывая с ним в различных ситуациях и обстоятельствах. Дома у него и у меня часами беседовали за чашкой чая (и не только) буквально на все темы (запретных не было), экспедиции у него и у меня, совместные на одних или рядом расположенных памятниках, научные конференции (таких, к сожалению, было не так много, так как занимались мы разными проблемами), совместные поездки со студентами и без них в экспедиции своих общих друзей, где весьма эффективно обогащали свой профессиональный опыт и пополняли свою интеллектуальную копилку, просто поездках вдвоем по разным городам, музеям, по памятникам, совместные публикации научно-популярных книг, идея подготовки которых была полностью инициативой А.Т. – все это и не только связывало нас эти 50 лет.

Рис. 1. А.Т. Синюк, А.З. Винников, А.Д. Пряхин на археологическом кружке истфака ВГУ. Начало 1960-х

За эти годы А.Т. прошел огромный путь становления замечательного археолога, одного из ведущих специалистов в области археологии неолита – бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи, работы которого хорошо известны не только в современной России, но и в научных сообществах ближнего зарубежья.

Безусловно, начало становления археолога-профессионала А.Т. относится к студенческим годам. Тогда уже довольно ярко проявились его многие качества, которые в дальнейшем постепенно развивались, совершенствовались, приобретая новые краски. Это весьма трепетное, уважительное отношение к памятнику, который подвергается археологическому изучения, не просто как к объекту, на котором предстоит работать, а месту связанном с повседневной жизнью (поселение)

Рис. 2. А.Т. Синюк, А.З. Винников на стоянке Монастырская I. Середина 1970-х

или определенными таинствами человека, коллектива людей, большого или малого сообщества, которые вряд ли когда-либо удастся разгадать (погребальные или культовые комплексы). Это глубокое понимание того, что археолог, раскапывая памятник, одновременно его и разрушает, и что ничего нельзя раскопать дважды. Отсюда исключительное добросовестное, честное отношение к изучаемому объекту, максимально точная объективная фиксация всего. Никаких домыслов, предположений, догадок в полевой работе. Все это исходило из понимания того, что раскопки ведутся не для удовлетворения собственных амбиций и подтверждения каких-то кабинетных теорий и «исторических» построений, а ради, во-первых, поиска хоть какого-то приближения к познанию истинной ситуации, имевшей место в то далекое время и, во-вторых, стремлением оставить своим наследникам в археологии максимально объективно полученные артефакты, на которые возможно через какое-то время можно будет посмотреть с несколько иных позиций.

И еще одно качество было свойственно А.Т. как археологу-исследователю древней истории народов восточноевропейской лесостепи. Он прекрасно мог понять и разобраться в хронологической череде культурных слоев поселения со сложной стратиграфией, погребений в самых сложных курганах, содержащих порой не один десяток захоронений различных эпох. Я неоднократно был свидетелем этих прочтений слоев, погребений и складывалось впечатление, что он читает какой-то исторический роман, переворачивая одну страницу за другой.

За свою творческую жизнь, к которой с полным основанием мы можем приплюсовать и студенческие годы, А.Т. опубликовал свыше 150 научных и научно-методических работ, из них 10 монографий индивидуальных и в соавторстве, в которых его

Рис. 3. А.Т. Синюк, А.З. Винников на скамеечке у «Сорбонны» со «спецами». 1984 г.

вклад был весьма весомым. Во многих из них на основании полученного им в ходе раскопок материала не только разрабатывались весьма оригинальные, интересные и достаточно аргументированные взгляды на те, или иные исторические сюжеты, но и высказывались определенные, так же довольно аргументированные научные гипотезы, которые при последующих исследованиях и в работах его учеников получили дальнейшее развитие. Он был прекрасным педагогом, организатором научных исследований, пользовался колоссальным авторитетом у коллег, учеников, студентов. Но повторюсь еще раз – все это начиналось в студенческие годы.

В 1961 году А.Т. поступил на 1 курс исторического факультета ВГУ и пришел на первое заседание археологического кружка, где мы с ним и познакомились. Я тогда - студент 3-его курса, прошедший через горнило археологической практики на Титчихинском городище, считал себя бывалым археологом, хотя ничего не знал и ничего не умел, кроме работы лопатой. Увлеченность А.Т. археологией, какой-то ее загадочностью, романтичностью стала для него уже с 1-го курса, с первого посещения археологического кружка определенной целью учебы на истфаке, и в какой-то степени, смыслом всей его дальнейшей жизни. Именно ей он подчинил в дальнейшем все свои действия на жизненном пути. Эта его увлеченность, целеустремленность в занятиях археологией в значительной степени передалась мне, и сейчас я могу откровенно сказать, что по настоящему я стал заниматься археологией только на 3-ем курсе после близкого знакомства с А.Т. В 1962 году мы вместе работали в экспедиции на Титчихинском городище, где уже вполне осознанно постигали азы полевой археологической науки (учились чертить, разбирать культурный слой, расчищать постройки, описывать материалы, вести дневник) и осваивали все тонкости камеральной работы. В этой экспедиции Арсен – студент, только что закон-

Рис. 4. На археологической выставке ВГПИ. Слева направо В.И. Погорелов, А.З. Винников, И.Б. Васильев, А.Т. Синюк. Вторая половина 1980-х

чивший 1-ый курс, всех ее «старожилов» удивил, когда, приехав несколько позже начала ее работы (после сдачи летней сессии), сразу предложил какую-то сумму денег за свое питание. В этом, конечно, нужды не было, так как экспедиция финансировалась краеведческим музеем. В этом сразу проявилась его исключительная щепетильность и безусловная порядочность, те качества, которые были во всех его поступках на протяжении всей жизни.

Уже на 2 курсе у А.Т. появилась своя тема для научной работы, ставшая для него специализацией на всю жизнь – неолит Верхнего и Среднего Дона. Со временем он значительно расширил хронологические рамки своей работы. В поисках истоков неолита стал вникать в проблемы мезолита, работая над вопросом исторических судеб неолитического населения, много и небезуспешно изучал памятники эпохи раннего металла (энеолита-бронзы). По всем этим историческим периодам им написаны фундаментальные работы, включая монографические исследования. А начиналось все в студенческие годы с занятий эпохой, о которой на территории бассейна Дона практически ничего не было известно. Начинал А.Т. практически с «нуля».

В течении двух лет студенчества (1962-1964 гг.) мы с А.Т. работали лаборантами (на 0,5 ставки каждый) в кабинете археологии, перелопачивая материалы раскопок и предшествующих, и текущих лет. Большая работа по подготовке иллюстраций к отчетам уже тогда выполнялась А.Т. Вместе мы ездили на всесоюзные студенческие археологические конференции в МГУ, где иногда удавалось воочию увидеть тогдашних корифеев археологии и надолго запомнились слова А.В.Арциховского (зав. кафедрой археологии МГУ), сказанные в приветственном слове на открытии конференции в 1963 году: «Я, надеюсь, среди вас не найдется презренных, которые вместо конференции будут посещать ГУМ и ЦУМ». К категории «презренных» мы не относились и добросовестно посещали все заседания, делали доклады, которые организаторы отмечали среди лучших, получали грамоты. А доклады А.Т. всегда производили самое хорошее впечатление своей безупречной логикой изложения, достаточно четкой аргументацией выводов и всегда вызывали большой интерес у

Рис. 5. А.Т. Синюк и А.З. Винников в экспедиции Ю.П. Матвеева. 2004 г.

аудитории. Эти качества своих публичных выступлений он пронес через всю свою творческую жизнь.

Но еще в студенческие годы А.Т. отличался исключительной эрудицией, знанием широкого круга проблем исторической науки. Именно в эти годы им была написана статья, посвященная 100-летию Любора Нидерле (Вопросы истории славян. Вып.2. Воронеж, 1966), получившая достаточно высокую оценку у историков-славистов. И не случайно, закончив истфак ВГУ в 1966 году, он получил предложения поступления в аспирантуру и по атеистической тематике, которая тогда была достаточно модной, и по истории КПСС – самый легкий путь карьерного роста, и по исторической славистике, набиравшей силу на истфаке ВГУ в те годы. Но А.Т. остался верен археологии, хотя аспирантуры тогда никто не предлагал.

В 1964 году я закончил университет и в конце июня, после сдачи госэкзаменов и защиты дипломной работы был призван на срочную службу в Советскую Армию (военная кафедра в те годы в ВГУ была закрыта). Служил я на Чукотке (бухта Провидения, пос. Урелики) – на «краю света». Служить мне пришлось один год. Конечно, я поддерживал довольно тесную связь в форме переписки с А.Т., который держал меня в курсе всех дел на родном истфаке, особенно того, что касалось археологии. Пропустив полевой сезон 1964 года, я получил от него подробную информацию о раскопках на Белогорском, Воргольском и Архангельском городищах с подробным описанием полученных материалов и даже чертежами – рисунками. Это довольно объемное письмо, где имеется анализ полученных результатов раскопок, выводы и предложения по интерпретации данных археологических источников. Для меня это был своеобразный научный отчет о полевом сезоне. Неоднократно перечитывая это письмо, оно все больше воспринимается и как научная статья, значительно выше студенческого уровня. Исходя из этого, я посчитал возможным опубликовать это письмо (исключив сугубо личные сюжеты). Письмо датировано 14ноября 1964 годом. А.Т. – студент 4-го курса.

1

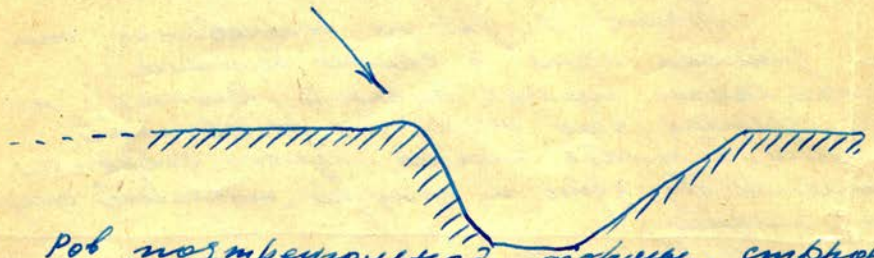
Толик, я уже не сомневаюсь, что ты записал меня в самые большие свиньи, какие только бывают. Винюсь, но что сделаешь, если почему-то не хватает времени, а писать письмо, — нужно собраться с мыслями. Ну, зато и получай „тяжелый снаряд" — мою писанину!

Во-первых, хочу поделиться своей радостью: 10 сентября в нашей семье появилось маленькое, прехорошенькое существо — дочь Вероника. Я к ней искренне привязался и полюбил её. Разочарование в том, что родилась девочка, а не мальчик (ты, вероятно, помнишь мое желание), — сразу же рассеялось при первом взгляде на дочурку. Она, по мнению большинства, очень похожа на меня, и совсем не похожа на Валюшку. (мне это льстит).

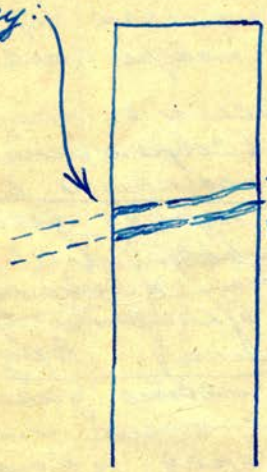
Ну, об остальном своем, — прочитаешь ниже. Попробую тебе изложить то, над чем мы работали в этот сезон. К сожалению, я не имею сейчас под рукой полевые чертежи (они все у А.Н.), так что поверь пока на словеса.

Раскопки на Белогорском г. предстают следующим образом: вал, (современная высота 210 см — центр) засыпался в два приема. ~~Вернее в первый период вообще не насыпали вал, а была поставлена деревянная конструкция на специально расчищенную площадку (в качестве крепкого фундамента — материк, глина)~~ Вру

Перед 1-й засыпкой место зачищалось. Об этом говорит порожек или бортик на площадке перед рвом. (В центре раскопа мы его „почесали"):



Ров полутреугольной формы, стенка, прилегающая к валу – крутая. Противоположная – более пологая. ~~Форма рва – полутреугольная.~~ Никаких остатков дерева и мох во рву не обнаружено. Кострища и прочего бардака, таким образом, здесь не было. Высота 1-й засыпки от основания площадки – около 1 м. Дерево сохранилось настолько плохо, что совершенно нельзя говорить о каком-либо количестве венцов и т.д. Можно лишь допускать, что были поставлены две стены, параллельно друг другу:



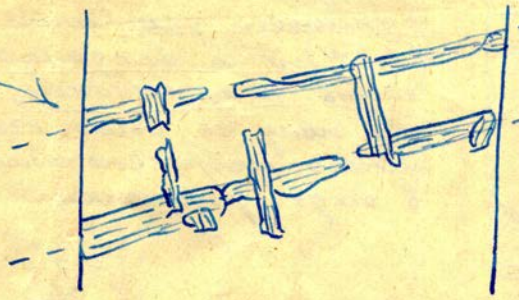
(Они немного сходятся к раскопу)

О наличии этих стен можно говорить на основании угольного слоя, прерывистого, лежащего в таком направлении.

"Высота" (а не глубина) залегания этого слоя от основания площадки – примерно 160-180 см.

Ниже их на 40-30 намечены еще такие прослойки. (Вот тебе и два венца!) 2

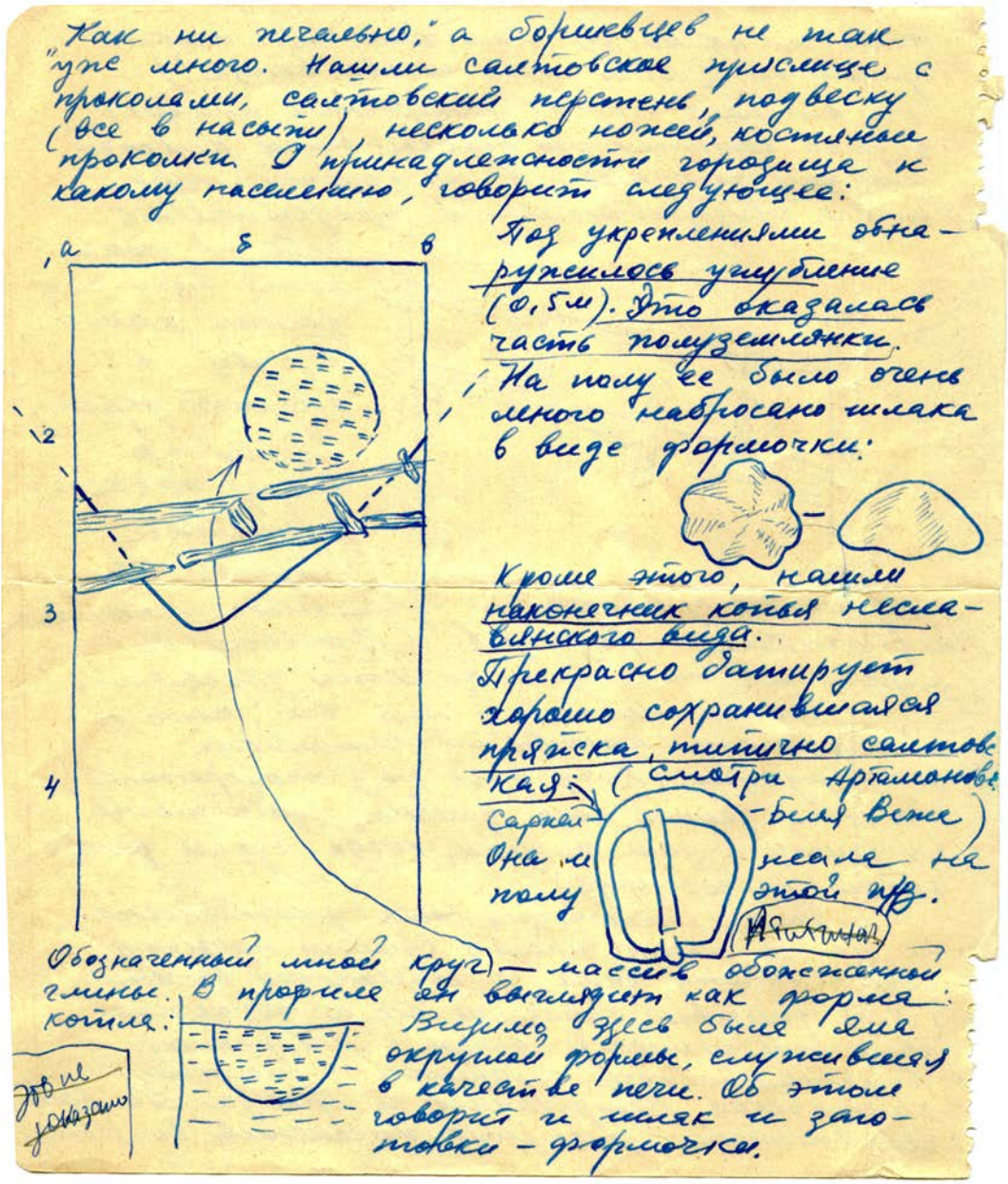
На стенках лежат поперечные плашки, видимо остатки от боковых стен клетей или еще чего-то: Я, по крайней мере, ничего вразумительного представить себе не мог, хотя ты сам знаешь, какой я „спец" в оборонит. укрепл! Почти по всему раскопу в насыпи встречались



отдельные угольки и угольные прослойки незначительных размеров. (Видимо, и здорово же трахнули по этой деревяшке!)

Толик, пожалуй это все, что я сейчас могу сказать об остатках конструкции. (Хочу еще раз оговориться, что эти данные пока условны; более точно все опишу и дам рисунки, когда будем делать отчет по городищу.)

Далее. конструкция была уничтожена, и на ее месте просто сделали насыпку, доведя высоту вала до современной высоты (Я не учитываю оползание его и возможное увеличение гумуса) Теперь о материалах. Большая масса керамики в насыпи — салтовская. Встречалась и бронза. По всей вероятности здесь было поселение во II тыс.



Как ни печально," а борщевцев не так "уж много. Нашли салтовское пряслице с проколами, салтовский перстень, подвеску (все в насыпи), несколько ножей, костяные проколки. О принадлежности городища к какому населению, говорит следующее:

Под укреплениями обнаружилось углубление (0,5 м). Это оказалась часть полуземлянки. На полу ее было очень много набросано шлака в виде формочки:

Кроме этого, нашли наконечник копья неславянского вида.

Прекрасно датирует хорошо сохранившаяся пряжка, типично салтовская: (смотри Артамонова: Саркел-Белая Вежа)

Она лежала на полу этой пр.

Обозначенный мной круг — массив обожженной глины. В профиле он выглядит как форма котла:

Видимо здесь была яма округлой формы, служившая в качестве печи. Об этом говорит и шлак и заготовки — формочки.

Это не доказано

3

~~не согласен~~

Напрашивается, ~~таким образом~~ вывод, что
это – литейная мастерская. Если еще при-
нять во внимание (кроме пряжки) салтов-
скую керамику, кот. располагалась на полу
мастерской и в нижних слоях (и ни одного
борщевского!), то становится ясным, –
– это мастерская салтовцев, а не славян.
(С-но, Белая гора была обоснована сна-
чала салтовским населением (или хазарами?) а затем
уже туда пришли борщевцы. (постановка
вопроса в том, что борщевцы были в культ.
и торговой связи, т.е. тянуть первых куда-то
в IX–X век – отпадает). Во-вторых, можно
ставить под сомнение вопрос о принадлежности к
славянам жилых построек, т.е. западин.
(конечно, кое-что остается и славянам.)
Материал шурфа дает то же: первые
штыки – борщевцы, нижние – салтовцы.
Я бы с удовольствием и конструкцию отнес
к салтовцам (ничего страшного, что вал
частично проходит над землянкой: ведь
так называемая печь осталась, да и притом
она возвышается примерно на одном уровне
с основанием деревянной конструкции. Бор-
щевцы бы всю эту музыку, конечно бы,
развалили.) Но, говорят, салтовцы вообще
таким способом не укрепляли поселений.
А жаль.

Что случилось затем с городищем,
пока не представляю. Чуждого материала
не нашли. Не нашли и ни одной стрелки
какой-либо, говорившей бы о следах битвы.
Короче говоря, будешь все додумывать сам,
когда позже получишь более точные

Как много говорят и хазарах (салтово-[illegible])
и сильно [illegible] знали, что [illegible]

данные. (Я – негодяй. Дневника не вел.)

Ну и еще одно о Белогорском.

Железных вещей с этого раскопчика достали столько, сколько на Титчихе не нашли бы и за сезон. Это тоже не в пользу боршевцев.

Между прочим, это мое мнение. Н.Н. очень бы хотела Белогорское городище видеть как славянское. Пряхин ухмыляется, но и он, видать, не очень-то за славян.

Относительно конструкций Архангельского городища, пока ничего не могу сказать. Знаю только, что Ан. Д. там больше искал бронзу, чем боршевцев и, к слову, успешно. О нем (т.е. Арх. городище) поговорим потом.

Теперь о Вореле.

Я, как и на Белогорском, командовал раскопков вала („спец"!), Пряхин – непосредственно территорией городища. Жалел я, что, по сути-то, я на твоем месте торчал. Вал рядами двумя квадратами в ширину. (Между прочим, общий вид городища мне очень понравился) Высота вала – до 2 м. 30 см. Дерево сохранилось довольно плохо. Но в общем-то выглядит конструкция как и все остальные (я, грешным делом, не знаю разницы конструкций между славянскими и раннежелезными):

Потом пришлю чертежи, сам разберешься

Но самое интересное то, что в основании вала лежала каменная кладка: 4

на них затем ставились стены. В связи с этим никаких ямок в основании не обнаружено. Ямок и дерева небыло и во рву. Форма рва такова

Это довольно интересная вещь (я имею в виду кладку). Кажется, аналогий подобрать этому очень трудно, тем более у боршевцев. В валу, помимо боршевской керамики часто встречались (и даже в основании) фрагменты керамики „проторогожного" типа, т.е. орнамент из крупного штампа, нанесенный так часто, что создает впечатление отпечатка текстиля. Такие же фрагменты встречались и на территории поселения в ряду позднебронзового материала. Я вообще не берусь датировать этот вал, а Бряхин ни в какую не хочет отдавать его боршевцам. (пытается оттянуть его к концу бронзы. Сделать, своего рода, перевирот в науке)

Кс В вал было сделано захоронение кенотафа – конский череп, два боршевских сосуда и ок. ста астрагалов. (игральных костей). Спрашивается, стали бы боршевцы расковыривать этим погребением свой вал?

Теперь, как сам видишь все наши

оборонительные конструкции ждут тебя „твоих трактовок". Знаю только, что ни А.Н., ни А.Д. или непосредственно заниматься не будут, по крайней мере, в ближайшее время.

Основная площадь раскопа — поселение эп. бронзы, боршевцев и великокняжеского времени. Ни одного боршевского жилища не найдено. Взялись было раскапывать одну западину, выкопали метра на 3 в глубину, а это оказался колодец, который раскопали 20 лет назад в поисках золотого клада. Бросили. Зато очень интересным оказалось открытие святилища:

Длинные рвы, идущие один за другим в порядке круга. Правда, вышел только сектор (1/4 круга). Западная сторона мыса, возможно, оползла. Так что часть святилища уничтожена.

Рвы эти довольно глубокие (1,3 – 1,5 м), стенки обожжены. Вероятно костры горели

(Даю рисунок совершенно условно)

длительное время. В центре, должно быть, устраивались языческие тризны и т. д. Я сам не знаю этому аналогий. Попробуй что-нибудь (если заинтересуешься) поискать насчет новгородского святилища Перуна. Я что-то подобное встречал, кажется у Равдоникаса „Старая Ладога."

В домах нашли много битой боршевской посуды. Может быть этим и объясняется отсутствие костищ на мысу, что это было родовое или даже племенное святилище, куда собирались люди из многих мест? Кстати, где-то здесь нашли и половинку дирхема.

Ну а о бронзе боюсь тебе расписывать, может быть это и не интересно. Скажу только, что материал бронзы набрали богатый. Хотели отыскать поблизости и могильничек (Прямик добыл у тракториста вспаханный им прекрасный бронзовый топор южного типа. Везет же ему!) Километрах в 2-х в пойменном поле нашли какие-то всхолмления. Мой энтузиазм на одном из них прогорел: разметали его, перенюхали тонну проса, а он потом оказался пустым. Нашли лишь крохотный кусочек позднебронзовой керамики.

Когда мы были еще на Воргле, нам передали несколько фрагментов неолитической керамики, обломанный костяной гарпун и несколько кремешков.

Сказали, что там находили черен человека и кости (вместе с этими вещами)
После практики мы срочно двинулись туда. Это при слиянии р. Ольма с быстрой Сосной. Хотели там побыть деньков 2-3, но, к нашему ужасу, на самом почти месте погребения устроена яма, куда сбрасывают дохлый колхозный скот. Ну и запах! Мы едва продержались там до полдня и - на утёк. Удалось немного зачистить обнажения и собрать несколько черепков. А, все-таки, жалко, я бы сейчас любую вонь выдержал ~~бы~~ ради маленького неолитического материала!

На этом наш сезон не покончился. Недавно, в середине октября, мы сделали вылазку на р. Сновь (она находится между р. Ведугой и р. Быстрой Сосной.) Великолепная оказалась вылазка! Нашли четыре поселения эпохи развитой бронзы. Особенно яркое из них поселение у с. Хизово. (Мы с Прянишниковым решили, что оно обязательно войдет в научный оборот и торговались только, как его покрасивее назвать: Сновским поселением, или Хизовским? Порешили на последнем)

О делах, пожалуй, хватит для этого письма. Оставим для других.

Немножко о себе.
С рождением дочки я довольно много пропустил занятий. Остальные с нашего курса тоже не блистали хорошей посе-

В одном из писем (февраль 1965 г.) А.Т. пишет: «Я работаю над своей темой (между прочим, есть уже свой материал, хотя и незначительный, но свой!). Работы много, погряз в литературе». В этом же письме он сообщает о своем посещении краеведческого музея: «… я сделал заявку на материалы по позднему неолиту – ранней бронзы из Отрожек (Отрожскинская стоянка А.В.). Что получится – не знаю. В целом, нужно работать». Нужно работать – девиз, который не покидал А.Т. со студенческих лет все годы.

В апреле 1965 года он сообщил мне, что принял участие в работе научной конференции Петрозаводского университета: «Доклад мой был принят хорошо, произвел впечатление ….. Самое интересное то, что я познакомился с Панкрушевым, заведующим филиалом ИА… . Наша с ним полуторачасовая беседа как-то подняла меня в собственных глазах: ведь без пяти минут доктор разговаривал со мной как со спецом… . Он показал мне археологическую лабораторию, материалы неолита и бронзы. В конце он предлагал мне на лето приехать к нему в экспедицию. Это была моя первая встреча с известным археологом и ты меня должен понять». А.Т. долгие годы и с благодарностью вспоминал эту беседу.

Да, это были первые встречи с состоявшимися маститыми археологами той поры. Первые шаги на пути становления высокопрофессионального археолога. Впереди были защита кандидатской диссертации (1972 г.), докторской (1986 г.), работа в ВГПУ (с 1971 г.), заведывание кафедрой в течении 20 лет, организация собственной археологической экспедиции, создание археологического музея в ВГПУ, который сейчас носит его имя, издание археологических сборников ВГПУ, которых вышло под его редакцией 14 выпусков, многочисленные статьи, книги – все это и многое другое будет потом, а пока сделаны первые, но очень важные шаги на этом пути.

В.И. Гуляев

СЛОВО О ДРУГЕ

Вот уже два года прошло со дня смерти Арсена Тиграновича Синюка – моего коллеги, товарища и друга на протяжении нескольких десятилетий. И, по-прежнему, мне трудно представить себе, что нет уже на свете этого талантливого и обаятельного человека. Очень нелегко, даже собрав воедино все свои многолетние (во многом уже отрывочные и полузабытые за давностью лет) воспоминания, нарисовать его словесный законченный портрет. Ограничусь несколькими отдельными эпизодами.

Лучше всего начать с нашего первого знакомства. Жаркий июнь 1969 года. Я только что вернулся из увлекательной разведки по Хопру (на моторной лодке) в Воронеж и уже собирался домой, в Москву, как вдруг получил приказ от начальника Воронежской лесостепной скифской экспедиции Института археологии АН СССР Петра Дмитриевича Либерова остаться еще на месяц в поле – в воронежском пригороде Масловка, где на хоздоговорные деньги (строительство плотины в Шилово для создания будущего Воронежского моря) вел раскопки поселения эпохи бронзы наш институтский отряд во главе с Б.Г. Тихоновым (кандидат исторических наук, сотрудник сектора археологии эпохи бронзы с 1956 по 1988 гг.). Кроме того, Тихонов должен был «присматривать» и за другим отрядом, который копал стоянку Университетская (номера не помню), в пойме реки Воронеж, напротив правобережной части города и который возглавлял выпускник ВГУ (окончил истфак в 1966 г.) незнакомый мне Арсен Синюк. Работали там студенты того же вуза. Честно говоря, оставаться на далекой воронежской окраине целый месяц, да еще «сидеть» на нелюбимой мне – скифу «бронзе», было мне совсем не по душе. Но приказы начальства (а Петр Дмитриевич был тогда и зам. директора Института археологии АН СССР) подчиненными не обсуждаются. К тому же, при экспедиции находилась вездеходная машина ГАЗ-63 с хорошо мне знакомым по прежним экспедиционным сезонам шофером Александром Алексеевичем Быковым – фронтовиком, человеком бывалым, опытным во всех делах и со званием наивысшим у водителей – «шофер-механик». И вот с ним-то я уже не первый год состоял в большой дружбе. Тихонова же я почти не знал. Особо не вдаваясь в подробности, П.Д. Либеров по телефону сообщил мне, что очень недоволен ни Тихоновым, ни Синюком и даже объявил последнему выговор по экспедиции «за злостное нарушение дисциплины». Кроме того, из каких-то нюансов этого разговора я понял, что личные отношения двух названных лиц были тоже далеко не лучшими.

Немного освоившись на новом месте, в Масловке, я, обуреваемый любопытством узнать, что же там происходит в отряде на Университетской, решил в выходной день (воскресенье) съездить туда и лично познакомиться с загадочным персонажем – Арсеном Синюком. Взял, на всякий случай, если знакомство будет удачным, бутылку водки и кое-какую еду. В лагере Университетской стоянки нас встретила тишина. Можно было разглядеть несколько палаток, а также наскоро сбитые столы и скамейки под навесом из старой парусины. И ни души. Как потом выяснилось, работавшие здесь студенты ВГУ – все горожане после работы, а тем более в выходной день спешили разойтись по домам. Тихонов тоже давно здесь не появлялся. И не без причины. На звук мотора нашей «колымаги» из одной палатки вышел человек. Заметно хромая на правую ногу и опираясь на здоровенный кол наподобие костыля, он подошел и хмуро

спросил: «Что Вам надо?» Вопрос был явно обращен ко мне, так как шофера Быкова он, конечно, знал: машина не раз приезжала в этот лагерь. Я представился по всей форме, кто я такой, и приехал просто познакомиться лично, как коллега к коллеге.

Поначалу разговор не клеился. Я видел перед собой крепкого широкоплечего мужчину среднего роста, с аккуратно оформленной русой бородкой и настороженно глядящими серыми глазами. Одет он был более чем скромно даже по тем далеким временам: в когда-то белую старую майку с короткими рукавами, черные сатиновые шаровары и домашние стоптанные тапочки «на босу ногу». Чувствуя взаимную неловкость, я предложил сесть под навес для спасения от жары и для начала разговора спросил – «что с ногой?» Выяснилось, что ногу вывихнул во время вчерашнего футбольного матча со студентами. Я в шутку заметил, что он похож теперь на Карла XII перед Полтавской битвой. Арсен принял шутку с пониманием, и стало ясно, что мы «споемся».

Между тем, Александр Алексеевич открыл наши «закрома» и разложил на столе все нехитрые припасы, водку и даже три граненых стакана, завернутых в чистую марлевую тряпочку. Разговор пошел заметно веселее. Заметив, что Арсен явно давно не ел, мы стали усиленно потчевать его всем, что у нас было. Дело в том, что командовавший хозяйством в отряде Б.Г. Тихонов внезапно куда-то уехал и оставил Синюка без денег и продуктов. Наконец, настало время узнать из первых уст, как это можно в полевых условиях схлопотать выговор по экспедиции. Выяснилось, что дело в простой человеческой подлости. Б.Г. Тихонов – большой любитель выпивки – потреблял алкоголь всех видов без всякой меры, а пустые бутылки (планируя их потом сдать в пункт стеклотары) складывал в своей палатке. Но однажды, узнав из телеграммы, что в экспедицию приезжает «главный начальник» П.Д. Либеров, он попросил «по-дружески», на время визита начальства, поместить эти явные «улики» в виде пустых бутылок в его палатку. И когда в лагере появился Петр Дмитриевич, он немедленно донес начальнику о повальном пьянстве Синюка. Это была месть из-за ревности. Тихонов привез из Москвы молодую кладовщицу, в надежде добиться амурных успехов на фоне прекрасной местной природы. Но дама не обращала на старого, по ее понятиям, ухажера (Тихонову было тогда 46 лет) и с интересом поглядывала на (кстати, не обращавшего на нее никакого внимания) статного бородатого парня, к тому же играющего на гитаре. Донос возымел действие. Разгневанный Либеров объявил Арсену выговор и укатил в другие отряды своей большой экспедиции, прихватив с собой («от греха подальше») и молодую кладовщицу.

Настороженность по мере нашего разговора постепенно прошла и, как мне представляется, мы прониклись друг к другу известной симпатией. Через короткое время я сумел убедить Петра Дмитриевича в его ошибке, назвав истинного виновника, и выговор с Арсена был снят. С тех пор и началась наша крепкая дружба. Природа (и Господь Бог) щедро одарили Арсена: помимо страстной любви к археологии, он прекрасно рисовал (помню, что был в восхищении и картинами фантастических ярких зверей в виде росписи стен детской комнаты в крохотной двухкомнатной квартирке – первой у супружеской четы Синюков – в районе железнодорожного вокзала; а его картины о природе и истории Донского края?), искусно играл на фортепьяно (включая серьезную классику), вполне профессионально сочинял стихи, которые (под настроение) хорошо пел под гитару.

Начиная с 1970 г. Институт стал отправлять меня на три месяца в Ирак, для работы в составе археологической экспедиции Академии Наук СССР. А я, крепко по-

любив донскую лесостепь и ее древности (я начал работать в Воронежской области с 1960 г.), какое-то время продолжал ездить на Воронежщину, отбыв по весне свой «иракский сезон», став, практически главным помощником П.Д. Либерова.

В 1971 г. я, вместе с Петром Дмитриевичем, вел раскопки поселения эпохи бронзы у хутора Сасовка, а потом одного кургана у села Колбино. Курган мы копали с помощью бульдозера, а помощниками моими были Арсен и Виктор Васильевич Попов. Оба они работали тогда в Воронежском областном краеведческом музее. Мы жили втроем в старой палатке на окраине села, а рядом на ночь ставили бульдозер. Естественно, я делился тогда еще совсем свежими впечатлениями об Ираке, о раскопках поселений ранних земледельцев VII-VI-V тыс. до н.э., об увиденных мной чудесах далекой арабской страны – древней Месопотамии.

Раскапываемый курган оказался скифского времени, ограбленным, но мы нашли вместе с остатками двух мужских скелетов серебряную застежку-крючок с фигурой медведя и лепной горшок. Пикантность ситуации состоит в том, что впоследствии я полностью забыл, что вел раскопки в Колбинском курганном могильнике и что его открыл в 1959 г. П.Д. Либеров. Могильник пришлось открывать заново, в 1992 г. мне вместе с В.Д. Березуцким. К слову сказать, просматривая в 2001 г. материалы из отчетов П.Д. Либерова в архиве нашего Института, я вдруг с удивлением увидел пожелтевший лист миллиметровки с планом и разрезом кургана № 1 у с. Колбино и в уголке чертежа моя подпись. Вот такая произошла аберрация памяти. И, я думаю – это рука судьбы. Раскопав здесь первый курган в 1971 г., я затем более 15 лет (начиная с 1993 и по 2008 гг.) исследовал этот большой курганный могильник между селами Терновое и Колбино во главе Потуданской (с 2000 г. – Донской) археологической экспедиции ИА РАН. Всего здесь было вскрыто свыше 50 насыпей, из которых 47 – скифского времени и 3 – эпохи бронзы. Получен огромный материал в виде предметов вооружения, конской сбруи, украшений, предметов быта. Значительная информация досталась антропологам (свыше 110 скелетов разного пола и возраста) и палеозоологам (кости животных, в основном лошади и овцы).

К сожалению, после 1972 г. я уже не смог выдерживать сочетание «иракских нагрузок» (3 месяца ежегодно в нелегких условиях на северо-западе Ирака) с экспедицией Петра Дмитриевича. А он, как раз, будучи уже в довольно почтенном возрасте, очень нуждался в надежном помощнике. Таковым и стал по моей просьбе Арсен, до 1975 г. работавший с Либеровым на Воронежщине.

Несколько лет я не мог ездить на Средний Дон в виду большой загруженности поручениями дирекции Института по зарубежной археологии: с 1970 по 1980 гг. – Ирак, 1984-1985 гг. – Куба, Мексика, США. Но несмотря на это, меня все равно неудержимо тянуло в донскую лесостепь. И выход был найден. Обычно в один из летних месяцев я отправлялся «погостить» в экспедиции своего друга Арсена Синюка. В течение двух полевых сезонов (1979-1980 гг.) я был на раскопках неолитического поселения и могильника в Дронихе, на берегу широкого Битюга, где в чистейшей воде водились тогда и раки. Но особенно много времени провел я вместе с Арсеном на городище у хутора Мостище, под Коротояком, на высоком правом берегу реки Потудань. От валов городища, с высоты 90 метров, на север открывался потрясающей красоты вид – изгиб Дона и впадающие в него справа на расстоянии 1,5 км друг от друга две реки – Девица и Потудань, с общей огромной зеленой поймой, где летом паслись бесчисленные стада скота со всей округи. Работы на городище (на нем имелось два слоя – эпохи бронзы и РЖВ) экспедиции ВГПИ вели с небольшими

перерывами с 1983 по 1993 годы. Лагерь разбивали то внизу, у подножия высокого мелового берега Потудани, на территории самого хутора (и тогда не было жизни от бесчисленных комаров), то наверху, на узкой полоске луговины, между полем с посевами пшеницы или ячменя и низкорослым лесом, сползающим с обрыва вниз по склону. Первый опыт моего пребывания в Мостищах в экспедиции ВГПИ (когда лагерь стоял на вершине горы), а я описал его частично в своей книге «На восточных рубежах Скифии», 2010 г., заставил срочно решать проблему транспорта, и с 1985 г. я стал брать на автобазе Академии Наук СССР вездеходный грузовик ГАЗ-66 и задачи снабжения экспедиции Арсена больше не вызывали опасений.

Сколько душевных разговоров, планов и даже практических дел было проведено здесь, на лоне благодатной донской природы. На память пришел такой факт. У самого вала соседнего Аверинского городища на небольшом удалении от лагеря под раскидистой одичавшей вишней находился заплывший котлован венгерского блиндажа времен прошедшей войны. Умелые руки археологов подравняли его пол и вырезали в стенах уступы для скамеек из досок. В центре поставили раскладной стол, и получился чудесный «дом» на свежем воздухе, под сенью зеленых вишневых ветвей. В этом «доме» мы с Арсеном принимали гостей, приезжавших в экспедицию, в том числе и иностранцев (например, в 1991-1992 гг. у нас бывали коллеги из Италии – профессор Маурицио Този и его сотрудники из Римского института Азии, Африки и Дальнего Востока). Именно там во многом вызревали наши планы будущего сотрудничества с итальянцами на базе Института археологии РАН (напомню, что я был в то время зам. директора Института, отвечающим за зарубежные связи) и ВГПУ. К сожалению, планы эти остались (не по нашей вине) только на бумаге. Но один реальный результат все же был: в сентябре 1992 г. мне удалось организовать двухнедельную поездку в Италию для Арсена (от Воронежа) и Г.Е. Афанасьева и В.И. Гуляева (от Москвы). Поездка удалась на славу. Мы побывали в Риме, Неаполе и Помпеях. Арсен – человек большой внутренней культуры, эрудиции и с тонким художественным вкусом – получал от всего увиденного огромное удовольствие. Надо было видеть его горящие глаза, когда он входил в грандиозный собор Святого Петра или в Музей Ватикана! Бродили мы без устали и по руинам римского Форума, почти полностью вскрытого итальянскими археологами в годы правления Муссолини. С удовольствием фотографировались на фоне знаменитой Колонны императора Траяна, запечатлевшей его победы над кочевниками-сарматами. Но особенно потрясли душу Арсена Помпеи. Это и понятно. Пожалуй, больше нигде жизнь людей двухтысячелетней давности не представлена так полно и наглядно, как в этом провинциальном римском городке, погибшем в 79 г. н.э. от ужасного извержения вулкана Везувий:

«Бродил по узким улочкам Помпеи
И в связь вступал… с далекими веками»

(А. Синюк. Земное притяжение. Воронеж, 2012, с. 192).

Надо сказать, что еще в начале «мостищенской эпопеи» (1983 г.) мы с Арсеном (и с Геннадием Афанасьевым) совершили дальний разведочный поход на Хопёр и Медведицу с вполне определенными целями: Синюк хотел осмотреть стоянку у хутора Ярского (почти в устье Медведицы, на ее правом берегу), где я прямо с борта моторной лодки в 1969 г. увидел торчащие из песка окрашенные охрой человеческие кости и в итоге расчистил погребение ямной культуры – с остродонным глиняным сосудом, двадцатью кремневыми наконечниками стрел и медным ножом; Афанасьев же жаждал попасть на открытое нами в 1969 г. поселение у хутора Ендовский (на

левом берегу Медведицы), которое содержало находки эпохи бронзы и салтовской культуры. Водителем у нас был Иван Дмитриевич Кушнарев – профессионал высшей марки, поработавший во многих археологических экспедициях. Арсен за эту поездку подружился с «Дядей Ваней» и даже посвятил ему впоследствии отдельное стихотворение под тем же названием. Салтовское поселение мы благополучно нашли, а вот «ямникам», увы, не повезло. Полагаясь на память, я точно вывел коллег в нужное место, но стоянки там не оказалось, да и окружающая местность заметно изменилась за прошедшие 15 лет. Видимо, в ходе одного из наиболее сильных разливов реки песчаный бугор был смыт или затянут речными наносами.

В ходе поездки мы попадали в самые казачьи районы бывшего Хопёрского округа Войска Донского, хорошо описанные в «Тихом Доне» Михаила Шолохова. Видели хутора – и заброшенные, и еще живущие. Видели всех мужчин, старых и молодых, в фирменных фуражках (неважно какого ведомства) и в мягких тапочках с шерстяными носками: следы былой казачьей одежды. Слышали рассказы некоторых стариков о событиях гражданской войны в этих краях. Я думаю, что всё увиденное сильно повлияло на Арсена и, как результат, в его поэтическом творчестве 80-х появилась заметная струя о «казачьем Доне» и гражданской войне.

Полевые исследования (разведки, раскопки), конечно, занимают значительную часть жизни любого профессионального археолога. Однако и работа в стационаре (у Арсена в ВГПУ, у меня – в ИА РАН) отнимали каждый год также немало времени. Наши дружеские связи отнюдь не ограничивались сидением у экспедиционного костра и ведением умных разговоров. Еще в конце 1980-х годов мне, по приглашению Арсена, время от времени приходилось читать в Пединституте обзорные лекции по зарубежной археологии. Потом Пединститут в 1993 г. стал Университетом, и мои услуги понадобились уже на постоянной основе. С 1995 по 2007 гг. при поддержке моего друга я работал на должности профессора (на 0,25 и 0,5 ставки) в штате кафедры Отечественной истории ВГПУ. Для исполнения своих профессорских обязанностей я регулярно, каждую осень, приезжал на несколько недель в Воронеж для чтения курса лекций. Темы были самые разные, типа «Ранние цивилизации Старого и Нового Света», «Первые города: Месопотамия и Мезоамерика», и т.д. И в эти приезды, конечно, были почти ежедневные встречи с Арсеном и его учениками. Как будто наяву, до сих пор звучит в моих ушах его слегка хрипловатый, с расстановкой, голос. Обычно спокойный и ровный, этот голос, когда его хозяин увлекается какой-то острой темой, вдруг повышается, достигает степени «крещендо» и вновь идет на понижение. А при разговорах (в «Сорбонне», а потом в Археологическом музее) Арсен всегда много курил и выпивал несколько чашечек крепчайшего кофе (без сахара, сливок и молока). Часто можно было слышать от него и фразу о своем ленинградском происхождении. Чтобы не переврать, воспроизвожу ее в изложении ученика Арсена – Валерия Березуцкого:

«Я, ребятушки, питерский, можно сказать коренной, но вот жизнь так сложилась, прирос я к донскому разнотравью… и положил жизнь на донскую археологию».

И раньше, и сейчас, с высоты прожитых лет (а только на воронежской земле я работаю как археолог больше 50 лет, с 1960 года) мне не раз приходилось раздумывать над вопросом – что же так сблизило и подружило на десятилетия двух столь разных людей: москвича и «питерца-воронежца»? Ответ, видимо, будет один: это страстная любовь к донской земле – с ее чарующей природой и богатейшим археологическим прошлым. А, кроме того, это во многом совпадающие наши вкусы

в области литературы и искусства. Мы оба любили песни Высоцкого и Окуджавы, русско-цыганские песни и романсы (например, в исполнении Юла Бринера и Алеши Дмитриевича – эмигрантов из России). Среди русских писателей-классиков особо увлекались творчеством Михаила Булгакова, причем на первом месте у нас была даже не «Мастер и Маргарита», а «Белая Гвардия» и ее главные герои – братья Турбины, поручик Мышлаевский и полковник Най-Турс. Очень близкие взгляды были у нас и по поводу общей ситуации в стране, положения науки и образования (включая, конечно, археологию). Последние годы перед кончиной Арсен Тигранович сильно страдал от своих недугов и тяжкого труда (на нескольких работах сразу) по добыванию «хлеба насущного» для семьи. В этой связи, его обычная жизнерадостность и оптимизм как бы уменьшились, отошли на второй план. Но если «зрить в корень», никакие беды и испытания не могли изменить сущности этого незаурядного человека – талантливого и душевного всегда и во всем.

Вместо эпилога

В 1980 г., во время пребывания экспедиции Арсена на стоянке Дрониха на Битюге, я с трудом вырвался из почти «закрытой» для остальной страны Москвы (там шли Всемирные летние Олимпийские игры, которые бойкотировали из-за Афганистана спортсмены западных стран) и где-то во второй половине июля добрался до лагеря воронежских археологов. По случаю Олимпийских игр власти закупили в Финляндии массу всяких вкусных и невиданных у нас до той поры вещей, которые свободно продавались в магазинах и палатках: чудесные соки в маленьких пакетах, нарезки из финской колбасы салями, сыры и т.д. Не имея ни личной, ни казенной автомашины, я не мог многого привезти с собой, но кое-что «вкусненькое» запихнул в рюкзак, вместе с бутылкой хорошего армянского коньяка. Радостная встреча на берегах Битюга! И, вдруг, во время приятного времяпрепровождения у костра мы узнаем из сообщений по радио о смерти 25 июля любимого народом певца Владимира Высоцкого. Арсен воспринял эту новость особенно тяжело. Все замолчали. Посидели у костра еще немного, помянули певца по русскому обычаю и разошлись по палаткам. А немного спустя появились написанные сердцем чудесные стихи Арсена. Они могут быть светлым реквиемом и по поэту-барду и по поэту-археологу:

«Горит костер. Сегодня круг наш тесен.
Помянем же его в своих краях.
Ведь без него здесь было б меньше песен
О нас, о привередливых конях…
И верится, что мир не очерствеет,
Пока хоть раз в году мы с ним сидим,
Пока ночной костер сердца нам греет
И мы с тобою братство единим».

(Арсен Синюк. Земное притяжение. Воронеж, 2012, с. 190).

И.В. Федюнин

А.Т. СИНЮК И ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ НЕОЛИТИЗАЦИИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ В 1960-1980 гг.

Очень сложно быть объективным, когда перед тобой стоит задача дать оценку трудов ученого, давшего тебе путевку в жизнь. Читать в печати панегирики по учителям скучно, а критические нападки на них бывших учеников — порой неприятно, хотя и небезынтересно. Тем не менее, как бы мне этого ни хотелось, абстрагироваться от личного в работе о Синюке невозможно: для целого поколения профессиональных археологов и студентов Арсен Тигранович остается яркой, незаурядной личностью, обладавшей энциклопедическими знаниями, опытом, и непонятной по природе своего происхождения научной интуицией.

Я познакомился с Арсеном Тиграновичем на лекции по археологии, будучи студентом первого курса истфака ВГПУ, когда ему было 59 лет. Сухой и сложный лекционный материал снабжался многочисленными будоражащими воображение примерами из многолетней полевой практики профессора, излагался при полном отсутствии каких-либо конспектов или планов в принципе, часто с дымящейся сигаретой в руке. Такое забыть невозможно. Потом была практика, экспедиции, аспирантура и т.д. В беседах с коллегами-археологами, говоря о «шефе» в разные периоды его деятельности, частенько складывалось впечатление о том, что мы говорим о разных людях: для старшего поколения он — настоящий мужчина, серьезный, сдержанный, далеко не лишенный в то же время чувства юмора, и других достоинств, художник, поэт, музыкант, игравший почти на всех известных миру инструментах, прекрасный руководитель и организатор, в общем соответствующий собирательным образам героев стихов и песен В.С. Высоцкого, для людей более молодого и менее романтичного этапа развития археологии ВГПУ — археолог-фанатик, для которого не было никаких препятствий на пути раскопок многочисленных поселений, стоянок, могильников Лесостепи…

Лично я «застал» его умудренным опытом и сединами, очень умного, серьезного, и, в то же время чрезвычайно работоспособного человека, что в таком возрасте — большая редкость. Вспоминаю, занимаясь версткой и текстами изданий, как монография «делалась» от рукописи до оригинал-макета максимум за две недели, а редактирование сборника статей — за три дня — четко, последовательно, раздел за разделом, как нас (меня, А.В. Суркова и А.М. Скоробогатова), избалованных обилием современной техники, в 2009 г. удивил «шеф», «на глаз» разбивший сложный по конфигурации раскоп площадью 60 м. кв. на стоянке Черкасская, при том, что погрешность его глазомера в итоге составила ничтожные 4 см! Арсен Тигранович умел работать, более того, для качественной работы ему было нужно немногое.

Эпоха неолита Лесостепного Подонья была одним из основных научных направлений, разработке которых ученый посвятил всю свою жизнь. Важнейшей в ее рамках являлась проблема перехода от мезолита к неолиту. Она изучалась и ранее, до начала работ Арсена Тиграновича (см., напр.: Левенок, 1958; 1962; 1966; 1969; Крижевская, 1977; Гурина, 1977; Формозов, 1977 и др.), однако имевшийся в то время объем источников и их качество предопределили создание масштабных по территориальному охвату теорий, большинство из которых не выдержало проверку временем.

На фоне существования этих концепций, созданных авторитетными учеными, начиная с середины 1960-х годов, сначала как одиночный исследователь, руководитель школьного археологического кружка, а потом — уже в 1970-е годы — как начальник созданной им экспедиции Воронежского государственного педагогического института (ныне университета), в работу по поиску и изучению древностей мезолита и неолита включается А.Т. Синюк. Именно в стенах ВГПИ произошло становление научного направления, в рамках которого проводились систематические исследования эпохи неолита и поиски мезолита. Основные итоги работы были приведены в кандидатской и докторской диссертациях, монографии «Население бассейна Дона в эпоху неолита» (1986) и многочисленных статьях (Синюк, 1978; 1985; 1986 и др.).

Концептуальным, по мнению А.Т. Синюка, памятником для выделения позднего мезолита на Среднем Дону явилась стоянка Монастырская 1 в Среднем Побитюжье, изученная на площади 336 м^2, а также ряд известных мезолитических местонахождений (Синюк, 1985; 1986). В ходе анализа ранненеолитических комплексов каменных орудий среднедонских стоянок и находок позднемезолитического облика было высказано предположение об их генетическом родстве. Такие признаки, как почти полное отсутствие геометрических форм в микропластинчатом каменном инвентаре, за исключением нескольких, среди которых была выявлена «рогатая» трапеция, большое количество карандашевидных микронуклеусов, концевых скребков на пластинах при минимальной встречаемости резцов, не образующих каких-либо устойчивых серий, позволили А.Т. Синюку, во-первых, выявить отличительные особенности каменного инвентаря среднедонской неолитической культуры, имеющей «позднемезолитическую генетическую подоснову», а во-вторых — связать ее происхождение с традициями индустрий Средней Азии (Синюк, 1978; 1985; 1986, и др.). Регионом, который, по мнению автора, мог играть роль «связующего звена» в передаче культурных традиций, был Северный Прикаспий. Результаты спорово-пыльцевых исследований стоянки Монастырская 1 демонстрируют этап глубокой аридизации климата, имевшей место 7200 лет назад, что, по мнению Е.А. Спиридоновой, также может служить обоснованием причины обширных миграционных процессов, затронувших и Средний Дон (Спиридонова, 1991, с. 137). По сути дела, А.Т. Синюком была разработана первая обоснованная модель неолитизации региона в рамках распространенной в то время историографической традиции, согласно которой центром большинства инноваций являлись территории юга Евразии.

В работе «Население бассейна Дона в эпоху неолита» (1986) исследователь включил Среднее Похоперье в область распространения неолитической культуры с накольчатой керамикой (Синюк, 1986). Тогда же ученый обратил внимание на специфику сырья для изготовления орудий, для данного региона, заключавшуюся в широком использовании местного кварцита, отделив ее от оскольского центра распространения высококачественного мелового кремня (Синюк, 1986). Применительно к неолиту такое положение было использовано С.Н. Гапочкой в качестве одного из критериев деления среднедонской неолитической культуры на ее локальные варианты (Гапочка, 2001).

Позже проблема позднего мезолита Среднего Дона неоднократно рассматривалась другими исследователями. С.Н. Гапочка, вслед за А.Т. Синюком констатируя южный характер миграционных волн древнего населения, не ограничивает их время жесткими рамками какой-либо из эпох каменного века, говоря о сложности анализа материалов

рубежа мезолита-неолита (Гапочка, 2001). В то же время исследователь несколько увеличивает границы общих признаков каменного инвентаря среднедонских памятников и материалов Нижнего Дона и Приазовья, проводя тщательный разбор фактов (Гапочка, 1999). А.Н. Бессуднов относил весь каменный инвентарь стоянки Монастырская 1 к неолиту, обуславливая такое его положение постепенным проседанием каменных артефактов в нижележащие слои при незначительных горизонтальных рассеиваниях (Бессуднов, 1997).

Автором данных строк в 2003-2006 гг. все имеющиеся памятники и концепции существования мезолитической эпохи в Лесостепном Подонье были подвергнуты ревизии на фоне появления новых материалов без неолитической примеси (Федюнин, 2005; 2007). В частности, было отмечено отсутствие оснований для отстаивания теории «генетической преемственности» между поздним мезолитом и ранним неолитом Лесостепного Подонья (Синюк, 1986), как, впрочем, и для поисков генезиса среднедонского неолита в мезолите Северного Прикаспия или Средней Азии (Федюнин, 2007). Каменный инвентарь памятников позднего мезолита Среднего Подонья и Северного Прикаспия объединяют только очень общие признаки: микропластинчатая техника раскалывания и сходный процент преднамеренно сегментированных пластин. Так называемая «рогатая» трапеция из коллекции Монастырской 1 при повторном изучении коллекции оказалась сильно окатанным медиальным фрагментом пластины с краевым выколом-выемкой механического происхождения. Также нельзя согласиться с «безрезцовым» характером комплексов, роднящих, по А.Т. Синюку, индустрии позднего мезолита и раннего неолита: скорее можно говорить о неразвитости резцовой техники в раннем неолите Лесостепного Подонья при том, что последняя выглядит достаточно представительной в индустриях конца докерамической эпохи. Изучение коллекций других памятников, отнесенных исследователем к позднему мезолиту в подтверждение своей концепции, показало их источниковедческую ненадежность.

Изложив свои соображения примерно в том виде, что приведен в сжатой форме выше, в рукописи монографии, я пришел с ней в 2006 г. к Арсену Тиграновичу.

Зная от коллег, да и по собственному опыту, о крутом нраве «шефа», внутренне был готов к шквальному огню критики, на ходу готовил возможные ответы... Однако вместо него в итоге услышал фразу, которая меня сильно удивила и запомнилась на всю жизнь: «О позднем мезолите… Я не Господь Бог, чтобы все предвидеть. В мое время были одни материалы, сейчас они — другие. Это нормально. Люди и теории приходят и уходят, а материал остается, и биться за свои взгляды, доказывая их любой ценой, нельзя. Мы все должны идти вслед за источником».

Наверное, к этому и добавить нечего, кроме слов благодарности настоящему Ученому.

Список источников и литературы

Левенок В.П. Отчет об археологической разведке в 1958 г. Архив ИА РАН.

Левенок В.П. Ранненеолитическая стоянка у с. Долгое на Верхнем Дону // КСИА. № 92. 1962. С. 34-52.

Левенок В.П. Мезолит среднерусского Днепро-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры // МИА. № 126. М.: Изд-во АН СССР, 1966. С. 11-27.

Левенок В.П. Неолит Верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны Европейской части СССР. Автореф. дисс… к.и.н.: 07.00.06. Л., 1969. 25 с.

Крижевская Л.Я. Еще раз о мезолите среднерусского Днепро-Донского междуречья // КСИА. № 149. 1977. С. 75-78.

Гапочка С.Н. К оценке сходства ранненеолитических комплексов Северо-Западного Прикаспия,

Нижнего и Среднего Дона // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж, 1999. С. 14-23.
Гапочка С.Н. Неолитические памятники с накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой Лесостепного Подонья. Автореф. канд. дисс. Воронеж, 2001. 28 с.
Гурина Н.Н. К вопросу о некоторых общих и особенных чертах мезолита лесной и лесостепной зон европейской части СССР // КСИА. № 149. 1977. С. 20-30.
Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977. 141 с.
Синюк А.Т. Неолитические памятники Среднего Дона // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. Воронеж, 1978. С. 63-103.
Синюк А.Т. Стоянка Монастырская как источник для выделения мезолита и периодизации неолита на Среднем Дону // Археологические памятники на территории Европейской части СССР. Воронеж, 1985. С. 16-32.
Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986. 179 с.
Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене. М., 1991. 219 с.
Гапочка С.Н. К оценке сходства ранненеолитических комплексов Северо-Западного Прикаспия, Нижнего и Среднего Дона // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж, 1999. С. 14-23.
Бессуднов А.Н. Мезолитические памятники Лесостепного Подонья. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Воронеж, 1997. 22 с.
Федюнин И.В. Мезолитические памятники Доно-Волжского междуречья. Автореф. дисс. … к.и.н.: 07.00.06. Воронеж, 2005. 28 с.
Федюнин И.В. Мезолитические памятники Среднего Дона. Воронеж, 2007. 145 с.

А.А. Выборнов С.Н. Гапочка А.В. Сурков

А.Т. СИНЮК И ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕДОНСКОГО НЕОЛИТА

Первые упоминания о находках неолитической эпохи в лесостепном Подонье относятся к 80-м годам XIX века и связаны с именем И.С. Полякова, проводившего обследование донских берегов в окрестностях с. Костенки (Поляков, 1880, с. 17-18, 42). В довоенный период можно отметить находки Н.В. Валукинским (1948, с. 291-301) и В.П. Левенком (1969, с. 190) керамики раннего облика и каменных орудий.

В 50-е – первой половине 60-х годов исследование неолита продолжалось, преимущественно, на Верхнем Дону благодаря усилиям М.Е. Фосс (1952; 1959, с. 20-26) и В.П. Левенка (1969; 1973).

Если на сопредельных территориях Поднепровья, и Среднего Поволжья представление о неолите, в целом, уже сформировалось, как минимум, были определены позиции относительно культур с ямочно-гребенчатой керамикой, полным ходом шло исследование материалов с накольчато-гребенчатой орнаментацией, определялось их место и роль среди других неолитических культур, то на юге лесостепного Подонья этот процесс вплоть до конца 60-х годов, по сути, и не начинался. Исследователями неолитических культур с накольчатой керамикой Поднепровья и Поволжья не раз отмечалась нерешенность проблемы о характере неолита на промежуточных территориях (между днепро-донецкой и волго-камской культурами). Интерес к их изучению был обусловлен необходимостью выяснения границ и контактов двух наиболее изученных к тому времени ранненеолитических культур с гребенчато-накольчатой керамикой европейской части СССР, на что неоднократно обращали внимание и Д.Я. Телегин (1968, с. 225), и А.Х. Халиков (1958, с. 75). И если для территории Приказанского Поволжья ситуация была относительно благоприятна в силу наличия ряда памятников с накольчато-гребенчатой керамикой (Халиков, 1969), то лесостепное Поволжье, Подонье и Сурско-Мокшанское междуречье оставались «белым пятном» на археологической карте неолита Волго-Днепровья.

Заполнение этой ниши возложил на себя воронежский исследователь А.Т. Синюк, который с середины 60-х годов XX в. занялся планомерным изучением неолитических памятников на Среднем Дону. Результатом стало выявление более 120 стоянок, археологическое исследование ряда из них, в первую очередь Университетской 3, позволило уже к концу 60-х – началу 70-х годов составить представление о ярко выраженном накольчатом характере местного неолита, значительно отличающимся от материалов днепро-донецкой (Синюк, 1971) и волго-камской культур (Синюк, 1978, с. 83).

Основываясь на специфике ранней керамики среднедонских стоянок, характеризующихся господством и типологическим разнообразием накольчатых элементов орнаментации, не характерным ни для одной из лесостепных культур, а также ввиду отсутствия аналогов комплексам кремневой индустрии в сопредельных регионах, исследователь в своей кандидатской работе объединил памятники с накольчатой керамикой лесостепного Дона в среднедонскую неолитическую культуру (Синюк, 1971, с. 16).

Выделение неолитических памятников Среднего и Верхнего Дона с накольчатой

керамикой в самостоятельную культуру имело принципиальное значение для лесостепного Подонья. Этот факт был важен и в целом для осмысления памятников с накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой Восточноевропейской лесостепи.

Он положило начало процессу выделения целого ряда сходных культур, культурных вариантов и типов памятников, включавшихся ранее исследователями, в силу сложившейся в науке традиции, в круг либо днепро-донецкой, либо волго-камской культур. Наряду с выделением на юге лесной природно-климатической зоны ранненеолитической верхневолжской культуры, выделение среднедонской культуры открыло новый этап в изучении и осмыслении места и роли культур с накольчатой керамикой на территории Восточной Европы в целом. Именно изыскания А.Т. Синюка позволили исследователям неолита лесостепного Поволжья (Васильев, Выборнов, Габяшев, Моргунова, Пенин, 1980) и Сурско-Мокшанского междуречья (Выборнов, Третьяков, 1988) на фоне среднедонской культуры определить своеобразие древностей позднекаменного века интересуемых территорий. Обоснование среднедонской культуры способствовало и более детальной разработке ряда вопросов изучения памятников с накольчато-гребенчатой керамикой как в лесном Марийском Поволжье (Никитин, 1984), так и в Приустьевом Прикамье (Габяшев, 2004).

Таким образом, конец 60-х – начало 70-х гг. XX в. стали временем констатации существования на Среднем Дону специфической среднедонской неолитической культуры с накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой. Однако сам факт выделения такого рода таксономического образования, предполагал серьезные работы с целью решения проблем генезиса, периодизации, территориальной локализации, выделения региональных особенностей, хронологического соотношения накольчатого, гребенчатого и ямочного неолита.

Последняя проблема стояла особо остро в Подонье в связи с позицией В.П. Левенка, который считал синхронным существование здесь двух ранненеолитических культур: рязанско-долговской с ямочной и днепро-донецкой с прочерченно-накольчато-гребенчатой керамикой, первая из которых была распространена на Дону, а вторая – на р. Воронеж (Левенок, 1969, с.17-18).

А.Т. Синюком был доказан хронологический приоритет накольчатой керамики лесостепного Дона перед ямочной (Синюк, 1971). При этом, предложенная периодизация неолитический эпохи Среднего Дона имела классическую схему (Синюк, 1971, с. 16-19).

На раннем этапе, датируемом автором вт. пол. V тыс. до н.э., локализованном стоянками среднедонской культуры в нижнем течении р.Воронеж и на юг до приустьевой части р.Тихая Сосна, керамические сосуды имели прямостенную форму с коническим дном, поверхности заглажены расчесами или подлощены, орнаментированы в верхней части наколами треугольной формы, в тесте небольшая растительная примесь, каменный инвентарь имеет выраженный микролитический облик. Каменный инвентарь позволил сделать вывод о развитии местного неолита на базе «мезолита южного облика».

Второй этап неолита (рубеж V – середина IV тыс. до н.э.) связывается с развитием среднедонской культуры: расширение территории на Побитюжье и Верхний Дон, появление посуды с примесью в тесте песка, лощеной внешней поверхностью, в орнаменте помимо накола присутствуют гребенчатые оттиски, кремень аналогичен раннему.

На третьем этапе (середина – вторая половина IV тыс. до н.э.) продолжается развитие местной культуры, что находит отражение в появлении новых форм сосу-

дов, а также происходит смешение с носителями долговской культуры (колоколовидные сосуды с ямочно-гребенчатой орнаментацией и расчесами поверхностей, тесто запесоченное, листовидные и ромбические наконечники стрел).

Следует отметить, что в определенной мере предложенные хронологические рамки в дальнейшем были подтверждены радиоуглеродными датами (Выборнов, Сурков, 2009).

Важным выводом стало признание ведущей роли на всех этапах неолит Среднего Дона единой среднедонской культуры, которая имела как внутреннее развитие, так и изменялась в материальном облике под влиянием северных неолитических культур. Формирование данной культуры происходило на базе южных мезолитических традиций. При этом хронологические рамки развития культуры не противоречит и полученным в последние годы радиоуглеродным датам как Донского, так и сопредельных регионов.

Во второй половине 1970-х – начале 1980-г годов в лесостепном Подонье были обнаружены десятки новых неолитических памятников. Появились, с одной стороны, важные стратиграфические данные для периодизации местного неолита-энеолита (Копанище, Черкасская, Дрониха), а, с другой стороны, стоянки, позволившие охарактеризовать поздний мезолит и ранний неолит Среднего Дона (Монастырская I, Карабут I, II и др.). Итоги многолетних исследований неолитических памятников были подведены А.Т. Синюком в его докторской диссертации и монографии по неолиту лесостепного Подонья (Синюк, 1986).

Итогами раскопок стоянки Дрониха в 1974 и 1980 гг. стало выделение дронихинского типа керамики с прочерченной орнаментацией, появление которого связывалось как с влиянием южных и северных традиций, так и с развитием накольчатого элемента орнамента (Синюк, 1986, с. 148). Намеченные хронологические границы данного типа памятников со временем были подтверждены и на основе радиоуглеродного метода (Выборнов, Сурков, 2009).

В ходе раскопок стоянки Черкасская в 1979 и 1981 гг. был выделен специфичный, «пережиточный» тип неолитической керамики, получивший название по эпонимному памятнику (Синюк, 1984). Его формирование связывалось с влиянием на среднедонскую накольчатую керамику нижнедонских энеолитических традиций оформления сосудов.

По итогам раскопок в 1982-1983 гг. стоянки Монастырская I А.Т. Синюком был скорректирован ранний этап среднедонской культуры, начало которого предлагалось датировать первой половиной V тыс. до н.э., а ее генезис усматривался в юго-восточных комплексах Прикаспия, и далее – Средней Азии (Синюк, 1985, с. 23). Для второго этапа было отмечено появление в керамике таких признаков как колоколовидная форма, профилирующися венчик, ямочная и гребенчатая орнаментация, которые были связаны с распространением в северной части Лесостепного Дона рязанско-долговской культуры.

Предположение исследователя о формировании среднедонской неолитической культуры вследствие «миграционной волны, зародившейся далеко на юге и прокатившейся через закаспийские районы Средней Азии», для своего времени было более чем смелым, а у ряда исследователей культур с накольчато-гребенчатой керамикой вызывало серьезные сомнения.

Эти сомнения усилились к концу 1980-х годов, когда П.М. Кольцовым были по-

лучены материалы по неолиту Северо-Западного Прикаспия. На их основе был сделан вывод об автохтонном происхождении накольчатой орнаментации в степях Северо-Западного Прикаспия и возможности ее распространения оттуда в лесостепь и на юг лесной зоны Восточной Европы (Кольцов, 1988б, с. 17-18).

Большинство исследователей культур с накольчатой керамикой теперь связывали появление накольчатой керамики в Восточной Европе с неолитом Северо-Восточного Прикаспия, тем более, что в результате работ в южной части Волго-Уральского междуречья к аналогичным выводам о распространении из Северного Прикаспия традиции накольчатой орнаментации в лесостепные и лесные районы Поволжья пришли и куйбышевские археологи (Васильев, Выборнов, 1988), что, в целом, подтверждало выводы П.М. Кольцова.

Но и в это время А.Т. Синюк продолжал отстаивать позицию о среднеазиатской традиции, на основе которой складывался среднедонской неолит. Эта позиция неожиданно вновь заинтересовала исследователей раннего неолита Восточной Европы уже в начале нового столетия. Еще во второй половине 70-х годов в Поволжье были выявлены материалы, ныне известные как елшанские. Сегодня с ними и близкими им материалами в лесостепи большинство исследователей связывает самые ранние керамические комплексы. Их накопление привело к необходимости решения проблем хронологии, периодизации, территориальной локализации и генезиса. Опуская всем хорошо известную дискуссию по данному вопросу, обратимся лишь к последним выводам специалистов, которые в поиске аналогий елшанским древностям обращаются к районам Восточного Прикаспия (типа Джебел), а далее - к наиболее древним памятникам среднеазиатского междуречья (Выборнов, 2008, с. 207). Нельзя не отметить и наличие такого специфического среднеазиатского типа геометрического микролита как «рогатая» трапеция в промежуточных между Средней Азией и Подоньем районах Волго-Уралья (Могрунова, 1988) и лесостепном Поволжье (Васильев, Выборнов, Габяшев, Моргунова, Пенин, 1980).

Таким образом, сделанные еще в 60-е – начале 70-х годов А.Т. Синюком выводы о генезисе среднедонского, а как ясно сейчас, вероятно, и всего лесостепного накольчато-гребенчатого неолита оказались сегодня вновь в центре внимания.

В монографии 1986 г. А.Т. Синюком был дан подробный анализ комплексов с ямочно-гребенчатой и прочерченной керамикой. Так для второго этапа среднедонского неолита отмечено нарушение этнического единства местных племен под влиянием северных носителей рязанско-долговской культуры. Но одним из наиболее прогрессивных выводов был сделан относительно третьего этапа, который теперь именовался «пережиточно неолитическим» и характеризовался сосуществованием населения как местных неолитических культур так и пришлого энеолитического населения. Именно к последнему этапу и были отнесены черкасский и дронихинский типы керамики, рыбноозерская и белевская культуры. В дальнейшем аналогичные периоды были выделены исследователями и в Нижнем Поволжье (Наумов, 2003; Кольцов, 2004; Юдин, 2006).

Разработка проблемы перехода от неолита к энеолиту-бронзе также явилась для своего времени передовой. А.Т. Синюком совместно с И.Б. Васильевым еще в середине 80-х годов была высказана мысль о возможности выделения энеолита в лесостепи без наличия в такого рода комплексах меди (Васильев, Синюк, 1985). Данное положение сегодня даже не вызывает дискуссий. Эти разработки способствовали и более глубо-

кому осмыслению материалов сопредельных территорий (Ставицкий, Хреков, 2003).

Таким образом, разработка генезиса, содержания, периодизации, хронологии, дальнейших судеб неолитических культур лесостепного Дона и, прежде всего, среднедонской культуры явилась весьма серьезным вкладом в современную археологию. Постоянно находясь на острие передовых разработок в изучаемой области, А.Т. Синюк внес весомый вклад не только в региональное, но и российское неолитоведение.

Выводы, сделанные А.Т. Синюком в своих исследованиях, легли в основу дальнейшего изучения неолита-энеолита Донской лесостепи. Ряд высказанных научных положений получили развитие в работах С.Н. Гапочки, А.В. Суркова, А.М. Скоробогатова и др.

Список литературы

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Моргунова Н.Л., Пенин Г.Г. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья: степь и лесостепь. Куйбышев, 1988.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Черкасская стоянка на Среднем Дону // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит восточно-европейской лесостепи. Куйбышев, 1985.

Выборнов А.А., Третьяков В.П. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев, 1988.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара, 2008.

Выборнов А.А., Сурков А.В. Новые данные по хронологии среднедонского неолита // Археологические памятники Восточной Европы. Вып.13. Воронеж,2009.

Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V – III тысячилетиях до нашей эры. Казань , 2003.

Кольцов П.М. Неолитическое поселение Джангар // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988.

Кольцов П.М. Поселение Джангар. М., 2004.

Левенок В.П. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону // МИА. 1965. №131.

Левенок В.П. Неолитические племена лесостепной зоны европейской части СССР // МИА. 1973. №172.

Моргунова Н.Л. Ивановская стоянка в Оренбургской области // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988.

Наумов И.Н. Неолит Поволжско–Донских степей // Автореф. дисс. Канд. ист. наук. Воронеж,2003.

Никитин В.В. Накольчатая керамика на севере Средней Волги // АЭМК. Вып.9. Йошкар-Ола, 1984.

Поляков И.С. Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию.// Записки Императорской Академии наук. СПб., 1880. Том XXXVII. Кн. I.

Синюк А.Т. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону: Афтореф. дисс… канд. ист. наук. М., 1971

Синюк А.Т. Неолитические памятники Среднего Дона // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. Воронеж, 1978.

Синюк А.Т. История населения донской лесостепи в V - II тысячелетиях до н. э. (неолит-энеолит-бронза): Автореф. дисс... док. ист. наук. М., 1985.

Синюк А.Т. Стоянка Монастырская-I как источник для выделения мезолита и периодизации неолита на Среднем Дону// Археологические памятники на европейской территории СССР. Воронеж, 1985.

Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.

Ставицкий В.В., Хреков А.А. Неолит – ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья. Саратов, 2003.

Телегин Д.Я. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968.

Фосс М.Е. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области

в 1953 году // КСИИМК. 1959. Вып. 75.
Фосс М.Е. Древнейшая история Севера европейской части СССР // МИА. 1973. №29.
Халиков А.Х. Неолитические памятники в Казанском Поволжье // МИА. 1958. №61.
Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
Юдин А.И. Культурное развитие населения Нижнего Поволжья в неолите и энеолите // Археологическое наследие Саратовского края. Вып.7. Саратов, 2006.

Ю.П. Матвеев

ЭПОХА БРОНЗЫ А.Т. СИНЮКА

Сейчас даже трудно представить, насколько ограничены были археологические источники о древней истории бассейна Верхнего и Среднего Подонья ко второй половине 60-х годов прошлого века. Исключая Костенковский палеолит и, в какой-то мере, скифское время и раннее средневековье, наши познания о других эпохах базировались на единичных памятниках, исследованных большей частью еще в дореволюционное время, на разведочных материалах и случайных находках.

Перед молодыми учеными истфака ВГУ, всем теперь хорошо известными, воистину былинными тремя богатырями воронежской археологии, лежала земля неизведанная, покрытая тысячами курганов, сотнями стоянок, поселений и городищ. Выбор эпохи для приложения бьющей ключом энергии никем и ничем не ограничивался (было, было такое время). О других точно не скажу, но Арсен Тигранович, судя по его собственным словам, руководствовался при этом выборе в основном эстетическими соображениями. Его очаровали выверенные пропорции и техническое совершенство кремневых наконечников дротиков, изящество форм и декора неолитической керамики.

Неолит навсегда стал его самой любимой эпохой. Но, как это бывает, не единственной. Изменчивая и тогда еще весьма загадочная «бронза» тоже не была обойдена вниманием. Чувства анализировать сложно, но несколько факторов налицо. В отличие от большинства узко специализированных археологов, несколько пренебрежительно относящихся к сопредельным векам, Арсен Тигранович, как неолитчик, естественно не относился ни к ортодоксальным «камнеедам», ни к узколобым «горшковедам». Кроме того, как музейный работник, создававший совершенно новую экспозицию по археологии, он просто вынужден был прекрасно разбираться во всех археологических древностях края. Но, конечно же, не это главное. Для страстной, творческой, увлекающейся натуры, для поэта и художника, а именно таким был Арсен Тигранович, неолит, при всех достоинствах, становился и тесноват, и скучноват.

Уже в 1968-1969 гг, с отвращением подбирая «инородные» для неолитических Университетских стоянок обломки посуды различных культур эпохи бронзы, он с объективностью художника замечал мне, что из всех прочих, «катакомбники» — наиболее «приличные ребята», с воплощенным в керамике чувством прекрасного. Они же поражали воображение иррациональностью затратности и сложностью погребального обряда, ирреально инопланетными ликами деформированных голов, изяществом украшений и орнаментов.

Однако было бы ошибкой представить А.Т. Синюка витающим в облаках эстетом. Достаточно сказать, что он был, пожалуй, единственным в то время археологом, вполне свободно владевшим не только фотоаппаратом (с экспонометрами, диафрагмами, выдержками, разночувствительными пленками и т.п. — это вам не современный цифровик с парой кнопок) но и буссолями, нивелирами и теодолитами. Чувственность удивительным образом сочеталась у него с холодным аналитическим умом, некая пиитическая разбросанность с умением в нужный момент собраться, сконцентрироваться и пахать не разгибаясь. Художественная способность «цветного» видения позволяла ему не только различать напластования земли, но и весь спектр характеристик конкретного археологического явления.

Уже на Университетских стоянках он, идя «снизу», от неолита, сумел увидеть и предугадать существование пережиточно неолитических и энеолитических проявлений (впоследствии – выделенная им иванобугорская культура) в эпоху бронзы, вычленить и атрибутировать керамические серии не только ямного, но и ямно-катакомбного и ямно-

репинского облика. Там же, а впоследствии в 1970-м году, на Шиловском поселении, он первым обратил внимание на сходство репинских и абашевских материалов, что затем позволило ему предложить гипотезу формирования абашевской культуры на репинской основе.

С абашевской культурой связан еще один яркий эпизод научного вклада Арсена Тиграновича в «бронзоведение». В том же 1970 году, в Старо-Юрьево на Тамбовщине, кувыркаясь под дождями в грязи, нами было раскопано поистине знаковое погребение с псалиями. Едва взглянув на них, он сказал, что этот памятник скоро войдет во все учебники по археологии.

Но все же, больше всего в материалах бронзового века его привлекала «красивая» среднедонская катакомбная культура. Кстати сказать, сам этот термин, существовавший тогда наряду с другими, был отобран именно им, как наиболее адекватный для данного культурного явления. Основываясь, прежде всего, на материалах Павловского могильника, Арсен Тигранович предложил свою оригинальную схему периодизации этой и близких по времени культур эпохи бронзы. При этом, из-за скудности других данных, он опирался в основном лишь на особенности погребальной обрядности. Мне же, например, чтобы независимо получить близкие результаты, пришлось «пролопатить» все стратиграфические данные, сопоставить мотивы и технику орнаментации керамики с особенностями погребальных сооружений и т.д и т.п. То есть, проделать трудоемкую, рутинную и весьма скучную работу. С подобными «озарениями» Арсена Тиграновича сталкивались (и далеко не с полным удовольствием) и другие смежники. Сам он «скромно» ссылался при этом на врожденную интуицию. Думаю, дело в его способности мгновенно фокусировать разнородные, уже упомянутые выше «разноцветные» культурные проявления, в яркий солнечный луч, освещающий проблему в целом.

Сопоставительный же анализ Павловских курганов с материалами других катакомбных памятников позволил ему выделить ранний, Павловский хронологический горизонт, и, в то же время, предположить выделение сходных с этим горизонтом материалов к востоку от Дона в территориальный подвариант среднедонской катакомбной культуры. Даже самый талантливый ученый не может быть прав всегда и во всем. Я, обратив внимание на это противоречие, дал, естественно, им совершенно противоположную оценку. Как водится, оба мы оказались неправы в своей правоте и позже мирно признали, что все обстоит гораздо сложнее. Но вообще-то, Арсен Тигранович, при всей его толерантности, далеко не всегда был настроен на исключительно мирное разрешение ситуации. Матерый полевик, маститый и авторитетный ученый, да еще со взрывным характером, он мог достаточно болезненно повозить зарвавшегося щенка носом по земле, я знаю это не понаслышке. Но, к его чести, совершенно однозначно могу утверждать, что в отличие от многих других, делал он это без удовольствия. По необходимости и для порядка.

Конечно же, углубленный анализ вклада Арсена Тиграновича в разработку проблематики эпохи бронзы требует отдельного объемного научного исследования. Но уже сам список его работ по данной тематике говорит очень многое. Наряду с рассмотрением крупных проблем, в них рассеяно множество отдельных метких наблюдений, в той или иной степени обоснованных гипотез, предположений и выводов. Весьма многого стоит, например, произведенное им вычленение в материалах среднедонской катакомбной культуры не просто балановско-фатьяновских проявлений, но и захоронений непосредственных носителей этой традиции; выделение контактных катакомбно-абашевских памятников и многое другое. За всем этим, конечно же, не просто озарения, а очень тяжелый, более чем полувековой труд, дорогой ценой доставшийся опыт.

Как говорится в таких случаях, пусть идущие следом попробуют сделать больше. Но то, что сделано, то сделано, и сделано хорошо.

Ю.А. Чекменев

А.Т. СИНЮК И ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Есть темы, которые невозможно раскрыть в небольшой статье. Простое перечисление отдельных вопросов, затрагиваемых А.Т. Синюком в научных публикаций по проблемам бронзового века Восточной Европы, заняло бы несколько страниц.

Глубина охвата анализируемых Арсеном Тиграновичем материалов от ранних до финальных археологических культур эпохи бронзы не вызвана стремлением к количественным показателям статей и книг, а подчинена выработанной им научной системе.

Изучение публикаций в последовательности их издания раскрывает развитие идей, которое базировалось на энциклопедических знаниях А.Т. Синюка. В их основе лежит умение внимательно изучать текст научной публикации, кропотливо следить за ходом мысли автора, подмечая каждую деталь или неточность. Обладая прекрасной памятью, он мог близко к тексту воспроизвести мысли оппонента или наиболее важную цитату. Его интересовала не только археология, но и этнография, геология, палеогеография, религия и в широком смысле история. Арсен Тигранович был открыт для любых новых идей и методов, но творчески перерабатывал их, практически применяя в исследовании. При этом он сохранял определенный консерватизм, считая, что эффектность исследования не является синонимом его эффективности.

А.Т. Синюк прекрасно знал не только Донские, но и практически все археологические материалы с территории Поднепровья, Северного Кавказа, Поволжья и Урала. География его научных командировок охватывает практически всю лесостепную и степную зоны Восточной Европы. Арсен Тигранович не просто знакомился с коллекциями музейных фондов, а анализировал их, записывал наблюдения, сравнивал с публикациями, собственноручно выполнял прорисовки. Без преувеличения можно говорить о том, что он знал большинство материалов «в лицо», иногда поражая знаниями мелких деталей. Но без практического полевого опыта анализ археологического материала становиться «бухгалтерией».

Арсен Тигранович обладал уникальным опытом полевого исследователя, Он прекрасно разбирался в тонкостях черноземной стратиграфии. Первым в археологии донской лесостепи увидел за ямами – кенотафами забутованные входные шахты катакомб. Археологический памятник он воспринимал как динамично развивающейся комплекс, включающий разновременные, но логично связанные друг с другом, археологические объекты.

В круг научных интересов А.Т. Синюка входили материалы от позднего мезолита до эпохи бронзы. Он впервые рассматривал их во взаимосвязи и взаимовлиянии, в едином комплексе, развивающемся во времени и пространстве.

Начав свою профессиональную деятельность с изучения проблем неолита Восточноевропейской Лесостепи, он никогда не ограничивался исследованием

памятников только данной эпохи. Еще в 1970-е годы, изучая курганы, Арсен Тигранович заинтересовался абашевской проблематикой.

В процессе выделения репинской археологической культуры (периода энеолита) он первым высказал мнение, разделяемое сегодня большинством исследователей, о энеолитической (репинской) основе, на которой развивается абашевская культура (Синюк, 1981).

Уже в 1990-е годы он рассматривает ранние абашевские материалы, имеющие выраженные энеолитические черты, как самостоятельную донскую археологическую культуру, вычленяя ее материалы из протоабашевского этапа доно-волжской археологической культуры.

На основании стратиграфических наблюдений последовательности погребений кургана № 57 Павловского могильника, в котором в досыпку кургана, связанную с сооружением позднеабашевского погребения, с положением погребенного скорченно на левом боку, ориентированного в северо-восточную сторону горизонта, было впущено погребение в катакомбе, относимое автором к развитому этапу среднедонской катакомбной культуры, делается вывод о возможности доживания местной катакомбной культуры до периода формирования срубной культуры (Синюк, 1991, с. 113).

Материалы погребений кургана № 16 Первого Власовского могильника и Филатовского кургана поставили под сомнение схему о постепенном развитии абашевской культуры на территории Подонья, предложенную А.Д. Пряхиным, так как в них наиболее отчетливо проявились культурные элементы более восточных территорий – Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (Синюк, Козмирчук, 1995). Керамический комплекс погребения 3 кургана №16 Первого Власовского могильника свидетельствует о единовременном сочетании позднекатакомбных, доно-волжской и уральской (баланбашевской), полтавкинской, петровской и раннесрубных традиций (Синюк, Погорелов, 1993, с. 25, 26).

В монографической работе, посвященной анализу культур эпохи бронзы Среднего Дона, А.Т. Синюком было предложено выделение памятников, материалы которых ранее рассматривались как синкретические абашево-срубные в самостоятельную покровско-абашевскую культуру (Синюк, 1996, с. 190-218). Основанием для ее выделения послужило сочетание в Филатовском, Власовском курганах погребений, отражающих культурно-хронологическое единство и сочетающих компоненты абашевской (доно-волжской и уральской (баланбашевской)), срубной и алакульской археологических культур, с некоторыми элементами из круга позднекатакомбных культур, КМК, опосредованных памятниками типа Петровка – Синташта – Новый Кумак (Синюк, 1996, с. 202). Автором отмечается особенно ярко проявляющийся в них восточный культурный компонент, происходящий с Урало-Поволжских территорий, что позволяет говорить о широком миграционном процессе, который затронул территории степного и лесостепного Подонья (Синюк, 1996, с. 205). Эти процессы связываются с возвратным движением абашевских племен с востока на запад (Синюк, 1996, с. 228).

Выделение покровско-абашевской культуры привело не только к изменению существующих схем развития абашевской культуры на всей территории от Дона до Урала, но и дало направление для исследований целой группы авторов в течение последующих лет.

В не меньшей степени его интересовала разработка проблематики древнеямной и среднедонской катакомбной археологических культур. Серьезным этапом стало исследование Павловского курганного могильника. Именно к этим материалам была применена разработанная Н.Я. Мерпертом методика выделения обрядовых групп, развернутая и дополненная Арсеном Тиграновичем (Синюк, 1983). Это исследование закрепило признание данного метода эффективным при решении проблем культурогенеза. Его применение для анализа погребений доно-волжской абашевской археологической культуры Среднего и Верхнего Дона позволило уточнить хронологические позиции и выявить ряд новых аспектов культурогенеза (Пряхин, Беседин, 1996.).

Одной из самых значительных разработок А.Т. Синюка в археологии эпохи бронзы Восточной Европы является анализ проблемы сосуществования на территории Лесостепи пережиточно-энеолитических культур – иванобугорской, воронежской, и памятников с керамикой терновского типа совместно с культурами бронзового века, происходящими из более южных степных районов. Арсен Тиграновичпервым стал воспринимать лесостепной мир, с его разнообразными лесными и степными экосистемами как территорию, позволяющую сосуществовать группам людей с различными хозяйственно-экономическими укладами, что способствовало длительному сохранению культурных традиций предшествующих эпох (Синюк, 1993).

Научные публикации Арсена Тиграновича не утратили своего научного значения. В них мы и сейчас находим идей и мысли, которые опередили свое время и разрабатываются сегодня.

Литература

1. Пряхин А.Д. Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево // СА. 1970. С. 62-64.
2. Пряхин А.Д., Беседин В.И. К оценке абашевских погребений Подклетненского могильника // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1996. С. 34-51.
3. Пряхин А.Д., Беседин В.И. Конская узда периода средней бронзы в восточноевропейской лесостепи и степи // РА. 1998. №3 С. 22-35.
4. Синюк А.Т., Килейников В.В. Курган у села Введенки на Дону // СА. 1976. № 1. С. 159-169.
5. Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита - бронзы в бассейне Дона // СА. 1981. № 4. С. 8-19.
6. Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж, 1983. С. 191.
7. Синюк А.Т. К проблеме хронологического соотношения абашевской, катакомбной и срубной культур в бассейне Дона // Древние общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.): Материалы международной конф. Киев,1991. С. 112-114.
8. Синюк А.Т. Нижнесторожевская стоянка и некоторые вопросы изучения воронежской культуры // Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж, 1993. С. 29-47.
9. Синюк А.Т. Дон – восточная граница древнеевропейского мира (к разработке одного из научных направлений) // Археология Доно-Волжского бассейна. Межвуз. сб. науч. трудов. Воронеж, 1993. С. 103-107.
10. Синюк А.Т., Погорелов В.И. Курган № 16 Власовского могильника // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. Уфа, 1993. С. 6-31.
11. Синюк А.Т., Козмирчук И.А. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бас-

сейне Дона // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995. С. 37-72.
12. Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996. С. 350.
13. Синюк А.Т. Курган № 57 Павловского могильника // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002. С. 96-102.

УКАЗАТЕЛЬ НАУЧНЫХ ТРУДОВ А.Т. СИНЮКА

1966

1. Любор Нидерле // Вопросы истории славян. – Воронеж, 1966. – Вып. 2. – С. 289-291.
2. Поселение края эпохи неолита у станции Отрожка // Из истории воронежского края. – Воронеж, 1966. – С. 107-114.

1968

3. Курган у пос. Хохольский // АО. – 1967. – М., 1968. – С. 38-39 (в соавт. с А.Д. Пряхиным).
4. Древности из зоны Воронежского моря. Воронеж, 1968. – 32 с. (в соавт. с А.Д. Пряхиным).
5. Новые материалы к изучению неолита в Среднем Подонье // Сборник научных студенческих работ. – Воронеж, 1968. – Вып. I (гуманитарные науки). – С. 27-33.

1969

6. Памятники неолита – энеолита в нижнем течении р. Воронеж // АО. – 1968. – М., 1969. – С. 45-46.
7. Шелаевские стоянки на Среднем Осколе // Из истории Воронежского края. – Воронеж, 1969. – Вып. 3. – С. 147-168 (в соавторстве с А.Д. Пряхиным, Г.Ф. Денисенко).

1970

8. Археологические исследования на Воронежском водохранилище // АО. – 1969. – М., 1970. – С. 50-52(в соавт. с П.Д. Либеровым, А.Д. Пряхиным, Г.Ф. Денисенко).

1971

9. Древнеямный могильник на Среднем Дону// АО. – 1970.- М., 1971. – С. 57-58.
10. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону: Автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 1971. – 24 с.

1973

11. Исследование памятников на Среднем Дону // АО. – 1972. – М., 1973. – С. 90 – 91.

1975

12. Исследования на среднем Дону // АО. – 1974. – М., 1975. – С. 79-80 (в соавт. с В.В. Килейниковым).
13. Некоторые вопросы истории Среднего Дона в IV – II тысячелетиях до н. э. // Из истории Воронежского края. – Воронеж, 1975. – С. 146-158.

1976

14. Курган у села Введенки на Дону // СА. -1976. - № 1. – С. 156-169 (в соавт. с В.В. Килейниковым).
15. Коллекция каменных шлифованных орудий воронежского краеведческого музея // Из истории Центрально-Черноземного края. – Воронеж, 1976. – I, 157. – С. 83-94 (в соавт. с А.Д. Пряхиным).
16. Раскопки на Среднем Дону //АО. – 1975. – М., 1976. – С. 89-90 (в соавт. с В.В. Килейниковым и В. И. Погореловым).

1977

17. Раскопки экспедиции Воронежского педагогического института // АО. – 1976. – М., 1977. – С. 72-73.
18. Новые материалы к изучению бронзового века на Среднем Дону // СА. – 1977. № 1 (в соавт. с Ю.П. Матвеевым).

1978

19. Раскопки Воронежской новостроечной экспедиции // АО. – 1977. – М., 1978. – С. 71-72 (в соавт. с П.Д. Либеровым).
20. Предисловие // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. – Воронеж, 1978. – С. 5-9.
21. Неолитический материал нижневоронежской многослойной стоянки Университетская 3 // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. – Воронеж,1978. – С. 26-62.
22. Неолитические памятники Среднего Дона // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. – Воронеж, 1978. – С. 63-100.

1979

23. Раскопки в Воронежской области // АО. – 1978. – С. 90-91(в соавт. с В.В. Килейниковым и В.И. Погореловым).
24. У истоков древнейших скотоводческих культур лесостепного Дона // Археология Восточно-европейской лесостепи. – Воронеж, 1979. – С. 63-72.
25. Памятники древнеямного времени на Верхнем и Среднем Дону // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тез. докл. научн. конф. – Донецк, 1979. -С. 29-30.

1980

26. Энеолит лесостепного Дона // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы: Тез. докл. науч. конф. – Оренбург, 1980. – С. 17-19.
27. Энеолит Лесостепного Дона // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980. -С. 53-72.
28. Новые материалы по неолиту и энеолиту Среднего Дона с Шиловского поселения // Энеолит Восточной Европы. – Куйбышев, 1980. – С. 73 – 92 (в соавторстве с А.Д. Пряхиным).
29. Работы экспедиции Воронежского пединститута // АО. – 1979. – М., 1980. – С. 77.

1981

30. Методические рекомендации по охране археологических памятников и их описанию (археологическая практика студентов I курса). – Воронеж, 1981 – 24 с. (в соавт. с А.З. Винниковым).
31. Терешковский клад эпохи поздней бронзы в Среднем Подонье // СА. – 1981. – № 3. – С. 281-285 (в соавт. с А.Д. Пряхиным и Ю.П. Матвеевым).
32. Методологические указания по археологической практике. – Воронеж, 1981. –38с. (в соавт. с А.З. Винниковым).
33. Стоянка Копанище 2 // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. – Воронеж, 1981. – С. 104-114.
34. Репинская культура эпохи энеолита – бронзы в бассейне Дона // СА. – 1981. - №4. – С. 8-19.
35. Работа экспедиции воронежского пединститута // АО. – 1988. – М., 1980. – С. 77.

1982

36. Страницы истории Подонья. Рец. на кн.: А.Н. Москаленко «Славяне на Дону (борщевская культура)». – Воронеж, 1981 // Подъем. – 1982. - № 6. – С. 141-142.

37. Исследования в Воронежском Подонье // АО. – 1981. – М., 1982. – С. 89-90.

1983

38. А.Н. Москаленко и археологическое изучение лесостепного Подонья и Поднепровья I тыс. н.э. // Археологические памятники Лесостепного Подонья и Поднепровья I тыс. н.э. – Воронеж, 1983. – С. 3-8.
39. Сасовские курганы на реке Потудани // Древние памятники на территории Восточной Европы. – Воронеж, 1983. – С. 91-111.
40. Курган эпохи бронзы у пос. Хохольский // СА. – 1983. - № 3. – С. 197-202 (в соавт. с А.Д. Пряхиным).
41. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. – Воронеж, 1983. – 191 с.
42. Исследования в Воронежском Подонье // АО. – 1981. – М., 1983. – С. 89-90.

1984

43. Черкасская стоянка на Среднем Дону // Эпоха меди юга Восточной Европы. – Куйбышев, 1984. – С. 102-129 (в соавт. с И.Б. Васильевым).
44. Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейн Среднего Дона) // СА. – 1984. - №3. – С. 105-121.
45. Исследование памятников неолита-энеолита на Среднем Дону // АО. – 1982. – М., 1984. – С. 84-85.

1985

46. Энеолит Восточно-европейской лесостепи. – Куйбышев, 1985. – 118 с. (в соавторстве с И.Б. Васильевым).
47. Стоянка Монастырская I как источник для выделения мезолита и периодизации неолита на Среднем Дону // АО. – 1982. – М., 1984. – С. 84-85.
48. История населения донской лесостепи в V – II тыс. до н. э. (неолит-энеолит-бронза): Автореф. докт. дисс. – М., 1985. – 50 с.
49. Пасековский курганный могильник эпохи бронзы на Среднем Дону // СА. – 1985. - № 3. – С. 124-135 (в соавт. с В.И. Погореловым).
50. Периодизация срубной культуры Дона (по материалам погребальных памятников // Срубная культурно-историческая общность). – Куйбышев, 1985. – С. 118-145 (в соавт. с В.И. Погореловым).

1986

51. Исследование курганов в левобережье Среднего Дона // СА. – 1986. - № 1. –С. 146-151 (в соавт. с В.И. Погореловым).
52. Население бассейна Дона в эпоху неолита. – Воронеж, 1986. – 179с.
53. О раннесрубных погребениях на Среднем Дону // Археологические памятники эпохи бронзы Восточно-европейской лесостепи. – Воронеж, 1986. – С. 78-95 (в соавторстве с В.И. Погореловым).
54. Дронихинский тип материалов пережиточного неолита // Проблемы эпохи энеолита: Тез. докл. науч. конф. – Оренбург, 1986. – С. 34-36.

1987

55. Каменный лабиринт в бассейне Дона // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: тез. докл. всесоюз. науч. конф. – Суздаль, 1987. –С. 230-231.

1988

56. О понятии «энеолит» для лесостепи Днепро-Доно Волжского междуречья // Исследование памятников археологии Восточной Европы. – Воронеж, 1988.

–С. 13-23.

57. Методические указания по археологической практике для студентов 1 курса дневного отделения. – Воронеж, 1988. – 22 с. (совм. с А.З. Винниковым).
58. Сокровища Шкурлата. Воронеж, 1988. – 27 с. (в соавт. с Л.Т. Шевыревым и др.).
59. О связях населения лесостепного Дона, Поволжья и Прикаспия в мезолите – бронзовом веке // Археологические культуры северного Прикаспия. – Куйбышев, 1988. – С. 189-204.

1989

60. Археологические памятники Южного Придонья. – Воронеж, 1989. – 224 с. (в соавт. с В.И. Погореловым).
61. Археологические раскопки как форма охраны памятников истории и культуры // Археологические памятники: выявление, охранное изучение и музеефикация: Тез докл. науч.-практ. конф. – Воронеж, 1989. – С. 38-41.
62. Погребения ямной и катакомбной культур Первого Власовского могильника // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. – Воронеж, 1989. С. 27-69.

1990

63. О происхождении и хронологии воронежской культуры эпохи бронзы // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца: Тез. докл. обл. науч.-практ. конф. – Луганск, 1990. – С. 108-110.
64. По дорогам минувших столетий. – Воронеж, 1990. – 319 с. (в соавт. с А.З. Винниковым).
65. Результаты работ экспедиции Воронежского педагогического института в 1986-1989 гг. // Археологические исследования в центральном Черноземье в 12 пятилетке: Тез. докл. науч.-практ. конф. – Белгород, 1990. – с. 77-79.
66. Археологический микрорайон: концепции и методический аспект // Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы: Тез. докл. науч. конф. – Воронеж, 1990. – С. 5-7.
67. Археологические источники Воронежской области в школьном курсе истории (методические рекомендации). – Воронеж, 1990. – 35 с. (в соавт. с В.И. Погореловым и В.С. Ситник).
68. О некоторых категориях культовой атрибутики (к социальной оценке погребальных памятников ямной, катакомбной и абашевской культурных общностей) // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии: Тез. докл. науч. конф. – М.-Л., 1990. – С. 34-36.
69. Использование данных археологии в работе школьного учителя. – Воронеж, 1990. – 158 с. (в соавт. с В.И. Погореловым и В.С. Ситник).

1991

70. К проблеме введения стоимостной оценки памятников археологии // Елец и его окрестности: Тез. докл. науч. конф. – Елец, 1991. – С. 78-81 (в соавт. с Т.С. Старцевой).
71. Об одной из категорий металлических изделий эпохи бронзы // Мосоловское поселение поздней бронзы в системы памятников степи и лесостепи: Тез. докл. и материалы конф. – Воронеж, 1991. – С. 67-73.
72. О соотношении памятников покровского типа и доно-волжской абашевской культуры // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья: Тез. докл. Вторых Рыковских чтений. – Саратов, 1991. – С. 46-48.
73. К проблеме хронологических соотношений абашевской, катакомбной и срубной культур в бассейне Дона // Древние общности земледельцев и скотоводов

Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.): Материалы международной конф. – Киев, 1991. – С. 112-114.

74. Раннесредневековое подземное святилище-лабиринт // СА. – 1991. - № 3. –С. 250-261 (в соавт. с В.Д. Березуцким).

1992

75. Древние погребения мастеров по изготовлению каменных наконечников стрел в степном Придонье // Древняя история населения Волго-Уральских степей. – Оренбург, 1992. – С. 43-63.
76. Значение стоимостной оценки памятников археологии в государственной системе охраны и использования памятников истории и культуры // вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. – М., 1992. – С. 32-37 (в соавт. с Т.С. Старцевой).
77. О перспективах археологических исследований в окрестностях с. Терешково Богучарского района // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны: Тез. докл. науч. конф. – Липецк, 1992. – С. 27-29.

1993

78. Дон – восточная граница древнеевропейского мира (к разработке одного из научных направлений) // Археология Доно-волжского бассейна: Межвуз. сб. науч. трудов. – Воронеж, 1993. – С.103-107.
79. Новые материалы к археологической карте лесостепного Приосколья (мезолит-бронза). – Волоконовка, 1993. – 20 с. (в соавт. с Н.Г. Николаенко).
80. Стоянка бродника в устье реки Богучарки // Археология и история юго-востока древней Руси. – Воронеж, 1993. – С. 83-86.
81. К вопросу о социальном устройстве ямно-катакомбного общества в бассейне Дона // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон восточно-европейского региона в эпоху бронзы и в раннем железном веке: Тез. докл. науч. конф. – Тула, 1993. – С. 67-69.
82. Курган № 16 Власовского могильника // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. – Уфа. 1993. – С. 6-31 (в соавт. с В.И. Погореловым).
83. Нижнесторожевская стоянка и некоторые вопросы изучения воронежской культуры // Археология Доно-Волжского бассейна. – Воронеж, 1993. – С. 29-47.

1994

84. По поводу одной из гипотез происхождения срубной культуры в донской лесостепи // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э.: Тез. докл. науч. конф. – Тирасполь, 1994. – С. 115-117.
85. Об исторической роли жречества // Цивилизационный подход к истории. Проблемы и перспективы развития: Тез. межвуз. науч.-практ. конф. – Воронеж, 1994. – С. 53-57.
86. Карта: Археологические памятники // Атлас Воронежской области. – Воронеж. 1994.
87. Охранные археологические раскопки в Богучарском районе на Среднем Дону // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация: Материалы научн. конф. – Рязань, 1994. –С. 34-36.
88. Археологические памятники // Атлас Липецкой области. – М., 1994. – С. 42.
89. Основные направления развития экономики населения лесостепного Дона в энеолите – бронзовом веке // Труды ВОКМ. – Вып. 2. – Воронеж, 1994. – С. 22-35.
90. Археологические памятники (карты) // Атлас Воронежской области: Учебн.-спр. пособие. – Воронеж,1994. – С. 44.

1995

91. О новых перспективах археологического изучения лесостепного Придонья // Россия на рубеже XXI века: Материалы конф. – Вып. 3. – Философия, культурология, археология. – Воронеж, 1994. – С. 84-86.
92. Средневековые материалы с поселения Дрониха // Средневековые памятники Поволжья. – Самара, 1995. – С. 130-138 (в соавт. с А.З. Винниковым и М.В. Цыбиным).
93. О формировании неолитических культур лесостепного Дона: Тез.науч.-краеведч. конференции, посвященной основателю обл. краеведч. Музея М.П. Трунову. – Липецк, 1995. – С. 27-29.
94. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона // Древние индоиранские культуры волго-Уралья (II тыс.до н.э.). – Самара, 1995. – С. 37-72 (в соавт. с И.А. Козмирчуком).
95. Древнеямная культура лесостепного Дона: Тез. науч.-краевед. конф, посвящ. основателю Липецкого обл. краевед. музея М.П. Трунову. – Липецк, 1995. -С. 37-40.

1996

96. Природно-географическая среда, этногенетические процессы и основы экономики в бронзовом веке Донской лесостепи // взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии: Тез. докл. науч. конф. – Самара, 1996. – С. 34-37.
97. Погребения эпохи бронзы Второго и Третьего Власовского могильников Археологические исследования высшей педагогической школы (к 25-летию археологической экспедиции Воронежского педуниверситета). – Воронеж, 1996. –С. 89-107 (в соавт. с В.Д. Березуцким).
98. Бронзовый век бассейна Дона. – Воронеж, 1996. – 350 с.
99. К оценке результатов использования погребений эпохи бронзы в палеодемографии // Археологические исследования высшей педагогической школы (к 25-летию археологической экспедиции Воронежского педуниверситета). – Воронеж, 1996. – С. 9-21.
100. К социальной интерпретации некоторых погребений эпохи бронзы // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточно-европейской степи и лесостепи: Тез. докл. и материалы конф. – Воронеж, 1996. С. 9-11.
101. Новые материалы к характеристике культур энеолита – бронзового века Верхнего Подонья // Археологические памятники лесостепного Подонья. – Вып. 1. – Липецк. 1996. – С. 30-59 (в соавт. с А.Н. Бессудновым).
102. О хронологическом соотношении культур эпохи бронзы лесостепного Дона // Археологические памятники лесостепного Подонья. – Вып. 1. – Липецк, 1996. –С. 87-94.

1997

103. Охранные раскопки курганов в Воронежской области // АО. – 1996. – М., 1997. –С. 168-169 (в соавт. с В.Д. Березуцким).
104. Острогожский район и археология края // Острогожский край: прошлое и настоящее. 350-летие заселения и его хозяйственного освоения: Тез. докл. науч. конф. – Воронеж, 1997. – С. 3-5.

1999

105. Древнее укрепленное поселение у села Верхнее Турово (предварительная информация) // Проблемы археологии бассейна Дона. – Воронеж, 1999. - С. 147-158 (в соавт. с Ю.А. Чекменевым).
106. О грунтовых могильниках эпохи бронзы на Дону // Проблемы археологии бассейна Дона. – Воронеж, 1999. – С. 47-57.
107. К методике оценки земель историко-культурного направления // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж, 1999. – С. 187-190 (в соавт. с

Ю.А. Чекменевым).

108. Курган у села Новохарьковка // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий: Тез. докл. науч. конф. – Липецк, 1999. – С. 58-61.
109. Гуннское поселение на юге Воронежской области // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий: Тез. докл. науч. конф. – Липецк. 1999. –С. 141-144 (в соавт. с В.В. Кравцом).
110. Валерий Иванович Гуляев. Слово об ученом. Библиография трудов. – Воронеж, 1999. – 15 с. (в соавт. с В.Д. Березуцким).
111. Мезолит. Неолит. Энеолит // Край Черноземный. – Воронеж. 1999.
112. Бассейн Верхнего и Среднего дона в эпоху энеолита // Евразийская лесостепь в эпоху металла. – Воронеж, 1999. – С. 23-44.

2000

113. Древнее поселение Липецкое озеро. – Липецк: Липецкое изд-во, 200. – 160с.
114. Некоторые аспекты изучения донской срубной культуры // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи: материалы междунар. науч. конф. – Воронеж, 2000. – С. 71-73.
115. Проблемы хронологии неолита Среднего Дона // Хронология неолита Восточной Европы: Тез. докл. междунар. конф. – СПб., 2000. – С. 71-72.
116. Эпоха мезолита, неолита, энеолита России // Черноземный край. – Воронеж, 2000. – С. 125-142.

2001

117. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). – Воронеж, 2001. – 192 с. (в соавт. с В.Д. Березуцким).

2002

118. Археологические находки и их стоимостная оценка: каталог / авт.-сост. А.Т. Синюк. – Воронеж. гос. пед. ун-т. Воронеж, 2002. – 104 с.
119. Курган № 57 Павловского могильника // Археологическе памятники Восточной Европы: межвуз. сб. науч. тр. / Воронеж, гос. пед. ун-т. – Воронеж, 2002. – С. 41-50.
120. Лабораторно-практические занятия по археологии: метод. пособие / сост.: С.Н. Гапочка, Ю.А. Чекменев; под ред. А.Т. Синюка. − Воронеж, 2002. – 25с.
121. Программа по дисциплине «Археология» для подготовки по специальности 032600 «История» // Программы цикла дисциплин предметной подготовки по специальности «История». – Воронеж, 2002. – Кн 3. – С. 3-13.
122. Самотоевский грунтовой могильник эпохи поздней бронзы // Археологические памятники Восточной Европы: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 2002. – С. 96-102.

2003

123. Дорогами тысячелетий: археологи о древней истории Воронежского края. Воронеж, 2003. – 280 с. (в соавт. с А.З. Винниковым).

2004

124. Плясоватские курганы // Археологические памятники бассейна Дона: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 2004. – С. 162-176. (в соавт. с А.З. Винниковым).
125. Проблемы хронологии неолита лесостепного Подонья // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе). - СПб., 2004. - С. 196-205.

2005

126. Воронеж: история города в истории Отечества. – Воронеж, 2005. – 123 с. (в

соавторстве с В.В. Донкаревым, А.В. Донкаревым).

127. Исследование кургана № 19 Первого Власовского могильника // Проблемы археологии Восточной Европы: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Воронеж, 2005. – Т. 1. С. 103-107.
128. К истории изучения культурной принадлежности, периодизации и хронологии неолитических памятников лесостепного Подонья // Археологические памятники Восточной Европы: межвуз. сб. науч. тр. / Воронеж, гос. пед. ун-т. – Воронеж, 2005. – С. 40-52. (в соавт. с С.Н. Гапочкой).
129. Новые данные к изучению Первого Власовского могильника // Археологические памятники Восточной Европы: межвуз. сб. науч. тр. / Воронеж, гос. пед. ун-т. – Воронеж, 2005. – С. 103-107. (в соавт. с В.Д. Березуцким).

2006

130. Туровский культовый комплекс эпохи бронзы // Археологические памятники Восточной Европы: межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 2006. – С. 104-111 (в соавт. с А.Д. Пряхиным).
131. Памятники ямной культуры Донской лесостепи // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. – Оренбург, 2006. – С. 81-83.

2007

132. Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы (по данным курганных комплексов). – Воронеж, 2007. – 156 с. (в соавт. с Ю.П. Матвеевым).
133. Материалы дронихинского типа и их место в генезисе культур волосовской общности // Верхнедонской археологический сборник. – Выпуск 3. – Липецк, СПб, 2007. − С. 55-76.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ

а) в качестве ответственного редактора:

134. Древние памятники на территории Восточной Европы. Сборник научных трудов. – Воронеж, 1983. – 159 с.
135. Археологические памятники на Европейской территории СССР. Известия ВГПИ. – Т. 234. – Воронеж, 1985. – 130 с.
136. Исследование памятников археологии Восточной Европы. Межвузовский сб. научных трудов. Воронеж. 1988. - 165с.
137. Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Межвузовский сб. научных трудов. – Воронеж, 1989. – 183 с.
138. Древняя история населения Волго-Уральских степей. Сборник научных трудов. – Оренбург, 1992. – 113 с.
139. Археология Доно-Волжского бассейна. Межвузовский сб. научных трудов. – Воронеж, 1993. – 107 с.
140. Тезисы научно-краеведческой конференции, посвященной М.П. Трунову. – Липецк, 1995. – 188с.
141. Археологические исследования высшей педагогической школы. Сб. научных трудов к 25-летию археологической экспедиции Воронежского педуниверситета. – Воронеж, 1996. – 223 с.

б) в составе редакционной коллегии:

142. Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. Сб. научных трудов. – Воронеж, 1978. – 131 с.
143. Эпоха бронзы в волго-Уральской лесостепи. – Воронеж, 1981. -164 с.
144. Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия

н.э. Межвузовский сб. научных трудов. – Воронеж, 1983. – 144 с.
145. Культура бронзового века восточной Европы. Межвузовский сб. научных трудов. – Куйбышев, 1983. – 165 с.
146. Эпоха меди юга восточной Европы. Межвузовский сб. научных трудов. – Куйбышев, 1984. – 135 с.
147. Древние культуры Северного Прикаспия. Межвузовский сб. научных трудов. – Куйбышев, 1986. – 160 с.
148. Археологическое изучение культуры Северного Прикаспия. Межвузовский сб. научных трудов. – Куйбышев, 1988. – 160 с.
149. Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточно-европейской степи и лесостепи: Тез. докл. науч. конф. – Вып. 2. – Воронеж, 1996. – 172 с.
150. Археологические памятники лесостепного Придонья. Сборник научных трудов. – Вып 2. – Липецк,1996. – 184 с.
151. Проблемы археологии бассейна Дона. Сборник научных трудов. – Воронеж, 1999. – 195 с

ОФИЦИАЛЬНОЕ РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ

1. Экспериментально-трассологический анализ орудий труда эпохи поздней бронзы (по материалам Мосоловского поселения). Программа лабораторного практикума для студентов. – Воронеж, 1985. – 18 с. (совм. с Ю.П. Матвеевым).
2. Осапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. – Саратов-Куйбышев, 1991. – 159 с. (совм. с В.С. Горбуновым).
3. Пряхин А.Д. Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы. Кн. 1. – Воронеж, 1993. – 125 с. (совм. с В.И. Молодиным).
4. Славяне лесостепного Дона в Раннем Средневековье V – начале XI века. – Воронеж, 1995. – 163 с. (совм. с А.Д. Пряхиным).

ОТЧЕТЫ
о полевых археологических исследованиях А. Т. Синюка в архиве Института археологии Российской Академии Наук

1. Отчет о работе Девицкого отряда археологической экспедиции Воронежского государственного университета в 1966 г. // Архив ИА РАН. – Р1, № 3318. – 36 с.
2. Отчет о работе Девицкого отряда археологической экспедиции воронежского государственного университета в 1967 г. // Архив ИА РАН. – Р1, № 3573. – 32 с.
3. Отчет о работе неолитического отряда археологической экспедиции Воронежского государственного университета в 1968 г. // Архив ИА РАН. – Р1, № 3846. – 62 с.
4. Археологические работы Тамбовского краеведческого музея в 1979 г. // Архив ИА РАН. - Р1, № 4444. – 56с.
5. Отчет о проведении археологических работ в Острогожском и Павловском районах Воронежской области в 1972 г. // Архив ИА РАН. – Р-1, 4846. – 43 с.; № 4846 «а». – 26 с.
6. Отчет о раскопках курганов близ хутора Сасовка Репьевского района Воронежской области в 1973 г. // Архив ИА РАН. – Р1, № 5035. – 24 с.; № 5035 «а». - 17 л.
7. Отчет о работе 1-го отряда Воронежской скифской экспедиции в 1974 г. // Архив ИА РАН.- Р1, № 5689. – 32 с. 19 л.
8. Отчет о работе 1-го отряда археологической экспедиции Воронежского государственного университета в 1975 г. // Архив ИА РАН. -Р1, № 5816. – 34 с.; № 6349 «а». – 23 л.
9. Отчет о работе археологической экспедиции Воронежского педагогического института в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р1, № 6349. – 24 с.; № 6349 «а» - 23 л.
10. Отчет о раскопках курганов близ г. Павловска Воронежской области в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р1, № 6612 – 54с.; № 6612 «а». – 43 л.
11. Отчет о раскопках курганов у г. Павловска и Кантемировском районе Воронежской области в 1978 г. // Архив ИА РАН. - Р1, № 7286, 84 с.; № 6286 «а». – 51 л., 7 черт.; № 7286 «б». – 38 л.
12. Отчет о проведении археологических работ в Павловском и Калачеевском районах Воронежской области в 1979 г. // Архив ИА РАН. - Р1, № 7227. – 28 л.; № 7427 «а». – 55 л.
13. Отчет об охранных раскопках курганов у с. Ширяево Калачеевского района Воронежской области в 1980 г. // Архив ИА РАН. - Р1, № 7647; № 7647 «б». – 25 л.
14. Отчет о раскопках поселения Дрониха Таловского района воронежской области в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р1, № 8537, № 8537 «а». – 84 л.
15. Отчет о раскопках археологической экспедиции Воронежского государственного педагогического института в левобережье Среднего Дона (Воронежская область) в 1981 г. // Архив ИА РАН. - Р1, № 8536; № 8536 «а». – 93 л.
16. Отчет о раскопках археологической экспедиции Воронежского государственного педагогического института в левобережье Среднего Дона в 1982 г. // Архив ИА РАН.- Р1, № 9205. – 24 л.
17. Отчет о раскопках археологической экспедиции Воронежского государственного педагогического института в левобережье Среднего Дона в 1983г. // Архив ИА РАН. -Р1, № 9412; № 9412 «а». – 58 л.
18. Отчет о раскопках археологической экспедиции Воронежского государственного педагогического института в Воронежской области в 1984 г. // Архив ИА РАН. - Р1, № 10301. – 215 с.

19. Отчет о проведении археологических разведок в южных районах Воронежской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. - Р1, № 11105. – 140 с.
20. Отчет о раскопках поселения Мостище 2 в Острогожском районе Воронежской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. - Р1, № 11837. – 46 с. (в соавт. с В.И. Гуляевым).
21. Отчет о раскопках экспедиции Воронежского государственного педагогического института в бассейне Среднего Дона в 1986 г. // Архив ИА РАН. - Р1, № 11315. -337 с.
22. Отчет о раскопках экспедиции Воронежского государственного педагогического института у хут. Мостище в Острогожском районе, курганов у с. Власовка в Грибановском районе Воронежской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. - Р1, № 12031. – 216 с.
23. Отчет о раскопках экспедиции Воронежского государственного педагогического института Власовского могильника в Грибановском и поселения Н. Сторожевое в Острогожском район ах Воронежской области в 1988г. // Архив ИА РАН.- Р1, № 12767. – 60 с.
24. Отчет о проведении работ в Богучарском районе Воронежской области в 1989 г.- Архив ИА РАН. -Р1. № 13598. – 124 л.
25. Отчет о проведении археологической разведки в 1992 г. в зоне земельных отчуждений в окрестностях г. Богучара (Богучарский район Воронежской области) под строительство военных объектов (1 – 2 этапов). // Архив ИА РАН. -Р1, № 17142. – 21с.
26. Отчет о раскопках курганов в Богучарском районе Воронежской области в 1993 г. // Архив ИА РАН. - Р1, № 107939. – 55 с.; № 17940. – 147л.; № 107936. – С. 4-5.
27. Отчет о раскопках курганов в Богучарском районе Воронежской области в 1994 г. // Архив ИА РАН. - Р1, № 18783. – 32 с.
28. Отчет об охранных раскопках в Воронежской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. - Р1.
29. Отчет об археологических исследованиях в Воронежской области. // Архив ИА РАН. - Р1.
30. Отчет об охранных раскопках в 1997 г. у с. Ново-Харьковка и Верхне-Туровского городища в Воронежской области. // Архив ИА РАН. - Р1.
31. Отчет к открытому листу № 216 об археологических исследованиях в Воронежской области в 1998 г. // Архив ИА РАН. – Р1.

УКАЗАТЕЛЬ
основных археологических памятников, изучавшихся под руководством А.Т. Синюка

1. Хохольский курганный могильник (Воронежская обл., Хохольский р-он, пос. Хохольский, р. Девица). В 1967 г. совместно с А.Д. Пряхиным исследован курган с захоронениями катакомбной и воронежской культар эпохи бронзы.
2. Чертовицкая стоянка (Воронежская обл., Рамонский р-он, с. Чертовицкое, р. Воронеж). Исследовалась в 1968 г. Площадь раскопа 347 кв м. Многослойный памятник с материалами эпохи неолита (среднедонская культура), бронзы (воронежская культура) и раннего железного века. Вскрыты остатки разновременных жилых и хозяйственных сооружений.
3. Стоянка Университетская I (г. Воронеж, р. Воронеж). В 1967 г. исследовалась А.Д. Пряхиным, в 1968 г. – А.Т. Синюком. Общая площадь раскопок 1014 кв. м. Многослойный памятник эпохи неолита (среднедонская, рязанско-долговская, рыбноозреская культуры), бронзы (катакомбная, воронежская культуры). Получены стратиграфические данные о разновременных жилых и хозяйственных сооружениях.
4. Стоянка Университетская 3 (г. Воронеж, р. Воронеж). Исследовалась в 1968-1960 гг. площадь раскопок 1576 кв. м. Многослойный памятник с материалами эпохи неолита (среднедонская, рязанско-долговская, рыбноозерская культуры), энеолита (нижнедонская, среднестоговская, репинская культуры), бронзы (древнеямная, катакомбная культуры). Выявлены остатки жилых и хозяйственных сооружений. В совокупности с данными стратиграфии стоянка явилась опорным источником для выделения на Среднем Дону основных культур времени неолита и энеолита.
5. Краснодарский курганный могильник (Воронежская обл., Кантемировский р-он, хут. Краснодар, р. Богучарка). В 1969 г. исследован курган с захоронениями древнеямной и срубной культур эпохи бронзы.
6. Стоянка Северо-Восточная 1 (г. Воронеж, р. Воронеж). Исследовалась в 1968-1970 гг. В 1969 г. исследовалась А.Д. Пряхиным, в 1970 – А.Т. Синюком. Общая площадь раскопа 268 кв. м. Многослойный памятник с материалами эпохи неолита и энеолита.
7. Поселение Красное Озеро (Тамбовская обл., окрестности г. Тамбова, р. Цна). В 1969 г. исследовалась А.Д. Пряхиным, в 1970 г. – А.Т. Синюком. Общая площадь раскопок 106 кв. м. Получены материалы эпохи бронзы (абашевская, срубная культуры).
8. Староюрьевский курганный могильник (Тамбовская обл., Староюрьевский р-он, с. Староюрьево). В 1970 г. исследовано три кургана с захоронениями эпохи бронзы (абашевская, срубная культуры) в сопровождении социально престижного инвентаря.
9. Павловский курганный могильник (Воронежская обл., Павловский р-он, с. Шкурлат. Р. Гаврила). Исследовался в 1970, 1975 – 1978, 1987 и 1991 гг. (в 1975-1978 гг. совместно с П.Д. Либеровым). Раскопано 60 курганов с захоронениями эпохи бронзы. Явился базовым памятником для изучения на Среднем Дону древнеямной культуры, а также для решения вопросов происхождения и периодизации среднедонской катакомбной культуры. Открытие на памятнике жертвенных и производственных комплексов предопределило разработку нового подхода к социальной реконструкции древней истории Подонья.

10. Стоянка Копанище 1 (Воронежская обл., Острогожский район, ст. Копанище, р. Тихая Сосна). Исследовалась в 1972 и 1982 гг. Площадь раскопок 80 кв. м. Многослойный памятник, представивший материалы эпохи неолита (среднедонская культура), энеолита (нижнедонская,среднестоговская,репинская культуры), бронзы (древнеямная, катакомбная, культуры).
11. Сасовский курганный могильник (Воронежская обл., Репьевский р-он, хут. Сасовка, р. Потудань). В 1972-1973 гг. исследовано семь курганов с захоронениями эпохи энеолита (среднестоговская, иванобугорская культуры), бронзы (древнеямная, катакомбная, срубная культуры) и сарматского времени.
12. Поселение Усмань 2 (Воронежская обл., Новоусманский р-он, р. Усманка). Исследовалось в 1973 г. Площадь раскопок 100 кв. м. Получены материалы эпохи бронзы (катакомбная, срубная культуры).
13. Введенский курган (Липецкая обл., Хлевенский р-он, с. Введенка, р. Дон). Исследован в 1974 г. Содержал стратифицированные захоронения (включая и коллективные) абашевской и срубной культур с социально престижным инвентарем.
14. Стоянка Дрониха (Воронежская обл., Таловский р-он, р. Битюг). Исследована в 1974 и 1980 гг. Площадь раскопок 900 м^2. Многослойный памятник с материалами и постройками эпох неолита (среднедонская культура, дронихинский тип), энеолита (нижнедонская, иванобугорская культуры), древнерусского и средневекового времени. На площади стоянки открыты два энеолитических могильника (среднестоговская и репинская культуры), а также ритуальное захоронение собак той же эпохи.
15. Стоянка Копанище 2 (Воронежская обл., Острогожский р-он, станция Копанище, р. Тихая Сосна). Исследовалась в 1976 г. Площадь раскопок 264 кв. м. Многослойный памятник с материалами неолита, энеолита и бронзы (катакомбная и бондарихинская культуры). На площади памятника впервые для Среднего Дона выявлен неолитический могильник, а также замкнутый строительный комплекс с бондарихинскими материалами.
16. Пасековский курганный могильник (Воронежская обл., Кантемировский р-он, с. Пасеково). В 1978 г. исследовано четыре кургана с захоронениями эпохи бронзы (катакомбная, срубная культуры).
17. Павловский плодосовхозный могильник (Воронежская обл., Павловский р-он, с. Козинка). В 1978 г. исследованы два кургана эпохи бронзы (катакомбная, срубная культуры).
18. Черкасская стоянка (Воронежская обл., Павловский р-он, с. Черкасское, р. Битюг). Исследовалась в 1979 и 1981 гг. Площадь раскопок 424 кв. м. Многослойный памятник с материалами, жилыми и производственными постройками эпох неолита (среднедонская культура, черкасский тип) энеолита (нижнедонская, среднестоговская, репинская, иванобугорская культуры), и материалами эпохи бронзы (древнеямная, катакомбная культуры). На площади памятника открыто захоронение энеолитической нижнедонской культуры.
19. Верхнемазовский курганный могильник (Воронежская обл., Верхнехавский р-он, с. Верхняя Маза). В 1980 г. исследован один курган с захоронениями эпохи бронзы (срубная культура) и сарматского времени.
20. Иванобугорский курганный могильник (Воронежская обл., Павловский р-он, с. Черкасское, р. Битюг). Исследован в 1981 г. Содержал группы энеолитических захоронений (репинская и иванобугорская культуры), эпохи бронзы (древнеямная, катакомбная, срубная культуры) и предскифского времени. Явился опорным пунктом для выделения в бассейне Дона иванобугорской пережиточной культуры.
21. Ширяевский курганный могильник (Воронежская обл., Калачеевский р-он, с. Ширяево). В 1979-1980 гг. исследовано три кургана с захоронениями эпохи

бронзы (древнеямная, катакомбная, срубная культуры).

22. Стоянка Монастырская 1 (Воронежская обл., Аннинский р-он, с. Старая Тойда, р. Тойда). Исследовалась в 1982-1983 гг. Площадь раскопок 336 кв. м. Многослойный памятник, содержавший материалы эпохи неолита и энеолита, а также раннесредневековые захоронения. Явился базовым памятником для выделения на Среднем Дону позднего мезолита.
23. Поселение Мостище 1 (Воронежская обл., Острогожский р-он, хут. Мостище, р. Потудань). Поселение эпохи бронзы и городище скифского времени. В 1957 г. П.Д. Либеровым произведена шрфовка площади и разрез оборонительных укреплений. В 1984-1988 гг. исследовалась А.Т. Синюком, в 1990-1991 и 1993 гг. исследования продолжены В.Д. Березуцким, а в 1994 г. – В.И. Гуляевым. Общая площадь раскопок – более 3500 кв. м. Многослойный памятник содержит материаля пережиточного энеолита (иванобугорская культура), эпохи бронзы (катакомбная, воронежская, абашевская культуры) и скифского времени. С ранним периодом связаны остатки меловых кладок культового сооружения. Открыты оборонительные укрепления, жилые и хозяйственный постройки, захоронения скифского времени.
24. Поселение Мостище 2 (Воронежская обл., Острогожский р-он, хут. Мостище, р. Потудань). Исследовалось в 1985 г. Площадь раскопок составляет более 300 кв. м. Многослойный памятник. Содержит материалы пережиточного энеолита (иванобугорская культура) и эпохи бронзы (катакомбная культура). С ранними материалами связываются остатки меловых выкладок культового назначения.
25. Первый Власовский курганный могильник (Воронежская обл., Грибановский р-он, с. Власовка, р. Баклуша). В 1985-1996 гг. исследовался В.Д. Березуцким, в 1986-1987 гг. – А.Т. Синюком. Раскопано семнадцать курганов с захоронениями эпохи бронзы (древнеямная, катакомбная, абашевская, срубная культуры), сарматского и золотоордынского времени. Специфика погребальных признаков позволила поставить вопрос о принадлежности умерших в эпоху бронзы к служителям культа.
26. Второй Власовский курганный могильник (Воронежская обл., Грибановский р-он, с. Власовка. р. Баклуша). В 1990, 1991 гг. исследовался В.Д. Березуцким, в 1988 г. А.Т. Синюком. Раскопано пять курганов, содержавших погребения эпохи бронзы (катакомбная и срубная культуры), сарматского времени, раннего средневековья, а также подземное святилище-лабиринт VII – IX вв.
27. Терешковский Вал: поселение и могильник (Воронежская обл., Богучарский р-он, р. Богучарка). Исследовались в 1988-1989 гг. Площадь раскопок – 180 кв. м. Многослойный памятник, содержащий материал эпоху мезолита, бронзы и древнерусского времени. Выявлены могильник мастеров по изготовлению каменных наконечников стрел ямно-катакомбного времени, остатки медеплавильной печи белозерской культуры, погребение гуннского времени, постройка бродника.
28. Нижне-сторожевская стоянка (Воронежская обл., Острогожский р-он, с. Нижнесторожевое, р. Дон). Исследовалась в 1989 г. Площадь раскопок 240 кв. м. Многослойный памятник, содержащий материалы эпохи бронзы (воронежская культура) и раннего железного века (городецкая культура).
29. Первый Богучарский курганный могильник (Воронежская обл., окрестности г. Богучара, р. Богучарка). В 1993 г. исследованы четыре кургана с захоронениями эпохи бронзы (абашевская, срубная культуры) и киммерийского времени.
30. Второй Богучарский курганный могильник (Воронежская обл., окрестности г. Богучара, р. Богучарка). В 1993 г. исследованы два кургана с захоронениями эпохи бронзы (катакомбная, срубная культуры) и сарматского времени.

31. Вервековский курганный могильник (Воронежская обл., Богучарский р-он, с. Вервеково, р. Богучарка). В 1994 г. исследовано два кургана с захоронениями эпохи бронзы (катакомбная культура) и золотоордынского времени.
32. Новохарьковский курганный могильник (Воронежская обл., Ольховатский р-он, с. Новохарьковка, р. Ольховатка). В 1997 г. исследован курган с захоронениями эпохи бронзы (катакомбная, срубная культуры).
33. Туровское укрепленное поселение (Воронежская обл., Нижнедевицкий р-он, с. Верхнее Турово, р. Тур). Исследовалось в 1997-1999 гг. Площадь раскопок 532 кв. м. Многослойный памятник, содержащим материалы эпохи бронзы (срубная культура) и раннего средневековья (киевская культура). Открыт жертвенный комплекс с остатками человека эпохи поздней бронзы.

ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО А.Т. СИНЮКА

1. Перекрестки времен (зарисовки археолога): [оформления и рисунка автора]: сб. стихов. – Воронеж, 2005. – 227 с.
2. Стихи // Учительская муза: сб. стихов студентов, выпускников, преподавателей и сотрудников гос. пед. ун-та. Воронеж, гос. пед. ун-т. – Воронеж, 2006. – С. 126-131.
3. Стихи // Учительская муза: сб. стихов студентов, выпускников, преподавателей и сотрудников гос. пед. ун-та. Воронеж, гос. пед. ун-т. – Воронеж, 2006. – С. 81-87.
4. Стихи о родном городе // Воронеж: история города в истории Отечества. – Воронеж, 2005. – С. 83, 99-100, 111, 114, 116. 118.
5. Фрагменты ускользающих мелодий: сб. стихов / Воронеж, гос. пед. ун-т. – Воронеж, 1997. – 99 с.
6. Земное притяжение / Воронеж: Воронежский госпедуниверситет, 2012. – 348 с.

ПУБЛИКАЦИИ ОБ А.Т. СИНЮКЕ

1. А.Т. Синюк: указ. науч. тр. / Воронеж, гос. пед. ун-т; сост. А.Д. Пряхин, В.Д. Березуцкий. – Воронеж. 1999. – 26 с.
2. Кафедра отечественной истории // Воронежский государственный педагогический университет: время, события, люди [вступ. ст. В.В. Подколзина; предисл. Г.П. Ивановой]. – Воронеж, 2006. С. 278-283 (в соавт. с В.Д. Березуцким).
3. Кафедра отечественной истории // Исторический факультет Воронежского государственного педагогического университета (1931-2005 годы): историко-библиографическиеочерки/[авт.-сост.Г.П.Иванова].–Воронеж,2005.–С.37,52-53.
4. Пряхин А.Д. Археологи уходящего века. – Воронеж, 1999.
5. Тимофеев А. Тысячелетними дорогами [о презентации книги ученых-археологов А.З. Винникова и А.Т Синюка «Дорогами тысячелетий»] // Воронежский курьер. – 2003. – 23 дек.
6. Синюк Арсен Тигранович // Воронежская историко-культурная энциклопедия. -Воронеж, 2006.
7. Синюк Арсен Тигранович // Воронежская энциклопедия. – Воронеж края, 2008. -Т. 2. – 205 с.
8. О юбиляре // коллеги и ученики… // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 13. Межвуз. сб. науч. трудов. – Воронеж: Науч. книга, 2009. – С. 5-6.
9. Березуцкий В.Д. Курганы Синюка // Коммуна, 2009, 22. 10. С. 5.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия
ВОКМ – Воронежский областной краеведческий музей
ИА – Институт археологии
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
РА – Российская археология
СА – Советская этнография
ИИМК – институт истории материальной культуры

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Поселение эпохи неолита у станции Отрожка 7
Любор Нидерле (к 100-летию со дня рождения) 13
Новые материалы к изучению неолита в Среднем Подонье 15
Шелаевские стоянки на Среднем Осколе 19
Некоторые вопросы истории Среднего Дона
в IV-II тысячелетиях до н. э. 35
Коллекция каменных шлифовальных орудий
Воронежского краеведческого музея 45
Курган у села Введенки на Дону 55
Неолитические памятники Среднего Дона 67
Неолитический материал нижневоронежской
многослойной стоянки Университетской-3 95
Памятники древнеямного времени
на Верхнем и Среднем Дону 125
У истоков древнейших скотоводческих культур
лесостепного Дона 127
Энеолит Лесостепного Дона 135
Новые материалы по неолиту и энеолиту
Среднего Дона с Шиловского поселения 149
Стоянка Копанище 2 171
Репинская культура эпохи энеолита — бронзы
в бассейне Дона 179
А.Н. Москаленко и археологическое изучение
Лесостепного Подонья 193
Сасовские курганы на реке Потудани 197
Курган эпохи бронзы у пос. Хохольский 213
Черкасская стоянка на Среднем Дону 219
Терешковский клад эпохи поздней бронзы
в Среднем Подонье 241
Об энеолитических могильниках лесостепи
(бассейн Среднего Дона) 247
Стоянка Монастырская-I как источник для выделения
мезолита и периодизации неолита на Среднем Дону 261
Пасековский курганный могильник эпохи бронзы
на Среднем Дону 273
Периодизация срубной культуры Среднего Дона
(по материалам погребальных памятников) 287
О раннесрубных погребениях на Среднем Дону 307
Дронихинский тип материалов пережиточного неолита
лесостепного Дона 323
Исследования курганов в левобережье Среднего Дона 325
О связях населения лесостепного Дона,
Поволжья и Прикаспия в мезолите — бронзовом веке
(к оценке характера взаимодействий древних обществ) 333
О понятии «энеолит» для лесостепи
Днепро-доно-волжского междуречья 343

Погребения ямной и катакомбной культур
Первого власовского могильника 351
Археологический микрорайон:
концепции и методологический аспект 381
О некоторых категориях культовой атрибутики
(к социальной оценке погребальных памятников ямной,
катакомбной и абашевской культурных общностей) 383
О происхождении и хронологии воронежской
культуры эпохи бронзы 385
К проблеме введения стоимостной оценки
памятников археологии 387
К проблеме хронологического соотношения
абашевской, катакомбной и срубной культур
в бассейне Дона 391
Об одной из «категорий» металлических
изделий эпохи бронзы 393
О соотношении памятников покровского типа
и доно-волжской абашевской культуры 395
Раннесредневековое подземное святилище-лабиринт 397
О перспективах археологических исследований
в окрестностях с. Терешково Богучарского района 411
Дон — восточная граница древнеевропейского мира
(к разработке одного из научных направлений) 413
К вопросу о социальном устройстве
ямно-катакомбного общества в бассейне Дона 417
Нижнесторожевская стоянка и некоторые вопросы
изучения воронежской культуры 419
Стоянка бродника в устье реки Богучарки 435
Основные направления развития экономики населения
лесостепного Дона в энеолите — бронзовом веке 441
По поводу одной из гипотез происхождения
срубной культуры в Донском Лесостепье 451
Древнеямная культура лесостепного Дона 453
Средневековые материалы с поселения «Дрониха» 457
Некоторые аспекты изучения абашевской культуры
в бассейне Дона (по материалам погребений) 461
О формировании неолитических культур
лесостепного Дона 491
К оценке результатов использования курганных
погребений эпохи бронзы в палеодемографии 493
Новые материалы к характеристике культур
энеолита — бронзового века Верхнего Придонья
(по результатам раскопок поселения Курино I) 501
О хронологическом соотношении культур эпохи бронзы
лесостепного Дона 531
Погребения эпохи бронзы Второго и Третьего
Власовских могильников 537
Бассейн Верхнего и Среднего Дона в эпоху энеолита 551
Гуннское погребение на юге Воронежской области 573
Древнее укрепленное поселение у села Верхнее Турово
(предварительная информация) 575
К истории изучения неолита на Верхнем и Среднем Дону 583

К методике оценки земель историко-культурного назначения ... 585
Курган у села Новохарьковка ... 587
О грунтовых могильниках эпохи бронзы на Дону ... 591
Некоторые аспекты изучения донской срубной культуры ... 601
Проблемы хронологии неолита Среднего Дона ... 603
Самотоевский грунтовый могильник эпохи поздней бронзы ... 605
Плясоватские курганы ... 611
Проблемы хронологии неолита лесостепного Подонья ... 629
Новые данные к изучению Первого Власовского могильника ... 643
К истории изучения культурной принадлежности, периодизации и хронологии неолитических памятников лесостепного Подонья ... 649
Памятники ямной культуры донской Лесостепи ... 665
Туровский культовый комплекс эпохи бронзы ... 667
Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы (по данным курганных комплексов) ... 675
Материалы дронихинского типа и их место в генезисе культур волосовской общности ... 685

Приложение. Научное наследие А.Т. Синюка ... 707
А.З. Винников. Первые шаги в большую науку (к 75-летию Арсена Тиграновича Синюка) ... 709
В.И. Гуляев. Слово о друге ... 725
И.В. Федюнин. А.Т. Синюк и изучение проблемы неолитизации лесостепного Подонья в1960-1980 гг. ... 731
А.А. Выборнов, С.Н. Гапочка, А.В. Сурков А.Т. Синюк и изучение среднедонского неолита ... 735
Ю.П. Матвеев. Эпоха бронзы А.Т. Синюка ... 741
Ю.А. Чекменев. А.Т. Синюк и проблемы археологии эпохи бронзы ... 743

Указатель научных трудов А.Т. Синюка ... 747

Отчеты о полевых археологических исследованиях А.Т. Синюка в архиве Института археологии РАН ... 756

Указатель основных археологических памятников, изучавшихся под руководством А.Т. Синюка ... 758

Список сокращений ... 762

Научное издание

А.Т. Синюк

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Изготовление оригинал-макета: И.В. Федюнин
Подписано в печать 12.01.2015. Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 7,2. Уч.-изд. л. . Заказ .
Тираж 500 экз. (1-й завод 1-200 экз.)
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Воронежский государственный педагогический университет»
Отпечатано в типографии университета
394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86. Тел.: (4732) 55-58-32, 55-61-83